

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

ТОМЪ СXLVII.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СXLVIII.

1917

ПЕТРОГРАДЪ

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“. Зртелевъ, 13.

1917

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

АПРѢЛЬ 1917 г.

СТРАН.

Агонія стараго режима. (По приставскимъ донсеніямъ и показаніямъ свидѣтелей). Н. Ѡ. Анкаѣмовъ	V—XXIX
Историческая лѣтопись	XXX—XLVIII
I. Шлиссельбургская трагедія. (Историческій романъ). Часть I. VI—VII. (Продолженіе). Льва Жданова	1
II. Воспоминанія К. А. Манна . VIII—IX. (Продолженіе).	22
III. Устроители дѣлъ. (Изъ галереи современныхъ типовъ). (Повѣсть). В. В. Уманова-Калдуновскаго	42
IV. Дипломатическіе переговоры относительно предполагавшагося брака великой княжны Ольги Николаевны съ австрійскимъ эрцгерцогомъ Стефаномъ (1835—1845 гг.).: Влад. Серебrenикова	78
Иллюстраціи: 1) Великая княжна Ольга Николаевна.—2) Карлъ, принцъ Вюртембергскій, шефъ драгунскаго Нижегородскаго полка.—3) Стефанъ, эрцгерцогъ австрійскій.—4) Альбертъ, эрцгерцогъ австрійскій.	
V. Среди отошедшихъ. (Изъ моихъ воспоминаній). VIII—XI. (Продолженіе). Р. И. Сементковскаго	115
VI. Личность Николая II и Александры Ѡеодоровны по свидѣтельствамъ ихъ родныхъ и близкихъ. (Газетные матеріалы)	144
VII. Гдѣ тѣни, тамъ и свѣтъ. Евгеніи Коэко	192
Иллюстрація: Князь С. С. Абамелекъ-Лазаревъ.	
VIII. Дорогая тѣнь. (Отрывки изъ воспоминаній о Ю. Д. Бѣляевѣ). А. А. Плещева	201
IX. Курортъ въ Жегуляхъ. Проф. Н. Н. Оглоблина	210
X. Въ гостяхъ у австралійцевъ. А. П. Нечаева	222
Иллюстраціи: 1) Главная улица въ Аделаидѣ.—2) Ботаническій садъ въ Аделаидѣ.—3) Центральныи вокзалъ въ Мельбурнѣ.—4) Читальный залъ публичной бібліотеки въ Мельбурнѣ.—5) Элементарная школа.—6) Урокъ на открытомъ воздухѣ.	

(См. слѣд. стран.)

XI. Критика и библиографія . . . . .

1) Николай Морозовъ. Повѣсти моей жизни. Томъ первый. М. 1916. Б. Глинскаго.—2) В. Азбукинъ. И. А. Гончаровъ въ русской критикѣ (1847—1912). Орель. 1916 г. в. кн.—3) Д. Б. Зеленинъ. Очерки русской мифологіи. Вып. первый. Умершіе неестественной смертью и русалки. Пг. 1916. —ова.—4) Ф. А. Рязановскій. «Демонологія въ древне-русской литературѣ». М. 1916. (Изъ записокъ Имп. моск. археол. института). Александра Гмьянова.—5) А. Н. Пыпинъ. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. Редакція и примѣчанія Г. В. Вернадскаго. Петроградъ. 1916 г. Тира Соколовской.—6) «Русскій экскурантъ». Журналъ родино-вѣдѣнія и экскурсіоннаго дѣла. Годъ третій. №№ 1—2, 3, 4, 5, 6. 1916 г. Редакторы П. А. Критскій, Н. Г. Первухинъ, Н. С. Соколовъ. Ярославль. А. Малимова.—7) П. М. Бицилли. «Салимбене» (очерки итальянской жизни XIII вѣка). Одесса. 1916. Л. Карсавина.—8) И. А. Аксеновъ. «Елизаветинцы». Выпускъ первый. Москва. 1916. Д. м—ка.—9) «Временникъ». Вып. I. Изданіе Сѣвернаго кружка любителей изящныхъ искусствъ. Вологда. 1916. н. с.—10) Ф. Ф. Аристовъ. Карпаторусскіе писатели. Исслѣдованіе по неизданнымъ источникамъ, въ трехъ томахъ. Томъ первый. Москва. 1916. 32 портрета. Адриана Мопыстанскаго.—11) В. Н. Ширавъ. Взятчиичество и лиходательство въ связи съ общимъ ученіемъ о должностныхъ преступленіяхъ. Уголовно-юридическое исслѣдованіе. Ярославль. 1916. н. к.—12) Труды вятской ученой архивной комиссіи. 1916 г. Выпускъ I и II. Вятка. 1916. м.

XII. Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника» . . . . .

269

XIII. Заграничныя историческія новости и мелочи . . . . .

272

1) Толстой Л. Н. и война.—2) Налогъ на людское тщеславіе.—3) До- историческая стадія восточнаго вопроса.—4) Изъ воспоминаній зару- жной публицистики.—5) Венеція во время войны.—6) Казнь миссъ Эдиты Кавелль.

XIV. Смѣсь . . . . .

290

1) Годовое засѣданіе Географическаго общества.—2) Рѣдкое начина- ніе академіи наукъ.—3) Годовое собраніе художниковъ.—4) Новый свя- той.—5) Музей Революціи.—6) Библиотека Академіи Наукъ.—7) Изученіе Бухарскаго ханства.—8) Петроградскій отдѣлъ варшавскаго общества охраненія древностей.

XV. Некрологи . . . . .

294

1) Алексѣенко, М. М.—2) Березовскій, В. А.—3) Бобылевъ, Д. К.—4) Бутовскій, А. Д.—5) Далматовъ, И. С.—6) Ерощенко, Н. М.—7) За- бѣло, П. П.—8) Звѣревъ, Н. А.—9) Зиновьевъ, И. А.—10) Кульбѣвъ, Н. И.—11) Москалевъ, А. В.—12) Пранайтисъ, Ю.—13) Покровскій, Н. В.—14) Попруженко, М. Г.—15) Святскій, Н. П.—16) Смородиновъ, В. Г.—17) Снягиревскій, А. В.—18) Стефанисъ, Ф. А.—19) Толь, С. Д.—20) Фидлеръ, Ф. Ф.—21) Шабать, И. А.—22) Эттингеръ, К. Я.

Приложенія: 1) Портретъ великаго князя Дмитрія Павловича.—2) Въ шатрахъ Кедара. Историческій романъ Генри Ситонъ-Мерримена. Переводъ съ англійскаго А. Б. Михайлова. X—XV.

Великій Князь ДМИТРІЙ ПАВЛОВИЧЪ.
Організаторъ, по словамъ министра юстиці Керенскаго,
убійства Григорія Распутина.

АГОНИЯ СТАРАГО РЕЖИМА.

(По приставскимъ донесеніямъ и показаніямъ свидѣтелей).

ВЪ ОПИСАНІЯХЪ событій, приведшихъ къ установленію новаго режима въ Россіи, наши газеты занимались преимущественно тѣмъ, что дѣлалось въ памятные февральскіе дни въ лагерь борцовъ за свободу. Но, думается намъ, для будущей исторіи февральской революціи важно сохранить память и о томъ, какъ представители стараго режима защищали его отъ порыва народнаго гнѣва и проиграли «кампанію» противъ возставшаго народа.

Въ дни великой россійской революціи домъ петроградскаго градоначальства сыгралъ выдающуюся роль въ судьбахъ Россіи. Тамъ—сначала въ рукахъ градоначальника генерала Балка, а затѣмъ у командующаго войсками петроградскаго военнаго округа генерала Хабалова и его штаба—была сосредоточена защита стараго строя отъ натиска новой свободной Россіи, нарождавшейся въ рабочихъ кварталахъ Петрограда, а затѣмъ въ стѣнахъ Таврическаго дворца.

Безпристрастно обрисовать, что дѣлалось въ лагерь защитниковъ старыхъ порядковъ, и дать лѣтописный, такъ сказать, матеріалъ на основаніи нѣкоторыхъ «официальныхъ» данныхъ и разсказовъ свидѣтелей-очевидцевъ того, что въ великіе дни переворота происходило въ средѣ «хабаловцевъ»,—вотъ задача, которую поставилъ себѣ пишущій эти строки. Ему удалось использовать такіе документы, какъ донесенія приставовъ и «записки о происшествіяхъ» отъ 24-го февраля, освѣщающія постепенное развитіе «голоднаго бунта» въ народное возстаніе. Эти документы касаются времени съ 23-го по 26-е февраля, событія же послѣднихъ двухъ дней стараго режима—26-го и 27-го февраля—представлялось возможнымъ описать лишь по разсказамъ очевидцевъ, и по-

тому въ изложеніи хода революціонной недѣли поневолѣ получилась нѣкоторая несоразмѣрность: очевидцы не могли дать такихъ подробныхъ данныхъ, какъ приставскія донесенія, излагавшія отдѣльные эпизоды, и потому пришлось ограничиться въ описаніи «послѣднихъ дней» лишь тѣми свѣдѣніями, которыми подѣлились съ нами свидѣтели агоніи стараго режима, успѣвшіе, несомнѣнно, позабыть или перепутать нѣкоторыя детали, что особенно извинительно въ наше время, когда каждый день приноситъ какую-нибудь «сенсаціонную новость».

Мы старались изложить «свидѣтельскія показанія» въ томъ видѣ, въ какомъ получили ихъ отъ очевидцевъ, и смѣемъ надѣяться, что будущимъ историкамъ великой русской революціи окажется небезполезнымъ и этотъ сырой матеріалъ.

Къ сожалѣнію, приводимыя нами «свидѣтельскія показанія» анонимны. Сдѣлано это по просьбѣ «свидѣтелей», опасавшихся, «какъ бы изъ этого не вышло какой непріятности»... Новыя вѣянія не успѣли еще изгладить въ русской душѣ привычную оглядку: «А вдругъ притянуть?».

Спасибо анонимнымъ «свидѣтелямъ» и за то, что позволили себя «интервьюировать»...

Четвергъ, 23-го февраля.

По распоряженію петроградскаго градоначальника генераль-майора Балка издавалась съ 1-го декабря 1916 года «не подлежащая оглашенію» записка о происшествіяхъ», которая разсылалась приставамъ для освѣдомленія ихъ о томъ, что случилось въ столицѣ.

Послѣдній выпускъ этой записки помѣченъ 24-мъ февраля 1917 года и содержитъ въ себѣ, между прочимъ, и официальное сообщеніе о событіяхъ 23-го февраля, начавшихъ революцію.

Пунктъ 5 записки гласить:

«23-го февраля, съ 9 часовъ утра, въ знакъ протеста по поводу недостачи чернаго хлѣба въ пекарняхъ и мелочныхъ лавкахъ, на заводахъ и фабрикахъ района Выборгской части начались забастовки рабочихъ, которыя затѣмъ распространились на нѣкоторые заводы, расположенные въ Петроградской, Рождественской и Литейной частяхъ, причемъ въ теченіе дня были прекращены работы въ 50 фабрично-заводскихъ предпріятіяхъ, гдѣ забастовало 87,534 человекъ рабочихъ».

Рабочіе выборгскаго района около часа дня, выходя толпами на улицы съ криками: «Дайте хлѣба!» стали одновременно производить въ разныхъ мѣстахъ беспорядки, снимая съ пути своего слѣдованія работавшихъ товарищей и останавливая движеніе трамваевъ, причемъ демонстранты отнимали у вагоновожатыхъ ключи отъ электрическихъ двигателей и били стекла въ нѣкоторыхъ вагонахъ, что заставило прислугу 85 трамвайныхъ поѣздовъ съѣхать съ линіи въ петроградскій трамвайный паркъ».

Забастовщики, энергично разгоняемые нарядами полиціи и вытребованными войсковыми частями, разсѣиваемые въ одномъ мѣстѣ, вскорѣ собирались въ другихъ, проявляя въ данномъ случаѣ особое упорство, и лишь къ 7 часамъ вечера въ районѣ Выборгской части порядокъ былъ восстановленъ».

Попытки рабочих Выборгскаго района перейти толпами въ центральную часть города предупреждались въ теченіе всего дня нарядами полиціи, охранявшими мосты и набережныя, но къ 4 часамъ дня часть рабочих все-таки перешла поодиночкѣ черезъ мосты и по льду рѣки Невы на большомъ ея протяженіи и достигла набережной лѣваго берега, гдѣ рабочимъ удалось сгруппироваться въ боковыхъ, прилегающихъ къ набережной улицахъ и затѣмъ почти одновременно снять съ работъ рабочихъ 6 заводовъ въ районахъ 3 участка Рождественской части, 1-го участка Литейной части и, далѣе, произвести демонстраціи на Литейномъ и Суворовскомъ проспектахъ, гдѣ рабочіе вскорѣ были разогнаны.

Почти одновременно съ симъ, въ 4¹/₂ часа дня, на Невскомъ проспектѣ, вблизи Знаменской площади, часть бастующихъ рабочихъ, проникшая туда въ вагонахъ трамвая, а равно одиночнымъ порядкомъ и небольшими группами съ боковыхъ улицъ, произвела нѣсколько попытокъ задержать движеніе трамваевъ и учинить беспорядки, но демонстранты были тотчасъ же разогнаны и движеніе трамваевъ возстановилось. Къ 7 часамъ вечера нормальное движеніе по Невскому проспекту было возстановлено.

Въ районѣ Петроградской части забастовавшими рабочими было сдѣлано нѣсколько попытокъ снятія съ работъ небастующихъ рабочихъ, но попытки эти были предотвращены, и демонстранты разсѣяны. Кроме того, въ 3 часа дня ожидавшая очереди на хлѣбъ публика, услышавъ, что таковой проданъ, разбила зеркальныя стекла въ булочной Филиппова въ домѣ № 61 по Большому проспекту, послѣ чего разбѣжалась.

Въ остальныхъ частяхъ города забастовокъ и демонстрацій со стороны рабочихъ не было.

При подавленіи беспорядковъ пострадали нижеслѣдующіе чины полиціи:

старшій помощникъ пристава 2-го участка Выборгской части надворный совѣтникъ Каргельсъ на углу Нижегородской улицы и Финскаго переулка, пытаясь задержать рабочаго, отнявшаго ключъ у вагоновожатаго, былъ окруженъ толпой, и неизвѣстнымъ былъ нанесенъ ему сильный ударъ по головѣ какимъ-то твердымъ предметомъ, причинившимъ Каргельсу разсѣченную рану въ теменной части головы, послѣ чего Каргельсъ былъ отправленъ въ безсознательномъ состояніи въ клиническій военный госпиталь, гдѣ пораненіе признано тяжкимъ, но для жизни неопаснымъ;

младшій помощникъ пристава 1-го участка Выборгской части коллежскій секретарь Гротгусъ, окруженный толпой у Финляндскаго вокзала при попыткѣ задержать одного изъ рабочихъ, былъ сбитъ съ ногъ и получилъ 5 легкихъ ранъ ушибленныхъ и разсѣченныхъ на головѣ и носу;

полицейскій надзиратель фабрично-заводской полиціи на Невской бумагопрядильной фабрикѣ титулярный совѣтникъ Смирновъ, препятствуя демонстрантамъ ворваться на означенную фабрику, получилъ ударъ доской по рукѣ, причинившій ему переломъ лучезапястнаго сустава;

Полицейскій надзиратель 4-го участка Петроградской части, не имѣющій чина Батовъ, въ воротахъ воздухоплавательнаго завода Щетинина получилъ

нѣсколько ударовъ палками по головѣ и лицу, которыми ему были причинены серьезные ушибы и переломъ нижней челюсти.

Во время усмиренія безпорядковъ были задержаны 21 рабочій, причемъ о нанесеніи демонстрантамъ поврежденій чинами полиціи и войскъ заявленій не поступало.

23-го февраля съ утра Путиловская верфь по распоряженію администраціи закрыта, и рабочимъ объявленъ расчетъ».

По поступившимъ въ теченіе дня донесеніямъ приставовъ ходъ событій, начавшихъ великую російскую революцію, былъ слѣдующій.

Съ утра и во время обѣденнаго перерыва въ районѣ 2-го участка Выборгской части прекратили работу рабочіе многихъ фабрикъ, числомъ свыше 30.000 человекъ. Забастовавшіе толпами направлялись по Большому Сампсоніевскому проспекту, выражая протесты по поводу недостатка хлѣба. Около часа дня старшій помощникъ пристава Каргельсъ на углу Финскаго переулка и Нижегородской улицы пытался задержать рабочаго, отнявшаго ключъ отъ мотора у вагонновожатаго, но тутъ же былъ окруженъ толпой, изъ которой Каргельсу былъ нанесенъ какимъ-то твердымъ предметомъ ударъ, причинившій ему разсѣченную рану въ теменной части головы, длиною въ 5 сантиметровъ. Пострадавшій былъ отправленъ въ безсознательномъ состояніи въ клинической госпиталь, гдѣ пораненіе было признано тяжкимъ, но для жизни неопаснымъ.

Въ то же время при разсѣиваніи все возраставшей толпы, направлявшейся отъ Нижегородской улицы къ Финляндскому вокзалу, былъ сбитъ съ ногъ младшій помощникъ пристава 1-го участка Выборгской части Гротгусъ, пытавшійся задержать одного изъ рабочихъ, причемъ Гротгусу были нанесены разсѣченная рана въ затылочной части головы, пять ушибленныхъ ранъ головы и пораненія носа.

Отъ Финляндскаго вокзала часть толпы направилась къ арсеналу на Симбирской улицѣ, откуда вышли рабочіе и присоединились къ демонстрантамъ.

Около 2 часовъ дня были прекращены работы и на другихъ крупныхъ заводахъ въ районѣ 1-го участка Выборгской части.

Въ 2 часа 45 минутъ толпы рабочихъ, преимущественно изъ подростковъ, сняли рабочихъ съ картонажной фабрики «Киббель» на Большой Ружейной улицѣ и пытались также снять рабочихъ съ трубочнаго завода подь № 7 на Кронверкской улицѣ, гдѣ сорвали половину воротъ, и фабрики конторскихъ книгъ «Ф. Канъ» подь № 21 на той же улицѣ, но были разсѣяны полиціей.

Около 3 часовъ дня толпа до 200 человекъ, ожидавшая въ очереди около булочной Филиппова въ домѣ № 61 на Большомъ проспектѣ Петроградской стороны, узнавъ, что весь хлѣбъ распроданъ, разбила въ трехъ окнахъ булочной двойныя зеркальныя стекла и нѣсколько витринъ внутри магазина, испортивъ часть товара, а затѣмъ разбѣжалась.

Въ то же время съ Выборгской стороны черезъ Сампсоніевскій мостъ прошла толпа въ числѣ около 4.000 рабочихъ, но на углу Большой и Малой Дворянскихъ улицъ была разсѣяна нарядомъ конныхъ городовыхъ. Часть толпы успѣла пройти на Троицкую площадь, гдѣ была разогнана конными городскими подь начальствомъ полицеймейстера полковника Спиридонова. При этомъ былъ за-

держанъ крестьянинъ Петръ Утанъ за подстрекательство толпы къ неисполненію требованій полици.

Около 4 часовъ городской, стоявшій на посту у Верхне-Лебяжьего моста, замѣтивъ толпу и услышавъ крики и свистъ у часовни Спасителя и у въѣзда на Троицкій мостъ, сообщилъ объ этомъ въ управленіе 1-го участка Адмиралтейской части. Оттуда былъ высланъ нарядъ, но до его прибытія толпа человекъ въ 200 прошла черезъ мостъ по направленію къ Михайловскому мосту.

Въ 4 часа 40 минутъ дня къ Казанскому мосту на Невскомъ проспектѣ со стороны Михайловской улицы подошла съ пѣніемъ пѣсенъ и криками: «Давайте хлѣба!» толпа, состоявшая приблизительно изъ 1.000 человекъ, преимущественно женщинъ и подростковъ. Толпу эту разсѣяли чины полици, жандармы и 2 взвода 9 запаснаго кавалерійскаго полка.

Въ 5 часу дня толпа рабочихъ до 150 человекъ, преимущественно молодежи, вышла съ Садовой улицы на Невскій проспектъ съ пѣніемъ марсельезы и направилась къ Адмиралтейскому проспекту, но была разсѣяна полиціей и казачьимъ развѣздомъ. Часть рабочихъ успѣла противъ зданія городской думы снять и унести рукоятки трехъ моторныхъ вагоновъ трамвая.

Около 5 часовъ дня толпа до 200 человекъ численностью подошла къ запертымъ воротамъ орудіянаго завода подъ № 3 на Литейномъ проспектѣ и, сорвавъ засовъ, ворвалась въ раздѣвальную. Тамъ находился полицейскій надзиратель Шавкуновъ, который обнажилъ шашку и вынулъ револьверъ и заставилъ этимъ толпу отхлынуть. Часть ея проникла въ мастерскія и сняла рабочихъ въ числѣ 1900 человекъ. При уходѣ толпы изъ раздѣвальной было похищено 10 пальто и разбито 20 стеколъ.

Въ то же время другая толпа, проникнувъ со стороны Шпалерной улицы въ мастерскія гильзоваго отдѣла завода, сняла тамъ съ работъ около 3.000 женщинъ. Одновременно новая толпа числомъ до 200 человекъ направилась къ воротамъ завода со стороны Сергіевской улицы съ намѣреніемъ ворваться въ мастерскія, но была встрѣчена полицейскимъ надзирателемъ Волковскимъ, обнажившимъ шашку и вынудившимъ револьверъ, и городовымъ Коваленко. Толпа отхлынула на противоположную сторону улицы и съ криками: «хлѣба, хлѣба!» направилась по Литейному проспекту. Вслѣдъ за ней былъ высланъ отрядъ конной полици подъ руководствомъ полицеймейстера полковника Шалфеева и разсѣялъ ее.

Спустя около часа рабочіе образовали на Литейномъ толпу около 1.000 человекъ, которая и направилась къ Невскому проспекту, держась наравнѣ съ развѣздомъ изъ 15 казаковъ, съ офицеромъ во главѣ, слѣдовавшимъ по тому же направленію. У дома № 59 толпа была остановлена чинами полици, а затѣмъ разсѣяна вышеупомянутымъ развѣздомъ при содѣйствіи другого развѣзда, оказавшагося поблизости. При этомъ былъ задержанъ «за демонстративный отказъ расходиться» рабочій Путиловскаго завода Александръ Ядринцевъ, 23 лѣтъ. При разсѣиваніи толпы часть ея, прижимаясь къ стѣнамъ домовъ, выдавила стекла въ 3 магазинахъ.

Около 5 часовъ дня толпа, состоявшая изъ 1.000 рабочихъ, направилась по Больше-Охтенскому проспекту къ заводу снаряднаго цеха морского вѣдом-

ства и потребовала прекращенія работы. При этомъ были разбиты стекла въ окнахъ ремонтно-механической мастерской, не пожелавшей примкнуть къ забастовкѣ, а въ вышедшаго къ толпѣ мастера Ивана Кузина въ отвѣтъ на его увѣщанія было брошено изъ толпы нѣсколько кусковъ льда, и Кузинъ получилъ легкія пораненія головы. Находившійся на заводѣ караулъ изъ 14 человекъ отъ 86 пѣшей вологодской дружины оставался все время пассивнымъ свидѣтелемъ происходившаго.

Около 6 часовъ вечера въ механической мастерской Франко-Русскаго завода подъ № 17 на набережной рѣки Пряжки, забастовавшаго наканунѣ, собрались рабочіе всѣхъ отдѣленій завода въ числѣ до 3.000 человекъ, обсуждавшіе вопросы о недостаткѣ хлѣба и о выступленіи противъ правительства. Рѣшеніе было отложено рабочими, и они разошлись, когда для охраны завода прибыла рота Кексгольмскаго полка.

Около 6½ часовъ вечера на Суворовскомъ проспектѣ собралась толпа и направилась къ Невскому. Вслѣдъ за толпой шелъ посланный изъ 1-го участка Рождественской части нарядъ полиціи. По пути толпа разбила въ районѣ этого участка 8 стеколъ въ 3 магазинахъ и отняла у вагоновожатыхъ трамвая 5 ключей, а въ районѣ 2-го участка той же части остановила 15 вагоновъ и разбила стекла въ 3 торговыхъ заведеніяхъ, причѣмъ изъ овощной лавки Соколова было расхищено товара и выручки на 75 рублей. Та же толпа прошла затѣмъ на Невскій и около Пушкинской улицы отняла 3 ключа у вагоновожатыхъ, разбила при этомъ по стеклу въ 3 вагонахъ. Толпа была разсѣяна коннымъ нарядомъ полиціи. Одновременно около Знаменской площади демонстранты выбили переднія стекла въ 2 вагонахъ трамвая и отняли ключи 5 моторныхъ вагоновъ.

Около 7 часовъ вечера толпа рабочихъ литейнаго завода «Вулканъ», численностью въ 1.500 человекъ, остановилась у механическаго завода 1-го Россійскаго товарищества воздухоплаванія на Корпусной улицѣ, на Петроградской сторонѣ и стала ломиться въ ворота. Полицейскій надзиратель Башевъ вынулъ револьверъ, требуя, чтобы манифестанты разошлись. Окруживъ Башева, рабочіе отняли у него револьверъ и нанесли ему палками ушибы и переломъ нижней челюсти, а затѣмъ ворвались на заводъ и принудили прекратить работы.

Въ 7½ часовъ вечера на Лѣсномъ проспектѣ группа рабочихъ отсѣпила прицепной вагонъ и опрокинула его. Полицією вагонъ былъ поднятъ, и движеніе было возобновлено.

Въ 9 часовъ вечера небольшая группа рабочихъ собралась у арсенала на Выборгской сторонѣ и не допускала ночную смѣну на работу. При появленіи полиціи группа эта ушла, а вслѣдъ за ней ушли по домамъ и рабочіе ночной смѣны.

Таковы «официальныя» данныя о событіяхъ 23-го февраля. Къ этому слѣдуетъ добавить, что съ утра «усмиреніе безпорядковъ лежало на градоначальникѣ, но, когда толпа на Выборгской сторонѣ причинила увѣчья двумъ полицейскимъ чинамъ, командующій войсками приказалъ «занять второе положеніе», т. е. передалъ охрану порядка и спокойствія въ столицѣ военнымъ властямъ. Въ 2 часа дня къ градоначальнику прибылъ назначенный начальникомъ охраны

города полковник Павленко со своимъ штабомъ, и роль градоначальника свелась къ роли наблюдателя проходившихъ мимо него событій.

Полковникъ Павленко занялъ служебный кабинетъ градоначальника и сталъ принимать донесенія приставовъ и полицеймейстеровъ по телефону и отдавать приказанія какъ полициѣ, такъ и войскамъ.

Какъ рассказывали намъ очевидцы происходившаго въ эти дни въ градоначальствѣ, полковникъ Павленко производилъ впечатлѣніе чловѣка, совершенно незнакомаго съ мѣстомъ «военныхъ дѣйствій». Прибывъ незадолго предъ тѣмъ съ фронта, онъ не былъ знакомъ даже съ топографіей столицы и совершенно не зналъ настроенія войсковыхъ частей, которыя онъ посылалъ «воевать съ мятежниками».

Къ вечеру манифестаціи прекратились, и это официально было объяснено успѣшностью «чиновъ полициѣ и воинскихъ нарядовъ», но слѣдующій день показалъ, что эти «усилія» были тутъ ни при чемъ: манифестаціи прекратились лишь потому, что участники ихъ устали и отправились домой отдыхать...

Пятница, 24-го февраля.

Съ самаго утра въ градоначальство стали приходиться вѣсти изъ фабричныхъ районовъ, что забастовка разрастается: число забастовавшихъ достигло 197.000 чловѣкъ въ 131 предпріятіи. Съ 8 часовъ утра начались и уличныя выступленія.

Первая манифестація началась на Выборгской сторонѣ, гдѣ у Литейнаго моста съ 8 часовъ утра стали собираться рабочіе. У моста находились чины полициѣ, двѣ съ половиной сотни казаковъ и двѣ роты запаснаго батальона Московскаго полка, не пропускавшие толпу на мостъ. Толпа къ 9 часамъ утра достигла 40.000 чловѣкъ. Многіе пошли на другую сторону Невы по льду, а остальные плотной массой двинулись по мосту, отгѣсня конно-полицейскую стражу, которая, дойдя до конца моста, остановилась около стоявшей тамъ кавалерійской части. Толпа съ крикомъ «ура» бросилась къ конницѣ и прорвала ее. Около 5.000 чловѣкъ кинулись на Литейный. Встрѣтивъ тамъ полицию съ обнаженными шашками, манифестанты частью повернули на Воскресенскую набережную, частью направились къ зданію Окружнаго суда, бросая въ полицейскихъ куски сколотога льда. При этомъ былъ раненъ въ голову кускомъ льда полицейскій надзиратель Лучкинъ. Оставшіеся на Литейномъ мосту манифестанты въ это время кричали: «Кровопійцы, хлѣба!» Они были отгѣснены жандармами на Выборгскую сторону. Нѣкоторые прошли оттуда по льду на Французскую набережную и направились группой въ 400 — 500 чловѣкъ по Гагаринской улицѣ, намѣреваясь пройти къ зданію министерства внутреннихъ дѣлъ на Фонтанкѣ, но были отгѣснены полицией и взводомъ 9-го запаснаго кавалерійскаго полка съ угла Сергіевской на Литейный проспектъ.

Одновременно съ манифестаціей у Литейнаго моста группа рабочихъ, числомъ до 100 чловѣкъ, пыталась остановить трамвайное движеніе на Суворовскомъ проспектѣ, но была разсѣяна полицией. Въ то же время на Глазовой,

Боровой и Разъѣзжей улицахъ появились группы подростковъ, которые разбили стекла въ 19 магазинахъ. Двое изъ этихъ подростковъ были задержаны.

Съ утра начались уличныя волненія и на Петроградской сторонѣ. Много народа скопилось въ очередяхъ у мелочныхъ лавокъ. Когда продуктовъ и хлѣба на всѣхъ не хватило, толпа начала бить въ лавкахъ стекла, а мясную лавку Уткина (Съѣзжинская, 19) разграбила. Похищенные изъ этой лавки окорока, куры, рыба и масло частью найдены въ сосѣднихъ домахъ. Полиція задержала одну изъ участницъ битвы стеколъ, мѣщанку Андрееву, 21 года, которая предводительствовала въ походѣ противъ булочной Чекулаева.

Въ 9 часовъ утра толпа рабочихъ въ числѣ до 3.000 человекъ собралась на Большомъ проспектѣ (Петроградской стороны) и двинулась на Каменно-островский, а затѣмъ пошла къ Троицкому мосту. Въ толпѣ, къ которой присоединились воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній, стали пѣть марсельезу. Полиція вызвала казачій разъѣздъ, и толпа разсѣялась. Одновременно съ этимъ на углу Большого проспекта и Введенской улицы манифестанты отняли рукоятки у вагоновожатыхъ двухъ вагоновъ трамвая, и трамвайное движеніе прекратилось, а другая толпа разбила стекла и разграбила мясную лавку въ домѣ № 47 по Большой Спасской и чайный магазинъ въ домѣ № 43 по той же улицѣ. Городовые разогнали эту толпу и задержали участвовавшихъ въ грабегѣ 2 женщинъ и 1 подростка.

Съ утра начались волненія также на окраинахъ города. На Охтѣ собралась толпа болѣе 500 человекъ и разбила стекла въ двухъ мелочныхъ лавкахъ и похитила изъ лавки Якунена болѣе 10 пудовъ хлѣба, а затѣмъ разграбила товаръ еще въ двухъ лавкахъ на сумму болѣе 3.000 рублей. Толпа эта была разсѣяна коннымъ нарядомъ.

Въ Новой Деревнѣ толпа забастовавшихъ рабочихъ пришла на красильную фабрику Пекліе на Строгановской набережной и, разбивъ нѣсколько стеколъ, заставила прекратить работу. Другая толпа, численностью въ 2.000 человекъ, пошла по Ланскому шоссе, но была разсѣяна полиціею. Кто-то изъ толпы камнемъ разбилъ два стекла въ хлѣбопекарнѣ Воротилова.

На Обводномъ каналѣ толпа, численностью въ 1.500 человекъ, собралась въ 8^{1/2} часовъ утра около Новой бумагопрядильни и стала бросать камнями въ ея окна. Рабочіе бумагопрядильни въ числѣ до 2.000 человекъ прекратили работу и присоединились къ манифестантамъ. Толпа стала разбивать стекла въ вагонахъ трамвая и въ лавкахъ, но вскорѣ была разсѣяна конной и пѣшей полиціей, которая задержала одну изъ бившихъ стекла, фабричную работницу Матаеву, 17 лѣтъ.

Около девяти часовъ утра толпа мужчинъ и женщинъ собралась около зданія завода «Сименсъ и Гальске» подъ № 61 на 6 линіи Васильевскаго острова и стала вызывать оттуда рабочихъ криками и свистками. При появленіи полиціи толпа разошлась, но вскорѣ послѣ этого рабочіе завода забастовали и толпой, численностью до 5.000 человекъ, направились къ Среднему проспекту съ пѣніемъ: «Вставай, поднимайся, рабочій народъ!» Конный нарядъ городовыхъ врѣзался въ толпу, чтобы разсѣять ее. Въ это время появился патруль казаковъ въ 9 человекъ подъ командой урядника. Бывшіе въ нарядѣ помощ-

ники пристава Евсѣевъ и Пачогло обратились къ нему за помощью. Патруль сначала поѣхалъ за толпой, не принимая участія въ дѣйствіяхъ конныхъ городовыхъ, и, доѣхавъ до Средняго проспекта, скрылся. Толпа, отгѣсненная полиціею, направилась въ районъ Гаваньскаго участка.

Около 10 часовъ утра собралась большая толпа на Лиговской улицѣ въ районѣ второго участка Александро-Невской части. Когда полиція стала разгонять ее, то убѣгавшими подростками были разбиты стекла въ 6 мелочныхъ лавкахъ.

Къ 11 часамъ утра уличныя выступленія возобновились на углу Литейнаго и Невскаго, гдѣ собралась громадная толпа. Разсѣянная конными частями, она вскорѣ собралась вновь и двинулась по Невскому къ Казанскому собору. Послѣ этого толпы собирались на Невскомъ въ теченіе всего дня до поздняго вечера. Наряды полиціи и конныя части, стремясь «разсѣять» ихъ, передвигали народныя массы съ одного конца Невскаго на другой, будучи не въ силахъ воспрепятствовать демонстраціямъ.

Изъ числа этихъ демонстрацій официально отмѣчаютъ слѣдующія.

Въ 11 часовъ 10 минутъ утра на Казанскомъ мосту на Невскомъ собралась толпа, численностью до 1.000 человекъ, преимущественно женщинъ и подростковъ, и стала кричать: «Дайте хлѣба, хотимъ ѣсть!» Толпа была разогнана казаками и пѣшими городовыми.

Въ 12 часовъ 45 минутъ дня со стороны 1-го и 2-го участковъ Спасской части къ Казанскому мосту продвинулась толпа рабочихъ числомъ до 3.000 человекъ. Эта толпа была встрѣчена на мосту полуторою сотнею казаковъ и двумя взводами 9-го запаснаго кавалерійскаго полка, которые окончательно разсѣяли толпу лишь къ 1 ч. 45 м. дня. Толпа въ теченіе часа группировалась на участкѣ Невскаго между Казанскимъ и Полицейскимъ мостами, главнымъ образомъ у Казанскаго собора. Въ толпѣ пѣли марсельезу и «Вставай, поднимайся, рабочий народъ!» и кричали «Долой царя, долой правительство, давайте хлѣба!» Появились красныя флаги. Конница вытѣснила толпу въ боковыя улицы, но къ 4 часамъ опять у Казанскаго моста собралось до 3.000 рабочихъ и подростковъ, пѣвшихъ революціонныя пѣсни. Вышеупомянутыя конныя части, взводъ жандармскаго дивизиона и полурота 3-го стрѣлковаго полка въ теченіе полутора часа разгоняли толпу, но она, удаленная съ одного мѣста, сейчасъ же группировалась въ другомъ.

Около 6 часовъ вечера манифестанты были вытѣснены въ боковыя улицы, а къ 7 часамъ 50 минутамъ вечера къ Казанскому собору опять стянулась толпа, численностью до 1.000 человекъ. Ее разсѣяли два взвода жандармскаго дивизиона и 12 конныхъ городовыхъ.

Движеніе вагоновъ трамвая было пріостановлено, такъ какъ манифестанты отнимали рукоятки у вагоновожатыхъ.

Кромѣ Невскаго проспекта, уличныя выступленія произошли въ 11 часовъ утра на Васильевскомъ островѣ и на Петроградской сторонѣ.

На Среднемъ проспектѣ Васильевскаго острова толпа бастующихъ подошла къ табачной фабрикѣ «Лафермъ» и заставила прекратить работу. Рабочіе фабрики присоединились къ манифестантамъ и пошли по Среднему проспекту,

но были оттѣснены конной и пѣшей полиціей къ Гавани. На углу этого проспекта и 5 линии подростки стали было останавливать вагоны, но этому воспрепятствовала полиція.

На Петроградской сторонѣ около 11 часовъ утра толпа изъ 7.000 человекъ, предшествуемая мальчиками и дѣвочками, двинулась по Каменноостровскому проспекту. Приставъ 3-го участка потребовалъ прекращенія шествія, а затѣмъ приказалъ конно-полицейской стражѣ разсѣять толпу. Когда публика очистила мостовую и пошла по тротуарамъ, кто-то изъ толпы, стоявшей около дома № 4, выстрѣлилъ изъ револьвера въ полицію, но никого не ранилъ. Вскорѣ изъ толпы, находившейся около дома № 8 на Малой Посадской улицѣ, былъ произведенъ второй выстрѣлъ, которымъ была ранена въ голову неизвѣстная женщина, умершая вскорѣ по доставленіи ея въ Петропавловскую больницу. Около 4 часовъ дня поспушилъ на излеченіе съ огнестрѣльной раню лѣваго бедра мѣщанинъ Андронъ Грабовскій, заявившій, что рана эта причинена ему коннымъ городовымъ, ранившимъ женщину, причемъ пуля, пробивъ голову женщины, попала затѣмъ ему въ бедро. При провѣркѣ оказалось, что рана въ головѣ умершей женщины не сквозная. Полицеймейстеромъ полковникомъ Спиридоновымъ былъ задержанъ ученикъ реального училища Протасова Алексѣй Титаренко, который, указывая на городского конной стражи Марчука, увѣрялъ публику, что женщину застрѣлилъ именно этотъ городской. При осмотрѣ полицеймейстеромъ револьвера городского Марчука всѣ патроны оказались въ наличности, и пороховой нагаръ въ каналѣ ствола совершенно отсутствовалъ.

Въ 12 часовъ дня произошли уличныя выступленія на Галерномъ островкѣ, на Коломенской улицѣ и въ Гаванскомъ участкѣ.

Рабочіе Адмиралтейскаго завода на Галерномъ островкѣ прекратили въ 12 часовъ работу и стали скопляться у выхода, но были разсѣяны полицейскимъ нарядомъ. Тогда толпа собралась у Калинкина моста и бросилась къ вагонамъ трамвая, стараясь опрокинуть ихъ. Этому помѣшали конные и пѣшие городовые. Изъ толпы стали бросать желѣзныя гайки. Одинъ изъ бросавшихъ—рабочій Франко-Русскаго завода Владимиръ Розенбергъ, 17 лѣтъ—былъ задержанъ.

Въ то же время толпа женщинъ и подростковъ, числомъ въ 1.500 человекъ, собралась на Коломенской улицѣ и двинулась къ Пушкинской, разбивая стекла въ магазинахъ. Толпа была разогнана полиціей, которая задержала двоихъ уличенныхъ въ грабежъ и одного пострекавшего толпу.

Въ Гаванскомъ участкѣ толпа рабочихъ, женщинъ и подростковъ, численностью до 5.000 человекъ, собралась у петроградскаго военно-подковнаго завода и съ крикомъ: «Бросай работу!» пыталась сломать ворота и ворваться на заводъ, но была оттѣснена приставамъ и городовыми. Толпа разбила окно въ мелочной лавкѣ Горшкова на углу Средняго проспекта и 18 линии и, ворвавшись въ лавку, выбросила на улицу хлѣбъ, а затѣмъ пыталась опрокинуть остановленный ею вагонъ трамвая, но этому помѣшалъ взводъ запаснаго батальона Финляндскаго полка. Вскорѣ послѣ этого рабочіе военно-подковнаго завода вышли на улицу съ крикомъ: «Хлѣба, хлѣба!» Рабочіе эти вскорѣ разошлись. Къ нимъ пытался обратиться съ рѣчью студентъ психо-невроло-

логическаго института Константинъ Левантовскій, 21 года, но былъ задержанъ полиціею. При немъ найдена записка: «Долой войну! Да здравствуетъ миръ и социаль-демократическая республика!» Кромѣ того, были задержаны Николай Бурнашевъ, 16 лѣтъ, пытавшійся остановить вагонъ трамвая, и Лазарь Ерохинъ, 17 лѣтъ, подстрекавшій къ забастовкѣ.

Около двухъ часовъ дня сдѣланы были попытки разгромить лавки на Петроградской сторонѣ и въ Суворовскомъ участкѣ. Толпами, ожидавшими очереди, были разбиты стекла въ хлѣбопекарнѣ Барскаго на Лахтинской улицѣ и въ хлѣбной лавкѣ Ерофеева на Геслеровскомъ переулкѣ. Толпа хотѣла затѣмъ ворваться въ мелочную лавку Колчина въ томъ же переулкѣ, но была разогнана полицейскимъ надзирателемъ Прейсеромъ. Въ Суворовскомъ участкѣ толпа разбила стекла и расхитила часть товара въ мелочной лавкѣ Андреева, на углу Средняго проспекта и 17 линіи.

Въ 3 часа дня толпа, состоявшая изъ 200 рабочихъ, пыталась проникнуть на территорию резиновой мануфактуры «Треугольникъ» на Обводномъ каналѣ, чтобы заставить рабочихъ прекратить работу, но была разсѣяна полиціею.

Въ то же время двигавшаяся по Невскому проспекту толпа, впереди которой ѣхала разсыпнымъ строемъ полусотня казаковъ, прорвалась на Знаменскую площадь. Толпа была встрѣчена 15 конными городовыми, пытавшимися ее разсѣять, но лошади ихъ, встрѣченныя визгомъ, свистомъ и градомъ полѣньевъ, камней и осколковъ льда, испугались и помчались назадъ. На мѣстѣ остались казаки, въ присутствіи которыхъ у памятника Александра III былъ устроенъ митингъ. Толпа, какъ доносили приставы, кричала: «Да здравствуетъ республика! долой войну! долой полицію!» и «ура» по адресу казаковъ, которые отвѣчали толпѣ поклонами. При столкновеніи съ толпой былъ раненъ въ щеку полѣномъ конный городской Боконъ и ушибленъ вахмистръ Орѣшкинъ.

Около 4 часовъ дня на Васильевскомъ островѣ появилась толпа, состоящая изъ подростковъ и учащихся высшихъ учебныхъ заведеній. Она пошла съ пѣніемъ марсельезы отъ Средняго проспекта на Большой и тамъ была разсѣяна казаками.

Въ 5 часовъ дня толпа изъ подростковъ и женщинъ, собравшись на 8 линіи, направилась къ Николаевскому мосту. На углу 6 линіи она была встрѣчена полусотней 1-го Донскаго казачьяго полка, которая пропустила ее къ мосту, но тамъ толпа была остановлена нарядомъ отъ Финляндскаго полка и была разсѣяна полиціею.

Въ то же время группа подростковъ на Петергофскомъ шоссе начала оставивать вагоны Ораніенбаумской электрической желѣзной дороги и бросать въ вагоны осколками льда, причемъ было разбито 2 стекла. При появленіи развѣздовъ казаковъ толпа разсѣялась.

Въ 6 часовъ вечера произошли столкновенія толпы съ полиціею на Петроградской сторонѣ. Толпа остановила вагонъ трамвая, на передней площадкѣ котораго ѣхалъ помощникъ пристава 2-го участка Петроградской части Васильевъ. Онъ потребовалъ, чтобы вагоновожатый ѣхалъ дальше. Въ отвѣтъ на это изъ толпы стали бросать кусками льда, которыми Васильеву были причинены двѣ глубокія, разсѣченныя до кости раны въ затылочной части головы.

Около того же времени толпой были опрокинуты 2 вагона трамвая на углу Введенской и на углу Съѣзжинской улицъ.

Собравшіеся у Петроградскаго механическаго завода рабочіе вечерней смѣны, числомъ до 1.500 человекъ, не приступили къ работѣ и были затѣмъ разсѣяны нарядомъ полиціи. Изъ толпы бросали въ полицію комья мерзлаго снѣга, и при этомъ были ушиблены 2 городскихъ конной стражи.

Въ 8 часовъ вечера толпой были выбиты стекла въ окнахъ трехъ фруктовыхъ магазиновъ въ районѣ 2-го участка Петроградской части, а также въ мелочной лавкѣ въ домѣ № 17 на Большой Зелениной улицѣ и въ городской хлѣбной лавкѣ въ домѣ № 29 на той же улицѣ. Въ послѣдней лавкѣ толпа расхитила остатки хлѣба и около 50 рублей выручки. На мѣстахъ грабежа полиціе задержаны два подростка.

Около 9 часовъ вечера въ столицѣ наступило снова затишье. На улицахъ было пустынно. Стояли на своихъ постахъ ночныя смѣны городскихъ да дремали самымъ мирнымъ образомъ, сидя у воротъ, дежурные дворники. Казалось, ничего еще не перемѣнилось, а между тѣмъ 24-го февраля «безпорядки» стали уже превращаться въ возстаніе. Полиція и войска воздерживались отъ стрѣльбы, но изъ демонстрировавшей толпы раздались уже первые выстрѣлы, а поведеніе донскихъ казаковъ, выказывавшихъ свои симпатіи манифестантамъ, не могло не вызвать тревоги въ средѣ воинскихъ чиновъ, руководившихъ борьбой съ «безпорядками».

Командиръ казачьяго полка полковникъ Троилинъ находился все время въ градоначальствѣ. Полковникъ Павленко неоднократно требовалъ отъ него, чтобы онъ принялъ мѣры противъ нарушенія казаками «долга присяги» и заставилъ ихъ нагайками разгонять толпу, какъ это дѣлали жандармы и конные городовые. Полковникъ Троилинъ отвѣтилъ на это, что у казаковъ нѣтъ нагаекъ.

Молодые офицеры изъ штаба полковника Павленко заволновались:

— Какъ нѣтъ?.. У казаковъ должны быть...

— Не полагается, господа. Мы вѣдь собрались на войну съ нѣмцами, а тамъ нужны винтовки и шашки, а не нагайки...

Къ вечеру полковникъ Павленко предложилъ полковнику Троилину отпустить каждому казаку по полтиннику на изготовленіе нагайки.

— Пусть сдѣлаютъ, изъ чего хотятъ. Только чтобы были...

Распоряженіе полковника Павленко подтвердилъ прибывшій вечеромъ генералъ Хабаловъ, приказавшій выдать по 50 копеекъ всѣмъ казакамъ, привлеченнымъ къ «усмирению».

Нѣкоторые изъ штабныхъ поднимали вопросъ о томъ, чтобы «ненадежныя» казачьи сотни выслать въ Финляндію, а вмѣсто нихъ вызвать кавалерійскія части изъ Краснаго Села и изъ Новгорода. Но полковникъ Павленко заявилъ, что надо еще подождать; можетъ быть, казаки и «исправятся»..

Генералъ Балкъ, указавъ на большое число пострадавшихъ чиновъ полиціи, подвергавшихся въ одиночку избіенію, просилъ генерала Хабалова разрѣшить снять полицейскіе посты, но тотъ не согласился, позволивъ лишь «сдвоить посты», т. е. уменьшивъ число ихъ вдвое, поставить на каждомъ по два городскихъ.

Къ 12 часамъ почи генераль Хабаловъ и его штабные уѣхали изъ градоначальства, порѣшивъ и на слѣдующій день продолжать примѣненіе той же системы борьбы съ «безпорядками» посредствомъ высылки войсковыхъ частей для разсѣиванія толпы. Части эти должны были размѣститься съ ранняго утра въ различныхъ пунктахъ города поблизости къ кварталамъ, въ которыхъ можно было ожидать уличныхъ выступленій.

Суббота, 25-го февраля.

25-го февраля—последній день, за который къ градоначальнику поступили донесенія приставовъ, да и то не изо всѣхъ участковъ. Донесенія эти присылались обыкновенно къ утру слѣдующаго за «происшествіемъ» дня, а утромъ 26-го числа уже нѣсколькихъ участковыхъ управленій не существовало. Уличные «безпорядки» перешли 25-го февраля въ возстаніе, постепенно захватывавшее все большій районъ столицы и въ концѣ концовъ приведшее къ плѣненію представителей стараго режима.

По полученнымъ утромъ телефоннымъ сообщеніямъ полицейскихъ участковъ, забастовка продолжала разгачаться: число забастовавшихъ достигло 240.000 человекъ.

Первое уличное выступленіе было констатировано около 8 часовъ утра въ предѣлахъ Суворовскаго участка. У дома № 5 на Косой линіи толпа набросилась на городского Франца Ваха, 53 лѣтъ, и отняла у него шашку и револьверъ, причемъ нанесла Ваху побой. У него оказались разсѣченныя раны на правой сторонѣ лба, на лѣвой брови и на нижней губѣ, и были выбиты два зуба.

Около 9 часовъ полицейскій нарядъ разсѣялъ группу рабочихъ, пытавшуюся проникнуть для прекращенія работъ на Невскую ниточную мануфактуру на Лифляндской улицѣ, и задержалъ 2 рабочихъ, остановившихъ нѣсколько машинъ. Въ то же время толпа проникла въ помещеніе типографіи «Новаго Времени» (Эртелевъ, 13), разбила въ окнахъ нѣсколько стеколъ и сняла рабочихъ. Толпа была разсѣяна отрядомъ жандармовъ.

Въ 9 часовъ утра въ булочной швейцарскаго гражданина Крузи на Каменноостровскомъ проспектѣ стоявшими въ очереди покупателями были выбиты три большихъ стекла послѣ того, какъ публика обнаружила булки, уложенныя на телѣгу, хотя приказчики Крузи и заявили, что булокъ больше нѣтъ. По распоряженію пристава, булки эти, въ количествѣ 300 штукъ, были тутъ же проданы.

Тоже въ 9 часовъ утра въ районѣ Александровскаго участка рабочіе Обуховскаго сталелитейнаго завода, въ числѣ до 14.000 человекъ, прекративъ работу, вышли на улицу съ краснымъ флагомъ и пѣніемъ революціонныхъ пѣсень. Толпа направилась къ городу, снимая по дорогѣ рабочихъ другихъ фабрично-заводскихъ предпріятій (карточной фабрики, фарфороваго завода и другихъ), которые частью присоединились къ ней. Встрѣченная нарядами полиціи на проспектѣ Михаила Архангела толпа была разсѣяна съ примѣненіемъ къ не повиновавшимся нагаекъ и обнаженныхъ шашекъ, которыми нанесли удары плашмя. Полиція задержала несшаго красный флагъ рабочаго Обуховскаго завода Михаила Масальскаго, 18 лѣтъ, и отобрала этотъ флагъ.

Онъ оказался съ надписью: «Долой самодержавіе, да здравствуетъ демократическая республика».

Около 10 часовъ утра толпа, численностью до 800 человекъ, подошла къ зданію государственной типографіи на Петроградской сторонѣ; съ цѣлью снять рабочихъ, но была разсѣяна пѣшими и конными городовыми.

Около того же времени произошло столкновение толпы съ полиціею въ районѣ 1-го участка Выборгской части. Толпа въ нѣсколько тысячъ человекъ шла по направленію къ Литейному мосту. Навстрѣчу ей выѣхалъ полицеймейстеръ полковникъ Шалфеевъ съ полусотней казаковъ и городовыми конной стражи. Устроивъ у Симбирской улицы заслонъ изъ казаковъ и конныхъ городскихъ, онъ подѣхалъ къ толпѣ и предложилъ разойтись. Толпа бросилась на Шалфеева, стащила его съ лошади и стала наносить ему удары палкой и ломомъ, причинивъ ему переломъ лучевой кости правой руки, раздробленіе переносицы и нѣсколько ранъ головы. На выручку полицеймейстеру бросились городовые конной стражи, и началась свалка, въ которой какой-то человекъ замахнулся большимъ ломомъ на вахмистра Лисина, но тотъ, предупреждая ударъ, рукояткой револьвера сбилъ нападавшаго съ ногъ. Изъ толпы стрѣляли и бросали въ городскихъ камнями и кусками льда. Городовые тоже отвѣтили выстрѣлами. Послѣ первыхъ выстрѣловъ казаки 4 сотни 1-го Донского полка, стоявшіе въ заслонѣ вмѣстѣ съ конными городовыми, уѣхали, оставивъ въ толпѣ лежавшаго на мостовой Шалфеева и около него 10 конныхъ городскихъ. Вскорѣ толпа была отбѣснена прибывшими на выручку конными и пѣшими городовыми, и раненый Шалфеевъ былъ отвезенъ въ тяжкомъ состояніи въ военный госпиталь.

Во время свалки стоявшій на тротуарѣ около дома № 11 на Нижегородской улицѣ городской Москалевъ пытался спрятаться въ воротахъ этого дома. За нимъ пошли нѣсколько рабочихъ, избили его и отняли шашку и револьверъ.

Около 11 часовъ произошло на Васильевскомъ островѣ столкновение толпы съ войсками. На Петроградскій трубочный заводъ пришла толпа, требовавшая прекращенія работы, и поэтому туда была вызвана рота Финляндскаго запаснаго батальона. Толпа не исполнила требованія разойтись, и изъ нея стали раздаваться шутки по адресу командовавшаго ротой подпоручика. Тогда тотъ выстрѣлилъ изъ револьвера и убилъ слесаря Дмитріева. Толпа разбѣжалась, а трупъ былъ отправленъ въ сопровожденіи конвоя изъ 7 казаковъ въ Николаевскій военный госпиталь. Дорогою казаковъ окружала толпа, и они отдали ей трупъ, который затѣмъ былъ помещенъ въ покойницкую больницы Святой Маріи Магдалины у Тучкова моста. Въ толпѣ, собравшейся около трубочнаго завода, тотъ же офицеръ задержалъ ученика 6-го класса реальнаго училища Эмилія Бема съ револьверомъ казачьяго образца, заряженнымъ двумя патронами.

Дальнѣйшія донесенія приставовъ даютъ нѣкоторыя свѣдѣнія лишь о томъ, что происходило на Невскомъ проспектѣ и прилегающихъ къ нему улицахъ. О томъ же, что послѣ 11 часовъ дня происходило на окраинахъ, никакихъ донесеній въ градоначальство уже не поступало, такъ какъ тамъ началось уже низверженіе старой власти...

Къ вечеру 25-го февраля прекратилось телефонное сообщеніе градоначальства съ Выборгской стороной, такъ какъ она оказалась всецѣло въ рукахъ возставшаго народа. Участковыя канцеляріи были разгромлены, а чины полиціи или скрылись, или были убиты. Одинъ изъ участвовавшихъ, приставъ 1-го участка Выборгской части полковникъ Шелькингъ былъ спасенъ рабочими. Шелькингъ болѣе 40 лѣтъ прослужилъ тамъ, и его многіе знали съ хорошей стороны. Поэтому, когда толпа осадила участокъ, къ Шелькингу явились рабочіе, переодѣли его въ кожаную куртку и штатское пальто, завязали ему голову платкомъ и увезли въ госпиталь, какъ будто раненаго. 27-го февраля Шелькинга отвезли въ Государственную Думу, и вскорѣ онъ былъ оттуда выпущенъ. Семью Шелькинга спрятали тѣ же рабочіе.

Другой изъ участвовавшихъ, приставъ Пороховского участка, успѣлъ спрятаться отъ толпы въ подъездъ какого-то дома и купилъ у швейцара за 300 рублей какіе-то лохмотья. Въ видѣ «бывшаго человѣка» онъ пробрался ночью къ семьѣ, жившей близъ Невского, и, переодѣвшись въ штатское, явился утромъ 26-го февраля къ генералу Балку, чтобы доложить, что Пороховского участка больше не существуетъ.

Но эта вѣсть была принесена 26-го числа, а 25-го никто въ штабъ полковника Павленко не зналъ, что дѣлается на Выборгской сторогѣ. Впрочемъ, надъ этимъ до вечера не задумывались: событія, развивавшіяся на Невскомъ проспектѣ, поглощали все вниманіе руководителей борьбы съ возставшимъ народомъ.

Съ 11 часовъ утра на Невскомъ, между Литейнымъ и Казанской площадью стали появляться небольшими группами рабочіе, студенты и подростки. Группы эти разгонялись войсковыми конными частями, конными городовыми и жандармами, «дѣйствовавшими изрѣдка холоднымъ оружіемъ». Какъ доносили пристава, «отношеніе толпы къ чинамъ полиціи было весьма враждебно».

Въ 12 часовъ дня приставъ 1-го участка Спасской части получилъ свѣдѣнія, что по Невскому проспекту со стороны Николаевскаго вокзала продвигается большая толпа. Находясь около дома № 46 на Невскомъ, онъ послалъ полицейскаго надзирателя къ командиру пѣхотной части, находившейся поблизости въ Гостиномъ дворѣ, съ просьбой прислать, какъ это было между ними заранѣе условлено, воинскую команду для охраны арестованныхъ, которые въ числѣ до 60 человѣкъ находились во дворѣ вышеупомянутаго дома. Черезъ 20 минутъ толпа подошла къ этому дому и настойчиво потребовала освобожденія арестованныхъ. Приставъ съ бывшими при немъ 4 полицейскими надзирателями уговаривалъ толпу, стараясь оттянуть время и ожидая помощи отъ воинскаго наряда, находившагося въ Гостиномъ дворѣ, откуда было видно, что происходитъ напротивъ. Тщетно прождавъ помощи, приставъ прорвался черезъ толпу въ Гостиный дворъ и обратился къ сотнику 6-й сотни 4-го Донскаго полка съ усиленной просьбой оказать содѣйствіе, но тотъ отвѣтилъ, что его задача—охранять лишь Гостиный дворъ. Другой офицеръ со взводомъ казаковъ согласился помочь, но было уже поздно, такъ какъ къ этому времени толпа ворвалась во дворъ и освободила арестованныхъ. Во дворѣ толпа набросилась на полицейскаго надзирателя Тропникова, повалила его на землю и избила до потери

сознанія, нанеся нѣсколько ударовъ полѣномъ по головѣ. Трошниковъ въ тяжкомъ состояніи былъ отправленъ въ больницу.

Около часа дня эта толпа подошла съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсень къ Казанскому собору, и на нее бросились въ атаку съ обнаженными шашками конные городовые и сотня 4-го Донского полка. Вслѣдъ за ними подошли полторы роты 3-го стрѣлковаго запаснаго батальона. На набережной Екатерининскаго канала противъ дома № 21 изъ толпы было брошено въ казаковъ и городскихъ нѣсколько пустыхъ бутылокъ и произведено 6 выстрѣловъ изъ револьверовъ. Выстрѣлами были ранены городовые Илья Кулеминъ—въ животъ и Нефедъ Павловъ въ лѣвую сторону головы, а бутылками причинены ушибы корнету Доморацкому и стрѣлку Нестеренку. Полиціею произведено было въ толпу два выстрѣла, «результаты коихъ», какъ доносилъ приставъ, «неизвѣстны».

Одновременно на углу Невского и Михайловской улицы толпа остановила извозчика, везшаго городского Ерощина съ подкинутымъ ребенкомъ въ воспитательный домъ, отняла револьверъ и, узнавъ, куда Ерощинъ ѣдетъ, отпустила его.

Атака отъ Казанскаго моста отгѣснила толпу по Невскому до Михайловской улицы. Нѣкоторые изъ бывшихъ на улицѣ намѣревались въ это время войти въ кофейную «Пекаръ», но въ дверяхъ ихъ остановилъ находившійся тамъ по наряду полицейскій надзиратель Бервиновъ. Тогда изъ толпы полетѣли бутылки и камни, которыми были разбиты 3 оконныхъ стекла въ кофейной. Нѣсколько человекъ бросились на Бервинова, отняли у него и поломали шашку, а другіе окружили постоваго городского Лисовскаго и отобрали у него шашку и револьверъ.

Около 2 часовъ дня къ Казанскому мосту снова подошла толпа, численностью до 5.000 человекъ, съ краснымъ флагомъ и пѣніемъ революціонныхъ пѣсень. Часть толпы бросилась къ дому № 3 по Казанской улицѣ, во дворѣ котораго находилось 25 арестованныхъ подъ карауломъ городскихъ. Къ этой толпѣ подъѣхалъ взводъ казаковъ 4-го Донского полка съ офицеромъ. Они въѣхали во дворъ и освободили арестованныхъ. При этомъ казаки обругали городскихъ и нанесли ножнами шашекъ удары двоимъ изъ нихъ, приговаривая: «Эхъ, вы, за деньги служите!» Когда казаки уѣхали, толпа была разсѣяна конными жандармами, которые при этомъ задержали «за подстрекательство къ уличнымъ беспорядкамъ» рабочаго арсенала Николая Козырева, 27 лѣтъ.

Около 4 часовъ дня на углу Невского и Литейнаго въ разѣздъ конныхъ жандармовъ былъ брошенъ разрывной снарядъ, взорвавшійся съ большимъ шумомъ, но никому вреда не причинившій. Въ это же время при разсѣиваніи толпы на полномъ карьерѣ противъ дома № 72 на Невскомъ упалъ вмѣстѣ съ лошадью корнетъ 6-го уланскаго полка Мордовинъ и получилъ тяжелые ушибы и поврежденіе правой ноги. Пострадавшій былъ выведенъ изъ толпы помощникомъ пристава и отправленъ на автомобиль домой.

Около того же времени толпа въ нѣсколько тысячъ человекъ, слѣдовавшая по Невскому къ Николаевскому вокзалу съ красными флагами, окружила на Аничковомъ мосту городского Лубневскаго и отняла у него шашку и револьверъ.

Нѣсколько человѣкъ изъ той же толпы бросились на углу Невскаго и Пушкинской на стоявшаго около тротуара помощника пристава Юхневича, нанесли ему нѣсколько ударовъ въ спину и грудь, отобрали пашку и браунингъ, а затѣмъ при угрожающихъ возгласахъ толпы оттащили подъ руки на Пушкинскую улицу и втолкнули въ подъѣздъ дома № 4.

Около 5 часовъ дня на углу Невскаго и Владимирскаго проспектовъ толпа окружила полицейскихъ надзирателей Живца, Иванцева и Расторгуева и пыталась обезоружить ихъ. Одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ изъ револьвера, а другой сталъ защищаться обнаженной пашкой. Въ это время изъ толпы былъ произведенъ выстрѣлъ, и Иванцевъ былъ раненъ въ правое плечо навзлетъ. Его отправили въ больницу.

Другая группа окружила тамъ же городского Кадиса и стала отнимать у него оружіе. Кадисъ оказалъ сопротивленіе и былъ жестоко избитъ. Въ тягеломъ состояніи онъ былъ отправленъ въ военный госпиталь.

На этомъ обрываются донесенія приставовъ градоначальнику. О дальнѣйшихъ событіяхъ поступали лишь случайныя сообщенія по телефону, становившіяся все болѣе скудными по мѣрѣ того, какъ городъ переходилъ во власть возставшаго народа.

По телефону было сообщено о смерти пристава 1-го участка Александроневской части Крылова на Знаменской площади.

Тамъ толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ устроила митингъ около памятника Александру III. Разгонять эту толпу явился со Стараго Невскаго приставъ Крыловъ съ отрядомъ донскихъ казаковъ. Увидѣвъ красный флагъ, онъ ворвался въ толпу и, схвативъ флагъ, повернулъ назадъ, но тутъ же упалъ, сбитый ударомъ въ спину, а затѣмъ былъ убитъ. Полицейскій чиновникъ, сообщавшій объ этомъ, добавилъ, что Крыловъ убитъ казаками.

Когда Хабаловъ узналъ объ этомъ, то тотчасъ же приказалъ послать полицейскаго врача для вскрытія трупа, перенесеннаго съ площади на Николаевскій вокзалъ. Ночью произведено было вскрытіе, установившее лишь, что Крылову была нанесена рана колющимъ оружіемъ и нѣсколько ранъ пашкой. Кто нанесъ эти раны, казаки или манифестанты, завладѣвшіе пашкой Крылова, когда онъ упалъ, такъ и осталось не выясненнымъ. Полковникъ Троилитъ категорически отрицалъ возможность нападенія казаковъ на Крылова.

Но палицо были другіе факты, показывавшіе, что казаки слишкомъ «мирнолюбятъ» манифестантамъ, и потому генераль Хабаловъ рѣшилъ вызвать на смѣну имъ кавалерійскія части изъ Новгорода и Краснаго Села, а казаковъ рѣшено было держать въ казармахъ.

Къ 10 часамъ вечера манифестанты ушли съ Невскаго, и центральныя улицы столицы опять приняли мирный видъ. Но сѣверо-восточная часть ея была уже отвоевана у стараго правительства. Къ утру слѣдующаго дня выяснилось, что не только вся Выборгская сторона, но и Пески почти до Литейнаго находятся во власти «мятежниковъ». Штабъ генерала Хабалова не терялъ, впрочемъ, надежды локализовать возстаніе и подавить его при помощи находившихся въ Петроградѣ пѣхотныхъ частей и вызванныхъ по телеграфу изъ окрестностей столицы войскъ.

Поздно ночью въ градоначальство прѣхалъ министръ внутреннихъ дѣлъ Протопоповъ. Онъ поразилъ всѣхъ своимъ неестественно приподнятымъ, истеричнымъ настроеніемъ.

Протопоповъ, выслушавъ доклады о положеніи дѣлъ, произнесъ напыщенную рѣчь, въ которой выражалъ благодарность вѣрнымъ защитникамъ царя и отечества, и, вознеся очи свои къ потолку, выразилъ увѣренность, что Господь не дастъ погибнуть правому дѣлу. «Молитесь и надѣйтесь на побѣду»,—закончилъ онъ свое «слово», разчитывая, вѣроятно, на успѣхъ пулеметнаго предпріятія.

Уѣзжая, Протопоповъ приказалъ генералу Балку объявить въ приказѣ благодарность всѣмъ чинамъ полиціи и «молитвенно вспомнить» въ немъ также всѣхъ, запечатлѣвшихъ своею кровью вѣрность служебному долгу.

— Проектъ приказа пришлите мнѣ завтра на утвержденіе...

Но «завтра» принесло крушеніе протопоповскаго режима, и «приказъ», составленный по указаніямъ Протопопова, такъ и остался имъ не утвержденнымъ и не распубликованнымъ.

Воскресенье, 26 го февраля.

Такъ какъ наканунѣ ареной крупныхъ уличныхъ выступленій былъ Невскій проспектъ, то генералъ Хабаловъ, прибывшій съ утра въ градоначальство и взявшій на себя руководство дѣйствіями войскъ, приказалъ размѣстить ихъ такимъ образомъ, чтобы не допускать на Невскій публику ни съ южной, ни съ сѣверной сторонъ города. вмѣстѣ съ тѣмъ было сдѣлано распоряженіе о томъ, чтобы войска дѣйствовали оружіемъ, если бы толпы демонстрантовъ попытались прорваться черезъ Литейный проспектъ изъ части города, захваченной уже возставшимъ народомъ.

Но эти распоряженія, не предупредивъ возобновленія уличныхъ выступленій на Невскомъ проспектѣ, создали въ то же время рядъ столкновеній на улицахъ, проходящихъ параллельно Невскому къ сѣверу отъ него. Столкновенія эти, въ которыхъ воинскія части вели себя пассивно и лишь жандармы и конная полиція шли въ атаку на толпу, оканчивались обыкновенно тѣмъ, что толпа оттѣсняла ихъ все дальше и дальше къ западу. Къ югу отъ Невскаго было сравнительно спокойно, но зато какъ на самомъ Невскомъ, такъ и къ сѣверу отъ него, шла настойчивая война народа со старой властью.

Въ штабѣ генерала Хабалова, руководившемъ дѣйствіями войскъ, жандармовъ и полиціи изъ кабинета градоначальника, стала замѣчаться все большая растерянность по мѣрѣ того, какъ одна «позиція» за другой переходила въ руки возставшаго народа.

Часамъ къ 4 пополудни войскамъ пришлось занять оборонительную линію по Екатерининскому каналу, и въ это время произошелъ эпизодъ, произведшій на штабъ генерала Хабалова впечатлѣніе удара грома съ яснаго неба.

По телефону было получено сообщеніе, что рота Павловскаго полка, считавшагося однимъ изъ самыхъ надежныхъ, выйдя изъ казармъ, отказалась идти противъ народа и остановилась близъ Екатерининскаго канала.

Первая вѣсть объ этомъ пришла отъ одного изъ полицейскихъ чиновъ.
— Не можетъ быть!—воскликнулъ полковникъ Павленко.—Тутъ что-то не такъ... Не можетъ быть, чтобы гвардія...

Въ это время раздался новый телефонный звонокъ. Полковникъ Павленко бросился къ телефону.

— Взбунтовались? Не хотятъ итти? Цѣлая рота? Что дѣлать? Уговорить, напомнить о присягѣ. Позовите батюшку. Пусть скажетъ имъ рѣчь. А потомъ отведите въ казармы. Пусть офицеры сидятъ съ ними неотлучно, пусть повторяютъ съ ними словесность...

Въ кабинетъ вошелъ, сурово нахмурившись, генералъ Хабаловъ. Полковникъ Павленко началъ ему докладывать о бунтѣ павловцевъ.

— Знаю, уже знаю...

Схвативъ телефонную трубку, генералъ Хабаловъ заговорилъ:

— Кто говорить? Я—генералъ Хабаловъ. Примите самую крайнія мѣры. Передайте командиру, что онъ отвѣчаетъ головой...

Спустя часъ получено было сообщеніе по телефону, что рота отведена въ казармы и заперта тамъ, но что во время переговоровъ съ нею командиръ Эккертъ былъ тяжело раненъ выстрѣломъ. Стрѣлялъ будто бы какой-то студентъ изъ толпы.

Генералъ Хабаловъ приказалъ обезоружить роту и послать зачинщиковъ въ Петропавловскую крѣпость.

Къ вечеру натискъ возставшей толпы по обыкновенію сталъ ослабѣвать, и когда конныя части были посланы «очистить Невскій», эта задача была ими исполнена легко. Проѣхавъ до Знаменской площади, онѣ вернулись съ сообщеніемъ, что толпы на всемъ протяженіи Невскаго нѣтъ, но что часть его, прилегающая къ Знаменской площади, погружена во мракъ, такъ какъ днемъ толпа повредила трансформаторъ на площади. По Невскому на перекресткахъ поставлены были на ночь караулы, которымъ приказано было не допускать никакого—ни пѣшаго, ни коннаго движенія, а на башнѣ адмиралтейства помѣстили прожекторъ, который долженъ былъ освѣщать Невскій проспектъ до Знаменской площади.

Что дѣлалось за чертой, отдѣлявшей возставшій народъ отъ войскъ генерала Хабалова, въ его штабѣ не знали. Одни высказывали предположеніе, что, вѣроятно, «тамъ» возникъ уже какой-либо руководящій центръ «въ родѣ совѣта совѣтовъ», другіе настаивали на томъ, что «бунтъ» представляетъ лишь неорганизованную вспышку и что войска легко его подавятъ, когда придутъ вызванные изъ окрестностей надежныя части.

— Да и гвардія за себя постоитъ... Въ семьѣ не безъ урода... Павловская рота въ счетъ не идетъ. Да и ее усамирили...

Въ теченіе дня къ градоначальнику являлись пристава за указаніями.

Кромѣ упомянутаго уже выше пристава разгромленнаго Пороховскаго участка, перебывало нѣсколько приставовъ изъ южныхъ кварталовъ города. Они спрашивали, что дѣлать въ случаѣ нападенія на участокъ.

— Если бы напали хулиганы, отбивайтесь. Если, не дай Богъ, войска, не оказывайте сопротивленія. Только сгубите городскихъ...

Понедѣльникъ. 27-го февраля.

Съ утра началась агонія стараго режима: возстали волынцы, а къ нимъ стали примыкать другіе гвардейскіе полки, и даже тотъ призракъ власти, который былъ еще въ рукахъ генерала Хабалова, началъ развѣваться, какъ туманъ. Петроградъ почти весь оказался «за границей» для хабаловскаго штаба.

Къ 5 часамъ дня во власти сторонниковъ стараго режима оставались лишь градоначальство, адмиралтейство, Зимній дворецъ, телефонная станція и Петропавловская крѣпость.

Штабъ генерала Хабалова посылалъ противъ возставшихъ войска, но они «безслѣдно исчезали»—переходили на сторону возставшаго народа. Къ 5 часамъ въ распоряженіи генерала Хабалова осталось лишь 1200 солдатъ и двѣ батареи, прибывшія въ этотъ день въ Петроградъ. Кромѣ того, во дворѣ градоначальства стояла кучка городскихъ въ сѣрыхъ шинеляхъ. Это были ратники, присланные нѣсколько мѣсяцевъ назадъ для «усиленія полиціи» и зачисленные въ ея резервъ. На Гороховой улицѣ расположилось нѣсколько десятковъ конныхъ городскихъ и жандармскій отрядъ.

Подсчетъ силъ былъ произведенъ послѣ того, какъ ушелъ «усмирять возстаніе» отрядъ изъ четырехъ ротъ подъ командой полковника Кутепова.

— Это наша послѣдняя надежда...

Но и отрядъ полковника Кутепова «пропалъ безъ вѣсти».

Въ градоначальство прибылъ великій князь Кириллъ Владимировичъ. Видимо волнуясь, онъ увелъ генерала Хабалова въ одну изъ гостиныхъ квартиры градоначальника и пробылъ тамъ съ нимъ болѣе получаса.

Вскорѣ послѣ этого генералъ Хабаловъ поставилъ на обсужденіе вопросъ: что дѣлать дальше?

Одни высказывались за то, чтобы перейти въ адмиралтейство, гдѣ легче «отсиживаться» въ виду того, что кругомъ него обширныя площади. Другіе предлагали «пробиться въ Царское Село».

— Тамъ, навѣрное, войска остались на сторонѣ законнаго правительства, и нашъ отрядъ можетъ быть серьезнымъ подкрѣпленіемъ, пока придетъ вырочка.

Третьи заявили, что, по ихъ мнѣнію, надо помѣститься въ Зимнемъ дворцѣ.

— Погибать за царя, такъ подъ царскимъ штандартномъ...

Генералъ Хабаловъ рѣшилъ въ концѣ концовъ перевести войска въ адмиралтейство и добавилъ, что имъ вызваны по телефону всѣ военныя училища.

— Это надежная молодежь. И мы съ ними еще продержимся. Будемъ ждать тамъ нападенія, но сами никакихъ активныхъ дѣйствій предпринимать не будемъ...

Генералъ Балкъ приказалъ управляющему канцеляріей отпустить всѣхъ липовниковъ и сказать имъ, чтобы они явились на службу, когда въ городѣ будетъ опять спокойно, а самъ вмѣстѣ съ помощниками градоначальника Вендорфомъ и Лысогорскимъ, по приказанію генерала Хабалова, отправился также въ адмиралтейство

Сначала туда перешла по Адмиралтейскому проспекту мимо Исаакиевского собора и по Сенатской площади пѣхота съ артиллеріей. Затѣмъ по тому же пути отправились пѣшие и конные городовые и жандармы и проѣхали въ автомобиляхъ начальствующія лица, которыхъ на Исаакиевской площади обстрѣляли съ крыши изъ пулемета. Повидимому, протопоповскіе пулеметчики не знали, что ѣдутъ «свои»...

Кавалерія, состоявшая главнымъ образомъ изъ жандармовъ и конныхъ городскихъ, помѣстилась во дворахъ адмиралтейства, пѣхота въ вестибюляхъ и коридорахъ, а орудія были разставлены во всѣхъ воротахъ, рѣшетки которыхъ были заложены досками и дровами. Пулеметы вѣщали въ верхній этажъ и размѣстили у оконъ.

«Начальствующія лица», прибывшія послѣ генерала Хабалова, долго блуждали по безконечнымъ коридорамъ, пока наконецъ не нашли его въ залѣ адмиралтействъ-совѣта, гдѣ онъ помѣстился со своими адъютантами.

Генераль Хабаловъ замятъ былъ составленіемъ «объявленій». Одно изъ нихъ гласило, что управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ генераль Макаренко.

— Кто это такой?

— Начальникъ главнаго суднаго управленія, кажется...

— Почему онъ?

Общее недоумѣніе разрѣшилъ какой-то генераль:

— Чтобы Протопопова судить...

— Повѣсить бы его хорошо...—вполголоса замѣтилъ кто-то изъ сидѣвшихъ въ полутемномъ уголкѣ.

Другое объявленіе генераль Хабаловъ писалъ долго, но содержаніемъ его не подѣлился съ окружающими, проявившими столь «революціонный» духъ.

Наконецъ объявленія готовы. Генераль Хабаловъ протягиваетъ ихъ генералу Балку и приказываетъ ихъ отпечатать. Генераль Балкъ отвѣчаетъ, что типографія градоначальства уже, навѣрное, захвачена возставшими. Тогда одинъ изъ чиновъ адмиралтейства заявилъ, что объявленія можно отпечатать въ адмиралтейской типографіи, и уносить ихъ.

Генераль Хабаловъ переселяется съ сопровождающими его лицами «ближе къ телефонамъ». Телефоны еще дѣйствуютъ, такъ какъ станція находится еще въ рукахъ «вѣрныхъ» войскъ, а телефонныя барышни сидятъ тамъ безмѣнно. Для ихъ «облегченія» еще изъ градоначальства отдано было приказаніе соединять только по требованіямъ «официальныхъ» абонентовъ.

Штабъ генерала Хабалова занимаетъ небольшую комнату на площадкѣ лѣстницы входа въ адмиралтейство отъ Александровскаго парка, около управленія кораблестроенія и нѣсколько комнатъ этого управленія. Въ вестибюль, коридорахъ и на ступеняхъ лѣстницъ спятъ усталые солдаты, держа въ рукахъ винтовки. Офицеры располагаются тутъ же на стульяхъ или на полу и тоже засыпаютъ. Проголодавшіеся идутъ на развѣдку и обнаруживаютъ въ верхнемъ этажѣ существованіе буфета.

Появляются щи, но всего нѣсколько порцій. Приносятъ чай, бутерброды, хлѣбъ... Все быстро исчезаетъ.

Штабные и офицеры поѣли... А солдаты? А кони? Откуда взять пищу и фуражъ?

— Пока спать, а тамъ посмотримъ...

Изголодавшіеся кони находятъ себѣ заступника въ лицѣ браваго жандармскаго вахмистра.

Онъ является къ командиру дивизіона генералу Казакову и заявляетъ:

— Позвольте доложить... Такъ что кони съ голоду дрожать. Покормить надо.

— Откуда же я возьму?

За жандармскимъ вахмистромъ появляется ему на подмогу вахмистръ конно-полицейской стражи.

— Такъ что можно бы изъ градоначальства достать. Тамъ осталось...

— Какъ же вы туда пойдете?—вмѣшивается генералъ Балкъ.—Еще убьютъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше-ство. Мы потихоньку черезъ садъ и принесемъ.

Фуражировку разрѣшаютъ. Нѣсколько человѣкъ отправляются въ градоначальство и приносятъ овесъ и хлѣбъ.

— Тамъ все спокойно. Ни души нѣтъ, и никто не стрѣляетъ... Разрѣшите еще разъ сходить...

Второй разъ отправляется большая партія. Они приносятъ не только хлѣбъ, но и колбасу, купленную въ лавочкѣ на Гороховой.

— Тамъ все спокойно... На улицѣ почти никого нѣтъ, и никто не стрѣляетъ...

Въ это время послышалась отдаленная трескотня пулемета.

— А вотъ, слышите?

— Это, вѣроятно, отрядъ полковника Кутепова...—высказываетъ кто-то свое предположеніе.

— Вѣроятнѣе—протопоповскіе пулеметчики...

Появляется околоточный надзиратель, командующій конными городовыми, и докладываетъ генералу Балку, что злосчастные ратники, «зачисленные» въ городовые, озябли на дворѣ Адмиралтейства и ѣсть захотѣли. Генералъ Балкъ вполголоса приказываетъ распустить ихъ по домамъ, пока темно.

— Пусть только жгуты снимутъ... Все равно отъ нихъ толку мало...

Примѣру «ратниковъ» послѣдовали и конные городовые, оставивъ во дворѣ своихъ лошадей.

Начинается томительное ожиданіе... Многіе дремлютъ... Тишина. Только время отъ времени издали доносятся щелканье пулеметовъ и отголоски «ура».. Потомъ опять тихо. Лишь часы безстрастно отсчитываютъ секунды агоніи старой власти.

Генералъ Хабаловъ куда-то исчезъ.

— Удалился во внутренніе покои,—шутить кто-то.

Вдругъ въ вестибюль движеніе. Кто-то энергично пробирается среди спящихъ солдатъ.

Въ комнату, занятую штабными, входитъ генералъ. Чуть-чуть сопя, онъ заявляетъ:

— Вы меня знаете? Я—генералъ Безобразовъ.

Это былъ тотъ самый Безобразовъ, который такъ «прославился» въ началѣ войны въ Восточной Пруссіи.

— Я—вѣрный слуга моего государя, и поэтому я пріѣхалъ заявить вамъ: нужно уничтожить гнѣздо мятежа. Его руководители въ Государственной Думѣ. Захватите ихъ, и мятежь подавленъ. Надо пойти туда и захватить ихъ временное правительство.

Не слушая объясненій одного изъ штабныхъ, генераль Безобразовъ ушелъ.

— Слышали новость?—стали передавать другъ другу офицеры.—Тамъ есть уже временное правительство... Въ Думѣ...

— Чего же мы здѣсь сидимъ? Если наши роты пойдутъ въ Думу, и мы съ ними... Вся Россія поднялась, а мы тутъ на собачьемъ положеніи...

Начался тихій говоръ и среди проснувшихся солдатъ...

Въ это время принесли изъ типографіи хабаловскія объявленія. Извѣщенія о томъ, что вмѣсто Протопопова назначенъ Макаренко, уже не было. Вмѣсто того было отпечатано объявленіе: «Вслѣдствіе болѣзни министра внутреннихъ дѣлъ д. с. с. Протопопова вступить его товарищамъ по принадлежности. Предсѣдатель совѣта министровъ князь Голицынъ. 27-го февраля 1917 года».

Объявленіе было прочтено вслухъ и, несмотря на присутствіе нахмуреннаго Хабалова, появившагося «изъ внутреннихъ покоевъ» съ заспанымъ видомъ, вызвало хохоть.

— Опять заболѣлъ? Ловко! А Макаренко-то? Какое, подумаешь, человѣку счастье...

— «Про то Попка вѣдасть, про то Попка знаетъ»...—продекламировалъ кто-то «крамольны» стихи.

Другое объявленіе гласило:

«Объявленіе командующаго войсками петроградскаго военного округа По высочайшему повелѣнію городъ Петроградъ съ 27-го сего февраля объявляется на осадномъ положеніи. Командующій войсками генераль-лейтенантъ Хабаловъ. 27-го февраля 1917 года».

Обращаясь къ генералу Балку, генераль Хабаловъ приказалъ расклеить оба эти объявленія по городу.

— По городу расклеить невозможно,—возразилъ Балкъ.—Вашему в—ству извѣстно, что весь городъ занятъ возстайшими...

— Такъ расклейте, гдѣ можно... Кругомъ адмиралтейства.

Нашли какого-то околоточнаго и поручили ему расклеить.

— Клею пѣть...

— Ну, гвоздями прибитые... Разбросайте, какъ прокламаціи.

Околоточный исполнилъ приказаніе и прибилъ гвоздями объявленіе къ деревянному временному забору около рѣшетки Зимняго дворца, а остальные разбросалъ по улицѣ.

Петроградъ былъ объявленъ «на осадномъ положеніи», хотя фактически на этомъ положеніи былъ уже самъ генераль Хабаловъ.

Вскорѣ послѣ появленія «объявленій» въ адмиралтейство явился петроградскій брандмайоръ генераль Литвиновъ «съ докладомъ къ градоначальнику».

— Я съ большого пожара... Горитъ окружный судъ. Сначала пожарную команду не пускали, и она уѣхала. Потомъ вызвали нѣсколько частей. Мы стали работать. Нѣсколько пьяныхъ намъ мѣшали, но публика ихъ убрала.

Пожаръ очень сильный. Въ городѣ еще нѣсколько пожаровъ... Очень трудно...

Генераль Балкъ спросилъ, какъ относится толпа къ пожарнымъ, не разгромили ли еще пожарныхъ частей.

— Нѣтъ, насъ не трогаютъ. Мы—нейтральные. Полицейскіе участки громить, а у насъ благополучно...

Пожарный генераль уѣхалъ, а вскорѣ послѣ этого генераль Хабаловъ приказалъ всѣмъ переходить въ Зимній дворецъ.

Его штабные объяснили, что въ Царское Село пути уже отрубаны, а если погибать, то лучше во дворцѣ, «подъ царскимъ штандартомъ»...

Начались по телефону переговоры съ дворцовой администраціей, и въ 9 часовъ вечера послѣдніе защитники царской власти перебрались въ Зимній дворецъ.

Войска и жандармы заняли коридоры нижняго этажа и дворъ, а «начальствующія лица» сначала попали въ какую-то канцелярію въ нижнемъ этажѣ, а потомъ ихъ провели въ «запасную» половину, предоставивъ тамъ три комнаты.

Офицеры стали укладываться на ночлегъ на сдвинутыхъ стульяхъ или на полахъ, покрытыхъ мягкими коврами. Генералы потребовали чаю.

— Никакъ невозможно,—отвѣтилъ старый придворный лакей.—У насъ гофмаршальская часть не разрѣшаетъ раньше 9 часовъ утра.

Стали телефонировать въ гофмаршальскую часть, но толку не добились.

— Полагается въ 9 часовъ утра. Теперь никакъ невозможно.

Выручилъ старикъ-лакей.

— Я воду вскипачу. У меня есть стаканъ и чашка. И хлѣбъ есть. Только, если гофмаршальская часть, такъ за меня заступитесь. У насъ строго...

Утоливъ жажду, генералы стали дремать...

Опять потянулись скучныя, тоскливыя минуты ожиданія неизвѣстнаго будущаго.

Гдѣ-то часы пробили двѣнадцать...

— «Что день грядущій намъ готовить?»—продекламировалъ спросонокъ одинъ изъ генераловъ.

Вторникъ, 28-го февраля.

«Грядущій день» готовилъ засѣвшимъ въ Зимнемъ дворцѣ прежде всего сюрпризъ со стороны великаго князя Михаила Александровича.

Пріѣхалъ онъ совершенно неожиданно. Рассказывали, что онъ намѣренъ былъ уѣхать въ Царское Село, но автомобиль не пропустили, и Михаилъ Александровичъ рѣшилъ переночевать во дворцѣ.

Нѣкоторые старались объяснить пріѣздъ великаго князя не случайною, а желаніемъ его быть среди вѣрныхъ царю войскъ.

— Войска погибнуть, и онъ съ ними... Молодецъ!

Пока толковали о Михаилѣ Александровичѣ, генерала Балка позвали къ телефону. Вызывали его по царскосельскому проводу.

Свидѣтели разговора рассказываютъ, что генераль Балкъ сообщилъ вызывавшему его помощнику дворцоваго коменданта, что положеніе безнадежно.

что весь городъ въ рукахъ возставшихъ, что роспускъ Государственной Думы только усилилъ общее недовольство. Единственный исходъ—пойти на широкія уступки, удалить Протопопова, создать отвѣтственное министерство.

— Телеграфируйте государю, что династіи грозитъ гибель. Мы здѣсь погибнемъ, но что въ этомъ толку? Нужны немедленныя уступки, хотя, можетъ быть, и онѣ уже запоздали. Мой долгъ вѣрноподданнаго офицера велить заявить это...

Выслушавъ отвѣтъ, генераль Балкъ съ досадою, вѣшая трубку, воскликнулъ:

— Они тамъ голову потеряли... Требуютъ выслать конницу. Пойду, скажу Хабалову... Пропала царская Россія...

Конницы не выслали, такъ какъ лошади еле держались на ногахъ, и посылать измотавшихся за день людей значило бы зачислить и ихъ въ число «безвѣстно пропавшихъ».

А тѣмъ временемъ Михаилъ Александровичъ вызвалъ къ себѣ генерала Хабалова и потребовалъ удаленія войскъ изъ Зимняго дворца, заявивъ, что онъ не желаетъ, чтобы войска навлекали на дворецъ опасность...

Стали опять собираться въ походъ. Разбудили солдатъ, велѣли строиться.

— Царскій братъ, слышь, не велѣлъ...

Эта вѣсть произвела угнетающее впечатлѣніе:

— Гоняють, какъ собакъ... Что мы имъ дались? Уйдемъ, братцы, домой...

Около 6 часовъ утра генераль Хабаловъ со своимъ отрядомъ переселился опять въ адмиралтейство. Опять разставили орудія въ воротахъ, пулеметы—въ верхнемъ этажѣ, коней во дворѣ...

Стали снова ждать...

Но среди солдатъ недовольство «царскимъ братомъ» все росло, и къ 8 часамъ у нихъ и у ихъ офицеровъ созрѣло рѣшеніе уйти.

Заявили объ этомъ генералу Хабалову, и онъ отпустилъ всѣ войска. Цѣкоторыя части пошли въ казармы, нѣкоторыя, въ томъ числѣ и жандармы—къ Государственной Думѣ, неся красныя флаги...

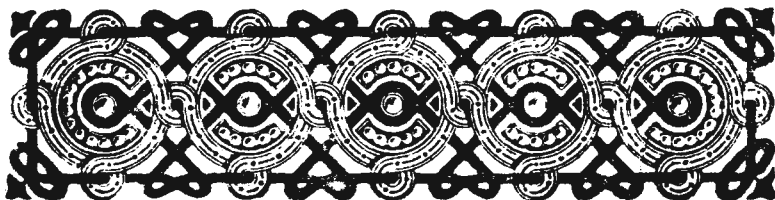
Въ адмиралтействѣ остались генералы Хабаловъ, Балкъ, Вендорфъ, Казаковъ и камергеръ Лысогорскій.

Сидя за кофе въ столовой, помѣщавшейся въ третьемъ этажѣ (окнами на Сенатскую площадь), они ждали появленія представителей новой власти, чтобы сдаться имъ.

Въ часъ дня явились солдаты и увезли ихъ всѣхъ на автомобилѣ въ Государственную Думу.

Н. Ө. Анаёмозъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ВЕРВАГО января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго со-общилъ:

На западномъ фронтѣ, въ рижскомъ районѣ, южнѣе озера Бабитъ нѣмцы густыми цѣпями повели наступленіе противъ нашихъ частей, находящихся въ 7 верстахъ восточнѣе д. Калицемъ; атака была отбита нашимъ огнемъ и контръ-атакой.

На румынскомъ фронтѣ австрійцы пытались наступать на наши части восточнѣе д. Путна (въ долину р. Пуатны), но были отброшены огнемъ. Атаки ихъ на наши части, расположенныя сѣвернѣе р. Слюнику и южнѣе р. Ойтось, были отбиты. Противникъ атаковалъ румынъ, расположенныхъ въ 6 верстахъ къ западу отъ Праlea (въ 18 верстахъ къ югу отъ впаденія р. Касина въ Тротусь).

Неприятельскія части пытались перейти въ наступленіе въ районѣ Радулесчи (въ 190 верстахъ къ востоку отъ Фокшаны), но нашимъ огнемъ были загнаны обратно въ свои окопы. Противникъ силой до трехъ полковъ при содѣйствіи сильной артиллеріи повелъ наступленіе на фронтъ нашего сторожевого охраненія отъ Коту-Михали (на р. Серетѣ) до Ведени (въ 10 верстахъ къ сѣверу отъ Браилова). Отбивъ нѣсколько атакъ, наши передовыя части, подъ давленіемъ неприятельскихъ превосходныхъ силъ, очистили с. Коту-Михали.

На кавказскомъ фронтѣ въ ночь на 30-ое декабря наши части атаковали турокъ, находившихся южнѣе с. Телме (въ 20 верстахъ сѣверо-западнѣе Валкита). Турки бѣжали. Нами взяты плѣнные, оружіе и разрушены оборонительныя сооруженія противника.

На англійскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 31-го декабря, въ истекшія сутки захвачено въ районѣ къ сѣверу отъ Анкра еще 28 плѣнныхъ, что доводитъ до 204 общее число германцевъ, взятыхъ нами въ плѣнъ во время удачныхъ опе-

рацій въ упомянутомъ районѣ. 30-го декабря вечеромъ къ сѣверу отъ Арраса англичане проникли въ двухъ мѣстахъ въ непріятельскія траншеи и захватили плѣнныхъ, понеся сами лишь ничтожныя потери. Въ теченіе дня довольно энергичныя дѣйствія артиллеріи наблюдались въ различныхъ участкахъ фронта, особенно на линіи Ранкуръ—Эбютернъ. Англичане успѣшно бомбардировали непріятельскія траншеи къ сѣверу отъ Рокара, находящагося къ сѣверу отъ Живанши.

1-го января, рано утромъ, къ сѣверо-западу отъ Серръ германцы энергичнымъ натискомъ значительныхъ силъ заняли одинъ изъ англійскихъ постовъ. Однако англичане тотчасъ же выбили ихъ оттуда и возстановили свои позиціи. Въ этомъ дѣлѣ они вновь захватили 13 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 2 офицеровъ.

Въ различныхъ пунктахъ англійской линіи къ сѣверу отъ Соммы и къ югу отъ Невшапеля англичане удачно бомбардировали германскія позиціи.

На итальянскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 1-го января, вдоль всего фронта происходила обычная артиллерійская перестрѣлка, особенно напряженная въ долині Дзудикариі, въ области Плавы и на сѣверныхъ склонахъ Карсо. Итальянцамъ удалось захватить нѣсколько плѣнныхъ и большое количество ящиковъ съ ручнымъ гранатами, брошенныхъ непріателемъ въ одной изъ оставленныхъ имъ воронокъ.

2-го января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

На западномъ фронтѣ безъ перемѣнъ.

На румынскомъ фронтѣ румыны атаквали противника, находившагося на высотахъ въ 7 верстахъ юго-восточнѣе Монестирка—Кашинуль (на р. Касина) и послѣ горячей штыковой схватки отбросили его на одну версту къ югу. Непріятельскія части, перешедшія въ наступленіе въ этомъ же районѣ, были не только отброшены румынами при содѣйствіи русскихъ войскъ, но и потѣснены на двѣ версты къ югу. Въ районѣ Ведени (въ 10 верстахъ юго-западнѣе Галаца) противникъ, силой около полка, повелъ наступленіе на наше сторожевое охраненіе, которое отошло нѣсколько къ сѣверу. Непріятельскія части послѣ сильной артиллерійской подготовки нѣсколько разъ атаквали наши позиціи въ районѣ Чуслея (въ 12 верстахъ сѣверо-восточнѣе Фокшанъ). Всѣ атаки были отбиты съ большими для противника потерями.

На французскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 1-го января, на югъ отъ Соммы и въ районѣ Вердена происходила обычная артиллерійская перестрѣлка. Къ югу отъ Берри-о-Бакъ нападенія развѣдочныхъ отрядовъ непріятеля отражены съ большими потерями для противника. Замѣчалось нѣкоторое оживленіе артиллерійскихъ дѣйствій на правомъ берегу Мааса и къ югу отъ Соммы.

По сообщенію отъ 2-го января, на Аврѣ и между Эномъ и Аргонами артиллерія развивала довольно оживленную дѣятельность.

На англійскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 2-го января, минувшей ночью съ 9 часовъ вечера непріятельскій отрядъ пытался напасть на одинъ изъ англійскихъ постовъ къ сѣверо-западу отъ Гекура. Попытка эта потерпѣла полную неудачу. Въ теченіе ночи англійскими патрулями было совершено нѣсколько увѣнчавшихся успѣхомъ дѣлъ близъ Невшапеля и Армантьера. 2-го января

послѣ полудня англичане съ успѣхомъ бомбардировали непріятельскія траншеи къ сѣверо-западу отъ Ланса.

На итальянскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 1-го января, на трентинскомъ фронтѣ происходитъ артиллерійская перестрѣлка. Мѣткимъ огнемъ итальянцы привели въ разстройство важныя передвиженія непріятельскихъ частей позади его линіи и нанесли уронъ расположенію нѣсколькихъ батарей его. На фронтѣ Юлійскихъ Альпъ артиллерійскій огонь, дѣятельность котораго тормозится дурной погодой, не помѣшавшей, однако, обычнымъ операціямъ итальянскихъ патрулей.

Императоръ Вильгельмъ опубликовалъ воззваніе къ германскому народу, въ которомъ говоритъ объ отвѣтѣ державъ согласія на мирныя предложенія Германіи и на ноту Вильсона.

По донесенію штаба Верховнаго Главнокомандующаго отъ 3-го января, на западномъ фронтѣ безъ перемѣнъ, на румынскомъ фронтѣ бои въ районѣ къ юго-западу отъ Праlea, въ 19 верстахъ къ югу отъ впаденія р. Касина въ р. Тротусъ, протекають съ перемѣннымъ успѣхомъ. Наши и румынскія части, наступающія въ 7 верстахъ къ югу отъ Праlea, продвинулись на 2 версты впередъ. Двѣ ночныя атаки противника въ двухъ верстахъ къ югу отъ Рекоса (на р. Сушица) были отбиты румынами. Въ районѣ Ведени (въ 10 верстахъ къ западу отъ Галаца) идутъ бои. Наши летчики сбросили бомбы надъ баржами и судами на Дунаѣ въ районѣ Браилова и вызвали пожаръ судовъ.

На Черномъ морѣ нашей подводной лодкой у Босфора потоплены 2 непріятельскихъ парохода.

На французскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 2-го января, дождливая погода во многихъ мѣстностяхъ вызвала наводненія. Наблюдались также снѣжныя мѣтели. Въ районѣ озера Преспа противникъ обнаружилъ нѣкоторую активность на фронтѣ итальянскихъ войскъ, гдѣ была отражена его атака и захвачены плѣнные.

На линіи Вардара и въ районѣ Сереса непріятельская артиллерія поддерживала ожесточенный огонь, подавляемый еще болѣе жестокимъ огнемъ французской артиллеріи, которымъ былъ разрушенъ непріятельскій складъ снарядовъ къ сѣверу отъ Арматуса. Къ югу отъ Охридскаго озера произошло нѣсколько столкновеній, болѣе значительное у Велитерны, гдѣ одинъ изъ отрядовъ индо-китайскихъ войскъ принималъ участіе въ дѣлѣ. Другой отрядъ немного продвинулся впередъ Свети.

По сообщенію отъ 3-го января, происходила артиллерійская перестрѣлка на обоихъ берегахъ Соммы, на правомъ берегу Мааса и въ Лотаринги. Послѣ бомбардировки, продолжавшейся прошлую ночь между Эномъ и Аргонами, германцы атаковали французскіе выдвинутые впередъ посты. Они были отброшены послѣ оживленнаго боя ручными гранатами. Французамъ удалось совершить нѣсколько успѣшныхъ набѣговъ на непріятельскія линія, причѣмъ захватили военный матеріалъ и взяли плѣнныхъ.

По сообщенію отъ 3-го января, послѣ обстрѣла снарядами, распространяющимися удушливые газы, и усиленной дѣятельности минометовъ, германцы сдѣлали попытку въ районѣ Соммы произвести внезапное нападеніе, которое

было безъ труда отражено. Французская артиллерія отвѣтила оживленнымъ огнемъ.

На англійскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 3-го января, на фронтѣ Струмы 1-го января британскій патруль нанесъ потери туркамъ и захватилъ 3 турокъ въ плѣнъ. Вблизи Неохори морская и сухопутная британская артиллерія бомбардировала непріятельскія позиціи. На фронтѣ Дойрава англичане овладѣли деревней Акинджали и нанесли потери непріятелю.

Въ теченіе ночи къ востоку отъ Лооса одинъ изъ англійскихъ отрядовъ проникъ въ германскую линію, забросавъ ручными гранатами прикрытія непріятеля, нанесъ большія потери и захватилъ плѣнныхъ. Къ сѣверу отъ Анкра англійская артиллерія съ успѣхомъ обстрѣляла германскій обозъ.

Кромѣ обычной артиллерійской перестрѣлки вдоль всего фронта, англичане съ большимъ успѣхомъ обстрѣляли германскія позиціи къ юго-востоку отъ Лооса и противъ лѣса Гренье.

Въ Месопотаміи англійскія операціи были затруднены вслѣдствіе сильно размягченной дождями почвы. 29-го декабря англійская кавалерія овладѣла Хаи, прибрежнымъ городомъ на Шать-эль-Хаи, захвативъ ружья, военные припасы и склады продовольствія турокъ. Англичане обстрѣляли и потопили на Тигрѣ 4 судна, изъ которыхъ одно перевозило войска. 29-го, 30-го и 31-го декабря къ востоку и сѣверо-востоку отъ Куть-эль-Амара продвинулись на правомъ берегу Тигра и захватили 2 пулемета, 2 траншейныхъ мортиры, бомбы и ружья. За исключеніемъ небольшой полосы земли въ излучинѣ Тигра, къ сѣверо-востоку отъ Куть-эль-Амара, весь правый берегъ Тигра къ востоку отъ Шать-эль-Хаи очищенъ отъ непріятеля.

Какъ сообщаетъ штабъ Верховнаго Главнокомандующаго, 4-го января на западномъ фронтѣ противникъ ведетъ интенсивную перестрѣлку въ районѣ желѣзной дороги Зборовъ—Золочовъ и къ югу отъ Августовки. Южнѣ Свистельники противникъ выставилъ открыто пулеметъ, которымъ обстрѣливалъ наши окопы. Удачнымъ прямымъ попаданіемъ нашего снаряда пулеметъ былъ разбитъ. Непріятельскимъ огнемъ къ югу отъ деревни Ямница (на рѣкѣ Быстрицѣ) обстрѣливались наши роты, производившія здѣсь работы. Снаряды, ложившіеся въ тылу, вреда намъ не нанесли. Огонь противника былъ вскорѣ прекращенъ нашей артиллеріей.

На румынскомъ фронтѣ, въ районѣ желѣзной дороги Быстриць—Кимполунгъ противникъ повелъ наступленіе на наше расположеніе къ сѣверу отъ высоты 4285, но былъ отброшенъ нашимъ огнемъ. Противникъ атаковалъ румынъ юго-западнѣ Пралеа (въ 18 верстахъ къ югу отъ впаденія рѣки Касина въ рѣку Тротусъ), но контръ-атакой былъ отброшенъ въ безпорядкѣ. Ночной атакой нашимъ частямъ удалось было выбить германцевъ изъ Герлесчи (къ юго-западу отъ устья рѣки Рымникъ), захвативъ 2 пулемета, но контръ-атакой превосходныхъ силъ мы были вынуждены очистить захваченную деревню. Атака нѣмцевъ къ юго-востоку отъ Герлесчи была остановлена нашимъ огнемъ. Наши части послѣ подготовки артиллерійскимъ огнемъ овладѣли штурмомъ с. Ведени (въ 10 верстахъ юго-западнѣ Галаца). Противникъ, получивъ подкрѣпленія, при содѣйствіи ураганнаго огня артиллеріи самъ перешелъ въ наступ-

иленіе съ цѣлью вернуть Ведени. Густыя цѣпи его, разстрѣливаемые нашимъ сосредоточеннымъ огнемъ, понесли большія потери и остановились, не дойдя до нашихъ окоповъ.

На французскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 3-го января, продолжалась довольно оживленная артиллерійская борьба въ районѣ Соммы, а также на фронтѣ къ сѣверо-востоку отъ Вердена и въ Лотарингіи. Набѣгъ на непріятельскія траншеи къ востоку отъ Виль-на-Эмъ намъ удался въ полной мѣрѣ.

По сообщенію отъ 4-го января, въ районѣ Соммы французы въ теченіе вечера отразили атаку германскихъ отрядовъ, пытавшихся послѣ обстрѣла, о которомъ вчера сообщалось, проникнуть за линію ихъ расположенія къ востоку отъ Флери и къ югу отъ Біаша. У Эпаржа, воспользовавшись взрывомъ мины, германцы повели небольшую атаку, отраженную послѣ энергичной рукопашной схватки. На Маасскихъ высотахъ и въ Апремонскомъ лѣсу французскіе патрули проникли въ непріятельскія линіи.

На бельгійскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 3-го января, слабая дѣятельность артиллеріи происходила въ районахъ Диксмюде и Стесенстрате, довольно напряженная по направленію къ Гетзасу.

На англійскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 4-го января, рано утромъ внезапное нападеніе непріятели на одну изъ англійскихъ позицій къ сѣверо-востоку отъ Гедекюра было отражено съ нанесеніемъ потерь непріятелю, причѣмъ ему не удалось достигъ англійскихъ траншей. Къ сѣверу отъ Бушавена, въ окрестностяхъ Курселета и въ долиинѣ Анк ра происходила артиллерійская перестрѣлка. У англичанъ продолжалась артиллерійская дѣятельность непріятели въ районахъ Бомонъ—Амель и близъ Арраса. Англійскія траншейныя мортиры обстрѣляли разрушительнымъ огнемъ передовые непріятельскіе окопы къ сѣверу отъ Монжи-о-Буа, сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ англичане обстрѣляли непріятельскія позиціи въ окрестностяхъ канала Ипръ—Коминъ, причинивъ большія поврежденія непріятельскимъ оборонительнымъ сооруженіямъ.

На итальянскомъ фронтѣ на южныхъ склонахъ горы Пикколо Лагазуюи (Ріо-Андразъ въ Верхнемъ Кордеволе) послѣ продолжительной и трудной подземной работы непріятель вечеромъ 1-го января взорвалъ большую мину подъ итальянскими позиціями въ Ченджіа Мартини, но, благодаря во время предпринятымъ нами работамъ, страшный взрывъ не имѣлъ совершенно никакихъ послѣдствій для нашихъ войскъ; наоборотъ, этимъ взрывомъ была уничтожена непріятельская галерея и причинены большія потери среди непріятельскихъ солдатъ. Обильное выпаденіе снѣга въ горныхъ областяхъ и не прекращающіеся дожди и туманы въ нижнихъ районахъ повліяли на военные операціи по всему фронту. Кромѣ разрозненнаго артиллерійскаго огня, ничего не было.

1-го января утромъ у Далматинскихъ острововъ австрійское судно было потоплено миной съ французской подводной лодки, прикомандированной къ итальянскимъ морскимъ силамъ. Подводная лодка подверглась нападенію австрійскаго аэроплана, но безрезультатно.

Высочайшими указами отъ 3-го января военному министру генералу-отъ-инфантеріи Шуваеву повелѣно быть членомъ Государственнаго Совѣта. Члену военнаго совѣта генералу-отъ-инфантеріи Вѣляеву военнымъ министромъ.

5-го января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ: На западномъ фронтѣ въ районѣ д. Сановиче, къ югу отъ Сморгони, наши развѣдывательныя части ворвались въ окопы противника и, вступивъ въ рукопашный бой, перекололи до 20 нѣмцевъ, въ то же время нашими подрывниками были взорваны 3 минныя галереи.

Въ районѣ къ западу отъ Сомеринки нашимъ артиллерійскимъ огнемъ были разрушены землянки противника, причемъ противникъ на нашъ огонь отвѣчалъ слабо, выпустивъ лишь нѣсколько снарядовъ по рощѣ, расположенной по дорогѣ Киселинъ—Блоневъ.

Въ районѣ с. Кричка (на р. Быстрицѣ) партія непріятельскихъ развѣдчиковъ, силой до 100 человекъ, приблизилась къ нашей заставѣ. Подпустивъ противника вплотную, наша застава выдержаннымъ огнемъ обратила его въ бѣгство; захвативъ при этомъ брошенное снаряженіе и оружіе.

Въ Лѣснстыхъ Карпатахъ противникъ, выпустивъ до 200 снарядовъ, повелъ наступленіе на одну изъ высотъ въ 10 верстахъ къ югу отъ горы Пневъ, но былъ отброшенъ нашимъ огнемъ.

На румынскомъ фронтѣ попытки противника переходить въ наступленіе на высоты къ югу отъ р. Ойтось остановлены нашимъ огнемъ. Румыны отбили атаку нѣмцевъ къ югу отъ Монестирка—Кашинулъ (на р. Касина). Къ юго-западу отъ Прагса румыны окружили высоту, занятую противникомъ, взявъ много пѣнныхъ и 4 пулемета. На остальномъ фронтѣ до Дуная и вдоль Дуная—перестрѣлка.

На французскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 4-го января, на всемъ протяженіи фронта происходила обычная дѣятельность артиллеріи и траншейныхъ орудій. 4-го января вечеромъ на Маасскихъ высотахъ послѣ трехъ часовъ ожесточенной бомбардировки противникъ направилъ на лѣсъ Дешевелье цѣлый рядъ развѣдочныхъ отрядовъ, которые были отбиты огнемъ французской артиллеріи и пулеметовъ, нанесшихъ большія потери противнику.

На англійскомъ фронтѣ 5-го января утромъ англичанами послѣ предварительной артиллерійской подготовки занята линія непріятельскихъ постовъ къ сѣверу отъ Бокура на Анкрѣ. Съ незначительнымъ потерями всѣ намѣченныя англичанами цѣли были достигнуты на фронтѣ протяженіемъ приблизительно въ 600 ярдовъ. Захваченныя позиціи противника значительно улучшаютъ англичанамъ наблюдательныя средства въ этомъ участкѣ. 5-го января, послѣ полудня непріятельская контръ-атака была отбита заградительнымъ огнемъ англійской артиллеріи съ нанесеніемъ тяжелыхъ потерь противнику. Англичане продолжаютъ укрѣплять вновь захваченныя ими позиціи. Съ полнымъ успѣхомъ были произведены 4-го и 5-го января значительныя набѣги въ окрестностяхъ Ланса. 4-го января къ вечеру подъ прикрытіемъ сильной бомбардировки они проникли въ германскія позиціи къ югу отъ Калонна, лежащаго къ западу отъ Ланса. Англійскія войска достигли вспомогательныхъ линій противника и забросали ихъ бомбами, разрушивъ прикрытія и нанеся непріятельскому гарнизону большія потери. Англійскія потери незначительны. Во время этой операціи англичанами съ успѣхомъ была взорвана одна мина 5-го января.

Утром канадскія войска съ большимъ успѣхомъ произвели днемъ новое нападеніе къ сѣверо-востоку отъ Калонна, преодолѣли непріятельскія траншеи на фронтѣ въ 700 ярдовъ и проникли вглубь на 300 ярдовъ до второй линіи непріятельскихъ траншей, гдѣ также нанесли противнику тяжкія потери, совершенно уничтоживъ его прикрытія и взявъ въ плѣнъ одного офицера и 9 солдатъ и захвативъ 2 пулемета и одну траншейную мортиру. Англійская артиллерія и пулеметы весьма успѣшно содѣйствовали пѣхотѣ, причемъ потери англичанъ и на этотъ разъ были весьма незначительны.

На итальянскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 4-го января, дѣйствія артиллеріи были вновь прерваны на всемъ протяженіи фронта вслѣдствіе не прекращающейся дурной погоды. На Карсо итальянскія патрули проявили дѣятельность, забросавъ непріятельскія траншеи ручными гранатами и захвативъ плѣнныхъ.

Высочайшими указами отъ 5-го января повелѣно предопредѣленный указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 15-го декабря 1916 года, срокъ возобновленія занятій Государственнаго Совѣта и Государственной Думы отложить, назначивъ таковымъ срокомъ 14-го февраля 1917 года.

6-го января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣщалъ:

На западномъ фронтѣ въ ночь на 5-е января въ районѣ Михалова, къ сѣверо-востоку отъ Барановичей, частями одного изъ нашихъ полковъ произведено было нападеніе на двѣ заставы противника. Обѣ заставы были захвачены, причемъ 17 нѣмцевъ было взято въ плѣнъ. Остальные переколоты. Противникъ огнемъ тяжелой артиллеріи обстрѣливалъ ложину у дер. Бубновъ. Въ районѣ Зборова противникъ, разрушивъ мѣстами артиллерійскимъ огнемъ наши проволочныя загражденія, перешелъ въ наступленіе на наши части, расположенныя на высотахъ къ юго-западу отъ Зборова, и, несмотря на огонь нашей артиллеріи, небольшая часть его ворвалась въ наши окопы, но тотчасъ же была выбита подошедшими резервами и положеніе было возстановлено.

На румынскомъ фронтѣ въ долинахъ рѣки Тротуша и Ойтоса противникъ рѣдкимъ огнемъ тяжелой артиллеріи обстрѣливалъ мѣст. Окна и деревню Богданешти. На остальномъ фронтѣ рѣдкая перестрѣлка и поиски развѣдчиковъ.

По сообщенію отъ 6-го января, на французскомъ фронтѣ, довольно серьезнай артиллерійская перестрѣлка происходитъ въ Вогезахъ, Лотарингіи и въ районѣ Суассона.

На англійскомъ фронтѣ, къ сѣверу отъ Бокура на Анкрѣ англичане въ теченіе ночи снова продвинулись нѣсколько впередъ вслѣдствіе удачной артиллерійской подготовки на этомъ участкѣ. Къ востоку отъ Пледстрета ими въ теченіе дня были обстрѣяны германскія оборонительныя укрѣпленія. Къ югу отъ Сайи-Сайизель и къ востоку отъ Бетюна развиваеъ свою дѣятельность германская артиллерія.

На итальянскомъ фронтѣ снѣгъ и метель препятствовали дѣятельности итальянскихъ войскъ на гористыхъ участкахъ фронта. На Карсо непріятельская артиллерія и аэропланы проявили болѣе усиленную дѣятельность противъ итальянскихъ передовыхъ линій.

Въ Албаніи 3-го января одинъ изъ итальянскихъ кавалерійскихъ отрядовъ занялъ Сализей и Арру къ сѣверо-востоку отъ Грени и по сосѣдству дороги Ирикавица—Корица.

На бельгійскомъ фронтѣ, въ районѣ Рамскапелле, Дикемюда и Гетзаса происходила артиллерійская перестрѣлка. Въ направленіи Стеенстрате происходилъ оживленный бой ручными гранатами.

7-го января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что на западномъ фронтѣ происходила перестрѣлка арміи и поиски развѣдчиковъ.

На румынскомъ фронтѣ въ районѣ Бараса (въ 15 верстахъ къ югу отъ горы Ла-Мунтелу) противникъ пытался переходить въ наступленіе, но былъ отброшенъ огнемъ. Къ юго-востоку отъ Ракоть-Яшь противникъ переходилъ въ наступленіе, но успѣха не имѣлъ. На этомъ участкѣ непріятель велъ огонь исключительно разрывными пулями. Къ юго-западу отъ Пралеа бои продолжаются. Наши развѣдчики, переправившись черезъ р. Путна, въ районѣ Олесеси (въ 16 верстахъ къ сѣверу отъ Фокшаны), уничтожили непріятельскую заставу, переколовъ часть людей и захвативъ остальныхъ въ плѣнъ. Противникъ подъ прикрытіемъ сосредоточеннаго огня легкой и тяжелой артиллеріи повелъ наступленіе значительными силами на фронтѣ Нанесчи—устье р. Рымникъ и отбѣснилъ наши части къ р. Сереть.

На кавказскомъ фронтѣ на султанабадскомъ направленіи нашими конными частями 3-го января заняты Буруджирдъ. Во время послѣднихъ столкновеній съ турками обнаружено, что послѣдніе стрѣляютъ разрывными пулями.

На французскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 6-го января, въ теченіе дня артиллерія энергично боролась съ непріятельской артиллеріей на участкахъ къ востоку отъ Оберива у высоты «304» и фермы Шамбретъ. По сообщенію отъ 7-го января, въ районѣ Плесси-де-Руа, къ югу отъ Ласиньи, временами непродолжительный, но сильный артиллерійскій огонь.

На бельгійскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 6-го января, артиллерійскіе бои съ большимъ напряженіемъ происходили въ районѣ Рамскапелле.

На англійскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 7-го января, 6-го вечеромъ къ востоку отъ Фокиссара англичане отбили германскій патруль, пытавшійся приблизиться къ ихъ линіямъ.

Въ теченіе дня въ районѣ Анкра англійская артиллерія разсѣяла нѣсколько непріятельскихъ рабочихъ отрядовъ, и, кромѣ того, были успѣшно обстрѣяны германскія позиціи близъ канала Лабассэ. На остальномъ протяженіи фронта происходила обычная дѣятельность артиллеріи.

На итальянскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 7-го января, 6-го на фронтѣ Трентино опять наблюдалась только ограниченная дѣятельность артиллеріи. Итальянскія батареи пренятствовали передвиженію непріятели въ долинѣ Адидже. На Карсо утромъ 6-го и днемъ непріятель производилъ напряженную и продолжительную бомбардировку итальянскихъ позицій въ районѣ между Фриджида и дорогой изъ Опакиаселла въ Кастаньевичу. Итальянская артиллерія энергично отвѣчала, заставивъ остановиться и разсѣяться скопленія непри-

ителя, который пытался продвинуться по направлению къ итальянскимъ позиціямъ

Въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ на имя председателя Совѣта Министровъ, князя Голицына указывается:

«Пыль, на переломѣ великой войны, все помыслы русскихъ людей, безъ различія народностей и сословій, обращены къ доблестнымъ, покрытымъ славой защитникамъ нашей родины, въ суровомъ напряженіи ожидающимъ рѣшительнаго столкновенія съ врагомъ. Въ полномъ единеніи съ нашими вѣрными союзниками, не допуская мысли о заключеніи мира ранѣе окончательной побѣды, Я твердо вѣрую, что народъ русскій, самоотверженно несущій бремя войны, исполнить свой долгъ до конца, не останавливаясь ни передъ какими жертвами. Природные запасы нашего отечества исчерпаемы и устраняютъ опасность того истощенія страны, которое, видимо, наступаетъ для нашихъ противниковъ. Но тѣмъ большее значеніе приобретаетъ упорядоченіе продовольственнаго дѣла, столь важнаго и сложнаго при настоящихъ условіяхъ.

«Поэтому первѣйшую задачею объединяемаго въ вашемъ лицѣ правительства поставляю заботу какъ о снабженіи продовольствіемъ доблестныхъ. Моихъ армій, такъ и о возможномъ смягченіи въ тылу неизбежныхъ при міровой борьбѣ народовъ продовольственныхъ затрудненій. Я ожидаю, что на широкомъ осуществленіи и развитіи мѣръ, которыя въ послѣднее время въ этихъ цѣляхъ предприняты, будетъ сосредоточена общая работа всего правительства. Въ дѣлѣ снабженія армій и населенія необходима согласованность распоряженій какъ всехъ властей фронта и тыла, такъ и отдѣльныхъ вѣдомствъ, объединяемыхъ руководствомъ Совѣта Министровъ.

«Другая задача, которой Я придаю такое же преобладающее значеніе,— это дальнѣйшее улучшение какъ желѣзнодорожныхъ, такъ и рѣчныхъ перевозокъ. Совѣту Министровъ надлежитъ выработать рѣшительныя въ этой области мѣры, обеспечивающія всемѣрное использование перевозочныхъ средствъ, и установить твердую плановѣность перевозокъ для своевременнаго снабженія всемъ необходимымъ армій и тыла, при полной согласованности дѣйствій всехъ вѣдомствъ.

«Предуказывая эти ближайшія задачи предстоящей работы, Я хочу вѣрить, что дѣятельность Совѣта Министровъ подъ вашимъ председательствомъ встрѣтитъ помощь въ средѣ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, объединяясь единодушнымъ и горячимъ желаніемъ довести войну до побѣднаго конца. Благожелательное, прямое и достойное отношеніе къ законодательнымъ установленіямъ Я ставлю въ непремѣнную обязанность призванныхъ Мною къ государственному служенію лицъ.

«Въ предстоящей дѣятельности по устройству хозяйственной жизни страны незамѣнимой опорой правительства явятся земства, которыя работой своей какъ въ мирное время, такъ и въ годину войны доказали, что въ нихъ неугасимо сохраняются свѣтлые завѣты устроителя земской жизни, незабвеннаго Моего Дѣда, императора Александра Второго».

По сообщенію штаба Верховнаго Главнокомандующаго отъ 8-го января на западномъ фронтѣ, на ковельскомъ направленіи въ районѣ къ западу,

сѣверо-западу отъ Величка нами было произведено два огневыхъ нападенія на участки непріятельскаго расположенія. Мѣстами нашимъ огнемъ были повреждены проволочныя загражденія противника и отмѣчено много удачныхъ попаданій, причемъ въ одномъ изъ блиндажей произведенъ взрывъ. Тяжелая артиллерія противника стрѣляла по нашему расположенію къ сѣверу отъ Большовце (на р. Нараювкѣ), слегка повредила наши окопы въ районѣ д. ст. Скоморохи. Къ югу отъ Станиславова наши развѣдчики атаковали партію развѣдчиковъ въ районѣ д. Загвоздь, и послѣ рукопашной схватки часть австрійцевъ была переколота, а часть взята въ плѣнъ. На остальномъ фронтѣ перестрѣлка.

По сообщенію отъ 7-го января, на французскомъ фронтѣ, въ районѣ къ югу отъ Лассиньи въ теченіе утра продолжился довольно ожесточенный артиллерійскій бой. Внезапное нападеніе, произведенное непріятелемъ противъ одной изъ французскихъ траншей, окончилось неудачей. Произведенный французами къ сѣверо-западу отъ Суассона набѣгъ на непріятельскія линіи въ участкѣ Венгръ далъ имъ возможность хватить плѣнныхъ. Сильный германскій развѣдочный отрядъ, пытавшійся приблизиться къ французскимъ линіямъ въ районѣ къ юго-западу отъ Альгирха, былъ отраженъ нашимъ огнемъ.

На ближнемъ востокѣ, въ районѣ Нагоровъ—Тырнова, на Вардарѣ и въ направленіи Дойрана идетъ артиллерійскій бой. Русскіе произвели успѣшное нападеніе въ районѣ Спаравина.

На бельгійскомъ фронтѣ, въ участкѣ Рамскапелле происходилъ артиллерійскій бой. Бельгійскія батареи заставили замолчать германскія батареи въ районѣ Дикемода, гдѣ въ теченіе дня прозошли ожесточенные артиллерійскіе бои. Весьма сильные бои съ участіемъ полевыхъ и траншейныхъ орудій произошли въ направленіи Стенстраате—Гетзасъ.

На англійскомъ фронтѣ, 6-го вечеромъ англичане произвели внезапное успѣшное нападеніе къ востоку отъ Сентъ-Элуа. Артиллерія обѣихъ сторонъ проявила значительную дѣятельность въ теченіе дня, въ особенности на правомъ британскомъ флангѣ, къ сѣверу отъ Соммы. Англичане разсѣяли отряды непріятельскихъ рабочихъ къ сѣверо-востоку отъ Невшатель и подвергли энергичной бомбардировкѣ германскія позиціи въ окрестностяхъ канала Лабассэ и къ юго-востоку отъ лѣса Гренъе.

На итальянскомъ фронтѣ, въ верхнемъ и среднемъ теченіяхъ Изонцо непріятельскія траншейныя орудія проявили болѣе энергичную дѣятельность, но были приведены къ молчанію огнемъ итальянскихъ батарей. На Карсо произошло нѣсколько артиллерійскихъ боевъ, имѣвшихъ особенно энергичный характеръ въ сѣверной части участка. Итальянскія батареи препятствовали передвиженію непріятельскихъ войскъ въ окрестностяхъ Раціано, обстрѣливая непріятельскія линіи сообщеній.

9-го января отъ штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

На западномъ фронтѣ около трехъ часовъ ночи на 8-го января нѣмцы, силами до двухъ ротъ, пытались наступать на участкѣ къ югу отъ д. Дарова (на р. Шарѣ, къ юго-востоку отъ Барановичей), но, остановленные нашимъ огнемъ, отошли въ свои окопы. Но ковельскомъ направленіи противникъ

сильным артиллерийским минометным огнем обстреливали наше расположение на фронтъ Рудка-Миринская—Велицкъ, послѣ чего небольшими частями перешелъ въ наступленіе и ворвался въ наши окопы въ двухъ верстахъ къ югу отъ Рудки-Миринской, однако подоспѣвшими резервами былъ немедленно выбитъ, и положеніе наше было восстановлено. Въ районѣ Свидники (на желѣзной дорогѣ Рожище—Ковель) и въ районѣ Старый-Моссоръ наша артиллерія вела интенсивный огонь по проволочнымъ загражденіямъ и блинкамъ противника.

Къ югу отъ Броды противникъ въ теченіе ночи обстрѣливалъ участки нашихъ позицій у Дубе, Баткува и Гукаловце, а также у шоссе Тарнополь—Золочовъ. Въ районѣ нашего расположенія къ югу отъ Бржезаны лейтенантъ французской службы летчикъ Грассе атаковалъ германскій аэропланъ и сбиль его, при чемъ германскій аппаратъ камнемъ упалъ въ свое расположеніе у д. Скоморохи (Нове) на р. Нараювкѣ.

На румынскомъ фронтѣ попытки противника наступать въ долину р. Ойтось были остановлены нашимъ огнемъ. На остальномъ фронтѣ перестрѣлка.

На Кавказскомъ фронтѣ наступленіе двухъ турецкихъ батальоновъ на наши части, расположенныя восточнѣе Кемаха, было отбито.

На Черномъ морѣ наша подводная лодка утопила у Востора одинъ непріятельскій пароходъ и девять шхунъ.

По сообщенію отъ 8-го января, на французскомъ фронтѣ, въ районѣ Лассиньи германцы произвели попытку атаковать одну изъ французскихъ траншей. Непріятель, безъ труда отброшенный у Кайни-на-Матцѣ, оставилъ въ рукахъ французовъ плѣнныхъ.

Къ сѣверу отъ Соммы французскія батареи обстрѣляли и разсылали продвигавшіяся въ районѣ горы Сень-Кантена непріятельскія войска. На правомъ берегу Мааса оживленная дѣятельность французской и непріятельской артиллеріи въ секторахъ Вашеровилля, Шамбретта и лѣса Коррьеръ. Къ сѣверу отъ Ванъ-де-Сапта, послѣ оживленнаго обстрѣла, французы произвели спѣшное внезапное нападеніе на германскія линіи у Сепона.

На правомъ берегу Мааса германцы 8-го января къ концу дня подвергли ожесточенной бомбардировкѣ французскія траншеи къ сѣверу отъ лѣса Коррьеръ. Непріятельскія атаки были дважды отражены французскимъ пулеметнымъ и артиллерийскимъ огнемъ и французская линія сохранилась въ полной неприкосновенности. Въ теченіе ночи артиллерія проявила дѣятельность въ участкѣ высоты Пуавръ.

На бельгійскомъ фронтѣ, происходила артиллерійская дуэль у Диксмюда, на фронтѣ Стеенстрате—Гетзаса.

На англійскомъ фронтѣ, англичане произвели удачное нападеніе на непріятельскія траншеи къ юго-востоку отъ Лооса. Непріятельскія прикрытія, въ которыхъ находилось большое число германскихъ солдатъ, были разрушены бомбами, при чемъ противнику нанесены серьезныя потери. Англійскія потери незначительны. При этомъ нападеніи англичанъ нами захвачено нѣсколько плѣнныхъ. Въ прошлую ночь они проникли также въ непріятельскія линіи къ сѣверу отъ Певшанелля. Успѣшно

обстрѣляны позиціи противника у лѣса Сень-Пьерь-Ваастъ и вблизи Гомкура и Армантьера.

Въ Месопотаміи, по англійскому сообщенію отъ 6-го января, противникъ отброшенъ съ узкой полосы земли на правомъ берегу Тигра къ сѣверо-востоку отъ Куть-эль-Амары. Цѣлая система непріятельскихъ траншей по фронту около 1.500 метровъ въ длину и одного километра въ глубину находится въ настоящее время въ англійскихъ рукахъ, и весь правый берегъ Тигра до Куть-эль-Амары совершенно очищенъ отъ противника. Новый успѣхъ одержанъ также противъ непріятельскихъ траншей на правомъ берегу рѣки къ юго-западу отъ Куть-эль-Амары.

10-го января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ, что на западномъ фронтѣ въ рижскомъ районѣ сѣвернѣе оз. Куггеройнъ нѣмцы, одѣтые въ бѣлые халаты, атаковали наши заставы, но были отбиты. Противникъ послѣ сильной артиллерійской подготовки атаковалъ наши части, находящіеся восточнѣе д. Калнцемъ, но былъ отброшенъ съ большими для него потерями.

На рѣкѣ Стоходѣ въ районѣ Свидники и Старый Моссоръ наши развѣдчики, пройдя первую линію проволочныхъ загражденій противника, пробілись ко второму ряду; противникъ, обнаруживъ это движеніе, открылъ по развѣдчикамъ сильный ружейный и артиллерійскій огонь, подъ прикрытіемъ котораго, силами около роты, перешелъ въ наступленіе. Южнѣ Стараго Моссора огнемъ нашей артиллеріи наступленіе было остановлено.

Къ югу отъ Врзежанъ наша артиллерія удачно обстрѣливала работы противника въ лѣсу у д. Мичищувъ и въ районѣ д. Свистельники на рѣкѣ Нараявкѣ.

На кавказскомъ фронтѣ отрядъ противника атаковалъ наши части, находившіеся въ районѣ Девлетъ-Абада, и занялъ командующія высоты на фронтѣ Назанъ—Шерифъ-Абадъ—горный массивъ Гармикухъ (сѣверо-восточнѣе Девлетъ-Абада). Наши части отошли на высоты у перевала Доштъ-Абадъ.

По сообщенію отъ 9-го января, на французскомъ фронтѣ день прошелъ сравнительно спокойно, за исключеніемъ праваго берега рѣки Мааса, гдѣ артиллерійскій огонь достигъ большого напряженія на участкахъ Дуомона и лѣса Корьеръ, а также въ Вогезахъ, у Шапелотъ.

По сообщенію отъ 10-го января, довольно оживленная артиллерійская перестрѣлка происходила между Уазой и Эномъ.

На бельгійскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 9-го января, въ районѣ Гетзаса сильный артиллерійскій бой при участіи полевыхъ и траншейныхъ орудій.

На англійскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 10-го января, 9-го января вечеромъ къ сѣверу отъ Арраса германцы пытались произвести набѣгъ на англійскія линіи, но были съ потерями отбиты, не достигнувъ англійскихъ траншей. Подобнымъ же образомъ не удалось 10-го января вечеромъ другое нападеніе германцевъ къ сѣверо-востоку отъ лѣса Плэгстертъ. 9-го января вечеромъ и 10-го днемъ англійскимъ партулямъ и метателямъ ручныхъ гранатъ удалось привести нѣсколько плѣнныхъ въ результатъ ихъ операцій близъ Гранкура, Невилль-Сень-Вааста, Фокисара и Вейтохате. Въ теченіе дня къ сѣверу отъ Соммы въ районахъ Серра и Плэгстерта происходила артил-

лерійская перестрѣлка. Около Арраса англійская тяжелая артиллерія вызвала взрывъ въ непріятельскихъ линіяхъ.

На итальянскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 9-го января, вдоль всего фронта происходила дѣятельность непріятельской артиллеріи средняго напряженія. Итальянскія батареи обстрѣляли прикрытія непріятели въ районѣ Лагазой (горный потокъ Бойте) и, какъ обычно, обстрѣливали непріятельскія линіи сообщенія. На Карсо непріятельскіе развѣдывательные отряды были атакованы и разсѣяны нашими итальянскими войсками.

Штабъ Верховнаго Главнокомандующаго 11-го января увѣдомилъ:

На западномъ фронтѣ послѣ сильной артиллерійской подготовки нѣмцы значительными силами атаковали наши части, занимавшія позиціи между болотомъ Тируль (западнѣе Риги) и рѣкой Аа, а также и восточнѣе деревни Калицеиъ. Повторными атаками германцамъ удалось оттѣснить наши войска на 2—3 версты къ сѣверу. Упорные бои продолжаются. Попытки противника наступать на наше располженіе восточнѣе Тененфельда (юго-западнѣе Иллукста) были остановлены нашимъ огнемъ.

Въ районѣ Лезуноля наша артиллерія удачнымъ огнемъ разсѣяла колонну противника, силой до батальона, двигавшуюся въ сѣверо-западномъ направленіи.

На румынскомъ фронтѣ на фронтѣ до Дуная—перестрѣлка и поиски развѣдчиковъ. На Дунаѣ противъ Тульчи болгары силой около батальона, воспользовавшись туманомъ, переправились утромъ черезъ Георгіевскій рукавъ. Наши части стремительной ночной атакой безъ выстрѣла уничтожили переправившійся отрядъ, взявъ въ плѣнъ пять офицеровъ и 332 нижнихъ чина и захвативъ 4 пулемета, при чемъ наши части потеряли ранеными одного офицера и 41 нижняго чина и одного убитаго.

На французскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 10-го января, въ нѣкоторыхъ пунктахъ Шампани и Аргоннъ развивается довольно оживленная канонада. Въ Лотарингіи французы произвели внезапное нападеніе на непріятельскія расположенія въ районѣ Режикура.

10-го января поручикъ Гюнмеръ сбилъ 26-й по счету изъ числа имъ сбитыхъ германскихъ аэроплановъ; охваченный огнемъ, аппаратъ упалъ близъ Морепа. Въ тотъ же день 16 англійскихъ морскихъ летчиковъ бомбардировали горные заводы въ Бюрбахѣ, въ бассейнѣ рѣки Саара.

Одинъ изъ французскихъ летчиковъ бомбардировалъ станцію День-на-Маасѣ, сѣверная часть которой пострадала отъ бомбардировки.

На англійскомъ фронтѣ 10-го января на разсвѣтѣ къ сѣверо-востоку отъ Невилль-сенъ-Вааста англичане произвели нападеніе на непріятельскія траншеи и захватили плѣнныхъ. Въ теченіе минувшей ночи близъ Фокисара продолжался бой ручными гранатами. Кромѣ нападенія, германцы минувшей ночью пытались произвести два другихъ нападенія въ районѣ между Армантьеромъ и Плэгстертомъ; одно изъ этихъ нападеній было отражено прежде, чѣмъ непріятельскіе солдаты достигли англійскихъ траншей; въ другомъ же мѣстѣ германцамъ удалось достигнуть англійскихъ траншей, но они немедленно были выбиты оттуда. Взятые подъ огонь

английских пулеметовъ въ теченіе этой атаки и отступленія германцы понесли большія потери, оставивъ передъ позиціями англичанъ значительное число труповъ. Въ теченіе дня происходила довольно оживленная дѣятельность артиллеріи и траншейныхъ мортиръ. Британскіе аэропланы оказывали энергичное содѣйствіе работъ своей артиллеріи.

На бельгійскомъ фронтѣ за ночь 9-го января, равно какъ и въ теченіе дня 10-го января, происходила оживленная дѣятельность артиллеріи на всемъ протяженіи фронта. Въ районѣ Гетзаса артиллерійская перестрѣлка и бой ручными гранатами принимали крайне ожесточенный характеръ.

На итальянскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 10-го января, на трентинскомъ фронтѣ происходила слабая артиллерійская дѣятельность со стороны непріятеля. Итальянскія батареи разсѣяли непріятельскія рабочія партіи въ районѣ Пазубіо и на склонахъ горы Селуджо, въ долинѣ Мастико. Въ районѣ Плавы, на среднемъ теченіи Изонцо, развивалась обычная стрѣльба батарей траншейныхъ мортиръ.

Къ юго-востоку отъ Горицы, послѣ краткой, но весьма энергичной артиллерійской подготовки, непріятельскому отряду удалось достигнуть одной изъ итальянскихъ траншей, откуда, однако, онъ былъ немедленно выбитъ.

9-го января вечеромъ американскій посолъ въ Петроградѣ передалъ министру иностранныхъ дѣлъ ноту, къ которой былъ приложенъ текстъ заявленія, сдѣланнаго президентомъ Вильсономъ въ сенатѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ 9-го же января. Огмѣтивъ въ этомъ заявленіи свое выступленіе отъ имени Соединенныхъ Штатовъ 18-го декабря съ мирнымъ предложеніемъ посредничества между воюющими государствами, президентъ на этотъ разъ въ своей обширной рѣчи намѣчаетъ проектъ мирнаго соглашенія и гарантій будущаго договора о мирѣ.

Штабъ Верховнаго Главнокомандующаго 12-го января сообщилъ о томъ, что на западномъ фронтѣ цѣпи противника, пытавшіяся наступать послѣ сильной артиллерійской подготовки на наши части, расположенныя сѣвернѣе ф. Шмарденъ и близъ сѣверо-западнаго угла болота Тируль (западнѣе Риги), были загнаны нашимъ огнемъ обратно въ свои окопы. Настойчивыя атаки противника на наши войска, расположенныя между болотомъ Тируль и р. Аа, сначала отбивались нашимъ огнемъ, но затѣмъ стремительной контръ-атакой одного изъ нашихъ доблестныхъ полковъ противникъ былъ сбитъ съ бугровъ, расположенныхъ у восточной окраины болота Тируль, и отброшенъ къ югу. Восточнѣе р. Аа наши части перешли въ наступленіе по направленію на д. Калицеиъ. Нѣмцы, обстрѣлявъ наступавшихъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, перешли въ контръ-атаку, и потѣснили наши войска на $\frac{1}{2}$ —1 версту къ сѣверу. Упорные бои продолжаются.

На Черномъ морѣ нашей подводной лодкой утоплены у Босфора 4 шхуны и 3 шхуны были принуждены ею выброситься на берегъ, гдѣ ихъ разбило штормомъ.

На французскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 11-го января, французская артиллерія обстрѣляла разрушительнымъ огнемъ непріятельскія траншеи въ районѣ Муленъ Сутуванъ, къ сѣверо-востоку отъ высоты 304. Довольно

оживленный артиллерійскій бой происходилъ въ секторѣ лѣса Корьеръ. Германцы произвели два внезапныхъ нападенія—одно на линіи французскаго расположенія въ секторѣ Мисси къ востоку отъ Суассона и другое на Эпаржъ. Оба нападенія были отбиты, причемъ французы взяли плѣнныхъ. На остальномъ протяженіи фронта происходила съ перерывами обычная оружія перестрѣлка.

На Ближнемъ Востокѣ, во многихъ пунктахъ балканскаго фронта выпалъ обильный снѣгъ. Артиллерійскій бой продолжался съ особеннымъ упорствомъ въ части фронта, занятой итальянскими войсками и въ районѣ Гевгели. Слѣдуетъ отмѣтить успѣшныя дѣйствія русскихъ войскъ въ районѣ Старавинъ, благодаря которымъ были захвачены плѣнные. Турецкій отрядъ, производившій развѣдку близъ Какарека, потерпѣлъ неудачу.

По сообщенію съ французскаго фронта отъ 12-го января, германцы послѣ сильной бомбардировки безуспѣшно пытались произвести внезапное нападеніе на французскія траншеи въ 3 километрахъ къ юго-востоку отъ Берри-о-Бака. Непрiятель оставилъ убитыхъ на полѣ сраженія.

На бельгійскомъ фронтѣ, происходила весьма оживленная артиллерійская перестрѣлка въ районѣ Диксмюда, Стеенстрате и Гетзааса. Бельгійскія батареи успѣшно обстрѣляли непріятельскія расположенія къ сѣверо-востоку отъ Вусинге.

На англійскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 12-го января, попытка непріятеля произвести побѣгъ на англійскія траншеи къ юго-западу отъ Лооса отбита безъ труда. Противникъ оставилъ въ рукахъ англичанъ множество убитыхъ и раненыхъ. Англійскія потери очень незначительны. Другой отрядъ противника, взятый этой ночью подъ огонь англійской артиллеріи, былъ отбитъ съ потерями для непріятеля. Въ теченіе ночи англичане успѣшно проникли въ непріятельскія траншеи къ юго-востоку отъ Ипра.

Къ сѣверо-востоку отъ Сушъ англичане обстрѣляли траншеи и укрѣпленія непріятеля съ хорошимъ результатомъ. 11-го января съ обѣихъ сторонъ происходила сильная воздушная дѣятельность. Во время воздушныхъ боевъ былъ сбитъ одинъ изъ англійскихъ аэроплановъ, 6 германскихъ аппаратовъ разрушены и 3 другихъ принуждены были спуститься, получивъ сильныя поврежденія. Не досчитываются двухъ англійскихъ аэроплановъ.

На итальянскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 11-го января, въ ночь съ 9-го на 10-го января въ районѣ Тонале (Вальканоника) непріятельскіе отряды сдѣлали попытку приблизиться къ итальянскимъ позиціямъ; но были отброшены. На трентинскомъ фронтѣ 10-го января происходила обычная артиллерійская перестрѣлка. Итальянскія орудія произвели разрушенія на нѣкоторыхъ позиціяхъ непріятельскихъ батарей. На фронтѣ Юлійскихъ Альпъ артиллерія проявляла усиленную дѣятельность къ востоку отъ Горицы и между озеромъ Бонети и Добердо на Карсо. Нѣсколько снарядовъ попало въ одинъ изъ итальянскихъ полевыхъ госпиталей, не причинивъ, однако, потерь. Прошлой ночью непріятель произвелъ контръ-атаку на траншеи, которыми итальянцы вновь овладѣли, къ юго-западу отъ Горицы, но былъ отброшенъ своевременнымъ огнемъ батарей.

Штабъ Верховнаго Главнокомандующаго 13-го января извѣстилъ о томъ, что на западномъ фронтѣ между болотомъ Тируль и р. Аа (западнѣе Риги) наши части, перейдя въ наступленіе; сбили противника, захватили плѣнныхъ и 2 пулемета, но затѣмъ подъ натискомъ нѣмцевъ отошли въ исходное положеніе. На восточномъ берегу р. Аа наши части, ведя упорный бой, продвинулись на $1\frac{1}{2}$ версты по направленію на д. Калнцемъ, но затѣмъ контръ-атаками противника были вынуждены отойти въ исходное положеніе. Генераль Ивашкевичъ, руководившій боемъ въ передовой линіи, будучи раненъ, остался въ строю. Въ районѣ устья рѣки Березины нашими развѣдчиками былъ произведенъ удачный поискъ, въ коемъ захвачено 23 плѣнныхъ германца. Неприятельскіе аэропланы сбросили на станцію Радзивиловъ бомбы, не причинившія намъ вреда.

На французскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 12-го января, французская артиллерія обстрѣляла разрушительнымъ огнемъ прикрытія германскихъ батарей въ районѣ Бюра, къ сѣверо-востоку отъ Люневилля и у Гартмансвейлеркопфа. Довольно оживленная артиллерійская перестрѣлка происходила въ Верхнемъ Эльзасѣ.

По сообщенію отъ 13-го января, на лѣвомъ берегу Мааса германцы, послѣ усиленной подготовки, произвели 12-го января къ вечеру атаку противъ четырехъ пунктовъ французскаго фронта, между лѣсомъ Авокуръ и пунктомъ къ востоку отъ Мортomma. Встрѣченныя заградительнымъ огнемъ артиллеріи, а также ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ, наступавшія части отхлынули къ своимъ окопамъ. Лишь незначительному числу неприятельскихъ солдатъ удалось проникнуть на французскіе вынесенные впередъ окопы на участкѣ высоты 304. Во время этой атаки германцы понесли весьма тяжелыя потери и оставили передъ французскими позиціями большое количество труповъ, въ особенности у Авокурскаго лѣса. Въ теченіе ночи германцы пытались производить внезапное нападеніе на большіе французскіе посты къ сѣверу отъ Шилья на Соммѣ и къ сѣверо-востоку отъ Венгра между Уазой и Эномъ. Однако попытки эти потерпѣли неудачу. Въ Верхнемъ Эльзасѣ близъ Ларгицена, послѣ сильнаго артиллерійскаго обстрѣла, германцы въ двухъ пунктахъ вышли изъ своихъ окоповъ. Огнемъ артиллеріи эта попытка наступленія была прекращена.

² Въ теченіе дня 12-го января поручикъ Гюинмеръ сбилъ на фронтѣ Соммы надъ французскими позиціями близъ Линьера 28-й по счету изъ сбитыхъ имъ германскихъ аэроплановъ. 11-го января, а также 12-го и 13-го января французскіе воздушные отряды сбросили 210 килограммовъ взрывчатыхъ веществъ на станцію Бриелья, гдѣ вспыхнулъ большой пожаръ. Равнымъ образомъ было сброшено большое количество взрывчатыхъ веществъ на станцію Сэнъ-Кантена, Буаенна и на бараки въ Ланкуръ и въ Фоссѣ, на станціи и бараки въ Гискаръ, на станцію Тернье и военныя учрежденія къ югу отъ Шони.

На бельгійскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 12-го января, по всему фронту бельгійской арміи происходила оживленная артиллерійская перестрѣлка. Въ районѣ Стеенстрате завязался ожесточенный бой съ помощью ручныхъ гранатъ.

На английскомъ фронтѣ 13-го января, въ полдень близости Гюлюха англичане произвели удачный набѣгъ на непріятельскія траншеи, уничтоживъ значительное число германцевъ въ ихъ траншеяхъ, а также въ разрушенномъ англичанами прикрытіи. При этомъ англичанами были захвачены плѣнные. 12-го января вечеромъ къ востоку отъ Фокисара англичане отбили два непріятельскихъ отряда, пытавшихся произвести нападеніе на ихъ линіи. 13-го января, рано утромъ третьему непріятельскому отряду, благодаря яростной бомбардировкѣ, удалось достигнуть английскихъ траншей къ востоку отъ Ипра, но непріятель былъ немедленно прогнанъ, и англичане возстановили свое положеніе. Днемъ германская артиллерія проявила особенную дѣятельность въ районѣ Ипра; англичане успѣшно отвѣчали. Къ востоку отъ Невиль-Сень-Вааста англичане удачно бомбардировали германскія траншеи. Въ теченіе дня происходила значительная воздушная дѣятельность съ обѣихъ сторонъ. Английскія зенитныя орудія сбили одинъ германскій аэропланъ. Во время воздушныхъ боевъ англичане уничтожили 4 германскихъ аэроплана, а три другихъ заставили снизиться послѣ полученныхъ ими поврежденій. Англичане не досчитываются трехъ аэроплановъ.

14-го января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что на западномъ фронтѣ, послѣ усиленнаго обстрѣла нашихъ окоповъ, восточнѣе дороги изъ Календема на Шлокъ (западнѣе Риги), нѣмцы атаковали наши части, но были отбиты съ тяжкими для нихъ потерями. Въ районѣ Митавскаго шоссе нами былъ выпущенъ газъ, вызвавшій у нѣмцевъ большую тревогу.

На французскомъ фронтѣ, по извѣстіямъ отъ 13-го января, по поступившимъ новымъ свѣдѣніямъ, атака, произведенная 12-го января непріателемъ на лѣвомъ берегу Мааса, отличалась особенно ожесточеннымъ характеромъ. Въ атакѣ приняли участіе нѣсколько германскихъ полковъ, и бой въ нѣкоторыхъ пунктахъ фронта велся въ рукопашную. Произведенная утромъ сильная контръ-атака дала французамъ возможность вернуть въ районѣ высоты 304 большую часть траншей, въ которыя противнику удалось проникнуть. На правомъ берегу Мааса въ районѣ Безонво Лувемонъ, въ Веврѣ, въ участкѣ Роньевиля, а также въ участкѣ къ сѣверо-востоку отъ Люневилля, происходилъ довольно сильный артиллерійскій бой.

По сообщенію отъ 14-го января, на лѣвомъ берегу Мааса французская артиллерія обстрѣливала разрушительнымъ огнемъ германскія укрѣпленія на участкѣ высоты 304. Въ Эпаржѣ происходила довольно оживленная артиллерійская перестрѣлка. Внезапное нападеніе, произведенное германцами въ этомъ районѣ, было отбито французскимъ огнемъ. Другая попытка нападенія на небольшой постъ вблизи Мастиза была съ легкостью отражена.

Днемъ 13-го января эскадра французскихъ аэроплановъ имѣла рядъ воздушныхъ столкновеній, причѣмъ 5 германскихъ аэроплановъ были сбиты. Пятый изъ этихъ аппаратовъ, атакованный Гинеромъ, былъ сбитъ имъ у Гойанкуръ. вмѣстѣ съ этимъ аэропланомъ общее число сбитыхъ Гинеромъ аппаратовъ достигаетъ 30. Въ тотъ же день французскіе летчики бомбардировали станцію и военные заводы въ Гамѣ, гдѣ были констатированы вызванные бомбами пожаръ и сильный взрывъ.

На англійскомъ фронтѣ 14-го января на разсвѣтѣ къ востоку отъ Лооса англичане проникли въ германскія траншеи и засыпали ручными гранатами рядъ непріятельскихъ прикрытій, которыя были разрушены. Они нанесли непріятелю значительныя потери и захватили 18 плѣнныхъ. Тотъ же день рано утромъ къ сѣверо-востоку отъ Вермейль они также проникли въ непріятельскія траншеи и захватили нѣсколько плѣнныхъ. Въ теченіе дня къ сѣверу отъ Соммы они съ хорошими результатами бомбардировали германскія траншеи.

На остальныхъ мѣстахъ фронта происходила обычная дѣятельность артиллеріи. 13-го января англійскіе авіаторы успѣшно сбрасывали бомбы на различные пункты въ тылу германскихъ линій. Произошли многочисленные воздушные бои, въ теченіе которыхъ было уничтожено 5 германскихъ аэроплановъ, 5 другихъ были принуждены спуститься послѣ полученныхъ поврежденій. Одинъ британскій аэропланъ пропалъ безъ вѣсти.

На итальянскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 13-го января, въ долинѣ Травиньо (Авизіо) и въ районѣ къ юго-востоку отъ Горицы артиллерія развивала сильную дѣятельность.

15-го января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ, что на западномъ фронтѣ послѣ сильной артиллерійской подготовки нѣмцы атаковали наши части, расположенныя по обѣимъ сторонамъ шоссе изъ Калнцама въ Шлокъ (западнѣе Риги), атака была отбита, и нѣмцы въ беспорядкѣ отхлынули. Два часа спустя нѣмцы снова перешли въ атаку на томъ же фронтѣ, но также были отброшены. Послѣ артиллерійской подготовки противникъ повелъ наступленіе на наши войска, занимавшія позицію въ шести верстахъ сѣверо-западнѣе дер. Калнцемъ. Обстрѣляемые нашимъ огнемъ, германцы залегли.

Въ ночь на 14-ое января послѣ подготовки огнемъ небольшія части противника перешли въ наступленіе на наши посты по р. Шарѣ въ районѣ желѣзной дороги Барановичи—Лунинецъ, но были отброшены обратно въ свои окопы.

Южнѣе Бродъ противникъ повелъ наступленіе на наши сторожевыя части, но, встрѣченный нашимъ огнемъ и контръ-атакой, понесъ большія потери, въ беспорядкѣ бросился обратно въ свои окопы. Сѣвернѣе Кирибабы наступленіе противника было отбито.

На румынскомъ фронтѣ наши части послѣ артиллерійской подготовки перешли въ наступленіе по обѣимъ сторонамъ шоссе отъ Кимполунга на Якобени и послѣ упорнаго боя прорвали укрѣпленныя позиціи противника на трехверстномъ фронтѣ. Взяты плѣнные и трофеи, число коихъ выясняется.

По сообщенію отъ 14-го января, на французскомъ фронтѣ довольно оживленная дѣятельность артиллеріи происходила на лѣвомъ берегу Мааса въ районѣ высоты «304» и Мортomma, и на правомъ берегу въ секторахъ Лувемона и лѣса Корьеръ. Въ Лотарингіи французскія батареи обстрѣливали разрушительнымъ огнемъ германскія укрѣпленія въ лѣсу Парруа.

По сообщенію отъ 15 января, на лѣвомъ берегу Мааса происходили бои съ примѣненіемъ ручныхъ гранатъ къ востоку отъ высоты «304». На правомъ берегу Мааса французы произвели вечеромъ внезапное нападеніе, увѣн-

чавшееся полнымъ успѣхомъ. Французы оставили на мѣстѣ столкновѣнія много непріятельскихъ труповъ, захватили значительную добычу. Въ Лотарингіи дѣятельность артиллеріи въ участкахъ Ленонкура и лѣса Безанжъ.

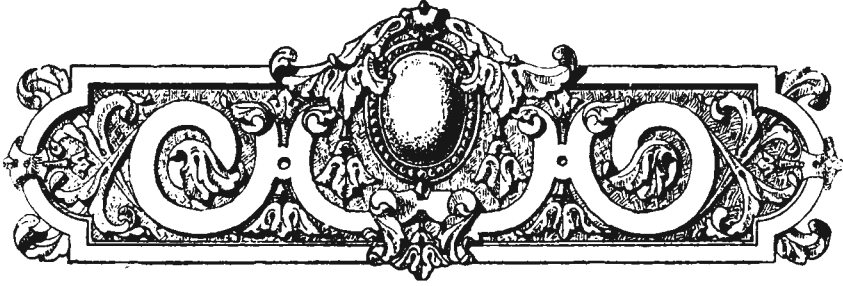
На бельгійскомъ фронтѣ, въ теченіе минувшей ночи и днемъ 14-го января артиллерія проявляла оживленную дѣятельность въ районѣ Диксмюда.

На англійскомъ фронтѣ 15-го января, рано утромъ въ участкѣ Соммы близъ Летрансдуа, англичане произвели удачную операцію, при чемъ достигли всѣхъ намѣченныхъ цѣлей и овладѣли позиціею, господствующею надъ позиціею непріятели. Они захватили 350 человекъ плѣнными, въ томъ числѣ шесть офицеровъ. Въ теченіе дня германцы произвели нѣсколько контръатакъ, дабы вернуть захваченныя у нихъ позиціи, однако всѣ ихъ контръатаки были отбиты огнемъ — съ большими для непріятели потерями. Англичане потеряли 30 человекъ легко ранеными. 14-го января вечеромъ одинъ изъ англійскихъ патрулей проникъ въ германскіе окопы къ сѣверо-востоку отъ Вермеля, нанеся непріятели нѣкоторыя потери. 15-го января близъ Серра англійская артиллерія подвергла обстрѣлу непріятельскія позиціи, значительно повредивъ ихъ.

Къ сѣверу отъ Гюллюха англійская артиллерія внезапно открыла огонь по появившейся на открытомъ мѣстѣ части германской пѣхоты, понесшей значительныя потери. Въ окрестностяхъ Армантьера и Ипра артиллерія развивала очень значительную дѣятельность съ обѣихъ сторонъ.

На итальянскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 14-го января, на всемъ фронтѣ происходила съ перерывами артиллерійская перестрѣлка, отличавшаяся большою интенсивностью въ секторѣ Цувьи (Валльарса), въ долинѣ верхняго теченія рѣки Ваной (Чисмонъ), въ долинѣ Травиньолю (Авизио) и на Карсо. Непріятельскіе летчики пытались совершать налеты на итальянскую территорию, но огнемъ нашихъ зенитныхъ орудій принуждены были возвратиться.

ШЛИССЕЛЬБУРГСКАЯ ТРАГЕДІЯ.

Неудачный заговор¹⁾.

VI.

ВНЕЙ десять минуло. Насталъ октябрь, и погода сразу испортилась. Небо затянуло непроглядными тучами, полились холодные дожди.

Въ одинъ изъ такихъ ненастныхъ дней, когда уже раннія сумерки спускались на озябшую землю, тишина царилъ въ небольшомъ домикѣ Матрены Федосьевны Любовою, вдовы мелкаго чиновника, тетки Миновича, у которой онъ жилъ со своими тремя сестрами.

Въ небольшой низенькой комнатѣ сгущалась сѣрая мгла. Галя, младшая изъ сестеръ, худенькая дѣвушка лѣтъ 20, очень моложавая, но блѣдная, горбатая и болѣзненная на видѣ, кутаясь въ теплый платокъ, усѣлась передъ старенькимъ, разбитымъ клавесиномъ, стоявшимъ между двумя оконцами, и время отъ времени не то наигрывала отрывки мелодій, не то просто брала гармоничные аккорды. Двѣ темныя густыя косы, падая на плечи вдоль лица, отгѣняли его прозрачную бѣлизну и худобу. Порой она покашливала сухимъ, отрывистымъ, «чахоточнымъ» кашлемъ, и розовыя пятна выступали тогда на блѣдныхъ щекахъ.

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СXLVII, стр. 577.
«Истор. вѣстн.», апрѣль 1917 г., т. СXLVIII.

Вторая сестра, Маруся, лѣтъ на 5 постарше, красивая, но тоже блѣдная, уже начинающая увядать, задумалась, сидя у окна, глядя на пустынный, грязный переулокъ, куда выходили окна блѣднаго домика. Раскрытая затрепанная книга лежала на подоконникѣ, какой-то старинный альманахъ. Но строки уже сливались въ полусумракѣ, наполняющемъ комнату, читать было невозможно. Дѣвушка просто смотрѣла и думала о чемъ-то.

— Марусенька!—переставь брать аккорды, слабымъ, но пріятнымъ голоскомъ заговорила Галя.—Что-й-то какъ сразу потемнѣло у насъ!.. Опять дождикъ, сестричка?

— Дождикъ, Галя!—тоскливо отозвалась сестра.—Какъ печально! Мелкій сѣтъ... частый. Холодный, вѣрно... Свѣчку бы зажечь. Стави бы закрыть. Да тетя Горленка за чѣмъ-то до про-свири усала.

— Не надо зажигать, сестричка. Я такъ-то лучше люблю. Посумерничаемъ. Расскажи что-нибудь. Ты же выходила нынче со двора.

— Не приставай, Галочка!.. Куда я ходила?.. Что я видѣла!.. У насъ нужда... кругомъ—нужда... А видишь хорошее, такъ чужое... Да и то—издали! Дай хотя подумать, помечтать объ немъ!..

Старшая затихла, глядя на хмурое небо. Галя снова стала наигрывать невнятное, грустное что-то... Снова остановилась. Тревога выступила на выразительномъ, худенькомъ лицѣ.

— А что это Зоси нашей такъ долго нѣтъ!? Меня даже жуть беретъ. До Царской улицы тутъ далеко ли. Засвѣтло ушла, и нѣтъ!.. Просила я ее: «Возьми Горленка»...

— Еще бы! Дите малое!—нервно передернувъ плечами, отозвалась Маруся.—Задержалась въ магазинѣ у мадамы, пока вышивки ей сдавала. Либо и сама гдѣ-либо передъ окнами лавокъ стоитъ, на наряды любитъ. Любить пофрантить наша красуля!..

— Въ чемъ ей франтить, блѣдной! А красива,—такъ ужъ это Богъ ей послалъ!..

— Бо-о-тъ!—желчно, совсѣмъ напоминая видомъ и голосомъ брата, повторила Маруся.—Блѣднымъ людямъ все идетъ не отъ Бога, а отъ....

— Ой, не поминай къ ночи!—съ испугомъ перебила Галя.—Тьфу, тьфу, тьфу!.. Защити насъ, Богородица, дѣва Марія!.. Отъ злого и отъ лукаваго... отъ дѣла неправаго!..

Тихо шепчетъ горбунья молитвы и заклатья. Рука быстро движется, осѣняя впалую, изуродованную грудь частымъ крестомъ.

— Ну... зашептала... Юродивая ты наша!—сердито начала было старшая, но вдругъ поднялась, подошла, нѣжно, словно ребенка, поцѣловала въ лобъ Галю, ласково спросила:

— Что, грудь нынче не такъ болитъ?

— Нѣтъ, совсѣмъ не болить, сестричка!—нѣжно прижимаясь къ той, отвѣтила горбунья.—И кашля, почитай, не было за весь...

Припадокъ кашля не далъ ей досказать. Отдышавшись, она слабо улыбнулась.

— Сама себя сглазила! Помянула, а кашель и пришелъ. Стой! Кажется, шевелится?!

Объ насторожились, прислушиваясь, обративъ головы къ небольшой аркѣ, завѣшенной ситцевой занавѣской, дѣлящей комнату на двѣ неравныя половины. Здѣсь стояли двѣ кровати, Маруси и Зоси, и небольшая кушетка, тоже обращенная въ ложе для младшей, Гали. А за занавѣской спалъ на походной кровати Мировичъ. И теперь, придя со службы, онъ прилежъ заснуть. Оттого такъ негромко толковали сестры, такъ осторожно брала аккорды Галя на старенькомъ своемъ клавесинѣ. Но тревога сестеръ оказалась напрасной. Ровное дыханіе спящаго доносилось изъ алькова.

— Спать!—замѣтила Маруся и снова подсѣла къ окну.

— А что... Аполлонъ Иванычъ придетъ еще нынче?—осторожно задала вопросъ Галя, глядя на блѣдное лицо сестры.

— Говорилъ: будетъ!—вспыхнувъ и нахмурясь почему-то, бросила та въ отвѣтъ.—Онъ по дѣлу забѣгалъ къ Васѣ, да будить его не захотѣлъ. Все дѣла теперь у нихъ... И не понять...

— Сестричка... а... а когда же ваша свадьба?—еще тише и осторожно спросила Галя.

— Никогда!—совсѣмъ рѣзко, даже злобно отрѣзала Маруся.

— Ой, что ты, сестричка! Какъ же такъ? Столько лѣтъ вы женихаетесь... и вдругъ... Развѣ это возможно?! Вотъ онъ нынче и повышеніе получилъ, и жалованье прибавлено по чину. Вотъ и проживете.

— Не лучше, чѣмъ и теперь живемъ, маемся!.. Нищихъ наплотить?.. Спасибо! Я на себѣ нужду извѣдала, дѣтей своихъ на такую муку не пушу! Лучше ихъ задавить, породивши... А еще лучше—и вовсе не имѣть!.. не имѣть!.. не имѣть!..

Трижды простонала, словно заклала себя, и тихо залилась слезами дѣвушка.

Осторожно подошла къ ней Галя, опустила на колѣни и, поглаживая блѣдныя руки сестры, безпомощно упавшія на подоконникъ, зашептала, стараясь заглянуть той въ лицо:

— Сестричка!.. Прости... Я же жъ не знала... не хотѣла тебѣ такъ больно сдѣлать. Не плачь, Марусенька... Можетъ, еще?..

— Что тамъ «можетъ», дурочка!—грустно заговорила дѣвушка, сдерживая слезы.—Теперь и то Аполлонъ Иванычъ половину своихъ денегъ на насъ изводитъ.. То да другое... И подарки... и брату сужаетъ. Старается, чтобы мы и не замѣтили. А помочи намъ отъ этого мало!.. Повѣнчаться же намъ?.. Такъ ты не малень-

кая, понимаешь: дѣти пойдутъ!.. Охъ... лучше и не говорить!..
 Поди, играй, Галочка... Все на сердцѣ легче!..

— Изволь, изволь...

Дѣвушка покорно усѣлась за клавесинъ и, взявъ нѣсколько тоскливыхъ аккордовъ, стала наигрывать что-то заунывно-печальное. Но, увидя входящую тетку, остановилась, улыбнулась ласково:

— И вы къ намъ, теточка?.. Идите, идите... Веселѣе будетъ!..

— Якъ же, къ вамъ!—негромко, но быстро заговорила кругленькая, чистенькая старушка-тетка, усиленно жестикулируя руками, какъ всѣ южанки.—Его надо... Еще спать?..

— Спать... Измучился, бѣдный... Ночь—писалъ, сидѣлъ... Заснулъ подъ утро.

— Измучился!.. Скажите!—зачастила тетка, присаживаясь на край постели, стоящей у дверей.—Гулявъ цѣлу ночь... отъ и спать день безъ просыпу! ровно той Илья богатырь!.. И якъ ему не стыдно! Хочь бы съ хорошей кумпаніей гулявъ. А то зъ низшими чинами, зъ сержантами та зъ бомбардерами... Я усе знаю!.. Нашелъ себѣ дѣло... А сестры хочь зъ голоду помирай!.. Добре!

— Вася же намъ все даеъ, что надо, тетушка... Мы довольны... Онъ намъ и за мать, и за отца!—горячо всгупилась Галя.—Много ли тратитъ на себя? Въ ихъ компаніи—платять они поровну. И весело имъ. Онъ же молодой. Мужчины всѣ такъ... и хуже еще бываетъ. Вонъ, вашъ покойникъ, сами говорили, ужасъ какъ пилъ... Померъ даже отъ вина!..

— Пилъ, да разумъ имѣлъ... Служилъ хорошо, домикъ нажилъ, мнѣ уголь оставилъ... И я людямъ могу помочь... не въ укоръ вамъ будучи сказано!.. Вы—родныя, мнѣ угла не жаль... А изъ жилья—ровно госпиталь сдѣланъ... Сама на кухнѣ сплю... Горленка вашего въ сѣняхъ кладемъ!.. Я рада... мнѣ веселѣе... Да о васъ думка... Вы же молоды... Барышни вченныя... А приходится вамъ тутъ погибать... Будь Вася умнѣе, онъ бы и муштру свою кинулъ, и тяжбы всякія, поступилъ бы въ магистратъ, либо въ полицію, имѣлъ бы копеечку... Оженился бы, и васъ бы пристроилъ за хорошихъ людей... А то—тягается... Получилъ уже отвѣтъ, шо не вернуть ему дѣдовскихъ земель и богатствъ... Дураки бы були отдавать такое добро!.. Я сама бы не отдала!.. И взяли за дѣло!.. Измѣнникъ былъ дѣдъ Ѳедоръ! Шо говорить!.. Шобы ему и на томъ свѣтѣ покою не звать!.. Внуки за него и страдают!.. Треклятый Іуда...

— Нѣтъ... нѣтъ, тетя... не кляните дѣдушку!.. Онъ не могъ поладить съ Петромъ... Онъ за своимъ гетманомъ пошелъ, какъ присягалъ ему, какъ вѣрный полковникъ...

— Што!.. Присягалъ!.. Дуракъ онъ былъ, не полковникъ!.. Отъ, его верхъ былъ!—указывая короткой, толстой рукой на порт-

реть императора Петра, висящій на стѣнѣ, громко заявила старуха.—А его верхъ,—его и правда!.. Къ нему надо было приставать, не къ Мазепѣ!.. И земли бы свои сберегъ, и гроши, и богатство!.. А онъ поскакалъ за треклятымъ Мазепой къ тому дурню, крулю швецкому... Къ сумасшедшему Карлусу!.. Отъ, дулю и съѣлъ.. А не будь того—и мы богаты были бы, не хуже Черкасскихъ, либо того хапуги Менчикова... Дурни всѣ мужчины, отъ и все!.. Э, не казать лучше, шобы сердца не тревожить!.. Ходимъ скорѣе, я тамъ вечерять собрала. Та, гдѣ то Зосенька?

— Скоро придетъ!—поднимаясь, отозвалась Маруся.—Идемъ, Галочка. Не хочешь? Ты же и за обѣдомъ не ѣла ничего...

— Гдѣ ей нашу ѣду ѣсть!—заворчала старуха.—Я для нея тутъ въ печкѣ теплаго молочка поставила да хлѣбца... да...

Шумъ послышался рядомъ, на кухнѣ, дверь растворилась, быстро вошла третья сестра, Зося, полная, красивая дѣвушка, двумя годами моложе Маруси. Вьющіеся волосы выбивались изъ-подъ шляпки капотикомъ; салопъ былъ распахнутъ отъ быстрой ходьбы, лицо пылало.

— Ой, сестрички, какъ же я домой дошла!—звонко заговорила она, снимая салопъ и вѣшая на гвоздь у постели.—Гляньте въ оконце,—никого тамъ у крылечка не видно? Я ужъ черезъ дворъ, кухней кинулась...

— Никого... Кому быть! Да ты вся измокла!—помогая раздѣться сестрѣ, замѣтила Маруся.—Сними башмаки, чулки перемѣни... Да чего ты испугалась? Обидѣлъ тебя кто?..

— Нѣтъ, не обидѣлъ... А не привыкла я... и перепугалась сама... Вася дома?.. Гдѣ онъ?..

— Спать... Что было, говори?..

— Пустое...—тихо начала Зося.—Кавалеръ такой учтивый... Понимаешь, сестричка, на Царской я передъ цвѣточной лавкой постояла, потомъ у окошка кондитерской на минуточку стала... Гляжу на всякіе торты, пирожки, а слюнки такъ и текутъ... И вдругъ подкатилъ офицеръ на чудесномъ рысакѣ... А изъ-подъ шинели видно, мундиръ на немъ золотомъ расшитъ... Пошелъ было въ лавку, меня замѣтилъ, остановился. Мнѣ бы уйти скорѣе, такъ ноги подкосились... сама не знаю отчего, Онъ на меня поглядываетъ, а я вся пунцовая стала... Слышу, онъ ко мнѣ: «Какіе деликатесы, сударыня!.. Не желаете ли взойти, выбрать со мною вмѣстѣ?.. Радъ буду служить!..» Учтиво такъ... «Либо,—прибавилъ,—прокатиться не желаете ли?..» Я, дура, и говорю въ отвѣтъ, да еще съ улыбкой, какъ всегда: «Извините... я не хочу... Я—не такая... Вы не думайте про меня!» И силы тутъ набрала, прочь иду... А онъ за мною... И все что-то говорить... Ужъ не помню, какъ я въ наши ворота вбѣжала и сюда влетѣла... Вотъ какой пассажъ... Страсти и только... Поди, онъ сторожить тамъ...

Тетка слушала и только всплескивала руками. Сестры молча качали головами. Маруся недовольно замѣтила:

— Такъ я и знала!.. Однако пора огонь зажечь...

Пошла, отъ лампы зажгла сальную свѣчу въ мѣдномъ шандалѣ и поставила ее на столъ. Комната слабо озарилась. Тѣни сгустились по угламъ. Кто-то съ улицы заглянулъ въ оконце и скрылся.

Зося, между тѣмъ, вдругъ всполохнулась.

— Ахъ, двери-то заперла ли я?.. Взгляни, Марусенька... Я боюся...

Маруся двинулась въ кухню, но тамъ послышались шаги, звонъ палаша. Дверь въ комнатку распахнулась, появился молодой офицеръ въ шинели, въ киверѣ. Онъ былъ, очевидно, подъ хмелькомъ и развязно обратился къ дѣвушкамъ:

— А, п-по-з-звольте узнать, это домъ чиновницы Любовоной?..

Дѣвушки вскрикнули при появленіи незваннаго гостя, Зося, какъ мышка, притаилась у самой двери, въ углу, прижавшись къ пологу своей кровати. Галя сидѣла на своемъ мѣстѣ. Тетка стояла у стола, одна Маруся очутилась лицомъ къ лицу съ вошедшимъ. Стоя со свѣчой въ рукахъ, озаряя молодое, красивое, но надменное лицо сорванца, она сухо, сурово заговорила:

— Да, государь мой, домъ Любовоной... А вамъ что угодно, позвольте спросить?

Гость отвѣтилъ не сразу. Еще не освоившись со слабымъ освѣщеніемъ комнаты, онъ обвелъ ее глазами, словно ища кого-то, и, не замѣтивъ Зоси, въ нерѣшимости заговорилъ:

— Мнѣ?.. А сія госпожа Любово—ваша матушка, должно полагать?— снова спросилъ онъ, въ то же время соображая: туда ли онъ попалъ, куда хотѣлъ?

— Нѣ!.. Яка тамъ матушка...—обрадовавшись случаю поговорить со свѣжимъ человѣкомъ, затараторила старуха, выступая.— Тетка я... тетка имъ буду... А самъ панъ?..

Но Маруся перебила ее, еще суровѣе повторивъ свой вопросъ:

— Все же мы не слышали, зачѣмъ вы, сударь?

— Я, я, собственно...—началъ, запинаясь, подыскивая предлогъ, офицеръ. Но ничего не придумалъ и умолкъ:

— Я жду отвѣта, господинъ офицеръ. Братъ—спитъ, можетъ проснуться каждую минуту... А онъ шутить не любитъ!—уже съ угрозой заговорила Маруся.

Она не знала, что отъ говора и звона палаша Мировичъ проснулся, взглянулъ сквозь занавѣску и, узнавъ въ гостѣ младшаго брата изъ Орловыхъ, Владимира, быстро сталъ одѣвать мундиръ, полагая, что тотъ присланъ изъ дворца къ самому Мировичу по какимъ-нибудь дѣламъ. Каждое слово сестры долетало до брата, и онъ остановился на порогѣ, скрытый занавѣской, желая узнать:

о чемъ идетъ рѣчь?.. А Орловъ, подзадоренный словами какой-то «мѣщаночки», какъ онъ полагалъ, пугающей его братомъ, заносчиво и громко заговорилъ:

— Ого... вотъ какъ?.. Очень страшно, ежели ужъ такое дѣло!..

— Ради Бога, уходите!.. Бѣда будетъ!—внезапно появляясь изъ своего угла, взмолилась теперь и Зося, услышавъ движеніе въ альковѣ у брата.—Уходите скорѣе!.. Не то братья...

— Ахъ, вотъ она, моя прелесть!—радостно, безъ всякаго стѣсненія обратился къ ней Орловъ.—Здравствуйте, милашка. А кто онъ такой, вашъ братъ?.. Я ему охотно окажу протекцію...

И, уже не обращая вниманія на другихъ, молодой графчикъ прошелъ къ столу, опустилсѣ на стулъ, сбросилъ съ плечъ шинель, а киверъ поставилъ на столъ.

— Онъ что у васъ?.. служить гдѣ-либо приказчикомъ?.. Или приказнымъ?.. Я буду у него забирать много товаровъ... либо—добуду ему повышеніе... У меня есть сила... Я, милочки мои, не первый встрѣчный... Князь Четвертинскій!—сидя, звякнувъ шпорами, назвалъ себя графъ вымышленнымъ именемъ.—Имѣю честь!.. А вашъ братъ кто таковъ?..

— Подпоручикъ Смоленскаго ея величества полка!—выступая вдругъ на середину покоя въ мундирѣ и при шпагѣ, твердымъ, рѣзкимъ тономъ отчеканилъ Мировичъ.—Представляюсь. А вы—графъ... то есть князь Четвертинскій,—ежели я не ослышался?—вздрагивая отъ негодованія и гнѣва за наглую ложь, переспросилъ Мировичъ.

Посмотрѣвъ тревожно на блѣдное, грозное лицо офицера, такъ неожиданно выступившаго на сцену, графъ помедлилъ мгновеніе; но слово было сказано, и онъ только молча кивнулъ утвердительно головой.

—Князь Четвертинскій!—еще разъ отчеканилъ медленно Мировичъ.—Такъ-съ. Чему обязанъ видѣть васъ у себя?

Голосъ его рвался и дрожалъ, рука словно сама собой скользнула въ боковой карманъ мундира и въ ней блеснуло дуло небольшого пистолета.

— Вася!—съ мольбою простонала Маруся.

— Братецъ, пожалѣй себя!—не двигаясь, вторила ей Галя.

— Братецъ, не убивайте его!—кидаясь къ ногамъ брата, воскликнула Зося.—Онъ не оскорбилъ меня ничѣмъ... Онъ совсѣмъ мальчикъ... Пощадите!..

Орловъ стоялъ блѣдный, оцѣпенѣлый... На порогъ входной двери показался Горленко, пришедшій только что домой.

Тетка, закрывъ глаза, такъ и упала на стулъ, напуганная до полусмерти.

Отстранивъ сестру, оглядѣвшись кругомъ, Мировичъ гораздо спокойнѣе прежняго заговорилъ:

— Встань, Зося... Съ чего я стану убивать людей?! Да и глупо было бы... убить такую персону мгѣ... бѣдному армейцу!.. хотя бы и за оскорбленіе чести... Меня сошлютъ... Что съ вами будетъ потомъ?.. Успокойтесь... Я такъ, случайно, вынулъ эту игрушку... Видите, она снова уже лежитъ въ карманѣ... Такъ, жду... графъ... то-есть, князь, вашего отвѣта: чему обязанъ посѣщеніемъ?..

— Видите ли... я нисколько не ждалъ...—едва овладѣвая собой, заговорилъ растерянно юноша.—Я и не думалъ... Даю прямое слово, какъ честный дворянинъ...

— Слово князей Четвертинскихъ!.. Такъ, такъ, дальше?..

— Я же никакъ не думалъ... не ожидалъ... чтобы благородный офицеръ съ семьею... и въ такой... въ такомъ помѣщеніи...

— Да! Это—жилище честныхъ людей... Это—спальный покой моихъ трехъ дѣвушекъ-сестеръ. И мой кабинетъ въ то же время. Тамъ—моя опочивальня... Незванные сюда не входятъ, да еще въ верхней одеждѣ... Эй, Горленко!..

— Тутъ я, пане...

— Шинель у господина офицера возьми и повѣсь въ сѣняхъ. И шпагу возьми... Прошу, гость дорогой, отдать оружіе,—настойчиво предложилъ Миновичъ, видя, что тотъ не даетъ палаша.—Неужто въ вашихъ семьяхъ принято сидѣть въ опочивальной у дѣвицъ при шпагѣ?..

Съ этимъ вопросомъ рука Миновича снова легла на пистолеть, опущенный въ карманъ мундира. Стиснувъ зубы, отдалъ палашъ денщику Орловъ и отвернулся къ столу, у котораго стоялъ. Горленко поставилъ палашъ въ углу, шинель унесъ и сейчасъ же появился снова, чуя, что онъ будетъ нуженъ.

— А теперь садитесь прошу, графъ, то-есть князь Четвертинскій... Видите, тетушка, вы жаловались, что позабыли насъ всѣ прежніе знатные друзья. А вотъ, одинъ вспомнилъ.. заглянулъ... Къ тому же, когда представился случай защитить на улицѣ благородную дѣвицу отъ приставаній разныхъ... ферлакуровъ, негодаевъ... правда, князь...

— Послушайте... не думайте!—окончательно измученный глумленіемъ Миновича, рѣшительно заговорилъ юноша.—Я безо всякихъ дурныхъ цѣлей... Я какъ честный дворянинъ... Мы должны поговорить... Видите ли...

— Позвольте!—властно перебилъ его Миновичъ.—Васъ всѣхъ прошу уйти! Сестрицы, тетушка... Мои сестры не должны слушать сего... юнаго кавалера... такого знатнаго... и такого... неосторожнаго, скажемъ покуда!.. Уйдите... и не входите, что бы тутъ ни случилось!—строго поднялъ онъ голосъ.

— Охъ, Господи, вотъ горе!—быстро уходя, запричитала напуганная старуха.

Маруся молча увела Галю, которая едва могла слѣдовать за ней. Зося еще разъ припала къ брату съ мольбою:

— Ты обѣщаешь, братецъ, не убьешь!.. Помни о насъ... Пожалѣй себя!..

— Есть у меня поважнѣе дѣла, чѣмъ пачкать руки кровью хмельныхъ молодчиковъ-наглецовъ!—презрительно кинулъ ей Миновичъ и, замѣтя нервное движеніе графа, процѣдилъ сквозь зубы:

— Что?! Не по нраву мои слова?! Потерпите, сіятельный... Ступай, Зося... Ежели онъ самъ себя тутъ не убьетъ, я его пальцемъ не трону!.. Ступай!..

Онъ почти силой выпроводилъ въ кухню за всѣми остальными Зосю и заперъ за нею дверь.

— Слушайте, господинъ подпоручикъ!—рѣшительно заговорилъ Орловъ.—Понимаю, я поступилъ неосторожно!.. Нехорошо!.. Но я готовъ, если желаете, дать сатисфакцію...

— Ахъ, вотъ што!.. И—ежели я васъ сразу—вамъ будетъ покойно... Если же сгибну я,—што будетъ съ этими несчастными?..

— Такъ... возьмите приличную сумму...

— Што?! Ты смѣешь, мальчишка!—блѣднѣя, проговорилъ Миновичъ.

Юноша въ отчаяніи до боли заломилъ и хрустнулъ пальцами.

— Такъ, какъ же быть... что дѣлать?!

— А... што дѣлаютъ въ вашемъ кругу... ежели скомпрометируютъ хорошую, достойную дѣвицу?—глядя въ упоръ на Орлова, задалъ вопросъ Миновичъ.

— Такъ... не свадьба же?..—пораженный, пробормоталъ тотъ.

— А почему бы и нѣтъ!?. Или—честная, но бѣдная дѣвица пригодна лишь въ наложницы вамъ... знатнымъ господчикамъ изъ случайныхъ людей... изъ вчерашнихъ прихвостней дворцовыхъ?... Не такъ ли?!

— Прошу васъ, не оскорбляйте меня!.. Я все же у васъ въ дому и совсѣмъ безоруженъ!—напомнилъ Орловъ.

— Да... да!.. Это одно и держитъ мою руку... Ну-съ, какъ же?..

— И вы бы, господинъ подпоручикъ, потребовали отъ меня... чтобы я, противъ своей воли... взялъ жену?.. Правда, дѣвица вполнѣ достойная... и мнѣ понравилась... Но такъ сразу—жениться...

— А сразу побѣжать за дѣвушкой, желая развратить ее? А... ежели бы я былъ на вашемъ мѣстѣ... и это была бы ваша сестра? Чего бы вы отъ меня потребовали?

— Я... Вы!..—закрывъ лицо руками, могъ только пробормотать Орловъ. Постоялъ молча, отнялъ руки, проговорилъ быстро:—Добро! Женюсь!.. Довольны!.. Теперь отпустите меня скорѣе... и, прошу, безъ скандала!..

— Какъ!.. Только и всего... А—гарантія?.. Или слово... князя Четвертинскаго—такая цѣнная порука, что не надо и бумаги?

— Ахъ... вы желаете на письмѣ?—и Орловъ брезгливо поморщился.—Что же... извольте. Все единственно! Что надо писать?—сидясь къ столу и взявъ перо, лежащее тутъ, спросилъ онъ, подвигая себѣ четвертушку бумаги.

— Именно то, что вы обязались сдѣлать за минуту передъ симъ... такъ...—глядя черезъ плечо и читая строки, выводимыя неровной, дрожащей рукой, подтвердилъ Миновичъ.—Такъ... «взять въ супруги... дѣвицу... Софію Яковлевну!—сталъ диктовать онъ имя:—сестру шляхетнаго дворянина, Василия Миновича»... Что же вы стали!..

— Какъ... внучка... Ѳедора... Миновича!—вставая, задалъ вопросъ юноша, словно преображенный при звукахъ этого имени

— Д-да... вотъ... именно!—поеживаясь отъ какой-то непрощенной неловкости, отвѣтилъ Миновичъ. А... что же въ томъ, сударь... князь... Четвертинскій!?—съ удареніемъ спросилъ онъ.—Или имя вамъ не нравится мое?..

— Я—не Четвертинскій... Я—Владимиръ, графъ Орловъ!.. и настоящимъ своимъ именемъ собирался подписать сей... вексель чести!.. Я дѣвицамъ зря называлъ себя именемъ, какое на умъ пришло... Я не зналъ, кто онѣ?.. Но... какъ вы, сударь, не подумали, что никогда я не могу смѣшать кровь честныхъ дворянъ и графовъ имперіи, Орловыхъ, съ кровью Миновичей... измѣнниковъ отеч...

— Негод!...—внѣ себя, полуобнаживъ шпагу, началъ было Миновичъ, но страшнымъ усиліемъ воли сдержался, видя, что юноша, стоя неподвижно, ждетъ удара. Вогнавъ шпагу обратно въ ножны, Миновичъ прошелся, выпилъ квасу изъ кувшина, приготовленнаго на столѣ, и сталъ передъ Орловымъ.

— Ты правъ, мальчишка!.. Наша съ тобою кровь—не равна!.. Миновичи—старинное шляхетство!.. Цѣлыми вѣками честно служили родной Украинѣ, оберегали ее отъ волковъ съ сѣвера и съ юга!.. И за свои раны, за службы народу собрали земли и родовыя богатства... А пришла черная пора... Прежнее порушилось... За любовь къ Украинѣ—ссылать да вѣшать стали... И дѣдъ мой, Ѳедоръ, поемѣлъ остаться вѣрнымъ родинѣ... За своимъ гетманомъ пошелъ въ добровольное изгнаніе... А царь Петръ, который тогда писалъ законы, огласилъ его измѣнникомъ, предателемъ земли... И всѣ богатства рода отдалъ своимъ приспѣшникамъ... новымъ людямъ... за новыя услуги!.. Но—время еще минуло!.. Гляди, молокососъ-оскорбитель!.. Вотъ—наше родословное древо... Вотъ дядя мой Петръ, личный секретарь императрицы Елизаветы... Вотъ отецъ мой, Яковъ, ближнее лицо графа Потоцкаго, русскаго министра въ Польшѣ... Видишь, у нихъ еще были земли и деньги... А явился курляндскій конюхъ, пѣвка-Биронъ, и отнял послѣднія крохи у обоихъ!.. И мы, ихъ дѣти, пошли по міру... влачимся въ мукахъ... живемъ тамъ, гдѣ намъ смѣютъ поминать о «преда-

телѣ»-дѣдѣ!.. Ха-ха-ха!.. А есть иные вельможи!.. Вчерась еще пятеромъ бѣгали въ драныхъ мундиришкахъ по трактирамъ, дебоши заводили, напивались даромъ, благо силы много даль имъ Господь... въ непотребныхъ кабакахъ грозою летали «орлы»!.. А нынѣ за то, что измѣнили же присягѣ, данной государю Петру, за то, что устроили Ропшинское дѣйство... они выше всѣхъ иныхъ!.. Ха-ха-ха!.. За темныя дѣла—въ блескѣ и почетѣ!.. Хотя иные «измѣнники» много честнѣе тѣхъ вельможъ!.. Не знаете ли такихъ и вы, графъ Владимиръ Орловъ!.. Одинъ изъ пятерыхъ счастливецъ!.. Ха-ха-ха!.. Молчите?.. Одно и остается, что молчать, ежели искра совѣсти горитъ еще въ молодой душѣ... Ну-съ, я жду... Пишите...

Графъ выслушалъ, оглядѣлся, словно ища оружія. Но, видя, что выхода нѣтъ, стиснувъ зубы, дописалъ листокъ, отшвырнулъ его въ сторону и, стараясь не коснуться Мировича, отошелъ отъ стола.

— Все?.. Могу уйти?..

— Нѣтъ!.. Минутку!..—весь трепеща, остановилъ его тотъ.— Проводить надо съ почетомъ столь знатнаго гостя... Горленко... Шинель подай гостю...

Пока денщикъ подавалъ шинель, Мировичъ аккуратно разорвалъ записку Орлова и длинныя полоски бумаги зажегъ на свѣчѣ, высоко поднявъ ихъ надъ головою, какъ факель.

— Видѣлъ, мальчишка!.. Никогда Мировичъ не отдастъ сестры брату презрѣннаго, продажнаго фаворита...

И, бросивъ пепель, онъ сталъ топтать его ногами.

Потомъ быстро взялъ изъ угла палашъ юноши, обнажилъ и сталъ разглядывать дорогой толедскій клинокъ, сверкающій своимъ чуднымъ закаломъ, даже при мерцаніи одинокой свѣчи.

— Хорошая сталь!.. Въ честной, прямой рукѣ—грозное оружіе!.. А порою—игрушка въ рукахъ глупца!.. Гей, Горленко, ну-ка, переломи эту штуку... Живѣ!..

Орловъ сдѣлалъ было рѣзкое движеніе, но сдержался и только глухо простоналъ, когда лезвіе въ рукахъ силача-хохла сломилось пополамъ съ легкимъ желобнымъ звономъ, словно и сталь простонала отъ боли...

— Готово!.. И безо всякихъ околичностей!.. Ловко!—похвалилъ Мировичъ денщика.—Вложи теперь куски въ ножны обратно... А... все же сломить дворянскую шпагу холопскою рукою—не то, что порушить дѣвичью честь!.. Такъ-то, сятельный!.. Одѣнь палашъ на гостя...

Горленко сдѣлалъ было движеніе, желая исполнить приказаніе, но Орловъ, отступя, высоко поднялъ стулъ надъ головою крикнувъ съ угрозою;

— Посмѣй лишь подойти, хамъ!.. Смѣй коснуться!..

— Но... но!—спокойно наводя пистолеть на юношу, пригрозилъ Мировичъ.—Безъ шуму... Не то пуля въ лобъ!.. Здѣсь—не кабакъ... Одѣвай, Горленко...

Стуль опустился. Поникъ головой Орловъ, позволилъ надѣть на себя поруганное оружіе, окутался плотнѣе шинелью и двинулся быстро къ дверямъ, полагая, что издѣвательство кончено. Но по знаку Мировича Горленко желѣзною рукою схватилъ за локоть юношу, повелъ съ крыльца и, словно нечаянно толкнулъ такъ, что тотъ полетѣлъ прямо лицомъ въ большую лужу, темнѣющую тутъ передъ окнами...

Вскочивъ, не помня себя, кинулся прочь бѣжать поруганный графъ и быстро исчезъ въ ночной темнотѣ.

А Мировичъ, глядя въ окно на желанное зрѣлище, громко, судорожно хохоталъ. И этотъ смѣхъ походилъ на рыданіе. Потомъ, тяжело дыша, онъ смолкъ, поднялъ глаза на портретъ Петра и долго глядѣлъ, словно посылая вызовъ нѣмому изображенію врага.

Губы его невнятно зашептали то, что клубилось сейчасъ вихремъ въ головѣ.

— А... все же убить мальчишку я не посмѣлъ!—бормоталъ Мировичъ.—Онъ Орловъ... А я—подпоручикъ, армеецъ!.. Ну, судьба, я тебя зову теперь... Поглядимъ, кому ты служишь... Вотъ... онъ... До сихъ поръ нашъ родъ чуетъ надъ собой руку московскаго царя Петра... Будь же ты про... Нѣтъ!.. Къ чему пустыя слова!.. Лучше—за дѣло... Силою заставимъ судьбу послужить моимъ планамъ!..

Умолкнувъ, Мировичъ направился было къ себѣ, но его остановила тетка, вошедшая съ записочкой въ рукахъ.

— Васенька, ось цыдулку якусь тебѣ принесли... Пахне гарздо... Отъ!..

Почти выхвативъ записку изъ рукъ старухи, онъ вскрылъ и сталъ пробѣгать глазами тонкія, ровныя строки. А тетка, оправя скатерть на столѣ, снова обратилась къ нему:

— Васенька, а вечерять будешь?.. У меня и вечеря твоя на столѣ стоитъ—дожидается.

— Нѣтъ... не буду... Слушайте... дайте мнѣ два руоля... цѣлыхъ, серебряныхъ, скорѣе... А человѣкъ, который принесъ записку, ушелъ?..

— Уже-жъ ушелъ,... Ты тутъ ругался съ тѣмъ княземъ... Я записку взяла, а холуя отпустила. Важный такой... А на што тебѣ карбованцы... та ще серебряные!.. Що, казна у меня, чи що...—ворчала старуха, роясь въ старомъ, засаленномъ кошелькѣ.

— Бхать мнѣ надо скорѣе по дѣлу... и тамъ дать лакеямъ... во дворѣ... У княгини Дашковой... Отъ нея записка, поняли!..

— Отъ княгини... отъ самой Дашковой!.. Чула, знаю... Знат-

ная персона!.. Ну, бери, коли такъ діло. На, вотъ... акурать два рублика, та ще старыхъ. Може, еще надо...

— Нѣтъ, спасибо!.. Сочтемся, Богъ дастъ!.. Одѣваться надо скорѣе... Гей, Горленко!

Онъ ушелъ съ денщикомъ въ свой альковъ, а тетка вышла на кухню, бормоча:

— Къ Дашковой!.. Оказія, гляди ты!.. То къ намъ грахвы... То его къ разнымъ княгинямъ зовуть... О к-казія!..

Мировичъ въ парадномъ мундирѣ уже готовился уйти, когда черезъ кухню вошелъ къ нему Иванъ Гурьевъ, разстроенный, блѣдный и одѣтый въ солдатскую амуницію.

— Пропало наше дѣло!—были первыя слова вошедшаго.

— Что... Что такое?!

— Предали насъ!—сядась на стулъ, проговорилъ, задыхаясь, Гурьевъ.—Я прибѣжалъ предупредить тебя... Сожги все, что есть тутъ у тебя... Хрущовъ арестованъ... брата арестовали. Я—скрываюсь съ утра... Чѣмъ кончится—не знаю. Тебя не выдадимъ... Но будь на все готовъ!..

— Кто... кто же предалъ?!

— Ихъ не одинъ! Побѣдинскій... Чихачевъ... Сдается, и Домогацкій!.. Только бы поменьше слѣдовъ осталось... Чтобы не было уликъ... Тогда легче осудятъ... Молъ, болтовня кучки сумасбродовъ... Но... ежели насъ и засадятъ,—ты не оставь дѣла, Мировичъ! Тебя мы всѣ не выдадимъ, хотя бы намъ и смерть грозила! Ты—отомсти за насъ!.. Ну, прощай!.. Я бѣгу!..

Крѣпко обнявъ, поцѣловаль друга заговорщикъ и исчезъ, словно и не было здѣсь его.

А Мировичъ, постоявъ нѣсколько мгновений въ тяжеломъ раздумьи, досталъ изъ ящика своего рабочаго стола цѣлую груду исписанной бумаги, бросилъ въ горящую печь и, когда все истлѣло, отправился на свиданье къ Дашковой, во дворецъ.

VII.

У княгини Дашковой.

Графъ Никита Ивановичъ Панинъ, министръ и ближній совѣтникъ императрицы прямо съ дворцоваго приема заглянулъ къ княгинѣ Дашковой, своей племянницѣ, за которой къ тому же усиленно ухаживаль и—небезуспѣшно, если вѣрить придворнымъ сплетникамъ.

Княгиня, недовольная Екатериной, нѣсколько дней сказалась больною и не появлялась на дворцовыхъ приемахъ; но знать хотѣла все, что творится вокругъ «Сѣверной Семирамиды», какъ уже прозвали новую государыню. И друзья молодой, умной женщины,

не разъ получавшіе услуги отъ вліятельной княгини, теперь забѣгали къ мнимой больной, сообщая ей самыя свѣжіе, интересные дворцовыя вѣсти и толки.

Панинъ сообщилъ племянницѣ, что онъ передалъ императрицѣ свой проектъ объ учрежденіи Государственнаго Совѣта съ большими полномочіями, по западному образцу, преимущественно на англійскій ладъ. Этимъ можно было бы ослабить вліяніе фаворитовъ, какъ настоящихъ, Орловыхъ, которые всѣмъ стояли словно бѣльмо въ глазу, такъ и будущихъ, могущихъ явиться на смѣну первымъ.

Заручившись содѣйствіемъ княгини, имѣющей основанія особенно сильно не любить Орловыхъ, Панинъ отпустилъ нѣсколько своихъ тонкихъ комплиментовъ «очаровательной больной», которая причиняетъ боль многимъ здоровымъ сердцамъ, и сталъ откланиваться.

— Ахъ, да!—уже со шляпой въ рукѣ, вспомнилъ онъ:—какую еще нынче пришлось интермедію наблюдать!.. Государыня отъ всякихъ просителей, кои и на куртагѣ ей покою не даютъ, ужъ даже убѣгать стала, словно заяцъ отъ хортовъ на отбѣзжемъ полѣ. А тѣ, искатели назойливые, и ухомъ не ведутъ, охотятся за нею... словно по... русаку!..

— Отчего не скажете: «по нѣмкѣ»? Такое прозвище я слышала.

— Всяко бываетъ!.. И вотъ, вѣчно пьяный, красноносый Алешенька Бестужевъ изловилъ матушку въ малой гостиной и по часамъ держалъ минутъ 20 въ осадѣ... все клянчилъ чего-то!.. Мнѣ вчужѣ стыдно стало!..

— За кого?.. За «матушку», либо за графа Алексѣя Петровича?—тонко улыбаясь, спросила княгиня.—Помнится мнѣ, не было старику иного имени отъ «матушки», какъ—«свѣтъ мой батюшка Алексѣй Петровичъ!»... пока ей надобенъ былъ старикъ... А нынче, говорите, графъ, онъ ужъ гоняться долженъ, чтобы разговоръ получить... когда не нуженъ сталъ!.. Боюсь, скоро и мы всѣ въ ничто пойдемъ для... «матушки» вашей!.. Одни фаворитишки при ней дѣйствовать будутъ!..

— Ну, сіе еще поглядимъ!—угрюмо кинулъ только вельможа и сталъ окончательно откланиваться.

— Его сіятельство графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ!—доложилъ камеръ-лакей, появляясь въ дверяхъ.

— Ба!.. легокъ на поминѣ, старина!—улыбаясь, замѣтилъ Панинъ, весьма учтиво раскланялся съ вошедшимъ и ушелъ.

А новый гость занялъ еще теплое мѣсто на креслѣ, съ котораго поднялся Панинъ.

— Не посѣтуйте, княгинюшка-матушка!—громко, быстро, съ обычнымъ видомъ веселаго балагура повелъ рѣчь Бестужевъ.—Говорять, нездоровится нашей ясочкѣ... А у нея—Панинъ... Ду-

маю: ежели умерла,—прощусь по-христіански... приложусь къ устамъ сахарнымъ хоша бы разокъ!.. А ежели дышитъ еще,—повѣдаю что-либо позабавнѣ... и подымется голубочка отъ моихъ рѣчей глупыхъ, стариковскихъ... Помирать ей не захочется, пока веселенько на бѣломъ свѣту!.. Рученьку прошу, красавица, умница-разумница!.. Мяконькую, сладенькую, что по нашимъ, стариковскимъ зубишкамъ въ акуратъ!..

Въ засосъ поцѣловаль онъ выхоленную ручку и, почувствовавъ на лысинѣ легкое прикосновеніе губъ княгини, даже захихикалъ, заколыхался необъятнымъ своимъ животомъ, покраснѣлъ лицомъ, а носъ, и раньше багровый, теперь запылалъ отъ прилива крови.

— У-у-ухъ!.. Ожгло!.. Вотъ такъ губочки!.. Уголечки... Чуть коснулись, а по вѣзмъ жилкамъ жаръ и пламень пробѣжалъ у старика... Хе-хе-хе... И откуда вы такая, княгинюшка! Тутъ,—указалъ онъ на лобъ,—всѣ философы новые и старые, яко въ академіи, усѣлись. Въ сердечкѣ—Хариты и феи, щедроты и милости неистощимыя... На щечкахъ... въ глазенкахъ... М-м-м!.. Просто гибель роду человѣческому!.. Ни стару, ни младу пощады нѣту!.. Хе-хе-хе!.. А што... и впрямь недугуете?.. Али—мизантропія... то бишь «мизанптіція»... къ «орламъ» примѣнительно говоря!—скаламбурилъ неуклюже старикъ.—Не желали видѣть и ссориться съ тѣми... птицами лишній разъ?... хе-хе!..

— Съ чего мнѣ тамъ разныхъ птицъ не любить!—осторожно отозвалась Дашкова.—Они моей старой славы не расклюютъ, мѣста не займутъ!..

Старикъ понялъ намекъ, маска балагурства спала на мигъ, лицо его перекошилось, глаза злобно блеснули.

— Зубы сломать!.. Не расклюютъ!.. Молоды больно... хоша жадность и велика у сихъ голодныхъ хищниковъ, кои въ фаворъ да въ случай попали!..

И сейчасъ же, снова натягивая личину добродушія и шутовства, хитрый царедворецъ быстро заговорилъ:

— А изволили слышать стишки, какіе нынче въ модѣ, по рукамъ пошли?.. Нѣчто въ родѣ шарады... Вотъ-съ: «Есть пять братцевъ-камрадцевъ: Иванъ—болванъ, Алеша—интриганъ, Григорій—бонвиванъ, Ѳедя—шаркунъ да Володя—потаскунъ! Всѣ безголовы! Кто таковы?!» Хе-хе-хе!.. «Орловы!».. Каково!..

Отъ смѣху онъ снова побагровѣлъ. Снисходительно улыбулась и Дашкова.

— Изрядно!.. Хотя и отдаетъ душкомъ Педрилло, шута покойной Елизаветы Петровны.

— Да и они не пахнутъ же, орлята эти самыя!.. Хе-хе-хе!.. А все же, скажу, раннѣй лучше жилось при дворѣ! Не было такъ, что «коли надобенъ—въ чести, а не надобенъ—прости!»

— Ну, васъ, графъ, сіе еще не коснулось!.. Милости сыплются на вашъ парикъ щедро довольно и часто!..

— Э-э, што тамъ!.. Старѣть я сталь, вотъ и вру, мелю вздоръ!.. «Осень—слякотъ да дрызга... А старикъ—ворчунъ, брюзга!»... Вѣстимо дѣло!.. Мы ли отъ государыни-матушки нашей позабыты! Въ первый уголь, вотъ ровно вѣникъ-голичекъ, поставлены! «Мети соръ, мети, да пыли не напусти!..» Пыль пуцають уже иные, помоложе!.. Хе-хе!.. Ну, кажись, нынче у всѣхъ побываль, гдѣ надо!—кряхтя поднялся съ мѣста старикъ.—У «матушки» посидѣлъ, у сыночка, цесаревича—тоже... У Орлова, у Гришенъки—о здорвьицѣ справился... Хорошо ли подрывиваетъ?.. Хе-хе!.. Партичку въ шахи съ имъ сыграли! Обчистилъ онъ меня, старика, изрядно!.. Мастакъ графъ Григорій на королеву брать... на даму!.. Такъ онѣ къ ему подъ ручку и плывуть... Хе-хе-хе!.. Теперь—васъ, княгинюшка, позабавиль... Загляну еще къ Перекусихиной, къ ближней самой царицыной... А тамо—и спать могу залечь, Богу помоляся. Авось до утра ничего не станетъ!.. Хе-хе-хе!.. Не попаду въ казематы ненарокомъ... Кланяюся низко, княгинюшка!.. Здорова будь, цвѣти, словно маковъ цвѣтикъ аленькой...

— Благодарствую, графъ!.. И вправду: посмѣялась, и легче мнѣ стало!..

— Извѣстное дѣло: женскія хвори потомъ да смѣхомъ выходятъ!.. Муженекъ бы догадался, попотѣть бы тебя нынче заставиль... Молчу... молчу!.. Хи-хи-хи!..

И, заливаясь нутрянымъ, игривымъ смѣхомъ, еще разъ поцѣловавъ руку княгини, гость вышелъ. Его смѣнили новыхъ два лица: камергеръ Ласунскій и капитанъ Рославлевъ, которыхъ княгиня просила прійти послѣ десяти.

У обоихъ были большіе букеты розъ. Цѣлуя обѣ руки княгини, они поднесли ей свои цвѣты, разсыпаясь въ комплиментахъ.

— Рада васъ видѣть!.. И, какъ всегда,—съ цвѣтами!.. Очень ужъ вы балуете меня, друзья. Но нынче у насъ—дѣловое свиданіе. Посему—начну безъ дальнихъ околичностей. Прошу дернуть сонетку у дверей... Нѣтъ, нѣ у этихъ, у другихъ!.. Въ этомъ старомъ, неуклюжемъ дворцѣ—дверей и оконъ больше, чѣмъ надо... Неуютно, дуется отовсюду... И каминъ даже не спасаетъ отъ холода!.. мебели такія старыя, неуклюжія, собранныя со всего свѣта... Словно гостиница, а не дворець... А, вотъ и моя Феня!—увидя камеристку, вошедшую на звонокъ, обратилась къ ней княгиня.—Что, подпоручикъ еще не приходилъ?

— Только что пришли...

— Хорошо... Попроси подождать минутку... А эти цвѣты—поставь въ воду.

Дѣвушка ушла, а Дашкова снова заговорила серьезнымъ, дѣловымъ тономъ:

— Съ нашимъ молодымъ человѣкомъ мнѣ слѣдуетъ потолковать наединѣ... Чутье мнѣ говорить, онъ способенъ на отважные поступки... И теперь, когда заговоръ Гурьевыхъ открытъ,—кромѣ Мировича,—врядъ ли кто отважится итти по ихъ стопамъ... Но этотъ—посмѣеть!.. Увидите!..

— Вѣримъ... вѣримъ, княгиня!..

— Отлично!.. И убѣдитесь, что сей молодецъ не испугается охоты... на «орловъ»... Только надо дать ему средства быть ближе къ фаворитамъ... Надо ввести въ придворный кругъ, сблизить съ нашей партіей... Ласунскій, вы достали?..

— Вотъ записка къ Майкову... съ нею нашъ храбрецъ безъ труда будетъ принять въ главную ложу... и ежели выдержитъ испытаніе,—братья станутъ широко помогать ему противъ... извѣстныхъ особъ!.. Остальное—будетъ зависѣть отъ него... и—отъ васъ, княгиня!..

— Что же, я готова. Мы ничѣмъ не рискуемъ. До времени—онъ и знать не долженъ, для какой цѣли мы готовимъ его... А его замыслы въ пользу Иванушки, заточеннаго въ Шлюшинѣ... они весьма подходящи для насъ. Конечно, смѣны правителей мы не хотимъ. Но припугнуть заговоромъ—никогда не мѣшаетъ... Тѣмъ же Орловымъ можно скорѣе спесь сшибить!..

— Да, пора, пора!—горячо отозвался Рославлевъ.—Хитрово открыто говорить, что не для позора шель на опасность!.. Не желаетъ раболѣпствовать передъ... наложникомъ, передъ фаворитомъ!.. И всѣ мы... Чѣмъ хуже мы этихъ... проньыр!.. наглецовъ!..

— Не волнуйтесь, друзья мои!.. Будемъ какъ можно шире плести нашу сѣть... ткать наши узоры... А тамъ—какъ захочетъ Господь!..

— *Dieu le veut se que vous voulez, chère princesse!*—цѣлуя снова руки, проговорилъ Ласунскій.

— Хотѣлось бы вѣрить... Увидимъ!.. До скорого свиданія, надѣюсь!..

— До завтра!..

Они скрылись, Дашкова—дернула сонетку и снова улеглась на кушетку, гдѣ грѣлась у камня.

— Оправь меня!—приказала она вошедшей Фенѣ.—И волосы... Дай зеркало... Такъ... Мухку здѣсь наклей... Хорошо... Зови...

Черезъ минуту Мировичъ, смущенный, блѣдный, стоялъ передъ нею, вертя въ рукахъ свою шляпу, не зная, куда дѣвать свои руки.

— Ну, вечеръ добрый, мой рыцарь!—ласково встрѣтила его княгиня.—Чего вы же тамъ остановились! Здоровайтесь со мною...

Мировичъ молча подошелъ, взялъ протянутую руку и почтительно коснулся ея своими пересохшими, горячими губами. Но, чувствуя, что руки не отымаются, горячо поцѣловалъ еще, еще. Потомъ вдругъ, словно опомнился, отпустилъ мягкую, нѣжную

ручку, чуть слышно отвѣчавшую на его поцѣлуи легкимъ пожатіемъ, и забормоталъ:

— Что я... что со мною... Прощенія прошу, ваше сіятельство!..

— Что съ вами, подпоручикъ? Въ чемъ извиненія?.. Развѣ такъ преступно цѣловать руку у молодой женщины, не совсѣмъ уродливой собою?.. И—отступаете даже!.. Мнѣ казалось, это не ваша манера:—отступать!.. Ха-ха!.. что же, такъ и будемъ молчать?..

— Я пришелъ... Вы меня желали... я пришелъ узнать о томъ...

— Ахъ, вы торопитесь узнать о «дѣлѣ»... Извольте! Конечно, вы правы, съ того надо было и начать!—притворяясь уязвленной, заговорила суше княгиня.—Благодарна за напоминаніе!.. И ежели мое сердечное расположеніе отвлекло отъ «дѣла»... ужъ не посѣтуйте!.. Я еще не приучилась къ совершенному разсудительному, дворцовому обхожденію съ людьми, кои мнѣ сразу пришли по... душѣ... Вы мнѣ показались—человѣкомъ особливымъ... И я къ вамъ отнеслась безо всякихъ околичностей. Но... ежели вамъ то неприятно... нежелательно...

— Молчите!.. не говорите... не говорите такъ, княгиня... Не то—я забуду себя!..

— А что же... Или—это такъ страшно?!—совсѣмъ уже вызы-
вающе прозвучалъ вопросъ молодой женщины.—Или—неприятно,
можетъ быть!... Для кого?.. Снова молчить!.. Ну, извольте, станемъ
дѣловиты... Вотъ вамъ записка. Съ нею вы явитесь къ лицу,
которое занимаетъ весьма хорошее положеніе въ главнѣйшей масон-
ской ложѣ... Надѣюсь, будете скоро туда же введены... И когда
окажутся ваши достоинства, отъ васъ зависитъ воспользоваться
помощью вліятельныхъ «братьевъ», избравъ тотъ либо иной путь
для свершенія вашихъ плановъ... Я хотѣла отъ души вамъ помочь...
и, сдается, сей будетъ самый вѣрный вамъ путь къ успѣху!..

— Благодарю!—только проговорилъ Мировичъ, нерѣшительно
взявъ записку и снова отступая отъ обаятельнѣйшей женщины, словно
отъ чего-то опаснаго.

— Какая холодная благодарность!.. Потушился... Даже не
глядитъ на меня... Или вы слишкомъ цѣните каждую свою призна-
тельность... малѣйшій поцѣлуй руки?.. Не вѣрится, Мировичъ!..
Вы еще очень молоды и... кажетесь столь... пылкимъ мужчиной!..

— Вотъ оттого-то я и боюсь, оттого-то я и не смѣю!—негромко
заговорилъ онъ.—Вы приняли меня, какъ честнаго человѣка...
Готовы мнѣ помочь... и отъ меня ждете доброй услуги, зная, сколь
ненавижу тѣхъ же фаворитовъ!.. А я... ежели бы только могъ...
Ежели бы смѣлъ сказать вамъ все... все... Нѣтъ, простите... Отпу-
стите меня лучше скорѣе, княгиня!..

— Не подумаю... Подите ближе сюда, Василій Яковличъ...
Сядьте тутъ!—почти властно прозвучалъ взволнованный голосъ
Дашковой.

Мировичъ повиновался.

— Вотъ, отлично. Можетъ, оно и необычно, что вы услышите въ сей часъ... Но, мнѣ сдается, вы должны понять. Съ вами можно позволить себѣ говорить открыто по душѣ. Откину всякое жеманство, прямо скажу: я понимаю васъ... и ваши... чувства. Хотя и странно: какъ могло человѣка такъ скоро охватить столь пламенное желаніе?.. Но—разъ оно есть—зачѣмъ таиться!.. Мы же съ вами знаемъ: женщины и познатнѣ меня охотно склонялись къ желаніямъ мужчинъ, очарованныхъ ими!.. Особенно, ежели поклонники помогли имъ въ дѣлахъ... А я что же такое... Богиня, либо—Недотрога-царевна?.. Нисколько, Мировичъ, вѣрьте мнѣ!.. Чего же вамъ стыдиться, либо опасаться?..

Выждавъ и не получая отвѣта, Дашкова нахмурилась было, но, разобравшись въ настроеніи влюбленнаго, дружески, нѣжно заговорила:

— Понимаю... Вы скажете, что еще ничѣмъ не помогли мнѣ!.. Но я вѣрю, на что бы я ни указала, вы исполните охотно и смѣло!..

— О, да... да... конечно!..

— Значить, я была права... А ежели такъ... нужно ль ждать сперва жертвы, а потомъ—дать награду влюбленному?.. Или онъ долженъ ли требовать только «расплаты» за услугу. Это было бы хуже, по-моему, чѣмъ... Все молчите!.. Ну, и я смолкну, потому что мое женское достоинство не позволяетъ итти далѣе... Я сказала многое... ободряла васъ, какъ могла, видя ваше искреннее смятеніе... Но, очевидно, я впала въ заблужденіе. А вы боитесь оскорбить меня, указавъ на это... Вы правы. Тогда намъ остается разстаться молча и... Я не держу васъ!..

Молча поднялся Мировичъ и пошелъ, почти не видя дороги передъ собою.

— Да... не въ ту дверь!.. Сюда, общимъ выходомъ... Тамъ васъ проводятъ слуги...

Отвѣсивъ поклонъ, Мировичъ пошелъ къ указанной двери, но у нея остановился и невольно воскликнулъ:

— Боже мой!.. что я дѣлаю!..

— Большую глупость! видимое дѣло!—живо подхватила Дашкова, не терявшая надежды.—Но мужчины упрямы, это старая пѣсня!.. Да, наконецъ, скажете вы словечко!—поднимаясь съ мѣста, топнула она даже ногою.

Какъ во снѣ, вернулся отъ дверей Мировичъ, опустился къ ея маленькимъ, стройнымъ ногамъ, упругія очертанія которыхъ обрисовывались подъ полупрозрачнымъ пеньюаромъ.

— Скажу... скажу!—зашептала онъ, задыхаясь. И снова умолкъ.

Съ торжествующей улыбкой мягко опустилась снова на кушетку княгиня и стала ласково, нѣжно гладить по волосамъ влюбленнаго, слишкомъ взволнованнаго въ этотъ рѣшительный мигъ.

— Ну, уснокойтесь... Ну, я вижу, знаю... вѣрю... Ну, помолчимъ,.. потомъ... потомъ мнѣ скажешь!..

Обожгла его лобъ поцѣлуемъ, откинулась на кушетку и замерла въ истомѣ и нѣгѣ.

Поднявъ голову, залюбовался на нее Мировичъ и тихо, словно въ забытїи, заговорилъ:

— Женская ласка!.. Первая чистая женская ласка!.. Отъ васъ!.. Боже, какъ это чудесно!.. Слушайте, княгиня... Божество мое!.. Катя... Катря... Я скажу... открою... О себѣ, о семьѣ моей... Нашъ родъ... вы знаете его горькую долю. Всѣ знаютъ. Мои дѣды— были вельможными панами отъ молодыхъ ногтей. Ко мнѣ перешла ихъ господарская, горячая кровь. Мнѣ вспоминается бывлая роскошь... грезятся ласки блестящихъ чаровницъ-красавицъ въ зеленыхъ садахъ... А вмѣсто того... рабство... рабство... безъ конца... Вмѣсто шляхетныхъ пировъ—пошойки по грязнымъ гербергамъ... Ласки презрѣнныхъ тварей, коихъ только жалѣешь, даже сжимая въ пылкихъ объятїяхъ!.. Уколы самолюбію... удары людей и насмѣшки судьбы!.. Глумленье отъ сильныхъ и нѣтъ возможности помочь и себѣ, не только другимъ!.. Боже, какая мука!..

— Ну, успокойся... Ну, иди сюда... Я приласкаю... поцѣлую тебя—и все забудешь!—шепнула княгиня, привлекая его ближе къ груди и цѣлуя горячо.

— Постой... погоди, Катря... не лишай меня разсудка!.. Я боюсь!.. Счастье слишкомъ велико!.. Онъ не позволитъ!.. Онъ отыметъ...

— Кто... о комъ ты говоришь... Ты боленъ...

— Нѣтъ!.. Покойный императоръ... Петръ Алексѣичъ... Его тѣнь рѣшетъ проклятіемъ надъ нашимъ родомъ!.. Счастье сулитъ мнѣ твоя любовь!.. Но я знаю: ты разлюбишь... оттолкнешь... Я буду еще несчастнѣе, чѣмъ до этихъ поръ... И боюсь вѣрить... боюсь дать волю сердцу. Ты оттолкнешь—и я погибну... И сгибнуть тѣ, кого я берегу, кому я такъ нуженъ на свѣтѣ... Мои сестры... И тотъ... Далекій узникъ!.. Его тоже сторожить тѣнь Петра!.. Но я поклялся, что спасу несчастнаго... Я долженъ сдержатъ обѣты!.. Пустите же меня, Иначе—я съ ума сойду...

— Боже мой!.. Что мнѣ сказать... Какъ поступить съ этимъ безумцемъ!.. Куда тебѣ уйти. Погоди, слушай меня!... Ходятъ слухи, что «сама» задумала тайно обвѣнчаться съ Григоріемъ Орловымъ... Этого допустить нельзя!.. Григорія надо убрать!.. А съ нею можно обвѣнчать «Узника»... Принудить ее къ тому союзу... И все уладится.

— Невозможно!.. Многие станутъ мѣшать...

— Зато другіе—помогутъ!.. Вотъ, я знаю же, что даже предатели, выдавшіе заговоръ Гурьева, не предали тебя...

— Это—Домогацкій... Побѣдинскій, я знаю!.. Они считаютъ, что я спасъ имъ жизнь въ Москвѣ, когда караульный офицеръ со-

бирался разстрѣлять ихъ пьяную компанію... И за благодарность они умолчали мое имя въ своихъ доносахъ!...

— Превосходно, милый!.. Всѣмъ надо пользоваться... Порою даже приходится вести игру на обѣ руки, чтобы враги—считали насъ друзьями... Понимаешь?..

— Понимаю... Понимаю!—и, понемногу отрезвляясь, внимательно сталъ вглядываться Мировичъ въ женщину, явно старавшуюся его очаровать.

— Слава Богу!.. Пользуйся всѣми... А придетъ пора—поступай, какъ тебѣ наиболѣе удобно... какъ того требуютъ собственные интересы... И не надо допускать никакихъ колебаній... сомнѣній... Ну, успокойся... Садись же... Ну, говорите, мой другъ, снова о томъ, о чемъ вы было такъ хорошо начали!...

— Я не умѣю о томъ говорить!—не то печально, не то съ болью вырвалось у Мировича. Онъ разобрался въ лукавой женщинѣ, и чувство сразу замерло въ груди.

— Но умѣете заставить себя слушать... Въ томъ вся сила!.. Или...—Она пристально поглядѣла на его поблѣднѣлое, измѣнившееся лицо.—Или вулканъ такъ скоро потухъ... даже безъ изверженія?...

— Не скорѣе, чѣмъ прихоть женщины!—задѣтый упрекомъ, высказалъ Мировичъ свою затаенную мысль.

— При-хоть!.. Вотъ какъ полагаетъ господинъ подпоручикъ!.. Что же, вы правы... вамъ пора домой... доброй ночи!..

Закусивъ губы, она сѣла на кушетку и даже слегка отвернулась отъ уходящаго.

У самой двери Мировичъ снова остановился, оглянулся. Женщина такъ соблазнительно влекла его, вся взволнованная, пылающая и отъ страсти, и отъ обиды...

И вдругъ, замѣтя его колебаніе, она притворно-холоднымъ тономъ заговорила:

— Вотъ что... Вернитесь, Василій Яковличъ... Я еще забыла сказать вамъ...

Закрывъ руками лицо, шатаясь, какъ пьяный, пошелъ на этотъ голосъ Мировичъ... Она еще говорила что-то... Но онъ уже не слышалъ ничего. Жадно цѣловалъ ея атласныя плечи, высокую, упругую грудь, руки, ноги и шепталъ:

— Катря... Катря... съ ума сойду!..

Левъ Ждановъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ К. А. МАННА¹⁾.

VIII.

Торговля операціи Н. Д. Вердеревскаго по морскому министерству.—Постройка «поповокъ» вице-адмирала А. А. Попова.—Пolemика о ихъ пользѣ въ печати.—Постройка яхты наслѣднику цесаревичу.—Сношенія съ Краевскимъ.—Оставленіе авторомъ должности директора канцеляріи морского министерства и назначеніе въ адмиралтействъ-совѣтъ.—Представленіе императору Александру II.

ЕЖДУ НОВЫМИ пріятелями Краббе, почерпнутыми имъ въ обществѣ Абариновой, находился молодой человекъ, отставной прапорщикъ Николай Дмитриевичъ Вердеревскій, богатый землевладелецъ. Не знаю, какія обстоятельства вовлекли его въ спекуляціи, но первое мое знакомство съ нимъ началось по поводу сдѣланнаго имъ морскому министерству предложенія купить старые деревянные корабли. Цѣны, предложенныя имъ, были выгодны, выше тѣхъ, которыя мы когда-либо получали отъ продажи старыхъ судовъ. Краббе его сильно поддерживалъ, и, только благодаря его вліянію, адмиралтействъ-совѣтъ рѣшилъ продать суда Вердеревскому, такъ какъ слухъ, что морское министерство продаетъ корабли безъ торговъ, вызвалъ массу самыхъ нелѣпныхъ предложеній о покупкѣ ихъ, преимущественно отъ евреевъ, желавшихъ получить отъ Вердеревскаго отступныя деньги. Впро-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историч. Вѣстн.», т. СХХVII, стр. 600.

чемъ, въ числѣ конкурентовъ находился бывшій воспитатель князей Лейхтенбергскихъ и потомъ олонеккій губернаторъ, генераль-майоръ Философовъ. Онъ также рассчитывалъ на отступныя ѳ, когда ему не удалось, послалъ доносъ на Краббе великому князю. Подрядъ остался за Вердеревскимъ, за нимъ же осталась чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ другая покупка—покупка механизмовъ отъ этихъ самыхъ судовъ. Но послѣ заключенія уже предварительныхъ условій покупка этихъ послѣднихъ предметовъ нѣсколько затянулась. Между тѣмъ цѣны на металлы упали, и Вердеревскій лѣтомъ 1874 г. очутился въ такомъ положеніи, что не могъ внести денегъ морскому вѣдомству. Краббе былъ въ это время уже боленъ и лечился за границей. Извѣстіе, что пріятель, за котораго онъ ручался и хлопоталъ, оказался несостоятельнымъ, могло сильно его взволновать и даже вызвать повтореніе удара. Затѣмъ было крайне неблагоприятно и то обстоятельство, что дѣло, веденное лично управляющимъ министерствомъ, кончилось такъ мизерно. Я вызвалъ Вердеревскаго въ канцелярію и сказалъ ему, что личныя отношенія его къ Краббе требуютъ исполненія принятыхъ обязательствъ. Вердеревскій заложилъ свое имѣніе и внесъ деньги, но, когда Краббе возвратился, сталъ просить его выручить изъ долговъ и продать ему ненужные металлы въ кронштадтскомъ портѣ. Предложенныя имъ цѣны были опять выгодны, такъ какъ, при совершеніи съ нимъ непосредственно договора, онъ не обязанъ былъ платить отступныхъ, что необходимо вовлекало въ значительныя издержки каждаго покупателя, пріобрѣтавшаго металлы съ торговъ. Однако это предложеніе вызвало сильную оппозицію со стороны Лесовскаго, вслѣдствіе тѣхъ его взглядовъ, о которыхъ было сказано выше. Больной Краббе, не управлявшій въ тотъ моментъ министерствомъ, обратился ко мнѣ, чтобы я ему помогъ провести это дѣло. Какъ мнѣ было отказать? Цѣны были выгодны. Между тѣмъ, съ одной стороны, я самъ вовлекъ Вердеревскаго въ разореніе, указавъ ему на его нравственныя обязанности по отношенію къ Краббе лѣтомъ, когда онъ затруднился внести деньги; съ другой—желаніе моего непосредственнаго начальника, который хлопоталъ объ исполненіи моихъ самыхъ завѣтныхъ желаній. Мнѣ оставалось сдѣлать одинъ шагъ, чтобы попасть въ совѣтъ и получить аренду, и мнѣ же самому разверзнуть пропасть между мною и совѣтомъ! Дѣло не стоило такого подвига гражданскаго мужества, потому что для казны было выгодно, и я рѣшился подать по начальству записку, въ которой доказывалъ пользу продажи Вердеревскому металловъ и необходимость полученія нами этихъ денегъ. Пришлось вступить въ диспутъ съ Лесовскимъ предъ великимъ княземъ по поводу этой записки. Великій князь затруднился, какъ рѣшить, ибо дѣло было выгодное и несогласіе касалось не сущности, а лишь формы, и затянулъ дѣло, потребовавъ справокъ о

количествомъ металловъ и рыночныхъ цѣнахъ на нихъ. Въ редакціи резолюціи его высочества также возникъ у меня споръ съ Лесовскимъ, ибо онъ клонилъ на свою сторону. Все это въ сущности мнѣ было крайне непріятно не потому, чтобы я дѣйствовалъ противъ совѣсти, но не такимъ актомъ угодливости начальству хотѣлось бы мнѣ окончить мою дѣятельность въ качествѣ директора. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ 1-го января, и время тянулось для меня безконечно. Наконецъ наступило 31-е декабря, шесть часовъ вечера, когда обыкновенно привозятся приказы. У меня была сестра, заѣхавшая на минуту, и трое племянниковъ Бражниковыхъ, которыхъ я позвалъ въ этотъ день обѣдать. Раздался звонокъ, и мнѣ подали приказъ, въ которомъ было напечатано, что я назначенъ членомъ адмиралтействъ-совѣта.

Не могу сказать, чтобы первое впечатлѣніе было изъ самыхъ пріятныхъ; напротивъ, сердце какъ-то болѣзненно сжалось. Въ самомъ дѣлѣ, почти четырнадцать лѣтъ жилъ я, можно сказать, жизнію канцеляріи морского министерства, и теперь эта связь порывалась. По судьбѣ угодно было распорядиться такимъ образомъ, что въ эти послѣдніе часы моего пребыванія въ канцеляріи, т.-е. еще до наступленія 1-го января, мнѣ пришлось испытать еще разъ горечь моей канцелярской службы.

Пообѣдавъ вмѣстѣ съ племянниками и распивъ съ ними по бокалу шампанскаго, я помѣстился въ покойное кресло, а они вздумали попробовать тріо Рейнеке, написанное въ видѣ серенады. Вдругъ раздался звонокъ, и курьеръ возвѣстилъ мнѣ, что управляющій министерствомъ проситъ меня къ себѣ сейчасъ же. Черезъ полчаса я былъ уже у него. Онъ игралъ въ карты, въ пикетъ, съ женой и находился въ самомъ дурномъ расположеніи духа. «Знаете, Константинъ Александровичъ,—встрѣтилъ онъ меня словами:—ваша неосторожность поставила насъ въ очень непріятное положеніе. Мало же вы знаете еще людей!» Когда ушла его жена, онъ разсказалъ мнѣ, въ чемъ дѣло.

Въ морскомъ вѣдомствѣ уже года два, какъ строились круглыя броненосныя суда, которымъ государь присвоилъ наименованіе поповокъ по фамиліи изобрѣтателя, вице-адмирала Андрея Александровича Попова. Въ морскомъ мірѣ много говорилось за и противъ этихъ судовъ, но въ газеты эта полемика не проникала. Осенью 1874 г., въ то время, когда Краббе лечился въ Севастополѣ, въ газетѣ «Голосъ», издаваемой Краевскимъ, была напечатана передовая статья, какъ будто отъ газеты, съ сильными нападками на поповки. Будь Краббе на мѣстѣ, въ Петербургѣ, полемика не пошла бы далеко. Обыкновенно дѣло оканчивалось официальнымъ опроверженіемъ морского министерства въ двухъ-трехъ словахъ, опроверженіемъ только вопіющихъ нелѣпостей, и, кромѣ того, я посылался къ Краевскому для «дружескихъ» съ нимъ переговоровъ.

Въ подобныхъ случаяхъ я говорилъ, что по закону управляющей министерствомъ можетъ требовать имя писавшаго статью и жаловаться на сообщеніе неправильныхъ и неточныхъ свѣдѣній о морскомъ вѣдомствѣ (содержаніе морскихъ статей въ «Голосѣ» всегда было ниже всякой критики); если же авторъ какой-нибудь морякъ, то Краббе самъ можетъ распорядиться съ нимъ. Но стоитъ ли доводить дѣло до этого, и справедливо ли газетѣ нападать на морское министерство, когда послѣднее не имѣетъ возможности защищаться тѣмъ же оружіемъ, т.-е. печатнымъ словомъ, ибо открывать въ печати всѣ наши виды и силы было бы измѣною передъ отечествомъ? Почему статьи не присылать прежде въ морское министерство для предварительнаго просмотра относительно фактовъ? Краевскій извинялся, прекращалъ дальнѣйшее печатаніе статей, обѣщалъ присылать статьи для просмотра и исполнялъ это въ-которое время, а потомъ опять нарушалъ условіе. Дѣло въ томъ, что для Краевского эти статьи всегда были даровыя, такъ какъ писались обыкновенно не серьезнымъ какимъ-нибудь сотрудникомъ, но какимъ-нибудь мичманомъ, считавшимъ себя обиженнымъ по службѣ; такимъ образомъ, нарушеніе со стороны Краевского условія было соединено для него съ денежною выгодною въ нѣсколько рублей. Предъ такимъ соблазномъ онъ не могъ долго воздерживаться, и если давалъ обѣщаніе, то только потому, что боялся официальнаго преслѣдованія со стороны морского вѣдомства. На этотъ разъ, въ отсутствіе Краббе, дѣло приняло другой оборотъ. Изобрѣтателемъ поповокъ вице-адмираломъ Поповымъ были представлены великому князю возраженія на статью. Возраженія показались великому князю неопровержимыми, и онъ послалъ статью къ Краевскому чрезъ своего адъютанта Кирѣева для напечатанія въ «Голосѣ» въ видѣ частной статьи.

Краевскій обрадовался: новая даровая статья. На возраженіе морского министерства послѣдовалъ въ «Голосѣ» же чей-то отвѣтъ, наполненный самыми неосновательными разсужденіями, ибо эти разсужденія опирались на невѣрныя данныя. Пришлось исправлять эти данныя, и завязалась полемика все въ «Голосѣ» же. Министерство не хотѣло само выступать въ бой и прикрывалось именами командировъ поповокъ и одного изъ строителей. Возраженія выходили довольно слабыя, потому что разсказывать всѣхъ своихъ плановъ и расчетовъ на случай войны нельзя было. Напротивъ того, изъ лагеря противниковъ, не стѣняясь, разсуждали вкривь и вкось и рѣшали самые трудные вопросы сплеча. Публика съ недоумѣніемъ смотрѣла на эту борьбу, вовсе для нея непривычную, и, само собою разумѣется, принимала сторону противниковъ морского вѣдомства, во-первыхъ, по духу оппозиціи къ преержащимъ власть, какъ это обыкновенно бываетъ, а, во-вторыхъ, потому, что статьи противниковъ были для нея доступнѣе, заклю-

чая въ себѣ не научныя, сухія вычисленія, а плоды фантазіи, рѣшавшей всѣ вопросы понятнымъ для нея образомъ. Дошло до того, что вопросъ о поповкахъ сдѣлался вопросомъ дня. О нихъ толковали повсюду. Краевскій потиралъ руки отъ удовольствія, а всѣ газеты считали уже своимъ долгомъ что-нибудь напечатать по этому вопросу. При такихъ условіяхъ всѣ моряки, находившіеся не у дѣль, всѣ составлявшіе оппозицію Попову, имѣли возможность видѣть свои произведенія напечатанными въ газетахъ. Дѣло коснулось даже наслѣдника престола. Надо сказать, что незадолго передъ тѣмъ его высочество пристрастился къ морскимъ прогулкамъ. Сначала онъ заказалъ себѣ небольшую яхту для сообщенія между Петербургомъ и Петергофомъ, а потомъ большую—для отдаленныхъ морскихъ плаваній. Краббе сильно поддерживалъ эту склонность наслѣдника, говоря намъ, что она можетъ служить лучшимъ ручательствомъ преуспѣянія флота во время его царствованія. Наслѣдникъ заказалъ было вторую яхту на свой счетъ, и въ Лондонѣ были выданы векселя. При наступленіи срока векселей въ конторѣ его высочества затруднились найти денегъ, и Краббе долженъ былъ объ этомъ сказать министру финансовъ Рейтерну. Послѣдній доложилъ государю, который страшно разсѣрдился и распекъ сына, а яхту велѣлъ купить въ казну. Но скоро наступилъ день рожденія наслѣдника, и государь подарилъ яхту его высочеству въ этотъ день.

Заказъ яхтъ былъ порученъ наслѣдникомъ Попову, который и заказалъ ихъ въ Англіи по самымъ усовершенствованнымъ чертежамъ. Это обстоятельство сблизило наслѣдника съ Поповымъ. Поповъ, какъ человѣкъ умный и ловкій, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы заинтересовать наслѣдника поповками и возникшей по поводу ихъ полемикой. Отвѣтныя статьи посылались Поповымъ его высочеству и просматривались имъ; наслѣдникъ дѣлалъ даже нѣкоторыя поправки.

Между тѣмъ эта полемика начинала надоѣдать публикѣ и дѣйствовать раздражительно на генераль-адмирала и Краббе. Поэтому рѣшились воспользоваться статьей, присланной Попову однимъ бывшимъ морякомъ, долго состоявшимъ помощникомъ контръ-адмирала Чихачова, Кази, резюмировавшей всю полемику и дѣлавшей выводы въ пользу поповокъ, чтобы прекратить наконецъ эту полемику. Краббе послалъ меня къ Краевскому, чтобы предложить послѣднему напечатать эту статью и взять съ него обѣщаніе не печатать ничего болѣе по части этой полемики. Чтобы мнѣ легче было убѣдить Краевского, Поповъ далъ мнѣ экземпляръ статьи съ собственноручными поправками наслѣдника.

Краевского я зналъ очень давно. Еще во время крымской войны я работалъ у него въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», которыя онъ издавалъ тогда вмѣстѣ съ Очкинымъ; я дѣлалъ выборки изъ англ-

лійскихъ газетъ, изъ корреспонденцій, которыя англійскіе офицеры посылали въ свои газеты съ театра военныхъ дѣйствій. Надо отдать справедливость, что деньги за статьи Краевскій платилъ исправно; но, если ему представлялась возможность уменьшить эту плату, воспользовавшись какими-нибудь обстоятельствами, онъ не стѣснялся. Со мною онъ устроилъ штуку такого рода. Условіе со мною было заключено имъ такое, чтобы платить мнѣ по двадцати рублей съ печатнаго листа, а въ листѣ обыкновенно было восемьсотъ десять строкъ. Такъ я работалъ мѣсяца два-три и, само собою разумѣется, зналъ, сколько моихъ писанныхъ листовъ заключается въ печатномъ. Вдругъ я началъ замѣчать, что для печатнаго листа стало требоваться гораздо больше моихъ писанныхъ листовъ. По изслѣдованіи оказалось, что онъ приказалъ печатать, сдвинувъ ближе строчки. Пошелъ уличать его. Онъ разставилъ опять строчки, но возмѣститъ мнѣ цѣнность излишняго моего труда за то время, пока я не догадался, онъ никакъ не согласился. Онъ считалъ это невинною хитростью. Когда моя служебная дѣятельность расширилась, я оставилъ эту трудную и неблагодарную работу и очень рѣдко видѣлся съ Краевскимъ. Между тѣмъ онъ началъ издавать газету «Голосъ», виляя между различными направленіями, выбирая между ними то, которое наиболѣе нравилось публикѣ въ данную минуту, было выгоднѣе, продавая, какъ носились настойчивые слухи, въ своей газетѣ мѣсто за деньги или уступая его для поддержки выгодныхъ для него связей, но всегда оставаясь вѣрнымъ одному девизу: печатать побольше о скандалахъ, чтобы заинтересовать читателей! Въ этомъ преимущественно направленіи подбирались извѣстія, причемъ самое пикантное печаталось въ каждомъ извѣстіи особенно крупнымъ шрифтомъ. По прочтеніи нумера «Голоса» казалось, что въ Россіи ничего не дѣлается другого, какъ одни скандалы. Рядомъ съ дѣйствительностью помѣщались вымыслы; потомъ печаталось опроверженіе. Направленія въ газетѣ не было никакого. Было даже время, когда она поддерживала польскія притязанія, но потомъ въ одинъ прекрасный день вдругъ сдѣлалась ультра-русскою, патріотическою. Въ одномъ и томъ же номерѣ появлялись самыя разношерстныя статьи: даровыя или принятыя отъ нужныхъ лицъ, или присланныя неопытными сотрудниками, не имѣвшими руководителя въ редакціи. Газета имѣла большой успѣхъ. Большинство говорило, что потому выписываетъ эту газету, что она сообщаетъ самыя полныя и свѣжія свѣдѣнія, но, кажется, вѣрнѣе можно было бы сказать, потому, что Краевскій давалъ публикѣ постоянно пикантную пищу. Газета и редакторъ были мнѣ всегда противны, и вдругъ я вздумалъ съ такимъ господиномъ вести дѣло, какъ съ порядочнымъ человѣкомъ. Просто досадно вспомнить о такой моей оплошности.

Приѣхавъ къ Краевскому и оставшись съ нимъ съ глазу на глазъ, я взялъ съ него честное слово, что весь нашъ разговоръ останется между нами, причемъ мы пожали другъ другу руки. Я сказалъ ему, что вмѣсто официальнаго разговора я буду съ нимъ говорить такъ, какъ дѣло есть, что я совѣтую ему прекратить полемику о поповкахъ, что статьи эти начинаютъ раздражать высшія власти, что въ эти статьи замѣшанъ наслѣдникъ престола, который дѣлаетъ нѣкоторыя поправки въ нихъ, что, имѣя такихъ августѣйшихъ сотрудниковъ, не знаешь, гдѣ обожжешься. Я показалъ ему собственноручныя поправки наслѣдника на статьи въ пользу поповокъ, которую теперь привезъ для напечатанія и которую мнѣ передалъ Поповъ для большаго убѣжденія Краевского. Послѣдній меня очень благодарилъ, обѣщалъ весь разговоръ сохранить въ секретѣ и напечатать статью. Дѣйствительно, статья появилась въ газетѣ, но чрезъ два-три дня появилось возраженіе на нее, заключавшее въ себѣ больше личностей, чѣмъ дѣла, подписанная полными буквами: «графъ Александръ Апраксинъ». Дѣло разыгралось такимъ образомъ: передовую статью, породившую всю полемику, написалъ этотъ самый графъ Апраксинъ. Онъ когда-то служилъ во флотѣ, былъ адъютантомъ великаго князя генераль-адмирала и развѣзжалъ съ нимъ. Онъ, говорятъ, былъ какъ-то обиженъ великой княгиней Александрой Юсифовной и съ тѣхъ поръ старался мстить великому князю Константину Николаевичу. Между тѣмъ, судьба сблизила его съ дворомъ наслѣдника, а именно дочь его подружилась съ цесаревной. Я встрѣчался нѣсколько времени съ Апраксинымъ въ правленіи общества спасанія на водахъ, куда мы оба были выбраны членами; всегда желчный и ядовитый, онъ производилъ на меня непріятное впечатлѣніе. Раздосадованный прекращеніемъ полемики, которая давала ему отличное средство жалить генераль-адмирала, Апраксинъ явился къ Краевскому, который, вѣроятно, за какія-нибудь обѣщанныя выгоды рассказалъ ему о свиданіи со мною. Апраксинъ передалъ обо всемъ этомъ наслѣднику, который, должно быть, не зналъ, что полемизируетъ со своимъ домашнимъ человѣкомъ. Наслѣдникъ призвалъ Краевского, переспросилъ его, написалъ непріятное письмо Попову, зачѣмъ онъ передалъ мнѣ его поправки, и далъ знать Краевскому, что не встрѣчаетъ препятствія къ продолженію полемики. Однимъ словомъ, дѣло вышло прескверное вслѣдствіе моей довѣрчивости и предательства Краевского. Совершенно по дѣломъ сдѣлалъ мнѣ выговоръ Краббе, и хотя онъ въ заключеніе сказалъ мнѣ, что призвалъ меня не для выговора, а чтобы поставить меня въ извѣстность о томъ, что надѣлала моя неосторожность, на случай, если со мной будетъ говорить объ этомъ генераль-адмиралъ, я глубоко чувствовалъ свою вину. Съ стѣсненнымъ сердцемъ возвращался я домой,

но зато во сто кратъ больше чувствовалъ счастье, что сдаю мою каторжную должность.

Наступило 1-ое января 1875 года, морозный день съ свѣжимъ снѣгомъ, закидывавшимъ улицы чуть не на аршинъ. Заскрипѣли колеса каретъ по этому снѣгу, понеслись сани съ поздравляющими по случаю Новаго года. Я также выѣхалъ на двухъ наемныхъ клячахъ, поѣхалъ къ Краббе, къ великому князю, къ адмиральшѣ Грейгъ. Краббе принялъ меня въ постели: нога не позволяла ему встать. Великій князь былъ очень милостивъ и, несмотря на то, что торопился въ Зимній дворецъ, распросилъ меня о здоровьѣ. Цѣлуя его въ плечо и благодаря, я это дѣлалъ отъ глубины сердца: онъ былъ всегда ко мнѣ очень добръ. Старушка Грейгъ обнимала меня и поздравляла, радуясь, какъ за сына. Много разныхъ лицъ пріѣзжало ко мнѣ въ этотъ день; привозили карточки, расписывались. Но оказались и такіе, которые съ этого же дня повернули ко мнѣ спину, какъ къ человѣку, отъ котораго нечего было ожидать. Аркадій Николаевичъ Мицкевичъ, бывшій дѣлопроизводителемъ канцеляріи морского министерства и пылавшій въ то время ко мнѣ всякими чувствами глубочайшаго расположенія и преданности, а въ это время уже занимавшій должность директора канцеляріи государственнаго контроля, при Грейгѣ, былъ въ числѣ первыхъ отвернувшихся. Не было недостатка въ этотъ день и въ послѣдующіе и въ словахъ истиннаго ко мнѣ сочувствія и расположенія, въ искреннихъ пожеланіяхъ всего добраго, въ этой высшей наградѣ для человѣка, окончившаго свою дѣятельность, наградѣ за прошлое, если въ прошломъ есть достойное такой награды. Не было недостатка и въ сочувственныхъ упрекахъ, въ сожалѣніи, зачѣмъ рано оставляю дѣятельную службу. Я оправдывался, говоря, что съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ университетскую скамью, я работалъ неутомимо, что здоровье мое надтреснуто; зачѣмъ же губить себя? Никому не будетъ отъ этого пользы. Хорошіе, добрые пріятели потѣшались насчетъ будущей моей дѣятельности въ адмиралтействъ-совѣтѣ. Одинъ рассказалъ про адмирала Качалова. Онъ былъ когда-то членомъ генераль-аудиторіата. По какому-то дѣлу потребовалось подписать членамъ журналъ ранѣе слѣдующаго засѣданія, т.-е. послать журналъ къ подписанію членамъ на домъ. Послали и къ Качалову. «Это присылаютъ ко мнѣ къ подписи?—допрашивалъ онъ курьера:—вотъ еще что вздумали! Безпокоить членовъ на дому! Да чѣмъ я подпишу? У меня и въ заводѣ нѣтъ этой дряни: чернилъ и перьевъ». Увѣряли, что и я дойду до такого же совершенства. Другой пріятель рассказывалъ случай попикантиѣ. Какой-то провинціалъ пріѣхалъ въ бывшій сенатъ, чтобы похлопотать по своему дѣлу, и обратился къ швейцару съ вопросомъ, кто самый сильный изъ генераловъ. Тотъ предложилъ ему подождать немного. «Вотъ скоро начнется

засѣданіе, всѣ они будутъ проходить мимо, и я вамъ укажу», сказалъ онъ. Пріѣзжаетъ одинъ: едва передвигаетъ ноги, другого вводятъ подъ руки, третьяго поднимаютъ на креслахъ. Наконецъ появляется одинъ какой-то старичокъ и кажется такимъ же дряхлымъ, какъ другіе. «Вотъ самый сильный», показалъ на него швейцаръ.—«А почему ты такъ думаешь»,—спрашиваетъ проситель:—что это самый сильный?»—«А какъ же,—отвѣчаетъ тотъ:—когда другіе ходятъ въ отхожее мѣсто, мы имъ застегиваемъ штаны, а этотъ самъ застегиваетъ». «Потѣшайтесь, потѣшайтесь, господа,—говорилъ я:—а все-таки я своимъ трудомъ, а не протекціей достигъ того, что взять живой на небо. Любя васъ, могу вамъ пожелать того же».

Невыразимо тяжело былъ для меня день, когда мнѣ пришлось прощаться съ моими бывшими подчиненными въ канцеляріи. На нихъ я всегда смотрѣлъ не какъ на подчиненныхъ, но какъ на моихъ добрыхъ товарищей, поставленныхъ большею частью судьбою въ такое же незавидное положеніе, какъ и я,—снискивать себѣ кусокъ хлѣба тяжкимъ умственнымъ трудомъ, будучи руководимыми волею, а иногда и прихотью начальства. Собственнымъ опытомъ зная всю тяжесть и горечь такого положенія, я глубоко цѣнилъ его въ другихъ, и это сознание вызывало у меня постоянно то чувство искренней любви къ моимъ сотрудникамъ, которой они не могли не видѣть. Не мнѣ говорить, былъ ли я хорошимъ начальникомъ, но, положа руку на сердце, могу сказать, что я пользовался всякимъ представлявшимся мнѣ случаемъ, чтобы показать своимъ сотрудникамъ, какъ я цѣню ихъ работу, показать не однимъ словомъ, но и матеріально, на дѣлѣ, между прочимъ постояннымъ вниманіемъ къ нуждамъ ихъ и ихъ семействъ. Не увеличивать состава служащихъ въ канцеляріи, но поощрять умственную работу хорошими вознагражденіями, требовать отъ нихъ многого, но самому подавать примѣръ работою, обращать вниманіе на молодежь, на начинающихъ, знать ихъ способности и учить, неустанно оберегать всѣхъ служащихъ подъ моимъ начальствомъ отъ всякихъ напастей въ жизни, наконецъ, быть со всѣми человекомъ—было моимъ символомъ и девизомъ. Моя совѣсть чиста относительно моихъ подчиненныхъ, и только одинъ случай для меня составляетъ тяжелое воспоминаніе.

Князь Суворовъ-Рымникскій, будучи предѣвателемъ общества покровительства животныхъ, прислалъ мнѣ, какъ директору канцеляріи, полученное обществомъ безыменное письмо, наполненное ругательствами по адресу общества и запечатанное казенною печатью канцеляріи морского министерства. Печатью никто не могъ воспользоваться, кромѣ лицъ, служащихъ въ канцеляріи, и такой цинизмъ автора въ отношеніи учрежденія, въ которомъ онъ служитъ, крайне меня оскорбилъ. Я поручилъ нашему эзекутору по-

разобрать, кто бы изъ служащихъ у насъ могъ быть такимъ авторомъ, и черезъ нѣсколько дней онъ доложилъ мнѣ, что, по всѣмъ соображеніямъ, это нѣкій Фридрихъ, числившійся въ составѣ чиновниковъ канцеляріи, но не занимавшій штатной должности. Дѣйствительно, было много вѣроятія: сходство почерка въ способѣ писанія нѣкоторыхъ буквъ, обстоятельство, что Фридрихъ писалъ стихи (пасквиль былъ написанъ стихами), довольно легкой характеръ этого чиновника, знакомство съ главными дѣятелями въ обществѣ... Я рѣшился позвать къ себѣ Фридрихса и сказалъ ему, что на него падаетъ подозрѣніе; что, если онъ откровенно сознается, я ограничу все дѣло тѣмъ, что предложу ему оставить службу въ канцеляріи; въ противномъ же случаѣ долженъ буду назначить слѣдствіе, и дѣло получить огласку. Онъ рѣшительнымъ тономъ объявилъ, что не писалъ этого пасквиля. Мнѣ слѣдовало здѣсь остановиться, но я имѣлъ неосторожность начать уговаривать его сознаться. Тогда онъ, чувствуя себя крайне обиженнымъ, объявилъ мнѣ, что требуетъ назначенія слѣдствія. Slѣдствіе было назначено, и открылось, что печать была кѣмъ-то срѣзана съ казеннаго пакета, посланнаго изъ канцеляріи морского министерства, и очень искусно приклеена клеємъ къ конверту, заключающему въ себѣ пасквиль. Такъ какъ канцелярія ежедневно рассылала множество пакетовъ со своею печатью, то дальѣйшее слѣдствіе дѣлалось невозможнымъ, да и ненужнымъ. Хотя я извинился передъ Фридрихсомъ въ присутствіи его непосредственнаго начальника, тѣмъ не менѣе я былъ неправъ передъ подчиненнымъ и потомъ всегда хорошо помнилъ этотъ урокъ тѣмъ болѣе, что обиженный мною чиновникъ даже вышелъ изъ канцеляріи и не далъ мнѣ такимъ образомъ хоть сколько-нибудь загладить мою вину ¹⁾.

Такъ какъ я подъ предлогомъ болѣзни отказался принять обѣдъ, который затѣвали въ мою честь чиновники, то я просилъ ихъ собраться въ одну комнату въ канцеляріи въ назначенный мною день и часъ, чтобы проститься съ ними, присоединивъ къ нимъ и начальника музея съ помощниками, какъ учрежденія также близкаго моему сердцу. Я былъ крайне взволнованъ, когда вошелъ въ комнату, и почти не могъ говорить: слезы подступали къ горлу. Кто-то при этомъ сосчиталъ примѣръ, что я былъ болѣе пяти тысячъ разъ въ канцеляріи за время моей службы. Кругомъ меня стояли все лица, съ которыми столько времени приходилось мнѣ дѣлить каждый день труды, взгоды и невзгоды; какъ тутъ остаться равнодушнымъ! Къ счастью, Лесовскій задержалъ на нѣсколько

---

¹⁾ Вслѣдствіи, впрочемъ, когда я уже не былъ директоромъ, онъ обратился ко мнѣ за содѣйствіемъ въ одномъ дѣлѣ. Я хлопоталъ за него изо всѣхъ силъ, и онъ сдѣлался однимъ изъ преданнѣйшихъ мнѣ лицъ.

минуть Пещурова, и я имѣлъ время немного оправиться. Я высказалъ, что благодарю ихъ отъ души за содѣйствіе мнѣ во время службы, что я вполне сознаю, что безъ ихъ содѣйствія я не достигъ бы и того положенія, которое теперь занялъ и о которомъ долго мечталъ, что насъ связывало не одно сознаніе долга службы, но и чувства взаимной любви и взаимнаго довѣрія, которыя облегчали трудъ, возвышали удовольствіе отъ удачи и дѣлали возможнымъ легче переносить неудачи, что я получилъ это руководящее начало въ наслѣдство отъ моего предмѣстника, С. А. Грейга, и передаю его моему преемнику, желая отъ души, чтобы оно всегда оставалось такъ же живо въ канцеляріи, какъ было до сихъ поръ. Въ заключеніе я просилъ присутствовавшихъ пополнить фотографическими карточками тотъ альбомъ, который мнѣ былъ поднесенъ послѣ десятилѣтней моей службы въ канцеляріи и въ которомъ недостаетъ портретовъ нѣсколькихъ лицъ, поступившихъ въ канцелярію позднѣе.

Представленіе государю всегда сопряжено для меня съ нѣкоторымъ волненіемъ не только потому, что я представляюсь могущественнѣйшему человѣку въ мірѣ, но по той глубокой любви, которую я питаю къ нему за его великія дѣянія. Вотъ человѣкъ, который въ XIX вѣкѣ можетъ по справедливости быть названъ великимъ! Его дѣянія не завоеванія, но благодѣянія для человѣчества. Когда я былъ еще въ первый разъ за границей, я гулялъ съ Николаемъ Алексѣевичемъ Милютинымъ въ Парижѣ на Елисейскихъ поляхъ. Это было вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ. Мы обошли зданіе Palais de l'industrie и прочитывали имена тѣхъ великихъ людей, благодѣтелей человѣчества, имена которыхъ высѣчены надъ колоннами этого зданія. Мы обошли кругомъ: ни одного имени не только русскаго, но даже славянскаго. «А какое помѣстили бы вы здѣсь изъ русскихъ именъ, если бы спросили вашего совѣта?» спросилъ меня вдругъ Милютинъ. Вопросъ былъ слишкомъ неожиданъ. Подумавъ немного, я произнесъ нерѣшительно: «Развѣ Ломоносова?»—«Пожалуй, такъ,—отвѣчалъ Милютинъ:—но онъ слишкомъ націоналенъ. Заслуги его преимущественно для Россіи, а не всемірныя. Знаете, кого я сказалъ бы? Императора Александра Николаевича. Кто освободилъ двадцать два милліона людей отъ рабства, тотъ оказалъ услугу всему человѣчеству». Милютинъ былъ правъ, тысячу разъ правъ. И послѣдующая дѣятельность государя только подтверждаетъ его величіе въ этомъ направленіи. Какое благоразуміе во внутреннихъ реформахъ, какая честность во внѣшней политикѣ! Разсматривая его дѣятельность въ подробностяхъ, можно безъ преувеличенія сказать, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ самый благоразумный человѣкъ въ Россіи, и что онъ остался человѣкомъ тамъ, гдѣ это почти невозможно: на престолѣ и въ политикѣ.

Я не въ первый разъ представлялся государю по случаю полученія наградъ. Это обыкновенно происходило такъ: насъ, то-есть всѣхъ получавшихъ по морскому вѣдомству награды къ такому-то дню, къ Пасхѣ или Новому году, высшихъ чиновъ, собирали въ небольшой залѣ, сосѣдней съ государевымъ кабинетомъ, въ той, которая выходитъ окнами противъ Адмиралтейства и имѣетъ дверь съ балкономъ. Обыкновенно въ этой залѣ государю представлялись только военные и моряки. Зала имѣетъ двѣ большія военныя картины, слишкомъ большія по размѣрамъ комнаты; въ углу стоятъ литавры, нѣсколько знаменъ; кругомъ стулья, обтянутые сафьяномъ. Крайне просто и некомфортабельно, особенно если къ этому присовокупить, что въ эту залу ведетъ коридоръ, хотя и обширный, но полутемный. Насъ располагали въ рядъ, спиною къ окнамъ, старшіе ближе къ дверямъ государя. Я почти всегда находился послѣднимъ, ибо былъ гражданскимъ лицомъ, а военные и моряки, даже только что произведенные капитаны, всегда имѣютъ шагъ предъ гражданскимъ чиновникомъ. Гражданскихъ же чиновниковъ въ высшихъ чинахъ такъ мало въ морскомъ министерствѣ, что мнѣ почти одному приходилось представляться государю.

Въ опредѣленный часъ (почти всегда минута въ минуту, какъ было назначено) выходилъ государь изъ кабинета; великій князь генераль-адмиралъ шелъ подлѣ него и называлъ ему насъ поименно и объяснялъ, по какому поводу кто представляется. Съ нѣкоторыми государь говорилъ, то-есть произносилъ нѣсколько словъ, дѣлалъ нѣсколько вопросовъ; нѣкоторымъ протягивалъ руку. Полтора года тому назадъ, когда я представлялся по поводу полученія владимирской звѣзды, онъ остановился передо мною, несмотря на то, что я стоялъ предпослѣднимъ, и сказалъ: «Благодарю тебя за твою отличную службу». На этотъ разъ я душевно желалъ, чтобы онъ мнѣ протянулъ руку, не изъ тщеславія, но чтобы имѣть возможность поцѣловать эту руку, которая подписала указъ объ освобожденіи крестьянъ и доставила счастье такому маленькому человѣку, какъ я, принять посильное участіе въ работахъ по этой великой реформѣ. Къ сожалѣнію, этого не случилось, и государь ограничился общимъ намъ поклономъ. Около меня (я по обыкновенію замыкалъ рядъ моряковъ) стоялъ какой-то военный въ чинѣ полковника, откланивавшійся по случаю возвращенія въ полкъ. Государь спросилъ его, почему онъ пріѣзжалъ въ С.-Петербургъ. «По случаю болѣзни сына, гимназиста», отвѣчалъ онъ. «Что же онъ выздоровѣлъ?»—«Нѣтъ, государь, умеръ». Съ какимъ глубокимъ чувствомъ соболѣзнованія вырвались у государя слова: «Ахъ, бѣдный!» Съ какимъ глубокимъ участіемъ началъ онъ разспрашивать: какая болѣзнь, есть ли еще дѣти? Видно, что онъ добрый человѣкъ. Это нисколько не было официальное сожалѣніе.

«истор. вѣстн.». апрѣль 1917 г., т. сѣхлвп.

3

IX.

Балетъ въ инженерномъ училищѣ—Жена Краббе и казенная квартира.—Образованіе тѣхническаго училища въ Кронштадтѣ.—Домашній бытъ Краббе: халатъ, собаки, нецензурные анекдоты и вещи.—Болѣзнь.

Въ С.-Петербургѣ я пробылъ послѣ моего назначенія еще около двухъ мѣсяцевъ, дѣлая и принимая визиты; разъ былъ въ засѣданіи адмиралтействъ-совѣта и очень часто бывалъ у Краббе. Это были послѣднія мои съ нимъ свиданія въ жизни. Не знаю, суждено ли мнѣ описать въ этихъ запискахъ подробно періодъ моей съ нимъ дѣятельности въ теченіе 14 лѣтъ, но на этомъ крайнемъ рубежѣ моихъ сношеній съ нимъ образъ этого оригинала изъ оригиналовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ добрѣйшаго, умнѣйшаго и практичнѣйшаго изъ людей представляется мнѣ какъ-то особенно рельефно. Не пускаясь въ отвлеченныя мудрствованія и общія характеристики, я просто изложу рядъ обыденныхъ явленій, относящихся къ этимъ днямъ, и нѣкоторыя воспоминанія, вызываемыя ими.

Въ январѣ и февралѣ 1875 года, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, Н. К. Краббе уже болѣе года жилъ въ казенной квартирѣ въ Главномъ Адмиралтействѣ, противъ Сената. Въ первый разъ я познакомился съ этимъ помѣщеніемъ при совершенно оригинальной обстановкѣ. Громадный залъ, изъ котораго выкроили кабинетъ и бильярдную для квартиры управляющаго министерствомъ, составлялъ прежде столовую помѣщавшагося въ этой части зданія Адмиралтейства инженернаго и артиллерійскаго училища морского вѣдомства, и я въ первый разъ въ 1862 или 1863 году былъ здѣсь, чтобы посмотришь представленіе балета. Какъ балета? Что за чепуха! Балетъ въ инженерномъ училищѣ, въ Адмиралтействѣ? Да, балетъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Директоромъ училища въ то время былъ генералъ-майоръ Карлъ Карловичъ Сидеснеръ. Почему онъ попалъ въ директоры, трудно сказать. Человѣкъ очень добрый, но въ головѣ у него всегда такой сумбуръ, въ способѣ держать себя такъ много комическаго, въ способѣ выраженія такая путаница, что его, напротивъ, слѣдовало бы дальше держать отъ юношества. Воспитанники въ его училищѣ имѣли хорошаго учителя танцевъ, умѣвшаго заинтересовать ихъ, наострились танцовать на училищныхъ балахъ. И вотъ балетмейстеру или директору пришла оригинальная мысль похвастаться передъ публикой этимъ искусствомъ въ болѣе трудной формѣ, и на святкахъ въ училищѣ поставили балетъ въ одномъ актѣ. Успѣхъ былъ такъ великъ, что пришлось повторить представленіе. Было все, какъ въ настоящемъ балетѣ. Моложавые и хорошенькіе мальчики были одѣты въ коротенькія юбочки, нарумянены, улыбались, дѣлали глазки; воспитанники постарше и разухабистѣе въ разныхъ пируэткахъ выражали

предъ ними свои чувства, клялись въ любви, просили взаимности. Выходило очень недурно, успѣхъ былъ полный, и Сидесверъ съ чувствомъ гордости посматривалъ на многочисленныхъ посѣтителей. Хотѣлось бы знать, съ какимъ чувствомъ вспоминаетъ теперь какой-нибудь бородастый инженеръ о той роли, которую онъ исполнялъ публично десятокъ-другой лѣтъ тому назадъ въ коротенькой юбочкѣ и нарумященный?

Жена Краббе, Эмилія Даниловна, дочь какого-то оркестрового музыканта изъ нѣмцевъ, нѣмка до конца ногтей и неугомонная трещотка всякаго вздора, очень желала получить казенную квартиру. У нея были какія-то воспоминанія о житьѣ въ казенной квартирѣ, когда мужъ ея былъ адъютантомъ князя Меншикова, но, кажется, брали верхъ выгоды не духовнаго, а матеріальнаго свойства: казенныя отопленіе и освѣщеніе, казенная прислуга, просторъ помѣщенія. Самъ Краббе былъ не прочь переѣхать на казенную квартиру, иногда бѣгло выражая эту мысль, но самъ не хлопоталъ. Онъ понималъ всю нелѣпость подобныхъ хлопотъ, когда немного лѣтъ тому назадъ, при началѣ управленія великаго князя морскимъ вѣдомствомъ, казенное помѣщеніе для служащихъ признано было разорительнымъ для казны расходомъ и казенные дома морского вѣдомства были проданы или отданы даже даромъ; такъ, на примѣръ, подарили большой домъ на Англійской набережной воспитателю великаго князя, Литке, который не преминулъ его продать. Краббе жилъ въ 17-й линіи Васильевскаго острова, на набережной Большой Невы. Было довольно далеко къ нему ѣздить, да всѣ привыкли, и никто не жаловался на неудобства. Вдругъ въ 1872 году дѣло о казенной квартирѣ для управляющаго министерствомъ выплыло впередъ совершенно неожиданно. Лѣтомъ генералъ-адмиралъ былъ въ Англій въ вѣстѣ съ адмираломъ Поповымъ. Тамъ онъ посѣтилъ какого-то главнаго командира въ порту. Поповъ, желая угодить управляющему министерствомъ и его женѣ, или безъ всякой задней мысли обратилъ вниманіе великаго князя на то, какъ у главнаго командира всѣ его подчиненные подъ рукою. Всѣ являлись тотчасъ же, какъ скоро онъ требовалъ, потому что всѣ жили въ одномъ съ нимъ домѣ, а такъ какъ и телеграфъ былъ проведенъ въ домъ, то моментально можно было дѣлать всякія распоряженія по всему земному шару. «А у насъ,—сказалъ Поповъ,— всѣ живутъ въ различныхъ отдаленныхъ частяхъ города, и, чтобы покончить дѣло, приходится употребить нѣсколько часовъ на разѣзды. Вотъ почему медленно идутъ у насъ дѣла». Мысль о возможности моментально дѣлать распоряженія увлекла великаго князя, и я получилъ чрезъ Попова приказаніе сообразить, какъ приспособить ту часть Главнаго Адмиралтейства противъ Сената, гдѣ помѣщается инженерное и артиллерійское училище, подъ квартиры управляющаго министерствомъ, директора канцеляріи, ди-

ректора инспекторскаго департамента, вице-директоровъ этихъ учрежденій и главнаго командира С.-Петербургскаго порта, а училище перевести въ Кронштадтъ и присоединить его тамъ къ штурманскому училищу, наименовавъ всѣ ихъ морскимъ техническимъ училищемъ.

Тщетно при первомъ докладѣ я уговаривалъ великаго князя отказаться отъ мысли о передѣлкѣ Главнаго Адмиралтейства, говорилъ ему, что это обойдется очень дорого, какъ передѣлка всякаго зданія, построеннаго для другой цѣли, что эта мѣра не принесетъ большой пользы, ибо только въ рѣдкихъ случаяхъ директора канцелярїи или инспекторскаго департамента согласятся доложить дѣло управляющему министерствомъ, не получивъ нужныхъ справокъ отъ дѣлопроизводителей, а послѣдніе попрежнему останутся жить виѣ Адмиралтейства, что никакой директоръ для пользы службы не можетъ позволить отрывать себя отъ серьезныхъ занятій для мелкихъ распоряженій, а управляющій министерствомъ, имѣя подъ рукой директоровъ, непременно это будетъ дѣлать даже не по серьезнымъ дѣламъ, что, наконецъ, эта мѣра будетъ непослѣдовательна съ прежними его, великаго князя, распоряженіями, когда онъ продавалъ дома морскаго вѣдомства или даже дарилъ ихъ въ видахъ экономїи, чтобы уменьшить сумму, требуемую на ремонтъ зданій морскаго вѣдомства. Я проповѣдывалъ въ пустынѣ, несмотря на то, что это было въ Москвѣ, въ Кремлевскомъ дворцѣ, во время политехнической выставки, а великій князь былъ постоянно въ отличномъ расположеніи духа. Мнѣ было приказано заготовить всеподданнѣйшій докладъ о соединеніи инженернаго и артиллерійскаго училища со штурманскимъ и о помѣщеніи этого училища подъ наименованіемъ техническаго училища морскаго вѣдомства въ Кронштадтъ, въ томъ зданіи, гдѣ прежде помѣщалось одно штурманское училище. Я исполнилъ, какъ было приказано, и высочайшее повелѣніе состоялось. На покрытіе же расходовъ по передѣлкѣ зданія Главнаго Адмиралтейства въ С.-Петербургѣ рѣшено было продать городу часть двора Главнаго Адмиралтейства, прилегающую къ рѣкѣ, чтобы продолжить набережную, которая соединяла бы Дворцовую набережную съ Англійскою, и образовать участки для постройки домовъ вдоль новой набережной частными лицами.

Началась передѣлка зданія. Краббе, относившійся къ этому дѣлу до сихъ поръ довольно равнодушно, принялъ теперь въ немъ живое участіе, пригласивъ придворнаго архитектора Гросса, съ которымъ онъ познакомился гдѣ-то на охотѣ, назначивъ громадныя размѣры для своей квартиры. Жена его, рассчитывавшая, къ великому неудовольствію мужа, у себя, когда жила на квартирѣ, каждую свѣчу, такъ что, случалось, мы ожидали доклада въ темномъ залѣ, вдругъ развернулась: для нея потребовался и зимній садъ, и цѣльныя зеркальныя стекла въ спальню. Всю эту громаду

пришлось омеблировать, и передѣлка обошлась въ огромную сумму: квартиры управляющаго министерствомъ, директора инспекторскаго департамента надъ нею и небольшая квартира для доктора стоили 137.000 рублей. И немудрено! Адмиралтейство до такой степени не соотвѣтствовало своему новому назначенію, что, можно сказать, отъ стараго зданія остались однѣ внѣшнія стѣны; внутри все пришлось сдѣлать вновь. И вотъ за нѣсколько мѣсяцевъ до своей болѣзни Краббе переѣхалъ на новоселье, переѣхалъ со всею своею обычною обстановкою: съ халатами, собаками и великимъ множествомъ вещей крайне «скромнаго» содержанія.

Надо быть очень ловкимъ и умнымъ человѣкомъ, чтобы, пройдя службу отъ мичмана до министра, не сдѣлать во все это время никакихъ уступокъ требованіямъ общественной жизни и своего общественнаго положенія въ отношеніи внѣшней обстановки. Краббе выполнилъ это. Знавшіе его въ молодости помнятъ его халатную жизнь, его страсть къ собакамъ, нецензурнымъ анекдотамъ и вещамъ. То же самое осталось за нимъ и въ то время, когда онъ былъ управляющимъ министерствомъ. Все это разрослось: число халатовъ увеличилось, они сдѣлались шелковые; число собакъ и анекдотовъ также увеличилось: кабинетъ вещей «скромнаго» содержанія принялъ чудовищные размѣры, какихъ, можетъ быть, не достигало ни одно собраніе въ мірѣ, но въ сущности все было то же. Въ халатѣ, безъ галстука, съ разстегнутымъ воротомъ рубашки, въ туфляхъ, съ собаками у ногъ, возсѣдалъ онъ въ мягкомъ креслѣ за письменнымъ столомъ, принимая и доклады, и посѣтителей. Такъ какъ опредѣленныхъ часовъ для этого не назначалось и всякій безъ исключенія впускался безъ доклада, то изъ всего этого выходила страшная кутерьма. Доклады безпрестанно прерывались, самыя разнообразныя личности встрѣчались въ кабинетѣ: министры, члены Государственнаго Совѣта съ мелкимъ чиновникомъ, адмиралъ съ мичманомъ, полкъ съ актеромъ, подрядчикъ, заводчикъ съ своимъ конкурентомъ. Неожиданно входилъ какой-нибудь молодой гвардеецъ, съ которымъ сведено знакомство на охотѣ, биржевой купецъ, знакомый на тѣхъ же основаніяхъ, егеръ съ собаками, кучерь. Влетала Эмилія Давиловна спросить разрѣшеніе по разнымъ хозяйственнымъ распоряженіямъ. Это было своего рода гласное, публичное рѣшеніе дѣлъ. Краббе осыпалъ всѣхъ прибаутками, анекдотами большею частью «скромнаго» содержанія и въ то же время подписывалъ бумаги. Но докладъ, тѣмъ не менѣе, выслушанъ, понятъ и запомненъ. Въ каждомъ дѣлѣ на лету схвачено живое мѣсто, суть, все понято на половинѣ фразы, дѣло рѣшено и никогда уже не забудется. Такой удивительной и точной памяти я не встрѣчалъ и болѣе, вѣроятно, не встрѣчу въ жизни. Съ этимъ удивительнымъ талантомъ быстро схватывать суть дѣла, съ этою удивительною его памятью можетъ сравняться развѣ лишь его удивительный

глазъ: онъ не только могъ всегда замѣтить всякое малѣйшее отступленіе отъ формы въ офицерѣ и матросѣ, но и видѣлъ cadaго челоуѣка насквозь. Лгать предъ нимъ было если не невозможно, то по крайней мѣрѣ очень опасно. Иногда при такихъ публичныхъ докладахъ входило такое важное лицо, что вся публика на нѣсколько минутъ высылалась въ сосѣднюю комнату, и послѣ аудіенціи Краббе, сопровождаемый собаками, провожалъ гостя до передней, запахивая халатъ и шлепая своими туфлями. Не могу безъ смѣха вспомнить нѣкоторыхъ эпизодовъ. Напримѣръ, что можетъ быть комичнѣе Краббе въ халатѣ, туфляхъ, съ двумя деревянными чашками въ рукахъ, наполненными какой-то похлебкой, раздѣляющаго вниманіе между своими собаками, которыхъ онъ къ себѣ приучалъ, давая самъ имъ пищу, и докладчикомъ. Докладчикъ, то-есть я, невозмутимо исполнялъ свое дѣло, въ полномъ сознаніи, что ни одно его слово не пропадетъ даромъ, собаки съ аппетитомъ лакають. Краббе обращается то ко мнѣ, то къ собакамъ: «Согласенъ»... «Кушай, милый Кантъ» (такъ классически называлась одна его любимая собака, купленная у какого-то мужика)... «Отвѣчайте ему (то-то), да не забудьте написать (того-то)»... «Не побрезгай скушать еще одну чашечку, милая Норма» (такъ звали другую собаку)... Докладчикъ внимательно слушаетъ, что относится къ нему, что къ собакамъ... Да вѣдь это, собственно говоря, обидно! Да, правда, обидно, но зато докладъ оконченъ, дѣло сдѣлано правильно, рѣшенію всегда вполнѣ сочувствуешь... Обиду-то и проглотишь. Притомъ такая фамильярность допускается имъ не относительно меня одного: Краббе одинаковъ со всѣми. Со мною только онъ особенно добръ, отечески добръ. Замѣтилъ, что не въ духѣ, расскажетъ тотчасъ анекдотъ и заставитъ смѣяться. Гдѣ тутъ обижаться? А придется за кого-нибудь просить, за подчиненныхъ, идешь въ полной увѣренности, что не будетъ отказа, что будетъ встрѣчено сочувственно, тепло. Ну, и растаешь. А былъ случай, что однажды такое передергиваніе нервовъ довело до того, что я не выдержалъ; было такъ обидно и досадно, что я расплакался, какъ ребенокъ, расплакался въ пріемной во дворцѣ великаго князя въ присутствіи постороннихъ. Просто срамъ! Что дѣлать, не совладалъ съ собою! Но зато и какія теплыя, задушевные извиненія потомъ со стороны Краббе, пересыпанныя словами: «голубчикъ», «родной»... У самого даже выступили слезы.

Чрезвычайно также комично выходили слѣдующіе эпизоды. Какъ-нибудь послѣ доклада Краббе выдумаетъ по поводу какой-либо вновь полученной вещи показывать мнѣ свои сокровища изъ области пикантнаго, которыми у него наполнены цѣлыя шкапы. «Посмотрите вотъ это...» «А это какъ вамъ нравится?..» «А вотъ это?..» «Да наблюдайте, чтобы кто-нибудь не вошелъ...» И мы погружаемся въ разглядываніе. Вдругъ въ дверяхъ появляется ка-

кой-нибудь посятитель или даже Эмилія Даниловна. И, Боже мой, въ какихъ попыхахъ Краббе! Рукъ только двѣ, а надо и запахнуть халатъ, и захлопнуть шкапъ, и спрятать то, что находится въ рукахъ. Какъ будто школьникъ, пойманный на мѣстѣ преступленія. И это послѣ того, какъ онъ рѣшалъ самыя сложныя, серьезныя дѣла. Кабинетъ его пикантныхъ вещей достигъ чудовищныхъ размѣровъ, Краббе всегда былъ охотникомъ собирать подобнаго рода вещи. Послѣ смерти мужа великой княгини Маріи Николаевны герцога Лейхтенбергскаго къ нему какимъ-то путемъ поступила коллекція такихъ вещей, оставшихся отъ герцога. Затѣмъ командиры судовъ привозили ему разныя подобныя вещи изъ кругосвѣтныхъ плаваній, директоръ департамента таможенныхъ сборовъ Пашковъ, князь Оболенскій и Качаловъ присылали ему на выборъ всѣ вещи, которыя конфисковались въ таможнякъ, с.-петербургскіе градоначальникъ и оберъ-полицеймейстеръ—все, конфискованное у торговцевъ въ С.-Петербургѣ. Наконецъ, даже самъ государь иногда дарилъ ему такія вещи во время докладовъ. Послѣ того можно себя представить, какая масса вещей такого рода у него накопилась. Это собраніе потеряло уже цѣль безпутнаго щекотанія чувственности. Оно получило серьезный характеръ собранія вещей, по которымъ можно изучать одну изъ отраслей дѣятельности человѣческаго воображенія «Я сдѣлалъ распоряженіе,—сказалъ онъ мнѣ однажды:—чтобы послѣ моей смерти это мое собраніе передали въ одинъ изъ музеевъ. Имя адмирала Краббе будетъ знаменито наравнѣ съ именемъ Баркова въ Россіи». Мнѣ, какъ директору канцеляріи, нельзя было всего докладывать такъ публично, а потому, когда мнѣ требовался докладъ съ глазу на глазъ, я пріѣзжалъ обыкновенно къ нему поздно вечеромъ, когда онъ возвращался изъ театра, и докладъ начинался большею частью за полночь.

Со всею этою удивительною обстановкою, со всѣми своими привычками, Краббе переселился съ Васильевскаго острова въ свою новую обширную и великолѣпную квартиру въ Адмиралтействѣ и нисколько не отступилъ и здѣсь отъ этихъ привычекъ и обстановки. Громадный кабинетъ въ новой квартирѣ, отмежеванный имъ самимъ въ такихъ размѣрахъ, при составленіи плана, остался пустымъ. Въ немъ Краббе ни разу не занимался. Всю свою дѣятельность и жизнь онъ сосредоточилъ въ своей спальнѣ, которую и устроилъ по своему вкусу: толстыя ковры, тройныя рамы въ окнахъ, широчайшій диванъ, такая же кровать, халатъ на плечахъ и вѣшалка съ халатами въ углу, 20° тепла, собаки у ногъ и кругомъ многое множество предметовъ «скоромнаго» содержанія. Эти послѣдніе предметы были скрыты повсюду. Не говоря уже о шкапахъ, которые ломились подъ тяжестью этого товара, стоило

только повернуть гравюру очень приличнаго содержанія, повѣшенную на стѣнѣ, какъ тамъ уже была другая картина, вовсе не приличная; находившіяся на столахъ письменныя принадлежности, всякія бездѣлушки, — все явно или тайно заключало въ себѣ тотъ же матеріаль. Подынешь или повернешь какую-нибудь вещь, тамъ что-либо и выскочитъ. Какъ-то разъ у меня разболѣлась голова при докладѣ, и я попросилъ позволенія налить нѣсколько капель одеколона изъ стоявшаго на столѣ столь обычной формы флакона въ соломѣ, но оказалось, что тамъ былъ вовсе не одеколонъ, и оттуда выскочила какая-то фигурка.

И на новой квартирѣ продолжался тотъ же способъ публичности докладовъ или даже хуже. Число дверей въ спальнѣ, гдѣ производились эти доклады, было одною меньше, чѣмъ въ прежнемъ кабинетѣ на Васильевскомъ островѣ. Но въ эту спальню можно было пройти двумя подъездами съ улицы. Слѣдовательно, исчезъ даже послѣдній контроль надъ лицами, направлявшимися къ управляющему министерствомъ.

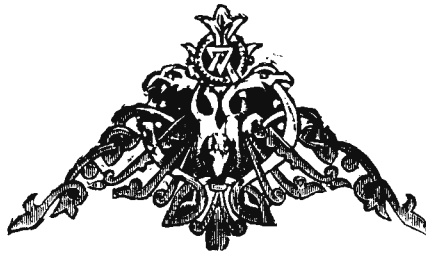
Но недолго Краббе прожилъ во всю ширину своей натуры на новосельѣ. Выше было сказано о постигшемъ его ударѣ, о поѣздкѣ за границу и на Кавказъ. Черныя пятна, показывавшіяся то на одной, то на другой ногѣ, соединенныя съ большою болью, положили его около новаго 1875 года вторично въ постель, и въ январѣ и февралѣ этого года, послѣ моего назначенія въ адмиралтействъ-совѣтъ, я посѣщалъ его, когда онъ лежалъ въ постели. Многое множество лицъ являлось тогда къ этой его постели, лицъ самыхъ разнообразныхъ состояній и свойствъ, начиная отъ наслѣдника престола, великихъ князей, министровъ и кончая мичманами, мелкими чиновниками, знакомыми по охотѣ, представителями театральнаго міра. Все это могло входить въ любой изъ двухъ подъездовъ и шло прямо въ спальню, къ постели, безъ доклада. Лежа въ постели подъ одѣяломъ въ полумракѣ, такъ какъ свѣтъ ослаблялся опущенными шторами и ширмами, освѣщенный огаркомъ свѣчи, горѣвшей цѣлый день для закуриванія папиросъ, принималъ онъ всѣхъ. Онъ даже управлялъ министерствомъ и, лежа, подписывалъ важнѣйшія бумаги. И каждый уходилъ отъ этой постели, служащій и подчиненный, съ добрымъ и чрезвычайно практичнымъ совѣтомъ или помощью, если она ему была нужна, а посторонній, насмѣявшись вдоволь отъ рассказовъ и анекдотовъ: Я по большей части приходилъ рано, послѣ утренней прогулки.

Ни одного лица онъ не сдѣлалъ несчастнымъ за время управленія своего министерствомъ, а благодѣтельствовалъ многихъ. Я началъ писать свои записки почти съ конца, съ назначенія моего въ адмиралтействъ-совѣтъ, во всякомъ случаѣ съ конца моей правительственной дѣятельности. Не знаю, удастся мнѣ ли рассказать

все время моего вице-директорства и директорства, когда я былъ такъ близокъ къ этому замѣчательному человѣку и былъ свидѣтелемъ и участникомъ его государственной дѣятельности. Но могу теперь же сказать, что прекращеніе заказовъ судовъ и артиллеріи за границую, созданіе въ Россіи кораблестроительныхъ заводовъ и экспедиція въ Америку въ 1863 г., во время готовившагося разрыва съ Европою ради Польши—всецѣло принадлежать ему и всегда останутся величайшими его заслугами, дающими ему мѣсто въ исторіи.

К. А. Маннъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

УСТРОИТЕЛИ ДѢЛЪ.

(Изъ галлерей современныхъ типовъ).

(Повѣсть).

Такъ близко Невскій,—возгласы трам-
ваевъ,
Гудки авто, гулъ тысячъ голосовъ...
А сѣрый снѣгъ, за теплый день растаявъ,
Плыветъ, крутятся, вдоль темныхъ бе-
реговъ.

Такъ странно: тамъ—кафе, улыбки, лица...
Здѣсь—тишь, вода и отраженный свѣтъ...
Все вобрала въ водоворотъ столица,
На всѣ вопросы припасла отвѣтъ.

Валерій Брюсовъ.

Жизнь сплетена изъ сновидѣній...
Скажи, гдѣ въ жизни сонъ и явь?
И каждый взмахъ ея движеній
Особымъ словомъ озаглавь!

Вглянешь... — глупцы; вглянемъ... —
боги...

Нынѣ — грѣшно; завтра — честно...
— Странникъ, ты сбился съ дороги...
Гдѣ же твой путь? — Неизвѣстно...

А. Мейснеръ.

I.

ВЪ КАЖДАЯ улица имѣетъ свой собственный отпечатокъ.
Нѣтъ похожихъ улицъ, какъ нѣтъ и похожихъ людей.
Внѣшній, поверхностный взглядъ наблюдателя, нахо-
дящій наружное сходство, нерѣдко обманчивъ.

Вглядитесь поглубже и вы, конечно, увидите раз-
ницу тамъ, гдѣ съ перваго взора ея не замѣчали.

Въ жизни любой улицы вообще всякій часъ играетъ
большую роль и, сообразно времени, и улица непре-
станно мѣняетъ свою личину. Колесо вертится, часы
бѣгутъ, мелькаютъ фигуры, а съ ними невольно измѣ-
няется и окружающая обстановка, или декораціи, если
говорить театральнымъ языкомъ.

Особенно разнообразенъ въ этомъ отношеніи Нев-
скій проспектъ — самая длинная и самая капризная
улица какъ стараго Петербурга, еще описаннаго Гоголемъ, такъ и
современнаго Петрограда.

Гоголь сказалъ: «Невскій проспектъ есть всеобщая коммуникація Петербурга... Никакой адресъ-календарь и справочное мѣсто не доставятъ такого вѣрнаго извѣстія, какъ Невскій проспектъ. Всемогущій Невскій проспектъ!..»

А черезъ нѣсколько страницъ онъ уже отзывался о немъ въ той же повѣсти совсѣмъ по-иному:

«О, не вѣрьте этому Невскому проспекту! Все обманъ, все мечта, все не то, чѣмъ кажется! Онъ лжетъ во всякое время, этотъ Невскій проспектъ, но болѣе всего тогда, когда ночь сгущенною массою наляжетъ на него и когда самъ демонъ позажигаетъ лампы для того только, чтобы показать все не въ настоящемъ видѣ».

Невскій проспектъ почти не знаетъ отдыха, не знаетъ сна. Онъ постоянно бодрствуетъ, живетъ нервной жизнью, горитъ безчисленными красками, то тускнѣетъ вдругъ и дышитъ осенней элегіей утомленнаго города...

Онъ отталкиваетъ и привлекаетъ и днемъ, и вечеромъ, и въ снѣжное утро, и въ безлунныя бѣлыя ночи, когда «можетъ быть счастье, а можетъ быть нѣтъ» или «можетъ быть правда, а можетъ быть ложь», когда все соткано изъ противорѣчій.

Невскій проспектъ видѣлъ много трагическаго и веселаго.

Сколько историческихъ событій былъ онъ свидѣтелемъ и участникомъ!

Сколько знаменитыхъ людей проходило и проѣзжало по его тротуарамъ и мостовымъ!

Но что объ этомъ вспоминать! Оставимъ это прошлому.

Властно притягиваетъ настоящее и заставляетъ прислушиваться и присматриваться, ревниво оберегая отъ старыхъ переживаній.

...Вотъ майскій день 1915 года.

Ярко свѣтитъ солнце и такъ радостно на душѣ.

Отъ Казанской площади катится пестрая волна беззаботной дѣтвора.

Глядишь на нее изъ открытаго окна и кажется, будто передъ глазами, какъ по знаку волшебнаго жезла, развертывается коверъ полевыхъ цвѣтовъ.

Дѣтскія головки въ разноцвѣтныхъ уборахъ, точно ромашки, фіалки, васильки, ландыши и маки, мелькаютъ въ солнечныхъ лучахъ; весело играетъ военная музыка, и звонкіе молодые голоса звучно разливаются по Невскому проспекту.

Стоять толпы любопытныхъ.

Вотъ послѣдній кругъ замыкаютъ ряды юныхъ бой-скаутовъ въ живописныхъ костюмахъ, и все исчезаетъ, какъ «мимолетное видѣнье».

Сразу пустѣетъ и будто чуть-чуть старѣетъ Невскій, а еще, вѣдь, недавно онъ былъ такъ свѣжъ, молодъ и полонъ свѣтлыхъ надеждъ!

Опять загромыхали грузовики, помчались лимузины, забрехали трамвайные звонки...

Не прошло и получаса, какъ уже позабыты беззаботныя лица дѣтей: глазамъ открывается совсѣмъ другая картина, и она властно переноситъ туда всѣ мысли, гдѣ братья, сыновья и отцы сражаются съ врагомъ въ огненномъ вихрѣ войны.

Это везутъ раненыхъ съ передовыхъ позицій,—куда зачастую летали наши тревожныя думы.

И когда вскорѣ затѣмъ проводятъ плѣнныхъ тяжелой, пыльной вереницей съ изможденными, тусклыми лицами,—зритель уже скользитъ по нимъ бѣглымъ, равнодушнымъ взглядомъ, и въ эту минуту у него нѣтъ жалости къ нимъ. Слишкомъ быстрая смѣна впечатлѣній мѣшаетъ отрѣшиться отъ горькаго чувства обиды за тѣхъ раненыхъ, которыхъ вы только что напутствовали про себя теплыми пожеланіями...

...Тихая, бѣлая ночь, но черезчуръ холодная для начала іюня, уже столько воспѣтая въ стихахъ и въ прозѣ, «ночь—блондинка, ночь блѣднолиловая», опять загадочно колдуетъ безъ тѣни, безъ огня, съ какой-то неясной печалью и зоветь, и мягко отстраняетъ.

На свѣтломъ фонѣ лѣтняго неба такъ красиво выдѣляются темно-бронзовыя фигуры коней, чудныя группы барона Клодта на Аничковскомъ мосту.

Невскій вливаетъ въ себя непрерывную людскую волну, катящуюся по всѣмъ примыкающимъ улицамъ, и чего только здѣсь нѣтъ! Тутъ и шопотъ любви, и разсужденія изъ области «политики», и серьезныя бесѣды о предстоящей сдѣлкѣ на слѣдующій день, и грезы мечтателя, которымъ никогда не суждено осуществиться.

— Послѣднія извѣстія! Телеграмма изъ штаба верховнаго главнокомандующаго!—кричатъ снующіе взадъ и впередъ газетчики и газетчицы.

И мысли снова работаютъ въ другомъ направленіи: вновь летятъ туда, гдѣ далекіе окопы...

...Изъ Петрограда мало кто уѣхалъ: за границу трудно и неудобно; въ Финляндію неприятно ѣздить изъ-за таможи и паспортовъ,—и многіе остались въ городѣ.

Благодаря этому, Невскій кипитъ теперь даже днемъ въ лѣтнее время, когда прежде обычно замиралъ на нѣкоторый срокъ.

Трудно себѣ представить, откуда берется столько празднаго люда.

Между мелькающими дѣльцами ежеминутно попадаютъ фланеры, не умѣющие жить безъ Невскаго, и такихъ больше половины. Для нихъ онъ то же, что утренній стаканъ кофе или папироса, безъ которыхъ и день не въ день.

Что бы ни случилось—они обязательно тутъ.

Они знаютъ, каково сегодня биржевое настроеніе, потому что уже научились угадывать его по выраженію лицъ маклеровъ и биржевыхъ зайцевъ.

На вопросъ: «Кто эта элегантная дама?»—они безъ запинки сообщаютъ вамъ всю ея подноготную, при чемъ, конечно, въ ихъ словахъ будетъ больше прикрасъ, чѣмъ правды.

Отъ нихъ не уберечься, и, если они станутъ вамъ кланяться, считая васъ своими знакомыми, лучше отвѣчайте на ихъ назойливые поклоны, а то они займутся изслѣдованіемъ и вашей интимной жизни.

...Невольно вспоминается вновь Гоголь: «все обманъ, все мечта...»

Видите мчащіяся экипажи и моторы?

Посмотрите, какая озабоченность въ каждомъ лицѣ...

Нѣтъ, нѣтъ, это все не такъ! Здѣсь много напускного... Это—актеры изъ житейской трагикомедіи, и всякій изъ нихъ лишь повторяетъ давно и хорошо разученную роль.

А все-таки нельзя относиться къ Невскому безъ уваженія, даже при всѣхъ его недостаткахъ! Онъ—своего рода носитель власти и, какъ могучій сюзерень, держитъ въ подчиненіи всѣ улицы, и тѣ, какъ младшіе вассалы, несутъ ему свою дань.

Онѣ вливаются въ его жизнь своими жизнями и такъ тѣсно связаны съ нею, что судьбы ихъ почти нераздѣлимы.

У каждой улицы есть свои люди, со своимъ особымъ отпечаткомъ и гдѣ бы они ни были,—о нихъ непременно скажутъ опытные наблюдатели:

— Это—люди такой-то улицы.

Такъ вотъ Харитонъ Яковлевичъ Мѣщанскій былъ именно человѣкомъ Невскаго проспекта, хотя и родился гдѣ-то въ южной губерніи.

Но ему теперь подъ пятьдесятъ и о томъ отдаленномъ времени онъ успѣлъ добросовѣстно позабыть.

— Я—старый петербуржецъ и новый петроградецъ. Съ почтенной невской столицей я имѣлъ авантажъ познакомиться еще съ неленокъ.

Мѣщанскій любитъ подчасъ изысканную рѣчь и пересыпаетъ ее обыкновенно самыми удивительными словечками, порою даже неудобопонимаемыми.

На видъ онъ—типичный дворянинъ съ барскими замашками и наружностью помѣщика изъ бывшихъ кавалеристовъ: есть усы, есть выправка и слегка красноватый, немного вздернутый носъ, говорящій о какихъ-то смутныхъ эксцессахъ въ прошломъ и настоящемъ.

Для многихъ кроется что-то недоговоренное въ его минувшемъ, но къ Мѣщанскому относятся вообще съ пріязнью за об-

щительность, балагурство и постоянное желаніе непременно помогать каждому встрѣчному совѣтами, общая свое содѣйствіе въ какомъ угодно министерствѣ, обществѣ и даже въ любой странѣ свѣта.

«Всеѣдушь и всезнающъ»,—сложилось о немъ мнѣніе...

II.

Первый осенній five-o'clock въ зимнемъ саду моднаго отеля-ресторана среди зелени, какъ и слѣдовало ожидать, собралъ многочисленныхъ посѣтителей: нѣсколько дипломатовъ, нарядныя красивыя женщины въ самыхъ послѣднихъ костюмахъ съ широкими, короткими юбками, кое-кто изъ аристократическаго неслужащаго круга, военные, представители денежной знати и артистическаго міра, крупные дѣльцы, обиліе иностранцевъ, издатель большой газеты, знаменитый гинекологъ...

Столики, украшенные цвѣтами, близко сдвинуты и свободныхъ мѣсть, повидимому, совсѣмъ не имѣется, по крайней мѣрѣ для не посвященныхъ въ тайну бѣгающаго изъ стороны въ сторону вертляваго метрдотеля Анри.

Но публика прибываетъ, и каждому по какой-то загадочной распланировкѣ предоставляется столикъ то тамъ, то тутъ. Для лицъ, нежелательныхъ, конечно, ни въ какомъ случаѣ вовсе не найдется мѣсть.

— Pardon, madame или pardon, monsieur, — обычный отвѣтъ изысканно-вѣжливаго и предупредительнаго распорядителя: — графъ С. уже заказалъ этотъ столикъ по телефону изъ посольства... къ сожалѣнію... mille pardons!

Говорить, а у самого лукавыя искорки въ прищуренныхъ свѣтлыхъ глазахъ; но взглядъ устремленъ не на того, съ кѣмъ объясняется Анри, а на тѣхъ, кто сидитъ рядомъ, чуть-чуть поодаль, и въ этомъ взорѣ читается ясно:

«Прошу оцѣнить мои заботы о васъ. Столикъ займетъ тотъ, кто вамъ нуженъ. Мой девизъ извѣстенъ вамъ—bien faire et laisser dire...»

Неожиданной фразой, не лишенной французскаго остроумія, онъ сумѣетъ иногда разсмѣшить именно въ ту минуту, когда посѣтитель собирается разсердиться, и у Анри больше пріятелей по ресторану, чѣмъ враговъ.

Онъ не перестаетъ бѣгать и на ходу бросаетъ приказанья, привѣтствія, шутки и стрѣлы глазъ, то колючія, то мягкія.

Мелькаютъ съ подносами хорошо выученные лакеи.

Стоитъ сдержанно-веселый гомонъ сотенъ голосовъ.

Пахнетъ крѣпкою смѣсью духовъ, цвѣтами и слегка табачнымъ дымомъ.

За столикомъ, куда чаще всего обращались взоры Анри, сидѣло трое: два господина среднихъ лѣтъ, имѣющихъ очень независимый видъ, и молодая дама въ великолѣпномъ темномъ туалетѣ съ кружевами, не столько красивая, сколько шикарная.

Они принуждали себя быть разговорчивыми, но безпокойно посматривали на входившихъ посѣтителей, точно непременно кого-то ожидали найти, и бесѣда какъ будто не клеилась.

Но вотъ Тепловскій, находившійся направо отъ дамы, подмигнувъ незамѣтно Дейнеру, сидѣвшему налѣво отъ нея, и весело улыбнулся съ явнымъ облегченіемъ.

— Наконецъ-то объявился!.. Ларисса Кирилловна, не ударьте лицомъ въ грязь... Вашъ номеръ начинается, голубушка.

Недовольно поджала губы и сверкнула зрачками, какъ углями.

— Слѣдите, пожалуйста, за собой, а меня предоставьте мнѣ самой. Въ такомъ учрежденіи и такія выраженія: «Не ударьте лицомъ въ грязь...» фи, мерзость!.. «Вашъ номеръ начинается...» по-цирковому!

— А «мерзость» — удобное выраженіе?

— При чемъ же тутъ; однако, «учрежденіе», какъ вы изволили выразиться?—подхватилъ Дейнеръ, такъ какъ Тепловскій ничего больше не возражалъ на замѣчаніе Лариссы Кирилловны, только молча, тихо посмѣивался и отбивалъ толстыми пальцами дробь:—если хотите знать, я презираю всѣ мѣста съ модными кличками, въ томъ числѣ и этотъ отель. Почему именно здѣсь я долженъ быть аристократомъ, а въ другомъ притонѣ—демократомъ? За свои деньги я вездѣ одинаковъ. Это—моя гордость. Берите, каковъ есть, если я нуженъ.

Онъ выговаривалъ довольно старательно всѣ слова, пытаясь ступшевать свой иностранный акцентъ, но это не особенно ему удавалось, хотя упорная выдержка помогала ему побѣждать многія трудности неродного языка.

Между тѣмъ Мѣщанскій уже подходилъ къ тому столику, который такъ старательно охранялся Анри, и веселый метрдотель самъ сопутствовалъ ему, словно оберегая отъ всякихъ случайностей, а сзади нихъ шелъ плотный, очень высокій мужчина провинціальной складки, съ подрѣзанными усами, черезчуръ темными для его возраста, коротко подстриженный, но сѣдина все-таки просвѣчивала и выдавала его немолодые годы.

Мѣщанскій обмѣнялся выразительнымъ поклономъ съ Тепловскимъ и его сосѣдями.

— У васъ всюду пріятель, Харитонъ Яковлевичъ. Безъ васъ ни шагу не ступишь въ Петроградъ, а съ вами какъ за каменной стѣной.

— Сколь вы сладко поете, помилуй Богъ. Однако, чѣмъ же мы съ вами будемъ здѣсь пробавляться? Шоколадъ, кофій, чай?..

Кофій? Великолѣпное дѣло! А мнѣ квасу... того, знаете, что вкусомъ сходенъ съ шабли. Ѳедоръ Петровичъ тоже не откажется, когда отвѣдаетъ. Смекаете, молодой человѣкъ?

Когда лакей исчезъ, сопутствуемый повелительнымъ шопотомъ Анри, Теремовъ (Ѳедоръ Петровичъ) вдругъ захохоталъ немного громче, чѣмъ это принято въ чинномъ ресторанѣ, претендующемъ на «аристократизмъ».

— Вкуса шабли? Это преостроумно, ха-ха-ха! Съ талантливымъ человѣкомъ приятно компанію вести. А, вѣдь, у васъ въ столицѣ, кажется, обязательная трезвость? Вы все умѣете, Харитонъ Яковлевичъ. Молодецъ! Хвалю!

— Квасъ и больше ничего. Помилуй Богъ, какъ вы обожаете разговоры разговаривать! Ну, почему вы знаете, что я все умѣю? Положимъ, отчасти вы правы: простыми руками меня не взять, а нужно съ нѣкоторымъ запасомъ канифоли. Э, да что тамъ! Five-o'clock для нашего брата, русака, это же дебютъ всятку... Надо быть ужъ въ весьма благорастворительномъ настроеніи, въ родѣ этихъ вотъ прѣстепцовъ,—и Мѣщанскій указалъ неопредѣленнымъ кивкомъ головы куда-то вдаль:—я, поэтому, и прихожу пить не чай, а квасъ, да съ тѣмъ-другимъ покалякать. Въ результатѣ, глядь, и хорошее дѣло сдѣлалъ. Хотите, и вамъ состряпаю? Только уговоръ лучше денегъ: по нынѣшнимъ тяжелымъ временамъ ничего безъ аванса подобающаго не выйдетъ. Народъ нынче сталъ двуличный и оборотистый... Такъ-то, батенька! А вы собственно зачѣмъ сюда изволили пріѣхать? Я не особенно разобралъ, когда вы давеча открывали фонтанъ пышнаго краснорѣчія.

Медленно размѣшивая сахаръ въ стаканѣ, Теремовъ, не отрываясь, смотритъ на Лариссу Кирилловну, которая настойчиво притягиваетъ его бархатнымъ взглядомъ, и тягуче передаетъ Мѣщанскому растянутую исторію, заставившую отправиться въ Петроградъ.

Но вдругъ рѣзко обрываетъ фразу и спрашиваетъ:

— Вы навѣрно знаете, кто она такая? Вы кланялись.

— Помилуй Богъ, о комъ вы? Даже испугали. Вотъ эта? Ага! Фамилія ея—баронесса Ибри. Происхожденія какъ будто русскаго, но фамилія, какъ видите, интернаціональная (не разберешь, изъ какихъ). Очевидно, по мужу. Она считается вдовой. Я въ знакомствѣ весьма отдаленномъ. Десятая вода на киселѣ. Ну, продолжайте, батенька. А вотъ вамъ для элоквенціи—квасъ вкуса шабли. Итакъ? Вы что же остановились? Этакъ мы никакъ и до конца не доберемся. Поѣздка на долгихъ, помилуй Богъ.

Рассказъ Ѳедора Петровича сводился къ одному: частную желѣзнодорожную вѣтвь, имѣющую большую будущность для торговыхъ сношеній, предполагается значительно развить и для этой цѣли необходимо найти такое общество, лучше всего англійское или

американское, которое взяло бы на себя расходы по заготовкѣ подвижного состава и всего прочаго. Расплата должна начаться въ извѣстные сроки, но не раньше момента открытія новой соединительной линіи.

— Риска никакого,—закончилъ Теремовъ:—намъ необходимо немного оправиться. Акціи мы умышленно попридерживаемъ и не пускаемъ въ частныя руки, чтобы не было спекуляціи, но американцамъ или англичанамъ, пожалуй, уплатимъ акціями.

— Двоякаго резюме не вывести никоимъ образомъ: желѣзную дорожку позолотить хотите? Оно, конечно, вагонамъ легче будетъ передвигаться. Гм... стало быть, нужно вамъ этого самаго песочку золотого подсыпать? Ладно надумано. Что же, это мы можемъ устроить скорехонько и даже очень. Рядомъ съ нами какъ разъ нужный человѣчекъ засѣдаетъ (во всемя судьба!). Я васъ сведу и дѣло въ шляпѣ. Правая рука мага и волшебника Луи... Понимаете ли!

— Да неужели! Скажите!.. Ну, знаете, Харитонъ Яковлевичъ, могоарычъ славный устроимъ вамъ,—воскликнулъ Теремовъ, хотя имя Луи слышалъ впервые.

— Это вы погодите, многоуважаемый, а то какъ бы лѣшій въ ступѣ не очутился. Насчетъ этого могоарыча надо обязательно держаться правильнаго курса. Тутъ, какъ въ аптекѣ,—ни больше, ни меньше ни на одинъ грань. Они вамъ и счетецъ преподнесутъ для оплаты, безъ излишнихъ сантиментовъ, а я—сторона... Моя хата съ краю. Впрочемъ, хорошимъ знакомымъ всегда радъ помочь, ежели что...

— Не отпѣкивайтесь, пожалуйста! Мы и васъ привлечемъ къ прибылямъ, Харитонъ Яковлевичъ. Драгоценный вы, право, какъ на васъ я посмотрю! Вотъ судьба-то свела!—поетъ Теремовъ, а самъ все поглядываетъ на Лариссу Кирилловну и губы облизываетъ отъ восторга:—безсребренникъ вы...

— Да вы не волнуйтесь... Я сейчасъ словечкомъ перекинусь съ милымъ человѣкомъ. Эхъ, еще остался квасъ, вкусомъ напоминающій шабли... Отвѣдайте для пущаго воодушевленія стаканчикъ Хватить... Еще попросите, да не дадимъ.

Подошелъ къ столику Тепловскаго и минутъ пять такъ тихо что-то нашептывалъ, что Теремовъ, какъ ни напрягалъ слухъ, ничего не былъ въ состояніи разобрать, а любопытство разгоралось.

И вышло какъ-то совсѣмъ естественно, когда услужливый Анри, повинувшись какому-то незамѣтному знаку, старательно соединилъ оба стола,—и столъ Тепловскаго, и столъ Мѣщанскаго.

Харитонъ Яковлевичъ балагурилъ и расточалъ блестящія общаго остроумія; Ѳедоръ Петровичъ любезничалъ и говорилъ избитые комплименты по адресу Лариссы Кирилловны; Тепловскій давалъ

всезможныя, самыя невѣроятныя обѣщанья. но въ такомъ правдоподобномъ освѣщеніи, что все казалось легко исполнимымъ тѣмъ болѣе, что Теремовъ и не особенно вслушивался въ его разсказъ, занятый больше баронессой, чѣмъ желѣзнодорожнымъ дѣломъ, а Дейнеръ своевременно производилъ словами мгновенныя электрическія вспышки, когда чувствовалось, что у собесѣдниковъ истощается запасъ пороха.

Наитруднѣйшая роль была у баронессы Ибри, такъ какъ, кромѣ словъ, требовались и выразительныя мимическія сцены.

Всю эту группу обхаживаль съ четырехъ сторонъ, какъ бы отдѣляя отъ остальныхъ посѣтителей ресторана, сіяющій и довольный Анри.

Уже многіе поднимались и уходили.

Мимолетныя встрѣчи, скрестившіеся взгляды, едва уловимыя улыбки...

Странная атмосфера беззаботнаго флѣрта и дѣловыхъ свиданій возбуждала нервы и вызывала какія-то смутныя желанья.

Еще не кончился день, еще не начался вечеръ, а плафоны, люстры и маленькія лампочки съ цвѣтными абажурами уже давно бросали яркій и вмѣстѣ съ тѣмъ мягкій свѣтъ на сидящихъ, и не хотѣлось отсюда уходить, чтобы промозглый, сырой воздухъ улицы не заморозилъ искусственно созданной, но все же красивой, теплой мечты...

И Теремовъ сидѣлъ, а съ нимъ и остальные.

Отъ five-o'clock'a перешли послѣдовательно къ обѣду подъ ласкающіе звуки румынскихъ скрипокъ.

Въ громадномъ залѣ въ стилѣ empire вокругъ намѣченныхъ жертвъ, которыя, конечно, не считали себя жертвами, разматывались и переплетались невидимыя нити обмана и соблазна.

III.

Любовь Ивановна Мѣщанская, жена Харитона Яковлевича, почти всегда одна.

Многіе даже не знали, что онъ женатъ.

Такіе люди, какъ онъ, «люди Невскаго проспекта», скорѣй похожи на холостыхъ-одинокихъ, чѣмъ на семейныхъ.

— Тамъ, гдѣ я бываю, быть женатымъ не считается «козыремъ». Напротивъ, это—излишняя подробность,—неизмѣнно повторялъ онъ съ ироніей, когда жена на первыхъ порахъ удивлялась и обижалась, что мужъ не беретъ ея съ собой.

— Да кто же ты, наконецъ?—вышла она вдругъ изъ себя и возвысила голосъ, эта «тихая скромница Любаша», какъ называлъ ее Харитонъ Яковлевичъ въ часы нѣжныхъ ласкъ и душевныхъ откровеній, бывавшихъ довольно рѣдко:

— Я?.. я—устроитель дѣлъ и все тутъ, даже вѣрнѣе—пособникъ въ устроительствѣ. Есть поважнѣй меня устроители! Мы только приближенные мага и волшебника Луи. «Человѣкъ долженъ дѣлать не то, что онъ хочетъ, а то, что онъ можетъ». Это—слова моднаго теперь англичанина, Бернарда Шоу. Ну-съ, милая моя, какъ же быть? Я, можетъ, хотѣлъ бы давать концерты, а могу, однако, лишь устраивать разныя комбинаціи и никакого иного лѣшаго въ ступѣ не знаю. Помилуй Богъ, какъ трудно нынче живется на бѣломъ свѣтѣ!

И безъ того грустные глаза Любаши стали еще печальнѣй, даже какъ будто едва уловимыя слезинки сверкнули на нихъ и тотчасъ же растаяли.

— Но, вѣдь, это такъ опасно и неопредѣленно! Тотешникъ, карточный игрокъ, устроитель дѣлъ,—все такъ похоже и такъ страшно, по крайней мѣрѣ для меня... и, кажется, прости меня, не очень-то честно.

Мѣщанскій никогда не бывалъ дома излишне развязенъ, какъ въ ресторанахъ, или черезчуръ грубъ, что допускалъ подчасъ въ житейскомъ обиходѣ, но теперь, видимо, обидѣлся, не выдержалъ привычнаго тона ироніи и вспылить, хотя все же старался сдерживаться и, вѣроятно, поэтому, покраснѣлъ до ушей; даже глаза его налились кровью.

— Ты одѣта? Одѣта. Сыта? Сыта. Прихоти твои исполняются? Исполняются. Какого же тебѣ еще рожна?.. Пока что—попридержала бы язычекъ. Развѣ ты убѣждена въ моей нечестности? «Всякаго слѣдуетъ считать невиннымъ, пока не докажутъ, что онъ виновенъ»,—такъ сказалъ одинъ умница (кажется, Троллопъ), и подь этимъ афоризмомъ должны бы подписаться всѣ, кто не считаетъ себя идиотомъ. А современный поэтъ еще дальше пошелъ, говоря: «Винныхъ нѣтъ, всѣ люди—правы...» Что за ребячья у тебя наивность—обвинять меня огульно! Законъ житейскаго приспособленія—знаешь, въ чемъ состоитъ? А вотъ въ чемъ: наименьшая затрата энергіи при условіи брать отъ природы наибольшую сумму всяческихъ возможностей. Луи въ этомъ отношеніи побилъ рекордъ. Вотъ и разсуждай послѣ этого! Что же мнѣ дѣлать прикажешь? Записаться въ бухгалтера, а потомъ выложить свой заслуженный геморрой на столъ и кукситься? Нѣтъ, слуга покорный!

Мѣщанскій наговорилъ кучу рѣзкостей и вдругъ размякъ.

— Ты, Любаша, не тревожься,—фамиліи не обезчещу и на скамью подсудимыхъ не сяду. Пускай другіе садятся! Устроитель дѣлъ это—устроитель дѣлъ, не больше и не меньше. За непоэтическое выраженье, допущенное мной въ пылу разговора (хотя оно и медицинское), извини и не надувай прелестныхъ губокъ, но я, сама знаешь, не лирикъ, да и слава Господу! Какой-то старинный персидскій пѣта сказалъ же не безъ остроумія: «Не увлекайся поэзіей!

Поэзія это—мѣсячныя очищенія у мужчины, будь поэтъ хоть Юпитеромъ или Сатурномъ».

— Меня, дружокъ, не убѣдишь парадоксами, — помолчавъ, промолвила Любовь Ивановна, опуская рѣсницы и стараясь не смотрѣть мужу въ глаза, словно боясь сконфузить его:—говорить ты—мастеръ!.. Цитатами такъ и забрасываешь да еще какими!

Отвѣчалъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ, какъ польщенный отзывомъ:

— Ты желаешь меня видѣть поэтомъ, а я просто—начитанный философъ и все тутъ... Ничего не подѣлаешь!.. Драма, помилуй Богъ!.. Поэзія никого не сдѣлала нищимъ, это—правда, но зато и никого не обогатила. Да и нищихъ-то, въ сущности, вообще нѣтъ, строго разсуждая,—есть социальныя выварки, *des déchets sociaux*, понимаешь?...

По обыкновенію перескочилъ на другой предметъ и занялъ непріятный разговоръ.

Потомъ они оба, обмѣниваясь репликами, старательно всегда обходили щекотливую тему.

Иногда по цѣлымъ днямъ отсутствующій Харитонъ Яковлевичъ вообще ни въ чемъ не стѣснялъ Любовь Ивановну, предоставляя ей полную свободу дѣйствій, и она по-своему любила его той рѣдкой эгоистической любовью, которая не дѣлится, всецѣло отдается одному и ежеминутно терзается въ сознаніи, что у него иная любовь, легко дѣлимая между многими.

Единственнымъ ея романомъ (если это можно считать романомъ) была построенная на безконечной жалости дружба съ Сѣдлецкимъ, котораго она встрѣтила какъ-то у подруги Оомичевской.

Онъ собирался ѣхать за границу въ русское консульство и вдругъ заболѣлъ такъ тяжело, что слегъ со всеми признаками злой чахотки.

Мѣщанская навѣщала его раза два-три, можетъ, четыре, а онъ уже запомнилъ это и, когда нѣсколько поправился, уѣхалъ къ мѣсту своей новой службы, съ грустью храня въ мечтахъ милый образъ кроткой женщины.

Между ними завязалась переписка, гдѣ любовь умирающаго въ медленномъ угасаніи только чувствовалась, а не высказывалась, а дружба тоскующей и скучающей Любви Ивановны такъ пугливо пряталась за каждымъ осторожнымъ словомъ, что для распознанія ея требовалось особое чутье, которое бываетъ у всякаго влюбленнаго...

Было оно и у Сѣдлецкаго, но онъ его старательно скрывалъ даже отъ самого себя.

Затѣмъ переписка прервалась, и послѣ довольно долгаго перерыва получилось вскорѣ одно послѣ другого два послѣднихъ письма, написанныхъ отрывисто, неровнымъ почеркомъ угасающаго на чужбинѣ.

(Изъ перваго письма).

«Давось. 26-го августа 1915 г. Очень былъ радъ получать ваши чудныя письма, Любовь Ивановна. Отъ всей души благодарю, что не забывали меня... Потомъ, правда, забыли, но я самъ виновать, что давно не писалъ вамъ... Вы Богъ знаетъ что могли подумать, а я тутъ около двухъ мѣсяцевъ съ половиной. Нельзя сказать, чтобы ѣхалъ сюда съ охотой. Скорѣе наоборотъ. Но ничего не подѣлаешь: *пришлось!*.. Путь къ смерти... Сначала я все предполагалъ ѣхать въ Россію и отдохнуть, какъ вы пишете, въ Халлѣ; однако отказался отъ этой мысли по разнымъ соображеніямъ. Здѣсь я устроился по своему вкусу. Особенно доволенъ, что въ гостиницѣ. Мало народа и, кромѣ меня, нѣтъ больныхъ. Это плюсъ. Не выношу общества больныхъ, хотя и самъ къ нимъ принадлежу. Вы себѣ представить не можете, до какой степени они разспрашиваютъ васъ о болѣзни и развиваютъ мнительность. По цѣлымъ днямъ лежу на балконѣ. Сперва было скучно, а теперь привыкъ. Жаль, что васъ нѣтъ, хоть на минуту! По дорогѣ сюда удалось побывать въ Барселонѣ. Несмотря на нездоровье, не утерпѣлъ, чтобы не пойти на бой быковъ. Зрѣлище—дикое, но характерное для двуногаго звѣря и любопытное по психологіи толпы. Городъ—красивъ, но видѣть его не пришлось, такъ какъ я еле волочилъ ноги.

«Въ своемъ письмѣ вы ни полстроки не говорите о себѣ. Почему? Теперь, правда, у васъ, навѣрно, такая масса дѣла, которому вы теперь отдаете свое время и въ которомъ наша женщина уже не разъ доказала всю свою мощь, всю силу своей любви... Хотѣлось бы взглянуть на теперешнюю Россію, трезвую, охваченную лишь однимъ общимъ порывомъ—побѣдить врага.

«Между прочимъ, вы пишете, что Фомичевская нервничаетъ.

«Нашла время! Она съ успѣхомъ могла бы примѣнить свои силы къ чему-нибудь полезному.

«Я у васъ просилъ фотографію, а вы въ отвѣтъ:—«Пришлите свою». Боже, вѣдь (стыдно сказать!), я похожъ на голодающаго индуса...

«Простите за каракули.

«Пишу лежа, впродъ до особаго разрѣшенія врача. Не сердитесь.

Весь вашъ П. Сѣдлецкій».

(Изъ втораго письма).

«Давось. 8-го сентября 1915 г. Sanatorium Schweizerhof. Пишу отсюда наканунѣ отъѣзда, глубокоуважаемая Любовь Ивановна. Приблизительно черезъ недѣлю покидаю этотъ городъ-больницу

и по живописной Италіи снова перебираюсь въ Египеть на свой постъ. Поѣздка въ Россію такъ и осталась въ области проектовъ и мечтаній. Слишкомъ большой рискъ для меня такое путешествіе при теперешнихъ путяхъ передвиженія. вмѣсто этого пришлось перебраться въ санаторію (удивительно не везетъ мнѣ!). Не взирая на самое упорное леченіе, положительныхъ результатовъ мало, такъ какъ ничего не ѣмъ,—все отвратительно и на вкусъ, и на запахъ. Говорятъ: это—временно... Не знаю... Впрочемъ, я совсѣмъ уже примирился съ судьбой и *безъ страха готовъ ко всему...*

«Стоять послѣдніе хорошіе деньки...

«Ими нужно воспользоваться для обратной поѣздки. Какъ бы удрать, а то еще пристукнетъ въ дорогѣ *беззубая...* Холодно... бр!..

«Карточки вашей, видно, не дожусь. Какъ долго идутъ письма! Напишите, каково настроеніе теперь въ Петроградѣ.

«Намъ здѣсь живетъ не такъ-то пріятно. Хотя Швейцарія и нейтральная, но въ здѣшней ея части все до невозможности пропитано нѣмецкимъ, да и нѣмцевъ много. Они ведутъ свою пропаганду, не стѣсняясь никакой ложью.

«Реляціи пишутся въ самомъ хвастливомъ тонѣ, и наши донесенія опровергаются чуть ли не за двадцать четыре часа до ихъ появленія! Каково! О внутреннемъ нашемъ обиходѣ пишутъ такія невѣроятія, что, не обращая вниманія на всѣ хитросплетенія, безъ смѣха читать нельзя... Теперь я уже привыкъ, но все это такъ злило прежде и частенько-таки становилось скверно на душѣ.

«Вашу скуку, о которой вы писали въ послѣднемъ старомъ письмѣ вашемъ, совершенно не одобряю. Совѣтую даже и слово это позабыть, а если все-таки будетъ скучно, то черкните отъ скуки въ Египеть, куда авось доберусь съ грѣхомъ пополамъ.

«Преданный вамъ и благодарный Павелъ С.».

Любовь Ивановна прочла съ волненіемъ одно письмо; другое, задумалась, невольно вытерла набѣжавшую слезу.

Что-то какъ будто обрывалось въ груди,—то самое, что своевольно проникло и точно сроднилось и стало близкимъ...

И вотъ опять словно ушло куда-то. По крайней мѣрѣ такъ чувствовалось сердцемъ, хотя мозгъ и не давалъ этому объясненія.

И, дѣйствительно, на другой же день вечеромъ забѣжала Ѳомичевская, какъ всегда, съ приподнятыми нервами и съ драматической ноткой въ голосѣ прошептала:

— Умеръ на пути въ Египеть. Вчера получена телеграмма въ министерствѣ. Бѣдный! А я ему такъ и не написала ни разу. Теперь стыдно. Стоило учиться; чтобы такъ скоро... И жизни-то не узналъ, какъ слѣдуетъ.

Ушла разстроенная, а Любовь Ивановна, оставшись одна, долго еще думала все о томъ же, и ей становилось жутко: открывшееся вдругъ одиночество пугало ее.

Сѣдлецкій былъ именно тѣмъ соединительнымъ звеномъ, къ которому прибѣгаютъ, когда нужно отвести душу въ дружеской бесѣдѣ.

IV.

Луи жилъ въ шикарномъ особнякѣ съ показной роскошью, поражающей даже людей, привыкшихъ къ ней, но поражающей не красотой и смѣлостью, а дерзостью размаха, чтобы сразу кого-то удивить и покорить и потомъ извлечь изъ этого пользу.

Нисколько не мѣшало ему обсчитывать на нѣсколько рублей домашнюю прислугу и одновременно жертвовать десятки тысячъ рублей на разныя учрежденія, откуда ожидалось въ будущемъ различныя почетныя награды.

Сухопарый, съ быстрыми глазами, и энергичнымъ носомъ, онъ внѣшнимъ видомъ немного напоминалъ какого-то изъ римскихъ полководцевъ, что очень ему льстило, и онъ зачастую говорилъ о себѣ съ самодовольной усмѣшкой:

— Не правда ли, во мнѣ что-то есть отъ Юлія Цезаря? И та же страсть къ завоеваніямъ... И то же счастье: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ...

Когда ходилъ или разговаривалъ, то вертѣлся, какъ вьюнъ, и залпомъ выбрасывалъ цѣлые потоки фразъ, точно спѣшилъ использовать съ выгодой для себя каждую свободную минуту. При этомъ, конечно, всякое сходство съ Цезаремъ пропадало.

Сегодня у Луи — одинъ изъ очередныхъ вечеровъ, но такъ какъ въ военное время балы не приняты въ хорошемъ обществѣ, то собраніе рѣшено было назвать «вечеромъ союзныхъ державъ» съ продажей билетовъ безпроигрышной лотереи въ пользу пострадавшихъ при эвакуаціи.

Разослано четыреста пригласительныхъ билетовъ, при чемъ обѣщаны всевозможныя увеселенія, начиная съ хора цыганъ и румынскаго оркестра и кончая сольными номерами извѣстныхъ артистовъ и артистокъ оперы, балета, драмы и оперетки.

Залы украсились національными и союзными флагами, а также громадными декоративными деревьями, не исключая кустовъ винограда, яблонь и грушъ съ живыми плодами. Казалось, все было предусмотрено, чтобы поразить воображеніе.

Хозяева очень волновались, что, въ виду разрыва дипломатическихъ сношеній съ Турціей, не будетъ посла, который прежде постоянно удостоивалъ ихъ своимъ посѣщеніемъ.

— Успокойся, моя Перлэ, моя жемчужина—утѣшалъ жену удрученный Луи (съ глазу на глазъ онъ всегда ее такъ назы-

валь, а при другихъ непремѣнно «Полина»):—я велѣлъ разослать приглашенія наугадъ во все посольства. Гдѣ-нибудь непремѣнно клюнетъ рыбка. Ой-ой, какъ становится трудно поддерживать престижъ нашего аристократическаго салона!

Говорилъ и отъ удовольствія потиралъ руки, бѣгая по комнатѣ.

Полина—по фигурѣ настоящая Юдиѣ, правда, немного перерѣвшая, но все еще не утерявшая способности нравиться любителямъ экзотической красоты, несмотря уже на нѣкоторую грузность. Мужъ рядомъ съ нею казался куда моложе и подвижнѣй.

Луи не ошибся.

Все-таки прѣхалъ кто-то изъ третьестепенныхъ атташе и, для приданія этому событію особенной важности, былъ встрѣченъ съ необыкновеннымъ почтомъ, подъ звуки своего національнаго гимна.

Отъ особняка вдоль всей улицы стояла длинная вереница экипажей всѣхъ сортовъ отъ моторовъ и каретъ до шарабановъ и извозчичьихъ пролетокъ включительно.

Явилось нѣсколько писателей съ именами, изъ которыхъ одинъ, наиболѣе извѣстный, даже нашелъ возможнымъ, не обращая вниманія на то, что мужчины приглашались быть во фракахъ,—показаться въ бархатной блузѣ.

Полина, наклоняясь къ сосѣдкѣ, мнѣніемъ которой особенно дорожила, такъ какъ та вращалась въ высшемъ кругу, сейчасъ же замѣтила на его счетъ съ усмѣшкой:

— Вы понимаете, вѣдь, это—знаменитость! Мы, конечно, прощаемъ эту тривиальность костюма... Блуза—пускай себѣ!.. *Mais son style a une couleur brillante!* Мужъ въ восторгѣ отъ его романовъ, а это чего-нибудь да стоитъ... не правда ли, *ma chère comtesse?*

Мелькали художники, генералы, банкиры, адвокаты, цѣлый цвѣтникъ нарядныхъ барышень и дамъ, молодежь, учащаяся въ привилегированныхъ заведеніяхъ, представители разныхъ акціонерныхъ предприятий, концессій и министерствъ, словомъ, настоящій калейдоскопъ «племенъ, сословій, состояній».

Горѣли брильянты, сверкали женскіе глаза, сіяли и змѣнились улыбки, звенѣли слащавыя рѣчи, и все же подъ сурдинку шипѣлъ ядовитый, насмѣшливый шопотъ, не знающій пощады... Но все это покрывали музыка и пѣнье, и тутъ же вертѣлось колесо счастья въ японскомъ кіоскѣ.

Теремовъ, одиноко блуждавшій въ незнакомой толпѣ, неожиданно столкнулся съ давнишнимъ пріятелемъ-землякомъ, Черемховскимъ.

Они давно не видѣлись и едва узнали одного другого, а когда узнали—чуть не расцѣловались отъ радости.

— И ты здѣсь?—не то съ изумленіемъ, не то съ горечью вос-

кликнул Черемховскій и улыбнулся доброй, почти дѣтской улыбкой, сразу освѣтившей его морщинистое, худое лицо.

И завязалась дружеская, теплая бесѣда.

Черемховскій зналъ всѣхъ и все и не жалѣлъ красокъ въ описаніи нравовъ и типовъ. Особенно досталось отъ него хозяевамъ вечера.

Теремовъ слушалъ и съ каждой минутой ему становилось все страшнѣе и страшнѣе, а тотъ все говорилъ безъ усталости, точно давно ждалъ этой минуты.

— Да, вѣдь, тутъ—ресторанъ, куда можетъ зайти всякій, даже незнакомый ни съ хозяиномъ, ни съ хозяйкой. Они и не намекаютъ, что не знаютъ васъ. Вся разница только въ томъ, что здѣсь угощаютъ бесплатно. Правильнѣй это—универсальное кафе Невскаго проспекта, куда свободный доступъ всѣмъ чающимъ движенья воды. Можете прійти, совершить коммерческую или... мошеническую сдѣлку и уйти во-свояси, не здороваясь, не прощаясь. Недостаетъ кинематографа въ антрактахъ...

— Однако... злой отзывъ. Слушай, Валерьянъ, ты меня пугаешь!

— Пришелъ, такъ имѣй мужество дослушать. Видишь ли, Луи былъ съ микроскопическими капиталами, когда задумалъ жениться на Полиѣ Борисовнѣ. У нея тоже были крохотныя средства. Но оба почему-то считали другъ друга богачами. Потомъ разочаровались, когда раскусили правду. И начали всѣмъ пыль въ глаза пускать до смѣшного,—брали, наприимѣръ, на прокатъ серебро и задавали обѣды и т. д. въ томъ же духѣ. Всего не перескажешь. Ну-съ, а теперь у m-eur Луи не одинъ милліончикъ и гдѣ только этотъ кудесникъ не предѣдательствуетъ и не членствуетъ! Скупаетъ заводы, предприятия... За короткій срокъ съѣлъ двѣ порции за хорошія дѣла, но зато мѣста раздастъ направо и налево, ничѣмъ не брезгаетъ для обогащенья. У него всюду свои люди. Вы думаете, гдѣ онъ теперь? У себя въ кабинетѣ, какъ змій, обвивается кольцами вокругъ новой жертвы наживы. За границей здорово богатѣютъ, но богатѣютъ, благодаря силѣ собственнаго творчества, дарованія, упорнаго труда, а тутъ—человѣчекъ Невскаго проспекта, перебѣгавшій на нашихъ глазахъ отъ кафе къ кафе, выплываетъ вдругъ на гребнѣ случайной волны и становится въ короткій срокъ обладателемъ милліоновъ и вершителемъ многихъ судебъ. Позоръ! Около него все увиваются, но, замѣчательно, его все бранятъ за глаза и ненавидятъ. Берутъ отъ него деньги и тутъ же косятъ. Трагедія! Возлѣ него кормится столько народа, что страхъ, однако трудно позавидовать тѣмъ, кто получаетъ отъ него мзду: поиздѣваться надъ облагодѣтельствованными—первое его удовольствіе. Вотъ поглядите-ка на того, что стоитъ у мраморной колонны. Простой писецъ изъ департамента. Онъ ему ну-

женъ для собиранія свѣдѣній по министерству. Платить ему и поднимаетъ на смѣхъ, чуть не въ дураки рядить. И такъ во всемъ. Все обдуманно и намѣчено по опредѣленному плану. Ты здѣсь, Ѳедоръ Петровичъ, и мнѣ уже страшно, дружище. Неужели попался? Съ акулой встрѣтился, ей-ей! Остерегись!

Теремовъ на минуту смутился.

— Ты напрасно... Я не такъ-то уловимъ. Меня познакомилъ Мѣщанскій, Харитонъ Яковлевичъ.

Черемховскій фыркнулъ.

— Я такъ и думалъ. Сосводничалъ! Его специальность. Онъ на хорошемъ жалованьи. Можетъ—и Тепловскій, и Дейнеръ?

Вмѣсто отвѣта Теремовъ самъ задалъ вопросъ и медленно приподнялся съ дивана, окидывая стараго пріятеля недовѣрчивымъ взоромъ:

— А ты-то какъ здѣсь очутился, разъ для тебя все какъ на ладони?.. Врачу, исцѣлился... Забылъ слова Писанія?

Вдругъ онъ увидѣлъ проходившую Лариссу Кирилловну, которая кивала ему головой и улыбалась. Потянуло къ ней, какъ магнитомъ.

— Ты, навѣрно, знаешь баронессу?—сказалъ Ѳедоръ Петровичъ какимъ-то не своимъ, сдавленнымъ голосомъ:—прошу тебя, пожалуйста, ничего мнѣ о ней не говори... Мнѣ будетъ неприятно услышать твой отзывъ,—все равно хорошій или дурной. А пок-прощай... Увидимся ли сегодня?

Черемховскій остался съ открытымъ ртомъ, не находя, что ему возразить. Едва успѣлъ подумать:

«Однако онъ меня славно отчихвостилъ!.. Ну, и я же хороштя Ругаюсь, сплетничаю, а самъ торчу прихлебателемъ... Подѣломъ мнѣ!»

Вдругъ около него, словно изъ-подъ земли, выросла сухопарая, вертлявая фигура самого Луи во фракѣ, съ красной гвоздикой въ петличкѣ и въ бѣлыхъ гетрахъ.

Глаза его метали искры и дергались губы отъ гнѣва; руки сжимались въ кулаки и сейчасъ же разжимались.

Отъ бѣшенства онъ ничего не могъ говорить и постукивалъ каблуками лакированныхъ ботинокъ въ какомъ-то внезапномъ безсиліи...

— Мм... гм... мм...—вырывались невнятные звѣриные звуки, такъ что Черемховскій, не понимая сперва, въ чемъ дѣло, спросилъ въ явномъ испугѣ:

— Не прикажете ли воды? Вамъ нехорошо, патронъ? Я сбѣгаю за докторомъ?..

Но Луи уже трясъ его за рукавъ и шипѣлъ ему въ само-ухо, очевидно, боясь, несмотря на злость, что его услышатъ пое сторонніе:

— Каналья! Этакій каналья, *sacrebleu!* Околѣлъ бы съ голоду, если бы не я... Чуть не на колѣняхъ ползалъ, когда разорился на биржѣ, слушая такихъ же дураковъ, какъ самъ. Кто, какъ не я, вытащилъ тебя изъ лужи! О, паршивая свинья! А теперь?.. Какъ ты осмѣлился болтать съ Теремовымъ! Да я тебя выгоню съ волчьимъ паспортомъ, и послѣ меня никто тебя и на порогъ не пуститъ, мерзавецъ. Вотъ еще новости! У меня въ домѣ... идиотъ!

Бранился и шипѣлъ вполголоса.

Со стороны можно было только наблюдать, что почему-то злится Луи, но на кого и что именно говорить, разумѣется, никто не слышалъ, тѣмъ болѣе, что гремѣла музыка, кто-то дирижировалъ, и пары за парами носились въ упоеніи танца.

Была минута страшнаго раздумья, когда Черемховскій не рѣшался еще, что ему предпринять: дать ли публично третью пощечину своему патрону, выбрать ли его также тихо и дерзко на ухо, или спокойнымъ отвѣтомъ постараться привести его въ нормальное состояніе и сконфузить.

Онъ выбралъ средину.

— Что жъ ты не оправдываешься, молчишь, какъ дубина?— нетерпѣливо воскликнулъ Луи уже довольно громко, такъ что нѣкоторые обернулись и стали прислушиваться:—мнѣ некогда съ тобой возиться... Сейчасъ выброшу съ лѣстницы, какъ негодную собаку.

Глаза Черемховскаго зажглись ненавистью, и онъ погрозилъ пальцемъ съ такимъ выраженіемъ, что патронъ невольно попятился назадъ.

— Мы съ тобой еще пока не побратались. Но разъ ужъ ты заговорилъ со мной на *ты*,—будемъ на *ты*, чортъ съ тобой, хоть это и не велика честь. Запомни, однако, чтобы больше такихъ дикихъ сценъ не повторялось, а то можно тебя и флюсомъ украсить! Не я къ Теремову, а онъ ко мнѣ подошелъ, такъ какъ мы—старые однокашники. Пока я ничего не сообщалъ ему о твоей просвѣтительной дѣятельности, но теперь, вѣроятно, придется открыть ему глаза, если ты не извинишься предо мной честь-честью и не дашь отступного. Бью тебя, торгашъ, твоимъ же оружіемъ—деньгами, презрѣнными деньгами!

Говорилъ и удивлялся въ душѣ, откуда такая смѣлость явилась передъ всеильнымъ финансистомъ.

«Очевидно, съ отчаянья»,—молніей пробѣжала мысль.

Вблизи прислушивались и какъ будто кое-что начинали соображать.

Кругъ любопытныхъ все суживался. Чувствовалась возможность скандала.

— Нашла коса на камень,—не безъ злорадства замѣтилъ кто-то.

Положеніе становилось неловкимъ, но Луи не былъ бы самимъ собою, если бы не умѣлъ выходить сухимъ изъ какихъ угодно затруднительныхъ обстоятельствъ.

Онъ мгновенно преобразился, и странная улыбка пробѣжала по его худощавому лицу римскаго воина.

— Извиняюсь, и завтра же вы получите денежную премію,—прошепталъ онъ чуть слышно, потомъ сейчасъ же закричалъ на весь залъ:—*charmant!* У него сказался дивный актерскій талантъ. Теперь онъ—мой соперникъ по сценѣ. *J'ai trouvé en monsieur Черемховскій chaussure à mon pied!* Мы экспромтомъ сретовали діалогъ и скоро сыграемъ его передъ вами на любительскомъ спектаклѣ въ пользу раненыхъ. Впрочемъ, это пока секретъ,—секретъ полишинеля, ха-ха-ха...

— Вреть!—рѣшительно буркнулъ Мѣщанскій, стоя около балетной артистки:—что-то готовилось и надо было спастись. Вотъ и придумалъ. Помилуй Богъ, мастеръ, что и говорить! Нашъ почтеннѣйшій Яковъ Масенчъ кое въ чемъ слегка напоминаетъ ядовитаго философа XVIII вѣка, господина Вольтера, какъ припомнишь о немъ слова маркиза Шарота: «весель по природѣ, задумчивъ по привычкѣ, откровенъ безъ чистосердечія, политикъ безъ хитрости, обходителенъ безъ друзей, знаетъ свѣтъ и его тотчасъ забываетъ, любить знатность, съ вельможами обходится вольно, съ равными—принужденно, начинаетъ знакомство учтивостью, продолжаетъ холодностью, а оканчиваетъ отвращеніемъ, одинъ только онъ имѣетъ отличную способность разсуждать о всѣхъ матеріяхъ».

— И какъ вы помните! Но не много ли чести сравнивать его съ Вольтеромъ? Смотрите, опять какое-то недоразумѣніе... Воздухъ насыщенъ электричествомъ. Становится забавно.

Луи, проводивъ атташе, внезапно обрушился на молодого дирижера танцевъ, который чѣмъ-то ему не угодилъ.

Такъ какъ дирижеръ этотъ принадлежалъ къ лицамъ, благодѣтельствованнымъ, то Яковъ Моисеевичъ считалъ возможнымъ не особенно съ нимъ стѣсняться (примѣръ Черемховскаго не приходилъ ему въ голову, такъ какъ былъ явленіемъ исключительнымъ).

— Ингодинъ, вы никуда не годитесь! Кричите и нѣтъ никакого смысла въ этомъ безформенномъ крикѣ. Никакой нѣтъ фантазій. Просто изумительно! Волей-неволей, хотя и некогда, а придется-таки самому довести дѣло до конца. Убирайтесь! Я буду, вмѣсто васъ, полководцемъ. Стану самъ во главѣ славныхъ легионовъ.

— Однако онъ ничѣмъ не смущается!—продолжала балетная артистка прерванную бесѣду съ Мѣщанскимъ:—самый настоящій «законъ дикаря»...

Луи дирижировалъ съ необыкновенной страстностью, кричалъ во все горло и леталъ по залѣ съ поразительной ловкостью.

Полина съ пріятной улыбкой выслушивала похвалы по адресу мужа и дѣлала счастливое лицо.

По окончаніи котильона раздались бурные аплодисменты, и Яковъ Моисеевичъ съ достоинствомъ раскланивался, какъ бенефициантъ послѣ безконечныхъ вызововъ.

Обливаясь потомъ, онъ снова позвалъ Ингодина.

— Можете смѣнить меня. Еще хотятъ потанцевать танго и какую-то другую срунду. Мнѣ нѣтъ времени на пустяки. Что бы вы дѣлали безъ меня! Видѣли, какъ нужно держать знамя дирижера? Усвоили рисунокъ танца? Схватили надлежащій темпъ?

— Видѣлъ... усвоилъ... схватилъ...

— Чувствуете разницу?

— Чувствую и извиняюсь.

Ингодинъ былъ куда почительнѣй Черемховскаго.

— Ну, отлично. На этотъ разъ я васъ прощаю. Продолжайте, а затѣмъ оставайтесь поужинать. Ваше послушаніе мнѣ нравится.

Увидя Мѣщанскаго, подскочилъ къ нему.

— Все ухаживаете? А съ Теремовымъ у насъ выйдетъ прекрасное дѣло. Налажено превосходно. Я вами доволенъ, Харитонъ... Харитонъ Яковлевичъ. Всегда забываю, какъ васъ по отчеству. Память измѣняетъ. Старость—не радость,—сказалъ и засмѣялся, лукаво прищуривая глаза.

«Любить поиздѣваться»,—подумала артистка:—«странно только, что такой находчивый балагуръ, какъ Мѣщанскій, спускаетъ ему... Такъ и хочется обрѣзать...»

— Ингодинъ гораздо лучше дирижируетъ,—говорила рядомъ блѣдная барышня умышленно громко, зная, что Луи стоитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея:—онъ вноситъ новое, воздушное, а этотъ... Нельзя одинаково хорошо играть на повышеніи дутыхъ акцій и управлять танцующими... Мы очень жалѣли, когда такъ незаслуженно былъ оскорбленъ бѣдный Ингодинъ и къмъ же?.. Какая безцеремонность! Прямо хамство.

Яковъ Моисеевичъ кусалъ губы отъ досады.

Сегодня ему положительно не везло: въ одинъ вечеръ столько ударовъ по самолюбію!

«Погодите!»—беззвучно шевеля губами, самъ съ собой разсуждалъ Луи:—«когда-нибудь отплачу... такъ не пройдетъ даромъ... И Черемховскій вспомнить этотъ вечеръ, и дѣвчонка, поклонница Ингодина... Я не прощаю неуваженья... Моя натура—натура Юлія Цезаря... Она требуетъ завоеваній и поклоненія, а кто мѣшаетъ мнѣ—тѣхъ я просто сметаю, какъ ненужный соръ».

V.

Разъ въ недѣлю по утрамъ собирались у Тепловскаго главные «устроители»—Дейнеръ, Мѣщанскій, Ларисса Кирилловна и еще два-три особо довѣренныхъ. Рѣдко, но заѣзжалъ иногда и самъ патронъ—Луи, если предстоялъ экстренный разговоръ, требующій непремѣнной тайны и осторожныхъ дѣйствій.

Тутъ намѣчались будущія дѣла, вырабатывались программы совмѣстныхъ дѣйствій или самостоятельныхъ выступлений кого-нибудь одного изъ нихъ, устанавливались таксы за каждое дѣло, собирались и составлялись справки о тѣхъ лицахъ, которыя могли бы оказывать пользу намѣченнымъ дѣламъ.

Велись подробныя вѣдомости съ точными свѣдѣнiями о всѣхъ почти жителяхъ Петрограда, Москвы и другихъ крупныхъ городовъ, которые имѣли хоть какое-нибудь значенiе—общественное, научное, коммерческое и т. п.

Всѣмъ денежнымъ выдачамъ и поступлениямъ велась правильная запись по бухгалтерскимъ книгамъ.

Словомъ, дѣло было поставлено на солидную ногу.

Даже имѣлся свой консультантъ по юридическимъ вопросамъ. Были переписчицы, стенографистки и переводчицы, давшiя обязательство хранить въ секретѣ добытыя данныя. Зато онѣ получали великолѣпное вознагражденiе и процентъ съ cadaго дѣла, лишь бы не проболтались.

Наконецъ, находился на службѣ специальный комиссiонеръ, въ родѣ сыщика, который слѣдилъ за всѣми «устроителями», причемъ они его не знали въ лицо, и о всѣхъ ихъ подозрительныхъ дѣйствiяхъ доносилъ самому Луи.

Яковъ Моисеевичъ умѣлъ разбросать невидимую, но крѣпкую паутину.

На другой же день послѣ описаннаго «вечера союзныхъ державъ» состоялось годовое общее собранiе «устроителей» въ присутствii самого патрона, сказавшаго краткую, но выразительную рѣчь собравшимся.

Онъ старался показаться необыкновенно важнымъ, но сейчасъ же забывалъ напускную серьезность, перескакивалъ съ мѣста на мѣсто, вставалъ, садился и дѣлалъ самые не подходящiе жесты для воображаемой фигуры Юлія Цезаря.

— Наше нелегализованное общество, господа,—началъ онъ, причмокивая,—куда выше всякаго утвержденного правительствомъ, ибо сплошь и рядомъ даже казенныя установленiя обращаются къ намъ за содѣйствiемъ. Не говорю уже о частныхъ обществахъ и лицахъ (прямо нѣтъ отбою!). Итакъ, остается только трудиться, не покладая рукъ. Намъ официально не признають, но съ

нами считаются. Это и есть крупная побѣда, господа! Ключи счастья въ нашихъ рукахъ! Вотъ они... (и онъ показалъ сжатый кулакъ). Всего пять лѣтъ существованья, а какая богатая клиентела! Моей чистокровной русской душѣ ухъ какъ пріятно отъ такого богатырскаго успѣха нашего общества. Поздравляю васъ съ денежными наградами, господа.

Когда всѣ поднялись и поблагодарили, онъ продолжалъ:

— Мы должны стремиться объединить всѣхъ «устроителей», которые еще не вошли въ нашу компанію и дѣйствуютъ за свой рискъ, а такихъ немало! Создадимъ *устроительный третъ!* Это гордо звучитъ, по-новому. Тогда, по крайней мѣрѣ, каждый обращающійся къ намъ за совѣтомъ будетъ всецѣло въ нашихъ рукахъ, и мы-таки подчинимъ его своей волѣ. Ну-съ, Владиславъ... Владиславъ Артемьевичъ (всегда забываю ваше имя),—обратился Луи къ Тепло-скому:—какія текущія дѣла на очереди?

— Теремовъ внесъ пять тысячъ рублей аванса и торопитъ окончаніемъ дѣла о ссудѣ для оборудованія желѣзнодорожной вѣтви...

— Да, да, да...—перебиваетъ Яковъ Моисеевичъ съ сіяющимъ видомъ:—очень выгодная исторія, очень выгодная... Подъ соусомъ англійскаго товарищества (какого-нибудь тамъ «the english company») мы сами будемъ отпускать деньги, и желѣзнодорожная вѣтка перейдетъ мало-по-малу въ наши руки. Для торговыхъ сношеній съ Англійей это пригодится какъ разъ кстати. Скажутъ: мы поступаемъ грубо. Пускай себѣ! *Aujourd'hui être grossier—cela s'appelle couramment faire de l'action.* Дальше что?

— Нужно заинтересовать одно важное лицо въ финансовыхъ верхахъ необходимою учредить новое кредитное установленіе: «банкъ союзныхъ державъ».

Глаза Луи разгораются.

— Да, да, да... Это—мое любимое дѣтище... Я горжусь имъ. Къ этой особѣ я самъ поѣду, Богъ съ ней. Я умѣю убѣждать. Теремовымъ заняты Мѣщанскій и баронесса Ибри, конечно, подъ моимъ непосредственнымъ наблюденіемъ. А банкъ—это я самъ, я самъ... Продолжайте чтеніе.

— Заготовка каменнаго угля въ южныхъ копяхъ.

— Помню. Предупредить возможность реквизиціи и, главное, вагоны, вагоны!.. Поручаю Дейнеру. Онъ знаетъ ходы и выходы и гдѣ раки зимуютъ. Нужно свидѣться съ инженеромъ Азомъ. Онъ не взяточникъ, нѣтъ, онъ—нумизматикъ. Дейнеръ, мотайте себѣ на усъ.

Дейнеръ съ неудовольствіемъ пожимаетъ плечами, но такъ, что этого не видитъ Луи.

Тепловскій продолжаетъ докладывать:

— Далѣе идутъ: предложеніе купить партію платины... продажа майората... фирма «Самопомощь» ходатайствуетъ о томъ,

чтобы ей былъ порученъ заказъ стаканчиковъ для шрапнелей... Вьюномъ вертится на стулѣ Яковъ Моисеевичъ.

— Слова «не могу» нѣтъ въ моемъ словарѣ. Могу, могу, все могу! Вы, Тепловскій (опять забылъ, какъ васъ по имени и отчеству!), займитесь и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ. Вамъ по плечу, если вы постараетесь. Не говорите «нѣтъ!» Я знаю вашу излишнюю осторожность. Пора быть смѣлымъ и дерзкимъ. Французы говорятъ: «on n'atelle pas des étalons à un corbillard» (жеребца не впрягаютъ въ похоронную колесницу), но эти дѣла—не похоронныя дроги, а триумфальный выѣздъ. Надѣюсь, все? Вы и такъ начитали намъ столько, что я прямо чувствую, какъ растетъ наша приходная касса.

Луи приходитъ все въ болѣе и болѣе радужное настроеніе.

— Нѣтъ, патронъ, еще три вопроса. Вновь открывающееся иностранное общество ищетъ заказовъ на вагоны и холодильники. Затѣмъ далѣе одинъ богатый бакинецъ-нефтепромышленникъ жаждетъ получить придворное званіе...

— Вагоны по нашей части, безъ сомнѣнія, а съ придворнымъ званіемъ... Нѣтъ, поручите дѣло господину Вязовому... Не забудьте только отгнѣнить, что намъ причитаются комисионныя за передачу ему выгоднаго дѣла. Съ Вязовымъ надо ловить моментъ, пока онъ въ силѣ... И третье?

— Германскій подданный, давно проживающій въ Россіи, желаетъ перейти въ русское подданство.

— Вотъ ужъ этихъ щекотливыхъ вопросовъ не люблю!.. Мой патриотизмъ мѣшаетъ мнѣ дѣйствовать съ открытой душой, какъ въ прочихъ дѣлахъ. И кто же онъ, однако, этотъ германскій подданный? Чутьочку еврейчикъ?

— О, совсѣмъ нѣтъ! Далеко отъ этого. Либихъ, фабрикантъ.

— Либихъ? Какова штука! Извѣстный гусь! Ловко ли? Il s'adonne aux amours anciellaires et de plusieurs indécicatesses... Приношу извиненіе, баронесса, за нѣкоторую фривольность мысли... Ну, подумаемъ, подумаемъ, хотя мой патриотизмъ и страдаетъ. Во всякомъ случаѣ наказать нѣмца наивысшимъ размѣромъ гонорара. Пусть лопнетъ отъ досады. Буду въ восторгѣ, если онъ откажется... Но, къ сожалѣнію, увѣренъ, что онъ-таки заплатитъ и придется ему устроить подданство. Все? Итакъ, закрываю засѣданіе. Вы всѣ въ курсѣ нашихъ дѣлъ. Никакой тайны! Нашъ девизъ—свѣтъ. Прощайте, господа! Полагаюсь на вашу скромность и ваше трудолюбіе... и ловкость, и ловкость! Прощайте. Завтракайте безъ меня. Мнѣ положительно не до ѣды. Баронесса, я въ восторгѣ, что вамъ такъ удалось закрутить бѣднягу Теремова.

— Бѣднягу?.. Удалось?.. Вы находите, Яковъ Моисеевичъ?—обиженнымъ и довольно капризнымъ тономъ протянула Ларисса Кирилловна, вообще привыкшая держать себя независимо.

Но Луи уже хохочетъ, машетъ рукой и мчится въ переднюю, словно боязнь опоздать на поѣздъ подстегиваетъ его.

Патрона почтительно провожаютъ.

— Совѣщаніе разсыпнымъ строемъ,—пошутить Мѣщанскій:— помилуй Богъ, какая разнообразная, мозаичная дѣятельность! Не вѣдаешь, за что и приняться. Большая половина дѣлъ построена на водѣ, и притомъ мутной, а нужно притворничать и всякую махинацію измышлять. Что-то тебѣ навалили, и ты дѣйствуй, какъ разумѣешь, а вѣрнѣй—безо всякаго разумѣнія, но въ твердой памяти и здоровомъ умѣ. Устроитель дѣлъ, какъ я убѣждаюсь,— фокусникъ новѣйшей формаціи. Малѣйшая оплошность въ равновѣсіи и—кувыркомъ съ трапеціи прямо въ публику.

— Оставимъ мрачные разговоры и обратимъ все вниманіе на закусочный столъ. Милости прошу, господа, но прошу не отъ своего имени, а отъ имени Якова Моисеевича ко мнѣ въ столовую. Онъ даже заказалъ по своему рецепту особые сандвичи съ тонкими слоями огурцовъ... На всѣ руки мастеръ!

Слова Тепловскаго были приняты съ видимымъ удовольствіемъ, и всѣ двинулись гуськомъ, такъ какъ надо было проходить по узкому коридору.

— *Cucumber-sandwiches*... — говорилъ, точно смаковалъ, Мѣщанскій и облизывалъ губы:—я припоминаю... вещь полезная.

Баронесса отстала, провожая уходившихъ недружелюбными взглядами, и мысленно называла ихъ «продажными обжорами», впрочемъ незамѣтно одѣлась и вышла на улицу.

«Служба—службой, а табачокъ врозь»,—передѣлала она поговорку на свой ладъ и сдвинула брови:—«ни одного джентльмена... Затянула узелъ, и теперь не поддается, а надо развязать... Онъ правъ, этотъ Мѣщанскій, что каждую минуту можно полетѣть кувыркомъ съ трапеціи... Пока не поздно... да, пока не поздно, попробую спрыгнуть съ нея сама... съ этой проклятой цирковой трапеціи. Пускай клоунъ Луи прыгаетъ со своими огуречными сандвичами, сколько ему будетъ угодно, но безъ меня... безъ меня...»

Шла по направленію къ Невскому, гдѣ Теремовъ долженъ былъ ея ожидать около Гостиного двора.

VI.

И онъ, дѣйствительно, ожидалъ, ходилъ нетерпѣливыми шагами взадъ и впередъ, точно измѣряя длину пространства отъ часовни до Публичной библіотеки, и въ выраженіи его лица было что-то говорящее о разочарованіи, такъ какъ Лариса Кирилловна значительно запоздала приходомъ.

«Истор. вѣстн.», апрѣль 1917 г., т. сѣмьм.

5

«Поздняя любовь?»—подумалъ и самъ усмѣхнулся своимъ предположеніямъ:—«Конечно, не можетъ же увлечься мной, а вотъ пойдн же!.. Назначаю свиданья, надѣюсь на какія-то блага... Настроеніе перезрѣвшаго гимназиста...»

Когда увидѣлъ ее издали, почувствовалъ, какъ теплая волна прилила къ сердцу и отхлынула.

«Какъ мальчикъ, робѣю...»—новое сравненіе мелькнуло въ головѣ.

— Вы уже здѣсь, Федоръ Петровичъ? Сердитесь?—въ голосѣ звенѣла нѣжность, и не было ни въ словахъ, ни во взглядѣ, ни въ складкахъ губъ тѣхъ капризныхъ отгѣнковъ, которые такъ сроднились съ ея привычками и характеромъ.

— Здѣсь... и, признаюсь, начиналъ отчаниваться... рѣшилъ, что не придетс...—взволнованно отвѣчалъ онъ, медленно цѣлуя и вмѣстѣ пожимая протянутую маленькую руку въ бѣлой лайковой перчаткѣ.

Рядомъ шумѣла уличная жизнь, а Теремовъ не замѣчалъ ея, весь отдаваясь какому-то и жуткому, и властному порыву.

Надвигалась невѣдомая сила, которая была сильнѣе его, и, поэтому, онъ даже и не старался ее одолѣть.

— Ну, вотъ мы и вдвоемъ! Я такъ рада, что могла, наконецъ, вырваться и сдержать слово... такъ рада!

Она заговорила быстро, возбужденно, съ улыбкой въ глазахъ.

Ея глаза обладали удивительной способностью—улыбаться, при чемъ лицо сохраняло серьезность, даже строгость.

Первыя фразы пустого разговора, въ сущности, ничѣмъ не отличались отъ обычной свѣтской болтовни. Между тѣмъ и Теремовъ, и Лариса Кирилловна какъ-то странно волновались, будто говорили одно, а думали о совершенно другомъ и, главное, словно оба понимали, кто о чемъ думаетъ.

И казалось вполне естественнымъ, когда у него вырвалось вдругъ восклицанье:

— Вы знаете, все это необычайно и для меня, и для васъ, но, чувствую, я начинаю къ вамъ такъ привязываться, что моихъ путь не развязать никакими усиліями воли... Я наговорилъ сейчасъ цѣлый ворохъ ненужныхъ фразъ. Къ чему, когда надо произнести только два слова...

— Два слова?.. Какія же?..—спрашивала и не смотрѣла, точно замерла.

— «Люблю васъ!» Уѣдьте со мной. Безъ васъ жить было бы мученьемъ... Вы недовольны мной?.. Да?.. Но это такъ молниеносно, и такъ захватываетъ...

— Говорите, говорите,—шептала она едва слышно, почти закрывая глаза:—я рада васъ слушать... Лучше музыки... Говорите... Такія простыя, хорошія слова...

Они шли все дальше безъ всякой цѣли, и Теремовъ говорилъ безостановочно о томъ, что онъ уже старъ и не можетъ рассчитывать на взаимность, но что онъ только проситъ ее не запрещать себя любить и что это позволеніе будетъ замѣной счастья,—конечно, его счастья, а не ея.

Баронесса внезапно задумалась и такъ глубоко, что все мускулы лица и даже глаза будто застыли на одной точкѣ.

— Что съ вами, Лариса Кирилловна? Неужели я обидѣлъ васъ?

— Какіе пустяки! Чѣмъ вы могли обидѣть? Напротивъ! Кромѣ теплоты, я ничего другого не видѣла отъ васъ. Но достойна ли я васъ, вашей любви? Есть одна подробность, которая мучитъ меня и не даетъ покоя... Зайдемте куда-нибудь. Тутъ, на Невскомъ, развѣ можно исповѣдывать свою душу?.. Можетъ, когда выслушаете, вы прогоните меня отъ себя... Хотите вы или не хотите, но должны слушать. Это—мое условіе...

Сказано было съ такой неподдѣльной тревогой, и слова сопровождались такимъ убитымъ взоромъ, что Теремовъ не на шутку испугался и не зналъ, что подумать.

«Неужели я въ ней ошибся?.. Судьба злобно смѣется надо мной... Всю жизнь издѣвалась и опять... Есть деньги, но нѣтъ счастья... Господи, за что!..»

— Мы пройдемъ не въ модный, а въ небольшой рестораникъ, чтобы не встрѣчаться съ разными нежелательными господами, въ родѣ Луи, Мѣщанскихъ e tutti quanti. Хотя, напримѣръ, сюда направо. Тутъ глуше и надежнѣй,—совѣтовала она и сама указывала дорогу:—разумѣется, здѣсь не «Асторія» и не «Европейская»...

Въ отдѣльномъ кабинетѣ съ довольно потертой мебелью и нечистыми, рванными обоями она сейчасъ же заговорила, когда слуга принялъ заказъ и удалился.

— Я начну съ самой сути. Въ Петроградѣ есть особая компанія дѣльцовъ-капиталистовъ и дѣльцовъ-посредниковъ, которые наживаются на устройствѣ всевозможныхъ дѣлъ. Иныя дѣла удаются, иныя лопаются. Не обходится и безъ плутовства... Подчасъ и уголовщина замѣшается... Лавированье на границѣ уголовного и гражданскаго права—обычная исторія...

— Вы обладаете замѣчательнымъ даромъ слова и умѣніемъ заинтересовать съ первыхъ же фразъ... Кое-что мнѣ знакомо, а слушаю все-таки съ живѣйшимъ интересомъ,—вставилъ замѣчаніе Теремовъ, не сводя съ нея влюбленнаго взгляда, и, казалось, что не содержаніе ея разсказа увлекало его, а просто гармонія словъ, вибрація нѣжнаго голоса, волнующая красота поблѣднѣвшаго лица, влажные глаза съ длинными рѣсницами очаровывали и покоряли.

— Прошу меня не перебивать. Ну-съ, эта компанія не совсѣмъ разборчивыхъ людей, вѣроятно, тоже оцѣнила мою говорливую

способность и наружность мою нашла подходящей и, узнавъ на-вѣрняка, что послѣ смерти мужа я осталась ни съ чѣмъ (тутъ рѣчь Ларисы Кирилловны какъ-будто слегка осѣклась), окружила меня всевозможными обѣщаніями и взяла къ себѣ на службу... Было непріятно, но я работала и зарабатывала...

— То-есть? Я не вполне понимаю — съ ревнивымъ чувствомъ страха процѣдилъ сквозь зубы Теремовъ, становясь все серьезнѣй и серьезнѣй:—чѣмъ же вы занимались?

Баронесса отвѣчала не сразу, а выждавъ минуту, словно собираясь съ мыслями или выбирая выраженія, чтобы не очень поразить Ѳедора Петровича.

— Знаете, когда ловятъ перепеловъ, ихъ по зорямъ приманиваютъ перепелиной дудкой, вакааютъ (такъ я слыхала отъ охотниковъ, мой мужъ тоже былъ охотникъ)... Такъ вотъ я играла роль такой же дудки, когда требовалось заманить перепела. Все это продолжалось и не безъ успѣха нѣсколько лѣтъ... А теперь...

— Теперь пожалѣли перепела?—спросилъ Теремовъ, и въ этомъ отрывистомъ вопросѣ послышались и сарказмъ, и горечь за-таенной обиды, и еще что-то смутно недоговоренное.

Лариса Кирилловна потянулась къ нему, какъ бы прося у него защиты.

— Милый Ѳедоръ Петровичъ, казните, если желаете, но я къ вамъ иду съ открытымъ сердцемъ кающейся...

«И Черемховскій, и теперь она... Значитъ, правда... Какая-то паутина...»—блеснула мысль и погасла, и онъ сейчасъ же задалъ баронессѣ прямой вопросъ:

— Луи попросту мошенникъ, и я напрасно трачу деньги и время.. и вы помогли ему завлекать... перепела? Стало быть, безъ оглядки бѣжать изъ вашего славнаго Петрограда?.. Такъ, что ли?

Онъ не смогъ совладать съ возмущеніемъ, небрежно провелъ рукой по сѣдѣющимъ короткимъ волосамъ и сталъ бѣгать по кабинету, устланному полинялымъ, уже изодраннымъ ковромъ, а она сидѣла, какъ приговоренная къ наказанью, и смотрѣла на него, не отрываясь, будто ожидая еще чего-то не высказаннаго, но важнаго для нея, необходимаго.

Лакеи внесли закуски и кувшинъ съ холоднымъ виномъ.

Это мгновенно отрезвило его и вернуло самообладаніе.

Онъ вдругъ засмѣялся и махнулъ рукой.

— Я совсѣмъ разстроился. Что значитъ—провинціалъ! Тутъ никого нельзя ничѣмъ удивить, а я все еще удивляюсь и тому, и другому... Чудакъ я! Расскажите, что же вы еще узнали о моемъ дѣлишкѣ? Будьте пайнкой до конца.

Въ зрачкахъ исчезла острота, и опять мягкія тѣни легли на лицо; на губахъ играла прежняя добрая улыбка.

— Я мало поняла самую суть, но слышала собственными ушами, какъ директоръ заявилъ о выгодности вашей затѣи и подтвердилъ, что хочетъ ссужать васъ деньгами своей компаніи, подъ соусомъ якобы англійскаго товарищества, а затѣмъ надѣется опутать васъ и окончательно завладѣть вашей дорогой, словомъ, окопачить. Вотъ и все, Ѳеодоръ Петровичъ, ничего больше не знаю, не взыщите. Рѣшила, что вы увязли въ болото и васъ надо выручать... Правда?

— А знаете,—сказалъ Теремовъ, лихорадочно потирая руки:— вы оказали мнѣ неоцѣненную услугу и какъ разъ во-время. Кому-кому, а именно вамъ я обязанъ по долгу совѣсти уплатить куртажъ,—куртажъ за спасенье отъ невыгодной сдѣлки... Завтра, пожалуй, было бы поздно...

Мѣшковатый отъ природы, онъ неловко полѣзъ за толстымъ бумажникомъ.

Лариса Кирилловна страшно покраснѣла и схватила его за руку.

— Остановитесь, Бога ради... умоляю васъ! Не дѣлайте этого. Есть разныя услуги... Есть и такія, которыхъ нельзя расцѣнивать по системѣ куртажей. Неужели вы этого не понимаете?... Развѣ я продавалась вамъ, что вы такъ мстите мнѣ? За что? Позвольте мнѣ лучше удалиться... Я не въ силахъ больше... Боже мой!..

Слышались въ голосѣ слезы. Она поднялась съ намѣреніемъ уйти.

Но онъ уже крѣпко взялъ ее подъ руку и не отпускалъ.

— Да, вы именно та, какою я полюбилъ васъ съ первой же встрѣчи. Сейчасъ я былъ сумасшедшимъ и готовъ былъ сдѣлать нелѣпость. Извините!.. Вы сбросили съ себя всю эту прилипшую къ вамъ накипь и явились опять предо мной свѣтлой и ясной... Простите... Я такъ полюбилъ васъ... Завтра, послѣзавтра, на этихъ же дняхъ долой изъ Петрограда... зараженнаго, продажнаго, съ дикими звѣриными инстинктами... И вы со мной поѣдете,— вы, дорогая, милая, но поѣдете, какъ другъ, какъ невѣста...

— Скорѣй, скорѣй отсюда! Я боюсь оставаться здѣсь... Меня еще убьютъ, если узнаютъ,—почти съ ужасомъ говорила она, и впервые за ихъ знакомство она потянулась къ нему и поцѣловала

— Мужъ мой... хорошій мой... честный... Съ тобой и я стану другой... Сколько лѣтъ меня старались толкать въ грязь, а ты пришелъ и поднялъ меня, окрылилъ... милый...

И въ тускломъ кабинетѣ съ затасканной мебелью, съ пыльной драпировкой, съ зеркаломъ въ золоченой рамѣ, исчерченными пошлыми надписями и уменьшительными именами, — пронеслось вдругъ вѣянье чего-то искренняго, неподдѣльнаго, вспыхнуваго яркимъ огнемъ настоящей любви, которая, какъ сказочный волшебникъ, творитъ чудеса: простыя хижины превращаетъ въ замки-возвращаетъ молодость, оживляетъ цвѣты и, главное, даетъ мечтамъ радость и поэзію сладкихъ мгновений.

Въ этотъ часъ трудно было найти людей болѣе счастливыхъ, чѣмъ Теремовъ и баронесса.

Они толковали о будущемъ устройствѣ жизни и даже старались не вспоминать о минувшихъ недоразумѣнiяхъ и разочарованiяхъ.

Образъ Луи былъ далекъ отъ нихъ.

Далеки были и его «устроительные» планы.

Одно только восклицанье передъ уходомъ изъ ресторана: «Ахъ, Петроградъ, Петроградъ!», произнесенное Теремовымъ, говорило, что тамъ, въ глубинѣ его души, еще что-то есть смущающее и тревожное, какая-то муть...

VII.

Прошло около недѣли.

Исчезновенiе баронессы и отъѣздъ Теримова, больше ни разу не заглянувшего къ Луи, несмотря на то, что былъ даже назначенъ день дѣловаго свиданiя вызвали невольныя опасенiя, что выгодная сдѣлка разстроилась. Но почему?..

«Магъ и волшебникъ», Яковъ Моисеевичъ, всегда все умѣвшiй сообразить, на этотъ разъ ровно ничего не понималъ и не могъ добиться отъ другихъ хоть сколько-нибудь сноснаго объясненiя, а такъ какъ Мѣщанскiй тоже что-то не попадался ему на глаза, онъ рѣшилъ поѣхать къ нему самъ.

Свои рѣшенiя онъ обыкновенно постановлялъ внезапно и съ меньшей стремительностью приводилъ ихъ въ исполненiе.

Былъ раннiй часъ, и Мѣщанскiй еще не уходилъ изъ дому.

Находилась дома и жена его, Любовь Ивановна.

Луи отстранилъ прислугу и, не снимая мѣхового пальто изъ котика, влетѣлъ безъ предупрежденiя и уже изъ сосѣдней комнаты кричалъ хриплымъ, гортаннымъ голосомъ, отъ послѣднiости комкая слова:

— Здравствуйте, почтеннѣйшiй. А гдѣ же супруга? Видѣть нельзя? А у насъ исторiя и весьма своеобразная, чтобы не сказать мерзкая... И такъ быстро послѣ нашего общаго собранiя, гдѣ мы по-дружески бесѣдовали! Ой-ой!.. Эта распутница Ибри, которую можно купить за четвертной билетъ, сбѣжала съ Теремовымъ, виселоухимъ деревенщиной... Насплетничала, получила кушъ за сплетни, и наше дѣло рухнуло въ пропасть. Ухнулъ не одинъ миллиончикъ. Вотъ какъ иногда умные люди, въ родѣ меня, попадаютъ впросакъ! Непобѣдимый Юлiй Цезарь на этотъ разъ не побѣжденъ бездарнымъ Помпеемъ, а лишь слегка надломленъ... Меня еще ждетъ рѣшительная битва при Фарсалѣ! Жребiй брошенъ!..

Онъ шутилъ, но и въ шуткѣ чувствовалась досада и растерянность, граничащая съ полнымъ разочарованiемъ.

Мѣщанскiй пожалъ плечами.

— Всяко бываетъ на бѣломъ свѣтѣ. На каждое чиханье не на- здравствуешься. Вы приказывали, чтобы баронесса любому встрѣч- ному-поперечному разжигала кровь и плоть, что, молъ, для дѣла важно, ну, вотъ и разожгла; наконецъ, по-настоящему... а дѣла- то и уплыло... Я тутъ—сторона... Знакомить—познакомилъ, а Ларисочка бобы разводила и меню придумывала. Теремовъ—че- ловѣкъ своеобразный, утромъ—Аристипъ, вечеромъ—Диогенъ, не укусишь. Философъ за простецомъ спрятанъ... Отсюда и вся при- чина, такъ-то...

Вошла Любовь Ивановна, свѣжая, сіяющая, но все же съ лег- кой грустью въ глазахъ и удивленно поглядѣла на мѣховое пальто Луи.

— А, какъ я радъ встрѣчѣ! Давно не видались. Здоровы? Съ мужемъ не въ ссорѣ?.. Онъ—отличный малый, но холостякъ по натурѣ. И что вамъ была за охота выбирать его въ спутники жизни? Онъ даже Теремова упустилъ, этотъ золотой мѣшокъ нашего времени!

Она не знала, что отвѣчать на такой залпъ краснорѣчивыхъ репликъ житейскаго актера, какимъ былъ Яковъ Моисеевичъ и въ дѣлѣ, и въ свѣтѣ.

— Отчего вы не раздѣлись? Простудитесь... Или вы отсюда прямо на поѣздъ?

Свѣтскость брала иногда верхъ надъ безцеремонностью, вошед- шею въ привычку, и въ отрывистой, холодной фразѣ онъ тотчасъ же почувствовалъ допущенную имъ неловкость.

— Ахъ, pardon! Я такъ взволнованъ, такъ нервенъ, что за- былъ раздѣться. Это онъ, злодѣй, виноватъ, что не напомнилъ мнѣ снять пальто. Вѣдь, я не въ Парижѣ!

Небрежно сбросивъ его и положивъ тутъ же на кресло, Луи снова весь ушелъ въ интересы дѣла.

Однако разсужденія не давали никакихъ надеждъ, и Мѣщан- скій, изумленный, что Яковъ Моисеевичъ такъ потрясенъ отъ- ѣздомъ Теремова, подумалъ про себя:

«Эге, значить, рыбка, дѣйствительно, была крупная! Жаль, коли такъ! А Лариска умна, бестія. Но зачѣмъ же онъ ко мнѣ явился?.. Не проста!..»

Затѣмъ комически развелъ руками и сказалъ, обращаясь къ Луи:

— Остается только воскликнуть, подражая Кречинскому: «Со- рвалось!..»

Луи все еще сидѣлъ, не спуская глазъ съ Любови Ива- новны, и какая-то тайная мысль, которую онъ пока не рѣшался вы- сказать, повидимому, не давала ему покоя.

— Вотъ у насъ и нѣтъ теперь сотрудницы на важное амплуа... какъ, бишь, его назвать? Среднее между *ingénue dramatique* и

grande dame... На сценѣ такихъ ролей нѣтъ, а у насъ есть и въ большомъ спросѣ. Баронесса была прекрасной артисткой европейскаго театра «Юлій Цезарь и К^о»... Вы не улыбайтесь: это звучитъ гордо! Я умышленно сказала «Юлій Цезарь», вмѣсто «Яковъ Луи»: это почти то же самое... Вы схватили мою мысль? Такъ-то, милая дамочка! Гм... гм... у меня блеснула гениальная идея, кѣмъ замѣнить баронессу. Я не рѣшаюсь высказать... хотя, вѣдь, *le diable n'est pas si noir qu'on le peint...*

По обыкновенію перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто, вскрикивалъ и принималъ позы.

Посмотрѣвъ на часы, вскочилъ, какъ ужаленный.

— Я заболтался, а у меня столько дѣловыхъ свиданій!.. Любовь... ахъ, я всегда забываю, какъ по отчеству!

— Ивановна,—съ улыбкой подсказала Мѣщанская.

— Любовь Ивановна, такъ вы согласны?..

— Я не понимаю васъ. Вы ничего мнѣ не предлагали...

— А я думалъ, что предложилъ!.. Скажите!.. Впрочемъ, иногда читаешь между строкъ. Если не поняли, значить, не согласны, это какъ дважды-два... Моя система: лучше быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ вторымъ въ городѣ. Ну, пускай мужъ вамъ объяснить, а пока дайте ручку поцѣловать.

Мѣщанскій былъ очень смущенъ, когда Луи уѣхалъ и жена обратилась къ нему за разъясненіемъ.

— Бываютъ минуты, когда хочется заткнуть ему грязной тряпкой противное жерло, именуемое ртомъ...

— Да ты говори безъ отсебятины, въ чемъ дѣло?—стала она сердиться, и щеки алѣли отъ волненія.

— Помилуй Богъ, при чемъ я тутъ?.. Я лишь внимательно слушалъ и диву давался. По всей видимости, задумалъ онъ тебѣ доставить вакансію послѣ баронессы Ибри.

— На роль завлекательницы, которая, по его понятію, есть нѣчто среднее между *ingénue* и *grande dame*? Разодолжилъ! Ты пожалуйста, поблагодари импрессаріо за честь и скажи, что я недостойна принять на себя такія отвѣтственные порученія. Ха-ха-ха, вотъ дожила-таки... удостоилась... Ха-ха-ха! — не могла удержаться отъ смѣха и долго хохотала до слезъ.

Мѣщанскій боялся, что этотъ смѣхъ перейдетъ въ истерику, и поспѣшилъ ее успокоить.

— Выслушай, Любаша, ради Создателя, выслушай... Луи былъ далекъ отъ желанія оскорбить тебя. Напротивъ! Онъ мечталъ огорошить тебя сюрпризомъ. Я непременно разъясню ему всю неумѣстность предложенія... Смотри на вещи болѣе просто... Помилуй Богъ, до чего можно дойти!.. Да развѣ я допустилъ бы, чтобы моя дорогая Любаша замѣстила какую-нибудь Ибри, какую-то авантюристку! Луи растерялся, больше ничего... и обижаться

на него не стоитъ. Вѣдь, онъ и самъ не посмѣлъ прямо высказать свое намѣреніе. При случаѣ можетъ сейчасъ же отказаться, скажетъ, что ничего подобнаго не предлагалъ и что мы не такъ поняли... Насъ же и обвинить! Я лучше буду молчать, пока онъ не спроситъ, а ужъ тогда поднесу ему лѣшаго въ ступѣ,—пускай наслаждается...

Противорѣчилъ себѣ въ каждой фразѣ, но искренно думалъ, что успокоилъ жену.

И послѣ этого разговора въ квартирѣ Мѣщанскихъ снова водворилась та жуткая тишина, которая зачастую наступала и длилась иногда дѣльми часами и днями...

Каждый чувствовалъ, что темы исчерпаны и говорить больше не нужно, иначе вспыхнетъ ссора.

Въ такое время переписка съ Сѣдлецкимъ для Любови Ивановны была единственнымъ цѣлебнымъ средствомъ, уничтожавшимъ скуку хотя на нѣкоторый срокъ.

Теперь некому было писать. Гдѣ друзья?

Оставалось переживать то, о чемъ собственно не хотѣлось и вспоминать. Мысли осаждали самыя неприятныя.

«Развѣ можно винить этого пошляка Луи! Онъ—сынъ случая, поглощенъ наживой и все измѣряетъ на аршинъ торгаша. Съ его точки зрѣнія, онъ сдѣлалъ мнѣ необыкновенно лестное предложеніе и, вѣроятно, пораженъ, что я не рассыпалась въ благодарностяхъ. Вотъ что значитъ быть женой *устроителя дѣлъ!* Большому кораблю—большое и плаваніе... Нѣтъ, я, кажется, не выдержу! И сама освобожусь, и ему дамъ свободу. Мы оба черезчуръ различныхъ понятій... Новый день приноситъ и новыя разочарованія. Пора же когда-нибудь стряхнуть съ себя эту пошлость! Неужели нѣтъ у женщины ничего иного, кромѣ позорнаго клейма—непремѣнно состоять при мужѣ или при любовникѣ!.. Сегодня и уйти, не откладывая, пока не раздумала... Если не сейчасъ, то и никогда... Женщина слаба...»

Когда Харитонъ Яковлевичъ, по обыкновенію, ушелъ по своимъ «служебнымъ обязанностямъ», Любовь Ивановна сложила самое необходимое, взяла свои денежныя сбереженія, паспортъ (у нея всегда былъ отдѣльный видъ на жительство) и уѣхала, оставивъ краткую записку на имя мужа:

«Не сердись, милый другъ, обдумай хорошенько, почему я уѣхала, и примиришь. Мнѣ ничего отъ тебя не надо. Я сама постараюсь заработать себѣ кусокъ хлѣба. Не будемъ ссориться, а просто разойдемся по-хорошему. Ты отлично понимаешь, что я никогда не сочувствовала твоимъ жизненнымъ идеаламъ и твоему способу осуществлять эти идеалы. Вотъ и *вся* причина, иной нѣтъ. Ты скажешь, что это—мелко, а я скажу, что это—такъ глубоко, что можно утонуть, и въ этомъ—драма нашей жизни. Говорю до

свиданья, а не *прощай*... Вѣдь, мы же не враги и, навѣрно, будемъ видѣться. Твоя Любаша.

«P. S. Въ каждомъ письмѣ непременно бываетъ приписка. Есть она и въ моемъ и, пожалуй, больше самаго письма. Ты удивишься, что я оставила многія свои вещи. Дѣлай съ ними, что хочешь. Къ разнымъ вещамъ я тоже начала ощущать какое-то отвратное чувство. Онѣ съѣдаютъ часть нашей жизни, нашей души. Ты пораженъ? Сколько я философствую—ужасъ! Прочти лучше стихи Мирры Лохвицкой—«Вещи». Они теперь—самые мои любимые. Вотъ они. Ты, конечно, будешь ихъ цитировать въ подходящую минуту:

Дневной кошмаръ неистощимой скуки,
 Что каждый день съѣдаетъ жизнь мою,
 Что давить умъ и утомляеть руки,
 Что я напрасно жгу и раздаю...
 О вы, картонки, перья, нитки, папки,
 Обрывки кружевъ, ленты, лоскутки,
 Крючки, флаконы, пряжки, бусы, тряпки.
 Дневной кошмаръ унынья и тоски!
 Откуда вы? Къ чему вы? Для чего вы?
 Придетъ ли тотъ невѣдомый герой,
 Кто не посмотреть,—стары вы иль новы.
 А выбросить весь этотъ хламъ долотъ!»

VIII.

По городу стали ходить съ прикрасами смутные слухи о томъ, какъ извѣстный петроградскій дѣлецъ (фамилин не называли) хотѣлъ надуть желѣзнодорожника, пріѣхавшаго изъ провинціи. Попутно стали выплывать и другія исторіи, напримѣръ, какъ легковѣрные кліенты уплачиваютъ нерѣдко авансы, подчасъ изъ послѣднихъ средствъ, за хлопоты по полученію ими разныхъ мѣстъ въ казенныхъ установленіяхъ и что большею частью ничего изъ этого не бываетъ, кромѣ разочарованій и потери денегъ.

Даже въ одной изъ газетъ въ отдѣлѣ хроники появилась прозрачная замѣтка, въ которой описывалось, какъ нѣкій проситель былъ принятъ въ роскошномъ кабинетѣ какимъ-то вымогателемъ, и тотъ, получивъ изрядный кушъ, разумѣется, и забылъ о немъ, такъ что въ настоящее время повѣренный этого просителя подастъ жалобу подлежащимъ властямъ, указывая, что въ столицѣ уже нѣсколько лѣтъ орудуешь хорошо сплоченная шайка грабителей (съ извѣстными именами) и что Петрограду угрожаетъ большая опасность, если эти «интеллигентные бандиты» не попадутъ на скамью подсудимыхъ.

Замѣтка оканчивалась пикантной фразой: «Скиньте съ нихъ маски и вы, быть можетъ, узнаете знакомыхъ, съ которыми встрѣчаетесь въ свѣтскихъ гостинныхъ, считая ихъ порядочными людьми».

Луи рвалъ и металлъ, собиралъ у себя закрытыя засѣданія «устроителей», допытывался, кто проболтался и продалъ его, грозилъ неосуществимыми карами кого-то куда-то запрятать и, въ концѣ концовъ, придумалъ красивый жестъ: открылъ ремесленную школу для дѣтей раненыхъ воиновъ и, кромѣ того, пожертвовалъ двадцать пять тысячъ рублей «обществу любителей эпическихъ произведеній».

Кто-то острилъ по этому поводу:

— Ремесла, эпическія произведенія и устроительство,—вѣдь, это диковинный символическій букетъ! Луи положительно импрессионистъ. Не даромъ онъ собираетъ у себя художниковъ...

Одновременно съ этимъ неутомимый дѣлецъ, чтобы очевиднѣй показать свое полнѣйшее равнодушіе къ ходившимъ слухамъ, урывалъ время позировать въ мастерской моднаго портретиста для предстоящей картинной выставки въ тогѣ Юлія Цезаря и съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ и подъ сурдинку осторожно скупалъ за безцѣнокъ пай какого-то пошатнувшагося коммерческаго предприятия. По наружному виду оставался такимъ же веселымъ и жизнерадостнымъ, и слухи начинали выдыхаться. Имъ уже не вѣрили въ обществѣ, такъ какъ выяснилось, что никто жалобы прокурору, о которой писали, никогда не подавалъ и никто ни съ кого масокъ до сихъ поръ не срывалъ.

Все теперь относили къ разряду газетныхъ утокъ и людской зависти, не щадящей тѣхъ, кому везетъ въ жизни.

«Я ловко пережилъ мѣртовскія иды и никакой Брутъ не зарѣзалъ меня»,—мысленно шутилъ про себя улыбающійся Луи.

На радостяхъ быть, наконецъ, имъ устроенъ давно обѣщанный любительскій спектакль съ благотворительной цѣлью, открывшійся специально написанной по его заказу извѣстнымъ литераторомъ за крупный гонораръ комической сценкой, въ которой выступали всего два дѣйствующихъ лица: самъ Луи и его секретарь по особымъ порученіямъ—Черемховскій. Первый изображалъ банкира, второй—жертву неудачнаго увлеченія онкольными операціями.

Они забавно ссорились, и, естественно, тотъ, кто вспоминалъ ихъ столкновеніе на «вечерѣ союзныхъ державъ», могъ теперь вообразить, что, пожалуй, *тогда* была дѣйствительно репетиція будущаго спектакля,—своеобразный трюкъ, придуманный гостепріимнымъ хозяиномъ для развлеченія публики, наравнѣ съ живыми виноградными лозами и прочими богатыми затѣями всемогущаго Луи.

Но большинство все же утверждало, что въ настоящее время сеора—поддѣльная, безъ искренности и подъема, точно блѣдная копія яркаго оригинала.

Мѣщанскій, замѣтно осунувшійся послѣ ухода жены, все еще старался имѣть молодцоватый видъ и пытался шутить, зная, что его никто не подслушиваетъ:

— Яковъ Масенчъ, помилуй Богъ, какая гениальная натура, Я имъ положительно восторгаюсь безъ мѣры. Онъ во всемъ слѣдуетъ мудрому завѣту Реми-де-Гурмона: «все прѣсно или плоско, кромѣ прониі или поэзіи». Тогда, на вечерѣ, была непосредственная поэзія, а нынче, грѣшнымъ дѣломъ,—пронія надъ благодушными зрителями—простецами, у которыхъ, выражаясь аллегорически, il n'y a pas de quoi fouetter un chat.

— Вы—порядочно злой, Харитонъ Яковлевичъ,—отвѣчала балетная артистка, обидѣвшаяся, потому что тоже принадлежала къ зрителямъ, и, желая уколоть его, съ своей стороны, прибавила невиннымъ тономъ:—а какъ вы себя чувствуете послѣ... послѣ... вашего семейнаго недоразумѣнія?..

Онъ вспыхнулъ, но сдержался и, дѣлая изысканный поклонъ, сказали, притворяясь скорѣй удивленнымъ, чѣмъ оскорбленнымъ этимъ безтактнымъ вопросомъ:

— «Мужья старѣютъ, но не исправляются». Читали «Вѣрь» Оскара Уайльда? Это оттуда,—и, не прибавивъ ни слова, повернулся на каблучкахъ и отошелъ прочь.

«А, задѣло и тебя, голубчикъ! Ничего, пострадай! Полезно...»

На спектакль, какъ и на «вечеръ союзныхъ державъ», былъ тотъ же Невскій проспектъ,—проспектъ дѣльцовъ, фланеровъ, искаателей приключеній, сомнительныхъ и настоящихъ богачей, раззолоченной богемы.

Еще почти наканунѣ нонося Луи, какъ явнаго мошенника, они, эти люди Невского проспекта, сегодня уже опять преклонялись передъ нимъ, когда онъ, по обыкновенію, влетѣлъ въ зрительную залу, расточали ему любезности, а въ душѣ по-прежнему бранили и насмѣхались надъ нимъ и надъ Полиной, страдавшей страстью къ аристократизму.

По угламъ къ концу вечера втихомолку передавали другъ другу новость, что извѣстная всему «дѣловому» Петрограду Лариса Кирилловна скоропостижно гдѣ-то скончалась въ провинціи, и сейчасъ же кто-то пустилъ молву:

— Скоропостижно... гм... Это еще не доказано... Говорять нужно было устранить нежелательное лицо...

— Но, вѣдь, это ужасно! Среди бѣла дня... Что же прокуроръ смотритъ?

Распускаяшій молву загадочно усмѣхался, пожималъ плечами и переходилъ къ слѣдующимъ съ тѣми же отрывистыми разсказами и намеками.

Нависала новая туча надъ фирмой «Юлій Цезарь и К^о», но туча эта разошлась въ видѣ мимолетнаго облака.

Якову Монсеевичу донесли быстро о распущенной сплетнѣ, и въ его находчивой головѣ тотчасъ же сложился планъ защиты.

За ужиномъ (онъ хорошо зналъ, что гости, несмотря на всю

тепльн блатороднаго пегодованія, ни подь какиѣмь предлогодь не разьѣдутся до угощенія), Луи приказаль подать шампанскаго, и, взявъ бокаль, ветаь и отвѣтилъ свнходительной усмѣшкой на изумленные взгляды приглашенныхъ.

Воцарилась внезапно такая мертвая тишина, что малѣйшій ничтожный звукъ уже ударяль неприятно по нервамъ.

Яковъ Монсеевичъ выждалъ еще нѣскольго минутъ, показавшихся цѣлой вѣчностью, и вотъ заговориль.

Еще никогда не слушали его съ большимъ любопытствомъ. Даже Мѣщанскій былъ пораженъ и заинтересованъ.

— Господа, я-таки позволю себѣ провозгласить тостъ за здоровье новобрачныхъ, еще такъ недавно украшавшихъ своимъ присутствіемъ нашъ скромный «вечеръ союзныхъ державъ»...

Снова длительная, томящая пауза и загадочная улыбка оратора, съ явнымъ вызовомъ обращенная къ публикѣ.

— Кто?.. Кто?.. Кто поженился?..—раздаются кругомъ сдержанные возгласы.

Луи насладится выраженіемъ лицъ и продолжаетъ:

— Утромъ получено мною извѣстіе съ юга, что... Ахъ, мой салонъ положительно приноситъ людямъ счастье!.. Но что же я молчу! За здоровье моихъ друзей—новобрачныхъ... Виновать, я вновь, по обыкновенію, забыть ихъ имена... За здоровье господина Термова, извѣстнаго желѣзнодорожнаго туза, и его молодой, красивой избранницы, баронессы Ибри! *Hip-hip, ура!*

Получилось необыкновенное впечатлѣніе отъ этой рѣчи.

— А кто же сказалъ, что баронесса умерла?—спрашивали въ разныхъ концахъ громаднхъ узкихъ столовъ, разставленныхъ замысловатыми фигурами.

— Вѣчно обманъ! Ищите сплетника... Такъ и найдете! Его и слѣдъ простыль.

Мѣщанскій улыбался съ довольнымъ видомъ и думаль:

«Поразительно находчивъ! Геніальная голова!.. Совѣмъ какъ Юлій Цезарь, такой-же дипломатъ...»

Потомъ ветаь и крикнуль:

— Предлагаю выпить за талантливаго дѣятеля и благотворителя, Якова Монсеевича, и его супругу.

Повеселѣвшая «Перлз» сіяла и, наклонивъ къ своей постоянной собесѣдкѣ, напѣвала ей на ухо:

— Мой мужъ—такая умная голова, такая умная!.. И знаете, *ma chère comtesse*, мы до сихъ поръ нѣжны, какъ... въ медовый мѣсяць.

Правда и ложь такъ переплелись и перемѣшались, что уже никто не могъ разобрать, гдѣ та, гдѣ другая, кто умеръ, кто женился.

В. Умановъ-Каплуновскій.

ДИПЛОМАТИЧЕСКІЕ ПЕРЕГОВОРЫ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРЕДПОЛАГАВШАГОСЯ БРАКА ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ОЛЬГИ НИКОЛАЕВНЫ СЪ АВСТРІЙСКИМЪ ЭРЦГЕРЦОГОМЪ СТЕФАНОМЪ (1835—1845 ГГ.).

О ОКОНЧАНИИ калишскихъ маневровъ ¹⁾, 24-го сентября 1835 года, императоръ Николай Павловичъ, въ сопровожденіи своего неизмѣннаго спутника, графа Александра Христофоровича Бенкендорфа выѣхалъ въ Теплицъ для свиданія съ императоромъ австрійскимъ Фердинандомъ I, куда и прибылъ 26-го, въ 5 часовъ дня, на два часа раньше, чѣмъ его ожидали, ввиду чего императоръ Фердинандъ едва успѣлъ выѣхать встрѣтить своего высокаго гостя.

Императрица Александра Ѳеодоровна, здоровье которой уже было весьма расшатано, утомленная праздствами въ Калишѣ, совершила переѣздъ не такъ быстро и прибыла 26-го же, въ 8 часовъ вечера, съ великой княжною Ольгою Николаевною и свитою. Императоръ

Николай Павловичъ выѣхалъ ей навстрѣчу, и во дворцѣ князя Клари, роскошно иллюминированномъ, состоялась первая встрѣча.

Императрица Александра Ѳеодоровна была поражена внѣшнимъ видомъ монарха могущественной Австрійской имперіи и тотчасъ занесла въ свой дневникъ слѣдующія строки:

¹⁾ Маневры въ Калишѣ продолжались около 12 дней, съ 30-го августа по 10-е сентября, въ присутствіи короля прусскаго Вильгельма III, а также представителей всѣхъ коронованныхъ особъ Европы. Маневрировали войска прусскія и русскія, въ количествѣ 50.000 человекъ. Цѣль маневровъ—единеніе войскъ не была достигнута, и среди прусскаго офицерства чувствовалось враждебное и презрительное отношеніе къ представителямъ русскихъ войскъ.

«Новый австрійскій императоръ такъ жалокъ тѣломъ и духомъ, что его можно считать куклою, сидящею на тронѣ, настоящими же правителями являются князь Меттернихъ ¹⁾, графъ Коловратъ ²⁾ и графъ Кламъ-Галацъ ³⁾». А графъ Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ такъ характеризуетъ внутреннее положеніе Австрійской монархіи и создавшійся строй управленія: «Все благоговѣло передъ трономъ, почти праздною, все соединилось вокругъ власти, представлявшей одинъ призракъ монарха. Всѣ управленія и начальства слѣдовали по пути, указанному Францемъ, котораго боготворимая память, какъ благотворная тѣнь, витала надъ ихъ рѣшеніями и дѣйствіями. Князь Меттернихъ продолжалъ всѣмъ руководить, раздѣляя заботы правленія съ графомъ Коловратомъ, болѣе занимавшимся финансовою частью, и съ графомъ Кламомъ, завѣдывавшимъ военными дѣлами. Этотъ тріумвиратъ сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ истинную императорскую власть; всѣ про него знали и всѣ одинаково скрывали это отъ самихъ себя, дѣлая видъ, что повинуются только волѣ императора ⁴⁾».

Императора Николая Павловича, какъ представителя самодержавія, не особенно удовлетворяло положеніе его союзника и та выдающаяся роль, которую игралъ во всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ Австрійской имперіи князь Меттернихъ.

Государь недолюбливалъ канцлера за его двуличіе, называя его то *l'ami Metternich*, то врагомъ-супостатомъ, но революціонное движеніе, охватившее всю Европу въ 1830 году и перекинувшееся въ Польшу, вынудило государя, для спасенія принципа законности, сблизиться съ австрійскимъ монархомъ ⁵⁾.

Свиданіе въ Теплицѣ еще болѣе закрѣпило связь между тремя монархіями и вылилось въ формѣ соглашенія по текущимъ политическимъ дѣламъ. Слѣдуя принципамъ Священнаго Союза, монархи въ основу своей дѣятельности поставили борьбу съ революціонными началами.

Значеніе этого политическаго свиданія усугублялось тѣмъ, что государь Николай Павловичъ долженъ былъ присутствовать на освященіи памятника на мѣстѣ Кульмскаго боя въ честь русской гвардіи, участіе которой рѣшило исходъ сраженія, имѣвшаго,

---

1) Клементій Меттернихъ, князь и министръ иностранныхъ дѣлъ, впоследствии канцлеръ Австрійской имперіи (1773—1859).

2) Францъ Коловратъ, графъ (1778—1861).

3) Кламъ-Галлацъ (Clam-Gallas) Эдуардъ, австрійскій генералъ.

4) Шильдеръ. «Николай I», томъ II. Записки графа Бенкендорфа, стр. 711.

5) Такъ, позднѣе, въ 1839 году, Николай Павловичъ писалъ графу Орлову: «Вы прекрасно объяснились съ врагомъ-супостатомъ, это произвело впечатлѣніе, но оно несправимъ. Вамъ давно извѣстно мое мнѣніе о немъ, а онъ не предпринялъ ничего чтобы измѣнить это мнѣніе, а напротивъ». (Письмо къ графу Орлову 3 (15)-го марта 1839 года. Шиманъ: «Николай I, томъ III», стр. 491.)

какъ извѣстно, громадное значеніе на весь исходъ кампаніи 1813 года. Кромѣ особъ русской и австрійской императорскихъ фамилій, въ Теплицъ пріѣхали король прусскій съ сыновьями, герцогъ нассаускій, принцъ Фридрихъ нидерландскій съ супругою, великій князь Михайль Павловичъ съ супругою и прочіе.

Вечеромъ того же 26-го сентября состоялся парадный ужинъ на 34 куверта.

Императрица Александра Ѳеодоровна, увидѣвъ князя Меттерниха, подошла къ нему и сказала:

«Je suppose que Vous êtes le prince de Metternich; vous me trouverez bien changée?»—«Changée, non,—отвѣтилъ находчивый дипломатъ:—mais extrêmement grandie».—«Elle avait sept ans quand je l'ai vu la dernière fois—писалъ онъ женѣ.—Elle n'a que des restes non de beauté, la taille exceptée, mais dégrément et de prestance. Je l'a trouve bien plus avancée en âge, que je ne l'avais cru; elle conserve cependant ce que garde les figures agréables, certains moments, certains poses, on l'observateur reconnaît le type effacé»¹⁾.

Въ томъ же письмѣ канцлеръ сообщаетъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него наружностью Ольги Николаевны: «La grande duchesse Olga est une charmante petite créature. Elle a treize ans et n'a pas l'air d'en avoir davantage; elle ressemble à son père comme la charmante miniature d'une belle chose. C'est l'Empereur Nicolas vu par une lorgnette retournée; ce sont tous ses traits changés en traits plus délicats. Elle est avec cela parfaitement bien élevée, simple, naturelle et polie. Tout père serait heureux d'avoir une fille comme elle, et je l'ai dit à L'Empereur et à L'Impératrice»²⁾.

Императрица Александра Ѳеодоровна очаровала всѣхъ своею необычайною простотою и привѣтливостью.

«L'Impératrice est tout à fait naturelle et fort aimable»³⁾.

15 (27)-го сентября за обѣдомъ Меттернихъ, который садился обыкновенно противъ государя, сообщилъ женѣ, что ему вмѣстѣ

¹⁾ «Я полагаю, что вы князь Меттернихъ; вы найдете меня очень измѣнившейся».— «Не измѣнившейся,—отвѣтилъ находчивый дипломатъ,—но чрезвычайно выросшей». «Ей было семь лѣтъ, когда я ее видѣлъ послѣдній разъ,—писалъ онъ женѣ.—У нея остатки не красоты, за исключеніемъ талии, но очарованія и представительности. Я нахожу, на видъ она старше своихъ лѣтъ, тѣмъ не менѣе она сохраняетъ то, что составляетъ удѣлъ пріятныхъ личностей, нѣкоторые моменты и позы, которые даютъ возможность наблюдателю судить о поблкънемъ типѣ. Меттернихъ, «Мемуары», томъ V, стр. 74.

²⁾ Великая княжна Ольга—очаровательное маленькое существо. Ей 13 лѣтъ и на видъ ей не болѣе. Она похожа на своего отца, какъ очаровательная миниатюра красивой вещи. Это императоръ Николай, видимый съ другого конца увеличительнаго стекла. всѣ его черты, но болѣе нѣжныя. Вдобавокъ, превосходно воспитанная, проста, естественна и вѣжлива. Всякій отецъ былъ бы счастливъ имѣть такую дочь, и я это высказалъ императору и императрицѣ. Тамъ же, стр. 75.

³⁾ Меттернихъ, томъ VI, стр. 77.

съ княземъ Павломъ Эстергази удалось своимъ разговоромъ разсѣять императрицу Александру Феодоровну.

Въ разговорѣ, между прочимъ, государыня сообщила своимъ собесѣдникамъ исторію походовъ англичанъ въ Калишъ. «Parthi

Великая княжна Ольга Николаевна.

les bonnes histoires de temps qu'elle m'a racontées je dois citer celle d'une douzaine d'Anglais, qui avec une autre douzaine ont assise au camps de Kalich et de Liegnitz, qui tous les jours ont diné et soupé avec les maîtres du logis, et qui jamais n'ont pensé à se faire présenter à eux. On les a laissés aller leur chemin de sorte que

«Истор. вѣстн.», апрѣль 1917 г., т. СХLVIII.

6 .

ces braves gens iront faire le tour de l'Europe, prenant toutes les Cours par de bons hôtels garnis» ¹⁾).

17 (29)-го сентября при блестящей погодѣ состоялось торжественное освященіе памятника на полѣ Кульмскаго сраженія въ присутствіи коронованныхъ особъ. Церемонія эта была настолько трогательна по своимъ воспоминаніямъ, что всѣ присутствовавшіе, не исключая стоявшихъ у памятника четырехъ русскихъ гренадеровъ, участниковъ боя, плакали. Въ особенности былъ растроганъ прусскій король—одинъ изъ оставшихся въ живыхъ монарховъ, принимавшихъ участіе въ этомъ бою.

По этому случаю Николай Павловичъ пожаловалъ графу Остерману и А. П. Ермолову андреевскія ленты. Послѣ этой церемоніи состоялась поѣздка въ Прагу, гдѣ четырехдневныя празднества закончились блестящимъ баломъ, на которомъ присутствовала и Ольга Николаевна, съ успѣхомъ впервые дебютировавшая въ свѣтѣ.

«Наша 13-лѣтняя великая княжна Ольга Николаевна, впервые лившаяся при этомъ случаѣ въ публикѣ, сіяла красотою и граціею. Достойною спутницею ея на балѣ была прелестная и живая дочь эрцгерцога Карла, вступившая впослѣдствіи въ супружество съ королемъ неаполитанскимъ» ²⁾).

Хотя великой княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ минуло лишь 13 лѣтъ, но ея присутствіе и знаки вниманія, которые оказывалъ Николай Павловичъ всѣмъ членамъ австрійской императорской фамилии, его поѣздка въ Вѣну для визита къ вдовствующей императрицѣ Каролинѣ-Августѣ, урожденной принцессѣ баварской, давали основаніе предполагать о возможномъ заключеніи брака между великою княжною Ольгою Николаевною и однимъ изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ. И, дѣйствительно, въ дипломатическихъ кругахъ, наиболѣе освѣдомленныхъ, такая возможность не исключалась.

Официальные переговоры о предполагаемомъ брачномъ союзѣ велись съ 1839 по 1845 г.г. нашимъ посланникомъ въ Вѣнѣ Д. П. Татищевымъ ³⁾, а затѣмъ его преемникомъ графомъ Павломъ Медемомъ ⁴⁾. Съ спеціальною миссіею по этому же дѣлу былъ посланъ

¹⁾ «Въ числѣ разсказовъ я долженъ привести исторію похощеній 12 англичанъ которые вмѣстѣ съ другою дюжиною присутствовали во время маневровъ въ Калишѣ и Лигницѣ, которые каждый день обѣдали и ужинали съ хозяевами, ни разу не подумавъ представиться. Имъ дали полную свободу, и, такимъ образомъ, эти почтенные люди, путешествуя по Европѣ, будутъ принимать всѣ дворы за прекрасныя гостиницы». (Тамъ же, стр. 75).

²⁾ Шильдеръ. «Николай I», томъ II. Записки графа Бенкендорфа, стр. 715.

³⁾ Татищевъ, Дмитрій Павловичъ (1767—1845), тайный совѣтникъ, оберъ-камергеръ, посланникъ нашъ въ Вѣнѣ съ 1823 по 1841 г.г.

⁴⁾ Медемъ, Павелъ Ивановичъ, графъ, тайный совѣтникъ, посланникъ нашъ въ Вѣнѣ съ 1841 года.

графъ А. О. Орловъ въ 1845 году¹⁾). Не менѣе дѣятельное участіе принимала семья бывшего до 1839 года австрійскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ графа Карла Фикельмонта²⁾ («un des hommes qui connaît le mieux la Russie»³⁾). Николай Павловичъ чрезвычайно благоволилъ къ нему и поручилъ ему вести неофіціальныя переговоры. Графъ Карлъ Фикельмонтъ былъ женатъ на Даріи (Долли) Тизенгаузенъ⁴⁾, дочери извѣстной въ петербургскомъ обществѣ Елизаветы Хитрово (рожденной Голенищевой-Кутузовой), по первому браку Тизенгаузенъ. Графиня Фикельмонтъ была назначена состоять при императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ во все время пребыванія ея въ Австріи. Сестра же ея, Екатерина Ѳеодоровна Тизенгаузенъ⁵⁾, любимая фрейлина императрицы Александры Ѳеодоровны, путемъ переписки съ сестрою и затемъ получала изъ Вѣны свѣдѣнія о настроеніяхъ вѣнскаго двора по вопросу о предполагаемомъ брачномъ союзѣ.

Вопросъ брачный—самый сложный изъ всѣхъ вопросовъ, касающихся царствующихъ домовъ. Въ немъ, какъ въ переливахъ разноцвѣтной радуги, скрещиваются и сталкиваются интересы династическіе, религіозныя, а также интересы политическіе, путемъ группировки державъ и преобладанія вліянія въ международныхъ дѣлахъ. Императоръ Николай Павловичъ всѣ эти соображенія отвергалъ. Самъ счастливый супругъ, несмотря на то, что бракъ его былъ заключенъ по политическому расчету, страстно любившій своихъ дѣтей и въ особенности дочерей, онъ поставилъ себѣ за правило руководствоваться въ этомъ дѣлѣ исключительно желаніями обѣихъ сторонъ. Онъ постоянно говорилъ: «qu'il laissait à ses filles la liberté du choix par ce qu'il fallait avant tout se convenir»⁶⁾.

Это же мнѣніе, конечно, вполне раздѣляла императрица. «L'Impératrice, l'autre jour, me disait en effet que L'Empereur et elle étaient bien résolus à ne donner leurs filles,—сообщаетъ Барантъ 23-го ноября 1836 года,—qu'à de princes qu'elles auraient pu voir et qui promettaient, par leur caractère, des chances de bonheur domestique»⁷⁾.

¹⁾ Орловъ, Алексѣй Ѳеодоровичъ, графъ (1787—1862), шефъ жандармовъ, впоследствии князь, председатель Государственнаго Совѣта.

²⁾ Фикельмонтъ, Карлъ, графъ (1777—1857). Посланникъ австрійскій при нашемъ дворѣ съ 1829 года по 1839 годъ.

³⁾ Барантъ, «Мемуары», томъ VI, стр. 318.

⁴⁾ Дарья Ѳеодоровна, его супруга, рожденная графиня Тизенгаузенъ. Дочь ея Елизавета, замужемъ за принцемъ Эдмондомъ Клари.

⁵⁾ Екатерина Ѳеодоровна Тизенгаузенъ, графиня (1803—1888). Фрейлина, впоследствии камеръ-фрейлина.

⁶⁾ Барантъ, «Мемуары», томъ V, стр. 503—504.

⁷⁾ Императрица дѣйствительно на дняхъ говорила мнѣ, что государь и она приняли рѣшеніе выдавать своихъ дочерей замужъ за принцевъ, съ которыми онѣ хорошо позна-

Слова эти имѣли цѣлью опровергнуть ходившіе тогда слухи о возможности выхода замужъ Маріи Николаевны за Максимилиана-Жозефа, принца баварскаго. Хотя дипломатическіе переговоры велись въ 1829 году, но свѣдѣнія о принцѣ, полученные государемъ, были неблагоприятны, къ этому еще примѣшался вопросъ о перемѣнѣ религій. Важнымъ факторомъ въ это время явилось ухудшеніе отношеній между петербургскимъ и берлинскимъ дворами. Король Фридрихъ-Вильгельмъ III съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на сближеніе съ баварскимъ королевскимъ домомъ, такъ какъ боялся усиленія вліянія Николая Павловича среди германскихъ государей, и потому противодѣйствовалъ, по этимъ соображеніямъ, заключенію брака русскихъ великихъ князей съ германскими принцами.

Съ своей стороны, Николай Павловичъ былъ возмущенъ блестящимъ приемомъ, оказаннымъ берлинскимъ дворомъ въ маѣ 1836 года сыну узурпатора (какъ называли государь короля Луи-Филиппа), герцогу Орлеанскому. Извѣстно, что герцогъ Орлеанскій женился на принцессѣ Еленѣ Мекленбургской и что въ этомъ дѣлѣ дѣятельное участіе принималъ король Фридрихъ-Вильгельмъ III.

«Apprendre, que M. le duc d'Orleans va être accueilli avec courtoisie et empressement, est sans doute pour l'Empereur une vive contrariété, un chagrin politique» ¹⁾.

Барантъ сообщаетъ; что его жена получила отъ лица, близкаго императрицѣ ²⁾, свѣдѣнія о впечатлѣніи, которое произвелъ герцогъ Орлеанскій въ Берлинѣ: «il a une figure et une tournure charmantes, de l'esprit et aucune fatuité».

Эти строки взяты изъ письма брата императрицы, принца Вильгельма, но тѣмъ не менѣе онѣ не поколебали и не заставили государя измѣнить свой взглядъ.

«On se borne à dire, —сообщаетъ далѣе Барантъ, —et tout à fait dans l'intimité qu'il n'y a rien d'étonnant qu'on n'ignorait pas avant tout cela que le Duc d'Orleans avait une figure agréable, qu'il avait été élevé avec soin et qu'on devait s'attendre à lui trouver de bonnes et nobles manières, mais que cela ne changeait rien au fond

---

комятся и которые, по качествамъ своего характера, могли бы внушить увѣренность въ будущемъ домашнемъ счастіи». (Письма графа и графини Фикельмонть къ графу Тизенгаузенъ, стр. 8).

¹⁾ «Имѣть свѣдѣнія о вѣжливомъ и благожелательномъ приемѣ герцога Орлеанскаго для государя болѣе чѣмъ неприятно, —это неудача въ политикѣ» (Барантъ, томъ V, стр. 763).

²⁾ По словамъ Лакруа, въ его «Histoire du règne de Nicolas» (томъ VII, стр. 337), лицо это было баронесса Фредерикъ, пламенное воображеніе которой допускало возможность заключенія брака между Маріей Николаевной и однимъ изъ орлеанскихъ принцевъ; само собою разумѣется, что Николай Павловичъ и не высказывалъ подобнаго предположенія.

Карль, принц вюртѣмбергскій, шефъ драгунскаго Нижегородскаго полка,

des choses et n'empêchait point que le trône, dont il est héritier, ne fut usurpé»¹⁾).

Однако отношеніе государя къ представителямъ Орлеанской династїи не раздѣлялось ни столь послушнымъ братомъ—великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, ни, въ особенности, великою княгинею Еленю Павловною.

«L'Empereur,—продолжаетъ сообщать Барантъ,—ne varie point dans sa disposition à la fois malveillante et réservée, mais il est le seul. Son frère et surtout la Grande Duchesse Hélène, sa belle soeur, sans donner beaucoup de publicité à leur opinion sur ce point ne le cachent pas. Madame La Grande-Duchesse en a parlé et toute confiance à M-me de Barante. On murmure même que L'Impératrice a quelque regret de cette obstination de L'Empereur»²⁾).

Въ августѣ 1837 года въ городѣ Вознесенскѣ состоялись блестящіе маневры собранной тамъ кавалерїи подъ начальствомъ графа Витта. Въ числѣ иностранныхъ гостей, приглашенныхъ на эти маневры, находился герцогъ Максимилианъ Лейхтенбергскій, сынъ принца Евгенія, бывшаго вице-короля Италїи и племянникъ баварскаго короля. Его благородный обликъ въ соединенїи съ блестящими манерами привлекли къ нему сердца всѣхъ. Представленный императору Николаю Павловичу, онъ сразу сумѣлъ завоевать симпатїи государя и получилъ приглашенїе отъ императрицы прїѣхать въ Петербургъ.

По окончанїи вознесенскихъ маневровъ онъ сопровождалъ царскую семью въ Одессу.

Серьезное чувство, которое онъ сумѣлъ внушить великой княжнѣ Марїи Николаевнѣ, давало увѣренность въ счастливой супружеской жизни. Государь увидѣлъ, что избранникомъ ея сердца можетъ быть только герцогъ Лейхтенбергскій, и далъ свое согласіе на этотъ бракъ, несмотря на неодобренїе общества, которое находило союзъ этотъ не соответствующимъ положенїю дочери могущественнаго монарха Европы.

Изъ письма государя супругѣ отъ 7-го (19-го) іюня 1838 года, видно, что государь хотѣлъ испытать свою дочь прежде, чѣмъ

¹⁾ «Говорятъ и совершенно истинно, что это неудивительно, что давно уже предполагали свѣдѣніями о томъ, что герцогъ Орлеанскій имѣетъ прїятную наружность, что онъ получилъ тщательное образованїе и что, конечно, у него благородныя манеры, но въ сущности этимъ ничего не измѣнилось въ томъ отношенїи, что тронъ, наслѣдникомъ котораго онъ является, узурпированъ». (Барантъ, томъ V, стр. 192 и 394).

²⁾ «Государь,—продолжаетъ сообщать Барантъ,—неизмѣнно высказываетъ свое нерасположенїе, но онъ одинъ. Его братъ и въ особенности великая княгиня Елена Павловна, не высказывая громко своего мнѣнїя по этому поводу, отнюдь его не скрываютъ. Великая княгиня Елена Павловна съ полною довѣренностью говорила по этому вопросу съ г-жой Барантъ. Передаютъ даже, что императрица чувствуетъ нѣкоторое сожалѣнїе по поводу упрямства государя». (Барантъ, томъ V, стр. 401).

дать согласіе на этотъ бракъ: «Nous causâmes beaucoup et sérieusement avec Mary sur son avenir sur ses vœux et sur l'idée qu'elle se forme du bonheur domestique et de nos devoirs envers le pays, et je fut fort content d'elle, car elle est bien raisonnable. Elle pense seulement au Leuchtenberg et désire surtout qu'avant de se décider il vienne ici pour faire connaissance» ¹⁾.

Въ бесѣдѣ своей съ Барантомъ государь привелъ мотивы, которыми онъ руководствовался при своемъ согласіи на этотъ бракъ. Мы не можемъ не привести ее цѣликомъ, такъ какъ она даетъ характеристику тѣхъ возвышенныхъ чувствъ государя, которыя имъ всегда руководили при рѣшеніи вопроса о судьбѣ своихъ дѣтей: «Je connais le peuple russe,—сказалъ онъ:—et je suis assuré d'être toujours en intelligence avec lui. Je viens d'en avoir une preuve nouvelle à propos du mariage de ma fille. A l'étranger on peut ne me point comprendre, s'étonner ou me blâmer. Pour les Russes, je savais bien qu'ils trouveraient simple qu'un père de famille voulût conserver près de lui une de ses filles, qu'ils applaudiraient à ma détermination de lui choisir un mari qui devînt comme mes enfants, comme moi, un serviteur de la Russie».

«Il fallait voir le contentement du peuple et des marchands à Moscou. Leur manière de témoigner leur satisfaction est de faire quelque acte de charité. En bien, à cette occasion ils ont consacré cinq cent mille roubles à une fondation pieuse. Les marchands de S. Petersbourg en font autant. Aussi mon gendre contracte envers eux les mêmes devoirs que moi et les miens. Sa position était unique pour cela, et c'est un des motifs qui m'ont décidé. Aucun lien de patrie ni de famille ne peut l'empêcher de devenir Russe. N'est-ce pas, un sort bizarre qui me donne pour gendre le petit-fils adoptif de Napoléon à la grande satisfaction de la Russie» ²⁾.

¹⁾ «Мы много и серьезно говорили съ Мари относительно ея будущности, о ея пожеланіяхъ и мнѣніи о домашнемъ счастіи, а также относительно нашихъ обязанностей въ отношеніи государства, и я остался ею очень доволенъ, такъ какъ она весьма разсудительна. Она думаетъ только о Лейхтенбергскомъ и въ особенности желаетъ прежде, чѣмъ принять окончательное рѣшеніе, его пріѣзда сюда для болѣе полного ознакомленія». (Шиманъ, «Николай I», ч. III, стр. 479).

²⁾ «Я хорошо знаю русскій народъ,—сказалъ онъ,—и увѣренъ въ моемъ постоянномъ единеніи съ нимъ, я только что получилъ новое доказательство по поводу брака моей дочери. За границей меня могутъ не понять, удивляться и даже осуждать. Въ отношеніи русскихъ я хорошо зналъ, что они найдутъ весьма естественнымъ мое желаніе отца сохранить возлѣ себя одну изъ своихъ дочерей, что они одобряютъ мое рѣшеніе выбрать ей мужа, который сдѣлался бы, какъ я, какъ мои дѣти, слугою Россіи. Нужно было видѣть удовольствіе народа и купцовъ въ Москвѣ. Удовлетвореніе, которое они получили по этому поводу, выразилось въ совершеніи благотворительнаго поступка. И вотъ по этому случаю они пожертвовали 500.000 рублей на открытіе благотворительнаго учрежденія. Такимъ образомъ, мой зять принимаетъ на себя по отношенію къ нимъ тѣ же обязанности, какъ я и какъ мои дѣти. Въ этомъ отношеніи его положеніе исключительное, и это же привело меня къ этому рѣшенію. Никакая связь

Однако эти мысли не помѣшали Баранту высказать соображеніе, что государю приходится считаться въ данномъ случаѣ не только съ мнѣніемъ народа, но и общества, а послѣднее, какъ мы указывали выше, было враждебно заключенію этого брака. «L'opinion qui blâme ce mariage et qui sera encore quelque temps sans y accoutumer, est une opinion plus éclairée et plus élevée. Elle est fort générale et assez manifeste... La vanité nationale en reçoit une vive atteinte et l'on ne saurait approuver que le mariage d'une fille de l'Empereur soit étranger a une politique quelconque» ¹⁾.

Насколько король Фридрихъ-Вильгельмъ неодобрительно смотрѣлъ на заключеніе брака между его внучкой и герцогомъ Максимилианомъ Лейхтенбергскимъ, видно изъ того, что онъ далъ свое согласіе, но только противъ воли и безусловно. Да и весь прусскій королевскій домъ смотрѣлъ неодобрительно на этотъ бракъ.

Слишкомъ были живы впечатлѣнія о наполеоновской эпохѣ, и родство съ его потомкомъ никого изъ членовъ королевской фамиліи не удовлетворяло.

О помолвкѣ дочери съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ императрица Александра Феодоровна сообщила любимому брату, принцу Вильгельму, 29-го октября 1838 года:

«Ты теперь уже знаешь, мой милѣйшій Вильгельмъ, что Мари помолвлена съ прекраснымъ, честнымъ, благороднымъ и красивымъ Лейхтенбергскимъ. Партія эта хотя и можетъ казаться нѣсколько странной, но я увѣрена, что ты отнесешься къ ней сочувственно; одно мнѣ непонятно, какъ ты, который всегда такъ ясно и вѣрно умѣешь судить, можешь ее сравнивать съ Орлеанской; по этому поводу я давно хотѣла тебѣ сообщить наше мнѣніе. Елена Мекленбургская только изъ тщеславія и послѣ безконечныхъ интригъ Брессона ²⁾ вышла замужъ за наследника процвѣтающей нынѣ династіи, но династіи, завладѣвшей трономъ незаконно. Мари же выходитъ замужъ по сердечному влеченію и съ согласія родителей за самаго маленькаго, незначительнаго князя въ Германіи, отецъ котораго нѣкогда былъ французскимъ генераломъ, но никогда не носилъ похищенной короны. Разрѣшаю назвать это мезальянсомъ; но это былъ именно единственный бракъ, благодаря которому могло исполниться наше желаніе навсегда водво-

---

съ отечествомъ или съ семьей не можетъ ему помѣшать сдѣлаться русскимъ. Не правды, какая моя странная судьба—имѣть зятемъ приемнаго внука Наполеона къ полнѣйшему удовлетворенію Россіи» (Барантъ, томъ VI, стр. 164.)

¹⁾ «Мнѣніе общества, которое порицаетъ этотъ бракъ и которое еще долго не привыкнетъ къ нему болѣе ясное и возвышенное. Это мнѣніе довольно распространено и выразительно. Для національной гордости—это чувствительный ударъ, и обществу трудно привыкнуть къ мысли, чтобы бракъ дочери государя былъ бы чуждъ какой-либо политики». (Барантъ, томъ VI, стр. 164.)

²⁾ Брессонъ, Карлъ, графъ, французскій посланникъ при берлинскомъ дворѣ.

Стефанъ, эрцгерцогъ австрійскій.
(Изъ собр. В. П. Серебрянникова).

рить Мари и ея мужа въ Россіи и сдѣлать этого послѣдняго, равно какъ и могущихъ произойти отъ этого брака дѣтей, членами русской императорской фамиліи.

«Государь долго взвѣшивалъ все преимущества, представляемыя этимъ замужествомъ, и все затрудненія, сопряженныя съ нимъ, и только послѣ зрѣлаго обсужденія рѣшился дать свое согласіе; конечно, этому способствовали личныя качества, характеръ и видимость молодого Макса, что, разумѣется, не можетъ быть намъ поставлено въ укоръ.

«Когда государь по своему возвращеніи сюда пашель, что настроеніе вообще было скорѣе за этотъ бракъ, чѣмъ противъ него, и отдавая себѣ отчетъ, что это ничѣмъ не могло повредить ни его государству, ни его семьѣ (великій князь Михаилъ и великая княгиня Елена вполне одобрили этотъ выборъ. Саша хотя еще и очень молодъ, но также сочувственно къ нему отнесся), окончательно согласился на ихъ обрученіе, конечно, только на томъ условіи, если, познакомившись поближе, молодые люди подойдутъ другъ къ другу. Мы, разумѣется, предвидимъ появленіе отвратительныхъ статей въ журналахъ и газетахъ, но, какъ тебѣ извѣстно, государь своими помыслами и чувствами стоитъ слишкомъ высоко, чтобы это могло его тронуть. Съ папой онъ говорилъ по этому поводу въ Магдебургѣ, а я въ новомъ дворцѣ. Ему, конечно, этотъ бракъ очень не нравится, но, кажется, причину этого выбора онъ все-таки понялъ, именно, что принцъ долженъ будетъ сдѣлаться вполне русскимъ.

«Къ сожалѣнію; на этотъ разъ отношенія между папой и Никсомъ не были такъ искренни и сердечны, какъ прежде, конечно, это исходило не со стороны моего Никса, и папу я, разумѣется, также не могу обвинять, но въ настоящее время онъ черезчуръ легко поддается вліянію всякаго рода интригъ, а я знаю, что существуетъ партія, которая такъ враждебно къ намъ относится... Это мы особенно ясно замѣтили во время нашего путешествія по Баваріи, гдѣ самые невинные поступки вызывали подозрѣніе и ихъ представляли папѣ въ двусмысленномъ освѣщеніи»¹⁾.

Въ это время другой русской брачный проектъ зародился въ лѣтнемъ замкѣ великаго герцога Гессенъ-Дармштадтскаго въ маѣ 1839 года. Извѣстно, что наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ объѣзжалъ въ это время все дворы Европы (за исключеніемъ Франціи), чтобы, по требованію своего отца, избрать себѣ невѣсту. Въ сопровожденіи графа Орлова и И. М. Толстого онъ прибылъ во Франкфуртъ, откуда послѣ нѣкоторой остановки имѣлъ намѣреніе отправиться въ Карлсруэ.

Великій герцогъ Дармштадтскій, узнавъ о пребываніи наслѣд-

¹⁾ Шиманъ, «Николай I», томъ III, стр. 490.

ника всероссійскаго престола, успѣшилъ пригласить его высочество на обѣдъ. Александръ Николаевичъ принялъ это приглашеніе.

На фамилномъ обѣдѣ принцесса Марія (будущая императрица Марія Александровна) не присутствовала. Вечеромъ, отправляясь на фамилный чай, цесаревичъ случайно встрѣтился съ принцессою Маріей, которая шла на тотъ же чай, въ сопровожденіи своей воспитательницы, г-жи де-Гранси. Эта встрѣча рѣшила судьбу обонхъ. Цесаревичъ спросилъ сопровождавшихъ его лицъ, кто это, и, узнавъ, что это младшая дочь герцога, попросилъ позволенія представиться и весь вечеръ провелъ въ разговорѣ съ нею.

Вернувшись обратно, онъ подъ впечатлѣніемъ первой встрѣчи, очарованный необычайною простотой, естественностью и изяществомъ принцессы Маріи, получившей блестящее образованіе, рѣшилъ просить ея руки.

Измужденію графа А. Ѳ. Орлова не было предѣловъ, когда Александръ Николаевичъ, по возвращеніи во Франкфуртъ, заявилъ ему, что онъ дальше не поѣдетъ и что выборъ невѣсты имъ сдѣланъ—это принцесса Марія, «если,—добавилъ цесаревичъ,—она удостоитъ принять мое предложеніе».

Несмотря на все доводы графа Орлова, Александръ Николаевичъ остался непреклоненъ. Письма графа Орлова государю Николаю Павловичу также не подѣйствовали. Со свойственнымъ ему величіемъ души его величество понялъ, что противорѣчить выбору сына и жестоко и бесполезно. Все разсужденія придворныхъ отпали, когда государь категорически и властно заявилъ, что императрица и онъ вполне одобряютъ выборъ сына, такъ какъ принцесса Марія, по его убѣжденію, несомнѣнно, составитъ его счастье.

Въ вопросѣ о выходѣ замужъ великой княжны Ольги Николаевны за австрійскаго эрцгерцога Стефана государь также придерживался своего, разъ усвоеннаго взгляда и прервалъ переговоры лишь тогда, когда убѣдился, что, кромѣ фанатизма вдовствующей императрицы Каролины-Августы и супруги императора Фердинанда I, императрицы Маріи-Анны-Каролины, принцессы сардинской, не сочувствовавшихъ этому браку по различію религіи, примѣшалась расчетливая и двоедушная политика князя Меттерниха. Послѣдній мечталъ путемъ заключенія этого брака добиться измѣненія политики русскаго правительства въ отношеніи подданныхъ-католиковъ и, слѣдовательно, улучшенія существовавшихъ непріязненныхъ отношеній между Россіей и папскимъ престоломъ.

Насколько императоръ Николай Павловичъ желалъ этого брака, видно изъ того, что въ прощальной аудіенціи графу Фикельмунту государь выразилъ желаніе увидѣть въ Петербургѣ эрцгерцоговъ Альбрехта и Стефана. Приглашеніе это было принято австрійскимъ дворомъ. Эрцгерцогъ Альбрехтъ—сынъ эрцгерцога Карла, единственнаго

счастливаго соперника Наполеона I. Эрцгерцогъ Стефанъ—сынъ венгерскаго палатина эрцгерцога Иосифа, который первымъ бракомъ былъ женатъ на нашей великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ, такъ трагически скончавшейся. Вторая жена палатина, Герминія (принцесса Ангальтъ-Бернбургъ-Шаумбургъ), ярая католичка, имѣвшая большое вліяніе на безхарактернаго супруга, вмѣстѣ съ обѣими императрицами вѣчески препятствовала заключенію этого брака.

Начало этихъ переговоровъ относится къ маю 1839 года. Именно замѣщавшій Д. П. Татицева совѣтникъ посольства Струве, въ письмѣ отъ 21-го мая (12-го іюня) 1839 года, сообщаетъ, что онъ пожелалъ узнать у князя Меттерниха, пріѣхалъ ли палатинъ венгерскій и писалъ ли онъ Фикельмону относительно путешествія молодыхъ эрцгерцоговъ. На это князь возразилъ, что еще не успѣлъ объясниться съ палатиномъ. Послѣдній, по словамъ канцлера, человѣкъ весьма нерѣшительный. Предварительно палатинъ пожелалъ освѣдниться у докторовъ, насколько это путешествіе возможно, въ виду слабаго здоровья эрцгерцога Стефана.

На указаніе Струве, что приглашеніе государя формально принято австрійскимъ дворомъ и что въ данномъ случаѣ не можетъ быть колебаній, канцлеръ пожалъ плечами, «*ayant l'air de me dire, qu'il ne répondait de rien*». А вечеромъ въ салонѣ жены своей, княгини Мелани, Меттернихъ избѣгалъ разговоровъ на эту тему.

Въ концѣ письма Струве добавилъ, что князь Меттернихъ старается, какъ всегда, оттянуть время. Въ отношеніи же палатина, о присутствіи котораго въ Вѣнѣ онъ какъ будто не зналъ, канцлеръ заявилъ, что онъ его не выпуститъ, специально для этого съѣздитъ въ Шенбрунъ и заставитъ его такъ или иначе высказаться по этому дѣлу.

Сначала, тѣмъ не менѣе, палатинъ, по сообщенію Меттерниха, согласился на путешествіе эрцгерцога Стефана въ Петербургъ. Къ этому рѣшенію присоединился и эрцгерцогъ Карлъ, принявъ приглашеніе русскаго двора въ отношеніи эрцгерцога Альбрехта, причемъ этотъ визитъ долженъ былъ состояться позднеѣ. Сопутствовать имъ назначенъ былъ генераль-майоръ, князь Карлъ Лихтенштейнъ. Однако, подъ вліяніемъ супруги, палатинъ, по возвращеніи изъ Бадеа, перемѣнилъ свое мнѣніе и желалъ отклонить это приглашеніе. Созванный по этому случаю консилиумъ докторовъ категорически высказался противъ этой поѣздки, которая вредно отзовется на слабомъ здоровьѣ эрцгерцога Стефана²⁾.

1) Струве, Густавъ, совѣтникъ посольства въ Вѣнѣ.

2) Изъ письма Фикельмонта къ графу Тизенгаузену, отъ 25-го іюня 1842 года мы усматриваемъ, что здоровье эрцгерцога Стефана плохое. «*Sa santé est menaçante. Une croissance rapide l'a fatigué et les médecins disent ne pouvoir répondre de lui avant quelques années de soins*». (Его здоровье весьма плохо. Быстрый ростъ его обезсилилъ,

Альбрехтъ, эрцгерцогъ австрійскій
(Изъ собр. В. П. Серебряникова).

Не разсчитывая на свой авторитетъ, канцлеръ обратился къ содѣйствию эрцгерцоговъ Франца, Карла и Людвига, дабы они, съ своей стороны, повліяли на палатина и убѣдили его въ невозможности отказаться отъ поѣздки послѣ того, какъ на приглашеніе изъ Петербурга послѣдовало согласіе¹⁾.

Такимъ образомъ, палатинъ находился между двухъ противоположныхъ теченій. По мнѣнію Татищева, вліяніе канцлера пересилить, тѣмъ болѣе, что въ этомъ дѣлѣ было замѣшано его самолюбіе, почему канцлеръ, конечно, приметъ все мѣры, чтобы выйти съ честью изъ такого положенія.

Издавна существовавшія натянутыя отношенія между княземъ Меттернихомъ и эрцгерцогомъ Карломъ заставили перваго обратиться къ содѣйствию его братьевъ. Болѣе всехъ принялъ участіе въ этихъ переговорахъ эрцгерцогъ Іоаннъ и можно было надѣяться, что эрцгерцогъ Альбрехтъ наконецъ получитъ разрѣшеніе на поѣздку.

Во всякомъ случаѣ, Меттернихъ сообщилъ Татищеву, что поѣздка эрцгерцога Стефана дѣло рѣшенное.

«Le prince de Metternich considère ce dernier résultat comme un pis-aller et je me garde bien de lui laisser deviner que c'est le principal. Il serait prudent qu'il n'en fut informé que lorsque les choses seront plus avancées»²⁾.

Чрезвычайно замкнутый образъ жизни австрійской императорской фамиліи не давалъ возможности Татищеву часто встрѣчаться съ эрцгерцогомъ Стефаномъ. На одномъ вечерѣ онъ завелъ съ нимъ разговоръ о Петербургѣ. Послѣдній выразилъ сожалѣніе, что слабость здоровья препятствуетъ ему лично принести нашему государю благодарность за любезное приглашеніе. Татищевъ поспѣшилъ отвѣтить, что это дѣло поправимо и что визитъ эрцгерцога доставитъ большое удовольствіе императорской семьѣ. Эти слова были сказаны въ присутствіи свидѣтелей, и потому дальнѣйшій разговоръ былъ бы неумѣстенъ, пришлось его прекратить. Полагая, что пройдетъ еще много времени, пока ему удастся увидѣть снова эрцгерцога Стефана, Татищевъ обратился за содѣйствіемъ къ графу Пальфи³⁾. «un instrument docile et plein de capacité»⁴⁾.

и доктора говорятъ, что они не ручаются за его крѣпость раньше нѣсколькихъ лѣтъ леченія). Фикельмонтъ. Письма, стр. 31.

¹⁾ Государственный Архивъ. Разрядъ II. Письмо Струве къ Татищеву, отъ 21-го мая (27 іюня) 1839 года.

²⁾ «Князь Меттернихъ считаетъ этотъ послѣдній результатъ, какъ компромиссъ, и я остерегаюсь помочь ему понять, что это главное. Осторожность требуетъ, чтобы онъ былъ освѣдомленъ лишь тогда, когда дѣло подвинется впередъ». (Государственный Архивъ. Разрядъ II. Письмо Татищева графу Нессельроде отъ 29-го мая (10-го іюня) 1839 года.

³⁾ Пальфи (Pallfy d'Erdoed), Антоній-Карлъ, графъ, камергеръ австрійскаго императора.

⁴⁾ «Орудіе послушное и вполне пригодное».

«Но,—добавилъ Татищевъ,—было бы неосторожно довѣрить ему мнѣніе наслѣдника цесаревича, сочувственно принятое его августѣйшими родителями. Поэтому я напомнилъ графу Пальфи, «qu'a Pétersbourg il m'avait parlé d'un projet d'union par Madame la grande-duchesse Olga, mais aujourd'hui comme alors il ne paraissait pas offrir de avantages suffisants»¹⁾).

«На это Пальфи повторилъ свой аргументъ, именно, что одна великая княжна уже была супругою отца эрцгерцога Стефана. Въ бытность свою въ Петербургѣ онъ, Пальфи, повергалъ эту мысль на усмотрѣніе императрицы Александры Теодоровны, и ея величество не отвергла ея. Онъ убѣждалъ меня оказать ему содѣйствіе». Татищевъ далъ согласіе, но прибавилъ, что поддержать его, если онъ (то-есть графъ Пальфи) будетъ дѣйствовать отъ имени палатина или его сына. На это Пальфи отвѣтилъ, что онъ говорилъ съ палатиномъ и послѣдній высказалъ, что этотъ союзъ будетъ большимъ счастіемъ для его сына. Но вмѣстѣ съ тѣмъ палатина смущала неувѣренность въ успѣхъ этого шага въ Петербургѣ и въ Вѣнѣ. Молодой же эрцгерцогъ, со свойственнымъ молодости пыломъ, сочувствовалъ этой идеѣ. Всѣ эти переговоры происходили въ октябрѣ, и только 1-го января на балу, который Татищевъ имѣлъ обыкновеніе давать въ честь императорской фамилии, ему удалось лично поговорить съ эрцгерцогомъ Стефаномъ.

«Я воспользовался этимъ случаемъ,—донесить Татищевъ,—и въ разговорѣ съ эрцгерцогомъ заявилъ, что одинъ венгерскій магнатъ, ему вполне преданный, часто велъ разговоръ о возможности брака его съ великою княжною Ольгою Николаевною и просилъ моего содѣйствія. Воздавая, съ своей стороны, должное высокоимъ нравственнымъ качествамъ эрцгерцога, я выразилъ готовность предложить свои услуги въ этомъ дѣлѣ, но никакихъ предварительныхъ шаговъ не могу предпринять, не узнавъ предварительно отъ него самого, насколько онъ сочувствовалъ этой идеѣ.

«Онъ безъ колебаній мнѣ отвѣтилъ, что счастье ему представляется слишкомъ великимъ и онъ сомнѣвается въ признаніи его достойнымъ. «У вашего высочества всѣ права добиться руки великой княжны, но долженъ васъ предупредить: одного этого недостаточно для полученія согласія его величества. Государь слишкомъ любитъ своихъ дѣтей и долженъ считаться съ сердечнымъ влеченіемъ своей дочери, а вы даже еще не видѣлись».

«— Мои служебныя занятія,—отвѣтилъ эрцгерцогъ,—удерживаютъ меня въ Вѣнѣ до конца августа, послѣ чего я отправлюсь въ Петербургъ, о чемъ заявилъ отцу».

¹⁾ «Что въ Петербургѣ онъ мнѣ говорилъ о проектируемомъ брачномъ союзѣ великой княжны Ольги Николаевны, но что, какъ прежде, такъ и въ настоящее время, для этого союза нѣтъ достаточныхъ гарантій».

«Вы будете желаннымъ гостемъ. Вамъ нѣтъ необходимости ждать новаго приглашенія, нужно только условиться относительно времени вашего прїѣзда въ Россію»¹⁾.

Татищевъ добавилъ, что этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только императоромъ Фердинандомъ и палатиномъ, но что «*toute confidence prématurée au chancelier serait intempestive et nuisible*»²⁾.

Ввиду внезапнаго отъѣзда императора Николая Павловича въ Германію графъ Нессельроде представилъ государю означенное письмо Татищева, причемъ его величество положилъ на немъ собственноручно слѣдующую резолюцію:

«*Ma femme et moi nous sommes d'accord de faire connaitre à l'Archiduc Etienne qu'il sera le bienvenu; quand à l'époque, je dois le prevenir que les mois d'acût et septembre je suis absent d'ici; le mieux serait venir en juin et juillet ou bien n'arriver qu'en octobre*»³⁾.

Графъ Нессельроде сообщилъ Татищеву объ этой резолюціи государя, а послѣдній, въ свою очередь, предупредилъ эрцгерцога Стефана, что выѣздъ его въ Петербургъ можетъ состояться лишь въ концѣ сентября (ст. ст.).

Прїѣздъ эрцгерцога Альбрехта въ Петербургъ состоялся въ іюлѣ 1839 года. Баронъ Корфъ въ своихъ запискахъ отмѣчаетъ его появленіе на балу, данномъ 8-го іюля у принца Ольденбургскаго по случаю бракосочетанія Маріи Николаевны съ герцогомъ Максимилианомъ Лейхтенбергскимъ. Визитъ этотъ, однако, остался безъ результата. Великой княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ онъ не понравился, на него же она произвела неизгладимое впечатлѣніе своею блестящею наружностью, и это чувство онъ сохранилъ и послѣ брака на Ильдегардѣ, принцессѣ Баварской. «*L'archiduc Albert est établi ici pour toujours. L'Archiduchesse Hildegarde n'est pas jolie et sa tournure laide, elle est très enfant et assez insignifiante. L'Archiduc conserve un grand attachement à notre famille Impériale. Hélas, hélas, pourquoi n'a-t-il pu plaire dans le temps?*»⁴⁾

¹⁾ Государственный Архивъ. Разрядъ II. Письмо Татищева графу Нессельроде. 19 (31)-го января 1840 года.

²⁾ «*Всякое раннее сообщеніе канцлеру было бы несвоевременно и вредно.*» (Государственный Архивъ. Разрядъ II. Письмо Татищева графу Нессельроде 19(31)-го января 1840 года).

³⁾ Жена и я согласны дать знать эрцгерцогу Стефану, что будемъ рады его прїѣзду. Въ отношеніи времени прїѣзда я долженъ предупредить, что въ августѣ и сентябрѣ я буду отсутствовать. Лучше назначить прїѣздъ въ іюнѣ или въ іюлѣ, или въ крайнемъ случаѣ въ октябрѣ. (Госуд. Архивъ. Разрядъ второй. Письмо Татищева къ гр. Нессельроде отъ 19-го (31-го) января 1840 г.).

⁴⁾ Эрцгерцогъ Альбертъ поселился здѣсь окончательно. Эрцгерцогиня Гильдегарда прекрасна, совсѣмъ ребенокъ и довольно пустая. Эрцгерцогъ сохраняетъ глубокую привязанность къ нашей императорской семьѣ. Очень, очень жаль, что ему не удалось понравиться въ то время. (Фикельмонгъ. Письмо отъ 31-го января 1845 г., стр. 86).

«Fiequelmont te parlera de projet de la grande-duchesse Olga. Comme je serais heureuse si cela reussissait. Je suis sûre qu'elle se ferait ici une existence agréable et on dit tant de bien de L'Archiduc Albert, il n'y a ici qu'une voix la dessus», пишетъ дальше графиня Фикельмонтъ¹⁾ своей сестрѣ 22-го октября 1840.

Изъ той же переписки мы видимъ, что Фикельмонтъ, будучи освѣдомленъ о чувствахъ эрцгерцога Альбрехта²⁾, «qui est parti avec un sentiment très vif dans le coeur et que le temps est loin d'affaiblir», по просьбѣ отца его эрцгерцога Карла старался разузнать, насколько можно надѣяться на счастливыи исходъ его домогательства и не будетъ ли это противорѣчить другимъ планамъ государя.

Ввиду отсутствія императрицы Александры Ѳеодоровны этотъ вопросъ надлежало поднять съ большой осторожностью.

Фикельмонтъ при свиданіи съ государемъ старался дать понять его величеству, какая на него возложена миссія. Въ бесѣдѣ съ Фикельмонтомъ предполагавшійся бракъ наслѣдника цесаревича съ принцессою Гессенъ-Дармштадтскою послужилъ поводомъ для разговора на эту тему, и государь еще разъ подтвердилъ: «qu'il laissait à ses filles la liberté du choix, parce qu'il fallait avant tout se convenir».) Но, продолжалъ Фикельмонтъ, «L'Empereur m'a parlé plusieurs fois du désir qu' il avait de voir l'Archiduc Etienne; or vous savez, ou vous ne savez pas, qu'une démarche peut être imprudente et désapprouvée. Enfin une démarche directe avait été faite vis-à-vis de lui, pour l'engager au voyage de Russie et à demander la Grande Duchesse. Je crois que l'amitié du grand duc héritier pour lui, a donné lieu à cette démarche. On a dit qu'il était beau, il plaît au frère, il plaira à la soeur. On a préféré l'inconnu. Mais voici la vérité la de position»³⁾. Далѣе въ письмѣ сообщается о различномъ имущественномъ положеніи обоихъ претендентовъ, причемъ преимущество въ этомъ отношеніи на сторонѣ эрцгерцога Альбрехта;

1) Фикельмонтъ тебѣ расскажетъ о проектѣ, касающемся великой княжны Ольги Николаевны. Какъ бы я была счастлива, если бы это осуществилось. Я убѣждена, что она была бы здѣсь счастлива, и все въ одинъ голосъ даютъ благопріятный отзывъ объ эрцгерцогѣ Альбрехтѣ. (Письмо къ гр. Тизенгаузену отъ 22-го октября 1840 г., страница 8).

2) Письмо къ гр. Тизенгаузенъ отъ 22-го октября 1840 г., стр. 7).

3) Что онъ предоставляетъ своимъ дочерямъ свободу выбора, такъ какъ прежде всего нужно имѣть другъ къ другу симпатіи. Но,—продолжаетъ Фикельмонтъ,—государь мнѣ нѣсколько разъ говорилъ о своемъ желаніи видѣть эрцгерцога Стефана. Быть можетъ, вы уже знаете, или гдѣтъ, что всякое выступленіе можетъ быть неосторожно и не одобрено. Наконецъ былъ сдѣланъ непосредственный шагъ въ отношеніи его, дабы побудить его пріѣхать въ Россію просить руки великой княжны. Я думаю, что расположеніе наслѣдника-цесаревича къ нему послужило основаніемъ для этого шага. Говорятъ, между прочимъ, что онъ красивъ, онъ правится брату, а потому и понравится сестрѣ. Предпочли неизвѣстное, но вотъ истина относительно положенія. (Фикельмонтъ. Письмо къ графу Тизенгаузену отъ 27-го ноября 1840 г., стр. 8).

истор. вѣстн., апрѣль 1917 г., т. схлviii.

хотя эрцгерцогъ Стефанъ въ будущемъ получить титулъ палатина венгерскаго, «*mais c'est une position qui n'est riche que de difficultés*»¹⁾.

Эрцгерцогъ Стефанъ не въ состояніи еще представиться, какъ претендентъ, наконецъ онъ очень друженъ съ своимъ кузеномъ и знаетъ о его страсти, все это ставитъ ихъ въ очень затруднительное положеніе и т. д.

Въ концѣ письма Фикельмонтъ сообщаетъ, что ему недавно пришлось обѣдать съ эрцгерцогомъ Альбрехтомъ у прусскаго генерала Грольмана. Эрцгерцогъ Альбрехтъ подошелъ къ нему и сказалъ: «Я знаю, что вы для меня хотѣли сдѣлать, исполнили ли вы это?»— и на утвердительный отвѣтъ взялъ его руку и сказалъ: «Могу ли я надѣяться?»—«Я долженъ ждать отвѣта».—«Какъ вы думаете, долго ли это продолжится? Скажите мнѣ утвердительно, на что я могу надѣяться?»—«Я бы очень хотѣлъ этого для васъ, такъ какъ великая княжна существо совершенное во всѣхъ отношеніяхъ».—«Сколько нужно времени ждать отвѣта?»—«Два мѣсяца».—«Мой Богъ, какъ это долго».

«*Il est impossible d'être plus complètement subjugué et cela lui va très bien, je vous assure, qu'il a embelli*»²⁾. Слишкомъ большая самостоятельность эрцгерцоговъ въ этихъ переговорахъ не понравилась князю Меттерниху и вызвала его бутаду: «*qu'en général il n'était pas superflu de discipliner un peu les jeunes archiducs*»³⁾.

Все это привело Татищева къ мысли искать другихъ путей для осуществленія этого проекта.

Въ апрѣлѣ 1842 года на мѣсто Д. П. Татищева, ослѣпшаго и уволеннаго въ отставку, въ Вѣну былъ назначенъ посланникомъ графъ П. Медемъ. Отпуская новаго посланника, Николай Павловичъ выразилъ пожеланіе породниться съ австрійскимъ императорскимъ домомъ, указавъ на эрцгерцога Стефана, какъ на лицо, наиболѣе подходящее для великой княжны Ольги Николаевны.

Во время своего пребыванія въ Россіи въ сентябрѣ 1839 года сначала въ Москвѣ, на Бородинскихъ торжествахъ, а затѣмъ въ Петербургѣ, эрцгерцогъ Стефанъ произвелъ самое благоприятное на всю царскую семью впечатлѣніе. Поддерживалъ его наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, съ которымъ во время своего пребыванія въ Вѣнѣ въ 1839 году онъ особенно сблизился и подружился, о чемъ мы уже упоминали.

«Наша великая княжна Ольга Николаевна,—сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ А. О. Смирнова,—встрѣтила Стефана. Онъ не былъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 8.

²⁾ «Невозможно быть болѣе очарованнымъ, чѣмъ онъ, и я васъ увѣряю,—это ему къ лицу, онъ даже похорошѣлъ». (Тамъ же, стр. 10).

³⁾ «Вообще было бы нелишне немного дисциплинировать молодыхъ эрцгерцоговъ». (Госуд. Архивъ. Разрядъ второй. Письмо Татищева графу Нессельроде, отъ 26-го апрѣля (7-го мая) 1840 г.).

хорошъ, но уменъ, образованъ. Она отказала Альбрехту, который прѣѣзжалъ свататься къ ней. Когда я ѣхала въ Вѣну, императрица мнѣ сказала: «*Priez Medem, qu'il tâche d'arranger ce mariage. C'est le seul prince qui lui plaise. Quant à moi, —*добавила государыня,*— je pense toujours à ce malheureux mariage de la Grande-Duchesse Alexandrine et à ce triste séjour en Hongrie*»¹⁾.

«Я тотчасъ выполнила данное порученіе. Медемъ разсердился и, покраснѣвъ, сказалъ мнѣ: «Это старая дура Катерина (Тизенгаузенъ) придумываетъ всѣ эти исторіи. Она рассчитываетъ на графа Фикельмонта, но Фикельмонтъ ничего не значить. Эта свадьба невозможна по множеству важныхъ причинъ: вопросъ вѣроисповѣданія, фанатизмъ его матери, эрцгерцогини, несклонность его къ военщинѣ; онъ даровитѣе всѣхъ его сыновей, и славяне были бы въ восторгѣ отъ союза съ Россіей. Я все это написала Фредериксъ, и все кануло въ воду»²⁾.

Впрочемъ, этотъ выпадъ Медема не помѣшалъ ему продолжать ревностно добиваться благопріятнаго результата начатыхъ переговоровъ. Это видно изъ того, что дѣйствія Медема получили высочайшее одобреніе.

Въ письмѣ графа Нессельроде къ Медему, отъ 24 марта 1842 года первый сообщаетъ, что «государь вполне одобряетъ всѣ дѣйствія его въ этомъ деликатномъ дѣлѣ. Если результатъ этихъ дѣйствій не совпалъ съ его надеждою и тѣми пожеланіями, которыя ему внушены самою сильною привязанностью, то это не зависѣло отъ вашихъ дѣйствій. Его величество скорбитъ относительно препятствій, которыя выставилъ князь Меттернихъ. Онъ полагалъ, что эти препятствія могли бы быть устранены путемъ вашихъ откровенныхъ объясненій, намѣренія же государя ясны и откровенны. Если же вопреки этому въ Вѣнѣ продолжаютъ полагать, что союзъ съ русскою великою княжною можетъ отразиться неблагоприятно на будущемъ положеніи эрцгерцога Стефана, этого будетъ достаточно для отказа государя отъ своего намѣренія. Бракъ великой княжны Александры Павловны давалъ основаніе предполагать противоположное, и бракъ этотъ внушилъ ему мысль о болѣе тѣсномъ родственномъ союзѣ съ австрійскимъ императорскимъ домомъ».

«Препятствія, на которыя теперь указывали, раньше не существовали, но времена перемѣнились. Его величество желаетъ отнестись съ уваженіемъ къ нимъ. Несовмѣстимо съ его достоинствомъ дѣлать усилія и продолжать переговоры, въ будущемъ безуспѣш-

---

¹⁾ «Попросите Медема, чтобы онъ постарался устроить этотъ бракъ. Это единственный принцъ, который ей нравится. Что же касается меня,—добавила императрица:—то я всегда вспоминаю объ этомъ несчастномъ бракѣ великой княжны Александры и о ея печальномъ пребываніи въ Венгріи».

²⁾ «Русскій Архивъ», № 8, 1895 г., стр. 452.

ные. Желаніе его величества, чтобы вы, графъ, не брали на себя инициативы въ дальнѣйшихъ переговорахъ, развѣ лишь когда пожелаютъ съ вами говорить палатинъ или эрцгерцогъ Стефанъ»¹⁾.

Въ виду этой инструкціи Мадемъ вынужденъ былъ пассивно относиться въ дальнѣйшемъ. Однако князь Меттернихъ при встрѣчѣ съ нимъ пожелалъ узнать, оцѣнили ли его величество данное имъ, Меттернихомъ, чистосердечное объясненіе. На это Мадемъ отвѣтилъ: «*que respectant des motifs dont elle ne saurait suffisamment apprécier la valeur, Sa Majestè Imperiale m' avait enjoint de ne plus aborder cette question*»²⁾. Мадемъ добавилъ, что онъ видитъ мало шансовъ на успѣхъ въ виду отношенія католической партіи при дворѣ и партіи антирусской. Едва ли эрцгерцогъ способенъ рѣшиться принять какое-либо рѣшеніе безъ согласія императора и правительства.

«*Quant à moi, vous comprendrez facilement, M. le comte, le sentiment de bonheur que j'éprouverais en voyant se realiser des voeux que les plus tendres affections ont inspirés à Leurs Majestés Imperiales et dont elles ont daigné me confier le secret*»³⁾.

Императоръ Николай Павловичъ пожелалъ наконецъ выяснитъ, какія могутъ быть приняты мѣры для устраненія препятствій къ заключенію брачнаго союза между Ольгою Николаевною и эрцгерцогомъ Стефаномъ. По этому поводу въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ его величеству графъ Нессельроде⁴⁾ указываетъ на единственный, по его мнѣнію, возможный путь къ устраненію ихъ. Это возстановленіе прерванныхъ дипломатическихъ сношеній съ папскимъ престоломъ. Въ чемъ заключается сущность вопроса? Это привести папу къ согласію одобрить рѣшеніе папы и, слѣдуя по этому пути, успокоить религіозную нетерпимость обѣихъ императрицъ (*d'amener le Pape à approuver le Pape et de faire issue par la des scrupules religieux des deux imperatrices*).

«Мнѣ кажется, что результатъ этотъ могъ бы быть достигнутъ, если ваше величество согласитесь на эту мѣру, и по совѣсти я не вижу причинъ, которыя побудили бы ваше величество отказаться отъ этого. Въ данномъ случаѣ государственная необходимость, какъ я

¹⁾ Госуд. Архивъ. Разрядъ второй. Письмо графа Нессельроде графу Мадему. мартъ 1842г.

²⁾ «Что относясь съ полнымъ уваженіемъ къ мотивамъ, основательность которыхъ ему затруднительно оцѣнить, его императорское величество предложилъ ему болѣе не касаться этого вопроса». (Госуд. Архивъ, Разрядъ второй. Письмо гр. Мадемъ гр. Нессельроде 18-го (28-го) апрѣля 1842 г.).

³⁾ «Что же касается меня, то вы, графъ, легко поймете чувство радости, которое я бы испытывалъ при осуществленіи желанія, внушеннаго имъ императорскимъ величествомъ самою сильною привязанностью и тайною котораго они мнѣ довѣрили (Госуд. Архивъ. Разрядъ второй. Письмо графа Мадема графу Нессельроде 16-го (28-го) апрѣля 1842 г.).

⁴⁾ Нессельроде, Карлъ Васильевичъ, графъ, министръ иностранныхъ дѣлъ съ 1845 г., канцлеръ (1780—1862 гг.).

ее понимаю, въ полномъ единеніи съ вашими семейными интересами. Ваше величество, соглашаясь на установленіе лучшихъ отношеній съ папскимъ престоломъ, слѣдуете хорошей политикѣ, такъ какъ руками враговъ вы сдерживаете поляковъ-революціонеровъ, самое сильное орудіе, которымъ они пользуются противъ васъ.

«Если даже для достиженія такого результата признано было бы возможнымъ допустить временно папскаго представителя, я позволю себѣ высказать, что выгоды отъ этого допущенія превысили бы неудобства, пріостекающія отъ принятія этой мѣры».

«Неудобство главнымъ образомъ заключалось бы въ интригахъ— слѣдствіе присутствія папскаго представителя. Но ваше величество достаточно могущественны, чтобы ослабить ихъ дѣйствія. Когда идетъ вопросъ о единственной подходящей партіи для великой княжны, вашей дочери, то подобныя соображенія едва ли могутъ остановить ваше согласіе на принятіе такой мѣры. *Daignez,—*заканчиваетъ Нессельроде свой докладъ,—*pardonnez la franchise de ces observations dictées par le dévouement profond qui ne cessera de m'animer pour Votre Majesté et Son Auguste famille. Je ne saurais traiter sans une vive émotion un sujet, qui se rattache à ses plus, chères affections ni me dispenser dévouer tous les efforts, dont je suis capable à la recherche des moyens les plus propres à amener un dévouement satisfaisant pour le coeur paternel de Votre Majesté*¹⁾».

Изъ послѣдующаго письма графа Медема графу Нессельроде выяснилось, что всѣ возраженія князя Меттерниха сводились, главнымъ образомъ, къ признанному правительствомъ затрудненію согласиться на смѣшанный бракъ эрцгерцога Стефана, въ виду того, что послѣдній въ будущемъ получить мѣсто палатина венгерскаго. Узнавъ объ этомъ, Николай Павловичъ далъ инструкцію Медему воздержаться отъ какихъ-либо дальнѣйшихъ шаговъ. Между тѣмъ въ Вѣнѣ распространился слухъ, что имѣется въ виду поручить эрцгерцогу Стефану управление Богеміей. Канцлеръ на запросъ Медема относительно вѣроятія этихъ слуховъ отрицалъ ихъ. Если эрцгерцога Стефана пошлютъ туда, то только для того, чтобы испытать его административныя способности и затѣмъ назначить его на мѣсто отца, палатина венгерскаго, который выразилъ желаніе по окончаніи законодательной сессіи покинуть этотъ постъ. «Я выразилъ,— пишетъ Медемъ,—сожалѣніе относительно неудачи этой комби-

---

¹⁾ «Соблаговолите отнестись снисходительно къ откровеннымъ объясненіямъ, предписаннымъ мнѣ моею глубокою преданностью, которая вѣчно будетъ руководить мною по отношенію къ вашему величеству и вашему августѣйшему семейству. Съ глубокимъ волненіемъ я касаюсь предмета, столь дорогого вамъ, и это вынуждаетъ меня исчерпать всѣ усилія, кои находятся въ моемъ распоряженіи, и изыскать способъ къ достиженію удовлетворительной развязки для отеческаго сердца вашего величества». (Госуд. Архивъ. Разрядъ второй. Всеподданнѣйшій докладъ графа Нессельроде императору Николаю I. Июль 1843 г.).

націи, она могла бы уничтожить возраженія къ заключенію смѣшаннаго брака эрцгерцога Стефана. Послѣ этого намека канцлеръ поспѣшилъ заявить, что онъ придаетъ громадное значеніе союзу обѣихъ императорскихъ фамилій и что въ этомъ онъ усматриваетъ всякія выгоды. Но различіе вѣроисповѣданій—препятствіе, которое ему трудно устранилъ, въ особенности въ такое время, когда главы обѣихъ церквей находятся въ непріязненныхъ отношеніяхъ (*se trouvaient en presence d'une manière plus franchée*).

При этомъ канцлеръ добавилъ, что онъ, съ своей стороны, не будетъ ставитъ препятствій, какъ только императорская фамилія найдетъ возможнымъ дать свое согласіе на смѣшанный бракъ кого-либо изъ эрцгерцоговъ. Его же долгъ, какъ члена правительства, наблюдать, чтобы благо государства не пострадало отъ этого, въ особенности въ настоящее время, когда вопросы религіозные находятся въ щекотливомъ положеніи. Не желая настойчиво поддерживать свои заключенія, Метемъ ограничился общимъ указаніемъ на то, что, по его мнѣнію, вообще придаютъ слишкомъ много значенія оттѣнкамъ различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій.

Изъ этого разговора Метемъ вынесъ впечатлѣніе, что въ данномъ случаѣ единственное препятствіе къ заключенію желаннаго брачнаго союза—это различіе вѣроисповѣданій, но что канцлеръ, при согласіи императорской фамиліи, въ особенности императора Фердинанда и палатина венгерскаго, не выступитъ противъ.

Главное препятствіе—это фанатизмъ обѣихъ императрицъ и эрцгерцогини Софіи. Онѣ не скрывали своего сильнаго неодобренія тому обстоятельству, что сынъ герцога Лейхтенбергскаго былъ крещенъ не по католическому обряду, какъ его отецъ¹⁾. Нота разочарованія, которая звучитъ въ этомъ донесеніи Метема, находитъ свое подтвержденіе въ письмѣ Долли Фикельмонтъ отъ 3-го ноября 1843 года: «je ai déjà dis combien Fiquelmont regrettait et regrette encore de n'avoir pas pu réussir dans les négociations, dont l'Empereur l'avait chargé à Varsovie. Les obstacles étaient insurmontables, partant de haut, et basés sur des convictions religieuses. Tout a échoué contre l'idée que les mariages mixtes devenaient impossibles dans la famille impériale, depuis que les affaires religieuses en Hongrie font naître de si grandes difficultés. La pensée de Fiquelmont maintenant est qu'il n'y aurait qu'un moyen de faire réussir ce projet si l'Empereur y tient. C'est de Rome seule que peut venir la décision, si le Pape faisait savoir à la famille impériale qu'un mariage mixte, mais dont les enfants seront catholiques, ne saurait être blâmé. L'archiduc Etienne n'a été pour rien dans la décision qu'on a prise et qui est parti

¹⁾ Госуд. Архивъ. Разрядъ второй. Письмо графа Метема къ графу Нессельроде, отъ 19-го сентября (1-го октября) 1843 г.

d' en haut. Il se porte bien à présent, il a bonne mine et se fortifie. Dolly»¹⁾.

Такъ вопросъ о заключеніи брака Ольги Николаевны съ эрцгерцогомъ Стефаномъ тянулся до 1 января 1844 года. Государь Николай Павловичъ, недовольный проволочкой въ этомъ дѣлѣ, рѣшилъ послать съ особою миссіей генераль-адъютанта, графа Алексѣя Ѳеодоровича Орлова, свое ближайшее довѣренное лицо Графъ Орловъ, кромѣ словесныхъ указаній, былъ снабженъ секретною инструкціею, утвержденной государемъ Николаемъ Павловичемъ 8 января 1844 года. Кромѣ того, онъ получилъ копію брачнаго договора великой княжны Александры Павловны съ эрцгерцогомъ Иосифомъ, отъ 19 апрѣля 1799 года, подписаннаго государями Австріи и Россіи и заключающаго въ себѣ соглашеніе по вопросу о вѣроисповѣданіи.

Наконецъ графъ Орловъ долженъ былъ вручить лично письмо Николая Павловича императору Фердинанду. Въ письмѣ этомъ, послѣ обычныхъ привѣтственныхъ формулъ, государь говорилъ: «Dépositaire de ma pensée, investie de toute ma confiance et témoin des rapports si intimes qui existaient entre l'Empereur François de glorieuse mémoire et moi, le comte Orloff est principalement chargé d'être l'interprète fidèle des sentiments affectueux que de même qu'a feu l'Empereur son père j' ai invariablement voués à Votre Majesté Imperiale et Royale je la prie de l'honorer de cet accueil gracieux qu' il a déjà plus d'une fois eu le bonheur de trouver auprès d'elle et d'avoir foi à tout ce qu' il aura l'honneur de lui exposer en mon nom».²⁾

Въ секретной инструкціи графу Орлову вмѣнялось въ обязанность оспаривать мысль, высказанную графомъ Фикельмонтомъ во

---

¹⁾ «Я тебѣ уже писала, насколько Фикельмонтъ сожалѣлъ и теперь сожалѣетъ о неудачномъ исходѣ переговоровъ, которые ему были поручены государемъ въ Варшавѣ. Препятствія были непреодолимы, исходили свыше и основывались на религиозномъ предубѣжденіи. Все рушилось, благодаря идеѣ, что смѣшанные браки неосуществимы, въ виду серьезныхъ недоразумѣній религиозныхъ въ Венгріи. По мнѣнію Фикельмонта, есть одинъ способъ осуществить этотъ бракъ, если государь его желаетъ. Это изъ Рима только можетъ послѣдовать рѣшеніе, если папа объявитъ императорской фамиліи, что онъ не будетъ осуждать смѣшанный бракъ, но дѣти коего будутъ исповѣдывать католическую религію. Эрцгерцогъ Стефанъ не игралъ никакой роли въ принятіи рѣшенія. Онъ здоровъ въ настоящее время, и него хорошей видъ, здоровье укрѣпляется. Долли». (Фикельмонтъ. Письма, стр. 56).

²⁾ «Освѣдомленный о моихъ взглядахъ, облеченный моимъ полнымъ довѣріемъ и свидѣтель близкихъ отношеній, установившихся между мною и славной памяти императоромъ Францемъ, графъ Орловъ главнымъ образомъ уполномоченъ быть выразителемъ тѣхъ чувствъ, кои я питалъ къ въ Божѣ почившему императору, вашему отцу, и продолжаю питать къ вашему императорскому и королевскому величеству, я прошу оказать ему благожелательный приемъ, который онъ уже имѣлъ неоднократно счастье испытать, и вѣрить всему, что онъ уполномоченъ заявить отъ моего имени». (Госуд. Архивъ. Разрядъ второй. Письмо императора Николая I императору Фердинанду I отъ 20-го января 1844 г.).

время бесѣды съ государемъ въ Варшавѣ, а именно объ отсутствіи взаимности (*réciprocité*) при вступленіи русскихъ великихъ князей въ бракъ съ иностранными принцами. Онѣ сохраняютъ и по выходѣ замужъ свою религію. Между тѣмъ иностранная принцесса, выходя замужъ за русскаго великаго князя, должна была принять православіе. Эта мѣра, общая по отношенію ко всѣмъ иностраннымъ домамъ, не примѣнялась при заключеніи брачныхъ союзовъ между членами російскаго и австрійскаго императорскихъ домовъ, что и подтверждается брачнымъ договоромъ Александры Павловны съ палатиномъ венгерскимъ, заключеннымъ на основѣ взаимности.

Великая княжна Александра Павловна при выходѣ замужъ продолжала исповѣдывать свою религію, но когда ей предстояло бы взойти на престолъ, она должна была бы принять религію своего супруга. Равнымъ образомъ и эрцгерцогиня австрійская при выходѣ замужъ за великаго князя императорскаго російскаго дома получала то же преимущество и не мѣняла вѣроисповѣданія.

На это обстоятельство и поручалось графу Орлову обратить вниманіе: упомянутый брачный договоръ могъ бы служить базой для устраненія возникающихъ недоразумѣній въ настоящемъ дѣлѣ. Этимъ актомъ императоръ Францъ и его преемники не только признали возможность смѣшанныхъ браковъ членовъ австрійскаго дома, но и регламентировали условія ихъ заключенія.

«*Comment dès lors l'Empereur Ferdinand et les membres de sa famille peuvent—ils trouver des inconveniens réels dans un état de choses que son Auguste Père, dans sa sagesse, à reconnu comme possible*»¹⁾.

По прибытіи своемъ въ Вѣну графъ Орловъ былъ принятъ въ особой аудіенціи императоромъ Фердинандомъ, а затѣмъ имѣлъ продолжительную бесѣду съ княземъ Меттернихомъ. Разговоръ этотъ настолько важенъ, что мы приведемъ его полностью. Обнаружилось, что канцлеръ поддерживалъ мысль о заключеніи брачнаго союза Ольги Николаевны съ эрцгерцогомъ Стефаномъ и желалъ въ то же время воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, дабы добиться отъ русскаго правительства уступокъ римской куріи и установить новый *modus vivendi* для католическихъ подданныхъ государя. На это и указываютъ его слова:

«*Que l'empereur se reconcilie franchement avec le Pape et le mariage se fera*»²⁾.

¹⁾ «Какимъ образомъ императоръ Фердинандъ и члены его августѣйшей семьи находятъ существенное препятствіе въ такомъ дѣлѣ, которое было августѣйшимъ отцомъ признано осуществимымъ». (Госуд. Архивъ. Разрядъ второй. Докладъ графа Нессельроде императору Николаю I отъ 31-го декабря 1843 г.).

²⁾ «Пусть государь откровенно переговоритъ съ папою, и бракъ можно будетъ заключить».

Эти слова идутъ совершенно въ разрѣзъ съ слѣдующими строками изъ его записокъ:

«La persécution religieuse, qui a lieu en Russie, n'est certes pas une position digne d'être soutenue; elle compromet l'empereur qui ne caresse pas le juste milieu et il suffit de cet ait pour ne pas dégouter les fils aînés de l'église de la persécution; arrive ce qui pourra. J'ai tenu à prendre relativement à ce sujet l'attitude, qui seule peut nous convenir et c'est pour cela que j'ai touché à cette question. L'empereur Nicolas arrivera probablement ici vers le 28 ou le 29 de ce mois. Il y restera deux ou trois jours où plus. Je verrai alors plus clair, que je ne le fais aujourd'hui sur ce qui se sera passé entre les chefs de deux Eglises. Dans tout cela il n'est nullement question de la Grande Duchesse Olga et de l'Archiduc Etienne. Ce dont il s'agit, c'est de savoir si l'Empereur vivra ou ne vivra pas en paix avec 14 ou 15 millions de sujets catholiques, protestants et juifs¹⁾».

Въ донесеніи о своемъ совѣщаніи съ княземъ Меттернихомъ графъ Орловъ сообщаетъ весьма интересныя данныя по вопросу о предполагаемомъ брачномъ союзѣ. Прежде всего канцлеръ спросилъ Орлова, уполномоченъ ли онъ, или нѣтъ вести переговоры о бракѣ. «Какъ бы то ни было, я лично чувствую потребность откровенно и съ довѣріемъ объясниться съ вами и высказать, что я думаю по этому вопросу и что я сдѣлалъ. Мнѣ нѣтъ надобности увѣрять васъ, что я желаю этого брака и признаю политическія выгоды, которыя получимъ отъ его заключенія».

«Вашъ государь, — продолжалъ Меттернихъ, — скорбя о дѣйствіяхъ прусскаго короля, высказалъ весьма глубокую мысль: «насъ было трое, теперь мы только вдвоемъ». Такъ пусть эти два еще крѣпче сплотятся всѣми способами, изъ коихъ брачный союзъ самый могущественный. Я долженъ желать этого союза и то, что я вамъ сообщу, докажетъ до очевидности. Когда я узналъ о путешествіи императрицы въ Италію, я, конечно, былъ убѣжденъ, что рано или поздно государь поѣдетъ къ ней, въ виду чего я и далъ надлежащую инструк-

---

¹⁾ «Религіозное преслѣдованіе, которое въ послѣднее время происходитъ въ Россіи, не имѣетъ за собою основанія для продолженія. Оно компрометируетъ государя, послѣдній не относится съ безпристрастіемъ къ этому вопросу, и этого довода достаточно, чтобы не отвращать старшихъ сыновей церкви отъ преслѣдованія. Пусть будетъ, что будетъ. Я принялъ въ отношеніи этого вопроса то положеніе, которое намъ приличествуетъ, почему и позволилъ себѣ коснуться этого вопроса. Императоръ Николай будетъ здѣсь, вѣроятно, 28-го или 29-го этого мѣсяца. Онъ пробудетъ здѣсь не болѣе двухъ дней. Мнѣ тогда представится все яснѣе, чѣмъ теперь, то, что произошло между главами двухъ церквей».

«Во всемъ этомъ нѣтъ ничего относительно великой княжны Ольги Николаевны и эрцгерцога Стефана. Дѣло заключается въ томъ, чтобы знать, будетъ ли государь жить въ мирѣ съ четырнадцатью или пятнадцатью милліонами своихъ подданныхъ католиковъ, протестантовъ и евреевъ». (Меттернихъ, Мемуары, т. VIII, стр. 104—105).

цію графу Фикельмонту на тотъ случай, если его величеству будетъ угодно коснуться этого вопроса. Но это порученіе могло быть дано лишь съ согласія главнѣйшихъ членовъ императорской семьи. По моему предложенію былъ созванъ семейный совѣтъ. Моя задача заключалась въ томъ, чтобы ослабить религіозную нетерпимость царствующей императрицы. Только одинъ способъ давалъ возможность побѣдить ея сопротивленіе. Нужно было доказать, что бракъ этотъ на пользу ея религіи, что глава этой религіи будетъ оцѣнивать его только съ этой точки зрѣнія и что если отъ папы можно было бы добиться не простого разрѣшенія, въ которомъ онъ по каноническимъ правиламъ отказать не можетъ, но согласія моральнаго, къ заключенію этого брака, всѣ ея сомнѣнія въ отношеніи религіи должны будутъ исчезнуть.

«Это разсужденіе, которое одно могло подѣйствовать на императрицу, я развилъ въ докладѣ, который подвергъ обсужденію въ семейномъ совѣтѣ. Докладъ этотъ достигъ цѣли, императрица, заявившая категорически, что она не дастъ согласіе на этотъ бракъ, перестала упорствовать въ своемъ отказѣ и сказала мнѣ: «Если папа дастъ свое согласіе на то, что вы предлагаете, я отъ всего сердца благословлю бракъ моего кузена Стефана съ великою княжною Ольгою Николаевною. Вотъ положеніе дѣлъ въ настоящій моментъ. Какъ добиться окончанія его, какъ воздѣйствовать на папу? Это уже ваше дѣло, и я полагаю, что путешествіе императора въ Италію дастъ самый естественный и вѣрный способъ воспользоваться этимъ и войти въ соглашеніе съ папою по вопросамъ, относительно коихъ существуютъ такіа печальныя разногласія между вами и римскою куріею—всѣ препятствія исчезнутъ. Тогда мнѣ легко будетъ добиться отъ него такого шага, который побѣдитъ религіозное предубѣжденіе императорской семьи. Пока ваши отношенія не улучшатся, нѣтъ надежды на его поддержку, и я, съ своей стороны, не усматриваю другого способа воздѣйствія на императорскую семью съ цѣлью получить ея согласіе на союзъ эрцгерцога Стефана съ дочерью государя, дѣйствія котораго продолжаютъ носить непріязненный характеръ къ главѣ религіи, которую императорская семья исповѣдуетъ».

На это графъ Орловъ возразилъ слѣдующее:

«Дабы отвѣтить на поставленный вами, князь, вопросъ, я долженъ заявить, что одинаково не имѣю полномочій говорить съ вами по поводу брака, ни запрещенія слушать вашу рѣчь по этому дѣлу, если, конечно, инициатива идетъ съ вашей стороны. Порученіе, которое на меня возложено, касается направленія пути, который его величество вынужденъ будетъ принять, дабы раньше прибыть къ императрицѣ. Но я предусматривалъ, что при нашихъ дружественныхъ и интимныхъ отношеніяхъ мы не проведемъ 24 часовъ, не коснувшись вопроса о бракѣ. Я очень радъ, что вы первый на это

рѣшились, такъ какъ ваши объясненія разсвѣтъ нѣкоторыя сомнѣнія въ моемъ умѣ относительно вашихъ истинныхъ намѣреній и освѣтятъ то, что казалось мнѣ всегда нѣсколько туманнымъ и противорѣчивымъ въ вашемъ образѣ дѣйствій по отношенію къ намъ. Это и будетъ единственный результатъ нашего разговора, такъ какъ мнѣ совершенно неизвѣстно, продолжаетъ ли его величество желать этого брака, или онъ отказался отъ него. Но я долженъ поставить васъ въ извѣстность, что прошлое оставило въ его умѣ тягостное впечатлѣніе, и я боюсь, что слѣдствіемъ этого можетъ быть охлажденіе въ сношеніяхъ его съ вашей императорской семьей. Его уму представляется совершенно неяснымъ, дѣйствительно ли указываемыя вами религіозныя препятствія составляютъ реальное препятствіе, или это только предлогъ, дабы замаскировать отказъ. Въ этомъ-то и заключается противорѣчіе, о которомъ я вамъ только что говорилъ. Затрудненія не существовали, когда вопросъ шелъ объ эрцгерцогѣ Альбрехтѣ, котораго вы намъ предложили, но оно явилось для его кузена эрцгерцога Стефана¹⁾. Между тѣмъ они оба эрцгерцоги и католики, и религіозное предубѣжденіе императорской фамиліи должно было быть препятствіемъ какъ въ отношеніи одного, такъ и другого». Тутъ князь Меттернихъ прервалъ меня и сказалъ, что они были бы въ большомъ затрудненіи въ случаѣ нашего согласія на бракъ съ эрцгерцогомъ Альбертомъ и что едва ли безъ обращенія къ папѣ можно было бы добиться согласія императора и императрицы. Впрочемъ,—добавилъ онъ,—то, что было бы возможно тогда, теперь труднѣе, ибо обстоятельства другія. Отношенія ваши къ папскому престолу ухудшились (намекъ на папскую буллу). Затѣмъ онъ признался, что тогда главное препятствіе съ его стороны согласиться на бракъ эрцгерцога Стефана заключалось въ положеніи, которое онъ могъ занять въ Венгріи. Въ настоящее время ихъ точка зрѣнія подверглась окончательному измѣненію въ виду того, что положеніе въ Венгріи улучшилось. Поэтому, хотя эрцгерцогъ Стефанъ всегда былъ предназначенъ занять постъ палатина венгерскаго, было рѣшено впослѣдствіи не считать этого препятствіемъ къ заключенію брака его съ русскою великою княжною и даже примириться съ этимъ неблагопріятнымъ обстоятельствомъ. Я повторяю,—заключилъ князь Меттернихъ,—единственное препятствіе—это ваши отношенія къ папскому престолу: «Que l'empereur se reconcilie franchement avec le Pape et le mariage se fera. Je vous en donne ma parole et j'y travaillerai de coeur et

¹⁾ Вопросъ о бракѣ эрцгерцога Стефана съ одной изъ русскихъ великихъ княженъ дочерью великой княгини Елены Павловны, Екатерины Михайловны, всплылъ опять въ 1847 г. Этого брака очень желала Елена Павловна, но эрцгерцогъ Стефанъ отказался, признавая его невозможность послѣ всего, происшедшаго раньше. (См. письмо Долли Фикельмонтъ отъ 8-го іюля 1847 г., стр. 121).

d'âme, que l'empereur daigne venir à mon secours et nous parviendrons à accomplir ses vœux»¹⁾).

Мысли канцлера по поводу брачнаго союза убѣдили графа Медема, что онъ не прочь въ угоду государю добиться его заключенія. Возраженія противъ смѣшаннаго брака исходятъ отъ обѣихъ императрицъ, а у канцлера нѣтъ достаточной энергіи побѣдить это сопротивленіе, какъ онъ бы могъ, указавъ, что государственная необходимость выше религіозныхъ предубѣжденій. Канцлеръ домогается одновременно заслужить благоволеніе святѣйшаго престола и добиться большей уступчивости съ нашей стороны. Кромѣ того, онъ боится скомпрометировать себя какимъ-либо неумѣстнымъ шагомъ въ этомъ деликатномъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что такой образъ дѣйствій могъ бы имѣть мѣсто только съ одобренія императорской фамиліи. Вопросъ въ полученіи отъ папы заявленія объ ожидаемой выгодѣ для римско-католической церкви отъ заключенія смѣшаннаго брака. Но получить такое конфиденціальное заявленіе, въ виду нашихъ отношеній къ святѣйшему престолу, было не легко. Другое препятствіе—была оппозиція нашихъ пртивниковъ и здѣсь, и въ Римѣ. Все это заставляло князя Меттерниха быть очень осторожнымъ.

Медемъ настаивалъ, чтобы канцлеръ позондировалъ почву въ Римѣ. Послѣдній послѣ нѣкоторыхъ колебаній согласился на это и задержалъ на одинъ день курьера въ Италію, дабы имѣть при посредствѣ графа Лютцова²⁾ разъясненія о характерѣ и результатѣ сообщеній Бутенева³⁾, которыя сей послѣдній долженъ былъ сдѣлать. Лютцовъ имѣлъ совѣщаніе съ кардиналомъ-секретаремъ, и послѣдній обѣщалъ ему составить историческій обзоръ сношеній кабинетовъ нашего и папскаго съ 1830 г. Въ этомъ документѣ изложенъ обзоръ весьма интересныхъ переговоровъ со св. престоломъ, т.-е. простое изложеніе фактовъ въ весьма миролюбивомъ тонѣ. Изъ него Медемъ усмотрѣлъ, что папскій престолъ продолжаетъ протестовать: 1) противъ запрещенія прямыхъ сношеній между нимъ и католическимъ духовенствомъ имперіи; 2) противъ отказа нашего въ аккредитованіи представителя папскаго престола съ установленіемъ постоянного его мѣстопробыванія; 3) противъ присоединенія къ государственнымъ имуществамъ недвижимости духовенства и 4) противъ закрытія монастырей; кромѣ того, высказаны нѣкоторыя мелкія претензіи. Князь Меттернихъ спросилъ, долженъ ли онъ, или нѣтъ, представить Медему этотъ документъ лишь кон-

¹⁾ «Пусть государь откровенно примирится съ папой, и бракъ будетъ заключенъ. Даю вамъ слово, въ этомъ я буду содѣйствовать сердцемъ и душою. Пусть государь соблаговолитъ прийти мнѣ на помощь, и мы достигнемъ исполненія его желаній» (Госуд. Архивъ. Разрядъ второй. Докладъ графа Орлова отъ января 1844 г.).

²⁾ Лютцовъ, Рудольфъ, графъ, австрійскій посолъ при папскомъ дворѣ.

³⁾ Бутелевъ, Аполлонъ Петровичъ (1787—1866 гг.), русскій посланникъ въ Римѣ.

фиденціально. Медемъ отвѣтилъ утвердительно, полагая, что этотъ документъ можетъ быть полезенъ. Этотъ документъ переданъ графу Коллоредо, а тотъ долженъ прочесть его графу Орлову.

Въ заключеніе Медемъ высказываетъ убѣжденіе, что разрѣшеніе вопроса о бракѣ этими переговорами нисколько не подвижилось впередъ. Все это онъ высказалъ канцлеру, указавъ ему на необходимость такъ или иначе знать, какого образа дѣйствій должно держаться въ этомъ дѣлѣ.

«Если вы полагаете, что существуютъ непреодолимые препятствія къ его заключенію, поставьте насъ въ извѣстность. Если же есть шансы на успѣхъ, добейтесь скорой развязки. Неопредѣленность повлечетъ за собою серьезныя послѣдствія. Хуже всего было бы молчаніе, такъ какъ оно поведетъ къ неблагоприятнымъ толкованіямъ, ихъ необходимо избѣжать.

Князь Меттернихъ призналъ полную справедливость доводовъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, онъ въ своемъ смущеніи не зналъ, на что рѣшиться, и старался по привычкѣ тянуть время.

Въ концѣ донесенія Медемъ убѣждаетъ графа Нессельроде встрѣтиться съ канцлеромъ въ Ишлѣ, дабы такъ или иначе кончить этотъ вопросъ ¹⁾.

Такимъ образомъ, ни миссія графа Орлова, ни дипломатическіе переговоры не привели ни къ какому опредѣленному результату.

Непрошенное вмѣшательство князя Меттерниха во внутреннія дѣла Россіи и желаніе его связать вопросъ объ отношеніяхъ русскаго правительства къ папѣ съ вопросомъ о бракѣ Ольги Николаевны—возмутили государя. «Государь въ ярости отъ этихъ «условій»,—сообщаетъ графиня М. Д. Нессельроде ²⁾.

Въ августѣ 1845 года императрица Александра Ѳеодоровна, здоровье которой сильно пошатнулось послѣ преждевременной кончины любимой дочери, великой княгини Александры Николаевны, по совѣту врачей, вынуждена была выѣхать на зиму въ Италію. Мѣстопробываніемъ государыни былъ избранъ городъ Палермо въ Италіи.

Императрица Александра Ѳеодоровна ввиду бурной погоды не могла ѣхать моремъ до Штетина, а направилась въ Берлинъ сухимъ путемъ.

Мѣстопробываніемъ избрали виллу княгини Бутера (рожденной Шаховской ³⁾ въ Олливуцѣ.

¹⁾ Государственный архивъ. Разрядъ второй. Письмо графа Медема графу Нессельроде отъ 23-го іюня (5-го іюля) 1844 года.

²⁾ «Русскій Архивъ», 1910 г., 5, стр. 140—141. Графиня Марія Дмитриевна Нессельроде, рожденная графиня Гурьева, супруга канцлера (1785—1849 гг.), этотъ S. Simon царствованія Николая I, оставила послѣ себя цѣлый рядъ писемъ, дающихъ весьма интересную характеристику дѣятелей этой эпохи. Недаромъ великій князь Михаилъ Павловичъ называлъ въ шутку ее «se bon monsieur de Robespierre».

³⁾ Бутера, княгиня, Варвара Петровна (1769—1870 гг.), рожденная Шаховская, въ первомъ бракѣ за генераль-лейтенантомъ Павломъ Андреевичемъ Шуваловымъ.

Съ величайшей неохотою разстался государь съ своей обожаемой супругою на такой продолжительный срокъ. Отъѣзжая въ Севастополь 22-го августа, онъ уже 18-го сентября былъ въ Харьковѣ и неожиданно для всѣхъ 28-го сентября прослѣдовалъ въ Австрію черезъ Краковъ, Тешень на Прагу, 3-го октября—былъ въ Инспрукѣ. 5-го октября государь уже ѣхалъ съ императрицею изъ Милана. Остальное путешествіе продолжали вмѣстѣ. Въ Генуѣ сѣли на русскія суда «Камчатка» и «Бессарабія» и прибыли въ Палермо 10-го октября 1845 года.

На возвратномъ пути государю въ Венеціи представлялся наслѣднѣйшій принцъ Карлъ вюртембергскій. Извѣстно, что его отецъ король Вильгельмъ въ первомъ бракѣ былъ женатъ на великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, отъ которой имѣлъ двухъ дочерей: Марію, въ супружествѣ за графомъ Альфредомъ Нейпергъ, и Софію—за Вильгельмомъ, наслѣднѣйшимъ принцемъ Оранскимъ. Отъ второго брака съ принцессою Каролиною вюртембергскою онъ имѣлъ единственнаго сына, принца Карла. Близкія сношенія между обоими дворами никогда не прекращались, и король воспользовался временнымъ пребываніемъ государя и послалъ ему своего сына. «Le Roi, — доноситъ нашъ посланникъ при штутгартскомъ дворѣ, князь А. М. Горчаковъ ¹⁾, — desirant offrir à Sa Majesté l'Empereur un témoignage du prix qu'il attache aux rapports qui l'unissent à Sa Majesté et menager à Monseigneur le Prince Royale l'occasion de faire sa cour à notre Auguste Maître s'est arrêté à l'idée d'envoyer Son Altesse Royale sur la route que prendra Sa Majesté pour retourner dans ses états. Cette décision a été prise ce matin et c'est à Venise que Son Altesse Royale ira attendre Sa Majesté L'Empereur» ²⁾, а въ слѣдующемъ донесеніи Горчаковъ сообщаетъ, что «Sa Majesté a appris avec une visible satisfaction le jugement que notre Auguste Maître a porté sur la conduite soumise et respectueuse du Prince» ³⁾.

Такимъ образомъ, первое знакомство было сдѣлано, и принцъ

вымъ, во второмъ за церемоніймейстеромъ барономъ Нольде и въ третьемъ за неаполитанскимъ княземъ Бутера и-де-Радоли.

¹⁾ Горчаковъ, Александръ Михайловичъ (1798—1883 гг.), князь, министръ иностранныхъ дѣлъ и канцлеръ съ 1869 г., титулъ свѣтлости былъ пожалованъ въ 1871 г.

²⁾ «Король, желая засвидѣтельствовать его величеству, насколько онъ цѣнитъ существующія между нимъ и государемъ отношенія и дать возможность наслѣдному принцу явиться къ нашему августѣйшему повелителю, остановился на мысли послать его королевское высочество по тому же пути, который государь избереть для возвращенія въ свои владѣнія. Это рѣшеніе было принято сегодня утромъ, въ Венецію побѣдетъ его королевское высочество и будетъ тамъ ждать государя». (Государственный архивъ. Донесеніе Горчакова Нессельроде отъ 23-го ноября (5-го декабря) 1845 г.).

³⁾ «Его величество съ видимымъ удовольствіемъ узналъ о мнѣніи, которое государь изволилъ высказать въ отношенія почтительнаго поведенія принца» (Государственный архивъ, Донесеніе отъ 23-го ноября (5-го декабря) 1845 г.).

Карль, откланявшись государю, отбылъ въ Палермо, гдѣ и представился императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и Ольгѣ Николаевнѣ.

Высокаго роста, худощавый, съ нѣсколько измѣженными чертами лица, принцъ Карль могъ бы считаться красивымъ, если бы не рыжеватый цвѣтъ волосъ, который портилъ общее благопріятное впечатлѣніе. Суровый режимъ, въ которомъ держалъ его отецъ, не могъ не отразиться на характерѣ, неровномъ и измѣнчивомъ, и будущей наслѣдной принцессѣ вюртембергской пришлось употребить не мало усилий, дабы установить болѣе или менѣе сносныя отношенія между нимъ и отцомъ. Главный его недостатокъ состоялъ въ недоумѣніи окружать себя достойными людьми.

«Je dois dire à regrêť que l'impression favorable que le Prince Royal avait généralement faite lors de son retour de Berlin, ne s'est point soutenue. Il n'a pas le talent de se bien entourer. Au reste, sa grande jeunesse ne permet point encore de préjuger de l'avenir et il me semble équitable avant de donner une opinion définitive, d'attendre que l'équilibre rompu par la transition subite d'un régime sévère à une liberté absolue soit retabli par la réflexion et l'expérience» ¹⁾.

Какъ бы то ни было, предложеніе принца Карла великою княжною Ольгою Николаевною было принято, и 20-го января (нов. ст.) на завтракъ, который давалъ великій князь Константинъ Николаевичъ на «Ингерманландѣ», императрица Александра Ѳеодоровна возвѣстила объ обрученіи принца Карла съ Ольгою Николаевною.

На возвратномъ пути изъ Палермо государь Николай Павловичъ далъ почувствовать вѣнскому двору все свое неудовольствіе. 30-го декабря 1845 года Николай Павловичъ покинулъ Брюнъ въ десять часовъ и прибылъ въ Глогницъ, откуда намѣревается проѣхать дальше. Только благодаря настояніямъ принца Карла Лихтенштейна, который заявилъ, что онъ имѣетъ формальное приказаніе пригласить государя въ Вѣну, и указавъ на впечатлѣніе, которое произведетъ этотъ отказъ на публику, государь смягчился и сказалъ: «Faites de moi demain ce que vous voudrez, aujourd'hui la force me manque».

31-го декабря происходилъ большой парадъ въ присутствіи всего двора. Княгиня Меттернихъ сообщаетъ о визитѣ государя къ ней: «On m'annonça L'Empereur. J'allai au devant de lui et je le trouvai très changé. L'expression de ses traits est devenue plus dure encore, et la terrible severité de son regard n'était nullement tem-

---

¹⁾ «Я долженъ, къ величайшему сожалѣнію, заявить, что благопріятное впечатлѣніе, которое производилъ принцъ по возвращеніи своемъ изъ Берлина, испарилось. У него нѣтъ способности окружать себя достойными людьми. Впрочемъ, невозможно судить о будущемъ виду его молодости. Мнѣ кажется, что прежде, чѣмъ высказать окончательное сужденіе, было бы необходимо обождать, чтобы внезапный переходъ отъ строгаго режима къ полной свободѣ возстановленъ былъ размышленіемъ и опытомъ». (Государственный архивъ. Донесеніе Горчакова Нессельроде отъ 8-го (21-го) февраля 1845 г.).

derée par l'expression de sa bouche. Lorsque Clement entra et qu'il vint à parler de la politique et du Cabinet Tory, l'Empereur le interrompit, en lui disant: «pas un mot de politique, je ne suis venu que pour causer avec votre femme» ¹⁾).

По приѣздѣ въ Варшаву государь написалъ Ольгѣ Николаевнѣ письмо, которое еще разъ подтверждаетъ, что ей онъ предоставляетъ самостоятельно рѣшить вопросъ о своей будущей жизни. Вотъ что писалъ Николай Павловичъ: «Варшава, 26-го декабря 1845 года (7-го января 1846 года). «Благодарю тебя, милая Олли, за доброе письмо твое отъ 10 (22го) числа. Ты вообразить себѣ не можешь, съ какимъ счастьемъ я читалъ увѣреніе, что нашей доброй мамѣ точно лучше и что силы ея примѣтно поправляются. Это одно мое утѣшеніе въ разлукѣ и вознагражденіе за приносимую жертву. Слава Богу, и дай, Боже, чтобы все ваше пребываніе такъ же счастливо кончилось, какъ началось и чтобы черезъ пять мѣсяцевъ я могъ прижать васъ къ сердцу дома. Теперь ты отгадаешь, что меня болѣе занимаетъ!.. Какъ ты, по Божію наитію, рѣшишь свою участь? Съ полной свободой, съ спокойнымъ испытаніемъ твоего сердца, безъ предупрежденій и безъ наущеній; сама одна ты. Минута важная, рѣшительная на всю жизнь.

«Твое сердце, твой здравый умъ, мнѣ порукой, что то, что ты одна рѣшишь, будетъ изреченіемъ Божьей воли, ибо ты Богу предаешься; потому я и спокоенъ, и отъ того жду, чему быть. Никто не можетъ тебѣ совѣтовать: ты одна можешь и должна судить объ твоёмъ дѣлѣ; мы же можемъ только судить de la position sociale, какъ уже тебѣ писалъ въ пользу предлагаемаго тебѣ. Если бъ прежнее и могло быть, то сравненія нѣтъ между двухъ предложеній въ отношеніи условій твоего положенія. Видѣвъ же нынѣ вблизи, въ какую семью могла бы ты попасть и до какой степени съ одной стороны беспорядокъ, и съ другой—фанатизмъ у нихъ сильны, я почти радъ, что дѣло не состоялось. Теперь выбирай только между предлагаемымъ или всегдашняго пребыванія дома въ дѣвцахъ: ибо нѣтъ, вѣроятно, какого-либо иного предложенія, достойнаго тебя, когда нѣтъ на то лица. Повторяю, что ты рѣшишь, то будетъ, по моей вѣрѣ къ лучшему: ибо по моему чувству къ тебѣ я той вѣры, что въ тебѣ будетъ въ эту минуту гласъ Божій изрекаться. Аминь.

«Надѣюсь, что мои бездѣлки на Рождество тебя позабавили; кажется, статуйка молящагося ребенка мила: это ангель, который за тебя молится, какъ за своего товарища. Богъ съ тобою,

¹⁾ «Мнѣ доложили о визитѣ государя. Я вышла къ нему навстрѣчу и нашла въ немъ большую перемѣну. Выраженіе его чертъ сдѣлалось еще строже, и чрезвычайно строгое выраженіе глазъ нисколько не умѣрилось линіею его рта. Когда Клементій вошелъ и сталъ говорить о политикѣ кабинета тори, государь прервалъ его, сказавъ: ни слова о политикѣ, я здѣсь только, чтобы бесѣдовать съ вашею супругою». (Меттернихъ, томъ VII, стр. 86 и 87).

мой ангель! Люби папу, какъ тебѣ любить. Обнимаю отъ души, твой старый другъ папа Н.» ¹⁾).

Получивъ свѣдѣнія о настроеніи государя, канцлеръ Нессельроде въ письмѣ къ своему другу Мейендорфу ²⁾ выражалъ опасеніе, что раздраженіе, которое государь открыто проявилъ въ Вѣнѣ, можетъ отразиться на отношеніяхъ между австрійскимъ и русскимъ дворами и что ему придется приложить много усилій къ смягченію гнѣва монарха, но, добавляетъ онъ, «en dernière analyse, il faut pourtant convenir que le cabinet Autrichien par sa manière stupide et peu loyale d'agir nous a plutôt servi que nu: il a rendu possible et facile un mariage, qui vaut mieux que le sien. Si de Venise l'Empereur a écrit de ne rien décider à Palerme, de Vienne il aura, je pense, conseillé de hâter un denouement. Pour ma part je ne saurais assez desirer que les choses y soient du moins assez avancés pour que, de part et d'autre, on ne puisse plus reculer, et que ce dernier parti ne nous échappe pas. Après ce qui s'est passé à Vienne, cela nous est indispensable, non seulement pour le bonheur et l'avenir de notre adorable Grande Duchesse, mais pour notre considération en Europe» ³⁾).

Наконецъ, въ январѣ 1846 года появилось въ «Journal de S.-Petersbourg» официальное сообщеніе объ обрученіи Ольги Николаевны съ принцемъ Карломъ вюртембергскимъ.

Впечатлѣніе этой неожиданной развязки переговоровъ о бракѣ великой княжны Ольги Николаевны съ эрцгерцогомъ Стефаномъ на вѣнскій дворъ было необычайно сильное.

«Grâce en soit mille fois rendue à Dieu,—сообщаетъ Нессельроде Мейендорфу,—nous voilà enfin arrivés à un magnifique dénouement. Puisque l'amour s'est également mis de la partie, il ne reste plus rien à désirer: tout y est.... dites à l'Impératrice combien je partage la joie, que son coeur maternel doit éprouver dans ce moment. Sa Majesté ne saurait en douter, car personne ne sait mieux qu'elle que l'avenir de sa fille était depuis des années l'objet de mes plus fortes préoccupations», и далѣе:

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1896 г., 4, стр. 605—606.

²⁾ Мейендорфъ, Петръ Казимировичъ, баронъ (1796—1863 гг.), посланникъ въ Берлинъ, членъ государственнаго совѣта.

³⁾ «Послѣдняго, впрочемъ, надо признаться, держался австрійскій кабинетъ, который своимъ глупымъ и нечестнымъ образомъ дѣйствій скорѣе послужилъ намъ, нежели повредилъ: онъ сдѣлалъ возможнымъ и легкимъ брачный союзъ, болѣе цѣнный, нежели его. Если изъ Венеціи государь писалъ, чтобы не приходили къ окончательному рѣшенію въ Палермо, то изъ Вѣны, думаю, онъ посовѣтовалъ поспѣшить съ развязкою. Что касается меня, мнѣ бы хотѣлось, чтобы событія подвинулись настолько съ той и другой стороны, что уже нельзя было бы отступитъ, чтобы и та послѣдняя партія не ускользнула изъ нашихъ рукъ. Послѣ всего происшедшаго въ Вѣнѣ, намъ это необходимо, не только для счастья и будущности обожаемой великой княжны, но и по соображеніямъ относительно Европы» (Письмо Нессельроде Мейендорфу отъ 17-го января 1846 года, стр. 283, 284).

истор. вѣстн., апрѣль 1917 г. т. cxlviii.

«Metternich complètement à bas, cherchant sans toujours réussir, à faire bonne mine à mauvais jeu, Mélanie, anéantie sous le coup, pleurant, à la lettre, toutes les larmes de son corps et tout le public, qui, dans le siècle où nous vivons, n'est guère bienveillant envers les gouvernants, leur jetant la pierre d'avoir si sottement mené cette affaire. Ou aurait voulu profiter de mon passage pour la renouer. Comme vous le pensez bien, je m'en suis bien gardé et j'ai répondu à tout le monde:

«Ce qui est arrivé est arrivé. D'ailleurs, je ne suis encore convaincu, à cette occasion de la vérité d'un autre proverbe: tout ce qui brille n'est pas or. Chez l'archiduc Etienne l'esprit vaut décidément mieux que le coeur... il n'a aucune opinion à lui; il est toujours de l'avis de tout le monde et court avant tout après la popularité ¹⁾).

«Enfin voilà donc notre belle Grande-Duchesse Olga qui fait un beau parti,—сообщаетъ В. А. Жуковскому А. О. Смирнова:—La Russie est satisfaite. La première chose qu'on m'a demande ici, c'est si elle sera Reine. Ce mouvement d'orgueil est bien naturel pour un pays convaincu qu'une princesse de Russie est le premier parti de l'Europe» ²⁾.

Какъ протекала жизнь нашей великой княгини Ольги Николаевны въ ея новомъ отечествѣ, была ли она счастлива въ своемъ супружествѣ,—вопросы, которые выходятъ изъ рамокъ поставленной въ настоящемъ очеркѣ задачи.

Влад. Серебряниковъ.

¹⁾ Нессельроде Мейендорфу 9-го февраля 1846 г., стр. 285, 286, 287.

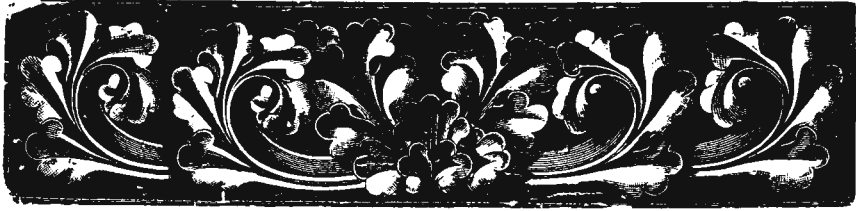
²⁾ «Воздадимъ тысячу благодарностей Богу,—сообщаетъ Нессельроде Мейендорфу:—наконецъ мы достигли великолѣпной развязки. Такъ какъ въ этомъ дѣлѣ вмѣшалась любовь, ничего нельзя еще пожелать,—все есть. Скажите императрицѣ, насколько я раздѣляю вмѣстѣ съ нею радость ея материнскаго сердца въ данный моментъ. Ея величество въ этомъ не сомнѣвается, такъ какъ никто лучше ея не зналъ, насколько будущее ея дочери было предметомъ моихъ сильнѣйшихъ заботъ... Меттернихъ въ полномъ смущеніи, стараясь найти способъ выразить удовлетвореніе, Мелани, пораженная этимъ ударомъ, безвольно льющая неуправляемые потоки слезъ, и общество, которое въ нашъ вѣкъ не особенно расположено къ правящимъ сферамъ, съ осужденіемъ о глупѣйшемъ положеніи въ этомъ дѣлѣ.

«Хотѣли воспользоваться моимъ пребываніемъ, чтобы возобновить переговоры. Вы, конечно, поймете, что я отъ васъ воздержался и отвѣчалъ всѣмъ: «Что случилось, случилось». Впрочемъ, по этому случаю можно привести другую пословицу:—«Не все то золото, что блеститъ». У эрцгерцога Стефана умъ лучше сердца... У него нѣтъ собственного самостоятельнаго мнѣнія, онъ того же мнѣнія, что и всѣ, и всегда старается искать популярности.

«Наконецъ, наша очаровательная княжна Ольга Николаевна дѣлаетъ превосходную партію,—сообщаетъ Василю Андреевичу Жуковскому А. О. Смирнова.—Россія получаетъ удовлетвореніе. О чемъ меня здѣсь прежде всего спрашивали,—это будетъ ли она королевою.

«Это чувство гордости вполне естественно въ странѣ, въ которой господствуетъ убѣжденіе, что русская великая княжна—первая партія въ Европѣ» («Русскій Архивъ», 1902 г., кн. 5 стр. 120).

СРЕДИ ОТОШЕДШИХЪ ¹⁾.

(Изъ моихъ воспоминаній).

VIII.

Курортные пансіоны полвѣка тому назадъ.—«Эрмитажъ» и его хозяинъ А. А. Долматовъ.—Прусскій генераль Бейеръ-фонъ-Каргеръ.—В. П. Безобразовъ.

Въ 1871 году я вслѣдствіе усиленныхъ занятій (магистерскіе экзамены, чтеніе лекцій, подготовка къ печати «Науки полиціи» Моля) снова серьезно заболѣлъ. С. П. Боткинъ, тогдашняя медицинская знаменитость, посѣтивъ меня и тщательно изслѣдовавъ, пришелъ къ выводу, что у меня болѣзнь мозжечка, что мнѣ навсегда надо бросить умственный трудъ, переселиться къ себѣ въ деревню и жить чисто растительною жизнью—въ такомъ случаѣ я-де, можетъ быть, протяну еще годика два-три. Къ счастью для меня, Боткинъ ошибся (я послѣ этого усиленно проработалъ еще сорокъ лѣтъ), примѣрно, какъ онъ ошибся, принявъ сифилитика Наума Прокофьева за чумнаго, и сообщилъ свой приговоръ не мнѣ, а другимъ, которые были настолько благоразумны, что предоставили мнѣ лечиться, какъ и гдѣ мнѣ заблагоразсудится, и меня снова потянуло на благодатное Женевское озеро, въ уютный пансіонъ А. А. Долматова «Эрмитажъ», гдѣ я въ 1867 году нашель исцѣленіе.

¹⁾ Продолженіе. «Истор. Вѣстн.», т. CXLVII, стр.

Но меня соблазняло не одно тогдашнее мое исцѣленіе, а еще кое-что, о чемъ не мѣшаетъ вспомнить именно теперь, когда такъ много говорятъ объ улучшеніи или, вѣрнѣе, о созданіи у насъ благоустроенной курортной жизни.

Устраню мягкій климатъ и красоты природы. Этого и у насъ достаточно въ Крыму или на Кавказѣ. Не буду распространяться и о внѣшнемъ благоустройствѣ, санитарномъ и всякомъ другомъ, о прекрасномъ столѣ, питательномъ и здоровомъ. Это существовало на Женевскомъ озерѣ въ изобиліи уже полвѣка назадъ, а у насъ отсутствуетъ и теперь, но говорятъ и объ этомъ у насъ много. Не буду говорить и о дешевизнѣ, почти невѣроятной, если принять во вниманіе заграничныя высокія цѣны на жизненные продукты и на рабочія руки. Я хочу коснуться другой стороны вопроса, которая игнорируется и тѣмъ не менѣе имѣетъ огромное значеніе; я хочу сказать два слова о домашнемъ уютѣ, о томъ, что въ пансіонской жизни можетъ разстраивать, раздражать больного и заставить его бѣжать изъ пансіона, какъ изъ мѣста пытки.

Многочисленные (а они насчитываются, конечно, тысячами) туристы и больные, жившіе въ знаменитомъ, воспѣтомъ Руссо Кларанѣ, въ пансіонѣ А. А. Долматова «Эрмитажѣ», просуществовавшемъ долгіе годы, не испытывали ничего подобнаго. Напротивъ, многіе изъ нихъ всегда съ благодарностью вспоминали о самомъ пансіонѣ и объ его хозяинѣ.

Судьба Долматова и любопытна, и назидательна. Сынъ боевого генерала, онъ былъ лекторомъ латинскаго языка въ Правовѣдѣніи, когда захворалъ. Ему, какъ и мнѣ, пришлось искать спасенія на Женевскомъ озерѣ; но болѣзнь у него была затяжная: она требовала долгаго, если не пожизненнаго, пребыванія въ мягкомъ климатѣ. Между тѣмъ денежныя средства у него, семейнаго человѣка, совершенно изсякли, и помощи ему рѣшительно неоткуда было ждать. Словомъ, положеніе получилось отчаянное. Но чѣмъ сильнѣе опасность, тѣмъ ближе Богъ. Спасли Долматова маленькое наслѣдство и... мѣстный банкиръ, рѣшившій, что можетъ выручить человѣка изъ бѣды, т. е. удовлетворить влеченію сердца, и въ то же время выгодно помѣстить свои деньги. Оборудовалъ онъ Долматову пансіонъ, преподаль ему хорошіе совѣты, и кончилось дѣло тѣмъ, что банкиръ не только выручилъ хорошій процентъ, но и вернулъ затраченный капиталъ, а Долматовъ, съ своей стороны, устроился такъ хорошо, что, когда къ нему подошла старость, провелъ ее безъ заботъ и лишеній и спокойно умеръ въ 1903 г. послѣ того, какъ вывелъ въ люди всѣхъ своихъ дѣтей.

Долматовъ былъ душою пансіонской жизни въ своемъ «Эрмитажѣ», всегда предсѣдательствовалъ на трапезахъ, поддерживалъ разговоръ, сводилъ людей, родственныхъ по настроенію, образованію, общественному положенію, но страдавшихъ общерусскою

болѣзнью, т. е. неумѣньемъ вступать въ простое, естественное общеніе съ другими людьми. Самъ онъ былъ чрезвычайно простъ и какъ-то умѣлъ заражать простотою и другихъ. Скромный, ровный въ обращеніи, всегда привѣтливый, онъ всѣмъ былъ пріятель. Суতোлка пансіонской жизни съ ея мелкими интересами, расчетами и дрязгами не закрывала ни его ума, ни его сердца для высшихъ запросовъ человѣческаго духа, и помню, какъ я иногда просиживалъ съ нимъ вечера въ бесѣдѣ, раскрывавшей мнѣ, молодому чело-вѣку, далекіе, но заманчивые горизонты.

Но это не отрывало Долматова отъ усиленныхъ заботъ о своемъ пансіонѣ, это не мѣшало ему превратить его въ уголокъ, гдѣ больному чело-вѣку пріятно было лечиться, а усталому отдохнуть. Приведу нѣсколько примѣровъ, чтобы охарактеризовать эту сторону дѣятельности піонеровъ пансіонскаго дѣла въ Европѣ.

За обѣдомъ и ужиномъ наискось отъ меня сидитъ англичанка въ лѣтахъ, но далеко еще не старуха. Она то и дѣло украдкой поглядываетъ на меня, и иногда томная улыбка озаряетъ ея отцвѣтшія уста. Это продолжается день, другіи, третій. Я начинаю раздражаться этимъ демонстративнымъ ухаживаніемъ старухи за молодымъ чело-вѣкомъ. Наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, я обращаюсь къ Долматову. И вотъ какъ объясняется дѣло: я очень похожъ лицомъ и манерами на единственнаго ея сына, убитаго въ Индіи. Раздраженіе противъ англичанки смѣняется добрымъ къ ней чувствомъ. Я самъ ищу случая быть въ ея обществѣ, и такъ какъ давно лелѣялъ мысль читать Шекспира въ оригиналѣ, а англійскаго языка не зналъ, то рѣшаюсь обратиться къ англичанкѣ съ просьбою помочь мнѣ иногда, и надо было видѣть рвеніе, съ какимъ она принялась за дѣло. Мы оба были довольны, и я навсегда сохранилъ о ней пріятное воспоминаніе.

Другой примѣръ. Какъ разъ надо мною живетъ аристократическая французская чета. Оба молоды, изящны, красивы, особенно она — настоящее олицетвореніе чудной южной лѣтней ночи въ духѣ знаменитой «Грусти» Каульбаха. И вдругъ я слышу, что этотъ элегантный молодой чело-вѣкъ бьетъ свою красавицу-жену, бьетъ смертнымъ боемъ. До меня доносится бѣготня надъ моею головою, паденіе мебели, проклятія, ругательства, крики ужаса, отчаянія. Все это заглушено крѣпкимъ поломъ, крѣпкими стѣнами, тѣмъ не менѣе ошибиться трудно. Я уже хочу броситься наверхъ, чтобы удержать, укротить изверга, но крики стихаютъ, да и какое право, въ самомъ дѣлѣ, имѣю я вмѣшиваться въ чужія дѣла! Но сцена эта повторяется, и силъ нѣтъ выдержать. Я прибѣгаю къ помощи Долматова. Дикія сцены прекращаются. Какъ оказывается, Долматовъ спросилъ француза, доволенъ ли онъ своимъ пребываніемъ въ «Эрмитажѣ», не беспокоитъ ли его шумъ изъ смежныхъ комнатъ, такъ какъ домъ построенъ не вполне солидно въ акустическомъ отно-

шеніи. Крики прекратились, хотя вскорѣ французская чета уѣхала. «Скатертью дорога»,—улыбнулся мнѣ Долматовъ.

Еще примѣръ. Симпатичная, но слабогрудая англичанка помѣщена на чистотѣ воздуха. Уборная была на пути изъ моей и моего сосѣда комнату къ выходу и столовой. Со дня пріѣзда англичанки дверь въ уборную оставалась постоянно открытой, и однажды, къ моему ужасу, я замѣтилъ, что она оставалась открытою, даже когда въ ней находилась англичанка. Долматовъ вступилъ черезъ свою жену съ ней въ переговоры, устроилъ ее поближе къ своей семьѣ, и дѣло уладилось.

Я привелъ эти детали, чтобы показать, какая заботливость, какой тактъ, какое терпѣніе требуется отъ содержателя или содержательницы курортнаго пансіона для обезпеченія спокойствія пансіонеровъ, для того, чтобы они чувствовали себя, какъ дома. Лично по отношенію къ себѣ я еще добавлю, что самъ Долматовъ и его семья окружали меня ввиду серьезной моей болѣзни особенною заботливостью, что уходъ за мной былъ образцовый, и читатель пойметъ, что представлялъ собою одинъ изъ швейцарскихъ пансіоновъ полвѣка назадъ. Въ другихъ я тогда не бывалъ, но и ихъ очень хвалили. Мнѣ самому пришлось съ ними ближе познакомиться уже гораздо позже, и я убѣдился, что, несмотря на общее усиленіе промышленнаго духа, индивидуальное отношеніе къ пансіонерамъ, желаніе угодить каждому изъ нихъ въ связи съ индивидуальными его особенностями далеко не исчезло, и что туристъ или больной всегда могъ найти пансіонъ, гдѣ встрѣчалъ пріятливую улыбку и бережное къ себѣ отношеніе.

Возвращаюсь, однако, къ «Эрмитажу». Понятно, что при такомъ заботливомъ отношеніи хозяина къ пансіону онъ долженъ былъ вскорѣ пріобрѣсти широкую извѣстность, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился составъ его населенія. Въ первый мой пріѣздъ я засталъ тамъ только одно сколько-нибудь замѣтное лицо, именно г-жу Трейеръ,—даму, если не первую, то одною изъ первыхъ начавшую лечить у насъ, въ Россіи, съ успѣхомъ зайкъ, очень образованную и интересную, съ которою я состоялъ въ перепискѣ и по отъѣздѣ изъ Швейцаріи. Во второй же мой пріѣздъ я засталъ въ «Эрмитажѣ» уже не мало выдающихся или, по крайней мѣрѣ, замѣтныхъ дѣятелей. О нѣкоторыхъ изъ нихъ я здѣсь упомяну, чтобы къ нимъ болѣе не возвращаться.

Очень меня заинтересовалъ генералъ прусской службы, Бейеръ-фонъ-Каргеръ, одинъ изъ героевъ франко-прусской войны. Его рассказы объ этой войнѣ раскрыли мнѣ многое, о чемъ я и не подозревалъ. Вообще онъ былъ не словоохотливъ, но мы совершали съ нимъ прогулки въ горы, и онъ, приглядѣвшись ко мнѣ, сталъ болѣе разговорчивъ. Это былъ человекъ добродушный и деликатный и очень бодрый, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ. Мы иногда до

того увлекались прогулкою, что ночевали въ горахъ. Такъ, попавъ въ Лезаванъ, гдѣ теперь возникъ даже первоклассный отель, мы нашли ночлегъ только въ шалѣ, гдѣ для двоихъ оказался одинъ диванъ. Мнѣ такъ и не удалось уговорить генерала воспользоваться имъ и предоставить мнѣ выспаться на полу.

— Я военный и къ этому привыкъ,—повторялъ онъ:—а вы, ученые, народъ избалованный и изнѣженный.

Такъ генераль и ночеваль на полу и, какъ я убѣдился, спалъ сномъ убитаго. На другой день, когда мы опять двинулись въ путь, я ему сказаль, что диванъ мнѣ не помогъ, что я спалъ отвратительно и завидоваль ему. Онъ мнѣ на это замѣтилъ:

— Я прежде также часто страдалъ безсонницей, но сплю великолѣпно съ тѣхъ поръ, какъ...

Онъ замаялся, но потомъ продолжалъ:

— Разъ начавъ, надо и кончить... ну... ну, съ тѣхъ поръ, какъ я вышелъ въ отставку, т. е. съ прошлаго года.

Я не рѣшался разспрашивать, но меня крайне заинтересовало, почему герой войны 1870—71 гг. вышелъ въ отставку тотчасъ послѣ ея окончанія, тѣмъ болѣе, что, какъ мнѣ передавали, ему предложенъ былъ очень видный постъ (коменданта первоклассной крѣпости).

— Я тоже разстался съ профессорскою дѣятельностью, но на это были основательныя причины,—пошутилъ я:—во-первыхъ, для меня еще не выяснилось, насколько я могу тутъ быть полезенъ, а, во-вторыхъ, при отсутствіи свободы... Словомъ, были причины.

— Хотите, я вамъ скажу,—прервалъ меня генераль:—почему я вышелъ въ отставку?.. Вы, русскіе, въ этомъ виноваты.

— Мы, русскіе?—спросилъ я въ недоумѣніи.

— Не обижайтесь, ради Бога,—успокаиваль меня генераль.— Не вы, конечно, и не люди вашего настроенія, но такъ называемые панслависты.

— Вы серьезно вѣрите въ басню о томъ, что панслависты проглотятъ бѣдную Германію? Не можетъ быть?

— Какъ не вѣрить: они не сегодня-завтра непременно доведутъ дѣло до войны. Ну, а я—слуга покорный. Одинъ-два раза можно этотъ ужасъ пережить, но въ третій разъ... нѣтъ, не могу, не могу...

И онъ смотрѣлъ вдаль, какъ бы забывъ обо мнѣ. Когда разговоръ возобновился, мы заговорили уже о другомъ. Но теперь, когда я воспроизвожу записанный тогда разговоръ, я невольно вспоминаю слова фельдмаршала Гинденбурга, что разразившуюся мировую войну выиграетъ тотъ, у кого «нервы крѣпче». Бейеръ-фонъ-Каргеръ, очевидно, не принадлежалъ къ числу прусскихъ генераловъ съ особенно крѣпкими нервами: тѣмъ дороже мнѣ его память, ибо

не онъ во всякомъ случаѣ вызвалъ бы теперешнюю, жестокою до безконечности войну.

Вернувшись домой съ этой экскурси, я заснулъ сномъ если не убитаго, то праведника, и не успѣлъ я еще очнуться, какъ услышалъ съ балкона (я спалъ при открытомъ окнѣ) слѣдующій разговоръ на французскомъ языкѣ:

— Нѣтъ, я не учитель,—кричалъ какой-то нервный, громкій голосъ.

Словъ собесѣдника я не разслышалъ.

— Нѣтъ, я не только профессоръ,—продолжалъ гремѣть прежній голосъ.

Я снова не разслышалъ словъ собесѣдника.

— Я, понимаете ли, а-ка-де-микъ, а-ка-де-микъ,—повторялъ раздѣльно громкій голосъ.

Я невольно вспомнилъ знаменитую пионовскую эпитафію:

Ci-gît Piron qui ne fut rien,
Pas même académicien ¹⁾.

Пируну не удалось попасть въ академію, но язвительность его эпитафіи свидѣтельствуешь, что ему очень этого хотѣлось. А господинъ съ громкимъ голосомъ добился этой чести и чрезвычайно гордится ею. Но какая же это академія? Я такъ часто на своемъ вѣку слышалъ русско-французскую рѣчь, что не могъ ошибиться относительно національности господина съ громкимъ голосомъ. Это былъ, очевидно, русскій, но интонація его голоса и манера говорить совершенно не напоминали русскаго академика. Тѣ, по большей части нѣмецкаго происхожденія, были степеннѣе, солиднѣе, увѣсистѣе, сдержаннѣе. Кто же былъ этотъ академикъ? Узналъ я это только коротко до обѣда, когда встрѣтился съ Долматовымъ. Онъ мнѣ объяснилъ, что прибыли новыя пансіонеры: академикъ В. П. Безобразовъ съ семьей.

За обѣдомъ мы встрѣтились. Дѣти меня мало заинтересовали: я, конечно, не могъ предвидѣть, что изъ дѣвочки выработается со временемъ первая въ Россіи женщина-философъ, патентованная, т. е. съ дипломомъ доктора философіи, хотя и иностраннымъ, и что мальчикъ превратится въ извѣстнаго византиниста. Но и мать меня мало заинтересовала: она держала себя совершенно въ тѣни, такъ сказать, ступшеывалась не только передъ мужемъ, но и передъ дѣтьми, какъ будто собственное ея существованіе не имѣло ровно никакой цѣны и все заключалось только въ ея семьѣ. Такимъ образомъ, мое вниманіе было поглощено самимъ Безобразовымъ, кото-

¹⁾ Здѣсь поконится Пирунъ. Онъ ничѣмъ не былъ, не былъ даже академикомъ.

раго я какъ-то сразу призналъ человѣкомъ гораздо болѣе значительнымъ, чѣмъ могло показаться по утреннему его разговору.

Онъ вступилъ со мною въ бесѣду во время обѣда и послѣ обѣда: Былъ онъ старше меня лѣтъ на двадцать и тѣмъ не менѣе нѣкоторыми сторонами своего существа казался мнѣ значительно моложе. Въ немъ было больше увлеченія, больше жизнерадостности, чѣмъ во мнѣ. Онъ за все принимался очень горячо. Но эта горячность не вызывалась, какъ у большинства русскихъ людей, быстрымъ подъемомъ нервной дѣятельности, за которымъ слѣдовалъ такъ же быстро упадокъ ея. Нѣтъ, это была въ немъ ничѣмъ, казалось, несокрушимая жизненная сила, которая постоянно просилась наружку, что бы онъ ни дѣлалъ, о чемъ бы онъ ни говорилъ, и которая успокаивалась развѣ только во время сна. Благодаря этой внутренней силѣ, онъ, мелкій чиновникъ, безъ всякой ученой степени, даже безъ университетскаго образованія, превратился въ замѣтнаго ученаго, въ профессора, въ академика, объѣздивъ вдоль и поперекъ Россію и Европу, составилъ безчисленные доклады по разнообразнѣйшимъ отраслямъ нашего народнаго хозяйства, выпускалъ въ свѣтъ солидные ученые сборники, писалъ и ученые трактаты, и безчисленные журнальныя и газетныя статьи, преподавалъ, полемизировалъ, словомъ, проявлялъ почти невѣроятную дѣятельность. Его хватало на все; о чемъ бы съ нимъ ни заговорили, онъ всѣмъ интересовался, и не такъ, какъ интересуются свѣтскіе люди, которые изъ деликатности выслушиваютъ васъ съ видимымъ вниманіемъ, а сами совершенно отсутствуютъ. Нѣтъ, онъ вливался въ васъ своими близорукими глазами, въ увлеченіи споромъ бралъ васъ за пуговицу и, постепенно наступая на васъ, отгѣснялъ васъ до самой стѣны и тѣмъ не менѣе продолжалъ наступать, такъ что вамъ хотѣлось крикнуть: «Да пощадите же, Владимиръ Павловичъ, вѣдь мнѣ ужъ некуда дѣваться!» И не только споромъ, онъ увлекался многимъ другимъ. Помню, когда я впослѣдствіи бывалъ у него на Васильевскомъ островѣ, я заставлялъ его почти всегда за работой у маленькой конторки, и тутъ же стояла безсмѣнно кружка пива. Сколько онъ этого пива выпивалъ, замѣнивъ его потомъ краснымъ виномъ! И, повидимому, оно ему вреда не причиняло. Но необыкновенная жизненная сила проявлялась не только въ этомъ неумѣренномъ поглощеніи спиртныхъ напитковъ. Помню (это было лѣтомъ 1874 года, когда семьи наши жили на дачѣ), онъ приглашаетъ меня къ обѣду. Пообѣдали мы съ нимъ и выпили. Затѣмъ онъ предлагаетъ сѣздить in's Grüne на Петровскій: тамъ-де директоръ пивного завода «Баварія» (Флекингеръ, кажется) устроилъ «огрудекъ» (такъ Безобразовъ на польскій ладъ называлъ маленькій кафешантанъ), оркестръ недуренъ, хотя и военный, но имъ управляетъ самъ Василій Васильевичъ (Безобразовъ имѣлъ въ виду знамени таго въ то время артиста на корнетъ-а-пистонѣ, Вурма, управляв-

шаго хорами войскъ гвардіи), есть и недурныя пѣвички, но, главное, надо же поддержать великолѣпную мысль администраціи завода содѣйствовать сбыту пива посредствомъ маленькихъ концертовъ и представлений. И мы поѣхали поддерживать эту блестящую мысль. Безобразову было тогда уже сорокъ шесть лѣтъ, проработалъ онъ, какъ всегда, весь день очень усердно, но былъ свѣжъ, точно ничего не дѣлалъ. На Петровскомъ Владимира Павловича встрѣтили какъ стараго, пріятнаго и почетнаго гостя. Прослушали мы одинъ-два нумера программы и затѣмъ образовали маленькій «серкль» подъ тѣнью густо разросшихся кустовъ. Кто только къ намъ не подходилъ? Но прочно за нашимъ столикомъ усѣлись директоръ пивного завода, затѣмъ Вурмъ, когда онъ освободился, одна изъ пѣвицъ, пропѣвшая свои куплеты, какой-то военный, какой-то статскій. Мы пили пиво, потомъ ужинали, перешли на шампанское, и Владимиръ Павловичъ все время поддерживалъ оживленный разговоръ, всѣхъ спрашивалъ, всѣмъ интересовался, и все сколько-нибудь интересное запечатлѣвалось въ его острой памяти. Когда директоръ завода, отвѣчая на его вопросъ, сказалъ ему, что въ Россіи нельзя варить такого легкаго пива, какъ въ Германіи, потому что оно въ такомъ случаѣ сбыта имѣть не будетъ, и пояснилъ свою мысль тѣмъ, что у насъ въ пивныхъ потребители пива часто не довольствуются имъ, а послѣ одного-двухъ стакановъ выпиваютъ еще рюмку водки, Безобразовъ взглядомъ на меня подчеркнул эту мысль, напоминая мнѣ этимъ разговоръ, который мы съ нимъ коротко передъ тѣмъ вели относительно русскаго пьянства. А это происходило уже въ концѣ вечера, виновать, ночи, т. е. когда можно было съ минуты на минуту ждать, что первые лучи солнца побѣдоносно брызнутъ на насъ. Безобразовъ не проявлялъ ни малѣйшаго утомленія. О какомъ это я, впрочемъ, утомленіи говорю? Напротивъ, Владимиру Павловичу показалось мало всѣхъ нашихъ походовъ. Онъ нанялъ лодку, захватилъ съ собою еще шампанскаго, Вурма, какихъ-то пѣвцовъ, какую-то пѣвицу. И мы долго еще катались, оглашая спавшую Неву взрывами смѣха и оживленнымъ разговоромъ, который поддерживалъ нашъ вѣчно юный академикъ. Пардону, наконецъ, попросили музыкантъ и пѣвцы, и мы разошлись у Дворцоваго моста, а мнѣ, не желавшему беспокоить Безобразова, пришлось провести остатокъ ночи въ Михайловскомъ скверѣ и испытать прелести жизни бродягъ, которыми ночные сторожа не даютъ заснуть въ общественныхъ мѣстахъ, пока я наконецъ не заглянулъ въ редакцію, въ которой мы съ Безобразовымъ работали. Тутъ я заснулъ сномъ мертвеца, такъ что лишилъ издателя его кабинета на все утро, но Владимиръ Павловичъ, я въ этомъ увѣренъ, всталъ въ урочный часъ и тотчасъ же принялся за свой урочный трудъ. Да, несокрушимы были въ немъ жизненныя силы!

Но въ эту первую нашу встрѣчу въ швейцарскомъ пансіонѣ вскорѣ вниманіе мое привлекъ не столько онъ самъ, сколько его жена, Е. Д. Безобразова. Она имъ завладѣла совершенно неожиданно, да такъ, что ея образъ навсегда запечатлѣлся въ моей очарованной памяти.

IX.

Женскій вопросъ, Е. Д. Безобразова и причины тщательнаго охраненія ея литературнаго инкогнито.—П. М. Ковалевскій и его гатчинскій домъ.—Какія способности иногда таятся въ простой прислугѣ.—Проказы И. Я. Фойницкаго и его мечь.

Какъ-то за обѣдомъ Безобразовъ меня спрашиваетъ, чѣмъ я теперъ занимаюсь, и на мой отвѣтъ, что я занимаюсь составленіемъ диссертациі, предлагаетъ мнѣ дальнѣйшій вопросъ: какую я выбралъ тему? Когда я сказалъ, что тема моя—отношеніе государства къ женскому образованію, Е. Д. Безобразова мелькомъ, но очень внимательно взглянула на меня. Безобразовъ, съ своей стороны, замѣтилъ, что тема эта очень рискованная по спорности вызываемыхъ ею вопросовъ и благоразуміе было бы избрать другую. Я на это возразилъ, что женщины составляютъ половину рода человѣческаго, и что поэтому ихъ образованіе—вопросъ важный, а отношеніе къ нему государства заслуживаетъ самаго серьезнаго изученія, но мало обращаетъ на себя въ наукѣ вниманія. Безобразовъ мнѣ пояснилъ, что онъ этого не отрицаетъ, и сдѣлалъ свое замѣчаніе только въ моихъ личныхъ интересахъ, на что я возразилъ, что въ такихъ дѣлахъ надо умѣть жертвовать собою, если только надѣешься принести крупицу пользы. При этихъ словахъ Елизавета Дмитріевна вторично взглянула на меня внимательно, какъ бы безмолвно одобряя меня.

На другой день я, приступая къ утренней прогулкѣ въ пансіонскомъ саду, засталъ Елизавету Дмитріевну съ дочерью углубленными въ книги. Я поклонился, Елизавета Дмитріевна взглянула на меня привѣтливо; я рѣшился заговорить съ нею. Послѣ двухъ-трехъ незначительныхъ фразъ она прямо спросила меня, насколько подвинулась моя диссертациа, и опять заинтересовалась вопросомъ, что въ точности побудило меня избрать такую тему.

Мнѣ не хотѣлось отдѣлаться неискреннимъ отвѣтомъ, а правдивый мнѣ казался неумѣстнымъ. Я пробормоталъ что-то въ родѣ «важность вопроса», потомъ «одна встрѣча»...

Она тотчасъ же подхватила:

— Значить, есть и объективный и субъективный мотивъ.

Въ этомъ книжномъ выраженіи было что-то не мирившееся съ моимъ представленіемъ о собесѣдницѣ, такой скромной, простой, не имѣвшей ничего общаго съ нашимъ братомъ-ученымъ. Тѣмъ временемъ она продолжала:

— А какой мотивъ преобладалъ?

— Они равнодѣльны,—отвѣтилъ я:—объективный продиктованъ умомъ, субъективный—сердцемъ.

— Вотъ это хорошо, вотъ это хорошо!—воскликнула она почти радостно, и я въ первый разъ услышалъ ея тихій, заглушенный, ласковый смѣшокъ, увидѣлъ блескъ ея глазъ, теперь безъ обычной робости устремленныхъ на меня. Я подумалъ: вотъ человѣкъ, который чувствуетъ себя въ своей тарелкѣ, когда ему открывается родственный строй мысли или чувства; и въ то же время меня несказанно удивляло, что она, меня совсѣмъ не знавшая, угадывала меня лучше, чѣмъ многіе люди, близко меня знавшіе.

— Вы не одобряете, когда дѣвушки вѣчно сидятъ за книгой, какъ моя Маша?—спросила она потомъ.

И она любовно взглянула на свою дочь, которая врядъ ли насъ слышала, такъ она была углублена въ книгу.

— Но почему же? Развѣ вы не хотите, чтобъ женщина была образована?—добавила она.

Напомню, что разговоръ этотъ происходилъ въ 1872 году, т. е. послѣ того, какъ по всей Европѣ съ большой силой воскресло женское эмансипаціонное движеніе.

— Какъ можно!—воскликнулъ я.—Я только думаю, что книга существуетъ для жизни, а не жизнь для книги.

— Вы хотите, чтобъ и женщина исходила отъ жизни, а не отъ книги. Вы эмансипаціонному движенію не особенно сочувствуете. Вы видите его крайности. Если взять вашъ субъективный мотивъ: вы не хотѣли бы, чтобъ женщина, имѣя мужа, дѣтей, словомъ, семью, жертвовала ими, относилась къ нимъ не вполнѣ добросовѣстно, не вкладывала душу въ это дѣло, а заботилась бы о себѣ, о своей самостоятельности, о своемъ заработкѣ, о своемъ личномъ счастьѣ. Вы ставите долгъ выше права. Вы не можете уважать человѣка, который, ради своего личнаго счастья, готовъ пренебречь непосредственными своими обязанностями. Вы говорите, что это нечестно, и что только честный человѣкъ можетъ быть счастливымъ. Но вы въ то же время утверждаете, что добросовѣстное исполненіе обязанностей требуетъ развитаго ума, требуетъ большого образованія, и что нельзя произвольно суживать сферу женскаго образованія, потому что женщина имѣетъ право свободно избрать себѣ профессію...

Она вдругъ остановилась, замѣтивъ, должно быть, что увлеклась, и вопросительно взглянула на меня. Но въ моихъ глазахъ она могла прочесть только глубокую благодарность: она такъ просто и вѣрно поддержала меня въ мысляхъ, которыя противорѣчили и вѣковому взгляду на женщину, и передовымъ теоріямъ, и разсѣяла сомнѣнія, которыя меня смущали и ослабляли мою работоспособность. Отгадавъ и тутъ, что во мнѣ происходитъ, она съ новымъ ласковымъ смѣшкомъ сказала:

— Вы не бойтесь. Идите своей дорогой: цѣнное создастъ только тотъ, кто находится въ согласіи съ самимъ собою и кто знаетъ, что, кромѣ видимаго міра, насъ окружающаго, есть еще другой, невидимый, лучшій...

Что это! Елизавета Дмитріевна точно читала въ моей душѣ?

На меня повѣяло и Варшавою, и Саратовымъ. Нѣтъ, тотъ міръ существуетъ, если онъ опять мнѣ напоминаетъ о себѣ реальнымъ образомъ женщины, сидящей тутъ рядомъ со мною.

— И только,—прибавила она:—если тотъ міръ согрѣетъ вашу книгу, она пріобрѣтетъ прочное значеніе и для этого міра.

«Какъ она угадала, какъ она могла угадать,—спрашивалъ я себя».—Институтка, смолянка, первая раскрыла мнѣ тотъ міръ во всей его красѣ; женщина, сидѣвшая возлѣ меня, такъ трогательно напомнила мнѣ о немъ. Кто же послѣ этого скажетъ, что женщина недостойна равнаго съ мужчиною образованія? Если она теперь уже достигаетъ такихъ высотъ; то что же будетъ потомъ?

Я только гораздо позже узналъ умственный цензъ Елизаветы Дмитріевны, узналъ, что она была одна изъ выдающихся русскихъ женщинъ, сотрудничала въ лучшихъ иностранныхъ журналахъ, знакомила иностранцевъ въ прекрасныхъ очеркахъ съ разными отраслями русской жизни, была искусной помощницей мужа въ его ученыхъ работахъ, писала прекрасные дѣтскіе рассказы и подвергала безпристрастной и умѣлой оцѣнкѣ произведенія отечественной литературы. Я обо всемъ этомъ узналъ лишь гораздо позже. Когда я съ нею бесѣдовалъ въ «Эрмитажѣ», она была для меня только просто женщиною, одною изъ тѣхъ, ради которыхъ я писалъ свою книгу, но слова ея меня глубоко взволновали: русская женщина благословляла меня на мой трудъ.

Когда я узналъ, кто собственно Елизавета Дмитріевна, я уяснилъ себѣ и вопросъ, многихъ занимающій,—почему она такъ тщательно скрывала свое литературное имя, почему даже самые близкіе къ ней люди не знали, что она—писательница. По большей части вопросъ этотъ рѣшается въ смыслѣ проявленія ею необычайной скромности. Женщины, прикосновенныя къ литературѣ, обыкновенно гордятся этимъ, выставляютъ свое авторство напоказъ, даже когда ихъ писанія ниже всякой критики; но Елизавета Дмитріевна тщательно скрывала свое авторство. Одно уже это показываетъ, что она возвышалась надъ общимъ уровнемъ,

Quand une femme a le don de se taire,
Elle a des qualités au-dessus du vulgaire,—

сказалъ еще Расинъ. И дѣйствительно, Елизавета Дмитріевна была выдающаяся женщина. Но не одна скромность побуждала ее мол-

чать. Тутъ было и нѣчто другое, именно жажда свободы. Безобразовъ занималъ видное положеніе, и смѣлыя сужденія о русскихъ дѣлахъ, исходящія изъ его дома, могли ему повредить по службѣ, а Елизавета Дмитріевна была помощницею своему мужу. Она не хотѣла жить исключительно для себя, ибо такая жизнь дѣлаетъ бракъ невозможнымъ. Ее гораздо болѣе соблазнялъ примѣръ жены Ст. Милля, бывшей для мужа всѣмъ и черезъ него повѣдавшей міру лучшія свои мысли, чѣмъ примѣръ Жоржъ-Зандъ. Впрочемъ, она была натура слишкомъ самостоятельная, чтобы кому-нибудь подражать. Она жила столько же для семьи, какъ и для себя, сливая жизнь и интересы мужа и свои въ одну высшую жизнь и обладая рѣдкимъ умѣньемъ достигать этой возвышенной цѣли всякаго супружества.

Затѣмъ надо еще имѣть въ виду, что если читателю предлагается та или другая мысль, то онъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ относится къ ней различно, смотря по тому, знаетъ ли онъ автора, или не знаетъ. Я имѣю въ виду, понятно, не просто автора, мало извѣстнаго читателю или критику, а именно автора, хорошо ему извѣстнаго. Онъ не одинаково отнесется къ словамъ графа Л. Н. Толстого или какого-нибудь Сидора, хотя Сидоръ и можетъ иногда высказать вполне вѣрную мысль, а графъ Толстой иногда можетъ жестоко ошибаться. Многочисленные русскіе читатели, напримѣръ, петербургскихъ корреспонденцій въ «*Journal des Débats*», подписанныхъ буквами «Т. С.» (Татьяна Свѣтова—псевдонимъ Елизаветы Дмитріевны), и не догадывались, что человѣкъ, такъ мѣтко характеризующій ихъ мысли и дѣйствія, живетъ тутъ около нихъ и, можетъ быть, перестали бы имъ интересоваться, если бы знали, что корреспонденціи составляются не «знатнымъ иностранцемъ», напримѣръ, г. А. Леруа-Болье, а просто русскою женщиною. Но я думаю, что была еще и третья причина нерасположенія Елизаветы Дмитріевны раскрывать свой псевдонимъ. Она дорожила гораздо больше своими мыслями, чѣмъ собою, она дорожила тѣмъ, чтобы ихъ противопоставлять мыслямъ, господствующимъ въ обществѣ, сдѣлать ихъ достояніемъ публики, но отнюдь не желала выносить себя на базарную площадь, сдѣлать свою личность достояніемъ рынка съ его грубостью, мелочностью, подчасъ пошлостью. Міръ идей—общее достояніе; личность, личная жизнь должна быть достояніемъ только даннаго человѣка, его семьи, его друзей; сливать ихъ не значитъ служить дѣлу, значитъ служить себѣ. А Елизавета Дмитріевна была идеально-настроенная натура.

Встрѣча съ нею еще усилила притягательную силу, которую имѣла для меня моя тема, и я ушелъ въ нее съ головою, ища только мѣста, гдѣ я могъ бы посвятить себя ей безъ вреда для моего все еще не окрѣпшаго здоровья. По совѣту А. Ф. Ковалевской, жены нашего извѣстнаго поэта П. М. Ковалевскаго, жившей съ двумя

своими прелестными дочурками въ томъ же «Эрмитажѣ» ¹⁾, я оставилъ свой выборъ на Гатчинѣ. Она мнѣ сообщила, что они съ мужемъ рѣшили поселиться въ этомъ городкѣ и строить себѣ домъ возлѣ дома С. П. Боткина, который, такъ сказать, открылъ Гатчину для петербуржцевъ. Дорожа здоровьемъ дѣтей, они селятся въ этомъ городкѣ, во-первыхъ, потому, что онъ очень благоустроенъ, какъ одна изъ царскихъ резиденцій, а, во-вторыхъ, потому, что вслѣдствіе своей близости въ Петербургу, онъ позволяетъ безъ особенныхъ затрудненій часто бывать по дѣламъ въ столицѣ. А. Ф. Ковалевская совѣтовала и мнѣ поселиться въ Гатчинѣ. Такъ оно и вышло, и я никогда не забуду тѣмъ пріятныхъ и во многихъ отношеніяхъ поучительныхъ часовъ, которые я провелъ въ обществѣ П. М. Ковалевского, прекраснаго семьянина, незауряднаго поэта, тонкаго художественнаго критика, объѣздившаго всю Европу, много видѣвшаго, много испытавшаго. Построенный имъ въ Гатчинѣ прекрасный домъ могъ служить образцомъ удобной и санитарной постройки. Къ сожалѣнію, судьба была сурова къ Павлу Михайловичу: онъ потерялъ много дѣтей и одну изъ двухъ оставшихся у него въ живыхъ дочерей; но деньги и труды, затраченные на созданіе гатчинскаго дома, по крайней мѣрѣ не потрачены даромъ: оставшаяся въ живыхъ дочь, чья память родителей и сестры, превратила этотъ домъ въ прекрасно обставленный и съ успѣхомъ дѣйствующій и понынѣ пріютъ для дѣтей, страдающихъ хроническими болѣзнями.

Еще одна встрѣча, связанная съ моими гатчинскими воспоминаніями и моею диссертациею, заслуживаетъ бѣлаго упоминанія. Ко мнѣ въ домъ поступила дѣвочка лѣтъ тринадцати въ качествѣ помощницы прислуги. Я узналъ, что эта дѣвочка неграмотна, между тѣмъ она мнѣ почему-то показалась очень способной. Я взялся самъ ее обучать въ свободное время. И тутъ произошло нѣчто прямо головокружительное: не ученица поспѣвала за учителемъ, а, наоборотъ, учитель еле поспѣвалъ за ученицей. Я рѣшилъ провѣрить на ней основную мысль моей диссертациі, что женщина должна получать образованіе тождественное съ образованіемъ мужчины. Я сталъ проходить съ ней весь курсъ мужской классической гимназіи, и результатъ получился слѣдующій. По прошествіи года съ небольшимъ она въ числѣ другихъ предметовъ прошла (способности ея къ математикѣ были изумительны) весь гимназическій курсъ ариметики и курсъ алгебры до извлеченія квадратнаго корня

¹⁾ Укажу здѣсь кстати, что ей посвящено прелестное стихотвореніе П. М.

Еще обвѣянная югомъ,
Въ его загарѣ золотомъ,
Ты шла соединиться съ другомъ
Въ краю покинутомъ, родномъ. и т. д.

изъ сложныхъ выраженій и рѣшала задачи этого рода лучше своего учителя и его друга, новоиспеченнаго инженера. Могъ ли я послѣ этого сомнѣваться, что женщина обладаетъ такими же умственными способностями, какъ и мужчина: вѣдь достигнуть такого результата и съ мальчикомъ можно только при особенной его одаренности. Это было новымъ поощреніемъ для усиленной работы надъ диссертацией.

Но въ конечномъ результатѣ она дала мнѣ крупное разочарованіе, смягченное только сознаніемъ исполненнаго долга, наслажденіемъ, которое человѣку доставляетъ исканіе правды, наконецъ, сочувствіемъ уважаемыхъ людей. На этомъ сочувствіи я и остановлюсь, чтобы сказать нѣсколько словъ о дѣятеляхъ, забывать которыхъ намъ не слѣдуетъ.

Диссертация моя была построена на двухъ основныхъ началахъ: свободы женщины въ выборѣ себѣ профессіи и уравненія женскаго и мужскаго образованія. Эти два начала вытекали у меня изъ подробнаго изученія судьбы женщины и женскаго образованія во всемірной исторіи съ указаніемъ, каковъ будетъ ходъ послѣдняго въ ближайшемъ будущемъ и какова роль правительства въ этомъ дѣлѣ. Теперь эти начала все болѣе проникаютъ въ жизнь и даже признаются многими безспорными, но въ началѣ семидесятыхъ годовъ они подавляющему большинству людей, даже среди образованныхъ классовъ, казались утопичными. Поэтому понятно, что моя диссертация встрѣтила сочувствіе только со стороны особенно просвѣщенныхъ или молодыхъ профессоровъ, а остальные отнеслись къ ней враждебно. На сторонѣ моей диссертации оказались: П. Г. Рѣдкинъ, тогдашній ректоръ университета, И. Е. Андреевскій, въ своемъ факультетскомъ отзывѣ и въ своихъ письмахъ ко мнѣ отзывавшійся о ней болѣе чѣмъ лестно, С. В. Пахманъ, деканъ юридическаго факультета, Э. Р. Вреденъ, И. Я. Фойницкій. Но даже и вліятельные мои сторонники должны были умолкнуть, когда противники выставили тотъ аргументъ, что моя диссертация не можетъ быть напечатана по цензурнымъ соображеніямъ и что публичная ея защита сдѣлаетъ меня человѣкомъ невозможнымъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, т. е. преградитъ мнѣ путь къ кафедрѣ, которой я и добивался. Въ этомъ отношеніи мои противники были вполне правы, и такимъ образомъ моя диссертация потерпѣла крушеніе.

Какъ мнѣ это ни было тяжело, я съ этимъ примирился и рѣшилъ замѣнить университетскую кафедру другою кафедрой—журнальною и газетною. Но съ этимъ не могли примириться мои доброжелатели среди профессоровъ, преимущественно И. Е. Андреевскій, Э. Р. Вреденъ и И. Я. Фойницкій. Первый во что бы то ни стало хотѣлъ меня пристроить въ варшавскомъ университетѣ, а третій въ Демидовскомъ лицей; Вреденъ же предлагалъ мнѣ разные

заработки, чтобъ я какъ-нибудь пробился до составленія новой, болѣе цензурной диссертациі. Больше всего мнѣ подходили предложенія Вредена, потому что отъ занятія кафедрой, въ виду выяснившейся для меня зависимости политической науки отъ благоусмотрѣнія правительства или общества, я въ душѣ навсегда отказался.

Рѣдкина и Андреевскаго я уже старался охарактеризовать въ моихъ университетскихъ воспоминаніяхъ, но о Фойницкомъ я не упоминалъ, потому что онъ тогда еще былъ живъ (онъ умеръ въ 1913 г. Онъ былъ моложе меня (на одинъ годъ), но уже магистрировалъ, когда я еще сидѣлъ на студенческой скамьѣ; онъ кончилъ университетскій курсъ очень рано, на двадцать первомъ году жизни. Это былъ человѣкъ симпатичный, отзывчивый, добрый, веселый, даже до склонности совершать проказы. Помню, какъ мы съ его землякомъ, И. Я. Сандригайло, втроемъ кутили въ ресторанчикѣ на Малой Милліонной (нынѣ проето Милліонной). Кутили мы съ Сандригайло по случаю окончанія полукурсовыхъ экзаменовъ, ну, а Иванъ Яковлевичъ къ намъ присосѣдился въ качествѣ бывшего товарища. Кончили мы довольно поздно или, если хотите, рано, потому что улицу уже обдавали лучи взошедшаго солнца. Намъ съ Сандригайло было близко (мы жили на той же улицѣ), но Фойницкому было далеко. Выходимъ мы: на улицѣ свѣтло, но и пустынно, только недалеко идетъ какой-то рослый и толстый пѣшеходъ, да тощій извозчикъ стоитъ на перекресткѣ и мирно спитъ на своей узкой пролеткѣ съ высокими рессорами.

Фойницкій вдругъ заторопился: онъ почувялъ недоброе. Дѣйствительно, рослый прохожій, бывшій также сильно навеселѣ, пошатываясь, уже подошелъ къ извозчику и, не говоря дурного слова, взвалился на него, съ трудомъ сохраняя равновѣсіе. Фойницкому грозитъ непріятность остаться безъ извозчика. Онъ надааетъ ходу, вмигъ оказывается у извозчика, сжимаетъ, какъ клещами, внушительный носъ сѣдока между согнутыми указательными и третьими пальцами и стаскиваетъ его такимъ образомъ съ пролетки. Нѣмецъ (это былъ нѣмецъ) ошалѣлъ и нисколько не сопротивлялся. Тѣмъ временемъ Фойницкій уже успѣлъ вскочить на извозчика и толчками въ спину поощряетъ его тронуться съ мѣста. Еще мигъ, и они уже быстро катятъ. Тутъ только нѣмецъ приходитъ въ себя и накидывается на насъ, но мы даже не отвѣчаемъ: дескать, теперь уже помочь не можемъ, а фамилію обидчика онъ не догадывается или не хочетъ спросить.

Мы съ Фойницкимъ потеряли другъ друга изъ виду въ началѣ семидесятыхъ годовъ и встрѣтились только въ девяностыхъ. Тогда Фойницкому шелъ уже пятый десятокъ. Но онъ былъ все еще такой же веселый и жизнерадостный, какъ въ молодости. За обѣдомъ онъ вспомнилъ какой-то пенитенціарный съѣздъ, на которомъ встрѣтился съ извѣстнымъ французскимъ дипломатомъ и юристомъ

Ж. Эрбетомъ, тоже теперь уже покойнымъ. Эрбетъ сдѣлалъ остроумное замѣчаніе:

— А я ему на это, — рассказываетъ Фойницкій: — а я ему на это: «mais, m-r Herbette, vous n'avez pas l'air bête». Вотъ и я «невзначай родилъ каламбуръ», да еще французскій. Каково!

И надо было видѣть, надо было слышать, какъ онъ смѣялся этому каламбуру, или, вѣрнѣе, хихикалъ, но хихикалъ такъ, что молоденькій, маленькій тщедушный Фойницкій, ссаживающій за носъ съ извозчика великана-нѣмца, воскресалъ во всемъ неподобномъ комизмѣ, и вы невольно заражались этимъ смѣхомъ, и вамъ самимъ хотѣлось быть такимъ же молодымъ, беззаботнымъ, непосредственнымъ. Такимъ же смѣхомъ меня заражалъ, помню, только еще одинъ человѣкъ, другой извѣстный юристъ, О. О. Мартенсъ, отличавшійся серьезнымъ нравомъ, рѣдко даже улыбавшійся. Но пришлось мнѣ какъ-то зайти въ единственный тогда въ Петербургѣ «Буффъ», въ которомъ петербуржцевъ смѣшили Ру и Бланшъ Гандонъ. Сидитъ передо мною въ креслахъ какой-то господинъ, котораго я въ началѣ не призналъ. Выкидываетъ Ру одно изъ своихъ гривуазныхъ колѣнцевъ въ «Petit Faust» въ сценѣ смерти Валентина, болѣе циничное, чѣмъ остроумное и сопровождаемое фальшивымъ звукомъ тромбона въ оркестрѣ. Мнѣ это даже показалось пошлымъ, но надо было видѣть, что дѣлалось съ господиномъ, сидѣвшимъ передо мною. Его просто корчило отъ смѣха, онъ одною рукою схватился за животъ, другою бессильно помахивалъ въ воздухъ, и когда я узналъ человѣка, сидѣвшаго передо мною, то также расхохотался до слезъ. Это былъ серьезный, степенный ученый, позднѣйшая міровая извѣстность, это былъ Фодоръ Фодоровичъ Мартенсъ. Онъ смѣялся тѣмъ же заразительнымъ смѣхомъ, какъ и Фойницкій, составлявшимъ прямую противоположность со смѣхомъ В. С. Соловьева, не заражавшаго собесѣдника своимъ весельемъ, а, напротивъ, раздражавшаго его, такъ что иногда просто до боли хотѣлось, чтобы онъ поскорѣе пересталъ смѣяться.

Несмотря на веселый нравъ Фойницкаго, несмотря на все его благодущіе, онъ почему-то многимъ казался раздражительнымъ, ѣдкимъ, чуть ли не злымъ. Объяснялось это отчасти его болѣзненностью. Уже тогда, когда онъ на университетской скамьѣ дурачился, какъ школьникъ, онъ производилъ впечатлѣніе чахоточнаго съ его впалою грудью и постояннымъ кашлемъ. Но была и другая причина. Кажется, онъ, извѣстный криминалистъ, труды котораго высоко цѣнились не только въ Россіи, но и въ другихъ странахъ, имѣлъ право на свободу мысли. Между тѣмъ его то и дѣло стѣсняли, а иногда и преслѣдовали. Такова ужъ участь русскихъ самостоятельныхъ умовъ; они, въ сущности, никому не угождаютъ: косятся на нихъ правительственныя сферы, косятся и общественныя элементы, и это недружелюбіе вызываетъ въ ихъ жизни иногда трагедію, —

вспомнимъ для примѣра хотя бы Тургенева, вспомнимъ Лѣскова и мн. друг. Такъ было и съ Фойницкимъ, когда онъ въ качествѣ предѣдателя комисіи юридическаго общества позволилъ себѣ выразить мысль, что «современная тюрьма разглядѣла въ грубыхъ очертаніяхъ арестанта Божій ликъ человѣка», точно въ самомъ дѣлѣ можно отрицать, что современная тюрьма гораздо гуманнѣе прежней, напримѣръ, время Гааза. Такъ было, когда онъ требовалъ лишенія одного изъ гласныхъ петербургской городской думы этого званія ввиду того, что тотъ подвергся тюремному заключенію, точно такое исключеніе не предусмтрѣно закономъ, и строгое исполненіе закона, пока онъ не отмѣненъ, не есть долгъ всякаго гражданина. Такъ, онъ, выдающійся ученый и юристъ, вынужденъ былъ оставить университетъ и сенатъ и проводить послѣдніе дни своей жизни вдали отъ учреждений, которымъ онъ посвятилъ столько просвѣщеннаго труда, столько горячей любви. Этого нельзя было простить ни правительству, ни обществу, и Фойницкій дѣйствительно имъ отомстилъ. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи онъ отказалъ имъ 360.000 рублей, поступившихъ въ распоряженіе юридическаго факультета петроградскаго университета. Болѣе благородную месть, кажется, и представить себѣ трудно.

X.

М. Н. Капустинъ.—Каедрa и свобода.—Какъ съ «честью» погибають русскія газеты.—Лекціи административнаго права въ частномъ домѣ.—Кондиціи у аристократа, В. А. Евтушевскій и «семейная» гимназія.

Но вернемся къ тому, какъ Фойницкій непремѣнно хотѣлъ удерживать меня въ сословіи цеховыхъ ученыхъ. Онъ дѣйствовалъ черезъ преподавателя гражданскаго и торговаго права въ Демидовскимъ лицейѣ А. А. Борзенка, который долженъ былъ меня свести съ директоромъ этого лица, М. Н. Капустинымъ, впоследствии допечителемъ дерптскаго и петербургскаго учебныхъ округовъ и преподавателемъ наслѣдника цесаревича. Какъ я ни убѣждалъ Фойницкаго, что изъ этого ничего не выйдетъ, онъ меня и слушать не хотѣлъ и добился-таки, что я свидѣлся съ Капустинымъ въ Москвѣ, гдѣ онъ временно находился, а я учительствовалъ въ семьѣ одного изъ нашихъ аристократовъ, графа А. Какъ я и ожидалъ, изъ свиданія съ Капустинымъ дѣйствительно ничего не вышло. Капустинъ заинтересовался моею диссертацией, но когда я ему сообщилъ ея содержаніе, онъ, видимо, смутился и спросилъ меня только, вѣрю ли я самъ, что женщина можетъ получать такое же образованіе, какъ мужчина. Я отвѣтилъ, что если бы этому не вѣрилъ, то моя диссертация не была бы написана такъ, какъ она написана, и что дѣло, конечно, не во мнѣ, а въ томъ, что говорить исторія и въ чемъ заклю-

9*

чается ходъ развитія женскаго образованія. Тутъ онъ иронически улынулся и спросилъ, гдѣ и когда же собственно женщина получала такое же образованіе, какъ мужчина. Я удовлетворилъ его любопытство. Онъ нѣсколько сконфузился и замѣтилъ, что самъ никогда не занимался вопросомъ объ отношеніи государства къ женскому образованію, но что онъ представить себѣ не можетъ, чтобы дѣвушки изучали латинскій и греческій языки такъ, какъ ихъ теперь изучаютъ гимназисты. Да и не пора ли и въ мужскихъ гимназіяхъ покончить съ классической системой?—спросилъ онъ. Я на это возразилъ, что отмѣна классицизма представляется мнѣ по меньшей мѣрѣ столь же утопичной, какъ ему моя мысль объ одинаковомъ образованіи женщинъ и мужчинъ. На этомъ и кончилась наша бесѣда, которую я невольно вспомнилъ, когда Капустинъ, въ качествѣ близкаго помощника графа Делянова, и не думалъ проводить въ жизнь свою мысль объ упраздненіи классической системы. «Другіе дни, другіе сны».

Бесѣда эта въ то же время послужила въ моей біографіи заключительной точкой къ главѣ о моемъ вступленіи въ сословіе русскихъ цеховыхъ ученыхъ. Мнѣ и жутко стало думать объ этомъ послѣ моей неудачи въ училищѣ правовѣдѣнія, послѣ исторіи съ моей диссертацией, послѣ моихъ бесѣдъ съ профессорами въ родѣ М. Н. Капустина: вѣдь они составляли подавляющее большинство, и между ними М. Н., какъ ученый, занималъ далеко не послѣднее мѣсто. Я окончательно избралъ въ душѣ карьеру публициста. Собственно, уже послѣ осѣчки въ училищѣ правовѣдѣнія меня начали одолевать сомнѣнія. Я могъ себѣ представить ученаго только при одномъ условіи: свободѣ. Ни математикъ, ни естествоиспытатель, ни филологъ не лишены свободы. Но историкъ, но юристъ! Я не могъ раздѣлять точки зрѣнія М. Н. Капустина, что юристъ можетъ и долженъ обходиться безъ политики, да и самъ М. Н. постоянно отъ нея отступалъ, когда она ему была неудобна. Юристъ, чтобы быть истиннымъ ученымъ, долженъ быть такъ же свободенъ, какъ математикъ, филологъ. Иначе онъ превратится въ ремесленника. Нѣтъ, онъ будетъ хуже ремесленника, потому что тотъ можетъ любить свое дѣло, даже помимо того, что оно его кормитъ, а профессоръ, отрекшійся отъ свободы, самой науки ни въ какомъ случаѣ любить не можетъ. Я вспомнилъ Варшаву, Саратовъ, Кларанъ, я вспомнилъ тѣхъ русскихъ женщинъ, которыя разожгли въ моей душѣ Божью искру до неугасимаго огня и приобщили меня къ тому, другому міру, міру «звуконъ», котораго не могутъ «замѣнить скучныя пѣсни земли»,—и я безъ сожалѣнія отказался отъ мысли о профессурѣ. Неужели истину, истину политическую въ данномъ случаѣ, можно искать, только занимая кафедру? Нѣтъ, я ее съ равнымъ успѣхомъ могу искать въ качествѣ публициста. Но зачѣмъ мнѣ вообще быть профессоромъ, публицистомъ, словомъ, чѣмъ-нибудь опредѣлен-

нымъ, чтобы искать истину?.. Надо зарабатывать хлѣбъ. Этого пункта не обойдешь. Но какъ устроиться, чтобы онъ на избранномъ мною новомъ пути не заглушилъ въ моей душѣ связи съ тѣмъ, другимъ міромъ? Вотъ вопросъ, который предсталъ предо мною.

Уже тогда, когда я писалъ магистерскую диссертацию, я чувствовалъ возможность его возникновенія для меня, матеріальныя средства котораго совершенно истощились. И я поступилъ, какъ всегда съ тѣхъ поръ поступалъ въ жизни, т. е. написалъ статью и послалъ ее въ редакцію газеты, которая мнѣ казалась наиболѣе подходящею. Я былъ совершеннымъ новичкомъ въ журналистикѣ и не имѣлъ понятія о «внутреннихъ» дѣлахъ разныхъ изданій. Статья была принята и появилась въ ближайшемъ номерѣ газеты. Написалъ я вторую, третью, четвертую,—всѣ онѣ были тотчасъ же помѣщены безъ всякихъ измѣненій или добавленій. Не помню ужъ въ точности, въ какой статьѣ, седьмой или восьмой, сдѣлана была въ концѣ приписка строкъ въ десять. Читаю и глазамъ своимъ не вѣрю. Статья моя была посвящена правительственному распоряженію о допущеніи вольноприходящихъ воспитанницъ въ керченскій (Кушниковскій) институтъ. Это было нововведеніе, которое я радостно привѣтствовалъ. А редакціонная приписка гласила, что реформа, конечно, заслуживаетъ сочувствія, если только съ ней не произойдетъ того же, что произошло со многими реформами у насъ, если только институты не будутъ довѣрены такой (слѣдовало нѣсколько до того рѣзкихъ и неприличныхъ эпитетовъ, что я не рѣшаюсь ихъ воспроизводить даже и теперь) нянькѣ, какъ наше дворянство. Эта приписка казалась тѣмъ болѣе недопустимой, что коротко передъ тѣмъ была произнесена рѣчь о привлеченіи дворянства къ надзору за народными школами. Я такъ и ахнулъ. На другой день газета была приостановлена. Тутъ я въ первый разъ зашелъ въ редакцію, гдѣ мнѣ редакторъ объяснилъ, что издавать газету при существующемъ режимѣ нѣтъ никакой возможности, что средства изданія истощились, и что я при такихъ обстоятельствахъ, конечно, пока воздержусь отъ требованія гонорара. Я дѣйствительно воздержался, но, откровенно говоря, ничего не понималъ,— не понималъ, какъ редакторъ могъ сдѣлать такую приписку и въ то же время жаловаться на режимъ: вѣдь было ясно, что нѣтъ въ Европѣ страны, въ которой подобная приписка могла бы быть допущена. Очевидно, собака была зарыта въ другомъ мѣстѣ. Редакторъ, требовавшій невыносимой снисходительности отъ властей, былъ О. К. Нотовичъ, тогдашній собственникъ «Новаго Времени», купленнаго имъ еще студентомъ у извѣстнаго драматурга и переводчика Ф. Н. Устрялова, сына историка. Онъ просто хотѣлъ погибнуть, что называется, съ честью. Съ тѣхъ поръ у меня и установилось знакомство съ О. К. Нотовичемъ.

Но мой газетный дебютъ оказался такимъ образомъ въ матеріальномъ отношеніи неудачнымъ, и мнѣ пришлось искать другихъ средствъ къ существованію. Изъ этого періода моей жизни сохранилось нѣсколько воспоминаній, заслуживающихъ быть отмѣченными.

Э. Р. Вреденъ передалъ мнѣ лекціи административнаго права въ одномъ частномъ домѣ. Онѣ въ денежномъ отношеніи были очень выгодны (по расчету приходилось около 17 рублей за лекцію), но ему почему-то не подходили. Читалъ я ихъ юношѣ-подростку, котораго отецъ (чиновникъ съ крупнымъ состояніемъ) хотѣлъ непременно опредѣлить на службу въ государственную канцелярію, хотя тотъ не побывалъ ни въ университетѣ, ни въ лицей, ни въ училищѣ правовѣдѣнія. Образование юноши было вообще недостаточно, а способности скромны, т. е. способности-то у него были, но предметъ преподаванія его, видимо, не интересовалъ. Да и понятно, ему не хватало элементарныхъ знаній для уразумѣнія такого сложнаго вопроса, какъ государственное устройство громадной имперіи. Мѣшало, однако, еще другое. Я совершенно случайно уяснилъ себѣ это. Говоря о музыкѣ въ платоновскомъ смыслѣ, именно что она содѣйствуетъ развитію ума и чувства справедливости, я замѣтилъ, что мой юноша вдругъ оживился, впился въ меня глазами и, когда я во время слѣдующей лекціи просилъ его повторить вкратцѣ содержаніе предыдущей, онъ, забывъ остальное, чрезвычайно обстоятельно и подробно рассказалъ все, что я говорилъ о музыкѣ. Тутъ ему не измѣнили ни память, ни вниманіе. Я его спросилъ, любитъ ли онъ музыку, и вотъ выяснилось, что онъ только ею и живетъ, что онъ страстный музыкантъ. Какъ мнѣ хотѣлось въ бесѣдахъ съ нимъ перейти отъ административнаго права къ музыкѣ или, по крайней мѣрѣ, совершенно отказаться отъ дальнѣйшаго преподаванія, чтобы не быть тайнымъ соучастникомъ отца, заставлявшаго сына заниматься тѣмъ, къ чему вовсе не лежала его душа. Но мнѣ помѣшало слѣдующее обстоятельство.

Комната, въ которой я читалъ лекціи, имѣла двѣ двери: одну, въ которую я входилъ, другую постоянно занавѣшенную толстой портьерой. Разъ какъ-то взглянулъ на эту портьеру и замѣтилъ, что кто-то за нею есть и дотрагивается до нее рукой или локтемъ. Это меня заинтересовало: я невольно взглядывалъ иногда на портьеру и убѣдился, что присутствіе посторонняго человѣка—явленіе не случайное, а постоянное. Я обратился по этому поводу съ вопросомъ къ моему ученику; онъ сперва смутился, но въ концѣ концовъ объяснилъ мнѣ, что это его двоюродная сестра, которая записываетъ мои лекціи. Я, конечно, тотчасъ же попросилъ познать меня съ дѣвушкой и пригласилъ ее присутствовать на моихъ лекціяхъ, и съ слѣдующей лекціи она безсмысленно сидѣла за маленькимъ столикомъ и записывала за мной. Случалось какъ-то, что я

объяснялъ что-то сложное и спросилъ сперва моего ученика, а потомъ и его сестрицу,—поняли ли они меня, при чемъ выяснилось, что ученикъ ровно ничего не понялъ, а сестрица великолѣпно уяснила себѣ все, что я сказалъ, и даже добавила кое-что очень мѣтко отъ себя. Потому она сама обращалась ко мнѣ съ разными вопросами, и я прямо изумлялся толковости этихъ вопросовъ и ея смѣтливости, такъ что я отъ души пожалѣлъ, что не она моя ученица, и въ то же время лишній разъ убѣдился въ вѣрности основной мысли моей диссертациі. Дѣвушка эта впослѣдствіи вышла замужъ за Е. А. Краевского, одного изъ сотрудниковъ «Голоса» (сына его издателя), но вскорѣ овдовѣла и потомъ долго была начальницей оренбургскаго Николаевскаго женскаго института, гдѣ пользовалась общимъ уваженіемъ.

Это была пріятная встрѣча, но я не могу не упомянуть о другой, тягостной. Мнѣ пришлось, кромѣ того, учительствовать. Сперва попались мнѣ дѣти крупнаго фабриканта, платившаго гроши, да и то съ оттяжкой, а потомъ, какъ я уже упомянулъ, я учительствовалъ у графа А. подъ Москвою въ его имѣніи, въ которомъ неоднократно гостилъ императоръ Александръ III, будучи еще наследникомъ, и хозяинъ котораго любилъ все русское, что сказывалось преимущественно въ мелочахъ (щажь, квасѣ и т. п.). Упоминаю объ этомъ, чтобы указать на train, который велъ этотъ аристократъ. Дѣйствительно, онъ мнѣ назначилъ помѣсячно вознагражденіе въ 200 рублей за трехчасовой урокъ; гимнастъ получалъ 50 рублей, были и дворецкій, и выѣздной, и чуть ли не три кухонныхъ мужика. Ученикъ мой имѣлъ гувернантку, сестру довольно известнаго администратора и писателя. Когда моему патрону приглядывалась тройка красивыхъ лошадей (помню, тогда пѣгя были особенно въ модѣ), онъ немедленно ее покупалъ. Всѣмъ этимъ я хочу только сказать, что train велся дѣйствительно широкій. Но страннымъ мнѣ показалось, что по прошествіи мѣсяца я своего содержанія не получилъ и вообще его не получалъ. Какъ-то, прогуливаясь со мною въ паркѣ, бывшій московскій городской голова, князь Голицынъ, почему-то навелъ разговоръ на оскудѣніе нашей аристократіи, причемъ у него съ языка сорвалось замѣчаніе относительно того, что въ денежныхъ дѣлахъ съ аристократами надо быть осторожнымъ. Князь былъ довольно близкій родственникъ графа, и мнѣ въ голову не могло прійти, что онъ намекаетъ именно на него и даетъ совѣтъ, дѣлавшій честь его прямогѣ и уваженію къ чужимъ интересамъ. Но проходитъ лѣто, графъ еще въ серединѣ лѣта уѣзжаетъ за границу, а графиня о деньгахъ ни гу-гу. Наконецъ она мнѣ заявляетъ, что черезъ день возвращается въ Петербургъ. Я жду. Наканунѣ отъѣзда она мнѣ ничего не говоритъ, а на другой день, когда я встаю, лакей мнѣ докладываетъ, что графиня съ графчиномъ и со всѣми домочадцами уѣхали въ Петербургъ. Послѣ бе-

сѣды съ княземъ Голицынымъ я чувствую, что я совершилъ большую неосторожность, не напомнивъ графинѣ о гонорарѣ. Надо поправить дѣло. Я собираю свои пожитки и со слѣдующимъ поѣздомъ тоже качу въ Петербургъ прямо на квартиру графа. Встрѣчаютъ меня очень любезно, хотя я съ графомъ условился преподавать только лѣтомъ, такъ какъ послѣ лѣта для сына имѣлась въ виду такъ называемая «семейная» гимназія, задуманная тогда нѣсколькими аристократическими семьями, чтобы избавить своихъ дѣтей отъ общенія съ нежелательными элементами. Преподавателями были приглашены лучшіе тогдашніе педагоги подъ руководствомъ инициатора этого дѣла, В. А. Евтушевскаго. Это былъ первый опытъ такихъ гимназій въ Россіи. Преподаваніе началось, но графа все еще не было, а графиня о деньгахъ не заговаривала. Я вооружился терпѣніемъ и ждалъ, рѣшивъ не выѣзжать изъ графскаго дома, пока все до послѣдней копейки не будетъ мнѣ уплачено. Пришлось ждать не особенно долго. Преподаваніе въ «семейной» гимназіи меня мало интересовало: оно ничѣмъ не отличалось отъ преподаванія въ обыкновенныхъ гимназіяхъ, а между тѣмъ стоило неимоверно дорого, и можно было предвидѣть, что эта затѣя никакихъ серьезныхъ результатовъ не дастъ. Такъ оно и случилось. Что же касается до моего гонорара, то я его получилъ вскорѣ послѣ пріѣзда графа.

Вся эта исторія выяснила мнѣ, какъ сильно надвигается на меня проза жизни. Только бы не утратить связь съ тѣмъ, другимъ міромъ! И я все серьезнѣе обдумывалъ вопросъ, какъ сдѣлаться публицистомъ, не утративъ независимости, самостоятельности, свободы. Я ни за что въ мірѣ не хотѣлъ «зависѣть отъ властей, зависѣть отъ народа», хотѣлъ говорить только то, что требовала отъ меня наука и моя совѣсть. Я чувствовалъ теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, какъ это трудно, но достигнуть своей цѣли я хотѣлъ во что бы то ни стало—иначе незачѣмъ было отказываться отъ кафедры, отъ положенія цехового ученаго.

Но какъ приняться за дѣло? Я рѣшилъ издавать самъ все болѣе крупныя свои работы, а журнальныя этюды и газетныя статьи помѣщать по принадлежности, отдавая ихъ другимъ «издателямъ», подъ которыми я разумѣлъ вообще лицъ, принимающихъ на себя печатаніе чужихъ произведеній. Рѣшилъ я вопросъ такъ потому, что ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ издавать собственнаго повременнаго изданія, требовавшаго денежной зависимости либо отъ какого-нибудь капиталиста, либо отъ читателей. И вотъ начались мои сношенія съ цѣлымъ рядомъ «издателей». Кто же были эти «издатели»? И петербургскій университетъ, и вольное экономическое общество, и дирекція императорскихъ театровъ, и разной марки газетныя или журнальныя матадоры, въ родѣ К. В. Трубникова, М. М. Стасюлевича, А. Ф. Маркса, П. А. Гайдебурова, А. Я. Пятковского, А. А. Пороховщикова, и еврей въ родѣ О. К. Нотовича, А. Е. Лав-

дау, М. А. Вольфа, и философы въ родѣ Н. Я. Грота, и профессора-востоковѣды или филологи въ родѣ И. Н. Березина и В. И. Модестова, и писатели такого калибра, какъ М. Е. Салтыковъ, и истинно-просвѣщенные предприниматели, въ родѣ Павленкова, и любители въ родѣ А. С. Геролифова. Словомъ, много было между ними лицъ, заслуживающихъ серьезнаго вниманія, такъ какъ, знакомясь съ ними, мы въ то же время знакомимся и съ постановкою у насъ газетнаго и журнальнаго дѣла.

ХІ.

Русскій Вильмесанъ.—Начало конца К. В. Трубникова.—«Немножко Герцеговины».—Баринъ-издатель.—Правительственныя и банковскія субсидіи.—Какъ дока К. В. Трубниковъ обошелъ доку В. А. Полетику.

Первый издатель, съ которымъ я вступилъ въ болѣе прочныя отношенія, былъ К. В. Трубниковъ. Какъ онъ забыть, какъ онъ основательно забыть этотъ русскій Вильмесанъ, сказалъ бы я, если бы и это имя не было уже пустымъ звукомъ для современнаго читателя!

О Вильмесанѣ, создателѣ «Figaro», рассказываютъ, что онъ, просматривая вечеромъ сверстанный номеръ, вдругъ позвалъ хроникера.

— Слушайте, милѣйшій, — сказалъ онъ: — такъ нельзя: завтрашній номеръ до одуренія скученъ. Да и вообще настало какое-то скучное время. Выбросьте пожалуйста шестидесятилѣтнюю старуху изъ окна пятаго этажа, но... чтобы она осталась дѣла и невредима.

— Parfaitement ¹⁾, — отвѣтилъ хроникеръ.

И на другой день весь Парижъ галдѣлъ о совершившемся чудѣ.

Такія продѣлки проходили Вильмесану безнаказанно, но нашъ русскій Вильмесанъ, К. В. Трубниковъ, жестоко поплатился за одну изъ нихъ и притомъ невинно, такъ какъ сенсационное извѣстіе было не имъ сфабриковано: онъ имѣлъ только неосторожность помѣстить извѣстіе въ созданной имъ первой частной, по тому времени большой русской газетѣ на европейскій ладъ, въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ».

Я сошелся съ К. В. Трубниковымъ уже послѣ этой катастрофы, положившей конецъ блестящему періоду его издательской дѣятельности. Съ тѣхъ поръ онъ уже только похрамывалъ, хотя по временамъ еще казалось, что онъ шествуетъ бодро и даже бойко по пути газетнаго предпринимательства.

Катастрофа же заключалась въ слѣдующемъ. Было это во время франко-прусской войны. Симпатіи русскаго общества склонялись

¹⁾ По терминологіи нашихъ моряковъ—«естъ».

на сторону Франціи, гдѣ, «столько свѣтлыхъ умовъ и смѣлыхъ сердець боролись противъ наполеоновскаго ига». Къ сожалѣнію, извѣстія получались для Франціи неблагопріятныя. Кампанія началась для нея нехорошо, да и дальнѣйшій ходъ событій не предвѣщаль ничего хорошаго. И вдругъ въ редакціи «Биржевыхъ Вѣдомостей» получается (кружнымъ путемъ черезъ Данію, отъ агентства, инициаторомъ котораго былъ тотъ же Константинъ Васильевичъ, специалистъ и по этой части) сенсационное извѣстіе, будто бы произошло большое, кровопролитное сраженіе и будто бы пруссаки на голову разбиты, потерявъ огромное число людей и орудій. Можно себѣ представить, какъ нашъ Вильмесанъ обрадовался этой телеграммѣ. Онъ поспѣшилъ широко распространить ее по городу. Телеграмма дѣйствительно вызвала сенсацию. Но каково было общее разочарованіе, когда на другой день блестящая побѣда французовъ превратилась въ столь же блестящую побѣду пруссаковъ!

Этотъ инцидентъ сильно повредилъ и Трубникову, и «Биржевымъ Вѣдомостямъ», которыя съ тѣхъ поръ стали хирѣть, пока на выручку не явился В. А. Полетика. Но и онъ не спасъ газеты. Трубниковъ же нѣкоторое время оставался еще въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», а затѣмъ началъ издавать другую газету—«Новое Время».

Я вошелъ въ составъ ея редакціи вмѣстѣ съ В. П. Безобразовымъ, А. П. Чебышевымъ-Дмитріевымъ, О. К. Нотовичемъ и И. Ф. Василевскимъ. Произошло это случайно, благодаря все тому же Э. Р. Вредену. Безобразовъ и Чебышевъ-Дмитріевъ предложили ему вести въ газетѣ экономическій отдѣлъ. Онъ и взялся за дѣло, но вскорѣ почему-то охладѣлъ и попросилъ меня замѣнить его. Я согласился и сперва занялся только экономическимъ отдѣломъ, но вскорѣ мнѣ порученъ былъ и политическій, а когда Безобразовъ и профессоръ Скабалановичъ отказались отъ составленія передовыхъ статей по внѣшней политикѣ, я замѣнилъ и ихъ.

Я до сихъ поръ не совсѣмъ ясно понимаю, какъ при полной противоположности стремленій мы могли съ Трубниковымъ ужиться нѣсколько лѣтъ. Въ экономическихъ вопросахъ это было еще возможно, потому что я былъ, какъ и остался до сихъ поръ, фритредеромъ. Фритредерство было тогда преобладающимъ теченіемъ среди нашихъ экономистовъ, еще не увлекшихся катедеръ-соціализмомъ и не вступавшихъ въ «общеніе» съ промышленниками, а Трубниковъ дружилъ съ экономистами, нуждаясь въ нихъ, какъ издатель, да и весь либеральный лагерь, къ которому Трубниковъ старался примыкать, придерживался тогда фритредерскихъ тенденцій. Но въ иностранной политикѣ мы съ Трубниковымъ должны были рѣшительно разойтись, потому что я проповѣдывалъ вещи, которыя всѣмъ казались если не абсурдомъ, то непросительною ересью. Какъ только обнаружались первые симптомы герцеговинскаго кри-

зиса (въ 1875 г.), да и раньше того, я доказывалъ, что дѣло клонится къ войнѣ съ Турціей, подпавшей подъ вліяніе Германіи, которая рѣшительно готовится къ своему участію въ наслѣдствѣ «больного человѣка» и ищетъ вознагражденія для Австріи, чтобы заручиться ея содѣйствіемъ въ борьбѣ съ Россіей. Кромѣ того, я доказывалъ въ тѣ времена тѣснаго трехъ-императорскаго союза, что наши интересы прочно могутъ быть ограждены только союзомъ съ республиканскою Франціей. Не забудемъ, что это было сорокъ одинъ годъ назадъ, когда мысль о союзѣ съ Франціей казалась нелѣпой и, слѣдовательно, ея защита могла вызвать, какъ это и было, только насмѣшки. Однако Трубниковъ не воспротивился этой моей проповѣди, и я до сихъ поръ не понимаю, какъ это было возможно, если принять во вниманіе, что онъ дорожилъ исключительно популярностью, сенсаціей, успѣхомъ, а я преслѣдовалъ цѣли, имѣвшія съ ними мало общаго. Во всякомъ случаѣ я очень благодаренъ Трубникову, что онъ меня не стѣснялъ и что я въ его изданіяхъ пользовался полною свободою.

Въ виду этого я дорожилъ сотрудничествомъ въ трубниковскихъ изданіяхъ (въ «Новомъ Времени», «Финансовомъ Обзорѣніи», «Биржевой Газетѣ», «Телеграфѣ»), но сотрудничество это было сопряжено съ терніями другого рода. Константинъ Васильевичъ имѣлъ удивительную способность тратить деньги. Какая бы сумма ни попадала въ его руки, она тотчасъ же таяла, какъ воскъ. Это было съ его стороны даже особенное искусство, потому что онъ не былъ ни игрокомъ, ни кутилой, ни лошадиномъ, ни Донъ-Жуаномъ. Но что въ немъ было сильно развито, это—барство. Онъ былъ самъ изъ хорошей дворянской семьи, вращался въ молодости если не въ аристократическихъ, то въ чиновныхъ кружкахъ. У него выработался соответственный *standard of life*, соответственные взгляды и привычки. Онъ платилъ широко; скопидомство, прижимистость, не говоря уже о скряжничествѣ, были ему глубоко антипатичны.

Поэтому деньги у него не держались; онъ, какъ истый русскій, постоянно жилъ далеко выше своихъ средствъ, и это самымъ невыгоднымъ образомъ отражалось на его изданіяхъ. Этимъ въ значительной степени объясняется, что онъ вынужденъ былъ продать В. А. Полетикѣ «Биржевыя Вѣдомости» и что всѣ его изданія и впослѣдствіи неизбѣжно терпѣли крушеніе. Достаточно, напри- мѣръ, указать на тотъ фактъ, что затѣянная имъ первая въ Россіи дешевая газета «Телеграфъ» имѣла по одному только объявленію 10.000 подписчиковъ (цифра огромная для того времени), но растеряла ихъ очень скоро вслѣдствіе того, что Трубниковъ, уплачивая почтѣ за пересылку помѣсячно, постоянно запаздывалъ и съ этою сравнительно ничтожной платой, такъ что подписчики по недѣлямъ и даже мѣсяцамъ оставались безъ газеты. Дѣло кончилось тѣмъ, что газету пришлось прекратить.

Злостнаго намѣренія, однако, въ задержкахъ платежей у Трубникова никогда не было. Поэтому ссоры у него происходили только съ тѣми сотрудниками которые, его мало знали или слишкомъ нуждались въ деньгахъ. Особенно часто у него происходили столкновения съ С. Н. Терпигоревымъ, принимавшимъ нѣкоторое время дѣятельное участіе въ его изданіяхъ въ качествѣ фельетониста.

Терпигоревъ тогда страшно бѣдствовалъ и, не получая гонорара, прямо неистовствовалъ. Бѣдствовалъ же онъ до того, что иногда не имѣлъ ночлега и, не желая никого беспокоить, устраивался на ночь въ типографіи, гдѣ печатался «Телеграфъ» и гдѣ ему оказывали гостепріимство двое Короленко (писатель и его братъ), состоявшіе тогда корректорами этой газеты. Помню, онъ разстался съ Трубниковымъ слѣдующимъ образомъ. Тотъ не додалъ ему что-то въ родѣ пятнадцати рублей, и вотъ милѣйшій Атава является въ швейцарскую къ Трубникову и кричитъ на всю лѣстницу, что если тотъ ему не заплатитъ денегъ завтра въ тотъ же часъ, то онъ сумѣетъ расправиться съ нимъ. На другой день деньги были уплачены, и отношенія между Трубниковымъ и Терпигоревымъ прекратились навсегда. Впрочемъ, Терпигоревъ врядъ ли объ этомъ сожалѣлъ, потому что звѣзда Трубникова клонилась тогда къ закату, а С. Н. началъ печатать свое «Оскудѣніе» въ «Отечественныхъ Запискахъ». Но самъ Трубниковъ жалѣлъ объ этой выходкѣ своего сотрудника: онъ, конечно, чувствовалъ себя виноватымъ, но до такой степени привыкъ платить щедро, когда у него были деньги, и задерживать платежи, когда ихъ не было, что ему казалось просто несообразнымъ, когда его заподозрѣвали въ умышленной утайкѣ денегъ.

У него была своеобразная этика дѣльца изъ дворянъ, смѣсь предосудительныхъ и благородныхъ побужденій, въ которыхъ разобратъ было нелегко. Онъ охотно приходилъ на помощь кому могъ, сотрудникамъ, какъ я уже упомянулъ, платилъ очень щедро, женщинамъ, съ которыми его сталкивала судьба, не могъ рѣшительно ни въ чемъ отказать, и онъ его немилосердно эксплуатировали и въ другихъ отношеніяхъ. Такъ, его первая жена (М. В. Трубникова) превратила его домъ, какъ онъ выражался, въ «клубъ якобинцевъ», хотя самъ Трубниковъ дѣятелемъ этого рода никогда не сочувствовалъ. Чтобы онъ когда-нибудь сознательно обесчиталъ или обманулъ служащаго, сотрудника или маленькаго человѣка—объ этомъ не могло быть и рѣчи. А между тѣмъ онъ, несомнѣнно, былъ способенъ на рискованные въ этическомъ смыслѣ поступки и даже находилъ въ нихъ своего рода поэзію. Но надо было, чтобы его противники въ такихъ дѣлахъ были люди крупные, вліятельные, сами искусенные во всевозможныхъ аферахъ. Обмануть такихъ лицъ онъ считалъ какъ бы дозволеннымъ и съ воодушевленіемъ рассказывалъ о своихъ подвигахъ этого рода. Передамъ здѣсь одинъ изъ нихъ,

наиболѣе характерный по приемамъ, которые Трубниковъ пускалъ въ ходъ, и по лицамъ, въ немъ участвовавшимъ.

Трубниковъ любилъ имѣть дѣло съ правительственными дѣятелями, промышленниками, торговцами, словомъ, съ людьми, распорядившимися казенными деньгами или нажившими крупное состояніе. Мелюзга его мало интересовала, и онъ черезъ нее никогда не дѣйствовалъ. Онъ, какъ говорятъ французы, бралъ быка за рога. Какими суммами ссудили его наши министры финансовъ, одному Богу извѣстно. Банковыми дѣятелями онъ также умѣлъ пользоваться, и изобрѣтательность его была тутъ прямо изумительна. Онъ въ этомъ отношеніи проложилъ дорогу другимъ издателямъ, которые воспользовались его приемами. Поддерживая постоянныя сношенія съ банками, онъ выхлопоталъ себѣ у нихъ доходную статью. Какъ извѣстно, въ шестидесятыхъ годахъ у насъ стали возникать разнаго рода частныя банки, для которыхъ за большія деньги писалъ и проводилъ уставы управляющій государственнымъ банкомъ Е. И. Ламанскій. Но не онъ одинъ занимался этимъ прибыльнымъ дѣломъ. Къ нему присоединились и другіе предприимчивые люди, въ томъ числѣ и Трубниковъ. Кромѣ того, Трубниковъ защищалъ принципъ широкой гласности въ банковомъ дѣлѣ, или, точнѣе говоря, умѣлъ извлекать изъ этого принципа не мало выгодъ. Горе тому банку, который вздумалъ бы скрывать отъ общественнаго мнѣнія свои дѣла... когда это Трубникову не нравилось! Онъ безпощадно преслѣдовалъ такой банкъ, раскрывая въ печати все его тайны. Правда, серьезнаго вреда банку Трубниковъ причинить не могъ, если у послѣдняго хвостъ не былъ замаранъ, но все-таки и солидныя предпріятія этого рода не любили, чтобы о нихъ говорили дурно въ это первое время банковскаго учредительства: дѣло было новое и очень нуждалось въ довѣріи публики.

Трубниковъ умѣлъ воспользоваться этимъ благопріятнымъ для него положеніемъ. Банки щедро учитывали его векселя, стоившіе немного, даже когда онъ былъ издателемъ «Виржевыхъ Вѣдомостей». Кромѣ того, онъ, орудуя на той же почвѣ, сумѣлъ заручиться банковскими объявленіями (ежемѣсячными балансами), дававшими ему крупный доходъ и увеличивавшимися по мѣрѣ того, какъ банковское дѣло у насъ развивалось. Какъ значителенъ былъ этотъ доходъ, можно судить по тому факту, что, когда Трубниковъ сошелъ со сцены, нынѣшнія «Виржевыя Вѣдомости» возникли и долго существовали только на средства, которыя имъ давали эти объявленія.

Когда его газета пришла въ упадокъ и надо было позаботиться о пріисканіи крупнаго капитала, чтобы покрыть долги и текущіе расходы, Трубниковъ долгое время находился въ поискахъ за капиталистомъ и наконецъ нашелъ его въ лицѣ директора знаменитаго Семяниковаго судостроительнаго завода В. А. Полетики,

яраго радикала и въ то же время не менѣе яраго протекціониста кромѣ того, человѣка, вообразившаго себя литераторомъ. Трубноковъ сумѣлъ ему внушить, что онъ какъ бы рожденъ стать издателемъ большой газеты, и Полетика охотно этому повѣрилъ, согласился сдѣлаться компаньономъ Трубнокова и внести въ его газету крупную сумму, о какой въ то время и не слыхивали.

Съ этого момента начинается между двумя дѣльцами глухая борьба, въ которую они оба влагаютъ не мало воодушевленія или истребительной страсти. Для обоихъ очень скоро стало ясно, что двумъ медвѣдямъ въ одной берлогѣ не ужиться. Вопросъ заключался въ томъ, кто кого выживетъ. Трубноковъ, можетъ быть, былъ бы радъ уйти, но изъ полученныхъ имъ ста тысячъ львиная доля пошла на образоваціе оборотнаго капитала для продолженія газеты, а другая часть пошла на уплату тѣхъ долговъ по газетѣ, которые надо было покрыть, чтобы не лишиться необходимаго кредита. Такимъ образомъ, въ карманъ самого Трубнокова попали лишь крохи, которыя онъ ухитрился издержать въ короткое время. Слѣдовательно, ему уйти было не съ чѣмъ. Полетика же былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы удалить Трубнокова, потому что желалъ быть полновластнымъ хозяиномъ, т. е. писать то, что ему вздумается. Но онъ имѣлъ неосторожность при заключеніи условія согласиться на то, чтобы Трубноковъ оставался редакторомъ. Получилось такое положеніе, что Полетика не давалъ Трубнокову денегъ, а Трубноковъ не пропускать особенно дорогихъ Полетикѣ статей.

И упорная борьба между двумя крупными дѣльцами все усиливалась. Полетика старался обмануть бдительность редактора, выдавая статьи, ему дорогія, за такія, которыя будто бы ему были безразличны, а Трубноковъ, въ свою очередь, обманывалъ Полетику фиктивными переводами на болѣе или менѣе крупныя суммы, которыя получались въ банкахъ на его имя. Кажется, именно эти переводы наконецъ убѣдили Полетику, что Трубнокова изморомъ не возьмешь и что надо отъ него откупиться. Онъ и вступилъ съ нимъ въ переговоры. Трубноковъ сверхъ ожиданія оказался очень уступчивымъ. Онъ тотчасъ же согласился совсѣмъ уйти изъ газеты, если только Полетика уплатитъ его долги по газетѣ. Установить эти долги, однако, оказалось дѣломъ не легкимъ. Пришлось образовать своего рода конкурсное управленіе, членами котораго, подъ предѣлательствомъ В. Н. Герарда, были приглашены лучшіе юристы того времени. Засѣдали они долго и наконецъ установили, что долги Трубнокова составляютъ опять сумму въ сто тысячъ рублей. Тогда Трубноковъ въ присутствіи всего юридическаго ареопага спросилъ Полетику, согласенъ ли онъ уплатить этотъ долгъ съ тѣмъ, чтобы онъ, Трубноковъ, всегда ушелъ изъ газеты. Полетика согласился, и вотъ тутъ-то выяснилось, что дока Трубноковъ обошелъ доку Полетику.

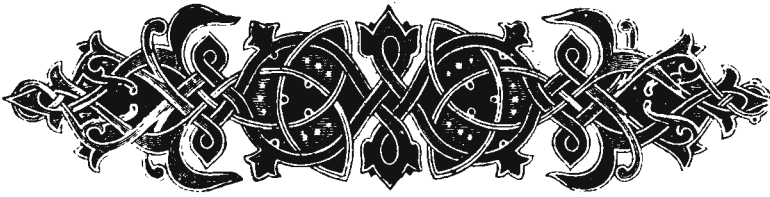
Передъ этимъ рѣшительнымъ засѣданіемъ Трубниковъ заѣхалъ къ главному своему кредитору, видному банкиру того времени Э. М. Мейеру и предложилъ ему тотчасъ же уплатить свой долгъ, если тотъ согласится на уступочку, т. е. скинетъ процентиковъ сорокъ. Мейеръ недолго думалъ (иначе онъ, конечно, не былъ бы даровитымъ финансистомъ) и согласился. Заручившись подписью Мейера, Трубниковъ уже зналъ, что дѣло выиграно. И дѣйствительно, всѣ остальные кредиторы, какъ только увидѣли подпись Мейера, тотчасъ же согласились на ту же уступку,—значить, иначе нельзя. Заручившись подписями всѣхъ своихъ кредиторовъ, Трубниковъ получилъ съ Полетики сто тысячъ рублей, уплатилъ имъ шестьдесятъ тысячъ, а себѣ въ карманъ положилъ сорокъ тысячъ. Понятно, то же могли продѣлать самъ Полетика и созданный имъ аренагъ, и тогда Полетика сберегъ бы сорокъ тысячъ и не пажилъ бы серьезнаго конкурента, потому что Трубниковъ, получивъ съ Полетики деньги, тотчасъ же нанялъ на томъ же Литейномъ и притомъ насупротивъ квартиру и сталъ издавать конкурирующую газету, купленное у О. К. Нотовича «Новое Время».

Я разстался съ Трубниковымъ въ 1879 году. Онъ прожилъ послѣ этого еще двадцать пять лѣтъ, въ теченіе которыхъ я встрѣтилъ его два раза, и въ обѣ эти встрѣчи голова его была полна разныхъ плановъ и проектовъ, которые всѣ болѣе или менѣе оказались мертворожденными, за исключеніемъ развѣ издававшихся безъ году недѣлю «Отголосковъ» и завода для выдѣлки хорошаго лампаднаго масла (Вильмесанъ тотъ торговалъ галантерейнымъ товаромъ). Отъ литературы, хотя бы только газетной, до лампаднаго масла далеко. Но Трубниковъ, хотя и писалъ очень много и оставилъ послѣ себя не мало брошюръ и даже книгъ, въ сущности, былъ только предпринимателемъ, но предпринимателемъ съ большой инициативой, что у насъ, въ Россіи, встрѣчается рѣдко. Поэтому-то онъ могъ, не имѣя лично ни гроша, создать много газетъ, изъ которыхъ одна пользовалась въ свое время крупнымъ успѣхомъ и послужила образцомъ для другихъ. Во всякомъ случаѣ Трубниковъ былъ однимъ изъ пионеровъ широко поставленнаго газетнаго дѣла въ Россіи.

Р. И. Сементковскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЛИЧНОСТЬ НИКОЛАЯ II И АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ ПО СВИДѢТЕЛЬСТВАМЪ ИХЪ РОДНЫХЪ И БЛИЗКИХЪ.

(Газетные матеріалы).

ЛИЧНОСТИ бывшего императора Николая II, его жены, всей царской семьи, обстоятельствамъ, сопровождавшимъ отреченіе и арестъ еще недавняго русскаго монарха, было посвящено въ нашихъ газетахъ не мало любопытныхъ статей и замѣтокъ, которыя современемъ явятся своего рода историческими документами, могущими пролить нѣкоторый свѣтъ на загадочный для многихъ характеръ низверженнаго русскаго самодержца. Дабы уберечь отъ забвенія эти документы, мы воспроизводимъ многіе изъ нихъ такъ, какъ они изложены въ повѣствованіяхъ очевидцевъ и дѣйствующихъ лицъ революціонныхъ февральскихъ и мартовскихъ дней, не дѣлая изъ собраннаго нами матеріала никакого вывода, не подводя опредѣленнаго итога. Во многихъ своихъ частяхъ въ матеріалѣ этомъ встрѣчаются повторенія, но эти послѣднія содержать въ себѣ порою нѣкоторыя характерныя особенности, не безполезныя для будущаго историка царствованія Николая II. Распредѣлить имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ въ хронологическомъ порядкѣ, по важности свидѣтельствъ или по внутренней ихъ между собою связи представляется затруднительнымъ. Мы въ порядкѣ нѣкоторой послѣдовательности устанавливаемъ слѣдующія рубрики въ изображеніи событій и воспроизведенія сдѣланныхъ характеристикъ отрекшагося отъ престола царя. Во-первыхъ, отношеніе къ нему нѣкоторыхъ лицъ въ тотъ періодъ, когда зарево русской революціи еще не зацмалось надъ нашей землей; во-вто-

рыхъ, изложеніе событій, происходившихъ въ дворцовыхъ сферахъ въ дни, послѣдовавшіе за убійствомъ «друга» царицы Распутина, и, въ-третьихъ, описаніе нѣкоторыхъ моментовъ изъ жизни царя въ дни его отреченія отъ престола, его ареста, пребыванія подъ карательнымъ въ Царскосельскомъ дворцѣ. Эти рубрики и послужатъ намъ главами, въ которыя мы и заключаемъ газетный матеріаль.

I.

Послѣ дѣла о шпіонахъ Мясоѣдовѣ и К^о вниманіе русскаго общества одно время было приковано къ дѣлу о высылкѣ фрейлины Васильчиковой, по коему тогда печать не имѣла въ своемъ распоряженіи подробныхъ данныхъ. Нынѣ газета «Русская Воля» (14 марта, №15) по этому вопросу сообщаетъ слѣдующее:

Дѣло фрейлины Васильчиковой возникло только благодаря случайности. Министръ внутреннихъ дѣлъ А. Н. Хвостовъ узналъ, что изъ-за границы прибыла фрейлина М. Васильчикова съ какой-то особой секретной миссіей изъ Берлина.

А. Н. Хвостовъ поѣхалъ на обыскъ Васильчиковой. Онъ взялъ съ собою директора департамента полиціи Бѣлецкаго, двухъ «вѣрныхъ» жандармскихъ полковниковъ, и отправился въ гостиницу «Асторія», гдѣ проживала фрейлина Васильчикова. Обыскъ былъ произведенъ весьма основательно: вспарывали подкладку, распарывали одежду, подвергли тщательному осмотру каждую бумажку и нашли въ чемоданѣ десять писемъ, адресованныхъ: три—бывшей царицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, затѣмъ—сестрѣ ея Елизаветѣ Ѳеодоровнѣ, Елизаветѣ Маврикіевнѣ, Маріи Павловнѣ (старшей) и другимъ членамъ голштинской династіи. Письма были такого рода: напимѣръ, Маріи Павловнѣ писали по-нѣмецки:

«Дорогая Marie. Мы всѣ страшно горюемъ, что не видимъ теперь тебя и въ особенности, что наша общая родина находится наканунѣ разоренія... Судьба дѣтей и женщинъ самая печальная; кругомъ—сплошное горе. Всѣ тѣ мѣста, гдѣ ты, дорогая, бывала, имѣютъ весьма печальный видъ, даже трава затоптана... А между тѣмъ,—писалось дальше,—мы всѣ любимъ васъ и не питаемъ враждебныхъ чувствъ къ Россіи. Намъ весьма тяготитъ нависшее надъ нами несчастье, причиной котораго явились англичане, и только они. Мы ждемъ той минуты, когда прекратится, наконецъ, избіеніе,—вѣдь мы воюемъ не изъ желанія воевать».

Письма, исходившія отъ нѣмецкихъ принцессъ, написаны въ свойственномъ нѣмкамъ сантиментальномъ тонѣ. Но были письма, какъ, напимѣръ, отъ брата бывшей царицы, великаго герцога Гессенскаго, написанныя весьма энергично: мысли изложены были особенно выпукло, и между строкъ сквозила сатанинская воля

Вильгельма. Это именно онъ старался усыпить вниманіе «русскаго медвѣдя», чтобы съ большей вѣрностью нанести ему смертельный ударъ; а если бы это не удалось, то надо было посорить Россію съ ея союзниками, или же поймать въ свои сѣти тѣхъ особъ изъ нѣмецкой династіи, для которыхъ слова о «помятой травкѣ» любимаго фатерланда не были пустымъ звукомъ.

Письма были переведены на русскій языкъ въ департаментѣ полиціи. Картина получилась въ высшей степени эффектная, и министръ внутреннихъ дѣлъ на слѣдующій день повезъ ихъ въ Царское Село.

Фрейлина Васильчикова подвергнута была домашнему аресту въ «Асторіи». Проводъ ея телефона былъ соединенъ съ телефономъ охраны; ловкая горничная и лакей, служащіе департамента полиціи, были приставлены къ ней съ наказомъ слѣдить за каждымъ движеніемъ арестованной. Однако она поняла свое положеніе и ничѣмъ себя не выдала.

Еще до того, какъ А. Н. Хвостовъ успѣлъ доложить Николаю объ арестѣ и о письмахъ, и, казалось, никто не могъ объ этомъ знать, все-таки при дворѣ объ этомъ узнали, и въ результатѣ—в. к. Марія Павловна прислала запросъ обо всемъ этомъ «непонятномъ для нея дѣлѣ». Бывшій царь, въ первую минуту, казалось, былъ весьма «разгнѣванъ»: онъ одобрилъ арестъ и согласился на репрессивныя мѣры по отношенію къ Васильчиковой, которыя предложилъ А. Н. Хвостовъ. Но совершенно неожиданно мысли его приняли другое направленіе: желаніе нѣмцевъ заключить съ нимъ миръ онъ истолковывалъ, какъ признакъ ихъ слабости. Онъ сталъ говорить въ весьма заносчивомъ тонѣ, предсказывалъ, что Вильгельмъ будетъ просить у него пощады, и заявлялъ, что ведетъ войну именно съ Вильгельмомъ, а не съ нѣмцами.

— Я не воюю съ германскимъ народомъ,—сказалъ онъ:—германскій народъ весьма добропорядоченъ: онъ слушается своего монарха и поступаетъ по его велѣнію. За что же я долженъ его ненавидѣть? Вотъ Вильгельма я отъ души ненавижу: вѣдь онъ позволилъ себѣ сказать этимъ добрымъ нѣмцамъ, что я—лгунъ.

Письма были разсланы адресатамъ; Елизавета Феодоровна нашлась: она вернула обратно адресованное ей письмо съ припиской, что фрейлины Васильчиковой она не знаетъ. Другія особы на эти письма не дали никакого отвѣта, по крайней мѣрѣ, явнаго. Но послѣ этого—подземная работа, интриги, вся та сложная механика искательства, лжи, ненависти, борьба различныхъ честолюбій и, въ результатѣ этого, безудержное распутинство—расцвѣли съ новой силой...

Недостойное поведеніе царицы, Распутина и ихъ всеяльнаго кружка не могло не возмутить даже нѣкоторыхъ придворныхъ русскіхъ людей, которыхъ, казалось бы, ужъ ничѣмъ нельзя было

ни удивить, ни возмутить. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характеренъ инцидентъ съ княгиней Васильчиковой.

Въ № 14724 «Новаго Времени» мы читаемъ слѣдующія данныя о высылкѣ бывшаго члена Гос. Совѣта кн. Б. Е. Васильчикова и его супруги, пославшей памятное письмо Александрѣ Осодоровнѣ. Эта опала глубоко взволновала не только придворные круги, но и все русское общество, среди котораго ходили неясные слухи, нынѣ получившіе подробную огласку.

Княгиня, какъ русская женщина, искренно страдала изъ-за существующихъ порядковъ при дворѣ. Мысль объ обращеніи къ императрицѣ преслѣдовала княгиню уже давно, но своими планами она ни съ кѣмъ не дѣлилась. Въ дни, предшествовавшіе написанію письма, княгиня была въ особенномъ уныніи, не спала ночей и наконецъ рѣшилась безъ всякаго посторонняго участія написать императрицѣ письмо, какъ женщина къ женщинѣ, а не какъ подданная къ государынѣ.

Княгинѣ казалось, что государыня императрица должна почувствовать всю силу подобнаго убѣжденія, если только ей дороги интересы Россіи. Письмо было написано въ сильномъ порывѣ чувства, когда княгиня поняла, что терпѣть создаваемаго положенія она далѣе не въ состояніи. Послѣ ряда бессонныхъ ночей, присѣвъ за письменный столъ, княгиня набросала на листѣ блокнота письмо, совершенно не заботясь о стилѣ и не разбираясь во всѣхъ тонкостяхъ придворнаго этикета. Обращеніе къ императрицѣ было обращеніемъ, принятымъ въ обыкновенныхъ письмахъ. Княгиня излила въ письмѣ то, что чувствовала. Эти листочки блокнота въ первоначальномъ ихъ видѣ такъ и были запечатаны въ конвертъ и тотчасъ же брошены княгиней въ почтовую ящикъ. Письмо адресовано было на имя государыни императрицы и дошло до нея на слѣдующій день.

Такъ какъ черновика не сохранилось, и княгиня писала это письмо въ порывѣ чувства, то дословно возстановить текстъ письма невозможно. Лейтъ-мотивомъ письма было горькое сожалѣніе о томъ, что государыня императрица, отклоняясь отъ прямого своего назначенія—служить дѣламъ благотворительности и раненому воинству—непрестанно вмѣшивается въ политическія дѣла Россіи и постепенно старается захватить въ свои руки все вліяніе въ правящихъ кругахъ.

Княгиня Васильчикова предостерегала государыню отъ излишней довѣрчивости къ окружающимъ ее людямъ и умоляла ее прозрѣть, не смотрѣть на Россію глазами приближенныхъ къ ней раболѣпныхъ царедворцевъ, не довѣрять ихъ увѣреніямъ, что будто бы государыня прекрасно знаетъ и понимаетъ Россію и нужды русскаго народа. Княгиня писала, что государыня, наоборотъ, Россіи не знаетъ, не знаетъ она того настроенія, которое охватываетъ весь русскій народъ при видѣ придворныхъ интригъ. Въ заключеніе

княгиня дала императрицѣ отъ чистаго сердца совѣтъ русской женщины отречься отъ своихъ плановъ и властолюбивыхъ намѣреній, удалить отъ себя лицемѣрныхъ придворныхъ и предаться той святой дѣятельности, къ которой государыня императрица по положенію своему предназначена и которая главнымъ образомъ можетъ дать государынѣ любовь народа и принести Россіи пользу.

Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе письма. Въ немъ не было ни одного намека на роль Распутина при дворѣ и при государынѣ императрицѣ. Не было также ни одного безтактнаго выраженія. Единственно только то, что письмо написано было безъ принятыхъ по этикету льстивыхъ изліяній и выраженій и содержало въ себѣ одну правду. Это, очевидно, и оскорбило императрицу больше всего.

Пославъ письмо, княгиня сообщила объ этомъ шагѣ своимъ близкимъ. Стали ждать результатовъ. Черезъ три дня послѣдовало распоряженіе о высылкѣ княгини въ имѣніе Выбити. Произошло это слѣдующимъ образомъ.

Прочтя письмо, государыня, какъ передавали близкіе къ ней люди, вознегодовала и нервно произнесла:

— Это уже не первое письмо, надо положить предѣлъ подобнымъ выступленіямъ и отнестись наконецъ къ нимъ со всей строгостью.

Какъ разъ въ это время въ Царское пріѣхалъ государь. Произошелъ семейный совѣтъ при участіи гр. Фредерикса. По обсужденіи того, какъ отнестись къ выступленію княгини, царь присоединился къ мнѣнію Александры Ѳеодоровны и поручилъ гр. Фредериксу переговорить съ княземъ. Кн. Б. А. Васильчикова вызвали къ министру двора... Во время пріема гр. Фредериксъ былъ, видимо, смущенъ и чувствовалъ себя неловко.

— Поймите, — сказалъ онъ князю: — что я, какъ министръ двора, не могъ не обратить вниманія на форму обращенія вашей супруги къ государынѣ, отнюдь не принятую и оскорбительную.

Князю, какъ лицу, отвѣтственному за поступки супруги, объявленъ былъ высочайшій выговоръ. Супругѣ же его предложено было покинуть въ ближайшее время Петроградъ. Князь спросилъ, назначенъ ли государемъ какой-либо срокъ для выѣзда. Фредериксъ отвѣтилъ, что, конечно, срокъ не опредѣленъ, и княгиня можетъ выѣхать, когда ей угодно, въ ближайшее время.

Черезъ два дня княгиня уѣхала въ деревню, вмѣстѣ съ нею выѣхалъ и князь. Въ день отъѣзда кн. Б. А. Васильчиковъ отправилъ гр. Фредериксу письмо съ указаніемъ на то, что онъ не можетъ оставаться въ Петроградѣ, когда его жена подверглась опалѣ. Объ обстоятельствахъ высылки князь сообщилъ всѣмъ близкимъ. Супруги кн. Васильчиковы получили массу привѣтствій и изъявленій солидарности отовсюду.

Уже при отъѣздѣ князь принялъ твердое рѣшеніе порвать связь со дворомъ и служебнымъ положеніемъ въ Г. Совѣтѣ въ виду того,

что онъ не могъ равнодушно выносить установившагося режима. За двѣ недѣли до открытія Г. Совѣта Б. А. Васильчиковъ пріѣзжалъ въ Петроградъ, чтобы узнать, не перемѣнилось ли настроеніе. Положеніе дѣлъ оставалось такимъ же. Убіеніе Распутина не оказало на императорскую чету никакого вліянія. Князь подалъ прошеніе объ отставкѣ, мотивируя прошеніе тѣмъ, что, будучи вынужденъ по семейнымъ обстоятельствамъ жить въ деревнѣ, онъ не можетъ принимать участіе въ работахъ Г. Совѣта. Отставка была принята немедленно.

Въ дополненіе къ сказанному выше мы находимъ въ «Вечернемъ Времени» (№ 1766) слѣдующую замѣтку:

Послѣ извѣстнаго письма кн. Васильчиковой на имя государыни стали поступать письма, призывающія ее не слушать коварныхъ навѣтовъ царскаго трона, а слушать только испытанныхъ друзей. По словамъ великаго князя Николая Михайловича, письма эти написаны по одному шаблону, такъ, какъ не можетъ писать простой русскій народъ. Быть можетъ, всѣ эти письма фабриковались въ подвалахъ русской общественности по указкѣ Протопопова и «Ваньки-Каина»—Щегловитова?

Послѣ поѣздки бывшей парицы въ Новгородъ поступленіе такихъ «вѣрноподданническихъ» посланій усилилось.

Глядя на эту свистопляску, парица обмолвилась небезынтереснымъ афоризмомъ «Voilà Petrograd et ça c'est la Russie». (Тамъ Петроградъ, а здѣсь Россія).

Какъ парица не внимала никакимъ совѣтамъ русскихъ патріотовъ, такъ и царь съ своей стороны упорно отклонялъ указанія и замѣчанія лицъ, не состоявшихъ въ кружкѣ его жены.

Въ № 1768 «Вечерняго Времени» А. И. Ксюнинъ помѣстилъ не лишнюю интереса статью подъ заглавіемъ «Совѣты, которыхъ Николай II не слушалъ (Родзянко, Гучковъ, вдовствующая государыня, Николай II и его свита)», гдѣ мы читаемъ:

Во время послѣдней аудіенціи М. В. Родзянко сказалъ Николаю II:

— Чувствую, что въ послѣдній разъ докладываю вамъ, государь.

— Почему?..

— Или вы распустите Думу, или наступятъ событія, которыя сметутъ и васъ, и Россію...

Предчувствіе не обмануло предсѣдателя Думы: Аудіенція оказалась послѣдней, и революція, въ которую не вѣрили, смела царскую власть.

М. В. Родзянко каждый докладъ сопровождалъ одинаковыми предупрежденіями. Онъ объяснялъ положеніе вещей, указывалъ на растущее недовольство, на разстройство государственныхъ дѣлъ, на то, что министры руководствуются чаще всего личными, карьерными и корыстными интересами.

Настроение страны было чуждым и непонятным царю. Онъ оставался глухимъ ко всѣмъ совѣтамъ, выслушивалъ, что ему докладывали и поступалъ все-таки по-своему.

Еще два года тому назадъ М. В. Родзянко говорилъ государю: — Никакіе пулеметы и орудія не сломятъ народной воли. Она рано или поздно громко о себѣ заявитъ.

Царь отмалчивался.

Послѣ убійства Распутина дворъ подпалъ всецѣло подъ вліяніе Протопопова, который увѣрялъ, что все обстоитъ благополучно.

— Я подавилъ революцію сверху,—намекалъ Протопоповъ на высылку князя Дмитрія Павловича и Юсулова:—подавлю и революцію снизу...

Когда Николаю II заикались о Протопоповѣ, онъ неизмѣнно отвѣчалъ:

— Протопоповъ изъ Государственной Думы... Не понимаю, почему имъ вдругъ стали недовольны.

М. В. Родзянко энергично доказывалъ, что необходимо убрать Протопопова и разстаться съ прежней безответственной властью.

Царь либо отмалчивался, либо отвѣчалъ:

— Сдѣлаю, какъ мнѣ Богъ на душу положить.

Во время послѣдней аудіенціи, царь, какъ выразился М. В. Родзянко,—«былъ чрезвычайно агрессивнымъ». Аудіенція была непродолжительной и далеко не «высокомилостивой». М. В. Родзянко слушали только по необходимости, боясь итти на открытый разрывъ. Его принимали только въ крайнихъ случаяхъ, часто недѣлями не отвѣчали на просьбу объ аудіенціи, иногда ограничивались порученіемъ представить письменный докладъ.

Такъ же относились и къ А. И. Гучкову, когда онъ былъ предсѣдателемъ третьей Думы. Недаромъ одинъ изъ придворныхъ охранниковъ, генераль Спиридовичъ, замѣшанный въ убійствѣ Столыпина,—говорилъ:

— Самый опасный для насъ Гучковъ,—по немъ давно плачуть висѣлица...

Когда А. И. Гучковъ еще задолго до войны сдѣлалъ царю свой знаменитый докладъ о нашихъ военныхъ недочетахъ, Николай II вмѣсто того, чтобы принять совѣты къ свѣдѣнію, пригласилъ Сухомлинова и возмущенно спрашивалъ, откуда Гучкову извѣстны военные секреты. Въ результатѣ послѣдовала отставка товарища министра Поливанова. Сухомлиновъ воспользовался случаемъ, чтобы свести счеты.

Николай II выслушивалъ докучливыхъ совѣтчиковъ и поступалъ по-своему, ни съ кѣмъ не считаясь и никому не довѣряя. Упрямство брало верхъ, предупрежденія только раздражали и озлобляли. Однихъ выслушивали по необходимости, другимъ насильно закрывали ротъ, третьихъ просто удаляли, лишая царскихъ милостей.

Послѣдовательно были отстранены Джунковскій, кн. Орловъ и Дрентельнъ.

Послѣ убійства Распутина она пала постигла чуть не всѣхъ великихъ князей. Царицу-мать Марію Ѳеодоровну давно перестали слушать. Государыня оставила свой дворецъ и переѣхала въ Кіевъ, желая подчеркнуть, что она далека отъ Царскаго Села и никакого участія въ политикѣ не принимаетъ. Вдовствующая государыня жила въ Кіевѣ просто и доступно. Она не разъ приглашала кіевскихъ депутатовъ В. Я. Демченка и А. И. Савенка и открыто заявляла, что давно не имѣетъ никакого вліянія на сына и его поступкамъ не сочувствуетъ.

Событія шли, электричество накоплялось, недовольство въ народѣ росло, правительство дѣлало все, чтобы раздражить народъ, усилить смуту, разжечь страсти, не понимая, куда толкаетъ Россію. Всѣ сказали свое слово, всѣ, кто могъ побывать въ Царскомъ, но тамъ отмахивались отъ всѣхъ, оставались въ обществѣ Протопопова и Воейкова и, убаюканные ихъ лестью, успокоились. Не подошелъ даже правый Треповъ. Его замѣнили немощнымъ Голицынымъ, никогда государственнымъ дѣлами не занимавшимся.

Когда Голицына въ Гос. Думѣ, спросили почему онъ согласился занять отвѣтственный постъ, къ которому совершенно не подготовленъ, бывшій премьеръ на стѣсняясь отвѣтилъ:

— Я самъ сознаю, что вовсе не подготовленъ. Я и государю это сказалъ. Я такого ему про себя наговорилъ, что если бы это повторилъ кто-нибудь другой, я бы вызвалъ его на дуэль.

— А что вамъ отвѣтилъ государь?

— Отвѣтилъ: мнѣ такого и надо.

Для характеристики дворцовой жизни даетъ интересный матеріалъ газеты «Рѣчь» въ № 59 въ статьѣ «Николай II и его семья»:

Лица, близкія къ отречшемуся царю, такъ читаемъ мы здѣсь, — характеризуютъ бывшаго императора всероссійскаго:

— Слабый, безхарактерный человѣкъ, легко поддававшійся постороннему вліянію, Николай II никогда не былъ въ состояніи принять твердое и опредѣленное рѣшеніе. Признавъ необходимымъ одно, царь, послѣ разговора съ какимъ-нибудь иксомъ, принималъ діаметрально противоположное рѣшеніе. Большихъ трудовъ не стоило убѣдить Николая II въ чемъ угодно. Съ особеннымъ уваженіемъ относился онъ всегда къ мнѣніямъ специалистовъ, понимая, впрочемъ, этотъ терминъ очень узко. Специалистомъ, по мнѣнію царя, былъ тотъ, кто, волею судьбы, Александры Ѳеодоровны или Распутина, стоялъ въ данный моментъ во главѣ той или иной отрасли хозяйства.

Александра Ѳеодоровна имѣла на царя подавляющее вліяніе. Въ присутствіи ея Николай II не имѣлъ своего мнѣнія. За него говорила царица, а царь молча со всѣмъ соглашался.

Въ чемъ секретъ вліянія Александры Ѳеодоровны, никто понять не могъ. Даже Марія Ѳеодоровна не разъ разводила руками. Молодая царица часто наѣзжала въ ставку. До поздней ночи въ ея апартаментѣхъ горѣлъ свѣтъ. Это Александра Ѳеодоровна занималась государственными дѣлами, составляя проекты указовъ, намѣчая министровъ, назначая однихъ и смѣщая другихъ.

Приближенные къ Николаю II подчеркиваютъ его нѣжную любовь къ семьѣ, особенно къ сыну Алексѣю. Такія же чувства къ дѣтямъ питала и царица, никогда, впрочемъ, наружно не проявляя своей любви.

Слабость, безхарактерность, а отнюдь не твердость сказалась и въ послѣдніе исключительные дни жизни Николая II. Принимая огромной важности рѣшеніе въ видѣ отреченія, онъ въ то же время спокойно спалъ, регулярно ѣлъ, ни на одну минуту не нарушая обычнаго образа жизни. Такъ слабый духомъ человекъ легко успокаивается послѣ самыхъ страшныхъ потрясеній. Но насколько слабъ характеромъ былъ Николай II, настолько энергичной, властной и самостоятельной являлась его жена Александра Ѳеодоровна. Человекъ съ огромнымъ характеромъ, большой силой воли, она не считалась ни съ какими препятствіями въ проведеніи того, что признавала необходимымъ. Ни одинъ министръ не могъ получить портфеля безъ ея одобренія. Протопоповъ, Голицынъ, Воейковъ и другіе—все это кандидаты Александры Ѳеодоровны.

Съ особой исключительной нѣжностью и царь, и царица относятся къ своему сыну Алексѣю. Малый, хилый и болѣзненный, онъ страдаетъ съ рожденія страшной болѣзью—гемофиліей, кровоточивостью. Было два случая, когда казалось, что ничто уже не спасетъ наслѣдника русскаго престола, что онъ истечетъ кровью. Нужно отмѣтить, что гемофилія передается по наслѣдству, исключительно мужскому потомству. Зналъ ли Николай II, что въ роду Алисы Гессенской имѣются гемофилитики,—неизвѣстно. Но объ этомъ хорошо знала сама Александра Ѳеодоровна и особенно князь Бисмаркъ. Существуетъ предположеніе, что желѣзный канцлеръ изъ вполнѣ понятныхъ политическихъ расчетовъ умышленно подсунулъ наслѣднику русскаго престола Алису Гессенскую, кровь которой была заражена страшнымъ ядомъ.

Вотъ еще страничка изъ дворцовой жизни, описанія которой г. Фризь посвятилъ слѣдующую замѣтку въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» (№ 16125):

Какъ извѣстно, Николай II сильно увлекался спиритизмомъ. Такъ, на примѣръ, еще въ бытность Столыпина министромъ внутреннихъ дѣлъ, спиритическіе сеансы устраивались у царя еженедѣльно. Явившись однажды по вызову въ Царское Село, Столыпинъ узналъ, что въ ночь передъ его прибытіемъ царь въ кругу нѣкоторыхъ приближенныхъ лицъ провелъ время до 3-хъ часовъ утра за спирити-

ческимъ сеансомъ. Столыпинъ не долюбивалъ Николая II и въ свою очередь пользовался такимъ же чувствомъ у царя. Въ урочный часъ Николай II принялъ Столыпина, и между ними произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Я на кievскія торжества рѣшилъ не ѣхать,—замѣтилъ Николай.

— Да, но это, ваше величество, будетъ неудобно, категорически неудобно,—подчеркнулъ со свойственной ему рѣзкостью Столыпинъ.

— Но что же дѣлать,—возразилъ Николай:—у меня есть основательныя причины воздержаться отъ этой поѣздки.

Столыпинъ сталъ доказывать царю, что въ охранномъ отношеніи все обстоитъ благополучно, что приняты исключительныя мѣры и въ Петербургѣ, и въ Киевѣ для охраны его величества, но царь стоялъ на своемъ.

Тогда Столыпинъ заявилъ:

— Тогда надо отмѣнить торжества, ибо и мнѣ тамъ дѣлать нечего. Я понимаю, что ваше рѣшеніе имѣетъ серьезныя основанія, но у васъ, ваше величество, усталый видъ, и я предпочелъ бы выслушать ваше рѣшеніе въ другой разъ.

Николай сразу догадался, что Столыпину извѣстно о спиритическомъ сеансѣ, и онъ возразилъ:

— Я поздно легъ вчера, развлекался немного спиритизмомъ.

Столыпинъ возвратился въ Петербургъ въ сильномъ раздраженіи и въ присутствіи близкихъ къ нему лицъ разсказалъ объ этой возмутительной исторіи.

На спиритическихъ сеансахъ у царя часто присутствовалъ генералъ Воейковъ.

Однажды С. Ю. Витте высказалъ Николаю II свое отрицательное отношеніе къ спиритизму вообще, но царь прервалъ его съ возмущеніемъ, показывая бывшему премьеру книгу проф. Папюса.

— Что вы, что вы! вы прочитайте. Здѣсь такія откровенія, что если слѣдовать имъ, то можно управлять страной и безъ министровъ даже,—закончилъ онъ свою рѣзкую шутку, улыбаясь.

Долгое время Николай и Александра Феодоровна были очень угнетены непоявленіемъ наслѣдника на свѣтъ, и вотъ когда родилась послѣдняя дочь Анастасія Николаевна, во дворцѣ у царя состоялся спиритическій сеансъ. Были погашены огни, Макаровъ (впослѣдствіи министр) охранялъ портьеры, откуда долженъ былъ появиться медиумъ, и сеансъ начался при никѣмъ не нарушаемой тишинѣ. Медиумомъ былъ нѣкій Волковъ, который не игралъ никакой роли при дворѣ, но расположилъ къ себѣ коронованную чету своей «внутренней силой». Вдругъ портьера, у которой дежурилъ Макаровъ, сорвалась съ шумомъ, и передъ собравшимися въ полусвѣщенной галлерей появились огненные знаки, при сочетаніи которыхъ получилось слово «наслѣдникъ». Трудно, конечно, ска-

затъ, кто организоваль этотъ ловкій фокусъ, но естественно, что безъ участія электротехника «наслѣдникъ» не могъ появиться.

Въ этотъ вечеръ Николай II былъ счастливъ, его любезностямъ не было границъ, и онъ до того былъ сентиментально настроенъ, что, обратившись къ одной изъ фрейлинъ, сказалъ:

— Какія чудныя веснушки у васъ на рукахъ...

Однако, до появленія наслѣдника во дворцѣ появился Распутинъ, которому очень не по душѣ показались всѣ эти спиритическіе сеансы.

Распутинъ, какъ умный мужикъ, понялъ, что при дворѣ двухъ вліяній быть не можетъ и не должно. Онъ убѣдилъ царицу отказаться отъ участія въ спиритическихъ сеансахъ и доказалъ ей, что всѣ эти «явленія» подстроены и что въ нихъ нѣтъ ничего реального. Распутину удалось изгнать изъ дворца спиритизмъ и, казалось, навсегда.

Совсѣмъ недавно бывший министръ юстиціи Добровольскій, будучи на приемѣ у Николая II, услышалъ отъ него такой вопросъ:

— Скажите; вѣрно ли, что вы интересуетесь спиритизмомъ?..

Добровольскій въ крайнемъ смущеніи замялся и не зналъ, что отвѣчать.

— Въ этомъ, конечно, ничего предосудительнаго нѣтъ; я и самъ любилъ спиритическіе сеансы.

Между бывшемъ царемъ и Добровольскимъ произошелъ интересный диспутъ на тему о медиумахъ, трансѣ и проч. Самъ Добровольскій передавалъ объ этой бесѣдѣ въ кругу близкихъ къ его спиритическому кружку лицъ.

Кромѣ спиритизма, придворные прибѣгали и къ другимъ способамъ развлеченія своего государя. Такъ, вернувшійся изъ ссылки кн. Ф. Ф. Юсуповъ рассказывалъ въ «Петроградскомъ Листкѣ» (№ 62), какъ «придворные» спаивали царя съ своекорыстными цѣлями.

— Я,—говорить князь,— отрицаю, что бывший царь злоупотреблялъ спиртными напитками, но его спаивали болѣе сильной отравой. Мнѣ лично пришлось слышать въ одномъ изъ распутинскихъ кружковъ о томъ, что приближенные дѣлали специально сильный настой изъ тибетскихъ травъ и этимъ настоемъ спаивали царя.

Послѣ этого б. царь впалъ въ меланхолію, чувствительность атрофировалась, онъ становился безразличнымъ, былъ молчаливъ и такимъ образомъ лишался возможности реагировать на заявленія и указанія приближенныхъ.

И въ этотъ моментъ царедворцы-преступники пользовались слабостью бывшего царя для осуществленія своихъ злыхъ и подлыхъ государственныхъ дѣлъ. Кто зналъ бывшего царя въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ, тотъ можетъ сказать, что за послѣдніе годы онъ пережилъ большую эволюцію и сталъ буквально неузнаваемъ.

При этомъ нельзя отрицать, что роковую роль въ жизни династїи сыграла б. государыня, которая вѣрила въ чудеса Гр. Распутина, и для него и его приближенныхъ она жертвовала народнымъ благомъ и народными интересами.

О препровожденіи времени бывшего государя немало любопытнаго сообщаетъ тоже извѣстная пѣвица Н. Плевницкая въ «Петроградскомъ Листкѣ» (№ 59):

— Онъ былъ добрый и простой,—разсказываетъ она,—такой, какъ всѣ. Ничуть не похожъ на царя. Сидитъ и слушаетъ. И потомъ горячо-горячо жметъ руку и благодаритъ. И видно было, что пѣсни мои ему очень нравятся, что онъ понимаетъ ихъ, что онъ его трогаютъ до глубины души...

— Веселую компанію онъ очень любилъ,—продолжаетъ далѣе артистка.—И пилъ много. Но что удивительно—никогда не пьянѣлъ. Пьетъ, нисколько отъ другихъ не отставая, а хоть бы въ одномъ глазу. Хохочетъ только. При чемъ предпочитаетъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, не вставая. Сидитъ и хохочетъ. Веселый былъ человѣкъ. Любилъ анекдоты. Особенно еврейскіе или анекдоты про какое-нибудь глупое положеніе какого-нибудь глупаго начальства. Хохочетъ до упаду.

П. Рысь въ своемъ фельетонѣ «Распутинъ и царскій дворъ» («День», № 6, 11 марта) приводитъ собственное признаніе «старца» о его положеніи и вліяніи на царскую семью.

— У царя я человѣкъ свой... вхожу безъ доклада... Стукотну, вотъ и все. А ежели дня два меня нѣту, такъ уже и стрѣляютъ по телефону... Григорія Еенимовича дожидаются. Вродѣ я у нихъ, какъ примѣта. Всѣ меня уважаютъ... Хороша царица. Баба ничего. И царенокъ хорошъ... Мальченка ловкій... Всѣ ко мнѣ... и дочки— всѣ ко мнѣ...

Вотъ разъ, значитъ, я и пріѣхалъ, да прямо къ царю... Дверь раскрываю, Николай Николаевичъ тамъ былъ, великій князь... Не любить меня. Звѣремъ смотреть... А мнѣ ничего. Я къ ему злобы не питаю... Сидитъ онъ, а меня увидѣлъ, уходитъ собирается. А я ему: посиди, говорю, чего торопиться, время-то раннее... А онъ, значитъ, царя соблазняетъ... все на Ерманію его наговариваетъ. Ну, а я и говорю: кораблики понастроимъ, тоды и воевать, а теперь, выходить, не надо... Разсерчалъ Николай Николаевичъ, кулакомъ по столу... и кричитъ, а я ему: кричишь-то зачѣмъ?.. Онъ царю докладываетъ: ты бѣ его, говоритъ, выгнать... Мнѣ съ нимъ объ государствѣ не разговаривать... А я царю объясняю, что я правду знаю и все впередъ скажу, а не гоже Николай Николаевичу со мной въ одной комнатѣ, пуцай уходитъ... Христось съ нимъ... а безпорядокъ въ квартирѣ производить не гоже. Вскочилъ Николай Николаевичъ, ногою топнулъ, да и прочь. Дверью только потрясъ крѣпко...

II.

Убийство Распутина создало въ нѣдрахъ самой царской семьи большой расколъ и, какъ извѣстно, въ связи съ этимъ убійствомъ нѣкоторые изъ членовъ этой семьи пострадали, были отстранены отъ дворцовой среды и подверглись изгнанію. Наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія по сему предмету мы находимъ въ бесѣдѣ вел. кн. Павла Александровича съ г. Григорьевымъ, сотрудникомъ «Русской Воли» И. Григорьевымъ, напечатанной въ № 10 этой газеты.

Послѣ появленія въ газетѣ настоящей бесѣды великій князь Павелъ Александровичъ напечаталъ во всѣхъ газетахъ открытое письмо въ редакцію, въ коемъ въ категорической формѣ заявилъ, что содержаніе его бесѣды съ сотрудникомъ «Русской Воли» не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и факты, изложенные въ бесѣдѣ, представлены и освѣщены неправильно. Со стороны редакціи «Русской Воли» на это письмо не послѣдовало отвѣта, и такимъ образомъ бесѣда великаго князя съ корреспондентомъ газеты является нѣсколько загадочною въ томъ отношеніи, что трудно установить, что изъ этой бесѣды было дѣйствительно высказано великимъ княземъ и что явилось плодомъ литературной фантазіи г. Григорьева. Станнымъ, однако, для насъ служить то обстоятельство, что многое изъ сказаннаго Павломъ Александровичемъ находить себѣ подтвержденіе въ бесѣдахъ остальныхъ представителей бывшей царской семьи. Такъ, великій князь выгораживаетъ своего сына изъ дѣла объ убійствѣ Григорія Распутина, вмѣстѣ съ тѣмъ министръ юстиціи Керенскій въ своей рѣчи, произнесенной въ Совѣтѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, гдѣ онъ вотируетъ довѣріе къ себѣ, прямо заявилъ, что Дмитрій Павловичъ былъ организаторомъ убійства Распутина и въ таковомъ непосредственно самъ участвовалъ. Можно было бы отмѣтить и нѣкоторые другія мѣста изъ бесѣды Павла Александровича съ Григорьевымъ, которыя свидѣтельствуютъ въ пользу послѣдняго. По этимъ соображеніямъ, мы сохраняемъ въ настоящемъ нашѣмъ обзорѣ бесѣду великаго князя Павла Александровича въ томъ видѣ, какъ она напечатана въ «Русской Воли», полагая, что истина заключена въ средней равнодѣйствующей повѣствованія г. Григорьева и письма въ редакцію Павла Александровича. Очевидно, при бѣглой бесѣдѣ и тотъ, и другой могли кое-что забыть, могли кое-что переиначить, благодаря чему и получилось извѣстное разногласіе. Такъ или иначе, но все же изложеніе бесѣды г. Григорьева даетъ въ распоряженіе будущаго историка кое-какой нелишенный интереса матеріалъ для характеристики какъ особы бывшей царской семьи, такъ и пережитаго времени.

Хочется говорить, высказать всему обществу, что накопѣло н, душѣ,—заявилъ Павелъ Александровичъ въ началѣ своего разго-

вора съ г. Григорьевымъ.— Душно. Задыхаешься въ атмосферѣ лжи и ненависти къ себѣ. Проклятый вѣкъ, вѣчное скитаніе.

Не успѣлъ я хорошенько опомниться отъ всего того, что сдѣлалъ со мной Николай Романовъ послѣ женитьбы на моей нынѣшней женѣ, графинѣ Палей, послѣ всѣхъ мытарствъ и бѣдности, перенесенныхъ мною изъ-за женитьбы на некоронованной особѣ, какъ новое горе, новое страданіе свалились на мою голову. Сначала убійство Распутина и роль въ немъ моего любимаго сына Дмитрія Павловича, вѣчныя ссоры съ Александрой Феодоровной, а потомъ уже и событія послѣднихъ дней—все это, какъ камень, свалилось на мою семью. Много пришлось пережить. Впрочемъ, нужно по порядку.

Въ началѣ 1916 года я случайно пріѣхалъ изъ дѣйствующей арміи въ Царское Село. Здѣсь меня ожидало письмо отъ дочери Маріи Павловны, находившейся во Псковѣ. Въ письмѣ этомъ Марія Павловна приводила свой разговоръ съ ген. Рузскимъ за день до удаленія его отъ командованія и отъѣзда на отдыхъ. Марія Павловна просила разъяснить бывшему царю, что отпускъ этотъ, по меньшей мѣрѣ, преступленіе. «Необходимо,—заканчивала она свое письмо,—возвратить Рузскаго на фронтъ, гдѣ онъ побѣждалъ и будетъ побѣждать». Письмо Маріи Павловны я въ тотъ же день отправилъ къ царю, но получилъ отвѣтъ не отъ царя, а отъ царицы. Письмо это заключало въ себѣ нѣсколько словъ и гласило слѣдующее: «Ваше письмо прочла, рада, что оно не попало Николаю Александровичу. Пускай старецъ ѣдетъ въ отпускъ, когда понадобится—возвратимъ. Александра».

Письмо царицы меня возмутило. Какъ смѣла она, женщина, вмѣшиваться въ дѣла, касающіяся всей страны! Въ тотъ же день я попросилъ у Николая Александровича свиданія.

— Къ чему ведешь ты страну?—заявилъ я.—Нужно прекратить эти безчинства. Пора взять себя въ руки и не допустить, чтобы страной правилъ не ты, а женщина.

Николай Александровичъ выслушалъ меня, теребя усь. Нѣсколько нервныхъ ударовъ пальцами по стеклу окна были его отвѣтомъ. Царь ушелъ, не показавъ мнѣ лица и не подавъ мнѣ руки. Съ тѣхъ поръ между мною, царемъ и царицей установились натянутыя отношенія, еще болѣе обострившіяся въ декабрѣ того же 1916 года. Въ теченіе этого промежутка у меня происходили столкновенія съ Николаемъ Александровичемъ, но они носили чисто дѣловой характеръ.

Постоянно Павелъ Александровичъ старался подчеркивать ненадежность семьи Романовыхъ и упорно утверждалъ, что не народъ, а царскій домъ готовитъ россійскую революцію.

— Когда же мы, члены царской семьи, указывали ему и Александрѣ Феодоровнѣ, что Распутинъ—это гибель страны, то получали отвѣтъ, что это невѣрно.

— Наоборотъ,—говорила Александра Фёдоровна,—русскій народъ, и въ особенности крестьяне, довольны, что въ царскія хоромы проникъ и мужичекъ. У меня имѣются,—говорила она,—письма, доказывающія правдивость моихъ словъ.

17 декабря 1916 г. разыгралось всколыхнувшее всю Россію событіе. Во дворцѣ Юсупова былъ убитъ Распутинъ. Объ этомъ убійствѣ я узналъ въ ставкѣ, въ Гомелѣ, лишь 19 декабря. Среди убійцъ называли рядъ высокопоставленныхъ именъ, но имени моего сына, Дмитрія Павловича, не упоминали. Я ничего не зналъ. И въ то время, когда поѣздъ мой мчался въ Петроградъ, Дмитрій Павловичъ находился уже подъ домашнимъ арестомъ въ своемъ бывшемъ Сергіевскомъ дворцѣ на Невскомъ пр. Объ этомъ онъ успѣлъ по телефону предупредить мою жену, графиню Палѣй. Разговоръ между Дмитріемъ Павловичемъ и моей женой былъ очень кратокъ.

— Мамочка, я арестованъ,—заявилъ Дмитрій Павловичъ.

Моя жена, зная объ убійствѣ, воскликнула:

— Такъ неужели это ты, Дмитрій, правда?..

— Клянусь тебѣ,—отвѣтилъ Дмитрій Павловичъ моей женѣ:— что я въ убійствѣ не виновенъ.—На этомъ разговоръ окончился.

Въ Петроградъ я прибылъ 20 декабря, и, узнавъ отъ жены, что Дмитрій Павловичъ арестованъ, отправился къ Николаю Романову.

— За что арестованъ мой Дмитрій?—задалъ я вопросъ бывшему тогда царю.

Онъ, какъ будто рѣчь шла о незнакомомъ человѣкѣ, а не о его любимцѣ, сухо отвѣтилъ:

— За убійство Распутина.

Отвѣтъ Николая Александровича меня возмутилъ.

— Надо сейчасъ же освободить его изъ-подъ ареста,—заявилъ я.

— Хорошо. Пока нельзя, завтра напишу,—отрывисто и, повидному, волнуясь, отвѣтилъ бывший царь.—А пока прощай.

Мы разстались. Всю ночь я не спалъ. Утромъ я собрался было поѣхать въ Петроградъ къ Дмитрію. Не успѣлъ я сѣсть въ автомобиль, какъ къ воротамъ подѣжалъ фельдъегерь и вручилъ мнѣ письмо. Я пробѣжалъ его. Оно было отъ Николая Александровича и заключало въ себѣ слѣдующее:

«Дорогой другъ, Павелъ. Я не могу, къ сожалѣнію, отмѣнить домашній арестъ Дмитрія, пока предварительное слѣдствіе не будетъ закончено. Приказалъ съ этимъ торопиться, а также, чтобы Дмитрія охраняли бережно. Все это больно и тяжело, но вѣдь кто же виноватъ, какъ не онъ самъ, что по неосторожности попалъ въ такую передрагу. Молю Господа Бога, чтобы Дмитрій вышелъ честнымъ и незапятнаннымъ ни въ чемъ. Сердечно твой Николай».

Письмо это успокоило меня, и я отправился къ Дмитрію. Взявъ съ него клятву, что онъ крови не проливалъ, я предложилъ Дмитрію

позвонить по телефону Николаю Александровичу и попросить у него личного свиданія.

— Папочка,—заявилъ со слезами на глазахъ Дмитрій Павловичъ, вотъ тебѣ образъ, клянусь передъ нимъ покойной матерью, что руки мои не испачканы кровью презрѣннаго Распутина.

Я привыкъ вѣрить Дмитрію. Повѣрилъ я ему и теперь. Но все-таки рѣшилъ навести справки, при какихъ обстоятельствахъ произошло убійство. Отъ моего младшаго сына Владимира, друга Ф. Ф. Юсупова и лицъ, близко стоявшихъ къ разслѣдованію убійства Распутина, я узналъ, что убійство было совершено послѣ совѣщанія, происходившаго въ поѣздѣ Пуришкевича. Въ совѣщаніи, правда, принималъ участіе и мой сынъ, Дмитрій Павловичъ, но самъ онъ въ Распутина не стрѣлялъ.

Распутинъ былъ убитъ двумя выстрѣлами въ грудь и спину, произведенными Юсуповымъ и Пуришкевичемъ. Отъ Дмитрія Павловича подробности убійства мнѣ узнать не удалось.

— Папа,—заявилъ онъ:—мы связаны клятвой, нарушить которую я не могу.

Въ личномъ свиданіи Николай Александровичъ Дмитрію Павловичу отказалъ.

23-го во время обѣда раздался телефонный звонокъ. Говорилъ Дмитрій Павловичъ.

— У меня только что былъ генералъ Максимовичъ,—заявилъ онъ,—и объявилъ, что меня сегодня ночью высылаютъ въ Персію, пріѣзжай провожать.

Слова Дмитрія Павловича на меня подѣйствовали убійственно. Я схватилъ фуражку и пальто и пѣшкомъ побѣжалъ въ Александровскій дворецъ, но Николай Александровичъ меня не принялъ.

— Передайте ему, что мнѣ некогда,—заявилъ онъ лакею.—Можетъ обождать.

Въ ту же ночь Дмитрій Павловичъ былъ высланъ въ Персію. Среди провожавшихъ его многочисленныхъ лицъ находилась и дочь моей жены М. Э. Дерфельденъ. 24-го у насъ состоялась традиціонная, кстати сказать, очень печальная елка, на которую была приглашена и г-жа Дерфельденъ. Ночью, возвращаясь домой, она застала у себя на квартирѣ жандармскаго генерала Попова. Послѣ тщательнаго обыска, во время котораго былъ взломанъ даже полъ, госпожа Дерфельденъ была заключена подъ домашній арестъ.

Позже мы узнали, что обыскъ и арестъ у М. Э. Дерфельденъ былъ произведенъ послѣ спиритическаго сеанса, состоявшагося у бывшаго министра юстиціи Добровольскаго, причемъ появившійся духъ Распутина требовалъ этого ареста. Распоряженіе объ арестѣ было подписано А. Д. Протопоповымъ.

Признаться, это распоряженіе меня возмутило больше всего. Я вторично отправился во дворецъ и опять не былъ принятъ,

но уже не Николаемъ Александровичемъ, а Александрой Ѳеодоровной.

Черезъ часъ послѣ моего печальнаго возвращенія изъ дворца къ намъ явился фельдъегерь и вручилъ письмо отъ Александры Ѳеодоровны. Какъ будто забывъ обо всемъ происшедшемъ, Александра Ѳеодоровна поздравляла насъ съ праздникомъ. Въ письмѣ лежалъ образокъ. Вскрывшая это письмо дочь моя Марія Павловна расплакалась и тотчасъ же отправила слѣдующій отвѣтъ:

«Дорогая тетя. Приходится быть вѣжливой и поздравить и васъ съ праздниками, которые нами были проведены очень грустно. Папа глубоко потрясенъ возмутительнымъ отношеніемъ къ нему. Вашъ поступокъ мы не можемъ иначе назвать, какъ жестокимъ. Марія».

Отвѣта на это письмо не послѣдовало. Г-жа Дерфельденъ продолжала находиться подъ домашнимъ арестомъ. 27-го декабря мы послѣ большихъ хлопотъ получили разрѣшеніе на пріемъ А. Д. Протопоповымъ г-жи Дерфельденъ.

Протопоповъ сталъ упрекать свою гостью въ совершеніи такого поступка, какъ убійство, и добавилъ: «Вы видѣли когда-нибудь сфинкса, глаза котораго направлены вдаль? Вы смотрите, и онъ васъ гипнотизируетъ. Этотъ сфинксъ—старецъ Распутинъ».

Отъ А. Д. Протопопова г-жа Дерфельденъ пришла совершенно разбитая. По телефону сообщила графинѣ Паллѣй, что она возненавидѣла льстеца Протопопова. На другой день А. Д. Протопоповъ на пріемѣ у Николая Александровича, между прочимъ, замѣтилъ:

— Ко мнѣ пришла хорошенькая женщина съ порученіемъ убить меня, но я на нее такъ подѣйствовалъ, что мы разстались друзьями. А знаете, кто эта женщина?

Николай любопытствовалъ узнать, кто она. Протопоповъ, послѣ долгихъ размышленій, воскликнулъ:

— Дерфельденъ.

Бывшій царь сталъ поздравлять такъ легко избѣжавшаго смерти и нѣсколько разъ перекрестилъ его.

— Дай Богъ вамъ долгую жизнь, дабы вы могли принести пользу родинѣ,—заявилъ бывшій царь А. Д. Протопопову.

28-го декабря въ высшемъ свѣтѣ начали распространяться ужасные слухи. Говорили, что маршрутъ слѣдованія Дмитрія Павловича измѣненъ и что виновникомъ этого является пріятельница Распутина, княгиня Шаховская, взявшая на себя миссію убить Дмитрія Павловича. Я сталъ заваливать Николая Александровича письмами и успокоился лишь тогда, когда получилъ 1-го января отъ ген. Баранова телеграмму о томъ, что Дмитрій Павловичъ благополучно прибылъ въ Персію. Этимъ закончилась печальная исторія съ убійствомъ Распутина. Я выѣхалъ на фронтъ, откуда возвратился уже въ февралѣ.

24-го февраля началась революция. Я слѣдилъ за ходомъ событий и былъ въ курсѣ всѣхъ дѣлъ. 28-го февраля меня вызвала во дворецъ Александра Федоровна.

— Поѣзжайте немедленно на фронтъ,—заявила она.—Постарайтесь привести преданныхъ намъ людей. Надо спасти во что бы то ни стало тронъ. Онъ въ опасности.

Я отказался, ссылаясь на то, что мои обязанности, какъ начальника гвардіи, касаются только хозяйственной части. Въ душѣ же я былъ убѣжденъ, что звать войска бесполезно. Все равно присоединятся къ революціонерамъ.

1-го марта я вторично былъ вызванъ во дворецъ, но пойти туда отказался. Въ это время у меня въ квартирѣ готовился манифестъ о полной конституціи русскому народу. Его долженъ былъ подписать Николай Александровичъ. Заручившись подписями Кирилла Владимировича и Михаила Александровича и подписавшись подъ этимъ манифестомъ самъ, я отправилъ манифестъ въ Гос. Думу и вручилъ его подъ расписку Милюкову. А уже потомъ я отправился во дворецъ. Первые вопросы, заданные мнѣ тогда Александрой Федоровной, были такіе:

— Гдѣ мой мужъ? Живъ ли онъ? И что нужно сдѣлать для улаженія безпорядковъ?

Я передалъ Александрѣ Федоровнѣ содержаніе заготовленнаго мною манифеста, и она его одобрила. 3-го марта я опять былъ вызванъ во дворецъ. У меня въ рукахъ былъ свѣжій номеръ «Извѣстій» съ манифестомъ объ отреченіи. Я прочелъ его Александрѣ Федоровнѣ. Объ отреченіи Александра Федоровна ничего не знала. Когда я закончилъ чтеніе, она воскликнула:

— Не вѣрю, все это—враки. Газетныя выдумки. Я вѣрю въ Бога и армію. Они насъ еще не покинули.

— Мнѣ,—говоритъ Павелъ Александровичъ,—пришлось разъяснить опальной царицѣ, что не только Богъ, но и вся армія присоединилась къ революціонерамъ. И лишь тогда бывшая царица повѣрила и, кажется, въ первый разъ поняла, или постаралась понять все то, къ чему она, Гришка Распутинъ и Протопоповъ привели страну и монархію.

Послѣднее мое свиданіе съ бывшей царицей состоялось 5-го марта, въ 12 ч. 15 м. Александра Федоровна уже говорить не могла, плакала и все время спрашивала, что ей дѣлать. Бывшая царица ждала делегатовъ отъ Гос. Думы, и единственнымъ ея желаніемъ было просить ихъ дать ей возможность возвратиться въ лазаретъ ухаживать за ранеными и въ этомъ забыться. Больше я ни Николая, ни Александры Романовыхъ не видѣлъ.

Такъ закончилъ свои показанія великій князь Павелъ Александровичъ.

До извѣстной степени тѣ же самыя событія освѣщаетъ и великая «истор. вѣсти», апрѣль 1917 г., т. сѣлѣтн.

княгиня Викторія Осодоровна въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ «Русскаго Слова» (№ 53).

Принимая сотрудника этой газеты, Викторія Осодоровна заявила:

— Я сегодня получила изъ Хамадана отъ Дмитрія Павловича телеграмму, въ которой онъ сообщаетъ, что къ нему уже донеслись слухи о великихъ событіяхъ, происшедшихъ въ Петроградѣ. Дмитрій Павловичъ проситъ сообщить телеграфно подробности. Сегодня я телеграфировала ему обо всемъ, что произошло.

На вопросъ корреспондента, какъ произошла высылка Дмитрія Павловича въ Персію, Викторія Осодоровна отвѣчала:

— Какъ извѣстно, убійство Распутина было совершено въ ночь на 17-е декабря. 17-го декабря Дмитрій Павловичъ провелъ спокойно. Выѣзжалъ въ городъ, побывалъ у друзей, заѣзжалъ въ Михайловскій театръ. Изъ театра ему пришлось уѣхать, такъ какъ кто-то ему сообщилъ, что публика собирается устроить манифестацію. Поздно вечеромъ 17-го декабря Дмитрію Павловичу было сообщено, что въ Царскомъ Селѣ упорно называютъ его имя, какъ непосредственнаго участника убійства Распутина. Дмитрій Павловичъ обратился по телефону въ Царское Село къ Александрѣ Осодоровнѣ съ просьбой разрѣшить ему пріѣхать для личныхъ объясненій. Но преданная Распутину Александра Осодоровна категорически отказала въ пріемъ. 18-го декабря рано утромъ къ Дмитрію Павловичу заѣхалъ другъ его дѣтства Ф. Ф. Сумароковъ-Эльстонъ. Около часа дня во дворецъ Дмитрія Павловича позвонилъ командующій главной квартирой генераль Максимовичъ и заявилъ Дмитрію Павловичу, что, по повелѣнію Александры Осодоровны, онъ долженъ быть подвергнутъ домашнему аресту. Генераль Максимовичъ просилъ Дмитрія Павловича никуда не выѣзжать, обѣщая заѣхать во дворецъ. Разговоръ Максимовича съ Дмитріемъ Павловичемъ во дворцѣ происходилъ съ глазу на глазъ.

— Ея величество,—сказалъ Максимовичъ,—на прощанье проситъ васъ оставаться дома.

Дмитрій Павловичъ спросилъ:

— Что это означаетъ? Неужели арестъ?

— Это не арестъ—отвѣтилъ Максимовичъ,—я, какъ генераль-адъютантъ, не имѣю права васъ арестовывать, но ея величество все-таки настаиваетъ, чтобы вы-вашего дворца не оставляли.

Дмитрій Павловичъ повышеннымъ голосомъ заявилъ генералу Максимовичу:

— Я вамъ заявляю, что вы имѣете въ виду меня арестовать, поэтому даю слово, что изъ дворца я никуда не выйду.

Въ теченіе дня 18-го декабря Дмитрія Павловича посѣтили многіе члены царской фамиліи. Скандалъ разрастался.

19-го декабря изъ ставки-верховнаго главнокомандующаго при-

быль Николай II, которому сообщили объ убійствѣ Распутина. По поводу домашняго ареста Дмитрія Павловича Николай Александровичъ имѣлъ продолжительную бесѣду со своей супругой: Въ результатѣ 20-го декабря во дворецъ Дмитрія Павловича на Фонтанкѣ прибыль Максимовичъ и объявилъ распоряженіе: «По приказанію государя, вы арестованы».

— Категорически заявляю, — продолжала Викторія Оеодоровна: — что Дмитрій Павловичъ никѣмъ ни разу не допрашивался. По дѣлу Распутина никто никакихъ объясненій отъ него не требоваль, и всё слухи о томъ, что Дмитрій Павловичъ отрицаль свою причастность къ дѣлу объ убійствѣ Распутина, совершенно неосновательны. Онъ никогда не отрицаль свою роль въ этомъ дѣлѣ.

Послѣдніе три дня Дмитрій Павловичъ не выходилъ изъ дворца. Его посѣщали многіе члены царской фамиліи. Во дворцѣ все время проживаль молодой князь Сумароковъ-Эльстонъ. Въ это время были получены свѣдѣнія, что сторонники Распутина готовятъ покушеніе на Дмитрія Павловича. Объ этомъ узналь и Треповъ. По настоянію Трепова военныя власти поставили внутри дворца усиленный карауль. На другой день къ секретарю Дмитрія Павловича явился агентъ охраннаго отдѣленія, посланный Протопоповымъ. Агентъ заявилъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ получилъ свѣдѣнія, что на Дмитрія Павловича готовится покушеніе, и распорядился поставить внутри дворца нѣсколькихъ агентовъ. Когда объ этомъ распоряженіи доложили Дмитрію Павловичу, онъ заявилъ: «Протопоповской охраны мнѣ не нужно». Однако, хотя охрана внутри дворца допущена не была, но снаружи у всѣхъ выходовъ Протопоповымъ были поставлены свои люди, которые зорко слѣдили за всѣми лицами, входившими и выходившими изъ дворца.

23-го декабря, въ 8 часовъ вечера, Максимовичъ вызваль къ себѣ Дмитрія Павловича. Разговоръ между ними продолжался всего три минуты. Генераль передалъ Дмитрію Павловичу повелѣніе о томъ, что онъ немедленно же долженъ покинуть Петроградъ. Мѣстомъ высылки опредѣляется Персія, гдѣ Дмитрій Павловичъ долженъ поступить въ распоряженіе начальника персидскаго отряда генерала Баратова. Въ пути Дмитрія Павловича будутъ сопровождать флигель-адъютантъ графъ Кутайсовъ и генераль-воспитатель. На Николаевскій вокзалъ былъ поданъ экстренный поѣздъ. Это было въ канунъ сочельника. Въ теченіе часа Дмитрій Павловичъ собралъ свои вещи. Въ 11 часовъ вечера пріѣхаль градоначальникъ и доложилъ, что поѣздъ отойдетъ въ 2 часа ночи.

Объ отъѣздѣ Дмитрія Павловича были извѣщены всё члены царской фамиліи. Многіе изъ нихъ пріѣхали во дворецъ проститься съ опальнымъ княземъ. Николай Михайловичъ, Александръ Михайловичъ, Марія Павловна проводили Дмитрія Павловича на вокзалъ. На вокзалъ публика допущена не была. Въ числѣ присут-

ствовавших находились градоначальник и чины полиции, которые должны были представить рапортъ Протопопову объ отъѣздѣ Дмитрія Павловича въ Персію. На вокзалѣ Дмитрій Павловичъ получилъ дополнительное повелѣніе о томъ, что онъ не имѣетъ права въ пути ни съ кѣмъ сообщаться, никому телеграфировать или писать. Отдѣльная инструкція относительно поѣздки была вручена графу Кутайсову. Путевой маршрутъ отъ Дмитрія Павловича былъ скрытъ. Желѣзнодорожная администрація не знала, куда слѣдуетъ поѣздъ, и предупреждалась телеграммами отъ пункта до пункта.

Объ арестѣ своемъ и великаго князя Дмитрія Павловича и по дѣлу объ убійствѣ Распутина князь Ф. Ф. Сумароковъ-Эльстонъ-Юсуповъ велъ нѣсколько бесѣдъ съ сотрудниками газетъ «Новое Время», «Биржевыя Вѣдомости», «Русская Воля». Хотя эти бесѣды въ значительной степени совпадаютъ другъ съ другомъ по содержанию, но въ каждой имѣются своеобразности, почему мы ихъ, какъ историческіе документы, и воспроизводимъ. Сотруднику «Новаго Времени» (№ 14726) кн. Юсуповъ въ теченіе двухъ часовъ рассказывалъ о создавшемся тяжеломъ положеніи, о домѣ Романовыхъ и Гришкѣ Распутинѣ, котораго онъ называлъ злымъ гениемъ Россіи.

— Я радъ, что преступники, окружавшіе домъ Романовыхъ, сидятъ въ крѣпости. Эти люди—Протопоповы, Щегловитовы, Воейковы и др.—достойны самой суровой кары. Они продавали Россію, творили свое омерзительное дѣло, прикрывались религіозной маской.

Я далеко стоялъ отъ двора, но уже давно предвидѣлъ, что онъ катится по наклонной плоскости. Большинство князей открыто возмущались политикой Николая, отъ которой онъ былъ слишкомъ далекъ. Вся сила находилась въ рукахъ Александры Фёдоровны и ея ярыхъ сторонниковъ. Я назову это просто маніей величія. Государыня вообразила, что она вторая Екатерина Великая, что отъ нея зависитъ спасеніе и переустройство Россіи. Ея приближенные въ лицѣ Вырубовой, Протопопова и Гришки Распутина только разжигали эту манію величія, создавали запутанное положеніе, изъ котораго не было никакого выхода.

Протопоповъ увѣрялъ государыню и государя, что довольно легко расправиться съ «бунтарями». Воейковъ велъ тоже свою политику. Съ этого дня началась такъ называемая придворная пляска. Въ ней огромную роль игралъ Распутинъ, о которомъ я безъ омерзѣнія не могу вспомнить. Его вліяніе при дворѣ объясняютъ различно, но, на мой взглядъ, это былъ хитрый мужикъ, обладавшій силой гипноза. Я зналъ людей съ сильной волей, но и тѣ поддавали подъ его вліяніе.

Первое время я не вѣрилъ, что какой-то Распутинъ можетъ назначать и смѣщать министровъ и творить свое растлѣвающее

вліяніе. Но вскорѣ я узналъ горькую истину. Всѣ услія стоявшихъ далеко отъ двора, гдѣ психозъ сталъ какой-то эпидеміей, разбивались въ Царскомъ Селѣ и не шли дальше обычныхъ переговоровъ. Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, говорили, что придворная партія съ Александрой Оеодоровной доведутъ Россію до гибели или до полной анархіи. Но они не вняли ни голосу своихъ близкихъ, ни представителей народа. И съ каждымъ часомъ близился роковой моментъ развязки.

Николай Александровичъ за послѣдній годъ окончательно потерялъ волю и всецѣло подпалъ подъ вліяніе Александры и ея друзей. Я помню, моя мать, предвидя грозный часъ, рѣшилась на отчаянный шагъ. Она пошла къ государынѣ и высказала ей всю правду, предостерегая ее отъ печальныхъ послѣдствій. Она пыталась уговорить государыню, чтобы послѣдняя не препятствовала созданію новыхъ реформъ и отвѣтственного министерства, что въ этомъ и есть единственное спасеніе ихъ дома и пр. Александра не возражала, а молча слушала мою мать. Подъ конецъ разговора она согласилась съ доводами моей матери и сказала, что она по-думаетъ.

Проходитъ нѣсколько дней, и я узналъ, что при дворѣ ходятъ непріятные слухи противъ моей матери, что государыня очень недовольна ею. Такихъ попытокъ было нѣсколько, но всѣ онѣ не увѣчались успѣхомъ. Государыня была глуха ко всѣмъ мольбамъ. Обращаться же къ государю было лишней тратой времени.

Но вотъ ушелъ Распутинъ, и наступила еще болѣе сильная реакція. Разговоръ объ отвѣтственномъ министерствѣ окончательно заглохъ, а Протопоповъ и компанія начали свою подготовительную работу противъ тлѣвшаго народнаго движенія. Его могли предупредить только лишь сверху, но для этого нужны были сильные люди. Но было поздно. Измученный народъ не выдержалъ тягостнаго безправія, и революція смела старую одряхлѣвшую власть.

Крупную роль игралъ при дворѣ другъ Распутина, докторъ Бадмаевъ. При дворѣ ходило много разныхъ противорѣчивыхъ слуховъ, такъ что трудно было добраться до настоящей истины. Одно я могу сказать, что Николая Александровича поили разными спадобьями, составленными тибетскимъ свѣтиломъ. Въ этомъ близкое участіе принималъ и Распутинъ. За послѣднее время государя довели почти что до полнаго сумасшествія, и его воля совершенно исчезла. Во всѣхъ своихъ государственныхъ дѣлахъ онъ исключительно совѣтовался съ Александрой, которая вела его къ пропасти. Но Бадмаевъ работалъ настолько осторожно, что не оставлялъ почти никакихъ слѣдовъ. Я бы сказалъ многое, но не хочу въ такое тревожное время обливаться грязью тѣхъ, которые для Россіи уже не играютъ никакой роли. Одно скажу, что при дворѣ царилъ какой-то кошмаръ, что тамъ съ каждымъ днемъ становилось все меньше

и меньше людей. И не вспыхни революція снизу, она бы вспыхнула сверху.

Ясно было, что государством управляет маленькая кучка людей. Я радъ, что совершился переворотъ, и вѣрю, что мы выйдемъ побѣдителями.

Съ Николаемъ Николаевичемъ я видѣлся на дняхъ въ Харьковѣ. Онъ въ тотъ моментъ еще не зналъ о волѣ новаго правительства. Онъ ѣхалъ съ радостнымъ настроеніемъ и вѣрилъ въ окончательную побѣду надъ общимъ врагомъ. Онъ еще тогда говорилъ, что всецѣло подчиняется новому правительству, которому вѣрять, какъ самому себѣ.

Сотруднику «Виржевыхъ Вѣдомостей» (№ 16133) князь Юсуповъ сообщилъ, при какихъ обстоятельствахъ бывшимъ императоромъ Николаемъ II, конечно, по настоянію бывшей императрицы онъ былъ высланъ изъ Петрограда.

— 18-го декабря,—разсказывалъ князь,—я собирался ѣхать въ Крымъ на праздники, такъ какъ въ Крыму были мои родители и супруга. Поѣздку, однако, пришлось ускорить на одинъ день, такъ какъ получились свѣдѣнія, что жена нездорова. Въ нашемъ домѣ на Мойкѣ въ это время никто не жилъ. Последнее время я жилъ во дворцѣ великаго князя Александра Михайловича напротивъ Литовскаго замка.

Вечеромъ, когда я пріѣхалъ во дворецъ Александра Михайловича, чтобы собраться для отъѣзда изъ Петрограда, пріоткрывъ нѣсколько дверь одной изъ комнатъ дворца, я увидалъ незнакомую мнѣ женщину. Тогда циркулировали слухи о возможныхъ покушеніяхъ на меня и великаго князя Дмитрія Павловича. Замѣтивъ незнакомую женщину, откровенно сказать, я нѣсколько испугался, спросилъ служащихъ дворца, не знаютъ ли они, кто она такая и зачѣмъ пришла. Служащіе отвѣтили, что дама была допущена во дворецъ послѣ того, какъ заявила, что получила разрѣшеніе отъ князя Юсупова на пріемъ.

Неизвѣстная женщина затѣмъ была удалена изъ дворца, а я, собравшись, поѣхалъ на Николаевскій вокзалъ. Со мною въ Крымъ направились и братья моей супруги. На вокзалѣ меня ждали нѣсколько офицеровъ, въ томъ числѣ незнакомый генераль и много полицейскихъ. Кто-то изъ офицеровъ заявилъ:

— Князь, вы арестованы. Выѣздъ изъ Петрограда вамъ запрещенъ, и немедленно вы должны возвратиться во дворецъ и не покидать его.

Первую ночь я спалъ во дворцѣ великаго князя Александра Михайловича, а на утро поѣхалъ во дворецъ своего друга дѣтства Дмитрія Павловича узнать о состояніи его здоровья и предупредить его о возможномъ на него покушеніи, такъ какъ слухи становились все упорнѣе.

Всѣ послѣдніе дни до высылки меня изъ Петрограда я жилъ во дворцѣ великаго князя Дмитрія Павловича, и на моихъ глазахъ произошла кошмарная картина высылки его изъ Петрограда въ Персію.

Въ это время о предполагавшихся покушеніяхъ стало извѣстно и бывшему предсѣдателю совѣта министровъ А. Ф. Трепову, который обратился къ бывшему главному начальнику петроградскаго военнаго округа ген. Хабалову съ просьбой поставить военный караулъ внутри дворца великаго князя Дмитрія Павловича.

Протопоповъ этимъ, конечно, не удовлетворился. Какъ-то днемъ во дворецъ явилось нѣсколько подозрительныхъ личностей и заявили, что они присланы сюда по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ А. Д. Протопопова для несенія охранной службы. На вопросъ служащихъ дворца, гдѣ обычно несутъ службу, они отвѣтили:

— Мы—агенты охраннаго отдѣленія и служимъ въ петроградской охранѣ.

Великій князь Дмитрій Павловичъ взволнованно отвѣтилъ:

— Въ протопоповской охранѣ я менѣ всего нуждаюсь. Попросите у этихъ темныхъ личностей предьявленія соответственныхъ документовъ о томъ, что они присланы Протопоповымъ.

Оказалось, однако, что никакихъ удостовѣреній у нихъ нѣтъ. Послѣ этого филеры охраны были удалены изъ дворца.

Тогда они стали караулить насъ снаружи дворца. Было опасно выходить изъ дворца. Они зорко слѣдили за тѣми, кто во дворецъ входитъ и о чемъ кто говорить.

Во дворцѣ намъ не было скучно. Насъ навѣщали члены бывшей царской фамиліи, стараясь нѣсколько разеять наши тяжелыя переживанія.

Рѣшеніе о высылкѣ какъ меня, такъ и Дмитрія Павловича окончательно стало извѣстно послѣ возвращенія изъ Царскаго Села великаго князя Александра Михайловича. Онъ имѣлъ продолжительную аудіенцію и сказалъ бывшему царю всю правду, прося его немедленно же прекратить предварительное слѣдствіе по дѣлу Распутина, такъ какъ все это дѣло сильно компрометируетъ всю бывшую царскую семью. Но бывший императоръ въ своемъ рѣшеніи остался непреклоненъ. Онъ заявилъ:

— Оставьте вмѣшиваться въ наши дѣла. Предварительное слѣдствіе будетъ продолжаться, а что касается великаго князя Дмитрія Павловича и князя Юсупова, то они немедленно же будутъ высланы изъ Петрограда: первый—въ Персію, второй въ—Ракитно Курской губерніи, причемъ всякія сношенія съ близкими людьми будутъ совершенно прекращены.

Послѣ этого высочайшее повелѣніе было оформлено, такъ какъ первоначальное задержаніе насъ и воспрещеніе выѣзда изъ Петро-

града были сдѣланы по распоряженію бывшей государыни Александры Ѳеодоровны. На отъѣздъ изъ Петрограда, для того, чтобы собраться въ далекій путь, намъ было дано всего два часа времени. Для наблюденія за моимъ дальнѣйшимъ поведеніемъ и для наставленія меня на путь «истины» былъ назначенъ офицеръ, преподаватель пажекаго корпуса капитанъ Зинчиковъ, высоко порядочный человѣкъ, скорбѣвшій душой, что на него возложена такая «высокая миссія», но онъ не имѣлъ права протестовать, такъ какъ все это было сдѣлано по высочайшему повелѣнію.

Въ Ракитно изъ Крыма вскорѣ прибыла вся наша семья, родители и супруга, и $2\frac{1}{2}$ мѣсяца мы провели въ нашемъ имѣніи, занимаясь хозяйствомъ, посвящая много времени литературѣ и чтенію книгъ и газетъ.

О ходѣ политическихъ извѣстій намъ было своевременно извѣстно, и происшедшій переворотъ мы встрѣтили съ чувствомъ большого облегченія.

На вопросъ, какое впечатлѣніе производилъ на него Григорій Распутинъ и чѣмъ объясняется столь сильное вліяніе его на бывшую царицу, князь Юсуповъ отвѣтилъ:

— Я психологически всегда старался разобраться въ причинахъ распутинскаго вліянія, и долженъ сказать, что Распутинъ былъ, несомнѣнно, человѣкъ незаурядный, особенно, если принять во вниманіе среду, изъ которой онъ вышелъ. Въ немъ было много такого, что дѣйствовало на людей впечатлительныхъ, нервныхъ, истеричныхъ. Только этимъ можно объяснить громадное вліяніе, какое имѣлъ Распутинъ на императрицу.

Однородна по содержанію бесѣда кн. Юсупова съ сотрудникомъ газеты «Русская Воля» (№ 13), причемъ послѣдній, безуспѣшно пытаясь добиться отъ князя, кто именно убилъ Распутина, спросилъ:

— Скажите, по крайней мѣрѣ, князь, явилось ли убійство Распутина результатомъ заговора большой дворцовой партіи, или же рѣшенія нѣсколькихъ лицъ, самовольно взявшихъ на себя инициативу устранить Распутина?

— Послѣднее вѣрнѣе.

— А эти лица сами привели въ исполненіе свое рѣшеніе, или же воспользовались услугами наемныхъ убійцъ...

И послѣдній вопросъ также остался безъ отвѣта.

Изъ вечерняго выпуска «Биржевыхъ Вѣдомостей» (№ 16.125) выясняется чрезвычайно интересная деталь о высылкѣ изъ Петрограда въ Персію великаго князя Дмитрія Павловича, въ связи съ убійствомъ Григорія Распутина.

Когда великая княгиня Елизавета Ѳеодоровна изъ Саровской пустыни возвратилась въ Москву и узнала объ убійствѣ Распутина, а также о причастности къ убійству князя Юсупова-Сумарокова-Эльстона, великая княгиня обратилась по телеграфу къ Дмитрію

Павловичу съ просьбой сообщить ей подробности распутинской эпопеи. Бывшій тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ А. Д. Протопоповъ перехватилъ телеграмму и представилъ ее въ царско-сельскій дворецъ. Въ результатѣ великой княгинѣ по повелѣнію Александры Федоровны былъ объявленъ выговоръ съ указаніемъ, что ей менѣе всего надлежитъ интересоваться «семейными дѣлами царской фамиліи», такъ какъ она не должна забыть, что ушла изъ царской семьи, посвятивъ себя всецѣло служенію православной церкви. Въ то же время переписка между Дмитриемъ Павловичемъ и Елизаветой Федоровной была учтена во дворцѣ при высылкѣ Дмитрія Павловича въ Персію.

Характеренъ приведенный «Петроградскимъ Листкомъ» (номеръ отъ 13-го марта, экстр. вып.) инцидентъ царя съ ген. Брусиловымъ.

Вскорѣ послѣ убійства Распутина царь въ ставкѣ принималъ докладъ командующаго юго-западнымъ фронтомъ ген. Брусилова. Доложивъ Николаю II о благополучномъ положеніи на фронтахъ, ген. Брусиловъ отмѣтилъ, что въ арміи производятъ крайне неблагоприятное впечатлѣніе слухи, связанные со смертью Григорія Распутина. Царь рѣзко оборвалъ генерала словами:

— Думайте, генераль, о фронтѣ, и не расширяйте вашихъ обязанностей заботами о дѣлахъ тыла.

Сцена эта происходила въ присутствіи многочисленныхъ лицъ свиты.

Высланный также въ связи съ убійствомъ Распутина великій князь Николай Михайловичъ далъ чрезвычайно любопытныя указанія относительно пережитаго нами дореволюціоннаго времени, предшествовавшаго февральскимъ и мартовскимъ событіямъ. Показанія эти нашли себѣ мѣсто на столбцахъ «Рѣчи» (№№ 56 и 58), а также отчасти и «Новаго Времени» (№ 14.721) при визитѣ къ нему редактора «Историческаго Вѣстника» Б. Б. Глинскаго, гдѣ мы читаемъ:

Какъ извѣстно, великій князь Николай Михайловичъ, всегда сочувствовавшій прогрессивному развитію государственнаго строя Россіи и укрѣпленію передовой общественности, рѣзко сторонился «темныхъ силъ» нашей родины, отмежевался отъ нихъ и при всякомъ удобномъ случаѣ громко подавалъ свой голосъ въ изобличеніе той лжи и грязи, которыя густымъ слоемъ напластовались на «верхахъ» русской администраціи и разныхъ вліятельныхъ «сферъ». Не любя себя афишировать, Николай Михайловичъ предпочиталъ замкнутый образъ жизни среди научныхъ занятій, посвящая свое время тѣмъ ученымъ учрежденіямъ, во главѣ которыхъ онъ стоялъ— географическому обществу и русскому историческому обществу. Когда, однако, сумерки русской жизни окутали ее слишкомъ густой пеленой, великій князь рѣшилъ выступить съ рѣзкимъ обличеніемъ всего того, что, по его мнѣнію, ведетъ Россію къ гибели. Въ этихъ

видахъ онъ имѣлъ 1-го ноября съ Николаемъ II знаменательную бесѣду, о которой въ газетѣ «Рѣчь» повѣдалъ, въ связи съ нѣкоторыми другими событіями дворцовой жизни, сотрудникъ газеты В. Ирецкій. По его словамъ, Николай Михайловичъ явился во дворецъ съ написаннымъ имъ письмомъ, которое вслухъ прочелъ государю.

Вотъ это письмо («Рѣчь», № 58):

«Ты неоднократно выражалъ твою волю довести «войну до побѣднаго конца». Увѣренъ ли ты, что при настоящихъ тыловыхъ условіяхъ это исполнимо? Освѣдомленъ ли ты о внутреннемъ положеніи не только внутри имперіи, но и на окраинахъ (Сибирь, Туркестанъ, Кавказъ)? Говорятъ ли тебѣ всю правду или многое скрываютъ? Гдѣ кроется корень зла? Разрѣши въ краткихъ словахъ разъяснить тебѣ суть дѣла.

«Пока производимый тобою выборъ министровъ при томъ же сотрудничествѣ былъ извѣстенъ только ограниченному кругу лицъ,—дѣла могли еще идти; но разъ способъ сталъ извѣстенъ всеѣмъ и каждому и объ этихъ методахъ распространилось во всеѣхъ слояхъ общества, такъ дальше управлять Россіей немыслимо. Неоднократно ты мнѣ сказывалъ, что тебѣ некому вѣрить, что тебя обманываютъ. Если это такъ, то то же явленіе должно повториться и съ твоей супругой, горячо тебя любящей, но заблуждающейся, благодаря злостному сплошному обману окружающей ее среды. Ты вѣришь Александрѣ Осодоровнѣ. Оно и понятно. Но то, что неходитъ изъ ся уеть, есть результатъ ловкихъ подтасовокъ, а не дѣйствительной правды. Если ты не властенъ отстранить отъ нея эти вліянія, то, по крайней мѣрѣ, огради себя отъ постоянныхъ систематическихъ вмѣшательствъ этихъ напештываній черезъ любимую тобою супругу. Если твои убѣжденія не дѣйствуютъ,—а я увѣренъ, что ты уже неоднократно боролся съ этими вліяніями, постарайся избобрѣсти другіе способы, чтобы навсегда покончить съ этой системой. Твои первые порывы и рѣшенія всегда замѣчательно вѣрны и попадаютъ въ точку. Но какъ только являются другія вліянія, ты начинаешь колебаться, и послѣдующія твои рѣшенія уже не тѣ. Если бы тебѣ удалось устранить это постоянное вторгательство во все дѣла темныхъ силъ, сразу началось бы возрожденіе Россіи и вернулось бы утраченное тобою довѣріе громаднаго большинства твоихъ подданныхъ. Все послѣдующее быстро паладится само собой. Ты найдешь людей, которые при измѣнившихся условіяхъ согласятся работать подъ твоимъ личнымъ руководствомъ... Когда время настанетъ, а оно уже не за горами, ты самъ съ высоты престола можешь даровать желанную отвѣтственность министровъ передъ тобою и законодательными учрежденіями. Это сдѣлается просто, само собой, безъ напора извиѣ и не такъ, какъ совершился достопамятный актъ 17-го октября 1905 года. Я долго колебался открытъ

тебѣ истину, но послѣ того, что твоя матушка и твои сестры убѣдили меня это сдѣлать, я рѣшился. Ты находишься наканунѣ эры новыхъ волненій, скажу больше, наканунѣ эры покушеній. Повѣрь мнѣ, если я такъ напиралъ на твое собственное освобожденіе отъ создавшихся оковъ, то я это дѣлаю не изъ личныхъ побужденій, которыхъ у меня нѣтъ, въ чемъ ты уже убѣдился и ея величество тоже, а только ради надежды и упованія спасти тебя, твой престолъ и нашу дорогую родину отъ самыхъ тяжкихъ и непоправимыхъ послѣдствій».

Рѣзкое и обличительное письмо, прочитанное Николаю II, могло задѣть его даже какъ «мужа», но онъ не сдѣлалъ никакого возраженія на все предъявленные обвиненія и обличенія и, взявъ его изъ рукъ великаго князя, прочелъ его Александрѣ Осодоровнѣ. Когда онъ дошелъ до того мѣста, гдѣ рѣчь шла о царицѣ, послѣдняя «съ яростью» выхватила письмо изъ рукъ мужа и разорвала его въ клочки.

Когда, между прочимъ, зашла рѣчь о тогдашнемъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ, Протопоповѣ, по волѣ котораго въ дни нашей революціи городъ былъ залитъ кровью, Николай Михайловичъ спросилъ:

— Знаешь ли ты, что Протопопова тебѣ подсунули? У Бадмаева его познакомили съ Распутнымъ.

— Я это знаю,—сказалъ Николай II.

— И ты это находишь нормальнымъ!—изумленно воскликнулъ великій князь.

Царь ничего не отвѣтилъ. Повидимому, его воля была уже совершенно парализована вліяніемъ на него жены и той придворной клики, которая захватила цѣликомъ его въ свою власть. Интересы династическіе и семейные отдѣлили его отъ интересовъ всего Россійскаго государства, всего русскаго народа.

По словамъ г. Ирецкаго, согласно свидѣтельству Николая Михайловича, несмотря на рѣзкость обличительныхъ словъ прочитаннаго ему письма, царь съ нимъ былъ очень любезенъ и по обыкновенію отмалчивался.

— Эта манера отмалчиваться,—говорила великій князь Ирецкому,—прямо-таки отнимала всякую охоту говорить съ нимъ о чемъ-нибудь. И тутъ еще эта любезность, ни на минуту не покидавшая его. Онъ положительно charmer! Я даже какъ-то сказалъ ему, что этимъ онъ напоминаетъ мнѣ Александра I... Во время разговора съ нимъ, когда я бросалъ одну рѣзкость за другой, у меня нѣсколько разъ потухала папироса. Царь любезно подавалъ мнѣ спички, и я даже забывалъ поблагодарить его, такъ я волновался. На послѣдокъ я сказалъ ему: «Здѣсь у тебя казаки и много мѣста въ саду. Можешь приказать убить меня и закопать. Никто не узнаетъ. Но я долженъ тебѣ все сказать». И тутъ онъ промолчалъ! А 31-го де-

кабря, въ половинѣ двѣнадцатаго ночи, ко мнѣ пріѣхалъ курьеръ и подалъ его письмо. «Повелѣваю тебѣ выѣхать въ Грушевку на два мѣсяца»,—писалъ царь. А дальше стояло: «Прошу тебя это исполнить». «Повелѣваю и прошу»... Вотъ поймите его.

Къ этому времени, по словамъ того же автора, относится и совѣщаніе великихъ князей у Андрея Владимировича. Великій князь Николай Михайловичъ, какъ уже высказавшій свое мнѣніе, на совѣщаніи не присутствовалъ. Не былъ тамъ и его братъ великій князь Александръ Михайловичъ. Впослѣдствіи (11-го февраля) и онъ, однако, явился во дворецъ и наговорилъ царю не мало горькихъ истинъ. Въ общемъ всѣ они остро и прямо и, какъ оказалось, дальновидно ставили вопросъ о спасеніи династии и указывали на необходимость оградить царя отъ вліянія супруги.

Въ томъ же духѣ, но въ той или иной формѣ вели бесѣду съ царемъ его братъ Михаилъ Александровичъ и другія лица семейнаго круга, а также нѣкоторые изъ министровъ—гр. Игнатьевъ, П. Л. Баркъ, протопресвитеръ о. Шавельскій. Но все было тщетно. Гипнозъ царицы надъ безвольнымъ мужемъ былъ сильнѣе благо-разумныхъ голосовъ вышеназванныхъ лицъ.

Наконецъ, въ особнякѣ князя Сумарокова-Эльстона свершилась казнь надъ Распутинымъ, послѣ чего начались и гоненія противъ великихъ князей, заподозрѣнныхъ въ сочувствіи къ убійству. Были высланы князь Сумароковъ (мужъ Ирины Александровны—дочери Ксеніи Александровны, сестры царя) и великій кн. Дмитрій Павловичъ, сосланный въ Хамаданъ, въ отрядъ ген. Баратова. Тогда великіе князья послали царю нижеслѣдующее письмо:

«Ваше величество. Мы всѣ, чьи подписи вы прочтете въ концѣ этого письма, горячо и усиленно просимъ васъ смягчить ваше суровое рѣшеніе относительно судьбы Дмитрія Павловича. Мы знаемъ, что онъ боленъ физически и глубоко потрясенъ и угнетенъ нравственно. Вы, бывши его верховнымъ опекуномъ и его верховнымъ попечителемъ, знаете, какою глубокою любовью было всегда полно его сердце къ вамъ и къ нашей родинѣ. Мы умоляемъ ваше величество, ввиду молодости и дѣйствительной слабости здоровья великаго князя, разрѣшить ему пребываніе или въ Усовѣ (имѣніе великаго князя) или въ Виленскомъ.

Вашему величеству должно быть извѣстно, въ какихъ тяжелыхъ условіяхъ находятся наши войска въ Персіи, ввиду отсутствія жилищъ, эпидемій и т. д. Пребываніе тамъ для великаго князя будетъ равносильно его полной гибели, и сердце вашего величества проникнется жалостью къ юношѣ, котораго вы любили, который съ дѣтства имѣлъ счастье быть часто и много возлѣ васъ, и для котораго вы всегда были добрымъ отцомъ.

«Да внушитъ Господь Богъ вашему величеству переменить ваше рѣшеніе и переменить грѣвъ на милость».

На другой день послѣдовалъ отвѣтъ царя:

«Никому не дано права заниматься убійствами. Знаю, что совесть многимъ не дастъ покоя, такъ какъ не одинъ Дмитрій Павловичъ въ этомъ замѣшанъ. Удивляюсь вашему обращенію ко мнѣ. Николай».

Подъ новый годъ состоялась и высылка великаго князя Николая Михайловича, проявлявшаго столь горячее участіе въ судьбѣ опальнаго Дмитрія Павловича.

Двухмѣсячную оскорбительную для него ссылку Николай Михайловичъ провелъ въ своемъ имѣніи Грушевкѣ среди научныхъ и архивныхъ занятій. Еще за мѣсяцъ до постигшей его кары великій князь передалъ редактору «Историческаго Вѣстника» рукопись на французскомъ языкѣ «Изъ донесеній баварскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Ольри», въ каковыхъ донесеніяхъ читатели журнала встрѣчаютъ много чертъ, общихъ съ временемъ, пережитымъ Россіей за послѣдніе годы. Тонкій историкъ-психологъ, какъ великій князь, оцѣнилъ свосвременность появленія на страницахъ историческаго журнала этихъ донесеній, представлявшихся документомъ предостереженія, какъ наглядная страница исторіи, требующая отъ читателя соответствующаго вывода. Въ этомъ смыслѣ наша періодическая печать и истолковала опубликованіе этихъ документовъ, что, въ свою очередь, и вызвало взрывъ негодованія со стороны нашей реакціонной печати, не поскупившейся на инсинуаціи и по адресу великаго князя и комментаторовъ «Донесеній Ольри». Великій князь Николай Михайловичъ въ своемъ повольномъ уединеніи могъ сказать словами поэта:

Какъ будто вихремъ бури злой
Мой домъ снесло, и я—изгнанникъ...

Но въ этомъ своемъ изгнаніи онъ могъ убѣдиться, какъ велико къ нему сочувствіе разнообразныхъ классовъ населенія и какъ велико негодованіе въ отношеніи тѣхъ, кто были его виновниками изгнанія изъ Петрограда. Свидѣтельствомъ тому являются многочисленныя полученныя имъ письма, которыя, по словамъ Б. Глинскаго, со временемъ явятся драгоценными историческими документами для характеристики пережитаго въ январѣ и февралѣ текущаго года времени и общественныхъ настроеній. И съ своей стороны великій князь велъ съ нѣкоторыми изъ адресатовъ дѣятельную переписку и, прозрѣвая близкое будущее, писалъ, между прочимъ, одному лицу: «Я не боюсь ни Протопопова, ни его пакостей, когда вернусь изъ ссылки, потому что я твердо вѣрю, что событія ихъ все-таки сметутъ со сцены въ самомъ недалекомъ будущемъ».

Какъ мы знаемъ, это пророчество нынѣ исполнилось.

1-го марта великій князь Николай Михайловичъ вернулся въ Петроградъ изъ своего имѣнія Грушевка Херсонской губерніи и цѣлкомъ примкнулъ къ новому правительству. Онъ подалъ въ отставку, не находя нужнымъ въ настоящее время числиться въ рядахъ войскъ и желая посвятить себя исключительно мирнымъ научнымъ занятіямъ исторіей, для которой имъ такъ много уже было сдѣлано.

Немало цѣнныхъ свѣдѣній о бывшемъ государѣ привелъ великій князь Кириллъ Владимировичъ въ своей бесѣдѣ съ сотрудникомъ «Русской Воли» (№ 4). Вотъ что повѣствуетъ сотрудникъ этой газеты.

Кириллъ Владимировичъ—кузень Николая Романова, шаферъ на его свадьбѣ, близкій другъ его младшаго брата Михаила и... предводитель матросовъ гвардейскаго экипажа по пути ихъ шествія въ Государственную Думу въ дни революціи. Онъ—первый изъ великихъ князей открыто признавшій новое правительство и открыто заявившій объ этомъ въ Таврическомъ дворцѣ. Матросъ проводилъ меня почти до дверей господина адмирала Романова. Адмиралъ любезно встрѣтилъ у дверей и пригласилъ въ свой кабинетъ.

Событія послѣднихъ дней взволновали князя, онъ нервничаетъ, курить папиросу за папиросой, но не скрываетъ своего удовольствія по поводу совершившагося переворота.

— Мой дворникъ и я,—мы видѣли одинаково, что со старымъ правительствомъ Россія потеряетъ все и въ тылу, и на фронтѣ. Не видѣла этого только царствовавшая семья. Ропотъ недовольства режимомъ долеталъ, несомнѣнно, до Царскаго Села, но тамъ не хотѣли прислушиваться къ нему.

— Здѣсь,—Кириллъ Владимировичъ дѣлаетъ картинный жестъ рукой,—въ этомъ кабинетѣ собирались мои друзья, единомышленники, члены Государственной Думы, либеральные сановники не у дѣль, и мы не разъ обсуждали тяжелое положеніе страны. Но сказать объ этомъ царю было бесполезно. Плотной стѣной около него стояли Штюмеръ, Питиримъ, Щегловитовъ и въ послѣднее время—Протопоповъ.

Царская семья держалась въ сторонѣ отъ великихъ князей, считала ихъ чужими, посторонними только потому, что почти никто изъ послѣднихъ не пѣлъ въ унисонъ съ Протопоповымъ и его друзьями. Великіе князья дѣлали сперва сепаратныя попытки предупредить царя о грядущей революціи. Первымъ выступилъ его братъ Михаилъ Александровичъ, указавшій старшему брату на ту пропасть, въ которую онъ ведетъ родину. За нимъ выступили князья Георгій и Александръ Михайловичи съ записками приблизительно такого же содержанія. Успѣха записки, понятно, не имѣли. Пытался побесѣдовать съ царемъ по душѣ Николай Михайловичъ и поплатился за это ссылкой.

Собиравшіеся у Кирилла Владимировича его друзья упростили его супругу Викторію Осодоровну побесѣдовать съ Александрой Осодоровной. Скрывать нечего,—она правила Россіей. Говорить съ царемъ бесполезно, нужно попытаться воздѣйствовать на царицу. 26-го ноября прошлаго года Викторія Осодоровна бесѣдовала съ Александрой Осодоровной, а Кириллъ Владимировичъ съ естественнымъ волненіемъ ожидалъ конца бесѣды у адмирала Нилова. Викторія Осодоровна освѣтила положеніе страны и даже назвала имена лицъ, достойныхъ быть отвѣтственными министрами. Называла нынѣшняго премьера князя Львова, бывшаго оберъ-прокурора синода Самарина, бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ Покровскаго, Кривошенна. Александрю Осодоровну возмутили слова Викторіи Осодоровны:

— Это—враги династіи. Кто противъ насъ? Петроградъ, кучка аристократовъ, играющихъ въ бриджъ и ничего не понимающихъ. Я двадцать два года сижу на тронѣ, знаю Россію, объѣздила ее всю и знаю, что народъ любитъ нашу семью.

Викторія Осодоровна покинула вмѣстѣ съ мужемъ Царское Село. Поѣхала въ Румынію навѣстить сестру—королеву румынскую, видѣла тяжелое положеніе Румыніи, слышала объ этомъ не только отъ представителей румынскаго правительства, но и отъ русскаго генерала Сахарова. Подъ впечатлѣніемъ видѣннаго и слышаннаго. Викторія Осодоровна телеграфировала царю, умоляя его помочь Румыніи, и для этого выслушать ее.

— Я очень занятъ. Сожалѣю, что не могу тебя видѣть, прошу послать мнѣ письмо.

Телеграмма была написана на англійскомъ языкѣ, но въ переводѣ на простой русскій языкъ это значить:

— Принять не желаю, ибо ты—изъ дворцовой оппозиціи.

Чѣмъ былъ занятъ царь, если у него нѣтъ времени выслушать очевидца горестей его арміи въ Румыніи?

Возвращалась Викторія Осодоровна изъ Румыніи черезъ Кіевъ и тамъ видѣлась съ матерью царя, Маріей Осодоровной. Та рассказала ей о телеграммѣ, посланной ею сыну послѣ убійства Распутина. Мать просила сына не возбуждать слѣдствія противъ убійцъ генія зла. Царь успокоилъ мать телеграммой, что никакого слѣдствія производиться не будетъ, и дѣло объ убійствѣ будетъ предано волѣ Божіей. Марія Осодоровна успокоилась, а черезъ нѣсколько дней узнала, что слѣдствія, дѣйствительно, не производилось, но сдѣлано было хуже: безъ суда и слѣдствія были сосланы Дмитрій Павловичъ и Юсуповъ-Сумароковъ-Эльстонъ.

Изъ газетъ, извѣстно, что семнадцать членовъ императорской фамиліи обращались къ царю съ запиской, прося въ ней пощадить слабаго здоровьемъ Дмитрія Павловича и вернуть его изъ Персіи. Извѣстна и резолюція царя на записку родственниковъ.

Князья обидѣлись. Старшій въ родѣ бросаетъ имъ всеѣмъ упрекъ въ убійствѣ. Стали поговаривать о демонстраціи противъ царя, задумали не явиться на новогодній пріемъ къ царю и съ праздниками его не поздравлять. Слухи объ этомъ быстро достигли Царскаго Села, и оттуда въ Петроградъ явился графъ Фредериксъ и упросилъ князей не дѣлать демонстраціи. Князья уступили.

Событія шли своимъ чередомъ. Царская семья жила въ Царскомъ Селѣ, встрѣчалась съ великими князьями только въ официальныхъ случаяхъ и всегда старалась подчеркнуть, что великіе князья—чужіе люди. Князья наблюдали русскую жизнь, бесѣдовали съ иностранцами, посѣщавшими Россію, и изумляли ихъ своей оцѣнкой событій и дѣйствующихъ лицъ всероссійской трагедіи.

На Мурманѣ, куда Николай Романовъ командировалъ Кирилла Владимировича встрѣчать заморскихъ гостей, глава англійской делегаціи лордъ Мильнеръ спросилъ великаго князя:

— Къ кому я долженъ обратиться въ Петроградѣ? Кто у васъ—правительство?

— У насъ, собственно, нѣтъ никакого правительства,—отвѣтилъ Кирилль Владимировичъ.

Въ свою очередь и иностранцы откровенно говорили съ великими князьями о русской жизни. Румынскій премьеръ Братіану не скрылъ, напимѣръ, отъ Кирилла Владимировича, что Протопоповъ произвелъ на него впечатлѣніе сумасшедшаго человѣка.

Отъ бѣды всероссійскихъ, созданныхъ Николаемъ Романовымъ и его женой Александрой Феодоровной, переходимъ къ огорченіямъ, причиненнымъ царемъ его кузену.

Кузень, шаферъ царя, осмѣливается жениться на своей кузинѣ безъ разрѣшенія царя. Въ Царскомъ Селѣ рвутъ и мечутъ. Александра Феодоровна подсказываетъ мужу наказаніе, суровое наказаніе для ослушника. Кирилль Владимировичъ спѣшитъ въ Царское Село, чтобы первымъ сообщить царю о перемѣнѣ въ его семейной жизни. Его не принимаютъ, а на другой день слѣдуетъ распоряженіе о высылкѣ его на три года за границу съ лишеніемъ чиновъ, орденовъ, званія и имущества. Только смерть отца и дяди черезъ продолжительный срокъ освобождаютъ Кирилла Владимировича отъ жизни въ изгнаніи.

Кирилль Владимировичъ отмѣчаетъ любопытную деталь для біографіи послѣдняго Романова на тронѣ. Какъ извѣстно, онъ—одинъ изъ немногихъ, спасшихся послѣ взрыва броненосца «Петропавловска». Событіе въ русской жизни—не послѣднее, было много интересныхъ подробностей, которыми великій князь могъ бы подѣлиться съ царемъ, но тотъ его никогда не разспрашивалъ о послѣднихъ часахъ «Петропавловска». Очевидно, верховному вождю арміи и флота было всегда некогда.

Беседа съ Кирилломъ Владимировичемъ затянулась;—продолжалъ корреспондентъ «Русской Воли».—Въ кабинетъ вошла его жена Викторія Феодоровна.

Кириллъ Владимировичъ перво ходитъ по мягкому красному, ковру, курить папиросу за папиросой и бросаетъ отрывистыя фразы:

— Приѣзжай онъ немного раньше въ Петроградъ, и онъ имѣлъ бы министерство, лучше котораго нельзя и представить себѣ.

— Керенскій... молодой, но очень талантливый человекъ Викторія Феодоровна раздѣляетъ радость мужа.

— Приятно говорить то, что думаешь.

Кириллъ Владимировичъ доволенъ:

— Теперь-то ужъ я свободенъ и могу спокойно говорить по телефону. А раньше—прерывали каждую минуту. Мы вѣдь жили чуть ли не подъ гласнымъ надзоромъ полиціи.

III.

О подробностяхъ отреченія Николая II отъ престола и послѣднихъ дней его царствованія, дающихъ намъ также черты его характера, мы встрѣчаемъ обстоятельныя показанія члена Гос. Думы В. В. Шульгина, генерала Рузскаго и несшаго во дни государственнаго переворота обязанности флигель-адъютанта герцога Н. Н. Лейхтенбергскаго.

Въ «Петроградской Газетѣ» (№ 57, отъ 8 марта) мы читаемъ.

В. В. Шульгинъ, ѣздившій вмѣстѣ съ А. И. Гучковымъ въ Псковъ для переговоровъ съ бывшимъ императоромъ Николаемъ II, рассказываетъ:

— Необходимость отреченія была единогласно принята всѣми, и только исполненіе этого рѣшенія затягивалось. А. И. Гучковъ и я рѣшили отправиться въ Псковъ, гдѣ, по полученнымъ Исполнительнымъ Комитетомъ Государственной Думы свѣдѣніямъ, въ это время находился царь. Мы выѣхали 2-го марта, въ три часа дня съ Варшавскаго вокзала. Бывшіе служащіе дороги оказали намъ полное содѣйствіе. Поѣздъ былъ немедленно составленъ. Было отдано распоряженіе, чтобы онъ слѣдовалъ съ предѣльной скоростью. Къ намъ въ вагонъ сѣли два инженера, и мы поѣхали. Однако мы задержались довольно долго въ Гатчинѣ, гдѣ дожидались генераль-адъютанта Н. И. Иванова, который стоялъ гдѣ-то около Вырицы съ эшелонмъ, посланнымъ на усмиреніе Петрограда. Но съ Ивановымъ не удалось видѣться. Въ Лугѣ насъ опять задержали, ибо собравшаяся толпа войска и народа просила А. И. Гучкова сказать нѣсколько словъ. Около десяти часовъ вечера мы приѣхали въ Псковъ, гдѣ предполагали первона-

чально переговорить съ ген. Н. В. Рузскимъ, который былъ извѣщенъ о нашемъ прїѣздѣ. Но какъ только поѣздъ остановился въ вагонъ вошелъ одинъ изъ адъютантовъ государя и сказалъ намъ: «Его величество васъ ждетъ». По выходѣ изъ вагоновъ намъ пришлось сдѣлать всего нѣсколько шаговъ до императорскаго поѣзда. Мнѣ кажется, я не волновался. Я дошелъ до того переутомленія и перваго напряженія одновременно, когда уже ничто, кажется, не можетъ ни удивить, ни показаться невозможнымъ. Мнѣ было все-таки немного неловко, что я явился къ царю въ пиджачкѣ, грязный, невымытый, четыре дня небритый, съ лицомъ каторжника, выпущеннаго изъ только что сожженныхъ тюремъ. Мы вошли въ салонъ-вагонъ, ярко освѣщенный, крытый чѣмъ-то свѣтло-зеленымъ. Въ вагонѣ былъ Фредериксъ, министръ двора, и еще какой-то генераль, фамиліи котораго я не знаю. Черезъ нѣсколько мгновеній вошелъ царь. Онъ былъ въ формѣ одного изъ кавказскихъ полковъ. Лицо его не выражало рѣшительно ничего больше, чѣмъ когда-либо приходилось видѣть въ другое время. Поздоровался онъ съ нами скорѣе любезно, чѣмъ холодно, подавъ руку. Затѣмъ сѣлъ и просилъ всѣхъ сѣсть, указавъ мѣсто А. И. Гучкову рядомъ съ собой, около маленькаго столика, а мнѣ—напротивъ А. И. Гучкова; Фредериксъ сѣлъ немного поодаль, а въ углу вагона, за столикомъ сѣлъ генераль, фамиліи котораго я не зналъ, приготовляясь записывать. Кажется, въ это время вошелъ Рузскій и, извинившись передъ государемъ, поздоровался съ нами и занялъ мѣсто рядомъ со мной,—значить, противъ царя. Въ такомъ составѣ (царь, Гучковъ, я, Рузскій, Фредериксъ, генераль, который писалъ) началась бесѣда. Сталъ говорить Гучковъ. Я боялся, что Гучковъ скажетъ царю что-нибудь злое, безжалостное. Но этого не случилось. Гучковъ говорилъ довольно долго, гладко, даже стройно въ расположеніи частей своей рѣчи. Онъ совершенно не коснулся прошлаго. Онъ изложилъ современное положеніе, стараясь выяснить, до какой бездны мы дошли. Онъ говорилъ, не глядя на царя, положивъ правую руку на столъ и опустивъ глаза. Онъ не видѣлъ лица царя и, вѣроятно, такъ ему было легче договорить все до конца. Онъ и сказалъ все до конца, закончивъ тѣмъ, что единственнымъ выходомъ изъ этого положенія было бы отреченіе отъ престола въ пользу маленькаго Алексѣя съ назначеніемъ регентомъ великаго князя Михаила. Когда онъ это сказалъ, генераль Рузскій наклонился ко мнѣ и прошепталъ:

— Это уже дѣло рѣшенное.

Когда Гучковъ кончилъ, царь заговорилъ, причѣмъ его голосъ и манеры были гораздо спокойнѣе и какъ-то всего болѣе дѣловиты, чѣмъ взволнованная волненіемъ минуты, нѣсколько приподнятая рѣчь Гучкова. Царь сказалъ совершенно спокойно, какъ будто о самомъ обыкновенномъ дѣлѣ:

— Я вчера и сегодня цѣлый день обдумывалъ и принялъ рѣшеніе отречься отъ престола. До 3 часовъ дня я готовъ былъ пойти на отреченіе въ пользу своего сына. Но затѣмъ я понялъ, что разстаться со своимъ сыномъ я неспособенъ.

Тутъ онъ сдѣлалъ очень коротенькую остановку и прибавилъ, но все такъ же спокойно:

— Вы это, надѣюсь, поймете.

Затѣмъ онъ продолжалъ:

— Поэтому я рѣшилъ отречься отъ престола въ пользу моего брата.

Послѣ этихъ словъ онъ замолчалъ, какъ бы ожидая отвѣта.

Тогда я сказалъ:

— Это предложеніе заставитъ насъ врасплохъ. Мы предвидѣли только отреченіе въ пользу цесаревича Алексѣя. Поэтому я прошу разрѣшенія поговорить съ Александромъ Ивановичемъ (Гучковымъ) четверть часа, чтобы дать согласный отвѣтъ.

Царь согласился, но, не помню ужъ какъ, разговоръ снова завязался, и мы очень скоро сдали эту позицію.

Гучковъ сказалъ, что онъ не чувствуетъ себя въ силахъ вмѣшиваться въ отцовскія чувства и считаетъ невозможнымъ въ этой области какое бы то ни было давленіе. Мнѣ показалось, что въ лицѣ царя промелькнуло слабо выраженное удовлетвореніе этими словами. Я, съ своей стороны, сказалъ, что желаніе царя, насколько я могу его оцѣнить, хотя имѣетъ противъ себя то, что оно противорѣчитъ принятому рѣшенію, но за себя имѣетъ также многое. При неизбежной разлукѣ создается очень трудное щекотливое положеніе, такъ какъ маленькій царь будетъ все время думать о своихъ отсутствующихъ родителяхъ и, быть можетъ, въ душѣ его будутъ расти недобрыя чувства по отношенію къ людямъ, разлучившимъ его съ отцомъ и матерью. Кромѣ того, большой вопросъ, можетъ ли регентъ принести присягу за вѣрность конституціи за малолѣтняго императора. Между тѣмъ, такая присяга при настоящихъ обстоятельствахъ совершенно необходима, чтобы опять не создалось двойственнаго положенія. Это препятствіе при вступленіи на престолъ Михаила Александровича будетъ устранено, ибо онъ можетъ принести присягу и быть конституціоннымъ монархомъ. Такимъ образомъ, мы выразили согласіе на отреченіе въ пользу Михаила Александровича.

Послѣ этого царь спросилъ насъ, можемъ ли мы принять на себя извѣстную отвѣтственность, дать извѣстную гарантію, что актъ отреченія дѣйствительно успокоитъ страну и не вызоветъ какихъ-либо осложненій. На это мы отвѣтили, что, насколько можемъ предвидѣть, мы осложненій не ждемъ.

Я не помню точно, когда царь всталъ и ушелъ въ сосѣдній вагонъ подписать актъ. Приблизительно около четверти двѣнадцатаго царь

вновь вошелъ въ нашъ вагонъ. Въ рукахъ онъ держалъ листочки небольшого формата.

Онъ сказалъ:

— Вотъ актъ отреченія, прочтите.

Мы стали читать вполголоса. Документъ былъ написанъ благородно. Мнѣ стало совѣстно за тотъ текстъ, который мы однажды набросали. Однако я просилъ царя послѣ словъ: «заповѣдуемъ брату нашему править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ на тѣхъ началахъ, кои будутъ установлены», — поставить: «принеся въ томъ всенародную присягу». Царь сейчасъ же принесалъ эти слова, измѣнивъ одно слово, такъ что вышло: «принеся въ томъ ненарушимую присягу».

Такимъ образомъ Михаилъ Александровичъ долженъ былъ бы принести присягу на вѣрность конституціи и былъ бы строго конституціоннымъ монархомъ. Мнѣ казалось, что это было совершенно достаточно, но событія пошли дальше...

Актъ былъ написанъ на двухъ или трехъ листочкахъ небольшого формата, съ помощью пишущей машинки. На заглавномъ листѣ стояло слѣва слово «ставка», а справа: «начальнику штаба». Подпись была сдѣлана карандашомъ. Когда мы прочли и одобрили актъ, мнѣ кажется, что произошелъ обмѣнъ рукопожатій, какъ будто имѣвшій сердечный характеръ. Впрочемъ, въ то время уже я безусловно былъ взволнованъ и потому могу ошибаться. Можетъ быть, этого и не было.

Я помню, что, когда я въ послѣдній разъ взглянулъ на часы, было безъ 12 минутъ 12. Поэтому надо думать, что все это событіе огромной исторической важности произошло между 11 и 12 часами въ ночь со 2-го на 3-е марта. Я помню, что когда это случилось, то у меня мелькнула мысль: «Какъ хорошо, что было 2-е марта, а не 1-е».

Послѣ этого было прощаніе. Мнѣ кажется, что злыхъ чувствъ ни съ той, ни съ другой стороны въ это мгновеніе не было. У меня на душѣ была скорѣе жалость къ человѣку, который въ это мгновеніе искупалъ свои ошибки благородствомъ мыслей, освѣтившихъ отказъ отъ власти. Съ внѣшней стороны царь былъ совершенно спокоенъ, но скорѣе дружествененъ, чѣмъ холоденъ. Я забылъ сказать, что мы условились съ ген. Рузскимъ, что будетъ два экземпляра акта, собственноручно подписанныхъ, потому что мы опасались, что при бурныхъ обстоятельствахъ Петрограда актъ, который мы привеземъ, можетъ быть легко утраченъ.

Такимъ образомъ, первый подписанный актъ на листочкахъ небольшого формата долженъ былъ остаться у ген. Рузскаго. Мы же привезли второй экземпляръ, также написанный на машинкѣ, но на листѣ большого формата.

Подпись царя также справа едѣлана карандашомъ, а съ лѣвой стороны перомъ скрѣпиль министръ Фредериксъ. Въ полученіи этого экземпляра, который былъ намъ врученъ въ вагонѣ ген. Рузскаго, мы, т. е. Гучковъ и я, выдали расписку. Этотъ экземпляръ мы привезли въ Петроградъ, и его удалось передать въ надежныя руки. Была мнута, когда документъ подвергался опасности.

Газета «Русская Воля» (№ 2, 7 марта) приводитъ показанія ген. Рузскаго. Сотрудникъ этой газетѣ обратился къ ген. Рузскому:

— Мы имѣемъ свѣдѣнія, что свободная Россія обязана вамъ предотвращеніемъ ужаснаго кровопролитія, которое готовилъ народу низложенный царь. Говорятъ, что Николай II пріѣхалъ къ вамъ съ цѣлью убѣдить васъ, чтобы вы послали на возставшую столицу нѣсколько корпусовъ.

Генералъ Рузскій улыбнулся и замѣтилъ:

— Если ужъ говорить объ услугѣ, оказанной мною революціи, то она даже больше той, о которой вы принесли мнѣ сенсаціонную вѣсть.

Корпусовъ для усмиренія революціи отречшійся отъ престола царь мнѣ не предлагалъ посылать по той простой причинѣ, что я убѣдилъ его отречься отъ престола въ тотъ моментъ, когда для него самаго ясна стала неисправимость положенія.

Я расскажу вамъ подробно весь ходъ событій, сопровождавшихъ отреченіе царя. Я зналъ 28-го февраля изъ телеграммъ изъ ставки, что царь собирается въ Царское Село. Поэтому для меня совершенною неожиданностью была полученная мною въ ночь на 1-е марта телеграмма съ извѣщеніемъ, что литерный поѣздъ направился изъ Бологого черезъ Дно во Псковъ. Поѣздъ долженъ былъ прибыть вечеромъ 1-го числа, часовъ около 8-ми. Я выѣхалъ на станцію для встрѣчи, причемъ распорядился, чтобы прибытіе царя прошло незамѣтно. Поѣздъ прибылъ въ 8 час. вечера. Съ первыхъ же словъ бывшего царя я убѣдился, что онъ въ курсѣ всѣхъ событій. Во всякомъ случаѣ онъ зналъ больше того, что мнѣ самому было извѣстно. Несмотря на то, что Псковъ находится всего въ 7—8-ми часахъ пути отъ Петрограда, до меня доходили смутныя извѣстія о происходившихъ въ Петроградѣ событіяхъ. Кромѣ телеграммы Родзянка, полученной 27-го февраля, съ просьбой обратиться къ царю, я отъ Исполнительнаго Комитета Государственной Думы до пріѣзда царя рѣшительно никакихъ увѣдомленій не получалъ.

Кстати замѣчу, что отвѣтъ мой на эту телеграмму, напечатанный въ «Извѣстіяхъ», нѣсколько не точенъ. Моя телеграмма гласила: «Телеграмму получилъ! По ея содержанію исполнилъ телеграммой государю».

Обычно мало разговорчивый Николай II на сей разъ былъ еще болѣе угрюмъ и скупъ на слова. Событія его не только волновали.

но и раздражали. Однако ни о какихъ репрессивныхъ мѣрахъ противъ революціи онъ уже не мечталъ, наоборотъ, часамъ къ двумъ ночи онъ меня пригласилъ къ себѣ и заявилъ:

— Я рѣшилъ пойти на уступки и дать отвѣтственное министерство. Какъ ваше мнѣніе?

Манифестъ объ отвѣтственномъ министерствѣ лежалъ на столѣ, уже подписанный. Я зналъ, что этотъ компромиссъ запоздалъ и цѣли не достигнетъ, но высказывать свое мнѣніе, не имѣя рѣшительно никакихъ директивъ отъ Исполнительнаго Комитета или даже просто извѣстій о происходящемъ, я не рѣшался. Поэтому я предложилъ царю переговорить по телеграфному аппарату непосредственно съ Родзянкомъ. Удалось мнѣ вызвать Родзянка къ аппарату, помѣщающемуся въ Петроградѣ въ главномъ штабѣ, лишь послѣ трехъ часовъ ночи. Эта наша бесѣда длилась больше двухъ часовъ. Родзянко передалъ мнѣ всѣ подробности происходящихъ съ головокружительной быстротой событій и опредѣленно указалъ мнѣ, что единственнымъ выходомъ для царя является отреченіе отъ престола.

О своемъ разговорѣ съ Родзянкомъ я немедленно передалъ по телеграфу генералу Алексѣеву и главнокомандующимъ фронтами. Часовъ въ 10 утра я явился къ царю съ докладомъ о моихъ переговорахъ. Опасаясь, что онъ отнесется къ моимъ словамъ съ недоверіемъ, я пригласилъ съ собой начальника моего штаба ген. Данилова и начальника снабженій ген. Савича, которые должны были поддержать меня въ моемъ настойчивомъ совѣтѣ царю, ради блага Россіи и побѣды надъ врагомъ, отречься отъ престола. Къ этому времени у меня уже были отвѣты генерала Алексѣева, Николая Николаевича, Брусилова и Эверта, которые всѣ единодушно тоже признавали необходимость отреченія.

Царь выслушалъ мой докладъ и заявилъ, что готовъ отречься отъ престола, но желалъ бы это сдѣлать въ присутствіи Родзянка, который якобы обѣщалъ ему пріѣхать во Псковъ. Однако отъ Родзянка никакихъ сообщеній о желаніи его пріѣзда не было. Наоборотъ, въ моемъ ночномъ разговорѣ съ нимъ по аппарату онъ опредѣленно заявилъ, что никакъ отлучиться изъ Петрограда не можетъ, да и не хочетъ.

Мы оставили царя въ ожиданіи съ его стороны конкретныхъ дѣйствій. Послѣ завтрака, часа въ 3, царь пригласилъ меня и заявилъ, что актъ отреченія имъ уже подписанъ и что онъ отрекся въ пользу своего сына.

Онъ передалъ мнѣ подписанную имъ телеграмму объ отреченіи, которую я положилъ въ карманъ и вышелъ, чтобы, придя въ штабъ, отправить ее. Совершенно неожиданно въ штабъ мнѣ подали телеграмму за подписью Гучкова и Шульгина съ извѣщеніемъ, что они въ 3 часа 35 минутъ дня выѣхали во Псковъ. Получивъ эту телеграмму, я воздержался отъ опубликованія манифеста объ

отреченіи и отправился обратно къ царю. Онъ, видимо, былъ очень доволенъ посылкой къ нему комиссаровъ, надѣясь, что ихъ поѣздка къ нему свидѣтельствуешь о какой-то переменѣ въ положеніи.

Поѣздъ съ комиссарами нѣсколько запоздалъ и пришелъ въ 10-мъ часу вечера. Царь нервничалъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи. Я лично держался отъ него въ сторонѣ, избѣгая съ нимъ встрѣчъ и разговоровъ. Его все время не оставлялъ престарѣлый Фредериксъ.

Въ моментъ пріѣзда комиссаровъ я находился въ своемъ вагонѣ. Несмотря на отданное мною распоряженіе, чтобы по пріѣздѣ комиссаровъ ихъ прежде всего провели ко мнѣ, ихъ перехватили кто-то изъ свитскихъ генераловъ и направили прямо къ царю. Когда я вошелъ въ вагонъ къ царю, А. И. Гучковъ докладывалъ ему подробно о послѣднихъ событіяхъ. Особенно сильное впечатлѣніе на Николая произвела II вѣсть о переходѣ его личнаго конвоя на сторону возставшихъ войскъ. Этотъ фактъ, сто настолько поразилъ, что онъ дальнѣйшій докладъ Гучкова слушалъ уже невнимательно.

— Дальнѣйшее вамъ уже извѣстно, — заявилъ корреспонденту генералъ Рузскій, — изъ опубликованнаго сообщенія въ «Извѣстіяхъ».

На вопросъ царя, что ему дѣлать, Гучковъ тономъ, не допускающимъ двухъ рѣшеній, заявилъ:

— Вамъ надо отречься отъ престола.

Царь спокойно выслушалъ это заявленіе комиссара Исполнительнаго Комитета. Послѣ долгой паузы онъ отвѣтилъ:

— Хорошо, я уже подписалъ актъ объ отреченіи въ пользу моего сына, но теперь я пришелъ къ заключенію, что сынъ мой не отличается крѣпкимъ здоровьемъ, и я не желаю съ нимъ разстаться, поэтому я рѣшилъ уступить престолъ Михаилу Александровичу.

Комиссары не возражали. Царь вышелъ съ Фредериксомъ въ сосѣдній вагонъ, составилъ новый текстъ отреченія и вернулся въ вагонъ, въ которомъ находились комиссары. Въ теченіе 10 минутъ царилъ тягостное молчаніе. Наконецъ явился Фредериксъ съ напечатаннымъ на машинкѣ актомъ отреченія, который царь тутъ же подписалъ. Комиссары предложили Фредериксу контрассигновать подпись. Съ согласія царя Фредериксъ поставилъ и свою подпись. Актъ отреченія составленъ въ двухъ экземплярахъ, одинъ изъ которыхъ хранится у меня, а другой былъ мною выданъ подъ расписку А. И. Гучкову.

Такимъ образомъ, въ теченіе 24 часовъ Николаемъ послѣдовательно было подписано три акта: въ 2 часа ночи 2-го марта — манифестъ о «дарованіи отвѣтственнаго министерства», въ 3 часа дня — отреченіе въ пользу сына Алексѣя и, наконецъ, въ 10 часовъ вечера — отреченіе въ пользу Михаила Александровича.

Я уже сказалъ, что Николай II въ этотъ историческій день былъ чрезвычайно угрюмъ и молчаливъ и особенно остороженъ въ словахъ со мною. Я не могу поэтому вамъ передать, что чувствовалъ и думалъ

въ это время низложенный революціей монархъ. Но общее мое впечатлѣніе таково, что съ момента полученія извѣстія о томъ, что Родзянко, вопреки ожиданіямъ Николая, отказался пріѣхать, у царя не оставалось никакихъ иллюзій.

Пребываніе царя во Псковѣ было извѣстно всѣмъ, но поразительно, съ какимъ хладнокровіемъ и невниманіемъ на сей разъ отнеслись къ этому факту населеніе и войска. Царь часто гулялъ совершенно одинъ по перрону вокзала, и никто изъ публики не обращалъ на него вниманія. Время онъ проводилъ исключительно въ компаніи нѣсколькихъ его свитскихъ генераловъ. Я лично, какъ я уже сказалъ, избѣгалъ долго оставаться въ его обществѣ, и наши бесѣды съ нимъ носили чисто дѣловой характеръ.

Черезъ полчаса послѣ передачи акта отреченія и отъѣзда комиссаровъ Исполнительнаго Комитета, литерный поѣздъ отрешагося царя направился черезъ Двинскъ въ ставку, а вчера, т. е. 4-го марта, въ 6 час. вечера, я получилъ телеграмму изъ ставки о прибытіи его туда.

По словамъ корреспондента «Биржевыхъ Вѣдомостей» (№ 16132) Л. Гана, герцогъ Лейхтенбергскій долго потомъ не могъ опомниться отъ всего пережитаго. Отдѣльныя его фразы были хаотичны, цѣльности въ его разсказѣ нѣтъ.

Онъ говорилъ:

— Для меня, по крайней мѣрѣ, съ перваго дня революціи все было ясно; я чувствовалъ, что безъ тяжелыхъ послѣдствій для царствующаго дома возникшія событія не закончатся.

Все, что я вамъ скажу, вѣрьте, это правда; чего я лично не видѣлъ и не слышалъ, объ этомъ говорить не стану.

Когда были получены въ ставкѣ первыя, совѣмъ еще смутныя свѣдѣнія о возникшихъ въ Петроградѣ беспорядкахъ на почвѣ недостатка хлѣба, въ свитѣ считали, что событіе это носитъ лишь прискорбный характеръ, оно не опасно и не грозитъ тяжелыми послѣдствіями царствующему дому.

Я не знаю, что говорилъ государь о первомъ днѣ революціи, но лица свиты считали, что возникшіе беспорядки—это типичный бунтъ, что при извѣстной энергіи его можно прекратить.

На царскихъ завтракахъ и обѣдахъ, на которыхъ я, какъ флигель-адъютантъ, присутствовалъ, я ничего не слышалъ, какія мѣры вырабатываются для водворенія порядка въ столицѣ и для восстановленія спокойствія.

Среди же свиты высказывались соображенія, что надо послать въ Петроградъ генерала съ диктаторскими полномочіями, предоставивъ въ его распоряженіе отрядъ войскъ для усмиренія возставшихъ.

Изъ Могилева въ Петроградъ выѣхалъ ген. Ивановъ съ эшелонъ георгіевскихъ кавалеровъ. Какъ я слышалъ затѣмъ, уже въ пути, по мѣрѣ приближенія георгіевскаго батальона къ Петрограду,

среди георгиевцевъ возникло броженіе. Они говорили, что напрасно ихъ посылають въ Петроградъ, такъ какъ въ народъ и народныя войска стрѣлять они не будутъ.

Дальнѣйшія событія шли, однако, съ такой лихорадочной быстротой, что трудно было остановиться на опредѣленной линіи дѣйствій. Проектировалось осуществить одну мѣру, но черезъ часъ намѣченный планъ уже не годился, такъ какъ народныя требованія шли не эволюціоннымъ, а революціоннымъ темпомъ.

Быль моментъ когда казалось, что положеніе можетъ быть въ значительной степени спасено, если послать въ Петроградъ популярнаго генерала съ фронта, хотя бы генерала Бруслова, снабдивъ его диктаторскими полномочіями и давъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность объявить народу, что государь согласенъ на образованіе отвѣтственнаго министерства.

Ген. Воейкову приписывается страшная, задуманная имъ мысль, будто бы онъ при обмѣнѣ мнѣніями о создавшемся положеніи сказалъ:

— Что жъ, надо открыть двинскій фронтъ, революція немедленно будетъ тогда потушена.

Лично я этой фразы не слышалъ, какъ не слышалъ ея отъ царя и другихъ членовъ свиты, и мнѣ кажется, что если и была такая фраза, то она была произнесена въ совершенно иномъ смыслѣ.

Фраза эта могла быть произнесена такъ:

— Революцію можно подавить силой оружія, но откуда взять войска? Съ сѣвера, тогда вѣдь будетъ открытъ двинскій фронтъ.

Герцогъ Лейхтенбергскій продолжалъ:

— Мнѣ кажется, если бы царь все время продолжалъ находиться въ Могилевѣ и вель бы оттуда переговоры съ Исполнительнымъ Комитетомъ Гос. Думы, онъ бы не очутился въ такомъ положеніи, въ какомъ находится теперь. Вѣдь въ пути царь не имѣлъ возможности установить правильныхъ и срочныхъ сношеній по телеграфу съ М. В. Родзянкомъ. Всѣ переговоры пришлось вести черезъ ген. Алексѣева, а послѣдній, сносясь съ Исполнительнымъ Комитетомъ Гос. Думы, передавалъ царю народныя требованія и желанія.

— Если это такъ, то тогда зачѣмъ понадобилось царю ѣхать во Псковъ? Отчего сразу онъ не возвратился въ Могилевъ. Вѣдь тамъ онъ имѣлъ бы полную возможность установить нормальныя сношенія въ переговорахъ съ Г. Думой.

— Я тоже не понимаю, — отвѣтилъ герцогъ. — Имѣлось, очевидно, въ виду выяснить настроеніе войскъ на фронтѣ и въ зависимости отъ этого принять дальнѣйшіе шаги. Были разговоры, что поѣздкой во Псковъ, можетъ быть, удастся черезъ Лугу и Гатчину проѣхать въ Царское Село.

На дѣлѣ же оказалось обратное. Царь пріѣхалъ во Псковъ и

изъ первыхъ же словъ ген. Рузскаго онъ убѣдился, что все его ставки проигр ны.

Мы пріѣхали во Псковъ 1-го марта. Сейчасъ же по пріѣздѣ въ царскій поѣздъ пришелъ ген. Рузскій съ докладомъ. Я несъ тогда дежурство. Въ моментъ прихода Рузскаго въ свитскомъ вагонѣ былъ ген. Воейковъ. Насколько я припоминаю, здѣсь, кажется, больше никого не было. Ген. Рузскій былъ взволнованъ, говорилъ нервнымъ, повышеннымъ тономъ, и я понялъ, что возставшее столичное населеніе и Гос. Дума не пойдутъ на компромиссы.

Ген. Рузскій говорилъ:

— Вся политика послѣднихъ лѣтъ—это тяжелый сонъ и сплошное недоразумѣніе. Гнѣвъ народный не проститъ этого.

Ген. Рузскій, называя имена Щегловитова, Сухомлинова, Протопопова, говорилъ о нихъ съ чувствомъ презрѣнія. Онъ говорилъ о возмутительномъ протекціонизмѣ, практиковавшемся при всѣхъ назначеніяхъ, и намекалъ на нѣкоторыхъ вліятельныхъ членовъ свиты, окружавшихъ государя и умѣвшихъ распространять на него свое вліяніе.

О чемъ говорилъ ген. Рузскій затѣмъ съ государемъ, мнѣ неизвѣстно, но, оставшись наединѣ съ ген. Воейковымъ, я замѣтилъ:

— Кажется, и по вашему адресу ген. Рузскій прошелся.

Ген. Воейковъ сталъ доказывать, что никакого вліянія на государя онъ не имѣлъ и не имѣеть. Все назначенія проходили безъ его посредства и его вѣдома.

На другой день, послѣ того, какъ государь подписалъ актъ объ отреченіи, за чаемъ царь, между прочимъ, спросилъ меня:

— Объясните, герцогъ, отчего такъ не любятъ ген. Воейкова.

Я отвѣтилъ, что не знаю, но объясняю себѣ это главнымъ образомъ тѣмъ, что въ народныхъ массахъ существуетъ увѣренность, что ген. Воейковъ играетъ видную роль при дворѣ и имѣеть вліяніе въ назначеніи сановниковъ на высшіе государственные посты.

Государь возразилъ, что онъ не знаетъ случая, когда бы ген. Воейковъ хлопоталъ о назначеніи того или иного лица на отвѣтственный постъ.

— А графъ Фредериксъ? Онъ имѣлъ вліяніе при назначеніяхъ министровъ?—спросилъ я герцога.

Лейхтенбергскій послѣ непродолжительной паузы отвѣтилъ:

— Я не понимаю, отчего такъ нападаютъ на гр. Фредерикса. По моему мнѣнію, гр. Фредериксъ былъ единственный человѣкъ, который старался говорить царю правду. Еще задолго до представленія государю записки 17 членовъ царской фамилии великая княгиня Викторія Феодоровна была въ Царскомъ Селѣ и говорила о пагубномъ вліяніи темныхъ силъ, онъ нѣсколько разъ въ весьма опредѣленныхъ выраженіяхъ указывалъ царю на отрицательную

политику правительства, вызывающую справедливыя нареканія со стороны народа. «Такая политика,—говорилъ графъ Фредериксъ,—можетъ привести страну къ крайне пагубнымъ результатамъ и причинить колоссальный вредъ самой царской династіи».

— Это,—продолжалъ герцогъ,—я утверждаю, имѣло мѣсто нѣсколько разъ, Фредериксъ имѣлъ вліяніе на царя, онъ его слушалъ.

Г. Ганъ спросилъ герцога, какъ же все это сопоставить? Что это—упрямство, непониманіе, нежеланіе понять народную волю?

Герцогъ Лейхтенбергскій развелъ руками...

— Лично я полагаю, что все это объясняется безволіемъ и слабохарактерностью. Я самъ не понимаю, что, собственно говоря, произошло. Государь былъ опутанъ со всѣхъ сторонъ. Преступные люди его именемъ пользовались и чинили безправіе и произволь въ странѣ.

Роковую роль во всей этой исторіи сыграла, конечно, Александра Осодорвна, которая всѣмъ говорила, что народъ ее любитъ, что народъ ею дорожить.

Близкіе ее спрашивали, откуда она знаетъ, что народъ ее любитъ?

Она отвѣчала:

— А тѣ тысячи писемъ съ привѣтствіями, которыя я получаю, развѣ они не говорятъ о любви ко мнѣ народа.

Вотъ гдѣ было затменіе. Чтобы угодить царицѣ, прислужники всѣхъ ранговъ фабриковали явно подложныя привѣтственныя письма, а она ими гордилась, всѣмъ ихъ показывала.

На этой почвѣ и возникла распутищница, протопоповщина, мануйловщина и др.

И теперь естественно, что все проиграно.

Еще два вопроса:

Вѣрно ли, что въ послѣднее время свита въ трудные моменты старалась спаивать царя? Вѣрно ли, что царь послѣднее время совсѣмъ не интересовался дѣлами?

Герцогъ на это такъ отвѣтилъ:

— Что касается перваго вопроса, то я заявляю, что царь иногда за обѣдомъ выпивалъ рюмку-другую вина. Онъ пилъ монастырскій квасъ, портвейнъ...

На второй вопросъ я могу отвѣтить, что царь не прочь былъ слушать анекдоты. Но надо принять во вниманіе обстановку, въ которой онъ находился. Нельзя сказать, что онъ мало работалъ. Можно спорить о продуктивности работы.

О событіяхъ и настроеніяхъ въ странѣ онъ освѣдомлялся по докладамъ министровъ и главноуправляющихъ. Придавалъ больше значенія военному дѣлу, чѣмъ гражданскимъ и общегосударственнымъ дѣламъ. Газетъ не переваривалъ. Онъ не читалъ ни

одной газеты, даже «Новое Время». Не терпѣть газетъ, считатьъ, что газеты сообщаютъ одностороннія свѣдѣнія и что въ нихъ онъ не можетъ искать правды. Иногда ему подавался «Русскій Инвалидъ», иногда нѣкоторыя крайне-правыя газеты.

Въ заключеніе герцогъ Лейхтенбергскій сказалъ:

— Когда царскій поѣздъ сталъ подходить къ Царскому Селу, я обратился къ государю съ вопросомъ, не имѣеть ли онъ какихъ-либо указаній, желаній или распоряженій.

Государь отвѣтилъ:

— Прошу васъ слушаться и подчиниться Временному народному Правительству. Это единственное мое указаніе и просьба.

Эти слова онъ повторилъ и всѣмъ лицамъ свиты, сопровождавшимъ его въ поѣздѣ.

Подробности самаго ареста Николая II находимъ въ «Вечернемъ Времени» (№ 1766):

Только что въ Гос. Думу возвратились изъ Могилева комиссары А. А. Бубликовъ, С. Т. Грибушинъ, И. И. Калининъ и В. М. Вершининъ, ѣздившіе по постановленію Временнаго Правительства въ ставку для лишенія свободы низложеннаго императора Николая II. О выполненіи этого порученія ими былъ сдѣланъ подробный докладъ.

По словамъ прибывшихъ комиссаровъ, въ Могилевѣ они были встрѣчены генераломъ Алексеѣвымъ, которому и доложили о порученіи ареста Николая II.

Появленіе комиссаровъ въ ставку было встрѣчено безъ всякаго волненія, съ полнымъ спокойствіемъ. Ихъ, видимо, даже ожидали къ обѣду. Присутствовавшіе немедленно подчинились всѣмъ требованіямъ прибывшихъ. Въ Могилевѣ находилась мать Николая II, Марія Ѳеодоровна, которая пріѣхала проститься съ сыномъ. Николай II находился въ императорскомъ поѣздѣ.

Около часа ушло на разнаго рода формальности, послѣ чего вагонъ комиссаровъ-депутатовъ былъ прицѣпленъ къ вагону, въ которомъ находился Николай II.

Комиссарамъ было сообщено желаніе Нилова слѣдовать вмѣстѣ съ поѣздомъ въ Петроградъ. Но всякая бесѣда на эту тему была отклонена; Ниловъ остался въ Могилевѣ.

Депутаты-комиссары не видѣли Николая II, который не выходилъ изъ своего вагона. 9 марта утромъ онъ былъ доставленъ въ Царское Село, гдѣ комиссары ждали его съ комендантомъ.

8 марта, въ 4 часа 53 мин., изъ ставки отошелъ поѣздъ, въ которомъ препровождался въ Царское Село арестованный по приказанію Временнаго Правительства Николай Александровичъ.

Въ составъ царскаго поѣзда вошли десять вагоновъ, при двухъ американскихъ паровозахъ. Первый вагонъ—мастерскія, второй, багажный, третій—служебный для желѣзнодорожной администра-

цин, четвертый, въ которомъ находились гофмаршалъ кн. Долгоруковъ, ген. Нарышкинъ, флигель-адъютантъ герцогъ Лейхтенбергскій, затѣмъ пятый вагонъ опочивальня и кабинеты Николая Александровича и Александры Федоровны, шестой вагонъ салонъ и столовая, седьмой кухня, восьмой провизионная и девятый для прислуги. Въ десятомъ вагонѣ помѣщались командированные въ Могилевъ по приказу Временнаго Правительства члены Г. Думы.

При отходѣ поѣзда изъ Могилева проводить бывшего царя собралось офицерство и мѣстное населеніе. Поѣздъ слѣдовалъ черезъ Витебскъ, затѣмъ свернулъ на Гатчину и черезъ Александровскую, по царской вѣткѣ, прибылъ въ павильонъ Царскаго Села въ 11 ч. 30 мин. утра.

По сообщенію лицъ, сопровождавшихъ арестованнаго Николая Александровича, 9 марта его разбудилъ камердинеръ въ 9 часовъ, въ то время, когда поѣздъ подходилъ къ ст. Сусанино. Выйдя въ началѣ 10 часа въ столовую, Николай Александровичъ попросилъ пригласить на утреннее кофе сопровождающую его свиту. Бесѣда со свитскими затянулась почти до 11 часовъ утра.

Въ началѣ 12 часа царь простился со свитой и съ сопровождавшей его прислугой, по очереди расцѣловавъ всѣхъ. Прислуга цѣловала его въ плечо. Затѣмъ, обращаясь къ собравшимся, онъ произнесъ: «Благодарю за службу. До свиданія. Прощайте». Въ это время поѣздъ уже подходилъ къ царскому павильону. Не успѣлъ поѣздъ остановиться, какъ свита выскочила изъ вагоновъ. Николай Александровичъ, немного осунувшійся въ послѣдніе дни, совершенно спокойно вышелъ изъ вагона. Одѣтъ онъ былъ въ черкеску 6 Кубанскаго казачьяго батальона, въ черной папахѣ и пурпурномъ башлыкѣ на плечахъ. На груди у него былъ орденъ св. Георгія. На поясѣ висѣлъ казачій кинжалъ.

Въ сопровожденіи князя Долгорукова бывший царь направился къ ожидавшему его автомобилю. Поѣздъ былъ встрѣченъ начальникомъ царскосельскаго гарнизона и прапорщикомъ Вачнадзе. Посторонней публики при встрѣчѣ не было.

Члены Г. Думы немедленно отбыли въ Петроградъ. Въ настоящее время Николай Александровичъ находится въ Александровскомъ дворцѣ.

Въ томъ же номерѣ «Веч. Вр.» изложены данныя объ арестѣ Александры Федоровны.

Во вторникъ 7 марта совѣтъ министровъ обсуждалъ вопросъ о лишеніи свободы Николая II и его супруги Александры Федоровны.

Среди прочихъ мотивовъ, побудившихъ совѣтъ министровъ выдвинуть на очередь вопросъ объ арестѣ бывшей царской фамилии, послужило то обстоятельство, что военнымъ министромъ А. И. Гучковымъ были получены свѣдѣнія о телеграфной перепискѣ между Николаемъ II и Александрой Федоровной, которая имѣла шиф-

рованныя мѣста. Въ виду нарушенія Николаемъ II даннаго имъ слова сноситься по телеграфу съ Царскимъ Селомъ, отнюдь не прибѣгая къ непонятному шифру, совѣтъ министровъ счелъ необходимымъ немедленное лишеніе свободы какъ Николая II, такъ и Александры Фёдоровны.

Поздно ночью рѣшеніе совѣта министровъ было сообщено главнокомандующему петроградскаго военнаго округа ген.-лейт. Корнилову, съ предложеніемъ выѣхать въ Царское Село и подвергнуть задержанію сперва Александру Фёдоровну, а затѣмъ по прибытіи поѣзда изъ Могилева, куда уже выѣхали члены Государственной Думы Бубликовъ, Вершининъ, Калининъ и Грибуининъ, и Николая II.

Въ 8 час. 45 мин. утра ген.-лейт. Корниловъ въ сопровожденіи своего адъютанта прапорщика Долинскаго отправился въ Царское Село, куда прибылъ въ началѣ 10 часа утра и немедленно вызвалъ на вокзалъ начальника царскосельскаго гарнизона полк. Кобылинскаго и коменданта Царскаго Села подполк. Мацнева. Съ вокзала же генераль Корниловъ телеграфировалъ въ Александровскій дворецъ, предложилъ попросить къ телефону оберъ-гофмаршала графа Бенкендорфа, находившагося безотлучно при бывшей царицѣ. Ген.-лейт. Корниловъ просилъ графа Бенкендорфа узнать у Александры Фёдоровны, когда она можетъ его принять. Графъ Бенкендорфъ, волнуясь, пытался узнать, какія причины привели главнокомандующаго къ Александрѣ Фёдоровнѣ, и всячески старался вывѣдать, что собственно предполагаетъ дѣлать во дворцѣ ген.-лейт. Корниловъ. Главнокомандующій категорически отказался сообщить по телефону какія-либо разъясненія и снова вернулся къ прежней темѣ, прося графа Бенкендорфа выполнить вышесказанное порученіе. Графъ Бенкендорфъ удалился на нѣкоторое время въ покои бывшей императрицы, и послѣ переговоровъ съ Александрой Фёдоровной сообщилъ, что она можетъ принять главнокомандующаго только черезъ часъ, а именно въ 10 час. 30 мин. утра.

Къ назначенному времени ген.-лейт. Корниловъ въ сопровожденіи своего адъютанта, начальника царскосельскаго гарнизона и коменданта Царскаго Села отправился въ малый царскосельскій дворецъ. Навстрѣчу прибывшимъ вышелъ графъ Бенкендорфъ, предложившій ген.-лейт. Корнилову и лицамъ, его сопровождавшимъ, подняться въ верхніе внутренніе покои Александровскаго дворца, обычно занимавшіеся дѣтьми царской фамиліи, нынѣ, ввиду карантина, переведенными въ нижніе покои. Графъ Бенкендорфъ просилъ главнокомандующаго обождать нѣкоторое время и удалился доложить о прибытіи ген.-лейт. Корнилова Александрѣ Фёдоровнѣ. Тотчасъ же къ главнокомандующему вышла Александра Фёдоровна въ черномъ, паллухо закрытомъ платьѣ и, ни съ

къмъ не здороваясь, сохраняя наружное спокойствіе, предложила всѣмъ сѣсть.

Первый вопросъ бывшей царицы былъ обращенъ къ ген.-лейт. Корнилову. Стараясь не глядѣть въ глаза ген.-лейт. Корнилову, Александра Федоровна сказала тихимъ голосомъ:

— Чѣмъ могу служить и чѣмъ обязана вашему визиту?

Главнокомандующій, поднявшись съ мѣста, сказалъ:

— Я здѣсь по порученію совѣта министровъ, рѣшеніе котораго я обязанъ вамъ сообщить и выполнить его.

Александра Федоровна встала и произнесла громко:

— Говорите, я васъ слушаю.

Главнокомандующій сталъ читать постановленіе совѣта министровъ о лишеніи свободы Александры Федоровны и, когда дошелъ до мѣста о томъ, что въ Могилевъ отправлены депутаты для ареста царя, Александра Федоровна, слушавшая постановленіе Временнаго Правительства, молча и низко наклонивъ голову, сказала:

— Не продолжайте.

Ген.-лейт. Корниловъ, однако, прочелъ постановленіе до конца. Бывшая царица просила генерала Корнилова удалить всѣхъ присутствовавшихъ и остаться наединѣ съ главнокомандующимъ. Она обратилась къ нему съ нѣсколькими просьбами. Бывшая царица-прежде всего спросила, какъ будетъ поступлено съ ея дѣтьми, будутъ ли они имѣть возможность пользоваться врачебной помощью, и какова судьба дворцовой прислуги. Ген. Корниловъ заявилъ, что врачи безпрепятственно будутъ допускаться въ покои Александровскаго дворца, при непремѣнномъ условіи, что ихъ должна сопровождать охрана. Дворцовая прислуга будетъ уволена; сдѣлано это, несмотря на убѣдительныя просьбы Александры Федоровны оставить хотя бы часть ея; она объяснила свое желаніе тѣмъ, что дѣти привыкли къ прислугѣ. Ген. Корниловъ не возражалъ только въ отношеніи къ фельдфебелю Деревенку, находившемуся при бывшемъ наслѣдникѣ Алексѣѣ Николаевичѣ безотлучно, и разрѣшилъ Деревенку остаться во дворцѣ.

Послѣ переговоровъ о прислугѣ генераль-лейтенантъ Корниловъ удалился изъ покоевъ бывшей царицы и самъ распорядился о размѣщеніи караула, обязанности котораго началась 1-й Царско-сельскій полкъ. По распоряженію главнокомандующаго прервано всякое телеграфное сообщеніе съ Александровскимъ дворцомъ, причемъ какъ бывшей царицѣ, такъ и ея дѣтямъ воспрещены какіе бы то ни было разговоры по телефону. Строгому контролю будутъ также подвергаться письма царицы.

Вмѣстѣ съ бывшей царицей въ Александровскомъ дворцѣ остался лишь бывший оберъ-гофмаршалъ графъ Бенкендорфъ. Личный секретарь Александры Федоровны графъ Апраксинъ, несмотря на разрѣшеніе генерала Корнилова, не нашелъ нужнымъ остаться во

дворцѣ, такъ какъ генераль Корниловъ поставилъ условіемъ оставленія во дворцѣ арестъ лица, которое пожелало бы этимъ воспользоваться.

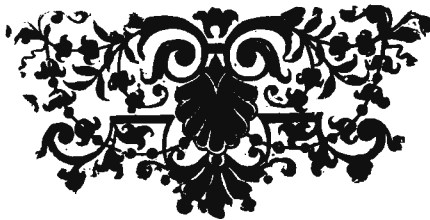
Наблюденіе за правильнымъ выполненіемъ инструкцій, предложенныхъ главнокомандующимъ, возложено на коменданта Царскаго Села подполк. Мацнева.

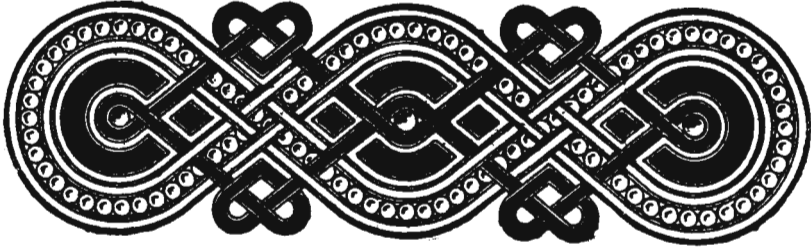
Ген. Корниловъ выѣхалъ изъ дворца около 12 час. дня, пробывъ тамъ, такимъ образомъ, болѣе часа.

При бывшей царицѣ находятся всѣ ея дѣти, здоровье которыхъ нѣсколько ухудшилось. Наболѣе серьезно положеніе старшей дочери, Ольги Николаевны, у которой все время высокая температура. Дѣти больны корью, и ихъ пользуют бывшіе придворныя врачи, приѣзжающіе въ Царское Село ежедневно.

Лица, присутствовавшія при арестѣ Александры Ѳеодоровны, признають, что лишеніе свободы, какъ для бывшей царицы, такъ и для окружающихъ ее царедворцевъ оказалось полной неожиданностью. Постановленіе Совѣта Министровъ состоялось лишь наканунѣ поздно вечеромъ, а опубликовано было 8 марта утромъ, но газеты были доставлены въ Александровскій дворецъ уже послѣ того, когда было объявлено объ арестѣ бывшей царицы ген. Корниловымъ.

Бывшая царица выражала желаніе уѣхать временно въ Крымъ и ничего не говорила по поводу ея дальнѣйшихъ плановъ.

ГДѢ ТѢНИ, ТАМЪ И СВѢТЪ.

ВЪ СОВРЕМЕННОЙ печати все чаще и чаще раздаются нареканія на то, что люди измельчали, особенно люди, стоящіе на высшихъ ступеняхъ общественной лѣстницы, что наши милліонеры всѣ «тупенькіе, безъ души и благородной мечты дѣтства», занятые лишь «женщинами и гостиницами». Одинъ изъ извѣстныхъ и уважаемыхъ писателей пессимистически и настойчиво утверждаетъ: «Ни одинъ... ни одинъ... ни одинъ изъ нашихъ милліонеровъ не занятъ серьезно наукой, не интересуется глубоко искусствами и полными интереса раскопками древностей». Говорятъ еще: «исчезъ безслѣдно типъ «рускаго барина» нѣтъ патріотовъ, идейныхъ благотворителей—прежнихъ меценатовъ, а въ сердцахъ и умѣ современнаго аристократа одинъ лишь «ножки Пуаре».

Нѣтъ, не хочеть, не можетъ мириться съ такимъ грустнымъ приговоромъ русскій человѣкъ. И неудержимо захотѣлось мнѣ бросить, хотя нѣсколько розовыхъ лучей на жуть вышесказанныхъ нареканій, захотѣлось поглубже заглянуть въ это новое «темное царство»— не найдется ли и тамъ нѣкоторый просвѣтъ. Кто изъ насъ не знаетъ, не испытывалъ самъ: когда изъ-за черныхъ тучъ проглянетъ кусочекъ голубого неба, то съ радостнымъ привѣтомъ смотришь вверхъ, и не отрывается уже глазъ отъ этого синяго клочка, и забывается тогда темъ цѣлаго небосвода. Нѣтъ, смѣло стану утверждать, что не всѣ наши милліонеры такъ пусты и безсодержательны, какъ тотъ,

о которомъ въ одной изъ своихъ статей говоритъ Розановъ: «они вдвоемъ съ женой жили въ 18-ти комнатахъ, но жена уѣхала въ деревню, стало мужу скучно въ 18-ти комнатахъ, и переѣхалъ онъ въ Европейскую гостиницу, чтобы было съ кѣмъ позавтракать и т. д.»

Такъ какъ нападки на пустоту и бессодержательность жизни, главнымъ образомъ, падаютъ на современныхъ милліонеровъ, то и начну съ нихъ. Съ особенно глубокой симпатіей останавливаюсь на памяти недавно скончавшагося архимилліонера князя С. С. Абамелекъ-Лазарева. Нѣтъ, милліоны не сдѣлали его нечувствительнымъ къ печалямъ родины, къ нуждамъ неимущихъ, и не отняли они у него горячей любви и ко всему изящному, какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ смыслѣ, наоборотъ: они способствовали лишь усиленію развитія въ немъ этихъ этическихъ чувствъ. Еще юношей, онъ отправляется на Востокъ знакомиться съ памятниками древняго искусства, останавливается на развалинахъ Пальмиры, изучаетъ до тонкости этотъ древній городъ пальмъ и храмъ «Солнца», построенные еще царемъ Соломономъ, а потомъ роскошно издаетъ свои интересныя воспоминанія объ этой волшебной-прекрасной странѣ, и за этотъ трудъ французская академія признаетъ его своимъ адъюнктомъ. Но не ограничивается этимъ трудомъ молодой ученый-милліонеръ и издаетъ еще и другія научныя книги. Князь получилъ очень серьезное гуманитарное образованіе. Онъ поступаетъ на юридическій факультетъ, но не удовлетворяется имъ и переходитъ на историко-филологическій. По окончаніи курса, князь отправляется путешествовать, исключительно съ образовательной цѣлью, а потомъ подъ руководствомъ лучшихъ профессоровъ тщательно изучаетъ горное дѣло. Съ рѣдкой отзывчивостью откликается князь и на нужды отечества: жертвуетъ сто тысячъ Красному Кресту, подписывается на военный заемъ въ суммѣ милліона и даетъ большія деньги на процвѣтаніе авіаціи. Князь былъ женатъ на извѣстной красавицѣ княгинѣ Демидовой-Санъ-Донато. Война застала княгиню въ Италіи, гдѣ она живетъ въ собственной роскошнѣйшей виллѣ въ Римѣ. И пришлось князю послѣдніе годы жить одному не въ «18-ти комнатахъ», а въ цѣломъ огромномъ отелѣ на Милліонной; но не скучалъ онъ въ немъ среди съ особенной любовью собранныхъ имъ же множества цѣнныхъ вещей искусствъ и не только изъ «чванства», а изъ глубокой, съ дѣтства развитой любви къ прекрасному, которое онъ умѣетъ находить не только въ дорого стоящихъ предметахъ, но и въ самыхъ скромныхъ. Однажды князь пріѣхалъ къ намъ и, взявъ съ моего письменнаго стола собранную мною коллекцію художественныхъ открытокъ, сталъ искренно восхищаться ими. Я разсмѣялась и сказала:

— Удивляюсь, князь, какъ можете вы восхищаться моими скромными открытками, имѣя постоянно передъ глазами огромной цѣнности произведенія искусствъ.

— Развѣ вы опредѣляете красоту по ея цѣнности,—возразилъ мнѣ князь;—цвѣтокъ полевой, много ли онъ стоитъ? а что можетъ сравняться съ нимъ въ красотѣ!

А семейная жизнь этого милаго князя не была ли хрустально-чистой? Не хранилъ ли онъ свято память о тѣхъ, кто окружалъ нѣжностью и лаской его колыбель? Украшая заново, по своему вкусу прибрѣтенный имъ же роскошный отель на Милліонной, онъ, однако, сохраняетъ въ немъ нѣсколько комнатъ по устройству въ томъ неприкосновенномъ видѣ, въ какомъ они были при покойныхъ родителяхъ его, и для этого перевозитъ на Милліонную изъ стараго дома при армянской церкви, гдѣ протекало его дѣтство, не только всю старую мебель, но, чтобъ сохранить полную иллюзію, даже полы и печи, за которые платитъ огромныя деньги. А кто не знаетъ его гуманнаго отношенія къ своимъ служащимъ и тѣхъ безчисленныхъ пожизненныхъ пенсій уже отслужившимъ ему! Онъ субсидируетъ деньгами и нуждающихся издателей, идя, такимъ образомъ, навстрѣчу печатанія ихъ произведеній.

А сколько тайныхъ добрыхъ дѣлъ, о которыхъ не смѣетъ, не должна знать лѣвая рука! Въ завѣщаніи своемъ князь тоже не забываетъ страждущихъ и неимущихъ и по-царски одѣляетъ ихъ. Большой домъ въ Москвѣ онъ жертвуетъ Лазаревскому институту. Роскошную виллу въ Римѣ отдаетъ въ распоряженіе академіи художествъ для нуждъ бѣдныхъ студентовъ и на содержаніе ея записываетъ милліонъ франковъ. Отдѣляетъ огромную сумму для борьбы съ эпидеміями въ Тульской губерніи, гдѣ находится его имѣніе Голоцалово, въ которомъ въ дѣтствѣ проводилъ онъ лѣто. Голоцаловскій садъ, испещренный многочисленными цвѣтниками, весь утопалъ въ цвѣтахъ. И быть можетъ, родная деревня и красота сада были первыми вдохновителями его добрыхъ начинаній,—вѣдь, говорятъ, природа создаетъ не только поэтовъ, но и государственныхъ людей, развивая въ нихъ даръ воодушевленія, столь необходимый для всякаго продуктивнаго дѣла.

Говоря о нашихъ милліонерахъ, никакъ нельзя обойти молчаніемъ гофмейстера Нечаева-Мальцева и князя Юсупова графа Сумарокова-Эльстона. Однако, вспоминая современныхъ меценатовъ, необходимо упомянуть, хотя и скромнаго, но высокодаровитаго и рѣдко идейнаго директора и созидателя московскаго музея изящныхъ искусствъ, Ивана Владимировича Цвѣтаева, при имени котораго цѣлый рой милыхъ воспоминаній встаетъ передъ мной, но объ этомъ потомъ.

Еще въ молодые годы у Цвѣтаева родилась мысль соорудить при императорскомъ московскомъ университетѣ съ учебно-воспитательной цѣлью музей изящныхъ искусствъ имени императора Александра III, и мысль свою онъ осуществилъ съ рѣдкимъ знаніемъ дѣла и настойчивостью. Съ неустанной энергіей устраняетъ онъ всѣ

встрѣчающіяся на пути его препятствія и посвящаетъ любимому дѣлу не только все свое время, но не мало и собственныхъ денегъ, и создаетъ, по образцу лучшихъ европейскихъ и американскихъ музеевъ, грандіознѣйшій по размѣрамъ и удивительный по своей систематичности музей, который является единственнымъ въ Россіи. Цѣль музея—предоставить нашему юношеству возможность познакомиться съ произведеніями скульптуры, зодчества, живописи древнихъ и новыхъ народовъ и этимъ облагородить ихъ вкусъ и развить въ нихъ любовь къ изящному и прекрасному. Скульптура, которая занимаетъ въ музеѣ первенствующую роль, изображена въ гипсовыхъ снимкахъ, сдѣланныхъ въ натуральную величину и съ математической точностью съ оригиналовъ, и работали эти снимки лучшими мастерами лучшихъ мастерскихъ Западной Европы. Несмотря на самое горячее желаніе приобрести для музея не только копии, но оригиналы художественныхъ произведеній, Цвѣтаевъ, конечно, и мечтать не смѣлъ объ этомъ. Но тутъ-то и пришелъ ему на помощь гофмейстеръ Нечаевъ-Мальцевъ, который, по словамъ Цвѣтаева, вложилъ въ это дѣло болѣе милліона. Въ своей запискѣ о музеѣ Цвѣтаевъ говоритъ: «Получено извѣстіе объ организаціи отдѣленія египетскаго искусства нашего музея въ Каирѣ и частью въ Лондонѣ гофмейстеромъ Н. Е. Нечаевымъ-Мальцевымъ, лично составляющимъ, при дружественномъ содѣйствіи именитаго египтолога Бругша, систематическую коллекцію памятниковъ не только въ копіяхъ, но и въ подлинникахъ.

Для живописи римскихъ катакомбъ 9 лѣтъ въ подземельяхъ работали русскій художникъ Рейманъ и опять-таки при содѣйствіи и матеріальной помощи князя Юсупова графа Сумарокова-Эльстона. А гофмейстеръ Нечаевъ-Мальцевъ и графъ Юсуповъ вѣдь наши современники!

Изъ всего вышесказаннаго болѣе чѣмъ очевидно, что не всѣ наши милліонеры растрачиваютъ лишь для личныхъ наслажденій свои наследственные милліоны. Считаю не лишнимъ поближе познакомиться своихъ читателей съ незаурядной и интересной личностью, каковымъ былъ И. В. Цвѣтаевъ. Думается мнѣ, мелочи повседневной жизни выдающихся людей всегда полны интереса, какъ болѣе всего вырисовывающія челоѣка. Цвѣтаевъ былъ одинъ изъ талантливейшихъ и любимѣйшихъ профессоровъ. Онъ былъ украшеніемъ московскаго университета. Его лекціи посѣщались съ любовью, и онъ снискалъ себѣ симпатію и уваженіе не только студентовъ и товарищей по службѣ, но и всѣхъ знавшихъ его.

Цвѣтаевъ былъ и извѣстнымъ ученымъ, труды котораго цѣнились не только у насъ въ Россіи. но и за границей. Однако, несмотря на его ученость, а, можетъ быть, именно потому, Цвѣтаевъ былъ чрезвычайно простъ и въ привычкахъ, и въ дѣйствіяхъ своихъ, любилъ шутить, острить и болталъ безъ умолку. Да не поставятъ это ему въ

Князь С. С. Абамелекъ-Лазаревъ.

вину! Въ Ясную Поляну пріѣхалъ гостить Тургеневъ. Рано утромъ графиня услышала въ саду громкій смѣхъ гостя, которому дружно вторилъ Толстой. Графиня вышла въ садъ посмотреть причину смѣха и съ удивленіемъ увидѣла: оба маститые генія качались на дѣтскихъ качеляхъ, стараясь каждый взлетѣть какъ можно выше. Простота и гениальность—всегда идутъ рука объ руку.

Въ особенности Цвѣтаевъ выдѣлялся въ нашъ низкопоклонническій вѣкъ тѣмъ, что никогда не преклонялся передъ сильными міра сего, съ которыми, однако, имѣлъ постоянное общеніе, относясь ко всѣмъ съ одинаковой сердечностью, дѣлая, впрочемъ, нѣкоторое исключеніе тѣмъ, отъ которыхъ ждалъ пожертвованія для своего изящнаго дѣтища, т. е. музея. Тутъ его энергія и находчивость не имѣли границъ, тутъ не находилъ онъ себѣ соперниковъ, и пожертвованія лились къ нему щедрой рукой. Цвѣтаевъ не удовлетворялся собраніемъ сокровищъ для музея Москвой и время отъ времени выѣзжалъ въ Петроградъ для «попрошайничанья», какъ шутя выражался самъ. Пріѣзжая въ Петроградъ, онъ всегда останавливался у насъ, такъ какъ со студенческой скамьи былъ лучшимъ другомъ моего мужа, а также и моимъ шаферомъ и называлъ меня «подружкой». Съ пріѣздомъ Цвѣтаева часто совпадалъ пріѣздъ и двоюродной сестры моего мужа, игуменьи Мстиславскаго женскаго монастыря въ Могилевской губерніи. Не могу не сказать и о ней нѣсколько словъ. Чрезвычайно скромная, она, однако, одушевлялась необыкновенной энергіей, когда дѣло касалось благополучія и процвѣтанія ввѣреннаго ей монастыря. На собранныя подаваніями гроши мать Анатолія соорудила двѣ каменные церкви, одну въ Барколабовѣ, тоже Могилевской губерніи, а другую въ Мстиславѣ; кромѣ того, на тѣ же гроши она устраиваетъ пріютъ для сиротъ, амбулаторію Краснаго Креста и приводитъ въ образцовый порядокъ кельи и всѣ хозяйственныя постройки монастыря. Конечно, не мало и собственныхъ денегъ уложила она на эти сооруженія. Съ самаго утра, наскоро напившись чаю, Цвѣтаевъ и мать Анатолія уже спѣшили куда-то на поиски благотворителей и возвращались только поздно вечеромъ, усталые, но бодрые духомъ, и начинали они между собою дружески дѣлиться своими удачами и неудачами. Бывало, чтобы подзадорить ихъ, назовешь какого-нибудь несуществующаго благодѣтеля, и сразу лица ихъ оживлялись и начинали они осыпая меня вопросами: богатъ ли этотъ благодѣтель, щедрый ли и гдѣ живетъ?

И трогательно, и смѣшно было смотрѣть на этихъ фанатиковъ своего дѣла.

Съ Цвѣтаевымъ бывало и не безъ курьезовъ. Однажды онъ поѣхалъ на балъ въ Зимній Дворецъ и пріѣзжаетъ разстроенный. На мой встревоженный вопросъ, что съ нимъ, онъ рассказываетъ: «Оскандалился я, совсѣмъ оскандалился: чтобы лучше увидѣть

высочайшій выходъ, я какъ-то неловко продвинулся впередъ и звѣздой зацѣпилъ за кружево какой-то красавицы; я въ одну сторону, я въ другую, а кружево все рвется, да рвется, но не отцѣпляется, и стоимъ мы съ красавицей, волею судебъ, соединенные легкимъ кружевомъ прочнѣе, чѣмъ нынѣшними брачными узами, а глаза красавицы такъ и мечутъ искры негодованія».

Цвѣтаевъ имѣлъ претензію считать себя и знатокомъ дамскихъ нарядовъ, но увы! это ему жестоко не удавалось. Приходитъ онъ разъ ко мнѣ сіяющей, ликующей и кладетъ передо мной свертокъ со словами: «Посмотрите, какую прелесть купилъ я моимъ дѣвочкамъ на платье».

Раскрываю и о, ужасъ! вижу нѣчто адски ало-красное.

Съ негодованіемъ я отбрасываю матерію и говорю: «Что за безобразіе вы купили! При взглядѣ на этотъ еще невиданный пурпуръ всѣ ваши музейныя небожители слетятъ со своихъ пьедесталовъ обратно на Олимпъ. Вѣдь не стерпѣтъ имъ позора своего покровителя».

— А вы, всѣ женщины, привередницы и ничего не понимаете, — ворчливо протестовалъ Цвѣтаевъ. — Купилъ я какъ-то разъ дочерямъ шляпы — верхъ изящества, и что же? Онѣ подняли меня на смѣхъ!

— Воображаю, что за шляпы вы купили, — разсмѣялась я. — Вѣроятно, вы выискали какіе-нибудь шлемы Аѣны Паллады, быть можетъ, даже и точныя копии великаго Фидія, и хотѣли водрузить ихъ на хорошенькія головки вашихъ бѣдныхъ дочерей. Поймите же, наконецъ, что съ вашимъ вкусомъ далеко не всякій согласится: вѣдь вы, конечно, предпочтете свою безрукую Венеру Милосскую каждой женщинѣ съ идеально прекрасными ручками!

Хотя Цвѣтаевъ работалъ въ тиши, работалъ исключительно для дѣла, но его замѣтили, оцѣнили. «Но жизнь нельзя назвать счастливой раньше ея конца», — писалъ какъ-то разъ Цвѣтаевъ одному изъ своихъ бывшихъ учениковъ, кажется, Розанову, и слова эти оказались пророческими... Лавры Цвѣтаева кой-кого тревожили, и печальныя тѣни омрачили послѣдніе годы его жизни, но не буду говорить здѣсь о нихъ, такъ какъ цѣль моей статьи проливать свѣтъ на наше общество, а не сгущать его тѣни.

Назвала бы я еще одну самоотверженную душу изъ общества, но не смѣю нарушать ея святого инкогнито. Не созидаетъ она диковинныхъ музеевъ и храмы каменные не строитъ, не состоитъ и членомъ благотворительныхъ обществъ, но «все, что голодно и бѣдно, что ходитъ, голову склоня», — близко ея сердцу, и открыты для нихъ всегда и душа ея, и кошелекъ. Изнѣженная, она тѣмъ не менѣе находитъ время каждый день спускаться въ темные подвалы, подниматься на тѣсныя чердаки и въ этихъ лишенныхъ свѣта мѣстахъ является золотымъ, теплымъ солнечнымъ лучомъ.

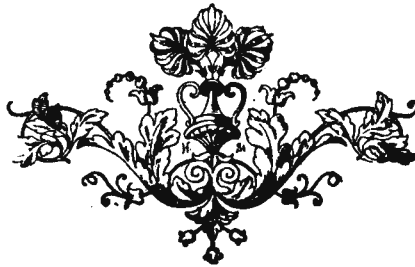
Къ ней какъ нельзя больше подходятъ прочитанные мною когда-то и понравившіеся мнѣ стихи, кажется, Гаршина,—смысль ихъ слѣдующій: цвѣты наряднаго цвѣтника увидѣли одинокій цвѣтокъ въ тюремномъ окнѣ и, пожалѣвъ его, стали звать къ себѣ, но цвѣтокъ отвѣтилъ, что никогда не покинетъ онъ сѣрое окно.

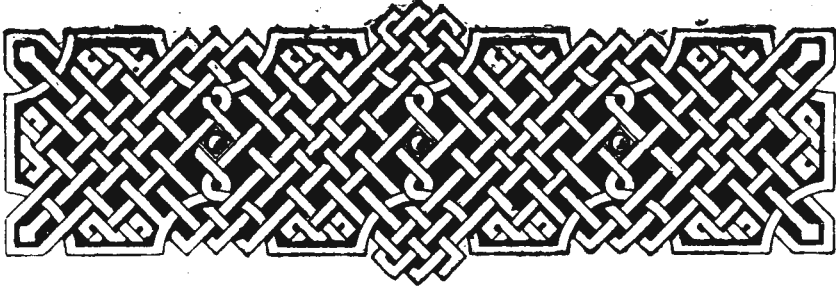
Пышно цвѣтите. Своей красотой
 Радуйте, братья, счастливыхъ людей.
 Я же буду цвѣсти для тѣхъ, кто судьбой
 Солнца лишень и полей.
 Я буду цвѣсти для того, кто страдаетъ.
 Узника я утѣшу одинъ,
 Пусть онъ, взирая на меня, вспоминаетъ
 Зелень родныхъ долинъ.

Конечно, я могла бы упомянуть еще многихъ достойныхъ людей, но размѣръ моей статьи не позволяетъ мнѣ этого, хотя и нѣсколько серебряныхъ, лунныхъ лучей уже разгоняютъ ночную тьму. Несомнѣнно, сильно потемнѣлъ нашъ небосводъ, но, тѣмъ не менѣе, вышеупомянутыя лица—звѣзды нашего неба.

Да, гдѣ тѣни, тамъ и свѣтъ, а на черномъ фонѣ бархата лишь ярче сіяютъ алмазы, нѣжнѣе бѣлѣютъ жемчуга.

Евгенія Козеко.

ДОРОГАЯ ТѢНЬ.

(Отрывки изъ воспоминаній о Ю. Д. Бѣляевѣ).

ОБОРЯТЪ, у кого много талантовъ, тотъ не выдвигается: онъ не используетъ ни одного своего таланта во всю. Можетъ быть, это наблюдение вѣрное, когда таланты и дарованія человѣка многочисленны, но ничтожны или сомнительны. Богатые таланты скажутся и выглянуть на свѣтъ. Насъ убѣдилъ въ этомъ лишний разъ Юрій Дмитріевичъ Бѣляевъ.

Взглянулъ онъ на Мельпомену и заговорилъ съ ней и о ней на разные лады, смотря по тѣмъ переменчивымъ впечатлѣніямъ, которыя она производила на него. Заговорилъ то поэтично мечтательно, то вызывающе, пренебрежительно, то восхищенно, но всегда красиво.

И читатель, и актеры начали прислушиваться къ его голосу.

Какой-то невѣдомый Юсь Большой, а потомъ просто Юсь, изобразилъ нѣсколькихъ знакомыхъ драматурговъ и актеровъ въ карикатурѣ. Сходство получилось изумительное, юморъ и наблюдательность говорили сами за себя.

Разсказывали еще о рѣдкомъ остроуміи собесѣдника, который въ пріятельской компаніи смѣшилъ до упаду, вышучивая и копируя кучку общественныхъ дѣятелей.

Другъ музы трагедіи, невѣдомый Юсь и остроумный разсказчикъ. Кто онъ? Бѣляевъ, Бѣляевъ и Бѣляевъ.

За этими Бѣляевыми торопился еще Бѣляевъ-драматургъ, съ своей граціозной шалостью, которую онъ назвалъ «Путаницей»... За «Путаницей» онъ показалъ «Красный кабачекъ», «Псишу», «Даму изъ Торжка» и т. д.

Въ короткое время выросъ талантливый драматургъ.

Въ эпоху расцвѣта необычайныхъ по глупости режисерскихъ нагроможденій новый молодой режисеръ въ оригинальныхъ тонахъ весело и эффектно поставилъ въ опереточномъ театрѣ «Перикола», придавъ ей ту прелесть, которую у нея отняли его предшественники.

Кто этотъ молодой талантливый режисеръ?

Юрій Дмитріевичъ Бѣляевъ. Онъ спрыснулъ Оффенбаха живой водой. Оффенбахъ утратилъ французско-нижегородскій стиль и сталъ опять походить на жизнерадостнаго парижанина.

Ставили въ Маломъ театрѣ съ благотворительной цѣлью ту же самую «Перикола», и въ роли полицеймейстера выдвинулся актеръ-любитель, приковавшій къ себѣ общее вниманіе.

— Кто это? посмотрите въ программу.

— Юрій Дмитріевичъ Бѣляевъ.

Совсѣмъ новый «Канниферштанъ» Жуковскаго.

За что бы ни брался Юрій Дмитріевичъ, онъ встрѣчалъ успѣхъ даже тогда, когда у него самого оставался привкусъ неудовлетворенности, когда онъ самъ говорилъ: «Чортъ знаетъ что... ничего не вышло».

Отпечатокъ художественнаго таланта, капризнаго, искрящагося, какъ шампанское, то придиричиваго къ мелочамъ, то неожиданно вспыхивающаго яркимъ свѣтомъ импрессионизма, лежалъ на всемъ творествѣ Бѣяева.

Прежде всего и выше всего въ ожерельѣ бѣяевскихъ талантовъ—его талантъ литературный. Юрій Дмитріевичъ ко всѣмъ своимъ талантамъ, кромѣ литературнаго, относился съ холодкомъ. Литература была его неизмѣнной любовницей. Любви къ журналистикѣ онъ, за послѣдній годъ предъ смертью, начиналъ измѣнять. Звучала нотка охлажденія къ газетной обязательной работѣ. Хотя Бѣляевъ не церемонился особенно съ этими обязательствами, да и редакціи «Новаго Времени» и «Вечернаго Времени» не принуждали его къ работѣ по расписанію, тѣмъ не менѣе невольная бездѣятельность временами начинала угнетать Юрія Дмитріевича.

Бѣляевъ за послѣдній годъ его жизни былъ весь въ будущемъ: онъ думалъ о новыхъ пьесахъ, о новомъ романѣ. Жизни, казалось, ему хватало бы для долгаго, продолжительнаго творчества.

Никто, и больше всѣхъ самъ Бѣляевъ не могли думать о роковомъ днѣ 5-го января 1917 года.

Не возвращаюсь къ этому скорбному дню, о немъ еще не забыли. Вспоминаю не того Бѣяева, на лицѣ котораго «улыбка

страшная застыла», а того, котораго мы привыкли видѣть среди насъ... Бѣляева съ его привлекательнымъ душевнымъ обликомъ, съ его клокотавшими талантами, съ его проникновенной артистичностью, со всей нелѣпой богемой, къ которой онъ тяготѣлъ...

Вотъ онъ, нашъ милый другъ Юрій Дмитріевичъ

Е. Н. Рощина-Инсарова, создавшая главную роль въ пьесѣ Бѣляева «Дама изъ Торжка» на сценѣ Малаго театра въ Москвѣ, подѣлилась со мной интересными воспоминаніями о постановкѣ пьесы и ея авторѣ.

Артистка говоритъ, что работать съ Бѣляевымъ было необыкновенно пріятно, что она не знала другого автора, который могъ бы такъ передать исполнителю, чего онъ отъ него хочетъ.

Съ своей стороны долженъ замѣтить, что большинство драматурговъ, съ которыми я лично встрѣчался на сценѣ, наблюдая за ихъ закулисной работой, не умѣли ясно и наглядно показать актеру, что имъ нужно отъ него.

Рощина-Инсарова, зная Бѣляева, какъ режисера, желала послушать, что онъ скажетъ о своей пьесѣ. Она послала ему нѣсколько телеграммъ, спрашивая, отчего онъ не ѣдетъ.

Юрій Дмитріевичъ наконецъ появился въ Москвѣ, но, со свойственной ему безалаберностью, пріѣхалъ къ концу репетиціи «Дамы изъ Торжка» и пришелъ въ уборную артистки. Лицо его было мертвенно-блѣдно.

— Вы больны?—спросила она.

— Дайте мнѣ воды,—отвѣчалъ Бѣляевъ:—волнуюсь... нѣтъ ли капель?

— Ему дали воды и капель.

Три раза Бѣляевъ и Рощина-Инсарова собирались идти на сцену, и онъ все удерживалъ ее, прося подождать.

Наконецъ, онъ вышелъ застѣнчиво на сцену, услышалъ реплики актеровъ и чрезъ четверть часа совершенно преобразился...

Бѣляевъ читалъ актерамъ отрывки изъ ролей, дѣлалъ указанія и такъ мѣнялся, что трудно было узнать, что передъ вами одно лицо.

Съ репетиціи Юрій Дмитріевичъ уходилъ весельчакомъ, объ его безумномъ нервничаньи и помина не было.

Не разъ Юрій Дмитріевичъ волновался до смѣшного, онъ буквально плакалъ, изъ глазъ его падали слезы, плакалъ отъ страха, плакалъ отъ восторга...

Очень интересную подробность о Юриі Дмитріевичѣ рассказывала мнѣ еще Рощина-Инсарова. За день до генеральной репетиціи она ѣздила съ Бѣляевымъ на автомобилѣ къ Трифону мученику за Божедомку. Во время молебна Бѣляевъ стоялъ радостный и сіяющій.

При выходѣ изъ часовни имъ попался нищій. Бѣляевъ остановился и сунулъ ему въ руку кредитный билетъ, какой именно—

спутница не знала. Нищій былъ ошеломленъ щедростію, онъ хриплымъ басомъ крикнулъ во всеуслышаніе:

— Многія лѣта!

На генеральной репетиціи Юрій Дмитріевичъ снова очень волновался, рисовалъ туалеты артистокъ. Онъ и ранѣе дѣлалъ наброски старинныхъ костюмовъ. Онъ облюбовывалъ каждую складку, каждый бантикъ.

Во время спектакля на Бѣляевѣ опять не было лица; въ антрактахъ онъ приходилъ въ уборную исполнительницы главной роли и сидѣлъ, волнуясь, у шкапа, словно прячась отъ глазъ бывшихъ здѣсь и желая забиться подальше.

На другой день въ половинѣ десятаго утра въ квартирѣ Рощина-Инсаровой раздался звонокъ. Ее разбудили, сказавъ, что пріѣхалъ Ю. Д. Бѣляевъ.

Она испугалась, наскоро одѣлась и выбѣжала узнать, что случилось, думая, что захворала жена Бѣляева, Феликса Феликсовна, что нуженъ докторъ, что безъ причины такъ рано не пріѣхалъ бы Бѣляевъ.

— Обругали,—произнесъ утвердительно Юрій Дмитріевичъ.

— Кого?

— Меня обругали.—Онъ протянулъ ей газету. Онъ, очевидно, чутко относился къ отзывамъ печати.

Рощина-Инсарова убѣждала его, что это субъективное мнѣніе одного критика, что критика всегда субъективна, что нечего ему печалиться и т. д. Не одну чашку кофе выпилъ Юрій Дмитріевичъ, пока не успокоился и не сталъ улыбаться.

Лично я наблюдалъ за Бѣляевымъ-драматургомъ тоже въ Москвѣ, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ и его супругой былъ въ театрѣ К. Н. Незлобина на первомъ представленіи фантастической исторіи «Красный Кабачекъ» (8 марта 1911 г.). Эта пьеса, двѣ недѣли спустя, шла въ Петроградѣ въ Александринскомъ театрѣ, гдѣ я ея не видѣлъ.

«Красный Кабачекъ» посвященъ Бѣляевымъ Ѳ. И. Шаляпину.

Сидѣли мы въ директорской ложѣ, на половину занавѣшенной отъ публики. Насъ почти не видѣли.

Юрій Дмитріевичъ появлялся въ ложѣ на нѣсколько минутъ, потомъ исчезалъ за кулисы, бѣгалъ по аванъ ложѣ Незлобина и имѣлъ растерянный видъ.

Приходилось успокаивать его, убѣждать въ томъ, что публика съ удовольствіемъ слушаетъ пьесу и реагируетъ на игру актеровъ. Такъ оно и было въ дѣйствительности, я самъ былъ въ этотъ вечеръ частицей того чудовища, которое называютъ публикой. Обрисовывался безусловный успѣхъ.

Психологія Юрія Дмитріевича въ эти минуты для меня была чрезвычайно понятной и ясной: ставя свои пьесы, я испытывалъ не меньшія муки.

Незадолго до окончанія «Краснаго Кабачка» Бѣляевъ возвратился въ ложу и усѣлся въ темномъ углу, откуда мнѣ хотѣлось его выжить на сцену. Я чувствовалъ, что публика потребуеть его и пожелаетъ видѣть. Удалось наконецъ его спровадить. Черезъ десять минутъ онъ неуклюже раскланивался со сцены, куда его вытащили актеры.

Много разъ вызывали Бѣяева, пріободрился онъ.

— Какъ ты думаешь? успѣхъ или нѣтъ?—спрашивалъ меня Бѣляевъ.

Онъ и тутъ не вѣрилъ тому, что произошло.

Бѣляевъ благодарилъ Незлобина, благодарилъ режисера Ф. Ф. Коммисаржевскаго, актеровъ, благодарилъ Платона Мамонтова, управляющаго хозяйственной частью театра и близко принимавшаго къ сердцу успѣхъ Бѣяева и Незлобинскаго театра.

Бѣляевъ подарилъ мнѣ свой «Красный Кабачекъ» съ дружеской надписью: такому-то, «много облегчившему мнѣ добрымъ словомъ своимъ авторскія волненія въ Москвѣ. Любящій Юр. Бѣляевъ».

«Авторскія волненія» тяжело наблюдать и еще тяжелѣе переживать.

Юрій Дмитріевичъ отлично читалъ свои пьесы, начиналъ обыкновенно читать торопливо, застѣнчиво, а потомъ, что называется, расходился и завладѣвалъ общимъ вниманіемъ, выдерживая паузы. Юмористическія сцены ему наиболѣе удавались. Я присутствовалъ на чтеніи того же «Краснаго Кабачка» у Н. С. Худекова. «Псишу» Бѣляевъ читалъ мнѣ у себя дома, причемъ замѣтилъ: «А ты знаешь, откуда я взялъ фамилію крѣпостнаго актера Плетень? Изъ твоей книги «Нашъ балетъ». Она у тебя приведена».

Юрій Дмитріевичъ особенно внимательно, любовно работалъ надъ «Псишей», перечитавъ массу источниковъ, относящихся къ крѣпостной жизни и къ барскому театру. Со сколькими людьми онъ совѣтовался, прислушивался къ нимъ, не упуская изъ виду мелкихъ штриховъ и замѣчаній. Кому только Бѣляевъ не читалъ своей пьесы! Онъ—проникновенный другъ русской старины, онъ, оживившій ее въ большей части лучшихъ своихъ вещей, самъ напомнилъ мнѣ писателей сороковыхъ годовъ, которыхъ я засталъ, видѣлъ и зналъ. Назову для примѣра Д. В. Григоровича, который, написавъ новую вещь, всегда читалъ ее въ литературныхъ кружкахъ, въ домахъ друзей и пріятелей, прислушиваясь къ хору мнѣній и приглядываясь къ тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя произвело его чтеніе. Онъ провѣрялъ себя.

Григоровичъ не разъ рассказывалъ мнѣ объ этомъ, придавая чтенію не напечатанныхъ литературныхъ произведеній огромное значеніе. Онъ приводилъ въ примѣръ, какъ относился къ этому

Достоевскій, совершенно избѣгавшій чтенія въ такъ называемомъ обществѣ, а предпочитавшій интимно подѣлиться съ собратьями плодами своего творчества.

Я помню, какъ у отца моего А. Н. Плещеева читали свои произведенія Григоровичъ, Пальмъ, Полонскій, Вейнбергъ, Горбуновъ (воспоминанія), Некрасовъ и др.

Съ чтеніемъ носился и нашъ молодой Юрій Бѣляевъ, прибѣгавшій къ этому, конечно, не для популярности и городского шума, а по влеченію, по желанію провѣрить себя самого.

Я говорилъ Бѣляеву, что онъ напоминаетъ мнѣ тѣхъ стариковъ, знакомства съ которыми украшали мою молодость.

Юрія Дмитріевича всегда клонило къ той русской литературѣ, которая прошла почти мимо его сверстниковъ.

Бѣляевъ опоздалъ родиться, онъ бы занялъ положеніе въ группѣ большихъ нашихъ художниковъ.

Бѣляевъ рано умеръ, и пышный талантъ его не договорилъ того, что ему нужно было и что ему хотѣлось сказать.

Увлекаясь работой журналиста, Бѣляевъ щедро разбрасывалъ драгоцѣнности своего таланта. Когда онъ собиралъ эти драгоцѣнности во-едино, когда дарилъ насъ пьесой или романомъ, онъ, какъ художникъ, вырасталъ въ нашихъ глазахъ еще выше и выше.

Читая Бѣляева, приходилось наталкиваться на такія чуткія, проникновенныя описанія русской природы, именно русской, своей, которая привораживала его къ себѣ, восхищала и волновала.

Разбираться въ томъ, почему Бѣляевъ сдѣлался на три четверти журналистомъ, а не присяжнымъ беллетристомъ,—безцѣльно.

Кого-то изъ вспоминавшихъ о Бѣляевѣ въ періодической печати интриговало, откуда загорѣлась у него любовь къ отжитому, гдѣ онъ нашелъ источникъ ея? гдѣ, въ какихъ условіяхъ прошло его дѣтство и т. д.

Бѣляевъ, несмотря на безалаберную жизнь, находилъ достаточно времени для чтенія, онъ поглощалъ массу книгъ, которыя облюбовывалъ. Ученостью Бѣляевъ никогда никого обморочить не стремился. Книга увлекала его исторіей, правдой, художественнымъ творчествомъ, близостью къ жизни.

Чутье, удивительное чутье подсказывало ему, гдѣ и надъ чѣмъ надо подумать, гдѣ остановиться.

Чутье Бѣляева было его гимназіей, его университетомъ, его академіей. Онъ самъ, безъ всякихъ чичероне, оглянувся назадъ, на сожженную Москву, на крѣпостничество, на тургеневскія усадьбы, на очаровательныхъ тургеневскихъ женщинъ, на гоголевскихъ чиновниковъ, на обломовщину...

Его потянуло туда.

Припомню одну изъ статей Бѣляева о «Мѣсяцѣ въ деревнѣ» въ Александринскомъ театрѣ. Она начиналась такъ:

«Я былъ въ старой барской усадьбѣ, въ просторномъ и прохладномъ помѣщичьемъ домѣ съ тѣнистымъ садомъ, съ живописными окрестностями, съ богатой полуразрушенной оранжереей.

Словомъ, я былъ чуть ли не въ Спасскомъ-Лутовиновѣ, у самого Тургенева или ужъ навѣрно, по сосѣдству съ нимъ».

Вы чувствуете, какъ радостно, благоговѣнно былъ настроенъ Юрій Дмитріевичъ, какъ смаковалъ онъ эту атмосферу старой помѣщичьей усадьбы съ ея дворянскими преданіями, какъ онъ бредилъ старыми годами, перелистывая передъ нами страницы семейнаго дворянскаго альбома.

Разсказывая о своей поѣздкѣ къ Сухово-Кобылину, Бѣляевъ ласково, любовно киваетъ сороковымъ годамъ.

«Отъ иного (изъ того, что говорилъ Сухово-Кобылинъ) вѣяло старой Москвой, вспоминались сороковые годы, просторный барскій домъ, кажется, на Воздвиженкѣ, гдѣ собирались Максимовичъ, Надеждинъ, Герценъ, Погодинъ и др. и гдѣ душою общества и центромъ кружка была сестра А. В., графиня Салиасъ».

Не только люди, природа, смѣхъ и горе отжитой отечественной эпохи будили Бѣляевское сердце: онъ благоговѣлъ предъ старымъ, рванымъ портретомъ, напоминавшимъ ему кого-то изъ давнымъ-давно умершихъ, восхищался бисерной вышивкой, изображавшей російскую пастораль на зеленой лужайкѣ, любовался полуразвалившимся трюмо краснаго дерева.

Онъ уходилъ въ старину и удалялся отъ современности и могъ влюбиться въ портретъ работы Тропинина или Боровиковскаго съ одинаковой страстью, какъ влюбился въ тѣнь знаменитой актрисы Асенковой, промелькнувшей въ его мечтахъ.

Недаромъ Бѣляевъ говорилъ:

«Бываютъ сны, когда видишь чье-то знакомое лицо, и, когда проснешься, стараешься припомнить, видѣлъ ли его въ жизни и гдѣ и когда».

Развѣ это не отвѣтъ его на увлеченіе Асенковой?

У Юрія Дмитріевича, молодого человѣка и мечтательнаго романтика, была инстинктивная слабость къ прекрасному. Къ прекрасному его влекло, и прекрасное не обманывало его.

Старое и новое уживалось въ Бѣляевѣ, если только это новое не претило ему, если оно было отмѣчено талантомъ, милостью Божіей.

Кто бывалъ у Бѣляева въ его кабинетѣ и столовой, тотъ не могъ не обратить вниманія на это сочетаніе стараго и новаго.

Со стѣны поглядывалъ подмалеванный скрипачъ, очевидно, изъ крѣпостныхъ, принесенный сюда отъ Сухаревой башни изъ

Москвы. Бѣляевъ нашелъ этого музыканта въ хламѣ, трепаннымъ, запыленнымъ. Онъ предложилъ за него пять рублей, торговецъ настаивалъ на десяти. Бѣляевъ ему не далъ а потомъ просилъ меня купить этого музыканта немедленно. Ему самому не захотѣлось подчиниться требованію продавца, потому что онъ отказался купить.

Неподалеку отъ музыканта нахмурилась Рашель, а въ дали сосѣдней комнаты пестрѣлъ старый цвѣтистый, съ «пукетами» трактирный русскій подносъ.

На шкапчикѣ красовалась любимая Бѣляевымъ фарфоровая статуэтка будто бы императора Александра I, идущаго въ полонезъ съ дамой.

Портретъ Савиной, портретъ Шаляпина. А вотъ и самъ Бѣляевъ, написанный П. Д. Шмаровымъ, опять-таки на старый манеръ: и поза, и перстень на пальцѣ, и костюмъ Юрія Дмитріевича переносятъ больше чѣмъ на полвѣка назадъ.

Со стѣны кабинета глядѣла еще румяная красавица, портретъ которой тонко написанъ масляными красками мастеромъ добраго стараго времени. Кто она? Бѣляевъ не имѣлъ понятія, но она была мила, она приглянулась ему, и онъ былъ почтителенъ съ ней, не такъ, какъ съ Варенькой Асенковой, но почтителенъ. Дальше большой портретъ Алексѣя Сергѣевича Суворина съ добродушной надписью. Суворинъ—крестный отецъ Бѣляева на литературномъ пути, Суворинъ—его другъ, его путеводная звѣзда. Суворина Юрій Дмитріевичъ любилъ больше Асенковой, скончавшейся за-долго до рожденія Бѣляева.

Старинный письменный столъ договаривалъ, что здѣшній баринъ любить старину.

Почти всѣ герои и героини Бѣляевской драматургіи—это изящнѣйшія, оживленныя и согрѣтыя его поэтичнымъ талантомъ фарфоровыя статуэтки старинныхъ годовъ.

Вспомните Песишу, Даму изъ Торжка и др.

Песиша самая яркая изъ тѣней дореформенной Россіи, вызванная нашимъ молодымъ поэтомъ. Это скорбная исторія первобытной русской актрисы, это заря нашего драматическаго таланта, искавшаго свободнаго выхода изъ царства разгулявшагося рабства.

Я не останавливаюсь на разборѣ Бѣляевскихъ пьесъ и другихъ его произведеній, потому что вспоминаю лишь о миломъ сердцу нашему ихъ авторѣ.

О произведеніяхъ Бѣляева говорили и будутъ говорить, потому что говорили мало.

Бѣляевъ ушелъ въ вѣчность.

Оборвались его волшебныя мечты и думы, смолкли его дивныя слова, отражавшія нашу жизнь съ ея нѣжной грустью, съ ея доб-

рымъ смѣхомъ, съ ея одухотворенными, воскресшими тѣнями
прошлаго.

Бѣльева нѣтъ между нами, онъ съ каждымъ днемъ удаляется
отъ насъ.

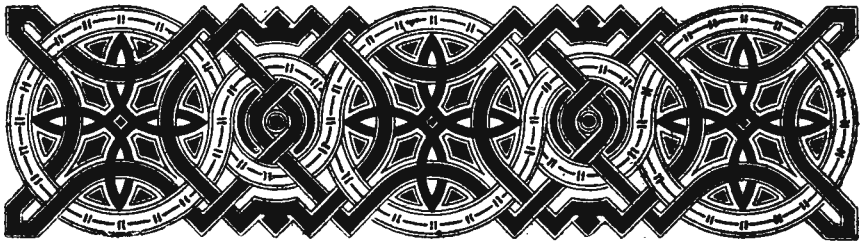
Милый образъ самого Юрія Дмитріевича превращается въ
тѣнь. Она еще ясная, еще съ чертами молодой угасшей жизни
стоитъ передъ нами.

Милая, дорогая тѣнь! ты улетучиваешься, и во слѣдъ тебѣ мы
повторяемъ:

Мы горячо любимъ тебя, мы скорбимъ о тебѣ.

А. Плещеевъ.

КУРОРТЪ ВЪ ЖЕГУЛЯХЪ.

ВЪ РЯДУ многихъ очередныхъ вопросовъ внутренней жизни война выдвинула и довольно насущный вопросъ о русскихъ курортахъ, которые должны замѣнить иностранные, сдѣлавшіеся для насъ недоступными на долгое время. Какъ во всемъ, такъ и въ курортномъ дѣлѣ приходится неизбежно патолкнуться на нашъ стародавній девизъ... Русская земля весьма «обильна» мѣстами, самой природой назначенными для устройства лечебныхъ, климатическихъ и всякаго рода прекрасныхъ курортовъ, а ихъ до крайности мало, и въ нихъ «порядка» нѣтъ.

Достаточно сказать, что на громадномъ протяженіи Волги, гдѣ найдутся мѣста для сотни курортовъ, мы встрѣчаемъ буквально одинъ курортъ!.. Нельзя отвергать, что въ послѣдніе годы дачная жизнь развилась на Волгѣ, но въ очень скромныхъ для этой великой рѣки размѣрахъ. Есть нѣсколько дачныхъ городковъ, излюбленныхъ публикой, какъ Васильсурскъ на нижнемъ плесѣ, Плесъ на среднемъ, Молога на верхнемъ, отчасти Хвалыньскъ и нѣкоторые другіе. Значительно развились дачные поселки какъ около большихъ городовъ (особенно у Самары), такъ и подлѣ уѣздныхъ, напри- мѣръ, у Сызрани, Вольска и т. д.

Но всѣ эти дачные оазисы наперечетъ на пустынныхъ въ общемъ берегахъ великой Волги, и она попрежнему остается всего съ однимъ «курортомъ», да и тотъ приходится ставить въ кавычкахъ...

Единственный волжскій курортъ, существующій около 30 лѣтъ, находится въ Жегуляхъ, подлѣ города Ставрополя Самарской губерніи. Прошлымъ лѣтомъ мнѣ пришлось познакомиться съ нимъ впервые и на мѣстѣ разобраться въ противорѣчивыхъ отзывахъ, какіе не разъ приходилось слышать о немъ на Волгѣ.

I.

Сравнительно молодой городъ Ставрополь (т. е. «городъ креста») ведетъ начало съ 1738 г., когда здѣсь была построена крѣпость для защиты Поволжья отъ калмыцкихъ набѣговъ изъ степи. Первоначальниками города были крещенные мирные калмыки, переселенные подъ защиту крѣпости, вмѣстѣ съ ихъ княгиней Анной Тайшиной. Позже сюда были переведены съ Урала калмыки, составившіе «калмыцкое войско», упраздненное въ 1843 году.

Съ теченіемъ времени эти калмыки обрусѣли, но и до сихъ поръ въ чертахъ лица и фигурахъ коренного населенія Ставрополя сквозить что-то нерусское, инородческое. Да и въ характерѣ горожанъ мало типичныхъ русскихъ чертъ—добродушія, мягкости, славянской расплывчатости. Впрочемъ, одна наша черта привилась къ ставропольцамъ въ изрядной степени: лѣнны они до чрезвычайности и потому не мастера устраивать свою судьбу къ лучшему. Отъ легкаго заработка они весьма не прочь, но до серьезной работы надъ улучшеніемъ своей жизни не охочи. Живутъ кое-какъ, спуетя рукава, надѣясь больше на «авось» да «небось».

Въ послѣднее время лѣнное прозябаніе ставропольцевъ усилилось, благодаря отрицательному вліянію сосѣдняго курорта съ его легкими заработками, бросаніемъ денегъ и безпечальной жизнью дачниковъ... Послѣднихъ ставропольцы обираютъ изрядно и, поработавши лѣтомъ «около дачника», зимою проживаютъ лѣтніе заработки. Занимаются горожане и землею, но это у нихъ подсобный промыселъ и далеко не любимый, а главные доходы ихъ идутъ отъ дачниковъ, на которыхъ, однако, тоже бываетъ то «урожай», то «неурожай».

Большой лѣнницей одержимы въ Ставрополѣ не одни мѣщане, но и «вышіе круги» мѣстнаго общества, начиная съ руководителей городского самоуправления. Курортъ принадлежитъ городу и служитъ для него однимъ изъ главныхъ источниковъ дохода. Но «отцы города» такъ же мало заботятся о курортѣ, какъ и о самомъ городѣ.

Болѣе захудалаго, неблагоустроеннаго и жалкаго города я не знаю, хотя извѣдиль на своемъ вѣку немало и познакомился со всѣми городами волжскаго, камскаго и сѣверо-двинскаго бассейновъ. Въ Ставрополѣ, если не ошибаюсь, около 10 тысячъ жителей, но

по внѣшнему виду это типичная деревня, ничѣмъ отнюдь не напоминающая города...

Широко раскинувшись на песчаной низинѣ у подножія Жегулевскихъ высотъ, городъ утопаетъ въ пескахъ, не имѣя ни мостовыхъ, ни тротуаровъ (исключая немногихъ улицъ, гдѣ изрѣдко попадаются деревянные мостки для пѣшеходовъ). Въ весеннюю и осеннюю слякоть песчанья улицы превращаются въ непроходимья болота, а зимою заносятся сугробами снѣга.

Эти «улицы» обставлены маленькими домиками съ рѣдкими оазисами зелени. Крайне рѣдко попадаются дома городского типа, а большія постройки наперечетъ, реальное училище, женская гимназія, женское духовное училище (пониженнаго типа, выпускаетъ учительницъ для церковно-приходскихъ школъ) и др. Даже соборъ и 2 церкви мало служатъ къ украшенію города.

Вообще, городъ такъ некрасивъ, что словно нарочно спрятался за рядъ неуклюжихъ хлѣбныхъ амбаровъ, выстроенныхъ по берегу Воложки, гдѣ весною пристають пароходы. Лѣтомъ паромныя пристани переносятся на Волгу и отстоятъ отъ города около 5 верстъ.

Зимою вся жизнь города сосредоточивается подлѣ этихъ амбаровъ, куда свозится изъ уѣзда хлѣбъ и здѣсь хранится до весенняго сплава. Кромѣ довольно значительной хлѣбной торговли (есть и паровая мельница), городъ не развилъ никакой промышленности, если не считать кожевеннаго завода и 2 заведеній искусственныхъ минеральныхъ водъ и квасовъ. Последнія возникли, благодаря курорту.

Убожество Ставрополя выступаетъ тѣмъ ярче, что городъ лежитъ въ очень красивой рамкѣ Жегулевскихъ высотъ. Напротивъ и въ виду города, за Волгой, лежатъ Жегули праваго берега (у села Жегулихи), а сзади города возвышаются Жегули лѣваго берега. Величественныя высоты этихъ «древнихъ береговъ» Волги, усѣянныя густымъ лѣсомъ и изрѣзанныя оврагами, лощинами, отдѣльными холмами, подавляютъ жалкій городокъ, но дѣйствуютъ на него благотворно и своей величавой красотой, и массой свѣжаго, здороваго, ароматическаго воздуха.

Та Воложка, на которой лежитъ Ставрополь, въ старину называлась «Куньей» (вѣроятно, отъ водившихся въ сосѣднемъ бору куницъ). Теперь существуетъ деревня Кунсевка—въ 5 верстахъ ниже города, на лѣсныхъ высотахъ лѣвобережныхъ Жегулей, извѣстныхъ подъ именемъ «Лысыхъ горъ» (склоны этихъ «горъ» обнажены отъ лѣса). У подошвы Лысыхъ горъ тянется длинное озеро, выше котораго, по направленію къ городу, идетъ рядъ продолговатыхъ озеръ (въ томъ числѣ озеро Подборное, служащее мѣстомъ купанья для обитателей курорта), заканчивающихся такимъ же образомъ у самаго города. Весь этотъ рядъ озеръ и пред-

ставляетъ остатки стараго рукава Волги, носившаго названіе Куньей Воложки.

Низина, на которой расположенъ Ставрополь, нѣсколько возвышается надъ заливной луговой каймой, т. е. представляетъ такъ называемую «надлуговую террасу». На продолженіи этой террасы по направленію къ Лысымъ горамъ, къ с.-в. отъ города и въ полуверстѣ (мѣстами и ближе) отъ него начинается городской сосновый боръ, въ которомъ расположенъ Жегулевскій курортъ.

II.

Роскошный боръ занимаетъ пространство около двухъ квадратныхъ верстѣ, представляя форму неправильнаго четырехугольника. Отдѣляясь отъ города пустыремъ, а отъ луговъ озеромъ Подборнымъ и другими озерами, съ остальныхъ сторонъ боръ сливается съ сосѣдними лѣсами, казенными и «графскими» (графа Орлова-Давыдова, главнаго владѣльца Жегулей). Лѣса эти, главнымъ образомъ сосновые, тянутся на десятки верстѣ. Оттого воздухъ здѣсь такой ароматичный, легкій, здоровый.

И въ городскомъ бору растутъ исключительно сосны, и только на окраинахъ да на лужайкахъ пробивается лиственная поросль. Сосны средняго возраста, высотой до 10 сажень и больше. Всюду въ бору видны эти могучіе стволы, увѣнчанные иглистой зеленью только на верхушкахъ. Многимъ не нравятся эти ряды однообразныхъ колоннъ желтоватаго тона. Но когда ихъ заливаютъ лучи солнца, особенно на восходѣ и закатѣ, получается прекрасная картина, дающая бодрья, живительныя настроенія. Да и всегда въ этомъ бору-паркѣ, гдѣ деревья разрѣжены, такая масса солнца и свѣта, какой нѣтъ въ запущенныхъ, глухихъ борахъ и тѣмъ болѣе въ лиственныхъ лѣсахъ.

Почва въ бору песчаная, сухая настолько, что черезъ часъ послѣ самыхъ сильныхъ ливней можно идти безъ калошъ. Но, конечно, незначительная лѣсная сырость неизбежна, и оттого дачи строятся съ обязательнымъ подпольемъ, высотой въ аршинъ и больше.

Находясь у подножія лѣвобережныхъ высотъ, ограждающихъ боръ съ запада и сѣвера, какъ съ востока защищаютъ его Жегули праваго берега, боръ укрытъ отъ дѣйствія всѣхъ вѣтровъ, кромѣ южныхъ, приносящихъ тепло.

Соединеніе всѣхъ этихъ условій—ароматическій воздухъ, сухость почвы, отсутствіе вѣтровъ—дѣлаютъ ставропольскій боръ идеальной климатическою станціей, особенно полезней для слабогрудыхъ и вообще для переутомленныхъ организмовъ.

Къ этимъ положительнымъ качествамъ курорта надо еще прибавить живописныя окрестности бора, очень располагающія къ прогулкамъ по сосѣднимъ лѣсамъ и лугамъ, столь благотворно

влияющимъ на здоровье курортныхъ обитателей. Грандіозныя Жегулевскія высоты праваго берега явственно видны съ западныхъ окраинъ бора, но добраться до нихъ не легко: отъ бора до Волги около 5 верстъ, да переѣхать Волгу не всегда удобно и дешево. Но все же экскурсіи туда устраиваются изрѣдка дачниками.

Но и безъ нихъ есть гдѣ разгуляться въ ближайшихъ окрестностяхъ бора. Прилегающій къ нему казенный лѣсъ—излюбленное мѣсто для прогулокъ. Этотъ лѣсъ не такой подчищенный и разрѣженный, какъ въ городскомъ бору, но тѣмъ интереснѣе въ немъ прогулки, и тѣмъ болѣе, что въ лѣсу, кромѣ преобладающей сосны, немало и лиственныхъ деревьевъ. Этотъ лѣсъ, начинаясь на той же «надлуговой террасѣ», на которой расположенъ боръ, постепенно поднимается на высоты Жегулей.

Обогнувши по кунеевской дорогѣ (въ дер. Кунеевку) усадьбу лѣсной стражи (вблизи ея находится посѣщаемый дачниками «Святой колодезь» съ прекрасной ключевой водой), можно выйти на «Лысыя горы», круто обрывающіяся къ луговой каймѣ. Скаты и гребень «горъ» свободны отъ лѣса, благодаря чему отсюда открываются роскошныя виды на Жегули праваго берега и на обширное луговое займище съ его рощами, перелѣсками, озерами, притоками. Высота Лысыхъ горъ не меньше противоположныхъ Жегулей. Въ облачные дни можно иногда наблюдать, какъ высшія точки послѣднихъ купаются въ облакахъ, плывущихъ ниже ихъ.

Изъ казеннаго же лѣса можно подняться на Жегулевскія высоты и ближе Лысыхъ горъ, именно—не доходя лѣсной усадьбы, по поперечной просѣкѣ, круто поднимающейся въ гору съ Кунеевской дороги. Съ высшей точки просѣки можно пройти по лѣснымъ дорогамъ и тропамъ къ «Песчаной горѣ»—другому излюбленному пункту дачныхъ прогулокъ. Съ этой «горы» открываются прекрасныя виды на весь дачный боръ, на разстилающійся за нимъ Ставрополь, на правобережныя Жегули и на волжскую долину выше города.

Тѣ же виды, но въ другихъ очертаніяхъ и съ иными деталями, открываются и на слѣдующихъ дальше къ западу высотахъ, лежащихъ уже надъ самымъ городомъ. За земскою больницей высоты обнажены по пологому скату отъ лѣса. Здѣсь проходитъ «Старая Самарская дорога», идущая дальше, за гребнемъ горы, лѣсомъ. Хороши прогулки и по этой дорогѣ, довольно оживленной, особенно въ базарные дни.

Пологій скатъ у начала самарскаго большака, давно очищенный отъ лѣса, имѣетъ въ полугорѣ остатки какъ бы искусственныхъ валовъ и рововъ. Не здѣсь ли находился Ставропольскій «острогъ», т. е. крѣпость XVIII вѣка?

Въ лѣсу слѣдующихъ за большакомъ высотъ расположенъ санаторій, принадлежащій не городу, а частному лицу. Мыѣ не пришлось тамъ побывать, но общіе отзывы о немъ очень благопрі-

ятные. Находясь въ прекрасномъ сосновомъ бору, не загаженномъ всякаго рода дачными отбросами (какъ въ городскомъ бору), въ благоустроенномъ помѣщеніи, при правильномъ режимѣ, подѣ наблюдениемъ опытнаго врача, санаторій даетъ прекрасные результаты для пациентовъ съ переутомленнымъ организмомъ (больные туберкулезомъ не принимаются). Къ сожалѣнію, санаторій доступенъ лишь для людей съ хорошими достоинствами: полное содержаніе въ мѣсяць обходится отъ 140 до 180 р. Отъ города санаторій лежитъ въ 3 верстахъ.

Кромѣ лѣсныхъ прогулокъ по всѣмъ этимъ Жегулевскимъ высотамъ, очень привлекательны и прогулки по обширнымъ приволжскимъ лугамъ. Здѣсь нѣтъ того однообразія, какое прѣдается въ лѣсу. Луговые поляны смѣняются рощами, перелѣсками, отдѣльными кучами деревъ. Часто встрѣчаются озера разнообразныхъ формъ—то круглыхъ, то продолговатыхъ—остатки волжскихъ рукавовъ, то осѣненные густой лѣсной порослью, то безлѣсныя, но въ рамкѣ луговой зелени. Въ пору сѣнокоса луга очень оживлены людскимъ муравейникомъ косцовъ и даютъ такіе ароматы, какимъ не прочь позавидовать и старый сосновый боръ.

III.

Отъ бора можно лугами пройти до Волги. Въ прямомъ направленіи отъ озера Подборнаго, лежащаго на луговой границѣ бора, будетъ около 3 верстъ, но по проѣзжей дорогѣ отъ паромныхъ пристаней выходитъ около 5 верстъ. Въ этой отдаленности отъ Волги—главный и существенный недостатокъ Ставропольскаго курорта.

Будь онъ на берегу Волги—картина была бы совершенно иная. Волга красить все, съ ней соприкасающееся... Въ курортѣ жилось бы тогда веселѣе, жизнерадостнѣе, шире и ближе къ людямъ. А теперь онъ живетъ какой-то обособленной, замкнутой жизнью, спрятавшись отъ людей въ лѣсной глуши...

Но и помимо этой стороны, много есть практическихъ неудобствъ вслѣдствіе отдаленности курорта отъ Волги. Одно уже знакомство съ ставропольскими извозчиками чего стоитъ!.. Говорятъ, что для нихъ установлена городомъ такса. Можетъ быть, но извозчики ея не признаютъ и дерутъ съ дачниковъ, сколько пожелаютъ. Еще весной они не такъ страшны: паромы тогда пристають къ самому городу, а отъ него рукой подать до курорта. Но лѣтомъ пристани переносятся за 5 верстъ, на пустынный берегъ (есть нѣсколько грязныхъ чайныхъ и лавочекъ), гдѣ извозчиковъ бываетъ мало, и они дорожатся.

Когда я высадился съ парохода въ концѣ іюня, на берегу было всего два извозчика, быстро занятые болѣе опытными дачниками, а на мою долю не было. Матросъ сложилъ мой багажъ на

песочекъ, и я остался въ большомъ недоумѣннн... Къ счастью, къ отвалу парохода повый извозчикъ кого-то подвезъ, и я захватилъ его. Какъ обратный, онъ взялъ съ меня еще милостиво — 80 к. Обычно же они берутъ вдвое больше. Въ концѣ юля и началѣ августа, когда начинается разъѣздъ дачниковъ, за отвозъ на пристань извозчики берутъ 2 рубля и больше, да и достать ихъ трудно, надо заказывать за день-два. Въ обезпеченіе заказа извозчики даютъ заказчику двугривенный вмѣсто своей бляхи.

Получая изрядный доходъ отъ извоза, извозчики имѣютъ еще болѣе крупный заработокъ, какъ комиссіонеры по сдачѣ дачъ. Привезя новаго дачника и устроивши его на извѣстной дачѣ, извозчикъ получаетъ съ поѣздки по 20 коп. и больше съ рубля наемной платы.

Чтобы посбавить извозчицъ аппетиты, а главное, чтобы приблизить курортъ къ Волгѣ и дать дачникамъ возможность купаться въ рѣкѣ, городу слѣдуетъ устроить къ пристанямъ хотя бы конный трамвай. Не Богъ знаетъ какіе расходы на это вполнѣ по карману далеко не бѣднаго Ставрополя. Да и эти расходы живо окупилсь бы, и трамвай скоро сталъ бы доходной статьей города. При дешевомъ проѣздѣ на Волгу всегда была бы масса купальщиковъ на рѣкѣ, особенно при устройствѣ хорошихъ купаленъ. Ѣздили бы туда и любители рѣчного катанія, и экскурсанты въ Жегули, и парходные пассажиры и пр. и пр.

Теперешнее же курортное купанье въ озерѣ Подборномъ — одно издѣвательство надъ дачниками... Узкое и длинное озеро (около двухъ верствъ) только въ большую воду заливается весною, освѣжаясь волжскимъ разливомъ. Но когда вода спадетъ, озеро превращается въ стоячее, со всѣми недостатками болотной воды, которая застаивается, загниваетъ, становится мутной и проч. Даже въ банѣ, расположенной вблизи озера Подборнаго, горячая, т. е. профильтрованная вода издаетъ противный, тошнотворный запахъ...

И вотъ въ этакой застоявшейся водѣ дачники вынуждены купаться... Есть и другія «удобства» на озерѣ... Вмѣсто купаленъ устроены 2 раздѣвальни—женская и мужская, но на весьма близкомъ разстояніи (около 10 сажень), такъ что купающіеся одновременно оба пола могутъ созерцать другъ друга. Тутъ же по берегу идетъ бойкая тропа, по которой вѣчно снуютъ пѣшеходы.

Многіе поэтому предпочитаютъ купаться въ нижней части озера, гдѣ берега болѣе затѣнены кустами и деревьями. Но здѣсь другая бѣда: озеро тутъ очень узкое—до 4 сажень и менѣе, но именно здѣсь любители катаются на лодкахъ, свободно созерцая купающихся...

Словомъ, озеро Подборное, какъ единственное и далеко не гигиеничное мѣсто купанья дачниковъ, одна притча во языцѣхъ... А устрой городъ удобное и дешевое сообщеніе съ Волгой, жалкое озеро совсѣмъ заглохнетъ, предоставленное своимъ кореннымъ обитателямъ—лягушкамъ...

IV.

Природа дала много своихъ даровъ, чтобы сдѣлать Жегулевскій курортъ однимъ изъ лучшихъ и полезнѣйшихъ дачныхъ уголковъ на Волгѣ. Но что же сдѣлали люди—хозяева курорта?.. Пошли ли они навстрѣчу указаніямъ природы? улучшили ли природныя условія? Подняли ли курортъ на значительную высоту?..

Увы! на всѣ эти вопросы приходится давать отрицательные отвѣты... Мы уже видѣли, какъ портитъ курортъ отдаленность отъ Волги и отсутствіе удобныхъ сообщеній съ ней, какъ плохо устроено въ немъ купанье, безъ котораго немислима дачная жизнь. Пойдемъ дальше.

Въ дачномъ бору расположено до 500 дачъ, причемъ многія состоятъ изъ 2—3 домовъ и больше. Для туберкулезныхъ строятся маленькія клѣтушки-«одиночки», напоминающія павильоны для продажи водъ. Такихъ одиночекъ бываетъ на дачѣ до 10 и больше.

Но и остальные дачи, особенно «номера» для одинокихъ дачниковъ, поражаютъ миниатюрными размѣрами комнатъ. Въ сущности ихъ нельзя назвать комнатами: это не большек, акъ одномѣстныя, двумѣстныя и трехмѣстныя каюты... Но, разумѣется, въ курортныхъ каютахъ отсутствуютъ всякія удобства пароходныхъ каютъ: нѣтъ ни вентиляціи, ни умывальниковъ, ни хорошей мебели и проч.

Большинство дачныхъ каютъ занимаютъ не больше квадратной сажени, при высотѣ менѣе сажени, но другія бываютъ и побольше, и повыше. Въ такой клѣтушкѣ стоитъ кровать съ сомнительнымъ древнимъ тюфякомъ, столъ, пара стульевъ да багажъ дачника—и все пространство каюты занято, негдѣ повернуться и одному человѣку...

Что же получается?—днемъ дачники дышатъ прекраснымъ, здоровымъ и ароматнымъ боровымъ воздухомъ, а ночью чуть не задыхаются въ испорченной атмосферѣ закупоренныхъ клѣтушекъ... Кромѣ оконъ, нѣтъ другой вентиляціи, но держать ночью окна открытыми нельзя даже въ очень теплыя ночи, ибо въ бору всегда наблюдается по ночамъ лѣсная свѣжесть. Да, пожалуй, и небезопасно держать окна ночью открытыми, такъ какъ въ курортѣ нѣтъ никакой охраны (какъ увидимъ ниже).

Понятно стремленіе дачевладѣльцевъ настроить побольше клѣтушекъ, чтобы привлечь побольше дачниковъ. Но что же смотреть городское управленіе, разрѣшающее такія возмутительныя, антигигіеничныя постройки? Припоминаю такой разговоръ съ городскимъ г. «уполномоченнымъ», собирающимъ съ дачниковъ рублевый сборъ въ пользу города. Говорю ему:

—Почему городская управа не слѣдитъ за дачными постройками? Вѣдь она ихъ разрѣшаетъ... Полюбуйтесь, въ какихъ клѣтушкахъ мы живемъ!..

— Дѣло ваше... вы сами выбирали...

— Да не изъ чего выбирать!.. Большинство дачныхъ помѣщеній именно такія «каюты», очень вредныя для здоровья...

— Но городъ не можетъ входить въ частности постройки... это дѣло хозяевъ...

— Нѣтъ, это дѣло именно города!.. его прямая обязанность слѣдить за правильностью разрѣшаемыхъ имъ построекъ въ своемъ курортѣ, преслѣдуящемъ лечебныя цѣли...

— Есть у насъ и большія помѣщенія на дачахъ, но они стоятъ дороже...

— Надо позаботиться и о людяхъ средняго и малаго достатковъ, а вѣдь ихъ большинство на вашемъ курортѣ...

— Не можетъ городъ обо всемъ заботиться...

— Обязанъ, разъ затѣялъ такое предпріятіе... Вы сами обезцѣниваете свой курортъ!.. Большинство дачниковъ поживетъ одно лѣто и больше не возвращается, памятуя о всѣхъ «прелестяхъ» курорта...

Таковы взгляды городскихъ заправиль на свое кровное дѣло... Открыли курортъ, кое-что сдѣлали и, успокоившись, махнули рукой, не помышляя ни о какомъ движеніи впередъ...

Центромъ курорта слѣдуетъ признать дачи, группирующіяся на городской окраинѣ бора, вблизи курзала и лавокъ. Здѣсь начали строиться первыя дачи а къ нимъ примыкали послѣдующія. Въ этомъ центрѣ постройки насажены очень густо и опасно въ пожарномъ отношеніи. На остальномъ пространствѣ бора дачи построены довольно рѣдко на разстояніи 10—20 и болѣе саженъ. Но и здѣсь пожарная опасность немалая, благодаря кухнямъ.

При каждой дачѣ кухни ставятся отдѣльно, въ сарайчикахъ самаго примитивнаго типа, съ плохими печами и трубами. Къ кухнямъ непосредственно примыкаютъ «кабинеты уединенія» самаго первобытнаго устройства, отвратительно содержимые и рѣдко очищаемые. Только ставропольское архитектурное искусство додумалось до соединенія подъ одной крышей и въ непосредственномъ сосѣдствѣ такихъ противоположныхъ учреждений...

Кромѣ антигигиеничности, кухни опасны въ пожарномъ отношеніи. Всего больше горятъ въ курортѣ именно плохо устроенныя кухни. Разъ у сосѣдей загорѣлась кухня, но, къ счастью, въ сумерки, когда съ сосѣднихъ дачъ могли сбѣжаться дачники и затушить начавшійся пожаръ не столько водой (ее таскали больше въ кувшинахъ, чѣмъ въ ведрахъ), сколько разломкой кухоннаго сарайчика. А случись пожаръ ночью и въ отсутствіе людей, да еще при вѣтренной погодѣ—быть бы бѣдѣ, и немалой...

Всякій пожаръ въ сосновомъ лѣсу очень опасенъ, благодаря легкой воспламеняемости смолистыхъ сосенъ и старой хвой, покрывающей почву золотымъ ковромъ... А загорись боръ—быть большой катастрофѣ, съ человѣческими жертвами...

Между тѣмъ, въ курортѣ нѣтъ ни пожарныхъ чановъ съ водой, ни самой пожарной команды... Последняя есть въ городѣ, но выѣзжаетъ въ курортъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда — говорятъ горожане—«дымъ отъ пожара поднимается выше сосенъ»... А сосны въ бору 10 и болѣе саженъ...

Но что говорить о пожарныхъ чанахъ, когда дачники страдаютъ даже отъ отсутствія шпьевой воды. Въ самомъ бору нѣтъ ни одного колодца, и воду развозятъ водовозы изъ городскихъ и другихъ колодцевъ. Водовозовъ немного, и они не успѣваютъ удовлетворить всѣ дачи, да и берутъ дорого—по 35 к. за бочку. Хозяйки трясутся надъ водой, «занимаютъ» ее другъ у друга, даже «похищаютъ» въ тиши ночной... А уже какъ онѣ рады дождю, хотя увѣряютъ, что даютъ дачникамъ дождевую воду «только для умыванія»..

До возможности и необходимости имѣть въ курортѣ водопроводъ съ волжской водой городъ еще не додумался... Нѣтъ воды, нѣтъ и приличнаго освѣщенія, ибо таковымъ нельзя считать жалкаго горѣнія керосиновыхъ фонарей. По правиламъ городской, фонарь долженъ горѣть у каждой обитаемой дачи, но это не соблюдается городскими фонарщиками, ибо керосинъ—ходовой матерьялъ и можетъ вездѣ горѣть съ большей пользой, чѣмъ въ лѣсу... А тутъ онъ часто горитъ зря въ свѣтлыя ночи и на утренней зарѣ. Фонарщиковъ же мало, и они не успѣваютъ то зажигать фонари, гдѣ надо, то тушить ихъ, когда надо.

Въ темныя же ночи даже тусклые керосиновые фонари доставляютъ нѣкоторую усладу дачникамъ, знающимъ, что никакой въ сущности охраны они не имѣютъ... Говорятъ: «отъ города полагаются 3 или 4 ночныхъ сторожа»... Это на 500 дачъ!.. Но этихъ стражей нигдѣ и никогда не видно и не слышно. Оно и понятно: разъ 4 стражамъ не мыслимо охранять сразу 500 дачъ, то они резонно предпочитаютъ ничего и никого не охранять... И, пожалуй, они правы: за 1½ мѣсяца на курортѣ случилось всего 2 или 3 кражи—процентъ пустой...

Кромѣ этихъ полумифическихъ существъ, есть уже несомнѣнные агенты городской охраны—два сторожа у выѣздныхъ воротъ курорта (на пристанской и кунеевской дорогахъ). Но это—древнiе старцы, около 70 лѣтъ, еле бродящiе...

Разъ дачники привыкли обходиться безъ внѣшней охраны, городъ рѣшилъ пріучить ихъ и къ отсутствію медицинской помощи.. Ни одного курортнаго врача отъ города не полагается. Земскій врачъ «на дачи не ѣздитъ», а требуетъ привозить больныхъ къ себѣ, въ земскую больницу. Правда, она находится вблизи курорта, но вѣдь не всякій больной выдержитъ и близкую поѣздку...

Дачникамъ приходится обращаться то къ земскимъ фельдшерамъ, то къ вольнопрактикующимъ врачамъ. Среди послѣднихъ были и хорошіе врачи, и... чересчуръ промышленные... Одинъ врачъ

содержитъ номера... Въ объявленіи другого врача читаемъ, что онъ и «больныхъ принимаетъ», и «сдаетъ дачки»...

Въ курортѣ есть нѣсколько кумысныхъ заведеній, содержащихъ татарами и русскими. Но изъ нихъ только одно находится «подъ наблюденіемъ врача», а остальные обходятся безъ него... И дачники вѣчно жалуются на чрезвычайное разнообразіе кумыса: то онъ бываетъ хорошъ, то сносенъ, то совсѣмъ плохъ... Да и помимо искусства приготовления, здѣшній кумысъ далеко не такъ полезенъ, какъ въ башкирскихъ степяхъ, ибо подъ Ставрополемъ нѣтъ ни ковыльныхъ степей, ни тамошнихъ кобылицъ.

V.

За всѣ «удобства» ставропольскаго курорта дачники расплачиваются не дешево. Помѣсячная плата допускается еще въ началѣ сезона (онъ считается съ 15 мая по 15 августа), когда хозяйки рассчитываютъ, что дачникъ проживетъ мѣсяць и уѣдетъ, а его комната снова пойдетъ въ оборотъ. Обычно же плата берется «за сезонъ», хоть бы вы пріѣхали въ половинѣ его и позже. И тогда за маленькую клѣткушку приходится платить отъ 15 р. до 30 р., а за комнату побольше—40—50 р. Цѣлыя же дачи оцѣниваются уже въ сотни рублей.

Хозяйки номеровъ содержатъ и «столовые», гдѣ за обѣдъ берутъ изъ 2—3 блюдъ по 20 рублей въ мѣсяць и кормятъ довольно порядочно. Семейные люди больше держатъ свою прислугу и сами кормятся, благо къ ихъ услугамъ ежедневный базаръ въ чертѣ курорта (большой базаръ въ городѣ разъ въ недѣлю) и нѣсколько лавокъ (лучшая—общества потребителей)..

Можно обѣдать и въ городскомъ курзалѣ. По вечерамъ здѣсь играетъ небольшой, но довольно приличный оркестръ, устраиваются спектакли и концерты пріѣзжими актерами и мѣстными любителями, до войны бывали танцевальные вечера и проч. Это главный сборный пунктъ для курортной публики, не умѣющей проводить время безъ курзальныхъ развлеченій.

Курзалъ построенъ частнымъ лицомъ, но потомъ пріобрѣтенъ городомъ и имъ содержится на «рублевый» сборъ съ дачниковъ. Я пріѣхалъ въ концѣ іюня, и на моей квитанціи по этому сбору стоялъ № 527. Немало было пріѣзжихъ и въ іюль, и даже въ августѣ. Вѣроятно, сборъ достигъ тысячи рублей. Но онъ велся крайне небрежно: изъ 9 обитателей нашей дачи только 5 уплатили рублевый сборъ, а 4 уклонились и были пропущены г. уполномоченнымъ по сбору...

Въ «квитанціи ставропольской городской управы» сказано, что сборъ взимается «въ доходъ города на благоустройство и улучшеніе гигиеническихъ и санитарныхъ условій дачной мѣстности и для доставленія удобствъ и развлеченій пріѣзжающимъ на дачи».

Мы видѣли, насколько городъ подавленъ заботами о «благоустройствѣ» своего курорта... Прошлымъ лѣтомъ, впрочемъ, дачники сказали большое спасибо за открытіе почтоваго отдѣленія въ курортѣ. А, можетъ быть, тутъ городъ и не повиненъ?..

Разумѣется, на рублевый сборъ многого не сдѣлаешь. Но у города есть другіе, гораздо большіе доходы съ курорта. Съ каждой дачи, построенной на городской землѣ, городъ взимаетъ отъ 15 до 30 р. и выше, смотря по размѣрамъ дачи. Именно, съ квадратной сажени обитаемаго помѣщенія берется полтора рубля, а съ нежилыхъ (веранды, коридоры, кухни и т. п.) 75 к.

Оказывается такимъ образомъ, что именно городъ виноватъ въ тѣснотѣ дачныхъ построекъ, благодаря такой системѣ налога. Разъ имъ обложена площадь дачъ, то естественно, что дачевладѣльцы выгадываютъ при постройкѣ каждый вершокъ, чтобы поменьше платить городу... Очевидно, необходимо измѣнить эту систему обложенія, можетъ быть, и справедливую въ принципѣ, но весьма неудобную для развитія курорта.

Съ 500 дачъ городъ получаетъ болѣе 10 тысячъ, а на такую сумму легко сдѣлать курортъ, какъ игрушку... При томъ же, Ставрополь, владѣющій значительнымъ количествомъ лѣса и луговъ, далеко не бѣдный городъ. Ежегодныя вырубкі городскихъ лѣсовъ и сдача въ аренду прекрасныхъ приволжскихъ луговъ (по 25 р. съ десятины) даютъ городу не одинъ десятокъ тысячъ. А городъ такъ жалокъ... а курортъ падаетъ все ниже и ниже.. Деньги должны быть у города, и наличныя, и «денегъ нѣтъ», какъ всегда утверждаетъ городская управа, когда приходится ей раскошелиться...

Очень-очень жаль будетъ, если ставропольская дума и дальше будетъ также отрицательно относиться къ своему курорту и не позаботится о его развитіи и движеніи впередъ... Жегулевскій курортъ заслуживаетъ наилучшей участи и въ умѣлыхъ рукахъ можетъ достигъ блестящей будущности, какъ одна изъ лучшихъ климатическихъ станцій, творящихъ чудеса.

Даже теперь, при всей своей заброшенности, неупорядоченности, неуютности и многихъ другихъ отрицательныхъ качествахъ, курортъ въ Жегуляхъ, благодаря прекраснымъ природнымъ условіямъ, дѣлаетъ именно чудеса, восстанавливая пошатнувшіеся человѣческіе организмы. За два слишкомъ мѣсяца изъ состава дачниковъ болѣе тысячи человѣкъ умерло менѣе десяти, да и тѣ были изъ безнадежно больныхъ, прибывшихъ въ курортъ въ послѣднихъ градусахъ чахотки. Всѣ же остальные дачники, прожившіе даже краткіе сроки, въ 2—3 недѣли, скажутъ курорту великое спасибо за восстановленныя силы. Такиъ могуче и живительно вліяніе природы въ Жегуляхъ!..

Н. Н. Оглоблинъ.

ВЪ ГССТЯХЪ У АВСТРАЛІЙЦЕВЪ.

I.

Неожиданное рѣшеніе.—Отъѣздъ.—Первое знакомство съ «Эврипидомъ».—Тенерифъ.

ВЪ ДЕКАБРЬ 1913 года я получилъ письмо, въ которомъ мой товарищъ по специальности, профессоръ Шеффилдскаго университета Гринъ, просилъ меня какъ можно скорѣе отвѣтить на вопросъ: не хочу ли я съѣздить въ Австралію?...

Въ письмѣ выяснились обстоятельства дѣла. «Британская ассоціація научнаго прогресса» (British Association for advancement of science), организующая ежегодные съѣзды въ различныхъ пунктахъ Британской имперіи, рѣшила устроить свой очередной съѣздъ 1914 года въ Австраліи. Задача этого конгресса, какъ и всѣхъ предыдущихъ, должна была заключаться въ томъ, чтобы, объединяя англійскихъ ученыхъ разныхъ специальностей, содѣйствовать организациі разнообразныхъ научныхъ работъ и пробужденію научныхъ стремленій въ отдѣльныхъ лицахъ и общественныхъ группахъ. Австралійское правительство, извѣщенное объ этомъ, предложило всѣмъ членамъ Британской ассоціаціи, имѣвшимъ намѣреніе пріѣхать въ Австралію, свое полное гостепримство и при этомъ высказало пожеланіе, чтобы изъ Европы на конгрессъ были приглашены два специалиста по вопросамъ воспитанія. Всѣ путевые расходы, связанные съ этимъ приглашеніемъ, Австралія принимала на себя. Предварительный выборъ Британской ассоціаціи

паль, между прочимъ, на меня, и, въ случаѣ согласія ѣхать, я долженъ былъ сдѣлать въ Сиднеѣ докладъ о русской экспериментальной педагогикѣ въ связи съ общимъ положеніемъ вопросовъ воспитанія въ современной Россіи.

Два чувства рѣзко выступили въ моей душѣ, когда я читалъ это письмо—большой радости и тайнаго страха. Мнѣ было радостно за свое любимое дѣло, которое находило себѣ такое цѣнное признаніе. Мнѣ казались потускнѣвшими всѣ трудности и горести упорной борьбы за педагогическую науку въ Россіи. Но въ то же время сердце невольно замирало при мысли о далекихъ блужданіяхъ по безбрежному и бурному океану, въ непривычной обстановкѣ, среди чужихъ людей, безъ возможности вернуться назадъ, когда хочешь. Однако надо было рѣшиться—и я далъ телеграмму о своемъ согласіи.

3-го іюня 1914 года съ англійскимъ пароходомъ «Ковно» я выѣхалъ изъ Петербурга въ Гуль. Конечно, и въ голову тогда не приходило, что вернуться въ «Петербургъ» мнѣ уже не придется.

Пять сутокъ непрерывнаго плаванія по Балтійскому и Сѣверному морямъ были сплошнымъ удовольствіемъ.

8-го іюня въ 5 часовъ утра мы были въ Гулѣ. Здѣсь меня ждала встрѣча съ профессоромъ Гриномъ, который, какъ оказалось, еще съ вечера выѣхалъ изъ Шеффилда, чтобы захватить меня къ себѣ въ гости.

Проведя нѣсколько дней въ Шеффилдѣ, я уѣхалъ въ Лондонъ.

На 18-е іюня былъ назначенъ отходъ нашего парохода въ Австралію.

Пристань, отъ которой долженъ былъ отойти нашъ пароходъ, находилась въ тридцати верстахъ отъ Лондона. Это разстояніе мы быстро проѣхали въ поѣздѣ и черезъ нѣсколько минутъ очутились на обширной площади, наполненной народомъ. Передъ нами стоялъ небольшой пароходъ «Карлотта», который долженъ былъ доставить насъ къ «Эврипиду». Былъ свѣжій солнечный день, вѣтеръ дулъ навстрѣчу, и нашъ пароходикъ весело покачивался. Мы съ любопытствомъ наставили бинокли на неподвижно возвышавшагося гиганта, которому намъ предстояло теперь довѣрить свою жизнь. Это былъ пловучій шестизэтажный домъ, передъ которымъ окружавшія его многочисленныя баржи и лодки казались дѣтскими игрушками. По спущеннымъ лѣстницамъ мы поднялись на палубу и предъявили билеты.

Весь пароходъ былъ въ движеніи. Пассажиры размѣщались по каютамъ, бѣгло осматривали обширную столовую, уютныя гостиныя съ удобною мебелью, обитой зеленымъ бархатомъ, и размѣщенными по угламъ небольшими письменными столиками, большую курительную съ темными кожаными диванами и такими же глубокими креслами, небольшой гимнастическій залъ съ радомъ

аппаратовъ для упражненія въ греблѣ, велосипедной ѣздѣ, катаньѣ верхомъ и боксѣ, широкія палубы и сверкающія мраморной бѣлизной ванны. На пароходѣ было много провожающихъ, но ни одного грустнаго лица. Совершенно не вѣрилось, что этотъ пароходъ сейчасъ поѣдетъ въ Австралію. Казалось, что мы просто должны совершить небольшую прогулку. Но вотъ постепенно провожающая публика перешла на маленькій пароходъ, лѣстницы подняты, на «Эврипидѣ» заигралъ небольшой оркестръ, и лодки, стоявшія у парохода, начали постепенно удаляться. «Эврипидъ» не дрогнулъ, не поколебался, но мимо него направо медленно поплыла пристань, а за нею еще медленнѣе стали извиваться берега Англіи. Наше путешествіе началось.

Спустившись съ палубы по длинному коридору, покрытому мягкимъ ковромъ, я дошелъ до своей каюты. Это была высокая комната съ двумя койками, помѣщенными одна надъ другой, диваномъ, двумя мраморными умывальниками, зеркальнымъ шкапомъ для платья и небольшимъ комодомъ. Весь полъ былъ закрытъ свѣжлмъ ковромъ. Красное дерево, которымъ была отдѣлана каюта, блестѣло, какъ стекло. «Эврипидъ» совершалъ свой первый рейсъ.

На другой день мы ненадолго остановились у Плимута, откуда намъ привезли почту. Затѣмъ берега Англіи окончательно скрылись, и мы вышли въ открытый океанъ. Послѣ двухъ дней едва замѣтной качки наступили тихіе, ясные дни. Со всѣхъ сторонъ разстилалась голубая ширь и почти совсѣмъ не было видно судовъ. Ни признака берега, ни малѣйшей дрожи на палубѣ. Временами совсѣмъ не вѣрилось, что мы ѣдемъ, но каждый полдень на картѣ, помѣщенной у входа въ столовую, краснымъ кружкомъ отмѣчалось положеніе парохода, и мы должны были вѣрить, что сегодня за этимъ горизонтомъ скрываются берега Франціи, завтра тамъ будетъ Испанія, а затѣмъ и Африка.

Вечеромъ на пятый день плаванія мы подѣхали къ острову Teneriffe. Послѣднія лучи солнца освѣщали краснымъ свѣтомъ невысокія цѣпи холмовъ, покрытыхъ лѣсами. Солнце быстро заходило и скоро вдали, за глубокимъ изгибомъ берега, стали зажигаться веселые огоньки. На небольшой моторной лодкѣ, сильно качавшейся во всѣ стороны, мы подѣхали къ берегу, и, только выйдя на широкую площадь, гладко вымощенную и украшенную тропическими деревьями, съ открытыми лавками, надъ которыми пестрѣли испанскія вывѣски, среди ярко одѣтой толпы, безпкойной и шумной, вдыхая теплый воздухъ ароматнаго, почти тропическаго лѣта, я не только отвлеченно повѣрилъ, но всѣмъ своимъ существомъ почувствовалъ, что я теперь дѣйствительно въ другомъ краю. Къ сожалѣнію, наше пребываніе на Teneriffe было очень кратковременно. Всего на всего мы провели тамъ около трехъ часовъ.

Пароходъ протяжно загудѣлъ, требуя къ себѣ пассажировъ. Палуба парохода была запружена продавцами кружевъ, вышивокъ, раковинъ и сигаръ. Эта мелкая торговля шла очень бойко, пока не былъ данъ сигналъ къ очищенію парохода. Быстро стали убираться товары, паскоро заключались послѣднія сдѣлки, торопливо спускались люди по длиннымъ лѣстницамъ въ маленькія лодки. Пароходъ загудѣлъ въ послѣдній разъ, и огоньки Тенерифа стали медленно блѣднѣть и теряться въ темнотѣ. Утомленные пассажиры разошлись по каютамъ. Верхняя палуба, сіявшая сотнею электрическихъ лампочекъ, стала темнѣть. Только кое-гдѣ у входа въ каюту держались одинокіе огоньки. Было тихо. Яркія звѣзды выступили

Главная улица въ Аделаидѣ.

на небѣ, и очертанія далекихъ облаковъ на горизонтѣ легли надъ водою рѣзкимъ и тяжелымъ узоромъ. Почернѣвшій океанъ казался совсѣмъ маленькимъ озеромъ, крѣпко сжатымъ со всѣхъ сторонъ несокрушимымъ кольцомъ какихъ-то причудливыхъ черныхъ скалъ, въ беспорядкѣ громоздившихся одна на другую, другъ на друга и закрывавшихъ его отъ свѣта. Отъ Тенерифа до Кэптауна намъ надо было ѣхать двѣ недѣли безъ остановки. За это время мы ни разу не видѣли берега и встрѣтили только одинъ пароходъ. Океанъ все время былъ покоенъ, и яркое солнце сіяло цѣлый день. Отрѣзанный отъ остальнаго міра, среди безбрежнаго простора и ласкающаго свѣта, гдѣ такъ хотѣлось свободно дышать и мало думать, пароходъ жила своею полной жизнью. Дни шли за днями, со спокойной точностью повторяя другъ друга.

29-го іюня около 3 часовъ дня мы пересѣкли экваторъ. Было тихо и жарко, хотя, впрочемъ, температура въ тѣни не достигала и 40 градусовъ по Реомюру. Въ бѣлыхъ тропическихъ костюмахъ, при быстромъ движеніи парохода, на палубѣ, хорошо защищенной отъ солнца, было совсѣмъ нетрудно переносить эту жару. Но въ глубокихъ колодцахъ машиннаго отдѣленія «Эврипида», среди раскаленныхъ паровыхъ котловъ и равномерно движущихся поршней было очень тяжело, и за два дня до перехода черезъ экваторъ одинъ 48-лѣтній машинистъ внезапно умеръ отъ паралича сердца. Это случилось около 7 часовъ вечера, передъ самымъ нашимъ обѣдомъ, а черезъ 3 часа послѣ этого уже состоялся обычный на пароходѣ обрядъ погребенія: свѣжій трупъ былъ спущенъ въ воды океана.

Мнѣ много разъ приходилось слышать, что при переходѣ черезъ экваторъ на океанскихъ пароходахъ происходитъ своеобразный обрядъ «крещенія» тѣхъ, кто первый разъ покидаетъ сѣверное полушаріе. На нашемъ пароходѣ это торжество океанское приняло видъ своеобразнаго дѣтскаго праздника, чего-то вродѣ океанской елки для пассажировъ третьяго класса. Наканунѣ перехода черезъ экваторъ на палубѣ третьяго класса была разложена гора сладостей и дѣтскихъ игрушекъ. При восторженныхъ крикахъ дѣтишекъ на палубѣ появился матросъ въ балаганномъ костюмѣ Нептуна съ длинной бородой и нарумяненнымъ лицомъ, въ бумажной золотой коронѣ, съ толстымъ подвязаннымъ животомъ и грубо сдѣланнымъ трезубцемъ. Его сопровождали два ассистента изъ матросовъ, наряженные въ желтые балахоны. Спутники Нептуна по списку громко выкликали имена дѣтей, а морской царь собственноручно раздавалъ игрушки и сласти.

II.

На югѣ Африки.—Въ Индійскомъ океанѣ.—У береговъ Австраліи.—Пріѣздъ въ Южную Австралію.

При выходѣ изъ-подъ тропиковъ жаркое лѣто быстро стало смѣняться теплою осенью. Скоро бѣлые костюмы пришлось замѣнить шерстяными. По вечерамъ становилось прохладно, а когда нашъ пароходъ сталъ приближаться къ югу Африки, то многія дамы, вспоминая, что теперь мы вступаемъ уже въ періодъ зимы, стали по вечерамъ показываться на палубѣ въ мѣховыхъ накидкахъ. 7-го іюля мы пріѣхали въ Кейтоунъ.

Въ этотъ день я проснулся въ половинѣ восьмого утра. Пароходъ стоялъ. Вскочивъ съ постели, я бросился къ окну. Было совсѣмъ темно, и невозможно было различить ничего, похожего на берегъ. Но вотъ показались первые слабые лучи солнца, и вдалекѣ обрисовались рѣзкіе силуэты африканскихъ горъ. Берега еще со-

всѣмъ нельзя было различить, и подножія горъ сливались съ чернымъ океаномъ. Розовый фонъ, на которомъ выступалъ этотъ рисунокъ, постепенно краснѣлъ, и горы стали выпуклыми, легкими, какъ будто прозрачными. Около нихъ на лодкахъ и пароходахъ зажглись огоньки, и передъ нами изъ-подъ предразсвѣтной мглы постепенно выступила красивая панорама Кэптоуна. Въ это время «Эврипидъ», стоявшій недалеко отъ гавани, началъ медленно въ нее входить.

Быстро позавтракавъ, мы отправились на берегъ. Со мной были профессоръ Гринъ и шотландскій докторъ Лодеръ. У самой пристани къ намъ подошелъ какой-то старичекъ (какъ потомъ оказалось, одинъ изъ мѣстныхъ коммерсантовъ) и, любезно раскланявшись, спросилъ, не состоимъ ли мы членами Британской ассоціаціи. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ просилъ насъ быть его гостями и предложилъ сѣсть въ превосходный автомобиль. Мы сѣли и съ головокружительной быстротой понеслись впередъ. Передъ нами открылись виды, очень напоминающіе южный берегъ Крыма; только вмѣсто татаръ постоянно попадались навстрѣчу негры, пѣшкомъ и въ повозкахъ, съ ношами на головѣ и съ курчавыми дѣтишками на рукахъ. Мы неслись, какъ сумасшедшіе, не успѣвая не только вдоволь насладиться интереснымъ и красивымъ зрѣлищемъ новой страны, но даже хотя бы хорошенько разглядѣть мелькавшія мимо насъ картины. Несмотря на зимнее время и бурный потокъ воздуха, несшійся навстрѣчу нашему автомобилю, яркое солнце сильно палило. Уставши придерживать руками свои соломенные шляпы, мы рѣшили ѣхать съ открытой головой. Это оказалось очень удобнымъ. Теплота солнца и сильный вѣтеръ взаимно парализовали другъ друга.

Сначала мы промчались до самой вершины одной изъ кэптоунскихъ горъ. Дорога была превосходная, хотя и очень узкая. Стѣва отъ насъ возвышалась отвѣсная скала, мѣстами покрытая кустарниками и густою травою, а вправо виднѣлась глубокая пропасть, невольнo заставлявшая замирать сердце. Съ вершины горы мы спустились въ долину и немного прошли среди дикихъ кустарниковъ, срывая себѣ на память тяжелыя красныя и лиловыя шапки невѣданныхъ прежде цвѣтовъ. Потомъ мы опять покатали. Точно въ гигантскомъ кинематографѣ, передъ нами смѣнялись открытыя пространства съ широкимъ видомъ на море и волнами, плещущимися почти у самыхъ ногъ, тѣнистыя лѣсочки съ громадными деревьями, низенькими домами съ небольшими садами и апельсиновыми деревьями, полными фруктовъ, живописныя негритянскія деревни, школы съ толпой оживленныхъ черныхъ ребятшекъ, памятники, желѣзнодорожныя станціи, ряды прекрасныхъ, чисто европейскихъ магазиновъ, хорошо оборудованные трамваи, блестящія улицы и совсѣмъ еще дикія незаселенныя мѣста, гдѣ негры изъ тюремъ

прокладываютъ первыя дороги. Такъ мы металнсь съ половины девятаго утра и до 12 часовъ, съ часа и до четырехъ. Въ промежутокъ между этой ѣздой нашъ любезный хозяинъ угостилъ насъ ленчемъ въ одномъ изъ первоклассныхъ кэптоушскихъ отелей, гдѣ намъ прислуживали чернокожія горничныя.

Около пяти часовъ, передъ закатомъ солнца, «Эврипидъ» тронулся дальше.

Индійскій океанъ встрѣтилъ насъ бурей. При поворотѣ отъ мыса Доброй Надежды къ востоку пароходъ впервые послѣ долгаго покоя началъ прыгать и качаться. Каюты наполнились скрипомъ, со столовъ летѣла посуда, и люди ходили по коридорамъ и палубамъ, шатаясь, какъ пьяные. Когда въ первый день качки я выразилъ опасеніе, что къ ночи буря, пожалуй, еще усилится, то матросъ, прислуживавшій въ нашей каютѣ, меня успокоилъ: «Не бойтесь, ничего особеннаго не будетъ, это всегда ужъ такъ въ этомъ мѣсяцѣ: какъ повернемъ отъ Африки, такъ до самой Австраліи и будемъ качаться».

При мысли, что придется непрерывно качаться двѣ недѣли, сначала стало жутко, но черезъ какихъ-нибудь два дня мы уже недурно освоились съ нашимъ новымъ состояніемъ. Вѣчное качанье изъ стороны въ сторону, усиленный контроль надъ собственными ногами во время ходьбы и непроизвольное переворачиванье съ боку на бокъ во время сна казались намъ уже совершенно естественными явленіями. Качка продолжалась, то нѣсколько стихая, то доходя до размѣровъ самой жестокой бури, когда волны захлестывали за нашу верхнюю палубу. При этомъ дулъ довольно рѣзкій вѣтеръ; заставлявшій насъ кутаться въ теплыя пальто и пледы. Предсказаніе матроса оказалось вѣрнымъ, и мы до самой Австраліи жили, какъ на качеляхъ. Однако постепенно пароходная жизнь, нѣсколько нарушенная въ первые дни, стала принимать свои обычныя формы, и у насъ возобновились не только всевозможныя игры на палубѣ, но даже концерты и танцы. Нашлись особые любители бури, которые увѣряли, что они никогда въ жизни себя не чувствовали такъ хорошо, какъ въ эти дни.

Въ числѣ новыхъ знакомствъ, завязавшихся у меня послѣ Кэптоуна, было между прочимъ знакомство съ молодымъ нѣмецкимъ этнографомъ Гребнеромъ. Онъ тоже былъ приглашенъ Британскою ассоціаціей на австралійскій конгрессъ и ѣхалъ съ нами отъ Лондона. Но мои англійскіе друзья все время удерживали меня отъ знакомства съ нѣмцемъ, указывая, что мнѣ необходимо пользоваться обстоятельствами и говорить исключительно по-англійски. Однако въ концѣ концовъ знакомство состоялось. Мы сразу какъ-то сошлись съ этимъ живымъ и разносторонне образованнымъ человекомъ, тѣмъ болѣе, что у насъ оказались общіе знакомые въ нѣмецкихъ университетахъ. Постепенно у насъ вошло въ обычай каждый

день послѣ обѣда проводить вмѣстѣ часа два за чашкой кофе или кружкой пива въ самой непришуденной, чисто російской бесѣдѣ.

Помню какъ-то разъ зашелъ у меня съ Гребнеромъ и разговоръ о войнѣ, конечно, не о войнѣ Россіи съ Германіей, такъ какъ объ этомъ намъ даже не снилось, а просто о значеніи войны въ исторіи народовъ. Гребнеръ называлъ войны «нравственной дезинфекціей» и доказывалъ, что войны являются могучимъ орудіемъ прогресса. Я стоялъ на другой точкѣ зрѣнія. Споръ былъ горячій, и, вернувшись въ свою каюту, я невольно подѣлился его впечатлѣніями съ моимъ сосѣдомъ. «Ахъ, эти нѣмцы!—воскликнулъ онъ:—весь

Ботаническій садъ въ Аделаидѣ.

воздухъ пропитанъ у нихъ милитаризмомъ, даже такихъ людей, какъ Гребнеръ, и то захватило».

18-го іюля мы получили по безпроводному телеграфу краткое сообщеніе о томъ, что Австрія объявила войну Сербіи. На пароходѣ поднялось большое волненіе. Стали высказывать опасенія, что это событіе можетъ послужить сигналомъ къ общевропейской войнѣ. Просторъ для догадокъ былъ большой, такъ какъ мы уже 11 дней не имѣли никакихъ извѣстій изъ Европы, а послѣднія газеты, прочитанныя нами въ Африкѣ, не давали никакихъ основаній къ большимъ тревогамъ. Рано утромъ 20-го іюля (т. е. по европейскому времени еще вечеромъ 19-го) капитанъ получилъ теле-

грамму о мобилизаціи Россіи и Германіи, а также о союзѣ, заключенномъ между Россіей и Англійей, которая уже послала свой флотъ въ Нѣмецкое море. Это случилось какъ разъ въ воскресенье, и утренняя служба прошла въ приподнятомъ настроеніи духа. По окончаніи богослуженія многіе мнѣ пожимали руку, выражая особую радость по поводу союза съ Россіей. Докторъ Гребнеръ совсѣмъ пріунылъ и рѣшилъ, немедленно же по прибытіи въ Австралію, первымъ пароходомъ уѣхать домой. Онъ сильно беспокоился за свою семью и уже ничего не говорилъ «о моральной дезинфекціи». Не могу сказать, чтобы и на моей душѣ было легко. Вечеромъ 21-го іюля пришло извѣстіе о войнѣ Россіи съ Германіей. Впечатлѣніе было ошеломляющее, такъ какъ до послѣдняго времени всѣ надѣялись, что заключеніе англо-русскаго союза заставитъ Германію и Австрію быть осторожными.

Передъ телеграммой, выставленной при входѣ въ столовую, толпился народъ, по нѣскольку разъ перечитывая и комментируя три выразительныхъ слова: «Германія объявила войну». По палубѣ въ широкой крылаткѣ, съ длинной сигарой въ рукахъ расхаживалъ профессоръ Перри и, тряся своей курчавой головой, съ убѣжденіемъ отчеканивалъ: «Никакой войны нѣтъ. Это просто биржевая спекуляція». Встрѣтились съ Гребнеромъ. «Вотъ вамъ и традиціонная дружба Германіи»,—сказалъ я.—«Что дѣлать, мы давно ждали, что Россія нападетъ на насъ. Такъ оно и случилось». Я горячо заспорилъ, доказывая, что у насъ теперь и безъ войны дѣла очень много, что русскій народъ миролюбивъ, и думать о захватѣ новыхъ земель намъ нечего: Россія и безъ того достаточно велика. Гребнера это не убѣждало. «Такъ думаете вы, такъ, можетъ быть, думаетъ ваше общество, но русское правительство, очевидно, настроено иначе. Согласитесь, что не могла же Германія сама полѣзть на такую войну!»

Утромъ 22-го іюля на 35 день нашего плаванія вдали показались холмистые берега Австраліи. Сколько живого интереса, сколько радостныхъ волненій должны были бы они вызвать у насъ въ другое время! А теперь все отравлялось сознаніемъ великаго несчастья, случившагося съ родиной. Хотѣлось быть не въ Австраліи, а тамъ, на другомъ концѣ земли, среди своихъ. Было даже какъ-то стыдно отдаваться впечатлѣніямъ мирной жизни, когда тамъ тревога и борьба.

Мы подъѣзжали къ Альбани, небольшому порту на южномъ берегу Западной Австраліи. Здѣсь предполагалась только небольшая остановка для того, чтобы потомъ слѣдовать въ Аделаиду.

Когда мы стали приближаться къ гавани, то навстрѣчу нашему пароходу подъѣхала лодка съ австралійскими чиновниками. Это была санитарная комиссія. Всѣ пассажиры должны были подвергнуться ея осмотру. Впрочемъ, этотъ осмотръ оказался болѣе чѣмъ формальнымъ. Пароходный врачъ сдѣлалъ докладъ о состояніи пассажировъ, послѣ чего всѣ мы должны были быстро пройти другъ за дру-

гомъ мимо австралійскаго чиновника, который считалъ насъ, не спрашивая не только нашихъ документовъ, но даже нашихъ фамилій.

Переѣхавъ на буксирномъ пароходикѣ на берегъ, мы пошли по небольшой улицѣ съ низенькими, рѣдко разставленными домиками разнообразной архитектуры, съ ажурными металлическими украшениями на подъѣздахъ и балкончикахъ. Хотя былъ уже конецъ австралійской зимы, но тѣмъ не менѣе въ палисадникахъ можно было видѣть цвѣты, а въ промежуткахъ между домами много зеленыхъ деревьевъ. Жирныя листья эвкалиптовъ казались только что распустившимися. Конечно, мы прежде всего бросились за газетами. Тамъ были описаны первыя схватки между русскими и нѣмецкими войсками, и говорилось о побѣдѣ германцевъ. На почтѣ отказались принять мою телеграмму съ обычнымъ условнымъ адресомъ. Пришлось писать подробно, и въ концѣ концовъ заплатить за одно слово «здоровъ» 16 рублей. Отъ Гребнера вовсе не приняли ни телеграммы, ни писемъ, предупредивъ, что всякія почтовые сношенія между Германіей и Австраліей на время войны прекращены.

Насталъ послѣдній вечеръ на «Эврипидѣ», посвященный прощальнымъ разговорамъ съ тѣми, кто ѣхалъ дальше. На утро рангъ пароходъ остановился у береговъ Южной Австраліи. Въ это время на палубѣ третьяго класса раздался громкій крикъ «ура!» Только что было получено извѣстіе о томъ, что и Англія вступила въ войну. Весь пароходъ оживился, англичане пожимали мнѣ руку, и я чувствовалъ, что на сердцѣ становится легче. А Гребнеръ былъ совсѣмъ разстроены. Красный и потный, онъ одиноко шаталъ по палубѣ, безпокойно глядя куда-то вдаль.

Въ 4 часа на пароходъ явились представители аделандскаго университета: крѣпкій старикъ съ длинными сѣдыми усами— профессоръ Стирлингъ и сухощавый, маленькій, совершенно бритый профессоръ Мерчель. Они привѣтствовали членовъ Британской ассоціаціи и обмѣнялись съ каждымъ изъ насъ визитными карточками. Вслѣдъ за университетской депутаціей на пароходъ вошли австралійскіе чиновники, вручившіе каждому изъ членовъ австралійскаго конгресса почетный билетъ на право бесплатнаго проѣзда въ первомъ классѣ по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ Австраліи.

Городъ Аделаида расположенъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ порта. Поэтому, сойдя съ «Эврипида», мы должны были сѣсть въ приготовленный для насъ экстренный поѣздъ. Въ послѣдній разъ взглянули мы издалека на темныя очертанія «Эврипида» и крѣпко пожали руку любезно провожавшему насъ капитану. Пока мы ѣхали въ вагонѣ, солнце зашло, и Аделаиду намъ пришлось увидѣть въ сумеркахъ вечера. Автомобиль ровно катился по гладкимъ и широкимъ улицамъ. Среди бѣлыхъ невысокихъ домовъ, окруженныхъ нерѣдко садами, легко и свободно дышалось. Было какъ-то уютно и весело.

Еще въ Лондонѣ я получилъ письмо отъ директора аделаидскаго ботаническаго сада, доктора Гольтце, который приглашалъ меня остановиться въ его домѣ. Ботаническій садъ примыкаетъ къ одной изъ главныхъ улицъ города. При входѣ въ небольшой дворъ, расположенный передъ домикомъ директора, я встрѣтилъ сухощаваго старика, ѣхавшаго на велосипедѣ. Это былъ 76-лѣтній Гольтце. Онъ назвалъ мою фамилію и, сойдя съ велосипеда, дружески потрясъ мою руку. Когда мы обмѣнялись нѣсколькими англійскими фразами, онъ вдругъ неожиданно произнесъ по-русски: «А вотъ, моя жена». Съ крыльца спускалась привѣтливо улыбающаяся старушка. «Милости просимъ,—сказала она по-русски:—очень рады васъ видѣть, мы хотѣли сдѣлать вамъ сюрпризъ, и мой мужъ нарочно не написалъ, что я—русская». Послѣ почти двухмѣсячнаго воздержанія отъ родной рѣчи имѣть возможность заговорить по-русски было дѣйствительно большимъ удовольствіемъ, и скромная квартирка моихъ новыхъ знакомыхъ мнѣ сразу показалась какой-то родной и уютной. Меня проводили во второй этажъ, гдѣ въ мое распоряженіе была предоставлена большая и очень мило обставленная комната съ окнами, выходившими прямо въ ботаническій садъ. Въ раскрытыя окна свѣтила луна, и вѣялъ сладкій запахъ эвкалиптовъ. Спустившись внизъ въ столовую, я познакомился съ внукомъ Гольтце, милымъ молодымъ человекомъ, преподавателемъ химіи въ технической школѣ, готовившимся къ званію привать-доцента аделаидскаго университета. Мы всѣ усѣлись за ужинъ. У моего прибора лежалъ желтый букетикъ мимозы, національнаго австралійскаго цвѣтка, который неизмѣнно можно видѣть во всѣхъ торжественныхъ пріемахъ, въ вазахъ, украшающихъ столы, въ гирляндахъ на стѣнахъ, на платьяхъ дамъ и въ петлицахъ фраковъ.

Мой первый австралійскій вечеръ прошелъ въ бесѣдѣ съ моими милыми хозяевами. Еще 50 лѣтъ тому назадъ докторъ Гольтце покинулъ свою родину, Германію, и уѣхалъ въ Россію. Десять лѣтъ прожилъ онъ, управляя какимъ-то большимъ имѣніемъ въ Вятской губерніи, гдѣ подъ конецъ женился на русской. Скоро вслѣдъ за этимъ обстоятельства-перемѣнились, и молодые Гольтце рѣшили эмигрировать въ Америку. Однако въ Лондонѣ, откуда они должны были отправиться въ дальнѣйшее путешествіе, имъ посоветовали лучше ѣхать въ Австралію, такъ какъ тамъ скорѣе можно рассчитывать на вѣрный заработокъ. И вотъ, съ груднымъ младенцемъ на рукахъ, на парусномъ суднѣ, они пустились въ далекій путь. Больше четырехъ мѣсяцевъ продолжалось это плаваніе, пока наконецъ не показались берега Австраліи. Послѣ длиннаго ряда лѣтъ упornaго труда докторъ Гольтце заслужилъ къ себѣ довѣріе, и въ 1891 году занялъ свое настоящее положеніе директора ботаническаго сада въ Аделаидѣ. Сорокалѣтняя работа въ Австра-

лн совершенно перевоспитала его. Когда я попытался заговорить съ нимъ по-нѣмецки, онъ рѣшительно остановилъ меня. «Я чувствую себя англичаниномъ,—сказалъ онъ,—и потому будемъ говорить по-англійски или даже по-русски. Я не былъ 40 лѣтъ въ Германіи, и въ особенности теперь, во время этой войны, она мнѣ непонятна».

Утромъ я вышелъ въ садъ. Недвижно стояли высокія пальмы со своими широко раскинутыми листьями. По срединѣ зеленого луга возвышался громадный фикусъ. На берегу чистенькаго пруда толпились ажурные эвкалипты со своими извилистыми вѣтками, а вдали съ разныхъ сторонъ виднѣлись длинные ряды оранжерей. Солнце играло по зелени и мягко ласкало наши непокрытыя головы. «Какъ хорошо!»—невольно сказалъ я.—«Посмотрѣли бы, что здѣсь

Центральный вокзалъ въ Мельбурнѣ.

будеть лѣтомъ,—замѣтилъ Гольтце:—а теперь зимою все бѣдно». Это было 26-го іюля, т. е. 8-го августа по новому стилю, значитъ, еще за три недѣли до того времени, о которомъ австралійскій поэтъ говоритъ: «Какъ скучная гостя подъ сѣрой фатой, зима убралась за моря и западный вѣтеръ повѣялъ весной, повѣялъ тепломъ сентября».

III.

Конгрессъ и австралійское гостепрїимство.—Отклики войны.—Въ Аделаидѣ.

Засѣданія конгресса начались въ Аделаидѣ и продолжались въ Мельбурнѣ и Сиднеѣ. Еще до официальнаго открытія конгресса въ Аделаидѣ небольшая партія англійскихъ ученыхъ посѣтила Пертъ, гдѣ были устроены научныя экскурсіи и научныя лекціи.

Какъ извѣстно, во всѣхъ этихъ городахъ имѣются университеты, въ которыхъ были устроены помѣщенія для пріема членовъ съѣзда. Здѣсь можно было получить и отправить всякаго рода корреспонденцію, найти всякія справки, написать письмо, отдохнуть, даже закусить. Къ нашему пріѣзду каждый изъ штатовъ Австраліи издалъ по изящному тому, заключающему въ себѣ обстоятельное описаніе штата въ различныхъ отношеніяхъ. Къ составленію этихъ книгъ были приглашены выдающіеся спеціалисты. Кромѣ этихъ книгъ, каждый членъ конгресса обыкновенно получалъ особое описаніе даннаго города вмѣстѣ съ подробнымъ планомъ его и окрестностей. Часть дней посвящалась научнымъ засѣданіямъ и публичнымъ лекціямъ, а другая часть всевозможнымъ осмотрамъ и экскурсіямъ.

Утреннія засѣданія происходили по секціямъ. Всѣхъ секцій было 12: математики и физики, химіи, геологін, зоологін, географін, экономическихъ наукъ и статистики, инженернаго искусства, антропологін, физиологін, ботаники, педагогикки и земледѣлія. Темы докладовъ были разнообразны, причемъ вступительныя рѣчи председателей обыкновенно носили общій характеръ, а послѣдующіе доклады посвящались отдѣльнымъ проблемамъ и особенно тѣмъ, которыя могли бы служить исходнымъ пунктомъ для организаціи новыхъ научныхъ работъ или находились въ связи съ серьезными запросами общественной жизни. Въ зависимости отъ темы докладовъ число посѣтителей собраній колебалось отъ 30-ти до 200 человекъ. Кромѣ докладчиковъ, впередъ объявлялись имена лицъ, желающихъ выступить оппонентами или дополнить сообщенія.

Когда не было официальныхъ пріемовъ и дальнихъ экскурсій, устраивались публичныя лекціи по разнымъ спеціальностямъ, причемъ аудиторія нерѣдко достигала 3.000 человекъ.

Въ каждомъ штатѣ для насъ былъ организованъ цѣлый рядъ экскурсій. По пріѣздѣ въ главный городъ штата каждый членъ конгресса получалъ специально изданную книжку съ подробнымъ описаніемъ каждой такой экскурсіи. Число предлагаемыхъ экскурсій иногда бывало довольно значительно. Такъ, напримѣръ, въ Сидней было организовано 26 различныхъ экскурсій. Вслѣдствіе недостатка времени обыкновенно не удавалось совершить болѣе двухъ поѣздокъ изъ города, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ приходилось проводить въ пути одну и даже двѣ ночи. Если экскурсія была коротка, то дѣло обстоило очень просто. Намъ подавали автомобиль или экстренный поѣздъ и везли къ мѣсту назначенія. Тамъ насъ встрѣчали спеціальныя руководители и показывали все, что надо. Когда наступало время завтрака и обѣда, насъ приглашали къ столу и затѣмъ такимъ же порядкомъ отвозили домой. При болѣе сложныхъ экскурсіяхъ мы по-

лучали длинную ленту талонъ, на одной сторонѣ которыхъ было напечатано: «представить къ уплатѣ правительству», а съ другой стороны было отмѣчено, что именно подлежить оплатѣ. Такимъ образомъ, выйдя, напримѣръ, изъ вагона, мы сѣдѣли въ ожидающіе насъ автомобили, ѣхали на нихъ часа два-три, и затѣмъ расплачивались съ шофферомъ, отрывая ему соответствующій талонъ нашей ленты. Если это время было временемъ завтрака, мы входили въ указанный на талонѣ отель и заставляли тамъ приготовленный для насъ завтракъ. вмѣсто платы за него опять-таки отрывался талонъ. Такимъ образомъ, мы оплачивали все за счетъ австралійскаго правительства, начиная отъ экипажей и кончая своими ночлегами. При переѣздѣ съ одного мѣста на другое по желѣзнымъ дорогамъ мы всюду видѣли полное къ себѣ вниманіе. Для насъ въ большинствѣ случаевъ подавались экстренные поѣзда, причемъ на каждомъ вагонѣ въ алфавитномъ порядкѣ обозначали съ наружной стороны фамиліи пассажировъ, для которыхъ данный вагонъ предназначенъ. Нерѣдко насъ сопровождали выдающіеся общественные и государственные дѣятели, заводившіе съ нами знакомство и дававшіе объясненіе того, что попадалось намъ по пути. Во время поѣзда мы получали альбомы съ видами тѣхъ мѣстностей, мимо которыхъ ѣхали. Въ часы завтраковъ и обѣдовъ поѣздъ останавливался, и мы заставляли на станціи все для насъ приготовленное. Бывало, что поѣздъ специально останавливали въ какомъ-нибудь живописномъ мѣстѣ для того, чтобы дать намъ возможность его сфотографировать. Если мы ѣхали не на экскурсію, а въ большой городъ, гдѣ предстояло сдѣлать довольно значительную остановку, то предварительно намъ раздавались особые справочные листки, гдѣ каждый противъ своей фамиліи могъ найти № автомобиля, который будетъ ждать его на конечной станціи, а также адресъ лица или учрежденія, которое приметъ его, какъ гостя. Во многихъ случаяхъ членамъ конгресса предлагали свое гостепрѣимство частныя лица, и тогда въ семейныхъ домахъ мы чувствовали себя прямо на положеніи близкихъ родственниковъ. Въ другихъ случаяхъ намъ отводились помѣщенія въ студенческихъ колледжахъ или первоклассныхъ гостиницахъ. Само собою разумѣется, что и въ гостиницахъ мы были на положеніи почетныхъ гостей, пользуясь полнымъ комфортомъ и только подписывая, но не оплачивая предъявлявшіеся намъ счета, на которыхъ, впрочемъ, деликатно не выставялось никакой цѣны. Ко всему этому надо прибавить, что во всѣхъ главныхъ городахъ австралійскихъ штатовъ устраивался рядъ специальныхъ пріемовъ отъ университетовъ, первыхъ министровъ, губернаторовъ, лордъ-мэровъ. Сверхъ того, пріѣзжимъ гостямъ обыкновенно присылались почетные билеты во всѣ клубы города. Для осмотра окрестностей предоставлялись автомобили. Конечно, всѣ

достопримѣчательности города были для насъ открыты во всякое время, и нельзя найти достаточно словъ, чтобы описать необыкновенное вниманіе къ намъ всѣхъ, кто имѣлъ хоть какое-нибудь отношеніе къ приему гостей. Всюду чувствовалось желаніе не только обставить нашъ пріѣздъ возможно удобнѣе, но и пойти навстрѣчу индивидуальнымъ интересамъ каждаго. Во время приѣмовъ насъ знакомили со всѣми выдающимсяъ специалистами по той области, въ которой каждый изъ насъ работалъ. Устраивались интимные обѣды и завтраки, чтобы объединять за ними лицъ одной и той же научной специальности; организовались по небольшимъ группамъ осмотры учреждений, которыя могли представить для кого-нибудь специальный интересъ. При этомъ вниманіе австралійцевъ нерѣдко принимало формы самой изысканной предупредительности. Я помню, какъ однажды въ Бендиго мнѣ пришлось мимоходомъ высказать интересъ къ австралійскимъ программамъ школьно-санитарныхъ осмотровъ. Черезъ два дня въ Мельбурнѣ во время одного изъ раутовъ ко мнѣ подошелъ одинъ докторъ и, вынувъ изъ кармана цѣлый рядъ брошюръ, сказалъ: «Не угодно ли вамъ принять это отъ меня на память, такъ какъ я слышалъ, что васъ интересуеть вопросъ о постановкѣ у насъ школьно-санитарныхъ наблюдений». Оказалось, что онъ уже получилъ письмо изъ Бендиго. Помню и другой случай. Министръ народнаго просвѣщенія Викторіи въ разговорѣ со мной спросилъ меня между прочимъ, не желаю ли я получить отъ него какія-нибудь справки. Я поблагодарилъ и сказалъ, что мнѣ удалось уже получить всѣ интересовавшіе меня документы и что послѣдняя необходимая мнѣ справка, списокъ учебниковъ, составленныхъ въ Австраліи или для Австраліи, мнѣ уже обѣщанъ и будетъ высланъ на дняхъ въ Сидней, куда я долженъ былъ въ тотъ же день выѣхать. Министръ любезно пожелалъ мнѣ счастливаго пути. Каково же было мое удивленіе, когда черезъ три дня по пріѣздѣ въ Сидней я получилъ цѣлый тюкъ книгъ при письмѣ изъ департамента воспитанія, извѣщавшаго меня, что по приказанію министра мнѣ высылаются собраніе интересовавшихъ меня австралійскихъ учебниковъ. Помню еще два мелкихъ, но очень характерныхъ факта. Въ одномъ городѣ рано утромъ, садясь на поѣздъ, я захотѣлъ купить себѣ газету. Народу было довольно много, и мнѣ пришлось стать въ очередь. Въ это время совершенно незнакомый мнѣ господинъ бросается къ кіоску, закупаетъ тамъ газеты всѣхъ наименованій и съ любезной улыбкой подноситъ ихъ мнѣ. Въ другой разъ я вышелъ изъ вагона на одной изъ небольшихъ станцій, гдѣ по расписанію намъ не полагалось ни завтрака, ни чая. Но мнѣ хотѣлось пить, и я спросилъ себѣ кофе. Когда надо было расплатиться, то мнѣ неожиданно сказали: «Не безпокойтесь, за васъ уже заплачено».—«Кѣмъ, когда?»—«Какимъ-то господи-

Читальный залъ публичной библіотеки въ Мельбурнѣ.

номъ, который ушелъ». Такъ я и до сихъ поръ не знаю, передъ кѣмъ я въ долгу.

Въ этой атмосферѣ мира, ласки и культурной работы особенно тягостны были отзвуки войны. Газеты каждый день выходили по нѣскольку разъ и всё раскупались нарасхватъ, но свѣдѣнія о войнѣ были очень скудны. Однѣ и тѣ же телеграммы повторя-

лись подъ разными заголовками, чередуясь съ разсужденіями на общія темы и многочисленными иллюстраціями, изображающими монарховъ и солдатъ воюющихъ странъ и виды главныхъ городовъ, упоминавшихся въ телеграммахъ. Первые дни войны во всѣхъ австралійскихъ газетахъ можно было встрѣтить также довольно подробное статистическое описаніе Германіи и Россіи. Вначалѣ извѣстія о войнѣ къ намъ шли изъ Лондона и Америки, причемъ американскія новости были очень непріятны для русскихъ. Уже на другой день по приѣздѣ въ Аделаиду я прочелъ телеграмму изъ Вашингтона о взятіи Варшавы. Это извѣстіе повторялось въ теченіе трехъ дней, затѣмъ мы имѣли телеграмму о томъ, что нѣмцы осаждаютъ Вильну и грозятъ побережью Балтійскаго моря. Къ счастью, эти извѣстія потомъ стали парализоваться сообщеніями изъ Лондона объ успѣхахъ русскаго оружія, и съ тѣхъ поръ австралійскія газеты завели даже у себя особый отдѣлъ подъ заглавіемъ «Русскія побѣды». Объявленіе войны между Англійей и Германіей вызвало въ Австраліи большой подъемъ патріотическаго чувства. Добровольцы ¹⁾ стали тысячами записываться въ дѣйствующую армію, и пожертвованія въ пользу Краснаго Креста потекли въ изобиліи. Интересно отмѣтить, что въ этомъ общемъ движеніи приняли участіе и нѣмецкіе эмигранты. Въ своихъ собраніяхъ они заявляли, что въ данномъ случаѣ не могутъ признать себя солидарными съ дѣйствіями германскаго правительства и готовы предоставить въ распоряженіе Англійи всѣ свои средства. И въ Аделаидѣ, и въ другихъ городахъ, въ которыхъ мнѣ пришлось быть, въ особенности по вечерамъ, на улицахъ постоянно можно было слышать національные гимны союзныхъ державъ, вызывавшіе всеобщій восторгъ.

Особенно яркія манифестаціи мнѣ удалось наблюдать въ Аделаидѣ на другой день послѣ объявленія войны. Утромъ было устроена грандіозная процессія изъ 10.000 школьниковъ, которые со знаменами и музыкой дефилировали вмѣстѣ съ солдатами по глав-

---

¹⁾ По закону 1911 года, все состоящее въ англійскомъ подданствѣ мужское населеніе Австраліи призвано къ обязательному отбыванію воинской повинности. Подготовка къ военной службѣ начинается отъ 12 лѣтъ и продолжается до 26. Отъ 12 до 14 лѣтъ отбывающіе воинскую повинность числятся въ разрядъ младшихъ кадетъ и должны ежегодно подвергаться соотвѣтствующей тренировкѣ въ теченіе 90 часовъ. Отъ 12 до 18 лѣтъ (старшіе кадеты) требуется ежегодныхъ занятій по четыре полныхъ дня (ежедневно въ теченіе четырехъ часовъ) и по двадцать четыре почныхъ упражненія (въ теченіе часа). Въ возрастѣ отъ 18 до 25 лѣтъ (гражданская армія) отбывающіе воинскую повинность призываются ежегодно не менѣе, чѣмъ на восемь дней непрерывныхъ лагерныхъ упражненій. Въ послѣдній годъ служба обыкновенно ограничивается простой регистраціей или участіемъ въ одномъ парадѣ. Отъ воинской повинности, кромѣ слабыхъ здоровьемъ и занимающихъ отвѣтственныя должности, освобождаются также лица, представившія надлежащее удостовѣреніе въ томъ, что ихъ нравственныя убѣжденія не позволяютъ имъ братья за оружіе. А вѣт.

нимъ улицамъ города. Вечеромъ всюду на площадяхъ раздавались гимны, а на одной изъ центральныхъ улицъ мнѣ пришлось увидѣть, какъ молодежь несла папочную фигуру Вильгельма, колотили ее по лицу палками и подъ конецъ разорвали. Впрочемъ, надо замѣтить, что, направляя всю силу своего негодованія противъ Вильгельма и нѣмецкаго правительства, поправшаго права мирныхъ народовъ и грубо нарушившаго трудовой покой всего свѣта, австралійцы не теряли самообладанія и не впадали въ шовинизмъ. Въ одной изъ аделаидскихъ школъ я встрѣтилъ на стѣнѣ слѣдующую характерную таблицу, служившую конспектомъ для бесѣды съ дѣтьми о войнѣ. «Мы знаемъ, что война ужасная вещь, приносящая горе и разрушеніе. Мы вѣримъ, что наша страна поможетъ болѣе слабымъ и угнетеннымъ народамъ, прибѣгающимъ къ ея помощи. Мы любимъ нашего короля, нашу страну и нашъ флагъ со всѣмъ чистосердечіемъ и преданностью. Мы надѣемся на побѣду и на благополучное окончаніе войны. Мы думаемъ, что намъ надо относиться съ любезностью и сожалѣніемъ къ нашимъ нѣмецкимъ сосѣдямъ, которые были нашими товарищами и друзьями, и не причинять имъ непріятности. Мы желаемъ, чтобы всѣ люди старались все больше и больше понимать и любить другъ друга и жить по-братски. Мы молимся о наступленіи скорого и вѣчнаго міра между всѣми народами» ¹⁾.

Въ первое воскресенье нашего пребыванія въ Австраліи въ большомъ кафедральномъ соборѣ Аделаиды въ 3¹/₂ часа дня состоялось торжественное богослуженіе по случаю пріѣзда Британской ассоціаціи. При звукахъ органа и стройномъ пѣніи хора къ собору медленно стала приближаться церковная процессія. За рядомъ священниковъ въ разноцвѣтныхъ одеждахъ шель, опираясь на посохъ, молодой англиканскій епископъ. Все богослуженіе было построено въ радостномъ, благодарственномъ тонѣ. Для пѣнія былъ избранъ псаломъ Давида: «Буду превозносить Тебя, Боже мой Царю, и благословятъ имя Твое во вѣки и вѣки». Передъ проповѣдью епископа старшій священникъ, съ окладистой сѣдой бородой, прочелъ специально составленную молитву: «Всемогушій Боже, единый источникъ мудрости и разума, молимся Тебѣ, ниспошли свою милость нашимъ университетамъ, колледжамъ и школамъ, чтобы всегда могли расширяться предѣлы знанія и процвѣтало бы всякое доброе ученіе. Особенно молимъ Тебя ниспо-

---

¹⁾ Изъ 4.568.707 человекъ населенія Австраліи (по послѣдней переписи 1911 года) уроженцевъ Англіи, Ирландіи и Шотландіи считается 569.548 человекъ, уроженцевъ Германіи—32.990, Китая—20.775 и Сѣверной Америки—6.642. Остальная часть населенія состоитъ изъ уроженцевъ другихъ странъ (Даніи, Швеціи, Россіи, Японіи, Франціи, Греціи) и аборигеновъ, которыхъ въ настоящее время считается всего около 20.000.

Авт.

слать свою милость этой ассоціаціи для содѣйствія научному прогрессу. Благослови всѣхъ, кто учитъ, и всѣхъ, кто учится, и дай Господи, чтобы всѣ,—и учителя, и учащіеся, въ смиреніи сердца могли всегда взирать на Тебя, источника всякой мудрости, черезъ Иисуса Христа, Господа нашего». ¹⁾

Первое воскресенье въ Аделандѣ живо напомнило мнѣ воскресенье въ Лондонѣ. Также повсюду замерла уличная жизнь, и только на дугу парка, примыкающаго къ ботаническому саду, происходила рядъ митинговъ.

Изъ всѣхъ пріемовъ, устроенныхъ намъ въ Аделандѣ, наиболѣе officialный характеръ носилъ пріемъ у перваго министра. Въ обширномъ залѣ городского управленія, наполненномъ многими сотнями приглашенныхъ, на небольшомъ возвышеніи стоялъ первый министръ Южной Австраліи со своей супругой и съ любезною улыбкой жалъ руку проходившимъ мимо него членамъ Британской ассоціаціи въ то время, какъ одинъ изъ секретарей громко провозглашалъ фамиліи представлявшихся; по окончаніи этой церемоніи въ залъ прибылъ губернаторъ со своей женой, передъ которымъ повторялась та же церемонія представленія. Затѣмъ произошла обѣда пріѣзжими рѣчами. Отъ имени Южной Австраліи говорили губернаторъ и первый министръ, а имъ отвѣчала отъ имени Британской ассоціаціи проф. Оливеръ Лоджъ. Увѣренность въ крѣпкой нравственной связи, существующей между Австраліей и Англійей, высокое уваженіе къ знанію и надежда на побѣду мирной культуры—вотъ основныя темы всѣхъ рѣчей, которыя раздавались во время нашей поѣздки по Австраліи. То же было и здѣсь. По окончаніи рѣчей было исполнено нѣсколько музыкальныхъ номеровъ и затѣмъ предложенъ открытый буфетъ.

Болѣе оригинальный и оживленный характеръ носилъ пріемъ отъ города, устроенный въ большомъ общественномъ выставочномъ залѣ. Предположенный первоначально балъ, въ виду войны, былъ замѣненъ прекраснымъ концертомъ. Вся внутренность громаднаго зала была декорирована въ египетскомъ стилѣ. Вначалѣ стоя были прослушаны три гимна: англійскій, французскій и русскій. Между музыкальными отдѣленіями предлагалось угощеніе и завязывались знакомства. Помню, что въ числѣ музыкальныхъ номеровъ была одна партія съ хоромъ, и когда солистъ исполнилъ свою часть, то вмѣсто хора ему въ отвѣтъ дружно запѣла вся трех-

---

¹⁾ Въ Австраліи проведено строгое отдѣленіе церкви отъ государства. Въ школахъ нѣтъ обязательнаго изученія религіи. Ни одинъ университетъ не имѣетъ права выдать богословскихъ дипломовъ. Но значеніе религіознаго чувства въ личной жизни австралийцевъ, повидимому, очень велико. Всеобщая перепись зарегистрировала только 10.016 человекъ, не признающихъ религіи. А в т.

тысячная зала. Пѣли стройно, красиво. Каждый голосъ велъ свою партію. Впослѣдствіи, мы познакомились съ постановкой пѣнія въ австралійскихъ школахъ, и я понялъ, почему это могло такъ хорошо выйти.

Пріемъ отъ университета былъ соединенъ съ церемоніей раздачи ученыхъ степеней и далъ намъ возможность видѣть красивую картину университетскихъ корпорацій въ красныхъ, голубыхъ, желтыхъ и черныхъ тогахъ.

Небольшой группѣ специалистовъ по вопросамъ воспитанія, пріѣхавшихъ на конгрессъ, было предложено подробно ознако-

Элементарная школа.

миться съ южно-австралійскими школами. Мы осмотрѣли нѣсколько школъ разныхъ типовъ, причемъ въ одной большой средней школѣ намъ былъ устроенъ исключительно сердечный пріемъ. Всѣ учащіеся были собраны въ громадномъ залѣ, гдѣ на эстрадѣ, позади мѣсть, приготовленныхъ для гостей, помѣстился педагогическій персоналъ. Насъ встрѣтили музыкой и аплодисментами. Директоръ школы произнесъ небольшую рѣчь, на которую ему отвѣчала профессоръ педагогика манчестерскаго университета Фидлей. Дѣти аплодировали, а мы, уходя, по пути пожимали имъ руки. Сейчасъ я не буду подробно останавливаться на описаніи видѣнн. «востн.», апрѣль 1917 г., т. сxlviu.

дѣльных мною школъ, такъ какъ это удобнѣе сдѣлать особо ¹⁾. Изъ учреждений, наиболѣе близко стоящихъ къ школьному дѣлу, въ Аделаидѣ слѣдуетъ отмѣтить: публичную библіотеку, музей, картинную галерею, зоологическій и ботанический садъ.

Маленькой горсточкѣ людей, заброшенной въ дикіе лѣса Австраліи, надо было потратить много силъ для того, чтобы въ какія-нибудь 60 лѣтъ превратить этотъ край каторжниковъ и дикарей въ одинъ изъ культурнѣйшихъ уголковъ міра. Само собою понятно, что первыя усилія, съ которыми было связано выполнение этой задачи, должны были быть направлены не въ сторону эстетики. Австралійское искусство очень молодо и не оригинально. Художественныя галлерей въ большинствѣ случаевъ состоятъ изъ копій произведеній европейскихъ мастеровъ и небольшого количества оригиналовъ. Картинная галлерей Аделаиды и въ Австраліи считается небольшою: она занимаетъ всего двѣ комнаты, и для лица, знакомого съ художественными сокровищами Европы, конечно, не можетъ представлять большого интереса.

Аделаидскій музей, подобно и другимъ музеямъ Австраліи, заключаетъ въ себѣ прежде всего цѣлый рядъ богатыхъ коллекцій этнографическаго и зоологическаго характера. Жизнь австралійскихъ дикарей съ ихъ постройками, оружіемъ, одеждой и предметами домашняго обихода находятъ здѣсь себѣ полное выраженіе. Если еще сравнительно недавно европеецъ, отбравляясь въ Австралію, подвергался опасности погибнуть отъ дикарей, то въ настоящее время онъ подвергается скорѣе обратной непріятности—пробѣжать черезъ всю эту страну, посѣтивъ всѣ главнѣйшіе города и не увидать ни одного дикаго. Оттѣсенные отъ моря побѣдившими ихъ европейскими пришельцами, дикари ушли въглубь и лишились права появляться въ городахъ. Чтобы ихъ видѣть, надо отправиться въ дебри лѣсовъ или хотя бы въ спеціальныя поселки, далеко за чертой города.

Во время пребыванія въ Аделаидѣ мнѣ удалось сдѣлать двѣ экскурсіи, чтобы познакомиться съ ея окрестностями. Одна экскур-

¹⁾ Во всѣхъ австралійскихъ штатахъ введено бесплатное и обязательное обученіе, продолжающееся не менѣе 8 лѣтъ. Въ настоящее время въ Австраліи имѣется 6 университетовъ, свыше 200 государственныхъ среднихъ учебныхъ заведеній, около 2,000 частныхъ учебныхъ заведеній (изъ которыхъ очень многія представляютъ собою соединеніе начальныхъ школъ со средними), болѣе 8,000 государственныхъ начальныхъ школъ и около 40 бесплатныхъ дѣтскихъ садовъ. Сверхъ того, въ Австраліи имѣется 65 техническихъ институтовъ, 13 сельскохозяйственныхъ институтовъ (не считая элементарныхъ курсовъ по земледѣлію, организовавшихся при 600 государственныхъ школахъ) и множество счетоводныхъ курсовъ. Система школьнаго образованія въ Австраліи рассчитана на то, чтобы дать возможность всякому таланту пробить себѣ дорогу къ высшему образованію, соответствующему особенностямъ его природы. Подробнѣе см. мою статью «Школьное дѣло и общее состояніе культуры въ современной Австраліи», «Вѣстникъ Воспитанія», янв. 1916, стр. 144—200.

сія была небольшая, верстъ на 100 въ горы, другая въ городъ Ангастонъ, расположенный къ сѣверо-востоку отъ Аделаиды.

Когда автомобиль удаляется отъ центральныхъ улицъ Аделаиды къ ея окраинамъ, все шире и шире разворачивается площадь садовъ. Мѣстами попадаются цѣлыя апельсинныя рощи съ пахучими деревьями, круглый годъ приносящими плоды. По краямъ безукоризненно гладкой дороги въ зелени ютятся небольшіе домики. Въ большинствѣ изъ нихъ живутъ рабочіе. Такой небольшой каменный домикъ съ четырьмя комнатами и со всѣми удобствами стоитъ въ Аделаидѣ около 3.000 рублей, причемъ есть возможность приобрести его въ разсрочку. Общій характеръ сельскихъ построекъ въ Южной Австраліи до такой степени сходенъ съ постройками городскихъ окраинъ, что, выѣзжая изъ города, самъ не замѣчаешь, какъ уже очутился въ сосѣднемъ селеніи. Сейчасъ же за предѣлами Аделаиды начинаются живописныя холмы, покрытые эвкалиптами. На ближайшихъ холмахъ раскинутъ большой національный паркъ, составляющій гордость Южной Австраліи. По гладкой извилистой, но довольно узкой дорогѣ, по которой только съ трудомъ могутъ разѣхаться два экипажа, автомобиль несется къ вершинѣ, откуда раскрывается чудный видъ на всю Аделаиду и синѣющій вдаль океанъ. Мы были тамъ при заходѣ солнца.

Въ горахъ за городомъ кое-гдѣ среди садовъ ютятся виллы. Въ одной изъ нихъ, принадлежащей профессору Стирлингу, мнѣ удалось побывать, и трудно было не позавидовать человѣку, который послѣ своихъ университетскихъ занятій можетъ быстро перенестись въ свой райскій уголокъ, дышать чистымъ горнымъ воздухомъ, гуляя подъ пальмами своего прекраснаго обработаннаго и живописнаго сада, наслаждаясь полной деревенской тишиной, а вечеромъ спокойно работать въ своемъ уютномъ домѣ, гдѣ каждая комната обставлена, какъ музей,—рѣдкими, типичными и къ тому же художественно подобранными вещами.

Отъѣзжая все дальше отъ Аделаиды, постоянно приходится встрѣчать обширные луга съ пасущимися на нихъ стадами мериносовъ. Во время нашихъ поѣздокъ на обширныхъ поляхъ еще чуть-чуть пробивались новые всходы, но виноградники уже начинали зеленѣть. Однимъ изъ самыхъ большихъ центровъ винодѣлія является городъ Ангастонъ. Можно сказать, что весь онъ выросъ на виноградникѣ. Около первыхъ предпринимателей стали селиться ихъ рабочіе, затѣмъ открылись магазины, школы, и въ концѣ концовъ образовался цѣлый городъ. Нашъ приѣздъ въ этотъ городокъ былъ цѣлымъ событіемъ. Жители выходили навстрѣчу и махали намъ шляпами, а сынъ основателя города, министръ Ангасъ, показавъ намъ свои владѣнія, угостилъ насъ прекраснымъ обѣдомъ, за которымъ, конечно, были и рѣчи, и гимны.

30-го іюля, сердечно простившись со своими милыми хозяевами, я выѣхалъ изъ Аделаиды. До Мельбурна со скорымъ поѣздомъ пришлось ѣхать около 18-ти часовъ, проведя въ вагонѣ ночь.

IV.

Мельбурнъ.—Бендиго.

Большой вокзалъ Мельбурна по удобству и красотѣ не уступаетъ лучшимъ вокзаламъ Европы, и самъ городъ со своими постройками имѣетъ совершенно европейскій характеръ. Главныя улицы города довольно узки и представляютъ собою сплошныя стѣны высокихъ домовъ, съ длинными рядами разнообразныхъ магазиновъ. Больше простора только по окраинамъ, гдѣ раскинуто нѣсколько парковъ, въ одномъ изъ которыхъ расположенъ университетъ и связанныя съ нимъ колледжи. Уличное движеніе въ Мельбурнѣ гораздо больше, чѣмъ въ Аделаидѣ, но, какъ и тамъ, здѣсь всюду обращаютъ на себя вниманіе большая чистота и отсутствіе нищихъ. Австралійцы большіе поклонники гигиены и въ этомъ отношеніи установили у себя очень строгіе порядки: за плевокъ на тротуарѣ полагается штрафъ въ 5 шиллинговъ (около двухъ съ половиной, а за то же дѣйствіе въ вагонѣ—2 фунта (т. е. около 20-ти рублей). Нищихъ въ Австраліи нѣтъ, такъ какъ для всѣхъ неработоспособныхъ имѣются больницы, пріюты и богадѣльни, лѣнливымъ и порочнымъ назначаются рабочіе дома, а для остальныхъ, могущихъ и желающихъ трудиться, созданы такія условія труда, при которыхъ не приходится и думать о нищенствѣ ¹⁾.

Въ Мельбурнѣ меня пригласили остановиться въ колледжѣ Св. Троицы. Я былъ очень доволенъ этимъ приглашеніемъ, такъ какъ получилъ возможность прожить цѣлую недѣлю на положеніи австралійскаго студента и познакомиться съ общими условіями ихъ быта. Нашъ колледжъ представлялъ собою двухъэтажное зданіе, рассчитанное на 50 студентовъ. Для каждаго студента полагалась небольшая спальня съ небольшимъ окномъ, постелью, комодомъ и умывальникомъ, и сверхъ того на двухъ студентовъ—одна гостиная съ письменными столами и мягкой мебелью. Стѣны комнать

¹⁾ Еще въ 1881 году въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ былъ учрежденъ особый департаментъ (т. е. министерство) общественнаго здравія. Въ настоящее время такіе департаменты имѣются во всѣхъ штатахъ. Являясь центральнымъ органомъ санитарнаго надзора въ цѣломъ штатѣ, они располагаютъ большимъ количествомъ врачей, бактериологовъ, химиковъ и пр. Рядъ законовъ направленъ къ охранѣ здоровья дѣтей (въ особенности сиротъ и покинутыхъ отцами). Въ то время, какъ въ Россіи на 1.000 родившихся дѣтей въ первый годъ жизни умираетъ около 230, въ Австраліи на то же количество приходится только 68 умирающихъ (въ Англіи—105, во Франціи—120). Общая смертность въ Австраліи тоже очень низка (ежегодно около 10,7 смертей на 1.000).

студенты обыкновенно украшали по своему вкусу различными картинками и бездѣлушками. Въ распоряженіи всѣхъ студентовъ, кромѣ того, имѣлись ванныя комнаты, читальня и столовая. Всѣ студенты, жившіе въ этомъ общежитіи, посѣщали университетъ, проходя тамъ избранные ими факультеты. Въ помощь университетскимъ занятіямъ временами организовались дополнительные лекціи и практическія занятія въ самомъ колледжѣ. Кромѣ того, для лицъ, желавшихъ по окончаніи университета избрать духовную службу, въ колледжѣ были организованы спеціальныя занятія по богословію. Какъ уже сказано, въ Австраліи проведено строгое отдѣленіе церкви отъ государства, и вълѣдствіе этого ни одинъ

Урокъ на открытомъ воздухѣ.

университетъ не имѣетъ богословскаго факультета и не выдаетъ ученыхъ степеней по богословію. Такимъ образомъ, каждая церковная община должна сама заботиться о подготовкѣ своихъ священниковъ и епископовъ, и въ Австраліи часто можно встрѣтить священниковъ и епископовъ съ дипломами медицинскаго, естественнаго или юридическаго факультета.

Въ одномъ зданіи со студентами обыкновенно живетъ директоръ колледжа и нѣкоторые изъ докторовъ, руководящихъ студенческими занятіями. Въ часы завтрака и обѣда въ столовой собирается все населеніе колледжа. За четверть часа до установленнаго срока раздается первый звонокъ, а со вторымъ звонкомъ въ столовую входитъ директоръ и его помощники, облеченные въ

черныя тоги, и затѣмъ, тоже въ черныхъ тогахъ, студенты. Директоръ читаетъ молитву, и всѣ безшумно принимаютъ за ѣду. Кушанья, отлично приготовленныя, предлагаемыя въ изобиліи, разносятъ горничныя въ бѣлыхъ наколкахъ на головѣ и чистыхъ фартукахъ. Свободное отъ занятій время студенты охотно посвящаютъ разнымъ видамъ спорта: однимъ изъ любимыхъ упражненій является метаніе бумеранговъ. Для этой цѣли служитъ громадный лугъ, продѣ нашего петроградскаго Марсова поля, окруженный маленькими холмиками и прилегающій къ университетскому парку. Мнѣ удалось видѣть метанье бумеранговъ студентами въ первый же день моего пріѣзда въ Мельбурнъ. Какъ извѣстно, бумерангъ представляетъ собою метательное орудіе австралійскихъ дикарей. Это небольшая дуга, приготовленная изъ мирта или какого-нибудь другого твердаго дерева. Съ одной стороны она плоская, съ другой нѣсколько выпуклая. Сверхъ того, на обѣихъ сторонахъ имѣются особенныя срѣзы, рассчитанныя такимъ образомъ, чтобы бумерангъ, сильно брошенный впередъ, могъ, кружась въ воздухѣ, описать кругъ и вернуться на то самое мѣсто, съ котораго онъ былъ брошенъ. Бросая бумерангъ, его берутъ правой рукой за одинъ изъ концовъ съ такимъ расчетомъ, чтобы второй конецъ былъ направленъ къ цѣли. Рука, бросающая бумерангъ, поднимается надъ правымъ плечомъ и дѣлаетъ сильный толчокъ. Бумерангъ кружится въ воздухѣ, жужжитъ и, въ особенности издалека, производитъ впечатлѣніе маленькаго летящаго аэроплана. Нѣкоторые студенты обнаружили удивительное искусство въ метаніи бумеранговъ. Я слѣдилъ по часамъ и видѣлъ бумеранги, державшіеся въ воздухѣ до двухъ съ половиной минутъ. Можно себѣ представить, какъ былъ великъ описанный ими кругъ. Впрочемъ, впоследствии мнѣ пришлось видѣть метанье бумеранговъ австралійскимъ аборигеномъ, и тогда эффектъ былъ еще удивительнѣе: брошенное дикаремъ орудіе продержалось въ воздухѣ четыре съ половиной минуты, описавъ три круга и упавъ почти у самыхъ ногъ метальщика.

Кромѣ колледжа Св. Троицы, имѣющаго побочную цѣль подготовки богослововъ, мнѣ пришлось довольно близко познакомиться съ учительскимъ колледжемъ, находящимся въ прямой связи съ университетомъ. Въ этомъ колледжѣ происходили засѣданія нашей секціи педагогики, начавшей свои занятія въ Мельбурнѣ. Я оказался избраннымъ въ число членовъ организаціоннаго комитета секціи и имѣлъ возможность довольно близко познакомиться съ директоромъ учительскаго колледжа, докторомъ Смитомъ, исполнявшимъ обязанность почетнаго секретаря секціи. Въ моему удовольствію, онъ оказался большимъ сторонникомъ экспериментальной педагогики, организовавшимъ, при помощи сотрудниковъ своего колледжа, рядъ интересныхъ изслѣдованій. Этому колледжу я передалъ отъ имени педагогическаго музея военно-учебныхъ

заведеній серію картинъ изъ русской исторіи съ соответствующими объясненіями на англійскомъ языкѣ. Это оказалось особенно кстати въ то время, при значительномъ повышеніи интереса къ Россіи по случаю войны, и при совершенномъ незнакомствѣ австралійцевъ съ прошлымъ нашей родины. Мельбурнскій университетъ представляетъ собою рядъ небольшихъ зданій въ готическомъ стилѣ, разбросанныхъ по живописному парку. Передъ главнымъ зданіемъ серебрится чистый прудъ, на которомъ плаваютъ черныя лебеди. Всюду свѣтъ и чистый воздухъ. Чуть замѣтно колеблется листья высокихъ пальмъ, а въ вершинахъ эвкалиптовъ свистятъ попугаи.

Кромѣ университета, въ Мельбурнѣ красуется другой величественный храмъ просвѣщенія—національный музей. Въ этомъ зданіи намъ былъ устроенъ одинъ изъ вечернихъ приемовъ. Изъ вестибюля мы прошли по большимъ заламъ, въ которыхъ были красиво расположены этнографическія и зоологическія коллекціи. Обращало на себя вниманіе богатое собраніе бумеранговъ, наглядно представлявшее исторію этого орудія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и исторію австралійской первобытной культуры, поскольку она отразилась на бумерангѣ. Далѣе слѣдовали прекрасныя коллекціи оружія, одежды; лодокъ, домашней утвари и разныхъ предметовъ, употребляемыхъ дикарями при религіозныхъ церемоніяхъ. Въ зоологическомъ музеѣ выставлены исполинскіе кенгуру и образцы чудовищныхъ животныхъ и птицъ, давно уже сошедшихъ съ лица земли. Конечно, фауна современной Австраліи представлена тамъ очень подробно, при чемъ каждое животное изображено въ соответствующей ему обстановкѣ. Почти каждая витрина по своему выполненію представляетъ прямо художественное произведеніе.

Въ національномъ музеѣ Мельбурна помѣщается довольно большая картинная галлерей, въ которой среди европейскихъ художниковъ находится много образцовъ австралійскаго искусства. Но самой большой гордостью національнаго музея является его библіотека съ такимъ обширнымъ и высокимъ читальнымъ заломъ, равнаго которому, пожалуй, не найдется нигдѣ въ Европѣ. Достаточно сказать, что его высота равняется приблизительно высотѣ семиэтажнаго дома.

Изъ другихъ достопримѣчательностей Мельбурна слѣдуетъ упомянуть зоологическій садъ, который считается лучшимъ въ Австраліи. Здѣсь имѣются разнообразныя экземпляры европейскихъ, американскихъ, азіатскихъ и африканскихъ животныхъ, начиная отъ бѣлыхъ медвѣдей и кончая гориллой; но особенный интересъ представляетъ, конечно, собраніе австралійскихъ звѣрей и птицъ. Тутъ можно видѣть цѣлые ряды попугаевъ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ и велпчипъ и всевозможные виды кенгуру,

начиная отъ очень крупныхъ, почти исполинскихъ, и кончая всеѣмъ крохотными, лозящими по деревьямъ, вродѣ нашихъ бѣлокъ.

Изъ Мельбурна я сдѣлалъ двухдневную экскурсію въ Бендиго, центръ золотоносныхъ копей. Выйдя изъ вагона желѣзной дороги, мы увидѣли рядъ ожидающихъ насъ автомобилей. Ко мнѣ подошелъ на встрѣчу высокій и стройный старикъ и спросилъ, не я ли проф. Нечаевъ. Я представился, а онъ, отрекомендовавшись директоромъ средней школы, докторомъ Олифантомъ, объявилъ меня своимъ гостемъ. Мы сѣли въ экипажъ и покатали прямо въ домъ городского управленія. Какъ были съ дороги, въ запяленныхъ пальто и съ кодаками черезъ плечо, мы вошли въ главный залъ, гдѣ насъ лично встрѣчалъ лордъ-мэръ въ своей парадной тогѣ и съ цѣпью на шеѣ. Рядомъ съ нимъ, въ бѣломъ изящномъ платьѣ, стояла его супруга. Пожавъ всеѣмъ членамъ экскурсіи руки, лордъ-мэръ пригласилъ сняться съ нимъ вмѣстѣ на одной группѣ и затѣмъ предложилъ позавтракать. Въ этомъ завтракѣ приняло участіе около 400 человекъ жителей Бендиго. Оркестръ музыки исполнилъ три гимна, а затѣмъ одинъ изъ представителей города сталъ говорить привѣтственную рѣчь, въ которой между прочимъ перечислилъ города, изъ которыхъ являлись ученые. Когда было упомянуто слово «Петербургъ» (Петрограда еще тогда не существовало), то послѣдовалъ взрывъ аплодисментовъ. Мнѣ поневолѣ пришлось встать и благодарить за это вниманіе къ Россіи. Аплодисменты перешли въ настоящую овацію. На привѣтствіе отъ города была сказана отвѣтная рѣчь отъ имени Британской Ассоціаціи, а затѣмъ раздались крики, требовавшіе тоста отъ Петербурга. Выразивъ сожалѣніе, что мой англійскій языкъ не такъ богатъ, какъ мои русскія чувства, я поблагодарилъ, какъ умѣлъ, за вниманіе, и сказалъ, что никогда не забуду этого дня. Послѣднюю фразу я повторилъ по-русски, что, повидимому, вышло кетати... Это было мое первое публичное выступленіе въ Австраліи, если не считать бесѣды съ газетнымъ интервьюеромъ, посѣтившимъ меня въ Аделаидѣ и подробно разспрашивавшимъ о современномъ положеніи воспитанія въ Россіи.

Послѣ завтрака мы поѣхали осматривать шахты. Во время ѣзды по улицамъ Бендиго мой любезный хозяинъ постоянно обращалъ мое вниманіе на покинутыя шахты, расположенныя по бокамъ главныхъ улицъ. Происхожденіе города, дѣйствительно, выступало очень наглядно: все улицы выросли на шахтахъ.

Выѣхавъ за городъ, мы остановились около небольшого домика, гдѣ желающимъ осмотрѣть шахты предложили одѣться въ спеціальные костюмы. Мы сняли пиджаки, перевернули жилетки подкладкой вверхъ и съ трудомъ натянули поверхъ своей одежды шахтерское платье. На голову, вмѣсто своихъ шляпъ, надѣли

старенькія фуражки. Затѣмъ намъ предложили спускаться. Гринъ, Рутефортъ и я, сопровождаемые инженеромъ, попали въ одну очередь. Мы стали на узкую и мокрую площадку подъемной машины, держась руками за скользкую перекладину и крѣпко прижимаясь другъ къ другу. «Готово!»—и мы поѣхали внизъ въ черную дырку. Скоро мы очутились въ полной темнотѣ. Раздался только глухой рокотъ подъемной машины, да сверху капала вода. Временами совершенно пропадало сознание того, въ какую сторону движешься. Наконецъ мы остановились. На маленькой площадкѣ стояло нѣсколько человѣкъ съ зажженными свѣчами. Намъ тоже дали по свѣчкѣ, и мы двинулись. Въ теченіе 40 минутъ мы бродили по узкимъ и неровнымъ шахтамъ, нагибаясь подъ острыми камнями, спускаясь по отвѣсамъ, вытягивая другъ друга за руки на крутя кучи камней и ползая по узкимъ, длиннымъ приставнымъ деревяннымъ лѣбницамъ. Постепенно становилось все жарче и жарче. Мы стали совершенно мокрыми отъ пота. Наконецъ добрались до того мѣста, гдѣ происходила работа. Рабочіе, почти совсѣмъ голые, сверлили при помощи паровой машины каменную глыбу, чтобы сдѣлать въ ней длинное отверстіе и потомъ взорвать ее динамитомъ. Мокрые и грязные, мы выбрались на свѣтъ и, взглянувъ другъ на друга, не могли удержаться отъ смѣха. Конечно, прежде, чѣмъ переодѣться, мы на память сняли другъ съ друга фотографіи.

Осмотрѣвъ по пути небольшую картинную галерею, недавно устроенную городомъ, мы подъѣхали къ зданію школы, гдѣ мой хозяинъ занималъ мѣсто директора. Его домикъ стоялъ рядомъ со школой, въ уютномъ садикѣ. Меня провели въ комнату, убранную точно для невѣсты. Черезъ полчаса, когда дорожный костюмъ былъ замѣненъ фраккомъ, докторъ Олифантъ представилъ меня своей женѣ, которая послѣ нѣсколькихъ любезныхъ вопросовъ пригласила насъ къ обѣду. Въ столовой былъ уже взрослый сынъ Олифанта, собиравшійся на войну, и двѣ дочери, изъ которыхъ одна уже кончила гимназію. Скоро у насъ завязался общій разговоръ. Оказалось, что докторъ Олифантъ провелъ свою молодость въ Европѣ и, хотя никогда не былъ въ Россіи, но знакомъ съ нѣкоторыми произведеніями русской литературы и очень любитъ русскую музыку. Впрочемъ, въ первый вечеръ намъ не удалось долго поговорить, такъ какъ почти сразу послѣ обѣда мы должны были отправиться на концертъ и ужинъ, устраиваемый городомъ. Зато слѣдующій вечеръ, послѣ цѣлаго дня, посвященнаго объѣзду золотосносныхъ рудниковъ, раскинутыхъ на большомъ пространствѣ вокругъ Бендиго, и знакомству съ различными способами промывки золота, мы цѣлый вечеръ провели въ бесѣдѣ съ докторомъ Олифантомъ. Первое посѣщеніе австралійскихъ школъ и нѣкоторое знакомство съ педагогической литературой Австраліи къ

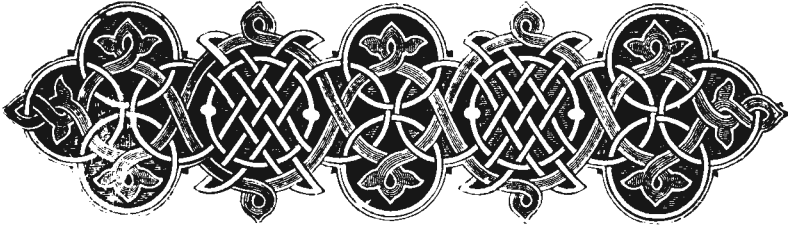
этому времени уже возбудили во мнѣ рядъ вопросовъ, о которыхъ хотѣлось по душѣ побесѣдовать со знающимъ человѣкомъ,—и я всегда буду съ благодарнымъ чувствомъ вспоминать то участіе и довѣріе, которое я встрѣтилъ моимъ запросамъ у почтеннаго педагога изъ Бендига. А съ его старшей дочкой мы толковали о политикѣ. Ей на дняхъ долженъ былъ исполниться 21 годъ, и она, собираясь подать свой голосъ за либераловъ, доказывала преимущество ихъ программы передъ рабочей партіей.

А. П. Нечаевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Николай Морозовъ. Повѣсти моей жизни. Томъ первый. М. 1916. стр. 320.
Ц. 2 р. 50 к.

ВОТЪ КНИГА, которая читается отъ первой до послѣдней страницы съ неослабимымъ интересомъ, увлекая и своимъ содержаниемъ и своимъ выдержаннымъ тономъ, полнымъ спокойствія и благородства. Авторъ, въ противность многимъ, которые повѣдали свои автобіографіи, изъ числа извѣстныхъ «народовольцевъ» и ходоковъ въ «народъ», совершенно лишенъ какой-либо рисовки, театральной позы и захватываетъ знакомящихся съ «повѣстями его жизни» своей искренностью, правдивостью и скромностью. Репутація Н. Морозова, какъ извѣстнаго «шлиссельбуржца», одного изъ виднѣйшихъ дѣятелей партіи «Народной Воли», какъ ученаго астронома и публициста, достаточно извѣстна, чтобы рекомендовать его читающей публикѣ и повторять о немъ все извѣстное въ нашей литературѣ и печатавшееся въ свое время на страницахъ нашего журнала въ очеркахъ, посвященныхъ русскому революціонному движению. Въ настоящей книжкѣ г. Морозовъ рисуется передъ нами жизнерадостнымъ юношей, не достигшимъ и двадцатилѣтняго возраста, любящимъ свою родную семью, поэтомъ и фантазеромъ, съ энтузіазмомъ бросившимся въ объятія старшихъ представителей русской революціи, увеличенной широкими социальными и политическими перспективами, которыя обрисовывались передъ нимъ въ ту пору его жизни и подъ влияніемъ чтенія серьезныхъ книгъ, и подъ воздѣйствіемъ той среды, въ которую онъ попалъ студентомъ московскаго университета.

Авторъ воспоминаній въ полубеллетристической формѣ раскрываетъ передъ нами свою душу, развертываетъ свои юныя мечтанія, повѣствуетъ о своихъ увлеченіяхъ, о своихъ колебаніяхъ и рѣшеніяхъ. И все выходитъ изъ-подъ его пера удивительно красиво, искренно, съ налетомъ на изложеніи поэзіи и философіи, мечтательности и порою юношеской сентиментальности. На склонѣ лѣтъ былое, повидимому, хлынуло на него неудержимымъ потокомъ, омыло его сѣдые волосы, разгладило морщины и перевоплотило въ юношу, каковымъ онъ былъ сорокъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ, и дало его перу и карандашу увлекательную живость и очарованіе. Таково впечатлѣніе отъ знакомства съ рецензируемой книгой подъ угломъ требованія къ ней интереса чтенія. Но у г. Морозова счастливо соединились два элемента: онъ далъ занимательность и рядомъ съ тѣмъ лѣтъ очень серьезное, служащее прекрасными источниками для исторіи русскаго революціоннаго движенія. Движеніе среди молодежи семидесятыхъ годовъ нашло въ немъ своего правдиваго повѣствователя, изложившаго какъ таковое движеніе, проявилось въ нашей первопрестольной, и передъ нами проходитъ въ живомъ изображеніи рядъ лицъ, оставившихъ въ исторіи русской революціи какъ этого, такъ и послѣдующаго десятилѣтія значительный слѣдъ. Алексѣева, Лиза Дурново, Армфельдъ, Иванчинъ-Писаревъ, Кравчинскій, Клеменсъ и многіе другіе выглядываютъ изъ писаній г. Морозова живыми людьми, облеченными въ плоть и кровь обыкновенныхъ людей, а не въ театральные плащи героевъ, каковыми ихъ порою изображаютъ другіе лѣтописцы того бурнаго и интереснаго періода русской жизни. Все у г. Морозова просто, задушевно. Онъ полюбилъ своихъ новыхъ знакомыхъ всѣмъ пыломъ своей юной души, воскресилъ въ своей памяти ихъ образы и передалъ ихъ на своемъ литературномъ полотнѣ, каковыми они когда-то запечатлѣлись въ его памяти и сердцѣ.

Авторъ даетъ въ предисловіи интересную справку о происхожденіи первой части (первыхъ пяти главъ) своей автобіографіи. Онъ повѣствуетъ такъ: «Исторія эта (т. е. рассказъ «Въ началѣ жизни», написана не для публики, а для друга. За два года до отправленія Вѣры Николаевны Фигнеръ въ ссылку изъ плиссельбургской крѣпости я спросилъ ее однажды черезъ заборъ, раздѣлявшій наши крошечныя клѣтки-огородики на крѣпостномъ дворѣ: «Что бы такое мнѣ сдѣлать тебѣ въ подарокъ къ Новому году?»—«Напиши что-нибудь изъ своей жизни. Ничего другого я не хочу». Такой ея рѣшительный отвѣтъ сначала очень меня огорчилъ. Писать о своей жизни въ добычу окружающимъ насъ тюремщикамъ мнѣ не хотѣлось, и, кромѣ того, это отнимало часть времени отъ моихъ физико-математическихъ работъ, которымъ я придавалъ несравненно болѣе значенія, чѣмъ рассказамъ изъ своей личной жизни. Я все надѣялся когда-нибудь, при счастливомъ для меня стеченіи обстоятельствъ, передать свои научныя рукописи на волю, между тѣмъ какъ относительно мемуаровъ на это не было тогда никакой надежды. «Но въ чемъ состояла бы дружба,—подумалъ я,—если бъ мы не жертвовали по временамъ своими собственными планами для друга, если бъ иногда не сворачивали для него съ заранѣе намѣченной дороги?» И я написалъ ей о первыхъ годахъ моей сознательной жизни. Передъ своимъ отъѣздомъ Вѣра Николаевна переписала этотъ рассказъ съ за-

мѣной всѣхъ именъ псевдонимами и захватила съ собою въ числѣ своихъ собственныхъ рукописей, но, какъ я и предсказывалъ ей, рассказъ мой вмѣстѣ съ остальными бумагами литературнаго характера не доѣхалъ съ нею до Архангельской губерніи. Черезъ полгода пришелъ ко мнѣ въ крѣпость условленный знакъ, недоступный для нашихъ тюремщиковъ, но увѣдомившій меня, что Воа Constrictor, или Удавъ, какъ мы звали нашего коменданта, подчеркнулъ въ моихъ воспоминаніяхъ всѣ свободолюбивыя мѣста, чтобы обратить на нихъ вниманіе департамента полиціи, какъ на доказательство нераскаянности Вѣры Николаевны и автора этой рукописи, и послалъ по начальству. Департаментъ полиціи конфисковалъ всѣ рукописи Вѣры Николаевны. Мнѣ это показалось ничѣмъ не вызваннымъ враждебнымъ дѣйствіемъ противъ Вѣры Николаевны, потому что комендантъ могъ просто возвратить ей всѣ тѣ бумаги, которыя считалъ для себя неудобными, и представить ей самой рѣшеніе брать или не брать ихъ. «Значитъ, надо ихъ передать собственными силами помимо него»,—подумалъ я. Взявъ черновики моей рукописи, я пошелъ въ переплетную камеру и смазалъ всѣ ихъ листы жидкимъ растворомъ желатина. Затѣмъ я сложилъ ихъ четырьмя пачками и крѣпко сжалъ подъ пресомъ: Вся рукопись превратилась въ четыре листа плотнаго картона, расклеить который обычными способами не было никакой возможности, а разсмотрѣть рентгеновыми лучами, что это картонъ искусственный, было тоже нельзя по причинѣ значительной прозрачности карандашныхъ строкъ для рентгеновыхъ лучей. Затѣмъ я переплелъ въ этотъ картонъ двѣ изъ моихъ работъ по физикѣ и черезъ нѣсколько лѣтъ, при своемъ освобожденіи 28-го октября 1905 года, вывезъ вмѣстѣ съ собою на свободу. Приѣхавъ домой, я оборвалъ со своихъ тетрадей корки переплета и положилъ на нѣсколько дней въ горячую воду. Скрѣплявшій ихъ желатинъ постепенно разбухъ и растворился, всѣ листы отдѣлились другъ отъ друга и оказались вполне удобными для чтенія. Настоящая повѣсть и напечатана съ этихъ вывезенныхъ листовъ».

Таково происхожденіе первыхъ главъ или «повѣстей» г. Морозова, которыя онъ въ дальнѣйшемъ пополнилъ послѣдующими, печатая ихъ отъ времени до времени въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Собранныя вмѣстѣ, онѣ и составили первую часть автобіографіи, обнимающей собою его юность съ описаніемъ его хожденія «въ народъ». Этотъ послѣдній, т.-е. народъ, представленъ имъ въ цѣломъ рядѣ художественныхъ типовъ, гдѣ типы положительные и отрицательные перемежаются между собою въ живой неприкрашенной людской панорамѣ. Здѣсь нѣтъ ни идеализаціи народа, ни оклеветанія его. Художникъ-лѣтописецъ не терялъ присущей ему правдивости въ изображеніи и передачѣ видѣннаго и слышаннаго и не руководился въ своей работѣ никакими предвзятыми взглядами. Желательно, чтобы поскорѣе вышли и послѣдующіе выпуски «повѣстей» г. Морозова, и тогда мы будемъ имѣть въ нашемъ распоряженіи цѣнный источникъ для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи, написанный яркими красками и въ правдивомъ освѣщеніи.

Б. Глинскій.

В. Азбукинъ. И. А. Гончаровъ въ русской критикѣ (1847—1912). Орель. 1916. Ц. 2 р. 50 коп. Стр. V+II+293.

Книга г. Азбукина представляет собою обзоръ критической литературы о Гончаровѣ за періодъ съ 1847 г. по 1912 г. включительно. Обзоръ этотъ произведенъ по слѣдующей схемѣ: первая глава посвящена вопросу объ «объективности» таланта этого писателя, вторая—отзывамъ критики объ «Обыкновенной исторіи», третья—«Фрегату Палладъ», четвертая—«Обломову», пятая—«Обрыву», шестая—женскимъ типамъ Гончарова, седьмая—изложенію взглядовъ на Гончарова, выраженныхъ въ книгахъ Е. Ляцкого и В. Острогорскаго, восьмая—обзору юбилейной литературы 1912 г.

Авторъ потратилъ, вѣроятно, не мало времени на свою компиляцію, но, потративъ много труда, онъ не позаботился совершенно о томъ, чтобы облегчить хоть сколько-нибудь читателю его читательскую работу. Начиная съ самыхъ виѣшнихъ методологическихъ пріемовъ и кончая основнымъ, кардинальнымъ вопросомъ—объ «объективности» творчества Гончарова, все вызываетъ сомнѣніе въ правильности разрѣшенія поставленной задачи, въ трудности использованія книги даже для учебныхъ цѣлей, не говоря объ ученыхъ. Въ подобныхъ книгахъ необходимо или излагать каждую критическую статью своими словами, принимая, разумѣется, полную отвѣтственность на себя за правильность и аптечную точность излагаемой чужой мысли, или систематически цитировать даннаго критика, послѣдовательно и до конца излагая ходъ его размышленій по поводу каждаго отдѣльнаго произведенія, или производить изложеніе и цитацию въ хронологическомъ порядкѣ, или, ужъ если дѣлать такъ, какъ г. Азбукинъ,—цитаты попережку съ изложеніемъ собственнымъ,—тогда нужно дѣлать самыя точныя ссылки. Между тѣмъ, г. Азбукинъ ссылается самымъ общимъ образомъ, напримѣръ: «Москвитянинъ» 1852, т. V, или Айхенвальдъ («Русская Мысль», 1901, 9) и т. д. Легко ли при такой ссылкѣ найти нужное мѣсто при провѣркѣ или справкѣ, предоставляемъ судить г. Азбукину. Еще хуже обстоитъ дѣло съ цитированіемъ разныхъ критиковъ: Бѣлинскій. Соч. т. XI, Добролюбовъ, соч. т. II. Какое изданіе сочиненій Бѣлинскаго имѣетъ въ виду компиляторъ, какимъ текстомъ онъ пользуется, насколько этотъ текстъ критически правиленъ? Эти элементарныя «тонкости», повидимому, не интересовали автора книги. Но въ такомъ случаѣ научное значеніе ея минимально. Указатели именной и предметный, само собою, отсутствуютъ. Книга сброшюрована, но не сшита, и поему вся разваливается по листкамъ.

Авторъ задался цѣлью, именно задался, а не приходитъ силою вещей къ опредѣленному выводу, доказать, что творчество Гончарова было объективно, причѣмъ совершенно не уславливается съ читателемъ въ понятіяхъ. «Отсутствіе въ литературной дѣятельности чего-либо шумнаго, сенсационнаго, рѣзко-фальшивыхъ нотъ, неловкихъ черточекъ, искусственныхъ штриховъ, пользованіе исключительно художественными средствами, литературнымъ талантомъ, огромнымъ, сильнымъ, оригинальнымъ, пренебреженіе всѣмъ тѣмъ, что могло бы вывести его изъ сферы чистаго искусства, отсутствіе увлеченій шумною ареною борьбы, внезапными порывами общественнаго самосознанія,—вотъ

въ общихъ чертахъ объективность Гончарова» (стр. 14—15). Не говоря о томъ, что подъ эту сводку подойдетъ любой выдающійся художникъ слова: Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ, Чеховъ,—мы не видимъ въ этой характеристикѣ того, что можетъ быть названо «формула для Гончарова», ибо въ этой характеристикѣ какъ разъ и нѣтъ ничего характернаго, т. е. индивидуальнаго. Да и вообще цѣнность художника слова не измѣряется его патріархальной «объективностью», а именно тѣмъ «необщимъ выраженіемъ» его лица, которое будетъ всегда у него. Наконецъ, самъ авторъ противорѣчитъ себѣ, указывая сначала на «отсутствіе увлеченій шумною ареною борьбы» у Гончарова, а затѣмъ утверждая, что «главная мысль всего творчества» Гончарова —его указаніе на русскую «псевдо-культуру», выразившуюся въ «псевдо-либерализмѣ». Выводъ слишкомъ ничтожный, и въ историко-литературномъ смыслѣ этотъ выводъ—пустое мѣсто. Такъ все попрежнему, и справа, и слѣва, мы продолжаемъ заниматься публицистикой, убивая драгоценное время, силы и матеріальныя цѣнности.

В. Кн.

Д. К. Зеленинъ. Очерки русской мифологіи. Вып. первый. Умершіе неестественной смертью и русалки. Птр. 1916. Стр. 16+312 Ц. 4 руб.

Уже много лѣтъ работающій въ области русской этнографіи проф. харьковскаго университета Д. К. Зеленинъ въ своей новой книгѣ открываетъ любопытную страницу древне-русской жизни и вѣрованій, давая изслѣдованіе объ «убогихъ домахъ». Такъ назывались погреба, которые устраивались за околицами городовъ и селеній и куда складывались трупы умершихъ скоропостижной или неестественной смертью. Здѣсь они лежали до семика, когда происходило общее погребеніе всѣхъ покойниковъ убогаго дома, въ Москвѣ даже въ присутствіи патріарха. Въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ убогіе дома называются по-библейски «скудельницами». Иногда они носили временный характеръ, напр., во время эпидемій, но были и постоянные каменные убогіе дома. Убогіе дома были уничтожены только въ 1771 году по приказу Екатерины II.

Происхожденіе ихъ объясняется особымъ культомъ умершихъ неестественной смертью, существовавшимъ на Руси. Такіе покойники назывались «заложными», т. е. заложными, закиданными вѣтками, кольями, въ отличіе отъ закопанныхъ въ землю, такъ какъ умершіе неестественной или внезапной смертью въ древности не хоронились. Существовала вѣра, что земля гнѣвается, если въ ся нѣдра хоронится нечистое, и выражаетъ это въ весеннихъ морозахъ, вредныхъ для посѣвовъ.

Древне-русская церковь, которая не могла помириться съ такимъ отношеніемъ къ покойникамъ, пошла на компромиссъ и создала убогіе дома: тогда покойники не валялись по полямъ и оврагамъ, но ихъ и не хоронили до того времени, когда минуетъ опасность весеннихъ заморозковъ.

Въ связи съ культомъ «заложныхъ» стоитъ вѣра въ русалокъ: это—«заложная» женщины и дѣти.

Проф. Зеленинъ доказываетъ это въ противоположность теоріямъ С. М. Соловьева и А. П. Веселовскаго, утверждавшимъ, со словъ нѣмецкихъ ученыхъ, что русалки—вообще души предковъ.

Новое изслѣдованіе Д. К. Зеленина изобилуетъ богатымъ фактическимъ матеріаломъ и читается очень легко. —въ.

Ө. А. Рязановскій. «Демонологія въ древне-русской литературѣ». М. 1916. (Изъ записокъ Имп. моск. археол. института). Стр. 126. Ц. 1 р. 50 к.

Заглавіе книжки г. Рязановскаго шире ея содержанія: на страницѣ 7-й авторъ заявляетъ, что онъ беретъ для изслѣдованія только книжную древне-русскую литературу и «совсѣмъ опускаетъ изъ поля зрѣнія памятники народной словесности».

Разсмотрѣвъ образы бѣсовъ, встрѣчающихся въ древне-русской литературѣ, г. Рязановскій долженъ былъ прійти къ выводу, что «древне-русскій бѣсъ въ своей литературной первоосновѣ восходитъ къ Библии и преимущественно къ книгамъ Новаго Завѣта» (стр. 125); далѣе онъ отмѣчаетъ вліянія демонологіи перво-христіанской, византійской, болгарской (богумильской) и доходитъ до возникновенія у насъ вліяній демонологіи западной...

Все безспорное и очевидное изучено г. Рязановскимъ основательно и изложено, по большей части, толково. Но, къ сожалѣнію, онъ не обратилъ вниманія на вопросы болѣе сложные, а именно—на тѣ измѣненія, которыя, несомнѣнно, претерпѣвали образы иноземныхъ бѣсовъ, появляясь на Руси. Намъ кажется, что и въ книжной литературѣ такого рода измѣненія существуютъ, и подмѣтить ихъ было бы чрезвычайно важно... Вѣроятно, въ связи съ отмѣченнымъ нами упущеніемъ г. Рязановскій не сдѣлалъ сколько-нибудь глубокихъ выводовъ изъ того матеріала, который онъ подвергъ обработкѣ; а также онъ оставилъ безъ вниманія тотъ первоисточникъ чуть ли не всей европейской демонологіи, каковымъ должна быть признана Вавилонія; почти не затронулъ онъ вопроса и о талмудической демонологіи, глубокое вліяніе которой на частности перво-христіанскихъ воззрѣній врядъ ли возможно отрицать. (Мимолетное упоминаніе объ этомъ на стр. 10).

Тема работы г. Рязановскаго соприкасается съ вопросами крайне важными, которые въ ближайшемъ будущемъ могутъ занять выдающееся мѣсто не только въ ученой, но и въ общей литературѣ. Суть этихъ «вопросовъ» сводится къ тому, чтобы окончательно выдѣлить семитическія настроенія въ міровоззрѣніи индо-германскихъ народовъ, проникшія къ нимъ вмѣстѣ съ христіанствомъ, а также благодаря широкому расселенію евреевъ по Европѣ.

Книжка г. Рязановскаго, будучи въ общемъ не бесполезной, для указываемой нами цѣли даетъ все же слишкомъ мало. Въ частности г. Рязановскому не удалось поколебать весьма цѣннаго (и отраднаго) мнѣнія Ө. И. Буслаева о бѣдности національной русской демонологіи.

Александръ Тняковъ.

А. Н. Пыпинъ. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. Редакція и примѣчанія Г. В. Вернадскаго. Изд. «Огни»; Петроградъ. 1916. Цѣна 4 р. 75 к.

Заглавіе книги не даетъ точнаго опредѣленія ея содержанія: нѣтъ вовсе указанія, что книга эта не новѣйшее изслѣдованіе по вопросу о русскомъ вольномъ каменщичествоѣ, а лишь изданіе и перепечатка трудовъ А. Н. Пыпина, давность коихъ многими годами превышаетъ тридцать лѣтъ.

Между тѣмъ широкая публика за послѣдніе годы такъ сильно интересуется масонствомъ, что каждая вновь изданная книга въ этой области раскупается нарасхватъ, въ чаянїи узнать нѣчто новое въ этомъ старомъ, но все еще нерѣшенномъ вопросѣ. Сочиненія же А. Н. Пыпина, бывшія весьма интересными въ 1873 г., уже не могутъ въ 1916 г. представлять никакого интереса для широкой публики по той простой причинѣ, что писавшему ихъ ученому не были совершенно извѣстны очень многіе матеріалы (документы письменные и символическіе знаки), обнаруженные постепенно изслѣдователями въ семейныхъ архивахъ и частныхъ коллекціяхъ за послѣдующія 40 лѣтъ и выяснившіе вопросы, бывшіе для А. Н. Пыпина загадочными, непонятными. Такимъ образомъ, эта книга не для широкой публики, а лишь для тѣхъ изслѣдователей, которыхъ интересовать можетъ точка зрѣнія на масонство ученыхъ 70 гг. прошлаго вѣка.

Относительно цѣннымъ въ книгѣ является лишь хронологическій указатель масонскихъ ложъ, цѣннымъ потому, что позднѣе его первоначальнаго изданія въ 1873 г. болѣе подробнаго не появлялось, не вполнѣ же цѣннымъ потому, что въ немъ много неправильностей: справочной книгой онъ хотя и можетъ служить, но не вполнѣ точной.

Въ предисловіи къ книгѣ Г. В. Вернадскій указываетъ, что имъ «много усилій потрачено на переработку» «Указателя» и что взаменъ прежнихъ 142 ложъ отмѣчено 187. На «Указатель», значить, каждый изслѣдователь сосредоточитъ вниманіе, а потому приведу неточности его. Въ заглавіи обозначено: «Хронологическій указатель *русскихъ* ложъ», однако отъ № 73. по № 107 и отъ 155 по 169 перечислены польскія и литовскія логи, не входившія въ составъ русскихъ союзовъ. Слѣдовательно, какъ не русскія, изъ числа 187 отпадаютъ 49 ложъ. Далѣе капитулъ Феникса ни въ XVIII, ни въ XIX в. самостоятельной ложей не былъ: это былъ лишь тайный совѣтъ, тайное правленіе, извѣстное всему братству подъ названіемъ Великой Управляющей ложки, сначала національной, затѣмъ Директоріальной Владимира къ Порядку и, наконецъ, Провинціальной значить, изъ 187 ложъ отпадаютъ еще 2 нумера. Нѣкоторыя логи, о коихъ запутанныя свѣдѣнія встрѣчаются въ различныхъ источникахъ подъ разными годами, — указателемъ считаются за отдѣльныя логи (хотя и подъ вопросомъ). Такъ, ложа Постоянства три раза, логи Счастливаго Согласія, Клію и св. Екатерины по два и т. п. Одноименныя логи XVIII и XIX вѣка то показаны подъ различными номерами, то подъ однимъ, хотя и составляютъ одну и ту же ложу, отчего получается большая неясность, мѣшающая также и вѣрному подсчету числа ложъ. Ничѣмъ не обосновано приведеніе наименованія ложъ для нѣкоторыхъ изъ трехъ языковъ, а для иныхъ лишь на одномъ. Такого рода порядокъ дѣлаетъ указатель

характера точной научности (что необходимо для справочной книги), а придает ему характер случайности.

Не останавливаясь на перечисленіи отдѣльныхъ ошибокъ въ датировкѣ ложъ, какъ, напримѣръ, отнесеніе ложки Гарпократъ къ 1803 году, тогда какъ учрежденіе ея состоялось лишь въ 1821 г., не могу не высказать сожалѣнія, что книга отпечатана на бумагѣ сѣровой, невысокаго качества.—Конечно, непрочное качество бумаги вполне объясняется трудностью добыть бумагу вообще при ея недостаткѣ въ настоящее время.

Но для собирателя книгъ качество бумаги имѣть большое значеніе.

Тира Соколовская.

«Русскій Экскурсантъ». Журналъ родиновѣдѣнія и экскурсіоннаго дѣла. Годъ третій. №№ 1—2, 3, 4, 5, 6, 1916 г. Редакторы П. А. Критскій, Н. Г. Первухинъ, Н. С. Соколовъ. Изд. С. И. Вахромѣевъ. Ярославль.

Сейчасъ передъ нами всего пять книжекъ этого полезнаго во всякомъ случаѣ изданія. Напомнимъ, что «ярославская экскурсіонная коммисія» начала съ марта мѣсяца 1914 г. издавать журналъ, который долженъ отвѣчать вопросамъ, вызываемымъ экскурсіоннымъ дѣломъ. Основною своею цѣлью журналъ поставилъ содѣйствіе развитію въ русской молодежи путемъ экскурсій любви къ родинѣ и знакомства съ нею. Въ осуществленіи этой задачи журналъ идетъ навстрѣчу объединенію всѣхъ общественныхъ и частныхъ организацій, въ-дающихъ экскурсіонное дѣло въ Россіи, и стремится прійти на помощь учебнымъ заведеніямъ, а также отдѣльнымъ лицамъ въ подготовкѣ и организаціи экскурсій по Россіи. Но, видимо, всяческая страда нашихъ дней сказалась и на выпускѣ номеровъ «Русскаго экскурсанта». Въ №№ 1—2 журнала г. Розановъ даетъ своего рода сводную работу «Родиновѣдѣніе въ Россіи», касаясь и теоріи и практики прошлаго и настоящаго трактуемаго предмета. Здѣсь же читаемъ и статейку на тему живую, очередную, если хотите, въ скоромъ времени «Трудовая ученическая экскурсія» (въ Вологдѣ). Въ №№ 1—2 же начинается и пространная статья «Изъ воспоминанія профессора Петра» (объ ученическихъ паломничествахъ по Россіи и чужбинѣ). Назовемъ очерки и снабженные рисунками—г.г. Соловьева: «Владимиръ на Клязьмѣ» (въ № 3), Олега Маковского: «По историческимъ святынямъ земли Русской. Борисоглѣбскія слободы» (въ № 5), г. Первухина—«Боровскъ и его окрестности» (въ №№ 5 и 6). Отмѣтимъ и сообщеніе г. Шестакова «На родинѣ В. А. Жуковскаго» (№ 3). А изъ воспоминаній учащихся—отчетъ г. Петченка «Отъ Херсона до Днѣпровскихъ пороговъ» (№№ 5 и 6). Стараются редакторы «Экскурсанта» пополнять и непосредственно дѣловые отдѣлы изданія (соотвѣтственные доклады въ разныхъ обществахъ, хроника экскурсій, справки для нихъ).

А. Надимовъ.

П. М. Бицилли. «Салимбене» (Очерки итальянской жизни XIII вѣка). Одесса. 1916. Стр. 390.

Трудъ г. Бицилли является, несомнѣнно, обогащеніемъ нашей литературы по исторіи средневѣковой Итали по своимъ заданіямъ и цѣлямъ, интереснымъ и для историка вообще. Названная книга посвящена извѣстному итальянскому хронисту XIII вѣка, францисканцу Салимбене, котораго авторъ разсматриваетъ въ связи съ современными ему социальными-экономическими явленіями, исторіей политическихъ идей, литературныхъ формъ (хроника, автобіографія) и духовной культуры. При этомъ авторъ идетъ не отъ Салимбене къ окруженію его, а наоборотъ—отъ среды къ Салимбене, обнаруживая въ немъ типическія черты представителя своей эпохи. Благодаря такой, на нашъ взглядъ, въ данномъ случаѣ единственно плодотворной постановкѣ вопроса, подвергнуты разсмотрѣнію важнѣйшія проблемы культурной исторіи расцвѣта средневѣковья. Въ ней же, какъ намъ кажется, заключено послѣднее объясненіе, какъ слабыхъ, такъ и сильныхъ сторонъ книги. Широта затронутыхъ въ «Салимбене» вопросовъ не позволила съ одинаковою полнотою остановиться на всѣхъ, и архитектурно-скій центръ изслѣдованія заставилъ многого коснуться лишь мимоходомъ. Авторъ иногда точно не считаетъ себя въ правѣ углубиться въ вопросъ до конца, иногда довольствуется приблизительной формулировкой своего мнѣнія или намекомъ. По новому, свѣжо подойдя къ какой-нибудь проблемѣ, онъ точно спѣшитъ къ другой, часто не особенно заботясь о четкости своего рисунка. Такъ, вполне признавая цѣнность замѣчаній П. М. Бицилли о средневѣковой автобіографіи и мистикѣ въ связи съ развитіемъ «индивидуализма», приходится пожалѣть о недостаточной выясненности послѣдняго понятія или сдержанности автора въ его раскрытіи. Равнымъ образомъ не вполне удовлетворяетъ и глава автора о социальной борьбѣ въ итальянскихъ коммунахъ. Въ связи съ тою же постановкой темы стоитъ, какъ намъ кажется, и нѣкоторое пренебреженіе къ архитектурникѣ труда: авторъ часто уходитъ въ сторону отъ главной своей темы, предоставляя читателю не терять ее изъ виду. Недостаткомъ книги является и двойственность въ приемахъ изложенія. Живое и увлекательное развитіе основныхъ мыслей автора перебивается страницами специальныхъ изысканій, интересныхъ и доступныхъ лишь специалистамъ, колоритные переводы—длинными цитатами по-латыни, на итальянскомъ или старо-французскомъ языкѣ. Этимъ искусственно суживается кругъ читателей «Салимбене», отпугиваемыхъ внѣшностью, и это тѣмъ досаднѣе, что по содержанію своему книга интересна не только для специалистовъ. А между тѣмъ автору не стоило бы большого труда огнести свои специальныя изысканія и большинство приводимыхъ въ текстѣ цитатъ въ примѣчанія или экскурсы, какъ онъ и поступилъ съ нѣкоторыми специальными вопросами. Правда, такова уже традиція нашей исторической литературы, откровенно пренебрегающей доступностью и ясностью изложенія. Тѣмъ необходимѣе намъ кажется призывъ къ забытымъ образцамъ и завѣтамъ не превзойденныхъ мастеровъ исторіи, подоненной самими мелочными вопросами,

Мы позволили себѣ остановиться на слабыхъ сторонахъ книги потому, что цѣнимъ ея сильныя стороны. П. М. Виццали непосредственно и живо, отвергая привычные шаблоны историографіи, подходит къ своимъ темамъ. Со многими положеніями автора можно спорить—здѣсь этому не мѣсто—но онъ выдвигаетъ проблему и, что еще важнѣе, даже не соглашаясь съ нимъ, приходится вести споръ въ указанной имъ плоскости, которая и оказывается единственно возможной. Особенно цѣнными намъ кажутся послѣднія главы труда. Въ нихъ авторъ даетъ важныя наблюденія по исторіи францисканства, въ частности очень мѣтко опредѣляя характеръ движенія спиритуаловъ и чутко анализируя такое явленіе, какъ іоахимизмъ. Здѣсь же авторъ подводитъ итоги своего изслѣдованія, на дѣлѣ оправдывая свой подходъ къ темѣ. П. М. Виццали старается выяснитъ основныя черты общественной психологіи XIII вѣка, уловить нѣкоторую изначальную связь различныхъ сторонъ изучаемой эпохи, нѣкоторый основной укладъ психики интеллигенціи XIII вѣка, проявляющійся и въ религіозности, и въ социальныхъ настроеніяхъ, и въ политической идеологіи. Мы считаемъ дѣломъ чрезвычайной важности (и не только для историковъ Италіи XIII в.) уже самую постановку этой проблемы, безъ рѣшенія, хотя бы приблизительнаго, которой не понятна вообще историческая жизнь и не можетъ существовать истинная исторія. Съ предлагаемымъ авторомъ рѣшеніемъ, конечно, можно спорить. Его могутъ упрекнуть за то, что рѣшеніе это выражено нѣсколько приблизительно, въ общихъ чертахъ. Но подробный анализъ поставленной авторомъ чрезвычайно трудной и сложной проблемы увелъ бы его далеко отъ «Салимбене», а мы надѣемся, что и уведесть въ ближайшихъ же работахъ—къ постановкѣ и изслѣдованію ея въ полномъ объемѣ.

Л. Карсавинъ.

И. А. Аксеновъ. «Елисаветинцы». Выпускъ первый. Книгоиздательство «Центрифуга». Москва. 1916. Стр. 299. Ц. 4 руб.

Молодое книгоиздательство «Центрифуга», послѣ ряда скандально-крикливыхъ футуристскихъ книжекъ, предприняло чрезвычайно интересную серію изданій, посвященныхъ мало извѣстнымъ драматическимъ произведеніямъ англійскихъ писателей XVI вѣка, «елисаветинцевъ», т. е. писателей, литературная дѣятельность которыхъ протекала въ пятидесятилѣтіе, послѣдовавшее за 1587 годомъ, въ эпоху англійскаго Возрожденія. Эта блестящая эпоха нашла яркое и полное отраженіе себѣ именно въ театрѣ, который достигъ тогда небывалой высоты. «Сорокъ поэтовъ, между которыми десять чрезвычайно талантливыхъ и одинъ гениальнѣйшій, изображали словами душу, нѣсколько сотъ пьесъ, въ томъ числѣ около 50 образцовыхъ произведеній; драма, заимствующая сюжеты изъ всѣхъ отдѣловъ исторіи, воображенія и фантазіи, раздвинувшая предѣлы свои далеко за область комедіи, трагедіи, пасторали и грёзы; изображающая всѣ ступени человѣческаго общества и всѣ капризы людской изобрѣтательности; выражающая мельчайшія подробности ходячихъ истинъ и все философское величіе общихъ размышленій; сцена, свободная отъ всякой рутинны и подражанія, приспособленная во всѣхъ рѣшительно отношеніяхъ къ поня-

тіямъ и вкусамъ публики»,—вотъ что представлялъ собою, по словамъ Тэна, тогдашній театръ. Русская публика только по трудамъ профессора Стороженка, по «Исторіи англійской литературы» И. Тэна, по недавно появившимся переводамъ театра Марло да по немногимъ случайнымъ статьямъ имѣть нѣкоторое представленіе о литературѣ этой удивительной эпохи англійскаго Возрожденія. Поэтому нужно горячо привѣтствовать каждую новую попытку изслѣдованія и ознакомленія съ трудами предшественниковъ и сверстниковъ Шекспира.

Разсматриваемый нами выпускъ заключаетъ трагедію Джона Форда «Какъ жаль ее развратницей назвать», Джона Вебстера «Вѣлый дьяволъ или трагедія о Паоло Джордано Орсини, герцога Браччяно, а также жизнь и смерть Витторіи Карамбоны, знаменитой венеціанской куртизанки» и К. Тернера «Трагедія атеиста или мести благороднаго челоуѣка»; кромѣ того, въ книгу входятъ комментаріи переводчика, названные почему-то «Ервои», и трагическая исторія Франсуа де-Россе «О кровосмѣсительной любви брата и сестры и о несчастной и трагической ихъ кончинѣ»; эта исторія является любопытной параллелью къ пьесѣ Форда.

Трагедія Форда сразу захватываетъ читателя и прочитывается съ неослабнымъ, волнующимъ вниманіемъ. Какіе типы, какія положенія, какіе характеры, какія страсти, побужденія, душевныя переживанія! Какъ искусна, проста и жизненна роль каждаго персонажа пьесы, рѣчь, заключенная въ тѣсныя рамки стиха, окованная законами тогдашней «литературности»! Какой кипучій полетъ воображенія, какая сила, выразительность! Сколько чувства, огня, бѣшеной энергіи, сколько великихъ и смѣлыхъ дерзаній! Въ этой одной трагедіи Форду посчастливилось, именно какъ талантливому поэту, нагляднѣе и убѣдительнѣе многихъ томовъ ученыхъ изслѣдованій изобразить тѣ неистовства, то пресыщеніе, ту неудовлетворенность старымъ, пылко неудержимое стремленіе къ новымъ берегамъ, стремленіе къ утвержденію своей личности, своей воли, возмущеніе противъ обычныхъ доктринъ нравственности, челоуѣческихъ и Божескихъ законовъ, юношеской жажды подвиговъ, опасностей и побѣдъ,—все, что такъ характерно для эпохи англійскаго Возрожденія. Содержаніе пьесы Форда—страшная кровосмѣсительная любовь брата и сестры, Джіованни и Аннабеллы. Они долго страдаютъ, будучи не въ силахъ признаться другъ другу въ этой великой и ужасной тайнѣ. Но признанія вмѣстѣ съ сладкимъ ядомъ запретной любви, конечно, навлекаютъ на нихъ тягчайшія несчастія, они гордо, смѣло и сознательно идутъ навстрѣчу близкой смерти и оба мужественно умираютъ. Поразительна по высотѣ трагическаго паѣоса сцена (д. IV, сц. 3), гдѣ мужъ, за котораго насильно выдали Аннабеллу, открываетъ, что она беременна, и требуетъ отъ нея назвать имя любовника. Ея монологъ, ея страстная защита безусловно одно изъ величайшихъ мѣстъ во всей міровой драматической литературѣ. «Это знаменитыя слова,—говоритъ Метерлинкъ,—выбрасываемыя, какъ драгоценныя камни въ бурю, изъ глубинъ челоуѣческой души». Тэнь въ своемъ знаменитомъ трудѣ, также глубоко восхищенный этой сценой, прямо говоритъ: «Прочтите сами эту удивительную и страшную сцену брачной ночи». Финалъ этой трагедіи производитъ огромное впечатлѣніе; тутъ граница, вершина драматическаго искусства, которую уже нельзя переступить.

При чтеніи «Аннабеллы» мнѣ невольно вспомнилась пьеса одного изъ крупнѣйшихъ современныхъ писателей, въ основу которой положенъ тотъ же мотивъ—любовь брата къ сестрѣ. Это—«Мертвый городъ» Габріэля д'Аннунціо. Какъ все здѣсь блѣдно, неубѣдительно, безжизненно, несмотря на блестящій языкъ, несмотря на изысканную красоту и изощренные сценическіе эффекты. Не тѣ люди, не та эпоха, не тѣ вѣянія и настроенія въ дѣйствительной жизни, и въ результатѣ только сказка, правда, изящная, тонкая, но отъ которой отдаютъ лишь книжностью и надуманностью.

Сильное впечатлѣніе производитъ трагедія Дж. Вебстера «Бѣлый дьяволъ»; полны особаго историческаго любопытства и своеобразія облики героевъ этой трагедіи; общее настроеніе пьесы мрачное, полное изступленныхъ страстей, дикой ненависти и какой-то отчаянной непреодолимой жестокости. Дѣйствие развивается быстро, кипуче, причѣмъ самая разбросанность дѣйствія даетъ автору возможность представить цѣлый рядъ захватывающихъ сценъ то во дворцахъ, то въ судѣ, то въ потаенномъ кабинетѣ, гдѣ какой-то колдунъ производитъ свои зловѣщія убійственныя заклинанія и т. д. Языкъ жесткій, но сильный, выразительный; діалогъ ведется живо и непринужденно, то вспыхивая яркими искрами адскаго сарказма, то журча плѣнительными и нѣжными признаніями влюбленныхъ, то озадачивая современнаго читателя энергичными, но черезчуръ ужъ грубыми, по-нашему, и сильными выраженіями.

«Трагедія атеиста» К. Тернера также полна великихъ и бурныхъ страстей, кипучихъ и смѣлыхъ дерзаній, насыщена гнетущею атмосферою тайныхъ и явныхъ злодѣяній, преступленій, пороковъ и ужасовъ.

Особая прелесть всѣхъ этихъ трагедій заключается въ томъ, что мы какъ бы присутствуемъ въ творческой лабораторіи великаго Шекспира, что мы какъ бы погружаемся въ особую атмосферу, и историческую, и поэтическую, въ которой развертывался гений Шекспира. Самый духъ шекспировской эпохи переданъ въ этихъ трагедіяхъ изумительно полно и живо, и въ этомъ для насъ заключается особенная прелесть яркихъ трагедій Форда, Вебстера и Тернера.

Русскій переводъ, къ сожалѣнію, нельзя назвать удовлетворительнымъ. Пытаясь сохранить размѣръ подлинника, переводчикъ, въ угоду формѣ, часто такъ искажаетъ русскій языкъ, что безъ оригинала невозможно добиться полнаго смысла; затѣмъ неправильная разстановка словъ въ стихахъ, неуклюжіе неологизмы, странная манера разстановки знаковъ препинанія, все это очень портитъ работу г. Аксенова. Правда, онъ признается, что недостатки и «слабость» его труда, можетъ быть, раздражать «кого-либо способнѣйшаго», который и обратится къ новымъ переводамъ писателей этой эпохи. Нужно сознаться, что такое оправданіе или объясненіе по меньшей мѣрѣ странно.

Въ общемъ же первый выпускъ «Елисаветинцевъ» обращаетъ на себя вниманіе любителей, которые съ нетерпѣніемъ будутъ ждать продолженія этого полезнаго и интереснаго изданія. Во второмъ выпускѣ предполагено помѣстить произведенія Бомонта, Флетчера, Массинджера и Гейвуда.

Д. М—ко.

«Временникъ». Вып. I. Изданіе Сѣвернаго кружка любителей изящныхъ искусствъ. Вологда. 1915. Стр. 122. Ц. 2 р.

Изданіемъ I выпуска «Временника» Сѣверный кружокъ любителей изящныхъ искусствъ въ Вологдѣ ознаменовалъ десятилѣтіе своей дѣятельности. Краткая, но обстоятельная вводная статья С. Эрнста даетъ очеркъ жизни кружка и его разнообразныхъ, культурно-просвѣтительныхъ начинаній.

Нѣсколько выставокъ произведеній мастеровъ, стоящихъ во главѣ художественныхъ теченій нашихъ дней, цѣлый рядъ лекцій по общимъ и мѣстнымъ вопросамъ искусства, музыки, театра, основаніе библиотеки, организація музея, рядъ уже совершенныхъ экскурсій и рядъ еще стоящихъ на очереди начинаній, какъ устройство мѣстныхъ кустарныхъ мастерскихъ, кружевныхъ артелей, организація архитектурнаго бюро, издательскаго дѣла и проч., достаточно ярко обрисовываютъ полную энергію дѣятельность кружка. Необходимо привѣтствовать и его новое начинаніе—изданіе «Временника». Однако также необходимо отмѣтить, что первый выпускъ журнала недостаточно отвѣчаетъ той цѣли (изученію художественной старины Сѣвера и искусства во всѣхъ его отвѣтвленіяхъ), которая редакціей намѣчена въ предисловіи. Въмѣсто дѣйствительнаго изученія археологическаго и художественнаго матеріала русскаго Сѣвера, что могло бы служить одной изъ важнѣйшихъ и насущно-необходимыхъ задачъ кружка, добрая половина журнала посвящена малоинтереснымъ и поверхностнымъ замѣткамъ, путевымъ запискамъ и критическимъ упражненіямъ. За исключеніемъ спокойной и объективной статьи С. Эрнста—«Церковь святого Никола въ Владычній слободѣ» (во Фрязиновѣ) таковы статьи: «Къ изученію рукописей», «Русскіе города—разсадники искусства», «Бабушка-сказительница», «Поѣздка въ монастыри: Терапонтовъ, Кирилло-Бѣлозерскій и Горицкій». Авторъ послѣдней статьи, описывая храмъ Рождества Богородицы въ Терапонтовомъ монастырѣ, среди обильно расточаемыхъ восторговъ, замѣчаетъ: «Въ алтарѣ краски мистичнѣе, суровѣе. Вѣроятно, тамъ писали дѣти (!) У молодыхъ всегда больше догматичности. Сыновья требовательнѣе смотрѣли на жизнь, чѣмъ старикъ-отецъ, который, изживъ и доброе, и злое, свѣтло радовался міру». «Такова замѣчательная сокровищница художественныхъ красотъ на Сѣверѣ Россіи», замѣчаетъ авторъ, но не такого описанія заслуживаетъ эта сокровищница, какъ и другія древнія обители, описанныя авторомъ. Правда, это—путевой дневникъ, но и статьи, посвященныя изученію мѣстныхъ памятниковъ искусства, также далеки отъ объективной исторической критики. Статья И. Евдокимова «Вологодскій иконникъ Григорій Агеевъ» скорѣе говоритъ объ энтузіазмѣ автора и его увлеченіи не самими памятниками искусства, а широковъзвѣщательными теоріями послѣднихъ дней о древне-русскомъ художественномъ творествѣ. Описывая икону архангела Михаила работы Агеева—памятникъ цѣнный, какъ единственный подписной экземпляръ этого мастера, но вполне обычный для русскаго иконописи XVII вѣка, авторъ замѣчаетъ, что «въ созданіи Григорія Агеева въ миниатюрѣ отражается вся исторія иконописныхъ теченій, властвовавшихъ на Сѣверѣ, бывшемъ попеременною волостью то Новгорода, то Москвы». «Ро-

дилось отзывное», продолжает авторъ. «Простодушный, много навидавшийся въ Москвѣ, Григорій Агеевъ претворилъ въ себѣ, въ своей богатой древними традиціями средѣ заимствованное и выявилъ старо-новый образъ вѣчно омолажаемаго искусства. Творчество же суть (sic) вѣчно ново и искрометно въ своемъ проявленіи». Надо полагать, что «Временникъ» въ своихъ будущихъ выпускахъ удѣлитъ болѣе мѣста точнымъ изслѣдованіямъ мѣстныхъ иконописныхъ и художественныхъ теченій, а не такимъ замѣткамъ рекламнаго характера, въ которыхъ памятники старины Вологды и Сѣвера Россіи вовсе не нуждаются. Оригинальна, но также мало убѣдительна (особенно при сличеніи изданныхъ снимковъ) мысль автора? Замѣтки о вологодскихъ иконописцахъ XVII вѣка» объ «идентичности» автора росписей церкви Юанна Предтечи въ Вологдѣ и Іліи Пророка въ Ярославлѣ Д. Г. Плеханова, о которомъ авторъ статьи между прочимъ замѣчаетъ: «Плехановъ—это эра иллюстративной живописи. Эра фресочной дидактики. Эра канонической православной энциклопедіи на стѣнахъ храма. И слѣды этой эры хранятся въ вологодскихъ и ярославскихъ чертахъ. Симъ гордимся...» Немного же автору нужно!

Послѣдніе два отдѣла «Временника» «Изъ жизни кружка» и «Художественная лѣтопись» касаются личной жизни кружка.

Е. С.

Ө. Ө. Аристовъ. Карпаторусскіе писатели. Изслѣдованіе по неизданнымъ источникамъ, въ трехъ томахъ. Томъ первый. Москва. 1916. Стр. XVI+304+32 портрета. Цѣна 3 рубля.

«Обыкновенно историки русской литературы,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—ограничивались разсмотрѣніемъ жизни и творчества писателей, работавшихъ въ Россіи. Дѣятели же общерусской литературы въ Карпатской Русіи, къ великому сожалѣнію, оставались внѣ поля изслѣдованія. Отсюда происходило явное противорѣчіе. Въ то время, какъ статистика и этнографія устанавливали существованіе четырехъ милліоновъ русскаго народа въ Австро-Угріи, исторія литературы, замалчивая фактъ литературнаго развитія Карпатской Русіи, какъ бы опровергала неопровержимыя данныя статистики и этнографіи. Односторонность и неправильность такого явленія нужно прежде всего объяснить тѣмъ, что въ Россіи историческая наука, а вмѣстѣ съ нею и исторія литературы, все еще находится подъ сильнымъ вліяніемъ принципа государственности въ ущербъ идеѣ народности. Въ русскомъ обществѣ, а также и въ наукѣ, было слабо развито сознаніе того, что этнографическія границы русскаго народа идутъ дальше политическихъ границъ русскаго государства, и что русскіе живутъ какъ въ Россіи, такъ и въ Австро-Угріи.

Издавая свой трудъ, авторъ руководился не только желаніемъ восполнить пробѣлъ въ исторіи русской литературы, которая, по его мнѣнію, «должна представить ходъ литературнаго развитія всего русскаго народа (слѣдовательно, и четырехъ милліоновъ русскихъ галичанъ), а не только его главной массы, живущей въ предѣлахъ Россіи». Онъ принималъ во вниманіе еще другія, важнѣйшія соображенія. «Выдающіеся карпаторусскіе писатели хотя и касаются

въ своихъ произведеніяхъ мѣстныхъ темъ, однако при этомъ постоянно стремятся показать важность идеи общерусскаго національно-культурнаго единства, почему ихъ сочиненія и должны быть своего рода національнымъ катехизисомъ для каждаго русскаго человѣка».

Авторъ знакомитъ насъ ближе съ біографіей и литературной дѣятельностью 8 карпатскихъ писателей, дѣйствовавшихъ на народномъ поприщѣ, главнымъ образомъ во вторую половину XIX столѣтія. Трое изъ нихъ, Александръ В. Духновичъ, Иванъ И. Раковскій и Адольфъ И. Добрянскій-Сачуровъ, были уроженцами Угорской Руси. Всѣ же остальные, какъ Денисъ И. Зубрицкій, Николай Л. Установичъ, Яковъ Ѳ. Головацкій, Иванъ Н. Гунгалевичъ и Антоній С. Петрушевичъ, своимъ происхожденіемъ и литературно-народною дѣятельностью тѣсно связаны съ Галицкой Русью. Кромѣ Д. И. Зубрицкаго и А. И. Добрянскаго-Сачурова, всѣ остальные принадлежали къ духовному сословію. Ихъ дѣятельность не ограничивалась только приходомъ, но захватывала народную жизнь Прикарпатской Руси въ ея широкомъ объемѣ. Выдающаяся и самоотверженная ихъ дѣятельность на литературномъ и общественномъ поприщахъ, вполне естественно, заставила ихъ стать во главѣ народной массы и такимъ образомъ выдвинула ихъ на болѣе широкую арену. Многіе какъ свѣтлые, такъ и мрачные моменты въ исторіи Прикарпатской Руси XIX столѣтія связаны съ ихъ именемъ.

Авторъ подчеркиваетъ тѣ моменты въ ихъ жизни, когда они, воспитываясь въ школахъ съ преподаваніемъ на нѣмецкомъ и мадыарскомъ языкахъ, чуть не погибли въ національномъ отношеніи подъ давленіемъ чуждыхъ имъ культуръ. Онъ обращаетъ вниманіе читателей на тѣ факторы, которые пробуждали въ ихъ сердцахъ любовь къ святой Руси и еще въ юности заставляли ихъ мечтать о неусыпномъ трудѣ въ пользу русскаго идеала.

Хотя отношеніе этихъ людей къ австрійскому правительству было вполне лояльнымъ, и дѣятельность ихъ происходила въ строго законныхъ рамкахъ, тѣмъ не менѣе они не избѣгли преслѣдованій.

Значеніе дѣятельности этихъ людей—велико. Они не только словомъ и перомъ пробуждали у своихъ земляковъ чувство русскаго самосознанія, но своимъ примѣромъ самоотверженной работы и стойкости убѣжденных не дозволили потухнуть русскаго свѣчѣ на склонахъ Карпатскихъ горъ.

Авторъ выпукло представилъ всѣ эти столь воспитательные моменты изъ ихъ жизни по первоисточникамъ, на основаніи ихъ собственныхъ автобіографій. Одновременно онъ освѣтилъ ихъ литературную дѣятельность, подчеркивая значеніе ихъ важнѣйшихъ литературныхъ трудовъ.

Книгу украшаютъ 32 портрета, изъ коихъ 21 воспроизводится въ трудѣ г. Аристова впервые.

Съ чувствомъ глубокой благодарности встрѣтятъ трудъ г. Аристова галичане. Книга его появилась въ свѣтлый, но одновременно тяжкій періодъ ихъ жизни. Уже 2½ года ураганъ войны не стихаетъ надъ Галицкой Русью. Тысячи русскихъ галичанъ своею жизнью запечатлѣли преданность русскаго идеала; они погибли или еще томятся въ австрійскихъ тюрьмахъ, сохранившіе же жизнь нашли утѣшенье въ родной Россіи. Книга г. Аристова даетъ имъ утѣшеніе

въ моментъ тяжелыхъ испытаній. Она служитъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что все матеріальное можетъ исчезнуть, но прочной и вѣчной останется атмосфера духа. Карпаторусскіе писатели среди тяжелыхъ, невыносимыхъ условій подготовили духовное объединеніе Карпатской Руси съ Державной Русью. Нынѣ, будемъ твердо вѣрить, послѣдуетъ наконецъ политическое объединеніе всего русскаго народа отъ Карпатъ до береговъ Тихаго океана, и надъ забытой и забытой Прикарпатской страной взойдетъ долго и страстно ожидаемое солнце свободы.

Адриявъ Копыстяновій.

В. Н. Ширяевъ. Взятничество и лиходеительство въ связи съ общимъ ученіемъ о должностныхъ преступленіяхъ. Уголовно-юридическое изслѣдованіе. Ярославль. 1916. Цѣна 4 руб.

Изслѣдованіе В. Н. Ширяева имѣетъ большой интересъ и появилось какъ нельзя болѣе кстати. Задуманная, какъ пишетъ авторъ книги въ своемъ предисловіи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, работа эта выходитъ въ свѣтъ въ минуту великой европейской войны, когда все вниманіе общества поглощено военными заботами, вопросами снабженія арміи и организациі тыла. И, несмотря на это, тема этой работы, по справедливому замѣчанію проф. Ширяева, не только не утратила своей жизненности, но оказалась, къ сожалѣнію, при широко развившемся въ послѣднее время взяточничествѣ и лиходеествѣ, и злободневной.

Преступныя дѣянія должностныхъ лицъ занимаютъ особое и исключительное положеніе среди другихъ группъ преступныхъ дѣяній. Если каждое преступное дѣяніе, какъ бы ничтожно оно ни было, заключаетъ въ себѣ извѣстный элементъ общественной опасности, то сугубую опасность для общества представляетъ должностное преступленіе. Если массовое проявленіе общей преступности способно вызвать и породить общественную тревогу, то развитіе и умноженіе должностныхъ преступленій можетъ быть разсматриваемо, какъ общественное бѣдствіе. Причину этого слѣдуетъ искать въ общей юридической природѣ должностныхъ преступленій и въ томъ вліяніи, какое они оказываютъ на психологію общества.

Особое положеніе, занимаемое должностнымъ лицомъ, открываетъ ему возможность нарушать такіе интересы, посягать на такія блага, которые не доступны для воздѣйствія частнаго лица, а преступное воздѣйствіе на прочіе интересы доступно должностному лицу въ большей мѣрѣ, чѣмъ лицу частному, такъ какъ особое положеніе открываетъ должностному лицу возможность воздѣйствовать такимъ способомъ, который закрытъ для частныхъ лицъ. Должностное лицо облечено особыми полномочіями власти вслѣдствіе оказываемаго ему со стороны государства и общества довѣрія. Такое положеніе должностнаго лица даетъ не только широкую возможность учиненія правонарушеній, но и обезпечиваетъ легкую возможность укрыться отъ преслѣдованій.

Взятничество занимает самое видное мѣсто среди должностныхъ преступленій. Какъ только появились носители власти, облеченные особыми полномочіями, такъ одновременно съ этимъ появилось взятничество. Въ большей или меньшей степени взятничество, по мнѣнію автора настоящаго изслѣдованія, присуще всѣмъ временамъ и народамъ, приобретаемая временами характеръ «бытового явленія».

Такимъ «бытовымъ явленіемъ» взятничество и лиходеительство, къ сожалѣнію, представляется въ настоящее время на Руси: въ то время, когда лучшіе сыны Россіи проливаютъ свою кровь за честь родины въ жестокой войнѣ съ попирающимъ всѣ божескіе и человѣческіе законы свирѣпымъ врагомъ, находятъ, къ сожалѣнію, люди, не брезгающіе для преступнаго обогащенія совершеніемъ такихъ преступленій, какъ взятничество и лиходеительство.

О гибельныхъ послѣдствіяхъ продажности должностныхъ лицъ для государственной и общественной жизни говорили еще въ древнемъ Римѣ и повторяли неоднократно въ эпохи болѣе позднія (Цицеронъ и другіе). Подкупъ является источникомъ многихъ другихъ преступленій; это такая болѣзнь государства, которая, если разовьется, разрушаетъ самыя благороднѣйшія формы государственной жизни и даже самое государство. Если вообще гражданская добродѣтельность требуетъ возвышенія духа надъ мелкимъ и низкимъ себялюбіемъ, то требованіе это усугубляется по отношенію къ тѣмъ-кто съ принятіемъ должности наложилъ на себя обязанность жить только для государства и его святыхъ цѣлей. Чтобы государство процвѣтало, нужно, чтобы его служители были проникнуты любовью къ нему, чтобы они глубоко чтили законъ и общественный порядокъ, высоко ставили достоинство должности и отличались бы самоотверженностью въ выполненіи своихъ обязанностей и призванія. Какъ скоро жадность и алчность, а вмѣстѣ съ ними и подлость вообще становятся господствующими, само государство поражается въ самомъ жизненномъ принципѣ и идетъ по пути къ гибели: въ развращенной черезъ подкупъ системѣ управленія невозможно процвѣтаніе истинно добраго, такъ какъ изъ неблагороднаго и подлаго не можетъ выйти ни благороднаго, ни великаго; гдѣ обязанности службы продажны, тамъ и самое святое низводится на степень орудія подлости. Поэтому, гдѣ господствуетъ подкупъ, тамъ по его слѣдамъ идутъ и другія преступленія и вообще все то, что дѣлаетъ правленіе ненавистнымъ для націи и подвергаетъ его проклятію потомства.

Въ упрекъ автору должно поставить отсутствіе русскаго перевода приводимыхъ имъ латинскихъ, итальянскихъ, французскихъ цитатъ, въ большомъ числѣ встрѣчающихся въ его книгѣ (стр. 3, 5, 15, 17, 22, 23, 29 и т. д.). Не всякій читатель знакомъ со всѣми этими языками; такое знакомство имѣется даже не у всѣхъ специалистовъ.

Книга г. Ширяева написана яснымъ языкомъ, что составляетъ большое достоинство научнаго труда автора.

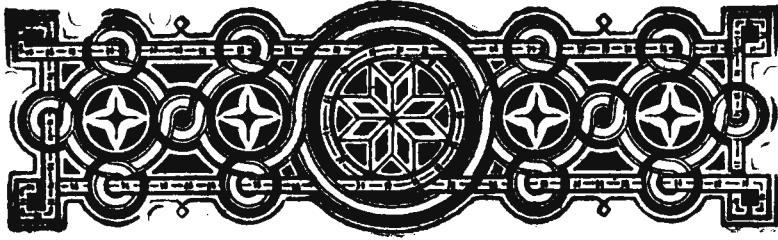
Н. в.

**Труды вятской ученой архивной комиссиі. 1916 г. Выпуски I и II. Вятка. 1916.
Стр. 48+143+150. Цѣна не обозначена.**

По примѣру прежнихъ лѣтъ, новый выпускъ «Трудовъ» содержитъ рядъ сырыхъ архивныхъ матеріаловъ для исторіи вятской старины и изслѣдованій и простыхъ записей въ этой области. Изъ первыхъ особенно отмѣтимъ извлеченное изъ архива вятской духовной консисторіи обширное описаніе мѣстнаго архіерейскаго дома и его вотчинъ въ 1727 г. Кромѣ 2436 р. 58 к. деньгами съ архіерейскихъ вотчинъ въ отчетномъ году собиралась обширная дань «столовыхъ запасовъ», а именно грибныхъ (соленыхъ и сушеныхъ), ягодныхъ, хрѣну, ялицъ и, что, пожалуй, нѣсколько удивительно для монашескаго стола, «мясъ свиныхъ по 62 пуда по 19 фунтовъ». Можетъ быть, сіи «мяса» (но почему одни «свиныя»?) шли на содержаніе учениковъ имѣвшейся при архіерейскомъ домѣ школы. Правда, учениковъ въ ней было немного, всего 27, да и въ наукахъ они не доходили дальше «букварнаго и грамматическаго ученія». Въ общемъ описаніе слѣдуетъ признать весьма цѣннымъ сырымъ матеріаломъ для исторіи крупнаго вотчиннаго хозяйства XVIII столѣтія. Гораздо менѣе интересна «Записная книжка Пи егиныхъ». Это т. н. семейный лѣтописецъ XVIII столѣтія. Нѣкоторое значеніе, да и то скудное, имѣютъ заключающіяся въ немъ генеалогическія данныя.

Самое обширное изъ изслѣдованій выпуска это «Историческій очеркъ города Малмыжа», составленный г. Худяковымъ. Авторъ не привлекъ для своего труда никакихъ новыхъ матеріаловъ. Мало того, онъ не могъ въ достаточной мѣрѣ воспользоваться и тѣмъ, что было уже издано. Особенно странно то, что, по словамъ самого г. Худякова, ему остались недоступными нѣкоторыя статьи, напечатанныя въ «Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Неужели ни въ Вятской губерніи, ни въ одномъ изъ нашихъ крупныхъ книгохранилищъ нѣтъ полнаго экземпляра этихъ «вѣдомостей»? Затѣмъ было бы желательно, чтобы г. Худяковъ въ своихъ послѣдующихъ трудахъ дѣлалъ точныя ссылки на тѣ источники и пособия, которыми онъ пользуется. Это—необходимое условіе всякаго сочиненія, претендующаго на серьезность и научность. Неприятное впечатлѣніе производитъ, далѣе, полемика редактора съ авторомъ касательно одной рукописи, которую г. Худяковъ относитъ къ XVII вѣку, а редакторъ къ началу XIX столѣтія. Непонятно также, почему редакторъ, судя по его примѣчаніямъ, призналъ невозможнымъ для воспроизведенія имѣвшійся въ рукописи автора чертежъ т. н. Адашевскаго Городища и планъ Малмыжа 1784 г., и, что еще болѣе удивительно, эти планъ и чертежъ все же помѣщены въ началѣ изслѣдованія. Гораздо болѣе содержательна небольшая статья о. Модестова объ иконѣ «Благодарнаго разбойника» (того злодѣя, который покаялся, распятый на крестѣ рядомъ со Спасителемъ). О. Модестовъ описываетъ любопытную икону XVI вѣка, имѣющуюся и понынѣ на сѣверной алтарной двери московской церкви св. Саввы Освященнаго. Изображеніями «Благодарнаго разбойника» интересовался покойный Н. С. Лѣсковъ, который напечаталъ о нихъ статью въ «Художественномъ Журналѣ» за 1883 г., не вошедшую въ собраніе его сочиненій.

■.

Съ 15 февралѣ по 15 марта 1917 г. въ редакцію «Историческаго Вѣстника» поступили для отзыва слѣдующія книги:

Описание дѣлъ архива Министерства Народнаго Просвѣщенія подъ редакціей заслуж. профессора имп. петроградскаго университета С. Ѳ. Платонова и начальника архива министерства народнаго просвѣщенія А. С. Николаева. Томъ 1. Пгр. 1917. Стр. LI, 360, ХХІХ, 58. Цѣна не обозначена.

В. М. Грибовскій, ордин. проф. пгр. унив. Древнерусское право. (Краткій обзоръ чтеній по исторіи русскаго права). Выпускъ II. (Періодъ московскій. Государственное устройство и управление). Изданіе для слушателей составителя. Пгр. 1917. Стр. IV, 154. На правахъ рукописи.

Русская національная живопись. Очеркъ Виктора Никольскаго. Съ 28 рисунк. въ текстѣ и 3 карт. въ краскахъ. Пгр. 1916. Стр. 32. Цѣна 75 к.

К. Чуковский. Англія наканунѣ побѣды. Съ 72 рисунк. Изданіе Т-ва А. Ф. Маркесъ. Пгр. (1917). Стр. 146. Цѣна 1 р. 50 к.

Міровая война и современные славянскіе вопросы. 2. **П. А. Лавровъ**, проф. Пгр. унив. Культурно-національное единство сербовъ и хорватовъ. Пгр. 1917. Стр. VI, 158. Ц. 1 р.

А. Нотоминъ-Савинскій. Князь Вячко и меченосцы. Историч. поэма изъ эпохи войнъ XIII столѣтія.—Завоеваніе вѣмцами Прибалтійскаго края. Посвящается

августѣйшему поэту К. Р. † 2-го іюня 1915 года. Пгр. 1916. Стр. 134, II. Цѣна 1 руб. 20 проц. всей прибыли отъ настоящаго изданія поступить въ пользу Комитета Мраморнаго Дворца въ Петроградѣ на нужды жертвъ Второй Великой Отечественной войны. Складъ изданія: Пгр., Набережная Невы, Мраморный дворецъ.

Невскій Альманахъ. Выпускъ второй. «Изъ прошлаго» (писатели, художники, артисты). Жертвамъ войны. Пгр. 1917. Стр. 213. Цѣна 2 р. 50 к. Изданіе «Общества русскихъ писателей для помощи жертвамъ войны». (Пгр.).

Проф. И. И. Замотинъ. Проблемы жизни въ творествѣ Достоевскаго. Къ 35-лѣтію со дня кончины писателя. (Изъ «Русск. Филолог. Вѣстника»). Пгр. 1916. Стр. 47. Ц. 50 к.

Живо и талантливо написанный очеркъ состоитъ изъ двухъ главъ слѣдующаго содержанія: «I. Основы жизненныхъ задачій: вѣра и трагизмъ невѣрія; нравственная правда и шаткость нравственнаго строя; принципъ челоуѣчности и его нарушенія; просвѣщеніе зиждущее и «нигилистическія надстройки». II. Пути и средства къ осуществленію задачъ жизни: дѣти и ихъ воспитаніе; женщина и ея общественное служеніе; интеллигенція и народъ; Россія и инородцы; Россія и

Европа; національное и всечеловѣческое. Почтенный авторъ не только прекрасно изучилъ самого Достоевскаго, но и всю громадную литературу объ этомъ писателѣ.

С. О. Цыбульскій. Три школьныхъ вопроса. Пгр. 1917. Стр. 38. Цѣна 45 коп. 16°.

Извѣстный педагогъ перепечаталъ въ настоящей брошюрѣ три своихъ статьи изъ «Петроградскихъ Вѣдомостей» (1916 г.), посвященныя болѣе важнымъ вопросамъ нашей школьной практики: I. Отмѣтки. II. Экзамены. III. Отдыхъ. Повсюду въ книжкѣ проглядываетъ долготлѣтній опытъ составителя и его искреннѣйшее желаніе принести положительную пользу нашей многострадальной средней школѣ.

Русскій біографическій словарь. Герберскій-Гогенлоз. Изданіе Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. М. 1916. Стр. 442. Цѣна 3 руб.

И. Ф. З. Мысли русскаго человѣка предъ конгрессомъ мира. Пгр. 1916. Стр. 16. Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ «Новое Время».

Гейманъ, В. Изъ Феодосійской старины. (Архивныя справки). Стр. 15. Оттискъ изъ № 53 «Извѣстій» Таврической Ученой архивной комиссіи.

Л. Дашковичъ. Реформа волости. М. 1912. Стр. 70. Цѣна 50 коп.—Его же.—Выдача въ деревнѣ продовольственнаго пайка семьямъ воиновъ. М. 1916. Стр. 31. Москва. Кудринскій пер., 5.

Первая брошюра излагаетъ обстоятельную исторію вопроса о земской волости, вторая содержитъ очеркъ исторіи вопроса о помощи семьямъ воиновъ и критику дѣятельности 3-ей Думы.

Н. А. Захаровъ, лекторъ практической восточной академіи. Наше стремленіе къ Босфору и Дарданелламъ и противодѣйствіе ему западно-европейскихъ державъ. Докладъ, читанный въ петроградскомъ клубѣ Общественныхъ Дѣятелей 23 января 1915 г. Пгр. 1916. Стр. 30. Ц. 75 к. Изданіе Юридическаго Книжнаго Магазина П. К. Мартынова.

Тихвинскій Земскій Календарь справочникъ на 1917 годъ. Изданіе Тихвинской Уѣздной Земской Управы. Пгр. 1916. Стр. 174. Ц. 75 к. Съ перес. 85 к. Складъ изданія въ Тихвинской Уѣздной Земской Управѣ.

Кромѣ обычныхъ свѣдѣній настоящей календарь содержитъ много интересныхъ историческихъ и статистическихъ данныхъ изъ прошлаго и настоящаго Тихвина.

Георгій Чулковъ. Метель. Романъ. «Сѣверные Дни». М. 1917. Стр. 190. Ц. 2 р.

Вл. Лидинъ. Полая вода. «Сѣверные Дни». М. 1917. Стр. 162. Ц. 1 р. 75 к.

Щегловъ, Б. Ранніе славянофилы, какъ религіозные мыслители и публицисты. Часть I. Къ вопросу о сущности ученія А. С. Хомякова. Кіевъ. 1917. Стр. 134. Ц. 1 р.

Д. С. Шилкинъ (Д. Дмитровскій). Отклики дня (1914—1916 гг.): Сборникъ статей. Пгр. 1917. Стр. 162. Ц. 2 руб. 50 коп.

Иллюстрированный спутникъ по Сибири и Дальнему Востоку съ картою. Иркутскъ. 1917. Цѣна не обознач.

П. Борисовъ. Кто поднимется къ вершинамъ. Пьеса въ 4 дѣйствіяхъ. Саратовъ. 1916. Стр. 54. Цѣна не обознач.

Н. М. Даниловъ. Пушкинъ о Державинѣ. Къ 100-лѣтнему юбилею со дня кончины Г. Р. Державина. Казань. 1916. Стр. 15. Ц. не обозн.

Н. М. Даниловъ. Пушкинъ и Карамзинъ. Къ 150-лѣтнему юбилею со дня рожденія Н. М. Карамзина. Казань. 1917. Стр. 37. Ц. 60 к.

Андрей Соболевъ. Пыль. Романъ. 2-ое изданіе. Кп-во «Сѣверные Дни». М. 1917. Стр. 185. Ц. 2 р.

Центрифуга. Алмазные лѣса. Вторая книга стиховъ Сергѣя Боброва. М. MDCCCXVII. Стр. 48. Ц. 1 р.

Н. Б. Емельяновъ. Реформа въ бюрократическомъ строеѣ Государственной Думы. Пгр. 1917. Стр. 38. Цѣна 50 к.

И. И. Малфоглы. Голая правда. Опроверженіе искажателямъ исторіи. О населеніи Трапезондскаго вилайета (Батумъ). 1916. Стр. 47. Цѣна 25 к.

Авторъ полемизируетъ съ г. Вешапели, пытающимся доказать, что Лазистанъ, Трапезундъ и Чорохскій край—грузинскія земли.

Труды Вятской Ученой Архивной Комиссіи. 1916 годъ. Вып. III—IV. Вятка. 1917. Стр. 44, XXXVII, 368.

Ив. Лазаревскій. Среди коллекціонеровъ. Второе изданіе, дополненное. Пгр. 1917. Стр. 222. Цѣна 5 р.

Сборникъ студенческаго историко-этнографическаго кружка при Имп. Унив. Св. Владиміра подъ руководствомъ проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Вып. VIII. **Н. П. Голубовская.** Владиміръ Святой Великій князь Кіевскій, Симферополь. 1916. Стр. 35.

Н. А. Яичукъ. Знаменитый зодчій XVIII вѣка Василій Ивановичъ Баженовъ, и его отношеніе къ масонству

(1737—1799). Съ портретомъ. Пгр. 1916. Стр. 171. Ц. не обозн.

Въ связи съ недавнимъ 150-лѣтнимъ юбилеемъ Академіи Художествъ г. Инчукъ въ настоящей брошюрѣ вспоминаетъ о рѣдкомъ русскомъ самородкѣ В. П. Баженовѣ, біографія котораго мало разработана. Сдѣлавъ сводку имѣющихся въ печати свѣдѣній о Баженовѣ, авторъ дополнилъ ихъ нѣкоторыми цѣнными документальными данными изъ архивовъ, охарактеризовалъ его художественную дѣятельность, отмѣтивъ здѣсь рядомъ съ склонностью къ подражаніямъ Западу струю здравого націонализма, а также выяснилъ его отношеніе къ масонству. Первоначально означенная работа была напечатана въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.»

Алексѣй Ремизовъ. Среди мурья. Рассказы. Кн-во «Сѣверные дни». М. 1917. Стр. 285. Ц. 2 р.

Новый сборникъ А. Ремизова содержитъ интересные оригинальные рассказы изъ нынѣшней военной дѣятельности, шесть кавказскихъ сказокъ, продолженіе сказокъ изъ серіи «Женская доля», начало которыхъ было напечатано въ сборникѣ «Догука и балагурье», и, наконецъ, «Лясы»—прибаутки, сказки и мелкія исторіи для дѣтей. Яркій красочный языкъ, смѣлая образность рѣчи, какая-то особенная восторженная впечатлительность и душевная искренность доставляютъ читателю большое удовольствіе.

По вопросу о задачахъ русской археологической и исторической науки на переднемъ Востокѣ. М. 1917. Стр. 51. Цѣна не обознач.

Изданная московскимъ археологическимъ обществомъ брошюра предлагаетъ основаніе Россійскаго Переднеазиатскаго общества съ цѣлью производства научнымъ путемъ изученія древностей всѣхъ восточныхъ эпохъ на Переднемъ Востокѣ. Брошюра содержитъ въ себѣ статьи: «Древній Востокъ (вспоминанія и виды на будущее)», «Задачи русской археологиче-

ской и исторической науки въ Палестинѣ и Месопотаміи въ связи съ современными мировыми событіями» М. Никольскаго и схема общихъ положеній устава предполагаемаго общества.

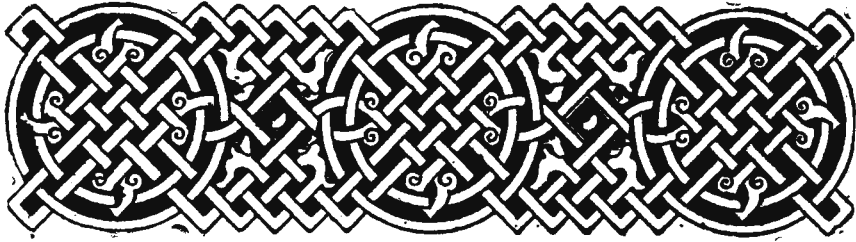
Выставка картинъ «Художественныя сокровища Казани». Пгр. 1916. Стр. 26. Ц. 2 р. Съ иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ.

Любители искусства найдутъ здѣсь немало цѣнныхъ указаній о различныхъ частныхъ коллекціяхъ, скрытыхъ въ нѣдрахъ провинціи. Содержаніе каталога распадается на 4 части: 1) отдѣлъ русской живописи, 2) отдѣлъ западноевропейской живописи, 3) отдѣлъ произведеній старинныхъ казанскихъ художниковъ и 4) отдѣлъ миниатюръ русскихъ и западныхъ мастеровъ. Особенно цѣны слѣдующія произведенія: «Читающая дѣвушка» И. Рѣпина, «Итальянка у источника» Брюлова, «Портретъ Н. Г. Данауровой» П. Соколова, «Мессалина» П. Свѣдомскаго, «Пейзажъ» Шпшкіна, «Мальчикъ въ шляпѣ» В. А. Тропинина, «Моисей въ пустынѣ» Г. Юрданса, «Юный Христосъ среди фарисеевъ» Караваджо, «Христосъ благословляетъ дѣтей» Франкена П., «Портретъ Н. И. Лобачевского» Щеголькова, миниатюры, среди которыхъ великолѣпнѣе портретъ П. М. Римскаго-Корсакова работы неизвѣстнаго художника. Благой починъ Казани въ дѣлѣ ознакомленія съ произведеніями искусства въ частныхъ провинціальныхъ собраніяхъ обяванъ найти себѣ должное подражаніе другихъ городовъ.

Влад. Серебrenниковъ. Загадочный эпизодъ французской революціи. Людовикъ XVII—Наундорфъ. (Question Louis XVII). Пгр. 1917. Стр. 97. Цѣна не обозн.

«Русскій экскурсантъ». Журналъ родновѣднія и экскурсіоннаго дѣла. 1916 г. Ярославль. №№ 1—8. Цѣна за 9 выпусковъ 4 руб. Подписка принимается въ книжн. маг. Суворина (Пгр. Невскій, 40) и въ Ярославль, Реальное училище.

Д. С. Шилкинъ. Объ искусствѣ. Пгр. 1917. Стр. 50. Ц. 2 р.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ОЛСТОЙ Л. Н. и война.—Свояченица графа Л. Н. Толстого, известная г-жа Кузминская, послужившая оригиналомъ для созданія одного изъ главныхъ женскихъ дѣйствующихъ лицъ въ эпопеѣ «Война и Миръ» (графини Наташи Ростовой), дѣлится на страницахъ «Lz Revue» воспоминаніями о послѣднихъ годахъ нашего великаго писателя.

Когда вспыхнула русско-японская война,—разсказываетъ г-жа Кузминская,—мы съ семьей жили верстахъ въ десяти отъ Ясной Поляны, въ имѣніи сына Льва Николаевича Андрея Львовича—Таптыковѣ. Левъ Николаевичъ пріѣзжалъ къ намъ въ разные часы, то верхомъ, то въ экипажѣ и по большей части неожиданно. Я видѣла, какъ дѣйствовала на него война. Онъ то осуждалъ все безжалостно и съ гнѣвомъ, то страдалъ молча. Когда намъ пришлось однажды заночевать въ Ясной Полянѣ, я видѣла, какъ Левъ Николаевичъ нѣсколько разъ выходилъ изъ своей комнаты, ища газетъ, которыя привозились со станціи очень рано утромъ. Онъ съ жадностью читалъ ихъ, хотя въ обыкновенное время до нихъ и не дотрагивался. Когда вѣсти приходили плохія, онъ былъ крайне разстроенъ. Однажды онъ сказалъ мнѣ и своей племянницѣ, княгинѣ Оболенской:

— Сегодня въ газетахъ пишутъ, что мы бросили свои пушки. Вы не понимаете, какъ это ужасно. Вѣдь это значить, что мы бѣжали...

И въ его голосѣ слышались страданія.

При извѣстїи о разгромѣ эскадры Рождественскаго Левъ Николаевичъ былъ такъ взволнованъ, какъ никогда.

Мы приѣхали въ Ясную Поляну въ самый день битвы при Цусимѣ: Я надѣялась узнать что-нибудь о своемъ сынѣ, который состоялъ въ эскадрѣ Рождественскаго, отъ Черткова, имѣвшаго большія связи съ Англійей. Помню, какъ я сидѣла одна наверху въ библиотекѣ и плакала. Левъ Николаевичъ, проходя мимо, остановился и сказалъ:

— Я не могу утѣшить тебя. Это ужасно. Но это ужъ, вѣроятно, конецъ войны.

Черезъ нѣсколько дней мы обѣдали вмѣстѣ и говорили о сдачѣ адмирала Небогатова. Эта вѣсть возбудила общее негодованіе.

Потомъ Левъ Николаевичъ рассказывалъ о своей прогулкѣ верхомъ и общилъ намъ, что по дорогѣ и въ деревняхъ только и разговору, что о Небогатовѣ. Бесѣда сдѣлалась общей, всѣ осуждали Небогатова, одинъ лишь Левъ Николаевичъ молчалъ. Онъ казался грустнымъ и усталымъ. Я хотѣла знать его мнѣніе. Я знала, что свои мнѣнія онъ выражаетъ всегда ясно и искренно, и приготовилась было его разспросить. Но что-то удерживало меня.

— Я нахожу, что лучше было быть при Цусимѣ, чѣмъ съ Небогатовымъ,— замѣтила я.

— Небогатовъ пожалѣлъ сотни людей и спасъ имъ жизнь. Какъ же можно осуждать его за это?—возразилъ Чертковъ.

Левъ Николаевичъ сидѣлъ, наклонившись надъ тарелкой, и молча ѣлъ свой супъ. Мнѣ было жаль его: я понимала причину его молчанія.

Черезъ нѣсколько дней мы всѣ сидѣли вокругъ стола. Левъ Николаевичъ ходилъ по комнатѣ.

— Для меня самая страшная событія этой войны—это гибель эскадры, сдача Портъ-Артура и потеря тридцати пушекъ. Я жалѣю прежде всего убитыхъ, потомъ русскихъ. Гибель балтійскаго флота будетъ имѣть огромное значеніе въ исторіи.

17-го августа 1905 года Андрей Толстой принесъ отцу не подписанную никѣмъ телеграмму съ извѣщеніемъ, что миръ заключенъ.

Левъ Николаевичъ вошелъ въ гостиную и сказалъ намъ:

— Какое важное извѣстіе! Мнѣ стыдно, но я долженъ сознаться, что я борюсь съ чувствомъ патріотизма. Я все время надѣялся, что русскіе останутся побѣдителями, но теперь, когда миръ уже заключенъ, это полная политическая побѣда японцевъ.

Осенью наши семьи вернулись въ городъ. Я одна рѣшилась остаться въ Ясной Полянѣ на мѣсяцъ.

Длинные вечера мы обыкновенно проводили наверху, въ гостиной, вокругъ стола. Однажды вечеромъ Левъ Николаевичъ игралъ со мной въ шахматы. Кто-то читалъ вслухъ, другіе работали. Пришли сказать, что приѣхало нѣсколько студентовъ, желавшихъ видѣть Льва Николаевича. Онъ не хотѣлъ спускаться внизъ, гдѣ онъ обыкновенно принималъ своихъ посѣтителей, и моя сестра посовѣтовала ему принять ихъ наверху.

Черезъ нѣсколько минутъ студенты явились. Ихъ было четверо. Одинъ изъ нихъ, высокій, худой, со впалой грудью, съ мрачнымъ лицомъ, глядѣлъ исподлобья и производилъ впечатлѣніе чловѣка недовольнаго и малообщительнаго.

Присутствіе столькихъ лицъ, видимо, смутило ихъ, но Левъ Николаевичъ, любившій молодежь, быстро ободрилъ ихъ, и вскорѣ они совершенно свободно говорили со всѣми, за исключеніемъ одного мрачнаго студента, который упорно хранилъ молчаніе.

Разговоръ, само собою разумѣется, зашелъ о войнѣ. Жаръ, съ которымъ молодежь поддерживала эту тему, выдавалъ цѣль ихъ пріѣзда: они желали знать мнѣніе Льва Николаевича о войнѣ. Мы уже кончили нашу партію въ шахматы, и Левъ Николаевичъ ходилъ взадъ и впередъ по гостиной, заложивъ руки, по своему обыкновению, за свой кожаный поясъ. Онъ молчалъ и внимательно прислушивался къ тому, что говорили. А говорили то, что война есть зло неизбѣжное и никто ея не желаетъ, развѣ только принудить къ этому необходимость. Студенты слегка возражали противъ неизбѣжности этого зла, и разговоръ опять зашелъ о Портъ-Артурѣ.

Вдругъ молчавшій до сего времени мрачный студентъ, слегка заикаясь, заговорилъ о непротивленіи залу. Онъ, очевидно, прочелъ сочиненіе Льва Николаевича на эту тему и теперь вкривъ и вкось толковалъ его ученіе, какъ это дѣлали и большинство его поклонниковъ.

— Нельзя не оцѣнить сдачи Портъ-Артура, — говорилъ мрачный студентъ. — Исторія его запишетъ на свои скрижали, но сколько лѣтъ еще пройдетъ прежде, чѣмъ люди поймутъ благородство этого акта!

Студентъ, очевидно, ожидалъ, что эти слова, которые, по его мнѣнію, точно отвѣчали ученію о непротивленіи, будутъ одобрены Львомъ Николаевичемъ. Но онъ ошибся. Левъ Николаевичъ подошелъ вплотную къ нашему столу и, слегка наклонившись надъ нимъ, произнесъ громко и отчетливо:

— Въ мое время не сдали бы Портъ-Артура!

Сдвинутыя брови и серьезное выраженіе лица придавали ему очень строгій видъ.

— А что же сдѣлали бы въ ваше время? — съ дѣланной наивностью спросила я.

— А, Боже мой! Что бы мы сдѣлали! Мы бы умерли, взорвали бы крѣпость, околѣли бы съ голода, но не сдались бы!

Велико было изумленіе молодыхъ людей. Они смотрѣли широко открытыми глазами на Льва Николаевича, который скоро ушелъ въ свой рабочій кабинетъ. Особенно былъ пораженъ мрачный студентъ: онъ казался обиженнымъ, оскорбленнымъ такимъ неожиданнымъ мнѣніемъ, которое, по его мнѣнію, противорѣчило ученію Толстого.

Разскажу еще одинъ случай, нѣсколько комическаго характера.

Въ августъ 1905 года въ Ясную Поляну пріѣхалъ корреспондентъ какой-то газеты, венгерскій еврей Черани. Съ перваго же взгляда я увидѣла, что въ Ясной Полянѣ онъ, что называется, не ко двору. Маленькаго роста, съ рѣзкими манерами, онъ держался черезчуръ развязно и безъ всякихъ вступленій объяснилъ Льву Николаевичу цѣль своего визита и поставилъ ему нѣсколько вопросовъ, заранѣ написанныхъ въ извѣстномъ порядкѣ.

1) Принимаетъ ли Толстой участіе въ теперешнихъ политическихъ событіяхъ?

2) Каковы будутъ, по его мнѣнію, результаты кризиса, который переживаетъ Россія?

3) Каковы будутъ послѣдствія русско-японской войны на внутреннюю политику Россіи?

4) Какого мнѣнія Левъ Николаевичъ о роли Германіи во время русско-японской войны? Считаетъ ли онъ Вильгельма великимъ человѣкомъ?

— Эти вопросы вовсе не интересуютъ меня,—отвѣтилъ ему Левъ Николаевичъ.—Я слишкомъ старъ и недостаточно легкомысленъ, чтобы отвѣчать на всякій предложенный мнѣ вопросъ. Къ тому же я не имѣю и права на это.

Но Черани не сдавался и старался хоть что-нибудь извлечь изъ Льва Николаевича.

— Но что вы скажете о Вильгельмѣ? Геній, не правда ли?

— Это большой глупецъ и, кромѣ того, нахаль,—не колеблясь отвѣтилъ Левъ Николаевичъ.

Черани сначала было опѣшилъ отъ такого отвѣта, котораго онъ совсѣмъ не ожидалъ. Затѣмъ, оправившись, онъ сталъ разсыпаться въ похвалахъ Вильгельму, указывая на то зло, которое онъ могъ бы сдѣлать Россіи.

— Этотъ сумасшедшій ровно ничего не можетъ сдѣлать русскому народу. Все, что онъ дѣлаетъ, не касается русскихъ,—спокойно отвѣтилъ Левъ Николаевичъ.

Въ этихъ словахъ снова сказалась вѣра Льва Николаевича въ русскій народъ, которую онъ такъ давно выразилъ въ своихъ севастопольскихъ разсказахъ: «Главное, отрадное убѣжденіе,—писалъ онъ тогда,—которое вы вынесли,—это убѣжденіе въ невозможности поколебать гдѣ бы то ни было силу русскаго народа, и эту невозможность видѣли вы не въ этомъ множествѣ минъ и пушекъ, но въ глазахъ, рѣчахъ, приемахъ защитниковъ Севастополя. То, что они дѣлаютъ, дѣлаютъ они такъ просто, такъ мало напряженно и усиленно, что вы убѣждены, что они еще могутъ сдѣлать во сто разъ больше... они все могутъ сдѣлать».

— Налогъ на людское тщеславіе.—Во Франціи поднять вопросъ объ обложеніи особымъ налогомъ титуловъ, и «La Revue» въ январской книжкѣ приводитъ по этому поводу любопытную историческую справку.

Оказывается, что подобнаго рода налоги практиковались во Франціи въ теченіе многихъ вѣковъ. Начиная съ десятаго короля капетингской династіи Филиппа Смѣлаго и вплоть до Людовика XVIII короли Франціи прекрасно познали искусство добывать деньги при помощи пожалованія дворянства и разныхъ болѣе или менѣе пышныхъ титуловъ. Въ тотъ день, когда Филиппъ Смѣлый пожаловалъ дворянство своему казначею Раулю и цирюльнику Пьерру Лабрессу и издалъ указъ, что никакой сеньоръ, кромѣ самого короля, не можетъ жаловать кому бы то ни было дворянское достоинство, въ этотъ самый день онъ нанесъ смертельный ударъ дворянству и сдѣлалъ его продажнымъ учрежденіемъ.

Филиппъ Красивый, вообще не стѣснявшійся въ способахъ пріобрѣтенія денегъ, открыто торговалъ грамотами на дворянство, а его сынъ, Филиппъ Длинный, усердно продолжалъ политику отца. Филиппъ VI изъ дома Валуа поста-

вилъ все это дѣло на официальную ногу и приказалъ, чтобы выдаваемые, разумѣется, за деньги грамоты визировались въ государственномъ казначействѣ. Впослѣдствіи эти грамоты визировались и въ парламентахъ, что влекло за собой двойныя издержки.

Карль VI за большія деньги пожаловалъ въ 1399 году дворянское званіе своему поставщику винъ Вильгельму Буде. Карль VII сдѣлалъ то же самое по отношенію къ ювелиру Жаку Леръ, который изъ простаго скорняка сдѣлался крупнѣйшимъ землевладѣльцемъ Франціи и могъ ссужать короля значительными суммами. При Карлѣ IX пожалованія дворянства за деньги сдѣлались массовымъ явленіемъ.

Въ 1576 году Генрихъ III рѣшился возвести въ дворянское достоинство сразу тысячу своихъ подданныхъ, въ числѣ которыхъ былъ и крупный ското-промышленникъ Ришаръ Грандоржъ. Это пожалованіе обошлось ему не болѣе, не менѣе, какъ въ тридцать тысячъ ливровъ.

Чтобы не засорять этого источника дохода, французскіе короли установили, между прочимъ, обычай, въ силу котораго каждый король отнималъ пожалованія въ дворяне, которыя были сдѣланы его предшественникомъ. Такъ, Генрихъ III своимъ указомъ объявилъ недѣйствительными всѣ пожалованія, сдѣланныя за деньги Карломъ IX, а Генрихъ IV въ 1598 году отмѣнилъ дворянскія грамоты, выданныя въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ.

Въ 1647 году Людовикъ XIV, по совѣту Мазарини, подписалъ пятьдесятъ дворянскихъ грамотъ, за выдачей которыхъ награжденные должны были отправляться въ государственное казначейство и внести тамъ по полторы тысячи фунтовъ.

Въ 1696 году въ Версалѣ было подписано сразу пятьсотъ новопожалованныхъ дворянскихъ грамотъ, розданныхъ крупнымъ буржуа и негоціантамъ, а въ слѣдующемъ году «испекли» и вторую половину новыхъ дворянъ, которымъ пришлось раскошелиться на шесть тысячъ ливровъ каждому.

Средство оказалось очень удачнымъ, и уже въ маѣ 1702 года появился новый указъ, возводившій въ дворянское достоинство четыреста человекъ. Въ 1711 и 1713 годахъ снова было роздано множество дворянскихъ грамотъ, разумѣется, за соответствующее денежное вознагражденіе.

Злоупотребленія и вымогательства достигли при этомъ такихъ размѣровъ, что въ 1715 году регентъ вынужденъ былъ признать недѣйствительными всѣ грамоты, дарованныя съ 1696 года. Однако и здѣсь было сдѣлано исключеніе, и грамота оставалась въ силѣ, если владѣлецъ ея пожелалъ бы внести еще разъ шесть тысячъ ливровъ.

Такіе дополнительные поборы продолжали совершаться и при Людовикѣ XV. Одинъ указъ, помѣченный 1771 годомъ, между прочимъ гласитъ: «Вдовы пожалованныхъ дворянъ, не вышедшія вторично замужъ, а также ихъ дочери, оставшіяся въ дѣвичество, могутъ пользоваться привилегіями дворянскаго званія при условіи, если онѣ внесутъ за это плату: вдовы бездѣтныя—тысячу пятьсотъ ливровъ, вдовы же, имѣющія дѣтей, только тысячу ливровъ».

Короли открыто торговали не только дворянскими грамотами, но и титулами. Извѣстно, напримѣръ, что въ царствованія Карла IX, Генриха III и

Генриха IV значительное число баронствъ было возведено за деньги на степень графствъ. Новыхъ графовъ стали звать «графами сотни пистолей».

По этой ярмаркѣ тщеславія не слѣдуетъ забывать огромной спекуляціи съ гербами. Начало ей было положено Королемъ-Солнцемъ, который въ 1696 году издалъ указъ, что за двадцать фунтовъ каждый дворянинъ можетъ внести въ дворянскія книги свой родъ. Веденіе этой книги, сохраняющейся нынѣ въ парижской Національной библиотекѣ, было ввѣрено нѣкому Анри Ванье, который занесъ въ нихъ не менѣе восьмидесяти тысячъ семей. Для тѣхъ, кто еще не обзавелся гербомъ, особые рисовальщики изобрѣтали новые гербы, которые и вносились въ геральдическія книги.

Какимъ же образомъ, можетъ спросить читатель, во Франціи собираются теперь ввести этотъ старый налогъ на тщеславіе, когда французская революція уничтожила во Франціи всѣ титулы и они тамъ юридически не существуютъ?

Дѣйствительно, 4-го августа 1789 года національное собраніе постановило, что всякія привилегіи дворянства уничтожаются. 5-го ноября было постановлено, что уничтожаются всякія сословныя различія между французскими гражданами, 19-го и 23-го июня 1790 года были уничтожены всякіе титулы, гербы, ливреи. Всѣ эти предложенія шли отъ самого дворянства, и самыя знатныя имена во Франціи: Ларошфуко, Монморанси, Орлеаны, Ламбель, Лафайеттъ и другіе связаны съ этимъ закономъ.

Предложеніе объ уничтоженіи титуловъ было внесено не къмъ инымъ, какъ графомъ де-Ламбелемъ, который сказалъ: «Сегодняшній день есть могила тщеславія. Я требую, чтобы отнынѣ было запрещено именоваться маркизомъ, графомъ и другими титулами».

Предложеніе это было принято собраніемъ, причемъ было также постановлено, что въ случаѣ нарушенія этого постановленія виновные подвергаются штрафу въ двѣ тысячи фунтовъ и исключенію на годъ изъ списковъ активныхъ гражданъ.

Въ силу этого постановленія герцогъ Монморанси превратился въ гражданина Бушара, герцогъ де-Линь—въ гражданина Альберти, графъ Мирабо—въ гражданина Рикетти.

Уничтоженіе титуловъ является лучшей иллюстраціей бесплодности и даже вреда такого законодательства, которое не соотвѣтствуетъ правамъ и обычаямъ народа. Несмотря на угрозу штрафомъ, графъ Мирабо, вернувшись съ засѣданія домой, сказалъ своему лакею: «Въ національномъ собраніи и въ газетахъ меня теперь будутъ называть гражданиномъ Рикетти. Это дѣло рѣшенное. Но если ты вздумаешь меня называть не графомъ, а какъ-нибудь иначе, то полетитъ отсюда ко всѣмъ чертямъ».

Несмотря на всѣ усилія истребить титулы, они продолжали жить въ общественномъ обиходѣ, и Наполеонъ I открыто вернулся къ нимъ. Чтобы придать своему двору блескъ, онъ создалъ цѣлыя кадры новой императорской знати, но, конечно, не даромъ. По его приказанію, государственный совѣтъ, издалъ указъ, по которому за пожалованіе герцогскаго достоинства взималось 902 франка, за графа платилось 583, за барона—314. Кто хотѣлъ сдѣлать этотъ титулъ

наслѣдственнымъ въ своей семьѣ, тотъ доплачивалъ въ первомъ случаѣ 350 франковъ, во второмъ—208 и въ третьемъ—141 франкъ.

Наполеоновская такса, какъ видно, была дешевле всѣхъ, и Людовикъ XVIII, едва замѣнивъ на престолѣ казеннаго брата, успѣшилъ исправить этотъ ея недостатокъ. Онъ имѣлъ въ виду массовое производство новыхъ дворянъ, но стѣснялся общественнаго мнѣнія и нуждался въ теоретическомъ оправданіи своихъ проектовъ. Написать соответствующую докладную записку было поручено извѣстному писателю изъ реакціоннаго лагеря Бональду. Тотъ горячо принялся за это дѣло и въ своей запискѣ доказывалъ даже, что раздача грамотъ на дворянство есть вещь «самая естественная, разумная и необходимая». Далѣе, не упуская изъ виду главной цѣли своего труда, Бональдъ, доказываетъ, что дворянскія граматы необходимо регистрировать, иначе онѣ могутъ потерять свою силу. А за регистрацію, само собой разумѣется, необходимо платить. Бональдъ даже выработалъ таксу этихъ уплатъ. Такъ, за регистрацію титула маркизъ должно было взиматься 8.000 франковъ, за графа 6.000 тысячъ и т. д. въ той же пропорціи. Не былъ упущенъ въ обложеніи и орденъ Почетнаго Легиона, учрежденный Наполеономъ: кто желалъ записать себя въ списки кавалеровъ этого ордена, тотъ долженъ былъ платить 60 франковъ.

Результатомъ записки Бональда былъ законъ 26-го сентября 1814 года, облагавшій платой пожалованія всякаго рода титуловъ. Такъ какъ этотъ законъ формально никогда не былъ отмѣненъ, то, очевидно, и титулы юридически остаются въ силѣ во Франціи, и французскому правительству остается только привести его въ дѣйствіе, чтобы получить нужныя ему деньги.

— Доисторическая стадія восточнаго вопроса.—Въ Парижѣ у Гашетта вышло новое большое изслѣдованіе о древней Троѣ и троянскомъ вопросѣ ¹⁾. Авторъ его—извѣстный французскій археологъ Феликсъ Сарсіо, перу котораго принадлежитъ нѣсколько капитальныхъ работъ въ области его специальности, каковы, напримѣръ, «*Les villes mortes d'Asie Mineure*», «*Les sculptures et la restauration du temple d'Assosen Troade*» и другіе.

Въ наукѣ существуетъ уже не мало попытокъ выяснить цивилизацію гиттитовъ—народа, который, повидимому, занималъ переднюю часть Малой Азіи приблизительно съ XI вѣка до Р. Х. по VIII. Населеніе этой части Азіи или Троады, по всей вѣроятности, было смѣшаннаго происхожденія изъ мѣстныхъ элементовъ съ народами фригійскаго племени, которые вторгались въ эту страну. По мнѣнію Сарсіо, Пріамъ и троянскіе вожди принадлежали къ той же расѣ, что и напавшіе на нихъ греческіе вожди. Изъ Иліады видно, по крайней мѣрѣ, что нравы, обычаи, понятія обоихъ враговъ, ихъ жилища, вооруженіе, похоронные обычаи, наконецъ, мифологія были одни и тѣ же. Несмотря на борьбу, нигдѣ въ «Иліадѣ» не видно, чтобы враги питали ненависть другъ къ другу, не видно, чтобы греки отдѣляли троянцевъ отъ себя и считали ихъ варварами. Троянскую войну,—говоритъ авторъ,—можно разсматривать, какъ одинъ изъ эпизодовъ ахео-золійскаго распространенія въ Малой Азіи.

¹⁾ Felix Sartiaux. Troie, la guerre de Troie es les origines de la question d'Orient.

Раскопки Шлимана, производившіяся съ 1870 года, имѣли въ виду главнымъ образомъ провѣрить Гомера и отыскать упоминаемая имъ сокровища Пріама. Шлиманъ не отрылъ города, который раскапывалъ, а своими раскопками только повредилъ дѣлу. Современные ученые насчитываютъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояла Троя, по крайней мѣрѣ, девять напластованій. Самое нижнее и древнее изъ нихъ восходитъ къ мѣдному и бронзовому вѣку, т. е. приблизительно къ эпохѣ за 3.000 лѣтъ до Р. Х. Второе—къ бронзовому вѣку, остальные къ позднѣйшимъ эпохамъ. Какъ теперь извѣстно, древнѣйшая Троя была уничтожена пожаромъ, на который указываютъ остатки обгорѣвшихъ деревянныхъ предметовъ и закопченныхъ камней. Шлиманъ именно этотъ пластъ и принималъ за гомеровскую Трою. Но подъ нею лежитъ еще нѣсколько слоевъ и городъ Пріама надо искать въ шестомъ. Надъ древнѣйшей Троей найдены болѣе новыя постройки храмовъ, дворцовъ, жилищъ вождей. Къ нашему времени отъ всего этого не осталось почти ничего. Въ VII вѣкѣ до Р. Х., когда греческіе колонисты основали въ окрестностяхъ Трои новые города Сигейонъ и Ахиллейонъ, то для постройки ихъ они воспользовались остатками именно этого шестого слоя. Въ римскую эпоху былъ срытъ и холмъ, на которомъ стояла Троя. Наконецъ въ наше время лопата Шимана dokonчила разрушеніе гомеровскаго города.

Надъ шестымъ напластованіемъ идетъ слой обломковъ, принадлежащихъ къ VIII вѣку до Р. Х., т. е. къ эпохѣ греческой колонизаціи Малой Азіи. Къ этой эпохѣ восходятъ остатки храма, который потомъ римляне замѣнили своимъ. Александръ Македонскій въ 314 году приказалъ было возстановить нижній городъ, но ему не удалось и возлѣ древней Трои выросла только небольшая деревушка. Позднѣе, въ періодъ римской оккупаціи, думали было возстановить Трою Сцилла и Августъ, руководившіеся извѣстной легендой о происхожденіи римлянъ отъ троянцевъ. Извѣстно также, что Константинъ Великій въ поискахъ мѣста для новой столицы, первоначально хотѣлъ строить ее тамъ, гдѣ была Троя, и только впослѣдствіи остановилъ свой выборъ на берегахъ Босфора. Извѣстно также, что Юліанъ Отступникъ, въ своихъ заботахъ о возстановленіи язычества, въ 355 году пріѣзжалъ на мѣсто бывшей Трои.

Остатки доисторической крѣпости видны еще и до сего времени. Она была не велика—не больше 200 метровъ въ діаметрѣ. Видно еще мѣсто, гдѣ были двое воротъ. Эта крѣпость была центромъ, кремлемъ города. Надъ нижней стѣной возвышалась другая, толщиною метра въ три, повидимому, со сводомъ наверху. Внутри города дома были отдѣлены другъ отъ друга переулочками. Тутъ найдено было въ разное время много издѣлій изъ драгоценныхъ металловъ, относящихся къ допріамовой Троѣ. Городъ, объ осадѣ котораго рассказываетъ Гомеръ, былъ раскинутъ на пространствѣ трехъ тысячъ квадратныхъ метровъ вкругъ этого перваго города. Тутъ открыто трое воротъ съ боковыми башнями. Стѣны его были сдѣланы изъ большихъ камней. Холмъ въ центрѣ былъ также окруженъ стѣной, и къ этому центру радиусами сходились улицы города.

Разрушительное дѣйствіе враговъ сказалось прежде всего на стѣнѣ, а потомъ на постройкахъ города, сравненныхъ съ землею. Отрытыя и изслѣдованныя, эти пострадавшія части города оказались очень бѣдными драгоценными

вещами: очевидно, сѣбѣ были разгромлены и драгоцѣнности ихъ достались въ руки грековъ.

Когда явились въ Малую Азію римляне, они сравняли съ землею троянскій кремль и построили на его мѣстѣ храмъ. Отъ этого храма остались лишь слѣды наружнаго алтаря. На мѣстѣ южной стѣны новые побѣдители устроили театръ. Передъ храмомъ былъ колодезь со стеклянной бесѣдкой на мраморныхъ колоннахъ. Отъ всѣхъ этихъ сооружений дошло едва нѣсколько обломковъ.

Въ концѣ своего обстоятельнаго изслѣдованія Сарсіо поднимаетъ опять очень старый вопросъ о достовѣрности «Иліады». Извѣстно, что одни изслѣдователи считаютъ эту поэму собраніемъ отдѣльныхъ пѣсней разныхъ рапсодовъ. Другіе говорятъ, что въ ней существуетъ свое собственное центральное ядро, около котораго впослѣдствіи отложились другія произведенія на ту же тему. Третьи, наконецъ, хотѣли видѣть въ «Иліадѣ» оригинальное произведение, созданное однимъ поэтомъ, переработавшимъ единолично имѣвшійся на эту тему литературный матеріалъ. Вопросъ остается спорнымъ, но, по мѣрѣ того, какъ накапливаются обломки и остатки микенской цивилизаци, становится общепринятымъ, что «Иліада» даетъ точное изображеніе Греціи въ эпоху троянской войны и что сама поэма восходитъ къ ахейскому вѣку греческой цивилизаци. Сарсіо относитъ ея появленіе къ эпохѣ, промежуточной между миненской цивилизацией и архаическимъ вѣкомъ грекомъ. По его мнѣнію, поэма эта—современница первоначальнаго утвержденія грековъ въ Малой Азіи, т. е. относится къ X или IX вѣку до Р. X.

Сарсіо очень подробно останавливается на отдѣльныхъ разсказахъ «Иліады», особенно если дѣло идетъ о топографіи.

Триада, по его мнѣнію, занимала всю сѣверо-западную часть Малой Азіи между Геллеспонтомъ, Эгейскимъ моремъ и Адрамитскимъ заливомъ. Возжи населявшихъ эту область пастушескихъ народовъ образовывали своего рода феодальную систему и всегда тянули къ Троѣ, какъ къ своему естественному центру, къ своей крѣпости. Троя, по взгляду французскаго изслѣдователя, и была крѣпостью, запиравшей доступы къ проливамъ. Это былъ своего рода Константинополь доэллинскаго періода, который ахеянамъ необходимо было разгромить, чтобы открыть себѣ свободный путь въ Понтъ Эвксинскій. Устье рѣки Скамандры было естественной стоянкой, естественнымъ убѣжищемъ для кораблей, поднимавшихся въ Черное море. Вотъ почему троянцы во всякое время могли остановить зарождающуюся морскую торговлю грековъ. Этимъ же географическимъ положеніемъ объясняется и то, что Троя была такъ могущественна и такъ богата. На это же указываетъ и перечисленіе народовъ, явившихся сражаться съ греками и обитавшихъ во Фракіи и на берегахъ Эвксинскаго и Эгейскаго морей. Словомъ, въ троянской войнѣ для грековъ рѣшался вопросъ о свободѣ морей, и, рассматриваемая съ этой точки зрѣнія, эта война является самой ранней на памяти человѣчества попыткой разрѣшить вопросъ, который волнуетъ старый міръ и въ наши дни.

Что касается романическаго мотива въ «Иліадѣ»—похищенія Елены, которое и явилось будто бы поводомъ къ войнѣ, то вполне понятно,—говоритъ французскій изслѣдователь, что поэтъ—безразлично, были ли онъ одинъ, или нѣ-

сколько—не могъ обойтись безъ такого элемента и поставилъ въ центрѣ поэмы то, что, можетъ быть, было лишь случайнымъ, несущественнымъ для дѣла эпизодомъ.

— Изъ воспоминаній зарубежной публицистики.—Лондонское книгоиздательство Herbert Jenkins выпустило недавно томъ воспоминаній известной русско-англійской публицистки О. А. Новиковой, пріобрѣтшей въ Англии широкую популярность подъ ея дѣвичьими инициалами О. К. (т. е. Ольга Кирѣевская). Нѣсколько лѣтъ назадъ вышли два тома воспоминаній разныхъ англійскихъ дѣятелей о самой г-жѣ Новиковой, которыя были собраны погибшимъ на «Титаникѣ» известнымъ журналистомъ Стэдомъ. Настоящій трудъ нашей писательницы является необходимымъ къ нему дополненіемъ.

Русскому обществу, въ особенности тѣмъ, кто слѣдилъ за развитіемъ русско-англійскихъ отношеній, хорошо известно, что авторъ мемуаровъ много потрудилась и имѣетъ большія заслуги въ дѣлѣ сближенія Россіи съ Англійей. Надъ осуществленіемъ этой идеи, получившимъ окончательное завершеніе лишь въ наши дни, она работаетъ болѣе сорока лѣтъ и не мало претерпѣла на своемъ пути какъ отъ англичанъ, такъ и отъ нашихъ дипломатовъ, въ родѣ канцлера князя Горчакова или нашего посла въ Берлинѣ графа Шувалова, не любившихъ, чтобы постороннія лица позволяли себя заниматься иностранной политикой. Проповѣдь сближенія съ Россіей на первыхъ порахъ дѣятельности г-жи Новиковой встрѣчалась въ Англии враждебно: ее открыто называли неофициальнымъ агентомъ русскаго правительства, а Дизраэли назвалъ ее даже *M. P. for Russia*, т. е. членъ англійскаго парламента отъ Россіи.

Не смущаясь инсинуаціями и нападками англійской прессы, подкрѣпляемая благороднымъ Гладстономъ, дружескія отношенія съ которымъ продержались до самой смерти великаго старца, наша соотечественница смѣло въ теченіе десятковъ лѣтъ вѣдряла въ англійскіе умы болѣе здравыя понятія о Россіи и русскихъ. До чего иногда бывало трудно ея положеніе, показываетъ слѣдующій случай.

Въ 1884 году г-жа Новикова издала книгу «*England and Russia*». Прочитавъ эту книгу, Гладстонъ вызвался самъ написать о ней рецензію съ цѣлью привлечь къ ней общественное вниманіе. Зная, насколько англичане были нерасположены въ то время къ русскимъ, г-жа Новикова стала отговаривать Гладстона отъ этого намѣренія, но тотъ, ударивъ кулакомъ по столу, воскликнулъ со свойственной ему энергіей.

— Я заставляю ихъ прочесть эту книгу. Каждый англичанинъ долженъ не только прочесть, но и изучить ее.

И дѣйствительно, Гладстонъ помѣстилъ въ одномъ изъ наиболѣе популярныхъ англійскихъ журналовъ «*The Nineteenth Century*» обширную и хвалебную рецензію книги.

Предсказанія г-жи Новиковой оправдались вполнѣ. Гладстона въ газетахъ стали величать не иначе, какъ Гладстоновъ, и даже намекали, что онъ подкупленъ русскимъ правительствомъ.

Но не такой человѣкъ былъ Гладстонъ, чтобы испугаться газетной травли. Глубоко религіозный, онъ боялся только одного, какъ бы не прогнѣвать Госпо-

да Бога. Религіозность была основой всего характера этого замѣчательнаго человека. Обширный и глубокій умъ его отличался энциклопедическимъ образованіемъ, но въ центрѣ этого образованія всегда стояли вопросы христіанской нравственности и безсмертія нашей души. Заваленный государственными дѣлами, онъ находилъ время писать по вопросамъ церкви и вѣры. Широкій и убѣжденный либераль, онъ упорно противился новшествамъ и либерализму въ области церковной и былъ противъ реформы законодательства о разводѣ, говоря, что то, что Богъ соединяетъ, человекъ разъединять не долженъ.

Въ дружескихъ отношеніяхъ была г-жа Новикова и съ другимъ столпомъ англійскаго либерализма сэромъ Генри Кампбелль-Баннерманомъ и въ особенности съ его супругой. Лэди Баннерманъ не отличалась особой красотой, но зато обладала качествомъ, которое очень цѣнили въ ней ея мужъ: она сильно интересовалась парламентскою жизнью и знала чуть не наизусть всѣ изданія парламента, такъ называемыя синія книги. Это была ходячая справочная книга, которая во всякую минуту могла дать любую справку о томъ или иномъ законѣ.

Близкое участіе въ кружкѣ англійскихъ дѣятелей, группировавшихся около г-жи Новиковой, принимали знаменитый философъ Карлейль и не менѣе извѣстный въ Англии писатель и историкъ крымкой войны Кинглекъ. Карлейля связывало съ авторомъ воспоминаній одинаковое недовѣріе къ политикѣ Дизраэли и славянскія симпатіи. Въ 1878 году, когда Дизраэли поднялъ афганскій вопросъ, натравливая афганцевъ на Россію, Карлейль не побоялся громко осудить эту агитацію и заявить, что «съ нашимъ проклятымъ премьеромъ это будетъ скверное дѣло».

Любопытную и до сихъ поръ мало извѣстную подробность сообщаетъ г-жа Новикова о Кинглекѣ. Друзья писателя знали, что гдѣ-то около Булони у него должна была состояться дуэль. Изъ-за чего вышло дѣло—остается неизвѣстнымъ. Не знали также, съ кѣмъ должна была состояться эта дуэль. Знали только, что Кинглекъ въ одинъ прекрасный день ѣздилъ изъ Лондона во Францію, въ Булонь, долго тамъ ждалъ своего противника, но такъ и не дождался. Вернулся онъ крайне разсерженный и не любилъ вспоминать объ этой исторіи. Со словъ одного изъ нескромныхъ друзей историка, г-жа Новикова утверждаетъ, что вызовъ былъ сдѣланъ Кинглекомъ не кому иному, какъ президенту Французской республики, будущему Наполеону III. Къ сожалѣнію, причины этого столкновения остаются неизвѣстными до сихъ поръ.

Изъ позднѣйшихъ знаменитостей англо-саксонскаго литературнаго міра г-жѣ Новиковой не разъ приходилось встрѣчаться съ Маркомъ Твенемъ. Привычка знаменитаго юмориста схватывать во всемъ происходящемъ комическую сторону, составлявшая отличительную сторону его таланта, подчасъ ставила его въ очень трудное положеніе, не давая читателю возможности различить, серьезно онъ говоритъ, или, по обыкновенію, шутить. Маркъ Твенъ возмущался распространившейся въ его время модой вертѣть столы и вызывать духовъ. По этому поводу онъ написалъ серьезную статью, но долженъ былъ напечатать ее подъ чужимъ именемъ, иначе она не произвела бы никакого впечатлѣнія.

Характерную для американца черту отмѣчаетъ въ немъ г-жа Новикова. Выросшій въ свободной американской стихіи, чуждый предрасудкамъ Стараго Свѣта, Маркъ Твенъ никакъ не могъ отдѣлаться отъ своей апатіи къ неграмъ и съ жаромъ глубоко убѣжденнаго человѣка доказывалъ, что негры являются величайшей опасностью для человѣческой цивилизаціи.

Въ книгѣ г-жи Новиковой разсѣяно не мало воспоминаній о встрѣчахъ и съ русскими выдающимися людьми. Однажды, незадолго до своей смерти, ее посетилъ Скобелевъ. Онъ тяготился бездѣйствіемъ, на которое его обрекли, и собирался поѣхать въ Египетъ или куда-нибудь въ другое мѣсто, лишь бы можно было принять активное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. На замѣчаніе г-жи Новиковой, что онъ нуженъ Россіи, что, и оставаясь дома, онъ можетъ быть полезнымъ родинѣ, влияя на иностранную политику, Скобелевъ отвѣтилъ:

— Я убѣжденъ, что смерть постигнетъ меня не на полѣ брани, а именно здѣсь въ Россіи. Каждый день я получаю дѣлую кипу анонимныхъ писемъ, угрожающихъ мнѣ смертью.

Черезъ двѣ недѣли мрачныя предчувствія Скобелева оправдались.

Любопытна маленькая сценка, рисующая характеръ Достоевскаго. Зайдя однажды къ г-жѣ Новиковой, знаменитый писатель въ бесѣдѣ увлекся темой о томъ, какое благотѣльное влияніе на него имѣло пребываніе въ Сибири. Какъ разъ во время этой бесѣды явился другой посетитель — молодой франтъ, только что вернувшійся изъ-за границы. Онъ принялся съ восторгомъ повѣствовать о тамошнихъ кафе, театрахъ, балетахъ и тому подобныхъ темахъ. Достоевскій пристально смотрѣлъ на него своими черными бархатными глазами, внимательно вѣдушиваясь въ его слова.

— Мнѣ очень интересно все, что вы говорили, — замѣтилъ онъ, когда франтъ умолкъ. — Въ васъ видна жизнь, артистическій инстинктъ, природная доброта. Если бы вамъ довелось провести въ Сибири лѣтъ тринадцать, какъ это было со мной, то это было бы чрезвычайно полезно для васъ. Изъ васъ вышелъ бы честный энергичный членъ общества.

Отмѣтимъ маленькую черточку для характеристики теперешняго германскаго кайзера. Какъ извѣстно, художникъ Верещагинъ привезъ въ Берлинъ свои картины, иллюстрирующія походъ Наполеона въ Россію. Вильгельмъ пожелалъ осмотрѣть ихъ предварительно самъ. Особенно поразила его картина «Отступленіе Наполеона». Онъ долго смотрѣлъ на императора, съ трудомъ передвигающаго ноги въ русской снѣжной лустынь, и, наконецъ, въ раздумьѣ замѣтилъ:

— И несмотря на все это, находятъ еще люди, которые мечтаютъ править всѣмъ міромъ! Но они кончаютъ тѣмъ же.

Характерно, что рядомъ съ такими сентенціями Вильгельмъ запретилъ военнымъ посѣщать Верещагинскую выставку.

Въ заключеніе отмѣтимъ нѣсколько воспоминаній г-жи Новиковой изъ музыкальной области. Она прекрасно знала обоихъ братьевъ Рубинштейновъ и имѣла возможность наслаждаться игрой Антона Рубинштейна во дворцѣ великой княгини Елены Павловны. Но это удовольствіе продолжалось недолго

Однажды, когда Рубинштейнъ сидѣлъ за роялемъ и импровизировалъ, въ гостиной появился какой-то свѣтскій, но плохо воспитанный молодой человекъ. Подстрекаемый ревностью къ одной дѣвицѣ, равнодушной къ знаменитому пианисту, онъ сталъ бормотать про себя, но такъ, что было слышно всѣмъ окружающимъ: «Рубинъ, рубинъ, рубинъ». Артистъ быстро всталъ изъ-за рояля и немедленно уѣхалъ изъ дворца. На другой день онъ заѣхалъ къ фрейлинѣ баронессѣ Раденъ и сказалъ ей:

— Великая княгиня предложила мнѣ за мою игру двѣ тысячи рублей. Я отказываюсь отъ этой платы, равно какъ и отъ чести играть при ея дворѣ. Я готовъ играть для самой великой княгини, но только тогда, когда она будетъ одна.

— Венеція во время войны.—Сотрудникъ «Cornhill Magazine» Горацио Браунъ описываетъ въ мартовской книжкѣ журнала тѣ мѣры, которыя принимаетъ итальянское правительство для охраны художественныхъ памятниковъ Венеціи противъ вражескихъ аэроплановъ, или герлапи, какъ ихъ называютъ въ Италіи простой народъ.

По изобрѣтеніи летательныхъ аппаратовъ Венеція, подобно Англій, никогда не подвергалась бомбардировкѣ, благодаря своему островному положенію, хотя нападеній на этотъ городъ исторія знаетъ не мало. Такъ, въ 809 г. Венецію пытался разгромить Пипинъ, въ XIV столѣтіи жители Каррары, Падуи и Генуи захватили лагуны и блокировали городъ. Въ 1509 г. Камбрійская лига угрожала самому существованію республики, и вражескія пушки гремѣли вокругъ города со всѣхъ сторонъ. Въ 1548 г. австрійскія ядра стали уже достигать предѣловъ самой Венеціи и попортили на потолкѣ Schola di San Rocco фрески работы знаменитаго Тинторетто. Но ни одну изъ этихъ бомбардировокъ нельзя и сравнить по разрушительности съ тѣмъ, что дѣлаютъ теперь бомбы съ аэроплановъ.

Венеція лежитъ довольно близко къ театру военныхъ дѣйствій—всего въ какихъ-нибудь семидесяти верстахъ отъ Карсо, и аэропланы посѣщаютъ ее нерѣдко. За ихъ появленіемъ слѣдятъ особые часовые, которые разставлены на крышахъ высокихъ зданій и каждые полчаса кричатъ другъ другу: «All' aria buona guardia» (т. е. воздухъ хорошо охраняется). Со времени начала войны до ноября 1915 г. городъ подвергался нападенію аэроплановъ двадцать одинъ разъ, причемъ нападенія производились раннимъ утромъ. Въ 1916 г. такихъ нападеній насчитывается тридцать. Послѣ пораженія при Горицѣ австрійцы въ отместку стали засыпать городъ снарядами. Днемъ появленіе аэроплановъ возвѣщается продолжительнымъ заунывнымъ воемъ сиренъ, за которымъ слѣдуютъ три пушечныхъ выстрѣла. Ночью въ Венеціи тушатся всѣ огни. Отсутствіе искусственнаго освѣщенія даетъ необыкновенно художественный эффектъ, особенно въ лунныя ночи, когда городъ какъ бы оживаетъ въ своемъ подлинномъ средневѣковомъ видѣ.

Однако отсутствіе освѣщенія имѣетъ и свою дурную сторону. Хотя вездѣ, гдѣ есть пѣшеходное движеніе, каналы огорожены рѣшетками, однако эта мѣра не предохраняетъ прохожихъ въ темныя ночи отъ паденія въ воду. Число погибшихъ въ каналахъ, какъ говорятъ, значительно превышаетъ число жертвъ

австрийскихъ аэроплановъ. Люди, оказавшіеся во время воздушнаго нападенія на улицахъ и площадяхъ, должны немедленно спасаться въ особыхъ домахъ-убѣжищахъ, двери которыхъ открываются при первыхъ сигналахъ тревоги. Атаки воздушныхъ разбойниковъ имѣютъ, главнымъ образомъ, моральный эффектъ, распространяя панику среди жителей, число же жертвъ бываетъ обыкновенно невелико. Бомбы часто падаютъ въ воду, которой такъ много въ Венеціи и которая уменьшаетъ силу ихъ взрыва.

Тѣмъ не менѣе, Венеція насчитываетъ значительное количество дворцовъ и пять церквей, которые пострадали отъ воздушной бомбардировки, причемъ нѣкоторые, къ сожалѣнію, повреждены непоправимо. Особенно пострадала церковь Босоногихъ монаховъ (Scalzi), возлѣ желѣзнодорожной станціи. 25 мая прошлаго года бомбой съ аэроплана въ ней разрушенъ потолокъ съ фресками, работы Тьеполо, а внутри сильно пострадали мраморныя украшенія. 9 августа зажигательная бомба разрушила крышу церкви Св. Маріи Формозы и повредила раку съ мощами св. Варвары. На слѣдующій день другая такая же бомба разнесла вдребезги куполь церкви св. Петра въ Темницѣ (S. Pietro in Castello). Въ сентябрѣ пострадала церковь св. Иоанна и Павла. Въ ней разрушенъ потолокъ и внутренность, и выбиты чудныя цвѣтныя стекла.

Особенной опасности подвергается извѣстный въ исторіи искусства герцогскій дворецъ (Palazzo ducale), построенный совершенно не такъ, какъ обыкновенно строятъ такого рода массивныя зданія. Первый его этажъ представляетъ собою снаружи колоннаду съ легкими колонками, которыя и поддерживаютъ собою всѣ остальные этажи. Если бомбой вышибить нѣсколько такихъ подпорокъ, то легко можетъ случиться, что верхніе этажи зданія рухнутъ сами собою. Чтобы предотвратить грозящую гибель этого художественнаго памятника архитектуры, пространство между колонками въ настоящее время заложено кирпичной стѣной съ контрфорсами, украшающая дворецъ скульптура одѣта въ каменные чехлы. Такъ, ангель Страшнаго суда имѣетъ теперь видъ круглой башни съ откосами, Адамъ и Ева—четыреугольной башни, Ной—низкой, тяжелой четырехугольной башни съ покатою крышею. Благодаря этимъ пристройкамъ, дворецъ въ настоящее время имѣетъ видъ какого-то грознаго средневѣковаго замка.

Внутри зданія не осталось ни одной картины. Всѣ онѣ накатаны на огромные вальки и унесены въ безопасное мѣсто. Чего нельзя было унести, то прикрыто мѣшками съ пескомъ. Одной изъ главныхъ опасностей для дворца является его крыша, украшенная деревянною рѣзьбой. Для предотвращения пожара всѣ деревянные ея части пропитаны особымъ огнеупорнымъ составомъ, а гдѣ этого нельзя было сдѣлать, тамъ наложены мѣшки съ пескомъ и поставлены сильныя гидропульты.

На площади статуи Льва и св. Феодора также завалены мѣшками.

Исчезаетъ изъ виду подъ надстройками и знаменитый соборъ Св. Марка. Фасада, выходящаго на площадь съ его тремя прекрасными порталами, теперь уже не видно изъ-за двойной галлерей лѣсовъ, засыпанныхъ мѣшками съ пескомъ. Чтобы деревянные галлерей не могли загорѣться, онѣ съ наружной стороны облицованы каменными плитами. Но главная опасность грозитъ собору опять-

таки со стороны крыши. Если бомба попадет на крышу, то, во-первых, неминуемо загорятся ее деревянные части, а во-вторых разрушится тонкій куполь, вѣнчающій зданіе собора. Если бомба проникнетъ внутрь его, то отъ знаменитыхъ мозаикъ останется одно воспоминаніе.

Чтобы предотвратить возможную катастрофу, принимаются энергичныя мѣры, и внутренность собора такъ же исчезаетъ изъ глазъ зрителя, какъ и его внѣшній видъ. Въ яркій солнечный день въ соборѣ почти темно, и, только присмотрѣвшись къ темнотѣ, зритель различаетъ, что алтарь собора, баптистерій, огромныя колонны, скульптурныя изображенія, все это завалено наглухо мѣшками съ пескомъ. Эти искусственныя утолщенія совершенно измѣнили всѣ привычныя очертанія и пропорціи: всѣ фигуры кажутся маленькими, колонны слишкомъ толстыми, и внутренность собора напоминаетъ скорѣе какой-то египетскій храмъ.

Вопросъ о томъ, какъ сохранить отъ разрушенія мозаики, принадлежитъ къ числу самыхъ трудныхъ. Въ этомъ отношеніи въ Венеціи приняты двоякія мѣры. Всѣ мозаики затянуты толстымъ полотномъ, которое не прилегаетъ къ нимъ вплотную, а отстоитъ отъ нихъ вершка на четыре. Разсчитываютъ, что въ случаѣ взрыва бомбъ эта полотняная завѣса предохранитъ мозаики отъ сотрясенія воздуха. Для этой цѣли вынуты также всѣ стекла изъ купола и боковыхъ оконъ: давленіе на воздухъ, произведенное взрывами, будетъ ослаблено этими отверстиями. Но при зіяющихъ окнахъ для мозаикъ является опасность съ другой стороны: отъ дождя и непогоды. Чтобы предупредить проникновеніе внутрь собора дождевой воды, передъ окнами на нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи протянуты завѣсы изъ толстаго паруснаго полотна.

Съ художественной точки зрѣнія эти желтоватыя паруса, пропускающіе лишь скудный свѣтъ, неожиданно дали очень эффектное освѣщеніе: при немъ особенно рѣзко и рельефно выступили фигуры центральной части собора, купола блестятъ, словно чаши съ расплавленнымъ золотомъ, мозаики видны, какъ никогда, и венеціанцы, любяся необычнымъ видомъ своего знаменитаго собора, повторяютъ чаще, чѣмъ когда-нибудь, любимую свою поговорку: «*poi tutti mali vengono per nuocere*» (нѣтъ худа безъ добра).

— Казнь миссъ Эдитты Кавелль. — Въ настоящее время, когда Америка находится въ состояніи войны съ Германіей и у американскихъ дипломатическихъ агентовъ, находившихся въ захваченной нѣмцами Бельгій, руки развязаны, начинаютъ выплывать на свѣтъ Божій подробности нѣмецкой расправы съ англійской сестрой милосердія Эдиттой Кавелль, расправы, въ свое время взволновавшей свою жестокостью весь цивилизованный міръ. Объ обстоятельствахъ этого трагическаго дѣла, о слѣдствіи и судѣ надъ миссъ Кавелль сообщать, по даннымъ американскихъ источниковъ, любопытныя подробности «*La Revue hebdomadaire*».

Эдитта Кавелль родилась 4 декабря 1865 г. въ городкѣ Свордестонѣ, въ графствѣ Норфолькѣ, гдѣ ее отецъ, Фредерикъ Кавелль, былъ священникомъ болѣе сорока лѣтъ. Воспитаніе она получила домашнее, очень строгое, въ духѣ христіанской любви и милосердія; уже съ дѣтства въ ней обнаружилась склонность ходить за больными и немощными.

Отца она потеряла довольно рано. После смерти Фредерика Кавелль его вдова с двумя дочерьми Эдиттой и Скотт переѣхала в Норичъ. Обѣ сестры рѣшили посвятить себя помощи страждущему человѣчеству, и миссъ Скоттъ Кавелль до сихъ поръ завѣдуетъ санаторіей для выздоравливающихъ въ Уртерси.

Образованіе миссъ Кавелль получила въ одномъ изъ частныхъ пансіоновъ Брюсселя, гдѣ англичане до войны чувствовали себя, какъ дома. Получивъ наслѣдство, которое вполне обеспечивало ея существованіе, миссъ Эдита Кавель долго путешествовала по Швейцаріи и Германіи, изучая здѣсь постановку больничнаго дѣла.

Тридцати лѣтъ отъ роду она вернулась въ Англію и поступила въ одну изъ лондонскихъ больницъ, но, почувствовавъ на практикѣ недостаточность своихъ познаній въ медицинѣ, энергично принялась пополнять свои свѣдѣнія и училась на разныхъ курсахъ пять лѣтъ. Затѣмъ она получила мѣсто завѣдующей ночнымъ дежурствомъ въ одной изъ большихъ больницъ Лондона, въ госпиталѣ св. Панкратія, но черезъ три года почувствовала себя настолько утомленной, что должна была уѣхать на отдыхъ въ Италію и Швейцарію. Оставаться долго безъ любимаго дѣла она не могла, и черезъ годъ мы видимъ ее во главѣ королевской больницы въ Манчестерѣ. Въ 1906 г. комитетъ бельгійскихъ врачей пригласилъ ее въ Брюссель на должность завѣдующей медицинскимъ и хирургическимъ институтомъ.

Въ 1909 г. съ помощью этого комитета она основала въ Брюсселѣ школу сидѣлокъ и сестеръ милосердія, которая очень быстро завоевала себѣ такую репутацію, что въ числѣ ея учениковъ можно было встрѣтить представительницъ лучшаго бельгійскаго и англійскаго общества. Насъ, пожалуй, можетъ удивлять тотъ фактъ, какъ эти представительницы зажиточнаго и образованнаго англійскаго общества могутъ выбирать для себя карьеру какой-нибудь сестры милосердія, особенно въ мирное время. Но не надо забывать, что въ извѣстныхъ кругахъ англійскаго общества филантропія считается какъ бы обязательной и носить очень дѣятельный характеръ.

Ставъ во главѣ школы, миссъ Кавелль проявила такую энергію и организаторскія способности, что бельгійское правительство отдало подъ ея вѣдѣніе весь персоналъ сидѣлокъ и надзирательницъ въ брюссельской больницѣ Санъ-Жилль. Такимъ образомъ къ началу войны миссъ Кавелль оказалась во главѣ служебнаго персонала медицинскаго института, школы сидѣлокъ и больницы Санъ-Жилль.

Маленькаго роста, съ большими голубыми глазами и тонкими чертами лица, миссъ Кавелль казалась на первый взглядъ очень слабой и хрупкой. Но сила ея духа побѣждала физическую слабость. Держалась она всегда съ большимъ достоинствомъ и никогда не унижалась до лжи и лести. Одѣвалась она всегда въ неизмѣнное темно-синее платье съ бѣлыми воротникомъ и рукавчиками и на своей уже посѣдѣвшей головѣ носила бѣлую полагающуюся сидѣлкамъ косынку.

Объявленіе войны застало миссъ Кавелль у ея матери въ Норичѣ. Несмотря на настоянія семьи, угovarивавшей ее остаться въ Англіи, она немедленно отправилась къ своимъ больницамъ и сидѣлкамъ въ Брюссель. Дѣла здѣсь ока-

залось множество, и скоро раненые стали прибывать цѣлыми партіями. Миссъ Кавелль не дѣлала никакой разницы между ранеными нѣмцами и бельгійцами, видя въ тѣхъ и другихъ прежде всего представителей страждущаго человѣчества.

5 августа 1915 г., какъ разъ въ тотъ моментъ, когда миссъ Кавелль сдѣлала перевязку нѣмецкому раненому, въ больницу явился отрядъ солдатъ, подъ предводительствомъ унтеръ-офицера, и арестовалъ ее. Послѣ короткаго допроса ее заключили въ военную тюрьму Санъ-Жилль. вмѣстѣ съ нею нѣмцы арестовали еще тридцать четыре человѣка, изъ которыхъ больше половины были женщины: принцесса Марія-де-Круа, графиня Белльвилль-де-Монтины и др. Среди мужчинъ подверглись заключенію журналистъ Альберъ Лидье, архитекторъ Филиппъ Банкъ, аптекари Луи Северэнъ и Жоржъ Дерво и инженеръ Германъ Какіо.

Всѣмъ задержаннымъ было предъявлено обвиненіе по ст. 58 германскихъ военныхъ законовъ, гдѣ говорится объ измѣнѣ, выразившейся въ томъ, что обвиняемый «привелъ солдатъ неприятелю» (dem Feinde Mannschaften zuführt).

Со времени ареста миссъ Кавелль лишили всякой юридической помощи и не позволяли навѣщать ее въ тюрьмѣ никому. На одномъ изъ допросовъ, производившихся нѣмецкими лейтенантами секретно, миссъ Кавелль съ свойственной ей прямою и сознаниемъ своей правоты объяснила, что никакихъ солдатъ къ неприятелю она не проводила, а считала долгомъ своей совѣсти и христіанскаго милосердія, которому служила всю свою жизнь, пріютить и скрыть у себя тѣхъ несчастныхъ бельгійскихъ солдатъ, которыхъ по пятамъ преслѣдовали нѣмцы, чтобы ихъ разстрѣлять. Эти бѣглецы напоминали собой затравленнаго звѣря, ожидающаго каждую минуту смерти. Миссъ Кавелль выхаживала ихъ и, спасая отъ разстрѣла, давала имъ возможность бѣжать въ Голландію, гдѣ ихъ интернировали.

По настоянію друзей обвиняемой, защиту ея взялъ было на себя извѣстный бельгійскій адвокатъ Браунъ, но потомъ онъ побоялся нѣмцевъ и передалъ это «дѣло» другому адвокату, нѣкскому Киршену, натурализовавшемуся въ Бельгій австрійцу, который отнесся къ порученной ему защитѣ крайне двусмысленно. Каждый разъ, когда друзья миссъ Кавелль обращались къ нему за справками по дѣлу по телефону или даже пріѣзжали къ нему на квартиру лично, Киршена никогда не оказывалось дома.

Кромѣ собственныхъ показаній миссъ Кавелль, противъ нея не было добыто никакихъ уликъ, несмотря на то, что за ней было установлено тайное наблюденіе и сдѣланъ былъ обыскъ. Сами германскіе офицеры, входившіе въ составъ военнаго суда, колебались въ выборѣ ей наказанія. Судъ внезапно прекратилъ пренія и свой приговоръ послалъ на заключеніе генераль-губернатора Биссинга. Въ пять часовъ дня состоялся окончательный приговоръ: миссъ Кавелль приговаривалась къ смертной казни, которая будетъ приведена въ исполненіе въ два часа утра.

Въ самый день ареста миссъ Кавелль британскій министръ иностранныхъ дѣлъ немедленно просилъ американскаго представителя въ Брюсселѣ Уитлока вмѣшаться въ это дѣло. Уитлокъ написалъ начальнику германской политической канцеляріи фонъ-деръ-Ланкену, прося его устранить Киршена и допу-

стить къ допросу другого адвоката со стороны обвиняемой, Левалю, но въ этомъ ему было отказано и, дѣло, какъ мы видимъ, такъ и осталось въ рукахъ Киршена. Американцы приняли дѣятельное участіе въ судьбѣ несчастной женщины. Секретарь посольства Джибсонъ осаждалъ политическую канцелярію просьбами по телефону, и Конрадъ, ближайшій помощникъ фонъ-деръ-Ланкена, увѣрялъ его все время, что приговоръ еще не состоялся. А между тѣмъ онъ былъ уже посланъ на утверждение въ Берлинъ. Черезъ нѣсколько часовъ, когда отвѣтъ отъ кайзера былъ уже полученъ, Джибсонъ и Леваль явились опять къ Конраду, взявъ съ собою для усиленія своего ходатайства еще испанскаго посла. Но фонъ-деръ-Ланкенъ объявилъ имъ, что теперь уже поздно: приговоръ утвержденъ кайзеромъ, и осужденная будетъ разстрѣляна.

Въ десять часовъ вечера миссъ Кавелль сообщили, что она осуждена на смертную казнь. вмѣстѣ съ этимъ было разрѣшено допустить къ ней англійскаго священника Гэна (Gahan). «Я нашелъ ее совершенно спокойной и покорной, — рассказывалъ потомъ Гэнь. — Первые ея слова были о вѣрѣ ея въ Бога и въ жизнь вѣчную. «Я не испытываю ни страха, ни ужаса, — говорила она. — Я столько разъ видѣла смерть, что она уже не представляется мнѣ ни странной, ни ужасной. Теперь, почти стоя передъ Богомъ, я должна сказать, что одного патріотизма еще мало. Надо не имѣть ни къ кому ни ненависти, ни горечи».

«Я оставался съ нею до назначеннаго мнѣ часа, и мы бесѣдовали совершенно спокойно. Она дала мнѣ разныя порученія къ ея роднымъ и знакомымъ. Когда приблизился часъ, я сказалъ ей:—«Прощайте». Она улыбнулась и отвѣтила: «Мы еще увидимся».

Вскорѣ послѣ ухода духовника миссъ Кавелль при свѣтѣ фонаря вывели изъ тюрьмы и на автомобилѣ отвезли на площадь, гдѣ прежде солдаты обучались стрѣльбѣ. Закутавъ ей голову, ее повели къ стѣнѣ. Тутъ силы ее покинули, и она впала въ глубокій обморокъ. Офицеръ, командовавшій взводомъ, приказалъ отнести ее къ мѣсту казни на рукахъ.

Въ самой Германіи говорили потомъ, что солдаты не хотѣли стрѣлять въ женщину и мѣтили ей въ ноги, но взбѣшенный этимъ лейтенантъ выхватилъ револьверъ и выстрѣлилъ бѣдной жертвѣ прямо въ високъ.

Тѣло ея похоронено около тюрьмы Санъ-Жилль. Германскія власти отказались выдать его родственникамъ, а также отказали друзьямъ миссъ Кавелль въ ея похоронахъ, ссылаясь на то, что разрѣшеніе это зависитъ только отъ военнаго министра.

«Въ ту же ночь былъ казненъ другой арестованный, Филиппъ Банкъ, ведшій себя на судѣ столь же мужественно, какъ и миссъ Кавелль.

Процессъ брюссельскихъ мучениковъ показываетъ, какъ расправляются нѣмцы со всѣми, кто, исполняя свой долгъ, покажется имъ провинившимся передъ ними. Вспомнимъ здѣсь и русскаго мученика—калишскаго казначея Соколова, котораго велѣлъ разстрѣлять пресловутый маіоръ Прейскеръ, разстрѣлять только за то, что Соколовъ не пожелалъ отдать нѣмцамъ хранившіяся у него казенныя деньги, а успѣлъ, до прихода ихъ въ Калишъ, сжечь ихъ. Авось когда-нибудь новая, свободная Россія вспомнить и объ этомъ незамѣтномъ героѣ.

С М Ъ С Ъ.

ГОДОВОЕ застѣданіе Географическаго общества. 22 февраля подь предсѣдательствомъ ген.-лейт. Ю. М. Шокальскаго, состоялось годовое общее собраніе русскаго географическаго общества. Секретарь общества Д. И. Мушкетовъ прочиталъ годовой отчетъ о дѣятельности общества. Отчетъ отмѣчаетъ тяжелыя условія, въ которыхъ протекла работа общества за послѣдній годъ. Недостатокъ матеріальныхъ средствъ отозвался не только на хозяйственныхъ вопросахъ въ жизни общества, но и на научной его дѣятельности. Особенно это отразилось на издательствѣ научныхъ трудовъ. Изъ числа постоянныхъ комисій оживленную дѣятельность проявили комисіи: озерная, по орнаменту народовъ Россіи, метеорологическая, природоохранительная, біогеографическая, по составленію этнографическихъ картъ Россіи и др. Антропологической секціей были организованы три экспедиціи: въ Пермскую и Ярославскую губерніи и экспедиція для изслѣдованія башкировъ уральскихъ и оренбургскихъ. Въ концѣ отчетнаго года положено начало дѣлу созданія новаго грандіознаго географическаго словаря Россійской имперіи. За годъ общество снарядило нѣсколько научныхъ экспедицій: для изслѣдованія сѣверо-западнаго Памира, для опредѣленія астрономическихъ пунктовъ, для изслѣдованія озеръ Пермской губ., посѣщенъ Кашгаръ. По выслушаніи отчета былъ оглашенъ списокъ лицъ, избранныхъ въ почетные члены географическаго общества. Избраны: помощникъ предсѣдателя общества ген. Н. Д. Артамоновъ, морской министр адм. И. К. Григоровичъ, вице-президентъ академіи наукъ А. П. Карпинскій, изслѣдователь Центр. Азии В. А. Обручевъ и предсѣдатель отдѣленія географіи математической Н. Я. Цингеръ. Въ иностранные почет-

ные члены избраны: владѣтельный князь монакскій Альбертъ, президентъ парижскаго геогр. об-ва принцъ Роландъ Бонапартъ, англійскій путешественникъ по Ц. Азій Стейнъ и президентъ лондонскаго географическаго об-ва Д. Фрэнфильдъ. Въ члены-корреспонденты избраны: извѣстные полярные путешественники Р. Пири и Э. Шекльтонъ, А. Мортилье, Фразеръ, Г. Чисхольмъ и Брюнъ. На должность помощника предсѣдателя общества переизбранъ ген. Н. Д. Артамоновъ, въ члены совѣта избраны М. К. Жданко и И. И. Померанцевъ и казначеемъ общества П. Г. Москалевъ. Въ этомъ же засѣданіи П. М. Никифоровъ сдѣлалъ докладъ о камчатскомъ землетрясеніи 17-го января 1917 г. Совѣтъ русскаго географическаго общества, рассмотрѣвъ представленія медальныхъ комиссій, постановилъ присудить почетныя награды общества слѣдующимъ лицамъ. Большія золотыя медали: 1) имени графа Ѳ. П. Литке—ботанику В. Л. Комарову за совокупность его географическихъ трудовъ, согласно отзыву Н. А. Буша; 2) имени П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго—В. Ф. Ошавину, нынѣ покойному, въ ознаменованіе 50-лѣтія его выдающейся научной дѣятельности, согласно отзыву А. П. Семенова-Тянь-Шанскаго; 3) отдѣленія этнографіи—Ѳ. К. Волкову за совокупность его трудовъ по этнографіи и антропологии, согласно отзыву Н. М. Могилянскаго; 4) отдѣленія статистики—Л. К. Чермаку за долготѣнную статистико-экономическую изслѣдовательную дѣятельность, согласно отзыву В. В. Морачевскаго. Большія серебряныя медали: 1) имени И. М. Пржевальскаго: проф. В. А. Келлеру (отзывъ В. А. Дубянскаго) и горн. инженеру П. И. Полевому (отзывъ А. П. Герасимова); 2) имени П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго—генераль-майору И. И. Селиверстову за его трудъ «Эфмериды для опредѣленія широтъ по соотвѣтствующимъ высотамъ звѣздъ» (отзывъ Н. С. Свищева). Малыя золотыя медали: А. Н. Авинову за его путешествія и зоогеографическія работы въ Туркестанѣ и въ сѣверной Индіи (отзывъ А. П. Семенова-Тянь-Шанскаго); В. П. Ренгартену за его физико-географическія и ледниковыя изслѣдованія Кавказа (отзывъ А. П. Герасимова); А. П. Самойловичу за совокупность его работъ по этнографіи: г-жѣ М. М. Моллесонъ за ея плодотворную дѣятельность въ троицкосавско-кяхтинскомъ отдѣленіи общества и за сотрудничество въ «Живой Старинѣ» (отзывъ А. Д. Руднева); И. И. Майнову за его трудъ «Русскіе крестьяне и осѣдлые инородцы Якутской области» и другія работы, касающіяся экономической жизни населенія Азіатской Россіи (отзывъ С. П. Патканова). Премія имени Н. М. Пржевальскаго—Цыбену Жампарано за экспедицію по собиранію памятниковъ народной словесности монголовъ и за изданный имъ первый томъ монгольскихъ былинъ, согласно отзыву В. Я. Владимірцева. Малыя серебряныя медали: И. Д. Стрѣльникову, Г. Г. Манизеру и Ф. А. Фіельструпу—за сообщенія объ ихъ путешествіяхъ въ Ю. Америкѣ; Г. Г. Донпельмайеру—за докладъ о соболинныхъ заповѣдникахъ въ Сибири; г. Цирульнику—за изслѣдованіе ледниковъ Казбека; С. И. Колосову и Н. И. Лаврову—за доклады о русской народной музыкѣ; И. В. Костоловскому—за многолѣтнее собираніе этнографическаго матеріала въ Рыбинскомъ уѣздѣ. Высшая учебная награда общества—золотая Константиновская медаль—осталась въ 1916 году никому не присужденной.

Годовое собраніе художниковъ. 6-го февраля состоялось, подъ предсѣдательствомъ А. В. Скалона, годичное собраніе членовъ старѣйшаго изъ художественныхъ обществъ въ Россіи—«Общества взаимопомощи русскихъ художниковъ», вступившаго въ 47 годовщину своего существованія. Изъ доложеннаго собранію отчета за 1916 годъ видно, что истекшій годъ былъ особенно неблагопріятенъ для общества, причиною чему являются исключительныя обстоятельства переживаемаго времени, связанныя съ отсутствіемъ крупныхъ заказовъ, работъ по реставраціи храмовъ и т. п. Однако сбереженія прошлыхъ лѣтъ даютъ обществу возможность существовать въ прежнихъ основаніяхъ. Въ ближайшемъ времени предвидится крупный заказъ на реставрацію кафедральнаго собора въ гор. Смоленскѣ. На состоявшихся выборахъ должностныхъ лицъ, въ обществѣ избраны: предсѣдателемъ С. М. Дунинъ, секретаремъ А. С. Першинъ; казначеемъ С. Н. Зенковъ и смотрителемъ А. И. Садиковъ. Въ экспертную комиссію избраны: И. Г. Дроздовъ, А. В. Кадниковъ, В. А. Кузнецовъ, А. В. Скалонъ, В. А. Плотниковъ, В. Н. Федоровичъ, М. И. Воскресенскій и И. К. Дряпаченко. Въ ревизіонную комиссію: С. А. Власовъ, М. А. Петровъ, В. С. Степановъ и П. С. Волковъ.

Рѣдное начинаніе академіи художествъ. Въ кладовыхъ и подвалахъ академіи художествъ хранится масса всевозможнаго художественнаго матеріала, скопившагося въ этихъ хранилищахъ за слишкомъ 150 лѣтъ существованія академіи. Кромѣ всевозможныхъ картинъ, статуй и т. п., совершенно неизвѣстныхъ не только широкой публикѣ, но иногда и лицамъ, близко стоящимъ къ академіи, здѣсь хранится также и масса въ высшей степени интереснаго стариннаго матеріала, который только за послѣдніе дни академія рѣшила распространять среди публики и извлекла ихъ изъ складовъ, гдѣ они хранились болѣе столѣтія. Съ этой цѣлью на половинѣ лѣстницы, ведущей изъ вестибюля въ музейныя залы, установлены витрины и устроена продажа этихъ цѣнныхъ изданій. Исключительно рѣдкими изъ нихъ являются: «Начертаніе художествъ» А. Писарева, изданное 107 лѣтъ назадъ въ пользу юныхъ воспитанниковъ академіи. «Указатель античнаго музея», «Исторія искусства», «Путевыя замѣтки по Россіи и Норвегіи» В. В. Суслова и другія. За первые же дни распродана масса экземпляровъ этихъ изданій.

Петроградскій отдѣлъ варшавскаго общества охраненія древностей. Учрежденный съ цѣлью охраненія и спасенія отъ гибели и уничтоженія вывезенныхъ изъ Польши и западныхъ окраинъ (главнымъ образомъ въ теченіе настоящей войны) предметовъ старины, искусства и религіознаго культа, отдѣлъ проявляетъ все болѣе интенсивную дѣятельность къ достиженію своихъ цѣлей. Между прочимъ, въ послѣднее время правленіе отдѣла чрезъ своихъ уполномоченныхъ приняло участіе въ организованной академіей наукъ и археологической комиссіей экспедиціи въ районъ военныхъ дѣйствій для изслѣдованія и охраненія памятниковъ старины и искусства, причемъ, конечно, объектомъ трудовъ и изслѣдованій этой экспедиціи будутъ преимущественно тѣ матеріалы, которые окажутся на мѣстахъ ея пребыванія. Между тѣмъ, какъ неоднократно убѣдилось въ томъ правленіе отдѣла, многіе цѣнные свѣдѣнія и матеріалы, касающіяся уничтоженныхъ, поврежденныхъ или вывезенныхъ предметовъ

старинны и искусства, могутъ быть почерпнуты теперь только внѣ района военныхъ дѣйствій, такъ какъ они относятся къ событіямъ, имѣвшимъ мѣсто въ болѣе или менѣе отдаленные періоды войны. Поэтому правленіе отдѣла варшавскаго общества охраненія древностей обращается ко всѣмъ лицамъ, располагающимъ означенными свѣдѣніями или матеріалами, съ убѣдительною просьбой сообщать таковыя по адресу правленія въ гор. Петроградѣ (Кирочная ул., № 34, кв. 73, телефонъ 535—36). Въ составѣ правленія произошли слѣдующія перемѣны: вслѣдствіе продолжительной болѣзни графа Велепольскаго, на мѣсто его избранъ предсѣдателемъ Игнатій Шебеко; вмѣсто епископа ксендза М. Годлевскаго, переѣзжающаго въ гор. Житомиръ, избраны товарищами предсѣдателя: Константинъ Скирмунтъ и графъ Владиславъ Собанскій. Управляющимъ дѣлами общества остается попрежнѣму товарищъ предсѣдателя, свободный художникъ Александръ Боравскій.

Изученіе Бухарскаго ханства. Какъ сообщаютъ «Туркестанскія Вѣдомости» эмиръ бухарскій препроводилъ въ туркестанскій отдѣлъ русскаго географическаго общества 5.000 рублей на изданіе трудовъ по обследованію въ географическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ Бухарскаго ханства и для организаціи географической экспедиціи въ предѣлы ханства.

Музей революціи. Завѣдующій петроградскимъ городскимъ статистическимъ отдѣленіемъ приватъ-доцентъ петроградскаго университета В. В. Степановъ обращается съ просьбою ко всѣмъ лицамъ, общественнымъ организаціямъ и политическимъ группамъ съ просьбой направлять на его имя въ статистическое отдѣленіе (Кронверкскій пр., д. 49) всѣ газеты, листки, прокламаціи, воззванія и т. п. печатныя изданія, появившіяся за время съ начала настоящаго освободительнаго движенія. Если владѣльцы отдѣльныхъ экземпляровъ какихъ-либо изданій особенно дорожатъ ими, ввиду ихъ рѣдкости, статистическое отдѣленіе сдѣлаетъ съ нихъ фотографическіе снимки или сниметъ копіи. Всѣ пожертвованные предметы и изданія, а также фотографическіе снимки войдутъ въ составъ отдѣленія петроградскаго городского музея.

Библіотека академіи наукъ. Обязанная по уставу имѣть всѣ произведенія печати, выходящія въ Россіи, Академія обращается ко всѣмъ издательствамъ и учрежденіямъ съ просьбой доставлять ей всѣ вышедшіе за послѣднее время объявленія, листки, газеты, журналы и книги.

НЕКРОЛОГИ.

ЛЕКСЪЕНКО, М. М. 18-го февраля скончался членъ Государственной Думы третьяго и четвертаго созывовъ, бывшій предсѣдатель бюджетной комиссіи, заслуженный профессоръ Михаилъ Мартыновичъ Алексѣенко. М. М. родился 5-го октября 1847 года въ Екатеринославѣ, въ купеческой семьѣ. По окончаніи курса юридическаго факультета харьковскаго университета онъ представилъ сочиненіе на тему: «Объ организаціи государственнаго хозяйства», былъ оставленъ при университетѣ и съ 1870 года читалъ въ немъ лекціи въ качествѣ приватъ-доцента. Черезъ два года онъ защитилъ диссертацию на степень магистра финансоваго права: «Государственный кредитъ, очеркъ нарастанія государственнаго долга въ Англии и во Франціи». По возвращеніи изъ двухлѣтней научной заграничной командировки онъ защитилъ докторскую диссертацию на тему: «Дѣйствующее законодательство о прямыхъ налогахъ». Съ 1879 года былъ экстраординарнымъ, а черезъ годъ ординарнымъ профессоромъ того же университета по кафедрѣ финансоваго права. По 1889 годъ онъ девять лѣтъ былъ ректоромъ харьковскаго университета, а въ этомъ году былъ назначенъ попечителемъ казанскаго учебнаго округа, а затѣмъ харьковскаго. Кромѣ докторской диссертации, М. М. выпустилъ отдѣльнымъ изданіемъ изслѣдованіе «Подходный налогъ и условія его примѣненія». Въ своихъ трудахъ профессоръ Алексѣенко тѣсно связывалъ финансовое благоустройство съ благосостояніемъ народа. Своей работой въ качествѣ предсѣдателя бюджетной комиссіи и своими выступленіями въ общихъ собраніяхъ Государственной Думы (особенно при разсмотрѣніи росписи) М. М. снискалъ себѣ извѣстность по всей Россіи, сопровождаемую признаніемъ его авторитета. (Некрологъ его: «Новое Время» 1917 г., № 14.712).

† **Березовскій, В. А.** Скончавшійся 21-го февраля Владиміръ Антоновичъ Березовскій былъ извѣстенъ въ военномъ вѣдомствѣ и въ журналистикѣ, какъ

редакторъ-издатель еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала «Развѣдчикъ», военно-библіографическаго журнала «Вѣстовой», журнала для нижнихъ чиновъ «Витязь» и «Солдатской Библіотеки». Къ сотрудничеству въ «Развѣдчикъ» онъ привлекъ лучшія военныя силы, въ «Сельской Библіотекѣ» напечаталъ болѣе 300 разсказовъ военно-нравственнаго характера. Изъ этихъ разсказовъ многіе выдержали по четыре изданія и широко разошлись по войсковымъ и народнымъ библіотекамъ. Покойный извѣстенъ также какъ издатель наглядныхъ пособій, таблицъ и книгъ по военной литературѣ. Онъ началъ свою издательскую дѣятельность съ изданія фигурныхъ мишеней. Дѣло оказалось прибыльнымъ и стало быстро развиваться. Лучшія военно-литературныя силы: Драгомировъ, Куропаткинъ, Масловскій, Пузыревскій, Лееръ и др. поручили основанной покойнымъ фирмѣ изданіе своихъ трудовъ. Въ 80-хъ годахъ В. А. основалъ свой книжный складъ и предпринялъ изданіе «Листка конторы и склада В. А. Березовскаго». «Листокъ» разросся въ журналъ «Развѣдчикъ». Покойный родился въ 1852 году. Изъ Александровскаго военнаго училища онъ вышелъ офицеромъ и началъ службу въ л.-гв. Павловскомъ полку. Былъ начальникомъ полковой учебной команды и роты его величества. Въ качествѣ ротнаго командира участвовалъ въ русско-турецкой войнѣ 1877—78 г. и былъ раненъ подъ Горнымъ Дубнякомъ. Въ 1879 году вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана гвардіи и отдался главнымъ образомъ военно-издательскому дѣлу. (Некрологъ его: «Новое Время» 1917 г., № 14.716).

† **Бобылевъ, Д. К.** 21-го февраля скончался заслуженный профессоръ петроградскаго университета и членъ-корреспондентъ императорской академіи наукъ Дмитрій Константиновичъ Бобылевъ. Онъ читалъ въ петроградскомъ университетѣ курсъ механики и состоялъ одновременно съ 1878 г. по 1908 г. профессоромъ института инженеровъ путей сообщенія. Покойный извѣстенъ своими многими цѣнными научными работами, изъ которыхъ его «Курсъ теоретической механики» выдержалъ нѣсколько изданій. Ему же принадлежитъ «Курсъ аналитической механики», «Гидростатика и теорія упругости», «Поляризующія призмы» и нѣсколько работъ по электричеству и гидродинамикѣ. Д. К. родился въ 1842 г. По окончаніи курса въ Михайловской артиллерійской академіи онъ началъ службу въ конной артиллеріи. Вскорѣ онъ рѣшилъ посвятить свою дѣятельность профессурѣ, выдержалъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости и сдалъ университетскій курсъ по математическому факультету, получивъ степень кандидата. Въ началѣ Д. К. читалъ лекціи въ качествѣ приватъ-доцента и съ 1876 г. занималъ кафедру теоретической механики. (Некрологъ его: «Новое Время» 1917 г., № 14.716).

† **Бутовскій, А. Д.** Скончавшійся 25-го февраля военный педагогъ, генералъ-отъ-инфантеріи Алексѣй Дмитріевичъ Бутовскій, пользовался въ военномъ вѣдомствѣ извѣстностью, какъ инициаторъ и затѣмъ руководитель курсовъ физическаго воспитанія. Эти курсы были впервые учреждены въ 1890 г. въ качествѣ временныхъ, а затѣмъ обратились въ постоянную организацію, теоретически и практически подготовлявшую учителей гимнастики, фехтованія, ручнаго труда и плаванія изъ воспитателей кадетскихъ корпусовъ. Покойный началъ свою дѣятельность скромнымъ воспитателемъ въ первой военной гим-

газіи, затѣмъ былъ помощникомъ инспектора классовъ въ третьей военной гимназіи, переименованной въ Александровскій кадетскій корпусъ. Съ 1890 г. онъ занялъ должность генерала для особыхъ порученій при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній и съ того времени неустанно работалъ въ дѣломъ рядѣ комиссій и совѣщаній по разработкѣ вопросовъ, связанныхъ со школьнымъ дѣломъ вообще и военно-учебнымъ дѣломъ въ частности. А. Д. напечаталъ нѣсколько статей воспитательнаго характера въ «Педагогическомъ Сборникѣ», «Развѣдчикѣ» и другихъ журналахъ. Послѣднія годы его статьи, имѣвшія автобіографическій характеръ, печатались въ «Русской Старинѣ». Онъ скончался 78 лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1917 г. № 14726).

† **Далматовъ, И. С.** 8-го марта въ церкви академіи художествъ состоялось отпѣваніе тѣла художника Ивана Степановича Далматова, погибшаго въ первые дни революціи, при довольно исключительныхъ обстоятельствахъ. Покойный художникъ существовалъ уроками рисованія и въ самый разгаръ стрѣльбы на улицахъ давалъ урокъ въ одномъ фешенебельномъ домѣ у Марсова поля. Въ это время шальная пуля изъ винтовки, пущенная гдѣ-то далеко, ударила въ раму окна и, рикошетомъ попавъ въ художника, сидѣвшаго у простѣнка съ ученикомъ, застряла въ печени. Къ вечеру раненый, перевезенный сейчасъ же въ англійскій госпиталь, скончался въ страшныхъ мученіяхъ. И. С. умеръ 42 лѣтъ и званіе художника получилъ всего девять лѣтъ назадъ за картину «Торжество разрушенія». (Некрологъ его: «Вечернее Время», 1917 г., № 1765).

† **Ерошенко, Н. М.** 6-го февраля въ Херсонѣ скончался Никифоръ Михайловичъ Ерошенко, талантливый педагогъ, почти 20 лѣтъ работавшій въ Одессѣ. Педагогическая служба его началась въ сельской школѣ. Въ 1892 г. онъ преподавалъ уже въ кишиневскомъ военномъ училищѣ русскій языкъ и пѣніе, внося въ это дѣло нѣчто собственное творческое, оригинальное. Скромный педагогъ, онъ тогда уже былъ авторомъ собственнаго учебника русской грамматики. Какъ преподаватель пѣнія, онъ былъ на высотѣ своего положенія. Бессарабская дирекція пригласила его, какъ большого мастера, руководить своднымъ хоромъ изъ учениковъ и ученицъ народныхъ школъ и заняться подготовкой къ руководительству курсами пѣнія народныхъ учителей и приобрѣла въ немъ прекраснаго работника. Приглашенный затѣмъ на педагогическую службу въ Одессу, онъ здѣсь также приобрѣлъ себѣ громкую славу въ качествѣ регента хора. Всегда нуждавшійся въ копеекѣ, Н. М. восполнялъ заработокъ изданіями; его «Методика пѣнія» и школьные сборники пьесъ, равно какъ и иныя комбинаціи (кантата «Бородино» и др.) имѣли большой успѣхъ, но... не бѣдняку зарабатывать на этомъ. Рукописи отправлялись въ Москву, книги издавались Юргенсономъ, шли и сейчасъ идутъ, составитель же и композиторъ получалъ небольшой гонораръ и принимался за новую работу, чтобы и ее продать. (Некрологъ его: «Одесскій Листокъ», 1917 г., № 44).

† **Забѣлло, П. П.** Скончавшійся въ февралѣ въ Лозаннѣ Парменъ Петровичъ Забѣлло, знаменитый русскій скульпторъ, академикъ, родился въ 1830 губ.. и происходилъ изъ малороссійской дворянской фамиліи Черниговской губ.

Общее образованіе покойный получилъ въ петроградскомъ нѣмецкомъ училищѣ св. Петра. Въ 1850 г. поступилъ въ императорскую академію художествъ, гдѣ получилъ малую серебряную медаль за успѣхи въ лѣпкѣ; въ 1854 г. на свой счетъ отправился въ Италію и провелъ въ Римѣ и Флоренціи 8 лѣтъ. За это время имъ исполнены мраморныя статуи: «Наяда» (для фонтана, по заказу императрицы Александры Ѳеодоровны), «Ревекка у колодца», «Татьяна» А. С. Пушкина, «Горе» (для надгробнаго памятника графини Тышкевичъ). Кромѣ того, имъ было исполнено не мало бюстовъ и барельефовъ. Въ 1869 г. за портреты четырехъ членовъ фамиліи Кочубей П. П. получилъ званіе академика и съ 1872 г. поселился въ Петроградѣ, гдѣ работалъ много въ академіи художествъ и создалъ «Русалку», памятникъ А. С. Пушкину (для Александровскаго лицея), «Христосъ въ Геесиманскомъ саду», двѣ статуи императора Александра II (одна въ зданіи петроградскаго окружнаго суда, другая—въ с. Бузовкѣ Кіевской губерніи), колоссальный бюстъ того же государя (находящійся въ желѣзнодорожномъ инвалидномъ домѣ въ Смоленской губерніи), мраморный бюстъ Т. Шевченко (въ Черниговѣ), Н. Гоголя (въ Нѣжинѣ), М. Салтыкова и много другихъ работъ. (Некрологъ его: «Приднѣпровскій Край», 1917 г., № 6116, «Одесскій Листокъ», 1917 г., № 47).

† **Звѣревъ, Н. А.** 8-го марта скончался членъ Государственнаго Совѣта Николай Андреевичъ Звѣревъ, занимавшій при старомъ правительствѣ должности товарища министра народнаго просвѣщенія и начальника главнаго управленія по дѣламъ печати съ 1902 по 1904 г. Покойный по происхожденію—крестьянинъ. По окончаніи курса на юридическомъ факультетѣ московскаго университета онъ избралъ для своей дѣятельности профессорскую карьеру, по каедрѣ исторіи философіи права. Его магистерская диссертация «Основаніе классификаціи государствъ въ связи съ общимъ ученіемъ о классификаціи» дала ему возможность сдѣлаться доцентомъ московскаго университета и вскорѣ экстраординарнымъ профессоромъ по каедрѣ энциклопедіи и исторіи философіи права. Послѣ заграничной командировки онъ читалъ въ московскомъ университетѣ, кромѣ энциклопедіи, философію права и несъ различныя административныя обязанности: былъ секретаремъ факультета, помощникомъ ректора и ректоромъ. При немъ и подъ его руководствомъ обветшалыя университетскія клиники перестроились. Когда въ 1898 г. министромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ Боголѣповъ, покойный сдѣлался его товарищемъ и принялъ дѣятельное участіе въ цѣломъ рядѣ подготовительныхъ законодательныхъ работъ по реформированію, главнымъ образомъ, среднихъ учебныхъ заведеній. Въ этой области онъ явился реформаторомъ, убѣжденнымъ противникомъ толстовскаго и деляновскаго режима. Съ 1901 г. Н. А. былъ сенаторомъ, присутствовалъ во второмъ департаментѣ Сената и съ 1909 г. былъ членомъ Государственнаго Совѣта, примкнулъ къ группѣ правыхъ и участвовалъ въ работахъ различныхъ комиссій, главнымъ образомъ въ комиссіи по народному образованію. Съ 1908 г. онъ читалъ лекціи въ училищѣ правовѣдѣнія по энциклопедіи права. Ему принадлежитъ между прочимъ нѣсколько статей о графѣ Л. Н. Толстомъ, какъ художникѣ, о Ѳ. М. Достоевскомъ въ его послѣднихъ романахъ, критическій этюдъ «Основы утилитарной нравственности», статья

«Къ вопросу о свободѣ воли» и др. Н. А. скончался на 67 году. (Некрологъ его: «Новое Время», 1917 г., № 14.724).

† **Зиновьевъ, И. А.** 4-го февраля скончался одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ дипломатовъ, бывший посолъ въ Константинополь, д. т. с., членъ Государственнаго Совѣта Иванъ Алексѣевичъ Зиновьевъ. И. А. родился 24-го іюля 1835 г. По окончаніи курса въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ онъ поступилъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ и вскорѣ же былъ командированъ въ Персію. Въ 1870 г. И. А. былъ назначенъ дипломатическимъ агентомъ въ княжествахъ Валахіи и Молдавіи. Въ 1872 г., тридцати семи лѣтъ отъ роду, покойный былъ назначенъ на отвѣтственный постъ посланника въ Тегеранъ и пробылъ въ этой должности свыше одиннадцати лѣтъ. За время своего пребывания въ Персіи покойный дипломатъ обнаружилъ выдающіяся способности и большую энергію. Въ 1883 г. И. А. былъ назначенъ на не менѣе отвѣтственный постъ директора азиатскаго департамента, который занималъ до 1891 г. Въ 1891 г. покойный дипломатъ былъ назначенъ посланникомъ въ Швецію и Норвегію. Въ 1897 г. И. А. былъ назначенъ посломъ въ Константинополь и занималъ этотъ особо отвѣтственный постъ до 1909 г. За время своего пребывания въ Константинополь покойному пришлось много бороться съ усилившимся на Ближнемъ Востокѣ вліяніемъ Германіи. При немъ германское правительство заключило соглашеніе съ Турціей о постройкѣ Багдадской жел. дор., причемъ, благодаря настойчивости покойнаго дипломата, дорога эта была проведена не въ сѣверной, а въ южной Азіи. При немъ же произошелъ въ Турціи младотурецкій переворотъ, послѣ котораго И. А. вскорѣ покинулъ свой постъ и былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Послѣдніе годы И. А. принималъ постоянное участіе въ дѣятельности Государственнаго Совѣта, не выступая, впрочемъ, никогда съ совѣтской трибуны. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ не порывалъ связи съ дипломатическимъ вѣдомствомъ, при которомъ онъ продолжалъ числиться. И. А. пользовался исключительнымъ единодушнымъ уваженіемъ и любовью чиновъ министерства, избравшихъ его председателемъ суда чести. Уже будучи больнымъ и съ трудомъ передвигаясь, покойный продолжалъ посѣщать министерство и живо интересоваться ходомъ его работъ. Покойный былъ не чуждъ и литературы. Имъ напечатаны труды: «Россія, Англія и Персія» и «Афганское разграниченіе». (Некрологъ его: «Голосъ Руси», 1917 г., № 1011).

† **Кульбинъ Н. И.** 6-го марта скончался Николай Ивановичъ Кульбинъ. Покойный пользовался извѣстностью, какъ специалистъ по психологіи и внутреннимъ болѣзнямъ, былъ приватъ-доцентомъ военно-медицинской академіи, читалъ въ народномъ университетѣ курсъ—«Свободное искусство, какъ основа жизни» и имѣлъ обширную врачебную практику въ Петроградѣ. На основаніи психологическихъ изслѣдованій, произведенныхъ имъ при помощи новыхъ инструментовъ, имъ же изобрѣтенныхъ, онъ выработалъ способы количественнаго анализа психики (чувствительности) и теорію художественнаго творчества. Эту теорію онъ примѣнялъ къ музыкѣ, изобрѣтательнымъ искусствамъ и словесности. Въ 1907 году онъ основалъ студию «Треугольникъ»—общество импрессионистовъ слова, музыки и пластики. Его спеціальностью въ искусствѣ была

живопись и валяніе, и онъ, какъ руководитель общества, старался намѣтить новые пути для художественнаго творчества. Въ 1908 году имъ была устроена выставка «Современныхъ теченій въ искусствѣ». Въ 1909 году выставка «Импрессионисты». Послѣ покойнаго осталось болѣе 30 научныхъ работъ по экспериментальной патологіи, по исторіи медицины и измѣрительной патологіи. Имъ произведены интересные опыты отравленія животныхъ алкоголизмомъ, изслѣдовано вліяніе рентгеновскаго свѣта и произведено множество другихъ работъ. Скончался онъ 48 лѣтъ. (Некрологъ его «Новое Время», 1917 года, № 14.721).

† **Москалевъ, А. В.** Скончавшійся въ февралѣ членъ консулѳаціи при министерствѣ юстиціи, товарищъ оберъ-прокурора гражданскаго кассационнаго департамента Сената Александръ Васильевичъ Москалевъ, по окончаніи курса на юридическомъ факультетѣ кievскаго университета св. Владимира, началъ службу въ судебномъ вѣдомствѣ округа кievской судебной палаты. Вскорѣ онъ перешелъ въ Тифлисъ, гдѣ послѣдовательно занималъ должности судебного слѣдователя, товарища прокурора, члена и товарища председателя окружнаго суда и товарища прокурора судебной палаты. На него между прочимъ было возложено дознаніе объ обстоятельствахъ кончины цесаревича Георгія Александровича въ Абасъ-Туманѣ. Когда возникло извѣстное дѣло о дашнакцутюнѣ, А. В., завѣдывавшій въ то время политическими дѣлами, представилъ бывшему тогда намѣстнику Кавказа гр. Воронцову-Дашкову, по его предложенію, обстоятельный историческій очеркъ армянскаго движенія на Кавказѣ. Много работая по службѣ, А. В. посвящалъ также не мало труда музыкѣ, театру, публицистикѣ, общественной дѣятельности. Какъ директоръ тифлискаго «кружка», гдѣ собиралось все русское чиновничество, А. В. между прочимъ организовалъ въ «кружкѣ» имѣвшіе большой успѣхъ симфоническіе вечера. Его музыкальныя рецензіи, его газетная полемика съ мѣстными музыкальными мейнстримами привлекали вниманіе музыкальных круговъ. Особенное значеніе имѣли его воскресные фельетоны въ «Кавказѣ». Назначенный въ Сенатъ, А. В. весь отдался цивилистикѣ; изъ его работъ были отмѣчены заключенія о нераздѣльныхъ имуществвахъ, объ отвѣтственности хозяевъ и вѣрителей за дѣйствіе слугъ и повѣренныхъ и др. Главнымъ же образомъ работа А. В. сосредоточилась на правилахъ устава о промышленномъ трудѣ, объ обезпеченіи иностранныхъ рабочихъ и ихъ семействъ. Послѣдней журнальной работой А. В. была статья о субституціи, напечатанная въ «Вѣстникѣ гражданского права». Скончался онъ отъ сердечнаго припадка на 55 году жизни. (Некрологъ его «Новое Время», 1917 г., № 14.713).

† **Пранайтисъ, Ю.** 28-го января въ Петроградѣ, во Французской больницѣ скончался ксендзь-профессоръ Юстинъ-Бонавентура Пранайтисъ. Литовецъ по національности, покойный происходилъ изъ крестьянской среды Сувалкской губерніи, родился въ 1861 году. Первые начала образованія онъ получилъ на родинѣ, закончилъ же его въ Петроградѣ, въ римско-католической духовной академіи, изъ которой былъ выпущенъ въ 1886 года со степенью магистра богословія. Въ томъ же году онъ былъ посвященъ въ священнический санъ и былъ оставленъ профессоромъ при той же академіи, гдѣ, по рекомендаціи своего учителя, извѣстнаго профессора-гебраиста Хвольсона, и занялъ ка-

оедру еврейскаго языка, въ то же время читая лекціи по церковнымъ обрядностямъ и ритуалу римскому. Пятнадцать лучшихъ лѣтъ жизни было посвящено покойнымъ профессорскою дѣятельности. Потомъ онъ добровольно перемѣнилъ свою ученую карьеру на сравнительно скромный постъ пастыря отдаленной туркестанской окраины, гдѣ и прослужилъ до самой своей кончины, отдавшись здѣсь между прочимъ церковностроительству въ широкихъ размѣрахъ. Разносторонне-кипучій въ своей дѣятельности, покойный не чуждъ былъ и литературной работы. Помимо ряда статей, помѣщенныхъ имъ въ журналъ «Encyklopedji Koscielnej», а также описанія своихъ путешествій по Сибири, помѣщенныхъ въ Краковскихъ «Misiach katolickich», покойный послѣ себя оставилъ крупное сочиненіе «Christianus in Talmude judaeorum», написанное имъ на гебрайскомъ и латинскомъ языкахъ, впоследствии переведенное почти на всѣ европейскіе языки, а въ томъ числѣ и на русскій. (Некрологъ его: «Туркестанскія Вѣдомости», 1917 г., № 32).

† **Покровскій, Н. В.** Скончавшійся 8-го марта директоръ петроградскаго археологическаго института Николай Васильевичъ Покровскій принадлежалъ къ рѣдкимъ знатокамъ православной иконографіи и иконописи. По окончаніи курса въ петроградской духовной академіи онъ былъ командированъ за границу для ознакомленія съ методами преподаванія церковной археологіи и литургики. За границей Н. В. изучалъ памятники церковныхъ древностей въ катакомбахъ и музеяхъ Рима, музеяхъ Флоренці, Неаполя, Парижа и др. городовъ. Здѣсь онъ собралъ богатый матеріалъ, которымъ воспользовался для своего труда «Происхожденіе древне-христіанской базилики». За это изслѣдованіе петроградская духовная академія признала его магистромъ богословія, и онъ занялъ въ академіи каѳедру церковной археологіи и литургики. Въ 1888 г. онъ былъ вторично командированъ за границу и изучалъ древніе памятники византійской богослужебной письменности и иконографіи въ Константинополь, въ аѳонскихъ монастыряхъ, въ Солуни, въ Римѣ и др. городахъ. Результатомъ этой поѣздки явился рядъ изслѣдованій, освѣтившихъ историческое прошлое восточной и западной церквей. Въ ряду этихъ работъ выдающееся мѣсто заняло изслѣдованіе «Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, преимущественно византійскихъ и русскихъ». Эта работа доставила покойному степень доктора церковной исторіи. Съ жизнью археологическаго института Н. В. былъ тѣсно связанъ съ самаго его основанія. Основатель института Н. В. Калачовъ пригласилъ его читать лекціи по каѳедрѣ церковныхъ древностей. Н. В. былъ популярнѣйшимъ профессоромъ. Онъ умѣлъ заинтересовать слушателей, руководить ихъ домашними занятіями и практическими работами по церковной археологіи. Съ самаго основанія онъ былъ секретаремъ совѣта и послѣ смерти директора института А. Н. Труворова въ 1898 году сталъ директоромъ института. При немъ археологическій институтъ перемѣнилъ помѣщеніе, разросся, обогатился новыми каѳедрами и новыми учеными силами. Его стараніями была устроена въ Петроградѣ первая русская иконописная выставка, на которую было собрано множество рѣдкостныхъ образцовъ древне-художественнаго творчества. До назначенія директоромъ института покойный былъ инспекторомъ петроградской духовной академіи, при которой устроилъ церковно-археологическій музей и собралъ для музея цѣнные

памятники преимущественно по древне-русской иконописи. Будучи директором института, Н. В. участвовал в устройстве церковно-археологического отдела музея Александра III. Кроме того, он принимал живейшее участие в деятельности археологической комиссии и в археологическом обществе, а также в комитете попечительства русской иконописи. Ему принадлежат, кроме диссертации, множество трудов: «Стѣнные росписи древнихъ храмовъ, греческихъ и русскихъ», «Миниатюры евангелія Гелатскаго XII вѣка», «Страшный судъ въ памятникахъ византійскаго и русскаго искусства», «Очерки памятниковъ православной иконографіи и искусства» и др., а также рядъ статей по преимуществу въ духовныхъ журналахъ и археологическихъ изданіяхъ. При празднованіи археологическимъ музеемъ своего 35-лѣтняго юбилея покойному была поднесена золотая медаль, выбитая въ память юбилея. Лондонская Society of Antiquaries отмѣтила заслуги Покровскаго по археологіи избраніемъ его своимъ почетнымъ членомъ. Архивныя губернскія комиссіи потеряли въ немъ своего почетнаго члена. Скончался онъ 68 лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1917 г., № 14.724).

† **Попруженко, М. Г.** 13-го февраля скончался генераль-отъ-артиллеріи Михаилъ Григорьевичъ Попруженко. Въ его лицѣ военно-учебныя заведенія потеряли одного изъ выдающихся знатоковъ военно-учебнаго дѣла и математики въ особенности. Покойный родился 5-го августа 1854 года и былъ произведенъ въ офицеры 4-го августа 1875 года съ назначеніемъ въ 31-ю артиллерійскую бригаду, съ которой въ 1877—78 г.г. принималъ участіе въ русско-турецкой войнѣ. Въ 1881 г., блестяще окончивъ курсъ наукъ въ Михайловской артиллерійской академіи, назначенъ былъ преподавателемъ математики въ воронежскій великаго князя Михаила Павловича кадетскій корпусъ. Съ этого времени служба М. Г. протекла въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Съ 1898 года по 1906 годъ покойный былъ директоромъ владимирскаго кievскаго кадетскаго корпуса и на этой должности проявилъ выдающуюся энергію. Дѣятельность покойнаго была отмѣчена, и онъ получилъ назначеніе въ главное управленіе военно-учебныхъ заведеній въ комплектъ генераловъ для порученій. Тамъ на его долю выпала огромная работа по участію въ комиссіи, перерабатывавшей курсъ учебныхъ программъ въ кадетскихъ корпусахъ. М. Г. напечаталъ много научныхъ работъ по математикѣ и оставилъ неизданные еще труды. Его учебникъ по космографіи разошелся во многихъ тысячахъ экземпляровъ и выдержалъ нѣсколько изданій. (Некрологъ его: «Кіевлянинъ», 1917 г., № 45).

† **Святскій, Н. П.** 7-го февраля на Кузьминскомъ кладбищѣ въ Царскомъ Селѣ опущено въ могилу тѣло поэта-страдальца Никтополіона Павловича Святскаго. Въ давніе годы, въ турецкую кампанію, Святскій жестоко заболѣлъ, и у него отнялись ноги и руки. Около четырехъ десятковъ лѣтъ этотъ человѣческій обрубокъ прожилъ, имѣя «голову на плечахъ», а въ головѣ стройные образы, больныя думы, заостренныя ризмами. Н. П. послѣ жестокой простуды и табеса позвоночника въ жизненномъ удѣлѣ оставалось—шестирублевое содержаніе отъ рекрутскаго присутствія; а засимъ Чесменская богадѣльня,

что за Московской заставой, юдоль—среди слабоумных старичковъ, гдѣ что ни день, то смерть отъ полного истощенія всѣхъ жизненныхъ силъ. Только послѣдніа девять лѣтъ ему былъ данъ пріютъ какими-то добрыми и такими же очень бѣдными людьми. Лишенный рукъ, Н. П. зубами, твердо зажавъ въ зубахъ лучинку съ стальнымъ перышкомъ на концѣ, онъ водилъ перомъ по листкамъ, укрѣпленнымъ не на столикѣ, а на другой доскѣ, напоминающей подставку вѣчныхъ календарей, и эта доска—въ свою очередь—подперта другой лучинкой. (Некрологъ его: «Биржевыя Вѣдомости», 1917 г., № 16608).

† **Смородиновъ, В. Г.** Въ ночь съ 3-го на 4-ое февраля скончался на 76 году жизни Владимиръ Григорьевичъ Смородиновъ. Происходя изъ коренной кievской семьи, онъ всю свою продолжительную служебную дѣятельность провелъ внѣ Кіева, въ царствѣ Польскомъ, а по оставленіи службы въ 1904 г. вернулся въ свой родной городъ, гдѣ и почилъ вѣчнымъ сномъ. Когда въ 1866 г., по усмиреніи возстанія въ царствѣ Польскомъ, правительство принялось вводить въ край русскую школу, однимъ изъ первыхъ откликнулся покойный, только что окончившій университетъ св. Владимира по историко-филологическому факультету. Первое его мѣсто службы были въ гор. Конинѣ, Калишской губерніи. Въ Радомѣ В. Г. прослужилъ болѣе 25 лѣтъ, изъ нихъ 20 лѣтъ въ должности директора радомской гимназіи. Когда со временемъ политика правительства по отношенію къ царству Польскому перемѣнилась, В. Г. не могъ перемѣнить своихъ убѣжденій и ушелъ отъ столь любимаго имъ педагогическаго дѣла. Тринадцать лѣтъ прожилъ покойный въ отставкѣ въ Кіевѣ. Въ свободные часы писалъ замѣтки педагогическаго содержания и свои воспоминанія. Въ «Кіевлянинѣ» за 1916 г. помѣщена была его статья «Изъ воспоминаній объ университетѣ св. Владимира (1862—1866 г.)» Въ «Русской Старинѣ» за 1914 г. напечатаны его воспоминанія «Моя служба въ Царствѣ Польскомъ», вышедшія затѣмъ отдѣльной книгой. По отзыву критики авторъ обнаружилъ незаурядный литературный талантъ и далъ весьма цѣнныя свѣдѣнія для исторіи русской школы въ Польшѣ. (Некрологъ его: «Кіевлянинъ», 1917 г., № 38).

† **Снигиревскій, А. В.** Во второй половинѣ февраля въ Петроградѣ скончался старѣйшій академикъ, скульптуры Александръ Васильевичъ Снигиревскій. Покойный родился 31-го мая 1842 года, получилъ образованіе въ академіи художествъ, по окончаніи которой рисовалъ пять лѣтъ въ Италіи. А. В. имѣлъ пять медалей отъ академіи за свои скульптурныя работы. Лучшими скульптурными работами А. В. были «Буря», за которую онъ получилъ отъ академіи художествъ премію въ 1.000 рублей и она теперь находится въ музеѣ императора Александра III, «Орфей», приобрѣтенная академіей художествъ, и за эту работу А. В. 4-го ноября 1876 года получилъ званіе академика, «Любопытство» и много другихъ, приобрѣтенныхъ частными лицами. А. В. состоялъ преподавателемъ во многихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы и имѣлъ много учениковъ, сейчасъ уже приобрѣвшихъ извѣстность. (Некрологъ его: «Вечернее Время», 1917 г., № 1758).

† **Стефанисъ, Ф. А.** 13-го февраля отъ крупознаго воспаленія легкихъ скончался профессоръ анатоміи императорскаго университета св. Владимира Францъ Адольфовичъ Стефанисъ, въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Ф. А. родился въ 1865

году въ Ригѣ. Свое высшее образованіе получилъ въ кіевскомъ университетѣ. Окончилъ университетъ по медицинскому факультету въ 1892 г. Послѣ окончанія университета съ отличіемъ былъ оставленъ при университетѣ по кафедрѣ нормальной анатоміи и оставался при ней до своей смерти, исполняя постепенно обязанности помощника прозектора, прозектора и, наконецъ, профессора. Помощникомъ прозектора Ф. А. былъ съ 1893 года по 1901, прозекторомъ до 1903 г. Въ 1903 году послѣ защиты диссертациі на степень доктора медицины «О лимфатическихъ сосудахъ желудка человѣка» былъ избранъ медицинскимъ факультетомъ на освободившуюся къ этому времени кафедру. Всю свою жизнь Ф. А. отдалъ наукѣ и преподаванію анатоміи и отдалъ безъ остатка. Анатомическій театръ кіевского университета и кафедра нормальной анатоміи обязаны ему очень многимъ. Стараніями Ф. А. былъ созданъ учебный музей, одинъ изъ первыхъ въ Россіи, богатый прекрасными препаратами. Много времени затратилъ Ф. А. на приведеніе въ образцовый порядокъ основного музея кафедры, включивъ въ него богатую коллекцію виленскаго музея. Перу Ф. А. принадлежать работы: «Два случая врожденной дистоніи почки», «Случай двойственнаго уродства», «Два варианта бронхіальнаго дерева», «Систематическій перечень препаратовъ музея кафедры описательной анатоміи въ университетѣ св. Владимира», «Учебный музей при кафедрѣ описательной анатоміи человѣка въ университетѣ св. Владимира», «Лимфатическіе сосуды желудка человѣка», «О лимфатическихъ сосудахъ почекъ человѣка», «О лимфатическихъ сосудахъ печени» и рядъ рефератовъ въ «Вѣстникѣ Медицины». Погребенъ покойный въ гор. Васильковѣ. (Некрологъ его: «Кіевлянинъ», 1917 г., № 46).

† **Толь, С. Д.** 14-го февраля на 57 году жизни скончалась жена члена государственнаго совѣта, графиня Софія Дмитріевна Толь. Покойная была единственною дочерью бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, графа Д. А. Толстого и его жены, статсъ-дамы, графини Софіи Дмитріевны, рожденной Бибиковой. Графиня С. Д. Толь, даже въ молодые годы, не увлекалась свѣтской жизнью, предпочитая благотворительную и литературную дѣятельность. Обладая выдающимися организаціонными способностями, графиня явилась учредительницей нѣсколькихъ полезныхъ учреждений, какъ въ столицѣ, такъ и въ родовомъ имѣніи графовъ Толстыхъ «Лѣсище», Рязанской губерніи. Свои досуги покойная отдавала литературному труду, и ея перу принадлежать нѣсколько статей и брошюръ о значеніи франмасоновъ и о ихъ вліяніи на современныя политическія событія. Отдѣльно изъ ея сочиненій было издано въ 1914 г. «Масонское дѣйство. Историческій очеркъ о заговорѣ декабристовъ». (Некрологъ ея: «Голосъ Руси», 1917 г., № 1101).

† **Фидлеръ, Ѳ. Ѳ.** 24-го февраля въ Петроградѣ скончался даровитый переводчикъ русскихъ поэтовъ на нѣмецкій языкъ Ѳодоръ Ѳедоровичъ Фидлеръ. Покойный родился въ 1859 г. въ Петроградѣ, въ нѣмецкой семьѣ. По окончаніи курса въ петроградскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету онъ состоялъ преподавателемъ нѣмецкаго языка въ екатерининскомъ институтѣ и въ гимназіяхъ Я. Г. Гуревича и кн. Оболенской. Въ 1879 г. покойный издалъ не поступившую въ продажу книжку «Dichtungen von Puschkin, Krylow und Lermontow». Въ 1883 г. онъ напечаталъ оригинальную драму «Него». Въ 1885 г.

въ одномъ изъ нумеровъ извѣстной лейпцигской «Universal-Bibliothek». Реклама появилась въ его переводѣ стихотворенія Кольцова. Блестящая и притомъ очень точная передача крайне своеобразнаго творчества поэта, считавшагося до тѣхъ поръ непереводимымъ, обратила на себя сочувственное вниманіе какъ русской, такъ и иностранной критики. Въ той же рекламной «Bibliothek» появился длинный рядъ другихъ переводовъ *Т. Т.*: Пушкина («Борисъ Годуновъ»), Фонвизина, Лермонтова, Огарева, Никитина, Алексѣя Толстого, Фофанова, Некрасова, Потапенко, Майкова. Въ 1889 г. появилась составленная покойнымъ антологія русскихъ поэтовъ «Der Russische Parnass». Въ 1911 г. онъ издалъ сборникъ автобіографій болѣе 50 современныхъ русскихъ писателей «Первые литературные шаги». Замѣчательная энергія покойнаго даетъ ему право на одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду лицъ, ознакомившихъ Западную Европу съ русской поэзіей.

† **Шабать, И. А.** 10-го февраля скончался приватъ-доцентъ женскаго медицинскаго института и ординаторъ Петропавловской больницы Исидоръ Абрамовичъ Шабать. Покойный родился въ 1871 году и окончилъ курсъ медицинскаго факультета кievскаго университета. Съ 1900 года онъ работалъ въ дѣтской клиникѣ при женскомъ медицинскомъ институтѣ въ Петроградѣ, затѣмъ сталъ читать въ качествѣ приватъ-доцента лекціи по дѣтскимъ болѣзнямъ. Послѣ смерти профессора Соколова онъ занималъ временно кафедру дѣтскихъ болѣзней. Ему принадлежить нѣсколько специальныхъ работъ по дѣтскимъ болѣзнямъ, изъ нихъ нѣсколько посвящено патологіи рахита. Московское общество дѣтскихъ врачей отмѣтило цѣнность его научныхъ работъ преміей именно профессора Филатова. И. А. принималъ живѣйшее участіе въ журналѣ «Педиатрія» и былъ одно время однимъ изъ редакторовъ этого журнала. (Некрологъ его: «Новое Время», 1917 г., № 14.707).

† **Эттингеръ, К. Я.** Въ ночь на 14-ое февраля скончался журналистъ Карлъ Яковлевичъ Эттингеръ. Ему было всего 36 лѣтъ отъ роду. Свою журнальную карьеру К. Я. началъ лѣтъ 12 тому назадъ. Въ Петроградѣ покойный работалъ, главнымъ образомъ, въ газетѣ «Биржевыя Вѣдомости», также въ газетѣ «День» и въ московскихъ и провинціальныхъ изданіяхъ. Въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» К. Я. много лѣтъ велъ судебные отчеты за подписью «К. Энгеръ». Въ 1915 г. К. Я. вступилъ въ завѣдываніе інформаціоннымъ отдѣломъ утренняго изданія «Биржевыхъ Вѣдомостей». Во время существованія издававшейся въ Москвѣ А. И. Гучковымъ газеты «Голосъ Москвы», въ періодъ ея расцвѣта, К. Я. завѣдывалъ петроградскимъ отдѣленіемъ редакціи «Голосъ Москвы». Въ газетѣ «День» покойный до войны велъ парламентскіе отчеты. Тяжелая журнальная работа, при чрезвычайномъ нервномъ напряженіи, особенно въ дѣлѣ информации, подорвала и безъ того не крѣпкое здоровье К. Я. (Некрологъ его: «Русская Воля», 1917 г., № 43).

себѣ, ибо взывалъ къ рыцарскимъ чувствамъ, которыя еще не вымерли въ мужчинахъ.

— Хорошо, арестуйте меня, господинъ алькадь,—равнодушно промолвила она:—и когда вы мнѣ докажете, что имѣете право обыскивать женщинъ, тогда я подчинюсь вашему обыску, но не раньше.

И, проговоривъ эти слова, она сдѣлала Конингему знакъ не вмѣшиваться.

Сеньора Баренна не могла сдержать своихъ нервовъ. Она тяжело опустилась на камень и залилась слезами. Она была урожденная графиня, и зрѣлище ея слезъ довольно явственно встревожило алькада.

— Сеньорита сама сдѣлала выборъ,—сказалъ онъ.—Въ нынѣшнія времена (тутъ онъ съ тревогой взглянулъ на сеньору Баренна) каждый долженъ исполнять свой долгъ.

— Послушай, Юлія,—вступился генераль.—Ты всегда была такъ умна...

Юлія въ отвѣтъ покачала плечами и засмѣялась: она не только довѣряла Конингему, но и вѣрила въ его ловкость.

Съ своей стороны, и Конингемъ чувствовалъ, что она вѣритъ въ него и знаетъ, что письмо, хоть и находится въ его карманѣ, принадлежитъ ей. Чувствовалъ онъ и то, что оба они играютъ своей головой.

Онъ узналъ ее и ея голосъ. Передъ нимъ была та самая женщина, которая проявила такое спокойствіе и разсудительность въ моментъ великой опасности, грозившей имъ на рѣкѣ Гароннѣ. Если бы этотъ англичанинъ съ такой примѣсью ирландской крови покинулъ ее въ минуту опасности, то онъ показалъ бы себя недостойнымъ традицій своего народа, который оставилъ уже въ міровой исторіи неизгладимый слѣдъ.

Конингемъ поглядѣлъ на алькада и усмѣхнулся. Это, кажется, разсердило градоначальника: онъ повернулся и сдѣлалъ рукой знакъ одѣтому въ темную форму чловѣку, который откуда-то вдругъ появился у дверей дома.

«Чортъ знаетъ, что теперь дѣлать», подумалъ про себя Конингемъ, въ которомъ родились уже самыя ужасныя подозрѣнія.

Алькадь, вставшій уже во весь свой ростъ, еще разъ заявилъ, что онъ считаетъ себя не въ правѣ пренебрегать исполненіемъ малѣйшей своей обязанности въ столь тревожныя для Испаніи времена и потому отдаетъ Юлію Баренна подъ надзоръ до тѣхъ поръ, пока она не предъявитъ ему полученное ею отъ Конингема письмо.

— Я готовъ допустить,—прибавилъ онъ:—что этотъ кабалеро сталъ жертвою недобросовѣстныхъ людей. Принимая во вниманіе, что онъ является другомъ генераль Винченге и имѣеть доступъ къ его превосходительству герцогу Викторійскому, я заявляю, что его дѣйствія мнѣ не подсудны.

Алькадь отвѣсилъ Конингему церемонный поклонъ и двинулся впередъ, чтобы отвести Юлію и ея мать въ карету.

— Вотъ молодая особа, у которой сердце всегда навлекаетъ опасность на голову,—съ самымъ веселымъ смѣшкомъ замѣтилъ генераль Винченге, кивнувъ головой въ сторону удалявшейся Юліи.

Эстрелла повернулась и вышла изъ комнаты.

— Посидимъ немного,—сказалъ генераль своему гостю.—У меня есть новости для васъ. Но что за чувствительное сердце! Я согласенъ, Юлія довольно недурна—*la beauté du diable*, но послѣ столь кратковременнаго знакомства—это ужъ чересчуръ скоро.

Разговаривая такимъ образомъ, онъ вынулъ изъ кармана пачку писемъ и сталъ рыться въ нихъ! Наконецъ онъ нашелъ какой-то уже открытый конвертъ съ официальнымъ бланкомъ.

— Вотъ письмо изъ Мадрида. Вамъ нужно ѣхать въ столицу. Тамъ мѣсто уже ждетъ васъ. Ваши обязанности будутъ полувоеннаго характера, но потомъ, я надѣюсь, мы будемъ имѣть случай показать вамъ и настоящій бой. Съ этимъ проклятымъ Кабрерой еще не покончили, да и Мозелла еще держится. Битвы еще будутъ.

Онъ снова вложилъ бумагу въ конвертъ и посмотрѣлъ на Конингема.

— Если только вы хотите видѣть ихъ,—добавилъ онъ.

— Да, непременно хочу.

Генераль кивнулъ головой и поднялся, остановившись на минутку, чтобы стряхнуть нѣсколько пылинокъ съ своихъ узкихъ рейтузъ.

— Въ кавалерійскихъ казармахъ, на улицѣ Бобадилья, я присмотрѣлъ подходящую лошадь. Пойдемте взглянуть на нее.

Конингемъ выразилъ готовность слѣдовать за генераломъ.

— Когда я долженъ ѣхать въ Мадридъ?—спросилъ онъ.

— О, до завтрашняго утра времени еще много,—послѣдовалъ беззаботный и веселый отвѣтъ.—А вы вѣдь встаете рано. Теперь, какъ видите, нѣтъ еще пяти часовъ, и раньше захода солнца вамъ едва ли удастся сѣсть въ сѣдло.

— Едва ли,—со смѣхомъ согласился и Конингемъ:—особенно, если принять во вниманіе, что у меня нѣтъ еще ни лошади, ни сѣдла.

Генераль двинулся впередъ, а Конингемъ пошелъ за нимъ, неустанно думая о письмѣ, которое лежало у него въ карманѣ. Онъ не успѣлъ еще прочесть адреса. Юлія поручила ему передать это письмо кому слѣдуетъ, и все ея поведеніе свидѣтельствовало, что она нарочно хочетъ выиграть время и дать ему возможность сдѣлать это. И онъ невольно сталъ думать о ней. Ясно было, что дѣвушка не только обладаетъ какой-то безпокойной красотой, но и умомъ и мужествомъ—качествами, которыя переживаютъ красоту и навсегда сохраняютъ за женщиной могущество и обаяніе.

Когда генераль и его спутникъ вышли на залитую солнцемъ улицу, изъ тѣни сосѣдняго крыльца вышелъ какой-то человѣкъ. То былъ Консенсіонъ Вара, съ чувствомъ собственного достоинства скручивавшій папирску между своими коричневыми пальцами. Онъ привѣтствовалъ генерала, дотронувшись однимъ пальцемъ до своей засаленной войлочной шляпы, словомъ, такъ, какъ одинъ великій человѣкъ привѣтствуетъ другого. Конингему онъ только кивнулъ головой.

— Когда вамъ угодно будетъ тронуться въ дальнѣйшій путь?— спросилъ онъ.—Я готовъ. Гражданская гвардія дала на этотъ разъ промахъ—судья объявилъ, что я внѣ всякихъ подозрѣній.

Онъ пожалъ плечами и пренебрежительно махнулъ рукой съ великодушіемъ человѣка, который можетъ прощать и забывать.

— Я поѣду завтра. Но нашъ договоръ былъ только до Ронды, и я не имѣю въ виду брать для услугъ васъ.

— Вы, стало быть, недовольны мною?—спросилъ Консенсіонъ, предлагая своему собесѣднику папирску, которую онъ только что скручивалъ.

— О, еще бы.

— Хорошо. Въ такомъ случаѣ поѣдемъ вмѣстѣ.

— И это все, что вамъ нужно было узнать отъ меня?—смѣясь спросилъ Конингемъ.

— Ничего. Впрочемъ, еще часъ, въ который вы изволите выѣхать.

— Въ шесть часовъ,—отвѣтилъ за Конингема генераль.—Если не ошибаюсь, васъ зовутъ Консенсіонъ Вара.

— Совершенно вѣрно, Консенсіонъ Вара изъ Альжесираса.

— Хорошо. Служите этому кабалеро, какъ слѣдуетъ, а не то...— генераль замолчалъ и разсыпался самымъ веселымъ смѣхомъ.

Консенсіонъ, видимо, понялъ, въ чемъ дѣло. Онъ вдругъ снялъ шляпу и озабоченно пошелъ въ сторону.

Генераль и Конингемъ быстро двинулись по улицамъ Ронды.

Въ концѣ концовъ они купили отличную вороную лошадь и недорого. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось англичанину, хотя продавецъ и увѣрялъ, что теперь, по случаю продолжительной войны, конина сильно повысилась въ цѣнѣ. Конингемъ, не любившій торговаться, поспѣшилъ закончить сдѣлку и едва осмотрѣлъ предложенное ему сѣдло. Ему хотѣлось вернуться какъ можно скорѣе въ мавританскій садъ, прежде, чѣмъ звѣжій вечеръ заставитъ Эстреллу удалиться оттуда домой.

— Вамъ, конечно, надо будетъ запаковать ваши вещи,—беззаботно сказалъ генераль, семена возлѣ Конингема.

— Да, конечно,—простодушно отвѣчалъ англичанинъ.

— Въ такомъ случаѣ я больше васъ не задерживаю, у меня еще дѣла въ главной квартирѣ. Мы еще увидимся съ вами за обѣдомъ.

Онъ слегка взмахнулъ хлыстомъ въ знакъ привѣтствія и направился въ одну изъ боковыхъ улицъ.

Солнце не успѣло еще опуститься, когда Конингемъ съ сильно бьющимся сердцемъ направился изъ дома въ мавританскій садъ. Никогда въ жизни онъ еще не былъ такъ серьезенъ, какъ въ этотъ разъ. Ему казалось, что въ этомъ саду для него началась какая-то другая жизнь.

Эстрелла была еще тамъ. Онъ увидалъ сквозь деревья ея черное платье и мантилью.

— Я уѣзжаю завтра утромъ,—сразу заговорилъ онъ, дойдя до того мѣста, гдѣ она сидѣла въ тѣни мимозы.

На минуту она подняла на него свои глаза—глубокіе, бархатные глаза, въ которыхъ было что-то такое, отъ чего его сердце прыгало въ груди.

— Я люблю васъ, Эстрелла. Можетъ быть, вы будете оскорблены этимъ признаніемъ. Вы можете презирать меня, можете не довѣрять мнѣ. Но ничто не можетъ заставить меня измѣниться. Я люблю васъ и буду любить всегда.

Она глубоко вздохнула и сидѣла неподвижно.

— Сколькихъ женщинъ англичанинъ можетъ любить разомъ?—холодно спросила она наконецъ.

— Только одну, сеньорита.

Эстрелла поднялась и молча направилась мимо него къ дому.

X.

Городъ недовольства.

— Во всемъ этомъ,—молвилъ про себя Фредерикъ Конингемъ, влѣзая на слѣдующее, довольно сѣренькое утро, въ сѣдло,—во всемъ этомъ есть извѣстная живописность, которая нравится мнѣ.

Безъ сомнѣнія, часть этой романтической обстановки составлялъ и Консенсіонъ Вара, явившійся въ самомъ изысканномъ контрабандистскомъ костюмѣ. На головѣ у него подъ черной шляпой былъ повязанъ яркій платокъ. Малиновая куртка, безукоризненная рубашка и цвѣтокъ на шляпѣ довершали его костюмъ.

Онъ былъ полонъ чувства собственного достоинства, но, садясь на лошадь, такъ забылся, что запѣлъ какую-то пѣсню.

На углу старой улицы ихъ поджидала какая-то чернобровая особа, которая долго провожала ихъ своими печальными глазами. Проѣзжая мимо, онъ въ знакъ привѣтствія слегка махнулъ ей рукой.

— Это горничная изъ гостиницы, гдѣ я останавливаюсь въ Рондѣ. Что подѣлаете!—скромно объяснилъ онъ Конингему, лихо заламывая на бокъ свою шляпу.

Солнце уже взошло, когда они выбрались изъ узкихъ улицъ на открытую мѣстность, прилегающую къ дорогѣ въ Бобадилью. То была чисто пастушеская страна, гдѣ земля безъ особаго труда давала людямъ все, что имъ нужно для дневнаго пропитанія. Вѣчно зеленые дубы, разбѣянные по всей равнинѣ, давали пищу для безчисленныхъ свиней и тѣмъ для пастуховъ, подъ которой они могли отдыхать въ солнечные дни. Богатая почва могла давать двѣ и даже три жатвы въ годъ, если только не жалѣть сѣмянъ и труда. Подъ почвой таились огромныя минеральныя богатства, но національная безпечность оставляла все это безъ всякой эксплуатаціи.

— Передъ генераломъ Винченче не очень-то заговоришь,—началь Консенсіонъ Вара, стараясь, чтобы его лошадь не отставала отъ шедшей крупной рысью лошади Конингема.

— А!

— Да,—подтвердилъ Консенсіонъ.—А между тѣмъ дѣло очень просто. Въ Альжесирасѣ у меня есть жена, и по временамъ мужу недурно бываетъ предпринять путешествіе. Вотъ почему,—продолжалъ онъ, снисходительно кланяясь своему спутнику,—вотъ почему мы и ѣдемъ теперь вмѣстѣ.

— Пожалуйста, сеньоръ Вара,—отвѣчалъ Конингемъ.—Почту за особую честь. Вы знаете, денегъ у меня вѣдь нѣтъ.

Испанецъ пожалъ плечами.

— Не все ли равно? Мы можемъ сосчитаться иначе, при помощи и клочка бумаги. Напишемъ, примѣрно такъ: Консенсіонъ Вара изъ Альжесираса имѣетъ получить съ текущаго счета Фредерика Конингема, англичанина, жалованье за мѣсяць сто пезетъ. Очень просто.

— На что проще!—согласился Конингемъ.—Но вотъ бѣда: когда придетъ уплата, то возникнутъ большія затрудненія.

Консенсіонъ въ отвѣтъ только расхохотался.

— Вы кабалеро, какихъ я люблю. Мы позабудемся съ вами въ Мадридѣ. Я ужъ вижу.

Конингемъ промолчалъ. Опасность, которую навлекло на него письмо къ Юліи Баренна, научила его быть осторожнымъ. Онъ поднялся на стременахъ и осмотрѣлся. Ронда уже скрылась за холмами, и на безлюдной лентѣ дороги не было видно ни одного проѣзжаго.

— Мы ѣдемъ теперь еще не въ Мадридъ,—сказалъ Конингемъ.— Мы ѣдемъ въ Хересь, гдѣ у меня дѣла. Вы знаете дорогу въ Хересь?

— Такъ же хорошо, какъ и всякую другую.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Къ сѣверу отъ Ронды я не знаю никакихъ дорогъ. Я самъ изъ Андалузій,—спокойно отвѣчалъ Консенсіонъ и сталъ съ большимъ любопытствомъ оглядываться вокругъ себя.

— Но вы же брались доставить меня въ Мадридъ?

— Да, конечно. Я сталъ бы спрашивать дорогу, — съ легкимъ смѣхомъ заявилъ Консенсіонъ и чиркнулъ сѣрной спичкой по шеѣ лошади, желая закурить новую папирску.

Фредерикъ Конингемъ продолжалъ ѣхать впередъ, имѣя около себя такое же безответственное лицо, какъ и онъ самъ. Онъ рѣшилъ ѣхать въ Хересъ, хотя этотъ городъ, пользовавшійся дурной славою, лежалъ на нѣсколько миль къ западу отъ дороги въ столицу. Было бы очень легко уничтожить письмо, которое сунула ему Юлія Баренна. Она была для него совершенно чужой, и онъ могъ никогда больше не встрѣтиться съ ней. Къ тому же въ этомъ письмѣ, очевидно, шла рѣчь о чѣмъ-то гораздо болѣе серьезномъ и опасномъ, чѣмъ простая любовь. Но эта дѣвушка такъ ловко умѣла подѣйствовать на рыцарскія чувства, обычно дремлющія въ мужчинѣ, выросшемъ въ одиночествѣ, безъ сестеръ, что Конингемъ готовъ былъ помогать Юліи тамъ, гдѣ онъ отказалъ бы въ своей помощи мужчинѣ, несмотря ни на какія просьбы.

— Нельзя оставить дѣвушку въ бѣдѣ, — говорилъ онъ самъ себѣ и, рѣшивъ дѣло такимъ образомъ, продолжалъ дѣйствовать въ этомъ направленіи съ настойчивостью, за которую многіе даже порицали его.

Наступилъ уже вечеръ, когда путники добрались до Хереса послѣ продолжительнаго и утомительнаго пути среди виноградниковъ, которыми покрыты окрестности этого города.

— Неудивительно, что обитатели Хереса бываютъ недовольны, — замѣтилъ Консенсіонъ: — вѣдь они живутъ на плоской, словно ладонь, равнинѣ.

День былъ праздничный, что въ Испаніи, какъ, впрочемъ, и во многихъ другихъ странахъ, предвѣщало разныя безчинства. Жители Хереса воспользовались этимъ праздникомъ, чтобы заявить о кое-какихъ своихъ желаніяхъ. Разрядившись въ лучшіе туалеты и выставивъ впередъ самыя худшія мысли, они прошли по улицамъ со знаменами и пѣснями. Много наговорили они въ этотъ день и еще болѣе наслушались разнаго вздору. Карлисты ли, или приверженцы Христины — имъ было все равно, если можно было произвести какую-нибудь перемѣну. А пока эта перемѣна еще не произошла, имъ нужно было что-нибудь ломать для того, чтобы заявить претензію на свободу.

За нѣсколько минутъ до того, какъ Конингемъ и его спутникъ въѣхали на ярмарочную площадь, которая въ Хересѣ тянется словно улица, нѣсколько свободныхъ сыновъ Испаніи сочли какъ нельзя болѣе умѣстнымъ осыпать ругательствами какого-то прохожаго старика. Тотъ, съ юношески блестящими глазами и сердитыми сѣдыми усами, бросился на нихъ, чествуя ихъ негодьями и поросьями.

Конингемъ подѣхалъ какъ разъ въ ту минуту, когда негодян

готовились броситься на свою жертву. Прислонившись спиною къ стѣнѣ, старикъ отбивался отъ нападавшихъ съ какой-то особенной бравадой, которая обличала въ немъ отставного солдата.

— Впередъ, Консенсіонъ,—крикнулъ Конингемъ, прищпоривъ свою усталую лошадь съ такой силой, что она сдѣлала прыжокъ въ воздухъ.

Онъ быстро налетѣлъ на толпу, которая съ дикими криками разбѣжалась въ разныя стороны. Но онъ увидѣлъ, какъ въ чьихъ-то рукахъ около старика сверкнулъ ножъ, и понялъ, что онъ уже опоздалъ. Вскрикнувъ отъ боли, старикъ упалъ около стѣны, стараясь удержать кровь, бѣжавшую изъ груди сквозь сжатые пальцы. Конингемъ хотѣлъ было остановить свою лошадь, но Консенсіонъ ударилъ ее сзади хлыстомъ съ такою силою, что она понеслась впередъ и сбросила бы съ сѣдла другого, менѣе опытнаго всадника.

— Впередъ, впередъ!—кричалъ испанецъ.—Это не наше дѣло. Сзади насъ полиція.

Вспомнивъ о письмѣ, Конингемъ, не оглядываясь, помчался впередъ.

Въ тѣ времена, къ которымъ относится нашъ рассказъ, улицы Хереса были вымощены очень плохо, и на нихъ лежалъ слой пыли толщиной въ нѣсколько вершковъ, который предназначался для того, чтобы заглушать шумъ шаговъ и облегчать проявленіе разнаго рода насилій, совершавшихся въ тѣ времена чуть не ежедневно. Скача впередъ наугадъ, Конингемъ и его спутникъ скоро запутались въ узкихъ переулкахъ. Удостоверившись, что за ними никто не гонится, Конингемъ вытащилъ письмо и прочелъ адресъ на конвертѣ, отъ котораго ему такъ хотѣлось освободиться.

Оно было адресовано полковнику Монреалу, домъ № 84 на Кадиксской площади.

— Можно бы здѣсь остановиться и выпить стаканъ вина въ этой гостиницѣ,—промолвилъ Вара.—Я бы кстати собралъ здѣсь кое-какія свѣдѣнія, не привлекая на себя вниманія. А потомъ, во имя всѣхъ святыхъ, отрясемъ прахъ Хереса отъ ногъ нашихъ. Первое, что мы здѣсь увидѣли, ножъ, а я не люблю этого. У меня въ Альжесирасѣ жена, которую я очень люблю. Къ тому же я довольно пугливъ. Что же, джентльменъ долженъ имѣть мужество сознаться въ этомъ.

Онъ покачалъ головой, давая тѣмъ понять, что у него ослабла подпруга, и потребовалъ, чтобы лошадямъ дали напитокъ.

— А я кстати съѣмъ кочиду,—промолвилъ онъ, понюхивая кухонный запахъ,—съ огурцами и баранины. Весной она бываетъ очень нѣжная. О, Боже мой, это путешествіе на пустой желудокъ просто убиваетъ меня.

— Когда я передамъ письмо, тогда мы пообѣдаемъ—съ легкимъ сердцемъ отвѣтилъ Конингемъ.

Консенсіонъ отошелъ прочь въ самомъ мрачномъ настроеніи. Онъ былъ очень храбръ, когда ему удавалось хорошенько поѣсть и выпить, и не имѣлъ ни малѣйшаго желанія вступать въ бой, если былъ голоденъ.

Кадиксская площадь находилась, повидимому, недалеко. Хересь не великъ, хотя его переплетающіяся тѣсныя улицы способны сбить съ толку каждаго пріѣзжаго. Домъ подъ № 84 принадлежалъ цирюльнику. Въ первомъ этажѣ его жилъ полковникъ Монреаль, отставной ветеранъ, сражавшійся еще вмѣстѣ съ англичанами противъ Наполеона.

Конингемъ, пользуясь отсутствіемъ служанки, написалъ по-французски коротенькую записочку Юліи Баренна, увѣдомляя ее, въ понятныхъ ей одной выраженіяхъ, о томъ, что письмо вручено по адресу.

— Я заказалъ для васъ кочиду и вина,—сказалъ онъ Консенсіону.—Вашей лошади тоже дали сѣна. Не теряйте времени. Когда я вернусь, вы мнѣ будете нужны. Утромъ вамъ надо будетъ выѣхать рано.

— Куда, сеньоръ?

— Въ Ронду.

Консенсіонъ пожалъ плечами. Вся его жизнь прошла по дорогамъ, съ дѣтства онъ возилъ съ собой весь свой гардеробъ, и на испанцахъ больше, чѣмъ на какомъ-либо другомъ народѣ, лежитъ проклятіе Измаила. Это бездомный народъ, который ложится спать тамъ, гдѣ его захватитъ усталость: подъ деревомъ или въ тѣни каменной стѣны. Нерѣдко можно видѣть, что какой-нибудь работникъ довольствуется для отдыха пучкомъ сѣна, когда его домъ находится всего въ нѣсколькихъ ярдахъ въ горахъ.

— А какъ же вы, сеньоръ?

— Я переночую здѣсь и за втра утромъ поѣду дальше въ Мадридъ. Я дамъ вамъ письмо, которое вы должны передать сеньоритѣ Юліи Баренна въ Рондѣ, но такъ, чтобы никто этого не зналъ. Надо, чтобы ни генераль Винченче, ни кто-либо изъ вашихъ знакомыхъ даже не замѣтилъ васъ на улицахъ Ронды.

Консенсіонъ философски кивнулъ головой.

— Охъ, ужъ эти женщины,—промолвилъ онъ, поворачиваясь къ дымящемуся блюду баранины и овощей, совершенно неизбѣжному на югѣ.

Оставивъ Консенсіона за этимъ занятіемъ, Конингемъ отправился къ дому цирюльника на Кадиксской площади. Онъ нашелъ его безъ особенныхъ затрудненій, но, явившись въ квартиру Монреала, узналъ, что его нѣтъ дома.

— Полковникъ строго исполняетъ свои привычки,—сказалъ слуга.—Онъ вернется минутъ черезъ пятнадцать, ибо онъ обѣдаетъ всегда въ пять.

Конингему не хотѣлось знакомиться съ полковникомъ, онъ, справедливо полагалъ, что сеньоръ Ларральдъ, очевидно, замѣшанъ въ дѣлахъ, которыя надо предоставить ему одному.

— У меня письмо къ полковнику,—сказалъ онъ слугѣ, не отличавшемуся умной наружностью.—Я положу его здѣсь на столъ. Позаботьтесь о томъ, чтобы оно попало ему въ руки.

— Будьте покойны, сеньоръ,—отвѣчала слуга, уже протягивая руку за подачкой.

— Если письмо не дойдетъ до полковника, онъ не преминетъ сообщить мнѣ объ этомъ,—сказалъ Конингемъ, спускаясь по лѣстницѣ и считая свою миссію оконченной.

Онъ поспѣшно вернулся въ гостиницу, гдѣ рѣшилъ переночевать, и нашелъ тамъ Консенсіона, который все еще сидѣлъ за столомъ.

Покушавъ хорошенько, сеньоръ Вара пришелъ въ болѣе удовлетворительное состояніе духа и, казалось, готовъ былъ съ особымъ усердіемъ исполнить порученіе Конингема. Меньше, чѣмъ черезъ четверть часа, онъ былъ опять на сѣдлѣ и, проѣзжая мимо качавшагося на углу улицы маслянаго фонаря, дѣлалъ ему прощальные знаки рукой.

Было еще не поздно, и Конингемъ, пообедавъ, пошелъ посмотрѣть на улицы Хереса, теперь довольно спокойныя. На Рыночной площади между рядами лавокъ и палатокъ разгуливала взадъ и впередъ густая толпа народа съ тѣмъ удовольствіемъ отъ прогулки, которое испанцы понимаютъ лучше, чѣмъ кто-нибудь другой. Торговцы и торговки въ цвѣтныхъ платкахъ изъ Барселоны или въ мантильяхъ изъ Севильи торговали очень бойко и кричали съ покупателями до сипоты. Нѣсколько ходячихъ дантистовъ тутъ же оперировали своихъ жертвъ подъ звуки большого барабана и фэгота. Нѣсколько шарлатановъ, торговавшихъ чудодѣйственными травами и снадобьями, громко расхваливали свои товары, привлекая къ себѣ вниманіе простого народа, заставляя змѣю ползать по ихъ рукамъ.

Конингемъ долго оставался въ толпѣ, которая вела себя довольно чинно, и удивлялся довѣрчивости деревенскихъ обывателей, какъ вдругъ его вниманіе было привлечено процессіей, которая направлялась по площади сзади палатокъ. Онъ спросилъ кого-то, что это такое.

— Это полиція несетъ тѣло полковника Монреала, котораго убили сегодня на площади мэра,—былъ отвѣтъ.

Конингемъ бросился между палатками къ безлюдному краю площади и прошмыгнулъ мимо процессіи, опередивъ ее у дома циркульника. На стукъ изъ квартиры полковника вышла какая-то женщина. Она стонала и рыдала.

Безъ всякихъ разговоровъ онъ бросился мимо нея въ комнату,

гдѣ оставилъ письмо. Въ комнатѣ царилъ полный беспорядокъ. Письма на мѣстѣ не было.

— Мой мужъ,—рыдая, объяснила женщина,—узнавъ объ убійствѣ полковника, укралъ всѣ цѣнныя вещи и бумаги и скрылся.

ХІ.

Паутина.

— Повѣрите ли? Въ домѣ солдаты, и они стоятъ у самой двери Юліи.

Сеньора Баренна испустила тяжелый вздохъ и откинулась на своемъ камышовомъ креслѣ съ той стремительностью, которая въ пожилыхъ людяхъ означаетъ неудовольствіе противъ поведенія молодости.

— Полицейскіе, а не солдаты,—терпѣливо поправилъ ее отецъ Конха.

Они сидѣли на оббитой виноградомъ верандѣ дома Баренна. Священникъ, очевидно, пришелъ сюда пѣшкомъ, и объ этомъ свидѣтельствовало слой пыли на его башмакахъ съ четырёхугольными носками и черныхъ чулкахъ. Онъ положилъ свою шляпу, давно уже порыжѣвшую и потерявшую цвѣтъ, и вытиралъ себѣ лобъ дешевымъ платкомъ съ такими яркими узорами, которые не особенно подходили особѣ его положенія.

— Все равно,—стояла на своемъ сеньора Баренна:—у нихъ сабли.

— Полицейскіе,—сказала падре такимъ строгимъ и не допускающимъ возраженія голосомъ, что сеньора Баренна поспѣшила поднять взоры кверху съ видомъ настоящей мученицы.

— Охъ, ужъ этотъ алькадъ,—прошентала она сквозь зубы.

— Маленькая собака, испугавшись, всегда рычитъ,—философски замѣтилъ Конха.—Алькадъ—маленькій человѣкъ и совѣмъ выжилъ изъ ума. Такихъ вещей прежде не бывало въ Рондѣ. Онъ даже путемъ не знаетъ, дать ли его должность ему право просматривать любовныя письма.

— Любовныя письма!—воскликнула сеньора Баренна.

У нея, очевидно, былъ большой вкусъ къ романтическому, и ей хотѣлось, чтобы дѣло не ограничилось обычнымъ флиртомъ, вышваннымъ скукою морского путешествія.

— Да,—произнесъ Конха, кладя ногу на ногу.—Съ молодыми людьми это случается почти неизбѣжно.

У него также была трагедія въ жизни, и причина этой трагедіи была тутъ же. Теперь онъ уже презираетъ эту сидѣвшую въ камышовомъ креслѣ женщину, и это презрѣніе такъ и просвѣчивало въ его наглой улыбкѣ.

— Не безпокойтесь—продолжалъ онъ успокоительнымъ тономъ:— Юлія—достойный противникъ алкада.

Сеньора Баренна сдѣлала своей массивной рукой жестъ полного удивленія.

— Я не понимаю ея. Она смѣется надъ солдатами, т. е. я хотѣла сказать, надъ полицейскими. Она смѣется надо мной. Смѣется надъ всѣмъ.

— Да, пустое сердце больше всего шутить на свѣтѣ,—промолвилъ Конха, складывая платокъ. Онъ былъ очень бѣденъ и держался убѣжденія, что если хорошенько складывать платокъ, онъ долго будетъ чистъ. Вся его жизнь была сплошнымъ усиліемъ освободиться отъ того, что составляетъ цѣнность жизни.

— Зачѣмъ вы присылали за мной?—спросилъ онъ.

— Чтобы посоветоваться съ вами. Помогите мнѣ. Я всю свою жизнь была брошена одна-одинешенька. Никто не хотѣлъ ни понять меня, ни помочь мнѣ. Никто не знаетъ, что мнѣ пришлось вытерпѣть. Мой мужъ...

— Былъ однимъ изъ лучшихъ и терпѣливыхъ людей и теперь, навѣрно, обрѣтается на небесахъ, гдѣ, надѣюсь, есть отдѣленіе, предназначенное для однихъ мужчинъ.

Сеньора Баренна испустила глубокой вздохъ.

— Вы жили въ удовольствіи и роскоши и имѣли мужа, который не отказывалъ вамъ ни въ чемъ. Вы не теряли дѣтей отъ болѣзни, а это, насколько я могу судить, самое большое горе, которое Господь посылаетъ женщинамъ. Вы ужасно неблагодарны.

Сеньора Баренна, лицо которой напоминало настоящую мученицу ранней эпохи христіанства, сложила руки и ждала, пока пронесется буря.

— Вы хотите, чтобы я повидался съ Юліей?—вдругъ спросилъ Конха.

— Да, да. И уговорите ее помириться съ этимъ алькадомъ. Пусть она расскажетъ ему какую-нибудь исторію. Не важно, если она и не вполне будетъ соответствовать истинѣ. Пусть она расскажетъ, что хочетъ, лишь бы эти люди ушли отсюда. Наша служанка Марія такъ легкомысленна! Охъ, ужъ эта молодость. Наказаніе съ ними!

— Конечно,—согласился падре.—Но какъ скученъ былъ бы міръ, если бы нашъ ближній зналъ, какъ устроить свои дѣла. Итакъ, мы пойдѣмъ къ Юліи?

Взволнованная сеньора предпочитала бы, чтобы священникъ пошелъ къ ея дочери одинъ. Около дверей въ ея комнату стоялъ похожий на солдата челоуѣкъ въ бѣлыхъ брюкахъ и темнозеленомъ мундирѣ. Онъ принималъ бравыя позы и покручивалъ свои усы, видимо, стремясь произвести впечатлѣніе на служанку, которой, какъ нарочно, приходилось что-то ужъ очень долго мести коридоръ въ этомъ мѣстѣ.

— А,—спокойно промолвилъ отецъ Конха, нисколько не смущаясь сабли часового.—А, это ты, Мануэль. Твоя жена говорила мнѣ, что ты хотѣлъ крестить младшаго изъ твоихъ ребятъ. Вѣдь ихъ у тебя, кажется, пять? Хорошо, принеси пятаго въ воскресенье, послѣ вечерни? Понимаешь, и кое-что для бѣдныхъ. Больше ты ужъ не дѣлаешь глупостей насчетъ церкви, Мануэль, а?

Онъ погрозилъ своимъ худымъ пальцемъ передъ самымъ лицомъ полицейскаго и, не обращая на него вниманія, прошелъ дальше.

— Можно войти?—спросилъ онъ, постучавшись въ дверь.

Голосъ Юліи пригласилъ его войти.

Онъ затворилъ за собою дверь и снялъ шляпу. Потомъ онъ выпрямился и, тихонько потирая руки, смотрѣлъ на Юлію: въ его глазахъ свѣтился лукавый огонекъ. Потомъ, не торопясь, онъ началъ шарить по карманамъ своего одѣянія.

— Куда я его дѣлъ? У меня тоже было любовное письмо, кажется, отъ донъ-Карлоса. Кажется, я его, впрочемъ, потерялъ.

Онъ засмѣялся, потомъ истово перекрестился и благословилъ Юлію. Потомъ, сдѣлавъ вдругъ самое серьезное лицо, онъ сѣлъ.

Юлія, видимо, сгорала отъ любопытства и впиалась въ него глазами, какъ бы желая прочесть новости по его лицу.

— Да, дитя мое,—началъ онъ.—Политика это то же, что карьера. Если она не приноситъ прибыли, то едва ли стоитъ заниматься ею, особенно женщинѣ.

Онъ пристально взглянулъ на нее. Юлія поспѣшила отвернуться къ окну, черезъ которое доносился аромать фіалокъ и другихъ весеннихъ цвѣтовъ. Въмѣсто отвѣта она только пожала плечами и громко вздохнула.

— Взгляните сюда, дитя мое,—вдругъ сказалъ священникъ.— По причинамъ, которыя никого не касаются, я принимаю большое участіе въ вашей судьбѣ. Ваша судьба была для меня когда-то дороже моей собственной. Это было давно, и теперь я первый сознаюсь въ этомъ, какъ это дѣлаютъ всѣ умные люди. Я вашъ другъ, Юлія, и другъ настолько старый, что не буду очень придирчивъ относительно васъ, хотя я и привыкъ совать свой носъ въ дѣла ближняго. Я беспокоюсь о васъ, дитя мое.

Онъ покачалъ головой и забарабанилъ по столу своими не совсемъ чистыми пальцами.

— Благодарю васъ,—съ легкимъ, вызывающимъ смѣхомъ отвѣчала Юлія.—Но я могу сама распорядиться собою?

Священникъ задумчиво покачалъ головой.

— Да, да,—заговорилъ онъ опять.—Надо было ожидать, что вы дадите такой отвѣтъ. Одинъ изъ благословенныхъ даровъ юности—самоувѣренность. Боже сохрани, я вовсе не хочу расшатывать вашу самонадѣянность. Но, видите ли, есть люди, которые боятся, какъ бы этотъ пустой случай не заглохъ и не забылся. Этотъ алькадь—

настоящій мулъ, и все, что служить къ его возвеличенію, должно продолжаться, какъ можно дольше. Не играйте ему въ руку. Повторяю, есть люди, которые хотѣли бы поскорѣе забыть этотъ эпизодъ, и одинъ изъ нихъ явится сегодня къ вамъ.

— А,—равнодушно промолвила Юлія.

— Я говорю о генералѣ Винченге.

Юлія перемѣнилась въ лицѣ и блеснула глазами.

— Это тоже другъ,—продолжалъ Конха:—но...

Онъ закончилъ свою фразу краснорѣчивымъ жестомъ. Въ этотъ моментъ черезъ открытое окно донесся стукъ подѣзжавшаго экипажа.

— Вотъ онъ ѣдетъ,—сказалъ Конха.—Онъ правитъ самъ. Стало быть, съ нимъ Эстрелла.

— Эстрелла, конечно, горитъ завистью.

Священникъ взглянулъ на нее съ умной улыбкой и ничего не отвѣтилъ.

— Она...—начала Юлія, но вдругъ закусила губу и смолкла. Ея мысль отъ Эстреллы быстро перескочила къ ея собственнымъ дѣламъ.

Въ коридорѣ послышался стукъ шаговъ и звонъ шпоръ.

— У сенбориты отецъ Конха,—услышали они почтительный голосъ часового.

Священникъ поднялся и открылъ дверь.

— Еще одинъ другъ,—промолвилъ онъ.—Пожалуйте сюда, генераль.

Генераль Винченге вошелъ въ сопровожденіи Эстреллы. Онъ кивнулъ головой отцу Конхѣ и нѣжно поцѣловалъ племянницу.

— Все еще сопротивляешься?—спросилъ онъ, хлопывая ея по плечу.—Во время мира, какъ и на войнѣ, драгоцѣнное качество—милосердіе. Ты уже показала себя достаточно сильной, сжался же теперь надъ этимъ несчастнымъ алькадомъ, и пусть этотъ инцидентъ будетъ исчерпанъ.

Онъ подвинулъ себѣ кресло и снялъ перчатки. Сабля, которую онъ держалъ между ногъ, опершись на нее обѣими руками, казалась непропорціонально большой и доходила ему до самыхъ глазъ.

— Я видѣлъ его вчера въ «Gafe Real»—продолжалъ, хихикнувъ, генераль.—У него такой видъ, словно его собираются хоронить. Охъ, ужъ эти штатскіе! Они относятся къ жизни слишкомъ ужъ серьезно.

Онъ засмѣялся и обвелъ глазами всѣхъ присутствовавшихъ, какъ бы приглашая ихъ проникнуться болѣе веселымъ и легкимъ взглядомъ на жизнь. Изборозженное морщинами лицо падре немедленно расплылось въ улыбку. Но его глаза, которые онъ не спускалъ съ самаго могущественнаго человѣка въ Андалузій, были серьезны.

Генераль Винченге продолжалъ смѣяться съ самымъ невозму-

тимымъ видомъ, а священникъ, которому естественно предстояло сыграть первую роль въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, въ смущеніи потиралъ свои костлявыя руки, не зная, какъ ему выйти изъ создаваемаго положенія.

— Нашъ гость уѣхалъ вчера утромъ,—говорилъ генераль,—и алькадъ, конечно, и не подумалъ чинить какія-нибудь препятствія его отъѣзду.

Юлія вздохнула съ облегченіемъ и мелькомъ взглянула на Эстреллу.

— Я не знаю, поручалъ ли сенъоръ Конингемъ Эстреллѣ передать тебѣ что-нибудь. Мнѣ онъ объ этомъ ничего не говорилъ —продолжалъ Винченче.

— Нѣтъ, не поручалъ,—спокойно сказала Эстрелла, кивнувъ головой.

— Въ такомъ случаѣ нужно покончить съ этимъ глупымъ инцидентомъ. Мнѣ остается только напомнить тебѣ, Юлія, что у тебя нѣтъ отца, что въ Испаніи найдется не мало авантюристовъ, которые являются сюда только ради любовныхъ и военныхъ приключеній и, насытившись ими, уѣзжаютъ отсюда безъ всякихъ сожалѣній.

Онъ закончилъ свои слова легкимъ смѣхомъ сожалѣнія, какъ настоящій солдатъ, который проситъ снисхожденія къ недостаткамъ своихъ соратниковъ. Потомъ, погладивъ рукоятку своей сабли, смѣло взглянулъ на присутствовавшихъ. Но выраженіе всѣхъ трехъ лицъ ясно показывало, что всѣ отказываются причислить Конингема къ разряду такихъ людей.

— Надо исполнить требованіе алкада. Пусть онъ броситъ взглядъ на это письмо. Это вполне удовлетворитъ его.

— Письма у меня уже нѣтъ,—спокойно отвѣтила Юлія, плотно сжавъ свои розовыя губки.

— Конечно, оно можетъ быть не при тебѣ, а гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. А можетъ быть, ты уничтожила его?

— Я не уничтожала и скрывала этого письма, но у меня его нѣтъ,—отвѣчала дѣвушка хладнокровно.

Эстрелла сдѣлала безпокойное движеніе на стулѣ. Ея лицо было блѣдно, глаза горѣли. Она внимательно наблюдала за выраженіемъ лица ея двоюродной сестры, а старикъ-священникъ посматривалъ изъ-подъ своихъ густыхъ бровей то на одно женское лицо, то на другое.

— Въ такомъ случаѣ—воскликнулъ генераль, поднимаясь съ видомъ облегченія,—тебѣ только нужно заявить объ этомъ алькаду, и инцидентъ исчерпанъ. Сорвалось дѣло, достопочтенный отецъ, сорвалось,

И онъ добродушно похлопалъ священника по плечу.

— Да, да,—подтвердилъ падре, держа въ рукахъ табакерку.— Сорвалось, конечно, сорвалось.

— Въ такомъ случаѣ, можно будетъ прислать къ тебѣ алькада, Юлія? И ты заявишь ему о томъ, что ты только что сказала намъ?

— Какъ вамъ угодно,—отвѣчала Юлія.

Радости генерала не было предѣловъ.

— Отлично!—вскрикнулъ онъ.—Я всегда говорилъ, что можно положиться на твой здравый смыслъ. Поцѣлуй меня, Юлія. Эстрелла, идемъ, лошади уже заждались насъ.

И, кивнувъ головой, онъ направился къ двери.

— Сорвалось!—бросилъ онъ черезъ плечо Конхѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ священникъ шелъ одинъ по каштановой аллеѣ. Колоколь уже давно звонилъ къ вечернѣ, но падре былъ самодержавнымъ пастыремъ и не очень-то спѣшилъ къ своему стаду. Солнце уже сѣло, и въ ущельяхъ отдаленныхъ горъ синей дымкой спустилась уже ночь.

Священникъ вышелъ на большую дорогу. На ней виднѣлась всего одинокая фигура человѣка, сидѣвшаго въ тѣни дуба въ полумилѣ по направленію къ Бобадильѣ. Человѣкъ этотъ плотно прижался къ кучѣ камней, закрывъ лицо полами своего платья.

— Сорвалось,—бормоталъ падре Конха, поворачивая къ церкви.— Сорвалось. Но что это дѣлаетъ въ окрестностяхъ Ронды въ такое время Консенсіонъ Вара?

ХІІ.

На Толедской дорогѣ.

Конингемъ безъ особыхъ затрудненій доѣхалъ до Кордовы. Ѣхалъ онъ большей частью впереди неуклюжаго дилижанса, который везъ его багажъ. Дорога была довольно скучна, и послѣдніе этапы, хотя и проходили по плодоносной равнинѣ Гвадальквивира, были пыльны и однообразны.

Въ Кордовѣ нашъ путникъ нашелъ довольно удобное помѣщеніе въ старой гостиницѣ, выходившей окнами на улицу. Древній городъ въ тѣ времена, какъ и теперь, былъ военнымъ центромъ и главной квартирой объѣздчиковъ, поставлявшихъ лошадей на испанскую кавалерію и артиллерію. По совѣту генерала Винченче, Конингемъ отказался отъ своей привычки разспрашивать обо всемъ, чтобы предупредить разные толки, которые могли слѣдовать за путникомъ съ одного конца страны до другого.

— Гдѣ только будетъ можно, изучайте сами дорогу въ городъ и изъ города,—сказалъ ему генералъ обычнымъ беззаботнымъ тономъ.—Этимъ вы приобрѣтете весьма полезныя для солдата запасы знанія.

— Изволите видѣть,—подтверждалъ Консенсіонъ, потряхи-

вая головой,—объѣхать весь міръ съ открытыми глазами все равно, что покорить его.

Отъ своего проводника Конингемъ заимствовали не мало примовъ изученія дорогъ—особое искусство, которое дало Консенсіону Вара такую славу среди отбросовъ Андалузїи. Кордова представляла удобный случай испробовать это искусство, ибо римляне и готы, мавры и христіане—всѣ соединенными усилїями такъ искривили дорогу, что составить себѣ надлежащее представленіе о ней стало почти невозможно для обыкновеннаго ума.

Конингемъ сонно сидѣлъ въ гостиницѣ «Del Gran Capitan» въ тѣни апельсиновыхъ деревьевъ, поджидая прибытія Консенсіона Вара. Онъ уже сдѣлалъ нѣсколько знакомствъ, какъ всякій путешественникъ, если только онъ не медвѣдь. Это неизбежно въ странѣ учтивости и гостепріимства, гдѣ общительность является отличительной чертой высшихъ и низшихъ классовъ. Раза два предлагали ему свои услуги по продажѣ лошадей матодоры, перебивавшіеся безъ дѣла въ зимніе долгіе мѣсяцы, причемъ просили, конечно, цѣну гораздо меньшую, чѣмъ лошади якобы стоили. Къ пожелтѣвшему мраморному сидѣнію подъ апельсиновымъ деревомъ подходилъ иной разъ старый нищій и начиналъ дружелюбно болтать о нынѣшнихъ тяжелыхъ временахъ. Однажды такимъ собесѣдникомъ оказался какой-то сѣдовласый джентельменъ, говорившій по-англійски. Между прочимъ освѣдомился о томъ, что привело англичанина въ Кордову. Этотъ мягкорѣчивый старикъ въ разговорѣ объяснилъ, что иностранцы хорошо сдѣлаютъ, если будутъ избѣгать вопросовъ политики и религїи, которые онъ соединялъ въ одну опасность.

Прошло два дня, а о Консенсіонѣ Вара ни слуху, ни духу. На второй день къ вечеру Конингемъ рѣшилъ ѣхать одинъ; несмотря на то, его путь проходилъ по рѣдко населенной долинѣ Алькадїи.

— Вамъ придется ѣхать отъ Гвадалквивира до Гваяны,—сказалъ ему содержатель гостиницы.—Если будутъ дождливая погода, то вы пробудете въ дорогѣ цѣлый мѣсяць.

Конингемъ тронулся въ путь рано утромъ. Когда онъ сѣлъ въ сѣдло, солнце только еще выглянуло изъ-за далекихъ, окутанныхъ туманомъ холмовъ Ронды.

Въ это же время возсталъ отъ сна и Консенсіонъ Вара, прїютившійся на ночь въ оливковой роцѣ на Бобадильской дорогѣ. Онъ рѣшилъ терпѣливо выжидать и второй день, пока ему представится случай заговорить съ синьоритой.

Солнце поднялось уже надъ равниной Хереса и освѣтило живописную фигуру Эстебана Ларральда. Онъ уже зналъ, что за часъ до прибытія Конингема въ Хересъ произошло убійство полковника Монреалья и что, стало быть, письмо, не переданное по назначенію, находится у англичанина.

Ларральдъ былъ верхомъ и держался въ сѣдлѣ довольно непринужденно. Пыль поднималась до самой головы лошади, и на солнцѣ то и дѣло поблескивали его шпоры: этотъ многообщавшій человѣкъ, видимо, сѣвшилъ по направленію къ Кордовѣ.

Въ то же время въ Рондѣ, въ старомъ мавританскомъ замкѣ, генераль Винченге, приглашенный на засѣданіе военнаго совѣта въ Мадридѣ, дѣлалъ свои недолгіе сборы въ поѣздку. Отправляя своихъ слугъ заблаговременно въ Толедо, гдѣ она обыкновенно проводила лѣто, сеньора Баренна на этотъ разъ забыла о своихъ нервахъ. Юлія волновалось при мысли, что ей опять придется быть въ дорогѣ, и въ каждомъ словѣ обнаруживала то безпокойство духа, которое составляетъ наслѣдіе жаждущихъ сердець. Эстрелла, спокойная и сдержанная, наблюдала за подробностями перѣзда своего большого и пышнаго хозяйства. Она принадлежала къ числу тѣхъ счастливыхъ натуръ, которыя знаютъ, чего они хотятъ.

Итакъ, Фредерикъ Конингемъ, ѣхавшій на сѣверъ въ одиночествѣ, былъ своего рода магнитомъ для всѣхъ этихъ лицъ, въ жизнь которыхъ онъ попалъ такъ случайно. Они всѣ собирались слѣдовать за нимъ въ болѣе холодныя равнины Кастиліи, гдѣ жизнь наполнялась борьбой и честолюбіемъ, войной и тѣми мелкими треніями, которыя дѣлають политикановъ калифами на часы.

Подвигаясь по дорогѣ, Конингемъ то тамъ, то сямъ оставлялъ вѣсточку для набившагося къ нему Консенсіона Вара. Такъ, во всѣхъ конторахъ дилижансовъ отъ Кордовы до Мадрида онъ просилъ передать ему, чтобы онъ ѣхалъ за нимъ, если только у него не пропала охота къ путешествію: онъ зналъ, что на этой дорогѣ, гдѣ часто попадаются проѣзжающіе, языкъ трактирщиковъ и конюховъ служилъ лучшимъ телеграфомъ. И дѣйствительно, вслѣдствіе за англичаниномъ ѣхалъ человѣкъ, разспрашивавшій съ мрачной улыбкой о его пути, но человѣкъ этотъ былъ не Консенсіонъ Вара.

Былъ уже поздній вечеръ, когда Конингемъ, выѣхавшій изъ Толедо рано утромъ, почувствовалъ желаніе увидѣть поскорѣе передъ собой дома и церкви Мадрида. Онъ ѣхалъ цѣлый день по пустынной странѣ Сервантеса, которая до сего времени даетъ Испаніи самыхъ умныхъ мужчинъ и самыхъ обыкновенныхъ женщинъ. Солнце уже сѣло за отдаленными холмами Старой Кастиліи и съ востока, отъ Аранхуэца еще, гдѣ великая рѣка разрѣзаетъ Испанію на двѣ части, медленно поднималось сѣрое облако. Видъ коричневой пустыни былъ довольно безотраденъ, и волнистая неровная мѣстность, казалось, расплывалась на горизонтѣ въ безконечность.

Конингемъ остановилъ лошадь и осмотрѣлся. Нигдѣ, куда только хваталъ глазъ, не было видно ни одного жилища, которое свидѣтельствовало бы о присутствіи здѣсь человѣка. Не видно было ни одного поселянина, возвращавшагося съ работы домой. Ибо въ

«истор. вѣстн.», апрѣль 1917 г., т. сѣлVIII.

5

этой странѣ войны и безконечной борьбы народъ со времени самого Навуходоносора скапливался въ деревняхъ и маленькихъ городахъ, гдѣ общая опасность обезпечивала нѣкоторую защиту противъ безбожнаго врага. Дорога то поднималась, то шла подъ уклонъ по плато, на которомъ не было видно ни дерева, ни забора. На горизонтѣ, въ той сторонѣ, гдѣ должна была быть столица, нельзя было замѣтить ни соборной колокольни, ни верхушки какого-нибудь замка, и Мадридъ, казалось, находился гдѣ-то по другую сторону этого міра.

Конингемъ повернулся въ сѣдлѣ и оглянулся. Не далѣе мили отъ него по пыльной дорогѣ несся какой-то всадникъ. Въ его фигурѣ была какая-то тревога, что-то такое, что напоминало о погонѣ.

Конингемъ сразу понялъ, что это не Консенсіонъ Вара, и остановился, ожидая всадника. Встрѣтить на дорогѣ человѣка и не подождать его, чтобы раскланяться съ нимъ, въ Испаніи значило бы нанести ему оскорбленіе, а ѣхать въ одиночествѣ въ то время, когда тебя догоняетъ другой, вызвало бы въ каждомъ недоверіе и подозрѣніе.

Вотъ почему Конингемъ привѣтливо замахалъ всаднику рукой и готовъ былъ встрѣтиться съ нимъ, какъ со старымъ товарищемъ.

Увидавъ его привѣтствіе, Эстебанъ Ларральдъ слегка разсмѣялся и бросилъ поводъ своей утомленной лошади. Видъ у него былъ усталый. Онъ уже давно узналъ Конингема и приподнял свою шляпу въ знакъ того, что онъ видитъ привѣтствіе англичанина.

— Не сталъ бы онъ махать мнѣ рукой, знай онъ только, кто я такой,—пробормоталъ онъ про себя.

Но первыя же слова Конингема показали, что Эстебанъ Ларральдъ былъ гораздо менѣе воспримчивый человѣкъ, чѣмъ онъ себя воображалъ.

— А, да это нашъ влюбленный!—вскричалъ онъ.—Сеньоръ Ларральдъ, вы помните меня? Помните Альжесирасъ и ваше письмо въ розовомъ конвертѣ. Чтобъ ему пусто было: я едва не погибъ изъ-за него! Какъ поживаете?

И англичанинъ, весело смѣясь, подѣхалъ къ нему и протянулъ ему руку, которую Ларральдъ принялъ безъ особаго энтузіазма: настоящій заговорщикъ никогда не вѣритъ честности другого.

— Кто бы могъ ожидать встрѣтить васъ здѣсь,—весело продолжалъ Конингемъ.

— Не такъ ужъ это удивительно, какъ вы думаете.

— О!

Въ тонѣ Ларральда нельзя было ошибиться. Веселые голубые глаза англичанина вдругъ стали холодны и тверды.

— Да, я ѣхалъ за вами. Дайте мнѣ то письмо.

— У меня нѣтъ этого письма, сеньоръ Ларральдъ, да если бы и было, то я, пожалуй, не отдалъ бы вамъ его. Ваше поведеніе во

всемъ этомъ дѣлѣ нельзя сказать, чтобы было особенно красиво. Говоря по правдѣ, я не очень-то уважаю человѣка, который ради своихъ темныхъ замысловъ вовлекаетъ въ дѣло иностранцевъ и женщинъ.

Ларральдъ съ едва уловимымъ оттѣнкомъ презрѣнія погладилъ свои усы.

— Не будь тутъ замѣшана женщина, которая такъ пострадала за это письмо, я долженъ былъ бы отдать его алькаду въ Рондѣ.

Ларральдъ только пожалъ плечами.

— Вы не отдали его алькаду въ Рондѣ, потому что оно понадобилось вамъ самому, — сказалъ онъ насмѣшливымъ голосомъ. — А понадобилось потому, что вы хотите примириться съ Эстреллой Винченге.

— Надѣюсь, что вы явились сюда не для того; чтобы говорить о сеньоритѣ Винченге, — серьезно замѣтилъ Конингемъ. — Вы сказали, что ѣхали за мной, чтобы получить обратно ваше письмо. Его у меня нѣтъ. Я оставилъ его въ домѣ полковника Монреала въ Хересѣ. Если вы ѣдете въ Мадридъ, то я посижу здѣсь и выкурю папиросу. Если же вы предполагаете остаться здѣсь, то поѣду я, ибо становится уже поздно.

Конингемъ кивнулъ головой своему собесѣднику, убѣдившись, повидимому, что ссора неизбежна, но что отнестись къ ней надо какъ можно легче. Оба они сидѣли верхомъ и стояли по срединѣ дороги.

— Не угодно вамъ ѣхать? — спросилъ Конингемъ, жестомъ приглашая его двинуться.

Ларральдъ посмотрѣлъ на него блестящими глазами и не отвѣчалъ ничего.

— Въ такомъ случаѣ, я буду продолжать мой путь, — сказалъ англичанинъ, слегка прищипывая лошадь. Та проснулась, но не успѣла сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ Ларральдъ поднялся на стременахъ и подлетѣлъ къ ней сбоку.

Конингемъ вдругъ крикнулъ отъ острой боли и запрокинулъ голову. Ларральдъ ударилъ его въ спину ножомъ. Англичанинъ закачался въ сѣдлѣ, какъ бы желая сохранить равновѣсiе, и потерялъ стремяна, потомъ онъ качнулся впередъ и съ шумомъ упалъ на дорогу.

Ларральдъ слѣдилъ за нимъ съ блѣднымъ лицомъ и горящими глазами. Потомъ онъ быстро оглянулся въ наступавшей темнотѣ. Кругомъ не было ни души: то была одна изъ самыхъ пустынныхъ мѣстностей на свѣтѣ. Спускаясь съ сѣдла, онъ какъ будто вспомнилъ о всевидящемъ окѣ и набожно перекрестился. Лицо его было блѣдно: не легко убить человѣка и остаться съ нимъ наединѣ.

Глаза Конингема были закрыты. На губахъ показалась кровь. Трясущимися, словно листья осины, руками Ларральдъ сталъ

обыскивать англичанина. Не найдя ничего, онъ испустилъ проклятіе и всталъ на ноги. Въ сумракѣ его лицо блестѣло, словно онъ облилъ его водой. Онъ медленно взобрался на сѣдло и поѣхалъ по направленію къ Мадриду.

Было уже совершенно темно, когда Конингемъ пришелъ въ себя. Обыскивая его, Ларралдъ перевернулъ его, чѣмъ остановилъ кровотеченіе и, самъ того не подозрѣвая, спасъ его жизнь. Привели раненаго въ чувство тяжелый стукъ колесъ и пощелкиваніе бича. То былъ огромный возъ съ сѣномъ, запряженный шестью мулами и ѣхавшій со стороны Толедо.

Правиль этими мулами старый солдатъ. Въ то время большинство населенія Кастиліи состояло изъ бывшихъ солдатъ и умѣло обращаться съ ранеными. Съ большими предосторожностями, крихтя и бранясь, онъ поднялъ Конингема въ свою телѣгу и двинулся дальше къ Мадриду.

XIII.

Мудрый прстець.

У падре Конха было обыкновеніе являться между девятью и десятью часами утра въ свою церковь и выслушивать разныя просьбы, свѣтскія и духовныя, съ которыми къ нему обращались члены его стада.

Такимъ образомъ, каждый вѣрующій въ девять часовъ могъ застать стараго священника на обычномъ мѣстѣ. Онъ грѣлся на солнышкѣ, сидя у входныхъ дверей, покуривая сигару и коротая время въ разговорахъ съ прихожанами, у которыхъ былъ досугъ поболтать съ нимъ.

— Страдаеть душа или тѣло—все равно, идите ко мнѣ,—говаривалъ падре Конха.—Для тѣла я могу сдѣлать немного, очень немного. Я получаю всего двадцать фунтовъ въ годъ, да и то не всегда, но все-таки могу удѣлать кое-что на благотворительность. Но для души я могу сдѣлать гораздо больше.

Было какъ-то странно видѣть стараго священника сметавшимъ съ церковныхъ ступеней листья и грязь, наносимую иногда туда вѣтренной и дождливой погодой. Эта уборка лежала на обязанности сапожника, жившаго черезъ дорогу, на котораго падре Конха бывать въ такія минуты страшно сердить.

— Смотрите,—кричалъ онъ прохожимъ.—Смотрите, какъ нашъ церковный сторожъ дѣлаеть свое дѣло! А между тѣмъ святая церковь платить ему за это пятнадцать... или двадцать пезетъ ежегодно.

Матери приводили сюда къ нему своихъ дѣтей—маленькихъ дѣвочекъ, исчезавшихъ совсѣмъ подъ яркими платками и толкова-

ли о конформациі и причащеніи. Падре Конха обыкновенно ставилъ дѣтей на колѣни и начиналъ говорить съ ними. Когда матери уходили въ сторону, лицо этого незнакомца такъ проявлялось и становилось такимъ добрымъ, что дѣти, которымъ за минуту передъ тѣмъ хотѣлось бѣжать отъ него, уже не боялись его и чувствовали себя совершенно счастливыми. Весной къ нему приходили молодые люди, робкіе и застѣнчивые, съ мыслями, приличествующими этому времени года. Они были увѣрены, что падре Конха знаетъ о нихъ рѣшительно все и не преминетъ воспользоваться случаемъ разспросить ихъ о нравѣ, поведеніи и средствахъ обѣихъ брачующихся сторонъ, грозя въ противномъ случаѣ отказаться вѣнчать ихъ, что, конечно, онъ не имѣлъ права дѣлать. Приходили сюда также хромые и слѣпые, бѣдные и богатые; приходили сюда и несчастные. Такихъ обыкновенно было больше всего. Сапожникъ разсказывалъ, что однажды пришелъ сюда нѣкій разорившійся человѣкъ, который, переговоривъ съ падре, выхватилъ револьверъ и хотѣлъ застрѣлиться. Падре бросился на него, какъ дикій звѣрь. Они схватились, упали на землю, скатились по ступенямъ на дорогу и продолжали бороться, пока оба не покрылись пылью, словно мельники мукой. Въ концѣ концовъ падре подмялъ подъ себя этого сильнаго человѣка, вырвалъ у него револьверъ и бросилъ его въ ровъ. Потомъ онъ принялся такъ тусить неудачнаго самоубійцу кулаками, что несчастный принялся молить о пощадѣ, но пощады ему не было.

— Вы спасли ему жизнь—говорили потомъ священнику.

— Я хлопоталъ только о его душѣ—возражалъ онъ съ серьезной улыбкой.

Конха не былъ умнымъ человѣкомъ, но онъ былъ мудръ. Ученость его была весьма невелика, и онъ велъ свое стадо, какъ могъ, по бурнымъ путямъ революціи и междуусобной войны. Онъ дѣйствовалъ желѣзнымъ жезломъ на тѣхъ, кого могъ достать, а на тѣхъ, кто былъ внѣ предѣловъ его досягаемости, старался оказать вліяніе терпѣніемъ и терпимостью. Вѣрный своему одѣянію, онъ былъ врагомъ всякаго прогресса и не довѣрялъ всякому нововведенію.

—Падре хотѣлъ бы, чтобы міръ совсѣмъ застылъ,—сказалъ ему какъ-то мѣстный цирюльникъ, радикаль и болтунъ.

—Падре хотѣлъ бы—отвѣчалъ Конха, обтирая полотенцемъ только что выбритый подбородокъ:—чтобы цирюльники знали только свои бритвы да ножницы. Многіе такъ заняты тѣмъ, что кричатъ «впередъ», что имъ не остается времени спросить, куда это «впередъ».

Въ общемъ его самодержавный образъ правленія былъ благодѣтельнъ и не мало способствовалъ благополучію маленькаго сѣвернаго предмѣстья города Ронды, на которое онъ распростра-

нялся. Во всякомъ случаѣ, падре Конха былъ бдительнымъ пастыремъ своего стада и зналъ каждое лицо въ своемъ приходѣ.

Въ одно прекрасное утро случилось такъ, что, проходя по церкви послѣ заутрени, онъ обратилъ вниманіе на одну чужую женщину, зашедшую въ церковь помолиться. То была плохо одѣтая крестьянка. Около нея сидѣлъ ребенокъ и съ удивленіемъ таращилъ глаза на невиданный имъ алтарь и цвѣтныя стекла.

Конха присѣлъ на низенькую стѣнку церковной ограды и сталъ ждать выхода богомолки, которая не принадлежала къ его стаду. Черезъ нѣсколько минутъ женщина приподняла тяжелую кожаную портьеру церковнаго входа и выпустила на солнечный свѣтъ струю холоднаго, пропитаннаго запахомъ ладана воздуха.

Она поклонилась священнику и остановилась, очевидно, выжидая, что онъ ее узнастъ. Конха бросилъ папиросу и поднесъ руку къ шляпѣ. Уже давно онъ дѣлалъ этотъ жестъ только для дамъ высокаго положенія.

— Мнѣ кажется, что я видѣлъ уже твое лицо, дитя мое,—сказалъ онъ.

— Да, достопочтенный отецъ. Я изъ Ронды, но раньше я жила въ Хересѣ.

— А, стало быть, твой мужъ одинъ изъ «недовольныхъ»?

Женщина залилась слезами и, закрывъ лицо руками, прислонилась къ стѣнѣ. Въ ея позѣ было что-то дѣтское. Вѣроятно, она вышла замужъ очень рано, лѣтъ пятнадцати.

— Нѣтъ, достопочтенный отецъ, онъ просто воръ.

Конха не безъ веселости кивнулъ головой: онъ никогда не высказывалъ большого ужаса передъ разными человѣческими злодѣянїями.

— Это почти одно и то же,—спокойно замѣтилъ онъ.—Только одинъ дѣлаетъ то, что другой боится сдѣлать. Твой мужъ уже въ тюрьмѣ? Не потому ли ты и вернулась сюда? Вѣдь вы, женщины, по глупости почти равны мужчинамъ!

— Нѣтъ, достопочтенный отецъ, я вернулась сюда потому, что онъ бросилъ меня. Себастьянъ убѣждалъ отъ меня и захватилъ съ собой кое-какія вещи своего хозяина, полковника Монреаля изъ Хереса. Хорошій онъ былъ человѣкъ, но занимался политикой.

— А!

— Да. Его убили, какъ вы, вѣроятно, уже знаете изъ газетъ; это было съ недѣлю тому назадъ, въ тотъ самый день, когда къ намъ прїѣзжалъ англичанинъ съ письмомъ.

— Какой англичанинъ?—спросилъ Конха, стряхивая съ рукава пылинки нюхательнаго табаку.

— Не знаю. Но это былъ англичанинъ, судя по его выговору. У полковника былъ прїятель англичанинъ, который говорилъ почти такъ же.

- А какой видъ былъ у этого англичанина?
- Онъ высокаго роста, держится прямо, похожъ на солдата. Усы у него свѣтлые, словно солома.
- Вотъ что! И онъ оставилъ письмо?
- Да, достопочтенный отецъ.
- Въ розовомъ конвертѣ?
- Да,—отвѣчала женщина, глядя на него съ удивленіемъ.
- Расскажи мнѣ теперъ, что было дальше. Можетъ быть, я помогу тебѣ, если узнаю все подробно.
- Потомъ полиція принесла тѣло полковника, убитаго на улицѣ. Я уже накрыла для него столъ и ждала его....
- Ну, а потомъ?
- Потомъ Севастіанъ съѣлъ обѣдъ.....
- Твой мужъ, повидимому, предпочелъ самъ дѣйствовать— перебилъ ее Конха съ лукавой улыбкой.—А потомъ?
- Потомъ Севастіанъ послалъ меня съ порученіемъ въ городъ; когда я вернулась, его уже не было, а вмѣстѣ съ нимъ исчезли и нѣкоторыя вещи полковника, въ томъ числѣ и его бумаги.
- И письмо, которое ему было доставлено англичаниномъ?
- Да, досточтимый отецъ. Севастіанъ знаетъ, что въ такія времена бумаги политика можно продать на вѣсъ золота.
- Конха задумчиво кивнулъ головой и поднесъ къ носу щепотку табаку.
- Да, Севастіанъ, очевидно, изъ тѣхъ людей, которые далеко пойдутъ въ этомъ мірѣ... До извѣстной, впрочемъ, точки, которая можетъ оказаться и висѣлицей. Для каждаго на земномъ шарѣ найдется мѣстечко, куда онъ хотѣлъ бы попасть, будь у него деньги. Для меня такое мѣсто—Римъ. Вѣроятно, такое мѣсто было у Севастіана, и онъ, навѣрно, говорилъ о немъ, когда бывалъ не совсѣмъ трезвъ.
- Онъ всегда толковалъ о Мадридѣ, достопочтенный отецъ.
- Я такъ и думалъ.
- У меня нѣтъ денегъ ѣхать къ нему туда,—заговорила женщина, снова заливаясь слезами.—Поэтому-то я и приѣхала въ Ронду, гдѣ меня знаютъ, и хочу поискать здѣсь денегъ.
- Ахъ, ты глупая женщина!—сурово перебилъ ее священникъ, грозя ей пальцемъ.—Глупая потому, что хочешь ѣхать за такимъ человѣкомъ. Еще болѣе глупая потому, что плачешь о такомъ мужѣ, да еще на церковныхъ ступеняхъ, гдѣ тебя можетъ видѣть всякій. Всякая другая женщина на твоёмъ мѣстѣ радовалась бы. Для нея было бы величайшимъ утѣшеніемъ сознавать, что ея мужъ оказался хуже ея. Перестань же плакать, глупая.
- Женщина машинально исполнила его приказъ. На нее нашель какой-то столбнякъ безнадежности.
- Въ эту минуту мимо нихъ проскакалъ какой-то всадникъ, на-

правлявшійся со стороны Ронды на бобадильскую дорогу или, можетъ быть, къ дому сеньоры Баренна. Шляпа его была нахлобучена на самыя уши, а взоръ неподвижно устремленъ впередъ. Вся его поза говорила о томъ, что онъ притворяется, будто бы онъ весь поглощенъ какими-то мыслями. Безъ сомнѣнія, онъ зналъ, что падре Конха въ это время долженъ сидѣть на церковной паперти и, видимо, не желалъ встрѣчаться съ нимъ глазами. То былъ Ларральдъ.

Нѣсколько минутъ спустя, Юлія Баренна, сидѣвшая у окна,— это была ея обычная поза,—вдругъ поднялась съ мѣста. Глаза ея блестѣли, въ рукахъ чувствовалась дрожь. Она пристально глядѣла внизъ и не спускала глазъ съ всадника, который не торопясь пробрался черезъ оливковую роуцу. Потомъ, съ трудомъ дыша, она повернулась къ зеркалу.

— Наконецъ-то! —прошептала она, быстро приводя въ порядокъ волосы и мантилю.

Сердце ея билось учащенно, въ умѣ пролетали тысячи мыслей. Въ одинъ моментъ весь міръ перемѣнился для нея, и сама она стала другимъ существомъ. Казалось, нѣсколько лѣтъ скатилось съ нея, и ея сердце стало опять молодымъ и полнымъ надежды. Она бросила на себя послѣдній взглядъ и поспѣшила къ двери.

Было еще рано, и воздухъ подъ изтѣденными временемъ оливковыми деревьями былъ свѣжъ и прохладенъ, когда Юлія шла навстрѣчу Ларральду. Завидѣвъ ее, онъ соскочилъ съ сѣдла и, опустивъ лошадь на волю, бросился навстрѣчу къ дѣвушкѣ и горячо поцѣловалъ ей руку.

— Я не видала васъ почти двѣ недѣли,—промолвила Юлія.

— Вотъ какъ!—воскликнулъ Ларральдъ, очевидно, не при- выкшій вести такой строгій счетъ днямъ.—Да, я знаю. Но вѣдь я все это время леталъ по большимъ дорогамъ. Я былъ почти въ самомъ Мадридѣ. Ахъ, Юлія, какую ошибку вы сдѣлали!

— Какую ошибку?—спросила она, слегка кокетничая глазами.

Она думала, что онъ спроситъ ее, зачѣмъ она его любитъ.

— Напрасно вы отдали письмо этому каналѣ Конингему. Онъ выдалъ насъ, и теперь мнѣ небезопасно оставаться въ Испаніи.

— Вы увѣрены въ этомъ?—быстро спросила Юлія.

Если бъ она любила Ларральда всей душой, она, конечно, съ радостью раздѣлила бы его гоненіе.

Ларральдъ коротко разсмѣялся и пожалъ плечами.

— Одинъ Богъ знаетъ, гдѣ теперь это письмо,—отвѣчалъ онъ.

Юлія развернула записку и вручила ее Ларральду. Она получила ее недѣли три тому назадъ отъ Консенсіона Вари. Записка была отъ Конингема и гласила, что онъ оставилъ ея письмо въ домѣ полковника Монреале.

— Полковника убили раньше, чѣмъ Конингемъ добрался до

Хереса, —отрывисто сказалъ Ларральдъ.— Не думаю, чтобы онъ оставилъ письмо тамъ. Миѣ кажется, онъ оставилъ его при себѣ, какъ рекомендацію для христинистовъ, въ рядахъ которыхъ онъ будетъ служить. Это вещь совершенно естественная. Но я удосто- вѣрился, что письмо при немъ дѣйствительно нѣтъ.

— Какимъ же образомъ?—спросила Юлія, и на ея лицѣ изоб- разился страхъ.

Ларральдъ улыбнулся довольно кисло и вмѣсто отвѣта отвер- нулся и сталъ смотрѣть на дорогу.

— А вотъ идетъ и падре Конха, —сказалъ онъ.— Пойдемъ къ дому.

XIV.

Сила доказательствъ.

Старый священникъ медленно шель по дорогѣ къ дому, какъ вдругъ вѣтки низкорослаго дуба раздвинулись, и изъ этой засады появилась сенъора Баренна, державшая палець на губахъ.

— Тише?—сказала она.— Онъ здѣсь.

По встревоженному выраженію ея лица видно было, что нервы ея напряжены до крайности.

— Кто это онъ?

— Эстебанъ Ларральдъ, конечно.

— А!—хладнокровно произнесъ падре.— Но развѣ ради этого нужно прятаться за деревьями и ходить по куртинамъ съ цвѣтами? Жизнь была бы много проще, сенъора, если бѣ люди ходили только по обычнымъ тропамъ. Ужъ не влѣзть ли и миѣ на дерево?

Почтенная дама возвела глаза къ небу и тяжело вздохнула.

— Какая трагедія наша жизнь!—прошептала она, очевидно, по адресу ангеловъ, но достаточно громко и для ея спутника.

— А, можетъ быть, и фарсъ, —сказалъ Конха.— Смотри по тому, какъ мы будемъ играть свою роль. Гдѣ сенъоръ Ларральдъ?

— Онъ направился во фруктовый садъ съ Юліей. Тамъ кругомъ высокая стѣна, и никто ихъ не увидитъ. Можетъ быть, она уже убита теперь, я узнала, что онъ пріѣхалъ потому, какъ она сбѣ- жала внизъ.

Конха улыбнулся съ серьезнымъ видомъ.

— Не она первая. Многія въ такой поспѣшности спотыкались и падали съ лѣстницы.

— Вы ужасный человѣкъ! У васъ нѣтъ сердца! И нѣтъ никого, кто вошелъ бы въ мое положеніе! Никто не знаетъ, что я претерпѣ- ваю! Ночью я не могу сомкнуть глазъ ни на секунду, а все лежу и думаю о моихъ заботахъ. Юлія не слушается меня. Я уже гово- рила ей, чтобы она не сердила меня, но она только смѣется. Она все время настаивала на томъ, чтобы повидаться съ этимъ ужас-

нымъ Эстебаномъ Ларральдомъ, который къ тому же еще и карлистъ!

— Мы всё таковы, конми насъ создалъ Господь Богъ,—сказалъ Конха:—но съ помощью дьявола стараемся казаться лучше,—прибавилъ онъ тихонько.

— Теперь я хочу поѣхать къ генералу Винченге и попрошу его прислать солдатъ. Присутствіе этого человѣка для меня несносно—меня уже не слушаютъ въ моемъ собственномъ домѣ. Я приказала, чтобъ экипажъ ждалъ меня у нижнихъ воротъ. Я не смѣю уже уѣхать съ своего собственного подъѣзда! Какая трагедія!

— Я поѣду съ вами, если вы рѣшили ѣхать,—сказалъ Конха.

— Какъ! оставить Юлію съ этимъ ужаснымъ человѣкомъ!

— Да,—спокойно отвѣчалъ священникъ.—Счастье это такая вещь, въ которую опасно вмѣшиваться. Его такъ мало въ этомъ, да и длится оно такъ не долго.

Тяжкій вздохъ сеньоры Баренны засвидѣтельствовалъ, что она не особенно свѣдуща въ этомъ.

— Вы, пожалуй, даже не прочь были бы выдать Юлію замужъ за этого человѣка,—промолвила она, закрывая лицо отъ солнца чернымъ вѣеромъ, съ которымъ не разставалась никогда.

— Я слишкомъ старъ и глупъ, чтобы принимать активное участіе въ чужихъ дѣлахъ. Это дѣло людей молодыхъ и еще не испушенныхъ жизнью,—отвѣчалъ священникъ.

— А вы еще говорили, что вы любите Юлію.

— Совершенно вѣрно,—спокойно подтвердилъ Конха.

— Да, такъ,—промолвилъ падре такимъ тономъ, котораго сеньора Баренна никогда не могла понять.

— Вы были всегда добрѣе къ ней, чѣмъ ко мнѣ,—продолжала почтенная дама тономъ мученицы.—Для нея и эпитиміи назначались всегда легче, чѣмъ для меня. Вы снисходительны къ ней, но не ко мнѣ. А между тѣмъ я никогда не сдѣлала вамъ никакого зла.....

Падре Конха только улыбнулся. Можетъ быть, въ эту минуту онъ вспомнилъ о тѣхъ оболѣщеніяхъ, которыми она питалась цѣлый рядъ лѣтъ.

— Вотъ экипажъ,—сказалъ онъ.—Поспѣшимъ къ генералу Винченге, если вы хотите его видѣть.

Черезъ нѣсколько минутъ они уже ѣхали по дорогѣ. А въ это время Ларральдъ и Юлія сидѣли рядомъ подъ тѣнью высокой стѣны, окружавшей фруктовый садъ.

Генералъ Винченге былъ дома. Онъ принадлежалъ къ числу людей, которые чувствуютъ себя счастливыми, если окажутся тамъ, гдѣ въ нихъ есть нужда.

— Этотъ человѣкъ, т.-е. Ларральдъ, теперь въ Рондѣ,—заговорила сеньора Баренна, врываясь къ генералу.

Тотъ улыбнулся и быстро обмѣнялся взглядами съ Конхой, который подтвердилъ эту новость движеніемъ своихъ густыхъ бровей.

— Охъ, ужъ эта молодежь!—воскликнулъ генераль, весело вздохнувъ.—Вотъ что значить быть молодымъ, да еще влюбленнымъ. Но садитесь же, Инеса, садитесь. Падре, берите себѣ стулъ.

— Что же вы намѣрены дѣлать?—спросила сеньора Баренна, задыхаясь отъ быстрого подъема по лѣстницѣ.

— Когда?

— Какъ когда? Теперь. Пока этотъ человѣкъ въ Рондѣ. Вы прекрасно знаете, какъ онъ опасенъ. Вѣдь это карлистъ.

— Нѣсколько дней тому назадъ вы сами получили анонимное письмо, что ваша жизнь въ опасности. Очевидно, это письмо было отъ карлистовъ, и въ этомъ дѣлѣ не обошлось безъ участія Ларральда или этого англичанина съ голубыми глазами. Мужчина съ голубыми глазами! Разумѣется, ему никакъ нельзя довѣрять.

Генераль, несмотря на полученіе угрожающаго письма, былъ, казалось, въ самомъ лучшемъ настроеніи духа.

— Ваши увѣренія немножко произвольны, дорогая Инеса. Не правда ли? А теперь не выпить ли намъ лимонаду? Въ полдень всегда такъ жарко.

Онъ вышелъ и позвонилъ.

— Мои нервы! Ихъ такъ легко взволновать,—прошептала падре сеньора Баренна.

— Подай ликеры,—съ обычнымъ спокойствіемъ сказалъ генераль вошедшему на звонокъ слугѣ.

— Вы должны немедленно же принять мѣры;—начала опять сеньора Баренна, когда они остались вдвоемъ. Воображеніе у нея было огромное, а умъ недостаточно сильный, чтобы его обуздать.

— Приму, приму, дорогая Инеса. Не хотите ли рюмочку мараскина, чтобы подкрѣпить свои силы?

Сеньора Баренна не заставила себя долго ждать и приступила къ тому, что она называла «консультацией», но что въ дѣйствительности было только монологомъ. Во время «консультации» она общилась слушателямъ немало разныхъ свѣдѣній, не получивъ отъ нихъ ни одного.

Въ концѣ концовъ генераль и падре Конха, увѣривъ ее, что ей не грозитъ никакой опасности, проводили ее до экипажа.

— Не бойтесь, Инеса, не бойтесь. Онъ исчезнетъ прежде, чѣмъ вы успѣете вернуться домой,—говорилъ генераль, помахивая рукой. Онъ уже изъявилъ согласіе пригласить Юлію сопровождать Эстеллу въ Мадридъ, гдѣ она будетъ внѣ всякой опасности.

Оба мужчины вернулись въ кабинетъ генерала и опустились въ кресла. Водворилось глубокое молчаніе, которое можетъ быть только среди людей, связанныхъ давнишней дружбой.

Генераль заговорилъ первымъ.

— Я получилъ письмо изъ Мадрида.—серьезно началъ онъ.— Миѣ пишутъ, что Конингемъ до сего времени не передалъ еще рекомендательнаго письма и, насколько можно выяснитъ, еще не прїѣхалъ въ столицу. А выѣхалъ онъ туда уже недѣли три тому назадъ.

Падре взялъ щепотку табаку и протянулъ табакерку собесѣднику, который отклонилъ ее движеніемъ руки. Генераль былъ слишкомъ чистоплотный человѣкъ и не могъ себѣ позволить такой привычки.

— Денегъ у него не было, и едва ли онъ могъ сдѣлаться жертвой грабежа,—сказалъ Конха.

— У него была хорошій проводникъ, и онъ не могъ сбиться съ дороги.—замѣтилъ съ своей стороны генераль.

— Надо, однако, сказать, что его дѣйствія не всегда были выше подозрѣній,—пробормоталъ падре, тщательно закрывая табакерку и засовывая ее въ карманъ.

— Да, эта исторія съ письмомъ довольно подозрительна,—со смѣхомъ согласился генераль.

—Въ высшей степени подозрительна.

И въ кабинетѣ опять наступила тишина, прерванная чиханіемъ падре Конхи.

— А правда ли, что вы получили анонимное письмо, въ которомъ вамъ угрожали смертью?—спросилъ онъ, бережно складывая платокъ.—Объ этомъ всѣ говорятъ въ Рондѣ.

— Вотъ какъ!—воскликнулъ Винчене.—Да, это вѣрно. Впрочемъ, это ужъ повторяется не въ первый разъ.

— То, что сеньора Баренна сказала сейчасъ насчетъ англичанина, можетъ быть, и вѣрно,—съ разстановкой продолжалъ священникъ.—Иногда люди безразсудные дѣлаютъ такіе выводы, которые освѣщаютъ все дѣло.

— Да, конечно, бываетъ.

И оба сѣдоголовыхъ старика съ минуту молча смотрѣли другъ на друга.

— А вы все-таки довѣряете ему!—спросилъ наконецъ Конха.

— Противъ собственнаго желанія, вопреки всѣмъ моимъ соображеніямъ, другъ мой.

Священникъ поднялся и подошелъ къ окну, которое выходило въ садъ.

— Эстелла въ саду?—спросилъ онъ.

Отвѣта не было.

— Я знаю, что вы думаете,—сказалъ генераль.—Вы думаете, что мы хорошо сдѣлаемъ, если доведемъ объ этихъ подозрѣніяхъ до свѣдѣнія Эстеллы.

— Для васъ это не имѣетъ значенія. По-вашему, все это не стоитъ вниманія. На вашу жизнь уже покушались, и, если я не ошибаюсь, вы убили злодѣя собственной рукой!

Винченге пожалъ плечами и смущенно поглядѣлъ на собесѣдника.

— Но женщина не будетъ довѣрять человѣку вопреки собственнымъ соображеніямъ,—продолжалъ Конха.

Вмѣсто отвѣта генераль всталъ и позвонилъ.

Вошелъ слуга, и генераль приказалъ ему попросить сюда сеньорину.

Опять въ кабинетѣ настало молчаніе, царившее до тѣхъ поръ, пока въ комнату не вошла Эстелла. Она, видимо, очень слѣшила, щеки ея горѣли, а въ глазахъ было такое выраженіе, что отецъ успѣшилъ успокоить ее.

Эстелла взглянула на Конху и не сказала ничего. Его умные старческіе глаза на минуту остановились съ выраженіемъ тревоги.

— У насъ была сейчасъ сеньора Баренна,—продолжалъ генераль. Она желала бы, чтобы мы пригласили Юлію ѣхать съ нами въ Мадридъ. Повидимому, Эстебанъ Ларральдъ продолжаетъ свои ухаживанія за Юліей и теперь находится въ Рондѣ. Ты ничего не будешь имѣть, если она поѣдетъ съ нами?

— Конечно, нѣтъ,—довольно безучастно сказала Эстелла.

— Кромѣ того, получены нѣсколько тревожныя извѣстія о нашемъ другѣ, мистерѣ Конингемѣ,—продолжалъ генераль, играя темлякомъ своей шпаги.—Считаю бесполезнымъ предупредить тебя, что мы, кажется, ошиблись въ немъ.

На нѣкоторое время опять водворилось молчаніе.

— Въ такія времена приходится относиться съ недоувѣріемъ даже къ самымъ близкимъ друзьямъ,—заговорилъ опять генераль.—Можно причинить себѣ большой вредъ, если быть чрезчуръ довѣрчивымъ. Факты съ такой очевидностью говорятъ противъ Конингема, что было бы глупо отрицать ихъ.

Генераль подождалъ, не сдѣлаетъ ли какого-нибудь замѣчанія Эстелла, и, не дождавшись, продолжалъ.

— Онъ пріѣхалъ въ Ронду при удивительно несчастливомъ стеченіи обстоятельствъ, и я вынужденъ былъ разстрѣлять одного изъ его спутниковъ. Потомъ вышла эта исторія съ письмомъ, которое онъ передалъ Юліи,—исторія, которая такъ и осталась не выясненной. Конингемъ долженъ былъ бы показать мнѣ это письмо: я выхлопоталъ ему доступъ къ генералу Эспартеръ въ Мадридъ. Это произошло недѣль шесть тому назадъ. Рекомендательное письмо, однако, до сихъ поръ имъ не передано и самого Конингема въ Мадридѣ нѣтъ, повидимому. Въ Англіи, по его собственнымъ словамъ, онъ былъ почти авантюристомъ. Можетъ быть, онъ остался имъ и въ Испаніи?

Генераль, какъ бы прося извиненія, вытянулъ руки. Отецъ Конха стряхивалъ съ рукава невидимые слѣды табаку и безпокойными глазами слѣдилъ за Эстеллой.

— Я говорю это тебѣ только для того, — продолжалъ геенераль чтобы ты знала, какъ держать себя съ Конингемомъ, если мы встрѣтимся съ нимъ въ Мадридѣ. Миѣ онъ понравился. Я люблю подвижныхъ людей, а англичане обыкновенно любятъ странствовать. Но факты говорятъ слишкомъ сильно противъ меня.

— Да, — спокойно согласилась Эстелла, — дѣйствительно.

Она пошла была къ двери, но на порогѣ повернулась и взглянула на Конху.

— Вы останетесь обѣдать съ нами? — спросила она.

— Нѣтъ, дитя мое, благодарю васъ. У меня есть дѣла дома. Эстелла вышла. Наступило какое-то странное молчаніе.

— Я тоже ѣду въ Мадридъ, — произнесъ наконецъ Конха, вставая. — Миѣ нужно хлопотать, чтобы уплатили миѣ мое королевское жалованіе, котораго я не видѣлъ вотъ уже два года.

И онъ пошелъ домой, пробираясь по тѣневой сторонѣ, безпрестанно обмѣниваясь поклонами и время отъ времени останавливаясь, чтобы перекинуться словечкомъ съ пріятелями. Пріятелей же у него было не мало: каждый прохожій считалъ себя его пріателемъ. Добравшись до своего жилья, гдѣ были только самыя необходимыя для жизни вещи, онъ сѣлъ и задумался. Мебель, нѣсколько книгъ, вся обстановка — все говорило о его крайней бѣдности. Конха былъ одинъ изъ тѣхъ, кто въ простотѣ душевной читаетъ слова Спасителя, какъ они написаны, и выходитъ на дорогу съ кошелькомъ въ рукахъ.

Вставъ со стула, падре Конха взялъ съ полки деревянный ящичекъ, украшенный рѣзбой и окованный гвоздями. Потомъ, порывшись въ ящикѣ стола, онъ нашелъ ключъ и досталъ со дна ящичка маленькую связку какихъ-то писемъ и бумагъ.

— Пришелъ черный день, — тихо промолвилъ Конха, сосчитывая весь свой денежный запасъ съ осторожностью, доказывающей, что здѣсь каждый грошъ заработанъ самоотверженіемъ.

XV.

Ультиматумъ.

Ни Эстелла, ни ея отецъ не любили Мадрида, который, дѣйствительно, не очень-то привлекателенъ. Зимой въ немъ слишкомъ холодно, лѣтомъ слишкомъ жарко, а въ переходное время года погода крайне измѣнчива. Общественная атмосфера въ тотъ періодъ, къ которому относится нашъ рассказъ, также не отличалась устойчивостью. Было то жарко, то холодно.

Хотя долгая борьба, которую вела королева-регента противъ донъ-Карлоса, казалось, достигла благополучнаго конца, около нея было еще достаточно враговъ, присутствіе которыхъ грозило опасностью трону ея дочери-королевы.

— Я не могу допустить, чтобы такой преданный солдатъ былъ такъ далеко отъ столицы,—сказала Христина, когда Винченче представлялся ей и поцѣловалъ ея руку.

Генераль пожалъ плечами и улыбнулся.

— Что она сказала? Что она сказала?—послышался шопотъ въ толпѣ придворныхъ, когда генераль направился къ выходу съ поспѣшностью, которая обличала въ немъ непридворнаго человѣка. Отвѣта на этотъ вопросъ не было.

Генераль занималъ нѣсколько комнатъ въ одной изъ гостиницъ на Солнечной площади и теперь слѣшилъ домой, довольный, что ему удалось ускользнуть изъ дворца, гдѣ процвѣтало некательство.

Слуга доложилъ, что въ гостиной его дожидается какой-то гость. Ему уже сказали, что генерала нѣтъ дома, но онъ просилъ, чтобы его приняла сенборита.

— Это похоже на Конингема,—пробормоталъ генераль, отстегивая саблю, которую онъ одинаково носилъ въ присутствіи королевы и враговъ.

И въ самомъ дѣлѣ то былъ Конингемъ. Не успѣлъ генераль переступить порогъ гостиной, какъ уже послышался его веселый смѣхъ. Англичанинъ былъ въ формѣ и стоялъ спиной къ двери, черезъ которую вошелъ генераль.

— Это сенборъ Конингемъ,—спокойно сказала ему Эстелла.— Онъ былъ раненъ и шесть недѣль лежалъ въ больницѣ.

— Но теперь я уже поправился,—вступился самъ Конингемъ.— Я уже получилъ назначеніе, хотя все еще числюсь на попеченіи сестеръ милосердія.

Онъ опять разсмѣялся и пошелъ навстрѣчу генералу, протягивая ему руку. Генераль пріѣхалъ въ Мадридъ съ твердымъ намѣреніемъ не принимать этой руки и тѣ, кто его зналъ, могли бы побиться объ закладъ, что онъ не перемѣнитъ своего намѣренія. Но тутъ, взглянувъ Конингему въ глаза, онъ пожалъ ему руку. Но его колебаніе не укрылось ни отъ Эстеллы, ни отъ самого Конингема.

— Какъ же вы были ранены?—спросилъ генераль.

— Мнѣ нанесли ударъ въ ножомъ въ спину на Толедской дорогѣ, въ десяти миляхъ отсюда.

— Это былъ не разбойникъ? На васъ напали не изъ за денегъ?

— У меня не было людей, которые бы меня ненавидѣли, и что касается денегъ, то на этотъ счетъ едва ли кто безпокоится,—со смѣхомъ отвѣчалъ Конингемъ.

— Кто же въ такомъ случаѣ сдѣлалъ это?—спросилъ генераль Винченче, разстегивая перчатку.

Конингемъ заколебался.

— Одинъ человѣкъ, съ которымъ я поссорился по дорогѣ,—послѣдовалъ отвѣтъ.

Но, конечно, это не былъ надлежащій отвѣтъ, и это поняли всѣ— и Конингемъ, и его собесѣдники.

— Онъ оставилъ меня замертво, но меня подобралъ какой-то крестьянинъ и привезъ въ Мадридъ, въ больницу, гдѣ я все это время и пролежалъ.

Въ комнатѣ на столѣ лежали цвѣты. Генераль низко поклонился надъ ними, очевидно, наслаждаясь ихъ ароматомъ.

— Теперь,—сказалъ онъ:—когда вы носите мундиръ арміи съ величества королевы, вы должны быть очень осторожны. Боюсь, что зрѣть опять какой-нибудь заговоръ. Мнѣ уже прислали анонимное письмо съ угрозами.

— Хотѣлъ бы я знать, кто написалъ его!—воскликнулъ Конингемъ, въ глазахъ котораго блеснулъ гнѣвный огонекъ.

Генераль засмѣялся.

— Хотѣлъ бы это и я, хотя бы только изъ любопытства,—сказалъ онъ.

Съ этими словами онъ повернулся къ двери, которая распахнулась въ этотъ моментъ. Вошедшій слуга подаль ему карточку.

— Меня желаетъ видѣть какой-то господинъ, повидимому, англичанинъ,—промолвилъ генераль, взглянувъ на карточку.

— Кстати,—началъ Конингемъ, когда генераль вышелъ изъ комнаты,—я могу сообщить вамъ, что я прикомандированъ къ вашему штабу на все время вашего пребыванія въ Мадридѣ.

Генераль кивнулъ головой и вышелъ, оставивъ Конингема и Эстеллу однихъ.

— Такимъ образомъ, у меня будетъ право находиться около васъ,—сказалъ англичанинъ молодой дѣвушкѣ.—Это все, чего я хотѣлъ.

Онъ говорилъ по обыкновенію довольно весело. Но Эстелла предпочитала не встрѣчаться съ его серьезнымъ и твердымъ взглядомъ.

— Это такъ легко сказать,—замѣтила она.

— Да, но надо много времени, чтобы доказать это

Генераль оставилъ на столѣ свои перчатки. Эстеллу онѣ почему-то очень заинтересовали, и она внимательно разглядывала ихъ.

— Да, иногда для этого нужна цѣлая жизнь.—согласилась она.

— Дѣйствительно, мнѣ нужна цѣлая жизнь.

— Много же вамъ нужно.

— Зато я и даю много, хотя это и можетъ показаться бездѣлицей.

Они говорили медленно, не стараясь связывать словъ, а только высказывая свои мысли. Эстелла была серьезна. Конингемъ держался своей обычной позы—веселаго оптимиста, человека, который еще не знаетъ страха.

— Этого мало, сеньорита?—спросила она.

Она сидѣла за столомъ и упорно не хотѣла ни взглянуть на него, ни отвѣчать на его вопросы. Онъ былъ около нея въ своемъ яркомъ

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

Петроградъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ на-Д.

Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинныхъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ МАРТЪ 1917 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 3-й.

Богословіе.

ЧЕТЫРКИНЪ, В. Апокалипсисъ св. апостола Іоанна Богослова. Петроградъ. 1917. Ц. 4 р.

Философія, психологія, логика.

ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО. О. Р. Пгр. 1917 г. Ц. 60 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

ЗАМОТИНЪ, И. Проблемы жизни въ творчествѣ Достоевскаго. Петроградъ. 1916. Ц. 50 к. | МИЦКЕВИЧЪ, АДАМЪ. Книги народа польскаго и польскаго пилигримства. М. 1917. Ц. 3 р. 50 к.

Баллетристика, поэзія, драматическія сочиненія.

АВЕРЧЕНКО, А. Караси и щуки. Пгр. 1917 г. Ц. 75 к. | — Отъ зари до зари. Очерки. Петроградъ. 1917. Ц. 1 р. 75 к.
БВЛЯЕВЪ, ЮР. Восемь разсказовъ. Пгр. 1917 г. Ц. 2 р. | КРОССЪ, ВИКТОРІЯ. Анна Ломбардъ. Романъ. М. 1917. Ц. 1 р. 50 к.
— Въ нѣкоторомъ царствѣ... Петроградъ. 1917. Ц. 1 р. 50 к. | КЭЙНЪ, ХОЛЛЪ. Жена, которую ты далъ мнѣ. Романъ, т. I, изд. II. М. 1917. Ц. 2 р. 25.
ГОАРЪ, Л. и С. Библиотека Англмана, выпускъ I. Пгр. 1917 г. Ц. 70 к. | ЛЕНСКИЙ, В. Катастрофа. М. 1917 г. Ц. 2 р.
ГОФМАНЪ, ВИКТОРЪ. Стихотворенія, т. II, Ц. М. 1917. 2 р. | ЛИДИНЪ, ВЛ. Полая вода. Разсказы. М. 1917 г. Ц. 1 р. 75 к.
ЗАЙЦЕВЪ, Б. Дальній край, романъ, изд. II. М. 1917 г. Ц. 2 р. | «НЕВСКИЙ АЛЪМАНАХЪ». Выпускъ II. «Изъ прошлаго». Петроградъ. 1917. Ц. 2 р. 50 к.
КРИНИЦКИЙ, МАРКЪ. Молодые годы Долецкаго. М. 1917 г. Ц. 2 р. | — Часъ насталь. М. 1917 г. Ц. 2 р.

«Истор. вѣсти», апрѣль 1917 г., т. сѣдмн.

1/20

ОЛИГЕРЪ, Н. Ночныя тѣни. Пгр. 1917 г. Ц. 2 р. 25 к.	СПИРИДОНОВЪ, М. Райскій садъ и др. рассказы. Пгр. 1917 г. Ц. 1 р. 25 к.
РУСТАВЕЛИ, Ш. Носящій барсову шакуру. Поэма XII в. М. 1917 г. Ц. 1 р. 25 к.	СТРОВЪ, В. Нонна, романъ, М. 1917 г. Ц. 2 р. 75 к.
САКЕТТИ, Ф. Человѣческая комедія. М. 1917. Ц. 2 р. 50 к.	СЫСОВЪ, В. Вся жизнь. Ром. М. 1917 г. Ц. 2 р. 50 к.
СЛОВО. Сборникъ VII, М. 1917 г. Ц. 2 р. 25 к.	ЧУЛКОВЪ, Г. Метель. Романъ М. 1917 г. Ц. 2 р.

Исторія, біографія и археологія.

ВИНАВЕРЪ, М. М. Недавнее (Воспоминанія и характеристики). Пгр. 1917 г. Ц. 3 р. 50 к.	НАША СТАРИНА. Литературно-историческій сборникъ, вып II. Пгр. 1917 г. Ц. 1 р. 25 к.
ВОСПОМИНАНІЯ братьевъ Бестужевыхъ. Пгр. 1917. Ц. 3 р. 50 к.	РОДОВОЙ ЛИСТОКЪ, Январь, 31, вып. I. 1917 г. Пгр. Ц. 1 р.
ЗАПИСКИ Н. В. БАСАРГИНА. Пгр. 1917 г. Ц. 3 р. 50 к.	РУССКІЙ БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ. Герберскій-Гогенлоэ. М. 1916 г. Ц. 3 р.
ЛУКОМСКІЙ, Г. К. Луцкій замокъ. Пгр. 1917. г Ц. 2 р.	ХВОСТОВЪ, М. Исторія Греціи. К. 1917. Ц. 3 р.
— Старинныя усадьбы Харьковской губерніи. Петроградъ. 1917. Ц. 25 р.	

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

АНЦИФЕРОВЪ, А. Центральные банки кооперативнаго кредита. Харьковъ. 1916. Ц. 3 р.	января по 1-е іюля 1916 г., томъ II, Петроградъ. 1917. Ц. 50 к.
ГРИБОВСКІЙ, В. Древне-русское право. Вып. II. Ц. 1 р. 75 к.	ПОКРОВСКІЙ, Г. Исторія римскаго права. Изд. 3. Пгр. 1917 г. Ц. 4 р. 50 к.
ДЕСЯТОВСКІЙ, В. Великая міровая война, Бельгія подъ гнетомъ германцевъ. Петроградъ. 1917. Ц. 2 р. 50 к.	РАВИЧЪ, М. Уголовная отвѣтственность за уклоненіе отъ воинской повинности. Пгр. 1917 г. Ц. 2 р.
КУРЧИНСКІЙ, М. Поземельная задолженность. Пгр. 1917 г. Ц. 1 р. 25 к.	ТАРАНОВСКІЙ, Ф. В. Проф. Учебникъ энциклопедіи права. Юрьевъ. 1917 г. Ц. 5 р. 50 к.
МАХНОВЕЦЪ, В., КИЛЬЧЕВСКІЙ В. и друг. Организация мѣстныхъ кооперативныхъ курсовъ. М. 1917. Ц. 2 р. 75 к.	ТЫРКОВА, А. В. Увѣчные войны. Пгр. 1917 г. Ц. 10 к.
НАШИ ВРАГИ. Обзоръ дѣйствій чрезвычайной слѣдственной комиссіи съ 1-го	ЧУКОВСКІЙ, К. Англія наканунѣ побѣды. Петроградъ. 1917. Ц. 1 р. 50 к.

Искусство.

- ФУКСЪ, Э. Иллюстрированная исторія эротическаго искусства. М. 1914 г. Ц. 10 р.

Естествознаніе и математика.

ЕЖЕГОДНИКЪ Императорскаго Русскаго Астрономическаго общества. Пгр. 1917 г. Ц. 50 к.	РЕФОРМАЦІЙ, С. Начальный курсъ органической химіи. XII изд. К. 1917 г. Ц. 2 р. 75 к.
ОСИПОВЪ, И. Введеніе въ наученіе органической химіи. Изд. VI. Харьковъ. 1917. Ц. 3 р. 25 к.	РЫНИНЪ, Н. Начертательная геометрія, Пгр. 1917 г. Ц. 3 р.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

МАТЕРІАЛЫ по исторіи и современному состоянію стекольной промышленности въ Россіи. Вып. I. Пгр. 1915 г. Ц. 75 к.	— То же, вып. II. Пгр. 1915 г. Ц. 3 р. 50 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

АНИЧКОВЪ, И. Обзоръ помѣщичьихъ усадебъ Новгородской губерніи. Пгр. 1916 г. Ц. 75 к.	торъ завода Холтъ, описаніе и уходъ за нимъ. Пгр. 1917 г. Ц. 2 р.
БЪЛЯНЧИКОВЪ, П. Гусеничный тракторъ завода Холтъ, описаніе и уходъ за нимъ. Пгр. 1917 г. Ц. 2 р.	ЛИСЯНСКІЙ Г. Бесѣды по пчеловодству. К. 1916 г. Ц. 2 р.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

БОШКО, В. Къ вопросу объ устройствѣ домовъ и поселковъ для желѣзнодорожн. служащихъ и рабочихъ. К. 1916 г. Ц. 75 к. ВЫШИНСКІЙ, П. С. Альбомъ шрифтовъ. Пропись для техникувъ. Изд. VI. Пгр. 1917 г. Ц. 2 р. 50 к. КАНДАУРОВЪ, П. Мостъ черезъ Орѣховую балку на линіи Рудаково-Лихая, Сѣверо-Донецкой ж. д. Пгр. 1917 г. Ц. 50 к. — Производство земляныхъ работъ машинами на Сѣверо-Донецкой жел. дор. Пгр. 1916 г. Ц. 1 р.	— Состоятеленъ ли проектъ инженера В. Н. Авдѣва о постройкѣ перевальной дороги на Кавказѣ. Пгр. 1917 г. Ц. 30 к. НЕЙМАНЪ, Ф. Токарное дѣло по металлу. Петроградъ. 1917. Ц. 3 р. ПАТОНЪ, Е. Къ вопросу о разборныхъ желѣзныхъ мостахъ. К. 1917 г. Ц. 2 р. — Примѣры расчета деревянныхъ мостовъ. Изд. IV. 1917 г. Ц. 3 р. ПОЛЕВИЦКІЙ, Б. Ирж.-электр. Современное состояніе техники двигателей внутренняго горѣнія. Пгр. 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

ЛОЗИНСКІЙ, А. А. Д-ръ мед. Бальнеологія практич. врача. Руков. для врачей. Съ 13 рис. въ текстѣ. Ч. I. Общая бальнеологія и бальнеотерапія. Пгр. 1916 г. Ц. 5 р. 50 к.	РОГАЧЕВСКІЙ, А. Анапа и ея цѣлебныя силы. Пгр. 1917 г. Ц. 1 р. ФИШЕНЗОНЪ, Е. Огнестрѣльные раненія легкихъ. В. 1916 г. Ц. 1 р.

Военное и морское дѣло.

- РЕЙНАКЪ, ЖОЗЕФЪ. Война на западномъ фронтѣ. Пгр. 1916 г. Ц. 4 р.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

ГЛАДКІЙ, А. К. Къ вопросу о преподаваніи русской литературы въ средней школѣ. Пгр. 1917 г. Ц. 20 к. ДОРОШКЕВИЧЪ, А. Опытъ методическаго построенія урока словесности. Пгр. 1917 г. Ц. 20 к. КРАУЗЪЕ, А. Новый учебникъ французскаго языка. Изд. II. Петроградъ. 1917. Ц. 1 р. 30 к.	МИРЛЕСЪ, А. Темникъ - Хрестоматія «Важнѣйшія темы». т. I, Изд. VII. К. 1917 г. Ц. 2 р. ПОЛЯКОВЪ, С. Къ вопросу о реформѣ средней школы. Т. 1917 г. Ц. 60 к. ТИМОФЕЕВЪ, М. И. Планъ уроковъ обученія грамотѣ. Изд. II. Од. 1917 г. Ц. 40 коп. — Что рассказывала мамаша о полезныхъ вешахъ. Пгр. 1917 г. Ц. 1 р. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина— „Новое Время“

поступила въ продажу новая книга:

В. СЕНАТОВЪ.

Вавилонъ, Израиль и Германія

(Историко-философское объясненіе современной войны).

Цѣна 75 коп.

1/420*

Вышла въ свѣтъ и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ
НОВАЯ КНИГА:
ПРОЛОГЪ
РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ
Матеріалы изъ архива
графа С. Ю. Витте
съ предисловіемъ и подъ редакціей Б. Б. ГЛИНСКАГО.
Цѣна 3 рубля.
Съ требованіями обращаться въ Акціонерное Общество «Брокгаузъ-
Ефронъ»
Петроградъ, Прачешный пер., 6.

НОВАЯ КНИГА:
И. Б. Смольяниновъ.
НЕЗАМѢТНЫЕ
(ВОЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ).
Съ 2 рисунками Н. И. КРАВЧЕНКО и 15 фотографіями.
Цѣна 2 рубля.
Изданіе М. А. Суворина.
Продается въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени»
и на станціяхъ жел. дор.

Тип. Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Петроградъ, Эртелевъ, 13.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петроградѣ, при книжномъ магазинѣ Т-ва „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Подробныя свѣдѣнія о подпискѣ на 1915 г. см. впереди текста.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя **Бориса Борисовича Глинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

За перемѣну адреса съ городского на иногородный подписчики уплачиваютъ 1 р., въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный и иногороднаго на городскій) 25 коп.

Издатели: наслѣдники А. С. Суворина

въ лицѣ Б. Б. Глинскаго.

Редакторъ Б. Б. Глинскій.

Тарифъ на объявленія: впереди текста за страницу 80 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 45 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 25 р.; позади текста за страницу 60 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 35 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 20 р.

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

МАЙ—ІЮНЬ 1917 г.

	СТРАН.
Къ читателямъ.	VII
О подвигахъ русскаго солдата въ XIX столѣтіи и о его любви къ родинѣ. Вел. Кн. Николай Михайловичъ.	I—XVI
Историческая лѣтопись	XVII—LXVIII
I. Шлиссельбургская трагедія. (Историческій романъ). Часть II. I—VI. (Окончаніе). Левъ Ждановъ.	305
II. Воспоминанія К. А. Манна. X. (Продолженіе)	340
III. Свѣтлый ключъ. (Разсказъ). А. Н. Догановичъ.	353
IV. Среди отошедшихъ. XII—XVI. (Продолженіе). Р. И. Сементовскій	382
V. Встрѣчи съ С. Н. Шубинскимъ. А. Сиверскій.	398
VI. Петергофское совѣщаніе о проектѣ Государственной Думы подъ личнымъ его императорскаго величества предсѣдательствомъ. (Секретные протоколы).	402
VII. Третье отдѣленіе. (Отрывокъ изъ воспоминаній). И. Д. Зубаревъ.	428
VIII. Хозяинъ Москвы. (Изъ недавняго прошлаго). Кн. Б. А. Щетининъ.	447
IX. И. Д. Сытинъ. (Къ 50-лѣтію его издательской дѣятельности). Д. А. Масляненко.	458
X. Бытовые пейзажи. А. И. Фаресовъ.	479
XI. Памяти Н. К. Мельникова-Сибиряка. (Изъ личныхъ воспоминаній). Баронъ Н. В. Дризень.	518
XII. Два письма. 1) Къ убійству 11 марта 1801 года; 2) Къ характеристикѣ Императора Александра I. Вел. Кн. Николай Михайловичъ.	523
XIII. Въ гостяхъ у австралийцевъ. V—VIII. (Окончаніе). Проф. А. П. Печасвъ.	563
иллюстраціи: 1) Гавань Сидней.—2) Университетъ въ Сидней.—3) Австраліискій аборигентъ.—4) Цивилизованная аборигентка.—5) Голубыя горы.—6) Брисбавъ.	

(См. слѣд. стран.)

XIV. Критика и библиографія. 604

- 1) Описание дѣлъ архива министерства народнаго просвѣщенія подъ редакціей заслуженнаго профессора С. Ѳ. Платонова и начальника архива министерства А. С. Николаева. Т. I. Петроградъ. 1917. в. Грибовскій.—2) Невскій альманахъ. Выпускъ второй. «Изъ прошлаго» (писатели, художники, артисты). Жертвамъ войны. Петроградъ. 1917. б. г.—3) Бывш. іер. Иллѣодоръ (Сергій Труфановъ). Святой чортъ (Записки о Распутинѣ). Съ предисловіемъ С. П. Мельгунова. Изданіе журнала «Голосъ Минувшаго». Москва. 1917. а.—4) Русскій биографическій словарь. Герберскій Гогенлов. Изданіе императорскаго русскаго историческаго общества. Москва. 1916. е. ш.—5) Сборникъ статей, посвященныхъ Александру Сергѣевичу Лаппо-Данилевскому. Томъ XXI сборника историческаго общества при Петроградскомъ университетѣ. Петроградъ. 1916 г. п. майновъ.—6) Древности, Труды императорскаго московскаго археологическаго общества. Томъ XXV, изданный подъ редакціей А. В. Орѣшникова. Москва. 1916. а. Захаровъ.—7) Труды Курской губернской ученой архивной комиссіи. Выпускъ II, изданъ на средства капитала имени учредителя комиссіи Н. Н. Гордѣева. 1916. а. танковъ.—8) П. О. Потаповъ. Изъ исторіи русскаго театра. Жизнь и дѣятельность В. А. Озерова. Одесса. 1916. і. Валедисскій.—9) Юрій Соболевъ. Автографъ Чеховъ. Неизданные страницы. Ки-во «Сѣверные Дни». Москва. 1916. д. м-но.—10) Гр. А. А. Мусинъ-Пушкѣвъ. Н. И. Пироговъ, какъ педагогъ. Пгр. 1916. а. малимовъ.—11) Д. А. Жариновъ, Н. М. Никольскій, С. И. Радцигъ и В. Н. Стерлинговъ. Древній міръ въ памятникахъ его письменности. Часть II. Греція. Изданіе т-ва «Міръ». М. 1917. а. м-нъ.—12) А. С. Вязигинъ, профессоръ императорскаго харьковскаго университета — Documenta historiae medii aevi illustrantia. Fasciculus tertius. Пособія къ лекціямъ и практическимъ занятіямъ по исторіи среднихъ вѣковъ. Изданіе историко-фил. факультета Харьковск. университета. Харьковъ. 1916. м. Бороздинъ.—13) Священникъ Василій Соколовъ. «Леонтій Византійскій». Его жизнь и литературные труды. Опытъ церковно-исторической монографіи. Сергіевъ посадъ. 1916. е.—14) «На Багдакахъ». Статьи, путевые очерки. В. В. Водозовъ. Издательство «Огни». Петроградъ. 1917. б. Гурьевъ.—15) К. Чуковский. Англія наканунѣ побѣды. Изданіе т-ва А. Ф. Марксъ. Петроградъ. п. Васильевскій.—16) Двадцать пять лѣтъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Выпускъ I. Изъ воспоминаній старожилъ. Юрьевъ. 1916. н.—17) Петроградскій мировой судъ за 50 лѣтъ 1866—1916. Томы I и II. Пгр. 1916. т. м.

XV. Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника» 627

XVI. Новости исторіи. Е. С. Шумигорскій. 629
Распутинъ въ судьбахъ православной церкви.

XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи 639

- 1) Воспоминаніе о Тургеневѣ.—2) Рейнъ—германская рѣка или французская?—3) Изъ воспоминаній о лордѣ Китченерѣ.—4) Исламъ, пантуркизмъ и арабы.—5) Лондонскіе кафе XVII вѣка.—Англійскіе социалисты и война.

XVIII. Смѣсь 655

- 1) О русскомъ государственномъ гербѣ и національномъ флагѣ.—2) Архивъ департамента полиціи.—3) Разрушеніе памятниковъ Екатерины II и Николая I.—4) Сохраненіе предметовъ царскихъ побѣдъ.—5) 35-лѣтіе учено-литературной дѣятельности И. А. Шляпникова.—6) Освободительный памятникъ М. В. Родзинко въ Екатеринославѣ.—7) Памятникъ героямъ-борцамъ.—8) Неудобная историческая надпись.—9) Документы о польскомъ возстаніи.—10) Архивъ «Народной Воли».—11) Память борцовъ за свободу.—12) Союзъ російскихъ архивныхъ дѣятелей.

XIX. Некрологи. 661

- 1) Ватуевъ, Н. А.—2) Бухъ, Л. К.—3) Гольцельнъ, В. А.—4) Ефронъ, И. А.—5) Забудскій, Н. А.—6) Зерновъ, Д. Н.—7) Зиновьевъ, Н. А.—8) Кернигъ, В. М.—9) Клокачевъ, П. Н.—10) Клоссовскій, А. В.—11) Комаровъ, Н. П.—12) Кротковъ, А. С.—13) Косычъ, А. И.—14) Лазурскій, А. Ф.—15) Левшина (Маръ), А. Я.—16) Матъ, В. В.—17) Никифоровъ, Л. П.—18) Никольскій, Н. М.—19) Огулевичъ, Б. Я.—20) Олавъ, В. Я.—21) Ратнеръ, М. В.—22) Соколовъ, В. Д.—23) Цатуринъ, А.—24) Цебрикова, М. К.

Приложенія: 1) Портретъ Ивана Дмитриевича Сытина.—2) Въ шатрахъ Ке дара. Историческій романъ Генри Ситонъ-Мерримена. Переводъ съ англійскаго А. Б. Михайлова. XVI—XVIII.

СОДЕРЖАНІЕ СТО СОРОКЪ ВОСЬМОГО ТОМА.

АПРѢЛЬ, МАЙ—ІЮНЬ 1917 года.

СТРАН.

Агонія стараго режима. (По приставакимъ донесеніямъ и показаніямъ свидѣтелей). Н. Ѳ. Анаѣмовъ	V—XXIX
Историческая лѣтопись	XXX—XLVIII, XVII—LXVIII
Шлиссельбургская трагедія. (Историческій романъ). Часть I. VI—VII, Часть II. I—VII. (Окончаніе). Льва Жданова	1, 305
Воспоминанія К. А. Манна . VIII—X. (Продолженіе).	22, 340
Устроители дѣль. (Изъ галереи современныхъ типовъ). (Повѣсть). В. В. Уманова-Каплуовскаго	42
Дипломатическіе переговоры относительно предлагаемаго брака великой княжны Ольги Николаевны съ австрійскимъ эрцгерцогомъ Стефаномъ (1835—1845 гг.). Влад. Серебrenикова	78
иллюстраціи: 1) Великая княжна Ольга Николаевна.—2) Карлъ, принцъ Вюртембергскій, шефъ драгунскаго Нижегородскаго полка.—3) Стефанъ, эрцгерцогъ австрійскій.—4) Альбертъ, эрцгерцогъ австрійскій.	
Среди отошедшихъ. (Изъ моихъ воспоминаній). VIII—XVI. (Продолженіе). Р. И. Сементковскаго	115, 382
Личность Николая II и Александры Ѳедоровны по свидѣтельствамъ ихъ родныхъ и близкихъ. (Газетные матеріалы).	144
Гдѣ тѣни, тамъ и свѣтъ. Евгеніи Козеко	192
иллюстраціи: Князь С. С. Абамелекъ-Лазаревъ.	
Дорогая тѣнь. (Отрывки изъ воспоминаній о Ю. Д. Бѣляевѣ). А. А. Плещеева	201
иллюстраціи: ВЪСТЪП. , МАЙ—ІЮНЬ 1917 г., т. XLVIII.	1

Курортъ въ Жегуляхъ. Проф. Н. Н. Оглоблина.	210
Въ гостяхъ у австралийцевъ. А. Н. Нечаева. (Окончаніе)	222, 568

Иллюстраціи: 1) Главная улица въ Аделаидѣ.—2) Ботаническій садъ въ Аделаидѣ.—3) Центральныи вокзалъ въ Мельбурнѣ.—4) Читальный залъ публичной бібліотеки въ Мельбурнѣ.—5) Элементарная школа.—6) Урокъ на открытомъ воздухѣ.

Къ читателямъ. Редакція.	VII
----------------------------------	-----

О подвигахъ русскаго солдата въ XIX столѣтіи и о его любви къ родинѣ. Вел. Кн. Николая Михайловича.	I—XVI
---	-------

Свѣтлый ключъ. (Разсказъ). А. Н. Догановичъ.	353
--	-----

Встрѣчи съ С. Н. Шубинскимъ. А. Сиверскаго.	398
---	-----

Петергофское совѣщаніе о проектѣ Государственной Думы подъ личнымъ его императорскаго величества предсѣдательствомъ. (Секретныя протоколы).	402
---	-----

Третье отдѣленіе. (Отрывокъ изъ воспоминаній). И. Д. Зубарева.	428
--	-----

Хозяинъ Москвы. (Изъ недавняго прошлаго). Кн. Б. А. Щетинина.	447
---	-----

И. Д. Сытинъ. (Къ 50-лѣтію его издательской дѣятельности). Д. А. Масляенка.	458
---	-----

Бытовые пейзажи. А. И. Фарсова.	479
---	-----

Памяти Н. К. Мельникова-Сибиряка. (Изъ личныхъ воспоминаній). Барона Н. В. Дризена.	518
---	-----

Два письма: 1) Къ убійству 11 марта 1801 года; 2) Къ характеристикѣ Императора Александра I. Вел. Кн. Николая Михайловича.	528
--	-----

Критика и бібліографія	251, 604
----------------------------------	----------

1) Николай Морозовъ. Повѣсти моей жизни. Томъ первый. М. 1916. Б. глинистаго.—2) В. Азбукинъ. И. А. Гончаровъ въ русской критикѣ (1847—1912). Орелъ. 1916 г. в. мн.—3) Д. К. Зеленинъ. Очерки русской миеологии. Вып. первый. Умершіе неестественной смертью и русальи. Прг. 1916. —ова.—4) Ф. А. Рязановскій. «Демонология въ древне-русской литературѣ». М. 1916. (Изъ записокъ Имп. моск. археол. института) Александра Тимянова.—5) А. Н. Шипинъ. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. Редакція и примѣчанія Г. В. Вернадскаго. Петроградъ. 1916 г. тира сомоловской.—6) «Русскій экскурсантъ». Журналъ родино-вѣдѣнія и экскурсіоннаго дѣла. Годъ третій. №№ 1—2, 3, 4, 5, 6. 1916 г. Редакторы П. А. Критскій, Н. Г. Первухинъ, Н. С. Соколовъ. Ярославль. А. Малимова.—7) П. М. Вицилинъ. «Салимбене» (очерки итальянской жизни XIII вѣка). Одесса. 1916. Л. Марсавина.—8) И. А. Аксеновъ. «Елизаветинцы». Выпускъ первый. Москва. 1916. д. м.—на.—9) «Временникъ». Вып. I. Изданіе Сѣвернаго кружка любителей изящныхъ искусствъ. Вологда. 1916. н. с.—10) Ф. Ф. Аристовъ. Карпаторусскіе писатели. Писль-

дованіе по неизданнымъ источникамъ, въ трехъ томахъ. Томъ первый. Москва. 1916. 32 портрета. Адриана Копытскаго.—11) В. Н. Ширяевъ. Взятничество и лиходательство въ связи съ общимъ ученіемъ о должностныхъ преступленіяхъ. Уголовно-юридическое изслѣдованіе. Ярославль. 1916. н. н.—12) Труды вятской ученой архивной комисіи. 1916 г. Выпускъ I и II. Вятка. 1916. м.—13) Описаніе дѣлъ архива министерства народнаго просвѣщенія подъ редакціей заслуженнаго профессора С. Ө. Платонова и начальника архива министерства А. С. Николаева. Т. I. Петроградъ. 1917. в. Грибовскаго.—14) Невскій альманахъ. Выпускъ второй. «Изъ прошлаго» (писатели, художники, артисты). Жертвамъ войны. Петроградъ. 1917. б. г.—15) Бывш. іер. Илліодоръ (Сергій Труфановъ). Святой чортъ. (Записки о Распутинѣ). Съ предисловіемъ С. П. Мельгунова. Изданіе журнала «Голосъ Минувшаго». Москва. 1917. а.—16) Русскій біографическій словарь. Герберскій Гогенлоэ. Изданіе императорскаго русскаго историческаго общества. Москва. 1916. е. ш.—17) Сборникъ статей, посвященныхъ Александру Сергѣевичу Лаппо-Даннлевскому. Томъ XXI сборника историческаго общества при Петроградскомъ университетѣ. Петроградъ. 1916 г. п. Майнова.—18) Древности, Труды императорскаго московскаго археологическаго общества. Томъ XXV, изданный подъ редакціей А. В. Орѣшникова. Москва. 1916. а. Захарова.—19) Труды Курской губернской ученой архивной комисіи. Выпускъ II, изданъ на средства капитала имени учредителя комисіи Н. Н. Гордѣва. 1916. а. Таннова.—20) П. О. Потаповъ. Изъ исторіи русскаго театра. Жизнь и дѣятельность В. А. Озерова. Одесса. 1916. і. Валединскаго.—21) Юрій Соболевъ. Антонъ Чеховъ. Неизданные страницы. Кн-во «Сѣверные дни». Москва. 1916. д. м.—на.—22) Гр. А. А. Мушинъ-Пушкинъ. Н. И. Пурговъ, какъ педагогъ. Пгр. 1916. а. Налимова.—23) Д. А. Жариновъ, Н. И. Никольскій, С. И. Радцигъ и В. Н. Стерлиговъ. Древній міръ въ памятникахъ его письменности. Часть II. Греція. Изданіе т-ва «Міръ». М. 1917. а. м.—на.—24) А. С. Вазигинъ, профессоръ императорскаго харьковскаго университета— Documenta historie medii aevi illustrantia. Fasciculus tertius. Пособія къ лекціямъ и практическимъ занятіямъ по исторіи среднихъ вѣковъ. Изданіе историко-фил. факультета Харьковскаго университета. Харьковъ. 1916. и. Бороздина.—25) Священникъ Василій Соголовъ. «Леонтій Византійскій». Его жизнь и литературные труды. Опытъ церковно-исторической монографіи. Сергѣевъ посадъ. 1916. е.—26) «На Балканахъ». Статьи, путевые очерки. В. В. Водовозовъ. Издательство «Огни». Петроградъ. 1917. б. Гурьева.—27) К. Чуковский. Англія накануне побѣды. Изданіе т-ва А. Ф. Марксъ. Петроградъ. п. Васильювскаго.—28) Двадцать пять лѣтъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Выпускъ I. Изъ воспоминаній сторожила. Юрьевъ. 1916. н.—29) Петроградскій мировой судъ за 60 лѣтъ 1866—1916. Томы I и II. Пгр. 1916. т. м.

Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника»	269, 627
Новости исторіи. Е. С. Шумигорскаго.	629
Распутинъ въ судьбахъ православной церкви.	
Заграничныя историческія новости и мелочи	272, 639

1) Д. Н. Толстой и война.—2) Налогъ на людское тщеславіе.—3) До-историческая стадія восточнаго вопроса.—4) Изъ воспоминаній зарубежной публицистки.—5) Венеція во время войны.—6) Казнь миссъ Эдиты Каведль.—7) Воспоминаніе о Тургеневѣ.—8) Рейнъ—германская рѣка или французская?—9) Изъ воспоминаній о лордѣ Китченерѣ.—10) Исламъ, пантуркизмъ и арабы.—11) Лондонскіе кафе XVII вѣка.—12) Англіяскіе социалисты и война.

1) Годовое засѣданіе Географическаго общества.—2) Рѣдкое начинаніе академіи наукъ.—3) Годовое собраніе художниковъ.—4) Новый сѣятой.—5) Музей Революціи.—6) Виблотека Академіи Наукъ.—7) Изученіе Бухарскаго ханства.—8) Петроградскій отдѣлъ варшавскаго общества охраненія древностей.—9) О русскомъ государственномъ гербѣ и національномъ флагѣ.—10) Архивъ департамента полиціи.—11) Разрушеніе памятниковъ Екаторины II и Николай I.—12) Сохраненіе предметовъ царскихъ поѣздовъ.—13) 35-лѣтіе учено-литературной дѣятельности И. А. Шляпкина.—14) Освободительный памятникъ М. В. Родзянко въ Екатеринославѣ.—15) Памятникъ героямъ-борцамъ.—16) Неудобная историческая надпись.—17) Документы о польскомъ возстаніи.—18) Архивъ «Народной Воли».—19) Память борцамъ за свободу.—20) Союзъ российскихъ архивныхъ дѣтелей.

1) Алексѣенко, М. М.—2) Березовскій, В. А.—3) Бобылевъ, Д. К.—4) Бутовскій, А. Д.—5) Далматовъ, И. С.—6) Ерощенко, Н. М.—7) Забѣло, П. П.—8) Звѣревъ, Н. А.—9) Зиновьевъ, И. А.—10) Кульбинъ, Н. И.—11) Москалевъ, А. В.—12) Пранайтисъ, Ю.—13) Покровскій, Н. В.—14) Попруженко, М. Г.—15) Святскій, Н. П.—16) Смородиновъ, В. Г.—17) Смигиревскій, А. В.—18) Стефанисъ, Ф. А.—19) Толь, С. Д.—20) Фидлеръ, Ф. Ф.—21) Шабать, И. А.—22) Эттингеръ, К. Я.—23) Батуевъ, Н. А.—24) Бухъ, Л. К.—25) Гольстейнъ, В. А.—26) Ефронъ, И. А.—27) Забудскій, Н. А.—28) Зерновъ, Д. Н.—29) Зиновьевъ, Н. А.—29) Кернигъ, В. М.—30) Клокачевъ, П. Н.—31) Клоссовскій, А. В.—32) Комаровъ, Н. П.—33) Кротковъ, А. С.—34) Косычъ, А. И.—35) Лазурскій, А. Ф.—36) Левшина (Моръ), А. Я.—37) Матъ, В. В.—38) Никифоровъ, Л. П.—39) Никольскій, Н. М.—40) Огулевичъ, В. Я.—41) Олавъ, В. Я.—42) Ратнеръ, М. В.—43) Соколовъ, В. Д.—44) Цатуряръ, А.—45) Цебрикова, М. К.

Приложенія: Портреты: 1) Великаго князя Дмитрія Павловича.—2) Ивана Дмитріевича Сытина.—3) Въ шатрахъ Кедара. Историческій романъ Генри Ситонъ-Мерримена. Переводъ съ англійскаго А. В. Михайлова, XVI—XVIII.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

А. И. Фаресова:

„НАРОДЪ и ТРЕЗВОСТЬ“

(Путевыя картины).

Страницъ 369.

Цѣна 2 рубля.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПРОДАЕТСЯ
ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ Т-ва А. С. Суворина— „Новое Время“

КНИГА

Б. Б. ГЛИНСКАГО:

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ ПЕРІОДЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ (1861—1881 гг.)

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Съ портретами и иллюстраціями. Цѣна за обѣ части 5 р. 50 к.

Въ этой книгѣ изложены историческія событія въ Россіи послѣ освобожденія крестьянъ и вплоть до мученической кончины Императора Александра II. Въ первой части авторъ слѣдитъ за рожденіемъ оппозиціи внутренней политикѣ правительства и по преимуществу сосредоточиваетъ свое вниманіе на борьбѣ либеральныхъ общественныхъ элементовъ съ консервативными тенденціями правящихъ сферъ. Событія революціоннаго порядка отмѣчаются, какъ явленія единичныя, безъ поддержки ихъ значительнымъ количествомъ соучастниковъ. Во второй части передъ читателями развертывается дѣятельность «землевольческихъ» и «народовольческихъ» группъ, и на сцену выступаютъ фанатизированные террористы, жертвою преслѣдованія со стороны которыхъ является Царь-Освободитель. Обѣ части книги обильно иллюстрированы портретами русскихъ государственныхъ, общественныхъ и революціонныхъ дѣятелей второй половины XIX вѣка.

ТОГО ЖЕ АВТОРА продается книга:

БОРЬБА ЗА КОНСТИТУЦІЮ

(1612—1861 гг.).

Историческіе очерки

СЪ ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

Цѣна 3 р. 50 коп.

Вышла въ свѣтъ и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ

новая книга:

ПРОЛОГЪ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

Материалы изъ архива

графа С. Ю. Витте

съ предисловіемъ и подъ редакціей Б. Б. ГЛИНСКАГО.

Цѣна 3 рубля.

Съ требованіями обращаться въ Акціонерное Общество «Брокгаузъ-Ефронъ»

Петроградъ, Прачешный пер., 6.

НОВАЯ КНИГА:

И. Б. Смольяниновъ.

НЕЗАМѢТНЫЕ

(ВОЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ).

Съ 2 рисунками Н. И. КРАВЧЕНКО и 15 фотографіями.

ЦѢНА 2 рубля.

Изданіе М. А. Суворина.

Продается въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени»
и на станціяхъ жел. дор.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Собрание представителей петроградскихъ журналовъ, обсудивъ создавшіяся при современныхъ обстоятельствахъ условія изданій, вынуждено было признать, что современные выпуски очередныхъ номеровъ журнала встрѣчаютъ почти непреодолимый препятствія. Общій кризисъ, вызвавшій закрытіе многихъ торгово-промышленныхъ предприятий, повлекъ за собой и прекращеніе дѣятельности многихъ типографій въ Петроградѣ. Вслѣдствіе этого, а также въ виду небывалаго накопленія срочныхъ типографскихъ работъ по изготовленію цѣлаго ряда новыхъ періодическихъ изданій, политическихъ брошюръ, агитаціонной литературы, избирательныхъ списковъ и проч., работающія типографіи завалены срочными заказами. Съ другой стороны, въ исполненіи работъ нерѣдко происходятъ задержки въ виду недостатка топлива, техническихъ средствъ, а сокращеніе рабочаго времени въ типографіяхъ и обнаружившаяся въ большинствѣ изъ нихъ дезорганизація рѣзко понизили ихъ производительность и не даютъ никакой возможности гарантировать своевременное изготовленіе очередныхъ выпусковъ журналовъ къ заранѣе опредѣленному сроку.

Не менѣе серьезными представляются и затрудненія финансоваго характера. Повышеніе стоимости изданія, подъ давленіемъ непрекращающихся требованій рабочихъ, едѣладо за послѣдніе два мѣсяца и безпрестанно продолжаетъ дѣлать такіе рѣзкіе и быстрые скачки кверху, которые, совершенно выходя за предѣлы человѣческаго предвидѣнія, превращаютъ условія, имѣвшіяся въ виду редакціями при объявленіи подписки на текущій годъ, въ анахронизмъ. Изъ справокъ, предъявленныхъ отдѣльными изданіями оказывается, напр., что наборъ листа, обходившійся до войны въ среднемъ въ 20 рублей и еще къ 1 апрѣля с. г. стоившій 45 рублей, теперь оплачивается ста шестьюдесятью двумя рублями; печатаніе, стоившее раньше 8 рублей теперь обходится въ 40 рублей;

VIII

фальцовка съ 1 руб. 25 коп. за тысячу листовъ поднялась до 5 рублей. Въ такой же приблизительно пропорціи (на 300, 400, 500%) возросли за послѣдніе два мѣсяца и цѣны на другія работы по изданію брошюровочныя, переплетныя и др.; сюда же слѣдуетъ отнести и рѣзкій подъемъ цѣнъ на бумагу, вознагражденіе служащихъ и т. д.

Испытывая серьезную тревогу по поводу самой возможности продолжать изданіе вообще при подобныхъ условіяхъ, представители журналовъ намѣтили рядъ мѣръ къ устраненію и ослабленію отмѣченныхъ затрудненій въ области журнальнаго издательства. Впредь же до улучшенія нынѣшнихъ невозможныхъ условий печатанія, они признали единственно возможнымъ выходомъ изъ создавагося положенія временное сокращеніе обычнаго объема изданій и соединеніе двухъ или болѣе послѣдовательныхъ номеровъ въ одинъ.

ИВАНЪ ДМИТРИЕВИЧЪ СЫТИНЪ.

О ПОДВИГАХЪ РУССКАГО СОЛДАТА ВЪ XIX СТОЛѢТІИ И О ЕГО ЛЮБВИ КЪ РОДИНѢ.

ОСЛѢДНЕЕ время много говорятъ объ отсутствіи у насъ на Руси настоящаго патриотизма, такого здороваго, какъ, напримѣръ, въ Англіи, глубоко осмысленнаго, какъ въ Германіи и особенно восторженнаго во Франціи. Многие доходили до самыхъ невѣроятныхъ выводовъ, отрицая чувство любви къ родинѣ у русскаго крестьянина, объясняя это явленіе невѣжествомъ русскаго мужика вообще и отсутствіемъ привязанности къ своей землѣ. Такъ ли это въ дѣйствительности и существуетъ ли вообще такой индифферентизмъ въ народныхъ массахъ? Иностранцы даже особенно подчеркивали этотъ особый фатализмъ нашего простолюдина, выражавшійся въ постоянныхъ отвѣтахъ на всѣ задаваемые вопросы словомъ «ничего», и въ этомъ словѣ искали залогъ храбрости русскаго крестьянина, и вполне безразличное отношеніе ко всему окружающему, а въ частности, и къ своей родинѣ. Эти мнѣнія давно распространялись и донинѣ существуютъ, благодаря полному незнанію быта простолюдина и непониманію души русскаго человѣка—не интеллигента. Постараюсь доказать исключительно историческими примѣрами, до чего такое мнѣніе голосовно и несправедливо относительно русскаго человѣка, но до извѣстной степени вѣрно, если оно касается нѣкоторой части нашей интеллигенціи и, особенно, всего бюрократическаго люда, не исключая и слоевъ нашего дворянства. Кромѣ того, Россія до того обширна и велика по своимъ географическимъ предѣламъ, заключаетъ въ себѣ столько элементовъ населенія

«ИСТОР. ВѢСТН.», МАЙ—ІЮНЬ 1917 г., т. СХLVIII.

I

и на сѣверѣ, и на югѣ, и на востокѣ, и на западѣ не русскаго происхожденія, что нельзя обобщать, какъ это часто дѣлають иностранные писатели, а еще болѣе сравнивать съ населеніемъ Англіи, Германіи и Франціи, которое однородно. До-Петровская Россія была по составу своего населенія однообразна; затѣмъ при Петрѣ и до царствованія Екатерины II включительно она значительно расширилась новыми приобрѣтеніями, но русское ядро осталось нетронутымъ, и именно оно давало изъ своей среды контингенты воиновъ въ теченіе всего XVIII и XIX столѣтій, включая и все казачество отъ береговъ Дона до Урала и отъ Терека и Кубани до Астрахани и Оренбурга.

Европа впервые обратила свое благосклонное вниманіе на Россійское государство еще при царѣ Иоаннѣ III, когда къ намъ пожаловали первые итальянцы, но начала особенно интересоваться Россіей со времени Петра Великаго, когда впервые стали перебираться къ намъ иностранцы, и эта перекочевка иноземцевъ продолжалась въ теченіе всего XVIII столѣтія при правленіяхъ женщинъ-императрицъ, при Екатеринѣ II и всѣхъ ея преемникахъ въ слѣдующемъ XIX столѣтіи. Между тѣмъ вторая половина XVIII и все XIX столѣтіе прошли почти въ непрерывныхъ войнахъ вплоть до незначительной передышки тринадцати лѣтъ царствованія Александра III. Мотивы или поводы въ этихъ войнахъ чаще всего носили характеръ не національной потребности, а личнаго взгляда правителей или правящаго класса, а вовсе не народныхъ вождельній. Лишь одно стремленіе выразилось наглядно, а именно тяготѣніе къ Царьграду и Босфору, которыхъ мы нѣсколько разъ достигали, но какой-то злой рокъ преслѣдовалъ это влеченіе, и мы не сумѣли ни взять, ни удержать того, къ чему русскіе люди всѣхъ слоевъ льнули сотни лѣтъ. Это стремленіе къ выходу изъ закрытаго моря дѣйствительно было народное, но оно исказилось, когда къ нему ни за что, ни про что прицѣпили идею славянскаго объединенія и православія. Потребовались громадныя людскія жертвы, къ сожалѣнію, вполне безплодныя. Но не только были онѣ безплодны, но оказались въ дѣйствительности вредными, т. к. освобождая сперва грековъ, а затѣмъ болгаръ, мы сумѣли озлобить и тѣхъ, и другихъ противъ ихъ же освободительницы—Россіи. Неужели въ этихъ явленіяхъ проявилось отсутствіе патриотизма у русскаго крестьянина! Нѣтъ, это были промахи и роковыя ошибки правящихъ сферъ и тѣхъ личностей, которыя вели иностранную политику Россійскаго Государства въ Петербургѣ и на мѣстахъ, т. е. особой породы людей, которыхъ принято называть дипломатами. Русскіе люди проливали свою кровь, достигая часто блестящихъ результатовъ, а перья дипломатовъ отнимали въ одинъ мигъ все то, что завоевалъ нашъ землепашецъ. Именно у него проявилась на каждомъ

шагу горячая любовь къ родинѣ и ея величію, а у правящихъ лицъ не хватало ни патріотизма, ни умѣнья, а часто и желанія воспользоваться плодами его отваги и его вдохновенія.

Мы задались цѣлью прослѣдить различныя періоды войнъ XIX столѣтія и постараемся это сдѣлать безпристрастно и только на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя дала намъ исторія.

Только окончилось блестящее царствованіе императрицы Екатерины II, продолжавшееся больше тридцати лѣтъ и создавшее ей ореолъ славы во всемъ мірѣ, какъ на престолъ вступилъ человекъ уже въ зрѣлыя лѣта. Павлу шелъ сорокъ третій годъ, но новый самодержецъ былъ ненормальнымъ или полупомѣшаннымъ, и ничего отраднѣе никто не ожидалъ отъ вступленія его на всероссійскій престолъ. Его кратковременное пребываніе на тронѣ своихъ предковъ, его трагическая кончина оправдали все то, что о немъ говорилось раньше, и послѣ четырехъ съ половиной лѣтъ его правленія вырвался только общій вздохъ облегченія, когда онъ погибъ. Но и за этотъ кратковременный срокъ пришлось многое испытать русскому воину. Суворовскій походъ въ Италію на поддержку австрійцевъ служить нагляднымъ примѣромъ безцѣльныхъ кампаній для достиженія еще менѣе понятныхъ результатовъ. Солдаты Суворова, все русскіе по происхожденію, русскіе по духу, безропотно шли въ невѣдомыя страны бороться съ французами, которые въ тѣ времена имъ ничѣмъ не угрожали. Сражались наши молодцы на далекой чужбинѣ и умирали, какъ львы; переносили невѣроятныя физическія трудности, переходя высокія Альпы, обезсмертивъ себя на вѣки на удивленіе всей Европы. И только!

Цѣль войны не оправдывала ни средствъ, ни жертвъ, но пришлось покориться фантазіи умственно больного императора. Въ то же царствованіе тѣ-же герои должны были неожиданно выступить въ походъ въ Индію! Это невѣроятная затѣя была задумана внезапно, безъ всякой предварительной подготовки, и около 25 тысячъ людей, въ большинствѣ донскихъ казаковъ, тронулось въ самое неудобное время, въ распутицу, ранней весной 1801 года (конецъ февраля) къ берегамъ Волги, испытывая самыя невѣроятныя лишенія, чтобы усиленными переходами добраться отъ Волги до береговъ Ганга! Сохранилось много писемъ и предписаній Павла за этотъ періодъ, но я приведу лишь одно, которое достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о ненормальности его умственныхъ способностей. Государь писалъ генералу Орлову: «Василій Петровичъ, посылаю вамъ подробную и новую карту всей Индіи. Помните, что вамъ дѣло до англичанъ только, и миръ со всѣми тѣми, кто не будетъ имъ помогать. И такъ, проходя ихъ, увѣрляйте о дружбѣ Россіи и идите отъ Инда на Гангесъ, и такъ на англичанъ. Мимоходомъ утвердите Бухарію, чтобы китайцамъ не досталась. Въ Хивѣ высвободите столько то тысячъ нашихъ плѣн-

ныхъ подданныхъ. Еслибы нужна была пѣхота, то вслѣдъ за вами, а не иначе, прислать будетъ можно. Но лучше, кабы вы то одни собою сдѣлали. Вамъ благосклонный Павелъ».— И такого рода бредъ сумасшедшаго человѣка приводился немедленно и безропотно въ исполненіе. Но черезъ мѣсяцъ послѣ этого невѣроятнаго повелѣнія монарха,—его не стало. Началась другая эра, столь много обѣщавшая русскому народу и кончившаяся Аракчеевскими военными поселеніями при самомъ любезномъ и активномъ сотрудничествѣ нѣмцевъ. Молодой, обворожительный Александръ Павловичъ вступилъ на престолъ при самыхъ радужныхъ надеждахъ всѣхъ своихъ подданныхъ. Все обновлялось быстро; государя окружали молодые люди, раздѣлявшіе всѣ тѣ либеральныя начала, которыя были преподаны державному юношѣ гражданиномъ свободной Швейцаріи Лагарпомъ.

Казалось, что дѣйствительно послѣ гнета Павловскаго режима наступило пробужденіе, и люди, стоящіе у власти, были вѣрными исполнителями намѣченныхъ разнообразныхъ реформъ. Къ сожалѣнію, скоро пришлось разочароваться не столько сотрудниками, сколько въ самомъ Александрѣ, которому надоѣло внутреннее переустройство Россіи, а больше заинтересовала и привлекла внѣшняя политика. Вліяніе Берлина и Вѣны завершилось кампаніей 1805 года и Аустерлицкимъ пораженіемъ. Началась серія войны, продолжавшаяся почти непрерывно десять лѣтъ, и опять русскому солдату-крестьянину пришлось своей кровью обогрѣвать поля Европы. Ту же ошибку отца въ союзѣ съ Австріей и въ борьбѣ съ Бонапартомъ повторилъ и Александръ. Никакихъ существенныхъ интересовъ Россіи не было затронуто; одно чувство тщеславія заставляло принимать рѣшенія, выгодныя австрійцамъ и пруссакамъ и вредныя для русскаго народа. Но Аустерлицкій урокъ не пошелъ впрокъ и снова на поляхъ Прейсишъ-Эйлау и Фридланда совершились безцѣльные бои подъ предводительствомъ нѣмца изъ Ганновера, Беннигсена, кончившіеся ни въ чью и, даже не спасшія отъ позора пораженія подъ Іеной и Ауерштетомъ Пруссіи и Гогенцолерновъ. Русскіе воины должны были спасать отъ насилія Наполеона именно тѣхъ, которые впослѣдствіи породнились съ русскимъ императорскимъ домомъ и такъ долго и упорно вмѣшивались въ нашу политику. Послѣ похода 1807 года опять была минута пробужденія, и въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ образовался союзъ съ Наполеономъ и Франціей, обѣщавшій дать благіе результаты для Россіи. Но впослѣдствіи стало извѣстно изъ переписки Александра со своей матушкой, что Тильзитскія лобызанія были лишь маской, принятой для того, чтобы, когда настанетъ удобный моментъ, окончательно сломить могущество гениальнаго полководца, приласкавъ его въ достаточной мѣрѣ, чтобы тѣмъ временемъ успѣть подготовиться къ борьбѣ съ нимъ. Тильзитскія бесѣды имѣли лишь значеніе

личныхъ отношеній между монархами—обширной Имперіи и вновь созданной другой Имперіи, воздвигнутой мечомъ и огнемъ на развалинахъ первой великой Революціи. Мы не намѣрены снова разбирать психику Александра и Наполеона въ дни ихъ мнимой дружбы, но на судьбы народовъ и въ частности русскаго и французскаго она имѣла чреватая послѣдствія, эпилогомъ которой явилась Отечественная война. До нея мы воевали въ 1808 и 1809 году со Шведами и приобрѣли Финляндію, а почти одновременно началась война съ Турціей и продолжалась почти три года, съ 1809 по 1812 годъ, не давъ никакихъ особенныхъ результатовъ. Ни та, ни другая не были вовсе популярны, а вызывались лишь политическими цѣлями. Насталъ 1812 годъ. Всѣмъ извѣстенъ подъемъ духа всего русскаго народа, вызванный нашествіемъ иноплеменниковъ во главѣ съ Наполеономъ.

Здѣсь вторично сказался тотъ народный духъ, который впервые проявился во времена Минина и Пожарскаго, когда ляхи хотѣли поработить Московское государство. Два столѣтія духъ этотъ пребывалъ въ полнѣйшей дремотѣ, несмотря на разнородные успѣхи русскаго оружія въ Петровскую эпоху и Екатерининское царствованіе. На сей разъ вся Россія пробудилась и пробудилась настолько, что выгнала всѣ полчища Наполеоновскихъ армій изъ предѣловъ Матушки Руси. Встрепелась наша Родина, когда Наполеонъ вошелъ со своими корпусами въ сожженную Москву, ту Москву, которую цѣнили нашъ народъ уже нѣсколько сотъ лѣтъ. Образовались какъ бы по мановенію ока знаменитыя партизанскіе отряды и ополченія; имена многихъ дотолѣ мало извѣстныхъ военачальниковъ стали національными героями: (Денисъ Давыдовъ, Сеславинъ, Фигнеръ, Дороховъ, братья Иловайскіе, атаманъ Платовъ и другіе); сказали свое слово и пастыри духовные; шли богатыя пожертвованія монастырей; словомъ, стали на ноги и старъ, и младъ. Нѣкоторые мудрые русскіе люди въ лицѣ престарѣлаго Кутузова и желчнаго Ростовчина совѣтовали Александру остановиться на этомъ успѣхѣ и использовать таковой, закрѣпивъ границы нашего отечества, но честолюбіе многихъ и особенно Александра заставили его искать новыхъ лавровъ, чтобы стать великодушнымъ освободителемъ Европы отъ ига ненавистнаго Корсиканца. Но почетное прозвище освободителя Европы звучало какъ-то обидно для Россіи и ея сыновъ.

Судьба династіи Гогенцолерновъ и Габсбурговъ и освобожденіе ихъ отъ вассальства Наполеона, заставившаго и Фридриха-Вильгельма и Франца принять участіе въ нашествіи на Россію, болѣе интересовали Александра Павловича, чѣмъ внутреннее благоустройство его государства послѣ тяжкой години Отечественной войны. Новые рекрутскіе наборы пополнили ряды пол-

ковъ, порѣдѣвшихъ на поляхъ Бородина, Малоярославца, Краснаго и другихъ боевъ, и они должны были двинуться въ новый походъ, окончившійся только лишь въ 1815 году послѣ Ватерло. На сей разъ въ союзѣ съ вѣроломными австрійцами и неблагодарными пруссаками русскія войска должны были драться для счастья непрощенныхъ друзей и проливать съ ними вмѣстѣ кровь для освобожденія Австріи и всѣхъ созданныхъ въ Германіи Наполеономъ королевствъ, великихъ герцогствъ и всякихъ мелкихъ владѣтельныхъ княжествъ, исключительно во славу русскаго оружія и ради тщеславія Благословеннаго монарха. Сколько погибло нашихъ воиновъ на поляхъ Люцена, Бауцена, Лейпцига, Дрездена, Кульма, Феръ-Шампенуазъ, Монмирайля, Краона и подъ Парижемъ; сколько умерло отъ ранъ и болѣзней на чужбинѣ, и все дѣлалось покорно, съ глубокой вѣрой въ Бога, Царя и на благо родины! На офицерскій составъ нашихъ армій эти двѣ кампаніи 1813 и 1814 годовъ произвели неизгладимое впечатлѣніе. Они увидѣли сравнительное благоустройство европейскихъ монархій; они могли сравнить порядки, заведенные у сосѣдей нѣмцевъ и у враговъ французовъ, со своей отчизной, и первые проблески глубокаго недовольства, душевнаго неудовлетворенія, почувствовали очень многіе, изъ среды которыхъ и вышли злополучные декабристы, идейные борцы, погибшіе или на эшафотѣ или на каторгѣ въ Сибири.

Что-же касается нижнихъ чиновъ, то послѣ походовъ, они снова стали испытывать на своихъ шкурахъ всѣ прелести муштровки съ шпицрутенами, розгами и прохожденіями сквозь строй, а многіе со своимъ потомствомъ попали въ знаменитыя военныя поселенія, чтобы на этой службѣ еще болѣе вкусить пользу тѣлесныхъ наказаній, одинаково любимыхъ безсердечнымъ графомъ Аракчеевымъ и его высочайшимъ другомъ, обворожительнымъ Александромъ I. Для русскаго крестьянства послѣднія десять лѣтъ царствованія Александра Павловича (1815—1825) были сплошной мукой; тѣ, которые оставались въ деревнѣ при крѣпостномъ правѣ, должны были подчиняться всѣмъ прихотямъ и произволу помѣщиковъ; а у тѣхъ, которые попадали на военную службу по рекрутскому набору и служили 25 лѣтъ, жизнь слагалась еще тяжелѣе. Надо только удивляться долготерпѣнію крестьянской среды, которая послѣ Наполеоновской войны и начала тяжелой борьбы на Кавказѣ все безропотно перенесла въ упованіи на болѣе свѣтлое будущее, въ которомъ скоро пришлось разочароваться. Да, нашъ русскій простолюдинъ былъ не развитъ и долгое время оставался такимъ, такъ какъ остальнымъ классамъ населенія, почти безъ различія сословій, было выгодно держать его во мракѣ и темнотѣ, но простолюдинъ продолжалъ любить свою родину и доказалъ свою любовь на дѣлѣ.

Я упомянулъ вскользь о Кавказскихъ войнахъ, окончившихся полнымъ покореніемъ всего Кавказа лишь въ 1864 году, послѣ вѣковой гигантской борьбы не только съ его обитателями, но и съ самой природой края; все это всецѣло принадлежитъ героизму, выносливости и стойкости русскаго солдата и умѣнію нѣкоторыхъ выдающихся военачальниковъ. Грузія присоединилась добровольно къ Россіи въ 1801 году. Затѣмъ послѣдовательно покоряли и умирjali Имеретію, Мингрелію, Абхазію, Сванетію; самая ожесточенная борьба велась въ Чечнѣ и Дагестанѣ, завершившаяся взятіемъ Гуниба и плѣненіемъ послѣдняго имама Шамиля въ 1859 году. Нынѣшнія губерніи Елизаветпольская, Эриванская и Бакинская—всѣ завоеваны русскимъ мечомъ, равно какъ и все Карское плоскогоріе вплоть до Ардагана, Артина и Батумская область (послѣ войны 1877—1878 годовъ). Въ Александровскую эпоху было положено только начало будущихъ завоеваній, но талантливыхъ генераловъ въ ту пору было мало. Одинъ Ермоловъ ярко выдѣлился между всѣми неспособными, вродѣ Кноринга, кн. Цицианова, гр. Гудовича, Торماسова, маркиза Паулуччи и Ртищева, которые не сумѣли проявить ни таланта, ни государственнаго ума, столь необходимаго для покоренія новаго и разноплеменнаго края. А боролся и побѣждалъ все тотъ же русскій солдатъ. За время правленія Россіей Николаемъ Павловичемъ войнъ тоже было немало и всѣ скорѣе безцѣльны, а на третьемъ году царствованія завязалась турецкая война за права грековъ, а также изъ-за захвата Молдавіи и Валахіи, и, несмотря на успѣхи Дибича и взятіе Адрианополя, мы не заняли Царьграда, не покончивъ съ восточнымъ вопросомъ и не разгромивъ окончательно Турціи¹⁾. Въ 1831 году вспыхнуло Польское возстаніе, и мы потеряли не мало людей и крови, чтобы справиться съ храбрыми польскими войсками, предводительствуемыми опытными генералами. Наши военачальники лишній разъ проявили свою бездарность со всѣми этими Толями, Розенами, Ротами, Нейдгардами, Бистромами, Кнорингами, и хотя въ концѣ концовъ Варшава была взята штурмомъ, что дало поводъ дать Паскевичу титулъ князя Варшавскаго, но вражда къ намъ поляковъ стала еще сильнѣе послѣ всѣхъ розовыхъ надеждъ и обѣщаній, данныхъ имъ Александромъ I. Въ 1849 году мы вступились во внутреннія распри венгровъ и австрійцевъ, которые безъ русской поддержки потеряли

¹⁾ По условіямъ заключеннаго мира въ Адрианополѣ, Молдавія, Валахія и Сербія, оставаясь подъ гегемоніей Турціи, пріобрѣтали только самостоятельное управленіе; турецкія крѣпости на лѣвомъ берегу Дуная были срыты; признавалась полная независимость Греціи; открытъ былъ свободный пропускъ для торговыхъ судовъ всѣхъ націй черезъ проливы. Россія получила въ вознагражденіе за военныя издержки Анапу, Поті, Ахалцыхъ, Аухуръ и Ахалкалаки, а также денежную контрибуцію.

бы Вѣну; но, чтобы спасти Габсбурговъ и поддержать монархическій принципъ въ Европѣ послѣ французской революціи 1848 года и крупныхъ безпорядковъ въ Германіи, Николай I двинулъ своихъ богатырей въ Венгрію, которые побѣдоносно усмирили возставшихъ мадьяровъ и навсегда оставили въ ихъ сердцахъ непримиримую вражду къ русскимъ, а австрійцы лишній разъ отблагодарили Россію черной неблагодарностью. Такъ, во имя политики жертвовали жизнями тысячи крестьянъ не только бесплодно, но и вредно для родины. Наконецъ, въ 1853 г. Николай Павловичъ былъ вовлеченъ въ новую войну съ Турціей ловкой политикой лорда Пальмерстона и англійскаго посла въ Стамбулѣ Стратфордъ Редклифъ,¹⁾ которая развернулась въ еще большую борьбу, благодаря поддержкѣ, оказанной Оттоманской Имперіи Англійей, Франціей и Сардиніей. Несмотря на невѣроятное мужество и геройство нашихъ войскъ въ сраженіяхъ подъ Инкерманомъ и Балаклавой, война затянулась значительно осадой Севастополя, создавъ новыхъ героевъ, защищавшихъ столь доблестно и продолжительно эту крѣпость, что подвиги ихъ на вѣки остались записанными на скрижаляхъ исторіи. Севастополь въ концѣ концовъ палъ, и Крымская кампанія была проиграна. Наши удачи на Кавказѣ въ бояхъ подъ Башкадыкларомъ, Кюрюкь-Дара и взятіе Карса не могли спасти положенія. Эта роковая война свела въ могилу Николая Павловича, который ясно отдавалъ себѣ отчетъ въ гибели всей его системы правленія, и еще болѣе доказала до чего довела наши войска и особенно ихъ начальниковъ безтолковая муштровка съ бессмысленными маневрами и парадами, гдѣ палки и розги играли первенствующую роль, а ничего не дѣлалось для здраваго воспитанія и военной подготовки ни офицеровъ, ни солдатъ. За время той же Николаевской эпохи велись нескончаемыя экспедиціи для усмиренія набѣговъ горцевъ и на Кавказѣ упорная борьба съ Шамилемъ, гдѣ даже такіе блестящіе подвиги, какъ Даргинская операція, затѣянная осторожнымъ княземъ М. С. Воронцовымъ, не дали тѣхъ успѣховъ, на которые можно было рассчитывать при доблести и лихости безсмертныхъ кавказскихъ сѣрыхъ героевъ. Какъ царствованіе Александра I закончилось общей разрухой съ военными поселеніями и внутреннимъ неустройствомъ страны, такъ и правленіе его брата началось съ дѣла декабристовъ въ 1825 году и закончилось Крымской катастрофой при позорныхъ для Россіи условіяхъ Парижскаго мирнаго договора. Наслѣдіе Аракчеева въ военномъ дѣлѣ и наша внѣшняя политика, основой которой былъ священный союзъ, придуманный Меттернихомъ, были на-

¹⁾ Въ 1833 г. онъ былъ назначенъ посломъ Англійи въ Петербургъ, но Императоръ Николай не согласился его принять, и онъ затаилъ злобу противъ русскаго царя на вѣки, стараясь гдѣ могъ повредить Россіи.

всегда осуждены потомками, а сколько слезъ было пролито русскимъ народомъ отъ понесенныхъ жертвъ и безплодныхъ испытаній.

19-го февраля 1855 г. вступилъ на престолъ государь Александръ Николаевичъ. На него пала тяжелая обязанность окончить войну, почти уже проигранную и приступить къ цѣлому ряду неотложныхъ реформъ послѣ долголѣтняго, тяжелаго для Россіи правленія его батюшки. Рѣшено было осуществить то, о чемъ порой мечтали его предшественники, а именно навсегда отмѣнить крѣпостное право, такъ твердо установившееся на Руси. Эту нелегкую задачу удалось разрѣшить въ теченіе шести первыхъ годовъ царствованія, и 19-го февраля 1861 года былъ обнародованъ знаменательный манифестъ объ освобожденіи крестьянъ. Достопамятный актъ Императора Александра II навсегда записалъ его свѣтлое имя на страницахъ русской исторіи. «Крѣпостное населеніе», пишетъ Татищевъ, «встрѣтило вѣсть о своей свободѣ въ тишинѣ и спокойствіи, превзошедшихъ общія ожиданія. вмѣсто шумныхъ проявленій радости, крестьяне выражали ее тѣмъ, что служили благодарственные молебны, ставили свѣчи за Державнаго Освободителя, писали всеподданнѣйшіе адреса». Война на Кавказѣ приходила къ успѣшному концу взятіемъ Гуниба въ 1859 году. Въ декабрѣ 1862 года смѣнилъ фельдмаршала князя Барятинскаго великій князь Михаилъ Николаевичъ, и вотъ какъ окончивалось письмо князя къ моему батюшкѣ: «В. И. В. выпадаетъ славный жребій нанести конечный ударъ сопротивленію западныхъ горцевъ. Тогда вамъ остается осчастливить цѣлый край, оживленный новой жизнью, даромъ мира и просвѣщенія. Молю Всевышняго, чтобы онъ благословилъ ваши дѣйствія и чтобы вашимъ высокимъ именемъ началась для Кавказа, послѣ пятнадцати вѣковъ истязаній и шестидесятилѣтней трудной войны, эпоха благоденствія и гражданскаго развитія».

Въ 1863 году вспыхнуло польское возстаніе, на подавленіе котораго пришлось употребить почти два года. Затѣмъ наступилъ десятилѣтній періодъ мира и многихъ важныхъ преобразованій. Военный министръ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ, реформируя армію, положилъ первый залогъ обученія мужиковъ грамотности на военной службѣ и сдѣлалъ то, что такъ неохотно вводили почти всѣ министры народнаго просвѣщенія. Полковыя школы и учебныя команды стали тѣмъ звеномъ, откуда, кончая службу, вносилась грамотность въ деревню, а также постепенныя сокращенія сроковъ дѣйствительной службы благотворно повліяли на зародыши грамотности въ деревнѣ. Еще въ 1860 году возникли по общественному почину воскресныя школы, гдѣ по праздникамъ и воскресеньямъ обучали грамотѣ главнымъ образомъ ремесленниковъ и мастеровыхъ, но вскорѣ онѣ были отмѣнены, какъ разводящія вредную для

правительства пропаганду. Въ 1864 г. при Головинѣ вышелъ уставъ для начальныхъ народныхъ училищъ, и въ томъ же году Государь утвердилъ положеніе о нихъ. Но, когда Головина замѣнилъ гр. Дмитрій А. Толстой, эти училища были признаны неудовлетворительными и подверглись существеннымъ измѣненіямъ. (Для наглядности приведу цифру годового отпуска на содержаніе директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, которая поражаетъ своей мизерностью. Такъ, въ 1876 г. отпускалось ежегодно 552 т. рубл. на содержаніе 34 директоровъ и 142 инспекторовъ, канцелярій 34 губернскихъ и 358 уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ). Но Александръ Николаевичъ сознавалъ необходимость наибольшаго распространенія народнаго образованія, несмотря на постоянную оппозицію многихъ министровъ, и о настроеніи Государя подъ конецъ его царствованія свидѣтельствуютъ различныя его собственныя резолюціи на докладахъ гр. Толстого. Но отъ благожелательности монарха до введенія въ жизнь народной грамотности еще цѣлая пропасть. И эта духовная нищета стала еще ощутительнѣе для простолюдина, когда онъ самъ сталъ по немногу сознавать пользу просвѣщенія. Ни церковно-приходскія школы, ни двухъ-классныя деревенскія училища не стояли на должной высотѣ, не имѣя достаточно оплаченныхъ преподавателей, но имѣя необразованныхъ священниковъ, которые относились безъ должнаго вниманія къ деревенскимъ ребятишкамъ. Что же касается сельскихъ учителей, то и ихъ подготовка была ограничена, а денежные отпуска черезчуръ малы для того, чтобы положить всю душу въ дѣло преподаванія. Тѣмъ не менѣе первыя начала народнаго образованія были положены въ то же царствованіе Александра II.

Во время второго десятилѣтія его правленія внѣшній миръ хотя не нарушался, но въ средней Азіи продолжались боевыя дѣйствія закрѣпленіемъ русской власти въ Туркестанѣ, чтобы оградить отъ нападений разныхъ кочевниковъ и ханствъ Хивы, Кокана и Бухары. Въ 1867 году мы заняли Самаркандъ и присоединили къ нашимъ владѣніямъ Зарявшанскій округъ. Въ 1873 году началась Хивинская экспедиція, окончившаяся для насъ успѣшно занятіемъ всего праваго берега Аму—Дарьи и вассальнаго подчиненія Хивинскаго ханства Россіи. Въ слѣдующемъ 1874 году Коканскій ханъ уступилъ Россіи всѣ коканскія земли, лежащія на правомъ берегу р. Сыръ-Дарьи, а высочайшее повелѣніе о присоединеніи всего Кокана послѣдовало 5-го февраля 1876 года. Затѣмъ въ 1879, 1880 и 1881 годахъ были произведены экспедиціи войсками Кавказскаго и Туркестанскаго военныхъ округовъ въ Закаспійскую степь для обузданія ахаль-текинскихъ племенъ. Первый походъ закончился неудачнымъ штурмомъ Гескъ Тепе, и намъ пришлось отступить къ берегамъ Каспійскаго моря. Затѣмъ второй походъ М. Д. Скобелева, завершился взятіемъ приступомъ

Денгиль Тепе, а отрядъ генерала Куропаткина занялъ Асхабадъ. Зима 1881 года окончилась покореніемъ туркменскихъ племенъ и образованіемъ Закаспійской области. Въ шестнадцать лѣтъ была завоевана громадная площадь земли въ нѣсколько милліоновъ квадратныхъ верстъ отъ Каспійскаго моря до Западнаго Китая и отъ южныхъ границъ Сибири до Афганистана.

Событія на Балканскомъ полуостровѣ въ 1875 г. начали обращать вниманіе общественнаго мнѣнія въ Россіи. Вспыхнуло возстаніе въ нѣкоторыхъ округахъ Герцеговины; потомъ оно перешло въ Боснію, а затѣмъ перебросилось въ Сербію и Черногорію. Славянскіе благотворительные комитеты въ Москвѣ и Петербургѣ заговорили въ пользу возставшихъ. Почти всѣ газеты и во главѣ ихъ «Московскія Вѣдомости» Каткова стали возбуждать еще больше общественное мнѣніе, и всѣ славянофилы во главѣ съ И. С. Аксаковымъ заговорили воинственнымъ языкомъ, дошедшимъ до высшихъ слоевъ и до двора, гдѣ императрица Марія Александровна и окружающія ея лица съ Дарьей Тютчевой во главѣ открыто требовали заступничества Россіи за братьевъ славянъ. Быстро стали образовываться отряды добровольцевъ, весьма, правда, разношерстныхъ по своему составу, съ генераломъ Черняевымъ во главѣ, но увлеченіе было искреннее и охватило въ ту пору многихъ, которымъ идея братства со славянами была дорога какъ оплотъ противъ создавшейся на спинахъ французовъ въ 1871 году объединенной Германіи. Словомъ, вдругъ послѣ десятилѣтняго мира, Россію захватилъ какой-то вихрь славянолюбія, перешедшій въ теченіе двухъ лѣтъ 1875—1877 гг. въ такія формы, что несмотря на все миролюбіе Александра II, онъ былъ увлеченъ потокомъ, и война съ Турціей была объявлена манифестомъ 12-го апрѣля 1877г. Весьма мало разумныхъ голосовъ предупреждали о грозящей опасности вмѣшиваться въ чужія дѣла, но нашлись уравновѣшенные люди, которые высказывали свои мнѣнія даже письменно, но мнѣнія ихъ не были обнародованы. Говорю, на примѣръ, о престарѣломъ князѣ П. А. Вяземскомъ, «маститомъ ветеранѣ русской мысли и слова», какъ его называлъ Татищевъ. Нѣкоторыя выдержки его письма къ гр. С. Д. Шереметеву особенно знаменательны. Князь П. А. Вяземскій писалъ: «Правительства не должны увлекаться сантиментальными упоеніями, они должны держаться принциповъ. Безъ принциповъ правительство играетъ въ жмурки, да я и не вѣрю въ глубину и сознательность нынѣшняго народнаго движенія. Народъ не можетъ желать войны, а по своей неосмотрительности ведетъ къ войнѣ. Война можетъ быть для насъ теперь не только во вредъ, но и въ гибель. Она можетъ наткнуться на государственное банкротство... Видѣть Россію въ рукахъ Аксакова и Каткова страшно и грустно. Слѣдовательно, правительство молча потакаетъ этой политической неурядицѣ и горько мо-

жетъ поплатиться за нее. Хороши и сербы. Россія стяхнула съ себя татарское иго, а послѣ Наполеоновское своими руками, а не хныкала и попрошайничала помощи отъ сосѣдовъ. Неужели мы своими боками, кровью своею, можетъ быть будущимъ благоденствіемъ своимъ должны жертвовать для того, чтобы сербы здравствовали? Сербы-сербами, а русскіе русскими. Въ томъ-то и главная погрѣшность, главное недоразумѣніе наше, что мы считаемъ себя болѣе славянами, нежели русскими. Русская кровь у насъ на заднемъ планѣ, а впереди славянолюбіе. Единовѣрчество тутъ ничего не значить. Французы тоже единовѣрцы съ поляками. А что говорили мы, когда французы вступились за мятежныхъ поляковъ? Религіозная война хуже всякой войны и есть аномалія, анахронизмъ въ наше время. Турки не виноваты, что Богъ создалъ ихъ магометанами, а отъ нихъ требуютъ христіанскихъ, евангельскихъ добродѣтелей. Это нелѣпо. Восточный вопросъ легокъ на подъемъ, и мы любимъ его поднимать, но не умѣемъ поставить на ноги и дать ему правильный ходъ. Высылайте ихъ изъ Европы, если можете, или окрестите ихъ, если умѣете; если нѣтъ, то оставьте ихъ и Восточный вопросъ въ покое до поры до времени... Сохраните письмо мое. Хочу, чтобы потомство удостовѣрилось, что въ «пьяной» Россіи раздавались кое какіе трезвые голоса».

Старикъ князь Вяземскій былъ глубоко правъ, и письмо его оказалось пророческимъ. Извѣстно, чѣмъ кончилась война 1877—1878 годовъ. Послѣ ряда блестящихъ побѣдъ на обоихъ фронтахъ, Дунайскомъ и Кавказскомъ, гдѣ сотни тысячъ русскихъ воиновъ прославились въ кровавыхъ битвахъ подъ Плевной, Горнымъ Дубякомъ, на Шипкѣ, подъ Еленой, подъ Ардаганомъ, подъ Зивинюмъ, у Баязета, на Аладжѣ, у стѣнъ Карса и Деви-Бойну—война кончилась сперва достойнымъ Санъ-Стефанскимъ миромъ, который подвергся обиднымъ для Россіи измѣненіямъ на Берлинскомъ конгрессѣ. Болгары были освобождены и награждены сперва принцемъ Баттенбергскимъ, а послѣ этого Кобургскимъ Фердинандомъ. Мы же хотя получили значительныя земельныя пріобрѣтенія въ Азіатской Турціи и придунайскій участокъ Бессарабіи, но разстроили свои финансы, вызвавъ негодованіе большей части русскаго общества за унижительныя условія Берлинскаго конгресса. Остальныя балканскія государства, т. е. Сербія, Черногорія и Румынія, были объявлены независимыми, а въ Босніи и Герцеговинѣ Австрія получила право ввести свое управленіе, занявъ ихъ своими войсками, что вызвало громадное неудовольствіе среди тамошняго населенія. Внутри Россіи началось революціонное движеніе, закончившееся царевубійствомъ 1-го марта 1881 года, того самаго царя-освободителя, который отмѣнилъ крѣпостное право. И еще одно долготѣнее царствованіе самаго благонамѣреннаго монарха закончилось при общей смутѣ и народномъ недовольствѣ. Русскій солдатъ-крестьянинъ сдѣлалъ

своедѣло честно и благородно; онъ покорилъ турокъ, дошелъ до стѣнъ Царьграда и освободилъ братьевъ-славянъ, до которыхъ ему, собственно говоря, не было никакого дѣла. Патріотизмъ всего крестьянства былъ на всегдашней высотѣ, и благодушіе русскаго темнаго люда сотворило чудеса, которыми не сумѣли и не хотѣли воспользоваться тѣ лица, каторымъ довѣрялась внѣшняя политика Россіи. Повторилось то же явленіе, которое уже дважды мы отмѣтили послѣ Вѣнскаго и Парижскаго конгрессовъ въ 1815 и въ 1856 годахъ. Уроки исторіи видимо не пошли въ прокъ нашей убогой и не русской по духу дипломатіи. Всѣ эти ошибки во внѣшней политики и неумѣлая реакція во внутренней, послѣ выстрѣловъ Каракозова и Березовскаго, лишили Россію одного изъ благороднѣйшихъ вѣнценосцевъ изъ дома Романовыхъ, а развитіе жизни русскаго крестьянина остановилась въ самомъ зародышѣ ея проужденія послѣ отмѣны крѣпостного права.

Тринадцатилѣтнее правленіе Александра III имѣло свои свѣтлыя стороны, благодаря особому миролюбію государя, но оно остановило дальнѣйшее развитіе крестьянской жизни, изъ постоянного опасенія революціонныхъ вспышекъ. Нелюбовь государя къ Германіи и ко всему нѣмецкому была выражена съ достаточной ясностью всюду, гдѣ только нѣмцы желали проявить свою инициативу, особенно въ Балтійскомъ краѣ и во внѣшней политикѣ, когда рухнулъ союзъ трехъ императоровъ и началось сближеніе съ республиканскою Франціей. Впервые услышали въ Петергофскомъ дворцѣ во время трапезы въ честь французскаго адмирала Жерве звуки марсельезы, которые слились съ величавыми мотивами гимна Львова. Вѣковая дружба съ Германіей была прервана. Образовался новый тройственный союзъ Германіи, Австріи и Италіи, къ которому тѣсно примыкали турки, а скрытно еще болгары. О слѣдующемъ царствованіи говорить еще рано: событія слишкомъ близки, чтобы была возможность исторіку судить безпристрастно. За 23 года Россія воевала трижды: сперва съ Китаемъ, вмѣстѣ съ прочими европейскими державами, и приобрѣла Портъ-Артуръ, затѣмъ съ Японіей и, воюетъ еще теперь уже третій годъ совместно со своими союзниками противъ нѣмцевъ, австрійцевъ, турокъ и болгаръ. Война съ Китаемъ раздражила японцевъ и вовсе не закрѣпила нашего вліянія на Дальнемъ Востокѣ. Сомнительныя концессіи на Ялу и въ Корей съ нескрываемымъ желаніемъ сдѣлать новые земельные захваты въ конецъ раздражили японцевъ, и они рѣшили съ нами воевать, хотя сдѣлали все, чтобы стовориться съ нами мирнымъ путемъ. Мы не желали даже прислушаться къ ихъ благороднымъ предложеніямъ, а Германія насъ весьма ловко натравливала на Японію, обѣщая свою поддержку, конечно, только нравственную. Война стала неминуемой, и, безъ какой либо серьезной подготовки къ ней Россія должна

была вступить въ новую борьбу за тысячи верстъ отъ своей базы, надѣясь лишь на свои собственные силы. Война эта оказалась роковой и никогда не пользовалась популярностью въ народных массахъ. Мы ее проиграли, лишились цѣнныхъ земельныхъ приобретений и нашего флота, а также потеряли сотни тысячъ людей, боровшихся добросовѣстно, но подъ разрозненнымъ руководствомъ высшаго военного начальства. Японская кампанія была проиграна. Ея непосредственныя послѣдствія памятны всѣмъ. Времена первой революціи оставили неизгладимые слѣды въ сердцахъ всего народа и русскаго общества. Революція была подавлена. Была дарована конституція 17-го октября 1905 года, которую нельзя было назвать таковой, такъ какъ все было сдѣлано, вслѣдствіе тяжелой обстановки, чтобы выйти изъ создавшагося тупика и, вѣроятно, всѣ льготы предполагалось умалить современемъ, когда былъ бы найденъ подходящий для этого моментъ. Эта недостойная игра продолжалась до ближайшихъ дней и закончилась на дняхъ.

Въ іюль 1914 года возгорѣлась нынѣшняя европейская война. Если отвѣтственность этой кровавой затѣи пала на Германію, то дѣйствительная роль всѣхъ остальныхъ воюющихъ державъ, не исключая и Россіи, еще не выяснена и обнаружится во всѣхъ деталяхъ только черезъ много, много лѣтъ.

Но я здѣсь же долженъ указать, что теперешняя трехлѣтняя бойня вовсе не похожа на всѣ предыдущія войны XIX столѣтія. Всѣ тѣ войны, о которыхъ упомянуто въ статьѣ, велись или по почину власть имущихъ государей, или ихъ министровъ и совѣтниковъ, или же ради достиженія какой либо опредѣленной цѣли, имѣвшей мало общаго съ народными интересами Россіи. Но, повторяю, великая борьба народовъ 1914—1917 годовъ имѣетъ за собой другія причины, которыя раньше не существовали. Съ нашей стороны это идейная борьба, какъ бы за свое дальнѣйшее существованіе, не только географическое, но и экономическое, борьба надменнаго милитаризма германцевъ и Гогенцоллерновъ со всѣми славянскими расами во главѣ съ Россіей, которой Германія въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ мѣшала развивать не только свою промышленность, свои природныя богатства, но и ставила постоянныя препоны торговлѣ вообще. На этой почвѣ лучшими и самыми доказательными примѣрами служатъ два торговые договора, заключенные Германіей съ Россіей въ 1894—1904 годахъ, которые оба были исключительно выгодны для нѣмцевъ и вредны для русскихъ. Самъ талантливый руководитель и творецъ этихъ договоровъ, покойный гр. С. Ю. Витте, сознался въ сдѣланныхъ ошибкахъ, если не лично имъ, то благодаря тѣмъ вліяніямъ, съ которыми ему пришлось считаться. За нѣсколько дней до своей кончины онъ говорилъ Б. В. Глинскому: «Если бы отъ меня зависѣло, то договоръ 1904 года былъ бы иной, нежели онъ вышелъ, несмотря на всѣ наши

усилія...». Другими словами, выгода этихъ договоровъ для нѣмцевъ, а не для русскихъ, достаточно выяснена не только гр. Битте, но и его ближайшими сотрудниками, которые должны были молчать цѣлые года. Если сопоставить ставки германскаго конвенціоннаго тарифа 1904 года со ставками договора 1894 года и общаго германскаго тарифа 1902 года и опредѣлить процентъ ихъ измѣненій, то разсмотрѣніе таковой таблицы намъ покажетъ, насколько былъ отягченъ нашъ экспортъ въ Германію согласно конвенціи 1904 года, по сравненію съ тѣмъ, что было десять лѣтъ назадъ. Почти всѣ статьи тарифа были повышены и нѣкоторыя на очень значительный процентъ, какъ мясо, птица, овесъ и пшеница. Только для ячменя и необдѣланнаго лѣса тарифныя ставки понизились. Для нѣкоторыхъ товаровъ, которые вызвали особый интересъ въ Германіи и не представляли для нея опасности конкуренціи, были оставлены прежнія ставки, какъ ленъ, пенька, сѣмена, яйца, гуси, дичь и перо. Очень характерно усиленное обложеніе обработаннаго лѣса для того, чтобы дать возможность Германіи самой производить обработку сырого лѣса, вывезеннаго изъ Россіи. То же явленіе особенно ярко выразилось при постоянныхъ покупкахъ хлѣба для Германіи у Аргентинской республики, невыгоды которыхъ покрывались на счетъ русскаго хлѣба, и это происходило цѣлыми годами. Всего не перечислить въ рамкахъ короткой статьи, но легко можно себѣ представить, какія требованія предъявить Германія послѣ нынѣшней войны для покрытія своихъ убытковъ! Объ этомъ слѣдуетъ серьезно подумать теперь же, не теряя времени.

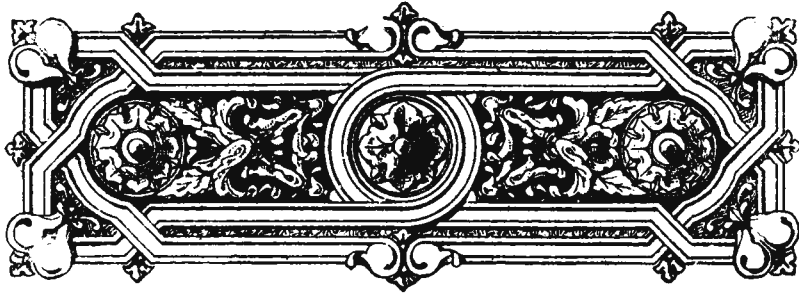
Поэтому, при объявленіи войны общій подъемъ всего русскаго населенія былъ небывалый и весь первый періодъ войны прошелъ въ этомъ настроеніи. Народъ нашъ чуялъ, что новая кровопролитная борьба не схожа съ прежними войнами, и что слово «нѣмецъ» является символомъ насилія. Когда стали обнаруживаться всѣмъ извѣстныя прорѣхи, подъемъ духа сталъ также постепенно падать. Пока русскіе солдаты творили чудеса храбрости, переносили невѣроятныя лишенія, особенно зимой на Карпатахъ и на горахъ Арменіи, продолжали сражаться съ той же доблестью и самоотверженіемъ, несмотря на недостатокъ снарядовъ, техническихъ усовершенствованій и даже обуви, верховное командованіе дѣлало крупныя ошибки не только въ области стратегіи и тактики, но и по согласованію дѣйствій съ союзниками. Послѣ первыхъ успѣховъ въ 1914 году и скоро наступившихъ неудачъ на сѣверо-западномъ фронтѣ, наступилъ тяжелый 1915 годъ, который образумилъ многихъ, но уже не могъ исправить всѣхъ гибельныхъ ошибокъ. Въ 1916 году было много проблесковъ, ожидаемыхъ съ трепетомъ и волненіемъ всей Россіей успѣховъ, но во время войны трудно исправить грѣхи прошлаго, и, несмотря на невѣроятныя усилія русскихъ воиновъ, стало ясно, что война принимаетъ затяжной характеръ. Годовое

пребываніе въ окопахъ не отразилось на душахъ тѣхъ, которые безропотно и молча переносили всѣ лишенія и невзгоды. Безотрадность внутренней политики при всевозможныхъ постороннихъ и темныхъ вліяніяхъ стала тяготить всѣхъ и каждого. Она привела къ тому, что случилось такъ неожиданно и быстро въ концѣ февраля 1917 года. Если въ настоящее тяжелое время обнаружилось временное колебаніе въ умахъ тѣхъ людей, которые такъ добросовѣстно и самоотверженно исполняли свой долгъ передъ Родиной, то мы твердо вѣримъ въ отрезвленіе русскаго воина, который сумѣетъ довести небывалую бойню до побѣдоноснаго конца въ союзѣ со всѣми тѣми народами, которые твердо и безповоротно рѣшили довести дѣло до полного утомленія и истощенія нашихъ общихъ враговъ. Иначе, если союзы наши будутъ поколеблены, восторжествовать только опять нѣмцы, которые сумѣютъ снова поработить Россію и извлекать изъ ея нѣдръ новыя для себя выгоды. Вѣра моя въ здравый смыслъ русскаго солдата непоколебима, и я не допускаю возможности, чтобы въ свободной Россіи свободный русскій крестьянинъ не созналъ бы, что на окончательной побѣдѣ зиждется и его дальнѣйшее благополучіе.

Вел. Кн. Николай Михайловичъ.

17—27 апрѣля 1917 г.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЕСТНАДЦАТАГО января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго доносилъ, что на западномъ фронтѣ въ рижскомъ районѣ дѣятельность противника ограничилась стрельбой по нашимъ окопамъ.

Юго-западнѣе дер. Потуторы (въ 10 верстахъ южнѣе Брзежанъ) наши части въ ночь съ 13-го на 14-е января, послѣ штыкового удара, овладѣли первой линіей окоповъ; несмотря на рядъ яростныхъ контръ-атакъ турокъ, отраженныхъ съ большими для нихъ потерями, взорвали шесть минныхъ галлерей противника, разрушили его окопы и отошли въ исходное положеніе. Послѣ этого турки два раза атаковали наши части, но были отбиты. При овладѣніи непріятельскими окопами захвачены плѣнные турки, 1 офицеръ и 28 нижнихъ чиновъ.

На румынскомъ фронтѣ въ бою отъ 14-го января къ сѣверо-востоку отъ Якобени (юго-западнѣе Кимполунга) нашими частями взято въ плѣнъ 32 офицера и 1.126 нижнихъ чиновъ, захвачено 12 пулеметовъ и 4 бомбомета.

На французскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 15-го января, обычная канонада на всемъ протяженіи фронта, особенно интенсивная въ районѣ Вердена и въ Эльзасѣ.

По сообщенію отъ 16-го января, продолжается снѣгопадъ. Дѣйствія прерваны почти во всѣхъ пунктахъ. Въ ночь съ 15-го на 16-е января французскіе

летчики сбросили снаряды надъ желѣзнодорожными станціями Ати, Сави и Этрейеръ.

На бельгійскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 15-го января, происходили оживленные дѣйствія артиллеріи, преимущественно близъ Рамскапелле, Диксмюде и Гетсаса. На участкѣ Гетсаса—ожесточенная борьба ручными гранатами.

На англійскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 16-го января, англичане проникли 16-го же на разсвѣтѣ въ непріятельскія траншеи къ сѣверу-востоку отъ Невилль-Сэнь-Вааста, нанеся непріятелю тяжелыя потери и разрушивъ при помощи ручныхъ гранатъ его прикрытія, причемъ были захвачены плѣнные. Другое удачное вторженіе они произвели утромъ къ сѣверо-востоку отъ Фестюбера, гдѣ были захвачены плѣнные, въ томъ числѣ одинъ офицеръ. Непріятельская попытка наступленія на англійскій постъ къ востоку отъ Фокиссара послѣ предварительной напряженной бомбардировки была отражена къ сѣверу отъ Соммы, близъ Бомонтабель, у Ланса и въ участкѣ Ипра англичане мѣстами произвели удачную бомбардировку.

На итальянскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 15-го января, по всему фронту происходила обычная перестрѣлка артиллерійская и поиски развѣдчиковъ.

17-го января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ, что на западномъ фронтѣ происходили перестрѣлка и поиски развѣдчиковъ.

На французскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 16-го января, въ участкѣ высоты «304», на лѣвомъ берегу рѣки Мааса, происходятъ артиллерійскіе бои и столкновения съ примѣненіемъ ручныхъ гранатъ. Въ Лотарингіи артиллерійскіе огонь изъ дальнобойныхъ орудій. На остальномъ протяженіи фронта обычная артиллерійская канонада.

По сообщенію отъ 17-го января, атака съ примѣненіемъ ручныхъ гранатъ противъ одного изъ французскихъ окоповъ на лѣвомъ берегу Мааса, въ районѣ высоты «304», была отбита огнемъ, причемъ ея единственнымъ результатомъ явились лишь потери для непріятеля. Въ верхнемъ Эльзасѣ французскія батареи развивали огонь къ востоку отъ Сеппуа.

17-го января рано утромъ, къ сѣверо-западу отъ Вермейль, англичане проникли въ германскія траншеи и забросали ручными гранатами прикрытія непріятеля, нанеся ему большія потери. Минувшей ночью къ сѣверо-востоку отъ Армантьера англичане также проникли въ непріятельскія траншеи, причемъ достигли третьей германской линіи, гдѣ разрушили непріятельскія прикрытія и нанесли непріятелю потери. Кромѣ того, многіе германцы были убиты въ траншеяхъ. Во время этихъ двухъ набѣговъ было захвачено нѣсколько плѣнныхъ. Днемъ къ сѣверу отъ Соммы наблюдалась значительная дѣятельность артиллеріи съ обѣихъ сторонъ, точно также и въ районѣ Ипра, гдѣ англичане вызвали большой пожаръ въ германскихъ линіяхъ. Къ сѣверу отъ Анкра проявила дѣятельность англійская тяжелая артиллерія, обстрѣлявшая германскую штабъ-квартиру, расположеніе войскъ и штабы военнаго снаряженія около Ланса.

На бельгійскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 16-го января, въ теченіе дня артиллерійскій огонь имѣлъ особенно ожесточенный характеръ въ участкѣ Диксмюде, Стеенстрате и Гетсаса.

Въ Месопотаміи, на англійскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 16-го января, военныя дѣйствія, происходившія въ ночь съ 14-е на 15-го и на другой день, на правомъ берегу рѣки Тигра, къ юго-западу отъ Куть-эль-Амары, дали англичанамъ возможность всецѣло овладѣть первою и второю турецкими линіями, на протяженіи 600 ярдовъ. Англичанами взяты въ плѣнъ 127 нижнихъ чиновъ и захвачены одно орудіе, одинъ пулеметь, три траншейныхъ мортиры и большое количество другого военнаго снаряженія. Ими подобрано 950 труповъ, причемъ на полѣ сраженія остаются еще неподобранныя тѣла.

На итальянскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 16-го января, на трентинскомъ фронтѣ итальянскій огонь мѣшалъ неприятелю возводить укрѣпленія и передвигать транспорты.

На фронтѣ Юлійскихъ Альпъ происходили обычные артиллерійскіе бои и незначительныя столкновенія развѣдочныхъ частей, во время которыхъ итальянцами взято около 50 плѣнныхъ.

18-го января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ, что на западномъ фронтѣ надъ мѣстечкомъ Гайнашъ, на берегу Рижскаго залива, вечеромъ 17-го января въ направленіи на сѣверо-востокъ пролетѣлъ цеппелинъ, освѣщавшій мѣстность прожекторомъ. Послѣ сильнаго обстрѣла германскою артиллеріей нашихъ окоповъ между болотомъ Тируль и рѣкой Аа, неприятельскія цѣпи повели наступленіе по восточной окраинѣ тирульскаго болота и вдоль лѣваго берега рѣки Аа. Атака была остановлена нашимъ заградительнымъ огнемъ. Послѣ часовой артиллерійской подготовки, главнымъ образомъ химическими снарядами, нѣмцы значительными силами произвели атаку вдоль шоссе изъ Калнцама въ Шлокъ и въ шести верстахъ сѣверо-восточнѣе дер. Калнцама. Наша артиллерія встрѣтила атакующихъ заградительнымъ огнемъ, и атака была отбита. Лишь на участкѣ, прилегающемъ къ вышеупомянутому шоссе, наши части подались назадъ къ сѣверу на версту. Послѣ этого нѣмцы при поддержкѣ сильнаго огня артиллеріи, попрежнему стрѣлявшей химическими снарядами, продолжали вести настойчивыя атаки на наши части. Всѣ атаки были отбиты огнемъ и нашими контръ-атаками. Противнику удалось лишь послѣ упорнаго боя удержаться на небольшомъ участкѣ нашихъ окоповъ, непосредственно восточнѣе калнцамской дороги. Во время контръ-атаки нами захвачены плѣнные и пулеметы.

Западнѣ Студыны (сѣверо-восточнѣе мѣстечка Киселинъ) противникъ дважды пытался приблизиться къ нашимъ окопамъ, но оба раза былъ отброшенъ.

На румынскомъ фронтѣ наши части, преодолевъ подъ сильнымъ огнемъ противника, широкія проволочныя загражденія, наступая по поясъ въ снѣгу, по крутымъ скатамъ, дружной штыковой атаккой овладѣли укрѣпленіями противника на высотахъ въ двухъ верстахъ къ востоку отъ Якобени (юго-западнѣе Кимполунга). Взяты плѣнные и трофеи, число которыхъ выясняется.

На французскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 17-го января, между Суассономъ и Реймсомъ, французы остановили огнемъ двѣ попытки неприятеля произвести внезапное нападеніе: одну на участкѣ Супиръ, другую—въ районѣ Шонъ.

Въ ночь съ 16-го на 17-е января французскіе аэропланы бомбардировали бивуаки близъ Этена, военные заводы въ Хамъ, станціи и заводы въ Фоломбре, желѣзнодорожныя станціи Ати, Гомбле и Кюржи.

По сообщенію отъ 18-го января, въ Веврѣ французскія батареи мѣткимъ огнемъ обстрѣляли непріятельскіе укрѣпленія въ районѣ Эксъ-Абокуръ. Непріятельскій развѣдочный отрядъ былъ разсѣянъ огнемъ около Абокура. Въ Лотарингіи одинъ изъ французскихъ отрядовъ проникъ къ югу Лентрэ въ первыя и вторыя германскія линіи, защитники которыхъ были перебиты. Французами взято около 15 плѣнныхъ. Столь же успѣшнымъ было нападеніе на непріятельскій постъ въ районѣ Монсенъ.

На англійскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 17-го января, на фронтѣ Соммы, по сосѣдству съ холмомъ Варленкуръ, англичанами было произведено удачное нападеніе на непріятельскія линіи, причемъ они забросали ручными гранатами многочисленныя землянки непріятеля, уничтожили одинъ пулеметъ и захватили 17 плѣнныхъ.

17-го января, съ наступленіемъ вечера англичане проникли въ германскія линіи къ востоку отъ Суше и сильно повредили непріятельскія укрѣпленія.

18-го января послѣ полудня, близъ Лебе германская артиллерія проявила усиленную дѣятельность.

Противъ Ришбура и Лавус, къ востоку отъ Армантьера и Ипра, англичанами были обстрѣяны германскія позиціи. Въ ночь съ 15-го на 16-е января англійскіе летчики успѣшно бросили бомбы надъ непріятельскимъ расположеніемъ и кромѣ того 17-го января во время воздушныхъ боевъ, ими были уничтожены три германскихъ аэроплана, а три другихъ аппарата противника, получивъ поврежденія, принуждены были снизиться.

На бельгійскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 17-го января, въ теченіе ночи германская пѣхота, послѣ ожесточенной заградительной подготовки, бросилась въ атаку южнѣ Гестаса. Заградительнымъ огнемъ бельгійской артиллеріи, поддержаннымъ англійскими батареями, огнемъ траншейныхъ мортиръ и бельгійской пѣхоты, наступленіе непріятеля было остановлено. Германцы, не достигнувъ англійскихъ траншей, должны были отступить, оставивъ на полѣ сраженія убитыхъ. Такимъ образомъ, германская атака потерпѣла полную неудачу.

На итальянскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 17-го января, на трентинскомъ фронтѣ обычная дѣятельность артиллеріи. На фронтѣ Юлійскихъ Альпъ непріятель въ нѣсколькихъ пунктахъ пытался произвести внезапныя нападенія на наши позиціи въ районѣ Горицы и на Карсо. Атаки эти были отбиты послѣ краткаго, но ожесточеннаго боя. Итальянцы захватили плѣнныхъ.

19-го января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что на западномъ фронтѣ, наши части, перейдя въ контръ-атаку, послѣ упорнаго боя выбили нѣмцевъ изъ занятыхъ ими нашихъ окоповъ восточнѣ Калнцемскаго шоссе, послѣ чего на фронтѣ наступило затишье, прерываемое артиллерійской перестрѣлкой. Такимъ образомъ, прорывъ, который нѣмцы сдѣлали восточнѣ Калнцемской дороги, совершенно очищенъ отъ противника и наши

части, послѣ чрезвычайно тяжелой борьбы при сильныхъ морозахъ и въ атмосферѣ удушливыхъ газовъ вновь заняли свои окопы.

Нашими аэропланами сброшены бомбы въ мызѣ Беверкѣ (въ 20 верст. сѣверо-западнѣе Иллукста), причѣмъ одинъ изъ нашихъ аппаратовъ въ этомъ районѣ вступилъ въ бой съ аэропланомъ противника и заставилъ его снизиться въ расположеніи непріятеля, въ 10 верстахъ сѣверо-западнѣе Иллукста.

Нѣмецкія летчики бомбардировали районъ дер. Теплыя (въ 20 верст. сѣверо-восточнѣе Поставы).

На румынскомъ фронтѣ противникъ въ ночь на 18-е января произвелъ три атаки на наши части, расположенныя на высотахъ въ двухъ верстахъ восточнѣе дер. Якобени (юго-западнѣе Кимполунга), но съ большими потерями былъ отбитъ. Въ бою 17-го января—въ районѣ восточнѣе дер. Якобени, наши части захватили 11 офицеровъ, болѣе 1.000 нижнихъ чиновъ, 10 пулеметовъ, одно орудіе, минометы и бомбометы.

На Черномъ морѣ нашими судами у береговъ Анатолиі захвачено и приведено 5 шхунъ, изъ нихъ три моторныхъ.

На французскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 18-го января, въ теченіе дня въ различныхъ участкахъ фронта, особенно въ пунктахъ къ востоку отъ Реймса и на правомъ берегу Мааса происходили довольно жестокие артиллерійскіе бои, а ночью—воздушныя бои.

На бельгійскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 18-го января, къ востоку отъ Первиза и къ югу отъ Нордехооте германскія части тщетно пытались послѣ ожесточенной бомбардировки подойти къ бельгійскимъ выдвинутымъ впередъ постамямъ, но были отражены бельгійскимъ артиллерійскимъ и пулеметнымъ огнемъ. Въ теченіе дня происходилъ сильный артиллерійскій бой въ направленіи Диксмюда и Стеенстрате.

На итальянскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 19-го января, на трентинскомъ фронтѣ и Скарни дѣйствіе артиллеріи съ перерывами. Во входѣ въ долину Комоника и въ горной мѣстности озера Гарда и верхнемъ Адидже въ Паль-Пиколо и Целенкофелѣ вчера на фронтѣ Юлійскихъ Альпъ непріятельская артиллерія проявляла усиленную дѣятельность; на Карсо батареи отвѣчали сильнымъ огнемъ и привели въ разстройство двигавшіяся въ тылу войска. На всемъ театрѣ этихъ операций температура очень низкая, спускавшаяся въ возвышенныхъ пунктахъ до 28 градусо́въ ниже нуля по Цельсію.

По сообщенію отъ 18-го января, временно исполняющій обязанности начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго генераль Гурко прибылъ и былъ принятъ Государемъ Императоромъ въ Царскомъ Селѣ съ очереднымъ докладомъ о ходѣ военныхъ операций на фронтахъ.

По сообщенію штаба Верховнаго Главнокомандующаго отъ 20-го января, на западномъ фронтѣ, послѣ сильного артиллерійскаго огня по нашимъ окопамъ (въ 20 верст. юго-западнѣе Вржезаны), сильныя партіи нѣмцевъ въ бѣлыхъ халатахъ ворвались въ окопы нашей первой линіи. Контръ-атакой резерва, при содѣйствіи артиллеріи, нѣмцы были отброшены въ свои окопы.

На французскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 20-го января, произведенная 19-го вечеромъ непріателемъ въ Лотарингін атака на французскіе окопы къ югу отъ Лентруа, была отбита огнемъ. Въ секторахъ Лувемона и Метцерала происходилъ оживленный артиллерійскій огонь.

Въ теченіе 19-го января германскій аэропланъ сбросилъ пять бомбъ надъ Дюнкеркомъ. Причиненныя поврежденія незначительны. Человѣческихъ жертвъ нѣтъ.

На бельгійскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 19-го января, германскіе патрули проявлявшіе усиленную дѣятельность въ теченіе ночи, всюду были отброшены огнемъ. Германская артиллерія развила особенно сильный огонь въ районѣ Гетсаса и Диксмюде. Въ районахъ Рамскапелле, Первизъ и Нордсхооте—артиллерійская перестрѣлка.

На англійскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 19-го января, на новомъ фронтѣ къ югу отъ Летранслу англичане захватили за послѣднія сутки 25 плѣнныхъ, въ томъ числѣ одного офицера. 19-го января рано утромъ въ окрестностяхъ Бокура и къ западу отъ Сэрръ германцы сдѣлали попытку захватить нѣсколько англійскихъ выдвинутыхъ впередъ постовъ, но были отражены, причемъ англичанами было взято нѣсколько плѣнныхъ. Въ теченіе дня въ окрестностяхъ Морваля германская артиллерія выказала значительную дѣятельность. Англійская артиллерія успѣшно выполнила рядъ заданий по обстрѣлу непріятельскихъ баттарей и позицій къ сѣверо-востоку отъ Невиль-Сень-Вааста и къ юго-востоку отъ Ипра.

Морской генеральный штабъ сообщилъ, что 13-го января при разгрузкѣ ледокола «Челюскинъ» у одной изъ архангельскихъ пристаней произошелъ взрывъ и пожаръ, который затѣмъ распространился въ районѣ этой пристани. Во время пожара пострадали желѣзнодорожныя постройки у станціи, нѣсколько складовъ, сараевъ и бараковъ. Изъ причаловъ пострадалъ причаль №8; изъ судовъ кромѣ «Челюскина», погибъ одинъ буксирь. Кромѣ того, пострадали 5 пароходовъ, изъ которыхъ на трехъ поврежденія относятся къ числу легкихъ.

Въ списокѣ 344 раненыхъ значатся 3 лица офицерскаго званія и 99 нижнихъ чиновъ, тяжело раненыхъ 59 человекъ, число убитыхъ еще окончательно не выяснено, но, повидимому, достигаетъ приблизительно 30 человекъ. 18-го января оказалось возможнымъ уже опять приводить пароходы къ мѣсту, гдѣ произошла катастрофа, и обычныя грузовыя работы въ настоящее время продолжаются безпрепятственно.

Въ Стокгольмѣ, 18-го января, посланники, по порученію своихъ правительствъ, сообщили шведскому правительству, что съ 1-го февраля новаго стilia Германія и Австро-Венгрія будутъ безусловно препятствовать всѣми своими вооруженными силами всякому судоходству въ предѣлахъ водной территоріи, заключенной между опредѣленными градусами долготы и широты вокругъ Великобританіи, Франціи, Италіи, а также въ восточной части Средиземнаго моря.

21-го января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что на западномъ фронтѣ, послѣ сильнаго артиллерійскаго огня нѣмцы атаковали

наши части, расположенныя восточнѣе Клиндемскаго шоссе (западнѣе Риги). Первая волна противника была остановлена нашимъ огнемъ и лишь праео-фланговая рота подалась назадъ. При помощи резервовъ, передшешихъ въ контръ-атаку, нѣмцы были отброшены и наше положеніе возстановлено. Позже, нѣмцы еще два раза возобновляли атаку, но каждый разъ были отброшены. При отраженіи атакъ противника большую поддержку оказали наши броневики, выдвигавшіеся къ нашимъ передовымъ окопамъ. Надъ станціей Крейбургъ (сѣверо-восточнѣе Якобштадта) надъ дер. Гогово (въ 7 верст. юго-восточнѣе дер. Посатвы) и въ районѣ къ югу отъ Кэммерна (западнѣе Риги) съ нѣмецкихъ аэроплановъ были сброшены бомбы, коими были убиты и ранены нѣсколько изъ нашихъ нижнихъ чиновъ.

На Черномъ морѣ нашими судами у береговъ Анатолиі потоплено 18 парусныхъ шхунъ.

На французскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 20-го января, на ближнемъ Востокѣ общее состояніе погоды весьма неблагоприятное. Дѣйствія артилеріи, однако продолжаются, главнымъ образомъ, въ зонѣ Струма—Дойранъ—Вардаръ, а также въ гористомъ районѣ къ сѣверу отъ Монастыря.

Въ Бельгіи произведенное противникомъ нападеніе на одинъ изъ французскихъ постовъ на участкѣ Сень-Жоржъ окончилось полной неудачей, благодаря огню французскихъ батарей. Въ районѣ Сень-Миель французская артиллерія развила разрушительный огонь по германскимъ укрѣпленіямъ въ лѣсу Апремонъ.

На бельгійскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 20-го января, на всемъ протяженіи бельгійскаго фронта какъ днемъ, такъ и въ продолженіи ночи, происходила канонада равномѣрнаго напряженія.

На англійскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 21-го января, при наступленіи минувшей ночи, къ сѣверо-востоку отъ Гедекура, на фронтѣ Соммы англичанами произведено удачное нападеніе на непріятеля, причемъ захвачено 56 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 2 офицера. Вблизи Гомкура атака противника на одинъ изъ англійскихъ постовъ была отбита огнемъ пулеметовъ.

Во многихъ пунктахъ вдоль англійскаго фронта происходила значительная артилерійская перестрѣлка. Къ востоку отъ Бушавена англійскимъ огнемъ уничтожены склады непріятельскаго снаряженія.

По сообщенію отъ 21-го января, за послѣднюю ночь на сѣверъ отъ Бомонъ-Амея положеніе англичанъ еще нѣсколько улучшилось. Утромъ, вблизи Гранкура, они отразили новую попытку германцевъ напасть на одинъ изъ постовъ; къ юго-востоку отъ Невилль-Сень-Вааста они произвели внезапное нападеніе, увѣнчавшееся успѣхомъ. Приэтомъ они не понесли никакихъ потерь. Въ теченіе ночи и рано утромъ, къ юго-востоку отъ Армантьера и къ востоку отъ Ипра, они отразили попытки противника приблизиться къ ихъ расположеніямъ и нанесли ему потери. Утромъ, около Витшатэ, двѣ другихъ атаки произведенныя сильнымъ германскимъ отрядомъ, одѣтымъ въ бѣлые халаты, были отражены прежде, чѣмъ непріятель оказался въ состояніи достигнуть англійскихъ траншей. Германцы понесли здѣсь значительныя потери. Во время этихъ атакъ, англичанами захвачены

плѣнные. Въ теченіе дня во многихъ пунктахъ своего фронта англичане произвели съ успѣхомъ обстрѣлъ германскихъ позицій и непріятельскихъ защитныхъ укрѣпленій. Къ югу отъ Ипра германская артиллерія развила дѣятельность, болѣе оживленную, чѣмъ обыкновенно. Общее число плѣнныхъ, взятыхъ англичанами за январь, составляетъ 1228 человекъ, изъ коихъ 27 офицеровъ.

На итальянскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 20-го января, непріятельская артиллерія проявила особенно энергичную дѣятельность въ горномъ районѣ на западъ отъ озера Гарда, причѣмъ ея огнемъ были нанесены поврежденія нѣсколькимъ населеннымъ мѣстечкамъ. Итальянская артиллерія препятствовала передвиженіямъ непріятели на Пазубіо и въ верхней части долины Позины. (Астико). Непріятельская артиллерія развивала очень энергичную дѣятельность противъ части итальянскихъ позицій, расположенныхъ на Папильколо и на вершинѣ горы Капотъ. Однако огнемъ этимъ не было причинено вреда. На фронтѣ Юлійскихъ Альпъ непріятельская артиллерія проявила значительную дѣятельность въ районѣ Горицы и на Карсо. Итальянская артиллерія, развивая свой обычный завѣсный огонь, разсѣяла массы непріятельскихъ рабочихъ въ окрестностяхъ Пилы.

На сѣверныхъ склонахъ Монте-Майо, вдоль потока Позины (Астико) итальянскіе патрули атаковали и разсѣяли непріятельскій передовой постъ, захвативъ 11 плѣнныхъ. Въ долинѣ Сугана непріятельская артиллерія обстрѣляла итальянскія позиціи на Монте-Левре, въ районѣ Оснедалетто и въ долинѣ Тезино. Противникъ пользовался снарядами, развивающими удушливые газы, не причинивъ итальянцамъ однако никакого вреда.

По полученнымъ донесеніямъ, однимъ изъ итальянскихъ патрулей съ успѣхомъ забросаны бомбами непріятельскія линіи, при чемъ уничтоженъ небольшой складъ непріятельскихъ снарядовъ.

21-го января въ Александровскомъ царскосельскомъ дворцѣ въ честь прибывшей въ Россію делегаціи союзныхъ державъ состоялся обѣдъ, сервированный въ залахъ дворца на восемьдесятъ кувертовъ.

Во время обѣда Государь Императоръ обратился къ членамъ делегаціи со слѣдующими словами:

«Съ чувствомъ живѣйшаго удовлетворенія я привѣтствую ваше прибытіе въ Россію и благодарю правительства, которыя благоволили прислать столь выдающихся государственныхъ людей и генераловъ для принятія участія въ конференціи союзниковъ въ Петроградѣ.

«Будучи твердо убѣжденъ въ благотворномъ вліяніи согласованности усилій каждаго изъ союзниковъ на ходъ дальнѣйшихъ операцій, я рассчитываю, что вашъ трудъ окажетъ мощное содѣйствіе скорѣйшему наступленію часа окончательной побѣды, которая намъ обезпечена выдающеюся доблестью морскихъ и сухопутныхъ силъ союзниковъ.

«Я поднимаю бокаль за здоровье государей и главъ дружественныхъ и союзныхъ Россіи государствъ, а также ихъ делегатовъ здѣсь присутствующихъ, и пью за торжество нашего благороднаго дѣла, которое равнымъ образомъ является дѣломъ справедливости и свободы народовъ».

22-го января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ, что на западномъ фронтѣ послѣ сильнаго обстрѣла нашихъ окоповъ передъ разсвѣтомъ нѣмцы повели наступленіе вдоль восточной окраины болота Риуль, но были разсѣяны. Около 7 часовъ утра послѣ артилерійской подготовки нѣмцы возобновили наступленіе, но также были отброшены. Послѣ этого попытки нѣмцевъ къ наступленію между болотомъ Тируль и рѣк. Аа возобновлялись нѣсколько разъ, но быстро ликвидировались нашимъ огнемъ. Послѣ сильной артилерійской подготовки нѣмцы, около 5 часовъ утра перешли въ наступленіе восточнѣе Калнцемскаго шоссе, которое было остановлено огнемъ. Въ 8 час. 30 мин. утра противникъ вторично повелъ наступленіе въ значительныхъ силахъ восточнѣе Калнцемскаго шоссе и нѣмцамъ удалось было ворваться въ нѣкоторые наши окопы, но контръ-атакой нашихъ частей во флангъ ворвавшихся, около 11 час. утра положеніе было восстановлено. Послѣ этого наши войска атаковали противника, накапливавшагося съверо-восточнѣе дер. Калнцема. Нѣмцы, не принявъ удара, разбѣжались, послѣ чего наши части вернулись въ свои окопы.

Германскій аэропланъ бросалъ бомбы на ст. Роденпойсь (съверо-восточнѣе Риги), не причинившія вреда.

На французскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 21-го января, въ теченіе дня происходила бомбардировка на различныхъ пунктахъ фронта. Во время стычекъ патрулей въ Безонво французы захватили плѣнныхъ.

На бельгійскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 21-го января, въ теченіе ночи произошли успѣшныя для бельгійцевъ стычки развѣдчиковъ передъ Диксмиодомъ. Рядъ попытокъ непріятеля проникнуть въ бельгійскія траншеи послѣ предварительной артилерійской подготовки былъ отбитъ артилерійскимъ и ружейнымъ огнемъ.

На итальянскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 22-го января, на трентинскомъ фронтѣ обычная дѣятельность артилеріи, особенно напряженная въ долиинѣ Сугана. Сообщается о стычкахъ развѣдчиковъ около горнаго прохода Тонале, вблизи Баркалола, въ долиинѣ Астико, на Мармолада (Авизіо), на участкѣ Тофана (Бойте), въ долиинѣ горнаго прохода Инферно (верхнее теченіе Дегано). Непріятель повсюду былъ отброшенъ съ тяжелыми потерями. На фронтѣ Юлійскихъ Альпъ, въ ночь на 18-е января, непріятель ожесточенно бомбардировалъ итальянскія позиціи къ востоку отъ Горицы, но его батареи были быстро приведены къ молчанію мѣткимъ огнемъ итальянской артилеріи. Одна изъ итальянскихъ батарей, обстрѣливая южные склоны Монте-Гермала, произвела взрывъ, вызвавшій затѣмъ пожаръ.

На англійскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 22-го января, въ теченіе ночи къ востоку отъ Бушавена и по сосѣдству съ Аррасомъ, англичане отбросили германскіе отряды, пытавшіеся ворваться въ англійскія линіи. Во время ихъ отступленія англійская артилерія нанесла имъ значительныя потери. Къ съверу отъ Анкра англичане еще улучшили свои позиціи на хребтѣ Бомонъ-Гамель. Рано утромъ къ югу отъ Армантьера англійскія части проникли въ германскія линіи и захватили нѣсколько плѣнныхъ.

22-го января къ сѣверу отъ Соммы и по сосѣдству съ Бокуромъ, Аррасомъ и Армантьеромъ англичане производили успѣшную бомбардировку.

Государь Императоръ въ соотвѣтствіи съ возвѣщеннымъ въ высочайшемъ приказѣ арміи и флоту указаніемъ о предстоящемъ, по окончаніи нынѣшней войны, образованіи свободной Польши изъ всѣхъ трехъ ея разрозненныхъ областей, разработать основныя начала будущаго государственнаго устройства Польши и отношеній ея къ имперіи, для чего 12-го сего января повелѣлъ образовать для соображенія вышеуказанныхъ вопросовъ особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя совѣта министровъ военнаго, внутреннихъ дѣлъ, иностранныхъ дѣлъ, финансовъ, исполняющаго обязанности начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго, предсѣдателей законодательныхъ учреждений и государственнаго секретаря, а равно особо назначенныхъ лицъ: бывшаго предсѣдателя совѣта министровъ статсъ-секретаря Горемыкина и бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ, нынѣ императорскаго посла въ Лондонѣ гофмейстера Сазонова.

Въ Вашингтонѣ 21-го января въ переполненномъ залѣ конгресса президентъ Вильсонъ, по поводу германской ноты о безпощадной подводной войнѣ произнесъ историческую рѣчь. Будучи встрѣченъ привѣтствіями, неоднократно прерывавшую рѣчь, въ особенности когда онъ заявилъ, что потребуетъ у конгресса средствъ защищать жизнь американцевъ, Вильсонъ прежде всего напомнилъ объ американской нотѣ Германіи послѣ нападенія подводной лодки на пароходъ «Суссексъ», объ германскомъ отвѣтѣ на эту ноту отъ 21-го апрѣля и далѣе указалъ на американскій отвѣтъ отъ 25-го апрѣля, заявлявшій о принятіи германскихъ заявленій. Вильсонъ прибавилъ, что Германія не отвѣтила на эту ноту. Затѣмъ Вильсонъ привелъ цитаты изъ германскаго меморандума отъ 18-го января и сказалъ: въ виду того, что сообщеніе категорически беретъ назадъ торжественное завѣреніе, данное въ германской нотѣ 21-го апрѣля, правительство Штатовъ не имѣетъ другого выхода, совмѣстимаго съ долгомъ и честью Штатовъ, какъ рѣшеніе, которое было указано въ нотѣ отъ 21-го марта на случай, если Германія не откажется отъ своихъ методовъ, поэтому онъ предложилъ Лансингу увѣдомить Берндорфа, что дипломатическія отношенія съ Германіей порваны. Американскій посолъ въ Берлинѣ будетъ немедленно отозванъ и, согласно этому будутъ выданы Берндорфу паспорта.

23-го января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ, что на западномъ фронтѣ въ рижскомъ районѣ, сѣверо-восточнѣе дер. Калнцемъ, цѣпи противника, перешедшія въ наступленіе, были загнаны обратно въ свои окопы. Въ районѣ Лингена, (сѣверо-западнѣе Фридрихштадта) было замѣчено скопленіе нѣмцевъ, которые вскорѣ повели наступленіе, разсѣянное нашимъ огнемъ. Германскій самолетъ, обстрѣляемый нашимъ огнемъ, быстро снизился въ непріятельскомъ расположеніи сѣверо-западнѣе Поставы.

На французскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 22-го января, французы произвели внезапное нападеніе на непріятельскія траншеи въ районѣ Муленъ-Сутувана, причѣмъ захватили десятокъ плѣнныхъ. Французская артилерія

развивала мѣткій огонь по германскимъ полевымъ укрѣпленіямъ въ разныхъ пунктахъ фронта и особенно на участкѣ высоты «304».

Между Уазой и Эномъ французскія войска произвели успѣшное внезапное нападеніе на германскія траншеи въ районѣ Трасилеваль и захватили 22 плѣнныхъ. На верденскомъ фронтѣ въ участкѣ Мортomma и у полевого укрѣпленія въ Ардомонѣ имѣли мѣста дѣйствія артилеріи съ перерывами.

По сообщенію 23 го января къ югу отъ Соммы внезапное нападеніе, произведенное непріятелемъ къ концу дня, на французскія траншеи въ районѣ Барле, было отражено, причемъ непріятель понесъ чувствительныя потери и оставилъ въ нашихъ рукахъ плѣнныхъ. Въ теченіе ночи французамъ удалось произвести, безъ всякихъ для себя потерь, нѣсколько набѣговъ на непріятельскія линіи въ особенности въ участкѣ Шамбретта, къ сѣверу и западу отъ Понтъ-а-Мусона и въ Эльзасѣ. Французскіе развѣдчики взяли при этомъ плѣнныхъ, среди которыхъ одинъ офицеръ, и захватили военное снаряженіе.

Въ ночь съ 20-го на 21-е января и въ ночь съ 22-го на 23-е января французскія воздушныя эскадры бомбардировали авіаціонный паркъ въ Кольмарѣ, военные заводы въ Ромбахѣ и станціи Шони, Гамъ и Аппильи. Въ постройкахъ этой послѣдней станціи возникъ пожаръ.

На англійскомъ фронтѣ, въ Месопотаміи, по сообщенію отъ 23-го января, ночью 15-го января англичане продвинулись еще на 300 метровъ по правому берегу Тигра, на востокъ отъ впаденія въ него его притока Хай, и приблизительно на 200—300 метровъ по фронту протяженіемъ въ 800 метровъ, къ западу отъ слиянія Тигра и Хая. Ихъ потери незначительны. 18-го января англичане произвели набѣги мѣстнаго характера и захватили большое количество скота. Утромъ 19-го января они овладѣли предпослѣдними линіями траншей къ востоку отъ впаденія Хая въ Тигръ. Они отразили турецкую контръ-атаку на правомъ берегу Хая и взяли въ плѣнъ 166 человекъ, среди которыхъ 4 офицера. Нѣсколько позже днемъ атаковали и овладѣли непріятельскими траншеями къ западу отъ слиянія Тигра и Хая, убивъ большое число противниковъ. Однако послѣдніе, путемъ контръ-атаки, заставили англійскія войска уступить часть занятой территоріи. Во время всѣхъ этихъ операцій англійская каваллерія успѣшно дѣйствовала на лѣвомъ флангѣ, къ западу отъ Кута.

Произведенная 22-го января на фронтѣ Соммы непріятельская атака около Ранкура была отражена англійскимъ огнемъ, причемъ англичане сохранили за собой всѣ свои позиціи. Они слегка выдвинули впередъ свою линію къ западу отъ Ле-Транслуа. 22-го января вечеромъ на фронтѣ Семмы, къ сѣверу отъ Анкра, они произвели успѣшную операцію, благодаря которой продвинулись болѣе, чѣмъ на 500 метровъ по фронту протяженіемъ въ $\frac{3}{4}$ мили. При этомъ ими взято около 100 плѣнныхъ и захвачены 3 пулемета. Въ теченіе дня они отразили двѣ атаки непріятеля съ большими для него потерями. Англійскія потери незначительны. Въ теченіе дня артилерія обѣихъ сторонъ обнаружила усиленную дѣятельность къ сѣверу отъ Соммы и въ окрестностяхъ Бомонъ-Амеля.

На итальянскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 22-го января, на фронтѣ Трентино артиллерійскимъ дѣйствіямъ снова препятствовалъ сильный снѣгъ. Въ долиняѣ

Верхняго Комелико итальянскими войсками была отбита неожиданная атака неприятеля.

На фронтъ Юлійскихъ Альпъ обычная артиллерійская перестрѣлка, достигшая особеннаго напряженія въ районѣ между высотой «144» и моремъ.

24-го января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ, что на западномъ фронтѣ послѣ сильной артиллерійской подготовки противникъ повелъ наступленіе на наши части, расположенныя къ западу отъ д. Воля Садовская (въ 15 верстахъ южнѣе м. Киселинъ), но будучи встрѣченъ огнемъ, отхлынулъ обратно въ свои окопы. Попытки противника приблизиться къ нашимъ окопамъ юго-западнѣе Бродъ были остановлены нашимъ огнемъ.

На французскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 24-го января, на правомъ берегу Мааса двѣ внезапныхъ неприятельскихъ атаки, одна къ востоку отъ Лувенома, другая въ Эпаржѣ; отбиты французскимъ огнемъ. Въ Лотарингіи неприятель, ночью, послѣ сильной артиллерійской подготовки, произвелъ атаку на одну изъ французскихъ траншей къ сѣверо-западу отъ Пароуанскаго лѣса. Неприятельскій отрядъ, подошедшій къ французскимъ первымъ линіямъ, былъ тотчасъ же отброшенъ французской контръ-атакой. Въ районѣ Ансервиллэ французы захватили германскій патруль. Въ Эльзасѣ, въ районѣ Аспаха, на сѣверо-западъ отъ Альткирхена, послѣ артиллерійской подготовки, французскіе развѣдчики проникли въ трехъ различныхъ пунктахъ въ германскія позиціи и разрушили укрѣпленія и прикрытія противника. Французскія войска вернулись обратно безъ потерь.

На англійскомъ фронтѣ по сообщенію отъ 23-го января англійская кавалерія въ ночь на 20 января достигла пункта на правомъ берегу Тигра, въ 40 километрахъ къ западу отъ Куть-Эль-Амары, расположеннаго противъ выдвинутаго впередъ турецкаго оборонительнаго укрѣпленія. Англичане подвергли бомбардировкѣ сообщеніе неприятеля по рѣкѣ. 21-го января къ западу отъ впаденія рѣки Хаи въ Тигръ они захватили 3 послѣдовательныхъ ряда неприятельскихъ траншей на протяженіи приблизительно 600 метровъ въ длину и 35 въ глубину, гдѣ и укрѣпились, несмотря на 4 контръ-атаки неприятеля. Неприятель во всѣхъ этихъ сраженіяхъ понесъ весьма тяжелыя потери. Теперь англичане держатъ подъ обстрѣломъ устье Хаи противъ Куть-Эль-Амары, на протяженіи нѣсколькихъ сотъ метровъ. Здѣсь 21-го января они потопили неприятельскіе понтоны.

По сообщенію отъ 24-го января, на фронтѣ Соммы 23-го января вечеромъ и 24-го января утромъ англичане отразили 3 попытки неприятеля произвести нападеніе и захватили плѣнныхъ. Къ сѣверо-востоку отъ Гедекюра они прошлой ночью успѣшно выполнили операцію мѣстнаго значенія, занявъ около 500 ярдовъ неприятельскихъ траншей, захвативъ 1 пулеметь, взявъ въ плѣнъ 70 человекъ, въ томъ числѣ 2 офицеровъ. Въ теченіе ночи они отразили двѣ контръ-атаки. 23-го января вечеромъ они въ районѣ Бушавена, Лизъ и Гранкура проникли въ трехъ пунктахъ въ германскія линіи. Къ востоку отъ Бокура Германцы въ теченіе послѣднихъ сутокъ произвели четыре безуспѣшныхъ контръ-атаки на англійскій новый фронтъ. Англичане укрѣпили свою позицію въ этомъ пунктѣ и во время своихъ набѣговъ и упомянутыхъ контръ-атакъ неприятеля взяли еще 39 плѣнныхъ, въ томъ числѣ одного офицера. 23-го января утромъ

къ сѣверо-востоку отъ Вермеля германскій отрядъ достигъ англійскихъ позицій, но былъ тотчасъ же отраженъ. 24-го утромъ германцы взорвали мину передъ Лабассэ.

На итальянскомъ фронтѣ по сообщенію отъ 24 января, на трентинскомъ фронтѣ происходила ограниченная артилерійская перестрѣлка. На плоскогорьѣ Тонецца итальянскія батареи разсыяли отряды непріятели. Въ долину верхняго Деганэ въ ночь на 21 января непріятель послѣ короткаго, но ожесточеннаго артилерійскаго обстрѣла пытался произвести нападеніе на итальянскія расположенія между Монте Наваджистъ и горнымъ проходомъ Омбладеть, но сейчасъ же былъ отброшенъ назадъ. На фронтѣ Юлійскихъ Альпъ непріятель 23-го января продолжалъ обстрѣль линій на Карсо отъ высоты «144» до Лизертской равнины. Итальянскія батареи энергично отвѣчали и вызвали нѣсколько пожаровъ въ долину сѣвернаго Дуино.

25-го января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго доносилъ, что на западномъ фронтѣ, на р. Березинѣ противникъ послѣ усиленнаго обстрѣла артилеріей нашего расположенія въ районѣ д. Заберезина, повелъ наступленіе на наши окопы у этой деревни, при чемъ ему удалось захватить небольшой островъ на рѣкѣ и одинъ изъ нашихъ ротныхъ окоповъ. Контръ-атакой резервовъ противникъ былъ отброшенъ обратно въ свои окопы.

На румынскомъ фронтѣ наши передовыя части выбили противника изъ окоповъ въ районѣ южнѣе рѣки Спонику, контръ-атаки противника были отбиты. Ночью противникъ, силою около двухъ ротъ, перешелъ черезъ замерзшую р. Сереть въ районѣ Сурая (юго-восточнѣе Фокшанъ) и повелъ наступленіе на наши окопы, но огнемъ былъ отброшенъ за рѣку.

На французскомъ фронтѣ по сообщенію отъ 24-го января, въ теченіе дня происходила оживленная артиллерійская перестрѣлка на бельгійскомъ фронтѣ, въ участкѣ канала Пассхендале. На правомъ берегу Мааса артилерійскій бой развивался между Лувемономъ и Шамбреттомъ, а также въ Лотарингіи, въ районѣ Амбермениля. Въ Эпаржѣ французскія батареи мѣткимъ огнемъ произвели серьезныя разрушенія въ германскихъ укрѣпленіяхъ.

По сообщенію отъ 25-го января въ Лотарингіи послѣ оживленной бомбардировки района Амбермениль Вео, германцы 24-го января къ вечеру атаковали выступъ французскихъ позицій близъ Амбермениля. Произведенной тотчасъ контръ-атакой непріятель былъ выбитъ изъ захваченныхъ имъ выдвинутыхъ впередъ окоповъ. Положеніе французовъ совершенно восстановлено. Они захватили плѣнныхъ. Въ лѣсу Паруа къ югу отъ Гремсэ и въ участкѣ Демевра, а также на правомъ берегу Мааса, французы произвели ночью нѣсколько успѣшныхъ нападеній, причемъ захватили около 20 плѣнныхъ. Въ верхнемъ Эльзасѣ попытка непріятели къ наступленію въ районѣ Сенпуа была отбита огнемъ.

Германскіе летчики сбросили 24-го января около 11 час. вечера нѣсколько бомбъ въ Дюнкеркъ. Жертвъ и разрушеній нѣтъ.

На бельгійскомъ фронтѣ по сообщенію отъ 24-го января оживленная артиллерійская перестрѣлка производилась на всемъ протяженіи бельгійскаго фронта, борьба ручными гранатами въ районѣ Стеенстрате.

На англійскомъ фронтѣ, отъ 24-го января въ Месопотаміи, подъ давленіемъ наступленія англичанъ, 21-го января непріятель очистилъ весь районъ на правомъ берегу Тигра къ востоку отъ слиянія его съ притокомъ Хай. Теперь этотъ районъ занятъ англичанами. Непріятель равнымъ образомъ покинулъ свои траншеи на западъ отъ Хая до линіи, тянущейся къ западу отъ винокуренного завода, стоящаго къ сѣверо-западу отъ впаденія Хая въ Тигръ. Непріятель, повидимому, понесъ въ послѣднихъ сраженіяхъ большой уронъ; 600 труповъ было найдено на полѣ сраженія послѣ штурма 21-го января. 22-го января были начаты дѣйствія противъ Шумрана, гдѣ англичане съ успѣхомъ обстрѣляли лагери и траншеи непріятеля.

По сообщенію отъ 24-го января, на фронтѣ Соммы, по сосѣдству съ Гранкурромъ, англичане въ теченіе 23-го января продвинули свою линію и безъ сопротивленія заняли около 1.000 ярдовъ германскихъ траншей. Въ результатѣ недавнихъ операцій къ востоку отъ Бокура ими взято еще 48 плѣнныхъ въ томъ числѣ 2 офицера. По обѣимъ сторонамъ фронта Соммы и въ участкѣ Ипра въ теченіе дня и ночи артилерія развила значительную дѣятельность, при чемъ были успѣшно обстрѣляны непріятельскія позиціи на нѣсколькихъ пунктахъ, англійскіе летчики сбросили бомбы на германскій аэродромъ и установили, что ими были причинены большія поврежденія.

На итальянскомъ фронтѣ по сообщенію отъ 25-го января, въ ночь на 22 января и на слѣдующій день непріятельскіе отряды, пользуясь темнотою и густымъ туманомъ, сдѣлали попытку произвести неожиданное нападеніе на итальянскія, выдвинутыя впередъ позиціи на горной рѣкѣ Тонале, а также у озера Гарда въ долинѣ Травиньолю (Авизио), на вершинѣ Бокке, въ долинѣ Санпеллегрино, у Пальова на среднемъ теченіи Изонцо, и въ окрестностяхъ Монте-Совера, къ югу-востоку отъ Горицы. Повсюду атаки эти были отражены, а нападавшіе разсѣяны, причемъ они понесли значительныя потери и оставили въ итальянскихъ рукахъ много плѣнныхъ.

Въ ночь съ 24-го на 25-ое одинъ изъ французскихъ аэроплановъ бросилъ 6 бомбъ на военныя сооруженія въ Ларѣ (Ларь), въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ. Въ ту же ночь одинъ изъ французскихъ воздушныхъ отрядовъ бомбардировалъ непріятельское авіаціонное поле въ Маріакерке.

26-го января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ, что на западномъ фронтѣ непріятельскимъ аэропланомъ сброшены бомбы въ районѣ Якобштадта, коими убито семь и ранено восемь нижнихъ чиновъ. Два нашихъ летчика сбросили бомбы на аэродромъ противника въ мѣст. Кобыльникъ (сѣвернѣе оз. Нарочь). Сѣверо-восточнѣе Кирлибабы наши передовыя части произвели нападеніе на выдвинутый впередъ окопъ противника. Встрѣченные огнемъ и взрывами фугасовъ, наши бросились впередъ въ образовавшіяся отъ взрыва проходы въ проволоку и заняли окопъ. Наступленіе двухъ ротъ противника съ цѣлью вернуть захваченный окопъ было отброшено.

На кавказскомъ фронтѣ попытки двухъ ротъ турокъ атаковать наши части у селенія Сафкеръ (въ 25 верстахъ югозападнѣе Гюмишханы) были отбиты нашимъ огнемъ.

На французскомъ фронтѣ по сообщенію отъ 25-го января, произошли стычки

патрулей къ югу отъ Соммы, въ районѣ Денъкура, къ востоку отъ Суассона и близъ Вайи. Въ Аргоиннахъ германцы произвели внезапное нападеніе на французскія траншеи у Бурей, однако, они не достигли никакихъ результатовъ, понеся лишь потери. Довольно оживленная артиллерійская перестрѣлка происходила на участкахъ Морторма и Дувемонъ—Лешамбреттъ.

По сообщенію отъ 26-го января, на верденскомъ фронтѣ происходила борьба при помощи ручныхъ гранатъ и довольно оживленная артиллерійская перестрѣлка въ районѣ высоты «304» и лѣса Авокуръ.

На англійскомъ фронтѣ по сообщенію отъ 26-го января, въ результатѣ непрерывнаго давленія, производимаго англичанами на обоихъ берегахъ Анкра, германцы были принуждены оставить селеніе Гранкуръ, которое англичане 26-го января и заняли, вмѣстѣ съ прилегающими къ нему оборонительными укрѣпленіями, причѣмъ англичанами было захвачено нѣсколько плѣнныхъ. Во время операцій этихъ послѣднихъ дней противникъ понесъ здѣсь тяжелыя потери. Въ теченіе ночи близъ Гедскура англійскимъ заградительнымъ огнемъ была остановлена попытка противника ворваться въ линіи англичанъ.

25-го января, при наступленіи вечера, къ юго-востоку отъ канала Лабассе англичане проникли въ непріятельскія линіи, гдѣ нанесли потери непріятелю, разрушили нѣсколько прикрытій и захватили нѣсколько плѣнныхъ.

Къ сѣверу отъ Соммы, по сосѣдству съ Курселеттомъ и между Армантьеромъ и Ипромъ велась сильная артиллерійская перестрѣлка.

На итальянскомъ фронтѣ по сообщенію отъ 26-го января, на фронтѣ Трентино артиллерійская перестрѣлка достигла наибольшаго напряженія въ долищѣ Астикю. Въ долищѣ Сугана непріятельскій отрядъ, пытавшійся атаковать итальянскія передовыя позиціи на Монте-Массо, былъ разсѣянъ итальянскими частями и во время бѣгства оставилъ на мѣстѣ оружіе и боевое снаряженіе.

На бельгійскомъ фронтѣ по сообщенію отъ 25-го января, въ районахъ Рамскапелле и Диксмюде и близъ Стеенстрате происходила оживленная артиллерійская перестрѣлка. Послѣ полудня близъ Гетеаса завязалась ожесточенная борьба при помощи ручныхъ гранатъ.

27-го января, по донесенію штаба Верховнаго Главнокомандующаго, на западномъ фронтѣ въ районѣ Маноюва (въ 30 верстахъ южнѣ Броды) убитъ ружейной пулей доблестный генералъ Кардиналовскій. Непріятельская артилерія обстрѣливала гор. Станиславовъ 12-дюймовыми снарядами.

На французскомъ фронтѣ по сообщенію отъ 26-го января, довольно оживленная артиллерійская борьба происходила къ югу отъ Соммы въ районахъ Денъкура и Лигона. Непріятельскіе аэропланы сбросили бомбы въ районѣ Понъ-Сень-Венсанъ. Убито 4 и ранено 5 мирныхъ гражданъ.

На ближнемъ Востокѣ, по сообщенію отъ 26-го января, въ теченіе послѣднихъ дней особенно оживленная артиллерійская дѣятельность происходила у Вардара и на франко-итальянскомъ фронтѣ, въ районѣ Моилы и Монастыря. Непріятель проявилъ нѣкоторую дѣятельность по всему фронту. Развѣдочныя болгарскіе отряды были отбиты у Календры въ 10 километрахъ къ западу отъ Сереса и у Просеника. Многочисленные развѣдывательные отряды оперировали

къ югу отъ озера Преспы. Передовые посты союзниковъ заняли Ойяни и выдвинулись передъ Вестени.

На французскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 27-го января, атака произведенная непріателемъ къ востоку отъ Мааса въ районѣ Во-ле-Паламэксъ, была совершенно отражена огнемъ. Въ Веврѣ, къ сѣверу отъ Флирэ, развивался ожесточенный артиллерійскій бой, а также столкновенія патрулей. Въ Вогезахъ, къ востоку отъ Нуармона, одинъ изъ французскихъ отрядовъ внезапно напалъ на германскій постъ, защитники котораго были частью перебиты, а частью взяты въ плѣнъ.

26-го января вечеромъ и 27-го января утромъ германскіе летчики дважды сбросили бомбы надъ райономъ Дюнкерка, причемъ убили четыре лица изъ гражданскаго населенія. Въ районѣ Фруара были также сброшены бомбы, которыми ранены четверо.

На англійскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 27-го января, на фронтѣ Соммы 27-го января, утромъ, англичане атаковали важную непріятельскую позицію, расположенную на самомъ возвышенномъ пунктѣ холма Сайи-Саизель, при чемъ достигли всѣхъ поставленныхъ ими цѣлей, захватили пулеметь и 78 человекъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ двухъ офицеровъ. Занятіе Гранкура англійскими войсками сопровождалось энергичнымъ наступленіемъ со стороны англичанъ по обоимъ берегамъ Анкра, гдѣ они снова значительно продвинулись впередъ. Ночью они атаковали и заняли ферму Байекуръ на пути изъ Бакура въ Миромонъ, а къ югу отъ Анкра захватили другую германскую траншею, расположенную между Ганкуромъ и прежней англійской линіей фронта. Во время этихъ операций англичане захватили еще 82 человека плѣнными, въ томъ числѣ одного офицера. Территорія, захваченная ими на Анкрѣ съ новаго года, указываетъ, что они продвинулись въ глубину непріятельскаго расположенія приблизительно на $\frac{3}{4}$ мили на фронтѣ протяженіемъ болѣе 3 миль. 26-го января вечеромъ къ югу отъ Бушавена они проникли въ германскую траншею, гдѣ захватили плѣнныхъ и одинъ пулеметь, нанеся потери германцамъ и забросавъ ихъ землянкѣ ручными гранатами. Ночью близъ Гедескура англійскимъ заградительнымъ огнемъ былъ разсѣянъ германскій отрядъ прежде, чѣмъ онъ успѣлъ достигнуть англійскихъ линій во время предпринятой имъ атаки. Къ юго-западу отъ канала Лабасэ англичане также отразили попытку непріятеля произвести нападеніе на ихъ линіи. Въ окрестностяхъ Армантьера и Ипра происходила весьма оживленная артиллерійская перестрѣлка. Англійскими снарядами былъ вызванъ сильный взрывъ въ германскихъ линіяхъ. Въ ночь съ 24 на 25-ое января англійскіе летчики удачно сбросили нѣсколько бомбъ на германскій аэродромъ.

28-го января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что на западномъ фронтѣ перестрѣлка и поиски развѣдчиковъ.

На французскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 27-го января, въ районѣ на востокъ отъ Реймса французы произвели удачное внезапное нападеніе и захватили плѣнныхъ. Французскія батареи обстрѣляли мѣткимъ огнемъ непріятельскія сооруженія въ участкѣ высоты «304», причемъ былъ взорванъ складъ снарядовъ. Ночью съ 25-го на 26-ое января боевые аэропланы сбросили бомбы на военные

заводы и на желѣзнодорожную станцію въ Берндорффъ, а также на желѣзнодорожную станцію во Фрейбургъ въ Брейстау, въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ.

По сообщенію отъ 28-го января, въ теченіе ночи французы произвели набѣги на непріятельскіе посты къ западу отъ Оберива и въ секторахъ Безанжа и Парруа, причѣмъ взяли плѣнныхъ. 27-го вечеромъ артиллерійская перестрѣлка достигла крайняго напряженія на фронтѣ Вашровилль и лѣса Карьеръ, но никакихъ пѣхотныхъ дѣйствій не послѣдовало.

Въ ночь съ 27-го на 28-ое января французскій летчикъ бомбардировалъ вокзалъ и казармы въ Карлеруэ. Германскіе аэропланы 28-го утромъ сбросили бомбы надъ райономъ Дюнкерка и дважды прошлую ночью и 28-го утромъ сбрасывали бомбы надъ городомъ Амьень, Данси и райономъ Понсэ-И-Венсанъ.

На англійскомъ фронтѣ по сообщенію отъ 28-го января, ночью и утромъ англичане произвели удачныя нападенія на непріятельскія линіи къ востоку отъ Ипра. Они разрушили здѣсь большое число непріятельскихъ прикрытій и захватили нѣсколько плѣнныхъ. Ночью къ югу отъ Армантера германцы, послѣ яростной бомбардировки, пытались приблизиться къ англійскимъ траншеямъ, но, подвергшись въ промежуточной зонѣ дѣйствию заградительнаго огня, были легко отбиты. За прошлые сутки англичане захватили на различныхъ участкахъ фронта 37 плѣнныхъ, въ томъ числѣ двухъ офицеровъ. Англійская артилерія удачно состязалась съ непріятельскими батареями и вызвала два взрыва въ германскихъ линіяхъ.

На итальянскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 28-го января, 25-го января, послѣ полудня, непріятель въ теченіе нѣсколькихъ часовъ непрерывно обстрѣливалъ артиллерійскимъ огнемъ итальянскія позиціи на правомъ берегу Brentы. Итальянскія батареи энергично отвѣчали и сосредоточеннымъ огнемъ совершенно остановили наступательную попытку непріятеля.

29-го января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что на западномъ фронтѣ, послѣ сильной артиллерійской подготовки, нѣмцы силою около двухъ ротъ въ бѣлыхъ халатахъ атаковали участокъ нашей позиціи сѣвернѣе Станиславова и ворвались въ наши окопы. Контръ-атакой нашего резерва противникъ былъ выбитъ.

На Черномъ морѣ, нашими судами у береговъ Анатоліи потоплено три шхуны, груженныя зерномъ.

На французскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 28-го января, къ западу отъ Понтамуссона французы произвели удачный набѣгъ и захватили 10 плѣнныхъ. На обоихъ берегахъ Мааса происходила оживленная артиллерійская перестрѣлка, не сопровождавшаяся дѣйствіями пѣхоты. На остальномъ протяженіи фронта обычная канонада.

Въ теченіе послѣдней ночи французскіе аэропланы произвели рядъ воздушныхъ набѣговъ и воздушныхъ сраженій. Два непріятельскихъ аппарата, въ томъ числѣ одинъ трипланъ, были сбиты и упали во французскихъ линіяхъ. Одинъ изъ этихъ аппаратовъ сбитъ лейтенантомъ Гинемеромъ—это 31-й аппаратъ сбитый названнымъ летчикомъ.

По сообщенію отъ 29-го января, въ Апремонскомъ лѣсу французы проникли

въ германскія линіи и взяли въ плѣнъ 9 человекъ, въ томъ числѣ 3 унтеръ-офицера.

На англійскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 29-го января, къ востоку отъ Сайи-Сайзелъ послѣ ожесточенной бомбардировки германцы 28-го вечеромъ атаковали англійскія новыя позиціи. Атаки эти всюду оказались безуспѣшными, и англичане полностью удержали свою линію. Къ юго-востоку отъ Вермейль и къ югу отъ Невъ-Шапель германцы пытались въ теченіе ночи произвести нападеніе на англійскія траншеи, но были отражены со значительными для нихъ потерями, причѣмъ англичанами были взяты плѣнные. Къ востоку отъ Невиль Сень-Вааста англійскій отрядъ проникъ въ германскія траншеи, разрушилъ мѣста для установки пулеметовъ и возвратился обратно, не понеся потерь. За послѣднія сутки англичанами взято 48 плѣнныхъ, изъ которыхъ 2 офицера. На обоихъ берегахъ Соммы въ окрестностяхъ Серръ и въ участкѣ Ипра артилерія проявляетъ значительную дѣятельность. Ея огнемъ вызваны 4 взрыва въ германскихъ линіяхъ. 28 января англичане сбросили бомбы надъ многими важными въ военномъ отношеніи пунктами и произвели большія разрушенія на германскомъ аэродромѣ.

Днемъ 27-го января британскіе аэропланы совершили налетъ на аэродромъ въ Гистеллѣ и сбросили большое количество бомбъ, удачно разорвавшихся въ намѣченныхъ пунктахъ. Летчики и аппараты возвратились невредимыми.

Англичане укрѣпили позиціи, занятыя ими 23-го января. Одновременно съ этимъ они произвели нѣсколько небольшихъ атакъ съ примѣненіемъ ручныхъ гранатъ и нѣсколько разъ бомбардировали сахарный заводъ Реклиссъ, гдѣ непріятель сильно укрѣпился. Кавалерія 25-го января произвела успѣшнѣйшій набѣгъ и захватила большое количество хлѣба. Перейдя 27-го января въ наступленіе къ западу отъ рѣки Хай, подъ прикрытіемъ ожесточенной бомбардировки, англичане овладѣли частью новаго фронта непріятеля и укрѣпились здѣсь, несмотря на двѣ контръ-атаки. Далѣе къ западу они проникли въ непріятельскія траншеи и послѣ атакъ съ примѣненіемъ ручныхъ гранатъ завладѣли траншеями на фронтѣ протяженіемъ въ 1.200 ярдовъ, гдѣ и укрѣпились. Во время этихъ операцій кавалерія, дѣйствовавшая на западномъ флангѣ, разсѣяла непріятельскіе аванпосты на югъ и западъ отъ излучины рѣки Шумранъ.

На итальянскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 29-го января, на всемъ фронтѣ происходили обычныя артиллерійскія дѣйствія и поиски развѣдчиковъ. Ночью на Карсо одинъ изъ отрядовъ внезапной атакой занялъ котловину близъ Долины, вытѣснивъ изъ нея непріятеля. При этомъ итальянцами были взяты плѣнные.

Китайское правительство въ своемъ отвѣтѣ Германіи протестовало противъ безпощадной подводной войны, угрожая разрывомъ.

Чилійское правительство въ отвѣтъ на германскую ноту оставляетъ за собою свободу дѣйствій; подобная же нота послана уругвайскимъ правительствомъ.

30-го января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ, что на западномъ фронтѣ, въ районѣ Боровой Млынъ (сѣверо-восточнѣе Сморгони) наши развѣдчики, незамѣтно прорѣзавъ проволочное загражденіе противника, атаковали его караулъ и захватили пулеметь.

Противникъ, пользуясь метелью, произвелъ нападеніе, силою около батальона на участокъ сѣвернѣе к. Михайловка (въ 10 верстахъ сѣвернѣе мѣст. Киселинъ), занятый двумя нашими ротами. На участкѣ одной роты нападеніе было отбито а на лѣвомъ флангѣ участка другой роты противнику удалось ворваться въ наши окопы, но при поддержкѣ сосѣдней роты онъ былъ отброшенъ и наше положеніе восстановлено.

Южнѣе Галича противникъ силою до четырехъ ротъ перешелъ черезъ Днѣстръ по льду и атаковалъ наши заставы. Несмотря на сильный огонь заставъ и на заградительный огонь нашей артиллеріи, противнику удалось сначала потѣснить наши заставы, но контръ-атакой противникъ былъ отброшенъ и наши заставы заняли первоначальное положеніе.

На французскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 29-го января, на всемъ протяженіи фронта дѣятельность артиллеріи средняго напряженія.

Неприятель сбросилъ бомбы на Нанси и Понь-Сенъ-Венсанъ, не причинивъ, однако, вреда. Въ ночь съ 28-го на 29-ое января французскія воздушныя эскадрильи произвели новые налеты и сбросили бомбы въ Лотарингіи на доменные печи въ долину Саара, Гагонданжѣ, Эшгъ и Мезьеръ у Мецца. По сосѣдству съ вокзаломъ въ Армавиллѣ произошелъ пожаръ. Аэродромъ въ Кольмарѣ и портъ Зеебрюгге были также бомбардированы французскими аэропланами.

По сообщенію отъ 30-го января французы произвели два внезапныхъ нападенія: одно въ Аргонахъ, а другое въ участкѣ высоты «104», во время которыхъ взяли плѣнныхъ.

Въ ночь съ 29-го на 30-ое января французскія воздушныя эскадрильи бомбардировали желѣзнодорожныя станціи въ Стеней-Данъ-Сюръ-Мезъ и Атисъ.

На англійскомъ фронтѣ по сообщенію отъ 30-го января, англичане вновь совершили операцію, увѣнчавшуюся успѣхомъ. Въ теченіе послѣдней ночи къ сѣверу отъ Анкра они овладѣли системой неприятельскихъ траншей къ югу отъ холма Серръ на протяженіи 1.200 метровъ. Ими взято 215 плѣнныхъ; это число значительно превышаетъ потери, понесенныя нами во время этой операціи. Неприятельскій отрядъ, пытавшійся 30-го января утромъ приблизиться къ англійскимъ линіямъ къ югу отъ Сайи-Сайизеля, отброшенъ огнемъ. Во время ночи англичане проникли въ неприятельскія траншеи близъ Лепи, къ юго-западу отъ канала Лабасэ, а также къ сѣверо-востоку отъ Невшапелля и къ югу отъ Фокиссара, причѣмъ противнику нанесены значительныя потери и разрушены его прикрытія. Захвачены плѣнные.

На бельгійскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 29-го января, въ теченіе дня и ночью поддерживалась артилерійская перестрѣлка средняго напряженія.

На итальянскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 29-го января, на трентинскомъ фронтѣ происходила артилерійская перестрѣлка съ перерывами. Въ районѣ къ востоку отъ Горицы въ ночь съ 27 на 28 января, послѣ артилерійской подготовки тяжелыми и траншейными мортирными орудіями, неприятель атаковалъ значительными силами итальянскія позиціи на западныхъ склонахъ Санта-Катрина, къ сѣверо-западу отъ Санъ-Марко и къ востоку отъ Вертойбиа между Соборомъ и желѣзной дорогой Горица—Дорнбергъ. Послѣ ожесточеннаго боя неприятель былъ почти повсюду отброшенъ. Небольшой участокъ

ш*

итальянских передовых траншей, еще не отбитый итальянцами, находится под дѣйствіемъ сильнаго заградительнаго огня ихъ артилеріи. Итальянцы захватили около 70 плѣнныхъ, въ томъ числѣ одного офицера.

Германскій посольскій С. А. С. Штатовъ Джерардъ съ чинами посольства и членами американской колоніи выѣхалъ въ Швейцарію.

Японское правительство рѣшило поддержать выступленіе Китая противъ Германіи.

Швейцарія въ отвѣтъ Вильсону, заявляетъ, что будетъ твердо придерживаться нейтралитета. Въ швейцарской нотѣ Германіи союзный совѣтъ настойчиво протестуетъ противъ блокады.

31-го января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что на западномъ фронтѣ перестрѣлка и поиски развѣдчиковъ.

На румынскомъ фронтѣ англійскіе броневики дважды выдвигались къ позиціямъ противника въ районѣ устья Серета и обстрѣливали ихъ артилерійскимъ огнемъ.

Нашими летчиками сброшены четыре бомбы на аэродромъ противника въ д. Кобыльники (сѣвернѣе оз. Нарочь). Непрiятельскими аэропланами сброшены бомбы на ст. Погорѣльцы, Александровской желѣзной дороги, надъ Луцкомъ и въ районѣ юго-восточнѣе Галича. Сѣверо-восточнѣе Фокшаны французскій летчикъ вступилъ въ бой съ аэропланомъ противника, который черезъ нѣсколько минутъ стремительно пошелъ книзу, видимо поврежденный.

На французскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 30-го января, въ районѣ Безанжа и въ нѣкоторыхъ участкахъ Вогезовъ обѣими сторонами развивается дѣятельность артилеріи съ промежутками.

По сообщенію отъ 31-го января, французскій огонь разсѣялъ крупный германскій развѣздъ въ участкѣ Аншпахъ, причинивъ потери противнику.

На бельгійскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 30-го января, въ направленіи Хетсаса происходилъ бой съ примѣненіемъ ручныхъ гранатъ. Въ другихъ пунктахъ бельгійскаго фронта артилерійскій огонь средней напряженности.

На англійскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 31-го января, прошлой ночью къ сѣверу отъ Анкра, по-близости отъ дороги Бокуръ-Шюизье, въ результатъ небольшой операціи, предпринятой на ограниченномъ фронтѣ, англичанамъ снова удалось продвинуться впередъ. Они безъ труда заняли около 600 ярдовъ германскихъ траншей и захватили плѣнныхъ.

30-го января, рано вечеромъ, къ югу отъ холма Серръ, германцы атаковали англійскія новыя позиціи, но, встрѣченные заградительнымъ и пулеметнымъ огнемъ, легко были отбиты. Ночью, къ юго-востоку отъ Армантьера англійскіе развѣдочные отряды проникли въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ германскія линіи. Одинъ изъ этихъ отрядовъ взорвалъ складъ съ боевыми припасами и захватилъ нѣсколько плѣнныхъ.

31-го января утромъ къ сѣверо-востоку отъ Невиль-Сень-Вааста англійская артилерія разсѣяла германскій отрядъ, который, какъ было замѣчено, скопился, чтобы произвести нападеніе на англійскія линіи. Днемъ къ сѣверу отъ Соммы по близости отъ Армантьера и Ипра англичане произвели рядъ удачныхъ артилерійскихъ обстрѣловъ.

На англійскомъ фронтѣ 28-го января англійская артиллерія бомбардировала мостъ на Шуранѣ, при чемъ потопила нѣсколько непріятельскихъ судовъ. 19-го января англичане возобновили наступленіе на правомъ берегу Тигра, и непріятель былъ отброшенъ къ своей послѣдней линіи окоповъ близъ Туурбе-Дахра, къ западу отъ Куть-эль-Амары. Въ настоящее время ихъ линія пересѣкаетъ изгибъ рѣки и, занимая по фронту приблизительно 5 километровъ, совершенно окружаетъ непріятеля.

На французскомъ фронтѣ французскіе летчики бомбардировали желѣзнодорожную станцію въ Криволакѣ.

Британская воздушная эскадра взорвала складъ снарядовъ къ сѣверу отъ Демиръ-Гисара.

Французскія воздушныя эскадры сбросили бомбы надъ аэродромами въ Эгрейэ-на-Энѣ и въ Санкурѣ на Соммѣ, а также надъ желѣзнодорожными станціями въ Ати, Омбле, Вуаннѣ, Кюрпи, Сэнъ-Кантенѣ и Гамѣ, а также надъ заводами къ востоку отъ Тернье, гдѣ было отмѣчено нѣсколько взрывовъ.

2-го февраля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ: на западномъ фронтѣ послѣ болѣе чѣмъ двухчасовой подготовки противникъ перешелъ въ атаку на наши части, расположенныя въ районѣ дер. Кабаровце, въ 25 верстахъ юго-восточнѣе Золочова. По послѣднему донесенію въ этомъ районѣ идетъ ожесточенный бой.

На французскомъ фронтѣ непріятельская артиллерія, которой французская энергично отвѣчала, подвергла ожесточенной бомбардировкѣ французскія позиціи, въ участкѣ Мезонъ-де-Шампань. На правомъ берегу рѣки Маась происходилъ довольно сильный артиллерійскій бой въ районахъ Годромонъ и Во.

Въ Лотарингіи французская артиллерія подвергла разрушительному огню непріятельскія укрѣпленія въ Ловиньи, Коанкурѣ и Безанжѣ.

На Ближнемъ Востокѣ контръ-атакой противъ высоты «1050» къ востоку отъ Паралово итальянцы снова овладѣли всѣми траншеями, ранѣе уступленными противнику. Контръ-атака, произведенная непріятелемъ днемъ, 31-го января, была совершенно отражена. Потери, понесенныя германцами 30-го и 31-го января, значительны.

На англійскомъ фронтѣ къ юго-востоку отъ Гранкура англичане въ теченіе дня заняли сильную германскую позицію.

Между Уазой и Эномъ французы произвели 1-го февраля внезапное нападеніе на германскія траншеи въ районѣ Пюисалена. Французскіе отряды проникли до второй линіи германскихъ позицій, разрушили полевыя укрѣпленія и прикрытія и нанесли германцамъ чувствительныя потери. Въ Шампани въ теченіе ночи развивался сильный артиллерійскій бой на участкѣ рѣки Турбъ.

Въ теченіе дня 1-го февраля и въ ночь на 2-е февраля французскіе воздухоплавательные отряды успѣшно бомбардировали аэродромы въ Кольмарѣ, Вареннѣ и Матиньи, а также желѣзнодорожныя станціи Ати и воинскія расположенія въ Кюрши.

1-го февраля къ югу отъ Серра германцы снова произвели на англійскія новыя позиціи нѣсколько послѣдовательныхъ атакъ, которыя всѣ окончились неудачей.

Рано утромъ къ востоку отъ Сусе англичане произвели весьма удачное нападеніе на противника. Англійскія части проникли въ германскія позиціи на нѣсколько сотъ ярдовъ, сильно повредивъ укрѣпленія противника. Англичанами также были разрушены четыре минныхъ галлерей, часть желѣзнодорожнаго полотна и взорвано нѣсколько прикрытій. Германцы оказали ожесточенное сопротивленіе, значительное число непріятельскихъ солдатъ было перебито.

3-го февраля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ: на западномъ фронтѣ атака противника на наши части, расположенныя южнѣ деревни Карабовце (юго-восточнѣ Золочова), о которомъ упоиналось во вчерашнемъ сообщеніи, отбита.

На англійскомъ фронтѣ по сообщенію отъ 3-го февраля въ теченіе послѣднихъ сутокъ продолжалась большая дѣятельность артиллеріи на нѣкоторыхъ пунктахъ англійскаго фронта, въ особенности къ сѣверу отъ Соммы въ районѣ Ипра, гдѣ англичане произвели новый взрывъ въ германскихъ линіяхъ.

Американскому посланнику въ Бельгіи было предписано германскими властями спустить американскій флагъ надъ зданіемъ миссіи въ Брюсселѣ.

Контролемъ союзниковъ въ Греціи установлено нахожденіе 3.000 ирегулярныхъ войскъ позади нейтральной зоны и 50 переодѣтыхъ офицеровъ. 1 миллионъ ружей не выданъ. Лига резервистовъ не распущена, вслѣдствіе чего снятіе блокады признается невозможнымъ.

4-го февраля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ: на Черномъ морѣ нашими судами у береговъ Анатолиі уничтожено 16 парусныхъ шхунъ.

На французскомъ фронтѣ огнемъ французскихъ тяжелыхъ батарей вызванъ взрывъ въ германскомъ складѣ снарядовъ въ Маврѣ, къ сѣверу отъ Тагюра.

3-го февраля въ Шампани бой послѣ полудня принялъ весьма ожесточенный характеръ. Около 3 часовъ дня, послѣ взрыва нѣсколькихъ минъ, германцамъ удалось проникнуть въ западный выступ Мезонъ-де-Шампани, къ сѣверу отъ дороги, идущей отъ этого пункта къ Менильскому холму.

Заградительнымъ огнемъ, а также фланговымъ огнемъ французовъ, подошвшихъ изъ района къ сѣверу отъ Мопы и Массиза, нападающимъ нанесены значительныя потери.

Въ ночь со 2-го на 3-е февраля воздушныя эскадры бомбардировали вокзалъ Вуаена и желѣзнодорожныя пути въ районы Сень-Кантена и непріятельскіе бивуаки въ Гамѣ, а также желѣзнодорожныя станціи въ Спенкурѣ, доменные печи въ Укингенѣ, Ромбахѣ и Мезьерѣ у Метца, аэродромъ и казармы въ Дьезѣ и артиллерійскій паркъ къ сѣверу отъ Вика.

Въ Месопотаміи, возобновивъ 2-го февраля наступленіе въ излучинѣ Дахра, на правомъ берегу Тигра, англичане овладѣли важной технической позиціей на правомъ флангѣ непріятельскаго расположенія.

Произведя затѣмъ атаку на центръ праваго крыла непріятели они овладѣли позиціями на протяженіи 300 ярдовъ. Затѣмъ, пользуясь ручными гранатами, развили свой успѣхъ и овладѣли участкомъ въ 500 ярдовъ глубиной по фронту въ 1.000 ярдовъ. Они легко отразили нѣсколько нерѣшительныхъ контръ-атакъ,

произведенныхъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Затѣмъ они произвели атаку противъ центра лѣваго крыла непріятельскаго расположенія и овладѣли позиціями на протяженіи 850 ярдовъ. Такимъ образомъ, если не считать нѣсколько малыхъ постовъ на берегахъ рѣки, они совершенно очистили излучину Дахра отъ непріятели.

Между тѣмъ англійская кавалерія, дѣйствуя на лѣвомъ флангѣ къ югу и западу отъ излучины Шумрана, успѣшно продвигалась впередъ.

Въ ночь съ 2-го на 3-е февраля они вытѣснили непріятельскіе посты, которые еще держались на берегахъ рѣки, и къ разсвѣту 3-го февраля совершенно овладѣли всей излучиной Дахра.

Въ бояхъ 2-го февраля и послѣдующей ночи англичане взяли въ плѣнъ 1.995 человекъ, въ томъ числѣ 89 офицеровъ, изъ коихъ два полковника и три майора. Кромѣ того, захвачены 5 пулеметовъ, 2.500 винтовокъ и большое количество боевыхъ и продовольственныхъ припасовъ и предметовъ снаряженія.

Англійская артиллерія потопила нѣсколько понтоновъ, на которыхъ турки пытались переправиться черезъ рѣку.

Большое количество предметовъ турецкаго снабженія было уничтожено огнемъ англійской артиллеріи, а также самими турками.

Въ теченіе дня 3-го февраля англичане, несмотря на неблагоприятную погоду, продвинулись еще на 1.200 ярдовъ къ югу отъ излучины Шумрана, и ихъ аванпосты заняли юго-западный уголъ этой излучины.

На англійскомъ фронтѣ днемъ 4-го февраля на лѣвомъ берегу Тигра англичане штурмовали линію у Саннайата и овладѣли двумя линіями укрѣпленій, одной на протяженіи 350, а другой на протяженіи 540 ярдовъ. Часъ спустя они отразили сильную контръ-атаку. Произведенная непріателемъ полчаса спустя вторая сильная атака отчасти имѣла успѣхъ и заставила ихъ правый флангъ отойти къ прежней линіи. Послѣ этого англійскій лѣвый флангъ также былъ отодвинутъ подъ защиту заградительнаго огня артиллеріи. Англичане вновь продвинулись въ западной части излучины рѣки Шумрана, къ югу отъ Тигра.

5-го февраля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго доносилъ: на западномъ фронтѣ послѣ сильной артиллерійской подготовки германцы, силою въ 1—1½ роты, одѣтые въ бѣлые халаты, атаковали участокъ нашей позиціи, восточнѣе м. Къшава (юго-западнѣе Двинска). Части наступавшихъ нѣмцевъ удалось ворваться въ нашъ передовой окопъ, но при содѣйствіи участковаго резерва они были немедленно выбиты.

На румынскомъ фронтѣ наши части, неожиданной атакой, безъ выстрѣла, овладѣли сильно укрѣпленнымъ опорнымъ пунктомъ противника на высотѣ, что въ 18 верстахъ юго-западнѣе дер. Окна.

На англійскомъ фронтѣ: 4-го февраля утромъ англичане повели наступленіе на обоихъ берегахъ Анкра и успѣшно продвинулись на весьма значительное разстояніе. Къ югу отъ Анкра, противъ деревни Миромонъ и Пти-Миромонъ, они произвели атаку и захватили германскія позиціи на участкѣ протяженіемъ около полутора мили и глубиною свыше 1.000 ярдовъ. Такимъ образомъ они продвинулись къ деревнѣ Пти-Миромонъ, отъ которой теперь находятся въ разстояніи лишь нѣсколькихъ сотъ ярдовъ.

Къ сѣверу отъ Анкра на склонахъ Эперона, къ сѣверу отъ фермы Байекуръ, они овладѣли важной непріятельской позиціей на фронтѣ въ 1.000 ярдовъ и отразили контръ-атаку германцевъ.

Сверхъ значительныхъ потерь причиненныхъ непріятелю, они захватили плѣнныхъ.

Утромъ англичане въ двухъ пунктахъ: къ югу отъ Невшапелля и къ сѣверовостоку отъ Плегстерта, ворвались въ предѣлы непріятельскаго расположенія и достигли второй линіи германскихъ позицій.

Морскіе летчики атаковали 3-го февраля аэродромъ въ Гистели. Были успѣшно сброшены большія бомбы.

Въ то же время былъ атакованъ портъ Брюгге и стоявшія въ немъ суда, при чемъ были замѣтны удачныя попаданія.

6-го февраля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ: на западномъ фронтѣ въ ночь съ 4-го на 5-е февраля противникъ выпустилъ 4 газовыхъ волны на участокъ нашей позиціи между д.д. Семенки и Дубатовка (южнѣе озера Вишневекаго).

На англійскомъ фронтѣ 5-го февраля во время операцій у Анкра англичанами захвачено 12 офицеровъ и 761 нижній чинъ. Кромѣ того, захвачено много пулеметовъ и бомбометовъ.

6-го февраля утромъ значительныя силы противника атаковали англійскія новыя позиціи на отрогѣ по ту сторону фермы Байекуръ. Непріятельская пѣхота наступала тремя волнами, имѣя въ тылу вспомогательныя отряды, но, попавъ подъ сосредоточенный огонь англійской артиллеріи, была отброшена, понеся тяжелыя потери, не достигнувъ англійскихъ линій ни въ одномъ пунктѣ.

Непріятельскіе отряды пытавшіеся ворваться въ англійскія линіи къ югу отъ Ипра, были отброшены. Англичане захватили плѣнныхъ, причинивъ противнику многочисленныя потери.

Петроградскій военный округъ изъять изъ подчиненія главнокомандующему арміями сѣвернаго фронта.

7-го февраля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ: на западномъ фронтѣ противникъ густыми цѣпями силой около батальона повелъ наступленіе на участокъ нашей позиціи въ районѣ Славентинъ (къ сѣверо-западу отъ Подгайцы). Встрѣченный нашимъ сосредоточеннымъ огнемъ, былъ принужденъ вернуться въ свои окопы.

На Черномъ морѣ нашей подводной лодкой у Босфора потопленъ одинъ небольшой пароходъ и восемь парусныхъ шхунъ.

На англійскомъ фронтѣ 7-го февраля вечеромъ къ югу отъ Летранслау, подъ прикрытіемъ сильной бомбардировки, которая сравняла съ землей британскія траншеи, сильный германскій отрядъ, пользуясь струями горячей жидкости, овладѣлъ однимъ изъ англійскихъ передовыхъ постовъ. Ночью у Армантьера и къ востоку отъ Ипра англичане проникли въ германскія позиціи, гдѣ произвели значительныя разрушенія.

Американскій посоль въ Вѣнѣ передалъ министерству иностранныхъ дѣлъ меморандумъ по вопросу о подводной войнѣ.

Въ Петроградѣ состоялось первое засѣданіе совѣщанія о будущемъ устройствѣ Польши.

9-го февраля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ: на румынскомъ фронтѣ послѣ артиллерійской подготовки густыя цѣпи противника сдѣлали попытку атаковать наши позиціи въ районѣ сѣверо-восточнѣ Дорна-Ватры, но огнемъ были остановлены въ 300 шагахъ отъ нашихъ окоповъ; съ наступленіемъ темноты цѣпи противника отошли въ исходное положеніе.

10-го февраля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ: на западномъ фронтѣ послѣ часовой артиллерійской подготовки германцы силой до двухъ батальоновъ трижды атаковали участокъ позиціи у сел. Движенъ (въ 20 верстахъ къ востоку отъ Золочова), причемъ имъ удалось ворваться въ наши окопы, но контръ-атакой стрѣлковъ они были отброшены обратно въ свое исходное положеніе.

На французскомъ фронтѣ: на правомъ берегу рѣки Маасъ велся довольно сильный бой артиллерійскій.

На Ближнемъ Востокѣ дѣятельность артиллеріи развертывалась на всемъ протяженіи фронта.

Летчики проявили большую дѣятельность. Произошло нѣсколько успѣшныхъ боевъ въ воздухѣ. Были сброшены бомбы надъ непріятельскими маршевыми колоннами около Сереза, на Мелькукъ.

Французы произвели два внезапныхъ нападенія на непріятельскіе окопы: одно къ юго-западу отъ лѣса Малапкуръ, а другое къ востоку отъ Мульи-на-Маасскихъ высотахъ, причемъ захватили около 300 плѣнныхъ.

Въ Средиземномъ морѣ непріятельской подводной лодкой потопленъ пароходъ «Athas», перевозившій сенегальскихъ стрѣлковъ. Спасено 1.450 челов.

На англійскомъ фронтѣ 11-го февраля, подъ непрерывнымъ давленіемъ англійскихъ войскъ, германскія войска эвакуировали новыя важныя позиціи на обоихъ берегахъ рѣки Анкра. Англичане сдѣлали значительные успѣхи къ югу и юго-востоку отъ Миромона на фронтѣ протяженіемъ въ 1 милю и вступили въ деревню Пти-Миромонъ. Они также выдвинули впередъ свою линію на фронтѣ протяженіемъ болѣе 1¹/₂ мили къ югу и юго-востоку отъ Серръ.

13-го февраля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго доносилъ: на западномъ фронтѣ на участкѣ Семенки-Лещепяты (южнѣе озера Вишневекаго) противникомъ была выпущена газовая волна, которая, дойдя до нашихъ окоповъ, вслѣдствіе переменъ вѣтра, пошла въ сторону непріятельскихъ окоповъ.

10-го февраля французскія эскадры летчиковъ сбросили множество снарядовъ надъ непріятельскими лагерными расположеніями и складомъ снарядовъ около Спенкура, причемъ было отмѣчено множество взрывовъ. Бомбы были также сброшены надъ аэродромомъ и ангаромъ въ Бюзанси и надъ желѣзной дорогой въ Арсѣ на Мозеллѣ, надъ желѣзнодорожными станціями въ Буссервилль, въ Вельфлингѣ и въ районѣ Вейсенбурга.

На итальянскомъ фронтѣ 12-го февраля въ теченіе дня происходила обычная артиллерійская перестрѣлка особенно въ долинѣ Сугана, въ участкѣ Плавы и къ востоку отъ Горичи. Попытки непріятели произвести нападенія на итальянскія позиціи на сѣверныхъ склонахъ Кольбрикона (долина Травиньола), у

Наваджуста (верхнее теченіе Догапо) и на Слемъ (Монте-Перо) были немедленно отражены съ нанесеніемъ непріятелю тяжелыхъ потерь.

На англійскомъ фронтѣ за послѣднія сутки 12-го февраля непріятель продолжалъ очищать территорию на Анкрѣ.

Въ виду незначительнаго сопротивленія противника, небольшие англійскіе отряды продвинулись на значительное разстояніе и заняли сел. Серръ и нѣсколько другихъ важныхъ пунктовъ, далѣе на востокъ отъ Фистраатъ.

На англійскомъ фронтѣ 13-го февраля англичане продолжали движеніе, о которомъ упоминалось въ сообщеніи отъ 11-го и 12-го февраля, на обоихъ берегахъ Анкра. Въ настоящее время это продвиженіе ихъ впередъ простирается вдоль фронта приблизительно на 11 миль, начиная отъ востока у Гедекура до Гомкура, и достигло въ глубину 2 миль. Кромѣ сел. Серръ, о которомъ упоминалось 12-го, они занимаютъ сейчасъ сильную позицію, называемую холмомъ «Валенкуръ», а также сел. Варленкуръ-Фокуръ, Пись и Миромонъ. Кромѣ того они достигли подходовъ къ Лебаркъ-Иблю и Пюйзе-о-Монъ.

На Мессопотамскомъ фронтѣ англичане, по сообщенію отъ 13-го февраля, заняли Куть-эль-Амару, захвативъ 1.700 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 1 турецкаго полковника и 4 германцевъ.

14-го февраля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ: на западномъ фронтѣ въ районѣ Сморгони противникомъ была произведена газовая атака, причѣмъ въ теченіе семи часовъ было выпущено восемь волнъ.

На Кавказскомъ фронтѣ нападеніе турокъ на наши части, находящіяся сѣвернѣе Сивасскаго шоссе, было отбито огнемъ и контръ-атакой.

На итальянскомъ фронтѣ 14-го февраля артиллерійская перестрѣлка въ районѣ къ востоку отъ Горицы усилилась. Снаряды попадали въ городъ.

Итальянскіе летчики бросили бомбы надъ Валлоне (на Карсо), причѣмъ было ранено нѣсколько человекъ.

15-го февраля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго доносилъ: на румынскомъ фронтѣ 14-го февраля днемъ противникъ послѣ артиллерійской подготовки атаковалъ наши позиціи по обѣ стороны шоссе Якобени-Кимполунгъ и занялъ высоты въ 3 верстахъ юго-западнѣе дер. Валапуиза. Вечеромъ 14-го февраля контръ-атаками нашихъ частей противникъ былъ отброшенъ съ высоты у желѣзной дороги. Высоты же по обѣ стороны шоссе остались въ рукахъ непріятеля.

На французскомъ фронтѣ въ теченіе 14-го февраля происходилъ довольно сильный артиллерійскій бой въ участкахъ Эшелль-Сентъ-Обень и Боврэнъ (къ югу отъ Авры), а также въ Аргоннахъ, у Вокуа. Въ районѣ Вайи французы отразили внезапное нападеніе непріятеля. Они подвергли разрушительному огню непріятельскія укрѣпленія у лѣса Маланкуръ и въ участкѣ высоты «304».

На англійскомъ фронтѣ англичане одержали новые успѣхи къ сѣверу и югу отъ Анкра и въ теченіе ночи на 15-е февраля заняли сел. Баркъ.

15-го февраля они овладѣли также сел. Линьи и укрѣпились въ западныхъ и сѣверныхъ оборонительныхъ укрѣпленіяхъ Пюизье-о-Монъ.

На англійскомъ фронтѣ въ Месопотаміи сильныя турецкіе арьергарды съ артиллерією были обнаружены на позиціяхъ въ 15 миляхъ къ сѣверо-

западу отъ Куть-эль-Амары, гдѣ они прикрывали отступающія силы отъ обхода. Послѣ сильной бомбардировки британская пѣхота пошла на приступъ непріятельскихъ позицій и укрѣпилась на нихъ, въ то время, какъ кавалерія оперировала вокругъ турецкаго сѣвернаго фланга.

Къ 15-му февраля районъ военныхъ дѣйствій передвинулся отъ Куть-эль-Амары значительно далѣе, вверхъ по рѣкѣ.

Общее число плѣнныхъ достигаетъ уже нѣсколькихъ тысячъ.

Голландія потребовала отъ Германіи въ видѣ вознагражденія за потопленіе семи пароходовъ такое же количество германскихъ судовъ.

16-го февраля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ: на румынскомъ фронтѣ въ ночь на 15-е февраля наши части произвели контръ-атаки на высоты, занятыя наканунѣ противникомъ, по обѣ стороны шоссе Якобени-Кимполунгъ. Наши атаки сѣвернѣе шоссе успѣха не имѣли; къ югу отъ шоссе противникъ сбитъ и наше положеніе возстановлено. Днемъ 15-го февраля румынскія части атаковали позиціи противника въ двухъ верстахъ южнѣе деревни Рекоса (сѣвернѣе р. Завала), сбили противника и заняли высоту, захвативъ пулеметъ и плѣнныхъ.

На англійскомъ фронтѣ 16-го февраля утромъ англичане произвели атаку и овладѣли частью германскаго окопа къ сѣверо-востоку отъ Сайи-Сайзель. Продвиженіе англичанъ къ сѣверу и къ югу отъ Анкра продолжается. Ночью они заняли Гомекуръ. 16-го овладѣли дер. Тиллуа и Пуизье-о-Монъ и системой прилегающихъ окоповъ и продвинулись на 1.000 ярдовъ къ сѣверо-востоку отъ Гомекура.

На итальянскомъ фронтѣ непріятельскіе летчики безрезультатно бомбардировали Горицу и Валлоне. Одна изъ итальянскихъ воздушныхъ эскадръ успѣшно бомбардировала непріятельскія расположенія въ окрестностяхъ Серрады, на плоскогорьѣ Фольгарія.

Командующій британскими войсками въ Месопотаміи доноситъ, что въ теченіе всего дня 14-го февраля англійская кавалерія и канонерки продолжали преслѣдованіе разбитаго непріятели. Взято большое число плѣнныхъ, а также захвачено по меньшей мѣрѣ, 6 орудій, 3 гаубицы, 8 минометовъ, 30 понтоновъ, а также матеріалъ для сооруженія мостовъ, большой рѣчной пароходъ и нѣкоторое количество военнаго снаряженія, оружія и боевыхъ припасовъ.

17-го февраля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ: на румынскомъ фронтѣ въ районѣ сѣвернѣе шоссе Якобени-Кимполунгъ бой продолжается. Германцы произвели контръ-атаку противъ румынскихъ частей, занявшихъ наканунѣ высоту у деревни Рекосы (что сѣвернѣе р. Завала), и вынудили оставить ее.

На англійскомъ фронтѣ за февраль мѣсяцъ англичане захватили въ плѣнъ 2.133 германцевъ, изъ нихъ 36 офицеровъ. Дер.: Линьи, Тиллуа, Лебаркъ, Варланкуръ, Пи (Руче), Миромонъ, Пти-Миромонъ, Гранкуръ, Пуизье-о-Монъ, Феръ Гоммкуръ перешли въ ихъ руки, вслѣдствіе отступленія германцевъ. Непріятель продолжаетъ подаваться назадъ подъ натискомъ англичанъ на Анкрѣ. Къ сѣверу отъ Миромона они продвинули свою линію впередъ въ среднемъ на 600 ярдовъ на фронтѣ въ $1\frac{1}{2}$ мили. Подъ прикры-

тѣмъ сильнаго артиллерійскаго огня германцамъ удалось достигнуть англійскихъ траншей близъ Абланкура и Ранкура, но они были оттуда выбиты контръ-атакой.

19-го февраля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ: на западномъ фронтѣ на участкѣ южнѣе мѣстечка Крево нами произведена газовая атака, вызвавшая тревогу въ окопахъ противника.

На кавказскомъ фронтѣ въ Персіи наши части перейдя въ наступленіе, заняли на биджарскомъ направленіи сел. Хани-Кали, что въ 35 верстахъ юго-западнѣе Биджара, а на хамаданскомъ направленіи 17-го февраля овладѣли городомъ Хамаданомъ.

На балканскомъ фронтѣ артиллерійскій огонь по всему фронту, особенно интенсивный въ излучинѣ Црны. Въ районѣ высоты «1050» итальянскія войска вѣли энергичное наступленіе, разрушили непріятельскія позиціи и захватили плѣнныхъ. Контръ-атаки непріятели были отбиты съ большими для непріятели потерями.

На французскомъ фронтѣ между Уазой и Эномъ французскіе отряды проникли въ непріятельскія позиціи къ югу отъ Нуврона, достигнувъ второй линіи германскихъ траншей и произведя повсюду значительныя разрушенія.

Вечеромъ 18-го февраля французскіе аэропланы сбросили взрывчатыя вещества на ангары противника въ Фрескати, а также на пороховой заводъ въ Бу и на доменные печи въ Вефлингъ, въ районѣ Саарбрюкена.

На Месопотамскомъ фронтѣ 20-го февраля англійская кавалерія завязала бой съ турецкими аръбергарами у Ладжи, въ 9 миляхъ къ юго-востоку отъ Ктесифона.

Въ виду того, что военный матеріалъ, брошенный непріателемъ, разсѣянъ на пространствѣ 80 миль, все еще нѣтъ возможности дать полный списокъ военной добычи англичанъ. Сборъ военной добычи и поиски орудій, сброшенныхъ въ Тигръ, продолжаются.

До сихъ поръ захвачено 38 орудій, считая и тѣ, которыя находились на рѣчныхъ военныхъ судахъ. Однако, въ это число не входятъ ни пулеметы, ни траншейныя мортиры.

На англійскомъ фронтѣ въ теченіе 19-го февраля англичане вновь продвинулись къ сѣверу отъ Пюизье-Вомона и къ востоку отъ Гомекура. Ихъ линія продвинулась впередъ въ среднемъ на полмили на фронтѣ почти въ пять миль. Германцы оказывали ожесточенное сопротивленіе.

20-го февраля утромъ, они произвели нападеніе и овладѣли передовыми и опорными линіями противника къ востоку отъ Бушавень, на фронтѣ протяженіемъ въ 1.200 ярдовъ, захвативъ 173 плѣнныхъ и 3 пулемета.

Къ востоку отъ Вомеркура противникъ продолжаетъ очищать территорію. Въ этомъ районѣ англичане продвинулись еще на протяженіи $3\frac{1}{4}$ килом. и приблизительно на 1.200 ярдовъ въ глубину.

На итальянскомъ фронтѣ въ теченіе ночи съ 19-го на 20-ое февраля непріятельскіе развѣдчики пытались приблизиться къ итальянскимъ позиціямъ на лѣвомъ берегу горнаго потока Ассы, противъ Кампо-Рovere и у горнаго по-

тока Масо на склонахъ Монте-Ченонъ, но были быстро отброшены назадъ. 20-го февраля итальянская артиллерія продолжала обстрѣливать непріятельскія позиціи вдоль части фронта.

Въ верхней части долины Авизио итальянская артиллерія продолжала обстрѣливать непріятельскія позиціи на Мармоладо съ видимыми результатами. На фронтѣ Юлійскихъ Альпъ непріятельская артиллерія развила сильную дѣятельность противъ итальянскихъ линій къ востоку отъ Горицы. Днемъ, послѣ сильнаго обстрѣла траншейными мортирами, противникъ пытался штурмовать эти позиціи, но былъ отброшенъ съ тяжелыми потерями.

Начальникъ союзнаго контроля въ Аэинахъ обратился къ греческому правительству съ требованіемъ выдачи оружія, спрятаннаго въ сѣверной части Коринесскаго перешейка.

21-го февраля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

На кавказскомъ фронтѣ наши войска, преслѣдуя турокъ, отступающихъ отъ Биждара на Сенне, заняли селенія Хусейнъ-Абадъ и Шарякъ. На хамаданскомъ направленіи наши войска атакуютъ турокъ, занимающихъ Асадъ-Абадскій переваль. Въ районѣ юго-восточнѣ озера Алголь Турки отступаютъ на Довлетъ-Абадъ, преслѣдуемые нашими войсками.

19-го февраля нашъ воздушный корабль, несмотря на атаки германскихъ самолетовъ-истребителей, совершилъ налетъ на Барановичи, сбросивъ бомбы.

На англійскомъ фронтѣ 21-го февраля утромъ германцы атаковали позиціи англичанъ, къ востоку отъ Бушавена, занятая ими вчера, но были отбиты, понесли потери и оставили въ рукахъ англичанъ плѣнныхъ.

На египетскомъ фронтѣ 20-го февраля турецкія войска подъ натискомъ англійскихъ передовыхъ силъ очистили весьма сильную позицію вблизи Шейхъ-Нурана, къ западу отъ Шеллала, несмотря на то, что на сооруженіе этой колоссальной системы укрѣпленій было употреблено два мѣсяца.

21-го февраля англійскіе аэропланы произвели цѣлый рядъ бомбардировокъ непріятельскихъ поѣздовъ, желѣзнодорожныхъ построекъ и желѣзнодорожныхъ линій. Всего сброшено было около тонны сильно взрывчатыхъ веществъ, которыми причинены серьезныя поврежденія и перебитъ желѣзнодорожный персоналъ.

На итальянскомъ фронтѣ 20-го февраля болѣе значительная артиллерійская дѣятельность на Трентинскомъ фронтѣ наблюдалась на участкѣ отъ долины Травиньола вплоть до верхняго Кордеволе. Въ верхней части долины Пеллегрино (Авизио) итальянскимъ войскамъ блестящей атакой удалось захватить сильную непріятельскую позицію, расположенную на высотѣ болѣе 2.700 метровъ на Костабелла. Въ теченіе ночи съ 20-го на 21-го февраля непріятель пытался предпринимать новыя атаки на итальянскія позиціи, которыя итальянцы недавно заняли на кряжѣ Костабелла, въ долину Санто-Пеллегрино. Непріятель былъ повсюду отраженъ и потерпѣлъ значительныя потери.

Штабъ Верховнаго Главнокомандующаго 22-го февраля извѣстилъ:

На кавказскомъ фронтѣ на биджарскомъ направленіи наши войска, преслѣдуя противника, ведутъ бой у Сеннэ. На хамаданскомъ направленіи наши

войска овладѣли Асадъ-Абадскимъ переваломъ и преслѣдуютъ турокъ, отступающихъ на Кянгаверъ. На дозлетъ-абадскомъ направленіи преслѣдованіе турокъ продолжается.

На французскомъ фронтѣ, между рѣками Уазой и Эномъ, французы разрушили артиллерійскимъ огнемъ германскія полевая укрѣпленія къ сѣверо-западу отъ Мулень-су-Туванъ и казематы и прикрытія къ сѣверу отъ Отреша на правомъ берегу рѣки Маасъ.

На всемъ протяженіи фронта отъ Лэшамбрета до Безонво происходятъ ожесточенные артиллерійскіе бои.

У входа въ долину Санъ-Пеллегрино (Авизіо) непріятель предпринялъ двѣ ожесточенныя атаки на позиціи на горномъ хребтѣ Костабелла, но оба раза былъ отбитъ, при чемъ итальянцы захватили еще одинъ пулеметь и одно орудіе.

Вдоль фронта Юлійскихъ Альпъ непріятельскіе отряды минувшей ночью снова атаковали итальянскіе позиціи къ юго-востоку отъ Вертойбы, но былъ отбитъ, понеся тяжелыя потери, при чемъ итальянцами захвачено нѣсколько плѣнныхъ.

Британскіе гидро-аэропланы совершили воздушный налетъ на доменные печи въ горномъ округѣ Пресбахъ.

Въ итальянскій парламентъ внесенъ проектъ закона, отмѣняющаго всѣ ограниченія въ гражданскихъ правахъ женщинъ.

Итальянскія войска отбросили германцевъ съ большими для нихъ потерями и заняли высоту «1050».

23-го февраля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго доносилъ: на кавказскомъ фронтѣ на хамаданскомъ направленіи наши войска, преслѣдуя турокъ, заняли 20 февраля Кянгаверъ. На биджарскомъ и дозлетъ-абадскомъ направленіяхъ операціи продолжаютъ развиваться.

Въ Петроградѣ началась революція.

24-го февраля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго доносилъ:

На западномъ фронтѣ 23-го февраля на митавскомъ направленіи въ районѣ Олай послѣ артиллерійской подготовки противникъ повелъ наступленіе силами до 2 ротъ, но нашимъ огнемъ былъ отброшенъ обратно въ свои окопы.

На румынскомъ фронтѣ 23-го февраля противникъ атаковалъ наши позиціи сѣверо-западнѣ Окна и овладѣлъ тремя высотами. Наши войска ведутъ контръ-атаки. Атаки противника западнѣ Окна отбиты.

На кавказскомъ фронтѣ на сивасскомъ направленіи въ 40 верстахъ сѣверо-западнѣ Эрзинджана наши развѣдывательныя части атаковали турокъ у Мирзониль-Кейи и овладѣли укрѣпленіями. Разрушивъ послѣднія, взорвавъ склады патроновъ и гранатъ, развѣдчики возвратились. На саккизскомъ направленіи, къ югу отъ озера Урмія, наши развѣзды по глубокимъ снѣгамъ продвинулись на 25 верстъ къ юго-западу отъ Саккиза.

Эскадрилья нашихъ самолетовъ совершила налетъ на ст. Солю (западнѣ Сморгони), сбросивъ бомбы.

На французскомъ фронтѣ въ Шампани послѣ напряженной артиллерійской подготовки французскимъ войскамъ удалось захватить большую часть

выступа, занятого непріятелемъ 2-го февраля между холмомъ Мениль и Мезонъ-де-Шампань.

Согласно вновь полученнымъ свѣдѣніямъ, произведенная 23-го февраля ихъ войсками атака въ районѣ между Менильскимъ холмомъ и Мезонъ де Шампань увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ. Несмотря на метель, затруднявшую движеніе французскихъ войскъ, послѣднія овладѣли непріятельскими позиціями на участкѣ фронта протяженіемъ въ 1.500 метровъ и глубиною отъ 600 до 800 метровъ. Къ концу дня Германцы пытались произвести контръ-атаку на лѣвомъ флангѣ участка. Послѣ упорнаго боя съ примѣненіемъ ручныхъ гранатъ французы отбросили противника съ большими для него потерями.

Англичане слегка продвинули впередъ свою линію по обѣ стороны отъ Анкра.

Правительство С.-А. Соединенныхъ Штатовъ намѣрено вооружить всѣ торговые пароходы и поддерживать торговыя сношенія со всѣми портами земного шара.

По свѣдѣніямъ румынскихъ газетъ, въ Софіи, Берлинѣ, Дрезденѣ, Лейпцигѣ и Мюнхенѣ организованы базары для торговъ предметами искусства, награбленными въ поработенныхъ странахъ. Букарестскіе научные музеи цѣликомъ разгромлены апостолами «германской культуры».

25-февраля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ:

На румынскомъ фронтѣ сѣверо-западнѣ Окна наши войска ведутъ контръ-атаки съ цѣлью взять высоты, потеряныя 23-го февраля.

На Биджарскомъ направленіи наши войска овладѣли позиціями турокъ у Сеннэ и названнымъ городомъ.

На Черномъ морѣ нашей подводной лодкой въ районѣ Босфора разстрѣляны выбросившійся при преслѣдованіи на берегъ большой пароходъ, два буксира и потоплено 8 парусныхъ шхунъ.

На англійскомъ фронтѣ наступленіе англичанъ на Анкрѣ продолжалось съ полнымъ успѣхомъ. Нѣмцы были потѣснены на фронтѣ около 18 верстъ и въ глубину въ среднемъ на 1½ вер. Д. д. Гоммекуръ, Ла Баркъ, Пьюзіе-о-Монъ, Ирль, Линьи-Тиллуа и Тиллуа взяты англичанами. Подъ давленіемъ англичанъ нѣмцы продолжаютъ отступать сѣвернѣ и южнѣ р. Анкрѣ. Въ окрестностяхъ Бушавена англичане захватили рядъ германскихъ траншей.

На итальянскомъ фронтѣ попытки противника наступать въ районѣ долины Азіаго и Горицы отбиты. Итальянцы захватили части позиціи противника у Сенъ Марко и сильно укрѣпленную позицію у Костабелла.

Въ Месопотаміи преслѣдованіе турокъ продолжается. За періодъ съ 11-го по 23-е февраля англичанами взято 4.300 плѣнныхъ и 28 орудій.

26-го февраля Багдадъ, столица Месопотаміи, занятъ рано утромъ англійскими войсками, находящимися подъ начальствомъ генерала Модъ. Этотъ успѣхъ явился слѣдствіемъ ряда блестящихъ операцій, выполненныхъ англійскими войсками съ большою рѣшимостью.

Съ 26-го февраля по 5-е марта сообщеніе изъ ставки: на западномъ фронтѣ въ районѣ гор. Станиславова противникъ атаковалъ наши позиціи и занялъ

было часть окоповъ, но контръ-атакой подошедшаго резерва былъ выбить и отброшенъ въ свои окопы.

На фронтѣ кавказской арміи въ Персіи наше наступленіе продолжаетъ развиваться. Въ районѣ перевала Калиханъ наши атакующія части окружили противника и частью уничтожили, частью взяли въ плѣнъ. Переваль, открывающій дорогу въ Месопотамію, нами занятъ, несмотря на упорное сопротивленіе турокъ и огромныя трудности изъ-за снѣговъ.

На багдадскомъ направленіи послѣ взятія Керманшаха наши части продолжаютъ неотступно преслѣдовать турокъ. Въ этомъ направленіи 1-го марта мы овладѣли переваломъ Налешклянъ.

Подробности боя у Керманшаха: турки значительными силами трехъ родовъ оружія занимали сильныя позиціи за рѣчкой Кара-Су, причемъ мостъ черезъ рѣчку ими былъ взорванъ. Несмотря на это, наши доблестныя войска, переправившись въ бродъ, атаковали противника. На другой день атака продолжалась, причемъ молодой доблестный грузинскій полкъ, перейдя Кара-Су, прорвался въ городъ съ востока, тогда какъ другія части атаковали съ юго-востока и юга.

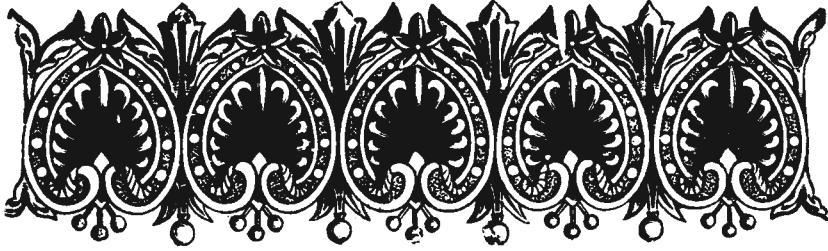
Противникъ не выдержалъ стремительнаго удара и былъ опрокинутъ къ налешкянскому перевалу. Въ Керманшахѣ нами захваченъ складъ оружія и огнестрѣльныхъ припасовъ и много прочаго боевого матеріала, количество котораго выясняется.

27-го февраля войска въ Петроградѣ перешли на сторону революціи.

1-го марта исполнительнымъ комитетомъ Государственной Думы объявленъ составъ временнаго правительства.

2-го марта императоръ Николай II за себя и за своего сына великаго князя Алексѣя Николаевича отрекся отъ престола въ пользу великаго князя Михаила Александровича.

ШЛИССЕЛЬБУРГСКАЯ ТРАГЕДІЯ ¹⁾.

13 мая 1764 года.

ЧАСТЬ II.

I.

ВЕСЕЛЫЙ май оживилъ лучами, одѣлъ даже зеленою окраины угрюмыхъ болотъ Ингерманландіи, гдѣ среди лѣсовъ и топей затерялась новая столица на берегахъ Невы. Солнце недавно взошло на безоблачномъ небѣ, озаряя шницъ Петропавловскаго собора, корабликъ Адмиралтейства, высокія крыши дворцовъ и бѣдныя хибарки Гавани и Петербургской Стороны, гдѣ въ небольшомъ одномъ домишкѣ пріютился Мировичъ со своими сестрами, при содѣйствіи Дашковой переѣхавшій сюда изъ Москвы скоро послѣ веселыхъ и шумныхъ коронаціонныхъ торжествъ и даже получившій повышеніе на службѣ, но дальнѣйшимъ успѣхамъ его открыто мѣшали Орловы, давно смотрѣвшіе подозрительно на честолюбиваго пѣхотинца. А случай съ Владимиромъ окончательно возстановилъ всемогущихъ братьевъ противъ Мировича. И даже въ сенатѣ, гдѣ бесконечно тянулся процессъ Мировича о конфис-

¹⁾ Окончаніе. «Истор. Вѣст.», Т. СXLVII., стр. 1.
«Истор. вѣстн.», май—июнь 1917 г., т. СXLVIII.

кованныхъ земляхъ,—тѣ же надменные временщики всячески вредили непріятному человѣку. Онъ чужалъ ихъ незримую, тяжелую руку на зыбкихъ вѣсахъ продажнаго правосудія тѣхъ временъ, но сдѣлать ничего не могъ, даже при помощи своихъ могущественныхъ друзей-масоновъ.

И злоба все больше накупала въ душѣ у пылкого, упорнаго хохла.

А дѣла шли плохо; все хуже день ото дня. Пришлось ютиться въ тѣсной, необставленной квартиркѣ... Не хватало даже на то, чтобы лучше питать и поддерживать совсѣмъ больную Галю. Маруся—тоже вяла на глазахъ брата, и Зося стала блекнуть, но еще не сдавалась, пыталась бороться, какъ могла...

Наканунѣ, съ вечера сѣлъ за свой рабочій столъ Мировичъ и принялся безъ отдыха писать, покрывая листъ за листомъ своимъ ровнымъ, четкимъ почеркомъ. Такъ просидѣлъ цѣлую ночь. Затѣмъ, склоняясь головой къ столу, передъ самымъ разсвѣтомъ уснулъ... Взошедшее солнце ярко освѣтило печальную комнату, груды исписанныхъ листовъ на столѣ, нѣсколько масонскихъ книгъ, старый черепъ и почти пустой полуштофъ водки, возлѣ котораго темнѣли куски чернаго хлѣба и пара соленыхъ огурцовъ на тарелкѣ... Лампа, почадивъ, сама погасла, и лучи солнца, врываясь въ раскрытое окно, озаряли голыя стѣны, гдѣ только висѣлъ знакомый портретъ Петра, отражались на маленькомъ, дешевенькомъ зеркальцѣ, стоящемъ на комодѣ, покрытомъ вязанной салфеткой. Жалкія вазочки съ искусственными цвѣтами говорили о томъ, что женская рука пыталась придать болѣе жилой видъ этой убогой, казарменной комнаткѣ, гдѣ всю мебель замяняла походная кровать Мировича и три походныхъ стула.

Кромѣ лучей солнца невнятный шумъ просыпающагося большаго города и рѣдкіе удары церковнаго колокола врвались въ окно; но Мировичъ спалъ крѣпко и не слышалъ ничего.

Въ палисадникъ, раскинутый передъ окнами съ улицы,—вошелъ Аполлонъ Ушаковъ, разглядѣвъ въ окно спящаго товарища и осторожно сталъ барабанить по стеклу, чтобы его разбудить.

— Вася!.. не пугайся... это я,—проговорилъ онъ, видя, что Мировичъ зашевелился.

— Что?.. За мною пришли?—вскочивъ, испуганно озираясь спросонья, забормоталъ тотъ.—На плаху!.. Не пойду я... Не...

Но тутъ-же, опомнясь, узнавъ въ окнѣ знакомое лицо друга, сразу успокоился.

— Ты это, Аполлоша!.. Што такъ рано? Мнѣ, слышь, сейчасъ сонъ такой плохой видѣлся... Вотъ я и... Ступай же въ горницу! Я отопру!..

— Да тутъ не заперто... Видно, Горленко твой на рынокъ ушелъ...—входя, проговорилъ Ушаковъ.—Здорово.

Пріятели поцѣловались.

— Да што съ тобою, Аполлоша, говори скорѣе, не приключилось-ли бѣды... Ты на себя самого не похожь!..

— Бѣды... Нѣтъ... пустое... Не спалося ночь... Вотъ, фізію-то и скривило. Она у меня и безъ того не больно казиста... А такъ—ничего... Да ты, братъ, тоже, видно, ночь не спалъ,—подсаживаясь къ столу, спросилъ онъ Мировича, который мѣрлялъ шагами небольшой покой.—Ишь, сколько бумаги настрочилъ...

Рука Ушакова протянулась къ исписаннымъ листамъ, но, замѣтя тревожное движеніе товарища, онъ отдернулъ руку.

— А я, слышь, Вася, разузналъ, чего тебѣ хотѣлось. Не нынче-завтра государыня и въ походъ выступаетъ на Ригу и въ инья мѣста!.. Со всемъ дворомъ почитай...

— И съ Орловыми?..

— Въ первую голову!.. Дядя мой, камеръ-лакеемъ онъ, 27 лѣтъ при дворѣ... И по-французскому маракуеть, самому Панину не уступить.. Все разбираетъ, что толкуютъ за столомъ приближенные особы. Онъ мнѣ и сказалъ... Не то среди дворцовыхъ,—и въ гвардіи одинъ говоръ пдегъ... «Какой тамъ—Рогервикъ смотрѣтъ!... Не крѣпость городить, свадьбу свою съ Орловымъ справлять хочеть въ Ригѣ, тайкомъ... дома-де зазорно недавняго офицеришку, фаворита ражаго на столь высокую ступень ставить: супругомъ императрицы!..!Вотъ, и тутъ!.. Общее недовольство, слышь, Васенька... да!..

— Видишь!.. видишь... это-же намъ на руку!—обрадовался Мировичъ, заходивъ еще быстрѣе взадъ и впередъ съ правильностью маниака, съ неподвижнымъ взоромъ безумца.—Поглядишь, за насъ все стануть, какъ единый человѣкъ, чуть мы «дѣйство» начнемъ!.. что далѣй?..

— Да... почитай, и все—нерѣшительно отозвался Ушаковъ.—Вотъ, развѣ, што меня касаемое... Слышь, какая причина вышла... командировка мнѣ вышла!

— Какая тамъ командировка?.. Куда?.. Съ какой стати?.. Вдругъ? Или—самъ просилъ?..

Мировичъ перевелъ свой тяжелый взглядъ на товарища, подозрительно вглядываясь въ блѣдное, измученное лицо.

— Ну, вотъ... ну, вотъ,—волнуясь, но не умѣя подобрать слова,—заторопился Ушаковъ.—Я такъ и зналъ, ты объ этомъ спросишь: не самъ ли я?.. Ей-ей-же, и не думалъ!.. да отказаться же невозможно. Къ генералу, князю Волконскому, казну надо везти. Какъ отказаться!.. довѣріе, честь такая... Можетъ, и производство будетъ потомъ... Какъ-же мнѣ... самъ посуди..

— Производство!.. Ха-ха!.. да, жди! — криво улыбнулся Мировичъ.—Слыхалъ самъ, приказъ вышелъ секретный: только дворянство да штабъ-офицерскихъ дѣтей къ производству и допу-

скать... Больше—никого, хотя бы и на войнѣ отличился иной. Ты—изъ разночинцевъ, сынъ придворнаго служителя. И торчи поручикомъ цѣлый вѣкъ. А уѣдешь нынѣ, прозѣваешь наше «дѣйство»... Ужъ тогда тебѣ генераль-аншефомъ не быть у новаго государя, нѣтъ... Онъ спроситъ: «Гдѣ былъ Ушаковъ, какъ меня освобождали»... Да-а ..

— Васенька... ты не подумай... Я не трушу... Бросать нашего дѣла не думаю...

— То-то... Помнишь нашу бесѣду на Пасхѣ... всего шесть недѣль тому назадъ .. Послѣ заутрени ночь была такая чудесная... теплая, тихая... даже слезы у насъ навернулись на очахъ... такъ хорошо стало на душѣ. И зазвучалъ кругомъ привѣтъ: «Христось воскрес!».. Радовались люди. И узникамъ въ темницахъ, въ сырыхъ казематахъ—и то былъ Свѣтлый праздникъ. Только одному... заточенному императору—не было радости! Съ нимъ и сторожа не смѣли христосоваться... Онъ одиночекъ оставался въ своей вѣчной, тяжелой неволѣ, безвинный страдалецъ. И открылъ я тебѣ душу и замыслы мои... Помнишь, ты плакалъ со мною...

— Сами слезы пошли изъ глазъ. Можно-ль было не всплакнуть, коли ты такъ жалостно говорилъ. Да и нынѣ я отъ дѣла не прочь. Слышь, только не поотложить-ли намъ?.. Знаешь-ли што толкуютъ?.. Ужъ, какъ оно вышло,—чортъ его вѣдаетъ! А про твои затѣи прознали, до государыни дошло. Дашкова при этомъ случилась...

— Дашкова!..—вздрогнувъ, поблѣднѣлъ Миновичъ.—И... что же она?..

— Разговорила государыню. Моль, знаетъ тебя доподлинно. «Вѣрный, моль, человекъ—Миновичъ, зла не умыслить на вашу персону... Такъ, поди, силетни, вродѣ дутыхъ заговоровъ Корфа да Дурново, какими приближенные умышленно пугали ваше величество!».. А тутъ Панинъ прибавилъ: «Ежели-бы и вышло што... Кинется въ Шлюшинъ сей мечтатель,—такъ можетъ вашему величеству лишь на пользу быть, имѣя въ виду послѣдніе приказы»...

— Какіе тамъ еще приказы?..

— Не знаю, Васенька. Вотъ, и скажу тебѣ: не повременить-ли намъ малость, а?

— Повременить?.. Невозможно никакъ! Теперь и случай припалъ, пока государыни въ столицѣ нѣтъ и всѣхъ приспѣшниковъ... Только теперь и легко свершить дѣло. А послѣ?.. Нѣтъ, ждать невозможно!.. Ежели ты, Аполлонъ, клятву позабылъ и отдумалъ,—уходи! Я и одинъ довершу... Только... не предавай, молю тебя. И то—кругомъ предатели!..

— Я... предамъ друга! Грѣхъ тебѣ и думать это, Вася. Богъ... Богъ съ тобою... Нехорошо.

Глотая слезы, Ушаковъ умолкъ.

— Друге, брате!.. прости... прости!—кинулся къ нему Миновичь.—Руки... руки цѣловать тебѣ стану... лишь не обижайся, прости!..

И онъ сталъ ловить руки друга, желая ихъ поцѣловать.

— Что ты!.. Господь съ тобою!—совсѣмъ потрясенный едва выговорилъ Ушаковъ, и оба они замерли въ братскомъ, сильномъ объятіи.

— Ну, слушай, Вася,—рѣшительно отирая слезы, заговорилъ снова Ушаковъ.— Я клятву даль... и снова повторяю: что тебѣ будетъ, то и мнѣ!.. Ты... да... Маруся наша—жизни мнѣ дороже. И думается только: что ихъ ждетъ, ежели... Понимаешь? Это одно тревожить меня. Ты вѣришь въ свою удачу?..

— Вѣрю!.. Вижу ее, вотъ... какъ тебя вижу, Аполлонъ ..

— Ну, вотъ, ты и спокоенъ за сестеръ. А я—человѣкъ слабый. Духъ у тебя силенѣе. А мнѣ думается... Оттого и ночь нынче не спалося. Куда имъ пойти безъ насъ? Ну, Софья Яковлевна—замужъ выдутъ... А Галя... она совсѣмъ плоха... А—Маруся... Кто ихъ двоихъ держать и беречь станетъ!.. Што мы имъ оставимъ, ежели насъ...

— Арестуютъ... казнятъ?.. Правда, Аполлоша, все можетъ быть... Да хуже не будетъ. Вотъ, я для сестеръ о пенсіи хлопочу... Чѣмъ, моль, дѣвушки виноваты... ежели даже дѣдъ и совершилъ измѣну!.. Коли меня не станеть, можетъ ихъ скорѣе пожалѣютъ... Я ужъ и письма нынѣ на всякій случай приготовилъ... Вотъ... И—другое все... Гляди!..

Онъ рванулся къ столу и сталъ показывать листъ за листомъ другу.

— Вотъ манифесты, указы отъ имени государя Іоанна Антоновича... Присяга ему... Я со старыхъ примѣровъ списаль... Да, рука нечеткая у меня... Прошу, сядь, перебѣли... Вотъ, перышко свѣжее тебѣ, очиненное... Живѣе, пока не встали въ домѣ... А послѣ... помолитесь пойдемъ... и—за дѣло!..

— Изволь... изволь,—принимаясь за работу, отозвался Ушаковъ, и перо съ легкимъ скрипомъ забѣгало по большимъ листамъ заготовленной бумаги.

— Да повѣриѣе, гляди, списывай!—волновался Миновичь, снова шагая по комнаткѣ,—Акты государственные, братецъ ты мой .. Што-бы безъ ошибокъ... А я тебѣ скажу: когда покинули меня послѣдніе друзья... когда масоны отказались на мое дѣло помощь дать,—тогда я и повѣровалъ въ собственную силу... и рѣшилъ!.. Душа у меня—зоркая, потому что усталая, измученная она. Я сразу людей понимаю, хотя и простачкомъ кажуся... Оттого и отъ Дашковой я отошелъ, што раскусилъ ее... И «братъевъ масоновъ» понялъ. Чужіе они мнѣ... И до несчастнаго узника имъ дѣла нѣту!.. Предатели всѣ кругомъ!.. Стѣны, воздухъ—

слѣдять за мною!..—боязливо озираясь, тихо проговорилъ Миревичъ, наклонясь къ Ушакову.—Тебѣ одному и могу открыться... И никому иному... Потому—предадутъ... Сдастся мнѣ порою, приходятъ люди. А впереди—вчерашній другъ, которому я душу открывалъ, Гуда-предатель.. И по его поцѣлую—беруть меня... ведутъ... И моя шпага съ жалобнымъ звономъ ломается надъ моею головою какъ тогда сломался палашь мальчишки Орлова въ рукахъ у Горленки... А послѣ... блеснетъ иная сталь... Тяжелый топоръ прошумитъ... полетѣтъ горячая кровь и...

Онъ закрылъ глаза, блѣдный, дрожащій, словно и на самомъ дѣлѣ уже видѣлъ картину своей собственной казни. Потомъ тяжело передохнулъ и спокойнѣе заговорилъ.

— И порѣшилъ я—вдвоемъ съ тобою все дѣлать. Тогда, словно гора съ души свалилась. Знаю, ты не выдашь... А я—такъ ясно вижу, какъ все будетъ у насъ... Вотъ, слушай...

— Слушаю.. слушаю,—оставляя переписку, захваченный, откликнулся Ушаковъ.

— Съ 28-го іюня я войду въ Шлюшинъ, стану въ крѣпости на недѣльный караулъ. Бумага мнѣ прислана. Въ первый денекъ—оглядѣться надо... А тамо, въ день Петра и Павла... угощу команду хорошенько... безъ того невозможно. Бередниковъ—комендантъ, онъ—старая швабра, я знаю его... Хоть и добрый старикъ. Поручикъ Чекинъ съ Власовымъ на ближнемъ караулѣ при государѣ. Оба мои знакомцы. Авось, съ ними споемся. А ежели и нѣтъ... пусть не прогнѣваются, скручу дружковъ... Вечеркомъ, попозднѣе—ты подплывешь на шлюпкѣ съ главнымъ манифестомъ, словно-бы курьеръ отъ правительства. Прочтемъ бумагу солдатству... а тамъ!.. Увидишь самъ, што будетъ!.. Ты поспѣвай, гляди изъ своей командировки!.. Не опоздай...

— Не опоздаю!—увлеченный откликнулся Ушаковъ.—Раньше поспѣю, ежели надо. Какъ-же потомъ?.. А?..

— А, просто дѣло! Кто противиться посмѣетъ—тѣхъ перебьемъ...

— Что?! своихъ пе-ре-бьемъ?.. вскочивъ отъ неожиданности, переспросилъ Ушаковъ.

— А какъ же иначе. Не то они насъ переколотятъ, извѣстное дѣло!.. Что тебѣ милѣе?

— Убить своихъ... камрадовъ!—растерянно повторялъ Ушаковъ.—Нѣтъ... знаешь, легче самому... руки на себя... либо подъ ударъ попасть, чѣмъ товарищей... убивать!..

— Ну, пошелъ мазать! Ты не станешь и рукъ марать. Приказать только придется... Солдаты за тебя справятся...

— И того хуже, Вася. Выходитъ, я солдатскія, чужія души загублю, коли по моему слову они братьевъ рѣзать стануть.. Не думалъ я даже о такомъ... Мнѣ сдавалось...

— Што!—рѣзко, почти злобно, перебилъ его Мировичъ.— Думалъ: на ученѣе придемъ съ тобою, будемъ на плацу шагистикой заниматься... Умень!.. Не мѣшай, слушай!.. Это—настоящая будетъ война... Тамъ и пушки есть... Вотъ, ворвались мы въ казематъ... пали ницъ, крикнули: «Вивать, императоръ Иванъ Антоновичъ»!.. Руки ему цѣлуемъ... Онъ обнимаетъ насъ... Милости сыплются, чины, ордена... Мы на волю его ведемъ. Онъ плачетъ и смѣется, голубчикъ нашъ... Бога славить!.. Въ Питерь ѣдемъ съ нимъ. Прямо на Выборскую сторону. Къ артилеристамъ въ лагери, они—за насъ будутъ, я ужъ вызналъ... Солдаты тамъ начальниками больно не довольны. Выберемъ новыхъ, распустимъ знамена и впередъ!.. Пушки гремятъ, фитили—дымкомъ вѣютъ, да гарью попахиваютъ... Подошли къ Зимнему дворцу... Сенатъ собрался... Всѣ—присягу приняли... И къ Ригѣ войско пойдетъ, какъ два года назадъ шло на Петра Федорыча въ Раненбаумъ!.. И новая будетъ плѣнница... И—въ Ропшу ее... А тамъ—льготы войску, народу... А тамъ... самъ потомъ увидишь!—утомленный своимъ экстазомъ, этимъ видѣнiемъ на яву, восторженно кончилъ Мировичъ и умолкъ.

— Ну, помогай тебѣ Богъ, коли правое твое дѣло!—какъ-то вразрѣзъ другу, печально, мрачно откликнулся Ушаковъ.

— Наше, общее это дѣло, Аполлоша.

— Ну, кто знаетъ!.. сдается, не доживу я!..

— Не бойся, доживешь, увидишь. И мнѣ порою сдается: онъ вотъ...—указывая на портретъ Петра, тревожно зашепталъ Мировичъ,—онъ слушаетъ меня... и помѣшаетъ въ послѣднюю минуту... Да нѣтъ! Есть-же правда на свѣтѣ!.. А ежели бы и тебя не стало... Знай, я одинъ свершу мой подвигъ!.. Не отступлю!

— Помогай тебѣ Богъ!..

— Онъ поможетъ!.. Кстати напомнить... Пойдемъ, я ужъ обѣщался... Къ Казанской пойдемъ, къ общей Заступницѣ... помолимся... Я только умоюсь, да мундиръ одѣну.

— Ладно... А я бумажку допишу!..

II.

— Кто тутъ у насъ такъ рано въ гостяхъ? — прозвенѣлъ въ эту минуту голосокъ Зоси, которая высунула въ дверь голову, убранную папильотками.—Вы, Аполлонъ Ивановичъ? А Маруся на рынкѣ съ Горленкой... Сытный-то тутъ, рядомъ... Она вернется скоро.

— Съ добрымъ утромъ, Софья Яковлевна!—вѣжливо раскланялся Ушаковъ.—Вы ужъ имъ поклонъ передайте отъ меня... А мы съ Васей—молиться идемъ... Скоро вернемся...

— Да, скоро!—подтвердилъ Мировичъ, уже одѣтый и при шпагѣ.—А Галя какъ ночь спала?.. Плохо?.. Ну, Богъ поможетъ... Идемъ, братъ!..—собирая бумаги и пряча ихъ на груди, обратился онъ къ Ушакову. И оба быстро вышли изъ комнатки. А Зося печально, долго глядѣла во слѣдъ?..

Удивленъ былъ очередной священникъ Казанскаго собора двумя офицерами, которые, послѣ заказнаго молебна объ удачномъ исходѣ одного дѣла, вдругъ попросили:

— А теперь, батюшка, отслужите заодно и панихидку по рабамъ Божіимъ Аполлонѣ и Василии...

Чинно панихида началась. Но во время ея такъ горячо молились оба офицера, такъ горько плакали, что тронуты были и привычный священникъ и безучастный причетникъ...

— Словно заживо отпѣваютъ они кого-то!—замѣтилъ негромко онъ попу.

И не зная простой человѣкъ, что угадалъ истину. Что себя заживо отпѣли оба заговорщика, собираясь на послѣдній подвигъ...

Тихіе, какіе-то преображенные, вернулись друзья въ бѣдный домикъ на Петербургской сторонѣ. Сестры были уже въ сборѣ, ждали только ихъ, чтобы сѣсть за столъ.

Зося, въ простенькомъ, бѣленькомъ платьицѣ съ черной бархаткой на шеѣ, съ задорными кудряшками, которыя падали на стройную шейку, была особенно мила, но казалась печальной. Маруся, въ вѣчномъ темномъ платьѣ, съ гладко-причесанной головой, сидѣла задумчивѣй, блѣднѣе обыкновеннаго. Галя, окутанная, у раскрытаго окошка, вливала теплый воздухъ и совсѣмъ казалась восковою при яркомъ свѣтѣ майскаго дня.

— Братецъ!—встрѣтила Маруся входящаго Мировича:—Вотъ, тутъ бумага пришла.. Изъ военной канцеляріи... на счетъ пенсіи нашей..

— Отказали!—поглядѣвъ на сестру, догадался Мировичъ.

Та только печально кивнула головой.

— Ну, все равно!.. Теперь—все равно—какъ-то торжественно заговорилъ онъ.—Теперь всему конецъ!.. Мы, вотъ, молились сейчасъ... И я задумалъ про дымъ кадильный... И знаменье мнѣ было дано... Дымъ изъ кадила прямо къ куполу поднялся, тонкой струей, какъ я просилъ.. Значить,—все будетъ хорошо. Все поправится... Молились мы съ Аполлошей... И я задумалъ...

— А гдѣ Аполлонъ Иванычъ?—спросила тревожно Маруся.

— Сейчасъ придетъ. Въ лавку зашелъ, купить чего-то для торжественнаго дня... А ты, Зосенька, придѣлась нынче... Это хорошо. Нынче—великій день... Узнаете скоро, что нынче былъ за день... Вотъ!—пробѣгая снова бумагу, усмѣхнулся Мировичъ:—Они намъ въ грошовой пенсіи отказали... «За недостаточностью правъ»!.. Они, похитители власти,—толкуютъ о правахъ

бѣдняковъ на кусокъ хлѣба!.. Скоро все станетъ иначе!.. Легче заживется бѣднымъ людямъ... Лучше, что отказали намъ. Ничѣмъ не будемъ обязаны этимъ... прихвостнямъ дворцовымъ... Только себѣ—и Богу!.. Ты, Зосенька, любишь наряды и веселье... Потерпи, сестричка... Помнишь, толковали мы съ тобою о придворныхъ пышныхъ балахъ и ассамблеяхъ?.. О знатныхъ пріемахъ да операхъ... И меня туда не пускали, армейца сѣраго. Жалкій дежурный офицеришка, я въ щелочку глядѣлъ, какъ иные пролазы упивались тамъ благами міра. И отъ моихъ разказовъ загорались глазки ясные моей красавицы Зосеньки, сестрицы милой... И слезки я видѣлъ на нихъ... А теперь—мы будемъ первыми на тѣхъ балахъ!.. Да!.. Намъ будутъ низко кланяться, иностранныя особы явятся послѣ царскаго пиршества ко мнѣ, на поклонъ и для разговоровъ по важнѣйшимъ дѣламъ... И тогда моя Зося выберетъ первѣйшаго богача и красавца... изъ лучшей знати... и позабудетъ былую зависть и муку... А Галю на теплыя воды пошлемъ... А Маруся—выйдетъ за Аполлошу... Нечего краснѣть тебѣ, сестра... И ты не опускай глаза, пріятель!—обратился онъ къ Ушакову, который вошелъ во время странной рѣчи друга съ цѣлымъ грузомъ кульковъ и свертковъ, который сложилъ на столъ.—Я знаю, вы много лѣтъ ждете!.. Скоро ужъ, скоро... Да что ты, Зосенька, въ шляпкѣ... Или собралась куда?

— Да, вотъ... я вотъ... хотѣла на минутку... Да сестрица не пустила—робко, вся зардѣвшись, проговорила Зося. Ее перебила старшая сестра.

— Не пустила, да... Поговорите вы ей, братецъ!.. Она тутъ... я узнала... Она на свиданіе собралась... Сосѣдь-торговецъ... простой человѣкъ... А ей въ голову взбрело, чтобы замужъ за него!.. Ну, можно-ли... Братецъ, она загубить себя!..

— Влюблена... Моя Зося!.. Что-же, она молода!—совсѣмъ неожиданно послѣдовалъ спокойный отвѣтъ брата.—Вѣдь, поди, сердечко любви просить, да,—привлекая къ себѣ хорошенькую дѣвушку, нѣжно сказалъ онъ ей какимъ-то необычнымъ тономъ. Правда, Зосенька?

— Правда... правда... братецъ!—растроганная шепнула сестра, прижимаясь къ груди его пылающимъ личикомъ.—Вѣдь, годы идутъ... Они не вернуться, братецъ!..

— Идутъ... Не вернуться, Зосенька. Да што ты такъ смотришь на меня, ровно не узнаешь?

— Правда, не узнаю, братецъ!.. Вы нынче какой-отъ особенный стали... И не бывалъ ты никогда такимъ!—довѣрчиво проговорила она, переходя на ты.—Я такъ боялась тебя... всегда боялась... и такъ любила... А тутъ... Братецъ, не гляди!.. Мнѣ такъ жаль тебя съ чего-то нынче... Даже сердце щемить... Ровно хоруно я тебя!..

— Глухая!—ласково цѣлуетъ въ голову и отстраняетъ сестру, у которой даже слезы проступили на глазахъ, проговорилъ Миновичъ.—Ну, чего ты!.. Я люблю васъ, сестрички. Сами знаете, какъ сильно. Да сейчасъ не пора толковать о себѣ... Горе давило насъ. Вотъ, я и казался тебѣ, сестра, суровымъ. Боролся я съ горемъ... А нынѣ... Полно! Счастье ждетъ насъ... А.. ежели нѣтъ... И меня не станетъ... Ну, живите тогда сами, какъ знаете...

И машинально, надѣвъ шляпу, словно не видя никого, онъ вышелъ изъ комнаты.

— Да што-жь это съ нимъ? Аполлонъ Ивановичъ, хоть вы скажите!—обратилась Маруся къ Ушакову.—Здоровь-ли братецъ?.. Отчего онъ такой... Да и вы... Лица на васъ нѣту!.. Вотъ, ровно въ гробу я васъ вижу!.. Что случилось?.. Не мучайте!..

— Успокойтесь, Марія Яковлевна!—медленно, значительно заговорилъ Ушаковъ.—Я для того и пришелъ, чтобы предупредить васъ... Нынче мы панихиду по себѣ отслужили... да-съ.. въ соборѣ Казанскомъ... И я скоро умру... это я знаю... А онъ... какъ Богъ дастъ. Но лучше самому умереть, чѣмъ братьевъ убивать!.. Думаю, и его минетъ жребій тяжкій... Близокъ и его смертный часъ!.. Вы однѣ останетесь сестрамъ вмѣсто матери... Я и рѣшилъ сказать: готовьтесь!.. И—не рыдайте... Тише-съ!.. Што слезами поможешь!.. Вы дѣвушка твердая... истинная героиня, я знаю... Вотъ, и говорю вамъ прямо, какъ на духу!.. Готовьтесь!.. И, вотъ еще...—подавая дѣвущкѣ шитый бисеромъ бумажникъ,—продолжалъ онъ:—Вашей работы вышиванье... Вы свои глазки портили. Я—пуще глазу берегъ... а теперь—вернуть хочу. Все, что тамъ лежитъ, для васъ скопилось. Берите, пригодится. Помочь вамъ будетъ некому. Три одинокія дѣвицы... А мнѣ въ могилу не взять ничего!.. Все—вамъ... Близкихъ нѣтъ у меня... ближе... дороже васъ!..

— Да... што-же это?—принявъ и спрятавъ бумажникъ, растерянно залепетала Маруся... Потомъ громче, ломая пальцы, стала повторять:—Да какъ же это?.. Да за што!..

— Ничего-съ... пустое. Помирать все одно, надо когда-нибудь!.. Не нынче, такъ послѣ. Это не страшно. Хоть при жизни своимъ добромъ распорядиться хочу... Ужъ, простите. Тяжко вамъ, да надо было сказать. Не сердитесь, что такъ прямо, по-армейски. Не воспитанъ-съ!..

— Что вы!.. что вы!—протягивая къ нему руки, воскликнула она. И чувствуя на этихъ исхудалыхъ рукахъ его слезы, поцѣлун,—сама припала къ головѣ любимаго человѣка и нѣжно цѣловала, шепча:

— Милый ты... милый... Единный мой!.. Зачѣмъ-же... зачѣмъ!..

— Не плачьте... Успокойтесь!—молилъ онъ.

— Нѣтъ.. не могу!.. Пусть видятъ... знаютъ... Тебя не бу-

дети, что же мнѣ остается тогда!.. Теперь—все равно!.. Хоть проститься... проститься надо!..

Она нервными, тонкими пальцами впилась ему въ плечи, глядя прямо въ милое, простое лицо. А онъ проговорилъ, потрясенный:

— Прощай, Марусенька... голубонька!..

И губы ихъ слились въ долгомъ, скорбномъ поцѣлуѣ въ первый и послѣдній разъ въ жизни...

Галя и Зося истерически рыдали.

III.

4 июля, 1764 г.

Послѣдняя неудача.

Срокъ дежурства Мировича въ Шлиссельбургѣ истекалъ. Насталъ послѣдній день, воскресенье, 4-го июля, а онъ не рѣшался начать «дѣйство»... Тѣмъ болѣе, что теперь приходилось дѣйствовать одному.

Прождавъ 29-го июня своего сообщника Ушакова, Мировичъ чуть не заболѣлъ отъ напряженнаго состоянія, отъ мукъ нетерпѣнія и страха.

Ему казалось, что другъ арестованъ и на пыткахъ выдалъ весь планъ... Но черезъ день пришла печальная вѣсть: Ушаковъ, плывя на баркѣ съ казной,—непонятнымъ образомъ, почти на глазахъ у всѣхъ свалился въ воду и утонулъ.

Отчаяніе овладѣло Мировичемъ, но онъ рѣшилъ довести дѣло до конца и только выжидалъ болѣе удобной минуты. А время летѣло... Насталъ послѣдній день, на утро явится новый офицеръ на смѣну—и все пропало... Даже не удалось поговорить съ заключеннымъ, до котораго Чекинъ и Власьевъ не допускали даже коменданта крѣпости, старика Бередникова чаще, чѣмъ разъ въ недѣлю. Порою только, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, священникъ крѣпостной церкви приводилъ къ узнику какихъ-то монаховъ, втроемъ они оставались нѣкоторое время. Потомъ духовные уходили, а узникъ долго ворочался и ворчалъ, словно разсерженный чѣмъ-то.

Обычно узникъ спалъ почти весь день, только къ вечеру просыпался и начиналъ жить особой, какой-то сумеречной, нездоровой жизнью... То молился, лежа распростертымъ ницъ передъ иконой, то пѣлъ гнусавымъ голосомъ псалмы, то быстро жевалъ пищу, жадно хватая ее съ блюдъ, поставленныхъ на столѣ въ углу довольно обширной кельи, занимающей внутреннее пространство круглой, массивной башни. «Свѣтличной»—такъ называемой, возведенной при соединеніи двухъ старинныхъ крѣпост-

ныхъ стѣнъ. Келья была почти квадратная, съ единственнымъ небольшимъ оконцемъ, глядящимъ во внутренній дворикъ, да кромѣ того, огромные штабеля дровъ отымали послѣдній свѣтъ у этого оконца и только край сѣрой стѣны и клочокъ неба видѣлъ въ него узникъ, когда по часамъ простаивалъ передъ нимъ, глядя вдаль печальнымъ, неподвижнымъ взоромъ.

Вечерѣло...

Сигнальные рожки звучали у казармъ. Барабаны пробили вечернюю зорю. А июльскій долгій день не торопился перейти въ короткую бѣлую ночь...

Во внутреннемъ дворикѣ, вблизи «Свѣтличной» башни, гдѣ раскинулось нѣсколько жалкихъ клумбъ съ простыми цвѣтами и зеленѣли два-три деревца, раскинулись кусты черемухи и малины,—тамъ въ тѣни, падающей отъ сумрачной стѣны, на скамьѣ сидѣлъ Миновичъ, словно поджидая кого-то.

Ждать долго не пришлось. Бравый паренъ Пискливцевъ, рядовой изъ гарнизонной команды, которая несла службу по вѣшнему караулу, появился отъ казармъ въ сопровожденіи двухъ другихъ солдатъ—товарищей. А вдали показался старый солдатъ, которому Миновичъ довѣрилъ отчасти свои планы, Босовъ, оглядываясь и дѣлая знаки тремъ капраламъ, которые дѣлали видъ, что прогуливаются по откосу и случайно слѣдуютъ за Босовымъ. Капралы остановились, Босовъ одновременно съ Пискливцевымъ приблизился къ скамьѣ Миновича, и оба по артикулу вытянулись, отдавая честь.

— Здорово, ребята! Вольно... Ну, что скажете?—задалъ онъ негромко тревожный вопросъ.

— Какъ, значить, еще двое сговорено, ваше скородіе!—загудѣлъ негромко здоровякъ Пискливцевъ.—Вонъ, тѣ самыя... изъ ново-наборныхъ. И дано имъ по рублевику отъ щедротъ вашево скородія, значить... Да, слышь, маненько опасаются, въ толкъ никакъ не берутъ... Какъ, значить, присяга дадена, чтобы государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ... вотъ, и...

— Я самъ имъ растолкую, пусть подойдутъ поближе. Здѣсь не видно насъ изъ комендантскаго дома... А у тебя што, Босовъ?

— Такъ что, ваше-скородіе, я тоже троихъ капраловъ почи-тай што и сговорилъ... А, только, на счетъ кнута толкуютъ... Опаска есть у нихъ. Акромя того, неизвѣстны о томъ, какая награда имъ будетъ, ежели все благополучно, значить?... Отъ вашей милости имъ послушать бы о томъ желательно... Какъ прикажете, ваше-скородіе?..

— Награды пускай сами себѣ назначать, какія захотятъ. Получать сполна!.. И бояться имъ нечего. Только бы намъ государя изъ рукъ враговъ выручить, въ Питерь доставить,—и всему крышка. А «нѣмка» нынѣ въ Ригу уѣхала... Я скажу имъ... гдѣ твои капралы?

— Мигомъ придуть!—отступя и дѣлая знаки троимъ пожилымъ капраламъ, стоящимъ за угломъ сосѣдняго зданія,—отозвался Босовъ.—Вотъ, они и тутъ, на-лицо!..

Бравые, молодежавые служаки, вытягивая носокъ, приближались учебнымъ шагомъ, остановились на дистанціи за три шага и застыли во фронтъ. Два солдата, приведенные Пискливцевымъ, тоже подошли, стали за капралами.

— Слушайте, дѣти мои!—звѣвающимъ, проникающимъ въ души голосомъ заговорилъ сразу Мировичъ:—Не отъ себя я теперь вамъ говорю. Часъ близокъ... Нынче-же ночью я вамъ покажу указы за подписомъ истиннаго государя нашего Іоанна Антоновича и сената цѣлаго. Екатерина—низложена... Вотъ эти бумаги, видите!..—два-три сложенныхъ листа заблѣли въ его рукахъ на мгновенье, рдѣя большими, красными печатями съ орлами и снова скрылись въ карманѣ мундира.—Присяга ваша, дѣти, до той поры силу имѣла, пока сенатъ, народъ и вельможи не признавали на тронѣ прежняго, законнаго государя... А Екатерина до нынѣшняго дня вродѣ какъ бы правительница была... Вотъ, какъ передъ императоромъ Петромъ Ѳедорычемъ—Анна Леопольдовна, чужеземка... Такъ и эта... Теперь, когда пришло время, должны мы по правдѣ послужить людямъ и Богу да государю Іоанну Третьему... Вотъ, берите пока это!—раздавая кучку рублевинокъ, властно проговорилъ онъ.—И вся здѣшняя казна вамъ-же пойдетъ нынче, какъ дѣло кончимъ... А въ Питерѣ, когда попадемъ въ лагерь къ артиллеріи... тамъ столько награждены будете, какъ вамъ и не снилось!.. Богомъ клянуся!.. И душу спасете, коли освободите изъ заточенія невиннаго узника, государя своего природнаго... Вотъ, ты постарше... Чай, давно служишь, скажи!—обратился онъ неожиданно къ одному изъ капраловъ.

— Д-да... почитай, 25-й годокъ пошелъ... Какъ разъ ему, голубчику,—указалъ онъ на башню, гдѣ сидѣлъ узникъ,—Ивану Онтоничу первую присягу и пріймалъ, что грѣха тайтъ!.. А тамъ—Лисаветѣ-ампиратрицѣ... А тамъ Пѣгру Ѳедоричу... А тамо...

— Вотъ... вотъ, слышите: ему первому, Іоанну Антоновичу!.. И онъ живъ, вы знаете... Онъ сидитъ въ темницѣ больше шести лѣтъ... А до тѣхъ поръ лѣтъ семь по инымъ тюрьмамъ томили государя-батюшку!.. А коли онъ живъ,—всѣ другія присяги ни во что идутъ!.. Я вамъ говорю. Меня ли не знаете, братцы?.. Ежели грѣхъ какой есть,—я въ первую голову иду... На мнѣ онъ будетъ, и кара на мнѣ!.. Я вамъ приказъ отдамъ. Захотите-ли не послушать своего начальника?!

— Кое-жъ тутъ дѣло: командеровъ—да не слушать!—разсудительно отозвался приземистый, сѣдой уже капралъ съ мѣдной серьгою въ ухѣ.—Што-жъ въ тѣ поры и служба значить... И жить то какъ; ежели начальство тебѣ одно,—а ты ему другое!.. Вѣ-

стимо—слушать надоть... Какъ скажешь, Митричъ..—обратился онъ къ третьему, сухопарому, хмурому, молчавшему до сихъ поръ.

— Что-же я!—почесывая въ затылкѣ, отвѣтилъ тотъ лѣнливо.— Ежели всѣ,—то и я. По уставу сказано: «супротивъ государя—ничего умышлять нельзя!».. А мы же—за него, значить, выходить!.. Какъ ты самъ сказываешь, што была присяга энтому государю, Иванъ Онтонучу...

— Видить Господь, истинно такъ: была!.. Тогда и забрили меня... Я помню!..

— Ну, я, выходить, попозднѣе, при Лизаветѣ-матушкѣ забрать... Да все едино... Хоша мнѣ высокіе порядки и невѣдомы... А ежели всѣ, такъ и я!..

— Вотъ и ладно!—обрадовался Мировичъ успѣшному исходу опасныхъ переговоровъ.—Идите, готовьте солдатъ по своимъ компаніямъ... Пули принасите... Да што бы нынче не вышил лишняго нхто!.. Чарку, другую—и будетъ. А кончимъ дѣло,—попируемъ властью!.. И потише бы сидѣли до ночи... Ступайте!..

— Комендантъ сюда жалуетъ!—вдругъ остерегъ Босовъ, стоявшій поодаль на караулѣ.

Мировичъ, не смущаясь, спокойно громко заговорилъ, словно бы онъ принималъ простой рапортъ отъ капраловъ.

— Такъ, все благополучно!.. Добро! Ступайте по мѣстамъ... Въ палатки всѣмъ пора!..

— На лѣ-во кру-гомъ... ша-а-гомъ маршъ!—скомандовалъ старшій капралъ и, маршируя съ товарищами мимо коменданта, появившагося со стороны своего дома, четко отсалютовалъ старику Бередникову.

Веселый, краснощекій комендантъ выглядѣлъ бодро, ходилъ молодцевато, хотя раненая еще въ турецкую кампанію нога заставляла передвигаться съ помощью палки, на которую грузно опирался тучный старикъ.

Мировичъ поспѣшилъ навстрѣчу начальнику, почтительно ему салютуя.

— Здорово, здорово, гдесподинъ поручикъ! Да будетъ вамъ салютовать!—дружелюбно громко обратился къ Мировичу добрый старикъ.—Будемъ запросто. Завтра, слышь, вы и въ путь-дорогу?.. А я все хворалъ, почитай и не видался съ вами всю эту недѣлю. Што подѣлаешь: старыя раны даютъ порою себя знать... Должно, грозы пойдуть... или къ великимъ вѣтрамъ раны ноютъ у меня... Табачку!.. не уважаете?.. А я не могу безъ кнастеру сего... Привычка-съ сызмальства... И старые мозги теперь хорошо прочищаетъ добрая понюшка...

Понюхалъ, чихнулъ, вытеръ носъ и подбородокъ цвѣтнымъ платкомъ и усѣлся съ Мировичемъ на ту же скамью, гдѣ тотъ сидѣлъ раньше одинъ.

— Да... вотъ, завтра и выступаю!—задумчиво проговорилъ Мировичъ.—Быстро недѣля минула... словно во снѣ, право!..

— Мѣсто у насъ такое: тихое... Ровно живые въ могилѣ дни коротаемъ... Вотъ, и не чувствуешь, какъ время летитъ... Да что ты такой печальный, государь мой!.. Али горе какое... Вонъ, и тровуръ у тебя на рукѣ повязанъ. Это по комъ же, по родителѣ, либо...

— Нѣтъ... Братъ у меня умеръ... утонулъ, мѣсяць тому назадъ... крестовый братъ мой, поручикъ Ушаковъ...—глухо проговорилъ Мировичъ и оборвалъ рѣчь

— Утону-уль!.. Ишь ты!.. Жаль... жаль!.. Поручикъ? Гляди, и на линіи былъ... А какъ утонулъ? Купался, што ли... Али въ пьяномъ видѣ...

— Нѣтъ... онъ и не пилъ ничего... Съ барки упалъ... казну везъ. Пишутъ мнѣ: стоялъ на борту... на волны заглядѣлся... Голова, видно, у него закружилась. Взмахнулъ руками... и... упалъ!.. Исчезъ...

Съ трудомъ говорилъ Мировичъ. Убѣжденіе, что Ушаковъ умышленно кинулся въ воду, все сильнѣе крѣпло въ груди осиротѣлаго друга. Но думать и жалѣть было некогда...

— Ахти-хти!—запричиталъ старикъ по-бабьи, протяжно, слезливо.—Видно, водяной потянулъ ево на дно, къ себѣ!.. Не иначе, коли не пьянъ былъ, говоришь, твой товарищъ... Одно и остается, што водяникъ... Охо-хо-хо!.. А, скажи, што новенькаго въ столицѣ слыхать нонѣ, государь мой? Повѣдай старику. Можетъ, о комъ изъ знакомцевъ знаешь. Много ихъ у меня... Ха-а-а-рошо иные пошли.. А... слышь, хто-й-то тамъ сидитъ у каземата, гдѣ «колодникъ» несчастный, Гриша рекомый, заточенъ?.. Плохо глаза служить стали...въ отставку, видно, запросились... Эхе-хе-хе!..

— Чекниъ да Власевъ капитанъ... начальники внутренняго караула, который при «колодникѣ Григоріѣ»... сирѣчь, при развѣнчанномъ...

— Тесъ!—остановилъ Мировича старикъ и даже рукой зажалъ ему ротъ, чтобы опасное слово не прозвучало на этомъ печальномъ, внутреннемъ крѣпостномъ дворикѣ, въ рavelинѣ, отдѣленномъ отъ цѣлаго міра толстыми, высокими стѣнами.—Т-есъ!.. Можно ли пустое болтать солдату!.. Да еще тебѣ, начальнику караульному... Молчи, здоровѣе будешь!..—шамкалъ наставительно старикъ. Потомъ перекрестился и забормоталъ, тяжело вздохнувъ:—Охо-хо-хо!.. Прости, Господи, прегрѣшенія мои, вольныя и невольныя...

— А вы надѣетесь, господинъ комендантъ, Господь проститъ...—глядя въ упоръ на старика, задалъ неожиданный вопросъ Мировичъ.—Для этого, слыхалъ я, ранѣе раскаяться надо да перестать творить грѣхъ великій... коему названія нѣтъ!..

— Што ты... што ты, батюшко!—замахавъ руками, вскинулся старикъ, понявъ намекъ.—Ишь, какъ набросился на меня, старого.

Я такъ слово сказалъ, а ты, ровно отецъ-исповѣдникъ, таково строго приступилъ! Молодъ еще. Свой грѣхи знай. Чай, не меньше моего ихъ у тебя. Тоже—здѣся на караулѣ пребываешь... Ну, и нишкни... Фу-у! даже въ жаръ меня кинуло отъ такихъ рѣчей... Здоровъ ли ты, батюшко? Богъ съ тобой! Лучше ихъ, вотъ, кликни мнѣ. Веселѣе сидѣть будетъ. А тамо и ко мнѣ прошу, повечеряемъ, чѣмъ Богъ послалъ... Скушно одному-то.

Старикъ сталъ обвѣваться своимъ платкомъ, а Мировичъ громко обратился къ двумъ офицерамъ, вышедшимъ изъ башни и сидящимъ на скамьѣ у ея дверей.

— Господинъ капитанъ! господинъ поручикъ, сюда жалуйте. Господинъ комендантъ васъ просить.

Тѣ поднялись и подошли, привѣтствуемые живымъ, радушнымъ жестомъ Бередникова.

— Милости прошу!.. Побесѣдуемъ маленько. Вотъ, гость пѣтерской намъ про столицу новую поразскажетъ... А што нынѣ «колдникъ» нашъ, Гришенька-горюнь? Смирень, не буйствуешь?..

— Ничего!—отозвался Власевъ, поправляя косичку и опускаясь на скамью, рядомъ съ Бередниковымъ.— Не любить онъ, что одинъ изъ насъ поочередно въ его кельѣ ночуетъ. Чуть пошевельнемся во снѣ, а онъ вскочить, кричить, што мы колдуемъ, порчу напускаемъ на ево, хотимъ изъ живого душу вынуть... А мы теперъ рядомъ въ покоѣ оба спимъ, только лишь настужь держимъ, штобы намъ на виду ево имѣть... Такъ много спокойнѣе сталъ бѣдняга... Спать лучше, даже по ночамъ, не то што днемъ... Молится долго... читаетъ порою, либо псалмы выводитъ на невѣдомый гласъ и зѣло несогласно. Толкуеть: нянька ево научила, какъ онъ еще съ матушкою жилъ, до смерти ея, да съ сестрами и братьями... до десяти лѣтъ... Онъ все помнить, даромъ што...

Власевъ вдругъ оборвалъ, полагая, что наговорилъ лишняго и снова, послѣ молчанія, лѣниво заговорилъ:

— А то, больше шагаетъ по каморѣ, либо въ окно смотритъ... Тихой, чудной... Не въ себѣ, извѣстное дѣло, человекъ... Ума рѣшенъ... Только—тихой...

— Охо-хо!— снова вздохнулъ почему-то Бередниковъ.— Хворалъ я недѣлку и не видалъ ево. Завтра побываю.

— А, што... повидать мнѣ ево нельзя?—будто бы мимоходомъ, изъ любопытства задалъ вопросъ Мировичъ и почувствовалъ, что въ ожиданіи отвѣта сердце у него замерло и руки-ноги оледенѣли.

— Повидать!—раздумчиво и лѣниво повторилъ Власевъ.— Отчего же, можно. Вотъ, скоро мы къ нему на провѣрку заглянемъ. Вмѣстѣ и пойдемъ, господинъ подпоручикъ. Лишь, не любить онъ чужихъ... особливо военныхъ. Какъ былъ у него покойный императоръ, Петръ Федоровичъ, послѣ этого посѣщенія новыя строгости пошли узнику... А передъ тѣмъ надежду ему дали, что

на волю пустять... Вотъ, онъ и не любить, ежели военные приходятъ со стороны. Толкуеть, подосланные все отъ враговъ!.. Блаж-ной, вѣстимо. Вы на мундиръ накиньте армякъ... да шапку простую возьмите... Онъ васъ за странника, либо за монаха почтеть.

— Да развѣ тѣхъ свободно пускають? Я же слыхаль, никого не дозволено...

— Явный приказъ такой былъ, вѣрно: не пускать ни души!.. А подъ рукою иное, секретное распоряженіе дадено при теперешней государынь... Значить, желательно тамъ, штобы монашескій санъ принялъ нашъ «колодникъ»... Велѣно съ нимъ подходящія рѣчи о томъ вести и вѣрныхъ духовныхъ особъ допускать, ежели они сумѣютъ направить душу узника на стезю духовную. Да гдѣ тамъ!.. Съ нимъ не столкуешь: упрямъ и глупъ малый!.. «Не хочу!»—твердить, да и баста. Сурово таково. Сейчасъ видно, какого полета птица...

— Боже мой!—охваченный внезапнымъ соображеніемъ, воскликнулъ Мировичъ.—Жаль, раннѣй не зналъ я о томъ, капитанъ. Я самъ въ духовные собираюсь и полагаю, што монашество—лучшій удѣлъ на землѣ... Не то для этого злосчастнаго, а и для многихъ изъ насъ!.. Вотъ, и попыталъ бы съ нимъ поговорить. Камрады сказывали, што я каждаго умаслить могу, ежели пожелаю... Авось!...

— А, што же, попытайте, подиручикъ... Тогда и намъ двоимъ съ Чекнинымъ можно награду хорошихъ ожидать... Отсюда вырвемся поскорѣе... и васъ не забудутъ, поди, коли доложено будетъ нами о вашемъ содѣйствіи столь прямодушномъ и усердномъ... Попытайте!..

— Полагаете за мою заслугу не забудутъ меня свыше... Я тоже такъ соображаю!—какъ-то странно прозвучаль отвѣтъ Мировича.—Да я радъ помочь и безо всякой награды. Такъ, по-дружески, по-солдацки...

— Ишь... ишь!..—заволновался Беренниковъ.—Фанаберин-то сколько нынѣ у молодежи!.. Не то што мы, бывало... за слово милостивое—и то ручку цѣлуемъ отцу-командиру, либо иному тамо начальнику... А про вышихъ—и не скажи. А нынѣ?.. Награды даются сверхъ мѣры, а гордости и тово больше у всѣхъ. Вонъ, слышалъ я: докащикамъ, кои гурьевское дѣло вскрыли, имъ чего-чего не досталось! Кому двѣ тыщи рублей, кому три... и чинами, и людьми, и землею одарили отъ кабинета... А и дѣло-то, сказываютъ, было самое пустое.

— Да, пустое!—живо отозвался Мировичъ.—Доносчики награду такихъ не стоили. Ихъ бы тоже въ Сибирь послать съ тѣмъ... съ осужденными... Гуды, сами многихъ подбивали, увлекли въ заговоръ... А послѣ и предали бѣдняковъ одураче-выхъ... Офицеровъ-товарищей!..

«истор. вѣстн.», май—июнь 1917 г., т. схишн.

— Ишь ты!.. Вонъ каки дѣла дѣются!—совсѣмъ возмущился старикъ.—И ничего-то мы тутъ не вѣдаемъ и не знаемъ!..

— Да, и я слыхаль,—покачивая головой, подалъ голосъ Власъевъ.—Не безъ грѣха тѣ, кто выдалъ остальныхъ. Иванъ Хрушовъ, слышь, брата родного, Петра подвелъ... Хоша и безъ умысла, а все же... А ужъ иные... Э-эхъ!..—онъ махнулъ рукой.—Не по-нашему, не по-солдачки, одно скажу, хоша они и гвардія!.. Не ладно!..

— А... какъ же присяга-то?—задалъ вдругъ вопросъ Мировичъ, пытливо глядя въ лицо капитану.—Слѣдовало выдать, коли знали о заговорѣ...

— Ну, нѣтъ!—рѣшительно отрубилъ Власъевъ.—Первое, я слушать бы не сталъ лукавыхъ рѣчей. Ушелъ бы, и конецъ!.. И каждый такъ долженъ былъ сдѣлать. Вотъ и дѣло бы распалось у тѣхъ, у первыхъ затѣйниковъ... И не пострадалъ бы никто!.. Вотъ!..

Послѣ такой сложной рѣчи и труднаго рѣшенія вопроса Власъевъ весь покрылся испариной и сталъ платкомъ отирать лобъ, лысину, широкую, волосатую грудь, видную изъ-подъ мундира и рубахи, распахнувшихся широко.

— Вѣрно!—честный вы служака, разочарованнымъ тономъ проговорилъ Мировичъ.—Такъ, значить, нынче же я могу потолковать съ... заключеннымъ вашимъ... съ Григоріемъ?.. Либо, нѣтъ, съ Гервасіемъ, какъ ево нынче прозывать велѣно... Все разныя имена ему даютъ... Штобы память о немъ стерлась у людей... А, знаете, камерады!—неожиданно оживляясь, быстрѣе заговорилъ онъ.—Я въ сей часъ лишь догадался, почему такъ хотятъ постричь злосчастнаго Иванушку... Да теперь именно...

— Што... што?.. Почему?.. какая причина?..—прозвучало три вопроса въ одинъ и тотъ же мигъ.

Даже хладнокровный, деревянный на видъ, Чекинъ загорѣлся любопытствомъ.

— Скажу, скажу!.. Я въ большомъ секретѣ это дѣло отъ вѣрныхъ дворцовыхъ людей повывѣдалъ. «Сама»-то нынѣ, во время большой поѣздки своей и въ Колмогоры заѣдетъ, гдѣ вся Брунsvикская фамилія заточена... на архіерейскомъ подворьѣ... Тамъ—отецъ нашего Иванушки, двѣ сестры и два брата. Совсѣмъ здоровые парни, и одному, старшенькому, уже двадцатый годокъ пошелъ. Вотъ, и хотятъ, штобы ево она въ супруги взяла. Оба рода и сольются. Бруншвейскій и Голстинскій... и права будутъ въ одно. Да выходитъ, покуда этотъ не постриженъ, хотя и неразумный онъ, а первый некатель и претендентъ выходить на корону... Вотъ, ежели въ монастырь сво... тогда спокойнѣе будетъ. Выходитъ тогда: онъ ото всѣхъ земныхъ правъ отрекся, и тронъ свободенъ... Миръ настанетъ въ землѣ. Да и узнику не такъ тяжело будетъ въ монастырской кельѣ, какъ здѣсь... безъ свѣту, безъ воздуху... безъ голоса людского!..

— Дай-то Боже!—искренно вырвалось у Власьева, и его пухлое, невыразительное лицо даже просіяло, оживилось.—А то и мы тутъ, съ поручикомъ... не лучше заточника-Иванушки здѣсь страждемъ взаперти... Семь годами не видимъ, выходу на волю не знаемъ какъ и онъ!.. Трудный здѣсь постъ... да еще съ этимъ приказомъ тайнымъ... великій отвѣтъ на насъ возложенъ. Какъ бы нехотя грѣха на душу не взять. Не выполнить приказа, ежели што выйдеть... прямая измѣна присягѣ и судъ! А и выполнимъ, тоже не хорошо... Вотъ ты тутъ и смекай!—развелъ руками прямодушный капитанъ.

— Што еще за новый мудреный приказъ такой?—насторожась, кинулъ вопросъ Мировичъ.

Но Власьевъ, и то спохватившійся, что много наболталъ, только переглянулся тревожно съ Чекинымъ, помолчалъ и заговорилъ нерѣшительно:

— К-хмъ... к-хмъ... Нѣтъ... такъ... по надзору, пустяки! Ну, коли угодно, пойдете... Тамъ у насъ, поди, и зипунъ для васъ найдется... А, вотъ, это вродѣ посоха можно взять!—подымая на землѣ ровную хворостину и передавая ее Мировичу, предложилъ Власьевъ.—Готовый странникъ будете, господинъ подпоручикъ... ха-ха-ха!.. Идете!..

Сдерживая волненіе и дрожь, пробѣгавшую у него съ головы до пятъ, Мировичъ отсалютовалъ Бередникову.

— Имѣю честь откланяться... Слѣдую за вами, капитанъ. Авось, намъ Богъ да поможетъ!..

Всѣ трое скрылись за тяжелой, окованной дверью башни, которую большимъ ключемъ открылъ и заперъ за собою снова Власьевъ.

Бередниковъ, тихо поднявшись, напѣвая разбитымъ, старческимъ голосомъ старые боевые сигналы, пошелъ въ свой домикъ подъ желѣзной крышей, стоящій въ сосѣднемъ, болѣе обширномъ, внутреннемъ дворикѣ крѣпости.

IV.

Миновавъ первую келью, гдѣ проводили почти все время оба офицера, стерегущіе узника, Власьевъ открылъ вторую дверь, запертую на время ихъ отсутствія, и Мировичъ съ заморающимъ сердцемъ увидѣлъ того, о комъ думалъ, къ кому стремился столько лѣтъ.

Какая-то темная, жалкая фигурка, напоминающая скорѣе юношу, чѣмъ человѣка взрослога, лежала ницъ передъ иконой, повѣшенной надъ постелью, въ переднемъ углу. Бѣлокурые волосы, подстриженные по-русски, да одна рука, небольшая и очень бѣлая, словно литая изъ воска, выдѣлялись въ полумгль, наполняющей

этотъ уголь каземата. Простой, темный камзолъ и довольно грубое бѣлье, вязанные чулки и грубые башмаки составляли нарядъ бывшего императора Россійской имперіи, которому нѣкогда послы передавали «братскій привѣтъ» отъ могущественныхъ королей Франціи и Пруссіи... Мировичъ вспомнилъ все это и такая острая боль пронизала ему грудь, что пришлось ухватиться за косякъ двери, ноги не держали его.

— Што, воздухъ шибаетъ здѣсь?—спросилъ Власевъ, по своему истолковавъ движеніе подпоручика.—Приходить сюды дежурный колодникъ изъ простыхъ, изъ общаго отдѣленія, убираетъ раза два въ день... На ту пору за ширмы уходитъ Гервасій,—негромко объяснилъ онъ, указывая на простыя ширмы, стоящія у такой же скромной кровати, покрытой сѣрымъ одѣяломъ. И, словно для контраста, на этомъ сѣромъ, узкомъ ложѣ пестрѣла ткань шелковаго плафрона, подарокъ покойнаго Петра III, сдѣланный узнику, когда они свидѣлись въ этихъ же печальныхъ стѣнахъ. Да на небольшомъ, некрашенномъ столѣ, рядомъ съ затрепаннымъ апостоломъ, лежали поблескивая, и громко тикали золотыя карманные часы, даръ той же руки, теперь оледенѣло-гниющей въ могилѣ...

Узникъ былъ такъ погруженъ въ молитву, что не слышалъ прихода гостей и не пошевелинулся, продолжая глухо бормотать какія-то слова, частью заученныя въ дѣтствѣ, частью сочиненныя имъ самимъ во время долгихъ часовъ уединенія и тоски.

— Вотъ, такъ по часамъ ницъ лежить!—шепнулъ Власевъ.— Я подыму его!..

Онъ подошелъ къ узнику, громко заговорилъ:

— Вставай, Гервасій, сранникъ Божій пришелъ къ тебѣ... Потолковать не желаешь ли...

Медленно приподнявшись и присѣвъ тутъ же, на полу, окинулъ обоихъ недружелюбнымъ взглядомъ узникъ, но, вдругъ, глаза его остановились на Мировичѣ, какъ будто онъ увидѣлъ знакомаго, родныя черты. Глубокая жалость, явно проступившая на лицѣ у подпоручика, словно нашла отраженіе въ душѣ несчастнаго «колодника»...

— Гости... сызнова гости!—невнятно, заикаясь, проговорилъ Іоаннь, придерживая одной рукою нижнюю челюсть, которая отвисала, словно была парализована и этимъ дѣлала рѣчь экс-императора тягучею и неясной.—Новое искушеніе. Али новый царь насталь опять, а стараго убили... и царицу вашу?.. Али по мою душу пришли... Чуръ, чуръ меня!.. Тьфу, тьфу, тьфу!.. Да... нѣтъ!..— снова вглядываясь въ Мировича, совсѣмъ медленно, печально какъ-то заговорилъ Іоаннь.—Ты—рабъ Божій, не слуга дьявола!.. Блаженъ, иже идетъ... знаешь!—шепнулъ онъ, совсѣмъ вставая и наклонивъ къ уху подпоручика.—Уйди теперь. Молить Бога хочу...

Ты, Боже!.. Я, Боже!..—забормоталъ онъ, снова уставясь на икону. И сталъ часто, нервно креститься своею маленькой исхудалой, бѣлой рукой.

— Вотъ, Гервасій, ты любишь молиться!—заговорилъ Власевъ.—А въ монастырѣ только и дѣла, что поклоны бить... да кадильцомъ кадить... И принялъ бы постриженіе. Гляди, скоро и настоятелемъ выбрали бы тебя... Самъ командиромъ станешь...

— Настоятелемъ?.. Нѣтъ, мнѣ бы митрополитомъ, чтобы всѣхъ васъ казнить!.. Чтобы Богу на васъ пожаловаться... Чтобы... Пѣть.. не надо!.. Грѣхъ... гордыня... Богъ накажетъ. Не хочу въ монахи!.. Я не Гервасій... нѣтъ... я...

Онъ не договорилъ, боязливо поглядывая на Власева и на раскрытую дверь, гдѣ темнѣли очертанія костлявой фигуры Чекина.

— Что же.. кто же ты?—дружелюбно спросилъ Власевъ, подмигивая Мировичу.

— Не скажу!—переходя и опускаясь на табуретъ у стола, упрямо пробормоталъ Іоаннъ.—Ты... ты бить меня станешь!.. плетью станешь, ежели я назову... Ты—злой... Вотъ... когда это было... Давно уже... Пришла ко мнѣ жена... Понимаешь?—обратился онъ снова доверчиво къ Мировичу.—Жена а... искушеніе!.. И тоже спросила: «Кто ты?» Говорю ей...

Узникъ гордо выпрямился, словно выросъ на глазахъ у слушателей, и внятно, почти безъ запинки, произнесъ:

— Говорю... «Іоаннъ III, им... ператоръ!». А меня послѣ били за это... И онъ... убитый царь вашъ... изъ преисподней являлся и тоже спросилъ... Я назвалъ себя... И тогда меня били... Ты добрый... Ты—жалѣешь... Не дай... заступися!—осторожно прикасаясь къ рукѣ подпоручика, жалобно, по-дѣтски взмолился узникъ, у котораго дѣйствительныя событія перепутывались съ вымысломъ и бредомъ.

— Неужели его?..

Мировичъ не досказалъ, отвернувшись, чтобы скрыть слезы, выступившія на глазахъ.

Власевъ потунилъ, даже краска залила его отекавшее отъ скуки и пьянства лицо..

— Я—нѣтъ... я—никогда самъ не...того!.. Бывало, буйство находило на него... Изъ окна начинаетъ бездѣшницу кричать... людей зоветь на помощь... Либо—на прогулкѣ... И въ камору ужъ тогда добромъ не идетъ... Силою вносятъ... Ну, тутъ разрѣшается и...

Мировичъ стоялъ, закрывъ глаза рукою. А узникъ тихо жалобился ему.

— Больно меня били... штобы не величалъ себя Іоанномъ... А, слышь,—вдругъ таинственно зашепталъ онъ, совѣмъ наклоняясь къ Мировичу.—Слышь: я и впрямь не амператоръ. Я—не Іоаннъ!.. Тотъ—умеръ давно... еще когда увезли его отъ матушки...

отъ миленькой... отъ родимой... У ней, слышь, такія были бѣ-ѣ-дыя руки... мя-я-гкія... нѣжныя... и гладила она ими сыночка... и ласкала... А отецъ... онъ строгій былъ... кричалъ... Да все же любилъ Іоанна. Помню!.. А послѣ ихъ не стало... Іоанна тоже тогда не стало... на небо его взялъ Господь... А я... я—не Іоаннъ!... нѣтъ!..

— Кто же тогда, коли не Іоаннъ?—тревожно вслушиваясь въ несвязную рѣчь, задалъ вопросъ Мировичъ, оглядываясь на Власьева.

— Я—духъ безплотный!.. Только, шtbody ихъ пугать... палачей монахъ, для того я и толкую, будто я Іоаннъ III... Ха-ха-ха!.. Они тово боятся, я знаю... Мнѣ и матушка говорила, чего они боятся... А мнѣ оттого и въ монахи невозможно, что тѣла у меня нѣту... Я—духъ безплотный... безтѣлесный... И святого духа боюсь. Не можно мнѣ въ келью... И образамъ чужимъ молиться нельзя... Только этому... Да и за этимъ—онъ всегда стоитъ... понимаешь: онъ... темный... безликой... да страшный!..

— Послушай ты меня, святая душа, безсчастная, замученная!—голосомъ, полнымъ нѣжности и ласки, заговорилъ Мировичъ, овладѣвая собой.—Ужли не лучше въ кельѣ, чѣмъ здѣсь!.. Тамъ нѣтъ сторожей, нѣтъ обидъ... Тихо. Поютъ. Молятся. Много молятся. Тамъ бы лучше тебѣ, право!..

— Да?..—довѣрчиво, словно ребенокъ прижимаясь къ нему, откликнулся Іоаннъ.—Ты говоришь... тебѣ я вѣрю... Какъ ты это говоришь... Она... матушка.. такъ говорила мнѣ: «Ваня... Ванюшка... безсчастный ты мой!».. И баюкала... и пѣсенку пѣла... А я, хоша и умерь, а не хочу отступаться отъ правъ моихъ на царство...—вдругъ загораясь гнѣвомъ, поднялся онъ снова съ табурета и повелительно крикнулъ Власьеву:—Цѣлуй руку!.. Онъ не дастъ тебѣ... При немъ не ударишь!.. Цѣлуй!..

— Ишь, какъ онъ сразу увѣровалъ въ васъ, господинъ подпоручикъ!—тихо шепнулъ Мировичу довольный капитанъ.—Ну, толкуйте съ имъ на свободѣ... Дверей я не закрою. Коли што—позовите. Мы тамо съ Чекнымъ... отдохну малость... Еще ночью дежурить... Толкуйте!..

Едва вышелъ Власьевъ, Іоаннъ вдругъ измѣнилъ видъ, хитро улыбаясь, покивалъ велѣдъ ушедшему и зашепталъ Мировичу:

— Я призналъ себя... ты—отъ мамы пришелъ... Да?.. Я по глазамъ твоимъ узналъ... Глазамъ твоимъ повѣровалъ. Матушка тебѣ свои глазыньки отдала... шtbody надъ сыномъ поплакать... да... Ты и заплакать... я подглядѣлъ... Садись... Сказывай—жива мама?.. Гдѣ она?.. Гдѣ братья?..

— Государь!—быстро, негромко заговорилъ Мировичъ.—Некогда отвѣты вамъ давать. Скоро и сами вы сможете увидѣть кого захотите... Только осторожнѣй... Тихе говорить надо!..

— Какъ ты назвалъ меня?—пронизывая своимъ усталымъ отъ полумрака глазами Мировича, переспросилъ узникъ и, видно было, что онъ весь напряженъ, какъ струна.—«Го-су-дарь!» Ты знаешь... ты вѣруешь, што я—го...су...дарь!.. Какъ же тебя пропустили? Сюды не приходятъ такіе! ..Вотъ ужъ который годъ!.. Враги приходятъ. Я по очамъ ихъ узнаю. У нихъ червяки вьются въ очахъ... Жадные, колючіе... А у тебя... вонъ...—онъ осторожно дотронулся пальцемъ до рѣсницъ Мировича.—У тебя, вонъ—слезы... Бѣдный... ты не плачь, не жалѣй Иоанна... Я—Бога вижу.

— Волю вы должны увидѣть, государь!—также рѣшительно повелѣ рѣчь Мировичъ.—Дайте облобызать вашу руку... и—слушайте меня. Дѣло сдѣлано. Нынче же ночью придемъ мы выручать васъ. Я хотѣлъ предупредить... штобы вы не подумали худо... не боялись насъ, когда мы явимся неожиданно-негаданно... Не для вреда потребуемъ мы васъ отъ стражи здѣшней. На тронъ возведемъ. Имперію вернемъ вамъ. Теперь—не время долго говорить. Могутъ подслушать... Только, когда зачнемъ мы тамъ свалку и до васъ шумъ дойдетъ... требуйте отъ этихъ, штобы васъ къ солдатству выпустили.. Моль, вы всѣхъ успокоите!.. Понялъ ли... Тогда, моль, тихо станеть... Жди, батюшко! Послѣ полуночи мы дѣйство начнемъ. Вотъ, часы у тебя... По имъ гляди... Разумѣешь?..

Онъ жегъ глазами узника. И у того глаза засверкали невиданнымъ до сихъ поръ огнемъ. Лицо посвѣтлѣло, приняло совсѣмъ величавый, вдохновенный видъ. Будто вся сила сознанія вернулась этому замученному, искалѣченному въ тюрьмѣ, человѣку. Но черезъ мигъ-другой сіяніе потухло. Нижняя губа снова отвисла, лицо стало блѣднѣе прежняго, даже сѣрое отъ дикаго испуга. Онъ кинулся на свое жесткое, узкое ложе, припалъ лицомъ къ подушкѣ, и невнятно оттуда долетали его боязливые выклики.

— Нѣтъ... нѣтъ... убьютъ!.. Знаю, убьютъ... Сызнова Иванушку убьютъ... ужъ навсегда теперь... И тѣло... и душу... Не надо... не искушай... побойся Бога... Не надо!..

— Не убьютъ... Не посмѣютъ. Мы не дадимъ, самихъ перестрѣляемъ враговъ твоихъ. Запытаемъ ихъ до смерти, ежели хоть пальцемъ тронуть твою помазанную главу!.. Не посмѣютъ!.. На, вотъ... Пока они тамъ своимъ заняты, подпиши тутъ... живѣ!..

Мировичъ уже досталъ изъ-подъ азяма, надѣтаго на немъ, изъ кармана мундира манифестъ, бутылочку чернилъ и очиненное перо. Положивъ бумагу на колѣна, озираясь на раскрытую дверь за которой находились сторожа, онъ вложилъ перо въ руку Иоанну.

— Имя пиши!.. Только имя...

Неумѣло держа въ рукахъ перо, узникъ растерянно шепталъ:

— Не могу... забылъ... не умѣю... А ты... Благодарствуй... добрый!..

И неожиданно узникъ обнялъ и крѣпко поцѣловалъ своего неожиданнаго избавителя.

Мировичъ самъ тогда взялъ руку его и вывелъ на бумагѣ кое-какъ это завѣтное имя «Іоаннъ III», быстро спряталъ чернила, перо, свернулъ бумагу и уложилъ ее обратно въ карманъ, облегченно вздохнувъ.

— Ну, вотъ и все!.. Въ добрый часъ!.. Своею рукою подписалъ!.. Жди полуночи!

— Боюсь!—озираясь повторялъ узникъ. Вдругъ онъ снова пытливо сталъ вглядываться въ глаза Мировичу.—Скажи, тебя подослали они... враги...

— Видить Богъ!—клятвенно поднялъ руку Мировичъ.

— Нѣтъ... нѣтъ! Глаза твои не лгутъ... Слушай: долго былъ тутъ въ караулѣ солдатъ одинъ... Добрый, какъ и ты... Я его любилъ. Онъ жалѣлъ меня. Услали его. Онъ такъ плакалъ... и, уходя, сказалъ мнѣ... Какъ онъ сказалъ?.. Вотъ... вотъ... стой, припомни!—обрадовался Іоаннъ.—Сказалъ мнѣ: «И не пытайся бѣжать! Живой не выйдешь изъ этой твоей... могилы... Указъ великій даденъ... выйдешь—мертвый, не живой!».. Я ему вѣрю... А тебѣ—тоже вѣрю... Какъ же мнѣ телерь!.. Не надо, слушай. Оставь лучше! Я пожить еще хочу. Вотъ, въ окно поглядѣть... Птицы... я кормлю ихъ... На облако гляжу... Звѣздочки вижу!.. Солнышко лѣтомъ, цвѣты бываютъ... разные... Хорошо! А могила... темъ да холодъ въ ней... хуже, чѣмъ въ этой кельѣ. Земля тяжелая ляжетъ на грудь. Оставь меня тутъ, лучше... Слышишь!..

Тихой мольбой звучать несвязныя, но полныя великаго значенія слова... Какая-то нездѣшная тайна словно открылась передъ смущенной душой полубезумнаго узника, и онъ старался передать о ней словами своему избавителю.

Но Мировичъ не понялъ:

— Да нѣтъ же, нѣтъ!—сильно зашепталъ онъ Іоанну, заражая того своею вѣрой.—Не въ могилу... на тронъ мы возведемъ тебя! Въ эту полночь!..

— Тронъ!.. Тамъ... одесную Господа!—вдругъ совсѣмъ становясь неузнаваемъ, значительно проговорилъ Іоаннъ.—Бѣдный... Какой ты бѣдный!..

Исхудалая, блѣдная рука, словно благословляя, легла на голову Мировича. Потомъ онъ поднесъ ему къ губамъ ту же руку.

— Цѣлуй! Только—ничего не выйдетъ, я вижу!.. Лучше оставь... Убьютъ и тѣло, какъ душу убили у императора... у Іоанна... Не надо... Уйди!..

Отвернулся, съ головою покрылся одѣяломъ и умолкъ.

«Несчастный!—думалъ Мировичъ, глядя на него.—Совсѣмъ затемнили въ немъ разумъ... Да Господь свершитъ чудо. На волѣ—

сызнова человекомъ станеть!.. Воскреснетъ государь, когда власть мы вернемъ ему»...

Подойдя къ двери, онъ громко позвать Власева.

— Капитанъ, мы кончили бесѣду... Пожадуйте къ намъ, тоже послушайте.

Власевъ торопливо вошелъ, а Мирвичъ, наклонясь надъ лежащимъ Іоанномъ, внятно спросилъ:

— Ну, какъ же, въ монахи желаешь, либо нѣтъ?.. Повѣдуй господину капитану. Порадуй его!..

— Да! Мнѣ теперь позволено!—подымая голову отъ подушки, заговорилъ послушно Іоаннъ.—Я слышалъ голосъ съ неба... Я могу иконамъ вашимъ молиться... И въ монашескій чинъ желаю. Да, слышь, Гервасіемъ зваться не хочу... Феодосіемъ хочу... Феодосій, то речи—даръ Божій... Феодосіемъ!.. Слышь!..

— Хоша—Агриппой!—довольный подхватилъ капитанъ.—Вотъ, добро намъ будетъ, коли сей юродъ не измѣнитъ столь разумныхъ мыслей своихъ. Завтра же репортъ пошлю по начальству... Можетъ, вы его и повезете, подпоручикъ... Я тамъ и про ваше участіе помину. Вотъ, подлинно, благодаренъ вамъ, безмѣрно!..

— Онъ, сдастся, заснулъ!—негромко замѣтилъ Мирвичъ.— Уйдемте... тамъ потолкуемъ...

Оба перешли въ другой покой.

V.

Двѣнадцать ударовъ прозвучало съ колокольной крѣпостного собора.

Чекинъ, сняшій всегда, что называется, «въ долги глаза», сосчиталъ въ полудремѣ рѣдкіе, звучные удары и, перевернувшись на другой бокъ, готовился было снова сладко уснуть, когда, необычный въ эту пору, говоръ и шумъ донесся до его чуткаго, вѣчно-напряженнаго слуха. Ему почудились голоса, даже лязгъ оружія.

Какъ разъ часовые въ эту минуту протяжно стали перекликаться на постахъ.

— Слу-ша-а-ай!.. Не дре-ма-ай!..

Но, кромѣ этихъ обычныхъ, еще другіе звуки и голоса нарушили тишину июльской бѣлой ночи... Вотъ, словно орудіе прокатило по каменному настилу двора, небольшая, старая пушка, стоящая для салютовъ. Не иначе, что ее кто-то протащилъ и поставилъ ближе къ башнѣ. Въ раскрытое оконце каземата, гдѣ спятъ оба караульныхъ офицера, рядомъ съ «кузникомъ», внятно такъ доносится каждый звукъ.

Вскочивъ съ постели, Чекинъ кинулся къ окну. Тамъ онъ увидѣлъ весь внѣшній караулъ подъ ружьемъ, стоящій фронтомъ къ дверямъ, ведущимъ къ башнѣ. Пушка темнѣла тутъ же, сбоку.

Онъ не ошибся... Знакомая фигура офицера сповала отъ одного капрала къ другому. Слышались отрывочныя, неясныя слова команды или увѣщанія.

Чуя грозящую бѣду, онъ кинулся будить Власьева, громкій храпъ котораго разносился по всему каземату.

— Вставай, капитанъ!.. Бѣда... бунтъ!—крикнулъ онъ и вмѣстѣ съ вскочившимъ, еще не совсемъ очнувшимся Власьевымъ снова кинулся къ окну.

Теперь ясно долетѣлъ къ нимъ голосъ Мировича, говорящаго краткую рѣчь солдатамъ.

Онъ уже кончалъ ее. Они услышали только послѣднія фразы.

— Манифестъ вамъ читать, ребята! Равно—и распоряженіе Правительства, указъ Сената... Подпись государя вы видѣли... собственной руки его священную подпись... Освободите же его, и васъ ждутъ слава и награда безъ мѣры!.. Слушай команду. Къ бою изготовься!.. Съ пулями ружья заряжай!..

Капралы повторили команду. Повели счетъ: «Разъ... два!.. три!... Шомполомъ забивай!..»

Послышался знакомый звукъ, шомполы ударили о боевой зарядъ, спуская его на мѣсто въ ружьѣ.

— Капраль Босовъ!—снова раздался голосъ Мировича.—Постучи въ двери. Уреди честно господина начальника внутренняго караула, зачѣмъ мы явились. Объяви о манифестѣ. Пусть сюда выведетъ плѣннаго государя, ежели не желаетъ напраснаго пролитія братской крови. Ступай!..

Старый капраль взялъ подъ козырекъ.

— Слушаю, ваше-скородіе!..

Зашагалъ къ двери и сильно ударилъ въ нее прикладомъ ружья.

Солдаты внутренняго караула, спящіе въ верхнемъ этажѣ той же башни, полуодѣтые, но уже съ ружьями въ рукахъ, появились въ окнахъ, не понимая, что тутъ творится!

— Што!.. Што такое!.. Мятежъ!.. Положить оружіе!..—вдругъ позади фронта солдатъ послышался шамкающей, взволнованный голосъ Берендинова, который тоже приближалъ на шумъ въ камзолѣ, безъ мундира, но со шагагой въ рукѣ. Она ему теперь замѣшала его подпору-костылекъ.

— Подпоручикъ Мировичъ, сдайте оружіе... Я арестую васъ!—обратился къ заговорщику старикъ, сразу разобравъ, кто ведетъ команду и затѣялъ все дѣло.

— Не кричите напрасну, господинъ комендантъ!—спокойно перебилъ его Мировичъ.—По приказу его императорскаго величества, государя Іоанна Антоновича—вы у меня подъ карауломъ.

По знаку его капраль и два солдата стали по бокамъ старика, который отъ неожиданности, отъ испуга, потерялъ силы и молча опустился на грудь камней, близъ которой стоялъ.

— Стыдъ головушкѣ!—сжимая голову, на которой не было надѣто парика, шепталь онъ.—До чего нынѣ я дожилъ!.. Что видѣть довелось...

И затихъ.

Власевъ въ это время на стукъ Босова появился въ окнѣ, выслушалъ капрала и выругался громко, яростно.

— Собаки!.. Бунтъ!.. Оружіе положите, не то...

— Но!.. Не ругайся лучше!—послышались изъ рядовъ угрожающіе голоса.—Не то—нацѣлимъ твою пустую башку!..

— Смир-но!—скомандовалъ Мировичъ и выступилъ впередъ.—Господинъ капитанъ! Мы требуемъ выдачи намъ плѣннаго государя, Іоанна Антоновича, какъ онъ снова, волею Господа, призванъ на тронъ отцовъ своихъ.

— Ничего того я не знаю и знать не хочу вашихъ подложныхъ манифестовъ... какъ присягалъ служить государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ!.. И никого такого, какъ вы говорите, даже не находите у меня!..

— Ошибаетесь, господинъ капитанъ! Никакой государыни нѣтъ больше! А есть онъ, тотъ, кто тамъ томится у васъ столько лѣтъ!.. Отворяйте добромъ. Послѣ третьяго пароля дадимъ огонь... Ядрами будемъ стрѣлять!.. Подумайте!..

Еще не замолкъ голосъ Мировича, какъ послышался съ другой стороны отчаянный стукъ въ дверь, ведущую въ сосѣдную келью, которую успѣлъ на ключъ запретить Чекинъ.

Это узникъ, услыхавъ суматоху, ударялъ чѣмъ-то тяжелымъ въ дверь и кричалъ неистово, задыхаясь отъ нетерпѣнія и муки.

— Пусти!.. пусти меня!.. Онъ!.. Онъ пришелъ за мною... Онъ зоветъ!.. Пусти на волю!..

Чекинъ кинулся, раскрылъ дверь и грубо прикрикнулъ на узника:

— Молчи! Не то... Не до тебя тутъ еще!..

— Молчу... молчу!—оробѣвъ залепеталъ Іоаннъ и, присѣвъ на постель, въ одномъ бѣльѣ, худой, блѣдный, при невѣрномъ свѣтѣ бѣлой ночи напоминающій привидѣніе, сталъ что-то тихо нашептывать, не то молитву, не то заклятіе.

А Чекинъ сидѣлъ угрюмый, темный, сжимая въ рукѣ заряженную старинную пистоль.

— Въ третій и послѣдній разъ говорю: отпустите плѣннаго добромъ!—прозвучалъ въ этотъ мигъ со двора голосъ Мировича.

— Не могу!—донесся изо окна хрипаватый голосъ Власева.—Мои солдаты будутъ отвѣчать огнемъ на пальбу... Гей, слышите, ребята!—крикнулъ онъ, высовываясь изъ окна и стараясь разглядѣть свою команду, которая тамъ, выше этажемъ навѣрное стоитъ у раскрытыхъ оконъ, ждетъ приказаній.

— Слышимъ, ваше—скородіе... Готово!—послышался сверху откликъ капрала, руководящаго взводомъ Власьева.

— Такъ пусть же вся пролитая кровь на васъ и падеть, капитанъ!—крикнулъ Мировичъ, и рѣзко прозвучала его команда.

— Ружье къ прицѣлу. Разъ... два... три... четыре... Пли!.. Огонь!..

Отъ дружнаго залпа разлетѣлись всѣ стекла въ окнахъ башни и въ сосѣдней съ нею казармѣ. Нѣсколько отвѣтныхъ выстрѣловъ грянуло сверху, изъ помѣщенія внутренняго караула. Но прицѣлъ былъ взятъ умышленно невѣрно, и пули, не задѣвъ никого, просвистали высоко надъ головами сторонниковъ Мировича и врѣзались въ стѣны, полетѣли и надъ ними, звеня, точно озлобленныя пчелы въ тихомъ ночномъ воздухѣ...

Снова послышалась команда Мировича. Ружья были заряжены. Грянуль второй залпъ. И сейчасъ же послѣ него грохнула пушка, поставленная противъ входа въ башню. Ядро попало въ самую дверь и расщепило ее въ куски. Второе ядро, несомнѣнно, открыло бы свободный входъ въ башню.

Солдаты Власьева стали махать сверху изъ окна бѣлыми полотенцами. Одинъ изъ нихъ закричалъ:

— Братцы! Мы съ вами!.. Сдаемся!.. Выйдемъ къ вамъ... станемъ заодно!..

— Слышите, господинъ капитанъ!—снова крикнулъ Мировичъ. Сорвалъ съ себя бѣлый шарфъ и, размахивая имъ, подошелъ ближе къ окну, за которымъ укрывался отъ выстрѣловъ Власьевъ, осторожно поглядывая на осаждающихъ.—Слышите, команда ваша сдается. Не будьте столь упрямы. Обѣщаю, што вамъ не нанесутъ ни малѣйшаго вреда. Вы будете отпущены честно съ оружіемъ.

— Вотъ мой отвѣтъ!—прозвучалъ голосъ Власьева. Онъ на мигъ появился въ окнѣ и выстрѣлилъ въ Мировича изъ пистолета.

— Лихо! По бѣлому флагу стрѣляете!—проводя рукою по лбу, гдѣ проступила кровь отъ легкой контузіи, крикнулъ Мировичъ.— За мою царяину дорого вы заплатите, капитанъ!.. Залпъ!—приказалъ онъ своимъ.—А теперь—еще картечку!..

Ухнула пушка. Уголъ башни повалился, камни рухнули съ шумомъ, поднявъ облако пыли.

— Такъ... Любо!—возбужденный, пылающій боевой лихорадкой, вскрикнулъ Мировичъ.—Заряжай... Пли!..

И самъ кинулся заряжать снова пушку, которую, по его мнѣнію, слишкомъ медленно банилъ канониръ.

Власьевъ дрожащей рукою вынулъ изъ мундира сложенный листъ бумаги и кинулся въ келью Іоанна, къ Чекину.

— Выходу нѣтъ!.. Одно осталось!.. Ты знаешь, што здѣсь написано... Живымъ выдать невозможно узника... Такъ, ужъ ты... изволь... по указу... Да живѣе... пока тѣ не ворвались!..

— Мнѣ!.. Я... руку поднять на безоружнаго... на... Ни за что!— въ ужасѣ забормоталъ Чекинъ. Пистолеть выпалъ у него изъ руки. и онъ почти выбѣжалъ изъ этой кельи въ сосѣдную, словно убѣгая отъ огромной опасности.

Узникъ, исподтишка слѣдившій за своими тюремщиками. понималъ, что оба растерялись и наступилъ удобный мигъ. Онъ быстро поднялъ пистоль, оставленную Чекинымъ, неумѣло держа ее за самый курокъ, и кинулся къ выходной двери, слѣдомъ за поручикомъ, въ сосѣдную камеру, бормоча:

— Я... я туда!.. Другъ зоветь!.. Туда!.. на волю!..

— Пѣть!... Того не будетъ!—кидаясь за узникомъ, выкрикнулъ Власевъ, выхватывая изъ-за пазухи второй пистолеть.

Грануль выстрѣлъ... Прошло два-три мгновения...

Юаннъ, застигнутый пулею, закружился на мѣстѣ... потомъ, держась за голову, инстинктивно побрелъ въ свой уголъ, шатаясь, спотыкаясь, не дойдя до кровати рухнулъ на грязный полъ, невнятно лепеча:

— Ой... больно... ма-ма... ма...

Лепеть оборвался. Руки еще нѣсколько мгновений ловили что-то, царапали полъ, тѣло содрогалось. И—все стихло.

А въ этотъ самый мигъ ядро, пущенное Миновичемъ, окончателно разбило одну и другую дверь, ведущую въ башню. Онъ уже готовился повести на приступъ свою команду, когда въ окнѣ появился Власевъ. Теперь у него въ рукѣ трепеталъ и рѣялъ по воздуху бѣлый платокъ.

— Слаюся!—хрипло крикнулъ онъ.—Сейчасъ выдамъ узника... Не стрѣляйте болѣе!..

— Добро! Я шажу тѣхъ, кто съ бѣлымъ!—не помня себя отъ восторга, отъ радости, отозвался Миновичъ. Ликующимъ голосомъ обратился онъ затѣмъ къ солдатамъ и капраламъ:

— Смирно, ребята!.. Сейчасъ выйдетъ къ вамъ вашъ законный государь. Поздравить васъ съ первой побѣдой... и—на Питерь потомъ!.. Шапки долой!.. На колѣни!.. Встрѣчай государя... Да... што это!..

Онъ рванулся впередъ, навстрѣчу Власеву и Чекину, которые несли что-то, похожее на трупъ, и сложили у порога башни.

Сорвавъ плащъ, покрывающій страшную ношу, Миновичъ сперва замеръ отъ ужаса. Глаза его стали совершенно безумными, расширяясь и потемнѣвъ.

— Кто... кто посмѣлъ?—наконецъ, выдавилъ онъ изъ горла мучительный вопросъ.—Кто это совершилъ?.. Злодѣйство—безъ имени!.. Смерти мало за такое дѣло... Да я...

— Смерть намъ не страшна!—глухо перебилъ его Власевъ.—А сдѣлано сіе по долгу воинской присяги... согласно особому указу... Смотрите, чья печать и чей подписъ на ней, господинъ поручикъ!.. Вы принудили... на васъ и вина!..

Мировичъ взялъ, почти не сознавая, поданный ему, развернутый листъ и при свѣтѣ нарождающагося дня сталъ вслухъ читать.

— «...а ежели враги стануть одолѣвать—живымъ отнюдь узника изъ его касемата выпускать не должно подъ страхомъ смертной казни и мукъ престокиихъ ослушникамъ...»

Эти слова особенно врѣзались въ его смятенную душу, были поняты затемненнымъ сознаниемъ Мировича.

— И... подпись... да, ея подпись!—съ ужасомъ зашепталъ онъ.—Правы, капитанъ, Васъ винить не могу!.. Братцы!—обратился онъ къ солдатамъ, стоящимъ въ полной растерянности.—Простите меня... Вотъ онъ, нашъ государь!.. Мертвымъ намъ вернули его!.. Поклонимся праху, братцы... Господи! упокой душу страдальца Иоанна!—громко проговорилъ онъ.—Салютъ отдайте останкамъ императора Иоанна III.—вдругъ прозвучала его послѣдняя, твердая команда.

Залпъ грянулъ. Потомъ, стоя на колѣняхъ, всѣ совершили краткую молитву и стали отдавать послѣднее цѣлованіе усопшему, зная, что ихъ арестуютъ и не пустятъ больше къ тѣлу.

— Во фронтъ!—снова раздалась команда Мировича.

Ставъ передъ фронтомъ, онъ отдалъ всѣмъ глубокой, земной поклонъ.

— Простите и меня, что такъ запуталъ я васъ!.. Я... я одинъ виновать! Такъ и доложу... тамъ, гдѣ слѣдуетъ... Одинъ я васъ всѣхъ смутилъ... Простите!..

— Што ты! Господь съ тобою!—завучали грубые, отрывистые голоса.—Мы въ бѣдѣ, мы и въ отвѣтѣ... Знали, на што шли!.. А грѣхъ такой вышель!.. Господи!..

— Нѣтъ... отвѣчать я долженъ... Вотъ, и новый день занимается. А онъ... Его ужъ нѣтъ... Не увидитъ ни зорь утреннихъ, ни вечернихъ... Упокоился, страдалецъ!.. Барабаны, бить зорю.

Барабаны загремѣли. Смолкли.

— Смир-р-но!—скомандовали капралы.—Ровняйся.

Ряды уже готовились двинуться въ казармы, когда Мировичъ, доставъ мѣшокъ съ рублевиками, сталъ одѣлять всѣхъ.

— Мнѣнничего не надо теперь... А вамъ, господинъ комендантъ, отдаю свою шнагу!—обратился онъ къ Бередникову, который глядѣлъ, слушалъ и словно повѣрить не могъ, что все это совершается на яву, а не во снѣ.

VI.

Казнь.

(Вмѣсто эпиллога).

Слѣдствіе тянулось недолго, и судъ скоро постановилъ свой приговоръ.

Босовъ, Пискливецъ и третій ихъ товарищъ, а съ ними три капрала, какъ главные зачинщики, должны были пройти «зеленую

улицу», то-есть, ихъ 10 разъ провели между двумя рядами солдатъ, по 500 съ каждой стороны, вооруженныхъ гибкими палками. Каждый долженъ былъ нанести осужденному ударъ,.. И такъ повторялось десять разъ. А, между тѣмъ, уже послѣ третьяго или четвертаго раза спина осужденнаго представляла изъ себя сплошную кровавую рану, безчувственного страдальца волокли по землѣ, удары сыпались на разбитыя мѣста, дробя мускулы еще больше. Подъ конецъ избитое тѣло сваливали на толѣжку, и наказаніе заканчивалось надъ трупомъ. Изъ шести—выжилъ одинъ. А Босовъ, приговоренный даже не къ 10, а къ 12 тысячамъ ударовъ, былъ мертвъ уже послѣ пятой тысячи.

Остальную команду разослали въ дальніе батальоны, иныхъ—въ каторгу. Ширились и росли толки въ народѣ о заговорѣ, о гибели Иоанна Антоновича, о жестокихъ казняхъ, о которыхъ еще не слышали въ новое царствованіе. Устрашая немногихъ, эти казни вызывали недовольство и осужденіе въ самыхъ широкихъ кругахъ населенія.

Настало 14 сентября 1764 года, день казни самого Мировича.

Съ разсвѣта народъ сталъ собираться къ Сытному рынку, гдѣ среди площади воздвигнутъ былъ высокій, черный эшафотъ, да еще окруженный грудой дровъ со всѣхъ сторонъ, залитый смолой и другими горючими веществами.

Кучками разбились толпы народа; люди стояли угрюмые, мало переговариваясь между собою. Только въ нѣсколькихъ углахъ, между закрытыми еще ларями звонко разносились голоса мальчишекъ съ клѣтками и силками. Какъ разъ въ эти дни шелъ на рынокъ живой торгъ разной пѣвчей птицей, которую юные ловцы приносили изъ окрестныхъ лѣсовъ и рощъ. Другія кучки малышей, въ ожиданіи страшнаго зрѣлища, завели мирную игру въ бабки. Но и здѣсь, видая «битку» въ конѣ, звѣрски хмурились и кричали: «Берегись—ожгу!». Этотъ возгласъ переняли они отъ палачей, на глазахъ у толпы истязавшихъ нѣсколькихъ солдатъ по дѣлу того же «Шлюшинскаго дѣйства», какъ называли въ народѣ трагедію, совершившуюся въ старой крѣпости.

— О-о-хъ!—пригорюнясь замѣтила старуха, изъ толпы услышавъ этотъ возгласъ.—Ужъ нонѣ и ребята малые почали зыкать, ровно мастера заплечные... «Ожгу!»... Оворники, право!

— А, слышь!—таинственно обратилась къ ней другая баба, понаряднѣе,—баютъ: не до смерти убили въ Шлюшинѣ тово-то... государя Иванушку... И слуги евоныне выкрали, быдто, батюшку... и быдто онъ скоро въ Питерь пожалуетъ... и...

— Ври больше!—вмѣшался въ разговоръ пожилой приказный.—Убить и убить!.. Вонъ, скоро и манифестъ читать будутъ... значить, какъ дѣло было... Почему и ково убили... и все по статьямъ. Мнѣ кумъ изъ сенатской канцеляріи сказывалъ,

сочинишь уже манифестъ... къ подпису уже пошелъ... А ты—во-скреси!.. Дура...

— И-и, батюшко... наше дѣло бабье... что мы понимаемъ!— оробѣвъ пролепетала баба и постаралась затереться въ толпѣ.

А тамъ тоже шли глухіе, негромкіе разговоры. И какъ-то само собою общее сочувствіе и состраданіе было на сторонѣ того, кто будетъ нынче на ихъ глазахъ казненъ позорной казнью.

Гвардіи сержантъ, Гаврило Державинъ, уже начинавшій входить въ славу не столько, какъ пособникъ Екатерины во время переворота, сколько въ качествѣ «пінты», умѣющаго писать красивые и сильные стихи, тоже очутился на мѣстѣ казни.

Стоя на ларѣ вмѣстѣ съ Домогацкимъ, онъ оглядывалъ море головъ, волнующееся кругомъ, ловилъ обрывки рѣчей, и умное лицо его становилось все задумчивѣе и печальнѣе.

— Сколько народу!..—обратился онъ къ товарищу.—И ужъ прямо можно порѣшнить: никого не утратить сія жестокая расправа... Только на кровавое зрѣлище стеклися толпы...

— Какъ и мы съ вами!—отозвался угрюмо Домогацкій.—Хотя я... не для того явился, но чести сказать... Зналъ я Мировича издавна. Добрый былъ товарищъ... смѣлая душа! Единажды и меня со многими другими отъ смерти явной спасъ своимъ душевнымъ геройствомъ...

— Былъ!.. Словно бы ужъ...

— Вѣстимо: живой трупъ. не человѣкъ будетъ тутъ казненъ... Можно ли вынести то, што онъ перенесъ за короткіе дни... и штобы душа не погасла!..

— Правда ваша!.. А духовные отцы изъ членовъ суда толковали еще: «Попытать бы злодѣя! Пусть-де всѣхъ откроетъ, кто за нимъ стоялъ! Не самъ онъ на такое дѣло пошелъ!» А Мировичъ одно твердилъ: «Никого, кромѣ Бога, въ сообщники не бралъ и не имѣю таковыхъ!» Такъ и не приказано было отъ государыни пытать... Не согласилась... хотя...

— Да, знаю... А, скажите, сержантъ, не будетъ ли пощады въ самый послѣдній мигъ... какъ и въ прежніе годы случалось... Слышно, сестра его добралась до царицы... молила...

— Нѣтъ!.. Ничего не вышло. И то въ свѣтѣ и въ народѣ толки пошли, что отъ самой государыни исходили нити... Она простить, а люди скажутъ: «Потому де не казненъ Мировичъ што подосланъ былъ отъ двора, дать бы причину къ убіенію опаснаго претендента»... И, скрѣпя сердце, подписала сентенцію суда милосердая наша царица. По старому завѣту: «Око за око!» Меньше толковъ... его не станеть... и—дѣлу конецъ!

Домогацкій поинкъ головой. Вдругъ въ толпѣ съ одной стороны началось волненіе... Вырвались голоса:

— Пропустите... Ближе пропустите горбатенькую... Сестра

евонная, сказываетъ... Видѣть передъ смертью... проститься хочеть...

Домогацкій взглянулъ, и сердце у него заняло отъ жалости. Галя, еле держась на ногахъ, пробиралась черезъ толпу, ближе къ эшафоту и слабымъ голосомъ молила:

— Люди добрые... пропустите!.. брата передъ смертью повидать бы еще... проститься...

— Сюда... сюда!—крикнулъ ей Домогацкій. Соскочилъ съ ларя, подвелъ къ нему дѣвушку и помогъ взобраться, приговаривая:—Посидите тутъ!.. Видно будетъ... Я поддержу васъ... Ишь, вы и на ногахъ едва стоите, Галина Яковлевна!..

— Благодарю васъ... я...—начала было дѣвушка, но не договорила и безъ чувствъ склонилась на руки офицеру.

— Господи... что дѣлать теперь!—растерялся тотъ, сталъ дуть ей въ лицо, хлопать по ладонямъ, чтобы привести въ чувство.

Державинъ оглядѣлся, бросился къ ближайшему дому и быстро вернулся съ ковшомъ воды. Онъ обрызгалъ ей голову, влилъ въ ротъ нѣсколько глотковъ, и дѣвушка пришла въ себя. А въ это время въ толпѣ послышались новые крики, женскій голосъ тревожно звалъ:

— Галя... Галя... Скажите, не видали—маленькая барышня... горбатенькая, не проходила тутъ?..

Это прибѣжала Маруся, замѣтивъ, что сестры нѣтъ дома и догадавшись, куда пошла больная.

— Ей указали на ларь, гдѣ Галя уже оправилась и сидѣла, поддерживаемая Домогацкимъ.

— Галечка... что же это!.. Какъ тебѣ не стыдно... Нельзя тебѣ!..—кинувшись къ сестрѣ, быстро заговорила Маруся.—Идемъ... идемъ домой... Онъ придетъ... Его простятъ... мнѣ сказали... На самой плахѣ простятъ... Идемъ!..

— Нѣтъ...—кратко, упорно прозвучалъ отвѣтъ горбуны.— Я должна видѣть его передъ, этимъ!.. Я только крикну ему...

Видя, что толпа окружила, слушаетъ ее, дѣвушка умолкла. Обѣ сестры приникли другъ къ другѣ, скорбныя, блѣдныя, словно изваянія.

Толпа стала гуще. Появились отряды разныхъ войскъ, присланные на роковую площадь не для охраны, а «для поученія» какъ было сказано въ дневныхъ приказахъ по полкамъ.

Отрывисто и мѣрно зарокоталъ вдали барабанъ:

— Р-р-ра! Р-р-ра-та-та-та!..

Какъ будто шла, надвигалась сюда сама смерть, выбивая тактъ костлявыми ступнями по камнямъ неровной мостовой...

— Везуть... везуть!—раздались голоса.

— Бѣлое лицо какое...

— А веселый сидитъ. Не трусить!..

«Истор. вѣстн.», май—июнь 1917 г., т. XLVIII.

— Да, слышно, не казнять его... Прочтуть приговоръ... положуть подь сѣкиру и снимуть живымъ съ плахи... Помилованье будеть...

— Ну, жди!.. Милуютъ такихъ, какъ же... Онъ, слышь, за народъ шель... Такимъ милости нѣтъ!..—такъ перекликались голоса.

Разглядѣвъ позорную колесницу съ Мировичемъ, на груди у котораго темнѣла доска съ надписью: «Измѣнникъ и бунтовщикъ», Домогацкій весь съезжился какъ-то, вздрогнулъ, передалъ дѣвушку на руки Державину и, соскочивъ съ ларя, молча сталъ удаляться.

— Куда жъ вы, капитанъ? Или—глядѣть не по силамъ?—крикнулъ ему поэтъ.

— Не могу!—издалека уже донесся дрожащій откликъ, и предатель скрылся.

Державинъ, глядя на приближающагося Мировича, удивился виѣшнему спокойствію подпоручика, который внимательно, даже какъ будто съ любопытствомъ вглядывался въ густыя толпы народа, словно ожидая еще чего-то отъ этой темной, загадочной громады живыхъ существъ?

Но люди глядѣли на обреченнаго и только крестились или вздыхали печально.

Разглядѣвъ знакомое лицо Державина, поднявшееся надъ толпою, Мировичъ привѣтливо кивнулъ ему, словно бы сидѣлъ не на позорной телѣгѣ смерти, а на триумфальной колесницѣ побѣдителя.

Поэтъ отдалъ прежнему товарищу почтительный поклонъ.

Въ этотъ мигъ Галя сразу поднялась на ларѣ, вытянулась на цыпочки, чтобы лучше видѣть брата. Молча протянула дѣвочка свои худыя, полупрозрачныя ручки, словно благословляя.

— Вася, мы здѣсь!—крикнула звонко Маруся, тоже очутившаяся рядомъ съ сестрою.—Любимъ... Помнить будемъ!.. Прощай!..

Барабаны какъ разъ пріумолкли на этотъ мигъ. Мировичъ слышалъ милые голоса, узналъ сестеръ и радостно закивалъ имъ.

— Вижу... слышу!.. Простите... до свиданья!—прозвучалъ его спокойный, твердый отвѣтъ.

Колесница остановилась. Мировича развязали, повели по ступенямъ эшафота.

— Вася!..—пронзительно выкрикнула Галя и снова повалилась на доски ларя, теряя сознаніе.

Маруся и Державинъ склонились надъ нею.

А на печальномъ помостѣ все шло своимъ чередомъ.

Снова зарокотали барабаны. Прочитанъ былъ приговоръ.

Палачъ своею сильной рукою переломилъ шпагу надъ головою Мировича.

— Сонъ... мой сонъ!—вдругъ хрипло вырвалось у него изъ груди.

Но рокоть барабановъ заглушилъ послѣдній вопль земной тоски.

Сверкнула тяжелая сталь топора, который съ криканьемъ опустилъ книзу палачъ. Голова скатилась съ обрубка плахи и стукнулась о доски эшафота.

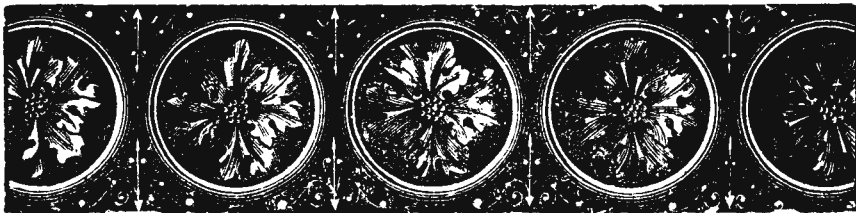
Ахнула толпа.

Потомъ ближе къ помосту подвалили заготовленные вязанки дровъ, налили еще побольше смолы, подожгли... И тѣло казеннаго мученика было сожжено вмѣстѣ съ позорнымъ эшафотомъ; а пепель развѣянь потомъ на всѣ четыре стороны.

Въ исторію самодержавной Россіи вписалась еще одна кровавая страница...

Левъ Ждановъ.

ВОСПОМИНАНІЯ К. А. МАННА.

X.

Вступленіе автора въ адмиралтействъ-совѣтъ.—Члены его: адмиралъ А. В. Шулепниковъ, адмиралъ Н. П. фонъ-Шанцъ.—Литературные труды Шанца и командировка въ Америку.—Практическія его способности.—Адмиралъ К. Н. Истоминъ.—Генералъ И. А. Амосовъ.—Адмиралъ С. В. Воеводскій.—Адмиралъ Е. А. Беренсъ—Генералъ В. Н. Мещеряковъ.—Музыкальныя занятія.—А. Ѳ. Дробищъ.—А. Т. Григоровичъ.—Квартетныя собранія.—Отъѣздъ за границу.

ВЕСЬ январь я былъ занятъ визитами. Я посѣтилъ прежнихъ своихъ товарищей по службѣ, т. е. директоровъ, председателей отдѣленій технического комитета и равныхъ имъ лицъ и новыхъ своихъ товарищей, т. е. членовъ Адмиралтействъ-совѣта и главнаго военноморского суда. Я все прихварывалъ, а потому ѣздить очень осторожно, исподволь. Въ это же время сдалъ въ канцелярію, приведя въ порядокъ, тѣ бумаги, которыя находились лично у меня на рукахъ или «подъ зеленымъ сукномъ». У какого начальника нѣтъ такихъ грѣховъ, да и грѣхи ли это? Бумага, положенная подъ зеленое сукно, иногда этимъ получаетъ лучшее разрѣшеніе.... Въ началѣ февраля я явился въ первый и единственный до отъѣзда за границу разъ въ засѣданіе Адмиралтействъ Совѣта. Оказалось, что до начала засѣданія я нѣсколько затруднялся, о чемъ вести разговоръ съ моими новыми товарищами. Между ними и мною была такая большая разница въ лѣтахъ, лѣтъ въ 20, и всѣ они до такой степени «другого поля ягоды», что общихъ интересовъ не хватало для част-

ныхъ разговоровъ. Наконецъ, началось засѣданіе. Я былъ, какъ существуетъ обычай, для перваго раза въ полной порадной формѣ. Кто-то изъ членовъ вспомнилъ, что прежде было обыкновеніе при появленіи новаго члена начинать присутствіе чтеніемъ именнаго указа объ его назначеніи: всѣ пожелали возстановить этотъ обычай. Прочли указъ, я поклонился товарищамъ, они отвѣтили тѣмъ же, и началось слушаніе дѣлъ. Я не хотѣлъ вовсе говорить въ этомъ за сѣданіи, какъ новичокъ, но мнѣ пришлось говорить и довольно много. Дѣла все слушались еще тѣ, которыя мною приготовлялись къ докладу, когда я занималъ должность ди ректора; они мнѣ были такъ хорошо извѣстны, что я поневолѣ вступалъ въ обсужденіе ихъ, разъясняя различные возникавшіе при разсмотрѣніи дѣлъ въ Совѣтѣ вопросы.

Но кто же такіе мои н овые товарищи, т. е. члены Адмиралтействъ Совѣта? Начну со старшихъ.

Предсѣдатель Адмиралтействъ Совѣта—генераль-адмиралъ; вице-предсѣдатель—управляющій морскимъ министерствомъ. Великій князь никогда не бываетъ въ совѣтѣ; Краббе крайне также рѣдко предсѣдательствовалъ въ послѣднее время въ Совѣтѣ. Такимъ образомъ предсѣдательство обыкновенно принадлежало старшему члену совѣта. Этотъ старшій членъ въ совѣтѣ въ то время былъ адмиралъ Александръ Васильевичъ Шулепниковъ. Я его очень мало знаю. Ему тогда было уже за 80 лѣтъ, и онъ представлялъ изъ себя совершенную развалину.

За нимъ слѣдуетъ адмиралъ Иванъ Ивановичъ фонъ-Шанць. Ивана Ивановича зовутъ собственно Бернгардъ Бернгардовичъ, и онъ самъ рассказываетъ въ своихъ запискахъ, подъ названіемъ «Второй шагъ на морѣ», какъ съ нимъ случилась такая метаморфоза въ имени и отчествѣ. Шанць изъ финляндцевъ, что видно какъ изъ эог крайне неуклюжей чухонской виѣшности, такъ и изъ его до сихъ поръ неправильной русской рѣчи, отличающейся сильнымъ бухонскимъ выговоромъ, поступилъ во флотъ въ качествѣ вольноопредѣляющагося. Рассказывая въ запискахъ первыя свои минуты на новомъ поприщѣ, подсмѣиваясь надъ своимъ дурно сшитымъ мундиромъ, онъ говоритъ о своемъ первомъ знакомствѣ съ какимъ-то русскимъ флотскимъ офицеромъ, лежавшимъ на диванѣ въ то время, когда Шанць вошелъ къ нему въ комнату. Офицеръ, окинувъ его взглядомъ съ головы до ногъ и, подтрунивъ надъ его фигурой, спросилъ Шанца,—какъ его зовутъ. Шанць отвѣчалъ: «Бернгардъ»—«А отца какъ звали?»—«Такъ же Бернгардъ».—«Бернгардъ Бернгардовичъ! Ни къ чорту не годится! Эй, Федоръ!»—закричалъ онъ денщику. «Зови его Иванъ Ивановичъ»—«и съ того времени»,—повѣствуетъ Шанць,—«я до сихъ поръ называюсь такъ во флотѣ». Эти записки послужили къ моему знакомству съ Шанцомъ. Онъ когда-то печаталъ въ «Морскомъ Сборникѣ» рассказъ о началѣ своей

морской карьеры, подъ названіемъ «Первый шагъ на морѣ», какъ онъ плавалъ на коммерческихъ судахъ, и когда я поступилъ въ морское министерство вице-директоромъ, собирався печатать «Второй шагъ» о поступленіи въ военный флотъ. Довольно громкая репутація хорошаго редактора, сопровождавшая мое поступленіе въ морское вѣдомство, должно быть, дошла и до его слуха, и, какъ охотникъ загребать жаръ чужими руками, онъ вздумалъ утилизировать новичка. Какъ-то разъ онъ явился ко мнѣ, наговорилъ мнѣ кучу любезностей о моихъ способностяхъ и всучилъ мнѣ довольно объемистую рукопись съ просьбой просмотрѣть ее въ отношеніи языка: не имѣется ли въ ней неправильныхъ русскихъ выраженій? Это былъ его «Второй шагъ на морѣ». Вся рукопись была написана не на русскомъ, а на русско-чухонскомъ языкѣ и требовала серьезной переделки, хотя представляла много интереса и юмора. Я отклонилъ отъ себя эту честь подъ предлогомъ недосуга и при этомъ выразилъ ему сожалѣніе, что онъ печатаетъ свои записки при жизни, что вслѣдствіе этого онъ не можетъ говорить совершенно откровенно, что онъ не имѣетъ даже возможности помѣщать именъ и скрываетъ ихъ подъ заглавными буквами, что, кромѣ того, неудобно русскому адмиралу, когда онъ состоитъ при дѣятельной должности, признаваться, что онъ колебался въ выборѣ между русской и шведской службой, какъ онъ это дѣлаетъ въ своемъ «Второмъ шагѣ», что Финляндія должна считаться той же Россіей... Все это ему очень не понравилось, но онъ, кажется, такъ и напечаталъ свой «Второй шагъ». Шанецъ положительно умный человѣкъ и, вдобавокъ, остроумный и съ юморомъ. Онъ и отличный морякъ, но онъ имѣетъ одну черту въ характерѣ, отличающую его отъ настоящихъ моряковъ: не море, а деньги его божество, и все, что бы онъ ни предпринималъ, онъ прежде всего оцѣниваетъ, какія матеріальныя выгоды это ему доставить. И такого направленія мыслей онъ нисколько не скрываетъ, дѣлая только это всегда очень умно и облекая въ нѣсколько юмористическую форму. Онъ умѣлъ себѣ составить на казенной службѣ кругленькое состояніе. О примѣрахъ его корыстолюбія на различныхъ ступеняхъ его морской службы, и всегда морской, а не административной, существуетъ много рассказовъ. Не знаю, до какой степени эти рассказы справедливы, но въ нѣжной любви его къ деньгамъ и въ большомъ умѣньѣ загребать жаръ чужими руками я имѣлъ возможность самъ убѣдиться. Въ 1841 году при введеніи у насъ парового флота онъ былъ посланъ въ Сѣверную Америку, чтобы ознакомиться тамъ съ постройкою паровыхъ судовъ. Какъ человѣкъ умный и знающій морское дѣло, онъ не только умѣлъ собрать свѣдѣнія, но и умѣлъ привести въ исполненіе свой планъ постройки парохода въ Сѣверной Америкѣ изъ просоленатаго лѣса. «Какъ это вамъ удалось, Иванъ Ивановичъ, уговорить начальство приступить къ постройкѣ парохода, когда въ самой Англій ихъ было

еще такъ мало?» спросилъ я однажды.—«Я обратился прямо къ императору Николаю Павловичу, помимо Меньшикова»,—отвѣчалъ онъ, «государь въ это время былъ въ Лондонѣ. Я выпросилъ у нашего посольства въ Лондонѣ депеши изъ Соединенныхъ Штатовъ. Но въ Лондонѣ уже было поздно, государь былъ почти наканунѣ отъѣзда, и мнѣ дали знать депеши къ нему въ Теплицъ. Здѣсь государь меня принялъ какъ-то вечеромъ и безъ сюртука, въ одной рубашкѣ, подробно все разсматривалъ и спрашивалъ; я ему привезъ не только чертежи, но и мѣдную модель котла. Онъ былъ очень доволенъ и сказалъ мнѣ, что онъ меня пошлетъ съ заказомъ такого парохода въ Америку, но чтобы былъ сдѣланъ ббльшихъ размѣровъ, чѣмъ всѣ существующіе, и чтобы онъ могъ служить какъ яхта и какъ военный пароходъ. За чертежи и модели велѣлъ мнѣ выдать 5 тысячъ рублей. Но какъ же на меня разсердился Меньшиковъ, когда я возвратился въ С. Петербургъ. Все медлило посылкой меня въ Америку и только чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ отправилъ...» «Камчатка», такъ назывался пароходъ, говорятъ, положилъ основаніе его состоянію и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлался поводомъ къ постояннымъ самовосхваленіямъ. «Когда я строилъ «Камчатку», я дѣйствовалъ такъ-то», говорилъ онъ обыкновенно, желая изобразить что-нибудь образцово хорошее. Дѣйствительно его «Камчатка» по общимъ отзывамъ была очень хорошее судно и прослужила очень долго, при чемъ онъ ею командовалъ цѣлыхъ десять лѣтъ. Вслѣдствіе постоянныхъ разсказовъ Шанца о «Камчаткѣ», Шанць и «Камчатка» сдѣлались до такой степени тождественными, что не найдено было ничего удивительнаго, что Иванъ Ивановичъ въ одинъ прекрасный день, когда наконецъ за старостью разрѣшено было разбирать «Камчатку» на дрова, улучилъ удобный случай и на своемъ русско-чухонскомъ языкѣ въ юмористической формѣ высказалъ великому князю мысль, что было бы справедливо старику Шанцу подарить «на память» котель съ разбиравагося судна. Дѣло въ томъ, что котель былъ мѣдный. Оригинальное предложеніе возбудило смѣхъ, спросили, намѣренъ ли онъ поставить этотъ котель къ себѣ на письменный столъ, но тѣмъ не менѣе котель отдали. Съ такими же юмористическими приемами Шанцу удалось устроить въ Кронштадтѣ, чтобы при выниманіи котла изъ парохода не поспешили приложить къ котлу побольше мѣдныхъ тяжелыхъ скрѣпленій и другихъ металлическихъ принадлежностей! Затѣмъ было пушено въ ходъ умѣнье загребать жаръ чужими руками, и вотъ котель двинулся въ С.-Петербургъ при содѣйствіи казенныхъ людей и подъ наблюденіемъ какихъ-то маленькихъ офицеровъ, трудившихся Богъ знаетъ изъ чего, чтобы угодить адмиралу. Но результатомъ всего этого было то, что котель, проданный въ С.-Петербургъ, доставилъ 10 тысячъ рублей въ карманъ Ивану Ивановичу, и только тогда, когда Шанць ограничилъ свою благодарность

за труды общаніемъ своей протекціи, усердные исполнители замѣтили, что они сыграли роль пѣшекъ. Въ другой разъ на моей памяти казна послужила Шанцу дойною коровою не въ такой большой суммѣ. Онъ былъ великій мастеръ выдумывать или заимствовать разные практическіе приемы и приспособленія для морской специальности, а что Иванъ Ивановичъ дѣльнаго выдумаетъ или замѣтитъ никогда не оставалось подъ спудомъ. Онъ не только протрезвонитъ объ этомъ во всѣ колокола, но и напечатаетъ статейку и съ полною подписью. Въ теченіе долговременной его службы такихъ произведеній Шанца накопилось на нѣсколько книжекъ, и вотъ онъ вздумалъ собрать ихъ во едино въ видѣ полного изданія сочиненій. Но такъ какъ это стоитъ денегъ, а Иванъ Ивановичъ ставитъ ихъ выше безсмертія своего имени, то онъ употребилъ и въ этомъ случаѣ тотъ же приемъ, какъ въ дѣлѣ съ котлами, но только повелъ свою атаку на Краббе. Результатомъ было то, что всѣ его сочиненія собраны казенными руками и отпечатаны на казенный счетъ. Денежный расчетъ не оставляетъ Шанца никогда. Встрѣчаю его у Н. П. Епанчина, которому пожалована брилліантовая табакерка. Другіе разсматриваютъ; Шанць повѣшалъ на рукѣ и обращается съ вопросомъ: «А что она стоитъ?» Получилъ самъ брилліантовую Александровскую звѣзду, тотъ же вопросъ. Великій князь генералъ-адмиралъ былъ въ Кронштадтѣ, у его высочества завтракали на парходѣ, и Иванъ Ивановичъ съ горестью видитъ, что большой кусокъ вестфальской ветчины остался къ концу завтрака почти не тронутымъ. «А что, Самуилъ Алексѣевичъ», спрашиваетъ Шанць Грейга, который въ то время былъ адъютантомъ у великаго князя и распоряжался завтракомъ, «какъ вы думаете, можетъ русскій адмиралъ имѣть такую ветчину у себя на столѣ дома?» Грейгъ отвѣчалъ, что, вѣроятно, нѣтъ, такъ какъ она дорога. «А вѣдь весь этотъ отличный кусокъ съѣдятъ вотъ эти хамы», сказалъ Шанць, указывая на придворныхъ лакеевъ. «Вѣроятно, отвѣчалъ Грейгъ. «Могу ли я взять этотъ кусокъ къ себѣ домой?» спросилъ Шанць и, когда получилъ разрѣшеніе, былъ очень доволенъ, что отбилъ такимъ образомъ добычу у «хамовъ».

Адмиралъ Константинъ Ивановичъ Истоминоу. было умный человекъ, но эгоистъ до конца ногтей. Направляется ли дѣло свыше такъ или иначе, ему рѣшительно все равно, не приложить онъ души ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, а, если хорошо исполнить, то потому, что этимъ обусловливается его служебная карьера.

Генералъ Иванъ Аванасѣевичъ Амосовъ—почтенный, очень старый корабельный инженеръ и назначенъ былъ членомъ адмиралтействъ совѣта послѣ очень долгой службы въ званіи корабельнаго инженера и инспектора кораблестроительныхъ работъ. Когда онъ представлялся по поводу этого назначенія государю, государь спросилъ его, сколько ему лѣтъ. Старику послышалось, что государь

спрашиваетъ, сколько онъ лѣтъ на службѣ. «Пятьдесятъ, ваше величество», отвѣчалъ Амосовъ. «Ну, врешь, братъ, хвастаешь»,— сказалъ государь, смѣясь.

Объ адмиралѣ Богданѣ Александровичѣ Глазенапѣ и вице-адмиралѣ Аркадіи Васильевичѣ Воеводскомъ я не буду здѣсь говорить, такъ какъ съ ними у меня было очень много общаго дѣла, когда они были: первый—главнымъ командиромъ Николаевского порта, а второй—директоромъ кораблестроительнаго департамента и главнымъ командиромъ С.-Петербургскаго порта, и мнѣ придется еще упомянуть о нихъ не разъ.

Адмиралъ Степанъ Васильевичъ Воеводскій 1-й кажется мнѣ нетлѣннымъ. Въ теченіе 20 лѣтъ, которыя я его знаю (письмо въ концѣ 1878 г.), онъ не постарѣлъ, не посѣдѣлъ и не поумнѣлъ. Въ то время, когда онъ былъ главнымъ командиромъ Астраханскаго порта, я имѣлъ съ нимъ дѣла, и онъ всегда поражалъ меня непроходимую своею глупостью, которая приводила меня просто въ отчаяніе. Все, что онъ представлялъ, было до такой степени лишено всякаго основанія, всѣ его доводы до такой степени изобличали полнѣйшее отсутствіе работы мысли, что положительно приходилось опускать руки. Напр., вопросъ объ упраздненіи Астраханскаго военнаго порта заявлялъ себя все настоятельнѣе, и наконецъ, когда однажды Воеводскій пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, меня заставили войти съ нимъ въ его обсужденіе. Я могъ ожидать, что онъ мнѣ будетъ доказывать необходимость порта по обстоятельствамъ политическимъ, экономическимъ, морскимъ. Ничуть не бывало! Онъ находилъ портъ бесполезнымъ, но объяснилъ мнѣ, что никогда не выскажетъ этого официально, потому что въ портѣ служатъ чиновники, а онъ не хочетъ лишить ихъ куска хлѣба. Адмиралу этому, очень некрасивому и косому, суждено вмѣстѣ съ тѣмъ судьбою обращать на себя особенное вниманіе каждый разъ, когда онъ бывалъ въ полной парадной формѣ. Дѣло въ томъ, что персидскому шаху Насръ-Эддину, какъ-то вздумалось впервые въ жизни покататься по морю, и онъ обратился къ государю съ просьбою прислать ему пароходъ для этой цѣли къ его владѣніямъ въ Каспійскомъ морѣ. Пароходъ послали, а вмѣстѣ съ тѣмъ отправили и адмирала Воеводскаго, какъ главнаго командира, въ Тегеранъ, чтобы доложить шаху, что пароходъ готовъ, и чтобы принять гостя на пароходѣ. Когда шахъ, не бывавшій еще въ то время въ Европѣ, спросилъ, что это за чинъ «адмиралъ», то ему перевели это по-персидски «повелитель морей», и шахъ рѣшилъ, что этотъ своего рода Нептунъ въ образѣ Воеводскаго достоинъ получить отъ него высшій персидскій орденъ—портретъ съ его изображеніемъ на шею. Вотъ этотъ-то портретъ съ тѣхъ поръ и носитъ Воеводскій. Портретъ, изображающій шаха въ высочайшей шапкѣ наголовѣ, такъ великъ, что на него рѣшительно нельзя не обратить вниманія, и Воеводскаго теперь всѣ знаютъ, благодаря этому портрету.

Къ адмиралу Евгенію Андреевичу Беренсу я всегда питаль особенное расположеніе не только благодаря его любезному и живому характеру, но и благодаря той связи, которая установилась между нами въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ общей работы. Массу самыхъ разнообразныхъ, частью устарѣлыхъ, между собою не согласованныхъ, а иногда и совершенно противорѣчащихъ постановленій, которыя я засталъ въ морскомъ вѣдомствѣ, сдѣлавшись директоромъ канцеляріи, нельзя было привести сколько-нибудь въ порядокъ безъ цѣлаго ряда послѣдовательныхъ законодательныхъ и кодификаціонныхъ работъ по различнымъ отраслямъ морского управленія и хозяйства. Надо было составить, сперва на основаніи имѣющихся уже постановленій и вновь изданныхъ законоположеній, положенія по той или другой части, чтобы создать такимъ образомъ краеугольные камни нашего морского законодательства, и потомъ приступить къ изданію «свода морскихъ постановленій». Для этого были учреждаемы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ отдѣльныя коммисіи изъ разныхъ специалистовъ, и всѣ онѣ ставились подъ предсѣдательство Евгенія Андреевича. Съ живымъ участіемъ къ пользѣ дѣла, къ благосостоянію флота и матроса, къ сбереженію казеннаго рубля работаль адмираль Беренсъ, и довелъ всѣ эти дѣла до конца. Издаваемые при его содѣйствіи: «Морской уставъ», «Хозяйственный уставъ для флота», «Штаты снабженія судовъ флота» и др. служатъ живымъ свидѣтельствомъ его полезной дѣятельности. Онъ очень любилъ меня, неоднократно это мнѣ высказываль и въ высшей степени сочувственно слѣдилъ за моими работами. Въ засѣданіяхъ адмиралтействъ совѣта его живой характеръ высказывался въ полномъ блескѣ. Не дослушавъ еще доклада, онъ весь уже вспыхиваетъ и устремляется въ бой, если дѣло идетъ о какомъ-нибудь производительномъ расходѣ или неправильномъ требованіи главныхъ командировъ. И всегда это съ самыми благими намѣреніями, съ самою чистою любовью къ морскому дѣлу.

Генераль-лейтенантъ Василій Николаевичъ Мещеряковъ дослужился до этого званія изъ нижнихъ чиновъ, проходя службу сперва въ Черноморскомъ, а потомъ въ Балтійскомъ флотѣ по артиллеріи. Я засталъ его въ морскомъ вѣдомствѣ въ качествѣ начальника артиллерійской части кронштадтскаго порта, потомъ онъ былъ предсѣдателемъ артиллерійскаго отдѣленія морского технического комитета и отсюда назначенъ въ адмиралтействъ совѣтъ. Онъ былъ уже очень старъ. Въ совѣтѣ онъ *никогда* не говорилъ. Одинъ разъ при назначеніи пособій докладчикъ заявилъ, что о пособіи ходатайствуетъ капитанъ Мещеряковъ. Никто изъ членовъ совѣта его не зналъ и затруднялись рѣшить, назначить ли ему или нѣтъ. Наконецъ одинъ изъ членовъ спросилъ Василія Николаевича: «Не родственникъ ли онъ вамъ?» — Да, это мой родной братъ, — отвѣчалъ Мещеряковъ, и это было единственный разъ, когда онъ произнесъ

фразу во время засѣданія въ совѣтѣ, если не считать словъ «да» или «нѣтъ», которыя онъ вынужденъ былъ иногда произносить при подачѣ голосовъ. Онъ такъ былъ старъ и слабъ, что могъ кое-какъ ходить только по гладкому полу и съ величайшимъ затрудненіемъ передвигался по ковру. За годъ до моего назначенія онъ вздумалъ поѣхать въ Старую Руссу пить воды. Меня не было въ это время въ С.-Петербургѣ, и, возвратившись, я спросилъ у кого-то изъ чиновниковъ канцеляріи: «Ну что Василій Николаевичъ поправился-ли?» «Клкъ же» — сострилъ спрашиваемый мною, поправился: до поѣздки онъ, войдя въ залу засѣданія, шель прямо къ своему мѣсту, а теперь проходитъ сперва къ окну, а потомъ уже идетъ на свое мѣсто». Говорятъ, въ свое время онъ былъ хорошій артиллеристъ. Я же могу о немъ сказать только, что онъ былъ смиренный и добрый человѣкъ, весьма боявшійся всякаго начальства.

Наконецъ о вице-адмиралѣ Михаилѣ Осиповичѣ Дюгамелѣ могу только сказать, что онъ человѣкъ образованный, живой и *bon vivant*. Морскую карьеру его не знаю.

Вотъ и всѣ мои *товарищи* въ адмиралтействѣ совѣтѣ во время моего вступленія въ совѣтъ. Пишу это въ концѣ 1878 г., и сколькихъ изъ нихъ уже нѣтъ на свѣтѣ!

Передъ отъѣздомъ за границу мнѣ хотѣлось еще посовѣтоваться съ знаменитымъ с-петербургскимъ окулистомъ, профессоромъ Эдуардомъ Андреевичемъ Юнге, относительно моихъ глазъ. Зрѣніе мое было очень разстроено, и черная сѣтка передъ глазами, давно уже появившаяся, значительно участилась въ послѣдніе годы. При томъ, такъ какъ появленію мигрени всегда предшествовали серпообразные огни передъ глазами, то я думалъ, не кроется ли причина моей болѣзни въ зрѣніи. Весьма ко мнѣ расположенный контръ-адмиралъ Дмитрій Ильичъ Рудаковъ, большой пріятель Юнге, взялся предупредить его о моемъ посѣщеніи, и Юнге, крайне занятый практикой и профессурой, назначилъ мнѣ день и часъ, когда меня приметъ. Онъ осмотрѣлъ мои глаза съ величайшею тщательностью и далъ неутѣшительный отзывъ. Зрѣніе мое не поправимо, нужно менѣ утруждать его, не носить очковъ, открывающихъ видъ въ даль, а, напротивъ того, надѣвать слабые очки для чтенія и письма, чтобы не наклоняться. Затѣмъ онъ предлагалъ сдѣлать еще болѣе подробное испытаніе въ томъ отношеніи, оба ли глаза одинаково у меня сильны, при помощи впуска въ глаза атропина. Но для этого необходимо было привести мои глаза въ такое положеніе чрезъ расширеніе зрачковъ, что я въ теченіе нѣкоторыхъ дней ничего не видѣлъ бы. Я на это не рѣшился.

Наступали послѣдніе дни моего пребыванія въ С.-Петербургѣ предъ отъѣздомъ за границу, и я рѣшился еще разъ, такъ сказать на прощанье, послушать у себя дома квартеты.

Страсть къ музыкѣ, кажется, у меня врожденная. Сколько

помню себя, я всегда любилъ музыку, но долгое время я ограничивался слушаніемъ оперной музыки, музыки, исполняемой въ концертахъ виртуозами, садовой музыки и только изрѣдка симфонической. Камерная музыка мнѣ была почти неизвѣстна, хотя въ ранней юности я имѣлъ уже о ней понятіе. Но какое это понятіе? Наше семейство считалось въ началѣ 50-хъ годовъ однимъ изъ наиболѣе музыкальныхъ въ Москвѣ, моя матушка была учительницей музыки, пользовавшейся такою извѣстностью, что у нея не доставало наконецъ свободнаго времени, и она вынуждена была отклонять дѣлавшіяся ей предложенія давать уроки. Сестра моя такъ хорошо играла разныя модныя въ то время пьесы Талберга и Листа, что получила подарокъ отъ пользующагося европейскою извѣстностью автора «Nouvelle biographie de Mozart» А. Д. Уляшева. Это его сочиненіе съ надписью: «Александръ Александровиъ Маннъ въ знакъ уваженія къ прекрасному ея таланту». И въ этомъ семействѣ не только почти не знали произведеній Бетховена, но даже считали ихъ чепухой, написанной человѣкомъ, у котораго умъ за разумъ зашелъ. Первый скрипачъ Московскаго опернаго оркестра, нѣкто Аванасій Макаровичъ Амаатовъ, бывшій крѣпостной человѣкъ какого-то барича, услышавъ гдѣ-то игру сестры, предложилъ у насъ играть бесплатно съ нею трио Бетховена. Нашелся и даровой виончелистъ, но предложеніе не было принято за сухостью и отсутствіемъ мелодій въ музыкѣ этого автора, и года три или четыре у насъ все играли трио Фески, Рейснера и Гуммеля и дуэты Вольфа и Беріо и К^о. Съ этимъ запасомъ свѣдѣній по части камерной музыки я пріѣхалъ въ 1850 г. въ С.-Петербургъ на службу. Въ С.-Петербургѣ я почти ничего не слышалъ по этой части, потому что публичныхъ квартетныхъ вечеровъ тутъ не устраивалось до конца 60-хъ годовъ, а въ частныхъ домахъ, гдѣ играли квартеты, я не бывалъ. Помню только что разъ какъ-то слышалъ квартетъ, при исполненіи партіи первой скрипки Вьетаномъ въ домѣ слѣпого старика графа Строганова, на Михайловской улицѣ. Входъ былъ за деньги, но обстановка музыкальнаго утра имѣла домашній характеръ. Играли въ библиотекѣ; тутъ же въ большихъ креслахъ сидѣлъ и слѣпой графъ Строгановъ. Въ другой разъ, помню, слышалъ исполненіе квартетовъ братьевъ Миллеръ, пріѣзжавшихъ изъ-за границы и удивлявшихъ знатоковъ своею необыкновенною сыгранностью между собою. Они давали свой музыкальный вечеръ въ залѣ дома Мятлевой противъ Исакиевского собора. Въ соборѣ шла всенощная, и гудѣніе колоколовъ страшно мѣшало артистамъ и отвлекало вниманіе публики. Съ учрежденіемъ русскаго музыкальнаго общества въ Петербургѣ начались квартетные вечера, но я почти не посѣщалъ ихъ, уже въ то время чрезмѣрно занятый службой. Наконецъ однообразный репертуаръ итальянской оперы мнѣ началъ надоѣдать, а вмѣстѣ съ тѣмъ я уже вполне умѣлъ цѣнить произведенія музыкальныхъ ге-

ніевъ Германіи: Бетховена, Моцарта, Гейдна, Мендельсона, зналъ уже почти всѣ написанныя ими оркестровыя сочиненія и предчувствовалъ, какое высокое наслажденіе могутъ доставить камерныя произведенія этихъ великихъ творцовъ, если въ нихъ вслушаться. Небезызвѣстны мнѣ были также имена Брамса, Раффа, хотя и не въ привлекательномъ свѣтѣ. Произведенія ихъ мнѣ представлялись отрицающими мелодію, плодами ума, а не вдохновенія, подѣ стать «музыкѣ будущности», какъ тогда въ насмѣшку называли музыку Вагнера, которую я также въ то время вовсе не зналъ. Мысль познакомиться поближе со всѣми замѣчательными произведеніями камерной музыки, познакомиться не случайно и отрывочно въ публичныхъ собраніяхъ, но систематически у себя дома, глубоко мнѣ запала въ душу и была одною изъ причинъ, заставившихъ меня перемѣнить въ 1872 году квартиру на болѣе обширную съ помѣстительной комнатою для исполненія квартетовъ. Въ концѣ 1872 года началось у меня исполненіе квартетной музыки, а къ тому времени, которое я теперь описываю, у меня не только была прекрасная библіотека камерной музыки и хорошіе музыкальные инструменты для квартета, но исполнены были 134 пьесы, и исполнены прекрасно. Всѣ лучшія произведенія классиковъ по части камерной музыки мнѣ были уже хорошо извѣстны, но я началъ понимать камерныя произведенія и новѣйшихъ композиторовъ, а Брамсъ сдѣлался моимъ любимцемъ. Болѣе всего въ этомъ дѣлѣ я обязанъ старому и заслуженному музыканту Александру Федоровичу Дробишу. Сынъ опернаго капельмейстера въ оркестрѣ, состоявшемъ еще изъ крѣпостныхъ людей Теплова, онъ получилъ первое музыкальное образованіе у отца; лучше сказать, отецъ далъ ему понятіе объ игрѣ на віолончели. Въ 15 лѣтъ онъ уже такъ игралъ, что знаменитый А. О. Львовъ приходилъ въ восторгъ отъ игры его въ квартетахъ. Но молодой человекъ не только пользовался уроками отца. Послѣдній женился во второй разъ, и мачеха стала сильно притѣснять пасынка. Дѣло дошло до того, что въ одинъ прекрасный день молодой Дробишъ, послѣ какой-то перепалки съ мачехой, опрокинулъ на нее накрытый къ обѣду столъ и удралъ изъ родительскаго дома безъ копейки денегъ. Домой онъ уже больше не возвращался, но какимъ образомъ добывалъ себѣ деньги, этого онъ никому теперь не рассказываетъ. Говорятъ, что онъ служилъ нѣкоторое время въ лакеяхъ. Но черезъ нѣсколько лѣтъ музыкальный талантъ его открылъ ему путь на государственную службу. Онъ зачисленъ былъ въ государственный контроль не съ тѣмъ, однако, чтобы служить, а чтобы играть на віолончели у своего начальника. Отсюда переходъ въ театральнй оркестръ былъ уже не труденъ, и Александръ Федоровичъ выслужилъ полный срокъ на полученіе пенсіи сперва артистомъ въ С.-Петербургскомъ оперномъ театрѣ, а затѣмъ віолончелистомъ-солистомъ въ Московскомъ. Я познакомился съ нимъ у моей сестры,

когда онъ былъ уже въ отставку и жилъ опять въ С.-Петербургѣ своею пенсією и уроками. Престранное было наше знакомство! Представленные другъ другу мы, кланяясь, такъ сильно стукнулись лбами, что у обоихъ посыпались искры изъ глазъ. Я въ то время никакъ не предполагалъ, что это предзнаменованіе нашей дружбѣ въ будущемъ.

Любящій музыку до страсти, надѣленный самою тонкою музыкальною природою, замѣчательный техникъ въ игрѣ на віолончели и на альтѣ, А. Θ. Дробишъ въ теченіе своей продолжительной музыкальной карьеры переигралъ много разъ рѣшительно все, что было написано сколько-нибудь замѣчательнаго по части камерной музыки. Нельзя было придумать лучшаго организатора для квартетнаго исполненія. Глубокое и вѣрное пониманіе пьесы, тонкій вкусъ, необыкновенно развитый слухъ, достаточно твердый характеръ, чтобы руководить и сдерживать излишніе порывы другихъ исполнителей для приведенія всего исполненія къ столь важному въ квартетѣ единству—все это дѣлало Дробиша неоцѣнимымъ. Ему же обязанъ я знакомствомъ съ другимъ замѣчательнымъ исполнителемъ, скрипачомъ оркестра русской оперы Алексѣемъ Тимошеевичемъ Григоровичемъ. Сынъ дьячка, онъ былъ вывезенъ изъ Малороссіи въ пѣвчіе въ пѣвческую капеллу, скоро спалъ съ голоса, но обратилъ на себя вниманіе необыкновеннымъ природнымъ юморомъ рассказывать и необыкновенными своими музыкальными способностями. Первое, т. е. рассказы, дали ему доступъ во дворецъ. Когда онъ былъ 15-ти, 16-ти лѣтнимъ мальчикомъ, его водили рассказывать сказки императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ, великимъ княжнамъ и князьямъ. Въ одинъ изъ подобныхъ приглашенныхъ сеансовъ въ комнату неожиданно вошелъ самъ императоръ Николай I. «Прослушавъ рассказъ,—передавалъ мнѣ какъ-то Григоровичъ, «онъ спросилъ меня: «кто твой отецъ?» Мнѣ совѣстно было сказать, что дьячокъ, и я солгалъ: сказавъ, что протодьяконъ». Второе, т. е. музыкальныя способности, дали поводъ А. Θ. Львову учить его игрѣ на скрипкѣ: Дѣйствительно талантъ у него былъ огромный. Что за удивительный смычекъ, что за берущее за душу пѣніе! Но рядомъ съ этимъ талантомъ и малороссійская лѣнь. Изъ него никогда не вышло бы концертнаго виртуоза не по недостатку таланта, но потому, что онъ не любилъ трудиться. Изъ него не вышло бы и серьезнаго исполнителя камерной музыки, если бы судьба не натолкнула на него Дробиша. Оцѣнивъ всю силу этого таланта, Дробишъ залучилъ какъ-то Григоровича къ себѣ, засадилъ за квартетъ и началъ муштровать. Муштровать—это настоящее здѣсь слово. Нужно было всю страсть Дробиша къ музыкѣ, всю его огромную опытность въ исполненіи камерной музыки, предъ которою, т. е. опытностью, всѣ безусловно преклонялись, наконецъ его годы и убѣленную сѣдинами голову, дававшими

ему право дѣлать наставленія, чтобы справиться съ Григоровичемъ. Впослѣдствіе я иногда присутствовалъ при подобныхъ муштрованіяхъ. Григоровичъ, бывало, такъ и рвется блеснуть въ ущербъ другимъ, отдѣлаться въ какомъ-нибудь трудномъ ансамблѣ, спустя рукава. Нѣтъ, стой! Какой-нибудь малѣйшій отгѣнокъ упущенъ, и мѣсто въ квартетѣ повторяется два, три, четыре раза, пока дѣйствительно не достигнется само совершенство. И это происходило обыкновенно на какомъ-нибудь чердакѣ, гдѣ-нибудь въ крошечной комнаткѣ, нанимавшейся Дробишемъ у хозяйки, въ такъ называемыхъ нумерахъ. Въ этихъ-то нумерахъ я научился цѣнить артистовъ, и мнѣ нисколько не жаль было платить имъ деньги. Мнѣ всегда приходило въ голову: еще Богъ знаетъ, приносимъ ли мы чиновники какую-нибудь пользу нашею дѣятельностью, а во сколько кратъ лучше наше вознагражденіе! Григоровича корчило отъ такихъ муштрованій, можетъ быть, внутренно онъ и посылалъ своего учителя къ черту въ такія минуты, но повиновался безпрекословно и шелъ къ нему опять и опять, вполне сознавая всю пользу, извлекаемую имъ изъ опытности учителя. Впослѣдствіи Григоровичъ началъ играть квартеты въ публикѣ, во главѣ такъ называемаго русскаго квартета, состоявшаго изъ русскихъ артистовъ въ противоположность квартету Ауэра, Пиккеля, Вейкмана и Давыдова, считавшихся нѣмцами. Здѣсь великій князь Константинъ Николаевичъ услышалъ его и сдѣлалъ своимъ придворнымъ скрипачемъ, участвовавшимъ у него въ домашнихъ квартетахъ.

Третьимъ исполнителемъ, получавшимъ гонораръ, былъ у меня также изъ оркестра русскаго оперы артистъ Сергѣй Евлампіевичъ Васильевъ. Къ этимъ лицамъ присоединились любители: трое моихъ племянниковъ Бражниковыхъ, изъ которыхъ Борисъ игралъ отлично на скрипкѣ, Владиміръ—на фортепіано и альтѣ и Константинъ довольно сносно—на віолончели, студентъ академіи художествъ по части архитектуры Владиміръ Карловичъ Эшлиманъ (скрипачъ), отставной инженеръ генераль-лейтенантъ Василій Ивановичъ Витковскій (скрипачъ и альтистъ), служившій въ телеграфномъ департаментѣ Адольфъ Карловичъ Рутценъ (віолончелистъ), наконецъ сестра Александра Александровна. Съ такими средствами оказалось возможнымъ играть не только квартеты, но и квинтеты, секстеты и даже октеты, и эти вечера доставляли мнѣ нѣсколько лѣтъ величайшее удовольствіе.

Въ довольно обширной столовой, хорошо освѣщенной, теплою, уютною и отличающейся превосходнымъ резонансомъ и въ смежномъ комфортабельномъ кабинетѣ собирались эти исполнители и весьма небольшой кружокъ родныхъ и знакомыхъ. Сохранялась большая тишина между присутствовавшими, такъ что ни одной нѣтки нельзя было проронить, а у меня было свое излюбленное мѣсто. И вотъ у себя дома, ничѣмъ и ничѣмъ не стѣсняемый, наслаждался

ся я отъ всей души, слушая великихъ творцовъ камерной музыки. Обыкновенно вечеръ состоялъ изъ четырехъ пьесъ, трехъ смычковыхъ и одной съ фортепiano, но иногда къ нимъ присоединялась на закуску и пятая, небольшой квинтетъ Боккерини, котораго, кромѣ моего дома, кажется, нигдѣ уже въ С.-Петербургѣ не играли, и который, несмотря на устарѣлость его произведеній, представляетъ такъ много интереснаго. Съ большимъ трудомъ мнѣ удалось достать полное собраніе его твореній и то только при посредствѣ извѣстнаго впоследствии «героя» парохода «Веста» Баранова, когда онъ устраивалъ нашъ отдѣлъ на Вѣнской всемірной выставкѣ, и нашего агента въ Берлинѣ Неваховича. Исполненіе всегда было прекрасное, и большею частью у меня играли послѣ предварительной репетиціи, а трудныя, сложныя пьесы, какъ напр. Брамса, послѣ двухъ репетицій. Въ возможности устроить такіе вечера я видѣлъ для себя полное вознагражденіе за ту трудовую жизнь, которую мнѣ пришлось провести со времени оставленія студенческой скамьи.

13 февраля было это послѣднее квартетное собраніе у меня передъ отъѣздомъ за границу. Исполнены были: квартеты В—dur № 65 Гайдна, октетъ А—dur Op. 3 Свендсена, квартетъ Fmol № 11 Бетховена и квинтетъ Es—dur съ фортепiano Шумана. Въ этотъ вечеръ было мнѣ такъ хорошо, я такъ былъ доволенъ своимъ положеніемъ, что мнѣ не разъ приходило въ голову, зачѣмъ я ѣду. Но мысль возвратить здоровье взяла верхъ, и на среду 26 февраля окончательно былъ назначенъ отъѣздъ¹⁾.

К. А. Маннъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Дальнѣйшія «Воспоминанія» К. А. Манна, переходя въ дневникъ, не представляютъ собою связнаго разсказа въ хронологическомъ порядкѣ. Поэтому въ ближайшихъ книжкахъ «Историческаго Вѣстника» будутъ напечатаны лишь отдѣльные эпизоды изъ «Дневника» Манна (о Н. М. Барановѣ и дѣлѣ тайнаго совѣтника Розена), а также нѣкоторые разсказы изъ прошлаго, записанные К. А. Манномъ въ разныхъ мѣстахъ его «Дневника».

СВѢТЛЫЙ КЛЮЧЪ.

(Разсказъ).

I.

ВЫ ПОДЪѢХАЛИ къ Казанской общинѣ, расположенной близъ Свѣтлаго Ключа, во время обѣдни, ко второму колокольному звону.

— Къ «Достойной» уже,—сказала тетка, осѣняя себя крестнымъ знаменемъ.

Возлѣ ограды и у дороги стояло много крестьянскихъ повозокъ и телѣгъ подъ наблюдениемъ нѣсколькихъ стариковъ.

Извозчикъ шагомъ подѣхалъ къ воротамъ и осадилъ лошадь. Мы вылѣзли изъ телѣжки.

Знакомая старушка-вратарница расцѣловалась съ нами, и послала молоденькую послушницу въ церковь къ настоятельницѣ съ докладомъ о нашемъ прибытіи.

Дѣвочка вскорѣ вернулась и, съ низкимъ поклономъ, объявила, что матушка указала помѣстить насъ въ горенкѣ при школѣ.

Она повела насъ черезъ дворъ. Возница понесъ наши вещи.

Я предоставила тетѣ одной устраиваться въ комнатѣ, а сама отправилась въ храмъ.

Онъ оказался переполненнымъ богомольцами—простолюдинами, и лишь на пустомъ правомъ клиросѣ стоялъ молодой военный съ нарядно-одѣтой дамой.

Старый священникъ дребезжащимъ голосомъ читалъ уже отпустъ.

Я не захотѣла пробираться впередъ и остановилась позади въ толпѣ.

По лѣвой стѣнѣ чернѣли полумонашескія одежды насельницъ

«истор. вѣстн.», май—юнь 1917 г., т. сxlviII.

общины. Среди них выдѣлялась высокая фигура настоятельницы, у которой на головѣ былъ черный апостольникъ съ бархатной шапочкой. Прочія сестры были покрыты лишь черными платками. Впереди, на лѣвомъ клиросѣ, густой массой бѣлѣли переднички и пелеринки приютокъ.

Дѣтскій хоръ стройно пропѣлъ заключительную молитву богослуженія.

Священникъ вышелъ съ крестомъ.

Мать Маргарита приложилась первою и остановилась рядомъ со священникомъ.

За настоятельницею къ кресту потянулись вереницей и богомольцы.

Послѣ того, какъ приложился офицеръ, къ нему приблизилась юная послушница и что-то сказала.

Онъ кивнулъ головой, какъ бы въ знакъ согласія, и всталъ вмѣстѣ съ женою въ сторонкѣ, чтобы не мѣшать движенію народа.

— Чего же не расходятся? Ай, молебна ждуть?—спросила меня старуха-странница съ котомкой за плечами. Я отозвалась незнаніемъ.

Дѣйствительно народъ тѣснился по сторонамъ и у солен, вмѣсто того, чтобы валомъ валить къ выходу. За меня отвѣтила странницѣ ближняя баба.—Нѣтъ, не молебна... Знать наша матушка скажетъ что-нибудь. Она завсегда для этого станеть у креста. Намъ ужъ вѣдомы ея порядки. Подождемъ ея слова.

Это заинтересовало меня и я съ любопытствомъ остановила взоръ на матери Маргаритѣ. На видъ ей было лѣтъ около 35. Матово-блѣдное лицо ея освѣщалось горящими карими глазами, надъ которыми слегка сдвигались темныя брови. Тонкія ноздри красивой формы носа слегка вздрагивали отъ подавляемаго волненія; розовыя пухлыя губы были плотно сомкнуты. Видимо, это была натура сильныхъ страстей, скованныхъ непреклонною волею. Въ общемъ, мать Маргарита выглядѣла настоящею красавицею, на которую, однако, время уже наложило свои слѣды, въ видѣ тонкихъ морщинокъ около глазъ и рта.

Отъ креста я направилась къ стѣнѣ. Ко мнѣ тотчасъ же подошла молоденькая послушница,—та же, что и къ полковнику,—и передала приглашеніе матушки откушать у нея чай.

Я отвѣтила согласіемъ и поблагодарила ее.

Когда приложились и послѣдніе богомольцы-нищіе, то священникъ, благословивъ народъ, ушелъ въ алтарь.

Тотчасъ же раздался сильный, звенящій голосъ матери Маргариты:

— Православные христіане —обратилась она къ народу.—У моихъ сиротъ кончился хлѣбъ. Также на исходѣ крупа и картофель: А въ писаніи сказано: «трудящійся, да ястъ».

— Вѣстимо, такъ!—согласился мужикъ, стоящій впереди.

— Вы видите и знаете наши труды,—продолжала настоятельница съ возрастающимъ воодушевленіемъ.

— Какъ не знать?.. Все знаемъ —раздались голоса.

— Мы не сидимъ сложа руки, а работаемъ по мѣрѣ силъ и возможности, словомъ и примѣромъ приучаемъ къ труду и вашихъ сиротъ. Придя въ возрастъ, онѣ не будутъ вамъ бременемъ. Напротивъ: явятся дѣльными помощницами во всемъ, сами себя прокормятъ и васъ же научатъ многому полезному.

— Пошли Богъ тебѣ за это здоровья!—послышалось изъ толпы.

— Вотъ, чтобы наше доброе начинаніе не погибло, поддержите насъ въ трудное время и Богъ не оставитъ васъ,—добавила мать Маргарита, отвѣшивая низкій поклонъ на всѣ стороны.

Я ожидала большаго отъ краснорѣчія настоятельницы, про умъ которой такъ много слышала. Но она, видимо, хорошо знала народъ и умышленно говорила простымъ и сжатымъ языкомъ. Вся сила этого безхитростнаго обращенія была въ тонѣ и жестѣ.

И призывъ тотчасъ же нашель откликъ въ сердцѣ простолюдина.

— Что объ этомъ и говорить? Мы—всею душой —зашумѣли вокругъ.—Вѣстимо не оставимъ, какъ ты не оставляешь нашихъ сиротъ. Печешься о нихъ, словно мать. Ты для насъ и мы для тебя постараемся... Будь безъ сумлѣнія

Народъ повалилъ изъ храма слѣдомъ за настоятельницею и пріютками.

II.

Я отправилась къ тетѣ, успѣвшей уже устроиться въ уютной комнаткѣ. Старушка переодѣвалась.

Возлѣ двери ее ожидала дѣвочка, во всемъ черномъ.

— Вы уже все разобрали?—удивилась я.

— Да, и спѣшу на чай къ матушкѣ... Не хочу задерживать ее... Вонъ она черничку послала за мною.

Черезъ минуту тетя была уже готова и мы вышли вмѣстѣ изъ дома. Но у крыльца встрѣтились съ настоятельницей и поздоровались съ нею.

— Пожалуйте ко мнѣ, я сейчасъ вернусь... Нужно только въ школу зайти.

— Мы подождемъ васъ,—отвѣтила тетя.

— Зачѣмъ ждать?.. Тогда не желаете ли пройти со мною, а потомъ вмѣстѣ и вернемся.

Мы согласились и послѣдовали за нею на школьное крыльцо, гдѣ стояло нѣсколько деревенскихъ женщинъ. Онѣ привѣтствовали настоятельницу низкими поклонами.

— Березняковскія?—спросила мать Маргарита.

— Да... Есть и Чупаевскія.

— Хорошо,—одобрила мать Маргарита, вступая въ обширную комнату, наполненную крестьянками.

Послѣднія разступились, пропуская насъ впередъ.

Въ концѣ длинной комнаты, съ придвинутыми къ стѣнѣ столамъ, дожидалась уже наготовѣ фельдшерница, съ полотенцемъ черезъ плечо, вытиравшая ватой ланцетъ. На столѣ возлѣ нея помѣщалась большая чашка съ кипяткомъ и ящикъ съ медикаментами.

Подойдя къ фельдшерницѣ, матушка обернулась къ крестьянкамъ.

— Я нарочно вызвала васъ, чтобы вы сами убѣдились въ томъ, что я привью себѣ оспу,—раздался сильный, звучный голосъ настоятельницы.

Кратко и просто объяснила она бабамъ необходимость повторныхъ прививокъ. Убѣдительными примѣрами доказала она опасность небреженія этими мѣрами, когда сейчасъ вокругъ свирѣпствуетъ эпидемія.

— И вѣрно говоришь, что слѣпнуть съ оспы,—согласились съ нею.—Ты изъ книжекъ-то лучше знаешь, тебѣ видишь. Коли ты,—то и мы за тобой.

Мать Маргарита подняла рукавъ выше локтя, и протянула руку фельдшерницѣ. Та быстро сдѣлала ей прививку. Настоятельница отступила въ сторону, давая ранкамъ время подсохнуть.

Мѣсто ея заняла учительница, а за нею послѣдовали еще двѣ чернички.

— Нашимъ пріюткамъ оспа уже привита,—сказала матушка бабамъ, которыя рѣшились наконецъ послѣдовать ея примѣру.

Они потянулись къ столу вереницею. Фельдшерница едва успѣвала дѣлать прививки.

Оспинки скоро подсохли и мать Маргарита опустила рукавъ. Въ заключеніе она наказала женщинамъ, послать сюда для прививки своихъ мушницъ въ слѣдующее же воскресенье, такъ какъ она нарочно вызоветъ для этого изъ города фельдшера.

— Ладно, пошлемъ,—раздались голоса.

Мы вышли изъ школы и направились съ матушкой въ ея небольшой чистенькій домикъ насупротивъ. Изъ маленькой передней она ввела насъ въ уютное зальце, гдѣ ждали ее уже полковникъ съ женою, которые разговаривали съ пожилою сестрой Антониной—главною помощницею настоятельницы. Во время разлѣздоръ послѣдней сестра Антонина оставалась ея замѣстительницей.

Она что-то рассказывала гостямъ объ общинѣ. При нашемъ появленіи я услышала заключительную фразу:

— Поэтому-то мы и не можемъ устроить здѣсь монастыря.

— Да, по недостатку средствъ и ограниченности штата намъ

не разрѣшаютъ монастырскаго устава,—входя, подтвердила настоятельница, и познакомила насъ съ полковникомъ Михайловымъ и его женою.

— А это моя старая пріятельница,—сказала она про тетку,— новгородская помѣщица—Федотова, съ племянницей.

Мы обмѣнялись рукопожатіями и сѣли.

Тетя перекинулась нѣсколькими фразами съ полковникомъ по интересовавшему ее земельному вопросу въ этой губерніи.

Мать Маргарита послала сестру Антонину распорядиться чаемъ.

— Неужели у вашей общины совершенно нѣтъ земли?—спросилъ Михайловъ.

— Кромѣ огорода съ садомъ ничего.—Вѣдь это мѣсто принадлежало помѣщицѣ Луниной, и послѣ ея смерти отошло все къ ея законнымъ наслѣдникамъ,—пояснила мать Маргарита.—Общинѣ же она отказала по духовной только эту усадьбу съ домомъ, въ которомъ жила сама. Онъ теперь у насъ подъ школой. Всѣ же прочія постройки возведены собственными средствами.

Явилась черничка съ подносомъ, уставленнымъ посудой. Сестра Антонина несла за нею тарелку съ горячими пирожками и вареньемъ.

— Кушайте, пожалуйста,—любезно предложила она.

Мы разобрали чай, взяли варенье и пирожки, которые всѣ и похвалили.

— Сестра Анастасія хорошо готовитъ,—согласилась настоятельница.—Недаромъ она вела свое большое хозяйство. Мужъ ея былъ богатый торговецъ въ городѣ.

— Много она у васъ получаетъ?—поинтересовалась Михайлова.

— Ничего,—отвѣтила матушка.—Она—доброхотка, какъ и всѣ здѣсь. Мы трудимся изъ-за хлѣба насущнаго, имѣемъ лишь все необходимое, а все остальное принадлежитъ общинѣ, у которой тоже не мало всякихъ нуждъ.

— А по правдѣ сказать, такъ не всегда хватаетъ и на необходимое,—откровенно призналась сестра Антонина.

Я разсматривала на блюдечкѣ варенье и не могла рѣшить изъ чего оно.

— Что дѣлать,—съ покорностію произнесла мать Маргарита:— мы еще выбиваемся. Община наша молодая. Надо только удивляться изъ какихъ тяжелыхъ обстоятельствъ выбрались мы благополучно.

Она вздохнула и отпила изъ чашки чаю.

— Безъ капитала не легко бороться,—дѣловито замѣтилъ полковникъ, устремляя на настоятельница пытливымъ взоръ.—А какія ваши задачи матушка?

— Помочь здѣшнему темному народу, внести хоть каплю свѣта въ его непроглядную жизнь.

— Почему же именно здѣсь?—встала Михайлова.—Вѣдь темноты много вездѣ?

— Я здѣшняя уроженка и хочу послужить землякамъ,—отозвалась настоятельница съ такою милою улыбкой, отъ которой ея красота получила трогательное выраженіе:

Гость это замѣтилъ и снова задалъ вопросъ тономъ сожалѣнія.

— Давно посвятили себя вы этому дѣлу?

— Да, съ 20 лѣтъ,—просто отвѣтила та.

— А не жалѣете объ этомъ? Не раскаиваетесь?—полюбопытствовала молодая женщина.

— Нѣтъ, наоборотъ,—живо воскликнула матушка.—я такъ люблю свою общину. Ея интересами только и живу. Лишь здѣсь я чувствую себя хорошо и на мѣстѣ. А какъ поѣду въ городъ,—тамъ ничто мнѣ не нравится, раздражаетъ шумъ, утомляетъ суета, и я спѣшу скорѣе вырваться оттуда и вернуться сюда.

Михайловъ посмотрѣлъ на нее взоромъ недоумѣнія, смѣшаннымъ съ сожалѣніемъ. Видъ его ясно говорилъ, что онъ жалѣетъ такую красоту, пропавшую для міра. Развѣ она не могла бы быть счастливою совершенно иначе и дать счастье другимъ.

Мать Маргарита поняла его и произнесла съ убѣжденіемъ:

— Увѣряю васъ, что я говорю это совершенно искренно.

— А я не могла бы такъ похоронить себя въ глуши, оторваться совсѣмъ отъ общества,—призналась Михайлова.

— Я и не лишена общества,—горячо возразила настоятельница. Указавъ на свою помощницу, она добавила:—вотъ вамъ женщина общества—вдова генерала. И она здѣсь не одна. У насъ большинство образованныхъ и развитыхъ сестеръ.

— Только бесѣдовать-то намъ некогда,—съ улыбкой заявила сестра Антонина:—всѣ заняты своимъ послушаніемъ съ утра и до ночи. Лишь въ праздники имѣемъ небольшой отдыхъ.

— Г-мъ... г-мъ...—неопредѣленно произнесъ полковникъ, какъ бы отвѣчая на какую-то свою мысль.

Мать Маргарита вопросительно посмотрѣла на него.

Онъ вернулся къ дѣйствительности и промолвилъ съ особой горячностью:

— Помогите вамъ Богъ до конца довести свой тяжелый крестъ.

Она молча покачала головою, какъ бы не соглашаясь признать тяжести своего креста.

Михайловъ отодвинулъ пустой стаканъ, поднялся и поблагодарилъ настоятельница, почтительно поцѣловавъ у нея руку.

Эта самобытная и сильная женщина, видимо, произвела на него глубокое впечатлѣніе.

— Это вамъ такъ кажется,—просто отвѣтила она.—А мнѣ совершенно не тяжела моя доля. Вѣдь если бы только я захотѣла, то давно могла все бы оставить здѣсь и уйти въ міръ. Однако же онъ ничѣмъ не манитъ меня.

— А семья?—задала вопросъ гостя.

— Слышали народную поговорку: въ дѣвкахъ сижено—плакано; замужь хожено—выто,—съ улыбкой отозвалась матушка.

Мы тоже поднялись и пошли слѣдомъ за Михайловыми. Настоятельница проводила насъ до дверей. Полковникъ съ женою тотчасъ же уѣхалъ домой. Постепенно разѣзжались и крестьяне. Вскорѣ большой дворъ опустѣлъ.

III.

Обѣдали въ этотъ день позднѣе обыкновеннаго. Насъ позвали въ школу.

При нашемъ входѣ присутствовавшіе пѣли хоромъ предобѣденную молитву.

По ея окончаніи, начальница указала намъ мѣсто возлѣ себя. По другую сторону ея сидѣла учительница во главѣ двухъ дюжинъ своихъ питомицъ.

А за меньшими столами расположились чернички разныхъ возрастовъ и положеній.

Сестра Антонина оказалась въ числѣ дежурныхъ по столу—«хлѣбодаркою», какъ шутливо назвала ее матушка.

Сестра зорко осматривала приборы и всѣхъ сидѣвшихъ передъ нами.

— Мокѣва, закройся салфеткой—приказала она.

Одна изъ зазѣвавшихся младшихъ пріютокъ тотчасъ подняла съ пола упавшую салфетку и заткнула ея уголокъ за воротъ пелеринки.

— Всегда вы здѣсь столуетесь?—спросила тетя настоятельницу,

— Да,—отозвалась та:—пока отдѣльной трапезной у насъ нѣтъ. а эта комната самая большая въ домѣ,—бывшій залъ... У помѣщиковъ-то здѣсь задавались пиры и балы, гремѣла музыка... А теперь вотъ нашли себѣ пріютъ убогія сестры, да бѣдныя сиротки.

— Что жъ: хорошее употребленіе.

— Да, мы благодаримъ Бога и вѣчно будемъ молиться за упокой души рабы Божіей Юліи.

Въ одной изъ стѣнъ было прорублено отверстіе въ видѣ окна, съ откидною передъ нимъ полкою. Стряпуха поставила на полку нѣсколько дымившихся отъ пара мисокъ, которыя дежурныя тотчасъ же разнесли по столамъ.

Очередная черничка у аналоя передъ образомъ стала читать какую-то священную книгу. Водворилась полная тишина. Даже маленькія дѣвочки не брякали ни посудой, ни ложками, и соблюдали полную осторожность, подражая взрослымъ.

— Я замѣтила, что салфетки были только у насъ съ матушкой, а у прочихъ—простые холщевые квадратики, замѣнявшіе собою салфетки. вмѣсто колець были холщевые же пояски, съ вышитой на нихъ, красной бумагой, фамиліей обладательницы.

— Это приученіе къ гигиенѣ и культурности простыхъ сестеръ, тихо пояснила мнѣ пожилая сосѣдка.—Вѣдь приютки у насъ сплошь крестьянскія дѣти.

За щами послѣдовали пироги изъ полуржаной муки, начиненные капустой.

Несмотря на такую скудость и простоту праздничнаго обѣда, онъ былъ приготовленъ тщательно и вкусно.

— Изъ остатковъ всякой муки, и то едва наскребли,—шепнула мнѣ сестра Антонина, замѣтивъ, что я разматривала свой пирожокъ.

— А мнѣ показалось, что онъ изъ пеклеванной,—отозвалась я.

На второе былъ поданъ творогъ съ молокомъ, чѣмъ и закончилась праздничная трапеза.

Послѣ обѣда мы вышли подышать августовскимъ воздухомъ. Несмотря на яркое солнце, ощущалась бодрящая свѣжесть. Дѣти тотчасъ стали рѣзвиться на дворѣ, играя съ мячомъ и бѣгая въ перегонки. Въ присутствіи взрослыхъ они держали себя просто и непринужденно. Только двѣ самые младшія приютки не покидали учительницы. Завладѣвъ ея руками, онѣ шли рядомъ съ нею, лепеча какой-то дѣтскій вздоръ.

Лицо сестры Софій освѣщала привѣтливая улыбка. Учительница снисходительно слушала ребячью болтовню, временами качая въ отвѣтъ головой, или дѣлая свои замѣчанія.

— Любятъ дѣти вашу учительницу,—сказала я настоятельница.

— Да и она ихъ тоже... Она раньше и въ міру была учительницей. Замужемъ была тоже за учителемъ... И здѣсь къ тому же дѣлу я ее приставила. Очень опытная и хорошая преподавательница.

— Вѣроятно свои дѣти были, что чужихъ такъ любитъ?—вмѣшалась тетя.

— Да, двое... Да въ одинъ годъ отъ дифтерита потеряла, а тутъ и мужъ умеръ... Она чуть съ ума не сошла съ горя. Родные привезли ее сюда... Только тутъ она и успокоилась... Постепенно занялась дѣломъ и перенесла всю свою любовь на нашихъ сиротокъ, замѣнивъ имъ мать. Теперь это незамѣнимый человекъ въ нашей общинѣ.

IV.

Мы подошли къ высокому досчатому забору и, черезъ калитку вступили въ большой огородъ, примыкавшій одною стороною къ хозяйственнымъ постройкамъ и черному двору.

— Что тамъ у васъ?—полюбопытствовала тетя.

— Конюшня, коровникъ, сарай и ледникъ... Ворота выходятъ къ деревнѣ. Своего выгона у насъ нѣтъ и коровушки пасутся въ деревенскомъ стадѣ. Что подѣлаешь? Нѣтъ никакихъ угодій.

Мать Маргарита вздохнула и обвела вокругъ зоркимъ хозяйскимъ взглядомъ.

Огородъ пестрѣлъ симметричными рядами грядъ, съ разбросанными среди нихъ группами плодовыхъ деревьевъ, подъ которыми находились скамьи. Въ лѣвомъ углу блестѣлъ водою небольшой прудъ, а въ правомъ—щетилилась ржаная солома изъ-подъ сжатого хлѣба. Вокругъ всего огорода были насажены подсолнухи, дозрѣвавшіе на корню. За ними, по изгороди, тянулись ягодные кусты.

Дѣти, съ веселымъ крикомъ, разбѣжались по огороду, и ихъ бѣлые передники замелькали по всемъ направленіямъ.

— Лѣтомъ, должно быть, у васъ тутъ хорошо,—замѣтила теть.

— Да, и лѣтомъ и весною,—подтвердила хозяйка.

— Дѣвочекъ не выгнать отсюда,—вставила, поровнявшись съ нами, сестра Софія.

— Мы тутъ и отдыхаемъ, и работаемъ,—промолвила матушка.

— И мы тоже —воскликнула маленькая Мокѣва, не покидавшая учительницы.

— Что же вы дѣлаете?—поинтересовалась я.

— Все... Вонъ моя грядка

Пріютка отбѣжала нѣсколько въ сторону, склонилась надъ одной грядкой и широко разставила руки, какъ бы желая обнять ее.

— Моя... Моя...—кричала она.

Увидя сѣвшую на землю ворону, дѣвочка захлопала въ ладоши и погналась за нею:

— Кышь... Кышь... Не смѣй ко мнѣ садиться. Пошла прочь.

— Да вѣдь гороху у тебя уже нѣтъ... Грядка пустая,—со смѣхомъ напомнили ей подружки.—Что же ты зря за воронами-то гоняешься.

— Она не смѣетъ—кричала Мокѣва.—Я еще посажу гороху. Дѣвочки засмѣялись.

— Садятъ вѣдь весною. Тогда и гоняй птицъ.

— У нихъ у всехъ по грядкѣ, и каждая дѣвочка наблюдаетъ свою,—пояснила хозяйка.

— Сама она и засаживаетъ?

— Да.

— Неужели и Мокѣва тоже?—спросила я учительницу.

— Какъ же,—дамъ ей палочку и укажу гдѣ ткнуть въ землю. Она такъ и сдѣлаетъ. А потомъ горошинку въ ямку опуститъ. Это имъ доставляетъ большое удовольствіе.

— Въ позапрошломъ году у Юльки весь горохъ галки склевали. проговорила одна пріютка постарше.

— Отчего?

— Это мой промахъ,—призналась сестра Софія.

— Я не дамъ имъ больше клеветать!—кричала Юля, возвращаясь къ учительницѣ.

— Про какой промахъ упомянули вы?—спросила я.

— Мы съ Юлей засадили грядку по утру, тогда какъ это слѣдовало сдѣлать вечеромъ, послѣ того уже какъ птицы уснуть въ гнѣздахъ.

— А галки и увидѣли,—встала Мокѣева.

— Да, увидѣли, хотя вблизи ихъ и не было.

— Онѣ хитрыя, издали подсмотрѣли въ щелочку,—прибавила Юля.

Дѣвочки снова засмѣялись.

— Въ какую щелочку? Откуда возьмется на деревѣ щелочка? Что ты выдумываешь.

— Она изъ своего домика въ щелочку подсмотрѣла.

Ея слова опять покрылъ взрывъ смѣха.

— У птицъ гнѣзда, а не домики.

— Ну, ну, замолчи, малышка,—сказала сестра Софія, любовно прижимая къ себѣ голову своей питомицы. Въ мою сторону она добавила:—это наша забавница. Она всегда скажетъ что-нибудь смѣшное и всѣхъ развеселить.

Симпатичная рожица дѣвочки плутовски улыбалась. Юля обхватила обѣими руками за талию сестру Софію и такъ прошла нѣсколько шаговъ. Вторая маленькая пріютка отстала отъ учительницы, забравшись въ ягодные кусты.

— Хватаетъ вамъ на годъ овощей?—полюбопытствовала я.

— Да,—отвѣтила хозяйка;—даже остается излишекъ, который мы продаемъ, и въ особенности скорцонеръ.

— Это что же такое?—полюбопытствовала я.

— Его больше называютъ сладкимъ корнемъ.

— А, знаю. Онъ вродѣ петрушки, только съ черной кожницей.

— Да, это онъ самый и есть. Его разбираютъ въ городѣ нарзхватъ. А между тѣмъ его мало кто разводитъ, такъ же какъ и ревень. А это преплезные и даже незамѣнимые злаки. Мы и сами ихъ много ѣдимъ, въ особенности весной, когда всѣ другіе корни на исходѣ. Возьмите Петровъ постъ. Вѣдь онъ самый голодный, потому что никакихъ другихъ овощей еще нѣтъ. Вотъ тутъ-то скорцонеръ и ревень и являются прекраснымъ подспорьемъ. Мы беремъ ихъ тотчасъ же, какъ только стаетъ снѣгъ. Но оба они требуютъ хорошо удобренной земли, безъ чего не растутъ. Я убѣждала крестьянъ заняться сѣвомъ этихъ злаковъ, къ которымъ они относятся съ предубѣжденіемъ. Да и мало у нихъ удобренія. Но авось когда-нибудь заставлю ихъ заняться разведеніемъ ревеня и скорцонера. Вѣдь это же такъ выгодно. Поймутъ когда-нибудь это сами.

Мы дошли до куны яблонь и, по приглашенію матушки, сѣли на скамьи.

Съ этого маленькаго пригорка открывался прекрасный видъ: за широкой канавой позади забора тянулись помѣщицьи поемныя луга, далѣе—блестѣла рѣчка, на противоположномъ берегу которой темнѣла зубчатая стѣна лѣса.

— Вы избрали хорошее мѣстечко для отдыха,—замѣтила я.

— Да... Въ особенности здѣсь хорошо весною, когда зелень изумрудная и птички кружатся въ выси съ веселымъ крикомъ,—проговорила сестра Софія.

— Не хуже и лѣтомъ,—перебила настоятельница,—во время полнаго и пышнаго расцвѣта природы.

Она устремила задумчивый взоръ въ синѣющую даль.

— Зачѣмъ вы засѣяли рожью тотъ уголокъ огорода?—спросила тетя.

— Это мы дѣлали пробу по японскому способу,—отозвалась сестра Софія.

— Удалась?

— Да, только очень много возни съ пропалываніемъ да окучиваніемъ.

— А все-таки я не отступлюсь,—подхватила мать Маргарита съ настойчивостью.—Я хочу поднять благосостояніе этой округи. Крестьяне тутъ очень бѣдны и темны. Они далеко не берутъ отъ земли всего, что она способна имъ дать. На землю вѣдь надо смотрѣть, какъ на фабрику пищевыхъ продуктовъ и надо только эту фабрику сдѣлать какъ можно производительнѣе.

— А если ваши труды со сладкимъ корнемъ и японскимъ хлѣбосѣвомъ тутъ не привьются?—скептически замѣтила тетя.

— Ну, что жъ?—горячо возразила мать Маргарита;—тогда можно будетъ взягься за что-нибудь другое. Посмотрите хоть на здѣшніе сады... Увѣряли же тутъ меня, что яблоки родятся лишь черезъ пять или шесть лѣтъ. А я доказала имъ, что можно заставить дерево приносить плоды года три-четыре подъ рядъ, а годъ отдыхать, вотъ какъ у насъ, на примѣръ. И теперь многіе насадили яблони, найдя, что стоитъ возгьться съ деревомъ, вознаграждающимъ за трудъ.

— Чѣмъ же вы достигли этого урожая?—поинтересовалась тетя.

— Опять же удобреніемъ... Бабы не вѣрили, что дерево не даетъ урожая отъ голода. Зато теперь поняли и стали просить у меня черенковъ для отсадки.

— Значитъ вы сдѣлали изъ своей общины маленькій культурный уголокъ,—проговорила тетя,—и завели образцовое хозяйство.

— Если хотите—да. Но не въ названіи дѣло.

Сестра Софія добавила:

— А въ стремленіи придти на помощь населенію Главное—важно то, что сосѣди уже начинаютъ вѣрить намъ.

— Изъ чего вы это заключаете?

— Они во многомъ слѣдуютъ примѣру и совѣтамъ матушки. Прежде сколько даромъ пропадало полезныхъ лекарственныхъ—растений. А теперь крестьяне научились извлекать изъ нихъ хорошую выгоду и стали во множествѣ собирать мяту, шалфей, колганъ, рожки спорыньи, ромашку, подорожникъ, череду, мать и мачеху, бруслику, землянику, малину и еще многое другое. Мы сбываемъ все это въ обѣ столицы, въ лабораторіи для изготовленія медицинскихъ средствъ. Иногда же крестьяне посылаютъ своего выборнаго-уполномоченнаго, и онъ самъ отвозитъ ихъ сборы. И выручаютъ очень хорошо. А работа вѣдь пустяшная, потому что собирать помогаютъ взрослымъ и всѣ ребяташки.

Сестра Софія оживилась во время разговора и ея безцвѣтныя щеки покрылись румянцемъ, а сѣрые глаза заблестѣли. Видимо, мать Маргарита сумѣла воодушевить ее своей идеей и нашла въ учительницѣ дѣятельную пособницу себѣ.

Интересный разговоръ не отвлекъ вниманія сестры Софіи отъ надзора за дѣтми. Она крикнула бѣгавшимъ воспитанницамъ:

— Дѣти, не мните этихъ грядъ. Вы знаете, что тамъ ревень.

Дѣвочки послушно отхлынули въ другую сторону.

— Онъ у насъ зимуетъ въ землѣ,—пояснила теткѣ сестра Софія.

— Прикрываете на зиму гряды чѣмъ-нибудь?

— Нѣтъ. Онъ не мерзнетъ. Снѣгъ только сойдетъ, а земля не успѣетъ еще совсѣмъ оттаять, какъ изъ нея уже появляются красныя головки. Это собранныя въ комокъ листья ревеня. Листья быстро развертываются и черенки ихъ уже годны въ пищу. Листья обрѣзаютъ, съ черенковъ сдираютъ кожицу, а мякоть рубятъ и кладутъ въ пироги пополамъ съ изюмомъ. Выходитъ очень вкусно.

— Я люблю сладкіе пирожки,—вставила Мокѣва.

— А какъ вамъ понравилось варенье изъ ревеня?—спросила хозяйка.

— Очень хорошо,—отозвалась тетя.

— А я все разсматривала; изъ чего оно у васъ,—призналась я:—не то арбузъ, не то дудка... Такъ и не могла рѣшить.

— Нѣкоторыя женщины запаслись уже сѣменами ревеня,—проговорила мать Маргарита.—Авось понравится имъ это дѣло и привьется здѣсь тѣмъ болѣе, что корни очень выгодно сбывать также и въ аптеки.

Помолчавъ, она добавила:

— Хочется мнѣ еще завести пчель. Также очень выгодное занятіе. Да близко пока негдѣ разводки достать. На это-то крестьяне пойдутъ всего охотнѣе, потому что дѣло не новое, имъ давно знакомое.

— А кто вамъ прививаетъ и подрѣзаетъ яблони?—спросила тетя любуясь здоровымъ видомъ деревьевъ.

— У насъ живетъ одна опытная въ этомъ дѣлѣ сестра Матрона, вдова садовника. Она ходитъ прививать и у крестьянъ. У мужа переняла это занятіе, а теперь и намъ обучила двухъ еще черничекъ. Но вѣдь такія-то большія яблони,—она указала на тѣ, подъ которыми мы сидѣли,—не обрѣзываютъ, а только уже обламываютъ на нихъ сухія листья, или кривыя вѣтки. А подстригаютъ лишь молодья дерева.

Обратясь къ учительницѣ, мать Маргарита добавила:

— Прежде чѣмъ вернуться домой, пусть дѣти споютъ намъ что-нибудь.

Сестра Софія отдала приказаніе Мокѣвой:

— Собери цыплятъ.

Та пустилась со всѣхъ ногъ собирать пріютокъ.

— Цыплята, идите... Цыплята, идите...

Дѣвочки быстро собрались. За ними вернулась и запыхавшаяся, покраснѣвшая Юля.

Сестра Софія поднялась и сказала высокой тонкой дѣвочкѣ—подростку.

— Будь ты регентомъ, Журушка.

— Такъ прозвали ее у насъ за высокій ростъ, пояснила мнѣ настоятельница.—А фамилія ея Журавлева.

— Это моя помощница по управленію хоромъ,—замѣтила сестра Софія.—Она часто замѣняетъ меня на спѣвкахъ.

Жура вышла въ кругъ и спросила что имъ пѣть.

— «Богородицу» я умѣю,—занищала Мокѣва.

— А это у насъ помощница помощницы регента,—съ улыбкою пояснила сестра Софія.

— Ну, пусть она и порегентируетъ,—списходительно позволила мать Маргарита, улыбнувшись Юлѣ.

— Я буду, я —тотчасъ радостно закричала та.

Жура снова вмѣшалась въ толпу подругъ, а Мокѣва вошла въ середину круга и, поднявъ съ земли маленькую палочку, ударила ею, на подобіе камертона, себя по рукѣ и задала тонъ.

— Удивительный слухъ у нея —тихо отнеслась ко мнѣ сестра Софія.

— Кажется, и воображеніе тоже,—замѣтила я.

— Да, безъ камертона не можетъ обойтись. Если нѣтъ настоящаго, то хоть такой.

Хоръ стройно запѣлъ:

«Богородице Дѣво, радуйся»

Юля махала въ тактъ палочкой и пѣла высокимъ голоскомъ, звенѣвшимъ, какъ серебряный колокольчикъ.

По окончаніи, она обернулась ко мнѣ съ улыбкою, расплывшейся по всему ея лицу.

— Ай, да молодець,—похвалила я.

Она конфузливо зарылась головою въ складкахъ платья учительницы.

— Жура, теперь ты: тропарь Казанской Божіей Матери.

Жура задала тонъ и хоръ запѣлъ;

«Заступница усердная»...

Хоръ былъ очень хорошо спѣтый и выдержанный.

Мы похвалили голосъ Журы,—чистый, сильный и звучный.

— Это украшеніе нашего хора,—промолвила учительница съ гордостію.

— Въ консерваторію бы ее,—замѣтила тетя.

— Теперь еще рано, а дальше, если ей представится случай, то это будетъ уже ея дѣло,—отозвалась мать Маргарита, поднимаясь со скамьи.

Окруженная ребятишками, сестра Софія указала мнѣ на плотную брюнетку, промолвивъ:

— Филатьева—у насъ математикъ: въ арифметикѣ для нея не существуетъ никакихъ трудностей. А Морозова—большая ручодѣльница.

Она погладила другую пріютку по русой головкѣ. Учительница словно боялась задѣть самолюбіе дѣтей и потому хвалила всѣхъ, чтобы не возбудить зависти къ превосходству болѣе щедро одаренныхъ.

Дѣти инстинктивно понимали это и ластились къ доброй женщинѣ.

Солнце уже садилось за лѣсъ и въ воздухѣ ощущалась вечерняя прохлада.

Мы отправились домой и написались чаю въ своей комнатѣ.

Утомившись въ пути, въ этотъ вечеръ мы рано легли спать.

V.

Утромъ мы проснулись отъ доносившагося къ намъ шума.

Я выглянула въ окно и увидѣла за воротами массу повозокъ.

Мужики тащили во дворъ множество наполненныхъ чѣмъ-то мѣшковъ и корзины.

Я сказала объ этомъ тетѣ.

— Вишь, какой народъ-то здѣсь чуткій—замѣтила она.—Это вѣдь они откликнулись на вчерашнюю матушкину просьбу.

Мы поспѣшили одѣться и вышли.

Мать Маргарита хлопотала около амбара, принимая приносимое. Изъ его отворенной двери доносился звонкій голосъ сестры Антонины.

Чтобы не мѣшать настоятельница, мы издали поздоровались съ нею и направились за ворота.

Подводъ наѣхало еще больше вчерашняго. Онѣ расположились длиннымъ рядомъ возлѣ колодѣ, къ которымъ были привязаны лошади.

Многія повозки стояли уже пустыми. Другія же еще только разгружались.

По другую сторону воротъ тянулись столы, за которыми жертвователи пили чай съ городскими баранками.

Крестьянамъ услуживали чернички, безпрестанно носившія посуду и чайники.

Покинувшая свою сторожку мать Агафія также наблюдала здѣсь за порядкомъ. Она подсаживалась то къ одному, то къ другому столу, и спрашивала крестьянъ про ихъ хозяйство. Увидѣвъ насъ, она предложила сѣсть рядомъ съ собою.

Мы поклонились всѣмъ и сѣли на конецъ скамьи.

Разговоры все больше вертѣлись около общины, ея нуждъ и настоятельницы. Одинъ старикъ вспоминалъ съ благодарностью, какъ матушка выручила его при падежѣ лошади. Другой рассказывалъ, какъ она помогла ему послѣ пожара. Третій передавалъ, какъ она снабдила его сѣмянами на посѣвъ. Одна баба сообщала способъ садки картофеля, перенятый у сестеръ.

— Теперь вся наша деревня сѣетъ его по-здѣшнему и у всѣхъ картошки въ волошку,—закончила она, наливая себѣ новую чашку чая.

— Не желаете ли и вы чайку?—предложила намъ черничка, подавая чашки.

Мы взяли ихъ и поблагодарили ее.

Мать Агафія подвинула къ намъ баранки.

— Если такой урожай у васъ въ огородѣ, то почему же община испытываетъ нужду въ картофелѣ уже съ этихъ поръ?—спросила тетя у вратарницы.

— Строились-то вѣдь мы все въ долгъ —отозвалась та.

— Подрядчику все и свезли во дворъ и капусту ихнюю, и картофель, и яблоки,—пояснилъ рыжій мужикъ.

— Истинная правда,—подтвердила мать Агафія.—Намъ для себя ничего даже не хотѣлъ оставить, все потребовалъ въ уплату.

— Лютой скаредъ, этотъ Харламовъ,—замѣтилъ старикъ,—спротивъ бѣдныхъ обидѣлъ.

— Сироты—божьи дѣти, о нихъ пекутся ангелы,—наставительно произнесла вратарница.

— Съ такой матушкой онѣ не пропадутъ, она и ихъ добру научить, да и насъ темныхъ тоже,—убѣжденно промолвила баба Артюхина.

Пили крестьяне много, что называется до седьмого пота, очевидно, чувствуя себя здѣсь какъ дома. И лишь послѣ того поднимались, благодарили сестеръ за угощеніе, а сосѣдей за компанію, и лѣниво шли къ своимъ повозкамъ.

Я прислушалась о чемъ шелъ разговоръ за сосѣднимъ столомъ. Тамъ мужикъ хвалилъ выгодность разведенія тмина, чему его также научила матушка.

Замѣтивъ мое вниманіе къ разговору, вратарница подтвердила:

— И вправду какъ поправился то онъ съ тмина, потому-что хорошія денъги на немъ наживаетъ.

— Кто-то ѣдетъ сюда еще,—замѣтилъ рыжій мужикъ.

— Такъ поздно; не иначе, какъ господа,—высказалъ предположеніе старикъ.

Когда повозка приблизилась, то рыжій мужикъ вскричалъ:

— Такъ и есть: михайловскій конь... А рядомъ ихній работникъ, Андронъ, шагаетъ.

— Ну, и баринъ же: цѣлый большущій возъ прислалъ,—раздались одобрительныя замѣчанія.

Всѣ оставили даже чай, съ явнымъ любопытствомъ ожидая приближенія воза.

Вскорѣ Андронъ подѣхалъ къ воротамъ и остановилъ запяренную лошадь.

— Эй, бабушка! Принимай, что ли—крикнулъ онъ матери Агафіи.

— Сейчасъ, батюшка.

Съ разныхъ столовъ поднялись мужики и принялись развязывать веревки, стягивавшія возъ.

— Вишь, чего добра-то... Мы десять человекъ столько-то не привеземъ —признался старикъ.

Возъ развязали. Мужики стали вскидывать на спины тяжело-вѣнные мѣшки.

— Никакъ эти съ крупой?—спросилъ рыжій.

— Да,—отозвался Андронъ,—А тѣ вонъ съ гречихой, да мѣшокъ пшена... Легче, не рвите. Вотъ, ребята, берите съ крупчаткой. А вы, пареньки, несите картошку, распорядился Андронъ. А тамъ все останется одна ржаная мука.

Согнувшись, мужики понесли свои ноши во дворъ.

Возъ быстро опустѣлъ.

Работникъ привязалъ въ очередь свою лошадь, задавъ ей корму, а самъ раскурилъ цыгарку.

— Иди пить чай,—позвала Андрона мать Агафія.

— А вотъ сперва къ матушкѣ письмо отъ барина снесу,—отозвался работникъ,—а тогда и за угощенье сяду.

Онъ бросилъ на землю окурокъ, досталъ изъ кармана конвертъ, и направился въ ворота, столкнувшись съ возвращавшимися мужиками.

Все свалили въ закромы, обирай пустые мѣшки.

— Бросьте въ телѣгу. Я сейчасъ оборочусь.

Крестьяне такъ и сдѣлали. Затѣмъ иные вернулись къ столу, а другіе уже начали собираться въ дорогу. Поднялась возня около

лошадей. Нѣсколько мужиковъ отѣхали, напутствуемые благодарностями и поклонами насельницъ.

Вернулся Андронъ.

Вратарница усадила его вблизи себя и принялась потчевать.

— Мнѣ бы кваску сначала, бабушка, а чайку то ужъ потомъ.

А то душу жжетъ.

Мать Агафья распорядилась.

Черезъ нѣсколько минутъ черничка подала Андрону большой ковшъ пѣнистаго квасу.

Работникъ осушилъ его почти залпомъ.

— Вотъ на этомъ спасибо!—проговорилъ онъ, возвращая ковшъ.

— А теперь можно и чайкомъ путро пополоскать.

Ему подали чай и баранки.

— Долго еще господа проживуть въ усадьбѣ?—спросила мать Агафья.

— Нѣтъ, собираются въ Москву уѣзжать.

Артюхина отпила чай. Поклонившись матери Агафьи и намъ, она пошла къ своему возу. Но съ полпути бѣгомъ вернулась назадъ.

— Батюшки! Узелочекъ то свой позабыла!

— Аль капиталы въ немъ?—спросилъ рыжій мужикъ.

— Матушка лѣкарства дала старшему сыночку. Онъ у меня глазами мается.

— Вотъ онъ твой узелокъ то; въ траву упалъ!—сказалъ старикъ, сосѣдь Артюхиной.

— Охъ, спасибо тебѣ, желанный! Экая безтолковая моя голова! Уронила и чуть не забыла... А лѣкарство очень полезительное.

— У матушки рука легкая,—иромолвилъ старикъ.—Я простылъ по веснѣ и долго животомъ маялся. Матушка дала мнѣ пить какой-то травки и все прошло.

Баба поклонилась намъ вторично и ушла къ своей лошади.

Вскорѣ ея двуколка застучала колесами по сухой дорогѣ.

Ея примѣру послѣдовало еще нѣсколько человѣкъ.

Мы поднялись и, тоже поблагодаривъ мать Агафью, поклонились сидѣвшимъ за нашимъ столомъ.

— Простите на угощеніи,—отозвалась вратарница.—Милости прошу когда въ мою келью попить чайку.

Тетя общала и мы вернулись домой.

VI.

Послѣ обѣда мы сидѣли съ матушкой въ ея маленькомъ палисадничкѣ.

— Сестра Антонина, принесите-ка намъ моченыхъ яблокъ съ брусникой,—обратилась хозяйка къ помощницѣ.

— Сейчасъ, матушка,—отозвалась та.

Она поднялась съ садовой скамьи и удалилась.

— Почему я пошла въ монастырь, спрашиваете вы,—говорила м. Маргарита.—Этотъ вопросъ задають мнѣ рѣшительно всѣ. Вотъ и Михайловъ тоже... Но вѣдь я же не въ монастырѣ.

— Знаю, что у васъ община. Но раньше-то вѣдь вы были послушницей въ монастырѣ?

— Была, и даже хотѣла постричься. Но игуменья отговорила, совѣтовала подождать. «Побори себя сначала, а потомъ и постригъ принимай»,—постоянно говорила она мнѣ. И, какъ я вижу теперь, она была права. Наша матушка Сарра обладала большимъ жизненнымъ опытомъ и отлично понимала душу человѣческую. Меня она очень любила за мой голосъ. Я пѣла въ хорѣ. И у матушки прислуживала, хотя у нея находились и свои двѣ келейницы. Бывало, долго исполняю свои обязанности добросовѣстно, а потомъ повидаясь съ кѣмъ-нибудь, или услышу какую новость—и загрущу, хожу какъ въ воду опущенная. Всякое дѣло изъ рукъ валится. Зорко присматривалась ко мнѣ игуменья, а тутъ и скажетъ: «Ну-ка, милая, поди на чердакъ да спой тамъ что-нибудь». Вродѣ какъ бы отпускъ дастъ. И никого уже туда не допустить, чтобы мнѣ не помѣшали. Пойду я наверхъ, встану у слухового окна, смотрю вдаль на луга, рѣчку, лѣсъ... И такая-то боль сердце сожметъ, словно бы горе какое навалится на меня. Всѣхъ-то мнѣ станеть жаль, а въ особенности себя самоё, свою молодую одинокую жизнь, проходящую безъ ласки и тепла сердечнаго, безъ всякихъ надеждъ на будущее... Словно кто-нибудь насильно лишилъ меня всего этого, да въ монастырь и заперъ, а не сама я добровольно пришла къ матушкѣ Саррѣ и умоляла не отгонять меня отъ монастырскаго порога. Вотъ, вѣдь что значить смущеніе-то! Силенъ врагъ рода человѣческаго, знаетъ, чѣмъ искусить насъ!

Мать Маргарита смолкла, отдавшись воспоминаніямъ.

Появилась сестра Антонина съ тарелкой брусники и яблочковъ.

Черничка внесла за нею салфетку и блюдечко съ ложечками. Онѣ установили это на небольшомъ столикѣ и предложили намъ отвѣдать.

Все оказалось очень вкуснымъ.

Сестра съ черничкой удалились.

Настоятельница какъ бы очнулась отъ думъ и, вздохнувъ, продолжала:

— Начну я на чердакѣ тихонько пѣть что-нибудь грустное, хватающее за сердце, вродѣ: «За чѣмъ меня молоду схоронили, чернымъ платомъ голову накрыли... Съ милымъ другомъ разлучили, въ мрачну келью затворили»... Уйду, думаю, отсюда, непременно уйду! А то время пропустишь да такъ и жизни не увидишь... Вѣдь счастье и несчастье—все же это жизнь сердца, а не прозябаніе, не

сонъ. И я принимаю твердое рѣшеніе покинуть монастырь. Пою чѣмъ дальше, тѣмъ громче, будто жалуясь кому на бездолье свое горькое... А голосъ дрожить, пресѣкается.... будто и не пѣсню пою, а свои слова изъ груди вырываются.... И не чувствую, какъ слезы текутъ по щекамъ... Пѣсни смѣняють одна другую, и все такія надрывныя... А злая тоска будто заворачается отъ нихъ, подступитъ къ горлу и душитъ меня... Я и зарыдаю, упавши на полъ. А сама все пою, даже и сквозь слезы... И откуда только онѣ брались: прямо рѣкой разливаюсь! До того доплачусь, что все лицо вспухнетъ и глаза не смотрятъ... Колочусь, бывало, колочусь головой о балку, а ноты такія вывожу, будто онѣ у меня съ самаго дна души съ болью отрываются и обливаются горячею кровью... Часъ-другой терзаюсь этакъ -то, и становится мнѣ понемногу на груди легче... Тутъ ужъ я начинаю пѣть молитвы... И все больше богородичныя... Вотъ любимый мой тропарь Казанской Божіей Матери—«Заступница усердная», или «Не имама инья помощи, не имама инья надежды, развѣ Тебѣ, Владычице. Ты намъ помози!». Еще передѣлаю по-своему: «мнѣ помози!» и взываю, будто Она тутъ стоитъ передо мной... И сдѣлается совсѣмъ легко... Раньше-то будто міръ во мнѣ буйствуетъ со всѣми его страстями, а тутъ ангель побѣдитъ его, и въ сердцѣ водворится небесный покой и тишина... И всякое горе, всякую тоску, какъ рукой сниметъ... И я снова войду въ свою обычную колею. Да еще и лучше: какъ гроза освѣжаетъ природу, такъ внутренний ураганъ просвѣтляетъ душу... Ощутишь необычайную легкость и сладость... Пройдетъ всякое желаніе и изъ монастыря уйти... И вновь остаешься добровольно въ этой живой могилѣ, какъ говорятъ иные, а по-моему—въ мирной пристани... Вотъ тогда и спустишься прямо къ матушкѣ, съ довѣріемъ прильнешь къ ея рукѣ... А игуменья, словно родная мать, обниметъ за плечи, прижметъ къ себѣ голову и поддержитъ такъ, словно курица подъ крыломъ своего птенца... Но ни слова не скажетъ, не спугнетъ душевнаго настроенія... Сильно чувствовала я безмолвныя ея ласки и была глубоко благодарна этой умной и чуткой женщинѣ за ея тонкую деликатность. Затѣмъ поцѣлуетъ она меня въ лобъ, перекреститъ и скажетъ: «Ну, дѣтка, теперь иди къ себѣ съ Богомъ! Да хранить тебя Пресвятая Владычица Богородица отъ всякаго искушенія, отъ всякаго зла!» Скажетъ это съ такимъ чувствомъ, со всею полнотою истинно-христіанской доброты... Я возвращалась къ своему послушанію совершенно «выздоровѣвшая» и уравновѣшенная... Недовольны бывали мною только матушкины келейницы. И вотъ-то ужъ распекали онѣ меня!—«Что это,—говорили,—хуже голоднаго волка завываешь... Словно у тебя душа съ тѣломъ разстается... Все нутро вымотала... Прямо хотъ ложись въ гробъ и помирай... По покойникѣ такъ не голосать! Видно, матушка Сарра очень ужъ тебя любить, если выносить это. А у насъ сердце надорвется». Младшая

келейница даже иногда не выдерживала и принималась вторить мнѣ. Матушка отсылала ее тогда подъ разными предлогами.

Эти воспоминанія привели м. Маргариту въ элегическое настроеніе. Взявъ себѣ на блюдечко немного брусники, настоятельница снова задумалась. Она устремила вдаль красивые каріе глаза, въ которыхъ какъ бы тлѣли искры подъ пепломъ.

— Отчего не остались вы въ томъ монастырѣ?—спросила тетя.

— Послѣ смерти матушки Сарры я не захотѣла оставаться тамъ, объѣхала нѣсколько разныхъ монастырей, а потомъ и поселилась здѣсь. Недаромъ меня матушка все поручала Божіей Матери и передъ смертію благословила иконой Казанской. Она въ нашей церкви въ иконостасъ вдѣлана.

— Передъ нею горитъ нѣсколько разноцвѣтныхъ лампадъ?—спросила я.

— Да, эта самая и есть... Подъ Ея очевиднымъ благоволеніемъ растеть и укрѣпляется наша община. Богъ дастъ здѣсь мнѣ и монашество принять... Все въ Его святой волѣ... А Милосердную Божію Матерь часто такъ я себѣ представляю: будто изъ Царства Свѣта отверзты двери во тьму виѣшнюю, наполненную грѣшниками, ясно видными въ снопѣ свѣта, падающаго изъ двери. На порогѣ стоитъ Владычица міра въ царской коронѣ и мантии. Ея материнскія объятія открыты: Она простираетъ руки къ грѣшникамъ съ неизъяснимымъ благоволеніемъ на лицѣ. Блестящая прозрачною бѣлизною, Пречистая выступила даже за порогъ райской обители. Въ порывѣ небеснаго милосердія Она неудержимо стремится къ людямъ, распявшимъ Ея Божественнаго Сына, и готова помочь всѣмъ, обращающимся къ Ея заступничеству... За нею вдали еле намѣчается Престоль со святою Троицею... Эта картина, состоящая изъ столь рѣзкихъ противоположностей, часто, какъ живая, стоитъ передъ моими глазами.

— Вы попросили бы какого-нибудь художника нарисовать это,—посоветовала тетя.

— Говорила уже, и даже не одному. Хотѣла заказать для нашего храма... Только у обоихъ вышло совсѣмъ не такъ... Я не узнала своей мысли. Одинъ написалъ это грубо матеріально, а другой изобразилъ все красками, тогда какъ это должно быть только черное съ бѣлымъ.

— Сами-то вы рисуете?

— Немного, сколько успѣла научиться въ гимназіи. А выполнить по этой программѣ не могу. Чрезвычайно сожалѣю, что я не художница!

— Задумано оригинально,—сказала тетя.

Вошла келейница и доложила настоятельницѣ о пріѣздѣ подрядчика.

— Проведи въ комнаты,—отдала приказаніе начальница.

— У васъ будетъ дѣловой разговоръ,—замѣтила теть, поднимаясь.

— Да, насчетъ стройки.

Мы простились съ м. Маргаритой и, вернувшись домой, легли отдохнуть.

VII.

Проспали мы вплоть до ужина, а потому почти и не прикоснулись къ нему, ограничившись лишь чаемъ съ хлѣбомъ.

Затѣмъ отправились погулять и долго бродили по окрестностямъ.

Идя нижней дорогою, мы увидѣли на откосѣ холма открытую часовенку надъ родникомъ, бившимъ чистою струею изъ каменистаго грунта. Надъ истокомъ помѣщалась икона Божіей Матери Живоноснаго Источника, съ теплившеюся передъ Нею лампадою. Сбоку была придѣлана желѣзная кружка для сбора на масло и висѣлъ ковшикъ на цѣпочкѣ.

Это и былъ «Свѣтлый Ключъ», по имени котораго называлась вся окружающая мѣстность.

Здѣсь вѣяло необыкновеннымъ миромъ и тишиной. Журчаніе воды ласкало слухъ какой-то таинственной мелодіей. Влага лилась сначала тонкою струею, сбѣгавшею по каменному желобку, а ниже она образовала ручеекъ, который, расширяясь все болѣе и болѣе на своемъ пути, впадалъ въ рѣчку Свѣтелку.

Напившись студеной, какъ ледъ, воды изъ Свѣтлаго Ключа, мы поднялись на верхъ, посѣтивъ кладбище за церковью, черезъ дорогу, на которую выходилъ окнами и маленькій домикъ священника. Послѣдній, въ заношенномъ подрясникѣ, пилъ на крылечкѣ дома чай со своею старухой-сестрой, которая вела хозяйство у вдовца-брата.

Мы раскланялись съ ними и прошли черезъ калитку въ оградѣ къ церкви, стоявшей на небольшомъ пригорочкѣ. Отсюда открывался прекрасный видъ на ближнюю деревню, которая теперь уже тонула въ туманѣ, поднявшемся послѣ солнечнаго заката.

Почувствовавъ легкую сырость, мы вернулись домой.

Вскорѣ теть улеглась спать. Мнѣ же еще не хотѣлось. Накинувъ на плечи теплый платокъ, я вышла посидѣть на крылечко. Въ воздухѣ ощущалась пріятная свѣжесть. Тумана уже не было. Кругомъ царили мракъ, тишина и безлюдіе. Въ общинѣ уже всѣ спали. Слабо свѣтились лишь нѣкоторыя окна, за которыми горѣли лампы. Зданія выдѣлялись черными безформенными массами. На небѣ горѣли рѣдкія звѣзды. Изъ-за лѣса выглянулъ красный крайчикъ луны.

Вдругъ изъ матушкинаго дома вышла темная фигура и направилась къ воротамъ.

Меня это сильно заинтересовало, и я напрягла зрѣніе, стараясь разглядѣть фигуру. По высокому росту это могла быть и сама м. Маргарита, и с. Антонина, и старшая келейница.

«Кто гуляетъ здѣсь по ночамъ? И куда она направилась?—задалась я вопросами.—Вѣдь ворота закрыты».

Черная тѣнь, поровнявшись съ домикомъ вратарницы, словно провалилась сквозь землю.

Я заглядывала во все стороны. Нигдѣ ея не было видно.

«Неужели она пошла навѣстить старуху?—съ удивленіемъ подумала я.—Почему же такъ поздно? Развѣ днемъ нѣтъ времени? И отчего же онѣ сидятъ, не зажигая огня, при одномъ трепетномъ свѣтѣ лампадки? Или есть какія-нибудь тайны, которыя надо сообщить подъ покровомъ мрака?»

Я терялась въ догадкахъ.

Изъ-за лѣса вышла луна, и, при ея свѣтѣ, я вдругъ увидѣла черную фигуру уже на значительномъ разстояніи, по направленію къ церкви. Сначала я не повѣрила своимъ глазамъ. Какъ могла она пройти, незамѣченной мною? Гдѣ она выскользнула? И она ли это? Тотъ же большой черный платокъ на головѣ, раздуваемый вѣтеркомъ, та же быстрая походка. Это была, несомнѣнно, прежняя женщина. Но куда же она отправилась? Ночная путешественница интересовала меня все сильнѣе и сильнѣе.

Поровнявшись съ храмомъ, она слилась съ его тѣнью, и я вновь потеряла ее изъ вида.

«Церковь закрыта,—размышляла я,—также запирается и калитка въ заборѣ къ дому священника. Куда же снова она дѣвалась?»

Я рѣшила дожидаться ея возвращенія. Но время шло, а тѣнь не появлялась.

«Не померещилось ли уже это мнѣ?»—задалась я вопросомъ. Но тутъ же разубѣдила себя, потому что видѣніе было черезчуръ реальнымъ. Я сторала отъ любопытства. Оно такъ мучило меня, что я, наконецъ, не выдержала и отправилась по слѣдамъ таинственной странницы. По мѣрѣ удаленія отъ дома, меня стала забирать жуть.

«А что, какъ она внезапно появится передо мною и я увижу скелетъ вмѣсто живого человѣка?.. Вдругъ какъ она глянетъ на меня пустыми глазными впадинами? О, кажется, я тогда умру отъ страха, Сердце забилося въ груди, и я остановилась на полдорогѣ съ намѣреніемъ вернуться назадъ. Но любопытство пересилило страхъ, и я снова двинулась впередъ. Вскорѣ я дошла до церкви. Велико было мое удивленіе, когда я увидѣла дверь въ притворѣ открытой, причемъ въ замочной скважинѣ торчалъ большой ключъ.

Такимъ образомъ, вся моя фантастическая исторія оказывалась совершенно прозаической. Привидѣнія въ храмы не ходятъ слѣдовательно, туда проникла обыкновенная женщина.

Нѣсколько минутъ я стояла у крыльца значительно разочарованная.

«А все таки, кто же это? И что она тамъ дѣлаетъ?»—шевелилось у меня въ мозгу.

Я рѣшительно, хотя и безшумно, поднялась по ступенямъ и вошла въ темный притворъ.

Дверь въ церковь была полуоткрыта. Я прислушалась. Мертвая тишина. Заглянула внутрь. Пустой храмъ казался очень большимъ. Луна сообщала ему волшебное освѣщеніе. Колонны отбрасывали отъ себя черныя тѣни. Слѣва, впереди передъ солеей, темнѣло на полу какъ бы большое пятно. Долго оно оставалось неподвижнымъ.

Я проскользнула въ дверь и остановилась за колонной. Меня сильно интересовало: кто тамъ лежалъ? Я терпѣливо ждала.

Черезъ нѣсколько минутъ послышались тяжелые вздохи, и пятно зашевелилось. Къ вздохамъ присоединились стенанія, полныя тоски и скорби. Лежавшая приподнялась на колѣни. Луна освѣтила красивую голову, съ цѣлымъ ореоломъ пышныхъ золотисто-рыжихъ волосъ. Они ниспадали по плечамъ и спинѣ искристыми волнами, одѣвая фигуру какъ бы сіяющимъ покровомъ. Я замерла отъ восторга, приковавшись взоромъ къ этой чудной картинѣ.

При каждомъ движеніи, или даже вздохѣ, золото какъ бы струилось, каскадомъ сбѣгая внизъ. Никакими красками художникъ не могъ бы передать на полотнѣ этой природной красоты.

— Владычица! Поддержи, подкрѣпи! Отжени искушеніе!—громко зывала женщина, простирая съ мольбою руки къ Казанской Божіей Матери въ иконостасѣ.

Я догадалась, что это была м. Маргарита, такъ какъ по наплаканному лицу и измѣнившемуся голосу, узнать ее было не возможно.

— Отжени .. Истреби огонь пожирающій. Подай силы для борьбы!..—продолжала м. Маргарита, прерывая слова рыданіями.

Ея тонъ звучалъ неисходной душевной мукой. Видимо, безмѣрныя страданія рвали на части ея сердце. Она была вся скорбь, вся смятеніе. Силы покидали въ неравной борьбѣ со страстями, она падала въ полномъ изнеможеніи, но не теряла вѣры и бѣжала къ Небесной Заступницѣ, хватаясь за края Ея ризы.

— Не отступлю, доколь не поможешь мнѣ! Не отступлю!—вопила она, снова распростершись на полу въ судорожныхъ рыданіяхъ.

Мать Маргарита корчилась отъ страшныхъ воплей, сотрясавшихъ все ея тѣло.

Передо мною совершалась сильная внутренняя драма. Она походила на изверженіе вулкана. Лава страданій выбрасывалась вверхъ и растекалась неудержимымъ, всеокрушающимъ потокомъ. Невозможно было равнодушно слышать эти вопли, исторгае-

мые какъ бы со дна души. Ея крики потрясали. У меня сердце всколыхнулось отзывнымъ страданіемъ, и къ горлу стали подступать рыданія. Кромѣ того мнѣ стало стыдно, что я невольно подсмотрѣла эту драму, и я чуть не бѣгомъ пустилась къ себѣ домой.

Я боялась, что хозяйка, заслыша мои шаги, оглянется и увидѣть меня. Сердце неудержимо колотилось въ груди. Дыханіе такъ спирало, словно кто душилъ меня за горло. Я озиралась назадъ, боясь погони. Ноги отказывались повиноваться. Еле достигнувъ своего крыльца, я упала на ступени въ полномъ изнеможеніи. Такъ была я наказана за свое любопытство. Я просидѣла здѣсь, пока не собралась съ силами и не успокоилась. Только тогда я вернулась въ комнату и заняла у окна наблюдательный постъ.

Долго еще пришлось дожидаться возвращенія матери Маргариты. Наконецъ, показалась вдали ея темная фигура. Она шла согнувшись, усталой и разбитой походкой, похожая на древнюю старуху. Снова она зашла раньше къ вратарницѣ, а потомъ уже скрылась въ своемъ домикѣ.

Въ эту ночь я почти не спала, потому что передо мною неотступно стоялъ плѣнительный въ страданіи, трагическій образъ м. Маргариты.

VIII.

На другое утро я встала съ головною болью отъ бессонницы и съ ощущеніемъ разбитости во всемъ тѣлѣ. Моему настроенію отвѣсала и погода: выдался хотя и теплый, но сѣренькій денекъ.

Послѣ чая мы вышли съ тетей на воздухъ.

Навстрѣчу намъ появилась съ чернаго двора м. Маргарита въ сопровожденіи толстаго мужика.

Я съ интересомъ остановила на ней взоръ. На лицѣ—ни намекъ на вчерашнее. Въ выраженіи—обычное спокойствіе съ примѣсью нѣкоторой дѣловой озабоченности. Отъ всей фигуры вѣяло энергій и силой. Лишь глаза горѣли ярче обыкновеннаго.

Хозяйка съ улыбкой поздоровалась съ нами.

— Мы только что встали, а вы уже хлопчете,—проговорила тетя.

— Я продала прасолу нашего бычка,—сообщила хозяйка довольнымъ тономъ.

Она провела мужика въ свой домикъ, на порогъ котораго ихъ встрѣтила сестра Антонина.

Такъ какъ тетя рѣшила на завтра уѣхать изъ общины, то мы отправились съ нею въ деревню нанять подводу на станцію.

Мы бросали вокругъ прощальные взоры и сожалѣли, что дѣла не позволили остаться здѣсь дольше.

— Какъ хорошо тутъ,—вслухъ подумала я.

— Хорошо снаружи, по внѣшности,—отвѣтила тетя:—А внутренней жизни насельницъ мы вѣдь не знаемъ. Она скрыта для насъ подъ ихъ черной одеждой... Вонъ мнѣ что про сестру Матрену-то что рассказывали...

— Что же именно?

— Мужъ алкоголикъ, всегда билъ ее, такъ что жизнь ея походила на каторгу. А единственный любимый сынъ сошелъ съ ума и умеръ въ психіатрической лѣчебницѣ... Что пережила эта несчастная женщина! Что похоронено на днѣ ея души!

Я рассказала кстати о томъ, чему была свидѣтельницей ночью.

Тетя задумалась. Потомъ, вздохнувъ, промолвила:

— Помнишь, мы читали съ тобою у Тьерри про св. Іоанна Златоуста, что пустыни населены призраками. Развѣ не тоже и тутъ? Бѣгутъ сюда въ уединеніе, въ жаждѣ обрѣсти душевный миръ и покой. А и въ пустынѣ оказываются призраки. Они поднимаютъ такія бури въ сердцахъ насельницъ... Отъ себя-то вѣдь никуда не скроешься,

Мы замолчали, отдавшись своимъ думамъ. Черезъ нѣсколько времени я задала вопросъ:

— Неправда ли, что за исключеніемъ матушки, всѣ остальные сестры такія безцвѣтныя и блеклыя?

— Да, онѣ быстро увядаютъ здѣсь, какъ цвѣты.

Мы подошли къ деревнѣ, направились въ указанную намъ избу и сторговались въ платѣ съ мужикомъ-возницей.

Послѣ этого мы поспѣшили вернуться домой къ обѣду.

Въ воротахъ встрѣтила насъ м. Агафія. Мы остановились перекинуться съ нею нѣсколькими прощальными фразами.

— Сколько гостили здѣсь, а меня, старуху, не навѣстили,—укоризненно отнеслась она къ намъ.—Зайдите хоть сегодня-то послѣ обѣда попить у меня чайку съ медомъ.

Мы обѣщали и отправились въ трапезную. А послѣ обѣда тотчасъ же пошли къ вратарницѣ.

Маленькая избушка внутри оказалась очень уютной: сѣнцы вели въ крохотную переднюю, съ отдѣленной отъ нея кухней. Также перегороденная горенка въ свѣтлой половинѣ представляла чистенькую пріемную, а въ темной спальню.

Мать Агафія показала намъ свое помѣщеніе.

— Не обезсудьте, если увидите гдѣ какой непорядокъ. Вѣдь все своими руками дѣлаю. Сестрамъ келейницъ здѣсь не полагается,—сказала намъ старушка.

— Да у васъ образцовая чистота,—похвалила тетя.

— Привычны къ этому дѣлу. Спасибо на добромъ словѣ,—отвѣтила м. Агафія.

— Какъ вы спите на такой жесткой постели?—задала я вопросъ,

при видѣ деревянной скамьи, покрытой лишь коврикомъ. Маленькая перовая подушка была очень тверда.

— А еще какъ и спится-то хорошо!—съ улыбкой отвѣтила м. Агафія.—Раньше на перинахъ да на грудѣ пуховыхъ подушекъ никогда не спала такъ сладко, какъ тутъ. Для сна-то вѣдь нужна не мягкая постель, а совѣсть спокойная, да миръ на душѣ. Вотъ тогда и сонъ будетъ крѣпокъ,—наставительнымъ тономъ произнесла старуха.—Садитесь, гости дорогія,—прервала она себя, отодвигая отъ диванчика столъ, накрытый скатертью.—А пока я схожу, васъ позабавитъ моя кенарочка... Ну-ка, моя красавица, заведи пѣсенку повеселѣе,—шутливо обратилась она къ своей пернатой любимицѣ, прыгавшей по клѣткѣ. Старуха пощелкала языкомъ.

Канарейка послушно залилась звонкими трелями.

Мать Агафія достала изъ стѣнного посудника поднось съ чашками и установила его передъ нами. Затѣмъ быстро принесла самоваръ, печенье, баночку меду и варенья. Несмотря на свой возрастъ, она оказалась проворной хозяйкой-хлопотуньей.

На замѣчаніе объ этомъ тети вратарница отвѣтила съ улыбкой:

— Мы рады здѣсь добрымъ людямъ, вѣдь вы рѣдко заглядываете къ намъ. Оттого и послужить въ охотку. Вотъ вы уѣдете, Михайловы тоже усадьбу покидаютъ, и мы опять надолго останемся съ одними своими мужичками.

— Вѣдь вы же сами искали уединенія, уйдя въ эту глушь?—замѣтила я.

— Такъ-то оно такъ, а все же иногда хочется хоть глазкомъ взглянуть на мірскихъ да рѣчи ихъ послушать.

— Зачѣмъ же это?

— Да хоть бы затѣмъ, чтобы узнать про ваши искушенія, про то, что и вамъ живется не легко... Потомъ-то на сердцѣ спокойнѣе станетъ: нечего, моль, міра-то жалѣть! И начнешь Бога благодарить за свою тихую жизнь.

— Я понимаю, если бы это говорила молодая монахиня, вродѣ матери Маргариты,—проговорила я.

— Да развѣ у м. Маргариты и у меня душа-то неодинаковая?—отозвалась м. Агафія, наливая чай и подвигая намъ чашки.

— Дѣло въ возрастѣ,—поправила тетя.

— Милыя вы мои, поймите одно: искушаетъ-то міръ всѣхъ одинаково: только Маргарита, можетъ быть, станетъ отъ этого головою биться о камни да терзаться всячески, а я просто осѣню себя крестнымъ знаменіемъ и—успокоюсь. Въ молодости-то трудно бороться съ искушеніями, одолѣваютъ они человѣка... А въ старости легко; здѣсь-то возрастъ и помогаетъ побѣждать всякіе соблазны.

— Кстати, вы упомянули м. Маргариту,—вставила я, воспользовавшись случаемъ.—Я видѣла, какъ она ходила сегодня ночью въ церковь.

— Ходила,—просто отозвалась старушка, дую на горячій чай въ блюдечкѣ.

— Развѣ она молится по ночамъ?—задала вопросъ тетя.

Мать Агафія утвердительно кивнула головой и, подвигая намъ блюдечки съ вареньемъ, промолвила:

— Молится... Вотъ мы сейчасъ про искушенія говорили. Они-то и обуреваютъ ее.

Вратарница значительно посмотрѣла на насъ и вздохнула.

— Она еще молода. Ей трудно вести борьбу съ искушеніями,—замѣтила тетя.

— Еще какъ и трудно-то! Сильна власть мірскаго соблазна... Охъ, какъ сильна! Иной спроста какое привѣтное слово молвить, да тутъ же и забудеть про него...

— Не про Михайлова ли вы говорите?—перебила я ее.

— И про него, и про другихъ.... Развѣ не все равно? Отъ всего вѣдь душа-то всколыхнется мірскими воспоминаніями... Словно змѣя заползетъ въ нее и отравитъ сердце ядомъ... Защемитъ его лютаѣ тоска, и опостылѣетъ весь бѣлый свѣтъ! Каково бороться-то потомъ съ такимъ лихимъ навожденіемъ?.. Да.. А кто знаетъ про наши скорби? Одиѣ стѣны кельи да подушка ночью... Еще въ храмѣ-то изольешь горе передъ Заступницей... Жалобиться-то вѣдь намъ больше и некому. А сердечная молитва всегда помогаетъ. Чего своими слабыми силами не поборемъ, возопіемъ къ Богу, и Онъ, Милостивый, пошлетъ одолѣніе...

Старушка задумалась на минуту, вспомнивъ, вѣроятно, свои переживанія. Черезъ минуту она качнула головой, какъ бы стяхнувъ эти воспоминанія, и спохватилась:

— Ахъ, что же это: я не угощаю гостей-то моихъ дорогихъ?

Она налила намъ еще по чашкѣ и стала раскладывать медъ по блюдечкамъ.

— Покушайте, пожалуйста... Свѣженькій. У насъ знакомый пчеловодъ есть—пріѣзжій изъ сосѣдней губерніи. Недавно онъ срѣзалъ медъ и привезъ матушкѣ, а она раздала и намъ по баночкѣ. Значитъ, и мы съ праздничнымъ угощеніемъ,—добавила старуха съ улыбкою.

Тетя, недовольная уклоненіемъ разговора въ сторону, вернулась къ прежнему:

— А часто случается съ м. Маргаритой такое навожденіе?

— Когда какъ,—уклончиво отвѣтила м. Агафія:—Извѣстно, чѣмъ моложе человѣкъ, тѣмъ больше ему искушеній.

— И выходитъ, что ей не слѣдовало такъ рано удаляться изъ міра!—воскликнула тетя.

Мать Агафія неодобрительно пожевала губами и промолвила:

— Это кто какъ рассуждаетъ... Всякъ по-своему... Вотъ я такъ съ малолѣтства имѣла склонность къ монастырю... И всю молодость

въ послушницахъ провела. Родителямъ-то хотѣлось выдать меня замужъ,—хорошихъ жениховъ сватали, да не пошла. Родители все полагали, что я одумаюсь, и просили меня не постригаться. Только послѣ ихъ смерти я рясофоръ приняла. А тутъ вскорѣ пришлось возиться съ племянницей. Она задумала свое дѣло и сбивала общину. Я не захотѣла оставить ее одну и сразу присоединилась къ ней. Молода была Маргарита и нельзя было оставить ее безъ руководства. Ей не доставало еще духовнаго опыта. Надо было поддерживать ее и направить. Я ей какъ бы вмѣсто матери стала.

— Отчего вы не отговорили ее?

— Ни къ чему это не повело бы, а только расколело бы ей душу надвое: жила бы въ міру, а мыслью лѣпилась бы къ монастырю. И вышло бы ни то, ни се. А этого нѣтъ хуже!

Старуха досадливо махнула рукой.

— Сначала такъ, а потомъ ее окружила бы семья, и м. Маргарита забыла бы про монастырь.

— Случается такъ съ иными, вѣрно, что и говорить,—только не съ Маргаритой! Всегда она была упорная и любила настоять на своемъ. Что вступить ей въ голову, того ничѣмъ не выбьешь. А во вкусъ монастырской жизни она уже вошла и сердцемъ своимъ поняла ее. Вотъ сама и рѣшила свою судьбу. Вѣдь никто ее не неволилъ такой крестъ на плечи свои поднять. Теперь и неси его. Недаромъ сказано: «положа руку на плугъ, не озирайся назадъ». Мое же дѣло смотрѣть за нею только, чтобы до отчаянія не дошла, вотъ и все. Ну, да Богъ милостивъ: чѣмъ дальше,—тѣмъ вѣдь ей легче будетъ. По себѣ знаю и ее этимъ успокаиваю. А какъ подойдетъ старость, такъ и совсѣмъ радость познаетъ. Такъ-то, мои золотыя!—докончила она убѣжденно.

— А до тѣхъ-то поръ сколько страданій?

— Что же дѣлать? Тѣсна дверь въ рай, и широки въ адъ ворота... Лучше претерпѣть въ сей жизни временной, чѣмъ погубить душу на вѣки-вѣчные... Что же подѣлаешь: не она первая, не она послѣдняя.

— Вы тоже прошли такой искусь?

— А какже? Тоже, бывало, весь лобъ отобью о церковныя плиты, всѣ ихъ слезами залью... Слава Богу, все прошло... А теперь смотрю я на молодыхъ сестеръ въ церкви, знаю, что каждую ожидаетъ,—жаль ихъ станеть, и начну за нихъ молиться, откуда только слова берутся... Всѣ сестры будто мои родныя-кровныя, всѣхъ-то ихъ люблю, словно мать.

— А о себѣ развѣ не молитесь?

— Какъ же, и о себѣ... Да мнѣ то что же: только христіанской кончины да добраго отвѣта на страшномъ судищѣ Христовомъ просить остается... Я уже одной ногой въ гробу стою. А имъ-то, бѣднымъ, еще долгую жизнь надо тянуть, да со страданіями спра-

вляться... Вотъ я и молюсь, прошу за нихъ Царицу Небесную... Думаю тоже и про Маргариту... Хорошо, что она замужъ не вышла.

— Почему?

— Обмірценная то вѣдь только свои грѣхи отмаливаетъ, а дѣвственница за весь грѣшный міръ молиться дерзаетъ.

— Развѣ у нея нѣтъ своихъ грѣховъ?

— Есть, но меньше... Она часто такихъ страстей не знаетъ, какъ замужняя... Поэтому она свои грѣхи скорѣе отмолитъ, а дальше потомъ уже и за другихъ молится.

— Откуда вы это знаете?

— Мнѣ одинъ хорошій старичокъ говорилъ, который больше полвѣка въ странствіяхъ провель.

Тетя взглянула на часы. Намъ пора было уходить.

Мы поднялись и поблагодарили радушную старушку.

— Простите на угощеніи. Чѣмъ Богъ послалъ,—извинилась она и низко поклонилась намъ.— Какъ жаль, что мало погостили у насъ. Наѣзжайте опять.

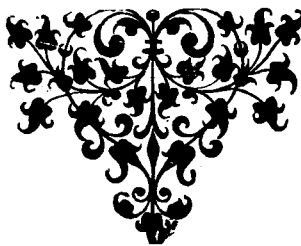
Она проводила насъ въ сѣнцы и остановилась на порогѣ входной двери.

На другой день мы покинули гостепріимную общину, унося съ собою свѣтлое и теплое воспоминаніе о ея насельникахъ, сдѣлавшихся такъ намъ понятными и близкими своими скорбями и страданіями.

Когда мы спустились на нижнюю дорогу, то въ глаза намъ бросилась залитая яркимъ солнцемъ часовенка Живоноснаго Источника. Сбѣгавшій по откосу ручеекъ сверкалъ алмазной струей.

У меня невольно явилось сравненіе молодой женской общины съ этимъ ручейкомъ. Жизнь ея также чиста и свѣтла, какъ и его струи. Эта жизнь бьетъ пока лишь малымъ ключомъ. Но онъ уже наполаетъ окрестность, утоляя духовную жажду и внося свѣтъ въ темную народную жизнь.

Анна Догановичъ.

СРЕДИ ОТОШЕДШИХЪ ¹⁾.

ХІІ.

А. П. Чебышевъ-Дмитріевъ и его разсказъ о «дѣлахъ житейскихъ», — Какъ меня удивилъ М. Н. Катковъ и научилъ ничему не удивляться.— Два слова о неисчерпаемой сокровищницѣ противорѣчій.

ОГДА я началъ работать въ трубниковскомъ «Новомъ Времени», я и понятія не имѣлъ, какъ создалась эта газета. Я зналъ только, что товарищами моими будутъ Безобразовъ, Чебышевъ-Дмитріевъ, Андреевскій, Вредень, словомъ, по большей части университетскіе мои профессора. Къ тому же я съ первыхъ шаговъ убѣдился, что буду пользоваться полною самостоятельностью, что никто меня въ моей публицистической дѣятельности стѣснять не будетъ. Такимъ образомъ я, казалось, достигъ въ своихъ скитаніяхъ довольно привлекательнаго этапнаго пункта.

Съ Безобразовымъ и Чебышевымъ-Дмитріевымъ, двумя главными дѣятелями газеты, у меня сложились прекрасныя отношенія.

Собственно, главнымъ совѣтникомъ Трубникова былъ Чебышевъ-Дмитріевъ. Онъ уже раньше въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» составлялъ видную редакціонную силу. Я его засталъ въ «Новомъ Времени» живущимъ въ редакціи (онъ съ семейю не жилъ ссылаясь на то, что она ему мѣшаетъ работать) и находившимся въ постоянномъ общеніи съ Трубниковымъ. Каково было это общеніе, не знаю. Оно ни въ чемъ въ самой газетѣ не проявлялось.

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣсти.», т. СХLVIII, стр. 143.

Оба они занимались каждый своим дѣломъ: Трубниковъ—издательскимъ, Чебышевъ-Дмитріевъ—составленіемъ публицистическихъ фельетоновъ, въ которыхъ онъ касался явленій текущей русской литературы. Но вліяніе его не могло быть сильнымъ. Всѣ сотрудники: и Безобразовъ, и Нотовичъ, и Василевскій-Буква, и Н. Максимовъ, и проф. Скабалановичъ, и я вели каждый свой отдѣлъ самостоятельно. Помню, у меня только однажды произошла маленькая размолвка съ Чебышевымъ-Дмитріевымъ по поводу задуманнаго мною новаго отдѣла въ газетѣ, который теперь извѣстенъ подъ названіемъ: «Русская печать», «Среди газетъ и журналовъ» и т. д. Этотъ отдѣлъ тогда еще нигдѣ не существовалъ, былъ чѣмъ-то совершенно новымъ, и Чебышевъ-Дмитріевъ взглянулъ на него съ точки зрѣнія газетной конкуренціи: нельзя же брать однѣ несообразности и глупости, надо будетъ брать и дѣльныя или остроумныя мысли, а это можетъ повредить собственной газетѣ,—дескать, другіе пишутъ лучше. Я возсталъ противъ этой мысли, доказывая, что газета должна знакомить читателя со всѣмъ выдающимся въ области мысли и жизни, и что если мы, сотрудники, располагая всѣми столбцами, не можемъ повліять на читателя въ достаточной мѣрѣ, чтобы удержать его, то все равно наше дѣло погибнетъ и не о чемъ хлопотать. Чебышевъ-Дмитріевъ выслушалъ мою горячую тираду и тотчасъ же со мною согласился, а вмѣстѣ съ нимъ согласился и Трубниковъ, и новый отдѣлъ былъ введенъ. Словомъ, Чебышевъ-Дмитріевъ не былъ борцомъ-практикомъ, хотя съ другой стороны онъ несомнѣнно былъ идейнымъ борцомъ, и это уже сказывалось въ псевдонимахъ («Эксъ», «Самъ-по-себѣ»), которыми онъ подписывалъ свои фельетоны, къ сожалѣнію, канувшіе съ газетныхъ столбцовъ прямо въ Лету. Да и въ самомъ дѣлѣ, кому какое дѣло до писаній одного изъ лучшихъ нашихъ криминалистовъ, взиравшаго въ то же время съ высоты недюжиннаго ума на причудливые зигзаги, описываемые нашею общественною мыслью: всякому собственныя писанія, какъ бы они ни были бездарны, дороже.

Въ жизни Чебышевъ-Дмитріевъ былъ человѣкъ тихій, уступчивый, скромный, даже какъ будто робкій, и никто, не зная его, не предположилъ бы въ немъ виднаго дѣятеля. Только иногда вспыхивало у него ироническое отношеніе къ людямъ, но опять-таки въ формѣ мягкой, какъ будто ему неловко было выступать съ чѣмъ-нибудь отъ собственного лица. До нашего знакомства онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ издавалъ «Судебный Вѣстникъ», въ которомъ нѣтъ-нѣтъ да и позволялъ себѣ ту или другую вольность. Такъ, онъ призналъ въ одной изъ своихъ статей недопустимымъ съ юридической стороны примѣненіе тюремнаго заключенія, административной высылки и другихъ наказаній или предупредительныхъ мѣръ въ точно имъ перечисленныхъ случаяхъ, какъ будто

не имѣвшихъ непосредственнаго отношенія къ политикѣ. И вотъ, помню, онъ по этому поводу рассказывалъ, какая предупредительная мѣра постигла его самого на другой день по напечатаніи статьи. Рассказъ его въ простой передачѣ сводится къ слѣдующему. Вслѣдъ за напечатаніемъ статьи онъ получаетъ приглашеніе явиться къ управляющему III Отдѣленіемъ и шефу жандармовъ, которымъ тогда состоялъ графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ (позднѣйшій нашъ представитель на берлинскомъ конгрессѣ). Чебышевъ-Дмитріевъ облачается въ свой потертый профессорскій вицмундиръ и труситъ на жалкомъ ванькѣ къ Цѣпному мосту. Входитъ онъ въ апартаменты III Отдѣленія. Ужъ одинъ видъ жандармовъ приводитъ его въ трепеть. А тутъ онъ видитъ передъ собою длинную амфиладу комнатъ съ выложенными паркетными полами, и надо, надо во что бы то ни стало пройти по всѣмъ этимъ комнатамъ, чтобы добраться до кабинета Петра IV, какъ тогда называли гр. П. А. Шувалова наши радикальствующіе зоицы. И хоть бы провожатый, на котораго можно было бы опереться. Нѣтъ, его, несчастнаго, пустили одного: ступай, молъ, самъ найдешь. И вотъ бѣдный нашъ Александръ Павловичъ пробирается въ полномъ одиночествѣ по паркетамъ медленно, какъ цапля, къ кабинету страшнаго сановника, строго избѣгая ступить на квадраты и тщательно выбирая полоски между ними. Такъ онъ идетъ, и путь ему кажется безконечнымъ. Ноги у него подкашиваются, дыханіе захватываетъ, сердце неистово бьется: вотъ-вотъ онъ провалится, и тогда... Но нѣтъ, онъ благополучно добирается до кабинета. Входитъ. Графъ его встрѣчаетъ, стоя передъ своимъ письменнымъ столомъ, и обращается къ нему, улыбаясь, со слѣдующими словами:

— Вы—профессоръ Чебышевъ-Дмитріевъ?

— Да, я-съ, я-съ...

— Успокойтесь, пожалуйста... Вы выразили въ вашемъ журналѣ неудовольствіе по поводу нѣкоторыхъ мѣропріятій. Такъ вотъ я хотѣлъ вамъ сообщить, что, въ случаѣ если это повторится, къ вамъ примѣнена будетъ одна изъ мѣръ, которыя вы порицаете. Честь имѣю кланяться.

Выслушавъ эту краткую рѣчь, Чебышевъ-Дмитріевъ дѣлаетъ налѣво кругомъ и обращается вспять. Но никакого облегченія еще не испытываетъ: страхъ его по-прежнему одолеваетъ. Вѣдь предстоитъ опять пройти длинную амфиладу комнатъ съ ихъ гнусными паркетамъ, каждый квадратъ которыхъ грозитъ ему ужасомъ, заставляющимъ стынуть кровь въ его тщедушномъ профессорскомъ тѣлѣ. Но еще одно, только еще одно послѣднее усиліе, и часъ избавленія настанетъ. Вотъ онъ насталъ, и Александръ Павловичъ чуть-ли не бросился въ объятія вытянувшагося въ струнку у входной двери жандарма, котораго онъ готовъ приѣтствовать, какъ своего избавителя отъ смертельной опасности.

Такъ рассказывалъ Александръ Павловичъ, и мы его хорошо понимали и хохотали до слезъ. Но современный читатель врядъ-ли пойметъ, въ чемъ собственно дѣло. А дѣло въ томъ, что держался слухъ, будто бы въ залахъ III Отдѣленія, какъ въ театрѣ, существуютъ люки, и что при неосторожномъ наступленіи на квадратъ человѣкъ проваливается въ нижній этажъ, гдѣ его подхватываютъ и, совершивъ надъ нимъ манипуляцію съ мокрыми полотенцами, отпускаютъ съ миромъ. Вотъ этой-то манипуляціи и опасался Чебышевъ-Дмитріевъ, и въ его рассказѣ чувствовалась такая насмѣшка надъ зоилами, распространявшими побасенки и не замѣчавшими серьезной стороны вопроса, что получалось впечатлѣніе кошмара, въ которомъ трудно было разобраться.

Чебышевъ-Дмитріевъ представлялъ поразительный контрастъ съ Безобразовымъ. Былъ у Трубникова въ то время санъ-бернаръ, длинношерстый, исполинскаго роста, не собака, а настоящий левъ. Этотъ песъ-монстръ состоялъ неотлучно при редакціи, такъ какъ дома держать такое громадное животное было неудобно. Онъ привязался къ Чебышеву-Дмитріеву и ненавидѣлъ Безобразова. Стоило ему только позвонить, какъ песъ издавалъ свирѣпое ворчаніе, переходившее въ страшный лай. Его приходилось поскорѣе убрать, чтобы избѣжать какой-нибудь непріятной исторіи. Между тѣмъ песъ былъ добродушнѣйшею тварью, а Безобразовъ отличался также душевною добротою. Оба они врядъ ли могли кого-нибудь обидѣть, между тѣмъ возненавидѣли другъ друга. Это было вызвано тою стремительностью Безобразова, о которой я уже упомянулъ. Когда онъ входилъ въ редакцію, она моментально оглашалась звуками громогласнаго разговора, непрерывныхъ возгласовъ, смѣха, хохота. Особенно онъ любилъ почему-то наступать на тихаго Чебышева-Дмитріева, то и дѣло припираемаго имъ къ стѣнѣ, при чемъ Безобразовъ продолжалъ жестикулировать, точно избивалъ бѣднаго Александра Павловича. За это вѣроятно песъ и возненавидѣлъ Безобразова. Онъ весь былъ стремительность, натискъ, жилъ, дышалъ данною минутою, добивался немедленнаго успѣха, бралъ такъ сказать судьбу за горло. Приемы его могли быть разнообразны, но сущность оставалась та же, съ кѣмъ бы онъ ни имѣлъ дѣло, а кругъ людей, съ которыми онъ находился въ общеніи, былъ огромный. Кто только не бывалъ у него въ кабинетѣ, на Васильевскомъ: и скромные писатели или ученые, и знаменитости, и Высочайшія особы. Кстати расскажу здѣсь о моей встрѣчѣ съ М. Н. Катковымъ.

Его слава гремѣла уже тогда, хотя, казалось, клонилась въ ту минуту къ упадку. Онъ уже не отказывался принимать предостереженія, а напротивъ, принималъ ихъ со смиреніемъ, сознавался передъ властями въ своихъ ошибкахъ и даже временно пересталъ помѣщать «горячія» статьи. Но все же онъ былъ очень

на виду. Мнѣ, молодому публицисту, конечно, было интересно взглянуть на старшаго своего собрата, начавшаго обсуждать государственные вопросы только на пятомъ десяткѣ и тѣмъ не мѣнѣе стяжавшаго если не заслуженные, то очень шумные лавры.

Но для ясности надо предпослать два слова. Это было время, когда Катковъ давно уже отрекся отъ головнинскихъ традицій, примкнулъ тѣломъ и душой къ гр. Д. А. Толстому, основатель свой лицей, на который С. С. Поляковъ пожертвовалъ огромный капиталъ (400.000 р.), когда всѣ помнили о покушеніяхъ Каракозова и Березовскаго, когда еще не было забытъ обращенный къ императору Александру II возгласъ французскаго радикала Флокэ: «Vive la Pologne, monsieur»—возгласъ, который онъ потомъ отмаливалъ въ теченіе 20 лѣтъ, пока его не назначили префектомъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Я зашелъ къ Владиміру Павловичу случайно. Катковъ долженъ былъ заѣхать нѣсколько позже; но мы только-что начали разговоръ, какъ доложили о пріѣздѣ Михаила Никифоровича. Я остался, чтобы не подать виду, что бѣгу. Вошелъ человекъ на видъ скромный и не рѣчистый, даже, какъ мнѣ показалось, нѣсколько косноязычный. Послѣ взаимныхъ привѣтствій Безобразовъ пояснилъ, что я работаю вмѣстѣ съ нимъ въ «Новомъ Времени». Катковъ полюбопытствовалъ узнать, какого направленія держится газета въ гимназическомъ вопросѣ и проямлилъ нѣсколько словъ въ защиту устава 1871 г., положившаго конецъ «увлеченіямъ Александра Васильевича (т. е. Головнина) и лицъ, его поддерживающихъ» (это былъ очевидно намекъ на в. к. Константина Николаевича). Слова эти меня тогда, помню, поразили, потому что я, читая «Московскія Вѣдомости» (вслухъ моему опекуну) еще на гимназической скамьѣ, помнилъ, что онѣ называли уставъ 1864 г. однимъ изъ «плодотворнѣйшихъ дѣлъ», «славою» царствованія императора Александра II. Затѣмъ Катковъ спросилъ, въ какомъ духѣ ведется внѣшняя политика «Новаго Времени» и торжественно изрекъ, какъ великую истину, слѣдующую фразу: «Трехимператорскій союзъ—лучшая гарантія спокойствія Европы и огражденія интересовъ Россіи». Тутъ я не утерпѣлъ и недипломатично, съ молодымъ увлеченіемъ, указалъ Каткову, что онъ недавно еще, во время посѣщенія Парижа государемъ по случаю всемірной выставки, горячо высказывался за дружбу съ Франціей. Онъ взглянулъ на меня пристально своимъ тяжелымъ взглядомъ и спросилъ меня, при чемъ меня поразила чистота его нѣмецкаго произношенія, помню ли я Хайнэ (а не Гейне, какъ обыкновенно у насъ называютъ германскаго поэта): «Другія времена—другія птицы; другія птицы—другія пѣсни». Я отвѣтилъ, что прекрасно помню, но Катковъ поспѣшилъ заговорить о другомъ, а я поспѣшилъ проститься съ хозяиномъ и съ нимъ, но воз-

вращаясь домой, не могъ въ достаточной мѣрѣ надивиться происшедшему разговору и тяжелому испытанію, которому подверглось мое понятіе о томъ, чѣмъ долженъ быть публицистъ. Неужели все дѣло сводится къ гейневскому: «Другія времена—другія пѣсни?»—спрашивалъ я себя. Потомъ я многое понялъ,—понялъ, что публицистъ можетъ сегодня подлаживаться къ Головнину, а завтра къ гр. Толстому, можетъ въ гимназическомъ вопросѣ сегодня быть ярымъ реалистомъ, а завтра столь-же яримъ классикомъ, что онъ сегодня можетъ быть ревностнымъ фритредеромъ, отводить Моллинари широкое мѣсто въ газетѣ, а завтра—столь же ревностнымъ протекціонистомъ, сегодня требовать во что бы то ни стало уменьшенія количества денежныхъ знаковъ, быть горячимъ контракціонистомъ, а завтра для поощренія отечественной промышленности—столь же страстнымъ инфляціонистомъ, сегодня быть сторонникомъ широкаго мѣстнаго самоуправленія, а завтра другомъ сильной губернаторской власти и подавленія желѣзной рукой всякихъ стремленій къ «selfgovernment»'у, сегодня требовать свободы печати и суда присяжныхъ, а завтра считать то и другое зломъ, сегодня утверждать, что Бисмаркъ—нашъ «лучшій другъ» и «понимаетъ интересы Россіи лучше насъ самихъ», а завтра провозглашать, что тотъ же Бисмаркъ—нашъ злѣйшій врагъ и идти по стопамъ «государственныхъ воровъ», какъ онъ называлъ сотрудниковъ газеты, въ которой я доказывалъ, что спасеніе Россіи именно въ союзѣ съ Франціей, сегодня быть убѣжденнымъ конституціоналистомъ, а завтра не менѣе убѣжденнымъ врагомъ и Сената, «чувствующаго особую вѣжность ко всякимъ прерогативамъ земскаго самоуправления», и Государственнаго Совѣта съ его «игрою въ парламентъ», и даже самого монарха («еще нѣсколько мѣсяцевъ.. быть можетъ, недѣль прежняго режима—и крушеніе было бы неизбѣжно»), что мѣнять можно убѣжденія сколько угодно, если только обуздывать инородцевъ, за исключеніемъ евреевъ, которыхъ всегда и во всемъ надо защищать. Все это я понялъ впоследствии, читая «Московскія Вѣдомости», понялъ и латинское изреченіе: «nil admirari», но тогда, когда я встрѣтился единственный разъ въ жизни съ Катковымъ, московскій публицистъ меня несказанно удивилъ.

XIII.

Два типа русскихъ ученыхъ.—И. Д. Бѣловъ.—Гр. Д. А. Толстой и И. Б. Штейнманъ.—Кто истинный виновникъ гимназическаго устава 1871 г.?

Однако вернемся къ Чебышеву-Дмитріеву. Въ противоположность Безобразову, который всюду бывалъ и всѣхъ видѣлъ, Чебышевъ-Дмитріевъ вѣль уединенный образъ жизни въ редакціонномъ помѣщеніи. Это былъ типичный представитель русскаго

высоко-интеллигентнаго человѣка. Безобразовъ производилъ на меня впечатлѣніе человѣка будущаго, Чебышевъ-Дмитріевъ—быть можетъ, милаго, но отживающаго прошлаго. Безобразовъ бралъ жизнь приступомъ, прокладывалъ себѣ дорогу локтями, выйдя изъ ничего, добрался до высотъ государственной и общественной жизни, онъ понималъ, что миндальничать нельзя, что фельдмаршальскій жезлъ лежитъ и въ ранцѣ простого рядового, что надо поставить себѣ ясную, опредѣленную цѣль и стремиться къ ней всѣми силами души, съ расходованіемъ всей своей энергіи. У Чебышева-Дмитріева фельдмаршальскій жезлъ былъ какъ бы уже въ рукахъ: на 25 году жизни онъ уже представилъ работу, обратившую на него вниманіе научнаго міра, въ 28 лѣтъ составилъ трудъ, доставившій ему степень магистра и признанный богатымъ вкладомъ въ науку уголовного права; успѣхъ продолжалъ ему сопутствовать во всѣхъ его начинаніяхъ,—успѣхъ солидный, не допускавшій сомнѣній, что нарождается выдающаяся научная сила. Но постепенно счастье начинаетъ ему измѣнять. Я живо помню его, какъ профессора вслѣдъ за защитой имъ докторской диссертации: «О покушеніи». Въ немъ чувствовался человѣкъ, чѣмъ-то надломленный, вяло относящійся къ наукѣ, какъ будто занятый чѣмъ-то другимъ болѣе важнымъ, болѣе существеннымъ, чего-то ищущій и не находящій, обуреваемый сомнѣніями, стремящійся къ чему-то далекому, а пока исполняющій свое жизненное дѣло, какъ ему повелѣваетъ совѣсть честнаго человѣка, но безъ внутреннего огня, зажигаемаго сознаніемъ святости избранной профессіи, неувѣренный, робкій, но крайне симпатичный, не лукавящій, не притворяющійся, что онъ вѣритъ въ то, во что онъ на самомъ дѣлѣ не вѣритъ. Большинство моихъ профессоровъ были карьеристы, но между ними были и люди, искренно преданные научнымъ интересамъ. Чебышевъ-Дмитріевъ не принадлежалъ ни къ той, ни къ другой категоріи. Карьеристомъ мѣшала ему быть элементарная честность, ну, а любить науку онъ могъ только наполовину, потому что ему мерещилось что-то высшее, болѣе значительное, какъ будто находившее выраженіе въ его фельетонахъ, но въ сущности такъ и оставшееся невыясненнымъ. Что-же это было? Какой-то смутный порывъ, стремленіе къ высокому идеалу. Выяснить этотъ порывъ, это стремленіе надо было во что бы то ни стало: вѣдь ему приносилась въ жертву такая святыня, какъ наука. А выяснить ихъ не могли ни Чебышевъ-Дмитріевъ, ни многіе другіе русскіе люди, жертвовавшіе для нихъ и здоровьемъ, безъ котораго высокое такъ часто недостижимо, и талантомъ, и святымъ призваніемъ писателя или ученаго.

Чебышевъ-Дмитріевъ очень любилъ въ своихъ лекціяхъ упоминать о знаменитомъ итальянскомъ криминалистѣ Беккарія. Видно, душа его лежала къ нему, къ этому вдохновенному за-

щитнику гуманных началъ въ области наказаній. Но Чебышевъ-Дмитріевъ произносилъ его имя скорѣе нѣжно, съ отгѣнкомъ грусти, чѣмъ съ скрытымъ пафосомъ, котораго особенно въ то время заслуживалъ этотъ народный трибунъ, этотъ сильный защитникъ слабыхъ. И тутъ въ Чебышевъ-Дмитріевъ чувствовалась какая-то надломанность, какой-то недостатокъ вѣры въ себя и другихъ. Соломоновская «суета суетъ», ничтожество всего земного, чело-вѣческое безсиліе передъ рокомъ и природою,—все это ослабляло его душу въ борьбѣ со зломъ, ослабляло его энергію, подрѣзывало ему крылья для смѣлаго полета. И онъ собственно не жилъ настоящею жизнью, а шель ощупью, бродилъ, слабо увлекаемый то самою жизнью, то наукою, то чѣмъ-то высшимъ, чего онъ самъ ясно не понималъ. Но и это высшее не имѣло рѣшительной власти надъ нимъ,—и въ общемъ получалось прозябаніе. Господи, сколько хорошихъ, великолѣпныхъ русскихъ людей раздѣляли и раздѣляютъ участь бѣднаго, симпатичнаго Александра Павловича!

Вотъ и одинъ изъ моихъ учителей, столь извѣстный педагогъ—И. Д. Бѣловъ.

Простой учитель народной школы на Уралѣ, съ калмыцкимъ лицомъ, онъ постепенно добрался до вершинъ педагогической дѣятельности и славы. Нелегко подвести итогъ его педагогическимъ статьямъ въ лучшихъ нашихъ повременныхъ изданіяхъ, въ томъ числѣ и въ «Историческомъ Вѣстникѣ», гдѣ онъ около пяти лѣтъ, до самой своей смерти, состоялъ сотрудникомъ; очень многочисленны и отдѣльныя его изданія, изъ которыхъ его «Путевыя записки», «Педагогическія письма» и его «Руководство для сельскихъ учителей» обратили на себя всеобщее вниманіе. Все это свидѣтельствуетъ о недюжинной его энергіи, не говоря уже о талантѣ. Но и въ Бѣловѣ было что-то подгачивавшее его полезную дѣятельность, ослаблявшее энергію, подрѣзывавшее ему крылья. Казалось бы, смѣшно это говорить по отношенію къ такому дѣятельному человѣку, какъ Бѣловъ. И дѣйствительно, когда онъ учительствовалъ на Уралѣ или въ Сибири или инспектировалъ округа Воспитательнаго дома, энергія его была просто изумительна; онъ возрождался и когда попадалъ въ Швейцарію или въ Германію и докладывалъ русскому читателю о своихъ впечатлѣніяхъ, подчасъ прямо восторженныхъ для такого трезваго на видъ ума. Но въ Петербургѣ онъ какъ-то «терялъ себя» или, по крайней мѣрѣ, не «находилъ себя» въ той мѣрѣ, какъ это было ему свойственно въ провинціи или заграницею. Чѣмъ-же это объяснялось?

Я былъ его ученикомъ по петропавловской школѣ, гдѣ онъ въ 60-хъ годахъ преподавалъ русскій языкъ, русскую словесность, русскую исторію. Онъ меня сразу заинтересовалъ, но не своимъ

преподаваніемъ (слишкомъ оно было для меня элементарно), а чѣмъ-то другимъ, въ чемъ я никакъ не могъ дать себѣ отчета. Я все къ нему внимательно присматривался, сравнивая его съ другими учителями. Въ тѣхъ все было ясно: учили, преподавали, сердились, когда ученикъ шалилъ или не зналъ урока, одобрительно кивали головой, когда онъ хорошо отвѣчалъ. Но Бѣловъ, особенно, по мѣрѣ того, какъ мы подростали и изъ мальчиковъ превращались въ юношей, искалъ въ насъ чего-то другого, повидимому не имѣвшаго отношенія къ предмету преподаванія; онъ ожидалъ чего-то особеннаго и притомъ не отъ всѣхъ учениковъ, а только отъ нѣкоторыхъ, напримѣръ, отъ меня. Но я никакъ не могъ понять, чего онъ собственно хочетъ. Я сталъ особенно тщательно готовиться къ его урокамъ, но изъ этого ничего не вышло, потому что онъ совсѣмъ меня пересталъ спрашивать или, если спрашивалъ, то тотчасъ же прерывалъ мой отвѣтъ словами: «Ну да, вы конечно знаете урокъ превосходно; васъ и спрашивать нечего». Однажды онъ еще шутя добавилъ: «Это меня даже удивляетъ со стороны такого барченка, какъ вы». Я спросилъ себя, почему онъ меня называетъ «барченкомъ», и объяснилъ себѣ это тѣмъ, что я одѣваюсь очень тщательно, а онъ никакъ не могъ, напримѣръ, справиться съ своимъ галстукомъ, вѣчно принимавшимъ у него какое-нибудь фантастическое положеніе. Отъ одного товарища, особенно любимаго Бѣловымъ и бывавшимъ у него на дому, я узналъ, что его жена ходитъ въ юбкахъ, у которыхъ какъ бы умышленно разорванъ подолъ или же красуется пятно на самомъ видномъ мѣстѣ, что она, хотя и образованная, но содержала яичную торговлю и прогорѣла. Все это приводило меня въ смущеніе, потому что я въ то время еще не встрѣчался съ представителями или представительницами 60-хъ годовъ. Изъ уроковъ Бѣлова я убѣдился, что онъ питаетъ особенное пристрастіе къ Костомарову. Разъ онъ даже на урокѣ съ торжествомъ заявилъ, что хотя университетъ и закрытъ, но что Костомаровъ тѣмъ не менѣе будетъ читать въ Думѣ, и что онъ попроситъ директора, чтобы и актовъ залъ петропавловской школы былъ открытъ для чтенія университетскихъ лекцій. Это дѣйствительно и состоялось, благодаря настойчивости и вліянію директора, И. Б. Штейнмана, о которомъ не мѣшаетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Я думаю, что Штейнмана можно признать если не истиннымъ виновникомъ, то протагонистомъ двухъ крупныхъ государственно-общественныхъ явленій: гимназическаго устава 1871 г. и петроградскаго историко-филологическаго института. Иванъ Богдановичъ, человѣкъ очень скромный, какъ большинство людей съ серьезнымъ цензомъ, работалъ въ тѣни; его специальность мало интересовала широкую публику, такъ что его имя почти не встрѣчалось на страницахъ нашихъ газетъ и журналовъ. А между тѣмъ

это былъ человѣкъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательный. Не могу судить объ его заслугахъ, какъ филолога (онъ былъ профессоромъ греческой словесности въ петроградскомъ университетѣ). Думаю, что онъ были не особенно существенны, т. е. что онъ ничѣмъ не выдѣлялся изъ общаго уровня профессоровъ-филологовъ того времени, но несомнѣнно былъ на виду. На это ясно указываютъ факты. Такъ, когда извѣстный профессоръ Ф. К. Лоренцъ, столь памятный въ исторіи русскаго просвѣщенія тѣмъ, что вытѣснилъ изъ нашей средней школы своимъ учебникомъ по всеобщей исторіи устарѣвшія книги Кайданова и Смарагдова, оставилъ въ 1857 г. постъ директора петропавловской школы, вмѣсто него былъ избранъ именно Штейнманъ, остававшійся директоромъ этой школы въ теченіе десяти лѣтъ, т. е. до назначенія своего директоромъ историко-филологическаго института. Но еще болѣе подтверждается значеніе, пріобрѣтенное Штейнманомъ, слѣдующимъ фактомъ.

Въ 1866 г. министромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ столь всѣмъ памятный гр. Д. А. Толстой. Чѣмъ въ точности было вызвано это назначеніе, я не знаю, но, несомнѣнно, гр. Толстой былъ мало склоненъ специализироваться на какой-нибудь опредѣленной отрасли управленія. Онъ началъ свою карьеру въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій и въ то же время писалъ исторію русскихъ финансовыхъ учрежденій. Затѣмъ онъ бросаетъ и то и другое, чувствуетъ влеченіе къ морскимъ дѣламъ и посвящаетъ себя службѣ въ морскомъ министерствѣ. Но и эту службу онъ скоро бросаетъ и опредѣляется на службу въ министерство народнаго просвѣщенія, гдѣ уже занимаетъ постъ директора департамента, но въ то же время пишетъ извѣстную свою книгу о католицизмѣ въ Россіи, которая доставляетъ ему постъ оберъ-прокурора св. Синода, а въ слѣдующемъ году онъ уже соединяетъ эту должность съ должностью министра народнаго просвѣщенія. Затѣмъ, послѣ нѣкотораго отдыха, онъ назначается министромъ внутреннихъ дѣлъ и шефомъ жандармовъ и сохраняетъ этотъ постъ уже до самой смерти.

Изъ всего этого можно вывести заключеніе, что до занятія поста министра народнаго просвѣщенія гр. Толстой былъ подготовленъ къ административной службѣ, т. е. хорошо ознакомился съ нашими бюрократическими порядками, но не имѣлъ опредѣленной специальности. Онъ съ одиноковымъ рвеніемъ изучалъ и морское дѣло, и финансы, и католицизмъ. Все это однако упрочило за нимъ репутацію человѣка ученаго среди администраторовъ, и этой репутаціи онъ вѣроятно и былъ обязанъ назначеніемъ его министромъ народнаго просвѣщенія и президентомъ академіи наукъ.

Какъ эта репутація была въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ преувеличена, показываетъ примѣръ его одесской рѣчи, въ которой онъ

блеснулъ слѣдующей фразой: «Nul n'est prophète dans son pays!» какъ говорятъ французы». Но надо отдать ему справедливость: занявъ постъ министра народнаго просвѣщенія, онъ понималъ, что мало знакомъ съ довѣреннымъ ему дѣломъ. Недавно наши государственные люди охотно сознавались въ своей некомпетентности и при вступленіи въ должность прямо заявляютъ объ этомъ своимъ подчиненнымъ. Но тогда это еще не вошло въ моду. Назначенныя на новый постъ лица стѣснялись заявлять о своей некомпетентности и выходили иначе изъ затрудненія, т. е. окружали себя компетентными помощниками.

Такимъ помощникомъ избралъ себя гр. Толстой И. Б. Штейнмана. Толстой то и дѣло посылалъ его за границу для изученія устройства учебныхъ заведеній въ другихъ странахъ, поручалъ ему давать разъясненія членамъ Государственнаго Совѣта, защищать въ немъ дѣло преобразованія нашей средней школы, принялъ его проектъ созданія въ Петербургѣ высшаго учебнаго заведенія для подготовки гимназическихъ учителей (Историко-филологическаго института), по его совѣту разрѣшилъ и другому специалисту по этой части, широкообразованному П. М. Леонтьеву открыть такое же учебное заведеніе въ Москвѣ (Лицей въ память цесаревича Николая). На Васильевскомъ, въ кабинетѣ Штейнмана, создавался гимназическій уставъ 1871 г. Тамъ можно было почти ежедневно видѣть, какъ пролетка гр. Толстого иногда часами стояла у подъѣзда историко-филологическаго института, гдѣ жилъ, въ качествѣ его директора, Штейнманъ. Легенда о томъ, что главнымъ вдохновителемъ этого гимназическаго устава былъ Катковъ, лишена основанія, какъ многія легенды. Катковъ въ то время мало интересовался вопросами гимназическаго образованія или интересовался ими развѣ настолько, насколько ими интересовался его другъ, Леонтьевъ, задумавшій при помощи субсидій и частныхъ пожертвованій создать лицей, который теперь называется катковскимъ, но который гораздо вѣрнѣе и приличнѣе было бы назвать леонтьевскимъ или, пожалуй, поляковскимъ въ виду огромной суммы, пожертвованной этимъ евреемъ-капиталистомъ.

XIV.

Студенческіе беспорядки 60-хъ годовъ и петропавловское училище. — «Учитель» и «гражданинъ». — Г. И. Архангельскій и Н. А. Грифцовъ. — Моя классификація общественныхъ дѣятелей.

Но я подъ наплывомъ разныхъ воспоминаній уклонился отъ основной моей темы. Я говорилъ о томъ, что Штейнманъ выхлопоталъ у властей разрѣшеніе читать въ актовомъ залѣ петропавловской школы лекціи для студентовъ университета во время уни-

верситетских беспорядковъ начала 60-хъ годовъ, и что объ этомъ усиленно хлопоталъ Бѣловъ. Тутъ однако выяснилось одно неудобство. Лекціи болѣе или менѣе совпадали съ классными урокамъ. Во время перерывовъ студенты выходили курить въ корридоры, наполняя ихъ дымомъ, проникавшимъ и въ классныя комнаты. Воспитанники пользовались этимъ обстоятельствомъ и съ своей стороны отчаянно курили, что конечно сильно нарушало дисциплину. При такихъ обстоятельствахъ директоръ попросилъ Бѣлова, какъ человѣка, особенно усердно заботившагося о томъ, чтобы актовъ залъ былъ предоставленъ студентамъ, и пользовавшагося нѣкоторою популярностью среди нихъ, наблюдать за тѣмъ, чтобы они въ корридорѣ не курили. Штейнманъ тѣмъ болѣе дорожилъ этимъ, что его отношенія къ школьному совѣту, въ которомъ заседали лютеранскіе священники, были не особенно хороши. Онъ былъ врагъ всякаго святошества и любилъ говорить пасторамъ: «Я цѣню не столько мундиръ или рясу, сколько то, что подъ ними скрыто», — и указывалъ на мѣсто, гдѣ находится сердце. Вообще онъ былъ человѣкъ прямой, здравомыслящій, рѣшительный въ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ, честный, искренній, а такіе люди, какъ извѣстно, всегда имѣютъ враговъ, но онъ умѣлъ имъ imponировать почтеніемъ, которое внушалъ, какъ директоръ, какъ профессоръ и какъ лицо, вліятельное въ администраціи. Надо было однако быть осторожнымъ и не давать ненужнаго повода къ нареканіямъ. Онъ былъ увѣренъ, что увѣщанія Бѣлова возымѣютъ свое дѣйствіе и что куреніе студентовъ прекратится. Но не такъ-то выпшло на самомъ дѣлѣ. Какъ ни упрашивалъ Бѣловъ студентовъ, они не обращали вниманія на него или даже отвѣчали ему рѣзко: дескать, можете запрещать гимназистамъ, а насъ оставьте въ покоѣ. Наконецъ Бѣловъ вышелъ изъ терпѣнія и попросилъ директора не давать повода къ этой курительной «вакханалии», т. е. прекратить чтеніе лекцій. Я, проходя по корридору, ушамъ своимъ не вѣрилъ, слушая рѣзкую филиппику Бѣлова противъ студентовъ. Но дѣло обошлось. Штейнманъ съ свойственнымъ ему тактомъ во время лекціи разъяснилъ студентамъ всю неумѣстность ихъ поведенія, и куреніе въ корридорахъ прекратилось, а самыя лекціи прекратились уже по другой причинѣ.

Многіе годы спустя, когда я ближе сошелся съ Бѣловымъ, я какъ-то въ удобную минуту напомнилъ ему этотъ эпизодъ, который для меня такъ-таки и остался загадкой. Я никакъ не могъ уяснить себѣ, какъ Бѣловъ, человѣкъ передовой по понятіямъ того времени, могъ потерять душевное равновѣсіе по такому пустому поводу и даже требовать такой «реакціонной» мѣры, какъ лишеніе студентовъ мѣста, гдѣ они могли слушать своихъ профессоровъ. Онъ мнѣ ничего толкомъ не объяснилъ, но, смущенно посмѣиваясь, повелъ бесѣду, изъ которой я понялъ, въ чемъ собственно дѣло.

Бѣловъ только и жилъ что вопросами, волновавшими его какъ педагога. Каждый воспитанникъ былъ ему дорогъ, каждый классъ поглощалъ его вниманіе и требовалъ отъ него большой затраты душевныхъ силъ. Онъ принималъ къ сердцу все, что касалось интеллектуальнаго и нравственнаго развитія воспитанниковъ. Но когда онъ переселился въ столицу въ разгаръ 60-хъ годовъ, его въ то же время охватила другая волна.

Учителемъ ты *можешь* быть,
Но гражданиномъ быть *обязанъ*,

переназначивалъ онъ стихъ Некрасова, и эта волна его до того охватила, что онъ сталъ подчинять свою педагогическую дѣятельность гражданскому долгу въ томъ условномъ смыслѣ, какой придавали ему 60-ые годы. Это и ставило его, какъ педагога, въ трудное, иногда прямо безвыходное положеніе. Подчиняться властямъ, которыя онъ, какъ «гражданинъ», осуждалъ, слѣдовать ихъ указаніямъ, неприемлемымъ съ точки зрѣнія «гражданина»—какъ это лицемѣрно и ужасно даже съ личной точки зрѣнія, и какъ это возмутительно съ точки зрѣнія педагога, которому довѣрены души малыхъ сихъ, который отвѣчаетъ за нихъ передъ своею собственною совѣстью, передъ родителями, передъ Богомъ! Это соображеніе дѣлало Бѣлова нервнымъ, и всякій разъ, когда два противоположныхъ требованія—требованія педагога и «гражданина»—сталкивались, онъ терялъ душевное равновѣсіе. Онъ всей душой стоялъ за студентовъ, и въ то же время эти же студенты не понимали, что, если университетъ—своего рода соборъ, то вся гимназія—маленькій храмъ, куда нельзя входить, не снимая шапки передъ его святынею, передъ тѣмъ, чему въ немъ поклоняются. Что студенты этого не понимали, что они не могли на короткое время воздержаться отъ дурной привычки и не нарушать этимъ согласія между преподавателями и воспитанниками, возмущало его до глубины души. Штейнманъ, проще смотрѣвшій на вещи, не ставившій студентовъ на пьедесталъ, справлялся съ ними легче.

Къ счастью для многочисленныхъ воспитанниковъ Бѣлова въ разныхъ гимназіяхъ и въ павловской учительской семинаріи, гдѣ смерть разлучила его съ любимымъ дѣломъ, педагогъ бралъ въ немъ верхъ надъ гражданиномъ, и онъ воспиталъ много умѣлыхъ работниковъ и честныхъ людей, столь необходимыхъ въ жизни вообще и особенно въ нашей русской жизни. Но самъ онъ поминутно страдалъ отъ невозможности примирить въ себѣ «учителя» и «гражданина» и нерѣдко былъ близокъ въ тому, чтобы совершенно отказаться отъ «учительства» и съ головой уйти въ исполненіе обязанностей «гражданина». Душевное скитаніе охва-

тывало его, и онъ тогда былъ истиннымъ мученикомъ, живо мнѣ напоминая бѣднаго Чебышева-Дмитріева, всю жизнь томившагося отъ неумѣнья примирить борьбу за насущный хлѣбъ, служеніе наукѣ и удовлетвореніе высшихъ запросовъ души.

По этому поводу я не могу не вспомнить и университетскаго моего товарища Н. А. Грифцова, профессора полицейскаго и финансоваго права въ Александровскомъ лицее. Мы съ нимъ скоро сошлись, и это сближеніе превратилось въ дружбу. Не проходило недѣли, чтобы мы не провели вечера вмѣстѣ. Къ намъ очень часто присоединялся Г. И. Архангельскій, уже тогда написавшій свое знаменитое изслѣдованіе о холерѣ, занимавшій видный постъ въ медицинскомъ департаментѣ и бывший редакторомъ 4 официальныхъ медицинскихъ изданій. Онъ былъ лѣтъ на десять старше насъ, но охотно проводилъ съ нами вечера и прислушивался къ нашимъ молодымъ спорамъ, вращавшимся преимущественно около науки административнаго права. Мы собирались обыкновенно утомленные отъ дневнаго труда, садились за партію преферанса (винтъ тогда еще не былъ въ ходу), т. е. оставляли мозгъ подъ паромъ, а затѣмъ уже за ужиномъ велась бесѣда иногда до пѣтуховъ. Хорошіе это были часы, вѣчно для меня памятные. Нѣтъ—нѣтъ, да и пахнетъ на меня Варшавою, Саратовымъ, Клараномъ. Мы забывали о себѣ, думали только о другихъ, объ обществѣ, о государствѣ, о томъ, что имъ полезно, что двигаетъ ихъ прогрессъ. Я, отъ природы всегда нервный, болѣе всего увлекался, горячился, такъ что иногда увлекалъ и болѣе спокойныхъ, уравновѣшенныхъ товарищей, даже «старика», какъ мы его называли, Григорія Ивановича, хотя ему было тогда всего подъ 40 лѣтъ.

Надо замѣтить, что Архангельскій, по окончаніи курса въ медико-хирургической академіи, долго служилъ полковымъ врачомъ въ глухой провинціи—въ Ставрополѣ, Керчи, Нарвѣ. Но душа дѣльнаго изслѣдователя и человѣка, отзывчиваго къ страданіямъ ближняго, въ немъ не заглохла. Уже изъ провинціи онъ посылаетъ въ Петербургъ изслѣдованіе о болѣзни, мало обращавшей на себя вниманіе медицинскаго міра (возвратная горячка), а когда онъ попалъ въ столицу, у него одно дѣльное изслѣдованіе смѣнялось другимъ, и всѣ они въ совокупности обезпечили за нимъ почетное имя не только въ Россіи, но и въ западной Европѣ.

Я съ нимъ познакомился въ тотъ періодъ его жизни, когда онъ задумывалъ свои замѣчательные труды, посвященные Петербургу и улучшенію его санитарнаго состоянія: порайонной системѣ оказанія помощи бѣднымъ, организациі института думскихъ врачей, родильныхъ пріютовъ, примѣненію труда женщинъ-врачей къ городской общественной службѣ и т. д. Занятый всѣми этими

реформами и нововведеніями, онъ интересовался административнымъ правомъ. Такимъ образомъ сложилась почва для нескончаемыхъ бесѣдъ и споровъ. Грифцовъ былъ горячимъ сторонникомъ самоуправленія во всѣхъ его видахъ; я доказывалъ, что отъ самоуправления можно ожидать значительныхъ результатовъ только въ странахъ съ высокою культурою и что чѣмъ некультурнѣе страна, тѣмъ важнѣе энергическая дѣятельность администраціи. Приводили мы примѣры изъ жизни всѣхъ странъ, и сколько воодушевленія, сколько огня мы вливали въ это дѣло! Случалось даже, что мы, люди очень занятые, готовились къ слѣдующей бесѣдѣ, какъ къ лекціи. И часто, когда мы расходились, Григорій Ивановичъ пожималъ намъ руки, благодаря за что-то, за что,— мы сами тогда не понимали, думая, что дѣло сводится къ приятно-проведенному вечеру. Иногда только мы инстинктивно чувствовали, что дѣло идетъ о чемъ-то болѣе значительномъ, болѣе важномъ, о томъ, чѣмъ собственно живъ человѣкъ въ истинномъ значеніи этого слова.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, и вдругъ я сталъ замѣчать, что Грифцовъ какъ-то чуждается нашихъ бесѣдъ, уклоняется отъ нихъ, даже избѣгаетъ насъ. Я рѣшительно не понималъ, въ чемъ дѣло, но многочисленные факты убѣдили меня, что я не ошибаюсь, что онъ избѣгаетъ насъ и не хочетъ сказать, почему онъ наноситъ намъ незаслуженную обиду. Очень это было мнѣ тяжело, тяжело до физической боли, но всѣ мои попытки объясниться ни къ чему не приводили: Грифцовъ только отмалчивался, прибѣгая къ своимъ шуточкамъ, которыя ему часто удавались и скрашивали его некрасивое, но симпатичное лицо. Пришлось съ тяжелымъ сердцемъ признать вѣрность поговорки, что насильно милъ не будешь... и разстаться. Только гораздо позже до меня дошли слухи, что онъ пишетъ исторію русскаго социализма или русскаго революціоннаго движенія и что ему широко открыты архивы III Отдѣленія, тогда уже преобразованнаго въ департаментъ полиціи! Сообщаю объ этомъ слухъ, потому что Грифцовъ былъ человѣкъ дѣльный и научно-образованный. Если онъ дѣйствительно писалъ исторію социалистическаго движенія Россіи, то было бы жалъ дать этой работѣ затеряться. Грифцовъ вскорѣ умеръ: уже на студенческой скамьѣ онъ производилъ впечатлѣніе чахоточнаго.

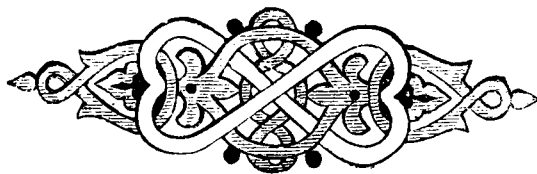
Повидимому, мало общаго между такими дѣятелями, какъ Чебышевъ-Дмитріевъ, Безобразовъ, Бѣловъ, Катковъ, Штейнманъ, Архангельскій, Грифцовъ? А между тѣмъ, я не могъ не обобщать ихъ съ извѣстной точки зрѣнія, т. е. не раздѣлять ихъ на людей, умѣвшихъ примирить борьбу за насущный хлѣбъ съ честнымъ исполненіемъ своего призванія и съ высшими запросами души, примирявшихъ ихъ только наполовину или вовсе не умѣвшихъ ихъ примирить. Къ послѣдней категоріи принадлежали

Катковъ и Грифцовъ; ко второй—Чебышевъ-Дмитріевъ и Бѣловъ, которымъ неясность идеаловъ мѣшала исполнить въ полной мѣрѣ обязанности своего призванія (эта категорія была наиболѣе многочисленна у насъ въ 70-е годы); наконецъ къ первой категоріи принадлежали Безобразовъ, Штейнманъ и Архангельскій, хотя мнѣ все хотѣлось отнести Григорію Ивановичу, по болѣе гармоничному сочетанію трехъ элементовъ, особенно почетное мѣсто среди перечисленныхъ общественныхъ дѣятелей.

Р. И. Сементковскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВСТРѢЧИ СЪ С. Н. ШУБИНСКИМЪ.

ГОВОРИЛЪ всего лишь два раза съ покойнымъ редакторомъ «Историческаго Вѣстника» С. Н. Шубинскимъ, но эти двѣ встрѣчи съ этимъ незауряднымъ человекомъ произвели на меня большое впечатлѣніе. Я—новичекъ въ литературѣ—привезъ какъ-то С. Н. свой небольшой историческій рассказъ «Деятельный комендантъ»,—рассказъ изъ эпохи Анны Ивановны, эпохи крутой «бироновщины». Рассказъ мнѣ тогда казался довольно удачнымъ, и вотъ я послѣ долгихъ размышленій рѣшилъ его самъ отнести строгому редактору. Но редакторъто былъ совсѣмъ не строгій! Не буду забѣгать впередъ и рассказжу по порядку, какъ было дѣло.

Меня провели въ кабинетъ... Въ креслѣ передъ столомъ сидѣлъ крѣпкій старикъ. Онъ ласково взглянулъ на меня, улыбнулся, протянулъ руку и предложилъ сѣсть.

Я, какъ всегда это дѣлается въ особо важныхъ случаяхъ всѣми, откашлялся въ кулакъ и робко заявилъ:

— Я вотъ для «Историческаго Вѣстника» рассказъ... небольшой историческій рассказъ принесъ...

— Оставьте пожалуйста мнѣ его на недѣлку, а потомъ зайдите за нимъ, потолкуемъ... А вы уже печатались?

— Да, нѣсколько разъ,—я назвалъ нѣсколько изданій, въ которыхъ были напечатаны мои стихотворенія и рассказы.

— Ну вотъ, и чудесно... А я думалъ, что вы совсѣмъ новичекъ!—сказалъ С. Н. съ улыбкой.

— Да все равно, что новичекъ...

— Вы серьезно себя хотите посвятить литературѣ, журнальной дѣятельности?—вновь задалъ мнѣ вопросъ привѣтливый редакторъ.

Я отвѣтилъ утвердительно.

— Хорошее наше дѣло, живое, но трудное, молодой человекъ, очень трудное... Затягиваетъ, засасываетъ оно, какъ болото... Разъ попалъ въ журналъ—засосеть эта работа. Повторяю,—хорошее наше дѣло. У меня, вы навѣрно знаете, «многолѣтняя практика»,—засмѣялся С. Н.;—много я видѣлъ на своемъ вѣку талантливыхъ и безталанныхъ литераторовъ, нашей пишущей братіи. Всѣхъ ихъ засосала журнальная работа, никто изъ нихъ не могъ отойти, такъ сказать, отъ литературы: все тянуло писать, работать... Въ молодыхъ годахъ начинали,—въ гробу кончали... Такъ оставьте вашъ рассказъ? Если подойдетъ, съ величайшимъ удовольствіемъ напечатаю, мы не гонимся за именами, за громкими фразами... Было бы правдиво, интересно для широкаго круга читателей...

— Я очень радъ... Съ удовольствіемъ оставлю.

— Такъ черезъ недѣлку зайдите!

— Непремѣнно.

— Всего хорошаго. Пишите, пишите, совершенствуйтесь,—тепло пожимая на прощанье руку, сказалъ мнѣ С. Н.

Я ушелъ.

На улицѣ было многолюдно. Я шелъ и думалъ: «Какой славный, какой хорошій редакторъ! Вѣдь онъ меня совершенно не зналъ, а какъ тепло встрѣтилъ, какъ хорошо говорилъ! Другіе редакторы не такіе, дѣйствительно—строгіе. А этотъ обласкаеть, пригрѣеть... Ну, какъ же не итти къ нему?»—Прохожіе были мною недовольны: я такъ былъ погруженъ въ свои мысли, что безсознательно толкалъ всѣхъ встрѣчныхъ, не извинялся при этомъ, а шелъ, шелъ и думалъ о хорошемъ редакторѣ.

Мнѣ казалось, что недѣля—вѣчность, что мнѣ не дожидаться того дня, когда снова я буду сидѣть въ редакторскомъ кабинетѣ, слушать С. Н., учиться у него, какъ надо писать, какъ надо работать...

За эту недѣлю масса вопросовъ накопилась въ моей головѣ: мнѣ хотѣлось узнать у С. Н. то, спросить другое, поговорить о третьемъ... Какое-то хорошее, родственное чувство пробудилось во мнѣ къ этому редактору—другу пишущей братіи; мнѣ казалось, что онъ разсердится, если я приду къ нему—къ мастистому писателю, какъ къ отцу, съ которымъ можно подѣлиться всѣмъ, спросить совѣта.

Недѣля шла очень медленно... Но все же прошла.

И я ровно черезъ недѣлю нажималъ кнопку звонка у двери, за которой я снова сейчасъ долженъ былъ увидѣть С. Н.

— Мое почтенье!—встрѣтилъ меня редакторъ.—Пришли узнать о разсказѣ своемъ? Успокойтесь, напечатаю, напечатаю... Подошель...

— Подошель?—чуть не крикнулъ я, но удержался и какимъ-то восторженнымъ шопотомъ произнесъ это слово.

Я зналъ, что хорошій редакторъ понимаетъ мое состояніе...

Онъ улыбнулся и сказалъ:

— Да, подходить. Но только, милый другъ, я посоветую вамъ начало разсказа чуть-чуть передѣлать, а то какое-то у васъ слишкомъ длинное начало. Я бы посоветовалъ вамъ сразу начать ваше повѣствованіе со словъ полковника, а, впрочемъ, подумайте сами, какъ хотите. Я, конечно, и такъ могу напечатать эту вещь, кстати сказать, недурную, но лучше, если вы, какъ я сказалъ, начало немного измѣните. А потомъ я вотъ вамъ тутъ слово вставилъ,—и онъ мнѣ показалъ написанное его рукой слово, которое при торопливой перепискѣ я пропустилъ.....

— Я нечаянно пропустилъ его...

— Ну, конечно, конечно... Я даю вамъ недѣлю сроку, передѣлайте начало, а потомъ опять принесите рукопись ко мнѣ... Нумера черезъ три-четыре и пустимъ печатать съ Богомъ. А вы, знаете, не бросайте писать; если что для насъ будетъ, несите; я съ удовольствіемъ прочту и помѣщу въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

Та масса вопросовъ, которые гнѣздились до сихъ поръ въ моей головѣ, улетѣли теперь, и я лишь внимательно слушалъ слова С. Н.

А онъ продолжалъ:

— Старъ сталъ... тяжеловато стало, да какъ ни тяжело, не могу бросить этой работы.

— «Засосало» васъ?—несмѣло спросилъ я.

— А! вы помните мое выраженіе. Да, другъ, засосало, засосало, дѣйствительно, засосало; не могу уйти со своего поста; хочу умереть на немъ!—вздыхнулъ Шубинскій.—И васъ засосетъ, не бойтесь!—лукаво улыбнулся онъ...

И, дѣйствительно, онъ былъ правъ: засосало...

— Всего лучшаго... Буду опять васъ ждать, заходите!—сказалъ мнѣ С. Н., когда я уже вышелъ изъ его кабинета.

— Да вы не безпокойтесь, не провожайте меня!—поспѣшно сказалъ я.

— Ну, ну! Ужъ вы меня совсѣмъ въ старики записали... Это ужъ не какой особенный трудъ, а даже прогулочка послѣ сидѣнья цѣлый день въ креслѣ.

— До свиданья, С. Н.!—сказалъ я.

— Заглядывайте,—пожалъ мнѣ руку хорошій, тихій, добродушный редакторъ.

Я занялся передѣлкой рукописи, но черезъ недѣлю не успѣлъ окончить работу,—захворалъ и слегъ въ постель. Шубинскому я тогда послалъ письмо:

«Многоуважаемый

«Сергѣй Николаевич!»

«Вотъ уже третій день лежу въ постели, простудился; голова болить страшно,—совсѣмъ не могу даже писать. А долженъ замѣтить, что писать я могу, когда угодно, всегда есть что написать... А теперь даже писать не могу. Вотъ видите, какъ расхворался... Поэтому не сочтите неприсылку моей рукописи вамъ въ-время за то, что я не хочу печатать свой рассказъ въ вашемъ журналѣ. Какъ только будетъ возможность—рукопись будетъ у васъ».

Дня черезъ три я получилъ письмо приблизительно такого содержанія (къ сожалѣнію, не знаю, куда оно пропало, хранилъ его я бережно, но уже въ теченіе двухъ лѣтъ нигдѣ его не могу найти):

«Очень жалѣю, что вы захворали. Рукопись вашу могу подождать, не работайте только черезъ силу. Поправляйтесь скорѣй и прїѣзжайте ко мнѣ вмѣстѣ съ рукописью, мнѣ необходимо съ вами поговорить объ одномъ дѣлѣ¹⁾. Шубинскій».

Прошелъ мѣсяць съ тѣхъ поръ, какъ я былъ у С. Н.; я намѣтилъ наконецъ день, когда съ исправленной рукописью хотѣлъ поѣхать къ Шубинскому.

И поѣхалъ.

Но мнѣ сказали, что С. Н. боленъ, что, если мнѣ по дѣламъ редакціи, то въ такіе-то и такіе часы я могу видѣть...

Но, по правдѣ сказать, дальше я не слушалъ, что мнѣ говорили, и ушелъ... «Заболѣлъ С. Н.»—все вертѣлось въ моей головѣ...

Больше я не видалъ этого добраго человѣка, хорошаго редактора, такъ расположившаго къ себѣ за два недолгихъ разговора,

Онъ ушелъ отъ насъ въ другой міръ, пробывъ на своемъ посту, какъ онъ и хотѣлъ, до самой своей смерти...

Однимъ хорошимъ человѣкомъ стало на землѣ меньше. А какъ ихъ мало, такихъ людей!

О С. Н. Шубинскомъ многіе писали до меня, будутъ писать и послѣ меня, но мнѣ хотѣлось въ этихъ немногихъ строкахъ описать тѣ двѣ памятныхъ встрѣчи съ чуткимъ человѣкомъ, чуткимъ редакторомъ, которыхъ ни время, ни бури жизни, не унесутъ изъ моей памяти.

Двѣ хорошія встрѣчи...

Два теплыхъ разговора...

Вотъ и все, что я знаю о С. Н. Шубинскомъ, что хотѣлъ я безыскусственно описать въ этой статьѣ.

Рассказъ мой такъ и остался въ моемъ портфелѣ.

Алексѣй Сиворскій.

¹⁾ Я такъ и не узналъ, о какомъ дѣлѣ со мной хотѣлъ поговорить Шубинскій.

ПЕТЕРГОФСКОЕ СОВѢЩАНІЕ О ПРОЕКТѢ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ПОДЪ ЛИЧНЫМЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ПРЕДСѢДА- ТЕЛЬСТВОМЪ.

(Секретные протоколы).

ОСЛѢ даннаго 18 февраля 1905 года на имя министра внутреннихъ дѣлъ Булыгина рескрипта о привлеченіи выборныхъ людей къ предварительной разработкѣ и обсужденію законодательныхъ предложеній, подлежащихъ внесенію въ Гос. Совѣтъ, послѣдовалъ почти полугодовой интервалъ, въ теченіе котораго русское общество было мало освѣдомлено о томъ, что по сему предмету будетъ предпринято и осуществлено правительствомъ Николая II. Ходили самыя разнообразныя слухи, общество волновалось, а тѣмъ временемъ, какъ извѣстно, страну охватывали всяческіе беспорядки и надъ русской землей понемногу поднимался паръ кроваваго тумана. Наши неудачи на Дальнемъ Востоку разжигали страсти, и въ воздухѣ все болѣе и болѣе скоплялось электричество, обѣщавшее разразиться грозною бурей. Правительство мало сознавало опасное положеніе вещей и полагало, что незначительными уступками и компромиссами возможно предупредить готовую разразиться бурю, а вмѣсто того, чтобы предпринять какіе-нибудь рѣшительные шаги навстрѣчу ожиданіямъ и требованіямъ народа, оно пребывало въ утопическомъ вождедѣніи сохранить незыблемыми основные законы имперіи. Въ этихъ видахъ лѣтомъ того бурнаго года въ тиши Купеческаго Зала въ большомъ

Новопетергофскомъ дворцѣ состоялось пять секретныхъ засѣданій изъ представителей нашей высшей бюрократіи, съ участіемъ лицъ царской семьи и подъ предѣдательствомъ самаго Николая II, въ каковыхъ засѣданіяхъ обсуждались вопросы первостепенной государственной важности, отъ того или другого разрѣшенія которыхъ зависѣла судьба обширной имперіи и ея многомилліоннаго населенія. Протоколы этихъ совѣщаній должны были явиться величайшей государственной тайной, такъ что, по предложенію, какъ увидимъ ниже, одного изъ сановниковъ, протоколы эти отпечатаны были всего лишь въ двухъ экземплярахъ въ увѣренности, что такимъ образомъ ничей нескромный взоръ не проникнетъ въ тайники заговора бюрократіи противъ счастья и благополучія народа. Но каковы бы ни были мѣры предосторожности, чья-то «нескромная» рука успѣла переслать копію этихъ протоколовъ въ Берлинъ, гдѣ они и появились въ печати въ видѣ небольшой книги подъ приведеннымъ выше заглавіемъ, доступъ къ которой, конечно, былъ въ Россію возбраненъ. Кое-что изъ этой интересной книжки все-таки попало въ печать, мы же здѣсь воспроизводимъ всѣ эти «секретные протоколы» полностью, какъ любопытный документъ для исторіи минувшаго царствованія и для характеристики тѣхъ «государственныхъ младенцевъ», въ рукахъ коихъ столь долго сосредоточивалась власть надъ русскою страной и народомъ. Комментировать эти документы мы не будемъ, какъ это сдѣлано въ берлинскомъ изданіи. Сейчасъ, когда выметаются всѣ слѣды преступныхъ сѣяній недавнихъ лѣтъ и русское общество вполне сознательно реагируетъ на происходящее, нѣтъ надобности разяснять ему всѣ ошибки и грѣхи, содѣланные противъ него 12 лѣтъ тому назадъ. Текстъ публикуемыхъ документовъ говоритъ самъ за себя и краснорѣчивѣе всякихъ комментариевъ и разясненій. Пусть передъ читателемъ развернется живая панорама словъ и людей: эта страница его минувшей исторіи, которая имъ изжита и къ которой нѣтъ возврата.

Р е д.

Засѣданія Совѣщанія, подъ личнымъ Его Императорскаго Величества предѣдательствомъ, для обсуждения предначертаній, указанныхъ въ Высочайшемъ рескриптѣ Министру Внутреннихъ Дѣлъ 18 февраля 1905 года, происходили 19, 21, 23, 25 и 26 іюля того года, въ Новомъ Петергофѣ, въ Большомъ Дворцѣ, въ Купеческомъ Залѣ. Предъ началомъ перваго засѣданія 19 Іюля 1905 года совершено было молебствіе протопресвитеромъ Янышевымъ. Засѣданія начинались: 19 и 21 Іюля въ 2 часа пополудни; 23 и 25—въ 2 час. 30 минутъ, а 26—въ 2 часа 45 минутъ и оканчивались въ 7 часовъ 15—25 минутъ, съ перерывомъ, около 5 часовъ, на 15—20 минутъ.

7*

Составъ Совѣщанія подь Личнымъ Его Императорскаго Величества предсѣдательствомъ, для обсужденія предначертаній, указанныхъ въ Высочайшемъ рескриптѣ 18 февраля 1905 года.

Е. И. В. В. К. Михаилъ Александровичъ.

Е. И. В. В. К. Владиміръ Александровичъ.

Е. И. В. В. К. Алексѣй Александровичъ.

Е. И. В. В. К. Николай Николаевичъ.

Е. И. В. В. К. Александръ Михайловичъ.

Предсѣдатель Департамента Государственной Экономіи Государственнаго Совѣта, Статсъ-Секретарь, д. т. сов. графъ Дмитрій Мартыновичъ Сольскій.

Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода, Статсъ-Секретарь, д. т. с. Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ.

Предсѣдатель Департамента Законовъ, Статсъ-Секретарь, д. т. с. Эдуардъ Васильевичъ Фришъ.

Членъ Государственнаго Совѣта, Статсъ-Секретарь, д. т. с. Александръ Александровичъ Половцовъ.

Членъ Государственнаго Совѣта, Генераль-Адъютантъ, Генераль отъ инфантеріи Оттонъ Борисовичъ Рихтеръ.

Членъ Государственнаго Совѣта, Статсъ-Секретарь, Оберъ-Гофмейстеръ князь Михаилъ Сергѣевичъ Волконскій ¹⁾.

Предсѣдатель Департамента Промышленности, Наукъ и Торговли Государственнаго Совѣта, Генераль-Адъютантъ, Адмиралъ Николай Матвѣевичъ Чихачевъ.

Предсѣдатель Департамента Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ Государственнаго Совѣта, д. т. с. Николай Николаевичъ Герардъ.

Членъ Государственнаго Совѣта, Генераль-Адъютантъ, Генераль отъ Кавалеріи графъ Алексѣй Павловичъ Игнатьевъ 2-й.

Министръ Путей Сообщенія, Статсъ-Секретарь, д. т. с. князь Михаилъ Ивановичъ Хилковъ.

Государственный Контролеръ, Генераль отъ Инфантеріи Павелъ Львовичъ Лобко.

Министръ Императорскаго Двора и Удѣловъ, Генераль-Адъютантъ, Генераль отъ Кавалеріи баронъ Владиміръ Борисовичъ Фредериксъ.

Членъ Государственнаго Совѣта, д. т. с. Иванъ Яковлевичъ Голубевъ.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, Статсъ-Секретарь, д. т. с. графъ Владиміръ Николаевичъ Ламздорфъ.

Членъ Государственнаго Совѣта, д. т. с. Николай Степановичъ Таганцевъ.

Членъ Государственнаго Совѣта, д. т. с. Владиміръ Владиміровичъ Верховскій.

¹⁾ Присутствовали въ засѣданіяхъ 23, 25 и 26 іюля 1905 года.

Министръ Народнаго Просвѣщенія, Генераль-Лейтенантъ Владиміръ Гавриловичъ Глазовъ.

Военный Министръ, Генераль-Лейтенантъ Александръ Ѳедоровичъ Редигеръ.

Морской Министръ, Вице-Адмираль, Алексѣй Алексѣевичъ Бирилевъ ¹⁾.

Членъ Государственнаго Совѣта, Шталмейстеръ князь Александръ Дмитріевичъ Оболенскій I.

Главнуправляющій Собственною Его Императорскаго Величества Канцелярією, Статсъ-Секретарь, Гофмейстеръ Александръ Сергѣевичъ Танѣевъ.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Гофмейстеръ Александръ Григорьевичъ Булыгинъ.

Главнуправляющій Канцелярією Его Императорскаго Величества по принятію прошеній, Шталмейстеръ баронъ Александръ Андреевичъ Будбергъ.

Министръ Финансовъ, Статсъ-Секретарь, т. с. Владиміръ Николаевичъ Коковцевъ.

Членъ Государственнаго Совѣта, т. с. Александръ Семеновичъ Стишинскій.

Государственный Секретарь, Статсъ-Секретарь, т. с. баронъ Юлій Александровичъ Иксуль-фонъ-Гильдебандтъ.

Исп. д. Главнуправляющаго Землеустройствомъ и Земледѣліемъ, т. с. Петръ Христіановичъ Шванебахъ.

Министръ Юстиціи, т. с. Сергѣй Сергѣевичъ Манухинъ.

Управляющій дѣлами Комитета Министровъ, Статсъ-Секретарь, т. с. баронъ Эммануилъ Юльевичъ Нольде.

Сенаторъ, Гофмейстеръ, графъ Алексѣй Александровичъ Бобринскій.

Сенаторъ, Гофмейстеръ, князь Алексѣй Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ.

Сенаторъ, т. с. Александръ Алексѣевичъ Нарышкинъ.

Товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Завѣдывающій Полицією, Свиты Его Императорскаго Величества Генераль Маіоръ Дмитрій Федоровичъ Треповъ.

Секретарь Е. И. В. Государыни Императрицы Маріи Ѳедоровны, Гофмейстеръ графъ Арсеній Аркадьевичъ Голенищевъ-Кутузовъ.

Состоящій при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, Гофмейстеръ Ананій Петровичъ Струковъ.

Членъ Совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія, въ должности Гофмейстера Петръ Николаевичъ Семеновъ²⁾.

¹⁾ Въ засѣданіяхъ не присутствовалъ.

²⁾ Въ засѣданіяхъ не присутствовалъ.

Заслуженный Профессоръ, т. с. Василій Осиповичъ Ключевскій.
Дѣйствительный Членъ Императорскаго Русскаго Историческаго О-ва, с. с. Николай Михайловичъ Павловъ.

Состоящій въ распоряженіи Е. И. В. В. К. Михаила Александровича, Генераль-Маіоръ Александръ Васильевичъ Чарторійскій ¹⁾.
Завѣдывающій дѣлопроизводствомъ Совѣщанія:

Товарищъ Государственнаго Секретаря, т. с. Петръ Алексѣевичъ Харитоновъ.

Командированные для занятій по дѣлопроизводству Совѣщанія ²⁾:

Статсъ-Секретарь Департамента Промышленности, Наукъ и Торговли Государственнаго Совѣта, д. с. с. Александръ Григорьевичъ Тимротъ.

Исп. д. Статсъ Секретаря Департамента Экономіи Государственнаго Совѣта, д. с. с. Алексѣй Ивановичъ Кобеляцкій.

Помощникъ Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта въ званіи Камергера, д. с. с. Александръ Ѳedorовичъ Треповъ.

Засѣданіе 19 іюля 1905 года.

Его Императорское Величество. 18 февраля сего года Мною изданъ Манифестъ объ укрѣпленіи Самодержавія и о призывѣ всѣхъ русскихъ людей собраться вокругъ Моего Престола. Въ тотъ же день Мною былъ данъ на имя Министра Внутреннихъ Дѣлъ рескриптъ о привлеченіи выборныхъ людей къ предварительной разработкѣ и обсужденію законодательныхъ предположеній, подлежащихъ внесенію въ Государственный Совѣтъ, при непремѣнномъ сохраненіи неизблѣмости Основныхъ Законовъ Имперіи. Связь между обоими актами естественная и не нуждается въ поясненіи.

При обсужденіи всякаго вопроса, а особенно такого важнаго, высказываемыя мнѣнія расходятся въ зависимости отъ взглядовъ и воззрѣній. Такъ, относительно формы осуществленія Моихъ предначертаній многіе находятъ, что проектъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ недостаточно широкъ, другіе напротивъ считаютъ, что этимъ проектомъ умаляются права Самодержавія, и потому онъ опасенъ для Россіи.

Первый и главный вопросъ по существу: находится ли проектированный новый законъ въ полезномъ согласіи и правильномъ сочетаніи съ нашими Основными Законами. Только по всестороннемъ разсмотрѣннн этого принципиальнаго вопроса, приступимъ мы къ

¹⁾ Присутствовали въ засѣданіяхъ 21, 23, 25 и 26 іюля 1905 года.

²⁾ Въ засѣданіяхъ 23, 25 и 26 іюля 1905 года присутствовалъ Помощникъ Управляющаго дѣлами Комитета Министровъ, Гофмейстеръ Николай Ивановичъ Вуичъ.

подробному разсмотрѣнію законопроекта. По этому предмету прошу васъ, господа, высказаться откровенно, ясно и положительно.

Графъ Д. М. Сольскій. Какъ я имѣлъ случай всеподданнѣйше докладывать Вашему Императорскому Величеству при представленіи меморіи Совѣта Министровъ, проектъ Совѣта не нарушаетъ началъ Самодержавія. Предложенное въ одобренномъ Совѣтомъ Министровъ проектѣ устройство существенно отличается отъ западно-европейскихъ формъ тѣмъ, что на Западѣ хартіи представляютъ изъ себя не что иное, какъ договоры между Монархомъ и народомъ: листомъ бумаги опредѣляются права одной и ограничивается власть другой стороны. О такомъ ограниченіи Самодержавной Власти въ проектѣ Совѣта Министровъ нѣтъ рѣчи. Но съ учрежденіемъ Государственной Думы должны существеннымъ образомъ измѣниться условія дѣятельности власти. Это измѣненіе— обуславливается не буквальнымъ текстомъ предстоящаго къ изданію закона, ибо онъ, какъ я указалъ, не содержитъ въ себѣ ограничивающихъ Самодержавіе постановленій. Однако, силою вещей, проявленія власти при обновленномъ строѣ, какъ въ интересахъ ея самой, такъ и народа, должны быть иныя. Необходимо будетъ помнить, что остающимся и на будущее время правомъ: разрѣшенія обсуждавшихся въ законосовѣщательныхъ учрежденіяхъ вопросовъ по непосредственному изволенію Вашего Величества— придется пользоваться съ особою осмотрительностью, т. е. преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда станутъ возникать основательныя сомнѣнія въ томъ, что постановленія Государственной Думы направлены къ достиженію какихъ либо партійныхъ цѣлей, несомнѣстимыхъ, по мнѣнію Монарха, съ благомъ народнымъ и истинною пользою государства. Осуществленіе изъясненнаго права въ иныхъ условіяхъ можетъ повести къ такимъ осложненіямъ, которыя, конечно, слѣдуетъ предупреждать всѣми мѣрами во имя спокойствія и преуспѣянія нашего отечества.

Для уясненія предлагаемаго измѣненія осуществленія власти я укажу на законодательную дѣятельность: въ настоящее время дѣла законодательныя восходятъ на воззрѣніе Вашего Величества черезъ Государственный Совѣтъ, т. е. черезъ собраніе лицъ, Вами избранныхъ и назначенныхъ во вниманіе къ служебной ихъ опытности. Но именно то, что создало эту опытность, препятствовало названнымъ лицамъ близко узнать жизнь народа и всегда быть вѣрными выразителями народныхъ нуждъ. Ваше Императорское Величество, стоя во главѣ и въ средоточіи всего, находитеcь въ положеніи гораздо болѣе выгодномъ. По этому мнѣнію Вашихъ совѣтниковъ изъ служилаго люда не можетъ безусловно связывать Ваше Величество. Но когда Вы будете имѣть передъ собою пятьсотъ членовъ Государственной Думы, избранныхъ

народомъ изъ своей среды, какъ наиболѣе достойныхъ, то несогласіе съ мнѣніемъ Думы не будетъ уже имѣть оправданія въ недостаточной освѣдомленности законосовѣщательныхъ учреждений съ истинными потребностями населенія.

Его Императорское Величество. Больше никто не желаетъ высказаться?

Э. В. Фришъ. Я вполне раздѣляю высказанный графомъ взглядъ. При разсмотрѣніи настоящаго дѣла въ Совѣтѣ Министровъ, все его члены были проникнуты единою мыслию, чтобы воля Вашего Императорскаго Величества о сохраненіи неизблемыми коренныхъ началъ Основныхъ нашихъ законовъ была въ точности исполнена. Этому условію съ формальной точки зрѣнія проектъ учрежденія Государственной Думы вполне удовлетворяетъ. Не слѣдуетъ, однако, упускать изъ виду, что къ мнѣніямъ Думы придется Вашему Величеству прислушиваться съ особымъ вниманіемъ и относиться осторожно и бережно къ ея заключеніямъ. Такое отношеніе къ Думѣ отнюдь нельзя отождествлять съ ограниченіемъ власти Вашего Величества, но слѣдуетъ разсматривать, какъ извѣстный способъ дѣйствій, прямо вытекающій изъ существа принятаго Вашимъ Величествомъ рѣшенія—призвать къ законосовѣщательной дѣятельности выборныхъ отъ населенія лучшихъ людей. Эти люди должны непосредственно доводить до Вашего свѣдѣнія истинныя нужды народа и служить выразителями исходящихъ отъ него пожеланій и ходатайствъ. Если бы мыслимо было иное отношеніе къ голосу выборныхъ, то едва ли настала бы надобность въ новомъ постоянномъ законосовѣщательномъ учрежденіи: можно было бы, по бывшимъ примѣрамъ, ограничиваться истребованіемъ заключенія того или иного земскаго либо городского общественнаго учрежденія по интересующему правительству вопросу.

А. С. Стишинскій. Я вполне убѣжденъ, что Совѣтъ Министровъ былъ проникнутъ желаніемъ въ точности исполнить волю Вашего Императорскаго Величества и въ проектѣ учрежденія Государственной Думы соблюсти полное соответствіе съ Основными нашими Законами. Въ разсматриваемомъ законопроектѣ есть, однако, одна статья 42, которая можетъ возбуждать нѣкоторыя съ этой точки зрѣнія сомнѣнія. По силѣ приведенной статьи законодательныя предположенія, отклоненныя большинствомъ членовъ въ общихъ собраніяхъ какъ Государственной Думы, такъ и Государственнаго Совѣта, возвращаются подлежащему Министру или Главноуправляющему отдѣльною частью, для дополнительнаго соображенія. Если бы подобное постановленіе удостоилось Высочайшаго Вашего Величества утвержденія, то на будущее время могли бы воспринимать силу закона только тѣ законопроекты, за которые выскажется большинство, по крайней мѣ-

рѣ, одного изъ законсовѣщательныхъ учреждений. Изъясненное правило, по убѣжденію моему, идетъ далѣе предначертаній рескрипта 18 Февраля сего года. Въ намѣченной учрежденіемъ Государственной Думы постановкѣ, выборные отъ населенія люди окажутся привлеченными не къ законсовѣщательной только дѣятельности, но и къ участію въ законодательной власти, которая принадлежитъ всецѣло и нераздѣльно Вашему Величеству. Между моментомъ составленія законопроекта и моментомъ его учрежденія Самодержавною Властью появляется третій моментъ законодательной дѣятельности—одобреніе проекта закона большинствомъ Думы или Государственного Совѣта. Это одобреніе становится необходимымъ условіемъ поступленія закона къ предназначенному имъ совершенію. Предположенный статьею 42 порядокъ находится, по моему мнѣнію, въ принципиальномъ несоотвѣтствіи съ Основными нашими Законами, и сохраненіе обсуждаемой статьи въ учрежденіи Думы грозитъ опасными на практикѣ послѣдствіями. Оно будетъ истолковано, какъ намѣреніе приблизиться къ существующимъ на Западѣ порядкамъ изданія законовъ, и послужить, вѣроятно, для Думы однимъ изъ поводовъ домогаться дальнѣйшаго расширенія предоставляемыхъ ей правъ и новыхъ уступокъ, до установленія отвѣтственности министровъ включительно. По приведеннымъ соображеніямъ, я полагалъ бы необходимымъ статью 42 исключить и вполнѣ присоединяюсь къ высказанному Государственнымъ Контролеромъ въ Совѣтѣ Министровъ мнѣнію о томъ, что на благовозрѣніе Вашего Величества должны быть повергаемы мнѣнія какъ большинства, такъ и меньшинства законсовѣщательныхъ учреждений.

Графъ Д. М. Сольскій. Содержащееся въ статьѣ 42 проекта постановленіе вызвало сначала и во мнѣ нѣкоторыя сомнѣнія не столько по существу, сколько съ формальной стороны. Сомнѣнія эти, какъ кажется, устраняются, если взглянуть на дѣло съ практической точки зрѣнія. Случаи отклоненія законопроекта большинствомъ обоихъ законсовѣщательныхъ учреждений будутъ, безъ сомнѣнія, крайне рѣдки. Съ другой стороны, едва ли возможно допустить, что законодательное предположеніе, несочувственно встрѣченное большею частью членовъ какъ Государственной Думы, такъ и Государственного Совѣта, могло быть поднесено къ Высочайшему утвержденію безъ основательной переработки.

В. Н. Кокорцевъ. На поставленный Вашимъ Императорскимъ Величествомъ общій вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ проектъ учрежденія Думы находится въ полезномъ согласіи и правильномъ сочетаніи съ Основными Законами Россійской Имперіи, нельзя, по моему глубокому убѣжденію, отвѣтить иначе, какъ утвердительно. Смыслъ новаго законопроекта совершенно ясенъ. Положеніе Думы въ ряду другихъ государственныхъ установленій,

кругъ ея вѣдѣнія и объемъ присваиваемыхъ ей правъ очерчены совершенно опредѣленно. Поэтому, если въ распоряженіи власти окажутся достаточныя средства для обезпеченія точнаго исполненія предстоящаго къ изданію закона, то взирать на будущее можно съ полнымъ спокойствіемъ, съ увѣренностью въ бесплодности всякихъ попытокъ поколебать принципъ Самодержавной власти. Высказанныя въ средѣ Совѣщанія сомнѣнія по поводу нѣкоторыхъ постановленій обсуждаемаго проекта учрежденія Государственной Думы исходятъ, повидимому, изъ предположенія, что она будетъ стремиться къ расширенію своихъ правъ за положенныя для того предѣлы. Отрицать возможности подобнаго направленія дѣятельности Думы, конечно, нельзя. Но надлежитъ, во всякомъ случаѣ, признать, что всякія уклоненія Думы отъ предначертаннаго ей пути и всѣ связанныя съ ними осложненія не будутъ результатомъ и з д а н і я разсматриваемаго нынѣ учрежденія, а явятся прямымъ слѣдствіемъ неисполненія тѣхъ постановленій онаго, которыя удостоятся Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества утвержденія. Если же, сверхъ ожиданія, создается такое положеніе, при которомъ трудно будетъ вселить и поддержать уваженіе къ существующему закону, то нужно будетъ готовиться ко всякаго рода неожиданностямъ, предупредить которыя едва ли возможно частичными измѣненіями подлежащаго законопроекта,

А. А. Нарышкинъ. Я всецѣло раздѣляю соображенія, высказанныя А. С. Стишинскимъ. Возбужденный имъ вопросъ касается не какой-либо частности учрежденія Думы, а коренныхъ началъ нашихъ Основныхъ Законовъ, на которыя до извѣстной степени посягаетъ статья 42 этого учрежденія. Во всякомъ случаѣ, она предоставляет Думѣ болѣе широкія права, нежели тѣ, которыя имѣлъ въ виду рескриптъ Вашего Императорскаго Величества отъ 18 февраля сего года на имя Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Не слѣдуетъ, прежде всего, упускать изъ виду, что законопроекты вносятся на разсмотрѣніе въ установленномъ порядкѣ не иначе, какъ съ Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества соизволенія, т. е. по предварительномъ одобреніи ихъ мысли и цѣли. Не смотря на это, подобныя законопроекты, — разъ они будутъ отклонены хотя бы ничтожнымъ большинствомъ каждаго законосовѣщательнаго учрежденія, иногда по соображеніямъ, имѣющимъ между собою весьма мало общаго или даже совершенно различнаго, — не будутъ поступать на Высочайшее благоволеніе, хотя бы они соответствовали Монаршимъ предначертаніямъ. При такой постановкѣ дѣла несомнѣнно нарушается то основное начало, согласно коему законодательная власть принадлежитъ единственно и всецѣло Самодержавному Монарху. Статья 42 проекта учрежденія Государственной Думы полагаетъ преграду свободному выбору Императорскаго Величества между мнѣніемъ большинства

и меньшинства. Большинство членовъ Совѣта Министровъ высказалось въ томъ смыслѣ, что проектированное въ статьѣ 42 постановленіе послужитъ къ дѣйствительной охранѣ значенія въ населеніи Самодержавной Власти, не допуская представленія Ей неудовлетворительныхъ законопроектовъ. Эти ожиданія едва ли сбудутся. Можно даже опасаться совершенно противоположныхъ результатовъ. То обстоятельство, что, въ случаѣ согласія между собою большинства членовъ Думы и Государственнаго Совѣта, мнѣніе меньшинства выбранныхъ отъ населенія людей не достигнетъ Престола, что меньшинство устраняется, такъ сказать, большинствомъ по цѣлому ряду дѣлъ,—способно смутить народное сознаніе, которое издавна освоилось съ тѣмъ положеніемъ, что на Высочайшее Вашего Величества возрѣніе повергаются одновременно мнѣнія не только большинства, но и меньшинства единого существующаго нынѣ законосовѣщательнаго учрежденія. Независимо отъ сего, и въ практическомъ исполненіи статьи 42 могутъ встрѣтиться затрудненія. Отклоненныя Думою и Совѣтомъ, по большинству голосовъ, законодательныя предположенія возвращаются Министрамъ «для дополнительнаго соображенія». Между тѣмъ это совершенно неисполнимо въ тѣхъ случаяхъ, когда проектъ отвергнуть по соображеніямъ существа, или когда въ самыхъ основаніяхъ отклоненія оба учрежденія между собою несогласны.

Въ учрежденіи Государственнаго Совѣта проведенъ принципъ уваженія къ мнѣнію меньшинства и обезпеченія посильнаго его участія во всѣхъ стадіяхъ законосовѣщательной дѣятельности. Это начало, освѣщенное авторитетами науки, слѣдуетъ сохранить и въ новомъ учрежденіи, такъ какъ правильное и соотвѣтствующее истиннымъ государственнымъ интересамъ рѣшеніе того или иного законодательнаго вопроса можетъ заключаться и въ мнѣніи меньшинства. Поэтому мнѣніе это имѣетъ такое же право быть представленнымъ Вашему Величеству, какъ и заключеніе относительнаго и, нерѣдко, случайнаго большинства.

Рѣшеніе дѣлъ по большинству голосовъ есть начало, заимствованное изъ строя государственныхъ установленій Западной Европы. Тамъ оно имѣетъ свое оправданіе въ самомъ характерѣ названныхъ учреждений и объемѣ предоставленныхъ имъ въ законодательной области правъ. По точному смыслу рескрипта 18 Февраля, выборные отъ населенія люди призываются лишь къ законосовѣщательной дѣятельности. А разъ они не имѣютъ рѣшающаго голоса въ дѣлахъ подобнаго рода, то число членовъ, высказавшихся за или противъ какого-либо законопроекта, лишено особаго значенія. То или другое мнѣніе должно оцѣниваться не по числу примкнувшихъ къ нему членовъ, а по внутренней своей сущности, т. е. по степени пониманія истинныхъ государственныхъ потребностей и наилучшихъ способовъ ихъ осуществленія. Приведенныя соображенія

склоняють меня къ убѣжденію, что статья 42 проекта не соотвѣтствуетъ предуканіямъ рескрипта 18 Февраля 1905 г.

Особенно опасныя послѣдствія слишкомъ широкихъ правъ большинства могутъ обнаружиться въ томъ случаѣ, если Дума возбудить, — въ порядкѣ предусмотрѣнномъ ея учрежденіемъ, вопросъ объ измѣненіи этого учрежденія. Коль скоро этотъ вопросъ станетъ предметомъ обсужденія Думы, большинство, на вѣрно, выскажется въ пользу расширенія предоставляемыхъ ей нынѣ компетенцій и правъ, и только благоразумное меньшинство можетъ выступить противникомъ слишкомъ поспѣшныхъ и не вызываемыхъ дѣйствительными потребностями измѣненій столь важнаго закона. Такое мнѣніе непременно должно быть доведено до свѣдѣнія Вашего Величества, какъ голосъ такихъ же выборныхъ отъ населенія лицъ, какъ и входящихъ въ составъ большинства. Съ моей точки зрѣнія, предложеніе Государственнаго Контролера, имѣющее цѣлью сохраненіе на будущее время какъ въ Государственномъ Совѣтѣ, такъ и въ Думѣ равнаго передъ Монархомъ значенія за мнѣніемъ большинства и меньшинства, представляется наиболѣе правильнымъ.

В. В. Верховскій. Сдѣланныя въ настоящемъ засѣданіи указанія на несоотвѣтствіе изложеннаго въ статьѣ 42 постановленія съ основными началами государственнаго нашего строя не вполне точны и не могутъ быть оставлены безъ возраженій. Прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить, что вносимый съ Высочайшаго соизволенія въ Государственный Совѣтъ законопроектъ нельзя считать удостоившимся Высочайшаго одобренія. Всѣмъ намъ, прошедшимъ долгую административную школу, извѣстно, что, какъ бы ни были сложны и объемисты созрѣвшія въ данномъ вѣдомствѣ законодательныя предположенія, во всеподданнѣйшихъ докладахъ, коими испрашивается разрѣшеніе на внесеніе законопроекта на утвержденіе въ установленномъ порядкѣ, сущность означенныхъ предложеній намѣчается лишь въ общихъ, весьма краткихъ чертахъ. Поэтому такія Высочайшія разрѣшенія и самими Министрами, и Главноуправляющими отдѣльными частями считаются не болѣе, какъ признаніемъ правильности основной мысли и благовременности ея осуществленія. Подобныя Высочайшія повелѣнія нисколько не стѣсняють Государственный Совѣтъ въ общей оцѣнкѣ законопроекта и сужденіяхъ по существу. Тою же свободою должна располагать и Дума, и постановленія законсовѣщательныхъ учреждений объ отклоненіи законопроекта отнюдь не могутъ быть толкуемы въ смыслѣ противодѣйствія Высочайшей волѣ. Практика Государственнаго Совѣта свидѣтельствуетъ о томъ, что мысль, положенная въ основаніе законопроекта, можетъ быть совершенно правильна и встрѣчать полное въ Совѣтѣ сочувствіе, но облеченіе ея въ форму закона настолько несовершенно, что требуетъ корен-

ной переработки въ томъ вѣдомствѣ, которымъ внесено представленіе, или же въ междувѣдомственной комиссіи. Въ такихъ случаяхъ или самъ Министръ беретъ свое представленіе обратно, или Государственный Совѣтъ возвращаетъ ему внесенную записку для измѣненія въ соотвѣтствіи съ послѣдовавшими въ Совѣтѣ сужденіями и указаніями. Возвращеніе представленія Министру по постановленію даже одного Государственнаго Совѣта никогда не считалось умаленіемъ Самодержавной Власти Вашего Императорскаго Величества. Тѣмъ менѣе основаній толковать въ изясненномъ смыслѣ статью 42 проекта, по которой возвращеніе дѣла обусловливается согласіемъ во мнѣніяхъ обоихъ законосовѣщательныхъ учрежденій—Совѣта и Думы. Не объ исключеніи этой статьи могла бы итти рѣчь, а о ясномъ выраженіи въ этой статьѣ той мысли, что министры не могутъ испрашивать Высочайшее соизволеніе на вторичное, безъ надлежащей переработки, внесеніе отклоненнаго указаннымъ выше порядкомъ проекта.

Н. Н. Герардъ. Главный вопросъ о соотвѣтствіи проекта принципу Самодержавія не исчерпанъ высказанными сужденіями. Вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли устанавливать правило о возвращеніи законопроектовъ, не получившихъ большинства ни въ Думѣ, ни въ Государственномъ Совѣтѣ, составляетъ лишь частность вопроса общаго. Его слѣдуетъ обсудить всесторонне, и тогда только онъ станетъ ясенъ во всѣхъ его частяхъ.

Необходимо уяснить себѣ, колеблется ли проектомъ Верховная власть. Для этого надо дать себѣ отчетъ, съ какой стороны выработанныя предположенія могутъ внушать опасенія. Самодержавная Власть составляетъ сосредоточеніе и источникъ всей власти и потому не поддается опредѣленію. Все исходитъ отъ нея и въ ней сосредоточено. Въ нашихъ сужденіяхъ въ Совѣтѣ Министровъ необходимость охранить полноту Самодержавной Власти неуклонно имѣлась въ виду. Но въ такомъ государствѣ, какъ Россія, Самодержавная Власть не можетъ дѣйствовать непосредственно, а имѣетъ исполнительные органы въ области законодательства, администраціи и суда. Проектъ касается только опредѣленія органовъ Самодержавной Власти и вводитъ лишь новое разграниченіе подчиненныхъ властей. При этомъ мы всячески избѣгали дать какое-бы то ни было опредѣленіе Верховной Власти, ибо она, будучи всеобъемлющею, никакому опредѣленію не поддается. Но подчиненныя Верховной Власти законодательныя учрежденія нуждаются въ общеніи съ народомъ. Мы практически убѣдились на дѣлѣ, насколько намъ недостаетъ свѣдѣній о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ. Мы искали способовъ познать ихъ и для этого либо приглашали свѣдующихъ людей, либо требовали предварительнаго обсужденія вопросовъ на мѣстахъ. Теперь назрѣла мысль постоянно выслушивать людей, которые съ этими пользами и нуждами близко знакомы. Для осу-

ществленія этой мысли предположили мы сдѣлать то, что сто лѣтъ тому назадъ проектировалъ Сперанскій, признававшій необходимость обсуждения законовъ въ двухъ инстанціяхъ, изъ которыхъ первая, подготовительная, должна быть Государственная Дума. Какъ и тогда, такъ и нынѣ, проектъ ни однимъ словомъ не касается Самодержавной Власти. Правда, положеніе администраціи нѣсколько измѣнится. Но и въ этомъ отношеніи мы могли бы заслужить упрекъ только въ томъ случаѣ, если бы подчинили администрацію Думѣ. Этого мы не имѣли въ виду, а стремились лишь къ тому, чтобы обезпечить законность дѣйствій администраціи, неизмѣнно остающейся въ единственномъ подчиненіи, подъ руководствомъ Верховной Власти.

Въ виду сего слѣдуетъ признать проектъ отвѣчающимъ въ существѣ предначертаніямъ рескрипта 18 февраля.

Графъ Игнатъевъ, А. П. Насколько я успѣлъ ознакомиться съ разосланнымъ намъ проектомъ, въ немъ нѣтъ прямого противорѣчія съ основными началами нашего государственнаго устройства. Но новое законсовѣщательное учрежденіе проектировано все же на основаніяхъ, едва ли вполне соответствующихъ первоначальнымъ предположеніямъ, которыя можно было себѣ составить на основаніи рескрипта 18 февраля 1905 года. Дума построена на тѣхъ же, въ сущности, основаніяхъ, какъ наши земскія учрежденія. И если эти послѣднія во многихъ губерніяхъ не удалось удержать въ границахъ отведенной имъ по закону дѣятельности, и земскія собранія обращаются нерѣдко въ политическія говорильни, то еще труднѣе будетъ справиться съ этою задачею въ отношеніи къ Думѣ при современномъ теченіи общественной мысли и стремленій тѣхъ лицъ, которыя считаются ея руководителями. Средства къ охраненію силы нашего закона и предупрежденія нежелательныхъ отъ него уклоненій, конечно, найдутся, но нельзя не считаться со всѣми неблагоприятными послѣдствіями примѣненія силы въ дѣлахъ подобнаго рода. Поэтому при опредѣленіи объема правъ новаго учрежденія, необходимо быть въ высшей степени осторожнымъ и не колебать того, съ чѣмъ искони свыклось населеніе, безъ всякой къ тому необходимости. Къ числу такихъ нежелательныхъ и опасныхъ по своимъ послѣдствіямъ нововведеній относится статья 42 проекта. Въ представленіи народномъ обаятельная прелесть Самодержавія заключается именно въ томъ, что Монархъ стоитъ внѣ партій, не подчиняется извѣстнымъ сочетаніямъ голосовъ, не увлекается мелочными и страстными стремленіями, а руководствуется во всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ истинными пользами и благомъ своихъ подданныхъ, внимательно выслушивая мнѣнія какъ большинства, такъ и меньшинства призванныхъ Имъ къ Себѣ на помощь въ дѣлахъ законодательныхъ совѣтниковъ. Поэтому статью 42, какъ несоответствующую сложившемуся въ народѣ представленію о Самодержавіи, слѣдуетъ изъ проекта исключить.

Графъ Д. М. Сольскій. Увлеченія, которыя небезосновательно ставятъ въ вину нашимъ земскимъ учрежденіямъ, въ значительной степени обусловливаются пынѣшнимъ ихъ составомъ, въ которомъ крестьянскій элементъ представленъ въ ничтожномъ количествѣ. На это было обращено вниманіе при разсмотрѣніи учрежденія Думы, причемъ приняты надлежащія мѣры къ тому, чтобы въ составъ Думы могло быть избрано значительное число крестьянъ: болѣе 42²/₂0% общаго числа губернскихъ выборщиковъ избираются сельскими обществами.

Князь М. И. Хилковъ. По моему мнѣнію, статья 42 проекта не противорѣчитъ Основнымъ нашимъ Законамъ ни по формѣ, ни по существу. Она обязываетъ Министровъ и Главноуправляющихъ къ вящей осторожности и обдуманности вносимыхъ на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ предположеній. При убѣжденіи въ пользѣ какого-либо новаго мѣропріятія, извѣстной настойчивости Министра и внимательномъ отношеніи къ сужденіямъ Думы и Совѣта, онъ можетъ придать своимъ предположеніямъ такую форму и содержаніе, которыя не будутъ служить препятствіемъ къ представленію закона на Высочайшее благовоззрѣніе.

Д. О. Тр е п о в ъ. Введеніе въ строй нашихъ государственныхъ установленій Думы, на какихъ бы основаніяхъ она ни была учреждена, по моему мнѣнію, опасно для Самодержавія. Избранные отъ населенія люди будутъ, въ всякихъ сомнѣній, стремиться къ расширенію предѣловъ вѣдѣнія и правъ, указанныхъ въ органическомъ о Думѣ законѣ. Чѣмъ болѣе сужены будутъ компетенціи и полномочія Думы, безъ особенно вѣскихъ къ тому уваженій, тѣмъ скорѣе обнаружатся и тѣмъ чаще будутъ повторяться столкновенія между Самодержавною Властью и новымъ законодательнымъ учрежденіемъ. Первая, такимъ образомъ, задача законодателя заключается въ томъ, чтобы уменьшить, по мѣрѣ возможности, число подобныхъ конфликтовъ. Къ той же цѣли направлена и статья 42 проекта, которую поэтому полезно было бы въ немъ сохранить. Опасенія, что этимъ путемъ законопроекты, коимъ сочувствуетъ Государь Императоръ, могутъ и не быть представлены на Его благоусмотрѣніе, представляются, по моему мнѣнію, преувеличенными. Не слѣдуетъ, въ самомъ дѣлѣ, упускать изъ виду, что для возвращенія законопроекта министру требуется, кромѣ большинства голосовъ Думы, также большинство членовъ Государственнаго Совѣта. Въ благоразуміи Совѣта, пополняемаго по непосредственному изволенію Монарха, и въ сознаніи Совѣтомъ всей силы постановляемаго имъ въ такихъ случаяхъ по большинству голосовъ мнѣнія, лежитъ залогъ убѣжденности въ томъ, что проектированное въ статьѣ 42 правило не приведетъ къ неблагопріятнымъ на практикѣ результатамъ или къ формальному хотя бы умаленію Самодержавной Власти.

С. С. Манухинъ. На общій поставленный Вашимъ Императорскимъ Величествомъ вопросъ можно отвѣтить, что Совѣтъ Министровъ не могъ и помышлять сознательно допустить какое либо отступленіе отъ Основныхъ Законовъ въ проектѣ учрежденія Думы. Что же касается статьи 42, то она, по мнѣнію моему, сопряжена съ интересами истиннаго Самодержавія. Подъ этимъ понятіемъ разумѣется ясное представленіе о пользахъ и нуждахъ народныхъ. Поэтому изданіе закона, въ цѣлесообразности и необходимости коего возникаютъ серьезныя сомнѣнія у большинства свободно избранныхъ населеніемъ членовъ Думы, причемъ сомнѣнія эти раздѣляются и Государственнымъ Совѣтомъ, могло бы лишь поколебать вѣру въ Самодержавіе. Съ этой точки зрѣнія статья 42, какъ предупреждающая появленіе несовершенныхъ законовъ, слѣдовало бы удержать въ проектѣ. Засимъ основное начало закона, заключающееся въ томъ, что помимо Самодержавной Власти никакой законъ не можетъ воспріять силы, сохраняется въ полной неприкосновенности, и потому объ умаленіи этой Власти не можетъ быть и рѣчи.

Н. Л. Лобко. Основное начало существующаго у насъ государственнаго строя—Самодержавіе Императорской Власти. Я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что оно не требуетъ ближайшаго опредѣленія, ибо само по себѣ понятно. Но нельзя не отмѣтить, что этотъ терминъ нигдѣ въ разсматриваемомъ проектѣ учрежденія Думы не встрѣчается. О Самодержавіи не упоминается даже въ приложенной къ проекту формѣ присяги. Въ этомъ отношеніи замѣчается нѣкоторое внѣшнее несоотвѣтствіе обсуждаемаго законопроекта съ Высочайшими предуканіями 18 февраля 1905 г. Если бы въ проектѣ означенное положеніе нашло себѣ новое выраженіе, то и обнаружилось бы указанное мною несоотвѣтствіе содержащагося въ статьѣ 42 правила съ понятіями о Самодержавіи. По моему убѣжденію, мнѣніе большинства, слагающееся противъ законопроекта, не служитъ еще безспорнымъ доказательствомъ несостоятельности, бесполезности или вреда проекта, а выражаетъ собою лишь взглядъ отдѣльныхъ партій въ Думѣ или Совѣтѣ, которыя могутъ преслѣдовать при этомъ узкопартійные интересы. И тѣмъ не менѣе меньшинство, хотя бы по численности и значительное, лишается права быть услышаннымъ Монархомъ. Между тѣмъ, для Государя,—какъ Ваше Императорское Величество изволили неоднократно Сами высказывать,—самое важное выслушивать безпристрастныя и разностороннія мнѣнія ближайшихъ Вашихъ совѣтниковъ.

Баронъ Ю. А. Искуль. Въ обезпеченіе вѣщей неприкосновенности Основныхъ Законовъ на будущее время въ статьѣ 36 проекта оговорено, что возбуждаемая по почину Думы предположенія объ отмѣнѣ и измѣненіи дѣйствующихъ и изданія новыхъ законовъ не должны касаться началъ государственнаго устройства, установленныхъ въ Законахъ Основныхъ.

С. С. М а н у х и н ъ. Въ присягѣ членовъ Думы не упоминается о Самодержавіи потому, что о семъ говорится въ общей присягѣ, которую приносятъ все подданные Вашего Императорскаго Величества. Присяга членовъ Думы есть частная присяга подобно той, которую приносятъ члены Государственного Совѣта, судьи, присяжные засѣдатели. Въ этихъ частныхъ присягахъ не упоминается о Самодержавіи, а потому и въ присягѣ членовъ Думы нѣтъ надобности о семъ упоминать.

Г р а ф ъ Д. М. С о л ь с к і й. Включать въ проектъ учрежденія Думы какую либо статью о Самодержавіи Совѣтъ Министровъ призналъ себя не въ правѣ, такъ какъ это основное начало не нуждается въ подтвержденіи: Основные Законы остаются неприкосновенными. Противники Самодержавія были бы, вѣроятно, весьма довольны, если бы соответствующія постановленія Основныхъ Законовъ были перенесены въ новое учрежденіе. Съ внѣшней стороны это напоминало бы конституціонныя хартіи, въ которыхъ одна глава обыкновенно отводится опредѣленію правъ Монарха.

Э. В. Ф р и ш ъ. Опредѣленіе Самодержавія содержится въ статьѣ I Основныхъ Законовъ, которые вообще остаются неизмѣнными, а потому нѣтъ настоятельной надобности говорить о Самодержавіи въ проектѣ.

Г р а ф ъ Д. М. С о л ь с к і й. Статья о Самодержавіи непреложна, какъ непреложны и все прочія постановленія Законовъ Основныхъ. Подтвержденіе статьи о Самодержавіи могло бы подать поводъ толковать, что прочія статьи Основныхъ Законовъ не непреложны.

П. Л. Л о б к о. Я всетаки полагаю, что въ проектѣ слѣдуетъ упомянуть о Самодержавной Верховной Власти. По моему мнѣнію, двѣ присяги—общая и частная—съ упоминаніемъ о Самодержавіи вполне возможны: одна не исключаетъ другой.

С. С. М а н у х и н ъ. Присяга сама по себѣ не разрѣшаетъ еще затронутого вопроса.

Э. В. Ф р и ш ъ. Присяга, проектированная для членовъ Думы, воспроизводитъ въ сущности, съ необходимыми, конечно, измѣненіями, присягу, установленную для членовъ Государственного Совѣта, въ которой о Самодержавіи не упоминается.

Его Императорское Величество. Гдѣ эта присяга приведена?

Б а р о н ъ Ю. А. И к с к у л ь. Въ учрежденіи Государственного Совѣта присяга эта не приведена. Въ статьѣ 2 учрежденія Совѣта указано лишь, что каждый членъ при вступленіи въ Государственный Совѣтъ подписываетъ присягу по особой установленной формѣ. Присяга эта приведена въ особой книгѣ, члены Совѣта ее подписываютъ въ первомъ обыкновенно засѣданіи по назначеніи.

Графъ А. П. Игнатъевъ. Я присоединяюсь къ мнѣнію Государственнаго Контролера. Въ изложеніи статьи I проекта необходимо упомянуть о Самодержавной Власти. Редакцію всегда можно найти. Статья 36 проекта недостаточна. По моему глубокому убѣжденію, желательно не только упомянуть въ проектѣ о Самодержавіи, но съ точностью выразить, что члены Думы должны всемѣрно поддерживать Самодержавную Власть.

К. П. Побѣдоносцевъ. Для устраненія заявленныхъ сомнѣній и удовлетворенія высказанныхъ пожеланій статья I учрежденія Думы могла бы быть изложена въ слѣдующей редакціи:

«Государственная Дума учреждается для предварительной разработки и обсужденія законодательныхъ предположеній, вносимыхъ въ Государственный Совѣтъ и требующихъ, по силѣ Основныхъ Законовъ, утвержденія Самодержавной Императорской Власти».

Баронъ Ю. А. Искуль. Предлагаемая редакція даетъ поводъ къ сомнѣніямъ: что требуетъ и что не требуетъ утвержденія Верховной Власти.

Е. И. В. В. К. Николай Николаевичъ. Я полагаю, что въ учрежденіи Думы необходимо упомянуть о Самодержавіи.

А. С. Стишинскій. Форма присяги, подписываемой членами Государственной Думы, могла бы быть слѣдующая:

«Мы, нижеподписавшіеся, обѣщаемъ предъ всемогущимъ Богомъ исполнять возложенныя на насъ обязанности членовъ Государственной Думы по крайнему нашему разумѣнію и силамъ, какъ вѣрноподанные Самодержавнаго нашего Государя, памятуя лишь о благѣ и пользѣ Россіи, въ удостовѣреніе чего своеручно подписуемся».

Его Императорское Величество. Мнѣ нравится въ общемъ эта форма. Она короче и гораздо яснѣе.

Графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ. Съ формальной стороны выработанный законопроектъ находится въ полномъ согласіи съ принципами Самодержавія, но въ каждомъ законѣ, кромѣ формальной стороны, есть общій духъ, весь складъ его, и въ этомъ отношеніи проектъ не соответствуетъ историческимъ основамъ Русскаго Государства, ибо тутъ является безусловное обязательство, принимаемое на себя въ извѣстныхъ предѣлахъ Верховнымъ Самодержцемъ.

Въ проектѣ есть правило (ст. 3), по которому Государственная Дума можетъ быть распущена. При охраненіи Самодержавія во всей его полнотѣ, само собою разумѣется, что новый созывъ Думы могъ бы послѣдовать только по Собственному Высочайшему усмотрѣнію. Но если въ законѣ будетъ сказано, что Дума распускается съ непремѣннымъ одновременно назначеніемъ новыхъ выборовъ, то это уже несомнѣнно обязательство Верховной Власти. Равнымъ образомъ и статья 42 проекта, въ силу коей законопроекты, отклоненныя большинствомъ Думы и Совѣта, не представляются на Вы-

сочайшее благовозрѣніе, не прямо ограничиваетъ Самодержавіе, а закрываетъ къ нему двери. Пусть Дума и Совѣтъ обсуждаютъ представленія министерствъ два или три раза, но если и тогда они большинства не получаютъ, то все же всѣ мнѣнія должны въ концѣ концовъ доходить до Верховной Власти. Это огромное преимущество Самодержавной Власти, что она является вершителемъ всего, и поэтому все въ области законодательства должно быть предоставлено на Ея благовозрѣніе. Иначе нѣкоторые законопроекты никогда не дойдутъ до Верховной Власти, потому что этого не пожелаетъ большинство обсуждавшихъ ихъ лицъ. Развѣ это не ограниченіе Самодержавія? Нельзя забывать, что при этихъ условіяхъ Дума получила бы больше правъ, чѣмъ Государственный Совѣтъ, въ коемъ всѣ мнѣнія, независимо отъ числа полученныхъ за нихъ голосовъ, представляются Императорскому Величеству.

Во всякое время необходимо соблюдать особую осторожность при изданіи законовъ, въ какой бы то ни было степени соприкасающихся съ вопросомъ о правахъ Самодержавной Власти. А въ настоящую тяжелую для Россіи минуту надо неуклонно руководствоваться тѣмъ, чтобы не принимать никакихъ мѣръ, сколько нибудь противорѣчащихъ принципу Самодержавія. Необходимо стремиться къ тому, чтобы всячески поддерживать Самодержавіе и тѣмъ оградить его отъ стремящихся поколебать его теченій. Этому требованію проектъ едва ли отвѣчаетъ, и посему онъ не можетъ соответствовать вождельніямъ большинства Русскаго Народа.

При обсужденіи законопроекта, имѣющаго первѣйшей важности значеніе, надо имѣть въ виду, какое впечатлѣніе произведетъ онъ на населеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ законъ долженъ быть составленъ такъ, чтобы онъ былъ прочтенъ самъ по себѣ. Этому условію проектъ не удовлетворяетъ, ибо уже и теперь, при самомъ разсмотрѣніи его, предвидится, что придется поставить его подъ охрану силы, иначе онъ неминуемо будетъ расширенъ въ недопустимыхъ предѣлахъ. Что же касается перваго требованія, то трудно сказать, какую общественную группу обсуждаемый законъ можетъ удовлетворить. Такъ называемую передовую партію, пишущую въ газетахъ и говорящую публично, ничѣмъ не удовлетворишь. Она нищетъ смуты и даже ограниченія Самодержавія. Даже дарованіе конституціи не внесетъ въ нее успокоенія. Засимъ двѣ партіи—историческая и славянофильская—держатся вѣковыхъ завѣтовъ: Царювласть, народу—свобода мнѣній. Они считаютъ, что нужна не постоянно дѣйствующая Дума, а единожды созданный Земскій Соборъ для того, чтобы на немъ Царь могъ услышать голосъ Своего народа по вопросамъ важнымъ. Они не могутъ встрѣтить съ сочувствіемъ изданіе проектированнаго закона уже по одному тому, что будетъ нарушенъ историческій принципъ. Устанавливая совершенно новый порядокъ, Царь не посовѣтовался съ народомъ, не созвалъ раньше Земскаго

Собора. Послѣдняя партія, крайняя по своимъ убѣжденіямъ, смѣшиваетъ Самодержавіе съ абсолютизмомъ. Очевидно, что учрежденіе Государственной Думы пойдетъ прямо въ разрѣзъ всѣмъ ея убѣжденіямъ и стремленіямъ.

Но, кромѣ этихъ партій, высказывающихъ въ той или другой формѣ свои мнѣнія, есть еще народъ, который молчитъ,—это всѣ трудящіеся, это и есть Россія. Надо знать, что эта Россія дѣлаетъ, что она думаетъ, чего она хочетъ. Вѣдь это 90% всего населенія. Соответствуетъ ли проектъ его вождѣніямъ—это большой вопросъ, на который теперь никто не можетъ отвѣтить. Дать этотъ отвѣтъ можетъ опять таки только Земскій Соборъ.

Сводя сказанное, я долженъ высказать убѣжденіе, что проектъ отвѣчаетъ принципу Самодержавія только съ формальной стороны, по своему же духу онъ прямо ему противорѣчитъ. Самое свойство выборовъ въ Думу не исторически русское, не сословное, а парламентское, заимствованное изъ западно-европейскихъ образцовъ, чуждое русскому народу. Результаты такихъ выборовъ поведутъ не къ укрѣпленію Самодержавія, а къ опаснѣйшимъ послѣдствіямъ, возбуждая къ себѣ, по различнымъ основаніямъ, враждебное отношеніе всѣхъ группъ населенія; они внесутъ несомнѣнно большую, чѣмъ нынѣ, смуту, и въ концѣ концовъ самый принципъ Самодержавія будетъ поколебленъ.

Графъ Д. М. Сольскій. Намъ разосланы, въ печатныхъ экземплярахъ, многочисленныя петиціи, касающіяся народныхъ нуждъ и желаній. Но эти петиціи не могутъ свидѣтельствовать о желаніяхъ народа. Теперь какъ же узнать желанія народа? Вотъ и предполагается учредить Думу, которая и дастъ возможность народу чрезъ своихъ выборныхъ высказать свои пожеланія и нужды.

Князь А. А. Ширинскій-Шихматовъ. Съ формальной стороны проектъ не противорѣчитъ принципу Самодержавія, но по формѣ и изложенію нѣкоторыхъ его статей, на примѣръ 42, а также статьи о безсословныхъ выборахъ, не вполне соответствуетъ историческимъ началамъ нашего государственнаго строя. Ссылка на статью I Законовъ Основныхъ создаетъ впечатлѣніе, устраняющее указанное несоответствіе. Относительно частныхъ проекта я позволю себѣ просить разрѣшенія Вашего Императорскаго Величества высказаться при обсужденіи отдѣльныхъ его статей.

Графъ Д. М. Сольскій. Въ манифестѣ уместно упомянуть о незыблемости Самодержавія, но едва ли слѣдуетъ касаться этого предмета въ проектѣ. Такое упоминаніе можетъ возбудить спорные вопросы относительно значенія Основныхъ Законовъ наряду съ учрежденіемъ Думы.

Графъ А. П. Игнатъевъ. По Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію я объѣздила Екатеринослав-

скую и Херсонскую губерніи и имѣлъ счастье представить Вашему Величеству три адреса отъ мѣстнаго сельскаго населенія, въ томъ числѣ и отъ колонистскаго населенія. Всѣ мѣстные сельскіе жители просятъ избавить ихъ отъ равноправности евреевъ и о сохраненіи Самодержавія.

К. П. П о б ѣ д о н о с ц е в ѣ. Можно, какъ я и предлагалъ, оговорить въ статьѣ I проекта о Самодержавной Власти.

Н. Н. Г е р а р д ѣ. Если уже признается необходимымъ оговорить о сохраненіи незыблемымъ Самодержавія, то удобнѣе сказать объ этомъ въ манифестѣ, а не въ проектѣ. Для достиженія преслѣдуемой цѣли—это все равно.

Его Императорское Величество. Нѣтъ, не все равно: манифестъ прочтется и забудется, а законъ о Думѣ будетъ дѣйствовать постоянно.

Э. В. Ф р и ш ѣ. Я находилъ бы возможнымъ выразить въ статьѣ I, что Государственная Дума учреждается для предварительной разработки и обсужденія законодательныхъ предположеній, восходящихъ, по силѣ Основныхъ Законовъ, чрезъ Государственный Совѣтъ, къ Верховной Самодержавной Власти.

Его Императорское Величество. Такое изложеніе статьи I проекта я одобряю.

Теперь можно перейти къ слѣдующимъ статьямъ по измѣненному проекту, который мнѣ представленъ Государственнымъ Секретаремъ.

Э. В. Ф р и ш ѣ. Мы не имѣемъ этого проекта.

Г р а ф ѣ Д. М. С о л ь с к і й. Этотъ проектъ не разсылается членамъ Совѣщанія.

Его Императорское Величество. Почему не разосланъ измѣненный проектъ?

Б а р о н ѣ Ю. А. И к с к у л ь. Я не получалъ о семъ приказанія Вашего Величества.

Его Императорское Величество. Надо разослать къ слѣдующему засѣданію измѣненный проектъ въ сравнительномъ его изложеніи съ проектомъ Совѣта Министровъ.

Б а р о н ѣ Ю. А. И к с к у л ь. Теперь можно далѣе идти по статьямъ Совѣтскаго проекта?

Его Императорское Величество. Да.

К н ь з ь А. А. Ш и р и н с к і й-Ш и х м а т о в ѣ. По статьѣ 3 Дума можетъ быть распущена съ назначеніемъ новыхъ выборовъ. По моему мнѣнію, назначеніе новыхъ выборовъ можетъ послѣдовать и не одновременно съ распущеніемъ Думы. Въ этомъ смыслѣ слѣдовало бы измѣнить статью 3 проекта.

Г р а ф ѣ Д. М. С о л ь с к і й. По мысли проекта Дума является постояннымъ учрежденіемъ, а потому, дабы не было перерыва, новые выборы должны быть назначаемы одновременно съ распущеніемъ Думы.

Графъ А. П. Игнатъевъ. Я присоединяюсь къ мнѣнію Товарища Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода. Не слѣдуетъ подчеркивать, что съ распущеніемъ Думы одновременно должны быть назначены новые выборы въ Думу.

А. С. Стишинскій. Я присоединяюсь къ мнѣнію графа А. П. Игнатъева.

Э. В. Фришъ. Срокъ выборовъ въ Думу зависитъ отъ Верховной Власти, но назначеніе ихъ необходимо должно быть сдѣлано въ указѣ о распущеніи Думы. Иначе мѣняется совершенно характеръ Думы, какъ постояннаго законосовѣщательнаго органа. Можно измѣнить редакцію статьи 3, но смыслъ долженъ остаться тотъ же самый.

Его Императорское Величество. Редакцію этой статьи слѣдуетъ измѣнить. Изложеніе статьи 4 измѣнено въ новой редакціи проекта. Чѣмъ это объясняется?

Графъ Д. М. Солъскій. Выраженіе: «продолжительность занятій Думы» замѣнено словами: «продолжительность сессіи Думы».

Баронъ Ю. А. Икскуль. Въ учрежденіи Государственнаго Совѣта, въ статьѣ 30, употреблено это выраженіе—сессія.

Его Императорское Величество. Желательно избѣгать иностранныхъ выраженій. Лучше вернуться къ прежней редакціи.

В. Н. Кокцовъ. Въ статьѣ 6 измѣненной редакціи исключено указаніе на число отдѣловъ Думы.

Его Императорское Величество. Почему это сдѣлано?

Баронъ Ю. А. Икскуль. Измѣненіе это сдѣлано въ томъ предположеніи, что число отдѣловъ, а равно ихъ составъ, будутъ опредѣляться самою Думою.

А. А. Нарышкинъ. Слѣдовательно Дума можетъ обойтись вовсе безъ отдѣловъ.

В. Н. Кокцовъ. Съ этимъ я не могу согласиться. По мысли проекта, отдѣлы должны будутъ составить рабочую силу. Въ Общемъ Собраніи вѣроятно будутъ происходить лишь общія сужденія, но разработка законопроектовъ, главная обязанность Думы, для чего она и учреждается,—должна лежать на отдѣлахъ.

А. А. Нарышкинъ. Общее Собраніе Думы по своей многочисленности не будетъ и въ состояніи заниматься разработкою законопроектовъ.

В. В. Верховскій. Желательно опредѣлить въ учрежденіи Думы число ея отдѣловъ.

Его Императорское Величество. Сколько же отдѣловъ должно быть?

В. Н. Кокцовъ. Я полагаю придерживаться въ этомъ отношеніи проекта Совѣта Министровъ, а именно, чтобы число отдѣ-

ловъ было не менѣе 4 и не болѣе 8. Что касается указанія конца статьи 7 о томъ, что никто изъ числа членовъ Думы не можетъ состоять одновременно въ двухъ отдѣлахъ, то я полагаю бы замѣнить это правило указаніемъ, что членовъ отдѣловъ не должно быть менѣе извѣстнаго числа.

Его Императорское Величество. Сколько же членовъ вы полагали бы установить для отдѣловъ?

В. Н. Кокцовъ. Менѣе 20 членовъ не должно бы быть въ каждомъ отдѣлѣ.

Графъ Д. М. Сольскій. Число это не должно быть малымъ, дабы отдѣлы могли представлять собою делегацію Общаго Собранія Думы.

Э. В. Фришъ. Для каждаго отдѣла достаточно, по моему мнѣнію, 20 членовъ.

Его Императорское Величество. Слѣдуетъ возстановить проектъ Совѣта Министровъ относительно числа отдѣловъ—не менѣе 4 и не болѣе 8, съ тѣмъ, чтобы въ каждомъ отдѣлѣ было не менѣе 20 членовъ.

В. Н. Кокцовъ. Статья 8 о соединенныхъ присутствіяхъ отдѣловъ не нашла себѣ мѣста въ измѣненной редакціи проекта.

О. Б. Рихтеръ. Это подробность. Она можетъ быть предусмотрена въ наказѣ Думы.

Его Императорское Величество. Можно эту статью вовсе исключить.

Баронъ Ю. А. Икскуль. По статьѣ 10 послѣдовали разныя мнѣнія въ Совѣтѣ Министровъ.

Графъ Д. М. Сольскій. Ваше Императорское Величество, кажется, уже разрѣшили это разномысліе въ пользу мнѣнія 4 членовъ, полагавшихъ, что Предсѣдатель Государственной Думы и его Товарищъ избираются Думою изъ ея среды срокомъ на одинъ годъ.

Его Императорское Величество. Да, Я склоняюсь къ мнѣнію 4 членовъ.

А. Г. Булыгинъ. Утвержденіе Высочайшею Властью избираемаго Думою изъ своей среды Предсѣдателя отвѣчало бы историческимъ началамъ. Губернскіе предводители дворянства утверждаются Высочайшею Властью изъ числа двухъ кандидатовъ, избираемыхъ дворянствомъ.

Э. В. Фришъ. Все неудобство представленія двухъ кандидатовъ заключается въ томъ, что второй кандидатъ обыкновенно бываетъ номинальный, дѣйствительнымъ же, желательнымъ кандидатомъ является первый изъ избранныхъ.

Н. Н. Герардъ. Я считаю, что утвержденіе Высочайшею Властью Предсѣдателя, избраннаго Думою, возвыситъ эту должность. Большинство выборныхъ должностей и по земскому и

по городовому положеніямъ утверждаются правительственною властью. Тѣмъ болѣе оснований, чтобы избранный Думою изъ ея среды Предсѣдатель утверждался Высочайшею Властью.

Д. Ф. Тр е п о в ъ. Мнѣніе 4 членовъ основано главнымъ образомъ на томъ, чтобы Вашему Императорскому Величеству не приходилось утверждать негоднаго Вамъ кандидата, избраніе коего нежелательно.

Его Императорское Величество. Напримѣръ, Петрункевича.

Д. Ф. Тр е п о в ъ. Предлагаемое 4 членами правило направлено къ тому, чтобы устранить треніе—столкновение съ Думою, если не будетъ признано возможнымъ утвердить избраннаго ею Предсѣдателя.

Э. В. Фр и ш ъ. Вопросъ объ этомъ подробно обсуждался въ Государственномъ Совѣтѣ при разсмотрѣніи новаго положенія объ общественномъ управленіи въ С.-Петербургѣ. Послѣ разныхъ предложеній Совѣтъ призналъ возможнымъ не вводить утвержденія Предсѣдателя СПб. столичной думы. Теперь это правило стало закономъ и, насколько извѣстно, никакихъ по этому поводу недоразумѣній не возникало. Такъ, послѣ ухода П. П. Дурново, на его мѣсто избранъ М. В. Красовскій, бывший Оберъ-Прокуроръ Общаго Собранія Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената.

Его Императорское Величество. Онъ кажется былъ Статсъ-Секретаремъ Государственнаго Совѣта?

Гра ф ъ Д. М. С о л ь с к і й. Да, онъ былъ Статсъ-Секретаремъ Департамента Законовъ въ бытность мою Предсѣдателемъ Департамента Законовъ.

Его Императорское Величество. Я раздѣляю мнѣніе 4 членовъ.

Гра ф ъ Д. М. С о л ь с к і й. Въ связи съ принятымъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ рѣшеніемъ стоитъ статья 11—о всеподданнѣйшемъ докладѣ Предсѣдателя Думы, по которой также произошло разногласіе въ Совѣтѣ Министровъ.

Б а р о н ъ Ю. А. И к с к у л ь. Въ измѣненной редакціи проекта выражено, что Предсѣдатель Думы всеподданнѣйше повергаетъ на Высочайшее благоволеніе о ходѣ занятій Думы.

Э. В. Фр и ш ъ. Всякій всеподданнѣйшій докладъ можетъ быть или письменный, или словесный. Въ предложенной редакціи это не оговаривается.

О. Б. Р и х т е р ъ. Предсѣдатели Думы и отдѣловъ избираются на одинъ годъ. Необходимо оговорить, что избранные на годъ, по истеченіи года, могутъ быть вновь избираемы.

Его Императорское Величество. Слѣдуетъ оставить, какъ изложено въ измѣненной редакціи съ предложенною поправкою.

К. П. П о б ѣ д о н о с ц е в ъ. Въ статьѣ 14 правильнѣе было бы сказать, что члены Думы подписываютъ присяжный листъ, а не присягу.

Его Императорское Величество. Какая въ этомъ разница?

Б а р о н ъ Ю. А. И к с к у л ь. Вопросъ этотъ удобнѣе разсмотрѣть, когда будетъ обсуждаться форма присяги.

Его Императорское Величество. Хорошо. Пойдемъ далѣе.

Его Императорское Высочество В. К. А л е к с і й А л е к с а н д р о в и ч ъ. Въ статьѣ 15 слѣдуетъ исключить ее начало о томъ, что члены Думы не связаны въ своихъ сужденіяхъ какими либо указаніями избирателей.

Г р а ф ъ Д. М. С о л ь с к і й. Это правило имѣетъ въ виду самостоятельность сужденій членовъ Думы, которые не могутъ быть стѣснены при разрѣшеніи общегосударственныхъ вопросовъ мнѣніями своихъ избирателей.

Его Императорское Высочество В. К. А л е к с і й А л е к с а н д р о в и ч ъ. Въ другихъ государствахъ избиратели нерѣдко даютъ указанія избираемымъ ими выборнымъ. Я не вижу оснований, почему не придерживаться этого правила у насъ.

Э. В. Ф р и ш ь. Возможно соединить статьи 15 и 16, исключивъ начало первой, и сказать, что члены Думы пользуются полною свободою сужденій и мнѣній по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Думы, и не обязаны отчетомъ предъ своими избирателями.

Его Императорское Величество. Съ этимъ изложеніемъ я согласенъ.

А. С. Т а н ѣ в ъ. Въ пунктѣ 2 статьи 19 слѣдуетъ упомянуть о гражданской службѣ, въ виду того, что о военной оговорено въ пунктѣ 1, и выразить, что члены Думы теряютъ свое званіе въ случаѣ поступленія на должности по гражданской государственной службѣ съ опредѣленнымъ окладомъ содержанія изъ казны.

Г р а ф ъ Д. М. С о л ь с к і й. Въ этомъ же пунктѣ, въ измѣненной редакціи, выпущено указаніе на содержаніе изъ казны.

Его Императорское Величество. Почему это слово выпущено?

Б а р о н ъ Ю. А. И к с к у л ь. Есть гражданскія должности, оплачиваемыя не изъ казны, а изъ другихъ источниковъ, а между тѣмъ лица, занимающія такія должности, считаются на дѣйствительной гражданской государственной службѣ и пользуются всѣми ея правами и преимуществами.

Его Императорское Величество. Слѣдуетъ принять редакцію измѣненнаго проекта съ предложенною поправкою. По статьѣ 23 у меня есть сомнѣніе относительно десятирублеваго

вознагражденія членовъ Думы. Равенство хорошо, но оно не всегда справедливо.

А. Г. Булыгинъ. Содержаніе членовъ Думы, конечно, не всегда будетъ равномѣрно.

Князь А. Д. Оболенскій. Десятирублевое въ день вознагражденіе представляется, безъ сомнѣнія, значительнымъ для крестьянъ.

Н. С. Таганцевъ. Это только такъ кажется слишкомъ большою суммою—десять рублей въ день—для крестьянъ. Въ дѣйствительности это не такъ. Вѣдь изъ этой суммы крестьянину придется посылать половину, если не болѣе, своей семьѣ въ деревню на ея содержаніе.

А. Г. Булыгинъ. Едва ли, Ваше Величество, возможно уменьшить вознагражденіе для членовъ Думы изъ крестьянъ.

Его Императорское Величество. Я вовсе не имѣю въ виду уменьшить вознагражденіе, а мнѣ казалось: не слѣдовало ли бы увеличить это вознагражденіе для не-крестьянъ.

Графъ Д. М. Сольскій. Мнѣ кажется, Ваше Величество, что дѣлать различіе въ вознагражденіи между членами Думы неудобно.

Его Императорское Величество. Я не настаиваю—оставимъ, какъ проектировано.

К. П. Побѣдоносцевъ. Въ статьѣ 25, по которой Министры обязаны давать разъясненія Думѣ, если она признаетъ таковыя разъясненія необходимыми, лучше бы, вмѣсто послѣднихъ словъ, сказать: «если она (Дума) пожелаетъ имѣть таковыя разъясненія».

Графъ Д. М. Сольскій. Это чисто редакціонное замѣчаніе.

Его Императорское Величество. Это неважно. Не будемъ останавливаться на чисто редакціонныхъ замѣчаніяхъ.

Баронъ Ю. А. Икскуль. По статьѣ 28 въ средѣ Совѣта Министровъ произошло разномысліе относительно назначенія Секретаря Думы и его Товарища. Соотвѣтственно принятому Вашимъ Императорскимъ Величествомъ рѣшенію относительно Предсѣдателя Думы и его Товарища, Секретарь Думы и его Товарищъ должны быть избираемы Думою изъ числа ея членовъ.

Его Императорское Величество. Да.

Баронъ Ю. А. Икскуль. По статьѣ 30 относительно служащихъ въ Канцеляріи Думы произошло также разномысліе въ Совѣтѣ Министровъ. Согласно предуказанію Вашего Величества, въ измѣненной редакціи проекта (ст. 29) принято мнѣніе 4 членовъ, полагавшихъ, что служащіе въ Канцеляріи Думы должны назначаться ея Секретаремъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ разсматриваемой статьѣ оговорено, что условія, коимъ должны удовлетворять лица, назначаемыя на службу въ Канцелярію, а равно правила о

прохожденіи въ ней службы устанавливаются въ общемъ законодательномъ порядкѣ.

Его Императорское Величество. Далѣе.

Князь А. А. Ширинскій-Шихматовъ. Въ статьѣ 33 говорится о наказѣ, коимъ опредѣляться будетъ внутренній распорядокъ Думы. По моему мнѣнію, наказъ можетъ касаться лишь подробностей внутренняго въ Думѣ распорядка и не долженъ противорѣчить учрежденію Думы. Объ этомъ слѣдовало бы оговорить.

Баронъ Ю. А. Икскуль. Можно сказать, что наказъ издается Думою въ развитіе правилъ ея учрежденія.

Э. В. Фришъ. Для того, чтобы наказъ Думы не противорѣчилъ ея учрежденію, слѣдуетъ оговорить, что наказъ представляется Сенату для опубликованія, и тогда Сенатъ обязанъ наблюдать, чтобы наказъ не противорѣчилъ учрежденію Думы.

Его Императорское Величество. Слѣдуетъ ввести предлагаемыя поправки. На этомъ мы сегодня покончимъ.

Баронъ Ю. А. Икскуль. Когда Вашему Императорскому Величеству угодно назначить слѣдующее засѣданіе?

Его Императорское Величество. Слѣдующій разъ мы соберемъ въ четвергъ 21 числа, въ 2 часа.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ТРЕТЬЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

Глупое созданіе,
Разсуждаешь спроста,
Позабылъ, братъ, зданіе
У Цѣпного моста,
Влѣпять въ назиданіе
Какъ ударовъ до ста,
Будешь помнить зданіе
У Цѣпного моста.

I.

ТИ КУПЛЕТЫ я слышалъ и заучилъ наизусть во дни моего ранняго дѣтства. Всѣмъ петербуржцамъ было тогда хорошо извѣстно, что подъ зданіемъ «у Цѣпного моста» разумѣется домъ, въ которомъ помѣщается таинственное и грозное «третье отдѣленіе». Вызовъ въ это «третье отдѣленіе» приводилъ въ трепеть и не особенно робкихъ людей. О томъ, какъ допрашиваютъ въ этомъ тайномъ, безапелляціонномъ судилищѣ, ходили въ обществѣ самыя мрачныя легенды. Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія даже не темные, непросвѣщенные, а вполне интеллигентные люди твердо вѣрили въ то, что въ кабинетѣ начальника третьяго отдѣленія имѣлось кресло съ особымъ техническимъ приспособленіемъ, на которое обязательно усаживался вызываемый для объясненій. Въ извѣстный же моментъ бесѣда приглашеннаго гостя съ любезнымъ хозяиномъ, шефомъ жандармовъ, внезапно прерывалась: кресло, на которомъ си-

дѣлъ гость, проваливалось подѣ полѣ, а тамъ провалившійся попадалъ сразу въ объятія дюжихъ жандармовъ, учинявшихъ надъ нимъ жестокую расправу.

Говорили, что такимъ экзекуціямъ, безъ всякаго, конечно, слѣдствія и суда, подвергались люди безъ различія пола, возраста и общественнаго положенія, подвергались и такія особы, которыя даже и по тогдашнимъ законамъ формально считались «изъятими отъ тѣлесныхъ наказаній». Очень долго и упорно, какъ мнѣ понится, держался въ петербургскихъ гостинныхъ и салонахъ слухъ о томъ, что такому не только оскорбительному, но и весьма чувствительному физически воздѣйствію «на тѣлѣ», подверглась одна въ то время довольно извѣстная, теперь совсѣмъ забытая, поэтесса. Эта дама, еще и принадлежавшая къ аристократическому кругу, писала чувствительныя и патріотическіе стихи, но изрѣдка грѣшила и болѣе или менѣе ѣдкими эпиграммами такого, конечно, содержанія, что въ болѣе позднее время къ нимъ не придрался бы даже и самый жестокій прокуроръ. За одну изъ такихъ эпиграммъ поэтесса и была, будто бы, приглашена въ «третье отдѣленіе» и тамъ совершила небольшое путешествіе изъ верхняго въ нижній этажъ, со всѣми неизбѣжными послѣдствіями подобнаго провала.

Къ началу семидесятыхъ годовъ, когда мнѣ пришлось самому переступить въ первый разъ порогъ «третьяго отдѣленія», создавшіяся о немъ мрачныя легенды уже разсѣялись. Всѣ убѣдились, что таинственнаго кресла въ кабинетѣ шефа жандармовъ больше не существуетъ и что не только дамъ зрѣлаго возраста, но даже и гимназистовъ и гимназистокъ въ третьемъ отдѣленіи болѣе не сѣкутъ. Тѣмъ не менѣе, визиты въ третье отдѣленіе продолжали быть не особенно пріятными, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ влекли за собою тяжелыя послѣдствія, въ видѣ болѣе или менѣе продолжительнаго лишенія свободы или принудительнаго путешествія въ болѣе или менѣе отдаленныя мѣста. Поэтому, даже и люди, не знавшіе за собой никакой вины, бывали весьма недовольны, когда вдругъ получали неожиданное приглашеніе пожаловать для объясненій къ шефу жандармовъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ подобное приглашеніе все таки грозило бѣдой, если не самому приглашаемому, то кому нибудь изъ его родныхъ, друзей, или если не людямъ, то дѣлу близкому сердцу. Напримѣръ, вызовъ въ третье отдѣленіе литератора всегда предвѣщаль надвигающуюся грозу, если не надъ самимъ литераторомъ, то надъ его книгой, газетою, журналомъ, къ которымъ онъ имѣетъ прикосновеніе.

Мое личное знакомство съ третьимъ отдѣленіемъ оказалось совершенно лишеннымъ мрачнаго колорита и оказалось вполнѣ благополучнымъ не только для меня, но даже и для дѣла, по которому мнѣ многократно пришлось вести довольно продолжительныя бесѣды съ грознымъ шефомъ жандармовъ, Мезенцевымъ.

По долгу справедливости мнѣ приходится констатировать, что въ этихъ бесѣдахъ генераль Мезенцевъ предсталъ передо мною совсѣмъ не въ образѣ Великаго Инквизитора, не Держимордой въ генеральскомъ мундирѣ, а джентльменомъ, умѣющимъ не только вѣжливо разговаривать съ явившимся къ нему скромнымъ, безъизвѣстнымъ, нечиновнымъ молодымъ человѣкомъ, но и держать данное этому молодому человѣку слово.

Мое личное знакомство съ третьимъ отдѣленіемъ было вызвано исключительно моею принадлежностью не къ какой-либо революціонной организаціи, а всего только къ составу организаціи, нѣкогда процвѣтавшаго, а затѣмъ безвременно погибшаго «Клуба художниковъ».

Народившійся въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія (въ 1864 или 1865 г.г.), «Клубъ художниковъ, или «Спб. собраніе художниковъ», какъ онъ официально тутиловался, былъ оригинальнѣйшимъ въ свое время и симпатичнѣйшимъ клубомъ, рѣзко отличавшимся отъ всѣхъ другихъ въ то время существовавшихъ въ Петербургѣ клубовъ.

Между тѣмъ, какъ всѣ остальные клубы существовали исключительно для карточной игры, объяденія и пьянства, клубъ художниковъ смѣло задался цѣлью дать своимъ посѣтителемъ болѣе здоровую духовную пищу, въ видѣ художественныхъ выставокъ, спектаклей, литературныхъ и музыкальныхъ вечеровъ и т. д.

Карточная игра не была по уставу изъ клуба исключена, но она какъ-то сама собой въ клубѣ художниковъ не привилась. Имѣя въ виду, что доходъ отъ картъ составляетъ весьма крупную статью дохода въ бюджетѣ всякаго клуба, заправилы клуба художниковъ пробовали даже искусственно приучать гостей своихъ къ карточной игрѣ, конечно, не азартной, а коммерческой игрѣ. Сами старшины клуба нарочно устраивали домашній вистъ (винта тогда еще не существовало), думая увлечь своимъ примѣромъ и гостей, но эти эксперименты не удавались, этотъ номеръ не проходилъ; и карточные столы скоро совсѣмъ исчезли изъ клубныхъ апартаментовъ.

«Клубъ художниковъ» былъ основанъ небольшою группою художниковъ, участниковъ такъ называемыхъ «академическихъ пятницъ». Въ залахъ академіи художествъ нѣкоторое время устраивались по пятницамъ художественные рисовально-музыкально-танцевальные вечера. Когда это дѣло разрослось, устроителямъ «пятницъ» захотѣлось вырваться изъ казеннаго зданія на свободу, на просторъ, въ собственное свое помѣщеніе.

Составили и, благодаря связямъ, и совершенной уже невинности затѣи, благополучно провели соответственный уставъ, наняли маленькій, но уютный и роскошно обставленный барскій домъ-особнякъ на Большой Морской (гдѣ теперь помѣщается магазинъ

Хлѣбникова) и открыли сезонъ скромныхъ, приличныхъ, но живыхъ вечеровъ, на которые тотчасъ же съ увлеченіемъ устремилась петербургская интеллигенція.

Очень скоро маленькій барскій особнякъ на Большой Морской оказался черезчуръ тѣснымъ для массы нахлынувшихъ гостей, и «Клубъ художниковъ» перебрался въ новое, болѣе обширное, хотя и менѣе изящное помѣщеніе въ Троицкомъ (тогда еще «переулкѣ», теперь уже возведенномъ въ болѣе высокій рангъ «улицы»), переулкѣ въ помѣщеніе, нынѣ занимаемое такъ называемымъ «заломъ Павловой».

Тѣсный кружокъ художниковъ-учредителей также скоро разросся, радушно принявъ въ свою среду полноправными членами и ученыхъ, и литераторовъ, и артистовъ, и адвокатовъ, и инженеровъ, вообще широко раскрылъ свои двери представителямъ всѣхъ свободныхъ и интеллигентныхъ профессій.

Съ измѣненіемъ состава членовъ, помимо общихъ художественныхъ, литературныхъ, драматическихъ и музыкальныхъ вечеровъ на которые естественно сходились всѣ члены клуба, тѣ же члены, разбившись на группы, стали пользоваться помѣщеніемъ клуба и для устройства, время отъ времени, своихъ особыхъ профессиональныхъ собраний.

Художники продолжали справлять свои традиціонныя «пятницы», адвокаты и литераторы стали устраивать свои періодическія собранія, начинавшіяся обыкновенными обѣдами и продолжавшіяся въ видѣ затягивавшихся до ночи бесѣдъ.

Вотъ эти-то литературныя обѣды, а въ особенности слѣдовавшія за ними бесѣды и обезпокоили въ одинъ злосчастный день зорко слѣдившее за настроеніемъ общества «третье отдѣленіе».

По совѣсти сказать теперь, около сорока лѣтъ спустя очевидно и совѣмъ безцѣльно было бы скрывать истину, какова бы она не была: эти послѣобѣденныя литературныя бесѣды въ клубѣ художниковъ были совершенно невинны съ самой строгой, даже тогдашней цензурной, или жандармской точки зрѣнія.

Собирались на литературныя обѣды литераторы самыхъ разныхъ возрастовъ, направленій, общественныхъ положеній. Постоянными посѣтителями обѣдовъ были, напримѣръ, покойный Я. П. Полонскій и Д. В. Григоровичъ, В. Д. Спасовичъ и нынѣ здравствующіе П. Д. Боборыкинъ и В. И. Немировичъ-Данченко; появлялись, время отъ времени, на обѣдахъ Н. К. Михайловскій, Ѳ. М. Достоевскій и М. Е. Салтыковъ. Появлялись, впрочемъ, большею частью люди, въ то время хотя еще и не старые (кромѣ Григоровича и Полонскаго), но уже все-таки серьезные, солидные, и съ опредѣлившимся литературнымъ и общественнымъ положеніемъ; настоящей зеленой литературной молодежи было здѣсь очень мало, представители крайнихъ радикальныхъ направленій

почти совершенно отсутствовали, казалось бы, эти невинные объѣды и бесѣды не должны были бы доставлять никакого безпокойства попечительному начальству; вышло, однако, не такъ. Начальство все-таки и этими объѣдами заинтересовалось, а заинтересовавшись начало собирать о нихъ разныя справки. Кто-то переусердствовалъ и донесъ, будто, на послѣобъденныхъ бесѣдахъ обсуждаются щекотливые вопросы, раздаются нецензурныя рѣчи. Признано было своевременнымъ это дѣло разслѣдовать; для начала шефъ жандармовъ или вѣрнѣе исправлявшій его должность товарищъ шефа, какимъ былъ тогда генераль Н. М. Мезенцевъ, счелъ нужнымъ, прежде всего, вызвать, для личныхъ объясненій, въ третье отдѣленіе меня, какъ предсѣдателя распорядительнаго комитета «Клуба художниковъ».

Отнюдь не желая утруждать читателя мало интересными для него автобіографическими подробностями, я вынужденъ, исключительно для полноты и ясности послѣдующаго разсказа, въ самыхъ краткихъ словахъ объяснить, какимъ образомъ я, никогда не бывшій художникомъ по профессіи, оказался въ это время (въ серединѣ семидесятыхъ годовъ), предсѣдателемъ распорядительнаго комитета «Клуба художниковъ».

Когда, какъ сказано выше, «Клубъ художниковъ» началъ принимать въ составъ своихъ членовъ, на равныхъ правахъ и художниковъ, и литераторовъ и адвокатовъ и т. п., въ числѣ другихъ молодыхъ людей поспѣшилъ записаться въ члены клуба и я. Будучи въ то время только еще начинающимъ адвокатомъ и журналистомъ, я имѣлъ уже, однако, довольно обширныя знакомства и связи въ литературномъ, художественномъ и артистическомъ мірѣ.

Сообразно вновь опредѣлившемуся составу дѣйствительныхъ членовъ, признано было справедливымъ и цѣлесообразнымъ ввести въ составъ правящаго дѣлами клуба распорядительнаго комитета также и представителей разныхъ профессій. Большинство членовъ комитета все-таки составляли художники, но рядомъ съ ними засѣдали и литераторы и актеры, былъ даже одинъ военный инженеръ; признано было полезнымъ и практичнымъ включить въ число членовъ комитета и юриста. Выборъ палъ на меня, а разъ попавъ въ комитетъ, я, хотя по годамъ былъ едва ли не младшимъ изъ его членовъ, сразу былъ удостоенъ чести избранія въ его предсѣдателя.

Помимо добраго ко мнѣ расположенія и лестнаго, хотя и мало еще въ то время заслуженнаго довѣрія мои коллеги по комитету (никого изъ нихъ, увы, уже не осталось теперь въ живыхъ), очевидно, при этомъ выборѣ руководились отчасти и практическими и нѣсколько эгоистическими соображеніями. Я, какъ молодой адвокатъ, представлялся для нихъ особенно удобнымъ и пригоднымъ, такъ сказать, для внѣшнихъ дипломатическихъ сношеній по дѣламъ

клуба, въ особенности для неизбѣжныхъ объясненій съ разнымъ начальствомъ.

Въ этомъ направленіи я, по совѣсти могу сказать, и сослужилъ, по мѣрѣ силъ, службу клубу, какъ это и будетъ видно изъ послѣдующаго разсказа.

Послѣ этого краткаго, необходимаго отступленія въ область автобіографіи, возвратимся къ изложенію обстоятельствъ, сопровождавшихъ мое первое знакомство съ третьимъ отдѣленіемъ и его шефомъ (тогда еще только товарищемъ шефа), генераломъ Мезенцевымъ.

II.

Хотя я по долгу хозяина клуба, да и по личному влеченію весьма усердно и аккуратно посѣщаль литературные обѣды и слѣдовавшія за нимъ бесѣды, но ни мнѣ и никому изъ остальныхъ участниковъ этихъ обѣдовъ и бесѣдъ и въ голову не могло прийти, что эти скромные обѣды могутъ кому-нибудь казаться опасными и что изъ-за нихъ возникнетъ дѣло по «третьему отдѣленію», какъ вдругъ въ одинъ прекрасный день я получаю весьма, впрочемъ, любезное приглашеніе явиться для объясненія къ исполняющему должность шефа жандармовъ.

Съ приглашеніемъ этимъ вышелъ еще у меня прекуръезный инцидентъ.

Сижу я какъ-то утромъ у себя въ кабинетѣ и принимаю своихъ кліентовъ. Это были мои пріемные часы; хотя практика у меня была не особенно обширная, но все-таки пять-шесть кліентовъ меня въ назначенные часы посѣщали.

Въ очередь, въ числѣ другихъ посѣтителей, вдругъ входитъ ко мнѣ въ кабинетъ молодой жандармскій офицеръ въ полной парадной формѣ. Такихъ кліентовъ у меня до тѣхъ поръ еще никогда не было, знакомствъ въ жандармской средѣ я никогда не имѣлъ; появленіе необычнаго посѣтителя меня не мало удивило, но адвокатъ, какъ докторъ, долженъ быть готовъ принять и выслушать всякаго, къ нему приходящаго, кто бы онъ ни былъ.

— Чѣмъ могу служить?—обратился я съ обычнымъ вопросомъ къ своему неожиданному гостю.

— Я къ вамъ по порученію Николая Владимировича Мезенцева,—отвѣтилъ мнѣ жандармскій офицеръ.

А на грѣхъ у меня былъ въ то время кліентъ по фамиліи тоже Мезенцовъ, кажется, дальній родственникъ шефа жандармовъ. Дѣло у этого Мезенцова было маленькое, не особенно интересное, поручено оно было мнѣ недавно и хотя Мезенцовъ ко мнѣ иногда заходилъ справляться по своему дѣлу, но, откровенно сказать, имени и отчества своего недавняго кліента я хорошо не помнилъ, да и не обратилъ особеннаго вниманія на произнесенное жандарм-

скимъ офицеромъ имя и отчество, а остановился только на названной мнѣ фамиліи и по естественной ассоціаціи идей, ибо совсѣмъ не думалъ въ эту минуту о шефѣ жандармовъ, понялъ такъ, что офицеръ именно говорить о моемъ клиентѣ.

— Что же, развѣ господинъ Мезенцовъ боленъ, что не можетъ самъ ко мнѣ пожаловать, а зоветъ меня къ себѣ?—наивно спросилъ я офицера.

Тотъ, конечно, вытаращилъ на меня глаза отъ изумленія. Онъ то отлично зналъ, о какомъ Мезенцовѣ говорить и хотя почему-то называлъ его не по титулу, а по имени и отчеству, но былъ, конечно, вполне убѣжденъ, что и я долженъ понимать, къ какой высокой особѣ онъ меня приглашаетъ.

Не мѣняя, однако, тона, офицеръ любезно, хотя и не безъ нѣкотораго ехидства, сообщилъ мнѣ, что Николай Владимировичъ Мезенцовъ, слава Богу, здоровъ, но что я долженъ же молъ понять, что ему, по его служебному положенію, не только недосугъ, но и нѣсколько неудобно ко мнѣ пожаловать, почему и вынужденъ просить меня сдѣлать ему эту честь.

Тутъ только я прозрѣлъ и понялъ, въ какую комическую ошибку впалъ. Тутъ только я сообразилъ, что рѣчь идетъ не о моемъ клиентѣ Мезенцовѣ (отставномъ, кажется, полковникѣ), а о другомъ, болѣе высоко поставленномъ и всесильномъ Мезенцовѣ, (имени котораго я въ то время еще не имѣлъ чести знать).

Извинившись передъ жандармомъ за прискорбное недоразумѣніе, я, естественно, пожелалъ узнать, зачѣмъ я понадобился генералу Мезенцову, и когда долженъ къ нему явиться.

На первый изъ моихъ вопросовъ офицеръ оказался не въ состояніи мнѣ отвѣтить (начальство не посвятило его въ свои дѣла), а на второй любезно сообщилъ, что генераль Мезенцовъ (жандармъ уже пересталъ фамильярно называть его Николаемъ Владимировичемъ) принимаетъ ежедневно въ такіе-то часы и что отъ меня за висить (верхъ деликатности и любезности) пожаловать къ генералу въ любой день.

Конечно я счелъ долгомъ воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ на другой же день.

Отправляясь въ первый разъ въ жизни въ третье отдѣленіе, я ломалъ себѣ голову надъ вопросомъ, по какому дѣлу могъ желать меня интервьюировать шефъ жандармовъ. Никакихъ политическихъ дѣлъ за мною не водилось. До того времени я ни въ какихъ даже политическихъ дѣлахъ и защитникомъ не выступалъ. (впослѣдствіи мнѣ пришлось выступить въ процессѣ 50 въ 1877 г.); знакомствъ съ нелегальными людьми у меня не было; о чемъ же могъ меня допрашивать шефъ жандармовъ? Что дѣло касается «Клуба художниковъ», мнѣ и въ голову не приходило, такъ какъ у насъ тамъ все было спокойно.

Оказалось, однако, что именно о «Клубѣ художниковъ» и желалъ бесѣдовать со мною генераль Мезенцевъ.

— У васъ въ «Клубѣ художниковъ»,—прямо встрѣтилъ меня генераль Мезенцевъ вопросомъ,—начали за послѣднее время устраиваться разные обѣды?

Я, конечно, не счелъ нужнымъ отрицать этого факта.

— А скажите, пожалуйста, кто допускается къ участию въ этихъ обѣдахъ, только ли члены клуба, или также и постороннія лица?

Сразу сообразивъ, куда клонится вопросъ, я, однако, тотчасъ же могъ побѣдоносно отпарировать готовящееся нападеніе, объяснивъ генералу, что къ участию въ обѣдахъ допускаются какъ члены клуба, такъ и рекомендованные ими гости, на точномъ основаніи устава. Я добавилъ, что убѣдиться въ справедливости моихъ словъ весьма легко, заглянувъ въ выставленную въ швейцарской книгу, въ которой записываются всѣ входящіе въ клубъ гости.

Дѣйствительно, это правило у насъ въ клубѣ всегда строго соблюдалось, и всѣ участники обѣдовъ, не состоявшіе членами клуба, обыкновенно записывались какъ входящіе въ клубъ гости, рекомендацію которыхъ, обыкновенно, брали на себя дежурные члены комитета.

Удовольствовавшись отвѣтомъ на первый вопросъ, генераль задалъ мнѣ другой:

— А послѣ обѣда у васъ происходятъ бесѣды?

Я долженъ былъ и на это отвѣтить утвердительно.

— И вотъ на этихъ-то бесѣдахъ, какъ дошло до нашего свѣдѣнія, затрагиваются иногда неподходящіе вопросы и высказываются неподходящія мнѣнія. Я долженъ предупредить васъ, что если такъ будетъ продолжаться, то мы вынуждены будемъ принять соотвѣтственныя мѣры.

Вотъ оно, гдѣ погребена собака! Кто-то, очевидно, поусердствовалъ и сдѣлалъ на насъ совершенно нелѣпый, беспочвенный доносъ.

Я былъ слишкомъ увѣренъ въ нашей совершенной невинности, и потому, не испугавшись угрозы, которою звучала рѣчь шефа жандармовъ, рѣшительно и категорически заявилъ ему, что его агенты, очевидно, вводятъ его въ заблужденіе, доносятъ ему о несуществующихъ фактахъ.

— Не соблаговолите ли, ваше высокопревосходительство, указать на тѣ неподходящіе вопросы, которые, будто бы, по словамъ вашихъ агентовъ, затрагивались на нашихъ бесѣдахъ, на тѣ неподходящія рѣчи, которыя по этимъ вопросамъ, будто бы, у насъ произносились.

— Да вотъ, напримѣръ, на послѣдней бесѣдѣ, у васъ былъ поставленъ, въ видѣ очередной темы для бесѣды, вопросъ объ отно-

шеніи труда къ капиталу,—объявилъ мнѣ генераль Мезенцевъ, очевидно, ожидая, что я буду смущенъ его освѣдомленностью и затруднюсь отвѣтомъ.

Увидѣвъ изъ этого заявленія, какъ бѣденъ арсеналь предъявленныхъ противъ насъ обвиненій, я вздохнулъ облегченной грудью и окончательно обезоружилъ моего собесѣдника своимъ прямымъ, открытымъ, очевидно, заранѣе неподготовленнымъ отвѣтомъ.

— Да,—сказалъ я,—на этотъ разъ ваши агенты васъ не обманули. Дѣйствительно, на послѣдней бесѣдѣ была поставлена очередная тема: «Отношеніе труда къ капиталу», но только ваши доносчики не освѣдомили васъ о томъ, въ какихъ предѣлахъ былъ поставленъ напугавшій ихъ вопросъ. Вѣдь рѣчь шла всего только о гонорарныхъ отношеніяхъ между сотрудниками и издателями газетъ и журналовъ. Исключительно съ этой, чисто профессиональной точки зрѣнія, мы, дѣйствительно, дебатировали вопросъ объ отношеніи труда къ капиталу. Не хотите вѣрить мнѣ на слово, спросите любого изъ участвовавшихъ на послѣднемъ обѣдѣ и бесѣдѣ.

— А вы можете мнѣ назвать участвовавшихъ?—спросилъ генераль Мезенцевъ.

— Отчего же, я охотно назову тѣхъ, кого помню.—И я конечно, поспѣшилъ назвать нѣкоторыхъ наиболѣе маститыхъ и сановитыхъ литераторовъ, въ чинѣ не ниже дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Генераль Мезенцевъ совсѣмъ удовлетворился моими объясненіями и отпустилъ меня, заявивъ, что будетъ очень радъ, если сдѣланный на нашъ клубъ доносъ не подтвердится, но что, во всякомъ случаѣ, онъ считаетъ долгомъ предупредить насъ, то есть членовъ распорядительнаго комитета, чтобы мы были осторожны и оберегали клубъ отъ могущихъ компрометировать его постороннихъ элементовъ.

Подъ компрометирующими «посторонними элементами» ясно, слѣдовало понимать намекъ на тѣхъ литераторовъ, не-членовъ клуба, которые участвовали въ обѣдахъ и бесѣдахъ, состоя, можетъ быть, на примѣтѣ и подозрѣніи у «третьяго отдѣленія».

Никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій начатое было дѣло о литературныхъ обѣдахъ въ «Клубѣ художниковъ» не имѣло. Продолжалось ли и чѣмъ окончилось дознаніе по нелѣпому доносу, я не знаю, меня, по крайней мѣрѣ, болѣе не тревожили, никуда не вызывали и ни о чемъ не спрашивали. Никакихъ распоряженій о прекращеніи обѣдовъ и бесѣдъ со стороны предержавшихъ властей не послѣдовало, и обѣды и бесѣды безпрепятственно продолжались. пока, наконецъ, сами собою не прекратились, вслѣдствіе охлажденія къ нимъ самихъ участниковъ и разъѣзда изъ Петербурга распорядителей обѣдовъ.

III.

Первая собравшаяся было надъ «клубомъ художниковъ» гроза благополучно прошла мимо, но, нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1876 г.. надъ нимъ разразилась уже настоящая гроза, чуть-чуть было о-всѣмъ его не убившая, но, во всякомъ случаѣ, серьезно подкосившая его силы и ускорившая его безвременную кончину.

По поводу этой второй и жестокой грозы, мнѣ опять пришлось, и уже не одинъ разъ, бесѣдовать съ тѣмъ же генераломъ Мезенцовымъ, уже занявшимъ къ тому времени постъ шефа жандармовъ.

«Клубъ художниковъ», продолжавшій приобрѣтать все большую и большую извѣстность среди столичной интеллигенціи, собиравшій на свои художественные вечера и костюмированные балы не сотни, а тысячи гостей, тѣмъ не менѣе, не могъ похвастаться обеспеченностью своего матеріальнаго положенія.

Въ то время какъ другіе клубы накапливали большіе запасные капиталы, исключительно отъ доходовъ съ картъ и штрафовъ за позднее сидѣнье за зеленымъ столомъ, «Клубъ художниковъ», этихъ грѣшныхъ доходовъ не имѣвшій, еле-еле сводилъ концы съ концами и съ трудомъ оплачивалъ свою квартиру и прочіе неизбѣжные расходы.

Для того, чтобы хоть сколько-нибудь увеличить свои доходы, «Клубу художниковъ» приходилось прибѣгать къ отдачѣ своихъ помѣщеній въ наемъ частнымъ лицамъ подъ устройство разныхъ вечеровъ, вплоть даже до обѣдовъ и баловъ, по случаю богатыхъ купеческихъ свадебъ.

Между прочимъ, помѣщеніе «Клуба художниковъ» особенно облюбовали устроители студенческихъ вечеровъ и баловъ, въ то время очень часто устраивавшихся. Другіе клубы не особенно охотно уступали свои залы подъ студенческіе вечера, а «Клубъ художниковъ» оказывалъ имъ всегда особенно радушное гостепримство.

На подобныхъ студенческихъ вечерахъ, какъ и на всякихъ другихъ частныхъ вечерахъ, клубный уставъ и власть клубной администраціи, само собою разумѣется, переставала дѣйствовать, а наблюденіе за порядкомъ и отвѣтственностью за него съ клубныхъ старшинъ снималась и переходила на устроителей и распорядителей вечера и общую полицію, насколько она находила нужнымъ проявлять свою власть и распорядительность въ этихъ случаяхъ.

Одинъ изъ такихъ не-клубныхъ студенческихъ вечеровъ, привелъ совершенно неожиданно къ катастрофѣ, разразившейся надъ «Клубомъ художниковъ» въ концѣ 1876 года.

Въ то время лежалъ на смертномъ одрѣ тяжело больной Н. А. Некрасовъ. Среди собравшейся на товарищескую вечеринку въ «Клубѣ

художниковъ» учащейся молодежи возникла, вполне естественная и симпатичная мысль составить и послать умиравшему популярному писателю соответственный адресъ.

Задумано—сдѣлано. Тутъ же составленный адресъ сталъ быстро покрываться подписями. Не хватило мѣста на одномъ листѣ, живо появился на сцену второй чистый листъ, на которомъ тоже спѣшили расписываться почитатели Некрасова.

Пока, однако, собирались подписи на второмъ листѣ, первый листъ, съ самымъ текстомъ адреса, кто-то умудрился стащить со стола. Въ кражѣ заподозрили нѣкоего субъекта, никому изъ распорядителей вечера лично неизвѣстнаго и по внѣшнему виду и по манерамъ очень похожаго на шпиона, какимъ онъ дѣйствительно и оказался.

Заподозрѣнный успѣлъ передать адресъ въ другія руки, адресъ такъ и исчезъ безлѣдно, но пойманному шпиону расходившаяся молодежь порядкомъ таки намяла бока, и если онъ ушелъ изъ клуба живымъ и не понесъ серьезнаго членовредительства, то исключительно благодаря защитѣ, состраданію и находчивости одного изъ старшинъ клуба (нынѣ покойнаго В. И. Аристовъ), которому удалось кое-какъ укрыть шпиона отъ преслѣдователей и дать ему возможность улизнуть изъ клуба по черному ходу.

Прискорбный инцидентъ съ поимкою и избіеніемъ подозрительнаго субъекта не вызвалъ въ то время никакого вмѣшательства явной полиціи, на самомъ вечерѣ не присутствовавшей, а дежурившей только на подъѣздѣ. Вечеръ продолжался и закончился своимъ чередомъ поздней ночью, безъ всякихъ дальнѣйшихъ происшествій. Распорядительный комитетъ узналъ о случившейся на вечерѣ маленькой неприятности только отъ дежурнаго старшины, не придавъ тогда этому дѣлу особаго значенія, какъ вдругъ черезъ нѣсколько дней комитетъ получилъ отъ тогдашняго градоначальника Ф. Ф. Трепова официальное увѣдомленіе о томъ, что «Клубъ художниковъ» по высочайшему повелѣнію закрывается.

Хотя это случилось очень ужъ много лѣтъ тому назадъ, но я живо помню тотъ злополучный день, когда нами было получено это роковое извѣстіе.

Рано утромъ, по полученіи мною, какъ предсѣдателемъ комитета, сообщенія отъ полиціи, я созвалъ членовъ комитета для выслушанія имѣющей быть намъ объявленной экстренной бумаги отъ градоначальника.

Объявить эту важную бумагу явился къ намъ не мѣстный приставъ, а особо командированное градоначальникомъ лицо, тогдашній начальникъ секретнаго отдѣленія канцеляріи градоначальника, кажется, если не измѣняетъ мнѣ память, господинъ Кириллинъ.

Присланная съ господиномъ Кириллинымъ бумага была очень лаконична. Я до сихъ поръ помню ея содержаніе дословно. Въ ней

сообщалось только, что, по всеподданнѣйшему докладу Спб. градоначальника, государю императору въ такой-то день угодно было выразить высочайшую волю, «чтобы Клубъ художниковъ былъ закрытъ».

Какъ ни были всѣ мы удивлены и огорчены выслушанной нами бумагой, но по свойственной тогдашнему моему юному возрасту пылкости и по своей юридической специальности, не воздержался отъ указанія господину Кириллину на вкравшуюся въ бумагу, по скороспѣлости ея составленія, явную несуразность.

Нашъ клубъ только въ просторѣчій назывался «клубомъ художниковъ», официально же носилъ названіе «С.-Петербургскаго собранія художниковъ». Предъявивъ господину Кириллину утвержденный правительствомъ уставъ, я позволилъ себѣ выразить сомнѣніе, туда ли, куда слѣдуетъ, направлена бумага и насъ ли точно предписано закрывать.

Господинъ Кириллинъ естественно нашелъ мою критику бумаги и мои сомнѣнія неумѣстными и предложилъ намъ не разсуждать, а подчиниться объявленному намъ повелѣнію.

Лаконичность объявленнаго намъ правительственнаго распоряженія, понятно, побудила насъ, членовъ комитета, обратиться къ представителю градоначальства господину Кириллину съ рядомъ естественно возникавшихъ вопросовъ: за что, про что обрушивается на насъ такое неожиданное несчастье и какъ понимать смыслъ сообщеннаго намъ повелѣнія, считать ли нашъ клубъ навсегда безповоротно похороненнымъ, или лишь на время прикрытымъ, что намъ дальше дѣлать, приступить ли къ немедленной ликвидаціи всего дѣла, или ждать дальнѣйшихъ распоряженій и указаній начальства?

На всѣ наши вопросы господинъ Кириллинъ категорически отказался отвѣчать. Онъ не имѣлъ полномочій давать намъ какія-либо разъясненія. Ему поручено только объявить намъ о состоявшемся распоряженіи и отобрать отъ насъ подписку объ его выслушаніи. Этимъ миссія его и заканчивалась.

Не получивъ желанныхъ и необходимыхъ для насъ объясненій отъ господина Кириллина, намъ оставалось обратиться за разъясненіями къ самому градоначальнику. Бѣжать за этими разъясненіями къ Ф. Ф. Трепову предстояло, конечно, мнѣ, какъ предсѣдателю комитета. Визитъ къ градоначальнику, сказать по правдѣ, не представлялся мнѣ особенно пріятнымъ. Мнѣ уже нѣсколько разъ приходилось, по дѣламъ клуба, бывать у Ф. Ф. Трепова и я, по опыту зналъ, что генераль Треповъ очень не разговорчивъ и имѣетъ привычку принимать просителей не иначе, какъ стоя посреди пріемной своей комнаты, выслушиваетъ наскоро и отвѣчаетъ лишь по большей части ничего не разъясняющими и ничего не общающими отрывистыми фразами. Всякій разъ, когда мнѣ

приходилось ранѣе объясняться съ Ф. Ф. Треповымъ, и лицо его, и вся фигура постоянно; какъ будто, стремящаяся неудержимо куда-то впередъ, краснорѣчивѣе всякихъ словъ, говорили: мнѣ некогда терять съ вами время, кончайте скорѣе ваши неинтересныя для меня объясненія и освободите меня отъ вашего присутствія. Такое же впечатлѣніе, какъ мнѣ хорошо было извѣстно, производилъ покойный Ф. Ф. Треповъ и не на одного меня.

Хотя, въ силу опыта, я и не ожидалъ благоприятныхъ результатовъ отъ новаго свиданія съ Ф. Ф. Треповымъ, но такъ или иначе ѣхать къ нему было необходимо. На всякій случай я предпочелъ однако, на этотъ разъ явиться къ градоначальнику не одинъ и уговорилъ ѣхать со мною вмѣстѣ единственнаго въ то время чиновнаго члена нашего комитета, инженера генераль-майора А. И. Квиста. Этотъ инженеръ, украшенный многими регаліями, заслуженный ученый генераль (нынѣ давно умершій), былъ, конечно, лично извѣстенъ Ф. Ф. Трепову. Съ нимъ оставалось у меня и у всѣхъ членовъ нашего комитета слабая надежда:—градоначальникъ окажется, быть можетъ, нѣсколько болѣе любезнымъ и разговорчивымъ, чѣмъ со мною, молодымъ, въ то время, и совершенно не чиновнымъ человѣкомъ.

Надежды наши на обаяніе военнаго мундира и регалій почтеннаго А. И. Квиста, любезно согласившагося сопутствовать мнѣ въ поѣздкѣ къ градоначальнику, увы, однако совсѣмъ не оправдались.

Ф. Ф. Треповъ не измѣнилъ своей привычкѣ, принялъ насъ съ А. И. Квистомъ такъ же точно, какъ принималъ ранѣе меня одного. Былъ, какъ всегда, лакониченъ въ своихъ отвѣтахъ и какъ всегда всей своей фигурой ясно давалъ намъ понять, что аудіенція не можетъ продолжиться долѣе 2—3 минутъ, такъ какъ его, генерала Трепова, ждутъ другія неотложныя дѣла.

Едва мы успѣли открыть ротъ, чтобы объяснить наше печальное положеніе, полнѣйшее недоумѣніе по поводу объявленнаго намъ неожиданнаго для насъ короткаго и совсѣмъ не мотивированнаго распоряженія, какъ градоначальникъ поспѣшилъ оборвать насъ на полусловъ, категорическимъ заявленіемъ, что онъ не можетъ ничего дополнить къ тому, что намъ уже объявлено.

— Но въ объявленномъ намъ повелѣніи,—попробовали мы объяснить,—ничего не сказано о томъ, навсегда или на время закрывается клубъ. Должны ли мы немедленно приступить къ ликвидаціи и въ какомъ порядкѣ ее производить. Мы искренно желаемъ въ точности сообразоваться во всѣхъ своихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ съ объявленной намъ высочайшей волей, но боимся, какъ бы не впасть при толкованіи ея въ невольныя ошибки, почему и рѣшились обратиться за разъясненіями и указаніями къ вашему превосходительству, какъ къ лицу, которымъ объявлена намъ высочайшая воля.

— Никакихъ разъясненій вамъ дать не могу,—еще рѣшительнѣе повторилъ Ф. Ф. Треповъ.—Дѣйствуйте, какъ сами знаете.

Такъ ничего больше мы отъ него и не добились. Аудіенція наша была окончена, и намъ съ А. И. Квистомъ пришлось съ грустью возвратиться къ ожидавшимъ насъ съ понятнымъ нетерпѣніемъ нашимъ сочленамъ по комитету, только для того, чтобы объявить имъ, что послѣ свиданія съ градоначальникомъ мы знаемъ не больше, чѣмъ знали до визита къ нему.

Въ самомъ нелѣпомъ положеніи оказался нашъ распорядительный комитетъ закрытаго по распоряженію правительства клуба. Что намъ дальше дѣлать? Одно для насъ было ясно: всякія общественныя собранія въ клубѣ, конечно, должны сейчасъ же прекратиться. Двери клуба должны быть заперты не только для гостей, но и для членовъ клуба, въ смыслѣ пользованія тѣми удобствами, какія представляетъ всякій клубъ для его посѣтителей, то есть въ смыслѣ пользованія буфетомъ, биллиардомъ, библиолекой и т. п. Но комитетъ? ему, вѣдь, все-таки необходимо было собираться для рѣшенія текущихъ дѣлъ клуба. На рукахъ комитета оставалось все-таки хозяйство клуба, нанятая для него по контракту квартира, мебель и прочее имущество, контора, прислуга и прочее. При полной неизвѣстности, что будетъ дальше, мы, тѣмъ не менѣе, не могли бросить все клубное хозяйство на произволь судьбы.

Мы рѣшили, поэтому, все-таки собираться, и административная власть не встрѣтила къ этому препятствій.

Отъ насъ, однако, потребовали, чтобы мы о каждомъ засѣданіи комитета извѣщали мѣстную полицію. Представитель ея въ дни и часы засѣданій комитета, по распоряженію градоначальника, долженъ былъ тоже являться въ помѣщеніе нашего клуба. По счастью, этотъ полицейскій чинъ, (помощникъ пристава или околоточный, теперь уже хорошо не помню), въ самую комнату, гдѣ засѣдалъ нашъ комитетъ, не входилъ, а дежурилъ за дверью, но все-таки подобное засѣданіе подъ надзоромъ полиціи было, понятно, не по нутру членамъ нашего комитета, который мнѣ и стало все труднѣе и, труднѣе собирать.

Положеніе наше становилось изо дня въ день все тяжелѣе и тяжелѣе. Шли недѣли и мѣсяцы, и намъ приходилось все оставаться въ полной неизвѣстности о дальнѣйшей судьбѣ нашего клуба. Ликвидировать его дѣла мы все-таки не хотѣли, надѣясь что какъ-нибудь добьемся его открытія, да если бы мы и рѣшили приступить къ ликвидации, то не знали, какъ къ ней приступить (нынѣшнихъ «правилъ» объ открытіи и закрытіи обществъ и собраній тогда еще не существовало). Вѣдь для ликвидации нужно было бы, очевидно, собрать общее собраніе членовъ, на что нечего было и раз-

считывать получить разрѣшеніе отъ Трепова, едва терпѣвшаго собранія нашего комитета.

Въ этомъ печальномъ нашемъ положеніи мы вдругъ совершенно неожиданно получили помощь отъ такого учрежденія, на защиту и покровительство котораго, казалось бы, менѣ всего могли считатьывать.

IV.

Случайно въ окружномъ судѣ мнѣ пришлось встрѣтиться съ однимъ изъ моихъ школьныхъ товарищей. Мой однокурсникъ и въ дни юности пріятель Поскочинъ (нынѣ умершій), въ началѣ 1877 г. былъ для меня совсѣмъ уже не близкимъ человѣкомъ, и наши жизненные дороги и наши взгляды и убѣжденія далеко разошлись. Поскочинъ сдѣлался завзятымъ бюрократомъ и въ то время занималъ должность товарища прокурора С. Петербургской судебной палаты и былъ временно спеціально прикомандированъ къ «третьему» отдѣленію, для участія въ производствѣ слѣдствій по политическимъ дѣламъ. Онъ только что закончилъ свою рѣчь обвинителя въ процессѣ участниковъ въ Казанской демонстраціи, а я какъ разъ готовился выступать защитникомъ въ предстоявшемъ процессѣ 50, гдѣ мнѣ первоприсутствующимъ сенаторомъ была поручена защита четырехъ обвиняемыхъ—Ольги Люботовичъ, Хоржевской (княгини Циціановой), Медвѣдовой и Геси Гельфманъ.

Понятно, что прежнихъ товарищескихъ отношеній съ Поскочинымъ я поддерживать уже не могъ, лишь рѣдко намъ съ нимъ приходилось и встрѣчаться, но при случайныхъ встрѣчахъ, по старой правовѣдской привычкѣ, мы все-таки продолжали говорить съ нимъ на «ты», и покойный Поскочинъ не упускалъ случая заявить мнѣ, что, несмотря на разницу взглядовъ, продолжалъ питать ко мнѣ прежнюю товарищескую дружбу и расположеніе и всегда радъ мнѣ въ чемъ либо быть полезнымъ.

И теперь при встрѣчѣ со мною въ окружномъ судѣ, Поскочинъ самъ первый подошелъ ко мнѣ и съ особымъ участіемъ заговорилъ о судьбѣ «Клуба художниковъ», въ который самъ въ былое время заглядывалъ.

Услышавъ отъ меня, въ какомъ печальномъ и неопредѣленномъ положеніи мы находимся, Поскочинъ тотчасъ же самъ вызвался помочь намъ выбраться изъ этого грустнаго положенія.

— Хочешь,—предложилъ мнѣ Поскочинъ,—я устрою тебѣ свиданіе съ шефомъ жандармовъ. Ты познакомишь его со всѣми подробностями вашего дѣла, можетъ быть, ему хорошо и неизвѣстными и, я надѣюсь, что онъ, пожалуй, не откажется вамъ помочь.

Перспектива свиданія съ шефомъ жандармовъ меня нисколько не пугала. Когда-то наводившее на всѣхъ панической страхъ гроз-

ное третье отдѣленіе, доживавшее уже послѣдніе дни, перестало быть страшнымъ пугаломъ. Мнѣ лично, какъ выше рассказано, приходилось уже однажды побывать въ этомъ третьемъ отдѣленіи и бесѣдовать съ тѣмъ самымъ генераломъ Мезенцовымъ, къ которому теперь предлагалъ мнѣ отправиться мой товарищъ, имѣвшій по своему служебному положенію близкій доступъ къ шефу жандармовъ.

Вынеся изъ перваго моего визита въ третье отдѣленіе впечатлѣніе совсѣмъ не гармонировавшее съ тѣмъ представленіемъ о грозномъ тайномъ судилищѣ, какое создалось въ моемъ умѣ съ дѣтскихъ лѣтъ, я, собственно, ничего не могъ имѣть и противъ вторичнаго визита къ тому же генералу Мезенцову, съ которымъ уже былъ нѣсколько знакомъ, но не видѣлъ на первый взглядъ никакой пользы отъ предстоящаго возобновленія знакомства съ шефомъ жандармовъ (Мезенцовъ въ это время повысился уже въ рангъ и изъ товарищей сдѣлался настоящимъ шефомъ).

Станетъ ли, думалось мнѣ, шефъ жандармовъ заступаться за учрежденіе, подвергшееся, хотя и совершенно безвинно, царской опалѣ? Да кромѣ того, меня не мало волновалъ еще и вопросъ о томъ, какимъ путемъ я могу добиться аудіенціи у шефа жандармовъ.

Просить объ аудіенціи я не имѣлъ ни малѣйшаго желанія, да, наконецъ, самъ единолично, по собственной своей инициативѣ, я не считалъ себя вправѣ добиваться такой аудіенціи. На это мнѣ нужно было заручиться предварительно полномочіемъ распорядительнаго комитета «Клуба художниковъ», а какъ взглянетъ на это дѣло комитетъ, я не могъ заранѣе угадать.

Всѣ мои сомнѣнія и колебанія тотчасъ же устранилъ тотъ же Поскочинъ.

— Тебѣ совсѣмъ не придется просить аудіенціи у шефа жандармовъ. Я такъ устрою, что онъ самъ тебя пригласитъ и ручаюсь тебѣ, что онъ приметъ тебя прекрасно, внимательно выслушаетъ и все, что можетъ, для васъ сдѣлаетъ.

Поскочинъ говорилъ такъ увѣренно, что у меня невольно зародилась мысль, не говорилъ ли онъ уже ранѣе о нашемъ дѣлѣ съ Мезенцовымъ и не получилъ ли отъ него ко мнѣ своего рода дипломатическую миссію.

Послѣ этого, мнѣ не было уже болѣе причинъ колебаться и отказываться отъ свиданія съ шефомъ жандармовъ, и я заявилъ Поскочину, что въ такой формѣ готовъ принять его услугу и явлюсь къ генералу Мезенцеву и подробно ему изложу наше дѣло, если только генералъ самъ выразитъ желаніе меня принять и выслушать.

Поскочинъ въ точности исполнилъ свое обѣщаніе и черезъ нѣсколько дней я получилъ въ очень любезную форму облеченное приглашеніе явиться къ шефу жандармовъ. На этотъ разъ приглашеніе было письменное, и хотя его доставилъ мнѣ не офицеръ (какъ

въ прошлый разъ), а низшій жандармскій чинъ, но приглашеніе совсѣмъ не походило на сухую повѣстку о вызовѣ въ судъ, или къ начальству, а было редактировано такъ, какъ пишется приглашеніе на чашку чая или на обѣдъ.

«Шефъ жандармовъ,—значилось въ этомъ любезномъ приглашеніи,—свидѣтельствуя совершенное уваженіе такому-то, просить его пожаловать въ такой-то день и часъ.»

Въ назначенный день и часъ я, конечно, явился въ историческое зданіе у Цѣпного моста. Какъ теперь помню, мнѣ было назначено явиться къ часу дня. Я приѣхалъ аккуратно въ 12 часовъ 55 минутъ, то есть за пять минутъ до назначеннаго времени. Одинъ изъ чиновниковъ, находившихся въ прилегающей къ приѣмной шефа жандармовъ комнатѣ, къ великому моему удивленію и къ немалому конфузу и огорченію, оказался тоже однимъ изъ постоянныхъ посѣтителей «Клуба художниковъ» (кто только у насъ не бывалъ!) а потому и лично меня знавшимъ человѣкомъ.

Въ ту пору, по молодости и неопытности, я и не подозрѣвалъ, что бесѣдую съ однимъ изъ предшественниковъ Азефа; только впоследствии, по совершенному тождеству инициаловъ, я узналъ, что это былъ не простой ординарный чиновникъ третьяго отдѣленія, а одинъ изъ довольно выдающихся членовъ сыска, какимъ такъ живо и талантливо изобразилъ его, въ назиданіе потомству, А. Ф. Кони въ своихъ «Воспоминаніяхъ», напечатанныхъ въ № 1 «Русской Старины» за 1910 годъ.

Онъ встрѣтилъ меня чуть ли не съ укоромъ.

— Помилуйте,—сказалъ онъ мнѣ.—Я уже начиналъ беспокоиться, что вы опоздаете.

— Какъ опоздаю,—оправдывался я,—глядя на часы, да, вѣдь, часу еще нѣтъ!

— Но вы не знаете аккуратности нашего генерала. Вамъ назначена особая аудіенція въ неприѣмный часъ (чувствуй, молъ, честь какая!) Пунктуально въ назначенный часъ выйдетъ шефъ жандармовъ, и вдругъ бы васъ еще не было. Это былъ бы просто скандалъ.

Съ непритворнымъ ужасомъ отчитывалъ мнѣ дружескую нотацію чиновникъ.

И дѣйствительно, онъ былъ правъ. Не успѣлъ мой собесѣдникъ закончить свою нотацію, какъ вмѣстѣ съ боемъ стѣнныхъ часовъ, открылась дверь изъ сосѣдней съ приѣмною комнатою, и изъ нее вышелъ самъ генералъ Мезенцовъ. Разница въ приѣмѣ у шефа жандармовъ и у градоначальника оказалась поразительная. Вмѣсто того, чтобы начать со мною бесѣду въ приѣмной (какъ и начиналъ и кончалъ свои бесѣды генералъ Треповъ), Мезенцовъ тотчасъ же любезно пригласилъ меня перейти въ сосѣдную комнату, оказавшеюся его гостиною, гдѣ и повелъ со мною разговоръ не какъ

сановникъ съ просителемъ, а какъ радушный хозяинъ и свѣтскій человѣкъ съ гостемъ.

Обращеніе со мною генерала Мезенцова послѣ всего того, что я слышалъ о немъ, какъ о шефѣ жандармовъ, несказанно меня поразило. Впослѣдствіи (и очень скоро) я получилъ очень простую разгадку этой изысканной любезности и предупредительности. Помимо рекомендаціи Поскочина, тутъ мнѣ особенно помогъ антагонизмъ, въ то время особенно обострившійся между Мезенцовымъ и Треповымъ.

Хотя по своему служебному положенію Мезенцовъ стоялъ, конечно, гораздо выше Трепова, но послѣдній первому все-таки не былъ непосредственно подчиненъ, имѣлъ свои связи, велъ свою самостоятельную тактику. Въ Петербургѣ, въ то время, завелись двѣ тайныя полиціи: одна въ вѣдѣніи третьяго отдѣленія, другая въ вѣдѣніи градоначальника. Эти двѣ тайныя полиціи не всегда дѣйствовали дружно и заодно, но иногда и прямо-таки другъ съ другомъ конкурировали, пикировались и при случаѣ не прочь были одна другую подсадить и подвести.

Этотъ-то антагонизмъ двухъ тайныхъ полицій и оказался намъ въ данномъ случаѣ на руку и помогъ мнѣ заручиться полной благоклонностью и расположеніемъ со стороны Мезенцова.

V.

Спокойно и внимательно выслушавъ мое печальное повѣствованіе о пережитыхъ нами бѣдствіяхъ, генералъ Мезенцовъ сразу высказалъ свое явное участіе къ судьбѣ злополучнаго «Клуба художниковъ».

Мнѣ пришлось откровенно сознаться генералу Мезенцову въ томъ, что всѣ мы, члены комитета, до сихъ поръ рѣшительно не знаемъ, за что именно постигла «Клубъ художниковъ» совершенно незаслуженная имъ кара. Общее наше убѣжденіе было, что единственной причиной закрытія клуба является инцидентъ съ адресомъ Некрасову и съ послѣдующимъ избіеніемъ таинственнаго субъекта, заподозрѣннаго въ похищеніи адреса.

Но если это дѣйствительно и такъ, то гдѣ же тутъ справедливость? Причемъ же тутъ во всей этой исторіи «Клубъ художниковъ»? Вѣдь, это былъ не клубный вечеръ. Помѣщеніе клуба было сдано въ наемъ частнымъ лицамъ, устроителямъ вечера, которые одни и могутъ считаться отвѣтственными за все, что бы ни произошло на этомъ вечерѣ.

Удалось ли молодымъ людямъ сколько-нибудь помять бока субъекта, укравшаго адресъ—я этого не знаю, такъ какъ самъ не былъ на вечерѣ, но если бы даже индивидуумъ этотъ и былъ побитъ, то во всякомъ случаѣ били его не члены клуба и даже не гости,

вошедшіе въ клубъ по рекомендаціи членовъ, а совершенно постороннія для клуба лица, за поступки которыхъ ни клубъ, ни его администрація никакъ отвѣчать не могутъ.

— Такъ вы думаете, — прервалъ меня, саркастически улыбаясь генераль Мезенцовъ, — что причина закрытія клуба — это избіеніе субъекта, укравшаго адресъ? Вы жестоко ошибаетесь. Совсѣмъ не въ этомъ дѣло. Если бы, дѣйствительно, даже молодежь хорошенько отколотила этого глупаго и неловкаго субъекта, то онъ получилъ бы только заслуженное и жалѣть бы о немъ совсѣмъ бы не стоило.

Я не вѣрилъ своимъ ушамъ. Подобныя рѣчи изъ устъ шефа жандармовъ звучали какъ-то совсѣмъ странно. Субъектъ, стянувшій адресъ со стола, былъ, очевидно, агентъ тайной полиціи. Какъ же могъ шефъ жандармовъ такъ презрительно отнестись къ одному изъ своихъ агентовъ и чуть ли не радоваться его избіенію и такъ открыто выражать свои чувства въ бесѣдѣ съ частнымъ и мало извѣстнымъ ему лицомъ?

Дѣло объяснилось, однако, совсѣмъ просто. Агентъ, оперировавшій на злополучномъ студенческомъ вечерѣ въ «Клубъ художниковъ» и избитый студентами за кражу адреса Некрасову — былъ агентомъ Треповской, а не Мезенцовской тайной полиціи: оттого-то Треповъ такъ близко и принялъ къ сердцу постигшее его подчиненнаго несчастье и такъ недружелюбно къ нашему клубу относится (забывъ, что нашъ же старшина спасъ шпіона отъ худшихъ грозившихъ ему непріятностей). Генераль Мезенцовъ, напротивъ того, ничуть не огорчился, а чуть ли не радовался несчастью, постигшему посторонняго для него агента, оперировавшаго за счетъ конкурировавшаго съ третьимъ отдѣленіемъ начальства.

— Но если не исторія съ похищеніемъ адреса, что же еще могло случиться на этомъ злополучномъ вечерѣ, отчего могъ бы подвергнуться закрытію «Клубъ художниковъ»? — рискнулъ я спросить шефа жандармовъ и опять совершенно неожиданно получилъ прямой, откровенный отвѣтъ.

— Исторія съ глупымъ и неловкимъ агентомъ была только однимъ, но далеко не главнымъ основаніемъ для испрошенія высочайшаго повелѣнія о закрытіи вашего клуба. Главнымъ козыремъ въ рукахъ генерала Трепова оказалось то, что злополучный студенческий вечеръ въ вашемъ клубѣ, былъ нѣкоторымъ образомъ прологомъ къ «казанской» исторіи. На этомъ вечерѣ присутствовали и сговаривались между собой инициаторы и руководители демонстраціи 6-го декабря 1876 года. Въ стѣнахъ вашего клуба, такъ сказать, зачалась «казанская исторія».

— Но вѣдь мы-то, администрація клуба, не имѣли до сихъ поръ ни малѣйшаго объ этомъ понятія. Вѣдь я предсѣдатель комитета слышу объ этомъ первый разъ отъ васъ, — поспѣшилъ я заявить шефу жандармовъ.

— Я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь,—послѣдоваль благо-склонный отвѣтъ генерала Мезенцова.

— Но тогда позвольте, гдѣ же тутъ справедливость?—заговорилъ я, можетъ быть и съ несовсѣмъ подходящей для мѣста бесѣды горячностью.—Чѣмъ же виноватъ клубъ въ томъ, что въ его стѣнахъ, безъ вѣдома его администраціи, какіе-то неизвѣстные намъ люди затѣвали и приготовляли какую-то антиправительственную демонстрацію? Вѣдь никто изъ членовъ клуба къ этой демонстраціи нисколько не прикосновененъ. Вѣдь та случайность, что въ стѣнахъ клуба, не на клубномъ вечерѣ, оказались политическіе агитаторы, нисколько не уменьшаетъ легальности и политической благонадежности самаго клуба и его членовъ, въ составѣ котораго не мало людей, находящихся на государственной службѣ и даже занимающихъ въ ней видныя должности. Вѣдь, если прологъ «казанской исторіи», какъ вы изволите говорить, разыгрался въ стѣнахъ «Клуба художниковъ», то первый актъ той же исторіи разыгрался въ стѣнахъ Казанскаго собора, а послѣдній на площади у собора. Не придетъ же, однако, никому въ голову мысль требовать закрытія Казанскаго собора изъ-за того, что въ стѣнахъ его случайно оказались люди, пришедшіе туда для цѣлей, ничего общаго съ молитвой не имѣющихъ. Отчего же иная мѣрка должна быть примѣнена къ «Клубу художниковъ», стѣны котораго, помимо вѣдома клубныхъ властей, такъ же какъ и стѣны Казанскаго собора, на короткое время пріютили людей, тоже пришедшихъ и въ клубъ, какъ ходять и въ церковь, совсѣмъ не за тѣмъ, зачѣмъ обыкновенно туда ходять!

Я говорилъ за свой клубъ со всѣмъ пыломъ, свойственнымъ тогдашнему моему молодому возрасту и тогдашней моей адвокатской профессіи. Я прямо-таки забылъ, что говорю передъ шефомъ жандармовъ, а не передъ присяжными засѣдателями.

Генераль Мезенцовъ все время весьма благосклонно меня слушалъ, нисколько не смущаясь горячностью моей рѣчи, и опять-таки съ рѣдкой въ его положеніи откровенностью призналъ, что мое указаніе на аналогичность въ данномъ случаѣ положенія Казанскаго собора и «Клуба художниковъ», конечно, *toutes proportions gardées*, не лишено основательности.

Поощренный доброжелательнымъ отношеніемъ къ моей защитѣ моего сановнаго слушателя, я позволилъ себѣ пойти дальше и обратитъ вниманіе шефа жандармовъ на то, что закрытіи вполне приличнаго и благонадежнаго клуба, въ которомъ такъ пріятно и невинно привыкли проводить время сотни тоже вполне благонамѣренныхъ семей, едва ли можетъ считаться мѣрой вполне правильной и цѣлесообразной, даже съ чисто правительственной точки зрѣнія. Вѣдь всѣмъ извѣстно, что когда люди веселятся, имъ рѣже могутъ приходиться на умъ вредныя мысли. Лишеніе же людей возможности пользоваться невиннымъ развлеченіемъ, способно только

увеличить кадры недовольныхъ и будирующихъ, что конечно, не въ интересахъ правительства.

Генераль Мезенцовъ къ послѣднему моему соображенію поспѣшилъ всецѣло присоединиться.

— Я самъ это очень хорошо понимаю,—успокоилъ онъ меня,— а потому и признаю, что закрытіе «Клуба художниковъ» было ошибкой, что эту ошибку слѣдуетъ поправить и клубъ вашъ вновь открыть, но вы понимаете, однако, что этого нельзя такъ сразу сдѣлать. Нужно немного повременить. Закрытіе вашего клуба послѣдовало безъ моего вѣдома. Я очень жалѣю, что поздно объ этомъ узналъ, когда фактъ уже совершился, иначе я, конечно, былъ бы противъ подобной мѣры, но разъ это сдѣлано, нужно выждать удобнаго момента, чтобы помочь вамъ.

Принося генералу Мезенцову глубокую признательность за обѣщанное содѣйствіе, я, конечно, долженъ былъ преклониться передъ его указаніемъ на необходимость нѣкоторой отсрочки въ исполненіи нашихъ желаній въ возстановленіи нашихъ правъ. Я зналъ, что подобныя дѣла у насъ въ Россіи скоро не дѣлаются, но позволилъ себѣ все-таки обратить вниманіе шефа жандармовъ на то нестерпимое, по своей неопредѣленности, положеніе, въ какомъ въ данную минуту находится распорядительный комитетъ «Клуба художниковъ».

— Вотъ вы изволите насъ обнадеживать, что клубъ нашъ не безвозвратно погибъ, что онъ имѣетъ возродиться а ближайшее наше полицейское начальство смотритъ на наше дѣло какъ будто совсѣмъ иначе. Оно еле терпитъ, но видимо не одобряетъ того, что и комитетъ нашъ продолжаетъ собираться для осужденія своихъ дѣлъ хозяйственныхъ. Намъ разрѣшаютъ собираться не иначе, какъ подъ надзоромъ полиціи.

— Ну, это уже совсѣмъ лишнее,—съ улыбкой произнесъ шефъ жандармовъ.—Вы можете отъ меня передать градоначальнику, что я не вижу никакой необходимости въ командированіи представителей полиціи на засѣданія вашего комитета.

— Но повѣритъ ли мнѣ градоначальникъ, если я стану ему передавать ваши слова?

Генераль Мезенцовъ опять улыбнулся.

— Ну, хорошо,—сказалъ онъ.—Въ такомъ случаѣ, вотъ какъ мы это сдѣлаемъ. Поѣзжайте вы къ Трепову не сегодня, а завтра. Сегодня же я увижусь съ нимъ вечеромъ въ театрѣ и самъ скажу ему, чтобы онъ васъ не притѣснялъ. И такъ, покуда мирно продолжайте свою работу по завѣдыванію хозяйствомъ клуба, охраняя его имущество до тѣхъ поръ, когда будетъ признано возможнымъ опять вашъ клубъ открыть. Сейчасъ я не могу ничего вамъ сказать опредѣленнаго о времени снятія съ васъ запрета. Заѣзжайте ко мнѣ въ то же время черезъ недѣлю, можетъ быть, тогда я буду

въ состояніи сказать вамъ что-нибудь болѣе утѣшительное, чѣмъ сегодня.

На этомъ окончилась первая моя аудіенція у Мезенцова, за которой послѣдоваль цѣлый рядъ другихъ.

VI.

На слѣдующій же день, я, согласно указанію шефа жандармовъ, опять направился къ градоначальнику и на этотъ разъ былъ безконечно пораженъ рѣзкой переменой въ обращеніи со мною Трепова.

По обыкновенію встрѣтивъ меня въ той же пріемной, гдѣ мы съ нимъ много разъ уже объяснялись, Треповъ впервые не повелъ со мной разговора стоя посрединѣ комнаты (какъ это до сихъ поръ бывало), а любезно предложилъ мнѣ перейти въ сосѣдній съ пріемной кабинетъ. Тутъ, усѣвшись за своимъ письменнымъ столомъ и предложивъ мнѣ сѣсть на кресло по другую сторону стола, Треповъ началъ со мною разговоръ совсѣмъ по-человѣчески, не торопясь, давалъ и мнѣ высказываться, не зажимая мнѣ рта лаконическими репликами, не допускающими никакихъ возраженій. Болѣе того, когда во время нашей бесѣды, длившейся чуть ли не полчаса, въ кабинетъ вошелъ чиновникъ съ срочными пакетами, генераль Треповъ даже простеръ свою любезность до того, что попросилъ у меня извиненія за перерывъ бесѣды и, быстро вскрывъ и прочитавъ поданные пакеты, тотчасъ же опять отпустилъ безъ всякой резолюціи принесшаго ихъ чиновника, а меня удостоилъ сообщенія, что въ этихъ пакетахъ ничего серьезнаго нѣтъ.

— Все переписка о высылкѣ неблагонадежныхъ лицъ,—бросилъ онъ мнѣ вскользь, точно эта переписка ему самому страшно надоѣла и казалась совсѣмъ излишней, ненужной.

Разговоръ со мною на этотъ разъ Треповъ велъ въ самомъ любезномъ тонѣ, не воздержавшись, однако, отъ нѣкоторыхъ ехидныхъ намековъ по адресу Мезенцова.

— Вы нашли себѣ высокаго защитника и покровителя въ лицѣ шефа жандармовъ,—не безъ язвительности сказалъ мнѣ Треповъ,—съ чѣмъ васъ и поздравляю.

Затѣмъ, онъ сталъ увѣрять меня, что онъ самъ ничего не имѣетъ противъ открытія вновь «Клуба художниковъ», что излишнія стѣсненія по отношенію къ нашему комитету были слѣдствіемъ не его распоряженія, а чрезмѣрнаго усердія низшихъ чиновъ полиціи.

Поздравляя меня съ пріобрѣтеніемъ покровителя и защитника въ лицѣ Мезенцова, Треповъ предупредилъ, однако, чтобы я не очень-то вѣрилъ обѣщаніямъ Мезенцова и главное, отнюдь не рассчитывалъ на скорое исполненіе нашихъ желаній и открытіе клуба.

— Весьма возможно,—старался выяснитъ мнѣ Треповъ,—что, пообѣщавъ мнѣ очень много, шефъ жандармовъ и ничего для насъ не

сдѣлаеть; за разными другими, болѣе важными дѣлами, ему легко, вѣдь, и забыть о нашемъ сравнительно маленькомъ дѣлѣ.

Какъ бы тамъ ни было, полицейскій надзоръ съ насъ послѣ этого былъ совсѣмъ снятъ, и мы получили возможность собираться на засѣданія нашего комитета, не доводя объ этомъ до свѣдѣнія полицейскаго участка.

Къ генералу Трепову мнѣ больше ужъ не пришлось ѣздить, зато у генерала Мезенцова я былъ еще нѣсколько разъ. При моихъ дальнѣйшихъ визитахъ шефъ жандармовъ принималъ меня также любезно, бесѣдовалъ со мной, кромѣ нашего дѣла, и о всякихъ тогдашнихъ городскихъ новостяхъ, интересовался, между прочимъ, какъ теперь помню, ходомъ процесса 50, разбирававшегося въ то время въ особомъ присутствіи правительствующаго сената, гдѣ и я, какъ указано выше, выступалъ въ качествѣ защитника. Каждый разъ вновь увѣряя меня въ полной своей готовности намъ помочь, генералъ Мезенцовъ долженъ былъ однако сознаваться, что пока ничего для насъ сдѣлать не можетъ.

И дѣйствительно, время было неподходящее для движенія нашего дѣла. Россія была наканунѣ объявленія войны Турціи и, само собою разумѣется, съ этимъ приходилось мириться. Шефу жандармовъ представлялось совершенно невозможнымъ въ такое время тревожить государя докладомъ о возстановленіи въ правахъ «Клуба художниковъ».

Мнѣ самому дѣлалось просто неловко надоѣдать Мезенцову своими визитами въ подобное время, хотя онъ всякій разъ просилъ опять къ нему черезъ недѣлю, другую, заѣхать. Я рѣшилъ совсѣмъ прекратить эти визиты и, вооружась терпѣніемъ, ожидать болѣе благоприятнаго времени.

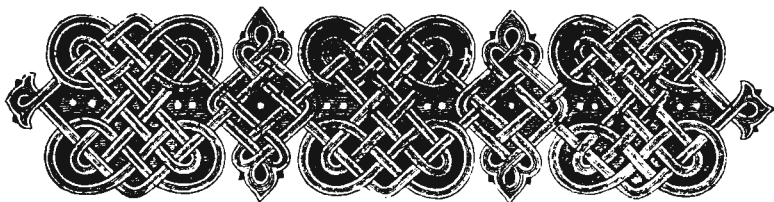
Мезенцовъ, однако, самъ вспомнилъ обо мнѣ и еще разъ пригласивъ меня къ себѣ наканунѣ своего отъѣзда для сопровожденія государя на войну. На прощаніе обратился ко мнѣ съ такою рѣчью:

— Завтра я ѣду съ государемъ на войну. До сихъ поръ я, къ сожалѣнію, не могъ найти удобнаго случая, чтобы доложить о вашемъ дѣлѣ государю, но обѣщаю вамъ, что сдѣлаю это при первой возможности въ походѣ.

Признаюсь, я мало возлагалъ тогда надеждъ на исполненіе даннаго мнѣ Мезенцовымъ обѣщанія. Гдѣ же ему во время похода вспоминать о насъ и докладывать о нашемъ дѣлѣ государю?

Однако, Мезенцовъ сдержалъ данное мнѣ слово. При первомъ же благоприятномъ случаѣ, а именно тотчасъ же послѣ паденія Плевны, шефъ жандармовъ воспользовался удобной минутой, доложилъ о нашемъ дѣлѣ государю, и мы получили по телеграфу извѣщеніе о послѣдовавшемъ высочайшемъ соизволеніи на открытіе вновь «Клуба художниковъ».

И. Д. Зубаревъ.

ХОЗЯИНЪ МОСКВЫ.

(Изъ недавняго прошлаго).

Въ текущемъ году исполнилось ровно четверть вѣка со дня смерти одного изъ популярнѣйшихъ генераль-губернаторовъ Москвы,—князя Владиміра Андреевича Долгорукова. Объ этомъ администраторѣ, почти 26 лѣтъ управлявшемъ первопрестольной столицей, много писалось въ разное время и по различнымъ поводамъ, но, къ сожалѣнію, вниманіе большинства авторовъ преимущественно останавливалось лишь на анекдотической сторонѣ дѣятельности князя, на интимной обстановкѣ его личной, домашней жизни, на нѣкоторыхъ его слабостяхъ и причудахъ, можетъ быть, нерѣдко свидѣтельствовавшихъ и о вполне понятномъ самодурствѣ этого избалованнаго жизнью русскаго вельможи, привыкшаго къ почету и власти, къ раболѣпству и лести со стороны окружающихъ, считавшаго себя въ своей «московской вотчинѣ» намѣстникомъ или даже alter ego самодержавнаго монарха, «царевымъ окомъ», и въ продолженіе трехъ царствованій почти до самой гробовой доски не перестававшаго пользоваться милостями и щедротами своихъ государей. Авторами воспоминаній о князѣ В. А. Долгоруковѣ обыкновенно упускались изъ виду такія черты характера и дѣятельности послѣдняго, которыя въ своей совокупности даютъ яркое представленіе о цѣлой эпохѣ въ жизни Москвы.

«Долгоруковская эпоха»... Для тѣхъ, кто ее пережилъ, нѣтъ ничего яснѣе и опредѣленнѣе этихъ двухъ словъ, вызывающихъ

въ памяти рядъ образовъ и картинъ невозвратнаго прошлаго, когда московскій обыватель пребывалъ еще, такъ сказать, въ младенчествѣ, жилъ почти растительной жизнью, вкусно ѣлъ, пилъ, спалъ, веселился, ни надъ какими «проклятыми вопросами» и «тайнами бытія» не задумывался и всего себя отдавалъ въ распоряженіе благоустроительнаго начальства. То было время властной бюрократической опеки, которой одинаково подвергалась какъ общественная, такъ и частная жизнь. На каждомъ шагу мирный житель столицы встрѣчался съ административнымъ вмѣшательствомъ, сильно его стѣснявшимъ, нерѣдко прямо отравлявшимъ ему существованіе, или дѣлался жертвой грубаго полицейскаго произвола. И вотъ тутъ-то огромную роль играла личность того или иного «всесильнаго сатрапа», какимъ былъ въ Москвѣ кн. Долго-руковъ.

Въ сущности это былъ не администраторъ въ общепринятомъ, ходячемъ смыслѣ слова, не высокопоставленное начальствующее лицо, сидящее на вершинѣ бюрократическаго Олимпа, а самый обыкновенный человекъ, удивительно простой, привѣтливый, даже ласковый въ обращеніи, крайне доступный, баринъ *pur sang* съ чисто-русской душой «на распашку» и съ чисто-русскимъ же хлѣбосольствомъ. Не даромъ его называли «хозяйномъ Москвы», которой онъ и управлялъ, какъ своей вотчиной. Дѣйствительно, отношенія между нимъ и московскимъ населеніемъ отличались какою-то особенной близостью, задушевностью, простотой. Всякій имѣлъ къ нему доступъ. Приемная его ежедневно была переполнена людьми разнаго званія и общественнаго положенія. Здѣсь можно было встрѣтить и генерала, и мелкаго торговца, и бѣднаго мастерового, и крупнаго фабриканта, и пышную расфранченную барыню, и полуголодную кокотку. Онъ всѣхъ принималъ, внимательно выслушивалъ и для cadaго умѣлъ найти подходящее слово: одного ласково и отечески пожуришь, другого ободрить и утѣшить, третьему пообѣщаетъ свое высокое цѣпривительство, помощь, содѣйствіе, четвертому дать какой-нибудь добрый совѣтъ,—и всѣ уходять отъ него удовлетворенные, съ веселыми и радостными лицами.

«Кліентуру» свою князь зналъ великолѣпно: кто у него хоть разъ побывалъ въ домѣ, того ужъ онъ никогда въ жизни не забудеть. Вотъ влѣзаетъ къ нему сѣрый купецъ съ какой-нибудь Таганки или Рогожской. Князь встрѣчаетъ его съ обычной своей привѣтливой улыбкой и горячо жметъ ему руку.

— А! Иванъ Кузьмичъ! Добро пожаловать! Что это васъ давно не видно? Ну, садитесь, рассказывайте...

Начинаетъ съ нимъ бесѣду, какъ съ хорошимъ старымъ знакомымъ, хотя, можетъ быть, и видѣлъ его всего только одинъ разъ. Разумѣется, тотъ страшно польщенъ и тронутъ княжеской лаской.

отъ радости не можетъ вымолвить ни одного слова и только глупо ухмыляется. Когда же князь внезапно освѣдомляется о здоровьѣ его жены, Матрены Савишны,—онъ такъ прямо и называетъ ее по имени и отчеству,—которая недавно родила, то купецъ уже со всѣмъ на седьмомъ небѣ отъ восторга: какъ ошалѣлый, вскакиваетъ съ мѣста и принимается отвѣшивать низкіе поклоны.

Внимательнымъ отношеніемъ къ московскому купечеству кн. Долгоруковъ достигалъ того, что въ нужный моментъ могъ заставить любого «толстосума» пожертвовать на доброе дѣло и изрядную сумму денегъ. Стоило ему, какъ говорится, кликнуть кличь—и обильныя пожертвованія текли неизсякаемымъ фонтаномъ. Такимъ путемъ создавалось въ Москвѣ за время его генераль-губернаторства великое множество благотворительныхъ учрежденій, изъ которыхъ десятки носятъ теперь его имя.

Управляя Москвой на патріархальныхъ началахъ, миролюбивый и жизнерадостный, кн. Долгоруковъ всячески заботился о томъ, чтобы въ столицѣ ничѣмъ не нарушались миръ, тишина и спокойствіе. Онъ терпѣть не могъ никакихъ скандаловъ, ссоръ, никакихъ «громкихъ исторій». Если, напримѣръ, супруги думаютъ разводиться, то онъ старается ихъ помирить: сначала пошлетъ къ нимъ своего чиновника особыхъ порученій, и если тотъ не сумѣетъ надлежащимъ образомъ повліять на нихъ, немедленно призываетъ ихъ къ себѣ и уже самъ чинитъ надъ ними «судъ и расправу». Не мало заблудшихъ мужей и женъ ему удавалось такимъ образомъ возвращать къ почти уже совсѣмъ покинутому семейному очагу. Или такъ случалось, что въ какой-нибудь семьѣ назрѣваетъ драма, положимъ, на почвѣ ревности и уже близится кровавая развязка. Лишь только узнаетъ объ этомъ князь, какъ сейчасъ же потребуетъ къ себѣ одного изъ «провинившихся», чаще всего мужа. Разговоръ у него въ такихъ случаяхъ короткій:—Что это у васъ тамъ такое? Безобразія пошли, скандалы? Я этого не допущу....

Мужъ пробуетъ оправдаться.

— Помилуйте, ваше сіятельство, силъ никакихъ нѣтъ терпѣть: извела меня, проклятая, всю душу мою вымотала...

У него навертываются слезы на глазахъ, и этого достаточно, чтобы княжеское сердце моментально смягчилось.

— А вы, мой дружокъ, будьте благоразумны и не волнуйтесь,—уговариваетъ онъ его,—къ чему заводить исторіи? Да и что подѣлаешь: вѣдь насильно милъ не будешь?

— Терпѣть невозможно, ваше сіятельство: ужъ очень стала меня срамить, каждый день съ любовникомъ разгуливаетъ, хоть бы людей-то постыдилась...

— Конечно,—соглашается князь,—приличія должны быть всегда соблюдены: она ихъ нарушила и кругомъ виновата... Но, послу-

шайте, нельзя же изъ-за этого устраивать дикихъ сценъ? Вѣдь мы не въ Азіи живемъ... Ну, взяли бы, да и посѣкли ее слегка, съ глазу на глазъ, безъ свидѣтелей, а то вѣдь вы на весь городъ скандалите, да еще угрожаете убійствомъ...

— Ваше сіятельство!—воскликаетъ ревнивый мужъ.—Только и осталось, что убить... Ей, Богу!

Князь вдругъ выходитъ изъ себя.

— А! Ну, въ такомъ случаѣ я вотъ что вамъ скажу, любезный другъ: если вы у меня не прекратите всѣхъ этихъ безчинствъ, то я васъ выставлю изъ Москвы въ 24 часа...

— Ваше сіятельство! За что-же?

— Никакихъ разговоровъ! Слышите! Въ 24 часа вонъ!

— Ваше сіятельство!

— Слышать ничего не хочу!—возвышаетъ голосъ князь, сердится и даже топаетъ ногами.—Немедленно исполнить мое распоряженіе или вонъ изъ Москвы!

И ревнивому, безпокойному мужу, конечно, ничего больше не остается дѣлать, такъ только смириться.

Людской вражды и злобы кн. Долгоруковъ прямо не переваривалъ. Особенно ему претила, такъ называемая, бульварная пресса съ ея вѣчными инсинуаціями, ложью и клеветой, направленной противъ частныхъ лицъ. Въ этомъ отношеніи пальма первенства, кажется, принадлежала «Московскому Листку», издававшемуся Н. И. Пастуховымъ. Послѣдній былъ когда-то бойкимъ репортеромъ «Русскихъ Вѣдомостей» по пожарной части. Желая подслужиться и угодить кн. Долгорукову, присутствовавшему обыкновенно на всѣхъ большихъ пожарахъ, онъ неукоснительно писалъ въ каждой своей репортерской замѣткѣ приблизительно слѣдующую витіеватую фразу: «Тушеніемъ пожара лично руководилъ его сіятельство, г. московскій генераль-губернаторъ, благодаря энергичной и умѣлой распорядительности котораго скоро удалось обуздать разбушевавшуюся огненную стихію». При этомъ всячески старался попадаться князю на глаза. Тотъ, наконецъ, замѣтилъ его и на одномъ пожарѣ даже удостоилъ разговоромъ. Съ этихъ поръ началось ихъ знакомство, о которомъ Пастуховъ съ гордостью трубилъ «на всѣхъ улицахъ и перекресткахъ». Это былъ ловкій ярославецъ, съ большой хитрецей, пройдоха, отлично умѣвшій держать носъ по вѣтру. Въ одинъ прекрасный день у него зародилась въ головѣ мысль издавать свою собственную, мелкую газетку. Но какъ это сдѣлать? Получить разрѣшеніе на такое изданіе, рассчитанное, главнымъ образомъ, на спросъ среди низшихъ слоевъ населенія, было тогда чрезвычайно трудно: главное управленіе по дѣламъ печати въ подобныхъ случаяхъ весьма

упрямилось, и для того, чтобы оно удовлетворило то или иное ходатайство, требовалась иногда поддержка со стороны какого-нибудь очень влиятельнаго лица. И вотъ Пастуховъ, не долго думая, рѣшаетъ прямо обратиться за содѣйствіемъ къ лично знакомому ему, всеильному московскому генераль-губернатору. Съ обычной своей развязностью онъ является къ нему въ домъ, кажется, не въ пріемный день, и вдругъ—бухъ въ ноги:

— Ваше сіятельство! Помогите! Явите божескую милость!

Кн. Долгоруковъ, конечно, смущенъ и озадаченъ, проситъ его встать, ласково треплетъ по плечу и... обѣщаетъ ему свое содѣйствіе.

Такъ появился на свѣтъ Божій—«Московскій Листокъ», первая уличная газета въ Москвѣ, сразу завоевавшая симпатіи лакеевъ, горничныхъ, кучеровъ, прачекъ, кухарокъ, лавочниковъ, мелкихъ ремесленниковъ, купечества средней руки и т. п.—весь этотъ невзыскательный людъ буквально зачитывался фельетонами «Стараго знакомаго» (псевдонимъ Н. И. Пастухова), въ которыхъ описывались совершенно невѣроятныя похождения «разбойника Чуркина». Романъ оказался настолько увлекательнымъ, что даже породилъ соблазнъ: нѣкоторые замоскворѣцкіе саврасы вздумали подражать Чуркину, благодаря чему полицейскіе протоколы стали замѣтно учащаться. Создавалась угроза общественной тишинѣ и спокойствію. Тогда встревоженный кн. Долгоруковъ приглашаетъ къ себѣ Пастухова и отдаетъ ему категорическій приказъ:

— Чтобъ этого Чуркина больше не было... Довольно!

— Ва... ва... шество,—испуганно лепечетъ Пастуховъ,—что же прикажете съ нимъ дѣлать?

— Умертвить каналью завтра же!

Тонъ князя не допускалъ ни малѣйшихъ возраженій. Злополучному «Старому знакомому» оставалось лишь, скрѣпя сердце, подчиниться генераль-губернаторскому приказанію и выпустить на другой день послѣдній фельетонъ съ «Разбойникомъ Чуркинымъ», умертвивъ своего героя во цвѣтъ лѣтъ.

Для Пастухова наступили «черные дни»: тиражъ газеты упалъ, доходъ отъ изданія сократился чуть не вдвое. Бѣдный издатель сильно пріунылъ. Но у него былъ изобрѣтательный умъ, и, чтобъ поправить дѣло, онъ вскорѣ принялся шантажировать московское купечество, обложивъ его своеобразной «данью»: то съ одного, то съ другого потребуетъ мзду, угрожая въ случаѣ ея неуплаты немедленно «пропечатать въ газетѣ». И вотъ, что ни день, въ «Московскомъ Листкѣ» появлялась грязная сплетня, порочащая чье-нибудь доброе имя. На Пастухова посыпались жалобы. Снова вызываетъ его кн. Долгоруковъ и дѣлаетъ ему строгое внушеніе. Но этотъ юркій челоуѣкъ какъ-то умѣлъ всегда выходить су-

химъ изъ воды. Мало того, ему посчастливилось съ перваго же знакомства расположить въ свою пользу «хозяина Москвы», который все время ему покровительствовалъ, способствовалъ расширенію его издательскаго дѣла, отстаивалъ его интересы передъ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати и т. п., благодаря чему, конечно, Пастуховъ и нажилъ себѣ въ послѣдствіи миллионное состояніе.

Къ печати кн. Долгоруковъ вообще относился чрезвычайно благожелательно и въ огромномъ большинствѣ случаевъ пользовался своимъ правомъ генераль-губернаторской цензуры весьма умѣренно. Въ то время этой спеціальной цензуры подвергались, главнымъ образомъ, газетные отчеты обо всемъ, что происходило въ земскихъ собраніяхъ и въ засѣданіяхъ городской думы. Въ роли цензоровъ являлись чиновники особыхъ порученій генераль-губернатора, которые обязаны были усердно посѣщать всѣ такіа засѣданія и представлять о нихъ подробные доклады. Послѣдніе иногда выслушивались кн. Долгоруковымъ уже глубокой ночью и тутъ же давалось имъ разрѣшеніе на печатаніе отчета, однообразнаго для всѣхъ московскихъ газетъ. Само собой разумѣется, что подъ вліяніемъ того или иного цензора картина происходившаго въ засѣданіи городской думы или губернскаго земскаго собранія нерѣдко могла быть представлена читающей публикѣ въ тенденціозномъ освѣщеніи, бытъ можетъ, даже въ совершенно извращенномъ видѣ. Но дѣло въ томъ, что у кн. Долгорукова помимо административнаго опыта былъ еще большой природный тактъ, позволявшій ему чутко разбираться въ явленіяхъ общественной жизни, и еслибъ оказался такой усердствующій не по разряду Держиморда, который при отправленіи своихъ цензорскихъ обязанностей скомпрометировалъ бы себя въ его глазахъ, то онъ немедленно устранилъ бы его отъ этого дѣла. Кромѣ того, окружавшіе его чиновники особыхъ порученій, въ большинствѣ, были все люди съ высшимъ образованіемъ, дѣльные, толковые, и заслуживали полного довѣрія какъ по умственнымъ, такъ и по нравственнымъ своимъ качествамъ. При такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о какихъ-либо особыхъ цензурныхъ строгостяхъ. Наоборотъ, случилось даже, что въ газетахъ проскальзывали явно «нецензурныя вещи». Такъ, въ 1882 году коломенскій уѣздный предводитель дворянства А. Н. Сазоновъ предложилъ губернскому земскому собранію учредить въ Москвѣ въ память императора Александра II «сумасшедшій домъ!» Предложеніе было принято и напечатано въ газетныхъ отчетахъ. А на другой день въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» появилась громовая статья Каткова, который въ пухъ и прахъ разносилъ земцевъ за легкомысліе: «до чего, моль, договорились—до сумасшедшаго дома въ память царя-освободителя!»

Но вотъ что является уже темнымъ пятномъ, невольно омрачающимъ память князя В. А. Долгорукова,—это дѣятельность тогдашней московской полиціи. Начать съ того, что и самая генераль-губернаторская канцелярія далеко не была на высотѣ своего призванія,—затхлое, архаическое учрежденіе, въ которое, казалось, никогда не проникало ни одной струи свѣжаго воздуха. Чиновники, по большей части, не получившіе даже средняго образованія, служили здѣсь по многу лѣтъ, покрывались казенной плѣсенью и становились весьма похожими на нѣкоторыхъ гоголевскихъ персонажей, чьи интересы не выходили изъ округа «входящихъ» и «исходящихъ». Если въ ихъ среду попадалъ молодой человѣкъ, окончившій курсъ высшаго учебнаго заведенія, то они всячески старались его затереть и не давали ему хода. И вотъ случалось, что такой кандидатъ на штатную канцелярскую должность просидитъ нѣсколько мѣсяцевъ за «подшивкой» бумагъ съ обязательнымъ перечисленіемъ ихъ на каждой страницѣ «дѣла» си, разочарованный, уйдетъ на другую службу. А что дѣлалось въ секретномъ отдѣленіи этой канцеляріи, какія чинились тамъ беззаконія и злоупотребленія въ безпросвѣтномъ мракѣ жуткой бюрократической тайны,—про то знаютъ лишь многочисленныя жертвы возмутительнаго полицейскаго произвола, чьи горькія слезы были единственнымъ и безсильнымъ на него отвѣтомъ.

Московская полиція того времени отличалась полнѣйшей бездѣятельностью, проявляя энергію лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было «прижать» мирнаго обывателя. Взятничество и лихоимство процвѣтали въ самыхъ разнообразныхъ видахъ и формахъ. Въ трогательномъ согласіи съ наружной полиціей дѣйствовало сыскное отдѣленіе, которое занималось шантажемъ, вымогательствомъ денегъ у состоятельныхъ людей и, между прочимъ, весьма оригинальнымъ «спортомъ»: осужденныхъ въ каторжныя работы преступниковъ оно возвращало съ пути, яко бы для дополнительныхъ разслѣдованій дѣла, и затѣмъ отпускало ихъ на свободу, нерѣдко приобрѣтая такимъ путемъ впослѣдствіи вѣрныхъ, преданнѣйшихъ слугъ. Впрочемъ, злая Немезида не дала окончательно восторжествовать пороку, и въ одинъ хмурый осенній день, кажется, 1884 года, все сыскное отдѣленіе *in corpore*, во главѣ со своимъ начальникомъ, полковникомъ Муравьевымъ, взято было подъ стражу и безъ всякой судебной проволочки отправлено въ «мѣста не столь отдаленныя».

Катастрофа, разразившаяся надъ московской сыскной полиціей, повидимому, была неожиданностью и для самого кн. Долгорукова, который слѣпо довѣрялъ своимъ ближайшимъ помощникамъ, простодушно считая ихъ честными исполнителями служебнаго долга: несомнѣнно, что они держали его въ блаженномъ невѣдѣніи относительно весьма многого, что творилось въ

глубокихъ нѣдрахъ столицы, усыпляя его бдительность неизмѣнной стереотипной фразой, что все «обстоитъ благополучно». А онъ и въ мысляхъ не допускалъ, что эти близкіе, преданные ему люди могутъ его обманывать. Среди нихъ едва-ли не самымъ большимъ фаворомъ пользовался у него полиціймейстеръ Н. И. Огаревъ, личность чрезвычайно популярная въ Москвѣ: огромные черные усы этого бравого полковника, спускавшіеся къ самымъ плечамъ, положительно были извѣстны каждому уличному прохожему. «Николай Ильичъ ѣдетъ! Николай Ильичъ ѣдетъ! Здравствуйте, Николай Ильичъ!»—такъ и раздавалось со всѣхъ сторонъ, лишь только показывался на улицѣ знакомый экипажъ, запряженный парю сѣрыхъ лошадей съ пристяжкой на отлетѣ, и изъ него молодецки выглядывали единственные въ своемъ родѣ, экстраординарные усы, шевелившіеся въ отвѣтъ на почтительные поклоны окружающихъ. Почему Огаревъ былъ такъ популяренъ—прямо непостижимо. Въ сущности, это былъ самый заурядный человѣкъ и весьма посредственный администраторъ, впрочемъ довольно безобидный: большого зла никому не причинялъ, но истинно доброе отношеніе видѣли отъ него немногіе. Любилъ пожуировать, покутить; былъ завсегдатаемъ ресторана «Эрмитажъ», гдѣ послѣ вкусныхъ яствъ и обильныхъ «возліяній» курилъ всегда какія-то необычайно толстыя папиросы, пуская дымъ кольцами и стараясь, чтобы они непременно попадали ему въ носокъ сапога: послѣ хорошей выпивки это было его любимымъ развлеченіемъ.

Огаревъ былъ яркимъ олицетвореніемъ бездѣятельной полицейской власти того времени. Онъ всегда былъ на виду, импонируя своей внѣшностью, вѣчно суетился, какъ-будто дѣлалъ что-то важное и серьезное; его видѣли вездѣ: то здѣсь, то тамъ покажется, въ одномъ мѣстѣ выругается, въ другомъ накричитъ, въ сущности же его присутствіе нигдѣ не было нужно и рѣшительно никому пользы не приносило. У кн. Долгорукова Огаревъ былъ принятъ въ домѣ, какъ свой человѣкъ; бывалъ у него и за-просто, и на маленькихъ вечерахъ, гдѣ на его обязанности лежало варить жженку, ибо онъ считался великимъ мастеромъ по этой части, и на большихъ, блестящихъ балахъ.

Старожилы, конечно, еще живо помнятъ эти знаменитые «долгоруковскіе балы» съ разлитымъ моремъ шампанскаго, съ неизмѣннымъ оркестромъ Рябова и съ роскошными живыми цвѣтами изъ Ниццы,—помнятъ, съ какой очаровательной любезностью самъ радушный хозяинъ, небольшого роста, но крѣпко сложенный старичокъ въ генераль-адъютантской формѣ, туго затянутый въ корсетъ, весь раздушенный, съ закрученными кверху усиками, моложавый и изящный, принималъ своихъ многочисленныхъ гостей, поджидая ихъ на верхней площадкѣ лѣстницы. Вся Москва съѣзжалась на эти балы. Матери, принадлежав-

шія къ высшему московскому обществу, гордились, что могли вывозить сюда «на первый балъ» своихъ дочерей. Здѣсь можно было встрѣтить и министровъ, и иностранныхъ пословъ, и какого-нибудь заѣзжаго принца крови или герцога; но здѣсь же толпились и представители столичной плутократіи, и разночинцы, и разнаго званія люди. Непремѣннымъ посѣтителемъ всѣхъ этихъ баловъ былъ очень извѣстный тогда еврей-банкиръ Лазарь Поляковъ, съ которымъ кн. Долгоруковъ велъ дружбу и который, какъ увѣряли злые языки, открылъ ему въ своемъ земельномъ банкѣ текущій счетъ на любую сумму. Что князь нуждался въ деньгахъ—въ этомъ не могло быть никакого сомнѣнія, такъ какъ почти все свое состояніе, выразившееся въ крупной недвижимой собственности, онъ передалъ своему зятю, генераль-адъютанту Н. В. Воейкову, который ежегодно выплачивалъ ему лишь условленные проценты. Между тѣмъ князь любилъ и пожить широко, да и благотворить щедрой рукой. Онъ жертвовалъ, не стѣсняясь, изъ своихъ личныхъ средствъ десятки и сотни рублей въ пользу нуждающихся студентовъ, бѣдныхъ артистовъ, разныхъ богадѣленъ, пріютовъ и т. д. При такихъ условіяхъ его дружеское расположеніе къ еврею-милліонеру дѣйствительно могло внушать извѣстное подозрѣніе, тѣмъ болѣе, что на послѣдняго сыпались изъ года въ годъ всякія почести и знаки отличія.

Такъ, однажды, Поляковъ приходитъ къ себѣ въ банкъ съ какимъ-то особенно ликующимъ, но и надменно-величественнымъ видомъ. По обыкновенію, служащіе вскакиваютъ со своихъ мѣстъ и громко привѣтствуютъ его:

— Здравствуйте, Лазарь Соломоновичъ!

— Я вамъ теперь не Лазарь Соломоновичъ,—внушительнымъ тономъ замѣчаетъ Поляковъ, только что получившій чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника,—а ваше превосходительство!

Благодаря дружбѣ Полякова съ кн. Долгоруковымъ евреи, проживавшіе въ Москвѣ, чувствовали подъ собой достаточно твердую почву, такъ какъ, въ случаѣ надобности, всегда могли обратиться къ своему вліятельному патрону, прося у него защиты или покровительства. Въ то время, напримѣръ, любой еврей могъ получить право жительства въ столицѣ, если поступалъ въ услуженіе къ своему единовѣрцу, купцу первой гильдіи, и евреи этимъ широко пользовались, но, разумѣется, они лишь «приписывались» въ услуженіе, а не служили фактически. Въ результатѣ получались иногда курьезы: такъ, у самого Л. С. Полякова въ одинъ прекрасный день оказалось въ услуженіи... 34 повара!

«У князя Долгорукова пристрастіе къ евреямъ, онъ имъ мирволить»,—фраза эта впервые стала раздаваться тогда въ устахъ нѣкоторыхъ высшихъ петербургскихъ сановниковъ и послужила сигналомъ къ начавшейся противъ него кампаніи. Службное

положеніе князя какъ-то сразу пошатнулось: онъ потерялъ прежній престижъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, во главѣ котораго стоялъ тогда И. Н. Дурново; замѣтное охлажденіе къ нему чувствовалось и въ придворныхъ сферахъ. Дни его генераль-губернаторства въ Москвѣ, повидимому, были уже сочтены. Но старикъ упорно не хотѣлъ вѣрить горькой дѣйствительности, все еще на что-то надѣялся,—надѣялся, что вотъ совершится чудо и вернется къ нему прежнее благополучіе. Но чуда не произошло. Напротивъ, когда, однажды, онъ велѣлъ напечатать въ газетахъ отвѣтную царскую телеграмму, не дожидаясь обычнаго разрѣшенія на это придворной цензуры, ему сдѣлано было министромъ Дурново замѣчаніе въ довольно рѣзкой формѣ. Придирка была слишкомъ явная, и разобиженный сановникъ поѣхалъ объясняться въ Петербургъ. Тамъ ему дали понять въ самыхъ недвусмысленныхъ выраженіяхъ, что еслибъ онъ пожелалъ «отдохнуть отъ службы», препятствій къ этому рѣшительно никакихъ не встрѣтилось бы. И вотъ 80-лѣтній старикъ, совсѣмъ еще бодрый и полный силъ, не смотря на свой уже весьма преклонный возрастъ, скрѣпя сердце, долженъ былъ подать прошеніе объ отставкѣ...

Въ Москву кн. Долгоруковъ вернулся уже частнымъ человекомъ, такъ какъ исполненіе его служебныхъ обязанностей было временно поручено командующему войсками московскаго военного округа А. С. Костандѣ. Какимъ пустымъ и неудобнымъ долженъ былъ показаться ему генераль-губернаторскій домъ на Тверской, гдѣ протекали, въ сущности, самые счастливые годы его жизни! Какъ все напоминало ему здѣсь о быломъ его величій, о почти царскомъ могуществѣ, о почестяхъ и наградахъ, которыя онъ получалъ въ необыкновенномъ изобиліи, ибо онъ украшенъ была не только всѣми російскими орденами, но и множествомъ иностранныхъ, среди коихъ имѣлся даже такой почетный орденъ, какъ «Анциата», дававшій ему право именоваться «кузеномъ итальянскаго короля»... Вотъ его огромная пріемная, гдѣ виситъ въ изящной золотой рамкѣ полученная имъ когда-то отъ императора Александра II депеша:

«Поздравляю тебя съ пятидесятилѣтнимъ твоимъ служебнымъ юбилеемъ и посылаю тебѣ рескриптъ, изъ котораго ты усмотришь, что я умѣю цѣнить твое усердіе и твою преданность. Да хранитъ тебя Богъ!»

«Александръ».

Ласковыя слова эти прежде наполняли его сердце великой радостью, теперь же они отзываются въ немъ щемящей болью и тоской. О, какъ оно быстро промчалось, это сказочно-великолѣпное прошлое! Вотъ блестящая анфилада комнатъ, въ которыхъ онъ неоднократно принималъ членовъ царской семьи, вотъ сто-

ловая, гдѣ давались имъ лукулловскіе обѣды, вотъ громадный, роскошный залъ, выдавшій виды на своемъ вѣку, — и балы, и театральныя представленія, и музыкально-вокальные концерты, — вотъ опять приемная, гдѣ еще такъ недавно, менѣе полугода тому назадъ, многочисленныя депутаціи приносили ему поздравленія съ 25-лѣтнимъ юбилеемъ его генераль-губернаторской службы. Рѣкой лились тогда привѣтственные рѣчи, въ которыхъ превозносились заслуги юбиляра. А теперь? Никому нѣтъ дѣла до него, почти всѣ забыли его, покинули...

И живо представляется мнѣ, какъ этотъ престарѣлый, опальный сановникъ въ послѣдній разъ бродитъ по комнатамъ дома, гдѣ каждый предметъ, каждая ничтожная вещица ему кажутся такими близкими и дорогими... Я вижу ясно, какъ онъ останавливается по временамъ, глубоко задумавшись, и какъ изъ потухающихъ, старческихъ глазъ его падаютъ слезы...

Князь Б. А. Щетининъ.

И. Д. СЫТИНЪ.

(Къ 50-лѣтію его издательской дѣятельности).

МАНЪ Дмитріевичъ Сытинъ 19-го февраля отпраздновалъ исполнившееся пятидесятилѣтіе своей издательской дѣятельности. Русское общество подвело итогъ его полувѣковой работѣ и въ лицѣ многочисленныхъ своихъ представителей воздало извѣстному книгоиздателю глубокую признательность за его труды на пользу родного просвѣщенія, выразило удивленіе широтѣ и смѣлой мощности его замысловъ, его организаторскому таланту, его чисто американской энергіи и настойчивой неустанной работѣ на избранномъ пути.

Этотъ юбилей имѣетъ несомнѣнно большое общественное значеніе, давая удобнѣйшій случай судить о томъ, въ какихъ общихъ условіяхъ развивалось у насъ книжное дѣло, каковы его бытовья свойства и особенности, каково его положеніе прежде и теперь, а самъ виновникъ этого юбилея еще разъ подтвердилъ, какъ мощенъ и силенъ русский народъ, изъ глубокихъ черноземныхъ нѣдръ котораго появляются такіе люди практическаго дѣла, какъ И. Д. Сытинъ. Если біографія, наприм., Эдиссона или другого общепризнаннаго дѣятеля, пробившагося изъ бѣдной массы только благодаря своему труду и энергіи, можетъ служить поучительнымъ жизненнымъ примѣромъ, достойнымъ подражанія, то на ряду съ ними и біографія Сытина такъ же интересна и поучительна и именно для насъ русскихъ, которыхъ постоянно упрекали и упрекаютъ въ косности, бездѣятельности, лѣни, въ отсутствіи творческой инициативы.

Сытинъ—яркое исключеніе изъ этого правила. «Иногда изъ тѣстообразной, безформенной массы русскаго народа,—говорить о Сытинѣ другой самоучка и выходецъ изъ народа М. Горькій,—выбираются на поверхность жизни какіе-то особенные, крѣпкіе, очень трудоспособные люди. Эти люди цѣнны не столько своей работой, но, можетъ быть, гораздо больше тѣмъ, что они указываютъ намъ на существованіе въ народной массѣ энергіи, очень богатой, гибкой и способной къ великому труду, къ могучимъ достиженіямъ. Мнѣ хорошо извѣстно, какъ чудовищно труденъ путь этихъ выходцевъ изъ народа... Нигдѣ не относятся къ человѣку столь безразлично, какъ у насъ на Руси, при вѣшней мягкости и московскомъ радушіи, за которыми всегда чувствуется звѣриная подозрительность... Тому, кто можетъ и хочетъ работать, приходится побѣждать, кромѣ равнодушія азіатски-коснаго общества, еще острое недовѣріе администраціи, которая привыкла видѣть въ сильномъ человѣкѣ своего личнаго врага. Здѣсь человѣку дѣла неизбѣжно всячески извиваться, обнаруживая гибкость ума и души,—гибкость, которая иногда и самому ему глубоко противна, но безъ примѣненія которой дѣла не сдѣлаешь. И человѣкъ расточаетъ цѣнную энергію свою на преодоленіе пустяковъ. Это смѣшно и печально, но люди, управляющіе нашей жизнью, почти всегда считаютъ культурную работу—революціонной, ибо она разрушаетъ тотъ наложенный ими строй жизни, имя которому—анархія и хаосъ. Вотъ въ какихъ условіяхъ живутъ и работаютъ тѣ рѣдкіе русскіе люди, которые видятъ въ работѣ смыслъ жизни и любовно чувствуютъ огромное значеніе труда. И если, вопреки всѣмъ этимъ препятствіямъ, которыя ставитъ на такихъ людей фантастическая русская жизнь, людямъ все таки удастся сдѣлать крупное дѣло,—я лично очень высоко цѣню людей, создавшихъ его. Однимъ изъ такихъ рѣдкихъ людей я считаю Ивана Дмитриевича Сытина, весьма уважаемаго мною»¹⁾.

Эти горячія слова Горькаго не только очерчиваютъ характерную фигуру И. Д. Сытина, но и ярко намѣчаютъ тѣ общія условія русской жизни, въ которыхъ протекала его неустанная полувѣковая работа.

Сытинъ родился въ 1853 г. въ бѣдной крестьянской семьѣ, въ селѣ Гнѣздиновѣ, Костромской губерніи. Кое-какъ обучился грамотѣ въ однокласной сельской школѣ и по собственному признанію не вынесъ оттуда ничего, кромѣ «отвращенія къ наукѣ и книгѣ». Семьѣ къ тому времени приходилось очень плохо: у отца открылись припадки помѣшательства, болѣзнь отзывалась и на матеріаль-

¹⁾ «Полвѣка для книги», Литературно-художественный сборникъ, посвященный пятидесятилѣтію издательской дѣятельности И. Д. Сытина, стр. 31—32.

номъ благополучіи семьи Сытиныхъ, вставалъ мучительный вопросъ: что будетъ дальше, какъ и чѣмъ жить?

«Тѣмъ временемъ я подрасталъ,—повѣствуетъ въ своей автобіографіи И. Д. Сытинъ,¹⁾ Мнѣ было двѣнадцать лѣтъ. Надо было искать дѣла. Во время одного довольно продолжительнаго припадка отецъ потерялъ мѣсто. Надо было устраиваться въ другомъ дѣлѣ. Семья перѣехала въ Галичъ. Это было въ годъ основанія земства. Отецъ поступилъ письмоводителемъ въ галичскую земскую управу на жалованье 22 руб. въ мѣсяць. Это было самое счастливое для него время. Новая среда и дѣло пробудили въ немъ новые интересы. Жизнь стала лучше.

«Измѣнилось и мое положеніе. Дядѣ поручили везти меня въ Нижній на ярмарку. Здѣсь я помогаль ему торговать въ разность мѣховыми вещами. Дѣло это у меня клеилось; я былъ услужливъ, боекъ, предупредителенъ, много работалъ, чѣмъ услужилъ дядѣ и тому хозяину, у котораго брали для продажи товаръ, я получилъ первый заработокъ—25 рублей.

«Послѣ ярмарки мнѣ предстояло поступить въ мальчики къ малярю въ Елабугу, но дядя посовѣтовалъ подождать еще годъ и выбрать мѣсто получше.

«Въ слѣдующемъ году я снова поѣхалъ въ Нижній. Ярмарка мнѣ была уже привычна и знакома. Дѣла шли еще лучше. Въ концѣ ярмарки мой хозяинъ, коломенскій купецъ Василій Кузьмичъ, сказалъ мнѣ:

«—Что тебѣ ѣхать домой и болтаться тамъ безъ дѣла,—поѣдемъ, я устрою тебя въ Москвѣ.

«Я съ радостію поблагодарилъ моего благодѣтеля и поѣхалъ съ нимъ сначала въ Коломну. Заработокъ свой въ 30 рублей подѣлилъ пополамъ: половину отдалъ хозяину за дорогу, а половину послалъ семьѣ. Уѣзжая изъ Коломны, хозяинъ сказалъ мнѣ:

«—Ну, вотъ я ѣду въ Москву, у меня тамъ дѣла съ мѣховыми торговцами, постараюсь тебя пристроить, а ты оставайся и жди моего возвращенія.

«Черезъ три дня онъ вернулся.

«—Сожалѣю тебя, Ваня,—сказалъ онъ:—поздно вато мы съ тобой приѣхали: у моихъ друзей мѣста въ мѣховой торговлѣ нѣтъ, а есть въ книжной лавкѣ у Шарапова (у Шарапова было двѣ торговли: мѣхами и книгами). Поступай къ нему, посмотримъ,—покажется—хорошо, а то въ мѣховую переведеть. Главное, служи честно, будь старателенъ, а старикъ не обидитъ.

«Далъ мнѣ письмо и провожатаго. Мы поѣхали въ Москву.

«13-го сентября 1866 года, въ шесть часовъ вечера, мы вышли изъ вагона Рязанской жел. дор. Съ радостію и трепетомъ шли

¹⁾ «Полвѣка для книги», стр. 12.

мы въ Таганку переночевать у знакомой моего вожатаго, служившей въ нянькахъ. Навстрѣчу намъ, заполняя тротуары, шли изъ города приказчики. Торжественно гудѣли колокола ко всеобщей (былъ канунъ Воздвиженія, послѣдняя всеобщая съ краснымъ звономъ). Скоро пришли на Швивую горку. Няня жила въ домѣ гимназій. Она напоила насъ чаемъ и дала ночлегъ въ кухнѣ. На другой день рано утромъ, въ день Воздвиженія Честнаго Креста, мы пошли къ Ильинскимъ воротамъ. Здѣсь прежде всего зашли въ часовню къ преподобному Сергію. Я молилъ его о покровительствѣ. Лавка Шарапова была противъ часовни. Черезъ полчаса лавку открыли. Я робко вошелъ и подалъ письмо приказчику. Пришлось подождать прихода хозяина. День былъ праздничный. Старичку-хозяину близкіе знакомые и друзья оказывали почетъ: приходили къ десяти часамъ утра и всѣ вмѣстѣ шли въ трактирчикъ на чай.

«До прихода хозяина меня экзаменовалъ милый старичокъ—приказчикъ Яковлевъ, Ефимъ Яковлевичъ:

«—Ну, что, братъ, служить пришелъ? Служи, братъ, усерднѣе. Себя не жалѣй, работай—не лѣнись, раньше вставай, поздне ложись. Служи всѣмъ; будь самымъ малымъ, чтобы быть большимъ. Грязной работы не стыдись, себѣ цѣны не уставляй,—жди, когда тебя оцѣнятъ. Базаръ цѣну скажетъ.

«Пришелъ хозяинъ, старецъ почтеннаго вида, истово помолился на образа. Ему подали мое письмо. Посмотрѣлъ.

«—Ну, что же, ладно. Возьмите его, Василій Никитичъ. Что-то онъ больно великъ ростомъ? Эй, парнюга, вотъ тебѣ наставникъ Василій Никитичъ. Служи честно и усердно,—будетъ хорошо.

«Я низко поклонился и всталъ на указанное мѣсто къ двери, гдѣ и стоялъ безсмѣнно четыре года.

«—Ну, съ обновой, Петръ Николаевичъ,—сказалъ мой старичокъ Яковлевъ,—пойдемъ, угощай чаемъ.

«Проходя мимо меня, хозяинъ сказалъ:

«—Сегодня день Воздвиженія Честнаго Креста Господня. Помни это, носи свой крестъ съ терпѣніемъ и усердіемъ.

«Мнѣ было четырнадцать лѣтъ. Я былъ великъ ростомъ и здоровъ физически. Всякій трудъ мнѣ былъ по силамъ. Моя обязанность была быть «мальчикомъ». Вся самая черная работа по дому лежала на мнѣ: вечеромъ я долженъ былъ чистить хозяину и приказчикамъ сапоги и калоши, чистить ножи и вилки, накрывать столъ и подавать кушанье; утромъ—приносить изъ бассейна воду, изъ сарая—дрова, выносить на помойку лаханъ и отбросы, ходить на рынокъ за говядиной, молокомъ и другими продуктами. Все это выполнялось мною чисто, аккуратно и своевременно, за что черезъ годъ я уже былъ камердинеромъ хозяина, служилъ въ его покояхъ вмѣстѣ съ его близкимъ слугой и допускался въ древнюю молельню—счищать пыль и чистить золотыя и серебря-

ные части ризъ и лампадъ, которыхъ были десятки. Здѣсь я часто слушалъ духовное назиданіе хозяина:

«—Ну, вотъ, видишь, какая предъ тобою благодать Господня! Это вотъ—образъ Царицы Небесной, написанный евангелистомъ Лукой. Это вотъ—Иоаннъ Богословъ, писанъ Андреемъ Рублевымъ. Все, что онъ иконописалъ, мѣняли рублемъ, поэтому именовали его Рублевымъ. Вотъ, сударь ты мой (это постоянная поговорка Шарарова), въ свободные часы читалъ бы для души хорошія книги, особенно передъ сномъ или въ большіе праздники, когда раненько запрутъ лавку. Въмѣсто пустыхъ книгъ читай вотъ, я тебѣ дамъ, св. Иоанна Златоуста—это великій святитель, столпъ церкви Божіей, имя котораго ты носишь. Онъ глубокой мыслитель, борець за правду, сильный духомъ. Читая его, укрѣпляешься силою, крѣпостію, твердостью на подвигъ чистый и смѣлый. Это—истинный воинъ Господа. А вотъ другой, читай и поучайся,—Ефремъ Сиринъ, этотъ учитъ терпѣнію, милосердію, добродѣтели и труду. А вотъ третій—Петръ Могила; этотъ учитъ, какъ избѣгать грѣха и въ чемъ грѣхъ. Онъ дастъ тебѣ очертанія всѣхъ грѣхонпаденій. Вразумляйся и избѣгай ихъ. Если Богу будетъ угодно и онъ сподобитъ тебя черпать отъ этихъ святителей силу для жизни—счастье тебя не минуетъ.

«Получалъ я эти книги въ извѣстномъ порядкѣ и послѣдовательности. Старичекъ украдкой слѣдилъ, какъ я исполняю его завѣтъ. Разрѣшено мнѣ было жечь до 10 ч. веч. сальную свѣчку, но строго приказано не окапать рѣдкія древнія книги, которыя стоили большихъ денегъ.

«На этомъ наша дружба спаялась еще ближе. Въ торжественные праздники мы ходили съ хозяиномъ въ Кремль, въ Успенскій и другія соборы къ утренѣ. Однако, часто, по старости, онъ не могъ ходить, меня же это ужасно захватило. Въ Успенскомъ мы составили небольшой кружокъ усердныхъ посѣтителей утрени въ теченіе не менѣе трехъ дней въ недѣлю».

Такъ началась трудовая жизнь И. Д. Сытина, внѣшне мало отличающаяся отъ жизни множества торговыхъ мальчишекъ-подростковъ, до конца дней своихъ тянувшихъ тяжелую лямку нелюбимаго подневольнаго труда. Но у Сытина, въ отличіе отъ этой массы, уже замерцалъ огонекъ идеала, уже намѣчалось призваніе, онъ, что называется, «попалъ на свою пролочку», задался опредѣленными цѣлями, понялъ задачу своей жизни, и это помогло ему взять вѣрное направленіе въ жизненномъ пути, которое и привело его къ нынѣшнему благополучію и извѣстности. «Путь И. Д. Сытина,—справедливо говоритъ Гр. Петровъ въ своей статьѣ, посвященной юбиляру ¹⁾),—отъ шараровскаго прилавка и кухни

¹⁾ «Полвѣка для книги», статья «И. Д. Сытинъ», стр. 6.

съ чистой сапогъ до идейно-дѣлового общенія съ учеными, авторами и редакторами научныхъ изданій и чуть-ли не со всѣми современными русскими писателями, еслибы его подробно изобразить по живымъ разсказамъ самого бывшего мальчика, даль бы захватывающе интересный матеріалъ для яркой и вразумительной исторіи-сказки, не менѣе чудесной и цѣнной, чѣмъ и сказки жизни М. Горькаго или Ѳ. Шалапина. Какая дивная и многоцвѣтная чисто-радужная дуга восхожденія! Какое богатство и поразительное разнообразіе пережитыхъ впечатлѣній, встрѣчъ и хотя бы порою временныхъ, но часто и очень тѣсныхъ духовныхъ общеній».

Трудовая жизнь молодого Сытина текла своимъ порядкомъ. Быстро пролетѣло 4 года. 18-лѣтній Ив. Дм. уже сталъ получать жалованье, 5 рублей въ мѣсяць. Скоро его назначили на мѣсто приказчика, и карьера юнаго книгопродавца стала замѣтно подниматься въ гору.

«Приказчикомъ мнѣ повезло съ самаго начала,—повѣствуетъ онъ далѣе въ своей автобіографіи.

«Меня назначали въ Нижегородскую ярмарку помощникомъ завѣдующаго. Торговые обороты Шарашова въ ярмаркѣ были всего на 4 тысячи руб. Дѣлать было почти нечего. Товару было мало. Въ лавкѣ приходилось больше стоять безъ дѣла. Нужно было «выдумывать» купцовъ.

Воскресенье. Вотъ идетъ сѣрый мужикъ, типа некрасовскаго Власа, въ сермягѣ, крестится на выставленныя духовныя картины и ужасается вслухъ на чертей и Θεодорино мытарство.

«—Что, старецъ, ужасъ, знать, беретъ,—говорю ему.

«—Да, дѣтко, боязно умирать, если такимъ вотъ въ лапы попадешь.

«—А ты что дѣлаешь?—спрашиваю.

«—Я—водоливъ на баржѣ. Дѣла здѣсь мало, сидимъ всю ярмарку на одномъ мѣстѣ, отливаемъ воду изъ баржи.

«—Хочешь, я выучу тебя торговать божественными картинами.

«—Ну, поучи, милый! Да только какъ ты выучишь: я не грамотный, до старости дожилъ,—и къ торговлѣ не привыченъ.

«—Пойдемъ въ лавку, я подберу тебѣ картинъ на полтину серебра, будешь купецъ: продашь своимъ водоливамъ и барышь получишь.

«Такъ мы согласились начать торговлю съ дядей Яковомъ. Прошла недѣля. Въ слѣдующее воскресенье вдругъ въ лавку влетело влетаетъ онъ, молиться Богу, жметъ руку.

— «Спасибо, молодець, ты меня утѣшилъ, старика: вѣдь я какъ бы и Богу послужилъ и себѣ прибыль сдѣлалъ. Ребятенки мои все раскупили. Давай теперь на весь рубль.

«Такъ дядя Яковъ за ярмарку приходилъ разъ пять, все увеличивая покупку, и дошелъ до 5 р. Картины продавалъ все своимъ же водоливамъ, на большомъ караванѣ барокъ. Въ концѣ ярмарки дядя Яковъ пришелъ уже съ товарищемъ Леонтіемъ, николаевскимъ солдатомъ, человѣкомъ грамотнымъ. Друзья рѣшили купить товару на зиму, чтобы торговать въ деревнѣ. Яковъ отобралъ на 15 р., Леонтій—на 8 р. Подборъ надо было сдѣлать умѣло. Пришлось измѣнить и самый характеръ товара. Все было сдѣлано по дружбѣ.

«Черезъ 5 лѣтъ дядя Яковъ и Леонтій ознакомили и обучили торговлѣ картинами и книгами болѣе ста человѣкъ. Торговали по всему Орловскому уѣзду, Вятской губерніи. Торговля шла въ разносъ и развозъ. Скоро они были лучшіе покупатели въ ярмаркѣ. Кромѣ того, они понудили торговать картинами и книгами и другихъ торговцевъ на Вяткѣ, Слободскомъ, Котельничѣ, Яранскѣ и Кукаркѣ. Дядя Яковъ пользовался у своихъ учениковъ особымъ почетомъ и уваженіемъ. Въ ярмарку пріѣзжали уже цѣлой компаніей. По обычаю имъ прежде всего предлагалось угощеніе. Купцы разсаживались за огромнымъ столомъ, начинался пиръ. Въ разгарѣ веселой бесѣды дядя Яковъ кричалъ:

«—Иванъ Дмитріевичъ, понимаешь ли ты, кто теперь дядюшка Яковъ? Угадай? Ребятенки,—обращался онъ къ остальнымъ,—кто у васъ дядя Яковъ?

«И весь хоръ въ нѣсколько десятковъ голосовъ кричалъ:

«— Дядюшка Яковъ—баринъ!

«— Иванъ Дмитріевичъ! Вотъ кто твой дядюшка Яковъ—баринъ!

«Офени прежде всего нуждались въ умѣломъ подборѣ товара, который бы имѣлъ вѣрный сбытъ въ деревнѣ. Съ каждымъ годомъ торговля въ ярмаркѣ расширялась, и за шесть лѣтъ моего управленія дошла до ста тысячъ рублей. Своего товара не хватало. Мои же друзья, офени, скупали для меня недостающій товаръ у другихъ торговцевъ. Дѣлалось это для того, чтобы не упустить покупателя въ другую лавку.

«По мѣрѣ развитія дѣла росла и моя дружба съ хозяиномъ. Были у меня и завистники. Товаръ въ это время шелъ исключительно лубочный, самый дешевый: мелкія житія святыхъ, сказки, пѣсенники, оракулы-соломдны. Благополучіе наше росло. Хозяинъ не разъ мнѣ говорилъ:

«—Работай, хлопочи,—все твое будетъ. Я передамъ тебѣ лавку по духовному (дѣтей у Шарапова не было).

«Вмѣсто жалованья я могъ брать денегъ, сколько нужно, на мелкіе расходы. Помѣщеніе, столъ и платье были хозяйскіе.

«Въ 1876 году я попросилъ у хозяина позволенія жениться и получилъ согласіе. Совмѣстная жизнь съ женой въ квартирѣ хозяина скоро оказалась невозможной. Пришлось жить самостоя-

тельно. Содержанія не хватало. Я завелъ свою литографію въ кредитъ, съ поручительствомъ хозяина на половину стоимости. Это было какъ разъ въ годъ русско-турецкой войны, которая блестяще насъ выручила. Самыя лучшія, интересныя картины изъ военныхъ событій были наши.

«Любопытное было время.

«Въ день объявленія войны, въ апрѣлѣ 1877 года, я побѣжалъ на Кузнецкій Мостъ, купилъ карту Бессарабіи и Румыніи и велѣлъ мастеру въ теченіе ночи скопировать часть карты, съ обозначеніемъ мѣста, гдѣ наши войска перешли черезъ Прутъ. Въ 5 ч. утра карта была готова и пущена въ машину съ надписью: «Для читателей газетъ. Пособіе». Карта была моментально распродана. По мѣрѣ движенія войскъ измѣнялась и карта. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ я торговалъ одинъ. Никто не думалъ мнѣ мѣшать.

«Конкурентовъ вообще было мало. Другіе торговцы на рискъ не шли. На улучшеніе производства затратъ не дѣлали. Я въ своемъ начинающемъ дѣлѣ поступалъ по-новому: приглашалъ способныхъ рисовальщиковъ и преданныхъ дѣлу печатниковъ, платилъ имъ дороже, но требовалъ и лучшей работы, изучалъ вкусы народа. Результаты были блестящіе. Мои народныя картины были самыя ходкія. Купцы торговались со мной въ количествѣ, а не въ цѣнѣ. Для всѣхъ товару не хватало.

«Въ 1882 году я впервые выставилъ наши лубки на выставку, какъ работу своей литографіи. Выставка дала мнѣ новыя знакомства и матеріалъ для дальнѣйшей работы. Я сталъ пользоваться копіями съ картинъ лучшихъ художниковъ. Завѣдывавшій художественнымъ отдѣломъ выставки академикъ Боткинъ удѣлялъ много вниманія отдѣлу народныхъ картинъ, моимъ особенно. За выставку мнѣ дали серебряную медаль на станицлавской лентѣ. Большой награды я, какъ крестьянинъ, получить не могъ.

«Послѣ выставки дѣла пошли еще лучше. Дѣло приходилось ставить по-новому, расширять производство. Я спросилъ старика-хозяина, какъ онъ смотритъ на дальнѣйшую работу. По-моему, для расширенія дѣла было необходимо составить компанію въ видѣ товарищества. Шарповъ на это не шелъ.

«— Ты, братъ, неугомонный,—говорилъ онъ,—тебѣ лучше одному работать. Духъ у тебя строптивый, требовательный. Ты будешь все дальше и дальше шагать. Мнѣ это не въ пору. Я буду потихоньку вести свое дѣло. Лучше, давай, разойдемся. Открывай свою лавку. Я тебѣ помогу, благословлю, дѣлай свое дѣло.

«1 января 1883 года я открылъ свою торговлю. Хозяинъ поддержалъ меня товаромъ на 5 т. рублей. Лавка была на Старой Площади. Помѣщеніе мизерное: 5 арш. въ ширину и 10—въ длину».

Изъ этой лавченки на Старой Площади выросло огромное книгоиздательское дѣло, разнесшее имя Сытина по всѣмъ угламъ Россіи.

Репутація И. Д. Сытина, какъ умнаго и дѣльнаго человѣка, практической русской умъ котораго сумѣлъ направить всякое дѣло въ настоящее русло, все разрослась и 1884 г. получила особенное подтвержденіе. Задуманное Л. Н. Толстымъ и его единомышленниками изданіе книгъ для народа было осуществлено именно И. Д. Сытинымъ, который смѣло вложилъ деньги въ дѣло, признаваемое другими издателями невыгоднымъ, и помогъ широкому распространенію книжекъ основаннаго «Посредника» въ народныя массы, содѣйствуя этому распространенію удешевленіемъ стоимости этихъ книжекъ. Редакторъ изданій «Посредника» И. И. Горбуновъ-Посадовъ ¹⁾ такими словами охарактеризовалъ значеніе участія И. Д. Сытина въ дѣятельности «Посредника»: «Въ 1884 г. къ вамъ обратились за содѣйствіемъ люди, направившіе въ то время всю свою любовь и заботу на то, чтобы дать, наконецъ, русскому заброшенному народному читателю новую, истинно достойную его души, духовную пищу для его ума и сердца. (Я говорю о В. Г. Чертковѣ и Л. Н. Толстомъ). Вы пошли съ большой чуткостью навстрѣчу ихъ стремленіямъ, оказавъ прекраснымъ начинаніямъ ихъ всевозможное содѣйствіе своей издательской и распространительской опытностью и энергіей. Дѣйствуя въ одной дружной работѣ съ этими основателями «Посредника», вы способствовали въ значительной степени тому, что наконецъ-то всколыхнулось, посвѣтлѣло и оживилось сонное, застоявшееся, затянувшееся тиной лубочнаго хлама, темное море народной литературы».

Самъ И. Д. Сынтинъ придаетъ «Посреднику» важное значеніе въ своей послѣдующей жизни, видя въ немъ «первую дружественную ласточку сближенія народной издательской фирмы съ интеллигенціей». «До этого,—признается онъ:—сознаніе важности книжнаго дѣла, его великаго значенія было развито слабо. У каждой фирмы былъ одинъ или нѣсколько своихъ поставщиковъ литературнаго матеріала. Авторы по заказу писали на разныя темы. Содержаніе книжекъ часто заимствовали изъ злободневныхъ газетныхъ фельетоновъ или боевыхъ романовъ, которые появлялись въ разныхъ передѣлкахъ или дешевыхъ изданіяхъ. Писатели, уважающіе себя, считали за стыдъ не только печататься, но даже имѣть какую бы то ни было близость къ Никольскому рынку. Это считалось чѣмъ-то недопустимымъ. И вдругъ Чертковъ, а за нимъ Л. Н. Толстой, Н. С. Лѣсковъ и вся старая благородная гвардія потянулась на этотъ историческій рынокъ лубка. Все это меня страшно захватило. Я старался всѣми силами отвѣчать на душевныя желанія нашего новаго, чистаго апостола В. Г. Черкова. Дѣло шло. Онъ ликовалъ и радовался удачѣ и огромнымъ результатамъ дѣла, его широтѣ»...

¹⁾ «Полвѣка для книги», стр. 47.

Позднѣе, въ 90-хъ годахъ, И. Д. Сытинъ выступилъ, какъ издатель книгъ для народа Московскаго Комитета Грамотности, просвѣтительная дѣятельность котораго тогда достигла уже значительныхъ размѣровъ. Редактировалъ эти изданія А. Е. Грузинскій. Затѣмъ, по иниціативѣ баронессы В. И. Икскуль и В. П. Вахтерова, И. Д. издалъ новую серію народныхъ книгъ подъ девизомъ «Правда». И это дѣло, подобно предыдущимъ, развивалось, крѣпло и съ успѣхомъ проникало въ народныя нѣдра, будя тамъ добрыя чувства и понемногу просвѣщая народное сознаніе.

Вообще, стремленіе помочь общественнымъ организаціямъ по народному образованію очень характерно для дѣятельности И. Д. Сытина. Такъ, особенно важны въ этомъ отношеніи его содѣйствіе изданію трудовъ харьковскихъ дѣятелей по народному образованію, каковы напримѣръ: «Книга взрослыхъ», «Что читать народу», подъ редакціей Х. Д. Алчевской, «Народная Энциклопедія».

Большой популярностью въ народѣ пользовались лубочныя картины самаго разнообразнаго содержанія, ведущія свое начало еще со временъ царя Михаила Ѳеодоровича. И въ этой области И. Д. Сытину пришлось сыграть важную роль. Когда въ 80-хъ годахъ кружокъ «Посредника», наряду съ другими кружками интеллигентовъ, пытался принять участіе въ производствѣ народныхъ лубочныхъ картинъ, Л. Н. Толстой пригласилъ къ сотрудничеству въ этой области лучшихъ писателей и художниковъ того времени, какъ, наприм., И. Рѣпина, Ге, Кившенко, Савицкаго, Ярошенко, Бемъ и мн. др. Для практическаго осуществленія задуманнаго предпріятія Л. Н. Толстой и его сотрудники опять остановились на Сытинѣ, который дѣйствительно съ честью исполнилъ возложенное на него отвѣтственное порученіе.

Такъ мало, по-малу развивалъ И. Д. Сытинъ книгоиздательскую дѣятельность, все расширяя кругъ своихъ заданій, все глубже проникая съ своими изданіями во всѣ углы нашей необъятной родины. Постоянному и неуклонному успѣху содѣйствовало, помимо, конечно, личныхъ качествъ энергичнаго хозяина, во многомъ еще и то обстоятельство, что И. Д. Сытину сразу же, съ первыхъ шаговъ самостоятельной дѣятельности, удалось построить дѣло на новыхъ основаніяхъ, привлечь къ дѣлу людей и капиталы. Началось это съ учрежденія товарищества, заключеннаго въ 1883 г. И. Д. Сытинымъ, Д. А. Варапаевымъ, В. Л. Нечаевымъ и И. И. Соколовымъ. Основной капиталъ этого т-ва на вѣрѣ подѣ фирмой «И. Д. Сытинъ и К^о» былъ въ 75 тысячъ рублей, причемъ книжная торговля и литографія были приняты въ Т-во отъ Сытина за 36 т. р.

Съ самаго начала своего существованія это Т-во, кромѣ изданія народныхъ книгъ и картинъ, предприняло новое дѣло—изданіе дешевыхъ народныхъ календарей, съ давнихъ поръ бывшихъ любимымъ чтеніемъ и развлеченіемъ въ самыхъ разнообразныхъ

слояхъ населенія Россіи. Въ началѣ 80-хъ годовъ въ народѣ пользовался популярностью дешевый «Крестный Календарь» Гатцука; календари же, издаваемые А. С. Сувориннымъ, Гоппе, Ваушаномъ и нѣк. др., не проникали сюда, будучи достояніемъ болѣе интеллигентныхъ круговъ.

Въ 1884 г. И. Д. Сытинъ выпустилъ «Всеобщей Русскій Календарь» за 20 коп. въ красочныхъ яркихъ обложкахъ, съ текстомъ, снабженнымъ многочисленными и разнохарактерными иллюстраціями, и кромѣ того съ придачей еще бесплатно картины въ краскахъ «Пожаръ Москвы». Этотъ дебютъ Сытина на новомъ поприщѣ сопровождался крупнымъ успѣхомъ: новинка пришлась какъ нельзя болѣе по вкусу простолюдину; весь годичный запасъ изданія календаря былъ скоро распроданъ, и новое дѣло быстро двинулось впередъ.

Съ 1890 г. наряду съ «Всеобщимъ Русскимъ Календаремъ» сталъ выходить и другой настольный календарь—«Общепользительный»; затѣмъ послѣдовали «Малый Всеобщій», «Кіевскій», «Народный сельско-хозяйственный», «Царь-Колоколь», «Современный», «Старобрядческій» и др. Самыми распространенными до сихъ поръ остаются «Всеобщій» и «Общепользительный», тиражъ коихъ теперь превышаетъ 2.000.000 экземпляровъ, тогда какъ прочіе настольные календари выходятъ въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ экземпляровъ каждый. Отрывные календари начали выходить одновременно съ настольными, едва достигая тогда тиража 2—3 сотни тысячъ. Постепенно къ основному виду этихъ календарей—«обыкновенному» стали прибавляться спеціальныя—«обыкновенный малаго и средняго формата», одесскій, кіевскій, конторскій, ученическій, дамскій, дѣтскій (Лукашевичъ), Засодимскаго, учительскій, историческій, охотничій, военный и др., при чемъ обыкновенный календарь оставался самымъ распространеннымъ и выходилъ въ количествѣ 2.000.000 экземпляровъ до 1911 года. Съ этого времени сталъ выходить отрывной «иллюстрированный» календарь, который въ короткое время завоевалъ столь прочныя симпатіи, что оттѣснилъ «обыкновенный» на второе мѣсто, а самъ поднялъ свой тиражъ съ 300.000 до свыше 3.500.000 экземпляровъ, чѣмъ довелъ общую цифру отрывныхъ календарей почти до 7.000.000 экземпляровъ въ годъ. Немалую долю среди прочихъ видовъ календарей занимаютъ «карманные» календари въ видѣ маленькихъ книжечекъ въ 5 и 10 коп.: ихъ тиражъ достигаетъ почти до 3.000.000 экземпляровъ. Эти максимальныя цифры, дающія въ общей сложности почтенную сумму въ 12 слишкомъ милліоновъ, относятся къ довоенному времени—бумажный голодъ послѣднихъ лѣтъ ихъ нѣсколько понизилъ.

Первымъ составителемъ сытинскихъ календарей, а затѣмъ въ теченіе 17 лѣтъ и редакторомъ ихъ былъ Н. А. Фелицынъ; отрыв-

ные составлялъ и редактировалъ писатель, знатокъ народнаго быта Н. А. Полушинъ.

Съ 1900 г. редактированіе настольныхъ календарей, а по смерти Н. А. Полушина и общее руководство всѣмъ календарнымъ дѣломъ принялъ на себя Н. В. Тулуповъ, завѣдывавшій одновременно также отвѣтственнымъ отдѣломъ изданій учебной и дѣтской литературы.

Съ 1908 г. по 1911 г. завѣдываніе разросшимся календарнымъ дѣломъ раздѣлилось между Вас. Ив. Сытинымъ и Я. В. Борисовымъ. Время послѣ 1905 года, измѣнившее основы русской общественной жизни, выдвинуло на очередь освѣщеніе въ календаряхъ ряда новыхъ темъ, новыхъ запросовъ. Послѣднія 5 лѣтъ редакторомъ календарей былъ извѣстный дѣятель по книжному дѣлу А. Н. Гусевъ († 25 августа 1916 г.), главной заслугой котораго явились совершенное обновленіе и освѣженіе календарнаго матеріала, постепенная замѣна традиціоннаго календарнаго анекдота темами идейнаго характера и жизненными, практически важными свѣдѣніями, а также полная переработка всего цифрового и справочнаго матеріала на основаніи текущихъ официальныхъ данныхъ и спеціальныхъ изданій.

Въ настольныхъ календаряхъ отдѣлы для чтенія заполнялись ежегодно мѣнявшимся содержаніемъ, при чемъ темы религіозно-нравственнаго характера чередовались съ очерками по исторіи Россіи, біографіями замѣчательныхъ русскихъ людей, описаніемъ областей и городовъ нашей родины, занятій и промысловъ ея населенія, обзорами открытій, изобрѣтеній, успѣховъ науки, техники, земледѣлія, промышленности и пр. Немало мѣста отводилось также юбилеямъ и текущимъ событіямъ: напримѣръ война на Дальнемъ Востокѣ, Великая война, предстоящее обновленіе Россіи—каждая изъ этихъ темъ составляла содержаніе статей отдѣльнаго года. Статьи эти писались не только редакторами и ближайшими сотрудниками, но поручались и спеціалистамъ, въ числѣ которыхъ были протоіерей, проф. богословія Н. И. Боголюбскій, Гр. С. Петровъ, Н. А. Рубакинъ, Чижовъ, Лукашевичъ, А. Заринъ и др. Въ иллюстрированіи календарей приняли участіе многіе выдающіеся художники.

Въ 1917 году главные виды сытинскихъ календарей вступаютъ въ 33 годъ своего существованія.

Изъ сказаннаго достаточно опредѣленно вырисовывается то направленіе, которое приняло сытинское дѣло съ первыхъ дней своего существованія и которое неуклонно продолжается и понынѣ. Работая совмѣстно съ общественными просвѣтительными организаціями и передовыми представителями литературы, науки и искусствъ,— это книгоиздательство стремится приблизить къ широкимъ слоямъ народа настоящую литературу, дать въ общепонятномъ изложеніи научныя свѣдѣнія и облегчить работу въ народномъ школахъ.

Эти добрыя намѣренія осуществлялись съ все возрастающимъ успѣхомъ, дѣло крѣпло, увеличивалось и расширялось. Такъ въ томъ же 1884 году сытинское т-во открыло книжную торговлю въ Москвѣ на Никольской улицѣ; въ слѣдующемъ году приобрѣло собственную типографію и соединило ее съ первоначальной типографіей И. Д. Сытина на Пятницкой улицѣ. Въ 1888 г. было открыта книжная торговля въ Петербургѣ въ Гостиномъ Дворѣ на Садовой. Въ 1889 г. умеръ В. Л. Нечаевъ и на его мѣсто въ Т-во вступилъ М. Л. Улыбинъ, причемъ сотоварищи заключили между собой новый договоръ съ основнымъ капиталомъ въ 110.000 рублей. Постепенно все возрастало и обороты фирмы. Начавъ съ оборота въ 270.000 р., черезъ 5 лѣтъ она довела ихъ уже до 550.000 рублей.

Въ этому времени относится появленіе въ изданіи Сытина произведеній Пушкина, Крылова, Кольцова, иностранныхъ классиковъ («Хижина дяди Тома», «Робинзонъ», сказки Гримма, Андерсена и пр.). Кромѣ серіи книжекъ для народа подъ девизомъ «Правда» И. Д. Сытинъ задумывается объ основаніи новой серіи—«Библиотеки для самообразования», о чемъ и ведетъ переговоры черезъ молодого тогда приватъ-доцента П. Н. Милюкова съ Комиссіей домашняго чтенія Учебнаго Отдѣла Общества Распр. Техн. Знаній. Это изданіе также впоследствии развилось, чему много способствовалъ и его редакторъ В. Д. Соколовъ.

Въ 1892 г. Сытинъ приобрѣлъ отъ братьевъ М. А. и Е. А. Вернеръ основанный ими въ 1885 году еженедѣльный журналъ «Вокругъ Свѣта», редакторомъ котораго былъ приглашенъ Е. Н. Киселевъ, привлечшій къ сотрудничеству въ немъ такихъ выдающихся писателей, какъ Н. Н. Карзинъ, В. И. Немировичъ-Данченко, К. М. Станюковичъ, И. Н. Потапенко, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ и др. Улучшенъ былъ журналъ также и въ иллюстраціонномъ отношеніи; въ качествѣ премій стали выдаваться олеографическія репродукціи съ картинъ Лагорио, Клевера, Лебедева, Кондратенко, Богданова-Бѣльскаго и др. извѣстныхъ художниковъ. Подписка на журналъ значительно возросла и онъ до сихъ поръ пользуется большою популярностью среди юношества.

За время своего существованія «Вокругъ Свѣта», кромѣ интереснаго и поучительнаго научнаго содержанія, кромѣ занимательнаго чтенія и множества любопытныхъ рисунковъ въ самомъ журналѣ, далъ въ качествѣ приложенія собранія сочиненій Майнъ-Рида, Гюго, Вальтеръ-Скотта, Конанъ-Дойля, Дюма, Гоголя, Жуковскаго, Загоскина, Сенкевича, Жюль-Верна, Эдгара Поэ, Фламмаріона, Уэльса, Киплинга, Сальгара, Сетона-Томпсона, Сельмы Лагарлефъ, Джеромъ-К-Джерома, И. С. Никитина, Л. Толстого, Бретъ-Гарда, отдѣльныя классическія научныя сочиненія, какъ наприм.: «Земля» Элизе Реклю и пр.

Въ послѣдніе годы при журналѣ «Вокругъ Свѣта» стали ежемѣсячно выходить обильно иллюстрированные сборники «На сушѣ и на морѣ», впоследствии переименованные въ «Журналъ Приключеній», гдѣ печатаются выдающіяся новинки «корифеевъ приключенской литературы» (Дж. Лондонъ, Конанъ-Дойль, Пембертонъ, Стивенсонъ, Райдеръ, Робертсъ, русскіе авторы—Брешко-Брешковскій, покойный Г. Т. Съверцовъ-Полиловъ, Гринъ).

Въ 1901 г. редакторомъ «Вокругъ Свѣта» стала Е. Н. Поливанова, а съ 1908 г. и по настоящее время журналъ редактируется В. А. Поповымъ.

Въ 1893 г. взамѣнъ существовавшаго т-ва на вѣрѣ было утверждено «Высочайше утвержденное Т-во печатанія, издательства и книжной торговли И. Д. Сытина», съ основнымъ капиталомъ въ 350.000 р., который черезъ два года былъ увеличенъ до 450.000 р. Т-во сдѣлало рядъ недвижимыхъ приобрѣтеній въ Москвѣ и открыло торговыя отдѣленія въ провинціи: въ Кіевѣ, Варшавѣ. Предпріятіе росло и крѣпло. Въ каталогѣ фирмы 1896 г. уже насчитывалось 1225 названій, среди которыхъ находились первые выпуски «Библиотеки для самообразованія», а въ отдѣлѣ беллетристики—произведенія Немировича-Данченко, Златовратскаго, Нефедова.

Большимъ успѣхомъ начало пользоваться и основанное тогда подъ завѣдываніемъ Н. А. Рубакина изданіе научныхъ и научно-популярныхъ книгъ, изъ которыхъ отмѣтимъ слѣдующія: Г. Спенсеръ «Основаніе психологіи» и «Основаніе соціологіи», Гейссеръ «Исторія французской революціи», Реклю «Исторія горы», Засодимскій «Задушевные рассказы», книги Рубакина и др. русскихъ и иностранныхъ авторовъ. Тогдашнія цензурныя условія не позволили вполне осуществить намѣченную обширную программу, сулившую много полезнаго и интереснаго научнаго чтенія, доступнаго широкимъ кругамъ населенія и учащейся молодежи; однако, и сдѣланнаго въ рамкахъ возможности вполне достаточно для того, чтобы отмѣтить всю серьезность и полезность этихъ изданій.

Къ началу 90-хъ годовъ относится знакомство И. Д. Сытина съ тогдашними дѣятелями по народному образованію, съ Д. И. Тихомировымъ, Л. Поливановымъ, А. П. Бѣльскимъ, В. П. Вахтеровымъ, Н. В. Тулуповымъ, П. М. Шестаковымъ и др. Сытинъ, посѣщая засѣданія Московскаго Комитета Грамотности и войдя въ общеніе съ означенными лицами, обратилъ вниманіе на изданіе учебной литературы народныхъ школъ, однако, первая книжка въ этой области вышла нѣсколько позднѣе, когда именно и все это дѣло получило широкое распространеніе.

Именно 1896 г. положилъ начало крупнѣйшей отрасли издательскаго дѣла Сытина—изданію учебниковъ. Тогда вышелъ задачникъ А. Ф. Готлиха и «Русскій букварь» В. П. Вахтерева, вы-

державшій затѣмъ много изданій и получившій широкое распространеніе въ нашихъ школахъ.

Въ настоящемъ краткомъ обзорѣни книгоиздательской дѣятельности И. Д. Сытина намъ приходится останавливаться только на фактической ея сторонѣ, минуя весьма интересныя въ бытовомъ и историческомъ отношеніи тѣ причудливые чисто російскіе случаи и эпизоды, имѣющіе мѣсто во взаимоотношеніяхъ издателя съ различными одобряющими, разрѣшающими и допускающими комитетами, исторіи цензурныхъ и политическихъ давленій съ верховъ вѣдомствъ и т. п. За 50-лѣтъ своей работы Сытинъ, какъ издатель, многое испыталъ и претерпѣлъ, и эта сторона его жизни, изобилующая любопытнѣйшимъ матеріаломъ, представляетъ много цѣннаго для характеристики правового положенія русскаго книгоиздательскаго дѣла за послѣдніе полвѣка.

До 1895 г. издательство Сытинымъ учебно-школьной литературы носило случайный характеръ, не выражая ни особаго направленія, ни сознательнаго выбора предметовъ, не находя отклика на запросы текущаго дня. Съ 1895 г. дѣло приняло другой характеръ; началось изданіе «Библіотеки самообразованія», выпущено 47 популярныхъ книгъ по исторіи, философіи, экономическимъ наукамъ и естествознанію. Съ 1899 по 1905 г. было выпущено 33 учебника, изъ которыхъ многіе выдержали рядъ повторныхъ изданій. Съ 1904 г. было положено начало коллективной работѣ сперва по изданію книгъ для народа въ сотрудничествѣ нѣсколькихъ видныхъ специалистовъ и по инициативѣ коллективныхъ организацій: «Коммисіи по устройству чтеній для учащихся», «Исторической и географической Коммисіи учебнаго отдѣла О-ва Распространенія Технич. знаній» и затѣмъ—учебниковъ для народныхъ школъ, при сотрудничествѣ выдающихся дѣятелей отечественной педагогической. Въ послѣднее же десятилѣтіе, начиная съ 1906 г., фирмой Сытина было издано 180 учебниковъ для народной школы. По послѣднему каталогу фирмы число учебниковъ и учебныхъ пособій достигло 440.

По заслугамъ большимъ успѣхомъ пользуются изданныя И. Д. Сытинымъ *наглядныя пособія* по Закону Божію, математикѣ, географіи, естествознанію, исторіи, по прикладнымъ вспомогательнымъ отдѣламъ школы, какъ то: рисованіе, подвижныя игры, ручной трудъ и проч. Довольно большое мѣсто удѣлено театру для дѣтей въ школѣ и внѣ школы, причѣмъ этотъ отдѣлъ представленъ 23 изданіями пьесъ Кл. Лукашевичъ, Ѳедорова-Давыдова и др. Обширную группу изданій, связанныхъ съ работой въ начальной школѣ, составляютъ книги по педагогикѣ и народному образованію.

Нѣкоторую организаціонную роль среди народнаго учительства въ свое время сыграли изданія, касающіяся положенію на-

реднаго учителя, пропагандующія идеи профессиональнаго объединенія, пробужденія интереса къ самообразованію, къ школьной работѣ. Этому вопросу о положеніи народныхъ учителей посвященъ издаваемый Сытинымъ журналъ «Для народнаго учителя», подъ редакціей Н. В. Тулупова.

Большую пользу въ дѣлѣ поднятія въ народѣ сельско-хозяйственныхъ и ремесленныхъ знаній приноситъ основанный нѣсколько лѣтъ тому назадъ *отдѣлъ промышленнаго образованія*, задачей котораго является представить всѣ отрасли народнаго хозяйства въ дешевыхъ популярныхъ изданіяхъ, предназначенныхъ для широкихъ круговъ читателей. Къ участию въ этомъ отдѣлѣ были приглашены видные практическіе дѣятели—извѣстные земскіе и правительственные агрономы, врачи, знатоки разныхъ производствъ и ремеселъ, специалисты въ той или иной области отдѣла, плодомъ коллективной работы которыхъ явился рядъ хорошихъ общепонятныхъ книгъ по сельскому хозяйству, кустарно-ремесленному дѣлу, промышленному образованію, производству игрушекъ, а также рядъ раскрашенныхъ стѣнныхъ картинъ по сельскому хозяйству. Редакторомъ отдѣла промышленнаго образованія состоитъ П. Е. Юницкій.

Велика также заслуга сытинскаго предпріятія и въ области нашей дѣтской литературы. Среди этихъ изданій—оригинальной беллетристики, переводовъ, научно-популярныхъ книгъ и дѣтскихъ журналовъ—изданія Сытина и по внутреннему содержанию, и по изящной внѣшности занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Какъ въ другихъ изданіяхъ, такъ и здѣсь Сытинъ сумѣлъ съ первыхъ же шаговъ на новомъ поприщѣ заручиться сотрудничествомъ интеллигентныхъ литературныхъ круговъ, привлечь къ работѣ серьезныхъ, знающихъ и любящихъ это дѣло лицъ, которыя и установили за нимъ прочную репутацію. Изъ дѣтскихъ журналовъ Сытинымъ издается цѣлыхъ три: «Другъ дѣтей», «Пчелка» и «Мірокъ». Н. В. Чеховъ такъ оцѣниваетъ заслуги Сытина на этомъ поприщѣ: «Многолѣтняя дѣятельность издательства И. Д. Сытина въ области дѣтской литературы составляетъ важную страницу въ исторіи русскаго просвѣщенія. Изъ скромныхъ попытокъ дать дѣтямъ нѣсколько дешевыхъ книгъ выросло большое дѣло, къ которому издательство сумѣло привлечь и опытныхъ педагоговъ-руководителей, и талантливыхъ писателей, и художниковъ-иллюстраторовъ. Общими усиліями они создали тотъ цѣнный вкладъ въ дѣтскую литературу, который составляютъ всѣ изданія И. Д. Сытинымъ дѣтскія книги».

Въ 1899 году И. Д. Сытинъ предпринялъ дѣло большой важности, на которое его давно уже склонялъ Ант. П. Чеховъ. Онъ приобрѣлъ отъ нѣкоего г. Александрова небольшую, захудалую газету «Русское Слово», выходящую однако безъ предваритель-

ной цензуры. Сытинъ съ самаго начала постарался и къ новому дѣлу примѣнить то же, что постоянно способствовало успѣху его изданій, а именно сдѣлать свою газету общедоступной и дешевой. Первое время, по условіямъ тогдашняго внутренне-политическаго порядка, пріобрѣтенная газета шла по старой проторенной дорогѣ, но чуть только въ воздухѣ «повѣяло весною», Сытинъ получилъ возможность проявить въ газетѣ свою индивидуальность, и «Русское Слово» стало тѣмъ органомъ прессы, который по своей всеобщей извѣстности врядъ-ли нуждается въ нашей характеристикѣ. Всѣ положительныя свойства этой газеты, завоевавшія ей всероссійскій успѣхъ, ея великолѣпная информация, введенныя ею въ этой области новинки въ родѣ, напримѣръ, телеграфныхъ всероссійскихъ анкетъ по различнымъ злободневнымъ общественнымъ вопросамъ, хлесткіе, занимательные, серьезные и остроумные общественные и политическіе фельетоны, участіе лучшихъ литературныхъ силъ Россіи, безукоризненная техника газеты и, наконецъ, отношеніе газеты къ правительству и обществу, — все это давно уже выдвинуло «Русское Слово» на видное мѣсто. А. П. Чеховъ могъ бы вполне гордиться тѣмъ, что предвидѣлъ въ И. Д. Сытинѣ такого прекраснаго «газетчика». Мы не станемъ здѣсь перечислять именъ писателей, работающихъ въ «Русскомъ Словѣ»; этотъ списокъ могъ бы заключить въ себѣ не одну сотню именъ, но нѣкоторые изъ нихъ, такъ сказать органически сплелись съ «Рус. Словомъ», какъ напр. имя Власа Дорошевича, блестящаго, остроумнаго фельетониста и незамѣнимаго газетнаго техника, писательскій обликъ его нынѣ не разсматривается иначе какъ въ образѣ души и вдохновителя самой распространенной у насъ сытинской газеты.

Какъ возрастало и расширялось дѣло газеты, съ достаточной наглядностью показываютъ слѣдующія цифры: въ 1900 году стоимость изданія «Русскаго Слова» выражалась въ суммѣ 208.000 руб., въ 1915 году эта сумма уже достигла 6.139.400 руб.; въ 1900 году расходы на бумагу и печатаніе газеты достигали 102.200 руб.; въ 1915 году эти расходы составляютъ 3.529.800 руб.; въ 1900 г. расходъ «Русскаго Слова» на телеграфъ и телефонъ былъ въ 10.800 руб., въ 1915 то же самое обходится газетѣ въ 447.000 руб. Тиражъ «Русскаго Слова» въ 1898 году былъ всего 13.200 экземпляровъ, въ 1904 г. повысился до 117.000 экземпляровъ, въ 1915 году достигъ уже до громадной цифры 655.300 экзempl., а въ 1916 г. дошелъ до 739.000 экземпляровъ. Въ 1900 г. газета имѣла объявленій на 479.000 руб., въ 1915 г. эта статья доходовъ равна 1.249.200 руб.

Заключивая обзоръ книгоиздательской дѣятельности И. Д. Сытина, нужно отмѣтить еще изданіе нашихъ классиковъ по необычайно дешевой для своего времени цѣнѣ. Такъ въ 1899 г. по случаю

исполнившася столѣтія со дня рожденія А. С. Пушкина ко дню чествованія его памяти были выпущены два изданія: «Полное собраніе сочиненій въ 2-хъ томахъ, съ біографіей поэта и статьями о немъ В. Г. Бѣлинскаго, иллюстраціями академика К. В. Лебедева» 1.227 стр., за 1 р. 20 к. и «Полное собраніе» въ 1 томѣ, 935 стр. за 90 к. Кромѣ того, изданы были «Избранныя стихотворенія съ біографіей поэта», томикъ въ 142 стр. за 12 коп. Книжки разошлись въ громадномъ количествѣ экземпляровъ, проникнувъ въ самыя глухіе уголки Россіи, въ самыя бѣдныя школы. Въ 1902 году вышли такія общедоступныя «Полныя собранія сочиненій», какъ В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя, послѣдній подъ ред. проф. А. И. Кирпичникова. Съ успѣхомъ разошлось также изданное Сытинымъ «Полное собраніе сочиненій Л. Н. Толстого» подъ редакціей и съ примѣчаніями П. И. Бирюкова.

Затѣмъ нельзя не упомянуть о цѣломъ рядѣ роскошныхъ изданій по подпискѣ. Все это настолько солидные и цѣнные труды, что за изданіе ихъ могло взятъя лишь только предпріятіе, обладающее значительными какъ матеріальными, такъ и техническими средствами. Сюда относятся: «Великая реформа», юбилейное изданіе въ память 50-лѣтія освобожденія крестьянъ; «Отечественная война и русское общество»; «Три вѣка», Россія отъ смуты до нашего времени; «Народная энциклопедія научныхъ и прикладныхъ знаній»; «Дѣтская энциклопедія»; «Военная Энциклопедія», «Русскія народныя сказки» А. Н. Афанасьева и проч.

Заканчивая нашъ обзоръ книгоиздательской дѣятельности И. Д. Сытина и развитія основаннаго имъ громаднаго предпріятія, мы приведемъ характеристику ихъ изъ юбилейнаго изданія «Полвѣка книги», гдѣ читаемъ:

«Много лицъ съ громкими именами—представителей науки, литературы, искусства, общественныхъ дѣятелей, много скромныхъ работниковъ пера и кисти и лицъ педагогической профессіи принимали и принимаютъ участіе въ дѣлахъ Т-ва своимъ трудомъ, указаніями и совѣтами. Сотни служащихъ и тысячи рабочихъ заняты ежедневнымъ трудомъ въ конторахъ, торговыхъ отдѣленіяхъ и мастерскихъ Т-ва. Центральное мѣсто среди всѣхъ работниковъ и рабочихъ силъ Т-ва принадлежитъ И. Д. Сытину. Какъ кормчій въ рубкѣ большого корабля, онъ безсмѣнно десятки лѣтъ стоитъ у руля, направляя свое судно среди скалъ и мелей русской дѣйствительности, между Сциллой и Харибдой часто обманчиваго у насъ торгово-промышленнаго счастья. Полвѣка напряженной работы казалось бы достаточнымъ, чтобы утомилось вниманіе, ослабли силы и энергія, понизился интересъ къ

дѣлу, но не для Сытина. Этотъ старикъ-юноша попрежнему, какъ всегда, полонъ плановъ, проектовъ, начинаній. Онъ поглощенъ вопросомъ объ устройствѣ своей писчебумажной фабрики, объ основаніи подѣ Москвой цѣлаго городка печатнаго и книжнаго дѣла, гдѣ для каждаго отдѣла производства свой особый корпусъ, оборудованный по послѣднему слову техники, гдѣ прекрасные дома для рабочихъ, гдѣ своя церковь, свои школы, больницы, театры, свои подъѣздные пути, свой телеграфный проводъ и т. д. и т. д. И все для книги, для печатнаго слова, чтобы широкой волной разошлось оно по лицу родной земли!

Въ заключеніе приведемъ цифры торговыхъ оборотовъ фирмы И. Д. Сытина, ярко характеризующія ея ростъ и развитіе. Такъ въ 1883 году ея торговые обороты равнялись 200.000 р., черезъ 5 лѣтъ сумма ихъ возросла уже до 380.000 рублей, въ 1893 г. была равна 585.000 руб., въ 1898 г.—1.005.000 р., въ 1903 г.—1.822,785 р., въ 1908 г.—3.512.274 р., въ 1913 г.—8.037.907 р., въ 1914 г.—10,287,775 р., а въ 1915 году торговые обороты достигли 13.094,488 рублей.

Юбилей Ивана Дмитриевича Сытина протекъ съ необычайнымъ подъемомъ, принявъ характеръ выдающагося общественнаго праздника. Сотни горячихъ привѣтствій пришли на имя юбиляра буквально со всѣхъ концовъ Россіи. Не было, кажется, общественной организаціи, не было просвѣтительнаго общества, кружка интеллигентовъ, редакціи или отдѣльнаго русскаго дѣятеля на томъ или иномъ поприщѣ, которые бы не привѣтствовали популярнаго московскаго издателя съ исполнившейся полувѣковой годовщиной его служенія книжному дѣлу Россіи. Была также послана привѣтственная телеграмма И. Д. и отъ редакціи «Историческаго Вѣстника».

Кружокъ особенно близкихъ ему лицъ и сотрудниковъ въ день юбилея выпустилъ роскошный литературно-художественный сборникъ, посвященный его дѣятельности, подѣ заглавіемъ «*Полѣтка для книги*». Въ этомъ сборникѣ дана обстоятельная характеристика личности и дѣятельности юбиляра, представлена исторія возникновенія и развитія основаннаго имъ книгоиздательства и, наконецъ, весьма удачно сдѣлана попытка выяснить взглядъ представителей современнаго общества на роль и значеніе въ настоящій моментъ печатнаго слова, книги, книжнаго и книгоиздательскаго дѣла. Въ этомъ сборникѣ приняли участіе 173 лица—представителей науки, искусства, литературы, промышленности и общественныхъ дѣятелей, причемъ въ сборникѣ помѣщены портреты почти всѣхъ ихъ. Главнымъ редакторомъ сборника былъ Н. В. Тулуповъ. Весь доходъ отъ его изданія поступаетъ въ фондъ по созданію въ Москвѣ «Дома книги» имени И. Д. Сытина.

Такимъ образомъ изданіе «Полвѣка для книги», заключающа въ себѣ цѣнный матеріалъ по исторіи Сытинской формы и для біографіи ея основателя, содержитъ въ себѣ много интересныхъ литературныхъ воспоминаній, очерковъ по исторіи и развитію въ Россіи различныхъ отраслей книжнаго и печатнаго дѣла, каковы, наприм., лубочныя книги и лубочныя картины, педагогическое издательство, изданіе книгъ для народа, очеркъ исторіи дѣтской литературы въ Россіи, нѣсколько эпизодовъ, характеризующихъ правовое положеніе издательскаго дѣла въ Россіи и т. п. Изданіе обильно иллюстрировано, причемъ особеннаго вниманія заслуживаетъ богатая портретная галлерей, куда вошли представители литературы, науки и общественности, соприкасавшіеся такъ или иначе съ издательскими начинаніями И. Д. Сытина. Изъ этой книги и почеркнуты всѣ фактическія свѣдѣнія для настоящей статьи.

Въ ознаменованіе 50-лѣтняго юбилея И. Д. Сытина его близкими, сотрудниками и читателями основано «Общество для содѣйствія улучшенію и развитію книжнаго дѣла въ Россіи», цѣль котораго—созданіе въ Москвѣ «Дома книги», который долженъ будетъ преодолѣть нашу російскую косность и страшную отсталость нашего печатнаго дѣла. Это будетъ низшая, средняя и высшая школа всѣхъ отраслей книжнаго производства, въ полномъ смыслѣ «университетъ печатнаго дѣла». Здѣсь будутъ готовить грамотныхъ, умѣлыхъ наборщиковъ, работающихъ на усовершенствованныхъ наборныхъ машинахъ, искусныхъ метранпажей; печатниковъ, умѣющихъ исполнять тонкія работы; машинистовъ, знающихъ свои машины; литографовъ, цинкографовъ, книгопродавцевъ, освѣдомленныхъ въ правильной постановкѣ книжной торговли и знакомыхъ съ раціональными способами распространенія книги. Издатель, печатникъ найдетъ въ постоянно пополняемомъ музее «Дома книги» образцы лучшихъ и совершеннѣйшихъ въ техническомъ отношеніи изданій, ознакомится со всѣми новѣйшими усовершенствованіями въ печатномъ дѣлѣ. Въ лабораторіяхъ, въ мастерскихъ «Дома книги», по желанію фирмъ или по требованію типографовъ и издателей, будутъ производиться на практикѣ опыты надъ новыми сортами бумаги, новыми красками, наборными и печатными машинами, станками, приспособленіями, такъ что фирма, вводя что-нибудь новое, будетъ имѣть возможность доказать всему издательскому міру, что это нововведеніе дѣйствительно полезно, практично и отвѣчаетъ своимъ цѣлямъ; издатель или типографія, прежде, чѣмъ ввести новое усовершенствованіе, будутъ знать степень его практичности, цѣлесообразности и стоимости его работы.

Такимъ памятникъ ознаменуется полувѣковая работа Сытина, этого богатыря русскаго книгоиздательства. Подумать

только, какая карьера! Костромской мальчишка при книжной лавочкѣ гдѣ-то на Лубянкѣ и—глава одной изъ лучшихъ и первыхъ издательскихъ фирмъ Россіи, самоучка-книготорговецъ и «университетъ книжнаго дѣла»—«Домъ книги имени Ивана Дмитріевича Сытина»... Выйдя изъ народа, онъ отдалъ народу всѣ сокровища своего ума и сердца, не зарывъ въ землю Богомъ ему данныхъ дарованій. Онъ впелелъ свое имя въ исторію русскаго просвѣщенія и это имя не изгладится съ ея страницъ.

Д. Масляненко.

БЫТОВЫЕ ПЕЙЗАЖИ.

I.

Провинція Щедрина и Чехова.—Провинція въ наши дни.—Пековская губернія. У школьнаго учителя В. Грабовскаго въ Новоржевскомъ уѣздѣ.—«Базаровы» на народной нивѣ.—Н. И. Дреусъ о перенесеніи центра культурной дѣятельности изъ столицъ въ мелкія земскія единицы.—Его мнѣніе о трезвости; самогонка едва появляется, пиво варятъ латыши-бѣженцы, ханжу везутъ изъ Петрограда, Витебска и Невеля въ Пековскую губернію.—Пьянство здѣсь привозное.—У Моховика на хуторѣ.—Деньги и печали у мужиковъ.

ИДРИНЪ въ «Губернскихъ Очеркахъ» увѣряетъ, что привыкнувъ къ шуму столичной жизни, къ ея красивой архитектурѣ и высшимъ интересамъ цивилизаціи, человѣкъ въ провинціи испытываетъ невыразимую тоску. Точно онъ заведенъ въ ссылку и обреченъ здѣсь тянуть безконечные годы безцвѣтной жизни, забытый и друзьями, и врагами. Въ свое время, это мнѣніе о провинціи раздѣлялось очень многими интеллигентными людьми. Въ литературѣ оно очень преобладало. Герой «Живой души» (романъ Марко-Вовчка)—типъ замкнутаго человѣка въ провинціальномъ болотѣ; даже Базаровъ Тургенева вѣрить, что «лягушка міръ спасетъ» и предпочитаетъ кабинетную работу общенію съ представителями провинціального общества. Всѣ Чеховскіе типы какъ бы узаконяютъ «базаровскую» гордость и презрѣніе, съ которыми Базаровъ относился къ лѣнтяямъ, пьяницамъ, неврастеникамъ, само-

убійцамъ, безвольнымъ и бездѣльнымъ эстетамъ изъ репертуара А. П. Чехова.

Прямо удивляешься, какъ это Чеховъ, давшій такое обиліе ничтожныхъ разночинцевъ, не чувствовалъ сильнаго и могучаго русскаго народа, (равно и русской женщины). И народъ по деревнямъ, и интеллигенты въ городахъ у него какая-то «Палата № 6»; но нужно-ли говорить, что такое мнѣніе о провинціальной общестственности слѣдуетъ давно оставить. Не только города, но и деревни въ настоящее время стали незнаемы. Мнѣ лично ранѣе было также очень трудно освободиться отъ привычки видѣть русскій народъ одичалымъ и писать о немъ («Мои Мужики»,—«Мужики и начальство» и т. д.) крайне безотрадно. Между тѣмъ, какъ не одичало русское крестьянство въ несчастные для Россіи годы, слѣдовало бы чувствовать его нравственную мощь болѣе сильно, чѣмъ это чувствовалось. Бросались въ глаза однѣ его отрицательныя стороны, но теперь трезвый народъ самъ себя не узнаетъ и, улыбаясь, признается, что «какъ будто и деревня—то стала не наша»...

Дѣйствительно, провинція сильно перемѣнилась за эти годы трезвой жизни и большихъ страданій, связанныхъ съ міровой войной и предательствомъ Штюмеровъ, Престопоповыхъ, Распутиныхъ. Меня интересовала провинція за послѣднее время преимущественно по трезвенному дѣлу, но я изслѣдовалъ его всегда въ связи съ бытовыми сторонами русской жизни и освѣщаль свою задачу живымъ и непосредственнымъ опросомъ самого населенія. Такъ въ 1915 году я, между прочимъ, посѣтилъ глухіе уѣзды Псковской губерніи по тому же дѣлу и всюду слышалъ самые благопріятные отзывы населенія о вліяніи прекращенія торговли крѣпкими напитками на его нравы и благосостояніе.

Мнѣ не приходилось тогда слышать о домашнихъ напиткахъ, замѣняющихъ водку въ деревняхъ. (См. мою книгу: «Народъ безъ водки»). Но въ концѣ 1916 года стали до меня доходить слухи, что и мои псковскіе «мякинники», живущіе среди лѣсовъ и мховъ, научились варить хмѣльное пиво и познакомились съ самогонкой. Зайнтересованный возникновеніемъ среди нихъ домашняго одурманиванія, я собрался вновь провѣрить на мѣстахъ новую алкоголизацию псковскаго мужика.

Я благословлялъ случай, который предоставилъ мнѣ такую интересную работу и съ радостнымъ чувствомъ подъѣзжалъ утромъ къ сельской школѣ В. В. Грабовскаго, вблизи станціи Чихачево, Новоржевскаго уѣзда, Псковской губерніи.

Школьная прислуга однако разочаровала меня словами:

— Учитель уѣхавши въ Палистовщину... Сѣно закупаеть для казны.

— Та-а-къ. А, хозяйка дома?

— Спать еще... Дѣвочка у ней недавно родилась. Всю ночь прокричала. Мать позаснула только-что...

Я хотѣлъ уже уйти, но болтливая прислуга сочла нужнымъ повѣдать мнѣ и новую подробность изъ деревенской жизни.

— На прошлой недѣли дѣвка Матрешка запрягла въ сани коня, а за деревней-то Аргюхинъ жеребецъ перенялъ ее на до-рогѣ и ну-кусать да бить коня. Матрешка вопить, а жеребцу не-во что: сломалъ оглоблю, вертитъ и передомъ и задомъ. Дивно еще, какъ онъ не убилъ дѣвку-то... А конь ея изъ оглобли выско-чилъ, шлею оборвалъ и сталъ гладаться съ жеребцомъ. Сани за-прокинулись, Матрешка возжи выпустила и, Богъ знаетъ, что могло быть... Да, жеребецъ-то былъ не кованный и народъ при-бѣжалъ и рознялъ лошадей. Страшное дѣло, жеребецъ—что волкъ.

Не безъ тоскливаго замирая въ душѣ, я слушалъ эту знако-мую мнѣ рѣчь про старую деревню со всѣми ея своеобразными новостями. Проснувшаяся хозяйка, очевидно, услышала нашъ раз-говоръ и просила меня остаться и дожидаться мужа. Къ обѣду онъ дѣйствительно вернулся и за хлѣбомъ-солью мы разговорились.

— У насъ дѣла по старому, работы много, сказалъ онъ. Таже лавка, тоже кредитное, тѣ же бѣженцы, тѣ же солдатки. Только еще прибавился сѣнозаготовительный пунктъ, гдѣ состою завѣ-дывающимъ. Долженъ для арміи доставить 200.000 пуд. сѣна. Имѣю по этому дѣлу особую контору, цѣлый штатъ служащихъ, двухъ помощниковъ, двухъ вѣсовщиковъ, писаря, 80 человекъ солдатъ, 58 лошадей казенныхъ, 30 плѣнныхъ австрійцевъ. И все это должно быть на своемъ мѣстѣ и дѣлать свое дѣло. Работа ра-стетъ съ каждымъ днемъ, но я до сихъ поръ пока тяжести не чув-ствую, хотя недѣлку отъ переутомленія хворалъ. Лѣтомъ былъ два раза въ Москвѣ. Какъ вы живете?—спросилъ онъ меня, прер-вавъ разговоръ о себѣ.

Я познакомилъ его съ задачей моихъ разъѣздовъ.

— По вашему трезвенному дѣлу, произнесъ онъ,—хочется спросить: почему запретили торговлю водкой и не запретили пьянства ядовитымъ денатуратомъ? Закрыли первое и не закрыли второе. У насъ нетрезвость идетъ изъ Петрограда... А здѣсь ни-чего не слыхать. Была самогонка около Михайлова погоста да въ Опочецкомъ уѣздѣ двѣ бабы въ лѣсу гнали спиртъ... Ну, скоро попались. У насъ въ Бабинѣ гналъ мужикъ спиртъ да скоро умеръ. Пьянство у насъ больше привозное.

— Менѣ оно, чѣмъ ранѣе?—спросилъ я.

— У всякаго безъ водки, отвѣтилъ онъ—ума прибавилось, а не отбавилось, такъ—это ясно. Да и прежде не весь народъ пилъ, а если и пилъ, то безъ «похмѣлки», а теперь и совсѣмъ не пьеть.

Къ вечеру въ школу заѣхалъ Н. И. Дреусъ, арендаторъ «До-бровичевского» имѣнія адмирала Чихачева, вдумчивый и безупреч-

ной честности человѣкъ, принимающій большое участіе въ мѣстной земской работѣ.

Наблюдая нѣсколько лѣтъ его и Грабовскаго, невольно думалось:

— Вотъ она новая Русь низовъ. Базаровы на народной нивѣ... Они множатся и скоро будутъ нарицательнымъ именемъ среди труженниковъ. Они не блестятъ философскими идеями и природу считаютъ «мастерской», а не храмомъ, но прекрасно освѣдомлены въ дѣлахъ, за которыя берутся и въ которыхъ такъ нуждается населеніе.

Въ полночь я выѣхалъ изъ школы съ Н. И. Дреусомъ къ нему въ усадьбу. По дорогѣ онъ говорилъ:

— Все бы хорошо, если бы не эта самогонка, не эта бражка, не эта ханжа...

— Что вы?—перебилъ я.—Неужели?

— Да, да, подтвердилъ онъ. Все это заводится и у насъ. Въ 1915 году вы ѣздили по Псковской губерніи и не наблюдали въ народѣ обходнаго движенія противъ трезвости, а въ 1916 году оно уже началось. Правда, это далеко не то опьяненіе, что было при свободной торговлѣ водкой... Оно растетъ, но не дорастетъ до количества градусовъ казенной продажи питей. Не будетъ же тайное пьянство поощряться администраціей, культурнымъ обществомъ и самимъ пародомъ, у котораго одна только испорченная часть пьетъ «всячину» и заражаетъ собою остальныхъ.

— А если въ каждой избѣ у мужика будетъ самогонка?

— До этого еще далеко у насъ, отвѣтилъ Дреусъ. Тогда будетъ не тайное винокурение, а явное... Кромѣ того, если въ каждой избѣ до сихъ поръ нѣтъ вора и конокрада, то такъ точно не будетъ въ каждой избѣ и шинкаря.

— Вора, возразилъ я, народъ преслѣдуетъ, а шинкаря прикрываетъ. Въ этомъ ихъ разница.

— Въ деревнѣ ничего нѣтъ «прикрытаго»... Вы хорошо знаете, что тамъ нѣтъ тайны. Всѣ шинкари въ окружности на перечесть и у полиціи, и у каждаго обывателя. Ничего нѣтъ легче, при желаніи, всѣхъ запротоколить.

— Но тотчасъ новые появляются.

— Въ тюрьму «не тотчасъ» люди желаютъ идти, отвѣтилъ онъ тѣмъ же убѣжденнымъ тономъ.—Шинкарство—занятіе также испорченной части народа. Не забывайте, что жизнь за это время просвѣщаетъ людей, а не только развращаетъ. Прогрессъ порока не можетъ быть вѣчнымъ, а временное зло имѣется во всякомъ дѣлѣ.

Придерживая рысистую лошадь на неровной дорогѣ, онъ съострилъ:

— Общественное зло—это наши ухабы и закаты. Они задерживаютъ нашъ путь, но не надолго. Прогрессъ вовсе не Джагер-

наутова колесница, которая ѣдетъ впродъ и вѣчно по пути давить собою людей.

Философствуя съ Дреусомъ о конечномъ торжествѣ разума и любви, мнѣ хотѣлось думать и о современной деревнѣ по хорошему.

Дреусъ порадовалъ меня своимъ мнѣніемъ о томъ, что для внутренней жизни Россіи не страшны не только хмѣльная брага, но даже и возможные бюрократическія ошибки.

— Лишь бы не остановилась культурная работа внутри Россіи, продолжалъ онъ.—Центръ тяжести перемѣщается въ провинцію. Послѣдняя принимается за созидательную работу по хозяйству, образованію и земству. Опора жизни все таки здѣсь внизу. А обыватель просвѣтился достаточно за время этой войны и существованія Государственной Думы. Само земство уже чувствуетъ, что ему нужны еще мелкія единицы; что ему недостаточно черезъ одну управу работать на уѣзды и что надо опираться на сельскохозяйственныя общества въ уѣздѣ, на коопераціи, на кредитныя товарищества, на волостныя попечительства и т. д. ¹⁾ Пусть земство вѣдаетъ школы, дороги, финансы, но и обывателю предоставь свободу работать по улучшенію полеводства, скотоводства, птицеводства, огородничества, луговодства, сбыту продуктовъ, организаціи молочныхъ и всякихъ иныхъ артелей; кооператорамъ—пріобрѣтеніе и распредѣленіе предметовъ потребленія, устройство кожевенныхъ, спичечныхъ, льняныхъ, чесальныхъ пунктовъ и цѣлыхъ фабрикъ и заводовъ. Земство должно опираться на живыя силы населенія, а не только предписывать за номерами исходящихъ бумагъ тѣ или другія мѣропріятія. Я вѣрю, воскликнулъ онъ, что мелкая земская единица растетъ и покроетъ собою, послѣ войны, всю русскую землю. Ея созидательная сила излечить всѣ промахи и ошибки, допускаемые правительствомъ и нужно только работать культурно на мѣстѣ. Пора сознать, что мы здѣсь, на мѣстѣ, также сила и что, исполняя свои задачи, мы поставимъ реакціонную власть въ зависимость отъ насъ, а не она насъ отъ

---

¹⁾ Въ газетѣ «Современное Слово», отъ 25 февраля с. г., пишутъ, что уже 36 губерній не только высказались за необходимость земскихъ волостныхъ организацій, а даже приступили къ практическому осуществленію этой мѣры въ томъ или иномъ видѣ. Большинство организованныхъ, такимъ образомъ, комитетовъ имѣютъ въ виду продовольственныя функціи.

Болѣе посчастливилось Пермской губ., гдѣ волостные комитеты, организованные по типу Екатеринославскихъ, существуютъ болѣе года.

Затѣмъ весной и лѣтомъ 1916 г. были учреждены волостные комитеты въ Кіевской и Уфимской губерніяхъ, при организаціи которыхъ, главнымъ образомъ, имѣлись въ виду продовольственныя задачи.

Вслѣдъ за этимъ губернскія земства: воронежское, харьковское, тамбовское, пензенское, ярославское и часть уѣздовъ Черниговской и Вятской губерній пришли къ необходимости организаціи волостныхъ комитетовъ для обслуживанія нуждъ продовольствія и арміи.

себя... Это побѣда культуры и остановить культурную работу страны нельзя.

Я съ удовольствіемъ слушалъ эту рѣчь о новомъ способѣ борьбы съ темными силами, но мои разъѣзды по той же Псковской губерніи обнаруживали, однако и отрицательные факты изъ той же провинціальной жизни.

— Брагу,—въ родѣ домашняго пива,—развели у насъ латыши-бѣженцы,—говорили мнѣ. Отъ нихъ населеніе научилось варить этотъ домашній напитокъ. Найдеть чортъ яму, когда ему нужно. Ханжисты нашли такую яму. Они привозятъ ханжу изъ Петрограда. Существуетъ у насъ цѣлая организація ханжистовъ. Одни приѣзжаютъ изъ Петрограда, другіе—уѣзжаютъ на ихъ мѣсто. Крупные и мелкіе агенты смѣняють другъ друга, передають одинъ другому заказы... Мелкота иногда попадаетъ, а крокодилы цѣлы.

— А самогонка?—спрашивалъ я.

— Самогонку развелъ въ деревнѣ Бабино, Новинской волости, Новоржевскаго уѣзда, Иванъ Ильичъ Бабинскій, крестьянинъ-самоучка, изобрѣтатель, химикъ, мастеръ на починку часовъ, швейныхъ машинъ, настройщикъ роялей и т. д. Онъ на всѣ руки у насъ... Но, конечно, онъ же и алкоголикъ, онъ же и самогонщикъ. Онъ не помирился съ запрещеніемъ виноторговли и самъ принялся за винокурку. Отъ него она перешла и къ другимъ, а самъ онъ недавно умеръ.

— Немного ее у насъ, сказалъ конторщикъ В. М. Лебедевъ изъ дома Дреуса. Почти не слыхать о самогонкѣ... Больше все пьютъ петроградскую ханжу на станціяхъ Чихачево, Сущево... Въ Ашевъ—тоже дуютъ мѣстное пиво и привозную ханжу. Портной изъ Ашевы уже сидитъ въ тюрьмѣ, а въ Бѣжаницахъ—другой ожидаетъ очереди... Въ чайныхъ тоже почти всюду пьютъ ханжу. Всѣ знаютъ объ этомъ.

— И полиція?

— Да та лучше всѣхъ знаетъ это дѣло-то. Глухое мѣсто у насъ, а не скроешь, кто чѣмъ занимается. Хватитъ иной денатурку—то, ну и видать рожу красную и глаза безъ разума. Онъ и самъ бахвалится, и кричитъ: «иди, молъ, туда-то и тебя напоятъ... Семь рублей бутылка». Есть, конечно, и такіе, которые скрываютъ, гдѣ напились. Не хочется ѣздить по судамъ, а такъ, промежь себя, все въ извѣстности у насъ. Иди въ погостъ «Новое» и тамъ двѣ бабенки имѣютъ ханжу и знакомому человѣку продадутъ, какъ сказано, за семь цѣлковыхъ. Это твердая цѣна на бутылку ханжи, а для спирта двадцать пять.

Вся картина нетрезвости была для меня уже ясна.

Вскорѣ я поѣхалъ на хуторъ крестьянина В. Л. Моховика, въ «Застремянье», около д. Душло.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, я спросилъ Моховика о томъ, какъ живетъ въ деревняхъ и на хуторѣ.

— Денегъ много въ мужикахъ, отозвался онъ. А покупать нечего... Ты поговори—ка съ Грабовскимъ и Дреусомъ, какъ снабжается у нихъ Чихачевская потребительская лавка мануфактурой и всякимъ товаромъ. Въ Москву нарочно ѣздятъ, живутъ по десяти дней, выпрашиваютъ у купцовъ товары и не укупить по какой-хоть цѣнѣ. Купишь не то, что хочешь и что требуется, а что дадутъ по фунтику въ очереди. Теперь у насъ нѣтъ купца, который бы 2 раза въ мѣсяцъ не ѣздилъ бы за товарами въ Петроградъ или въ Москву. А бывало написалъ письмо—тебѣ и пришлютъ, наложеннымъ платежемъ, что требуется. А нонѣ поѣзжай, да и покупай въ хвостѣ... Противно покупать стало. И съ деньгами мужики, да купить нечего. Вотъ на ярмаркѣ въ Цевлѣ дровни, почему продавали? Скажи-ка...

— Ну, почему?

— Простыя дровни... Прежде 3—4 рубля стоили, а теперь 20 рублей, а то и 25... Да, дровней-то нѣтъ, а какъ мужику быть безъ нихъ? Самъ онъ ничего не умѣетъ сдѣлать, учился ранѣе пьянствовать, а теперь въ карты играть. Сколько не запроси съ него за товаръ, онъ заплатитъ безъ торгу. Денегъ много. Берковецъ льна, вмѣсто 30—40 рублей, продаемъ по 220—240 рублей. Дойдетъ и больше.

— А много ты намялъ его?

— Мять-то некому... Нанялъ бы работника, да не найти.

— Какже такъ?

— А вотъ и живи, какъ хочешь съ деньгами. Купи наряды и любуйся ими. Если хочешь, пей ханжу... Денегъ много. Сколько бы ни стоила бутылка, мужикъ не пожалѣетъ. Оттого и пьютъ; что денегъ много... Оттого и дорогъ всякій товаръ, что всякую цѣну мужикъ уплатитъ купцу.

Я разумѣется не возражалъ Моховику тѣмъ, что дороговизна растетъ съ уменьшеніемъ всюду товаровъ, т. е. производителей; что куда война не кончится, не кончится и убыль работниковъ. Меня интересовали впечатлѣнія крестьянъ, ихъ самочувствіе отъ создавшагося положенія вещей.

— Въ 1914 и 1915 годахъ всего было много, продолжалъ Моховикъ. Деревня съ деньгами прикупила скотинку, машины для хозяйства и расплатилась съ долгами. А теперь не найти ни работника, ни муки, ни сахару... Продавать стало нечего, а купить хочется. Коробка спичекъ стоитъ 5—7 коп., а прежде давали за копейку; сѣна убавилось и корова вѣсомъ убавилась... Вотъ почитай-ка объ этомъ газетину. Еврей ночевалъ и забылъ у меня...

Я развернулъ № 46 за 1916 г. «Вѣстника Псковскаго Губернскаго Земства и сельскаго хозяйства Псковской губерніи», въ ко-

торомъ подтверждается убыль въ 1916 году кормовыхъ средствъ для скотины и слѣдовательно ея вѣса и молочности. Наряду съ этимъ обстоятельствомъ рекомендуется псковскому крестьянину козоводство.

Моховикъ пренебрежительно замѣтилъ:

— Ракъ не рыба и коза не скотина. Да и гдѣ ее достать? И съ деньгами не купить ее у насъ. А по желѣзнымъ дорогамъ не только съ козой, но и одному не проѣхать нынѣ... Волкъ ее задави эту козу, которой насъ подчуютъ господа. Соломой хотятъ кормить ее... Да, отъ соломы и будетъ солома: ни молока, на навозу... Гдѣ же возьмешь удобрение отъ козы для полей? Ей тоже нуженъ кормъ хорошій, а не сухой. Коза идетъ, а головой все вертитъ, гдѣ бы повкуснѣе покушать. Вотъ, какъ она не привередлива на кормъ-то.

Черезъ минуту, Моховикъ продолжалъ:

— Одно вѣрно, что старыя коровы проданы скупщикамъ... Дорогія цѣны были въ 1916 г. Мужики остались съ молодыми коровами, а тѣ даютъ молока меньше. Въ 1915 году коровы были молочнѣе и кормъ имъ былъ лучше. А въ 1916 г. покосы запоздали, такъ какъ траву косить некому было. Солдатъ давали на покосы, но не всѣмъ, а тѣмъ, кто на военномъ положеніи.—У кого сыны обобраны на войну... Въ позднихъ покосахъ трава безъ соковъ передержана на корню и косилась безо времени.

— Тѣмъ не менѣе, думалъ я, выслушавъ Моховика, проектъ о козоводствѣ—дѣло будущаго, а вотъ 3 милліона пудовъ сѣна будетъ вывезено въ этомъ году изъ Псковской губерніи на нужды арміи—это уже злоба дня.

Моховика жена, точно угадывая мою мысль, укоризненно произнесла:

— Были у насъ двѣ коровы, а хозяинъ одну продалъ... Деньги хорошія взяли, а что въ этомъ толку? Ни коровы, ни козы не будетъ. Говорила не продавай, да развѣ мужикъ послушаетъ бабу.

— Теперь-то и я вижу, что хозяйка была права,—сконфуженно отозвался Моховикъ.—Меня жена ругаетъ за корову, да и за дѣло. Не своей головой продалъ корову, а пріятель присовѣтовалъ.—Обмазурилъ меня.

Присутствующіе въ его избѣ мужики разсмѣялись надъ простотой Моховика, что обманувшій его пріятель нажилъ на коровѣ хорошій барышъ.

— Много такихъ среди насъ теперь... Покупаютъ да продаютъ. Тѣмъ и живутъ, говорили мужики. Многіе все время торгуютъ въ развѣздахъ то по городамъ, то по деревнямъ, то въ поѣздахъ желѣзныхъ дорогъ... Ихъ и на войну не захватить.

— Что же это «уклоняющіеся»? Спасаются отъ призыва, что-ли?

— Надо думать такъ... Иной разъ на большихъ вокзалахъ по желѣзнымъ дорогамъ жандармы устраиваютъ проверку пас-

сажировъ. У кого нѣтъ паспорта, или какая либо въ бумагахъ неисправность, тѣхъ задерживаютъ. А пока такой народъ не изловленъ, онъ и живетъ въ вагонѣ по желѣзнымъ дорогамъ, да по гостинницамъ въ городѣ, безъ прописки, гдѣ сутки, гдѣ двое... Торгуетъ горючкой и деньги имѣетъ.

Въ другомъ мѣстѣ крестьяне указываютъ на зажиточныхъ мужиковъ, которые бѣгутъ на мѣстные лѣсопильные заводы, работающіе на оборону.

Часто подобные работники являются фиктивными. Въ «Маленькой Газетѣ» отъ 10 февраля сего года имѣется слѣдующее письмо:

«Псаломщикъ церкви села Овинчищи, Псковской губерніи и уѣзда, Печорской волости, Даниловъ, состоитъ на учетѣ завода Зигель.

Отмѣченъ въ книгахъ какъ подручный слесарь.

Но въ дѣйствительности исполняетъ должность заводскаго метельщика, ибо ни на какую другую работу не способенъ.

Кто долженъ обратить на это вниманіе, я не знаю».

— Всѣ богатые служатъ также и на желѣзной дорогѣ,—жалуется на нихъ бѣднота. Два дня въ недѣлю они работаютъ, а остальные дома проводятъ. Тамъ бѣдныхъ нѣтъ,—острятъ мужики. Гляди, послѣ войны, богатые вернутся домой, а бѣдняки не пойдутъ къ желѣзнодорожнымъ мастерамъ наниматься на освободившіяся мѣста. «Мы не поидемъ!—скажутъ. У насъ работы и въ мирное время довольно. Нанимай опять богачей».

Одинъ изъ присутствующихъ крестьянъ усумнился въ этомъ предположеніи и сказалъ, что работать за водку и бѣдные пойдутъ.

— Нѣтъ водки и работника нѣтъ,—воскликнулъ онъ. А водка разыщетъ его.

Проѣзжая Цевельскую волость, Холмскаго уѣзда, мнѣ пришлось во многихъ мѣстахъ слышать крестьянскія сѣтованія на свою судьбу:

— Нѣтъ тѣснѣ нашей Цевельской волости. Вся кругомъ во мху. Купить бы казнѣ или земству эти мхи и мужику было бы легче платить въ казну. А то еврей купилъ землю и бѣлый мохъ достался ему, какъ подарокъ.

При дальнѣйшемъ разговорѣ выяснилось, что евреи купили здѣсь, вмѣстѣ съ хорошей землей, и дешевый мохъ.

— Мху этому краю нѣтъ, пояснили мнѣ. На немъ и наживаются, какъ на хорошей землѣ. Плати за бѣлый мохъ, около котораго лежатъ крестьянскія деревни,—какъ за хорошую землю... Такъ просто нажитья.

— А зачѣмъ вамъ «бѣлый мохъ?»

— А, ни зачѣмъ онъ не нуженъ, если онъ не осушенъ. Но у мужика имѣется глупая скотина, а весной на мху показывается

травинина. Рогатый скоть—не человекъ... По глупости, онъ зайдетъ на мохъ пощипать травку, а владѣлецъ кричитъ: «не тронь! Плати за бѣлый мохъ, какъ за выгонъ». Мужики и согласились платить за выгонъ скота «на бѣлый мохъ». А на немъ только журавлямъ кормиться можно, да для скота весной немного травинки... Но какъ ты удержишь весной мужицкую скотину, чтобы она не взопла на мохъ покушать свѣженькую травку. Лучше было бы казнѣ или земству откупить этотъ мохъ и сдать его крестьянамъ. А теперь только и было, что плати то за мохъ, то за дрова. Лѣса у насъ кругомъ, да не наши. Не только дровъ, но и хворость не продають. Самому нужно владѣльцу на его стеклянный заводъ «Лезавичи»...

Конца нѣтъ этимъ сѣтованіямъ «сѣраго» мужика въ Цевельской волости на печали его жизни и при отсутствіи въ крестьянскомъ бытѣ свободной торговли крѣпкими напитками.

II.

На хуторѣ «Привѣтокъ» о петревозности, о дороговизнѣ, о пастухахъ, которые рѣжутъ барановъ, а пасти не умѣютъ.—Василій Егоровъ и его всеотрицаніе.

— Ну, какъ? Безъ водки-то?—спросилъ я бабъ на хуторѣ «Привѣтокъ». Потихе, поди, стало въ деревняхъ.

Бабы промолчали, но дѣвочка Настя, всегда восхищавшая меня своимъ не дѣтскимъ умомъ, отвѣтила за всѣхъ «молодухъ»:

— Водки нѣтъ, да и мужьевъ нѣтъ у нихъ...

— Лучше не имѣть «мужьевъ», если они пьяницы и драчуны,— отвѣтилъ я ей серьезнымъ тономъ.

Но Настя развеселилась и сказала смѣясь:

— Нѣтъ! Наши пьяные мужики—веселые».

Я только улыбнулся милой крестьянской дѣвочкѣ, но разговаривать по трезвенному дѣлу продолжалъ уже съ ея отцемъ, который вернулся изъ лѣсу съ возомъ дровъ и вошелъ въ избу обогрѣться.

— О пьяный брагѣ ничего не слышать здѣсь,—сказалъ онъ.— Латыши—проворы дѣлають пивцо доброе, а наши мужики не умѣютъ. Кое-гдѣ показывалась самогонка, но полиція скоро прикрывала ее. Да и водка-то эта противнѣе ханжи. Евреи привозять иногда спиртъ изъ Невеля и Витебска, а мужикъ покупаетъ. Дѣвать некуда денегъ и покупають бутылку спирту за 15, 20 рублей. Въ карты играютъ... Весь день бьются. Страшное дѣло, какъ деньги проводятъ въ Ашевѣ.

— А латыши—бѣженцы обучаютъ населеніе варить бражку?— обратился я спустя нѣкоторое время къ нѣсколькимъ мужикамъ, которые пріѣхали на хуторъ къ хозяину по своимъ дѣламъ.

Одинъ изъ нихъ отвѣтилъ мнѣ въ вопросительной формѣ:

— Всякое дѣло съ дѣломъ, а какъ ты сварить брагу, если нѣтъ сахарнаго песку и дрожжей? Какъ ты затопишь «галанку», указалъ онъ въ избѣ на «чугунку» изъ листоваго желѣза—если нѣтъ у тебя дровъ?

Видя мое согласіе, онъ перевелъ разговоръ на дороговизну, умозаключивъ:

— Вотъ нѣмецъ какихъ дѣловъ надѣлалъ. Эдакій ловкачъ! Всѣ хитрости, всѣ мудрости у него. Сколько лѣтъ живемъ, а такого горя не видали. Народу не стало нигдѣ. Въ изопкѣ (изба въ лѣсу) сидѣтъ некому: сторожа на войнѣ и господскій лѣсъ никто не охраняетъ.—Руби, кому надо. Пахать тоже не кому... Вотъ горе. Лошадь надо продавать и хозяйство смытарить. Бывало, полоска у тебя хороша, ну и прикупишь что-нибудь въ домъ. Прихватишь, а теперь все изъ дому... Все портится, а поправить—мастеровъ нѣтъ... Такъ оно и идетъ кругомъ.

Въ это время въ избу пришло еще нѣсколько случайнаго народу и разговоръ о нѣмцахъ вскорѣ перешелъ на слухи о Петроградѣ.

Интересно, что каждое Петроградское событіе чрезвычайно быстро доходитъ до самыхъ глухихъ деревень. Про убійство Распутина крестьяне меня спрашивали:

— Какого это у васъ «важнаго мужика» убили? Тоже были и у насъ чудодѣи,—говорила Невлюхина старуха. Появился здѣсь какой-то «Ванька-Босый», говорилъ все о Богѣ, а самъ поддѣлался къ дѣвкѣ нѣмухѣ и ребенка придумалъ. Родила она, онъ и ушелъ въ другой уѣздъ. А послѣ него насъ безпокоилъ «Смороденко-Кривой». Этотъ о Богѣ не говорилъ, а больше скверными словами и скверными дѣлами занимался. Да чѣмъ игралъ, тѣмъ и ушибся. Ножку себѣ отбилъ игрушкой. Баловство прельстило и оно-же погубило его, какъ у васъ Распутина.

Зная давно хулигана Смороденко, я заинтересовался его кончиной и спросилъ:

— За что и кто убилъ его?

— Убилъ бѣсъ, а видѣлъ лѣсъ,—отвѣтили мнѣ. А за что?—А за то, что ходи по лѣсу, да не хрястай, чужую жену люби, да не хвастай.

При этомъ мнѣ рассказывали истинное происшествіе о томъ, что недавно солдатъ Николай Кутузовъ изъ Великополя, около Ашевы, Новинской волости, вернулся съ фронта домой ночью и захватилъ у своей жены Егора Смороденко.

— Нахвасталъ всѣмъ этотъ Смороденко про чужую женку, да на свою голову. Узналъ солдатъ и пріѣхалъ съ фронта. Избивши его, солдатъ пошелъ къ деревенскому старшинѣ и говорить: скликай народъ и иди въ мой домъ. Я нашелъ находку.

— Какую?

— Кривую, отвѣчаетъ тотъ. (Смороденко былъ кривой на одинъ глазъ).

Пришли понятые и видятъ, что битый лежитъ на полу уже мертвымъ. Начали охать да ахать, а пришелъ урядникъ и говорить про битаго:

— Много у насъ щукленять, а этотъ большой щукой сталъ... Ну и получили, что полагается шукъ.

Понятые тоже отозвались безъ сожалѣнья:

— Когда бьютъ дураковъ, тогда не жалѣютъ кулаковъ.

Все это подразумѣвалось также и по адресу Распутина.

При этомъ разговорѣ находился Василій Егоровъ, всегда и во всемъ сомнѣвающийся. Онъ замѣтилъ, что кулаками можно не распознать дураковъ и легко ошибиться.

— Кто дуракъ изъ насъ?—воскликнулъ онъ. Никто не откликается.

Мнѣ передавали, что одинъ Максимъ, чистая душа, улыбаясь при этомъ произнесъ:

— Первый дуракъ тотъ, кто лошадь поить да свицетъ, второй— не клавиши деньги, ищетъ, а третій—такой, какъ я простой...

Толпа повеселѣла и радостно кричала:

— Вотъ сколько нашлось дураковъ среди насъ. Поди и у господъ найдутся такіе?

— Есть! Когда пастухи ѣдятъ своихъ барановъ, а пасти не умѣютъ—тоже почитай за дураковъ. Въ Петроградѣ много такихъ.

— Вотъ какой Максимъ—«простой», острила толпа, понимая его слова безъ объясненій.

Тотъ же Василій-скептикъ перенесъ вниманіе мужиковъ съ господъ на себя самихъ и насмѣшливо сказалъ:

— Сѣрый народъ! Видѣли вы, какъ военно-плѣнные работали у насъ? Кому надо было печку скласть,—плѣнный былъ печникомъ; гдѣ надо было одежду сдѣлать—другой плѣнный умѣлъ портняжить; третій—машину справить, четвертый—сѣно хорошо тюкуетъ и прессуетъ, пятый—бабью стряпню знаетъ, шестой—тоже мастеровой... Вотъ они какіе... Промышленные люди. Все могутъ сработать на чужой сторонѣ. А нашимъ, грязнопятымъ мужикамъ, какъ свиньямъ на небо не глядывать, такъ и имъ того не дѣлывать. Знаемъ мы только «поднять да бросить», а руководѣльному ремеслу никто не обученъ.

Пристыженные престыяне соглашались съ нимъ, но мнѣ было жаль «грязнопятыхъ» и я заступился за нихъ.

— Какіе ни какіе, а наши мужички все свое хозяйство сами сдѣлали. Безъ гвоздей мосты понадѣлали, безъ замковъ—двери въ избахъ коломъ припираютъ... Всѣмъ данъ ходъ и у всѣхъ дороги открыты. Безъ водки они дойдутъ до всего.

— Изъ мужиковъ нѣтъ поповъ, перебилъ меня Василій. Ты—«сѣрый» и будь всегда грязнопятымъ мужикомъ. Вотъ какъ насъ

пасуть. Позволяли только водку пить и теперь не разучить. Бѣжаницкаго урядника брать уже сидить за самогонку гдѣ-то около Новоржева.

— А много-ли такихъ среди васъ? спросилъ я.

— Много, увѣренно отвѣтилъ Василій. Погоди годикъ, другой... Размножуются и у насъ пивовары и винокуры. Въ лѣсахъ будутъ ловить ихъ, а они по рѣкамъ на лодкахъ возьмутся за самогонку и будутъ говорить, что рыбу ловятъ по ночамъ съ огнемъ... Примѣры тому были не у насъ, а въ Витебскѣ. Возьмутъ въ лодку самоваръ съ кувшиномъ, заварятъ въ самоварѣ солодъ и муку. Изъ крана течетъ спиртъ въ кувшинъ и самогонка за ночь готова. У насъ въ Ашевѣ привезъ такой «Данилычъ» этой самогонки рублей на 600, да попался... Посидѣть сколько-то. Вотъ какимъ трудомъ люди занимаются.

— Но развѣ вы всѣ похожи на «Данилыча»? продолжалъ я стоять на своемъ.

— А «всѣ» ни до чего не допущены, перебилъ тотъ же, невѣрующій ни въ чьи силы, Василій.—Развѣ ты не знаешь, продолжалъ онъ, что гдѣ больше генераловъ, тамъ служить нѣмецъ поваромъ, а мы «всѣ»—гдѣ-нибудь на морозѣ мосты строимъ. Вынесемъ! Душой мы твердый народъ. А не допущены ни до какихъ хитростей, ни до какого ремесла, ни до какого распоряженія.

Я чувствовалъ много правды въ его словахъ, но меня возмущало въ немъ какое-то скрытое ликованіе и радость въ томъ, что мы неучи. Точно ему не было ничего близкимъ въ русской народной жизни и точно ея пороки доставляли ему удовольствіе. Мнѣ не хотѣлось оставить за нимъ послѣднее слово и я попытался дать присутствующимъ почувствовать несимпатичный складъ его мыслей.

— Говорятъ, продолжалъ я въ шутиломъ тонѣ: нашъ Максимъ въ молодости, какъ увидить, бывало, хорошую дѣвку, такъ у него волосы на головѣ шевелятся; ты тоже, какъ увидишь въ нашемъ народѣ какой-нибудь недостатокъ, такъ и прыгаешь отъ радости. А знаешь, даже порочные люди не своей головой живутъ. Русский народъ говорить: милая идетъ за постылаго по нуждѣ, а не по своей волѣ. Нечего и тебѣ безъ толку ругать мужиковъ за то, что они ничему не обучены. Если ты все знаешь, такъ научи ихъ уму-разуму, а не охай... Тоской города не возьмешь.

Приунывшіе мужики видимо повеселѣли и дружно воскликнули:

— Чужая дума въ дорогу не гожа, а надо самому за умъ браться. Не надо намъ чужаго ума и своего хватить! А мы хотимъ, чтобы насъ Богъ накормилъ; да и спать положилъ... А нужно самому дойти до всякаго мастерства и хитрости. Мы бы давно стали разрабатывать нашихъ гонителей, да не подъ силу, пока съ ними солдаты. А давно бы надо дѣлать что нибуть такое... Изъ черпѣня выходимъ.

Я поддержаль эту мысль тѣмъ, что мужикъ уже просыпается къ лучшей жизни и перестаетъ быть «псковскимъ ванюшкой», какимъ былъ до войны.

Я достигъ своей цѣли. Народъ сталъ уходить изъ избы съ бо-
лѣе пріятнымъ самочувствіемъ, чѣмъ оно было подъ укоризнами
Василія о «грязнопятыхъ».

III

Практицизмъ Степана и «Богоощущеніе» Максима.

Распрашивая о водкѣ, картежной игрѣ и табакокурениі, я не скрывалъ своего удовольствія, когда слышалъ гдѣ-либо, что эти бытовые пороки уменьшаются.

— Совсѣмъ народъ былъ никуда негоденъ, когда свободно продавалась водка,—произнесъ я.

Малолѣтняя Настя на томъ же хуторѣ «Привѣтокъ» остроумно воскликнула:

— Не годенъ, да былъ молоденъ.

Я ей отвѣтилъ на томъ же народномъ жаргонѣ:

— Да, народъ былъ толковый: за каждое слово дай цѣлковый.

— А какъ же иначе-то?—перебилъ меня Степанъ, пріѣхавшій изъ Крутца, Холмскаго уѣзда, на Марынскую ярмарку въ Новоржевскомъ уѣздѣ и остановившійся въ «Привѣткѣ».

Онъ мой давній пріятель и виновникъ многихъ моихъ скромныхъ очерковъ изъ народнаго быта.

— Какъ же иначе-то?—повторилъ онъ.—Даже у поповъ нынѣ молитвы вздорожали и мужицкое слово не олово...

При послѣднемъ сравненіи, онъ насмѣшливо взглянулъ на пришедшаго изъ деревни Черемши, Новоржевскаго уѣзда, малохозяиственнаго мужика Максима, своего соперника по краснорѣчію.

Съ обычной безобидчивостью и лаской, Максимъ отвѣтилъ:

— На томъ свѣтѣ умничать и тебѣ не придется. На что тамъ твой умъ, когда скоро всѣмъ намъ старикамъ похоронцы?

Максимъ, радостно ожидающій кончины своей многолѣтней жизни, не зналъ, что Степанъ, однихъ съ нимъ лѣтъ, боится смерти и не любить о ней говорить.

Весь гнѣвный, онъ закричалъ на Максима.

— Ты—что старовѣръ. Тотъ и про кончину міра знаетъ, а мнѣ и свою не узнать. О тебѣ, можетъ, и въ старыхъ книгахъ писано, что съ тобой родился въ одно время антихристъ, а я не старовѣръ и книги не читаю. Ты тоже грамотѣ не обученъ, а умомъ, какъ дитя... Мой внучекъ Гаврилка, восьми лѣтъ, и тотъ знаетъ, что умъ нуженъ человѣку, а тебѣ нѣтъ. Ты и не знаешь ничего на свѣтѣ; какія дѣла нужны хозяину, какіе разговоры въ людяхъ... Ты живешь, не зная

гдѣ, на землѣ или на небѣ. Орелъ подхватить тебя, а ты закричишь, что ангелы понесли тебя живого на небеса. Вотъ твоя голова, что придумала.

— Всяко бывало, когда водку пилъ,—согласился Максимъ.— Нечистая сила вездѣ носила. Голова дура,—продолжалъ онъ, размахивая руками.

— Ты руками не разсуждай,—перебилъ Степанъ.— Носъ мнѣ сдеребаешь, а головой дѣло понимай.

— Голова—дура,—повторилъ тотъ убѣжденно.— Не понять премудрость...

Степанъ отозвался горделиво:

— Тебя, какъ старовѣра, не образовать.

Я поинтересовался его мнѣніемъ о старовѣрахъ и Степанъ тотчасъ же отвѣтилъ:

— Они всѣ вѣрятъ больше книгѣ, чѣмъ своимъ глазамъ. А надо глядѣть въ жизнь, а не въ писаніе. Жизнь тебѣ скажетъ больше правды, чѣмъ старое писаніе... Со старымъ человекомъ, что со старовѣромъ, говорить тяжело. Онъ что прочелъ въ книгѣ, то и знаетъ, а другого ничего не видитъ... Какъ твой Максимъ.

Я заступился за послѣдняго и сказалъ, что его слова о нашихъ похоронцахъ и безъ книгъ извѣстны.

— Мы прожили ужъ много лѣтъ и ума нашего не надо на тотъ свѣтъ. Нечего имъ гордиться и на этомъ свѣтѣ. Ничего мы не значимъ предъ премудростью въ мірѣ, Степанъ.

— Да и ты, видно, старинной выкройки человекъ,—отозвался тотъ и прекратилъ на эту тему разговоръ.

Степанъ, умный человекъ въ практическихъ вопросахъ жизни, уступалъ Максиму въ философіи «отъ разума», но нужна была всякій разъ моя помощь, чтобы мужики не считали Максима глупцомъ. Очень немногіе изъ крестьянъ цѣнили его чистую душу, но всѣ видѣли его бѣдную, дѣтскую радость и довольство жизнью. Видѣли и презирали его.

— Лапти плететь и не тужить,—говорили о немъ.

Степанъ въ особенности не могъ цѣнить въ немъ рѣдкія черты «Каратаева» изъ «Войны и Мира». Но за то я зналъ, что нѣтъ болѣе точнаго рѣшенія многихъ сложныхъ вопросовъ деревенской жизни, чѣмъ рѣшеніе Степана изъ Крутца. Не могу не вспомнить при этомъ, какъ онъ открылъ мнѣ глаза на рѣшеніе вопроса объ укрѣпленіи въ народѣ трезвости.

Въ 1915 году я спросилъ его мнѣнія о борьбѣ съ нетрезвостью просвѣщенными мѣрами. Конечно, не въ одинъ присѣсть, а разъ двадцать касаясь этого вопроса, Степанъ отвѣтилъ мнѣ не длиннымъ діалогомъ, а по клочкамъ. Я собралъ ихъ въ одну рѣчь и получилось стройное сужденіе (см. «Народъ безъ водки»).

«Истор. вѣстн.», май—июнь, 1917 г., т. сѣлвiii.

13

— Вмѣсто театровъ или другой потѣшки и веселья,—сказалъ онъ:—не желасшь ли строить шоссе, желѣзныя дороги, каналы, гдѣ нужно, казенныя и земскія работы? Придумай для насъ отъ казны работу—вотъ и закрѣпится трезвость въ народѣ. А то все театры... Ну, два-три раза я схожу и посмотрю, а потомъ это уже неинтересно. А деньги всегда интересны. И зимой, и лѣтомъ хочешь зарабатывать ихъ. Нужно проводить свободное время съ интересомъ... Чтобы душѣ было радостно. Нельзя же все время рѣдъку ѣсть. Человѣкъ такъ не можетъ. Вотъ придумайте для крестьянина хорошія дорожки, хорошія школы, хорошія мастерскія. А то насъ клопы заѣли въ избѣ, пахать землю толкомъ не умѣемъ... Почему у нѣмцевъ, въ газетахъ писали, все есть, японцы—тоже руководѣльный народъ, а у насъ не только орудія по дорогамъ вести нельзя, но и самъ на клячѣ не проѣдешь. А допусти насъ, хоть старыхъ—коль молодые на войнѣ—къ желѣзнымъ дорогамъ, такъ не только другое полотно построимъ, но и третье. Дай харчи, держи насъ хоть по мѣсяцу—вотъ дорога и готова. Эта дорога не нѣмецкая, а наша русская. А то нѣтъ. Всякая дорога съ нѣмцемъ. Всѣ дѣла ведемъ черезъ нѣмца. Какъ тутъ жить? Землицы мужику дай да маѣстерства—иначе тогда дѣло пойдетъ и трезвость укрѣпится навсегда. Намъ не до театровъ, а работать мы хотимъ. Каждый мужикъ теперь благороднѣе сталъ и относится другъ къ другу съ уваженіемъ, а не съ прежнимъ звѣрствомъ. Хотимъ, чтобы интересъ былъ въ жизни... Каждый человѣкъ тогда уменъ, когда онъ при дѣлѣ. Ни водки ему тогда не надо, ни картъ. Не для потѣхи и не для веселья мы живемъ, а плачемъ, когда денежнаго ремесла у насъ нѣтъ. Живутъ Холмичи въ лѣсу и должны обучиться, какъ произвести дерево, какъ распилить его, сработать дверь къ избѣ, рамку для окна... А кто же изъ насъ можетъ самъ сработать деревянныя вещи? Ну, кого Господь доведетъ до плотничества, тотъ сработаетъ, а надо учителю довести до дѣла всѣхъ нашихъ дѣтей. Теперь малецъ выходитъ со школы со свидѣтельствомъ, а ему не написать такъ, какъ вотъ ты записываешь мои слова, и не прочитать газету, какъ ты читаешь.

— Почему же, Степанъ?

— Потому, что довести до дѣла не умѣютъ. Школьникъ прочтетъ какого года гроши, а придетъ повѣстка или письмо, такъ ему не разобрать и не прочесть. Образование его кочующее и доведено не до дѣла... А ребятъ у насъ и много съ крѣпкимъ умомъ, хоть бы мой Гаврилка. До всякой тонкости любопытенъ, а Сергунька мой—и выросъ давно, а удаляется отъ всѣхъ худыхъ дѣловъ, боится судовъ и только жалѣеть, что ничему его не учили въ школѣ полезному... Не потѣшку намъ надо, не театры, а денежное ремесло. Какъ я наѣмся; да чаю выпью, такъ я и одинъ пѣсни запою. Не надо мнѣ другого веселья. А когда каждый день забота и неподготовка моя, то какое мнѣ веселье и въ театрѣ?

Болѣе простого и вѣрнаго разрѣшенія вопроса объ отрезвленіи народа, при любомъ политическомъ строѣ, мнѣ не приходилось слышать ни отъ кого. Множество образованныхъ людей безнадежно смотритъ на человѣчество, свыкшееся съ алкоголемъ и другими наркотиками. Но крестьяне, живущіе присущей человѣку естественной жизнью въ трудѣ и тихой радости, просятъ неотрванной отъ практической жизни образования и одухотворенной нравственности. «Безнадежность» чужда имъ. Правительство кинуло въ народъ мысль о борьбѣ съ алкоголемъ; выдвинуло задачу облагораживанія народныхъ массъ и народъ осуществить ее, если руководящіе классы будутъ считать въ народѣ примѣромъ только то, что хорошо и этимъ руководиться. До сихъ поръ пьянство считалось весельемъ и рѣдко кто задумывался надъ этимъ заблужденіемъ. Теперь въ народъ брошены новыя для него мысли, что алкоголь—ядъ и что въ трезвости все его спасеніе. Это большой плюсъ въ его будущемъ и надо вѣрить, что временное зло въ тайномъ винокурении будетъ побѣждено усиліями правительственной власти и народной самостоятельности. Безъ этой вѣры въ то, что зло торжествуетъ временно, а истина и любовь вѣчны—нѣтъ прогресса и нѣтъ исторіи.

Такимъ образомъ въ практическихъ вопросахъ деревни Степанъ, казалось мнѣ, не зналъ соперниковъ среди своихъ односельчанъ. За то вся жизнь Максима была для меня гораздо поучительнѣе въ высшемъ ея разумѣніи.

Меня часто занимала оброненная мысль Максима о томъ, что каждый изъ насъ очень мало значитъ въ жизни, что всѣ наши заботы о своемъ хозяйствѣ идутъ въ ущербъ смыслу жизни и что счастье каждаго въ томъ, чтобы чувствовать себя въ мірѣ не одинокимъ, а какъ бы въ родствѣ съ нимъ и черезъ него съ Богомъ.

Конечно Максимъ говорилъ объ этомъ своими словами:

—По родственному живи... и съ человѣкомъ, и съ тварью, и съ травининой. Всякое дыханіе напоминаетъ любовь Бога и ты всегда съ этой любовью, куда не помотришь.

Слушая лепетъ старика о любви ко всему міру («Богъ—это любовь»), невольно вѣрилось, что «богоощущеніе» свѣтится и въ чудесахъ внѣшней природы, и въ собственныхъ мысляхъ, страданіяхъ и тревогахъ человѣка.

— Если религія есть твое личное отношеніе къ Творцу, то воспитать богоощущеніе въ людяхъ—не значитъ ли сдѣлать ихъ философски-религіозными? Пусть наука утверждаетъ, что каждое явленіе имѣетъ свою причину, но это-то и есть чудо, передъ которымъ мудрый человѣкъ благоговѣетъ. Но надо дорости до этого благоговѣнія, до этого богоощущенія.

Мнѣ вдругъ стало казаться, что мой Максимъ «доросъ». Я съ любовью смотрѣлъ на этого старичка съ розовыми щеками и выпѣвшими отъ лѣтъ голубыми глазами, съ рѣдкой бородкой вокругъ

морщинистой шеи. Онъ воплощалъ въ себѣ «красоту жизни», не смотря на свою недалковидность въ ея ближайшихъ задачахъ, и на свою грѣховность въ нихъ. Но эти его грѣхи, какъ гусь на водѣ, были явными и люди не боялись ихъ. Лучшая часть его существа оставалась чистой и красивой.

IV.

Мужикъ на «лѣнухѣ» и на дѣлѣ.—Максимъ и Степанъ о германскомъ императорѣ «Амелюшкѣ».—Они же опять о хозяйствѣ и смерти.—Смыслъ жизни—не въ свободѣ, а въ облагораживаніи свободы сознаниемъ «грѣха» и борьбы съ нимъ.—Народъ на войнѣ и послѣ войны.

Черезъ недѣлю я поѣхалъ съ Максимомъ въ Крутець къ Степану и прибылъ туда ночью. Спалъ я недолго. Еще на дворѣ не свѣтало и въ моей избѣ было тихо, но черезъ сѣни въ другой половинѣ той же избы уже похлопывали дверями. Я окончательно проснулся и крикнулъ къ себѣ Степана. Старикъ вошелъ въ шпанкѣ и въ полушубкѣ. Онъ давалъ кормъ скотинѣ и на немъ были слѣды сѣна.

— Ты уже всталъ?

— Всѣ вставши,—отвѣтилъ онъ.—Оекла уже блины тебѣ печеть, а Ларіонъ пошелъ съ чучелами. Не собьеть ли гдѣ тетерева. Вылетаютъ они изо мха на край лѣса и перепархиваютъ съ кромки на кромку. Летятъ и на вересь клевать вересовыя ягоды.

— Молодцы вы! Чуть свѣтъ и каждый за дѣломъ...

— Не всегда,—отвѣтилъ Степанъ.—Не стянуть и мужика съ «лѣнухи», какъ разойдутся на ней его косточки за ночь, которая куда... Лежанка, что родная matka, пригрѣеть и разстаться съ ней нельзя.

— У тебя хорошая «лѣнуха»,—отозвался я, вспоминая не безъ зависти его варильную печь (изъ кирпича) и рядомъ широкую лежанку изъ теса съ кирпичемъ, нагрѣвающуюся отъ первой.

— Въ городахъ долго спать,—продолжалъ Степанъ.—А что проспалъ—все равно, что потерялъ...

— А пораньше всталъ—это нашель,—смѣясь передразнилъ я его и быстро сталъ одѣваться.

Онъ похвалилъ мое замѣчаніе и продолжалъ:

— Въ Питерѣ народъ безтолковый. Спитъ днемъ, а ночью работаетъ и ѣсть всячину не въ положенное время... А больше ходитъ по улицамъ взадъ и впередъ, да безъ толку.

— Почему же безъ толку?

— А вотъ почему,—пояснилъ онъ:—въ деревнѣ видать, что идетъ мужикъ съ косою косить траву, другой съ возомъ на сѣнѣ, третій—съ бороной тащится въ поле. Видать, что человекъ толковый и на дѣлѣ, а господъ не понять. Ходятъ взадъ и впередъ, какъ на гулянкѣ въ деревнѣ, либо спать, а солнышко уже высоко.

Помолчавъ немного, онъ добавилъ по адресу многоспящихъ:

— Ранняя птичка носокъ деребаеть... Чистить его ноготкомъ, потому что ужъ на кормъ слетала. А поздняя птичка глазки протираеть и думаетъ, будетъ ли что ѣсть. Она съ «Максимцемъ». Упустилъ тотъ лисицу въ облавѣ, прорвалась она черезъ загонъ, а онъ все спрашиваетъ: «Гдѣ она, да что, да когда?»—«Проспаль»—говорю.—«А пускай бѣжить, кто-нибудь стрѣлить»,—отвѣчаетъ твой Максимъ. Такой онъ и въ хозяйствѣ беззаботный.

Легкій на поминѣ Максимъ пришелъ изъ старой избы къ намъ въ ея новую половину и остроумно отвѣтилъ Степану:

— А что толку суетиться намъ, старикамъ?

— Ты немного значилъ и молодымъ, безъ денегъ и хозяйства,—произнесъ Степанъ сердито.

Максимъ не обидѣлся и отвѣтилъ ему почти счастливымъ голосомъ:

— Два часа жить намъ остается, а на томъ свѣтѣ не надо твоего хозяйства и денегъ.

— Да, на этомъ они нужны—воскликнулъ тотъ.—Денежки вѣрнѣе дѣтей.

— Дѣти для старости хороши и будутъ кормить тебя...

— Будутъ въ шею потыкать, пока не помрешь,—возразилъ Степанъ.—А денежки не рыжики и зимой растутъ. Они вѣрнѣи и для старости... Да, ты о смерти-то въ моей избѣ не поминай,—закричалъ онъ вдругъ.—Что тебѣ годовъ нашихъ жалко?

— Живи просто, доживешь годовъ до ста,—отозвался попрекнему спокойно Максимъ.

Но Степанъ горячился и кричалъ на всю избу:

— Ты не толкуй о похоронкахъ намъ съ бариномъ. Ты, какъ германецъ: хотѣлъ всѣхъ насъ похоронить, да нѣтъ. Хотѣлъ Вильгельмъ быть въ Петроградѣ и у меня въ Крутцѣ побывать, и посмотреть на Степана... Да не пришлось. «Амелюшкой оказался». Мелить онъ языкомъ, какъ дурная лошадь вертитъ хвостомъ. Языкъ и у тебя мягкій. Говорить, что хочеть, а все нескладно. По его не выходитъ.

— Не любишь ты, Степанъ, «Максимову правду»?—вмѣшался я въ оригинальный разговоръ двухъ талантливыхъ людей.

Онъ ничего мнѣ не отвѣтилъ, а продолжалъ покрикивать на Максима. Но тотъ, по-дѣтски улыбаясь, отвѣчалъ:

— По плутовству нашему видно, войнѣ еще надо продолжаться. Не скоро тебѣ выставить «Амелюшку» на дѣло: какой онъ такой есть. Когда съ водкой жилъ народъ, то онъ весь «засѣрѣлъ», а безъ водки хлопочеть объ одномъ хозяйствѣ.

Степанъ презрительно спросилъ его:

— О чемъ же еще хлопотать? Неужели зажечь хоромы, продать скотинку, ленъ не сѣять и по міру ходить? Въ монастырѣ лучше, чѣмъ у тебя.

Максимъ искренно отвѣтилъ:

— Когда столбы плохи, такъ и заборы не прочны. А знаешь ли ты, какіе столбы нужны въ нашей жизни?

— По моему хозяйству,—перебилъ Степанъ во всемъ блескѣ своей находчивости:—мнѣ и не нужно этого знать. Хозяйство мое дѣлаетъ не Богъ, а базаръ. Тоже и у «нечистаго» много воли надъ нами. Ты вотъ о чемъ подумай. Съ Богомъ надо жить умѣючи, а не такимъ растапой, какъ ты?

— Для Бога мы всѣ ровны...

— Головами-то мы всѣ ровны,—перебилъ вновь Степанъ.— Что у тебя одна голова, то и у другихъ. Да въ одной головѣ солома, а въ другой навозъ. Въ кошелькѣ денегъ нѣтъ и голова дырява. Одна голова тысячная,—а въ другой ни денегъ, ни понятія. Я своей головой бью и звѣря, и птицу, а ты пропускаешь мимо и не тужишь.

— Пуцай и птица живеть,—отвѣтилъ тотъ.

— Нескладно ты говоришь,—раздраженно возражалъ Степанъ.—Весь свѣтъ сданъ на нашу волю. Дѣлай, что хочешь. Человѣку дана свобода. Онъ распоряжается и птицей, и животными, и людьми... А придется ли отвѣчать—неизвѣстно. Богъ знаетъ, а не мы.

— Какъ же такъ?—недоумѣвалъ Максимъ съ видимымъ интересомъ.—Неужели Господь сотворилъ насъ только на грѣхи? Дѣлай, что хочешь? А кто чувствуетъ грѣхъ въ своей жизни, тотъ чувствуетъ и Бога, а не одну свою волю.

Я былъ пораженъ замѣчаніемъ Максима о богоощущеніи, но Степана оно не убѣдило.

— Да грѣхъ-то какъ угадать?—кричалъ онъ, овладѣвая вновь ясностью своей мысли.—Вотъ скажи ка мнѣ, за что поставятъ намъ, когда мы цѣлуемъ женщину: за работу или за грѣхъ? Если это работа—то всякій отказался бы отъ нее, а если это грѣхъ, то также всякій соглашается на него? Вотъ и не сказать тебѣ ничего на мой спросъ.

Но Максимъ не былъ лишенъ въ своей молодости вниманія женщинъ и наивно произнесъ:

— Душа и сердце валяются отъ радости съ женщиной. Какой же въ этомъ грѣхъ?

— Если безъ совѣсти, такъ и радость твоя поганая...

— За то волю свою потѣшилъ,—перебилъ Максимъ уже съ явной насмѣшкой надъ Степаномъ.—«Весь свѣтъ сданъ на нашу волю», повторялъ онъ иронически Степановы слова нѣсколько разъ въ теченіе дня, видимо, желая того, чтобы воля человѣка была облагороженной.

Вечеромъ того же дня Максимъ ушелъ къ себѣ въ Черемшу и я остался въ Крутцѣ со Степаномъ.

Невольно разговорились о войнѣ.

— Съ утра, какъ откроешь глаза,—началь онъ,—такъ все одна думка ползеть на душу. Такая чернота ляжетъ, что скребкомъ не содрать ее. Все нѣмецъ, да его хитрости... Ну, а всячески не поймавши голубя, ястребъ не опишетъ перышки. Не разсмотрѣвши страны Россійской, нѣмецъ хотѣлъ нашу волюшку снять. Шель онъ широкой дорогой, а возвращаться будетъ узко и тѣсно. На послѣднемъ ночлегѣ спотыкнется... Не хвались приѣздомъ, а хвастай отъѣздомъ.

Онъ продолжалъ рѣчь объ «Амелюшкѣ» въ томъ же насмѣшливомъ тонѣ.

— Какъ свинья въ огородъ лезетъ, такъ и нѣмецъ къ намъ. На половину-то свинья влезетъ въ плетень, а на другой половинѣ—застрянетъ. Ни взадъ, ни впередъ, пока хозяинъ не вытащить ее. Такъ и мы нѣмца оставимъ безъ хлѣбца... Пускай онъ, пока что, хвастается тѣмъ, что билъ русскаго мужика корзиной и корзина кричала отъ боли... А корзина-то была новая и всегда громко скрипитъ, если вертѣтъ ее въ рукахъ. Мужикъ же перетерпитъ малость, а послѣ трестъ обушкомъ и нѣмецъ перестанетъ хвастать.

— Ты думаешь,—смѣясь спрашивалъ я.

— Къ тому дѣло идетъ. Дождется онъ, что перестанетъ хвастать,—отвѣчалъ съ глубокой увѣренностью Степанъ.—Чорту шутить надъ Богомъ плохо. Господь на небесахъ, а чортъ въ болотѣ... Такъ и эта война. Правда съ нами, а нѣмецъ будетъ въ болотѣ.

— Да скоро ли, Степанъ?

— Бабамъ пайки къ новому году не выдали.—«Это къ миру»,—заговорили бабы. Да развѣ кто слушаетъ бабъ? Помирился, когда наши старики прикончатъ войну со славой.

Я спросилъ о какихъ «старикахъ» онъ говорить.

— Сорокалѣтнихъ берутъ на войну,—пояснилъ онъ.—Молодые начали ее, а старики будутъ кончать.

Я зналъ отрицательное отношеніе Степана къ молодому поколѣнію крестьянъ.

— Каждый,—говорилъ онъ о нихъ:—былъ годець дома водку пить да драться на гулянкахъ. Въ охоту драться легко, а по неволѣ труднѣе. Какъ итти въ солдаты, такъ иной на заводъ спѣшить, а другой болѣнъ. У кого ноги, у кого грудина болитъ, кто глазами слабъ. Немного такихъ-то, а были. Пошла баба море зажигать, да не зажгла. Тѣже и молодые. Пошли воевать, а безъ стариковъ не кончить ее. У стариковъ и смѣлости, и ума больше, чѣмъ у молодыхъ. Старому человѣку только бы заkostenѣтъ на войнѣ, такъ врагу и не одолѣтъ его. А молодой на одномъ не заkostenѣтъ... Онъ вспоминаетъ то о женкѣ молодой, то о малыхъ дѣтушкахъ, то о коровѣ. А старый человѣкъ задомъ не владѣетъ и не оборачивается, а все впередъ идетъ и думаетъ объ одномъ. Ну, да теперь

и молодые, поди, такими же стали. Надерутся тамъ съ нѣмцами и, домой вернувшись, не захотятъ драться между собой на деревенскихъ гулянкахъ. Жить начнутъ хорошо.

— А ханжу будутъ пить?—спросилъ я, перебивая его.

— Съ ханжой ума не добываютъ, а остатнїй теряютъ, —сказалъ онъ.—Да, она у насъ по станціямъ около Локны, Сущевы и Чихачева больше. Туда же и спиртъ привозятъ по желѣзной дорогѣ изъ Витебска, Невеля и Петрограда. Привозное пьянство. А въ деревняхъ бѣженцы научаютъ мужика варить пиво, такъ оно, пока сидишь за столомъ, «трогаетъ» человѣка, но скоро оставить. Это не ханжа-дурница. Бражку или пиво не всякій можетъ и сдѣлать. Надо заживному мужику варить его. Надо имѣть и муку, и сахаръ, и умѣнье. Умный человѣкъ берется за это дѣло, а не «Максимъ»... А сороковку прежде могъ купить и глупый мужику. У каждаго въ карманѣ былъ кабакъ. Не стало сороковки—нѣтъ и плясунувъ по деревнямъ. Не мужики плясали, а водка. Побѣдимъ нѣмца и станемъ плясать безъ водки. Лажу я, что будемъ жить радостно. Когда вечерняя заря перегораеть, всегда это зимой къ морозу, а лѣтомъ—къ ведру. Перегорить и наше время къ хорошей погодѣ.

Мнѣ хотѣлось убѣдиться, насколько самоувѣренность Степана обоснована. Но онъ самъ распространился въ этомъ отношенїи и повторилъ.

— Послѣ войны, Богъ дастъ, будетъ много лучше. Земельку получимъ. Она лучше денегъ. Деньги проведешь, а земелька—что вѣрная женка. Не думай сотню въ банку положить, а думай въ землѣ друга нажить. Теперь уничтожили водку и дали мужикамъ много денегъ, а послѣ войны выйдетъ постановленіе: «дать земли всякому, кто можетъ пахать и косить». Тогда ее хватить всѣмъ, кому она нужна для обработки. До сихъ поръ «министеры» хозяйствовали у насъ, а надо и народу подворянствовать надъ ними.

Рѣчь Степана дышала глубокой вѣрой въ лучшее будущее и я невольно вспоминалъ ее послѣ паденїя въ концѣ февраля текущаго-года стараго порядка въ Россїи.

V.

Крестьянскія дѣти.

Проѣзжая Холмскій уѣздъ Псковской губерніи и остановившись въ деревнѣ, я невольно обратилъ вниманіе на раннюю тревогу крестьянскаго мальчика, лѣтъ 8 или 9.

— Въ школу собирается,—замѣтилъ отецъ,—да вотъ очередь везти школьничковъ за сосѣдомъ, а онъ не везетъ ихъ въ школу, а пѣшкомъ итти имъ, въ такой морозъ и такую снѣжную зиму, развѣ можно? А ходятъ... Волковъ у насъ нѣтъ, но загорится небо

и земля, подыметса хвиль, облѣпившій лѣса снѣгъ обсыпается вихрями, летить по полю то вверхъ то внизъ, и дѣти въ суевѣрномъ страхѣ рассказываютъ другъ другу о томъ, что никогда колдуны не умирають на лавкѣ, а всегда свалятся либо съ печи и убьются, либо потолкомъ ихъ придавить, либо на улицѣ замерзнуть, либо въ прудѣ утонуть. Всѣ колдуны безъ покаянія умирають. Вихорь и вертить ихъ грѣшныя души по полю.

Перепугають дѣти другъ друга баснями о вихрѣ нераскаянныхъ душъ, да ненадолго.

Разговорисься съ инымъ малышомъ, пугая его въ шутку, а онъ отвѣчаетъ задорно:

— Я не изъ Петрограда привезенъ сюда. Наши ребята не пугливы.

Мужики смѣются и тоже говорятъ:

— Вотъ морозъ кусаетъ имъ носъ.

Сговорились мужики возить ребятъ въ школу и обратно домой. Волковъ нѣтъ, правда, а морозы и снѣга большіе.

Я невольно согласился въ душѣ съ тѣмъ, что эти дѣти не изъ Петрограда привезены сюда, эти будущіе богатыри и труда, и ратнаго поля.

Мужики продолжали бесѣду.

— Школа отъ насъ въ семи верстахъ. Безъ подводы ребятамъ смерзнуть надо.

— Почему же очередной возчикъ упирается?—спросилъ я.

— А вотъ всѣ мы такіе. Одному некогда сегодня, у другого «очереднаго» жеребецъ кобылку покусалъ, третьяго не докликаться по утру и онъ же гнѣвается словами: «ишь, вы какіе крутые. Скоро больно». Четвертый возчикъ просто напросто опоздаетъ. Выѣдетъ со двора за школьниками, а тѣ уже идутъ пѣшкомъ домой.

Я замѣтилъ, что возчики должны быть акуратные.

Мужики оправдывались тѣмъ, что часовъ у нихъ нѣтъ, а версты немѣренныя.

— Весной и поздней осенью ребятенки ходятъ въ школу по кладкамъ на болотѣ. Придутъ въ школу и шлепають мокрыми ногами по полу. Въ деревнѣ—не въ городѣ. Какъ съ крыльца ступилъ, такъ ноги и мокры съ утра и до вечера. Дороги у насъ въ болотныхъ мхахъ: идешь, да и бухъ съ кладокъ. Свалился и бокъ мокрый. А итти надо. Чувствуютъ ребята, что идутъ въ школу на дѣло и что учитель заругаетъ, если вернешься домой перемѣнить одежду и опоздаешь. Надо въ школѣ сушиться и обогрѣваться. А зимой въ студеной одеждѣ слушай все время учителя. Въ школѣ также холодно. Дровъ нѣтъ и топить нечѣмъ.

— Почему же?—вырвалось у меня восклицаніе.—У васъ лѣса...

Мнѣ отвѣчали тѣмъ, что въ Холмскомъ уѣздѣ земство рѣдко имѣетъ школу въ собственномъ помѣщеніи, а для обученія ребятъ

нанимаетъ избу съ дровами у крестьянъ. Хозяинъ избы и хотѣлъ бы привести дровъ изъ лѣсу, да некому возить-то ихъ. Въ избѣ нерѣдко остаются женщины, дѣти и старикъ.

— Тотъ, кто дѣлалъ сапоги, одежду, сѣялъ хлѣбъ и косилъ траву, возилъ дровъ изъ лѣсу—теперь этого не дѣлаетъ. Ничего не стало и все вздорожало. Всему одна причина...

Учитель, по необходимости, говорить дѣтямъ, чтобы каждый изъ нихъ навозилъ ему дровъ. А у нихъ въ деревнѣ некому возить, да ихъ отцы и не брались за отопленіе школы.

— А хозяинъ школы заключилъ съ земской управой на это условіе и исполняй его,—говорятъ крестьяне.

— Почему же учитель не жалуется въ земскую управу?—спрашиваешь.

— А какъ ему жаловаться?—отвѣчаютъ.—Иной учитель связался съ хозяйкой и не хочетъ жаловаться на ея мужа, другой—поворотилъ на дѣтей: «не привезете дровъ—учить не буду на холоду»,—говорить.

— А будь народъ дома,—думалъ я,—дѣти не страдали бы и отъ дружбы учителя съ «хозяйкой», и отъ требованія отъ ихъ родителей дровецъ на отопленіе школы.

Всему объясненіе одно и то же: и дороговизнѣ, и тому, что въ деревнѣ денегъ много, а купить нечего. Богатство мужика не въ деньгахъ, а въ рогатой скотинѣ, въ запасахъ муки, въ дровахъ и освѣщеніи.

Посѣщая многія школы, я узналъ, что не только здѣсь не хватаетъ дровъ, но нерѣдко дѣти наблюдаютъ въ школѣ чистоту и чуть ли не сами рубятъ дрова, вмѣсто того, чтобы учиться читать и писать.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, эти маленькіе «Ломоносовы» безконечно радовали меня, когда, выѣзжая изъ деревни рано утромъ и встрѣчая дѣтей на снѣжныхъ дорогахъ по пути въ школу, я вступалъ съ ними въ разговоръ о деревенской жизни.

— Лѣтомъ совсѣмъ мѣсто наше глухое, а зимою—частыя ярмарки,—подумавши, отвѣчаетъ болѣе взрослый мальчуганъ.

Я старался узнать и дѣтское мнѣніе о новой жизни въ деревнѣ безъ водки.

— А большаки ваши любятъ на ярмаркахъ гулять?

Тотъ же развязный парнишка отвѣтилъ:

— Который малецъ батькинъ хлѣбъ ѣсть, тотъ и теперь за его деньги бываетъ на ярмаркѣ дуракомъ. Найдеть привезенную изъ Петрограда ханжу и осатанѣть. А кто самъ работаетъ и ѣсть свой хлѣбъ, тотъ не будетъ искать «дурницы» по ярмаркамъ.

Я не могъ проѣхать мимо этого очаровательнаго философа и усадилъ его съ собою въ сани по дорогѣ въ его школу. Послѣ нѣсколькихъ минутъ смущенія, онъ оживленно воскликнулъ:

— Зайчья сметка съ дороги. Гляди направо... Онъ тоже хитритъ, какъ лиса. Я съ тяткой ѣздилъ по зайчимъ сметкамъ. Тятка стрѣлялъ, а я лошадь держалъ.

— Ну,—переспросилъ я:—и знаешь зайчью науку?

— Если хочешь,—научу.

Не дожидаясь моего согласія и весь охваченный спортивнымъ воспоминаніемъ, онъ продолжалъ:

— Поѣзжай по дорогѣ и смотри, гдѣ заяцъ сдѣлалъ въ бокъ сметку. Если вблизи есть кусты или сосенка, ну, значить, онъ тамъ и легъ. А ты и не думай ѣхать за нимъ по слѣду, или назадъ вертать лошадь, а какъ ѣхалъ впередъ по дорогѣ, такъ и ѣзжай. Сворачивай въ бокъ, проѣхавши нѣсколько, и ноги не спускай съ саней, и лошадь не стягай кнутомъ. Какъ ноги спустилъ съ саней, такъ заяцъ увидитъ и вскочитъ. А ты дѣлай полукругъ впереди и наблюдай, куда идетъ зайчій слѣдъ. Къ лежкѣ его подѣзжай сбоку и, остановивъ лошадь, стрѣляй его безъ промаху.

— Хорошо. Исполню все такъ, какъ ты говоришь.

Мальчикъ былъ доволенъ моимъ вниманіемъ къ его разговору и, разохотившись, подвинулся ко мнѣ ближе.

— Хошь расскажу,—спросилъ онъ:—какъ мужикъ перехитрилъ чорта?

— Пожалуйста.

Мальчуганъ указалъ рукой на лѣсъ вдаль и началъ говорить о томъ, что въ такомъ же лѣсу, однажды весной, мужичекъ кололъ дрова.

— Вдругъ онъ слышитъ голоса, а кругомъ никого не видать. «Иди,—говоритъ кто-то другому:—въ ближайшую деревню и сдѣлай всѣмъ дѣвкамъ веснуху, а въ другой деревнѣ посади мальчикамъ чирій на глазъ, а мужику, который здѣсь гремитъ топоромъ, лому въ ногахъ». Дровосѣкъ догадался, что ему надо дѣлать. Пришелъ домой, сталъ ужинать и ожидать что-то будетъ. Слышитъ онъ во щи ему что-то упало. Вынулъ онъ изъ горшка соринку, не далъ ей во щакъ распуститься, и запихалъ ее въ чеснокъ, перекрестилъ и повѣсилъ къ потолку сохнуть на всю зиму. А къ лѣту чеснокъ посадилъ въ грядку и ядовитая соринка ожила на солнышкѣ. Ожила и ушла «невидимо», чтобы никогда уже больше не вредить не только дровосѣку, но и всей его деревнѣ. «Хорошо тамъ угощаютъ,—говоритъ «соринка» чорту.—Не только, съ чеснокомъ вмѣстѣ подъ крестомъ мужика высохло у меня мясо, но даже и кости потревожены. Перехитрилъ меня, «нечистика», русскій мужичекъ... Самъ-то онъ весь съ кулаченокъ, а разума хоть отбавляй. И на силу, и на хитрости никакому чорту теперь не взять его.

Мальченокъ такъ разхрабрился рассказомъ о побѣдахъ мужика надъ «нечистымъ», что въ своемъ увлеченіи забылъ соскочить съ саней на поворотѣ, который велъ въ нужную ему деревню. Сообра-

звивъ вскорѣ, что онъ ѣдетъ мимо школы, онъ проворно выскочилъ изъ саней и, даже не прощаясь со мной, быстро побѣжалъ назадъ, разбрасывая ножонками въ разныя стороны пушистый снѣгъ и весело оглашая поле перекличкой съ другими школьниками.

VI.

Нравственныя силы народа.—Жажда новой жизни.—Старую капусту противно ѣсть.—
«Максимъ Горькій».—Опять «ханжисты».—Псаломщикъ изъ погоста «Новое».

Я очень интересовался духовной жизнью крестьянъ въ связи съ вопросами о томъ, что они ѣдятъ и пьютъ. На общебытовой почвѣ выяснились для меня ихъ моральныя силы для укрѣпленія трезвости. Безъ нравственныхъ и умственныхъ силъ не помогутъ народу и экономическія реформы. Мнѣ казалось нужнымъ, хотя бы вскользь, указать на нетронутыя въ немъ природныя силы и такими показателями для меня были Максимъ изъ Черемши, Степанъ изъ Крутца, Моховикъ изъ Застремянья, Антонъ изъ «Новаго» и т. д.

Правда, это все выдающіеся люди изъ крестьянъ, но нужно помнить, что и весь народъ выдающійся.

Между прочимъ, многіе изъ нихъ побывали на заработкахъ въ разныхъ городахъ, и отлично знаютъ, что на приобрѣтеніе въ казенномъ винномъ складѣ вина или спирта выдается управляющимъ акцизными сборами всякій разъ разрѣшеніе, а на приобрѣтеніе вина и водочныхъ издѣлій изъ ренсковаго погреба выдается разрѣшеніе отъ полицеймейстера или исправника.

Прекрасно знаютъ они также и то, что эти разрѣшенія «отъ полиціи» выдаются частенько лицамъ вовсе не на техническія или врачебныя надобности, что у просителей нѣтъ ни болѣзни, ни промышленныхъ заведеній, а есть одно желаніе пить хмельное.

— Почему же,—спрашивали они меня:—въ Петроградѣ на окнахъ магазиновъ вывѣшено объявленіе: «дозволяется приобрѣтеніе крѣпкихъ напитковъ съ разрѣшенія полицейскихъ приставовъ», а мужикамъ у насъ никогда не разрѣшать. Если грѣхъ силенъ—валить и въ «синемъ», то и «сѣрому мужичку» не хочется жить въ монастырѣ. Точно у васъ въ столицѣ дразнятъ простой народъ. Гляди, моль—«Ванька-Псковской»: господамъ открыто отпускаютъ вино и коньякъ съ разрѣшенія полиціи, а тебѣ—ничего не дадутъ.

Говоръ мѣстныхъ «бурлаковъ» подхватывала толпа и ея голоса перебивали одинъ-другого.

— Долбятъ мужика! Явно долбятъ! Отняли водку, а теперь и квасу съ дрожжами и хмелемъ не смѣй варить ни себѣ, ни на продажу.

— Этотъ квасъ пьяный,—сказалъ я.

— Ну, такъ вотъ,—перебили меня:—когда не будетъ калачей (хлѣба), тогда народъ и для себя все бросить, и напитоковъ никакихъ не будетъ. Того ли тебѣ нужно?

— Нужно трезвый, а не пьяный народъ для хорошей жизни. Собравшіеся мужики удивили меня своимъ отвѣтомъ.

— Никакого пьянства не нужно, чтобы худо жилось. Народъ не видитъ ни хорошихъ лицъ, ни хорошаго поведенія и съ нимъ самимъ всякій обращается дурно. Иной урядникъ затопаетъ ногами и грозитъ стоптать мужика. Они теперь выше генерала себя держатъ. Вотъ что прекратить бы. Хочется и намъ новой, и трезвой жизни... А старую капусту противно ѣсть.

Въ волостное правленіе пришло нѣсколько новыхъ крестьянъ и я попросилъ ихъ также сѣсть поближе ко мнѣ.

— Въ ногахъ правды нѣтъ,—смѣясь замѣтили мужички, усаживаясь на скамьяхъ.

Я обратился ко вновь прибывшимъ, по обыкновенію, откровенно:

— Вы занимаетесь хлѣбопашествомъ, а я тѣмъ, что пишу въ газетахъ и книгахъ о вашей жизни. Вотъ вы мнѣ и помогите узнать, лучше ли вамъ теперь безъ водки или хуже?

Чувствуя искренность и серьезность моей задачи, нѣкоторые отвѣтили:

— Урожая хорошаго нѣтъ, а все-таки замѣтно, что теперь лучше.

— Все же лучше?—переспросилъ я.

— Совсѣмъ хорошо,—подтвердили и остальные.—Съ водкой иной поѣхалъ съ базара, а домой не вернулся. Въ водѣ утонулъ. Ъхалъ по суходолу, а вотъ пьяный нашелъ болото и утонулъ.

Въ толпѣ вдругъ послышался голосъ о томъ, что прежде народъ пилъ водку, а возъ сѣна стоилъ 3—5 рублей, а теперь 15—20 рублей.

— Водка была—били быка,—говорилъ тотъ же голосъ.—А не стало нашей «веселухи», нѣтъ и мяса. Теперь и безъ вина бѣда. Пчелы были и ихъ распродали. А купить что—такъ надо «съежившись».

— По купечеству твоему,—возразили ему въ толпѣ,—ежиться не приходится. Ты на одной мельницѣ заработалъ нынѣ тысячу.

Купецъ раздраженно перебилъ говорящихъ.

— А гдѣ работника взять мнѣ на мельницу? Прежде мужики не умѣли работать, а теперь не хотятъ... Вотъ это хуже пьянства для промышленнаго сословія. Прежде шли работать за водку, а теперь мужики не спрашиваютъ о платѣ, а прямо говорятъ: «не когда». Деньги у всякаго есть, хлѣбъ есть, зачѣмъ же ему итти на работу? А какъ мнѣ безъ него молотъ хлѣбъ? Были работники, я, правда, наживалъ съ ними деньгу, а теперь хоть бросай мукомольное дѣло.

Ему не вѣрили и находили, что теперь всѣмъ лучше живется.

— Возь сѣна стоилъ 3 рубля ранѣе, а скота все-таки не было и кормить его было нечѣмъ. Съ крышъ солому давали... А теперь есть и лошадки, и овечки, и бычки. Съ водкой все бы пропили.

— А пьяное пиво имѣется?—спросилъ я.

— Варягъ латыши для себя... А теперь, видно, и ему аминь. Дрожжей нѣтъ, сахару нѣтъ. Всему аминь. Есть чай и слава Богу. Съ молокомъ пьемъ его безъ сахару.

— А самогонка?

— По Холмскому уѣзду,—отвѣтили мнѣ,—слыху нѣтъ еще, что вотъ такой-то сдѣлалъ водку и продалъ. Можетъ быть, гдѣ-нибудь, и сдѣлалъ, да самъ же и выпилъ.

Разъѣзжая до конца января по Псковской губерніи, я вдругъ узналъ о сокращеніи съ 1-го февраля пассажирскихъ поѣздовъ и сталъ торопиться въ Петроградъ.

Мнѣ совѣтовали ѣхать на «Максимъ Горькомъ». Такъ зовутъ по Московско-Виндаво-Рыбинской желѣзной дорогѣ добавочный поѣздъ, который всѣмъ другимъ поѣздамъ даетъ дорогу, ожидаетъ встрѣчныхъ и, такимъ образомъ опаздываетъ вдвое по сравненію съ обычными поѣздами.

— На «Максимъ» свободнѣе,—говорили крестьяне.—Господамъ нѣтъ охоты ѣхать на такомъ «горькомъ» поѣздѣ, а ѣдутъ на немъ бѣдный народъ да «ханжисты» и евреи. Время у ханжиста свободное и сейчасъ видать его въ поѣздѣ. Сидитъ «ворона въ павлиньихъ перьяхъ», а то и совсѣмъ грязный мужикъ во второмъ классѣ и ѣздитъ по желѣзной дорогѣ взадъ и впередъ ротозѣемъ... Найдешь такихъ и въ четвертомъ классѣ, а всячески видишь, что человѣкъ не крестьянскимъ дѣломъ занятъ.

— А полиція знаетъ ихъ?

— Должна бы знать. Всѣ знаютъ ихъ на «Максимъ Горькомъ». Не трудно глазу привыкнуть.

Я очень былъ заинтересованъ этимъ сообщеніемъ и узналъ, что путь отъ «Ново-Сокольниковъ» до Петрограда особенно излюбленъ ханжистами.

Они являются поставщиками крупныхъ агентовъ по шинкарству въ Псковской губерніи и, приобретаая въ Петроградѣ ханжу за 1 р. 50 к., здѣсь продаютъ по 6 и 7 рублей за бутылку. Стоить рисковать. Промыселъ выгодный. Дѣйствительно, я узналъ, что одинъ такой ханжистъ выстроилъ на барыши избу, купилъ лошадь и завелъ хозяйство. «Не буду,—говоритъ,—больше ѣздить въ Петроградъ. Довольно съ меня». И много такихъ-то среди мужиковъ. Полиція, конечно, знаетъ всѣхъ, кто изъ крестьянской среды ѣздитъ въ Петроградъ и обратно за ханжой. А если не знаетъ, то можетъ узнать, если захочетъ: зачѣмъ мужику или бабенкѣ ѣздить по два раза на недѣлѣ въ столицу; зачѣмъ то на одной, то на другой станціи они соскакиваютъ съ поѣздовъ или изъ оконъ

вагоновъ, на ходу поѣзда, что-то выбрасываютъ подь откосы желѣзно-дорожнаго полотна.

Крестьяне часто меня спрашивали:

— Почему доброе (казенку) закрыли, а «бѣса» (денатурать) открыли? Зачѣмъ онъ въ деревнѣ? Совѣмъ не требуется. Пускай продаютъ его въ городахъ господамъ. Ханжисты покупаютъ бѣсовый напитокъ въ городѣ и перепродаютъ нашимъ тайнымъ продавцамъ, а послѣдніе мужикамъ.—Такъ и идетъ кругомъ. Видать, что казна отъ денарутата больше получаетъ барыша, чѣмъ раньше отъ водки.

— Какимъ это образомъ?

— А какъ же? Прежде бутылка водки стоила 50 коп., а теперь за ханжу заплати 7 рублей. Ханжу приготовить надо изъ того же денатурата... Разведи на немъ чернику и не подойти тогда къ этому напитку. Духлисть и съ ногъ валить. Выпьеть его мужикъ и сейчасъ же хочетъ быть Иванъ Ивановичемъ. Многіе у насъ одурѣвали.

— Но этотъ промыселъ привозный?—спросилъ я для большей убѣдительности.

— И денатурать, и ханжу привозятъ,—отвѣчали мнѣ.—Но все-таки дурной человѣкъ скоро научить и хорошаго дѣлать «дурницу». Нерѣдко и теперь парнишка кричитъ другому: «Ванюшка! Есть ли у тебя горюшка?».

Я все-таки переспросилъ о продажѣ ханжи.

— «Дурница» пристаеъ къ дурному человѣку,—отвѣчали мнѣ.—Такъ и зовутъ ее. Ханжа или дурница ищетъ дрянного пьяницу. Ихъ пара въ одномъ мѣстѣ. Хорошій не будетъ пить ее. А пьяница, какъ жилъ, такъ и умретъ: лѣтомъ солнце не пригрѣеъ его, а зимой онъ не промерзаеъ.

Случайно я встрѣтилъ въ пути псаломщика изъ погоста «Новое», В. Иванова, и спросилъ его о той же ханжѣ.

— Пьютъ ее больше, чѣмъ ранѣе водку.

— Да, такъ ли?—перебилъ я, желая, чтобы онъ болѣе вдумался въ свои слова.

— Пьютъ,—продолжалъ онъ.—Молодые много пьютъ. Прежде всѣ пили, ну, а теперь молодые... Не боятся отравиться. Былъ бы пирь, а молодому хоть бы въ вирь (худое мѣсто въ рѣкѣ). Деньги сгубили народъ.

— Какъ такъ?

— Всѣ привыкли швырять деньги. Послѣ войны мужику трудно будетъ привыкать вновь жить безъ большихъ денегъ. Война принесла пользу, а деньги вредъ.

— Какую пользу?

— Народъ поумнѣлъ. Торговать сталъ. Научился. Кооперативы развелъ. Умный народъ и пьянствовать перестанетъ.

— Это хорошо,—заключилъ я:—вы начали за упокой, а кончили за здравье. Если ранѣе, когда свободно торговали хорошей водкой, народъ не спился, то теперь онъ, конечно, не будетъ пить отраву и мѣнять хозяйство на тюрьму. Сытому человѣку водка не въ радость, и русскій народъ добьется и новаго политическаго строя, и сытости, и просвѣщенія.

VII.

Старый пастыръ.—Судейскій чиновникъ о трезвенномъ дѣлѣ.—Старуха о томъ, что деревня «изъ терпѣнья выходитъ».—Небесное предзнаменованіе.

Бѣхать мнѣ въ Петроградъ на «Максимѣ» не пришлось. Я задержался въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ Псковской губерніи и въ это время поѣздъ «Максимъ Горькій» былъ отмѣненъ. Въ городѣ я познакомился съ очень образованнымъ священникомъ. Мы разговорились по трезвенному дѣлу и его сужденія очень заинтересовали меня.

— Получше стало жить безъ водки, но начинаютъ пить «ханжу». Однако стучитесь и двери откроются. Боритесь и съ народнымъ недугомъ.

— А церковь борется?—спросилъ я.

— По силѣ разумѣнія боремся,—отвѣтилъ священникъ.—Но русскій народъ, когда слушаетъ слово въ церкви, то разчувствуется. А какъ удалился священникъ, такъ народъ опять за свое; какъ песь возвращается на свою блевотину... Много въ этомъ виноваты,—неожиданно воскликнулъ онъ,—календари съ черными и красными знаками.

— Какъ календари?—перебилъ я.

— Не изумляйтесь,—продолжалъ онъ.—Жизнь русскаго народа располагается по праздникамъ. Нанимаясь на работу къ барину, крестьянинъ пишетъ договоръ: съ Пасхи до Покрова дня (1-го октября); съ Пасхи до Михайлова дня (8-го ноября); до Николы зимняго (6-го декабря); до Николы вешняго (9-го мая); и т. д. Всюду до того или другого божьяго угодника. Такъ и жилъ русскій народъ по святцамъ, а теперь его хотятъ пріурочить жить по календарю. А въ календарѣ—чернымъ знакомъ обозначены и Рождество Іоанна Предтечи (24-го іюня), и Ильинъ день (20-го іюля), и Казанская Божья Матерь (8-го іюля) и т. д. Множество чтимыхъ церковныхъ праздниковъ упразднено календарями и, вмѣсто посѣщенія въ эти дни храмовъ, народъ идетъ работать въ ущербъ религіозности.

Я, конечно, не возражалъ ему тѣмъ, что обиліе праздниковъ деморализовало народную среду. Меня интересовала убѣжденность старика и я былъ полонъ къ нему вниманія.

Онъ продолжалъ:

— Съ упадкомъ религіознаго чувства, увеличивается и пьянство въ народѣ. Тому же содѣйствовали и 1905, и 1906 годы. Разныя, тамъ, «свободы» разнуздали народъ. Конечно, современемъ это выведется, но кто поручится, что не заведется другой «змѣй-соблазнитель».

— Въ видѣ чего же?

— Трудно сказать, чѣмъ прикинется новый грѣхъ. Дѣла-то онъ не сдѣлаеть, какъ и эти свободы 1905—6 года, а разговоръ тогда было много. Море синица не зажгла, а разговоръ остался и до сихъ поръ о морѣ. Пастырскаго слова народъ не слушаетъ, а говорить мнѣ въ лицо: «Э, да ты, батя, свою дудку гнешь. А по нашему ты играть не умѣешь».

Искренность священника была очень трогательна. Когда разговоръ коснулся необходимости придумать для народа нравственныя развлеченія, онъ досталъ изъ кармана брошюру Макарія, митрополита московскаго и коломенскаго. «О зрѣлищахъ въ дни Пасхи» и сталъ цитировать изъ нея убѣдительныя, по его мнѣнію, мѣста противъ народныхъ развлеченій.

— «Сторонники развлеченій,—читалъ онъ брошюру,—въ защиту народныхъ театровъ выставляютъ мнѣніе, между прочимъ, то, что простой народъ, не зная, чѣмъ заполнить свободное отъ работъ праздничное время, предается въ это время дикому разгулу и пьянству. А когда де будутъ открыты для сельскихъ жителей особые театры, то эти послѣдніе отвлекутъ народъ отъ питейныхъ домовъ и отучатъ отъ разгула. Что сказать на это? То же, что сказано и о винѣ: невинно вино, укоризненно пьянство. Не вреденъ или почти безвреденъ благоустроенный театръ, но вредно и разорительно пристрастіе къ театральнымъ зрѣлищамъ. Однообразіе назидательныхъ представленій скоро наскучитъ и вызоветъ потребность разнообразить зрѣлища представленіями, возбуждающими чувственность и вообще сильно дѣйствующими на воображеніе. Удовлетвореніе этому неизбѣжно приведетъ народный театръ къ тѣмъ нежелательнымъ и гибельнымъ послѣдствіямъ, къ которымъ приводятъ и городскіе театры. Театръ можетъ научить презирать тѣхъ лицъ и тѣ сословія, которымъ болѣе свойственъ тотъ или другой порокъ, но едва ли научитъ видѣть свой собственный порокъ, себя осудить. Тѣмъ болѣе не научитъ его ненавидѣть порокъ, и жалѣть порочныхъ людей, какъ того требуетъ христіанская любовь. А еще болѣе театръ безсиленъ сдѣлать порочныхъ добродѣтельными, а добродѣтельныхъ вести къ высшему совершенству. Для этого нужна челоуѣку особенная помощь Божія. А таковая подается только въ церкви, черезъ святыя таинства.

Прервавъ на одинъ моментъ чтеніе, онъ воскликнулъ:

— Всѣ эти народныя развлеченія отвлекаютъ народъ отъ церкви и самъ московскій владыко признается, что они «наводятъ на по-

дозрительную мысль о томъ, не хотятъ ли учредители всего этого, подъ благовидными предлогами, воспитать молодое поколѣніе въ отчужденіи отъ церкви, что поведетъ къ охлажденію къ вѣрѣ, отучитъ отъ послушанія пастырскому руководству и возбудитъ недовѣріе къ богодарованной пастырямъ власти учить народъ, вязать и разрѣшать грѣхи людей, быть духовными врачами, судіями совѣсти вѣрующихъ».

Цитируя брошюру, онъ уже отъ себя говорилъ о монополіи истины духовнымъ сословіемъ и возмущался моимъ замѣчаніемъ о томъ, что наука также прокладываетъ путь къ истинѣ, что для исправленія человѣка недостаточно «внѣшнихъ дѣйствій» по преимуществу у пастырей церкви и что «обрядность» только немного помогаетъ идеальной сторонѣ христіанства...

Въ сильномъ раздраженіи онъ спрашивалъ:

— Что можетъ быть могущественнѣе и идеальнѣе нетлѣнія крещенской воды, пресуществленія святыхъ Даровъ, хожденія къ мощамъ по такому-то адресу...

— И такъ далѣе?—перебилъ я.—Вы полагаете, что «человѣкоутвержденіе», напряженіемъ собственныхъ душевныхъ силъ для служенія Христу, менѣе приближаетъ человѣка къ Богу, чѣмъ «внѣшнія дѣйствія» къ помощи отъ церкви?

Священникъ рѣшительно не соглашался со мной и никакъ не могъ признать того, что научныя изслѣдованія о законахъ причинности и общественные идеалы, требующіе благородныхъ усилій для осуществленія, ведутъ человѣка также къ «совершенствованію»; что служеніе Богу заключается не въ опредѣленныхъ, указанныхъ на вѣчныя времена внѣшнихъ приемахъ, что всякое чистое движеніе ума и души ведетъ къ тому же Творцу и что, наконецъ, недостаточно личнаго, индивидуальнаго просвѣщенія человѣка вѣрою въ Бога, а необходимо рядомъ и его социальное просвѣщеніе, т. е. общественно-политическое благоустройство страны.

Меня прямо поражала въ моемъ священникѣ какая-то жадность, съ каковой онъ охотно бы отказался отъ культуры, чтобы только присвоить одной церкви всю работу на облагораживаніе и освобожденіе человѣчества отъ тьмы и произвола.

Присутствующій при нашемъ спорѣ судейскій чиновникъ, съ претензіей на глубину мысли, поддерживалъ священника въ томъ мѣстѣ, гдѣ послѣдній не сочувствовалъ народнымъ развлеченіямъ.

— Легко сказать: дать народу нравственныя развлеченія — восклицалъ онъ.—Ничего придумать нельзя для народа, а только то цѣнно, что въ немъ самомъ есть. Я полагаю, что и лекціи о вредѣ пьянства привлекаютъ народъ не потому, что онѣ исправляютъ его. Онъ пойдетъ въ такомъ же числѣ слушать лекцію и о пользѣ питія... Онъ одинаково пойдетъ, потому что любить зрѣлище. Онъ

любить новое впечатлѣніе, новое ощущеніе, но это не исправляетъ его.

— Если бы поднять ремесленное образованіе,—перебилъ я:— отвлекло бы оно своей доходностью народъ отъ нетрезвости, или у народа и безъ того много денегъ?

— Въ деньгахъ сытости нѣтъ,—отвѣтилъ онъ мнѣ.—Ремесленное и всякое денежное просвѣщеніе отвѣчаетъ народной потребности. Но пьяницъ нужно не просвѣщать, а искоренять.

— Какимъ же образомъ?

— Очень простымъ. Конокрадовъ мы преслѣдуемъ не просвѣтительными мѣрами, а карательными. Такъ надо и съ пьяницами. Нечего просвѣщать, а надо бороться съ ними. Русскій человѣкъ еще не вышелъ изъ эпохи суровыхъ наказаній. Какія тамъ просвѣщенія и лекціи, когда надо за пьянство наказывать такъ же просто, какъ за конокрадство.

— Оригинально,—подумалъ я и сказалъ, что конокрадство всѣми сознанное зло и оно не требуетъ лекцій и чтеній, а алкоголь нуждается въ разъясненіи.

— Быстрое и большое наказаніе лучше всякаго разъясненія,—повторилъ мой собесѣдникъ.—Иначе пьяныхъ размножится безъ конца. Ихъ и теперь много.

— Но, какъ много?—спросилъ я.—Болѣе, чѣмъ до войны?

— Много при запрещеніи —воскликнулъ онъ.—При запрещеніи предполагается, что нельзя достать ничего хмельного и тѣмъ не менѣе пьяныхъ много. Судебное преслѣдованіе идетъ очень медленно, со многими обходами закона виновными лицами. Гдѣ вы достанете для обвиненія шинкаря свидѣтелей, если у того же свидѣтеля надо дѣлать обыскъ; если онъ самъ же вчера покупалъ у обвиняемаго ханжу? Но и обязательное постановленіе губернатора объ административныхъ мѣрахъ страдаетъ тѣмъ, что мы не видимъ и не слышимъ обвиняемаго. Въ общемъ долженъ сказать, что размѣръ пьянства въ настоящее время меньше, но по качеству оно вреднѣе прежняго. Всего опаснѣе то, что самъ народъ ищетъ отравы и не боится ея. Мнѣ приходилось и ранѣе слышать отъ простого народа недовольство на казенную водку. Хорошая очистка водки ему не нравилась и онъ тогда еще мечталъ о болѣе крѣпкой одури.

По правдѣ сказать, для меня было гораздо болѣе «одури» въ подобныхъ рѣчахъ, чѣмъ въ любой ханжѣ.

Плохъ законъ 10-го іюля 1915 года, но дурно и постановленіе губернатора объ административныхъ мѣрахъ; плохо отсутствіе борьбы съ пьянствомъ, но плохо и общество съ его «самообороной», если оно само пьетъ и не доросло до борьбы съ хмѣльнымъ недугомъ. Все плохо и, кажется, что одна свободная торговля водкой для него была бы хороша...

Прямого такого вывода не было сдѣлано, но только потому, что мною не былъ объ этомъ поставленъ вопросъ. Вся его рѣчь напоминала мнѣ манеру впечатлительныхъ людей забывать прошлое передъ настоящимъ и жить напуганнымъ воображеніемъ. Встрѣтитъ иной въ кинематографѣ пьянаго мужика и кричитъ, что пьяные уже входятъ въ театръ; встрѣтитъ бабу съ ребенкомъ въ магазинѣ обуви и всѣ у него деревенскія бабы уже щеголяютъ въ ботинкахъ съ французскими каблуками. Кто-то не понималъ вкуса въ очищенной водкѣ и сейчасъ явилось заключеніе о томъ, что русскій народъ ищетъ себѣ «отравы» и безъ нея жить не хочетъ.

Иногда мнѣ казалось, что подобные ораторы не лгуны, но несомнѣнно они «гиперболисты». Обо всемъ судятъ преувеличенно и сперва накричатъ, а потомъ уже думаютъ.

Въ скоромъ времени я выѣхалъ изъ города и, на пути къ станціи желѣзной дороги, остановился въ деревнѣ покормить лошадей. Старая баба, на вопросъ—какъ живется—остроумно отвѣтила:

— Изъ терпѣнья выходимъ. Какая ужъ эта жизньъ.

— Дорого все?

— Вотъ это самое и достать нигдѣ нечего.

— А ханжу попиваете?

Старуха съ упрекомъ въ голосѣ воскликнула:

— Какая тебѣ тамъ ханжа? Перекусить, бываетъ, нечего. Говорятъ тебѣ, что изъ терпѣнья выходимъ.

— Ну, а что станетъ изъ того, если не хватитъ терпѣнія?—спросилъ я заинтересованно.

Старуха отъ моего вопроса разомъ замолчала, но вдругъ, точно помолодѣвъ, воскликнула:

— Хорошаго изъ этого ничего не выйдетъ, милый господинъ. Не выводите лучше народъ изъ терпѣнія. Раньше-то мы и пили, да всѣ дома были. Работать было кому.

Перебивая самую себя, она продолжала тѣмъ же бодрымъ голосомъ.

— Не изъ-за того веселѣе жилось прежде, что водку пили... А способнѣе все было. Мука не доходила до 6—7 рублей за пудъ.

— Тебѣ же лучше,—замѣтилъ я,—что сельскіе продукты дороги на базарѣ. Если бы всегда хлѣбъ имѣлъ такую цѣну, то сѣяться можно было бы больше.

Старуха уже упавшимъ голосомъ отвѣтила:

— Кабы кто посѣялъ, а я бы продала. А то самой все надо посѣять, а работать-то кому?

Какъ бы кончая со мной разговоръ, она грустно замѣтила:

— Думала, что ты привезъ намъ добрыя вѣсти о мирѣ, а ты все про пьянство сокрушаешься... Лучше стало теперь. Жизнь «по особому заказу идетъ»,—насмѣшливо буркнула она, не пояснивъ мнѣ значеніе «особаго заказа».

Через минуту тѣмъ же загадочнымъ полупшепотомъ она добавила:

— Знаменіе было небесное. Людямъ показано будущее... Предзнаменованіе.

— Что такое?

— Свыше предостереженіе...

— О чемъ ты говоришь, старуха?

— Небесное знаменіе,—повторила она набожно.—Вокругъ солнца показывались двѣ радуги... Никогда такъ-то не случалось, или одинъ разъ на сто лѣтъ развѣ. Какъ ни силенъ морозъ въ эту зиму, но и прежніе годы были съ морозами, а народъ не видѣлъ, чтобы двѣ радуги, да вокругъ солнца... Все одна, а не двѣ. Надо это понимать, если двѣ радуги, къ чему и зачѣмъ дано свыше такое знаменіе. Видно Богъ возвѣщаетъ съ неба о себѣ и тоже выходитъ изъ терпѣнья на нераскаянныя души людей. Каждый день читаютъ они въ господней молитвѣ: «Да прійдетъ царствіе Твое на небѣ и на землѣ», а сами не расстаются съ грѣхами. Изъ терпѣнья Господь выходитъ. Знаменіе небесное много разъ видѣли за это время. Бывать чему нибудь.

— Напугала ты меня, старуха,—перебилъ я, торопясь выйти изъ избы къ поданнымъ мнѣ лошадямъ и послѣ, уже сидя въ поѣздѣ желѣзной дороги, не разъ вспоминалъ символическое проричаніе сѣдой женщины.

Ея самочувствіе было общенароднымъ и не могло казаться мнѣ маловажнымъ.

Я постоянно чувствовалъ за послѣдніе годы въ бесѣдахъ съ народомъ, что у него утрачена вѣра во всѣ наши земные порядки и что если они зашатаются, то никто не поддержитъ ихъ.

А. Фаресовъ.

ПАМЯТИ Н. К. МЕЛЬНИКОВА-СИБИРЯКА.

(Изъ личныхъ воспоминаній).

«Со словъ Д. Г. Янчевецкаго, слышанныхъ имъ въ Стокгольмѣ отъ корреспондентовъ нѣмецкихъ газетъ, Н. К. Мельниковъ-Сибирякъ, берлинскій корреспондентъ «Новаго Времени», былъ схваченъ германскими властями, судимъ, какъ шпионъ военно-полевымъ судомъ и затѣмъ разстрѣлянъ».

Изъ газетъ.

ВРИБЛИЗИТЕЛЬНО въ концѣ 1909 г. (первый годъ редактированія мною «Ежегодника Имп. Театровъ») звонятъ ко мнѣ однажды по телефону.

— Вы редакторъ «Е. И. Т.»?

— Я. Кто говоритъ?

— У телефона Мельниковъ-Сибирякъ, берлинскій корреспондентъ «Новаго Времени».

— Очень радъ. Чѣмъ могу служить?

— Я желалъ бы съ вами побесѣдовать. Нельзя-ли намъ повидаться, и поскорѣе?

— Хоть сейчас!

Черезъ полчаса въ мой кабинетъ входилъ человекъ средняго роста, блондинъ, очень опредѣленной великорусской складки.

Мы разговорились. Н. К. оказался чрезвычайно милымъ и интереснымъ собесѣдникомъ, по его словамъ «влюбленнымъ» въ наше изданіе. Онъ не только предлагалъ ему свое сотрудничество (меня это очень устраивало: въ Германіи у насъ не было «собствен-

наго корреспондента»), но еще и распространение журнала в немецких коммерческих кругах. С этой минуты мы стали приятелями. Ближайшей статьей Н. К. в «Ежегодникъ» явилась любопытная экскурсия в область сравнительной характеристики одноименных типов в России и на Западе. Она так и называлась: «Национальность в толковании сценических образов» (1909 г. вып. 6 и 7). Сравнительно редко наезжая в Петроградъ, Мельниковъ поддерживал со мной отношения главным образом через переписку. Поводов къ этому было всегда достаточно. То онъ хлопочетъ о полученіи для журнала иностранныхъ объявленій, то налаживаетъ личныя дѣла съ изданіемъ, то, наконецъ, просто хочетъ «отвести душу» и поболтать съ единомышленникомъ. Такъ какъ я каждое лѣто обязательно ѣзжу за границу, то всегда представляется «случай» повидаться лично. Этой темѣ посвящено между прочимъ письмо отъ 8 іюня 1910 г. «За машинопись посланія ¹⁾), вызванную отвычкой отъ пера, прошу васъ извинить меня и на сей разъ. На письмо отвѣчаю по всемъ вопросамъ. Радуюсь, если и статья моя, ²⁾), какъ чувствуется изъ вашего письма, пришлась вамъ по душѣ. Шлю вамъ спасибо за согласіе держать по ней корректуру. «Куда послать вамъ гонораръ?» Не тревожьтесь! Гонораръ пошлите мнѣ потомъ, за двѣ или даже за три статьи сразу. Такая финансовая политика—самая мудрая: мелкая монета изъ кармана выкатывается, крупная—въ оборотъ не идетъ.—Статью объ Обераммергау вы къ 1-му сентября отъ меня получите. Въ Швейцарію я двинусь въ четвергъ на этой недѣли, ѣду въ Цюрихъ и Бернъ по дѣлу, а по горамъ Граубиндена поброжу, если въ Бернѣ и Цюрихѣ все сойдетъ, какъ по маслу. Мнѣ бы давно надо туда, но республика чуть не вся подъ водой стояла, президентъ и сочлены союзаго совѣта въ ковчегѣ Ноевомъ жили. Теперь только потошъ кончился.—Къ 30-му числу іюня, я, находясь въ Швейцаріи, пошлю письмо на ваше имя въ Шапрегу и спрошу васъ, гдѣ намъ удобнѣ всего будетъ встрѣтиться. Согласенъ даже съѣздить къ вамъ во французскую Швейцарію, если вы сами не захотите двигаться съ мѣста: «если гора не идетъ къ пророку, то пророкъ самъ подойдетъ къ горѣ: Монтеух и его окрестности посмотрѣть еще разъ не мѣшаетъ. Но только въ лѣтнее время тамъ душно и жарко, какъ и вообще у всѣхъ швейцарскихъ озеръ. Зачѣмъ вы собрались туда? Монтеух зимой—первый климатъ на всемъ земномъ шарѣ: отъ вѣтровъ защищенъ со всѣхъ сторонъ горами, какъ въ котлѣ... А лѣ-

¹⁾ Большинство своихъ писемъ Н. К. писалъ на ремингтонѣ.

²⁾ Рѣчь шла о небольшой корреспонденціи подъ названіемъ «Стиль и исторія» (вып. 4, 1910 г.), дававшей отчетъ о Французской выставкѣ художниковъ XVIII в.), устроенной въ Берлинѣ въ 1910 г., если не ошибаюсь, по личному желанію Вильгельма.

томъ этотъ котель—баня. Единственное спасеніе будетъ вамъ только спастись бѣгствомъ въ горы. Вотъ къ этому-то моменту я и пріѣду, если не двинетесь вы».—Ссылка на Обераммергау указывало на наше соглашеніе дать совмѣстную характеристику знаменитаго *Passionspiel*. Мельникова я просилъ написать исторію представленій, я же ограничился «впечатлѣніями». Обѣ статьи и появились рядышкомъ въ 6 выпускѣ «Ежегодника» за 1910 г. Той же темѣ онъ посвящалъ между прочимъ и послѣдующее письмо отъ 22 сент. «На дняхъ отослалъ я вамъ Обераммергау. Дошло ли? Какъ находите, если уже прочитано! Читалъ вашу корреспонденцію о «Тайфунѣ» ¹⁾. Я смотрѣлъ пьесу весной, когда вернулся изъ Петербурга и у меня еще до сихъ поръ не изгладилось впечатлѣніе тихой замирающей японской пѣсни. Больше всего жалко профессора. Супруга задастъ ему дома изрядную сцену: это явствуется уже изъ одного ея возгласа «Theodor» въ залѣ Ѳемиды. Отвѣчаю на ваше письмо. Вамъ понравилась мистерія не особенно. Представьте себѣ, тоже самое говорили мнѣ многіе соотечественники. Я замѣтилъ даже, что не религіознымъ натурамъ эти мистеріи нравятся, а религіознымъ нѣтъ: говорю только о русскихъ. Я писалъ только о происхожденіи, ни на минуту не упуская изъ вида, что о самой постановкѣ, о чисто художественной сторонѣ дѣла будете писать вы. Всю работу я подгонялъ къ тому замыслу, чтобы моя статья была какъ бы еступленіемъ въ вашу. Удалось ли мнѣ эта затѣя,—увиджу изъ вашего отвѣтнаго письма». Затѣмъ Мельниковъ посвящалъ цѣлыя три страницы «дѣловой» части нашей переписки. Я уже говорилъ, что онъ хлопоталъ объ устройствѣ журналу объявленческой агентуры за границей. Нѣкоторыя его разсужденія по этому поводу имѣютъ общій интересъ. «На ошеломляющій эффектъ (комбинаціи Мельникова) прошу васъ не особенно рассчитывать. Во первыхъ великому эффекту нужно время: большія дѣла создаются годами. Во-вторыхъ, вашъ журналъ самъ по себѣ только что начинаетъ входить въ заграничный обиходъ. Въ третьихъ, технически и денежно никакъ нельзя разсылать его, какъ ежедневную газету, для наглядного ознакомленія по объявителямъ. А это имѣетъ огромное значеніе. Я, напримѣръ, даже и не дерзнулъ просить васъ о присылкѣ болѣе 7 экземпляровъ. А у меня, наоборотъ, одна только агентура Рудольфа Моссе потребовала ровно 200 экземпляровъ вашего журнала для разсылки его по своимъ отдѣленіямъ и по нѣкоторымъ объявителямъ,—zu Propagandazwecken. И это требованіе было, по заграничному масштабу, не только вполне законѣрнымъ, но даже весьма скромнымъ: здѣсь каждый новый журналъ, чтобы

¹⁾ Корреспонденція изъ Берлина въ «Новое Время». Она называлась «Японскій Отелло».

проложить тебѣ широкій путь къ объявителямъ, въ первые годы своего существованія затрачиваетъ десятки тысячъ даровыхъ экземпляровъ и цѣлое состояніе на одну ихъ пересылку... Въ небольшомъ размѣрѣ объявители у васъ заграницей будутъ, но въ огромномъ—иллюзія, если издатель не проявитъ размаха, какъ заграничные издатели»¹⁾.

Лѣтомъ 1911 г. врачи предписали мнѣ ѣхать лечиться въ Вильдунгенъ. Эта поѣздка въ топографическомъ отношеніи вполне устраивала Мельникова. Предстоялъ «случай» свидѣться, если не въ Берлинѣ, то гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. «Что же касается вашего кратковременнаго пребыванія въ Берлинѣ, «только проѣздомъ», писалъ онъ, то спѣшу отвѣтить, что въ Берлинѣ вы меня все равно не увидали бы, даже если бы вы пробыли тамъ цѣлый мѣсяцъ. Я все время нахожусь въ Steinau, Kreis Schluchtern, Schloss. А сей древній градъ—по близости какъ разъ къ вашему Wildungen, въ Вальдекскомъ княжествѣ. Значитъ мы можемъ повидаться именно по той причинѣ, по которой вы считали свиданіе невозможнымъ. Буду весьма радъ видѣть васъ,—доставите Вы мнѣ большое удовольствіе этимъ свиданіемъ. А само оно пусть будетъ на такомъ началѣ: разъ вы, измученный петербуржецъ, находитесь на *отдыхѣ*, то поставимъ принципомъ не говорить ровно ни о какихъ дѣлахъ,—да, впрочемъ, намъ и не о чемъ говорить по дѣловому,—займемся просто времяпровожденіемъ, пострѣляемъ, напимъ, воробьевъ, посидимъ въ Sprudel, походимъ по парку, вообще проведемъ одинъ или два дня въ идилліи, то есть въ отрѣшеніи отъ логики и въ безцѣльныхъ упражненіяхъ по риторикѣ. Безцѣльность есть высшее благородство духа: такой роскошный цвѣтокъ удастся сорвать не многимъ,—только мудрымъ, носящимъ на челѣ своемъ печать высшаго избранія. Но мы его сорвемъ: всѣ данныя для этого въ Wildungen'ѣ имѣются. Поэтому прошу васъ къ отвѣтамъ на мои первые вопросы, присовокупить еще вотъ вашъ точный заграничный вильдунгенской или какой другой адресъ, Hôtel и т. д. и я приѣду»²⁾. Онъ сдержалъ свое обѣщаніе и приѣхалъ. При-

¹⁾ Увы, размахъ издателя сводился къ тому, что на рекламу ассигновали максимумъ 600 рублей въ годъ. О каждомъ же лишнемъ экземплярѣ журнала, высылаемомъ «для ознакомленія», необходимо было предоставлять рапорты по начальству и т. д.

²⁾ Въ одномъ письмѣ (отъ 2 сент. 1910 г.) онъ такъ описывалъ мнѣ достоинства курортной жизни. «Какъ бы мои коллеги по «Н. В.» ни ратовали противъ заграничныхъ курортовъ, но русскій человекъ отдыхаетъ здѣсь душой и тѣломъ, уже отъ одного того счастливъ, что не доходитъ «дымъ отечества»... Сознаться, что это правда и по В. опыту. Есть у меня въ Эйдкуненѣ одинъ пріятель, нѣмецъ, таможенный жандармъ, человекъ простой, но очень наблюдательный. Когда ѣзжу въ Россію и обратно, всегда философствуюемъ на Эйдкуненскомъ вокзалѣ. Однажды онъ передавалъ мнѣ свои наблюденія: «я здѣсь уже 20 лѣтъ, и вотъ чему удивляюсь: ѣдутъ русскіе весной, изъ Россіи за границу; лица у всѣхъ такіа веселыя, всѣ говорятъ, смотрятъ,

поминаю обстоятельства, сопровождавшія это свиданіе. Жара стояла въ это лѣто не выносимая. Наша небольшая компанія русскихъ въ *Wildungen*'ѣ буквально изнывала отъ зноя. А Мельникову хоть бы что! Онъ кажется и на курортъ пріѣхалъ въ толстомъ драповомъ пальто. Вообще, я всегда удивлялся его физическимъ свойствамъ. Провожаетъ онъ меня утромъ въ *Bad-Anstalt*. Я ему рассказываю, что врачи не позволяютъ мнѣ пользоваться *Sprudel*'емъ больше 20—25 минутъ на пріемъ. Н. К. хочеть во все горло:

— Какая чепуха, заливается онъ, пускай это другимъ рассказываютъ, а не мнѣ. Я обыкновенно сижу въ ваннѣ полтора и два часа. Вы бы видѣли, что происходитъ съ *bademeister*'омъ! Онъ увѣренъ, что когда нибудь меня хватить кондрашка.

Послѣ обѣда мы съ нимъ совершили прогулку въ горы. Въ каждомъ нѣмецкомъ курортѣ обязательно полагаются различные этапы для прогулокъ. Они отличаются другъ отъ друга состояніемъ и высотой подъема и носятъ стереотипныя названія: «*Philosophen weg*», «*Bismark-hütte*» и т. д. По поводу всѣхъ такихъ кличекъ у Мельникова нашлись остроумныя сравненія и разговоръ незамѣтно скользнулъ на политику. Мельниковъ хорошо изучилъ нѣмецкую культуру и могъ на этотъ счетъ рассказать много любопытныхъ вещей. Между прочимъ, когда рѣчь зашла о возможномъ столкновеніи Россіи съ Германіей (въ то время нѣмецкія газеты раздували Агадирскій вопросъ), Н. К. не вѣрилъ въ серьезность конфликта. По его мнѣнію, съ нѣмецкой политической сцены не совсѣмъ еще сошли питомцы Бисмарковской школы, раздѣлявшіе точку зрѣнія «железнаго канцлера», что съ могучей сосѣдкой ссориться не слѣдуетъ. Кромѣ того, Мельниковъ придавалъ большое значеніе нѣмецкой клерикальной партіи, всегда противостоявшей Вильгельму въ его воинственныхъ стремленіяхъ. Нужно сказать, что Н. К. былъ женатъ на нѣмкѣ, принадлежавшей, если не ошибаюсь, къ зажиточной буржуазной семьѣ. При такихъ условіяхъ настроенія нѣмецкаго общества ему были хорошо извѣстны.

Слѣдующее письмо Мельникова относится уже къ веснѣ 1911 г. На этотъ разъ тема письма—неожиданный инцидентъ чуть было не нарушившій наши добрыя отношенія какъ редактора къ сотруднику. Дѣло въ томъ, что Н. К. прислалъ мнѣ небольшую корреспонденцію изъ Берлина, передававшую содержаніе послѣдней новинки берлинскихъ театровъ, пьесы «Вѣра и родина» (имя автора не помню). Я уже включилъ корреспонденцію въ ближайшій вы-

---

какъ будто птицы, вылетѣвшія изъ клѣтки; а потомъ осенью возвращаются въ Россію,—тѣ же самыя. Я на лица примѣтливъ: но всѣ—такіе мрачныя, угрюмыя, точно у всѣхъ какое то несчастье произошло». Наблюденія нѣмца характерны.

пускъ и отослалъ ее въ типографію, когда вдругъ та же самая корреспонденція, почти дословно появляется въ «Новомъ Времени». Понятно, я не могъ оставить этотъ инцидентъ безъ вниманія и тотчасъ сообщилъ о немъ Н. К. Вотъ какъ онъ объяснилъ мнѣ «недоразумѣніе». «Я только что получилъ ваше письмо отъ 7 (20) апрѣля; хотѣлъ и самъ писать вамъ сразу же, еще того дня, когда дошелъ до меня № 12595 «Н. В.»... съ «Вѣрой и Родиной». Но не удалось: у насъ 18-го апрѣля в. с. былъ въ квартирѣ пожаръ, сгорѣли платья моей жены, и мнѣ пришлось всѣ эти дни возиться съ пожарной исторіей, весьма нежелательной въ особенности потому, что вся обстановка у насъ была застрахована значительно ниже своей стоимости. Пишу вамъ теперь тоже самое, о чемъ хотѣлъ еще до вашего письма написать, чтобы выразить ужасъ и изумленіе по поводу появленія этой «В. и Р.» въ газетѣ. Не говорю уже о томъ, что «Ежегодникъ» никоимъ образомъ не можетъ ковылять за газетами, повторяя ихъ статьи,—все случившееся крайне непріятно мнѣ особенно въ связи съ тѣмъ фактомъ, что за «Впечатлѣнія сезона» я получилъ отъ васъ даже авансъ: выходитъ, какъ будто бы хотѣлъ васъ «объегорить»,—вотъ что досадно! Къ этому, усиливая непріятность, присоединяется теперь еще то, что «Впечатлѣнія» были у васъ уже набраны. Во-первыхъ, считаю своимъ долгомъ извиниться передъ вами за принесенное вамъ редакторское разочарованіе. Во-вторыхъ, прошу васъ распорядиться, что-бы стоимость типографскаго набора 2-й части «Впечатлѣній» была поставлена мнѣ въ счетъ и удержана изъ моихъ будущихъ гонораровъ. Ибо все произошло по моей винѣ. Вина состояла въ слѣдующемъ: «Вѣру и Родину» въ томъ видѣ, какъ она появилась въ «Н. В.», я вручилъ А. С. Суворину здѣсь въ Берлинѣ, на вокзалѣ Fridrichstrasse, когда онъ проѣзжалъ въ Парижъ; при этомъ врученіи присутствовали внукъ А. С. Суворина лечащійся здѣсь А. А. Коломнинъ, и его жена О. И. Коломнина, «В. и Р.» была вложена въ незапечатанный готовый конвертъ съ адресомъ «Петербургъ, М. А. Суворину», и я просилъ старца, если онъ благословитъ «В. и Р.», отправить ее въ этомъ конвертѣ по назначенію; старецъ взялъ въ карманъ и уѣхалъ; прошло болѣе мѣсяца, но въ газетѣ она не появлялась; я предположилъ, что старецъ, быть можетъ, потерялъ, или не отослалъ, или послалъ, но она погибла въ редакціи; послѣднее предположеніе казалось даже правильнѣе... Я былъ увѣренъ, что «В. и Р.» погибла именно такимъ образомъ: вѣдь прошло болѣе мѣсяца со дня врученія ея на вокзалѣ старцу; тогда я, пользуясь вторымъ машинописнымъ оттискомъ, съ небольшими прибавками переписалъ «В. и Р.» во 2-ую часть своей корреспонденціи для «Ежегодника», отослалъ вамъ, но редакція «Н. В.» вдругъ оказалась «на высотѣ своего положенія»... Конечно, я такъ и поступлю, какъ вы пи-

шите мнѣ: взаимнѣ выкинутой части напишу новую къ осеннему номеру». Но надъ злополучной статьёй тяготѣлъ, повидимому, злой рокъ. Мельниковъ ее переписывалъ и дополнялъ, но въ концѣ концовъ долженъ былъ сознаться, что изъ этой корреспонденціи ровно ничего «не выйдетъ». «Въ человѣческой жизни находятъ иной разъ такая «полоса», писалъ онъ, что и не придумаешь, кромѣ «рока», никакого объясненія, Но ему помогло мое чрезмѣрное увлеченіе самой пьесой: Самъ по себѣ сей «рокъ» безсиленъ: первый врагъ человѣка — онъ самъ». Впрочемъ, въ томъ же самомъ письмѣ (22 сент.) онъ утѣшалъ меня грядущими «перспективами». «... Пошлю вамъ «Греческую Музыкальную драму» въ изложеніи Ничше, да и о современномъ: до возвращенія въ Берлинъ, откуда напишу вамъ о новостяхъ нѣмецкой сцены, побываю въ парижскихъ театрахъ ¹⁾. Напишу сначала, вѣроятно, о нихъ. Во многихъ парижскихъ театрахъ я уже былъ. Первыхъ, «главныхъ» здѣсь около 25. Не знаю дѣйствуютъ ли всѣ, но тѣ, въ которыхъ бывалъ, произвели на меня глубокое впечатлѣніе: французскіе артисты гораздо шикарнѣе нѣмецкихъ. Такихъ художниковъ, какъ во «французской комедіи», нѣтъ нигдѣ въ Германіи, — ни въ Берлинѣ, ни въ Мюнхенѣ. Въ особенности — стильность, колоритъ игры... Театры Режанъ и Сарры Бернаръ — уступаютъ ей, но о нихъ, пожалуй, еще еще болѣе слѣдуетъ написать вамъ: у нихъ репертуаръ гораздо живѣе, современнѣе, чѣмъ въ «комедіи», гдѣ только одни «классики», les «viellards vénérables». Корреспонденція не заставила себя долго ждать, но появилась лишь во 2-омъ выпускѣ за 1912 г.

До сихъ поръ я только вскользь говорилъ о литературныхъ произведеніяхъ Мельникова. Багажъ его, завѣщанный потомству, въ количественномъ отношеніи, не особенно значителенъ. У него есть томикъ стихотвореній, переводная, драма «Маккавей (нѣмецкаго поэта От. Людвига), два разсказа изданныхъ отдѣльно («Ложь и правда» и «Божественная премудрость»), историко-философское изслѣдованіе «Два міра» и... множество разнообразныхъ корреспонденцій. Все остальное что называется *in spe*. Къ печати готовились: пьеса, романъ, предисловіе о магін, другое изслѣдованіе о мудрости (житейской и государственной), еще романъ и т. д. Любопытно знать, гдѣ все это находится? Можетъ быть было приобщено къ дѣлу о «шпіонствѣ» бѣднаго Н. К. и тогда конечно пропало безслѣдно. Повидимому, наибольшее тяготѣніе питалъ Мельниковъ къ философскимъ наукамъ. Глубокимъ скептицизмомъ проникнуть его разсказъ «Божественная премудрость»; тоже настроеніе поражаетъ и въ наиболѣе вдохновенномъ произведеніи Н. К. «Два міра». Странная вещь. Послѣдній очеркъ Н. К.

¹⁾ Письмо изъ Франціи. Н. К. жилъ въ это время въ Meudon, Bellevue, (Seine et Oise), 26, rue Terre Neuve.

подарилъ мнѣ въ Вильдугенѣ. Помнится я читалъ его спустя нѣкоторое время послѣ нашего свиданія. Исслѣдованіе затрагиваетъ чрезвычайно важный вопросъ объ отдѣленіи церкви отъ государства и разсматриваетъ его не только съ обще-человѣческой, но и съ философской точки зрѣнія. Не будь у меня долгихъ бесѣдъ съ Н. К. на различныя темы, въ томъ числѣ каноническаго и социальнаго характера, я бы вѣроятно не обратилъ вниманія на нѣсколько «личные» взгляды автора въ его сочиненіи. Но здѣсь мнѣ показалось, что философъ иногда мѣняется ролями съ дипломатомъ и политиканствуетъ, гдѣ не слѣдуетъ. На вопросъ Мельникова, какъ я нашелъ его сочиненія, я вполне чистосердечно высказалъ свои сомнѣнія. Въ отвѣтъ на это, озадаченный авторъ пустился въ длинныя объясненія: «Вы пишете мнѣ о моей книгѣ» «Два міра». Но предварительно слѣдовало бы—въ ознаменованіе современнаго, существующаго между всѣми народами, обмѣна продуктами—осуществить одну строку моего обращенія къ вамъ, написаннаго надъ заглавіемъ книги ¹⁾. Буду весьма тронуть и трактатъ вашъ (по исторіи русскаго театра) ²⁾ прочту съ живѣйшимъ интересомъ. Но пошлите только по адресу: Германія, Steinau и т. д. на мое имя, какъ всегда. Во-вторыхъ, свои книги я преподношу только тѣмъ, весьма немногочисленнымъ людямъ, у которыхъ есть съ чѣмъ вступить въ обмѣнъ мыслями, все равно, «за» или «противъ» автора: обѣ стратегіи одинаково хороши для расширенія кругозора у самого автора. Стратегія «Contra»—еще лучше въ этомъ отношеніи. Не даромъ же сказано: «любите враговъ вашихъ»,—противники способствуютъ совершенствованію... Но что творите вы? Моей книгѣ вы первый противникъ: по вашему письму вижу, что—супостать. Но вы разжигаете и любопытство и любознательность, не давая имъ удовлетворенія. «Прочелъ съ живѣйшимъ интересомъ, хотя, по моему, вы въ ней болышой дипломатъ?». Почему и какъ записали вы меня по «странному» вѣдомству?—объясните. Этотъ вопросъ меня въ высшей степени занимаетъ,—говорю безъ преувеличеній,—и за поясненія буду вамъ весьма признателенъ. Пожертвуйте десятью минутами и изложите... «Дипломатъ» напомнилъ мнѣ одно древнее сказаніе о двухъ рыцаряхъ. Въ одномъ селѣ была корчма «Орель». Вывѣска съ этимъ названіемъ, написаннымъ красными буквами, была прикрѣплена такъ, что какъ бы пересѣкала улицу. Одна сторона этой доски была бѣлая, другая—черная: кто въѣзжалъ въ село справа, тотъ видѣлъ красное «Орель» на бѣломъ фонѣ. И вотъ, въ разное время, одинъ послѣ другого, проѣзжали черезъ это село два рыцаря, но одинъ въѣхалъ справа и выѣхалъ налево, а другой—

¹⁾ Въ заголовкѣ написано было такъ: «въ знакъ пріязни и съ коварной цѣлью побудить и на отвѣтную присылку собственныхъ произведеній по исторіи русскаго театра».

²⁾ Рѣчь шла о моей книгѣ «Матеріалы къ исторіи рус. театра», М. 1906 г. 8-е.

въ противоположномъ направленіи. Года черезъ два пришлось имъ гдѣ то встрѣтиться,—разговорились о своихъ странствованіяхъ и, между прочимъ, вспоминали о доскѣ. Одинъ говорилъ, что она бѣлая, другой утверждалъ, что — наоборотъ, черная. Стали спорить, потомъ ругаться, наконецъ, даже на кулаки перешли. Мимо проходилъ странникъ, родомъ онъ былъ какъ разъ изъ того села,—доску зналъ, съ той и другой стороны видѣлъ ежедневно. Прислушался онъ къ спору рыцарей и понялъ: рѣчь о вывѣскѣ въ его селѣ. И когда рыцари перешли въ рукопашную, сталъ онъ разнимать ихъ... «Постойте! я разрѣшу вашъ споръ». — «Разрѣши! сказали, приостановивъ сраженіе, рыцари.

— Дѣло простое: съ одной стороны она—черная, а съ другой—бѣлая»,—сказалъ странникъ.

— Э!.. да онъ нарочитъ угодить «и нашимъ и вашимъ!» закричали рыцари и оба стали бить примирителя»...

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Н. К. Мельникова за два мѣсяца до начала войны. Мы встрѣтились съ нимъ на открытіи «Международной выставки печатнаго дѣла и графики» въ Лейпцигѣ. Онъ былъ по обыкновенію веселъ, словоохотливъ, но о какомъ либо политическомъ «конфликтѣ» даже не заикался. Вообще настроеніе въ Лейпцигѣ было, что называется, за шестьсотъ тысячъ верстъ отъ «грядущей катастрофы». Помню, за завтракомъ, даннымъ участникамъ рускаго отдѣла на выставкѣ русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Лейпцигѣ гр. Мусинымъ-Пушкинымъ, рѣчь шла ни о чемъ другомъ, какъ о крупныхъ завоеваніяхъ, достигнутыхъ русскими кустарями въ Германіи. Чуть ли не тотъ же Мельниковъ рассказывалъ, что русскія кустарныя издѣлія были распроданы извѣстнымъ Вертгеймомъ въ одну недѣлю. Успѣхъ вскружилъ головы нѣмецкихъ промышленниковъ. Предполагалось основать специальный банкъ, для эксплуатаціи издѣлій русскихъ кустарей, мобилизовали капиталъ въ 10 мил. марокъ и т. д. О войнѣ ни полъ слова, она показалась бы фантазіей, если бы о ней заговорили. А теперь встаетъ мучительный вопросъ: что-же побудило германскія власти такъ жестоко расправиться съ бѣднымъ Н. К.? Насколько я его зналъ, это былъ человекъ, чуждый дѣятельной политики, не бунтарь и не агитаторъ. Правда, какъ корреспондентъ большой политической газеты, онъ обязанъ былъ знать всякія политическія «настроенія» и, съ этой стороны не ограничивался посѣщеніями театровъ и художественныхъ выставокъ. Но отъ освѣдомленности журналиста и до информации тайнаго агента сосѣдней державы—дистанція огромная. Скорѣе здѣсь можно предположить неизбѣжные въ войнѣ эксцесы, судебную ошибку, клеветы враговъ... Впрочемъ, вмѣсто всевозможныхъ догадокъ, всего лучше привести выдержку изъ одного «дѣловаго» письма

ко мнѣ; можетъ быть она прольетъ нѣкоторый свѣтъ на «политическую» роль Мельникова. Однажды онъ посвятилъ меня въ свои нелады съ благожелательнымъ къ нему до тѣхъ поръ печатнымъ органомъ. Онъ жаловался, что статьи его не печатаются, — почему? Онъ самъ не знаетъ. Можетъ быть причина заключается въ незнакомствѣ редакціи съ затронутой темой, въ данномъ случаѣ съ Германіей? «Я всецѣло проникся убѣжденіемъ, что съ того времени, какъ я лучше и глубже сталъ понимать Германію, мои политическія статьи становились все менѣе пригодными. Сколько разъ повторялъ я, напримѣръ, что мы, помогая англичанамъ и французамъ стѣснять германцамъ колониальное теченіе на югъ и на Западъ, вредимъ только самимъ себѣ, что тѣмъ самымъ мы какъ бы искусственно стремимся поставить Германію въ такое положеніе, чтобы у нея небыло возможности сбывать свое *избыточное* населеніе въ заморскія страны на Западъ, и чтобы оно, оставшись внутри Имперіи, сдавленное въ ея границахъ, ударило волной въ другую сторону, на Востокъ, хлынуло бы къ намъ въ Россію, т. е. я доказывалъ, что мы сами же помогаемъ осуществляться пангерманскому *Drang nach Osten*. Ни одна изъ такихъ статей не была напечатана!.. «Мысль весьма логичная и оригинальная, но не ставитъ же ради нея всю газету вверхъ дномъ! А еврейскій вопросъ? Какъ то выслали русскихъ Евреевъ изъ Берлина тысячами. Я написалъ двѣ корреспонденціи противъ этихъ массовыхъ высылкъ. Ни одна не появилась. Почему? «Мы 30 лѣтъ писали противъ жидовъ, а вы вздумали защищать ихъ!»— «Но я защищаю не «жидовъ», а русскихъ подданныхъ: высылкъ подвергаются граждане Россіи, и мы, не защищая ихъ, губимъ только престижъ нашего двуглаваго орла!»—«Предоставьте намъ судить объ этомъ; по вашимъ статьямъ мы не понимаемъ, сотрудничаете ли вы въ «Освобожденіи», въ «Рѣчи» или у насъ?»—Въ концѣ концовъ у публики образуется обо мнѣ даже совершенно неправильное, одностороннее представленіе. Какъ можетъ проявиться «личность», если ее сжимаютъ въ условной рамкѣ?»¹⁾.

Таковы были частицы политическаго credo Мельникова. Едва ли они могли представить серьезную опасность для империалистической и самовлюбленной Германіи и вызвать съ ея стороны репрессіи?

Въ заключеніе, какъ хочется, чтобы этотъ «некрологъ» былъ привѣтомъ русскому человѣку, насильно отторгнутому отъ родной земли! Но если дѣйствительность такъ ужасна и судьба сыграла съ нимъ злую шутку, пускай эти краткія воспоминанія будутъ посильнымъ цвѣткомъ на его раннюю могилу...

Баронъ Н. В. Дризенъ.

¹⁾ Письмо отъ 28 дек. 1911 г.

ДВА ПИСЬМА.

1) Къ убійству 11 марта 1801 года; 2) Къ характеристикѣ Императора Александра I.

Въ бумагахъ моего архива сохранились копии двухъ писемъ, переписанныхъ рукой внучки генерала Л. Л. Беннингсенъ, Теодоры Баркгаузенъ (Theodora Barskhausen), рожденной фонъ-Мюллеръ и вышедшей впоследствии вторично замужъ за фонъ-Реденъ. Она унаслѣдовала эти два письма отъ своей матери, одной изъ дочерей Беннингсена, который былъ женатъ четыре раза ¹⁾.

Первое изъ писемъ адресовано Беннингсеномъ его другу, Борису Борисовичу Фокъ. Отрывки этого письма были уже не разъ напечатаны и въ Россіи, и за границей профессоромъ Шиманомъ, но цѣликомъ, безъ пропусковъ, письмо не появлялось въ печати. Оно написано въ мартѣ 1801 года, нѣсколько дней спустя послѣ убійства Павла и свидѣтельствуетъ о глубокомъ цинизмѣ писавшаго его ганноверскаго выходца, всегда презиравшаго Россію и русскихъ и скончавшагося у себя въ имѣніи Бантельнъ въ 1826 году, близъ Ганновера.

¹⁾ На Фредерикѣ фонъ-Штейнбергъ († 1773), на Елизаветѣ Мейеръ († 1776), на Амаліи фонъ-Швихельтъ († 1789) и на Маріи Андржейковичъ. († 1855 г.).

Другое письмо писано 8 февраля 1807 года Императоромъ Александромъ I къ тому же Беннигсену послѣ сраженія подъ Прейсишъ-Эйлау. Оно характерно для писавшаго его черезъ шесть лѣтъ послѣ убійства Павла и именно тому лицу, которое сыграло видную роль въ трагической ночи, окончившейся восшествіемъ на всероссійскій престолъ Александра Павловича.

Письмо это лишній разъ доказываетъ двуличность характера «сфинкса, не разгаданнаго до гроба» и убѣждаетъ въ томъ, что когда обстоятельства требовали услугъ кого-либо,—имъ все временно забывалось для пользы политики момента.

Оба письма въ оригиналахъ написаны по-французски.

В. К. Николай Михайловичъ.

1 мая 1917 года.

I.

Mars 1801, St—Pétersbourg.

Je devais bien m'attendre, Général, que Vous seriez impatient de recevoir de moi une description exacte des grands évènements arrivés à St. Pétersbourg le 12/24 de ce mois; je ne doutais pas non plus, que Vous n'entendriez pas sans intérêt prononcer mon nom à cette occasion par rapport à la part, qu'on me donne dans le public à cette grande journée, souvent désavantageuse et contraire à mes principes et à l'honnêteté, qui jusqu'ici a guidé mes actions. Je Vous donnerai donc ici les détails les plus exacts de la révolution qui vient d'avoir lieu—qui a fini les jours de l'empereur Paul I et qui a fait monter le grand-duc Alexandre I sur le trône de la Russie, avec les acclamations, dont on n'a pas d'exemple encore du public de Pétersbourg, de Moscou, ou peut être de la nation entière. Cet enthousiasme ne garda plus de bornes quand une proclamation parut, par laquelle le nouveau souverain promit de régner d'après les principes de Cathérine l'immortelle. Paul I était né avec un coeur sensible et beaucoup d'esprit naturel. Avec ces dispositions on espérait qu'une éducation soignée sous les yeux de Cathérine II suffirait pour rendre ce prince digne d'occuper un jour le premier trône du monde, auquel la naissance l'appellait, et capable de rendre heureux la grande nation sur laquelle il devait régner. Mais on avait lieu de s'apercevoir bientôt, que ces qualités étaient mêlées de mauvaises passions dans son caractère qui faisaient disparaître ses bonnes dispositions que je viens de nommer; manquant en même temps de jugement.

Son coeur, naturellement sensible, le faisait facilement verser des larmes. tandis qu'un moment après par son emportement il pou-

vait prononcer le malheur de ces mêmes individus ou des familles entières dont le sort, un moment avant, l'avait tant intéressé. Il était méfiant et crédule au plus haut degré; il suffisait que quelqu'un lui dit: un tel Vous est dangereux—pour qu'il le fit exiler avec tous ses proches parens. Il soupçonna même Catherine II d'en vouloir à sa personne. Il payait des espions pour apprendre ce qu' on disait ou pensait de lui, et pour savoir s'il ne transpirait rien des intentions de sa mère envers lui. On aura peine de croire ce fait, qu pourtant est bien vrai. Un jour qu'il s'était plaint d'un mal de gorge, Cathérine II lui dit: Je Vous enverrai mon médecin, qui Vous donnera une médecine qui m'a fait beaucoup de bien; Paul qui craignait le poison ne put cacher son embarras quand il entendit prononcer le nom du médecin de sa mère. L'impératrice qui s'en aperçut le tranquillisa, lui assurant, que c'était un remède très innocent, dont il serait toujours le maître de faire usage ou non. Quand l'impératrice se trouvait pendant l'été à son château d'été de Zarskosello, Paul habitait Gatschin, ou il avait beaucoup de troupes. Il se fit entourer de gardes et de piquets; des patrouilles continuelles rodèrent surtout pendant la nuit sur le chemin de Zarskosello pour empêcher qu'il ne fût surpris et enlevé. Il avait même fixé déjà une marche-route sur laquelle il comptait se retirer avec ses troupes en cas de nécessité, et dont il avait fait reconnaître les chemins par les officiers sur lesquels il croyait pouvoir se fier. Cette route devait le mener chez les cosaques d'Ural, desquels était sorti le fameux brigand Pugatschof, qui dans les années 1772 et 1773 avait su se faire un parti assez considérable d'abord parmi ces cosaques leur faisant accroître qu'il était Pierre III, échappé de la prison dans laquelle il avait été retenu, pour le faire passer comme mort. Paul comptait donc beaucoup sur leur bon accueil et l'attachement de ces cosaques. Sa mère n'ignorait pas ces folles démarches, mais elle y prêta si peu d'attention, qu'elle n'en fit que rire, n' ayant qu' une très petite garnison d'infanterie et à peu 20 cosaques à Sarskosello pour la garde du château et la police de l'endroit. La première vengeance qu'il exerça contre les cendres de sa mère, fût l'indécence avec laquelle il fit ses obsèques; conduite, qui révoltait tous les Russes plongés dans la plus profonde douleur sur la perte immense qu'ils venaient de faire après son règne brillant, doux et juste. Aussi la nation comment pourra-t-elle jamais oublier que c'est Pierre I et Cathérine l'immortelle, qui ont mis les fondements à la grandeur dont la Russie jouit et dont elle doit jouir encore.

Son caractère méfiant le porta aussi des son avènement au trône à renvoyer ou à exclure du service tous ceux qu'il croyait avoir été attachés à Cathérine II, soit de la cour, du civil ou du militaire. Ce nombre se monta dans l'espace de 4 ans et 4 mois, temps de son règne, à des milliers, ce qui porta le désespoir dans un grand nombre de familles qui se trouvaient sans moyens d'existence et souvent sans

asile; car personne n'osait recevoir un exilé chez soi, sans se rendre suspect lui-même. Mais ce qui effraya le plus la nation fut: qu'aucun individu, fut-il innocent même, ne pouvait plus compter sur la protection des loix, dont le cours fut arrêté par des sentences prononcées par le souverain lui même sans procédure d'un tribunal; ou bien il prescrivit aux tribunaux l'arrêt qu'ils devaient prononcer. Il est nécessaire, que je Vous cite quelques exemples:

Beaucoup de livres furent défendus, dont la lecture jusque là n'avait pas été prohibée. Le pasteur Seider à Livonie en possédait quelques uns dans sa petite bibliothèque, et pour donner une preuve de son obéissance en envoyant ces ouvrages au gouvernement de Riga. Celui ci en fit son rapport à l'empereur, qui lui fit un crime de cette démarche. Il le fit chercher par un feldjäger à St-Pétersbourg. Ce malheureux fut jeté dans une prison. Un Ukas parut en même temps à la cour de justice allemande, dans lequel il fut dit, d'examiner le crime de ce pasteur, de le juger, de le punir du knoute et de l'exiler après. Des juges après en avoir fait la lecture se regardaient, et le président du tribunal leur dit: Hé bien, messieurs, il n'y a plus de perquisitions à faire; dressons la sentence, qui nous est prescrite. Quelques jours après ce malheureux pasteur fut knouté et envoyé en Sibérie ou il resta exilé jusqu'à l'avènement au trône d'Alexandre.

L'empereur Paul prétendait qu'aucun tribunal, soit militaire, soit civil, puisse déclarer innocent ou coupable ceux qu'il avait ordonné à juger. Souvent il prescrivait aux juges d'examiner la cause d'un homme soupçonné et de le punir, ce qui les forçat de prononcer des peines aux plus innocents. Un major avait commis une faute. Le rapport en arriva à l'empereur dans un moment de mauvaise humeur. Il le fit arrêter et conduire par un feldjäger à Pétersbourg, où il ordonna qu'on le jugea par une commission de guerre. Les juges ne trouvent rien de grave dans les accusations contre cet officier, ni de mauvaises intentions dans la faute qu'il avait commise: connaissant pourtant les principes de Paul à cet égard, le condamnèrent à un exile illimité en Sibérie. Quand cette sentence fut présentée à l'empereur on voyait son mécontentement sur sa physionomie, qu'il cacha pourtant en la confirmant; mais il fit expédier secrètement un ordre au commandant d'une petite forteresse par laquelle ce malheureux devait être conduit, de lui faire donner le knoute à son passage.

Il ordonna un jour d'examiner la conduite d'un accusé et de le punir. Un tribunal recut un ordre de faire knouter un malheureux, de l'exiler et puis de juger ses torts!

Les punitions de mort avaient été abolies en Russie depuis le règne de l'impératrice Elisabeth. Il n'y eut sous le règne de Cathérine II qu'un officier, nommé Schwanowicz, qui avait motivé la mort du malheureux prince Iwan, et le brigand Pugatschef, qui eurent la tête coupée. Paul n'attendait qu'une occasion favorable de réin-

troduire les punitions de mort pour exercer son pouvoir sur la vie de ses sujets. Deux officiers de Cosaques sur le Don lui en offrirent la première occasion. Ils furent dénoncés d'avoir mal parlé de lui, sur quoi ils furent arrêtés et traduits devant une commission de guerre. Le président et les membres qui la composaient, pour plaire à leur souverain, les condamnèrent à avoir la tête coupée, persuadés que l'empereur leur ferait grâce en diminuant la sentence. Mais on se trompa. Trop content d'avoir rencontré cette occasion de préparer la nation aux peines de mort, il approuva la sentence et écrivit au bas de l'ordre de l'exécuter sur le champ, et ces malheureux officiers, qui tout au plus auraient mérités de rester arrêtés quelque tems, perdirent la vie sur l'échafaud! Cette action atroce fit une sensation atroce dans l'esprit de chaque individu russe, qui après tant d'exemples réitérés d'injustice et de cruauté devait craindre l'humeur et les caprices d'un souverain qui se faisait un jeu des loix dont il arrêta le cours. Faisant partie il jugeait, confondant souvent l'innocent avec le coupable. Paul I était habitué d'aller se promener dans les rues de St. Pétersbourg, soit en voiture, traîneau, ou à cheval, de deux jusqu'à trois heures après midi. Rarement il retourna sans avoir fait éprouver du désagrément à quelques individus. C'était une règle établie depuis long temps en Russie, que quand des particuliers rencontraient une voiture de la cour, qui menait le souverain ou son épouse, d'arrêter et de sortir de voiture quelque temps qu'il fit. Feue l'impératrice Cathérine II ne le souffrit jamais, mais Paul l'exigea avec la plus grande sévérité, et il voyait souvent des personnes de tout sexe mener à la police, qui n'avaient pu sortir assez vite de leurs voitures, ou des cochers fustigés à la police pour n'avoir aussitôt distingué la voiture impériale. Le même sort arrivait aux personnes qui n'étaient pas habillées d'après l'ordonnance soit militaire ou civile. S'ils avaient le malheur de rencontrer Paul ils étaient arrêtés et envoyés soit à la police ou à la forteresse. Surtout le chapeau rond qu'il ne pouvait souffrir et dont il défendit l'usage le premier jour de son avènement au trône. On peut se représenter combien d'individus se trouvaient dans ce moment à Pétersbourg qui ne possédaient qu'un chapeau rond. Aussi souvent les prisons de la police en étaient remplies. Ces procédés portèrent la terreur parmi les habitants de la ville, qui augmenta peu à peu au point qu'à cette heure toutes les rues de Pétersbourg étaient vides et que personne ne sortit de sa maison à moins que des affaires indispensables ne forcèrent quelqu'un de traverser les rues par lesquelles Paul avait l'habitude de passer, ce qui donna encore lieu de tourmenter les employés de la police, car il leur reprocha que c'étaient eux qui chassaient le monde des rues avant son passage. Après le règne doux et juste de Cathérine II on peut se représenter quel effet produit cette rude conduite sur l'esprit du public, surtout à Pétersbourg, ou on avait tous les jours de nouveaux exemples, que

l'innocent n'était pas moins exposé, que le coupable à perdre liberté, fortune et honneur.

Les autres branches du gouvernement ne furent pas mieux administrées que la justice. Les énormes dépenses qu'il fit en tout genre dérangeaient tellement les finances que le ministre fut obligé d'avoir recours aux moyens les plus nuisibles; de toucher et de mêler sans distribution les sommes de différents départements et de les verser dans les caisses qu'il employa le plus, comme pour la bâtisse du commissariat militaire, de la cour—et dont les dépenses sans calcul augmentèrent de jour en jour. L'augmentation des assignats fut surtout une opération dangereuse et funeste qui en fit bientôt tomber considérablement la valeur, au désavantage non seulement de la couronne, mais de chaque individu, surtout de ceux qui devaient vivre de leur solde. Enfin les finances de l'empire totalement dérangées; les assignats depuis le règne de Paul de quelques centaines de millions d'augmentés, les dettes de même, de manière qu'à l'époque de sa mort, qui fut au mois de mars, on trouva toutes les caisses non seulement vides, mais toutes les sommes dépensées qui avaient été assignées pour l'année entière.

La partie militaire sous le règne de Paul gagna sous bien des rapports. Des abus grossiers et nuisibles s'étaient introduits dans cette partie surtout sous le règne de Cathérine II. Il avait eu le temps et l'occasion de les connaître. Etant encore très jeune l'impératrice lui avait donné un régiment de cuirassiers qui porta son nom. Au retour de son voyage de Berlin, l'année 1776 il demanda à sa mère quelques bataillons et escadrons de différentes armes pour les mettre à Gatschin, sa demeure d'été. L'impératrice le lui accorda, contente de le voir occupé de quelque chose. Aussi mit il cette petite troupe parfaitement sur le pied prussien, dont il avait appris par coeur le règlement militaire, introduit par le roi Frédéric Guillaume I. Etant à Berlin il y avait fait habiller un de ses cuirassiers pour servir de modèle au reste du régiment—enfin habillement, tenue, exercice, discipline et règlement prussien y fut établi le plus exactement possible. On a observé dans la suite, qu'il voulait imiter lui-même Frédéric II dans ses habitudes et son habillement.

Dans ses principes politiques, étude qu'il n'avait jamais cultivée, on ne voyait encore qu'erreur et copie. Nous l'avons d'abord vu allié de l'Autriche, de l'Angleterre et de la Prusse, faisant la guerre avec acharnement et fureur à la France révolutionnaire, et recueillir avec distinction et loyauté Louis XVIII et sa famille dans ses états—bientôt après, brouillé sans rime et sans raison avec ces mêmes puissances nous le voyons allié de Napoléon et pour lui plaire commençant par chasser Louis XVIII avec toute sa famille et sa suite de ses états, projetant en même temps des guerres, qu'il oublie le lendemain; fermant des cordons sur les bords de la mer Baltique contre des descentes

des Anglais qu'il craignait et aux quelles ceux là ne pensaient pas; faisant en même temps sur la carte la conquête de l'ancienne Prusse. J'en ai vu une, sur laquelle il avait tracé lui-même la marche de trois colonnes dans l'ancienne Prusse, assez éloignés l'une de l'autre, avec les quelles il comptait se rendre maître de cette province.

Rappelez-Vous, Général, sa déclaration de guerre contre le roi d'Espagne, qui par sa réponse dans son manifeste tâcha de donner le ridicule que ce procédé mérita, car ils ne pouvaient s'atteindre ni par terre, aussi difficilement par mer. Dans ses idées extravagantes il destina le trône de l'Espagne à un Espagnol même, Caster de la Serdo, qui étoit entré dans sa jeunesse comme petit officier au service de la Russie, et marié à une Allemande dont il avait fait la connaissance en Sibérie, et qui vivait avec une assez nombreuse famille en retraite comme général congédié. Celui-ci fut très étonné lorsqu'on lui annonça les intentions de l'empereur à son égard. Paul pour le mettre un peu plus à son aise, et pour ne pas le faire monter trop pauvre sur le trône de l'Espagne, lui fit cadeau d'une belle terre de mille paysans en Ukraine. Par un ordre au maréchal prince Suworow (que Vous trouverez à la fin de cette lettre) vous verrez ce qu'il pensait de son pouvoir. Souvent on lui a entendu dire: «On peut bien me le pardonner, si j'ai quelques caprices en Europe».

Un jour il fit expédier des ordres à tous les département militaires, qu'incessamment et sans perdre de temps deux armées formidables avec une forte réserve devaient se rassembler, la première sur les frontières limitrophes de la Lithuanie, et la dernière dans la Russie blanche. Le collège de la guerre lui demanda sept millions de roubles en assignats, pour l'établissement des magasins que ces armées demandaient—mais comme le ministre des finances n'avait aucune somme disponible à cet usage, le collège ne reçut point de réponse, ni les régimens les derniers ordres de se mettre en marche.

Vous voyez, Général, que cet état de choses, cette confusion dans toutes les parties du gouvernement, ce mécontentement général qui s'étoit emparé non seulement du public de Pétersbourg, de Moscou et des autres grandes villes de l'empire, mais de la nation entière ne pouvaient pas durer, et qu'on devait prévoir tôt ou tard la chute de l'empire.

Les craintes bien fondées produirent enfin le désir général de la nation qu'un changement de règne prévienne les malheurs dont l'empire étoit menacé. Des personnes connues dans le public par leur esprit et leur attachement à la patrie en formèrent le plan. On l'attribua au comte Panin qui occupait la place de vice-chancelier de l'empire, et au général de Ribas, placé dans le collège de l'amirauté. Sur qui pouvaient ils mieux fixer leurs yeux, que sur l'héritier naturel de la couronne. Ce prince élevé pas sa grande-mère, l'immortelle Catherine, à laquelle la Russie doit l'exécution des vastes projets

de Pierre I, et surtout sa considération dans l'étranger—enfin ce prince que la nation chérissait pour ses belles qualités qu'il développa déjà dans sa jeunesse et qu'elle regardait dans ce moment comme un sauveur qui seul pouvait prévenir l'abîme, dans lequel un plus long règne sous Paul devait la jeter infailliblement.

Le comte Panin s'adressa à ce prince. Il lui fit entrevoir les malheurs qui ne manqueraient pas d'être le résultat de ce règne s'il se prolongeait; que ce n'était qu'en lui seul que la nation pouvait mettre sa confiance, ou que lui seul pouvait en prévenir les funestes suites, en promettant de s'assurer de la personne de l'empereur Paul et de lui offrir de la part de la nation les reines du gouvernement. Le comte Panin et le général Ribas furent les premiers qui dressèrent le plan de ce changement de règne. Le dernier mourut avant l'exécution de ce plan, mais le premier ne perdit point l'espérance de sauver l'état. Il communiqua ses idées au gouverneur militaire, comte de Pahlen. Ils en parlèrent encore au grand-duc Alexandre et le pressèrent de consentir à une révolution qui guidée par un mécontentement général, éclaterait au premier jour et dont on ne saurait prévoir les suites. Alexandre rejetait d'abord ces propositions, contraires aux sentiments de son cœur. A force de persuasions, il promit à la fin d'y prêter son attention et de prendre en délibération une affaire d'une si haute importance qui touchait de si près ses devoirs comme fils, mais bien plus encore que sa naissance lui imposait envers sa nation. Sur ces entrefaites le comte Panin fut disgracié, perdit sa place de vice-chancelier, et Paul l'exila dans une de ses terres près de Moscou, où il ne resta pourtant pas oisif. Il communiqua au comte de Pahlen tout ce qu'il put apprendre sur la voix et le mécontentement du public de la capitale, qu'on pouvait regarder comme l'organe de la nation entière. Il conseilla de se hâter pour prévenir les suites dangereuses de la désolation et de l'impatience du public de se voir délivré de ce règne de fer qui devint d'autant plus pénible, qu'il ne manquait pas de personnes assez viles et intéressées pour se prêter à faire secrètement les espions dans les villes, ou ils s'introduisaient dans les sociétés pour apprendre ce qu'on y parlait, et dont un seul rapport de ces gens suffisait pour vendre malheureux nombre de personnes et des familles entières. On ne peut se rappeler qu'avec mépris que parmi ces vils esclaves, qui professaient ce métier d'espion dans les villes de l'empire, se trouvaient des personnes de toutes les classes, même de familles connues et considérées.

Paul était superstitieux. Il croyait facilement au pronostics. On lui avait entre autre prédit, que s'il passait les quatre premières années de règne heureusement, qu'il n'aurait plus rien à craindre, et que le reste de sa vie serait couronné de gloire et de bonheur. Il crut si fermement à cette prédiction, que ce terme échu, il donna un Ukas,

par lequel il remercia ses bons sujets de la fidélité qu'ils lui avaient témoigné; et pour prouver sa reconnaissance, il pardonna généralement à tous ceux qu'il avait exilés ou revoqués de service, on exilés dans leurs terres, en les invitant d'arriver à St.-Pétersbourg pour être placés de nouveau au service. On peut se représenter quelle foule de malheureux se présentèrent! Les premiers furent repris au service sans distinction, mais bientôt le nombre accrût tellement, qu'il ne sût plus qu'en faire. Il fut obligé de renvoyer le reste, ce qui donna lieu à de nouveaux mécontentemens dans le pays, quand on vit retourner la plus grande partie de ces malheureux, qui s'étaient rendus de l'intérieur du pays la plupart à pied à St.-Pétersbourg, et qui retournèrent de même sans savoir de quoi vivre. Jusqu'ici nombre d'individus, on peut dire la plus grande partie de la nation avait passé ce temps de fer avec patience et fermeté dans l'espérance d'un avenir plus doux et plus heureux, car chacun le prévoyait et se le disait, que cet état malheureux ne pourrait durer longtemps, quand un procédé atroce de Paul mit le comble à sa conduite injuste et cruelle.

Deux jeunes gens, l'un militaire, l'autre du civil, tous les deux de familles distinguées, prirent querelle et se battirent à l'épée pour une jeune dame, dont la personne était agréable à l'empereur. Celui du civil eut la main coupée au bras. Dans cet état il fut conduit chez sa mère, dont il était fils unique. On peut donc se représenter sa désolation. Paul avait conçu de la jalousie contre ce jeune homme. Quand il l'apprit il ne put retenir sa joie, qu'il témoigna par des acclamations d'approbation sur la conduite du jeune militaire qu'il caressa à la première rencontre; mais bientôt sa colère se réveilla contre l'autre. Il ordonna qu'on l'arrêta et qu'il fut mené à la forteresse. La police arriva chez le blessé au moment où les chirurgiens avaient fait le premier appareil, ordonnant que le malade reste dans son lit dans une position tranquille pour éviter une plus grande effusion de sang, qui pourrait devenir mortelle, le trouvant déjà très affaibli. Qu'on s'imagine l'état de la mère, qui employa larmes et représentations sur le danger que courrait son fils, si on le transportait dans cet état! Les officiers de police n'osant tarder l'exécution des ordres donnés par l'empereur le firent partir dans son lit et avec toutes les précautions possibles à la forteresse. Quand on vint faire le rapport à l'empereur de l'arrestation de ce jeune homme et de l'état dans lequel il avait été conduit à la forteresse, il demanda: «Et la mère? qu'en dit elle?»—«Sur la réponse qu'elle pleurait et que son état inspirait la pitié, il ordonna qu'on la fasse sortir sur le champ de la ville, ce que la police ne tarda pas à exécuter, et avant qu'il fit nuit cette respectable mais malheureuse femme fut menée hors de la barrière, où elle resta cachée quelques jours dans une maison pour être plus à portée d'avoir des nouvelles de son fils, et d'où elle se rendit chez un parent, éloigné de la résidence. A ce procédé barbare se joignirent

d'autres tout aussi atroces qui me menaient trop loin si je venais Vous en donner les détails. Je dois pourtant faire mention des procédés qu'il exerçait dans sa propre famille, et qui ne furent pas plus doux car il était bien décidé d'enfermer les personnes qui lui tenaient de plus près et que la nation cherissait le plus. Persuadé qu'il n'y avait plus un moment à perdre pour sauver l'état et prévenir les malheureuses suites d'une révolution générale, le comte Pahlen se rendit chez le grand duc Alexandre, lui demandant la permission d'exécuter le plan projeté, qui ne souffrait plus de délai. Il ajouta que les dernières actions de l'empereur avaient mis tout le public de Pétersbourg par toutes les classes dans la plus grande agitation qui faisait tout craindre.

Enfin le parti fut pris de s'assurer de la personne de l'empereur, pour le conduire dans un endroit où il devait rester sous une surveillance convenable, et où il ne serait pas à même de faire du mal.

Vous verrez bientôt, Général, que cette mesure, devenue inévitable, tourna d'une manière à laquelle personne ne s'attendait, ni ne pouvait prévoir. Le 11 (23) mars 1801 dans la matinée je rencontrais le prince Zouboff en traineau dans la grande perspective. Il m'arrêta pour me dire qu'il avait à me parler, et qu'il désirait aller avec moi dans ma demeure. Un moment après il ajouta qu'il valait pourtant mieux qu'on ne nous voit pas ensemble, et il me proposa de venir souper chez lui. J'acceptais sans soupçonner encore de quoi il pouvait être question, d'autant moins que je m'étais proposé de partir le lendemain de Pétersbourg pour retourner dans mes terres en Lithuanie. Aussi dans l'après midi je me rendis chez le comte Pahlen pour lui demander comme gouverneur militaire les passeports nécessaires pour mon voyage. Il me répondit: «Mais remettez votre voyage! nous servirons encore ensemble». Il ajouta encore: «Le prince Zouboff Vous dira le reste!». Je le trouvais très embarrassé et agité tout le temps que je me trouvais avec lui. Liés d'amitié comme nous l'étions depuis longtemps j'ai été très étonné dans la suite qu'il ne me parla pas de ce qui devait arriver, quoiqu'on s'attendait d'un jour à l'autre à un changement de règne. J'avoue pourtant que je ne croyais pas que le moment en fut si près. Je quittais donc le comte Pahlen pour me rendre chez le procureur général Mr. Obolianinoff pour y prendre congé et aller ensuite chez le prince Zouboff. Il était à peu près dix heures quand j'y arrivais. Je n'y trouvais que son frère, le comte Nicolas et trois personnes encore initiées dans le secret, dont un était du Sénat et destiné à y porter l'ordre de se rassembler sitôt qu'on se serait assuré de la personne de l'empereur (Trostchinsky). Le comte Pahlen avait eu soin de faire dresser les ordres nécessaires qui commandaient: «Par ordre suprême» par lesquels plusieurs personnes étaient désignées à être arrêtées pour le premier moment.

Le prince Zouboff me mit alors au fait du plan formé, et qu'à minuit la révolution aurait lieu. Ma première question fut: «Qui se trouvera à la tête de la conspiration?» Quand il me nomma la personne je n'hésitais pas à me ranger du parti qu'il allait entreprendre, il est vrai un peu dangereux mais nécessaire pour sauver la nation de l'abîme auquel elle ne pouvait plus échapper sous le règne de Paul. A quel point cette vérité était sentie généralement, prouve la quantité de personnes qui en furent instruites la veille et que personne n'en trahit le secret.

A minuit passée je me mis en traîneau avec le prince Zouboff pour nous rendre chez le comte Pahlen. Nous trouvâmes à sa porte un officier de police qui nous dit que le comte était allé chez le Général Talisin, où il nous attendait. Nous y trouvâmes la chambre remplie d'officiers, qui avaient soupé chez le général, dont une grande partie n'avait pas ménagé le vin, et qui tous étaient initiés dans le secret. On parla d'abord des mesures à prendre, tandis que les domestiques entraient et sortaient de la chambre. Un seul de tout ce monde, guidé par un désir de faire une fortune éclatante, aurait très facilement pu glisser de la société, sans qu'on s'en serait aperçu, et percer jusqu'au château de St. Michel pour dénoncer la conspiration. On a su après, que la veille un nombre considérable de personnes était instruit de ce qui devait se passer dans la nuit, et pourtant personne n'en trahit le secret, ce qui prouve assez combien on était dégoûté de ce règne, combien on en désirait la fin!

On était convenu que le général Talisin rassemblerait son bataillon des gardes dans la cour d'une maison, peu éloignée du jardin d'été; et le général Deprera dovitch le sien de même des gardes dans la grande perspective aux environs des boutiques. A la tête de cette colonne ci le gouverneur militaire et le général O u v a r o w, et à la tête de la première le prince Zouboff, ses deux frères Nicolas et Valerien et moi devaient se trouver accompagnés d'un nombre d'officiers tant des gardes que de ceux qui se trouvaient à Pétersbourg, et sur les quels on croyait pouvoir se fier. Le comte de Pahlen avec sa colonne devait occuper le grand escalier du château, tandis que nous avec le reste devaient passer par des escaliers dérobés pour arrêter l'empereur dans sa chambre à coucher.

Le conducteur de notre colonne fut l'aide de camp du régiment de l'empereur, Mr. Argamakoff, qui connaissait tous les escaliers dérobés et les chambres par lesquelles nous devions passer, les ayant traversés journellement à différentes reprises pour faire des rapports ou recevoir des ordres de son chef et maître. Cet officier nous mena d'abord par le jardin d'été, puis par un petit pont et une porte qui touchait à ce jardin ensuite par un petit escalier qui nous mena par une petite cuisine qui touchait à l'antichambre de sa chambre à coucher. Là nous trouvâmes un cammer-houssard assis près d'un poêle, auquel il avait appuyé sa tête, dormant très profondément. De cette foule d'officiers

dont nous avions d'abord été entourés il ne restait dans ce moment que quatre à peu près avec nous, lesquels au lieu de rester tranquilles tombèrent sur le domestique, et dont un lui donna un coup de canne sur la tête, qui le fit crier de toutes ses forces. Dans la consternation tous s'arrêtaient, voyant le moment, où une alarme générale allait se répandre dans toutes les chambres. Je m'empressais d'entrer avec le prince Zouboff dans la chambre à coucher, dans laquelle nous trouvâmes effectivement l'empereur réveillé par ce cri, debout à côté de son lit derrière un paravant. L'épée à la main nous lui dîmes: «Vous êtes arrêté, Sire!» Il me regarda un moment sans prononcer une parole, puis se tournant du côté du prince Zouboff il lui dit: «Que faites vous? Platon Alexandrowitsch?» Dans ce moment entra un officier de notre suite dans la chambre, disant au prince Zouboff à l'oreille, que sa présence était nécessaire en bas où l'on craignait la garde; qu'outre un lieutenant n'était pas instruit du changement qui devait s'opérer. Il est certain que l'empereur ne faisait jamais d'injustice au soldat qu'il s'attacha pas l'eau de vie et la viande qu'il faisait distribuer libéralement à chaque occasion à la garnison de Pétersbourg. On devait craindre d'autant plus cette garde que le comte Pahlen n'étoit pas encore arrivé avec sa suite et le batallion pour occuper le grand escalier du chateau qui coupait toute communication entre la garde et les chambres de l'empereur.

Le prince Zouboff me quitta et je restais un moment seul avec l'empereur qui se borna encore à me regarder sans me dire un mot. Peu à peu quelques officiers de ceux qui nous avaient suivi entrèrent. Les premiers furent le lieutenant-colonel prince Jaschwil, frère du général d'artillerie de ce nom; un major Tatarinow et plusieurs autres officiers. Je leur dis: «Restez, Messieurs, près de la personne de l'empereur, qui est arrêté et que vous ne laisserez pas sortir de la chambre». Je dois ajouter ici que par la grande quantité d'officiers de tout grade, qui avaient été exilés du service, je ne connaissais plus personne de tous ceux que je voyais et, qu'ils ne me connaissaient non plus que de nom. Je sortais alors pour examiner les portes qui donnaient dans les autres chambres dont l'une enfermaient entre autre les épées des officiers arrêtés. Dans ce moment un plus grand nombre d'officiers était entré. J'ai su après le peu de paroles que l'empereur a prononcés encore en russe. D'abord: «Arrêté! qu'est ce que c'est qu'arrêté?» Un officier lui répondit: «Il y a quatre ans, qu'on aurait dû t'achever!» sur quoi il répondit encore: «Qu'ai-je donc fait?» Voilà les seules paroles qu'il a prononcées.

Les officiers dont le nombre s'était encore accru, de manière que la chambre en fut remplie, le saisirent et tombèrent avec lui sur un paravant qu'ils renversèrent. Je m'imagines qu'il voulut se débarrasser d'eux pour gagner une porte, sur quoi je lui répétais à deux reprises: «Restez tranquille, Sire! il y va de vos jours!»

Dans ce moment j'entendis qu'un officier, nommé Bibikoff, avec un piquet des gardes entre dans la chambre attenante, par laquelle nous avions passés. Je m'y rends pour lui dire, quel serait son devoir, ce qui certainement n'avait pas dure au delà de quelques minutes. En retournant je vois l'empereur étendu par terre. Un officier me dit: «Il est achevé!» J'avais peine à le croire ne voyant aucune trace de sang. Mais j'en fus bientôt convaincu par mes yeux. Le malheureux prince perdit donc la vie d'une manière qu'on n'aurait pu prévoir et certainement contre les intentions de ceux qui avaient formés ou secondé le plan de cette révolution, qui comme je l'ai déjà dit était devenue indispensable. On était au contraire convenu de le conduire d'abord à la forteresse, ou l'acte de résignation devait être présentée.

Rappelez—Vous ici, Général, que le vin n'avait pas été ménagé au souper que le général Talisin avait donné à ces mêmes officiers qui furent les auteurs de cette scène, qu'on ne peut malheureusement pas effacer de l'histoire russe pour la faire ignorer ou oublier à la postérité. Je dois y ajouter encore que le comte Pahlen en s'adressant à ces officiers leur dit entre autre: «Messieurs, où l'on fait des omelettes, on casse des oeufs». Je ne sais quelles ont été ses intentions par cette expression, mais ils peuvent bien donner une fausse interprétation à ces paroles.

J'expédiais sur le champ un officier chez le prince Souboff, pour le faire avertir de ce qui était arrivé. Il le trouva avec le grand-duc Alexandre, les deux frères Souboff et plusieurs officiers devant le front de la garde du château. Quand on annonça aux soldats, que l'empereur Paul était mort subitement d'apoplexie, on entendit des: «Vive Alexandre!» à haute voix.

Le nouveau souverain me fit appeler dans son cabinet, où je le trouvais avec les personnes qui l'avaient entourés depuis notre entrée dans le château. Il daigna me confier le commandement des troupes qu'on avait fait arriver pour maintenir l'ordre dans le château de St. Michel, et m'ordonna de veiller particulièrement à la sûreté de la famille impériale qui y restait encore; mais que lui même partirait pour le château d'hiver, ou il se rendit immédiatement après avec le grand duc Constantin.

Des ordres furent expédiés au sénat et aux autres tribunaux de se rassembler incessamment et d'arriver en corps à midi à la cour, pour y assister au Têdeum dans l'église impériale. Toutes les autres églises furent ouvertes pour la même cérémonie pour y recevoir le serment de fidélité au nouveau souverain, et où le monde accourut d'abord en foule.

La nouvelle de la mort de Paul se répandit comme une trainée de poudre pendant la nuit encore par toute la ville. Il est impossible, que celui qui n'a pas été témoin oculaire de cet événement, puisse

se faire une idée de la sensation et de la joie qui s'empara de l'esprit de tous les habitants de la résidence. Ils regardèrent ce jour comme celui de la délivrance de tous les malheurs dont ils avaient été accablés quatre ans passés. Chacun le sentit que ce temps affreux avait cessé pour faire place à un avenir heureux, qu'on se promettait sous le règne d'Alexandre I. Sitôt qu'il fit jour on voyait les rues remplies de monde. Des personnes connues et non connues s'embrassèrent en se rencontrant, pour se féliciter d'un bonheur si général et particulier à chaque individu.

Ce fut le comte Pahlen qui se chargea de faire informer l'impératrice de la mort de son époux. Quoiqu'elle avait souvent souffert de son caractère rude et de son emportement autant que de sa mauvaise humeur cette princesse avait été de tout temps très attachée à son époux, et elle avait passée les mauvais moments de sa vie comme les bons avec une patience angélique, on peut même dire, qu'elle a donné à la nation l'exemple d'une bonne épouse et mère, faisant dans toutes les occasions autant de bien que ses moyens, son pouvoir et son crédit lui permirent. J'ai été témoin de sa profonde douleur dans cette grande catastrophe, à la perte qu'elle faisait pour sa personne, à laquelle ses sages réflexions et son attachement à la nation savaient bientôt mettre des bornes.

Le comte Pahlen donc se rendit chez la grande gouvernante, comtesse de Lieven. Il la fit réveiller et lui annonça la mort de l'empereur pour qu'elle en informât l'impératrice. Celle-ci s'y prit avec les précautions que sa sagesse lui inspirait après l'avoir faite réveiller, et, lui dit que l'empereur étoit tombé subitement malade, et qu'on étoit très allarmé de son état. Sa majesté se leva aussitôt pour aller assister son époux. Elle trouva les portes par lesquelles elle étoit habituée de passer fermées. Elle parvint à la fin à une porte où elle trouva des sentinelles et des officiers qui refusèrent de la laisser passer. Elle employa menaces et bonnes paroles. Quand on lui dit, que des ordres étoient de ne pas la faire entrer dans les chambres de l'empereur, elle se rendit chez ses belles filles, les épouses des grands ducs Alexandre et Constantin. Quand on me le rapporta je fis fermer à clef les portes qui sortaient des appartements des grandes duchesses. Par le nombre de sentinelles et d'officiers, que l'impératrice avait rencontré partout dans le château elle soupçonna bien qu'il n'étoit pas question d'une simple maladie de l'empereur, et bientôt aussi on la mit au fait que son époux n'existait plus. Elle répandit quelques larmes, mais sans se porter à ce transport de douleur auquel les femmes se livrent facilement dans des occasions semblables.

Jusqu'ici cette princesse n'étoit pas instruite en faveur de qui cette révolution s'étoit opérée. Elle s'étoit informée à qui le commandement des troupes du château étoit confié. Quand on lui dit que c'étoit à moi, elle m'envoya mander chez elle. J'avois déjà fait prendre les ordres

de l'empereur Alexandre, qui me fit dire d'aller chez elle de lui conseiller et de la prier de sa part de quitter le palais de St. Michel et d'arriver au palais d'hiver, où elle apprendrait tout ce qu'elle pouvait désirer savoir. Je me rendis donc dans les appartements des grandes duchesses, ou sa majesté m'aperçut, elle me demanda, si c'était moi qui commandait ici? Sur ma réponse: Oui! elle demanda encore avec beaucoup de douceur et tranquillité d'âme: «Suis je donc arrêtée?»—Je répondis: Du tout, et comment serait il possible?—«Mais on ne me laisse pas sortir, et les portes sont fermées».—Réponse: «Votre majesté ne doit attribuer ceci qu'à quelques mesures de précaution pour la sûreté de sa personne et de la famille impériale qui se trouve ici; ou qu'il pourrait régner encore quelque désordre autour du château».—Demande: «Suis je donc en danger?» Réponse: «Tout est tranquille, Madame, et nous sommes tous ici pour veiller à la personne de Votre majesté!»—Ici je voulais profiter d'un moment de silence, pour m'acquitter des ordres que j'avais reçus. Je m'adressais donc à l'impératrice en disant: «L'empereur Alexandre m'a chargé»—Ici sa majesté m'interrompit avec les paroles suivantes: «Empereur! empereur! Alexandre! Mais qui l'a nommé empereur?»—Réponse: «La voix de la nation!»—«Ah je ne le reconnâtrai pas—puis baissant la voix—avant qu'il m'ait rendu compte de sa conduite».—Puis s'approchant de moi sa majesté me prit par le bras, et me faisant avancer vers la porte elle me dit d'une voix forte: «Faites ouvrir les portes! je veux voir le corps de mon époux!»—en ajoutant: «je veux voir, comment Vous me désobeirez!»

Je l'exhortais inutilement à la modération en lui parlant de ses devoirs envers la nation qui devaient l'engager à calmer sa douleur, d'autant plus, qu'après un événement pareil on ne saurait éviter assez tout éclat. Que jusqu'ici tout était tranquille, tant dans le château autant que dans la ville; qu'on espérait que cet ordre serait maintenu, et que j'étais persuadé, que sa majesté désirait pouvoir y contribuer elle même. Je craignais que si l'impératrice sortait, ses cris ne fassent effet sur l'esprit du soldat, qui comme je l'ai déjà dit, était très attaché à feu l'empereur. Sur ces représentations je ne reçus d'autre réponse qu'un signe de menace du doigt, avec ces paroles, prononcés un peu bas:» «Oh je vous en ferai repentir!» Le sens de ces paroles ne m'échappa point. Un moment de silence et peut-être de réflexion produisirent quelques larmes. J'espérais pouvoir profiter de ce moment d'attendrissement. Je pris la parole pour l'exhorter à la modération et pour l'engager de quitter le palais St. Michel et de se rendre au palais d'hiver.—Ici la jeune impératrice appuya ce conseil avec cette amabilité et cette douceur, qui caractérise si bien cette princesse chérie de tous ceux qui ont le bonheur de la connaître et adorée de la nation entière. L'impératrice-mère n'approuva pas cette démarche, et en se tournant vers sa belle-fille, elle lui répondit d'un ton assez

sévère: «Que me dites vous!—ce n'est pas à moi à obeir—allez—obeissez si vous voulez!»

Cette mauvaise humeur augmenta de moment en moment. Elle me déclara, qu'elle ne sortirait pas du palais sans avoir vû le corps de son époux. Je fit partir secrètement un officier chez le nouveau souverain pour demander ses ordres à cet égard. Il me fit répondre, si cela pourrait se faire sans éclat, que je devais l'accompagner dans la chambre ou le corps de feu l'empereur étoit exposé.

J'avais fait inviter en attendant le comte de Pahlen d'arriver un moment au palais, vu qu'il avait le bonheur d'être plus connu de l'impératrice que moi. Aussi ne tardâ-t-il pas à venir. Au moment qu'elle l'aperçut elle lui demanda: «Qu'est-il arrivé ici?» Le comte lui dit avec son grand sang-froid: «Ce qu'on pouvait prévoir depuis longtemps». Demande: «Mais qui sont les auteurs de cette action?» Réponse: «Beaucoup de personnes de différentes classes.—Demande: «Mais comment cela a-t-il pu s'opérer sans vous, étant gouverneur militaire?» Réponse: «J'en ai été parfaitement instruit, et je m'y suis prêté comme les autres, pour éviter de plus grands malheurs, qui auraient pu mettre toute la famille impériale en danger». Il ajouta quelques bons conseils, sur quoi il se retira.

Tout cela ne pouvait calmer l'humeur de cette princesse. Elle me prit à différentes reprises par le bras pour me mener à la porte en disant: «Je Vous ordonne de me faire sortir!»—Je répondis toujours avec le plus grand respect, mais avec fermeté, qu'il n'était pas en mon pouvoir de lui obeir autant que je la verrais si agitée, et que ce n'était que sous une condition que je pouvais me conformer à sa volonté». «Et quelle est cette condition?»—demanda-t-elle. «Que votre majesté daigne se calmer!»—Ces paroles m'attirèrent une nouvelle disgrâce. Sa majesté dit: «Ce n'est pas à vous me dicter des conditions! C'est à vous à m'obeir! et d'abord faites ouvrir les portes!»

Mon devoir me dicta de lui parler encore de ses devoirs envers la nation et de l'exhorter d'éviter le moindre éclat qui pourrait avoir des suites fâcheuses et même dangereuses.—Ce discours fit un bon effet. Je suppose qu'elle sentit que la révolution ne souffrit plus de changement. Après un moment de silence et de réflexion sa majesté baissa la voix et me dit: «Eh bien—je vous promets de ne parler à personne». Dès ce moment cette princesse reprit sa douceur naturelle, qu'elle ne quitta plus et qui la rend si aimable. Je fis ouvrir les portes. Sa majesté me demanda le bras pour monter les escaliers disant: «Je veux premièrement voir mes enfans». Arrivée dans ses appartements les deux grandes-duchesses Cathérine et Marie; Anne s'y trouvaient déjà avec la comtesse Lieven. Cette scène fut vraiment la plus attendrissante à laquelle je me suis trouvé. Ces deux princesses embrassant leur mère versèrent des larmes que la perte de leur père leur fit répandre, et elles ne se détachèrent qu'avec beaucoup de peine de

leur mère. Sa majesté resta encore assise quelque temps dans cet appartement, puis se levant, elle me dit: «Allons! menez-moi!».

Nous n'avions que deux chambres à passer pour arriver dans celle où le corps de feu l'empereur était exposé. Mr. Roggerson et moi nous nous trouvâmes à côté de sa majesté, suivie des deux grandes-duchesses, la comtesse Lieven, deux femmes de chambre et un valet chambre. Dans la dernière chambre sa majesté s'assit un moment, puis se relevant nous entrâmes dans celle de feu l'empereur exposé sur son lit dans l'uniforme de son régiment des gardes. Un paravant couvrait encore son lit du côté de la porte par laquelle nous étions entrés. Sa majesté prononça à différentes reprises en allemand: «Dieu! soutenez moi!»—Quand à la fin l'impératrice aperçut le corps de son époux, elle poussa un haut cri. Mr. Roggerson et moi la soutîmes sous les bras. Un moment après elle continua de s'approcher. Elle se mit à genoux lui baisant la main et prononçant ces paroles: «Ah, mon ami!»—après quoi toujours à genoux, elle demanda des ciseaux. Une femme de chambre lui en remit, sur quoi elle coupa quelques cheveux de la tête de l'empereur. Puis se levant elle dit aux grandes duchesses: «Rendez les derniers honneurs à votre père.» Elles se mirent à genoux pour lui baiser la main. La manière dont ces deux princesses s'y prirent, la vraie douleur peinte sur leurs visages, nous attendrit tous sensiblement. L'impératrice qui avait déjà fait quelques pas pour se retirer, voyant encore les princesses à genoux, retourna disant: «Non, je veux être la dernière». Elle se mit encore à genoux pour baiser la main de feu son époux. Mr. Roggerson et moi la priâmes de ne pas prolonger cette triste scène, qui pourrait altérer sa santé si précieuse et nécessaire à la famille impériale. Nous la primes sous le bras pour l'aider à se relever, sur quoi nous retournâmes dans les appartements de l'impératrice. Sa majesté se retira dans un cabinet où elle mit le grand deuil et reparût bientôt après. L'écuyer Mr. de Mouchanoff avait déjà annoncé que les équipages, destinées à mener l'impératrice avec les grandes duchesses au palais d'hiver, se trouvaient déjà à la porte du château. Il me pria d'en rappeler sa majesté. Nous désirâmes qu'elle quitta le palais de St. Michel avant le jour. L'impératrice le remit d'un moment à l'autre jusqu'au grand jour. Alors elle me demanda le bras pour descendre les escaliers et (pour) la mener à la voiture. On peut se représenter la foule de monde qui s'était rassemblé sur le chemin jusqu'au palais d'hiver. Sa majesté avait baissé les glaces de la voiture. Elle salua ce monde rassemblé sur le chemin. De cette manière elle arriva au palais pour y rester.

Le plus grand ordre a été conservé du commencement jusqu'à la fin de cette remarquable scène.

Comment aussi pourrait-il être interrompu dans la joie que chaque individu ressentit de se voir délivré de l'esclavage?

Voyez, Général, que je n'ai pas à rougir de la part, que j'ai à cette

catastrophe! Je n'en ai pas formé le plan. Je ne suis pas même de ceux qui en ont gardé le secret, car vous avez vu, que je n'en ai été instruit qu'au moment de l'exécution, et lorsque tout était arrangé et arrêté. Je n'ai pas de part non plus à la triste fin de ce prince. Je ne me serais certainement pas prêté d'entrer dans la chambre si j'avais su qu'il y avait un parti qui en voulait à ses jours.

Je vous ai détaillé, Général, la nécessité absolue d'un changement de gouvernement. Aussi jamais la mort d'un souverain a répandue une joie si générale dans toute une nation, comparable à celle que le trépas de Paul a produit; et jamais un souverain n'a obtenu des acclamations si générales que l'avènement au trône d'Alexandre I a produits, du règne duquel la nation se promet le plus grand bonheur.

(Signé) Bennigsen.

1) Къ цареубійству 11 марта 1801 года.

(Письмо генерала Л. Л. Беннигсена).

Мартъ 1801 г., С.-Петербургъ.

Я былъ увѣренъ, генераль, что вы съ нетерпѣніемъ ждете отъ меня точнаго описанія великихъ событій, происшедшихъ въ Петербургѣ 12 (24) числа этого мѣсяца; я не сомнѣвался, кромѣ того, что вы не безъ интереса услышали мое имя при разсказѣ объ этихъ событіяхъ въ виду того участія, которое приписывали мнѣ въ нихъ по слухамъ и которое набрасываетъ на меня тѣнь и противорѣчить въ значительной степени моимъ принципамъ и чувству чести, всегда руководившему мною въ моихъ дѣйствіяхъ. Поэтому я представляю вамъ самыя точныя данныя о происшедшей здѣсь революціи, которая прекратила жизнь императора Павла и возвела на русскій тронъ великаго князя Александра къ необычайному восторгу населенія Петербурга, Москвы и, быть можетъ, всей имперіи. Восторгъ этотъ былъ безграниченъ, когда новый государь въ своемъ манифестѣ далъ обѣщаніе управлять государствомъ по духу безсмертной Екатерины.

Павель I одаренъ былъ отъ природы умомъ и чувствительнымъ сердцемъ. Можно было бы поэтому надѣяться, что тщательное воспитаніе подъ надзоромъ Екатерины II сдѣлаетъ великаго князя достойнымъ занять современемъ престолъ перваго государства въ мірѣ, предназначенный ему по праву рожденія, и способнымъ сдѣлать счастливымъ народъ, которымъ онъ призванъ былъ управлять. Но вскорѣ замѣтили, что эти достоинства омрачаются дурными свойствами его характера и парализуются ими; онъ утрачивалъ при этомъ даже способность здраваго сужденія.

«Истор. вѣстн.», МАЙ—ЮНЬ 1917 г., т. XLVIII.

16

Сердце Павла, отъ природы чувствительное, легко заставляло его проливать слезы, но въ слѣдующій же моментъ, поддаваясь припадку гнѣва, онъ способенъ былъ изрекать несчастіе тѣмъ самымъ людямъ и даже цѣлымъ семействамъ, участію которыхъ онъ интересовался минутой ранѣе. Онъ былъ подозрителенъ и жестокъ до крайней степени; достаточно было ему услышать отъ кого-либо: «такой-то опасенъ для васъ», чтобы онъ отправилъ заподозрѣннаго въ ссылку со всеѣми ближайшими его родственниками. Онъ подозрѣвалъ даже Екатерину II въ зломъ умыслѣ на свою особу. Онъ платилъ шпионамъ, съ цѣлью знать, что говорили и думали о немъ, и чтобы проникнуть въ намѣренія своей матери относительно себя. Трудно повѣрить слѣдующему факту, который однако дѣйствительно имѣлъ мѣсто. Однажды онъ жаловался на боль въ горлѣ. Екатерина II сказала ему на это: «я пришлю вамъ своего медика, который хорошо меня лѣчилъ». Павелъ, боявшійся отравы, не могъ скрыть своего смущенія, услышавъ имя медика своей матери. Императрица, замѣтивъ это, успокоила сына, завѣривъ его, что лѣкарство—самое безвредное и что онъ самъ рѣшить, принимать его или нѣтъ. Когда императрица проживала въ Царскомъ Селѣ въ теченіе лѣтняго сезона, Павелъ обыкновенно жилъ въ Гатчинѣ, гдѣ у него находился большой отрядъ войска. Онъ окружалъ себя стражей и пикетами; патрули постоянно охраняли дорогу въ Царское Село, особенно ночью, чтобы воспрепятствовать какому-либо неожиданному предпріятію. Онъ даже заранѣе опредѣлялъ маршрутъ, по которому онъ удалился бы съ войсками своими въ случаѣ необходимости; дороги по этому маршруту, по его приказанію, заранѣе были изучены довѣренными офицерами. Маршрутъ этотъ велъ въ землю уральскихъ казаковъ, откуда появился извѣстный бунтовщикъ Пугачевъ, который въ 1772 и 1773 гг. сумѣлъ составить себѣ значительную партію, сначала среди самихъ казаковъ, увѣривъ ихъ, что онъ былъ Петръ III, убѣжавшій изъ тюрьмы, гдѣ его держали, ложно объявивъ о его смерти. Павелъ очень разсчитывалъ на добрый пріемъ и преданность этихъ казаковъ. Его матери извѣстны были его безразсудные поступки, но она только смѣялась надъ нимъ и оказывала имъ такъ мало вниманія, что держала въ Царскомъ Селѣ для охраны дворца и порядка въ городѣ лишь небольшой гарнизонъ, не превышавшій двадцати человекъ—казаковъ. Первое мщеніе Павла было направлено противъ праха его матери—недостойнымъ его погребеніемъ¹⁾, которое возмутило всеѣхъ русскихъ, погруженныхъ въ глубокую горестъ о неизмѣримой потерѣ государыни

¹⁾ Беннигсенъ говоритъ здѣсь объ одновременномъ погребеніи Екатерины II и Петра III, для чего Павелъ приказалъ вырыть гробъ Петра III въ Александровской лаврѣ.

послѣ царствованія блестящаго, кроткаго и справедливаго. Могъ ли народъ когда-либо забыть, что именно Петръ I и безсмертная Екатерина положили основаніе величію, которымъ Россія пользуется и будетъ еще пользоваться?

Недовѣрчивый характеръ Павла заставилъ его также со времени восшествія его на престолъ уволить или исключить изъ службы, придворной, военной и гражданской, всѣхъ тѣхъ, кто привязанъ былъ къ Екатеринѣ II. Число этихъ лицъ въ теченіе четырехъ лѣтъ и четырехъ мѣсяцевъ времени царствованія Павла простиралось до нѣсколькихъ тысячъ, а это вызывало отчаяніе огромнаго количества семействъ, лишившихся средствъ къ существованію и даже убѣжища, такъ какъ никто не осмѣливался принимать у себя высланнаго изъ боязни навлечь и на себя подозрѣніе. Но всего болѣе приводило всѣхъ въ трепетъ то, что никто, даже при полной невинности, не могъ рассчитывать на покровительство законовъ, такъ какъ дѣйствіе ихъ было пріостанавливаемо личными рѣшеніями государя, объявлявшимися либо безъ всякаго судебного разбирательства, либо въ видѣ указовъ судамъ о приговорѣ, которые они должны постановить. Для доказательства приведу нѣсколько примѣровъ.

Состоялось запрещеніе нѣкоторыхъ книгъ, чтеніе которыхъ до того времени не считалось предосудительнымъ. Пасторъ Зейдеръ въ Ливоніи имѣлъ нѣсколько такихъ книгъ въ своей маленькой библіотекѣ и думалъ дать доказательство своего уваженія къ закону, отославъ ихъ къ органамъ правительства въ Ригу. Но чиновники въ своемъ рапортѣ императору придали поступку Зейдера характеръ преступленія. Приказано было отправить пастора съ фельдгегеремъ въ Петербургъ. Здѣсь этотъ несчастный былъ посаженъ въ тюрьму. Юстицъ-коллегіи данъ былъ указъ изслѣдовать преступленіе пастора, судить его и наказать кнутомъ. Судьи, прочтя указъ, переглянулись между собою, а президентъ суда сказалъ: «Что же, о разслѣдованіи думать нечего, постановимъ рѣшеніе, которое намъ уже предписано». Спустя нѣсколько дней, несчастный пасторъ былъ наказанъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь, гдѣ онъ оставался до восшествія на престолъ Александра.

Императоръ Павелъ былъ того мнѣнія, что вовсе не дѣло суда, военнаго или гражданскаго, входить въ разсмотрѣніе виновности лица, котораго онъ приказывалъ судить. Часто онъ повелѣвалъ суду изслѣдовать вину обвиняемаго и наказать его, что вынуждало судей приговаривать къ наказаніямъ людей самыхъ невинныхъ. Одинъ маіоръ допустилъ служебную ошибку. Его рапортъ объ этомъ попалъ къ императору въ минуту раздраженія. Приказано было арестовать маіора и доставить его съ фельдгегеремъ въ Петербургъ, гдѣ повелѣно было судить его въ военной коллегіи.

Судъ не нашель ничего важнаго въ обвиненіяхъ, предъявленныхъ этому офицеру, не нашель и злого умысла въ допущенной имъ ошибкѣ; однако, зная взгляды Павла въ этомъ отношеніи, приговорилъ маіора къ вѣчной ссылкѣ въ Сибирь. Когда этотъ приговоръ представленъ былъ императору на утверженіе, замѣтили на его лицѣ выраженіе неудовольствія, которое онъ, впрочемъ, ничѣмъ не проявилъ, согласившись съ приговоромъ. Но въ то же время онъ послалъ секретный приказъ коменданту крѣпости, куда отправленъ былъ несчастный, съ приказомъ наказать этого ссыльнаго кнудомъ тотчасъ по его прибытіи.

Павель приказалъ однажды изслѣдовать новеденіе одного обвиненнаго и наказать его. Судъ же получилъ приказъ наказать его кнудомъ, сослать, а затѣмъ лишь имѣть сужденіе о его винѣ!

Отмѣна смертной казни въ Россіи произошла еще въ царствованіе императрицы Елисаветы. При Екатеринѣ казнены были только Швановичъ, бывший виновникомъ смерти несчастнаго принца Ивана ¹⁾, и бунтовщикъ Пугачевъ: обоимъ были отрублены головы. Павель ожидалъ благопріятнаго лишь случая, чтобы вновь ввести смертную казнь и располагать такимъ образомъ жизнію своихъ подданныхъ. Два донскихъ казачьихъ офицера подали къ тому поводъ. Они дурно отзывались объ императорѣ, вслѣдствіе чего были арестованы и преданы суду военной коллегіи. Президентъ и члены коллегіи, чтобы угодить своему государю, приговорили обвиняемыхъ къ отсѣченію головы, въ убѣжденіи, что императоръ окажетъ милость, уменьшивъ степень наказанія. Но они ошиблись. Чрезвычайно довольный представившимся случаемъ пріучить народъ къ смертной казни, Павель утвердилъ приговоръ съ помѣткой исполнить его немедленно, и эти несчастные офицеры, вина которыхъ заслуживала бы, самое большое, ареста на нѣкоторое время, погибли на эшафотѣ ²⁾. Эта жестокость произвела ужасное впечатлѣніе на всѣхъ русскихъ людей, которые послѣ столькихъ повторявшихся случаевъ произвола и жестокости должны были постоянно бояться раздражительности и капризовъ государя, пріостанавливавшего дѣйствіе законовъ и дѣлавшаго изъ нихъ игрушку. Вмѣшиваясь въ дѣла, императоръ часто неумѣлъ отличить невиннаго отъ виновныхъ.

Павель привыкъ прогуливаться по улицамъ С.-Петербурга отъ двухъ до трехъ часовъ пополудни, совершая эти прогулки въ каретѣ, въ саняхъ или верхомъ. Рѣдко онъ возвращался домой, не заставивъ кого-либо пострадать. Съ давняго времени въ Россіи

¹⁾ Очевидно, рѣчь идетъ здѣсь о Мировичѣ. Беннигсенъ смѣшиваетъ его со Швауичемъ, пособникомъ Пугачева.

²⁾ Беннигсенъ рассказываетъ дѣло братьевъ Грузиновыхъ, хотя съ большими неточностями.

установлено было правило, въ силу котораго частныя лица, встрѣтивъ придворную карету, въ которой слѣдовали государь или государыня, его супруга, должны были останавливаться и выходить изъ экипажа, кака бы то ни была погода. Почившая императрица Екатерина II никогда этого не допускала, но Павелъ требовалъ съ непреклонною строгостію исполненія этого правила и часто приказывалъ отправлять въ полицію особъ обоого пола, которые не успѣвали съ достаточною скоростію выйти изъ своихъ экипажей; или кучера ихъ бывали высѣчены въ полиціи, за то, что не успѣвали тотчасъ же замѣтить императорскую карету. Та же участь постигала военныхъ и гражданскихъ лицъ, если они оказывались одѣты не согласно правиламъ. Если эти лица имѣли несчастіе встрѣтиться съ Павломъ, то ихъ арестовывали и отправляли въ полицію или въ крѣпость. Запрещены были особенно круглыя шляпы, которыя онъ не выносилъ и употребленіе которыхъ воспрещено было съ перваго же дня вступленія его на престолъ. Можно представить себѣ, сколько лицъ было въ этотъ моментъ въ Петербургѣ, у которыхъ только и была одна круглая шляпа. Такимъ образомъ полицейскія тюрьмы часто бывали переполнены. Этотъ образъ дѣйствій навелъ на жителей Петербурга ужасъ, который привелъ къ тому, что въ извѣстный часъ всѣ петербургскія улицы были пусты. Никто не выходилъ изъ дому иначе, какъ по самымъ неотложнымъ дѣламъ, вынуждавшимъ кого-либо проходить по улицамъ, по которымъ Павелъ обыкновенно слѣдовалъ, а это очень волновало полицейскихъ, которые подвергались упрекамъ императора за то, что именно они, будто-бы, прогоняли народъ съ улицъ предъ его проѣздомъ.

Послѣ кроткаго и правосуднаго царствованія Екатерины II можно себѣ представить, какое впечатлѣніе на общественное мнѣніе должна была производить эта суровая система дѣйствій, особенно въ Петербургѣ, гдѣ ежедневно случалось, что невинный такъ же, какъ и виновный, терялъ свободу, благосостояніе и честь.

Другія отрасли управленія находились въ такомъ же положеніи, какъ и юстиція. Огромныя издержки разнаго рода, предъ которыми не останавливался императоръ, такъ разстроили финансы, что министръ принужденъ былъ прибѣгнуть къ самымъ вреднымъ мѣрамъ; трогать и смѣшивать безъ строгаго соответствія суммы различныхъ департаментовъ и обращать ихъ въ кассы, гдѣ они болѣе всего требовались, какъ, на примѣръ, для потребностей военнаго каммисаріата и двора, гдѣ расходы увеличивались со дня на день въ огромномъ количествѣ. Усиленный выпускъ ассигнацій былъ особенно вредной и опасной мѣрой, потому что цѣнность ихъ значительно понизилась къ невыгодѣ не только казны, но и каждаго частнаго лица, въ особенности жившаго жалованьемъ. Въ концѣ концовъ финансы имперіи были совершенно подорваны;

ассигнацій съ начала царствованія Павла было выпущено на нѣсколько милліоновъ; долговъ было сдѣлано столько же, такъ что въ моментъ смерти Павла, которая случилась въ мартѣ, не только государственныя кассы пусты были, но уже были истрачены всѣ суммы, ассигнованныя на весь годъ.

Военная часть въ царствованіе Павла въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ улучшилась. Тяжкія и вредныя злоупотребленія по этой части въ особенности укоренились при Екатеринѣ II. Павелъ имѣлъ время и случай узнать это. Еще въ ранней молодости онъ получилъ отъ императрицы кирасирскій полкъ, который носилъ его имя. По возвращеніи изъ путешествія въ Берлинъ въ 1776 г. онъ просилъ мать дать ему нѣсколько батальоновъ и эскадроновъ разнаго рода оружія, чтобы помѣстить ихъ въ Гатчинѣ, его лѣтнемъ мѣстопробываніи. Императрица согласилась на это, довольная, что онъ займется какимъ либо дѣломъ. Такимъ образомъ онъ сталъ обучать это маленькое войско, совершенно на прусскій ладъ, и затвердилъ при этомъ воинскій уставъ, введенный королемъ Фридрихомъ-Вильгельмъ I. Будучи еще въ Берлинѣ, онъ обмундировалъ одного изъ своихъ кирасировъ, чтобы онъ служилъ образцомъ для своего полка; въ концѣ концовъ обмундированіе, выправка, обученіе, дисциплина и прусскій уставъ были усвоены въ Гатчинѣ самымъ точнымъ образомъ. Впослѣдствіи замѣтили, что онъ самъ лично желалъ подражать Фридриху II въ его привычкахъ и одѣяніи.

Въ политическихъ своихъ мнѣніяхъ, — области, въ которой онъ не былъ достаточно подготовленъ, — у Павла мы видимъ только ошибки и подражаніе. Мы видимъ его сначала союзникомъ Австріи, Англіи и Пруссіи, ведущимъ съ крайнимъ озлобленіемъ и упорствомъ войну съ революціонной Франціей; въ то же время онъ далъ убѣжище въ своемъ государствѣ Людовику XVIII и его семейству — въ лойяльной и любезной формѣ. Но вскорѣ затѣмъ, поссорившись, безъ смысла и толка съ своими союзниками, онъ вступаетъ въ союзъ съ Наполеономъ и, чтобы ему угодить, прогоняетъ Людика XVIII со всѣмъ его семействомъ и свитой за предѣлы Россіи и замышляетъ въ то же время войны, о чемъ, впрочемъ, забываетъ чуть ли не на другой день; тогда же поставлены были кордоны по берегамъ Балтійскаго моря противъ англійскихъ десантовъ, которыхъ онъ боялся, тогда какъ англичане о нихъ и не думали. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ на картѣ уже совершалъ завоеваніе Восточной Пруссіи. Я видѣлъ одну изъ картъ, на которой онъ самъ отмѣтилъ маршрутъ трехъ колоннъ въ Восточной Пруссіи, достаточно разъединенныхъ между собою, съ помощью которыхъ онъ рассчитывалъ сдѣлаться повелителемъ этой провинціи.

Вспомните, генераль, объявленіе войны, сдѣланное имъ королю испанскому, который по справедливости въ своемъ отвѣт-

юмъ манифестъ старался показать смѣшную его сторону, потому что противники не могли бы сойтись ни на сушѣ, ни также точно и на морѣ. Въ своихъ сумасбродныхъ планахъ Павелъ предназначалъ уже испанскій тронъ одному испанцу, Кагель де-ла Серда, который въ молодости вступилъ младшимъ офицеромъ на русскую службу и женился на нѣмкѣ, съ которой познакомился въ Сибири; въ это время онъ былъ уже въ отставкѣ и жилъ среди многочисленнаго своего семейства. Онъ былъ пораженъ, когда ему объявили, какія намѣренія имѣеть императоръ относительно него. Чтобы помочь ему и не заставить его вступать на испанскій тронъ въ нищенскомъ положеніи, Павелъ пожаловалъ ему на Украинѣ прекрасное имѣніе съ тысячею душъ. Изъ приказа даннаго фельдмаршалу князю Суворову (приказъ этотъ вы увидите въ концѣ этого письма ¹⁾), вы поймете, какого мнѣнія былъ Павелъ о своемъ могуществѣ. Часто слышали, какъ онъ говорилъ: «Мнѣ можно извинить, если у меня есть кое-какіе капризы относительно Европы».

Однажды онъ послалъ повелѣнія во все военныя учрежденія, чтобы непремѣнно и безъ потери времени образованы были двѣ огромныхъ арміи съ сильнымъ резервомъ: одна на вѣдшихъ границахъ Литвы, а другая—въ Бѣлоруссіи. Военная коллегія просила тогда императора о выдачѣ ей семи милліоновъ ассигнаціонныхъ рублей для устройства магазиновъ, необходимыхъ для этихъ армій, но такъ какъ министръ финансовъ не имѣлъ никакихъ суммъ въ своемъ распоряженіи на этотъ предметъ, то коллегія не получила никакого отвѣта, и сборъ войскъ не могъ состояться.

Вы видите, генералъ, что такое положеніе дѣлъ, разстройство всехъ частей управленія, всеобщее недовольство не только населенія Петербурга, Москвы и другихъ большихъ городовъ имперіи, но и всего народа,—не могли долго продолжаться и что должно было рано или поздно предвидѣть паденіе имперіи.

Опасенія, столь хорошо обоснованныя, вызвали наконецъ всеобщее народное желаніе, чтобы перемѣна правленія предотвратила несчастія, угрожавшія имперіи. Люди, извѣстные въ обществѣ по своему уму и любви къ отечеству, составили для этой цѣли планъ. Его приписываютъ графу Панину, занимавшему мѣсто вице-канцлера, и генералу де Рибасу, служившему въ адмиралтействъ-коллегіи. На кого они должны были устремить свои взоры, какъ не на природнаго наследника престола? Этотъ великій князь былъ воспитанъ своею бабушкою, безсмертною Екатериной II, которой Россія обязана исполненіемъ обширныхъ проектовъ Петра Великаго и которая пользовалась почитаніемъ за границей. На-

---

¹⁾ Этого приказа нѣтъ въ печатаемой нами копіи съ письма генералъ Беннгисена.

родъ любилъ его за его прекрасныя качества, развѣвшіяся еще въ молодости, и въ это время видѣлъ въ немъ единственнаго человѣка, могшаго спасти страну отъ паденія въ бездну, куда дальнѣйшее управленіе Павла должно было привести ее мало-по-малу.

Графъ Панинъ обратился къ великому князю. Онъ указалъ на всѣ несчастія, которыя навлекло бы на имперію дальнѣйшее существованіе этого управленія; сказалъ, что только на великаго князя народъ возлагаетъ свои надежды и что только великій князь можетъ предотвратить губительныя послѣдствія; онъ обѣщалъ обезпечить личную неприкосновенность императора Павла и предлагалъ великому князю отъ имени народа принять бразды правленія. Графъ Панинъ и генералъ Рибасъ ранѣе всѣхъ выработали планъ перемѣны правленія. Рибасъ умеръ прежде, чѣмъ планъ былъ исполненъ на дѣлѣ, но Панинъ не потерялъ надежды спасти государство. Онъ сообщилъ свои мысли военному губернатору, графу Палену. Они снова говорили съ великимъ княземъ Александромъ и добивались его согласія на переворотъ, который, вслѣдствіе всеобщаго недовольства, могъ произойти неожиданно и повлечь за собою непредвидѣнныя послѣдствія. Александръ сначала отвергъ эти предложенія, несогласныя съ его сердечными чувствами. Въ концѣ концовъ, поддаваясь убѣжденіямъ, онъ обѣщалъ тщательно обсудить дѣло такой высокой важности, которое касалось и его сыновнихъ обязанностей, и обязанностей, налагавшихся на него по рожденію въ отношеніи къ народу. Во время этихъ переговоровъ графъ Панинъ впалъ въ немилость императора, потерялъ мѣсто вице-канцлера, и Павелъ сослалъ его въ одно изъ его имѣній близъ Москвы, гдѣ, впрочемъ, онъ не оставался бездѣятельнымъ. Онъ сообщилъ графу Палену все, что онъ могъ узнать о настроеніи и недовольствѣ народа въ столицѣ, которую можно было разсматривать, какъ выразительницу мнѣнія всей имперіи. Онъ совѣтовалъ поспѣшить дѣломъ, чтобы избѣжать опасныхъ послѣдствій отчаянія и нетерпѣнія общества освободиться поскорѣе отъ этого жестокаго управленія. Дальнѣйшее существованіе этого управленія было бы тѣмъ болѣе губительно, что не было недостатка въ презрѣнныхъ и своекорыстныхъ людяхъ, которыми могутъ воспользоваться, какъ шпионами, въ городахъ и ввести ихъ въ общество для развѣдыванія о ходившихъ въ народѣ слухахъ, и одного донесенія ихъ было бы достаточно, чтобы сдѣлать несчастными огромное число лицъ и даже цѣлыхъ семействъ. Нельзя не вспомнить съ отвращеніемъ, что среди этихъ презрѣнныхъ рабовъ, которые исполняли обязанности шпионовъ въ городахъ имперіи, находились лица, принадлежавшія ко всѣмъ классамъ общества, даже изъ извѣстныхъ и уважаемыхъ фамилій.

Павель былъ суевѣренъ. Онъ склоненъ былъ вѣрить предсказаніямъ. Между прочимъ, ему было предсказано, что, по истеченіи первыхъ четырехъ лѣтъ его царствованія, ему нечего будетъ бояться и что остальная часть его жизни протечетъ въ славѣ и благополучіи. Онъ такъ глубоко вѣрилъ этому предсказанію, что когда четырехлѣтній срокъ истекъ, то онъ издалъ указъ, въ которомъ благодарилъ своихъ подданныхъ за оказанную ему вѣрность и въ доказательство своей благодарности объявилъ свое прощеніе всѣмъ исключеннымъ или уволеннымъ отъ службы, а также посланнымъ въ ихъ деревни, приглашая ихъ явиться въ Петербургъ, чтобы снова опредѣлиться на службу. Можно себѣ представить, какъ велико было число несчастныхъ, явившихся въ столицу по этому зову! Прибывшіе первыми приняты были на службу безъ всякаго разбора; вскорѣ число прибывшихъ увеличилось на столько, что не знали, что съ ними дѣлать. Ихъ должны были отослать обратно. Въ странѣ явился новый поводъ къ неудовольствію, когда увидѣли, что возвратилась обратно наибольшая часть несчастныхъ, которые изъ внутреннихъ губерній шла въ Петербургъ въ большинствѣ случаевъ пѣшкомъ и возвратилась также безъ всякихъ средствъ къ жизни. До этого времени большая часть лицъ, можно сказать, огромное большинство народа, переживали эту желѣзную эпоху терпѣливо и спокойно и въ надеждѣ на болѣе счастливое будущее, потому что каждый думалъ и надѣялся, что такое печальное положеніе не можетъ долго продолжаться. Одинъ ужасный поступокъ Павла былъ верхомъ его несправедливости и жестокости.

Двое молодыхъ людей, одинъ военный, другой статскій, оба изъ уважаемыхъ семействъ, поссорились между собою и дрались на шпагахъ изъ-за одной дамы, которая нравилась императору. Статскій былъ раненъ въ руку. Въ такомъ состояніи онъ явился къ матери, которой онъ былъ единственнымъ сыномъ. Можно представить себѣ ея отчаяніе! Павель чувствовалъ ревность къ этому молодому человѣку. Когда онъ узналъ о происшедшей дуэли, то онъ не могъ воздержаться отъ выраженія одобренія поведенію молодого военнаго, котораго онъ обласкалъ при первой встрѣчѣ. Но вскорѣ статскій и самъ испыталъ его гнѣвъ. Павель приказалъ арестовать его и посадить въ крѣпость. Полиція явилась къ раненому въ тотъ моментъ, когда хирурги сдѣлали первую перевязку, требуя, чтобы больной оставался въ постели въ спокойномъ положеніи во избѣжаніи потери крови, что, въ виду слабости организма, могло повлечь за собою смертельный исходъ для раненаго. Вообразите себѣ положеніе матери, которая плакала предъ полиціей и указывала ей на опасность, угрожавшую ея сыну, если бы его въ этомъ состояніи перевезли въ крѣпость! Но полицейскіе офицеры, не смѣя откладывать исполненія высочайшаго повелѣнія,

отправили ея сына въ крѣпость, перенеся его туда въ постели и со всевозможными предосторожностями. Когда императору доложили объ арестѣ молодого человѣка и состояніи, въ которомъ онъ былъ доставленъ въ крѣпость, онъ спросилъ: «А мать? Что она говоритъ?» Получивъ отвѣтъ, что она плакала и что ея положеніе внушаетъ состраданіе, онъ приказалъ тотчасъ же выслать ее изъ города, что полиція и поспѣшила исполнить. Прежде чѣмъ наступила ночь, эта почтенная, но несчастная женщина была вывезена за городскую заставу, гдѣ она прожила въ одномъ домѣ нѣсколько дней, чтобы имѣть возможность получать извѣстія о сынѣ, и лишь оттуда уѣхала къ родственнику въ болѣе отдаленное отъ столицы мѣсто ¹⁾. Къ этому варварскому поступку императора присоединились и другія, столь же жестокія его дѣйствія, рассказъ о которыхъ завелъ бы меня очень далеко, если бы я сталъ входить въ подробности. Я долженъ однако упомянуть о поступкахъ Павла по отношенію къ его собственному семейству, которые не были мягче, потому что было рѣшено подвергнуть заключенію лицъ, которыя были ближе всего къ нему и пользовались наибольшей любовью народа.

Убѣжденный въ томъ, что нельзя болѣе терять времени для спасенія государства и предвидя пагубныя послѣдствія всеобщаго возстанія, графъ Паленъ отправился къ великому князю Александру, прося у него позволенія исполнить предположенный планъ, который не терпѣлъ уже никакой отсрочки. Онъ прибавилъ, что послѣднія дѣйствія императора вызвали во всемъ петербургскомъ обществѣ, во всѣхъ классахъ его, такое страшное возбужденіе, что можно опасаться всего. Наконецъ рѣшено было овладѣть особой императора и отправить его въ такое мѣсто, гдѣ онъ долженъ былъ оставаться подъ приличнымъ наблюденіемъ и гдѣ не могъ бы причинить никакого зла. Вы увидите, генераль, что эта мѣра, бывшая неизбѣжною, приняла оборотъ, котораго никто не ожидалъ и не могъ предвидѣть.

Утромъ 11—23 марта я встрѣтилъ князя Зубова ѣдущимъ въ саняхъ на Невскомъ проспектѣ. Онъ остановилъ меня, сказавъ, что у него есть дѣло, о которомъ онъ хочетъ переговорить со мною на моей квартирѣ. Спустя минуту онъ прибавилъ, что было бы гораздо лучше, если бы насъ не видѣли вмѣстѣ, и пригласилъ меня къ себѣ ужинать. Я принялъ это предложеніе, совершенно не подозрѣвая, о чемъ идетъ рѣчь, тѣмъ болѣе, что на другой день я предполагалъ выѣхать изъ Петербурга въ литовское свое имѣніе. Послѣ полудни я отправился къ графу Палену, чтобы просить его, какъ военнаго губернатора, о выдачѣ мнѣ паспорта, необходимаго для моего путешествія. Онъ сказалъ мнѣ: «Да отложите свое путеше-

¹⁾ Беннигсенъ рассказываетъ дѣло А. И. Рибоьера.

стве! Мы еще послужимъ вмѣстѣ!». Онъ прибавилъ: «Князь Зубовъ скажетъ вамъ остальное». Давно связанный съ Паленомъ узами дружбы, я былъ удивленъ, что онъ ничего не говорилъ мнѣ о томъ, что должно было произойти, хотя ожидали со дня на день перемѣны правленія; признаюсь, однако, я не думалъ, что моментъ этотъ былъ такъ близокъ. Я оставилъ графа Палена, чтобы заѣхать отъ него къ генераль-прокурору Обольянинову проститься, а затѣмъ отправиться къ князю Зубову. Было уже почти десять часовъ печера, когда я къ нему явился. Я засталъ у него его брата, графа Николая Зубова, и трехъ лицъ, еще не посвященныхъ въ тайну, изъ которыхъ одно (Трощинскій) служило въ сенатѣ и должно было отвести туда приказъ о созывѣ сенаторовъ на засѣданіе, какъ только выяснится вопросъ объ особѣ императора. Графъ Паленъ озаботился приготовить необходимые указы, начинавшіеся словами: «по высочайшему повелѣнію»; по указамъ этимъ должны были быть арестованы въ первый моментъ нѣсколько лицъ.

Князь Зубовъ посвятилъ тогда меня въ рѣшенный планъ и прибавилъ, что перебороть долженъ совершиться въ полночь. Первымъ моимъ вопросомъ было: «Кто стоитъ во главѣ заговора?». Когда Зубовъ наименовалъ мнѣ это лицо, я не колебался принять участіе въ предпріятіи. Правда, что шагъ былъ опасный, но онъ былъ необходимъ, чтобы спасти народъ отъ пропасти, которой онъ не могъ избѣгнуть, если бы царствованіе Павла продолжалось. До какой степени это чувствовалось всѣми видно изъ того, что наканунѣ было принято въ заговоръ много участниковъ, и никто изъ нихъ не выдалъ секрета.

Когда наступила полночь, я съ княземъ Зубовымъ сѣлъ въ сани, чтобы заѣхать къ графу Палену. Мы нашли у его дверей полицейскаго офицера, который сказалъ намъ, что графъ отравился къ генералу Талызину, гдѣ онъ насъ ожидаетъ. У Талызина мы увидѣли комнату, наполненную офицерами, которые ужинали у генерала, не пренебрегая виномъ, и которые всѣ были посвящены въ заговоръ. Изъ всего этого общества всякій, желавшій достигнуть-блестящаго положенія, могъ, не будучи никѣмъ замѣченъ, ускользнуть изъ собранія и, проникнувъ въ Михайловскій замокъ, разрушить заговоръ. Узнали потомъ, что наканунѣ значительное число жителей города было освѣдомлено о томъ, что должно было произойти ночью, и однако никто не выдалъ тайны; что доказываетъ, насколько невыносимо было это правленіе, какъ желали его конца!

Было условлено, что генералъ Талызинъ соберетъ свой гвардейскій батальонъ на дворѣ дома, находящагося вблизи Лѣтняго сада, а генералъ Депрерадовичъ свой батальонъ, тоже гвардейскій, на Невскомъ проспектѣ, у Гостиного двора. Во главѣ послѣдней

колонны станутъ военный губернаторъ и генераль Уваровъ, а въ первой должны были быть князь Зубовъ, оба его брата, Николай и Валеріанъ, и я, въ сопровожденіи нѣкотораго числа офицеровъ, какъ гвардейскихъ, такъ и другихъ, находившихся въ Петербургѣ, которымъ можно было довѣриться. Графъ Паленъ съ своей колонной долженъ былъ занять парадную лѣстницу замка, тогда какъ мы съ остальными должны были пройти внутренними лѣстницами, чтобы арестовать императора въ его спальнѣ.

Путеводителемъ нашей колонны былъ адъютантъ полка императора, Аргамаковъ, который зналъ всѣ внутреннія лѣстницы и комнаты, чрезъ которыя намъ нужно было проходить, такъ какъ онъ ежедневно по нѣскольку разъ бывалъ тамъ, доставляя рапорты и принимая приказанія своего шефа и государя. Этотъ офицеръ провелъ насъ сначала чрезъ Лѣтній садъ, потомъ чрезъ мостикъ во входъ, прилежавшій къ этому саду, наконецъ на маленькую лѣстницу, по которой мы достигли небольшой кухни, которая прилежала къ передней спальни императора. Тамъ мы нашли камеръ-гусара, сидѣвшаго возлѣ печки, на которую склонилъ онъ свою голову и крѣпко спалъ. Изъ всей толпы офицеровъ, которыми мы были сначала окружены, осталось въ этотъ моментъ съ нами только четыре, и они, вмѣсто того, чтобы соблюдать тишину, набросились на слугу, а одинъ изъ нихъ даже нанесъ ему ударъ палкой по головѣ и тѣмъ заставилъ его кричать изо всѣхъ силъ. Всѣ остановились въ оцѣпенѣніи, чувствуя, что въ этотъ моментъ общая тревога распространилась по всѣмъ комнатамъ. Я поспѣшилъ войти, вмѣстѣ съ княземъ Зубовымъ, въ спальню, въ которой мы дѣйствительно нашли императора, разбуженнаго этимъ крикомъ, стоящимъ у своей кровати, за ширмой. Со шпагой въ рукѣ мы сказали ему: «Вы арестованы, государь». Онъ смотрѣлъ на насъ минуту, не произнося ни слова, потомъ повернулся въ сторону князя Зубова и сказалъ ему: «Что вы дѣлаете, Платонъ Александровичъ?» Въ этотъ моментъ вошелъ въ комнату одинъ изъ офицеровъ нашей свиты, сказавъ князю Зубову на ухо, что его присутствіе необходимо внизу, гдѣ боялись гвардіи; что въ ней, кромѣ поручика, никто не былъ освѣдомленъ о перемѣнѣ, которая должна была совершиться. Безспорно, что императоръ никогда не позволялъ себѣ несправедливостей по отношенію къ солдатамъ и что онъ привязывалъ ихъ къ себѣ посредствомъ водки и мяса, которыя онъ приказывалъ щедро раздавать петербургскому гарнизону при каждомъ случаѣ. Тѣмъ болѣе слѣдовало бояться этой гвардіи, что графъ Паленъ еще не явился со своей свитой и батальономъ занять парадную лѣстницу замка, которая открывала всякое сообщеніе между гвардіей и комнатами императора.

Князь Зубовъ оставилъ меня, и я остался на минуту одинъ съ императоромъ, который ограничился тѣмъ, что смотрѣлъ на меня,

не произнося ни одного слова. Мало-по-малу вошло нѣсколько офицеровъ изъ числа тѣхъ, которые слѣдовали за нами. Первыми явились подполковникъ князь Яшвиль, братъ артиллерійскаго генерала, носящаго ту же фамилію, маіоръ Татариновъ и нѣсколько другихъ офицеровъ. Я сказалъ имъ: «Оставайтесь, господа, возлѣ императора, который арестованъ. Не допускайте его выйти изъ комнаты». Я долженъ прибавить, что вслѣдствіе огромнаго количества офицеровъ разныхъ чиновъ, которые были уволены отъ службы, я не зналъ болѣе никого изъ тѣхъ, которыхъ я видѣлъ, и что они сами знали меня только по имени. Я вышелъ тогда, чтобы осмотрѣть двери, выходившія въ другія комнаты, изъ которыхъ одна между прочимъ заключала въ себѣ шпаги арестованныхъ офицеровъ. Въ эту минуту вошло въ комнату огромное количество офицеровъ. Я узналъ послѣ, что императоръ произнесъ по-русски еще нѣсколько словъ: «Арестованъ! Что это значитъ: арестованъ!» Одинъ изъ офицеровъ отвѣчалъ ему: «Уже четыре года, какъ слѣдовало съ тобой покончить!»—на что Павелъ возразилъ: «Что же я сдѣлалъ?» Вотъ единственныя слова, которыя онъ произнесъ.

Офицеры, число которыхъ еще болѣе увеличилось, такъ что комната была ими переполнена, схватили его и упали вмѣстѣ съ нимъ на опрокинувшіяся ширмы. Я думалъ, что онъ хотѣлъ пробраться между ними, чтобы пройти къ двери, и два раза повторилъ ему: «Оставайтесь спокойны, государь! Дѣло идетъ о вашей жизни!»

Въ этотъ моментъ я услышалъ, что офицеръ, по фамиліи Биби-ковъ, входилъ съ пикетомъ гвардейцевъ въ пріемную, чрезъ которую мы проходили. Я иду туда, чтобы объяснить ему его обязанность, на что потребовалось не болѣе нѣсколькихъ минутъ. Возвратившись я увидѣлъ императора распростертымъ на полу. Одинъ изъ офицеровъ говоритъ мнѣ: «Съ нимъ покончено!» Я едва повѣрилъ этому, не видя никакого слѣда крови, но вскорѣ убѣдился собственными глазами. Несчастный государь лишился жизни такимъ образомъ, что этого нельзя было предвидѣть, и это случилось навѣрно вопреки намѣренію руководителей этой революціи, которая, какъ я уже сказалъ, была неизбѣжна. Напротивъ того, рѣшено было сначала отправить его въ крѣпость и тамъ представить ему актъ отреченія.

Вспомните при этомъ, генералъ, что вино не было забыто на ужинѣ у генерала Талызина офицерами, бывшими дѣйствующими лицами при этой сценѣ, которой по несчастію нельзя изгладить со страницъ русской исторіи, чтобы она осталась неизвѣстной или забытой для потомства. Къ этому я долженъ еще прибавить, что графъ Паленъ обращаясь къ этимъ офицерамъ, сказалъ имъ: «Господа; гдѣ готовятъ яичницу, тамъ бьютъ яйца». Не знаю, что

онъ хотѣлъ выразить этими словами, но словамъ этимъ офицеры могли дать ложное толкованіе.

Я тотчасъ послалъ офицера къ князю Зубову, чтобы увѣдомить его о происшедшемъ. Онъ нашелъ его предъ фронтомъ гвардіи, охранявшей замокъ, вмѣстѣ съ великимъ княземъ Александромъ, двумя братьями Зубовыми и нѣсколькими офицерами. Когда солдатамъ объявили, что императоръ Павелъ внезапно скончался отъ апоплексіи, раздались громкіе крики: «да здравствуетъ Александръ!»

Новый государь призвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ я нашелъ его съ лицами, окружавшими его со времени прихода нашего въ замокъ. Онъ удостоилъ меня порученіемъ командовать войсками, которыя призваны были поддерживать порядокъ въ Михайловскомъ замкѣ, и въ особенности поручилъ мнѣ наблюдать за безопасностію императорской фамиліи, которая оставалась еще въ замкѣ. Самъ онъ отправлялся въ Зимній дворецъ, куда тотчасъ послѣ этого и выѣхалъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ Константиномъ.

Въ сенатъ и другія государственныя учрежденія посланы были повелѣнія собраться и прибыть въ полномъ составѣ къ полудню въ Зимній дворецъ, чтобы присутствовать на молебствіи во дворцовой церкви. Всѣ прочія церкви открыты были для той же церемоніи и для принятія присяги на вѣрность новому государю. Народъ быстро наполнилъ церкви.

Извѣстіе о смерти Павла еще ночью съ быстротой молніи распространилось по всему городу. Для лица, не бывшаго очевидцемъ происшедшаго, нельзя себѣ представить того чувства радости, которое овладѣло всѣми жителями столицы. День этотъ былъ для нихъ днемъ освобожденія отъ всѣхъ невзгодъ, которыя они терпѣли въ теченіе четырехъ протекшихъ лѣтъ. Всѣ понимали, что это ужасное время миновало, чтобы уступить мѣсто счастливому будущему, которое должно было наступить въ царствованіе Александра. Какъ только разсвѣло, всѣ улицы наполнены были народомъ. Знакомые и незнакомые цѣловались при встрѣчѣ, поздравляя другъ друга со счастливымъ событіемъ, объединившемъ въ одномъ чувствѣ всѣхъ и каждаго.

Увѣдомить императрицу о кончинѣ ея супруга поручено было графу Палену. Хотя она часто страдала отъ суроваго характера Павла, его раздражительности и вспыльчивости, но всегда привязана была къ своему супругу и дурныя времена своей жизни переживала съ ангельскимъ терпѣніемъ, какъ бы хорошія. Я могу сказать, что эта государыня подавала народу примѣръ почтенной супруги и матери, дѣлая при всѣхъ обстоятельствахъ добро, на сколько ей позволяли это ея средства, власть и вліяніе. Я былъ свидѣтелемъ ея глубокой скорби, въ этой великой катастрофѣ при извѣстіи о потерѣ, которую она понесла для себя

лично, но ея разсудительность и ея любовь къ народу вскорѣ поставили границы этому чувству.

Графъ Паленъ отправился къ главной воспитательницѣ великихъ княженъ, графинѣ Ливенъ. Онъ велѣлъ ея разбудить и сообщить ей о смерти императора съ тѣмъ, чтобы она передала объ этомъ императрицѣ. Она исполнила это со всѣми предосторожностями, которыя внушило ей благоразуміе. Разбудивъ императрицу, графиня Ливенъ сказала ей, что императоръ внезапно заболѣлъ и что его положеніе внушаетъ большія опасенія. Государыня тотчасъ же встала, чтобы навѣстить своего супруга. Но она нашла запертыми двери, чрезъ которыя обыкновенно проходила въ комнаты Павла. У дверей стояли часовые и офицеры, которые отказались ея пропустить. Когда ей сказали, что отданъ приказъ никого не пропускать въ комнаты императора, она направилась въ комнаты своихъ невѣстокъ, великихъ княгинь, супругъ великихъ князей Александра и Константина. Мнѣ дали знать объ этомъ, и я велѣлъ закрыть двери, которыя вели въ помѣщеніе великихъ княгинь. Встрѣчая повсюду на своемъ пути много часовыхъ и офицеровъ, императрица заподозрила, что дѣло идетъ не о простой болѣзни ея супруга и такимъ образомъ вскорѣ узнала, что онъ уже не существуетъ на свѣтѣ. Она залилась слезами, но не впала въ припадокъ отчаянія, которому женщины легко предаются въ подобныхъ случаяхъ.

До этого момента императрица не была освѣдомлена, въ чью пользу произведена была революція: она узнала только, кому поручено было командовать войсками въ замкѣ. Когда ей сказали, что команду я, она прислала позвать меня къ себѣ. Я уже получилъ приказаніе императора Александра посовѣтовать ей и передать просьбу отъ его имени, чтобы она оставила Михайловскій замокъ и переѣхала въ Зимній дворецъ, гдѣ она получить все свѣдѣнія, какія только пожелаетъ. Поэтому я отправился въ апартаменты великихъ княгинь, у которыхъ находилась императрица. Тотчасъ же, какъ она меня увидѣла, она меня спросила, я ли здѣсь командую. На мой утвердительный отвѣтъ она спросила меня очень мягкимъ и спокойнымъ тономъ:

— Я арестована?

— Вовсе нѣтъ, развѣ это возможно?—отвѣчалъ я.

— Но мнѣ не позволяютъ выйти, и двери заперты...

— Ваше величество должны приписать это нѣкоторымъ мѣрамъ предосторожности, принятымъ для безопасности вашей и всей императорской фамиліи, которая здѣсь находится. Вокругъ замка не все еще спокойно.

— Значить, я въ опасности?

— Все въ порядкѣ, ваше величество, и мы здѣсь для того, чтобы охранять особу вашу.

Тутъ я захотѣлъ воспользоваться минутой молчанія, чтобы исполнить приказанія, данныя мнѣ императоромъ Александромъ. Я обратился къ императрицѣ со слѣдующими словами:

— Императоръ Александръ поручилъ мнѣ...

— Императоръ! Императоръ! Александръ! Но кто же напменовалъ его императоромъ?—прервала меня императрица.

— Голосъ народа,—отвѣчала я.

— А, но я не признаю его императоромъ,—возразила императрица. Потомъ, понизивъ голосъ, она прибавила:—пока онъ не отдастъ мнѣ отчета въ своемъ поведеніи.

Вслѣдъ затѣмъ императрица приблизилась ко мнѣ, взяла меня за руку и, увлекая меня по направленію къ двери, сказала мнѣ повелительно:

— Прикажите отворить двери: я хочу взглянуть на тѣло моего мужа... Я желала бы знать, какъ вы меня ослушаетесь!—прибавила она.

Напрасно я взывалъ къ сдержанности императрицы, говоря ей о ея обязанностяхъ по отношенію къ народу, которыя должны заставить ее смягчить свою скорбь, тѣмъ болѣе, что при подобныхъ событіяхъ нужно избѣгать какого бы то ни было шума; «Хотя до настоящаго времени все спокойно и въ замкѣ, и въ городѣ, и можно надѣяться, что порядокъ и впредь будетъ поддержанъ,—говорилъ я,—но я надѣюсь, что ея величество пожелаетъ и сама, на сколько это въ ея власти, содѣйствовать его установленію». Я боялся, что, если бы императрица вышла, то ея крики повліяютъ на настроеніе солдатъ, которые, какъ я уже говорилъ,—были очень привязаны къ покойному императору. Но на всѣ мои представленія императрица отвѣтила лишь слѣдующими словами, поднявъ угрожающе палець:

— О, я заставлю васъ въ этомъ раскаяться!

Смысль этихъ словъ не ускользнулъ отъ меня.

Наступилъ моментъ молчанія, и, быть можетъ, работа мысли вновь вызвала слезы. Я надѣялся воспользоваться этой минутой слабости и снова заговорилъ о необходимости сдерживать свои чувства, о необходимости оставить Михайловскій замокъ и переѣхать въ Зимній дворецъ. Тутъ поддержала меня со свойственной ей мягкостью и любезностью молодая императрица, любимая всѣми, кто имѣлъ счастье ее знать, и обожаемая всѣмъ народомъ. Императрица-мать не одобрила этого вмѣшательства и, повернувшись къ своей невѣсткѣ, сказала ей суровымъ тономъ:

— Что вы мнѣ говорите! Не я буду повиноваться! Ступайте, повинуйтесь сами, если вамъ это нравится!

Раздражительность императрицы усиливалась съ минуты на минуту. Она объявила мнѣ, что не уѣдетъ изъ дворца, пока не увидитъ тѣла своего мужа. Тогда я послалъ секретнымъ обра-

зомъ одного офицера къ новому государю, испрашивая его приказаній на этотъ счетъ. Императоръ отвѣтилъ мнѣ, что желаніе императрицы можетъ быть исполнено, если это не вызоветъ никакого шума, и что я долженъ сопровождать ее въ комнату, гдѣ положено тѣло императора.

Въ ожиданіи отвѣта я пригласилъ графа Палена пріѣхать на короткое время во дворецъ, въ виду того, что онъ имѣлъ счастье быть болѣе извѣстнымъ императрицѣ, чѣмъ я. Онъ не замедлилъ пріѣхать. Когда императрица увидѣла его, она тотчасъ спросила:

— Что это случилось здѣсь?

— То, что можно было уже давно предвидѣть,—отвѣчалъ графъ Паленъ съ своей обычной невозмутимостію.

— Но кто виновникъ этого дѣйствія?

— Многія лица изъ разныхъ классовъ общества.

— Но какъ это могло случиться помимо васъ, военнаго губернатора столицы?

— Я былъ отлично обо всемъ освѣдомленъ и самъ всему содѣйствовалъ, какъ и другіе, чтобы избѣжать величайшихъ несчастій, которыя могли навлечь опасность на всю императорскую фамилію,—отвѣчалъ Паленъ.

Затѣмъ, давъ императрицѣ нѣсколько добрыхъ совѣтовъ, графъ Паленъ удалился.

Все это не могло смягчить дурнаго настроенія императрицы. Она нѣсколько разъ брала меня за руку, чтобы вести меня къ двери, и говорила:

— Я приказываю меня выпустить.

Я почтительно, но твердо заявилъ, что не чувствую себя въ правѣ ей повиноваться, тѣмъ болѣе, что вижу ее взволнованной, и что я могъ бы исполнить ея волю лишь подъ однимъ условіемъ.

— Какое же это условіе?—спросила она.

— Благоволите, ваше величество, успокоиться,—отвѣчалъ я.

Эти слова мои навлекли на меня новую немилость императрицы.

— Не вамъ диктовать мнѣ условія!—вскричала она.—Вы обязаны мнѣ повиноваться и, прежде всего, откройте мнѣ двери.

Мой долгъ вынудилъ меня снова напомнить ей о ея обязанностяхъ по отношенію къ народу и убѣждать ее воздержаться отъ малѣйшаго шума, который могъ бы имѣть печальныя, даже опасныя послѣдствія. Разговоръ этотъ возимѣлъ на нее вліяніе. Я предполагаю, что она почувствовала, что ходъ революціи завершенъ. Послѣ нѣкотораго молчанія и размышленія ея величество понизила голосъ и сказала:

— Хорошо, обещаю вамъ ни съ кѣмъ не говорить.

Съ этого момента государыня приняла свой обычный благоклонный видъ, который привлекаетъ къ ней сердца. Я приказалъ

открыть двери. Ея величество оперлась на мою руку, чтобы взойти на лѣстницу, и сказала:

— Я хочу прежде всего посмотрѣть на своихъ дѣтей.

Въ своихъ аппаратахъ она застала уже великихъ княженъ Екатерину и Анну съ графиней Ливенъ. Сцена свиданія съ ними была самая трогательная изъ всѣхъ, какія я только видѣлъ. Обѣ великія княжны, бросившись въ объятія своей матери, проливали слезы объ утратѣ отца, и ихъ только съ большимъ трудомъ оторвали изъ объятій ихъ матери. Государыня присѣла на нѣкоторое время, но затѣмъ встала со словами: «Пойдемъ-же, ведите меня!»

Намъ нужно было пройти двѣ комнаты, чтобы достигнуть той, гдѣ лежало тѣло покойнаго императора. Г. Рожерсонъ и я шли рядомъ съ ея величествомъ; за нами слѣдовали обѣ великія княжны, графиня Ливенъ, двѣ горничныя и лакей. Въ послѣдней комнатѣ императрица присѣла на одну минуту, а затѣмъ мы вошли въ комнату покойнаго императора, лежавшаго на кроватѣ въ мундирѣ гвардейскаго полка, котораго онъ былъ шефомъ. Ширмы закрывали еще его кровать со стороны двери, чрезъ которую мы вошли. Государыня нѣсколько разъ проговорила по-нѣмецки: «Боже, дай мнѣ силъ!» Когда наконецъ она увидѣла тѣло своего супруга, она испустила громкій крикъ. Г. Рожерсонъ и я поддерживали ее подъ руки. Спустя минуту, она стала приближаться къ тѣлу. Она опустила предъ нимъ на колѣни, цѣлуя руку усопшаго и повторяя: «Ахъ, другъ мой!» Послѣ этого, продолжая оставаться на колѣняхъ, она потребовала ножницы. Горничная подала ихъ, и императрица отрѣзала нѣсколько волосъ съ головы императора. Потомъ, поднявшись, она сказала великимъ княжнамъ: «Проститесь съ вашимъ отцомъ». Онѣ опустили на колѣни, чтобы поцѣловать его руку. Манера, съ которой сдѣлали это обѣ великія княжны, непритворная скорбь, выражавшаяся на ихъ лицѣ,—очень насъ всѣхъ тронули. Императрица, уже удалявшаяся, видя, что ея дочери еще стоятъ на колѣняхъ, возвратилась опять къ тѣлу со словами: «нѣтъ, я хочу быть послѣднею». Она еще разъ стала на колѣни, чтобы поцѣловать руку покойнаго своего супруга. Г. Рожерсонъ и я просили ее положить конецъ этой печальной сценѣ, которая могла бы отразиться на ея здоровьѣ, столь драгоценномъ и необходимомъ для императорской фамилии. Мы помогли ей встать, а затѣмъ возвратились въ ея аппараты. Императрица удалась въ свой кабинетъ, гдѣ облеклась въ глубокой трауръ и вскорѣ появилась снова. Шталмейстеръ Мухановъ объявилъ, что экипажи для проѣзда императрицы и великихъ княженъ въ Зимній дворецъ уже у подъѣзда замка. Онъ просилъ меня напомнить объ этомъ ея величеству. Мы желали, чтобы она оставила Михайловскій замокъ до разсвѣта; но императрица оттянула свой переѣздъ до наступленія дня. Тогда она приняла мою руку, чтобы

сойти съ лѣстницы и войти въ карету. Можно представить себѣ огромныя толпы народа, собравшагося по дорогѣ къ Зимнему дворцу. Императрица опустила стекла кареты и привѣтствовала собравшійся народъ. Такимъ образомъ совершила она свой перѣздъ въ Зимній дворецъ, чтобы тамъ остаться. Отъ начала до конца этой замѣчательной сцены царствовалъ величайшій порядокъ. Да и могъ ли онъ быть нарушенъ при той радости, какую испытывалъ каждый, освободившись отъ рабства?

Вы видите, генераль, что мнѣ нечего краснѣть за участіе, которое я принялъ въ этой катастрофѣ. Я не составлялъ плана революціи; я не былъ даже изъ числа тѣхъ, которые хранчили тайну заговора, потому, какъ вы видѣли, я узналъ о немъ лишь въ моментъ исполненія, когда все было приготовлено и рѣшено. Не было моего участія и въ печальномъ концѣ этого государя. Я навѣрно не вошелъ бы въ комнату, если бы зналъ, что были люди, которые злоумышляли на его жизнь.

Я подробно изложилъ вамъ, генераль, причины абсолютной необходимости въ переменѣ правленія. Никогда смерть государя не возбуждала такой радости во всемъ народѣ, какъ смерть Павла, и никогда государь не возбуждалъ такого восхищенія, какое произвело на всѣхъ вступленіе на престолъ Александра, царствованіе котораго общаетъ народу величайшее благоденствіе.

Беннигсень.

II.

Copie d'une lettre de la propre main de l'Empereur Alexandre au Général Benningsen.

St Pétersbourg le 8 Février 1807.

Vous pouvez concevoir facilement, mon Général, toute la joie que nous a causé l'heureuse issue de la bataille de Preussisch-Eilau. C'est à Vous, mon Général, qu'a été réservé la gloire de vaincre celui qui ne l'a jamais été encore. Il est bien agréable pour moi d'avoir à vous témoigner toute ma reconnaissance et celle de la patrie entière. Le courrier est chargé de Vous remettre de ma part les marques de l'ordre de St. André, et j'ai donné en même-temps l'ordre au Ministre des Finances de vous délivrer annuellement une pension de douze mille roubles. Toute l'armée sous vos ordres va recevoir en gratification un tierçail d'appointements et j'attends avec impatience, mon Général, la liste des recommandations pour témoigner à tous ceux que vous aurez désignés ma gratitude.

Je vous avoue, mon Général, que je n'ai eu qu'un regret, celui que vous avez jugé nécessaire de vous retirer, mais ayant mis en Vous ma confiance, c'est à vous à décider d'après votre lumière et votre

expérience. Vous saurez choisir le moment quand vous devrez avancer et profiter de votre victoire.

Vous me demandez de faire marcher tout ce qui est disponible de troupes; il y a longtemps que toutes celles qui se trouvent ici seraient parties si je n'avais eu quelques inquiétudes sur la Suède. Venant depuis trois jours d'être rassuré sur les dispositions de cette cour, l'ordre est déjà donné pour qu'elles se mettent en marche, et mercredi prochain les colonnes se mettent en mouvement. La moitié des régiments marchera par la route ordinaire sur Riga, et l'autre moitié sur Plesskow et Iacobstadt. Ces deux chemins sont à peu près parallèles, et par là les troupes auront plus de facilité pour les cantonnements.

Je vous envoie en cavalerie les régiments de chevaliers gardes 5 escadrons.

gardes à cheval 5 escadrons

les hulans de mon frère 10 escadrons.

et 2 escadrons des cosaques du corps.

En infanterie les régiments de Préobrajensky,

3 bataillons Sémenofsky

3 bat: Ismailofsky

3 bat. des chasseurs aux gardes

2 bat. renforcés d'un bataillon de tirailleurs

de la milice, qui fera trois bataillons.

Les régiments Keksholm 3 bat.

Permsk 3 bat.

Weliko Louttsky 3 bat.

Total 27 escadrons et 27 bataillons.

Chaque régiment est pourvu de son artillerie; en outre 20 pièces de position et 18 autres qui suivent de près avec le parc de munition.

Une batterie volante de 12 pièces est attachée à la cavalerie.

C'est là, Général, tout ce qui se trouve de troupes, de manière qu'à Pétersbourg il ne restera plus qu'un seul bataillon de Préobrajensky pour tenir la garde des palais, et un escadron de cosaques pour les patrouilles. Je crains seulement que vous n'avez attendu leur arrivée trop tôt, d'après la copie que vous m'avez envoyée de votre rapport au roi de Prusse. Le 10-ème jour j'espère qu'elles pourront passer Riga, de manière que vers le 8 ou 10 Mars elles pourront se trouver sur notre frontière. Au général Korsakoff j'ai écrit le lendemain de l'arrivée de Stavitzky de vous envoyer tout ce qu'il avait de disponible, de même que de réserves tout ce qui était passablement exercé. Au mois de May j'espère pouvoir vous envoyer une armée de réserves, composée de trois nouvelles divisions de cavalerie, infanterie et artillerie. On y met toute la célérité possible, mais il faut encore deux mois de temps.

Maintenant, Général, j'en viens à un article qui m'a excessivement peiné; c'est la demande que vous me faites de vous retirer du comman-

dement de l'armée. Est-il possible, Général, que dans un moment ou le salut de l'état, celui de toute l'Europe entière dépend de vous, vous pouvez penser à autre chose qu'à la gloire qui vous est réservée, qui est pour ainsi dire dans votre main? Continuez seulement comme vous avez commencé et vous immortaliserez votre nom. Quant à moi je ne désire que de vous convaincre de plus en plus de toute la confiance que je vous porte. Je vous parlerai franchement; je soupçonne, que quelques considérations personnelles ont pu vous porter à la démarche que vous venez de faire, mais je vous conjure de vous rappeler constamment que c'est vous qui être le commandant en Chef, et que tous sans exception doivent se conformer et suivre vos ordres. Général, prouvez moi, que je ne me suis pas trompé dans mon choix, et donnez moi la satisfaction de vous témoigner de plus en plus ma reconnaissance. Je vous envoie mon aide-de-camp Général d'Ouwaroff qui va suivre de près Benkendorf. Il est chargé de vous exprimer encore de bouche tous les sentiments d'estime que je vous porte. Plusieurs Généraux se trouvent blessés; vous pouvez l'employer selon que vous le jugerez bon, et là où vous le croirez utile. Je vous autorise de même à changer le général Essen I-er et à lui substituer celui des lieutenants Généraux sous vos ordres que vous trouverez le plus capable de commander un corps détaché.

(signé) Alexandre.

P. S. Apres avoir tout expédié d'ici, et avoir pris tous les arrangements nécessaires, j'avais eu l'intention de me rendre moi-même à l'armée; mais j'aurais désiré préalablement connaître votre opinion sur le moment, ou vous croirez que mon arrivée pourrait être le plus utile.

Копія съ собственноручнаго письма императора Александра къ генералу Беннингсену.

С.-Петербургъ, 8 февраля 1807 г.

Вы легко можете представить себѣ, генераль, радость, испытанную мною при вѣсти о счастливомъ исходѣ сраженія при Прейсишъ-Эйлау. Вамъ, генераль, уготована была слава быть побѣдителемъ того, кто до сихъ еще никогда не былъ побѣжденъ. Для меня очень пріятно выразить вамъ и свою благодарность, и благодарность всего отечества. Курьеру поручено доставить вамъ отъ моего имени знакъ ордена св. Андрея Первозваннаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ я далъ повелѣніе министру финансовъ о назначеніи вамъ ежегодной пенсіи въ двѣнадцать тысячъ рублей. Армія, находящаяся подъ вашей командой, получитъ въ награду треть годового

своего жалованья, и я съ нетерпѣніемъ ожидаю представленій вашихъ, генераль, объ отличившихся, чтобы наградить ихъ.

Признаюсь вамъ, генераль, что я лишь съ сожалѣніемъ узналъ о вашемъ рѣшеніи отступить, но, облекши васъ своимъ довѣріемъ, предоставляю вамъ распоряжаться, какъ укажутъ вамъ ваши таланты и ваша опытность. Вы съумѣете опредѣлить моментъ, когда вы должны будете двинуться и воспользоваться своей побѣдой.

Вы просите меня прислать все войска, какими только можно располагать. Войска, находящіяся здѣсь, давно были бы къ вамъ отправлены, если бы я не питалъ нѣкоторыхъ опасеній со стороны Швеціи. Увѣрившись три дня тому назадъ въ настроеніи шведскаго двора, я уже отдалъ приказаніе о выступленіи этихъ войскъ въ походъ, и въ ближайшую среду колонны двинутся. Одни полки пойдутъ по рижской дорогѣ, другіе—на Псковъ и Якобштадъ. Эти двѣ дороги почти параллельны, а такимъ образомъ легче будетъ продовольствовать войска.

Посылаю вамъ изъ кавалеріи:

Кавалергардскаго полка	5 эскадроновъ,
Конной гвардіи	5 »
Уланскаго полка имени моего брата	10 »
и 2 казачьихъ эскадрона.	

Изъ пѣхоты—полки:

Преображенскій,	
3 баталіона Семеновскаго,	
3 »	Измайловскаго,
2 »	развернутые изъ Стрѣлковаго баталіона
3 »	милиціи
3 »	Гренадерскаго корпуса
3 »	Кеѣсгольмскаго полка
3 »	Пермскаго,
3 »	Великолукскаго.

Итого 27 эскадроновъ и 27 баталіоновъ.

У каждаго полка своя артиллерія; кромѣ того, идутъ двадцать полевыхъ пушекъ и восемнадцать другихъ при обозѣ. Легкая батарея изъ 12 пушекъ придана кавалеріи.

Эти войска—все, чѣмъ мы можемъ располагать здѣсь, такъ что въ Петербургѣ останется только баталіонъ Преображенскаго полка для охраны дворцовъ и казачій эскадронъ—для содержанія патрулей. Я боюсь только, чтобы вы не ожидали слишкомъ ранняго подхода этихъ войскъ, какъ о томъ можно заключить изъ рапорта

вашего прусскому королю. Я надѣюсь, что на десятый день похода они пройдутъ Ригу, достигнуть границы около 8 или 10 марта. На другой день послѣ прїѣзда Ставицкаго я писалъ генералу Корсакову, чтобы онъ послалъ вамъ все, чѣмъ онъ можетъ располагать; даже все то изъ резервовъ, что получило нѣкоторую подготовку. Въ маѣ я надѣюсь имѣть возможность отправить къ вамъ резервную армію, составленную изъ трехъ вновь сформированныхъ дивизій кавалеріи, пѣхоты и артиллеріи. Приложены всѣ старанія ускорить дѣло, но все же нужно еще мѣсяца два времени.

Теперь, генераль, я подхожу къ пункту, который причиняетъ мнѣ величайшее огорченіе, это—къ вашей просьбѣ уволить васъ отъ командванія арміей. Возможно ли, генераль, чтобы въ тотъ моментъ, когда судьба государства и всей Европы зависить отъ васъ, вы могли думать о чемъ-либо другомъ, а не о славѣ, вамъ уготованной и находящейся, такъ сказать, въ вашихъ рукахъ? Продолжайте только, какъ вы начали, и вы обезсмертите свое имя. Что касается меня, то я желаю только убѣдить васъ какъ можно болѣе въ довѣрїи, которое я питаю къ вамъ. Скажу вамъ откровенно, я подозреваю, что нѣкоторые личныя соображенія заставили васъ рѣшиться на сдѣланный вами шагъ. Но я заклинаю васъ постоянно помнить, что командуете арміей—вы и что всѣ безъ исключенія должны сообразоваться съ вашими распоряженіями и слѣдовать вашимъ приказаніямъ. Генераль, докажите мнѣ, что я не ошибся въ своемъ выборѣ и доставьте мнѣ удовольствіе выразить вамъ какъ можно болѣе свою признательность. Я посылаю къ вамъ своего генераль-адъютанта Уварова, который ѣдетъ вслѣдъ за Бенкендорфомъ. Ему поручено лично выразить вамъ чувства уваженія, которое я питаю къ вамъ. Нѣсколько генераловъ ранено. Вы можете употреблять ихъ, какъ найдете нужнымъ и какъ вы сочтете полезнымъ. Я уполномочиваю васъ также смѣнить генерала Эссена и замѣнить его однимъ изъ подчиненныхъ вамъ генераловъ, котораго вы признаете способнымъ командовать отдѣльнымъ корпусомъ.

(подписано) «Александръ».

P. S. Отправивъ все отсюда и сдѣлавши необходимыя распоряженія, я намѣревался самъ прибыть въ армію; но я желалъ бы предварительно знать о времени, когда мой прїѣздъ могъ бы быть наиболѣе полезенъ.

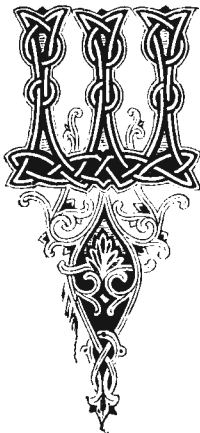

ВЪ ГОСТЯХЪ У АВСТРАЛІЙЦЕВЪ ¹⁾.

V.

Сидней.—Докладъ автора о задачахъ экспериментальной педагогики въ Россіи.—
Въ скрестностяхъ Сиднея.—Голубыя горы.

ЕСТОГО августа мы выѣхали въ Сидней. Опять пришлось провести ночь въ вагонѣ. Утромъ мы очутились въ громадномъ вокзалѣ. До гостинницы «Австралія», въ которой мнѣ было приготовлено помѣщеніе, пришлось ѣхать по центральнымъ улицамъ города. И эта часть Сиднея, со сплошнымъ рядомъ высокихъ зданій совершенно европейскаго стиля, очень напоминала Мельбурнъ. Но когда потомъ мнѣ пришлось поѣздить по окраинамъ города и увидѣть его гавань, я понялъ, что дѣйствительно можно считать Сидней однимъ изъ красивѣйшихъ городовъ міра.

Портъ Джексонъ, на высокихъ берегахъ котораго раскинутъ Сидней, считается лучшей гаванью въ мірѣ. Глубокими извилистыми потоками врѣзается весь восточный берегъ Австраліи въ Великій океанъ. Отъ входа въ гавань до центральной пристани на большомъ пароходѣ приходится ѣхать около часа. Изъ этого уже можно видѣть, что такое портъ Джексонъ. Высокіе берега, съ выступающими наружу пла-

¹⁾ Окончаніе. См. «Истор. Вѣстн.», т. CXLVIII, стр. 222.

стами каменныхъ глыбъ, покрыты разнообразной зеленью, среди которой все выше и выше громоздятся дома. Благодаря глубинѣ своихъ заливовъ, Сиднейская гавань даетъ возможность даже большимъ океанскимъ пароходамъ подходить къ самому берегу. А вокругъ береговъ уже раскинулся городъ. Поэтому въ Сидней, гуляя по улицамъ, нерѣдко чуть не у самага тротуара можно видѣть большіе пароходы. Естественно, что при такомъ положеніи дѣла пароходное сообщеніе внутри города развито, пожалуй, еще больше, чѣмъ трамвайное. Пароходами, между прочимъ, пользуются въ Сидней и для пожарныхъ цѣлей.

На одномъ изъ береговъ гавани красиво раскинулся большой ботанической садъ со своими пальмами, эвкалиптами и миртами.

Гавань Сиднея.

Недалеко отъ него возвышается зданіе художественной галлерей. Эта галлерей самая обширная во всей Австраліи, и коллекціи собранныхъ тамъ картинъ и фотографій лучше всегда могутъ быть приспособлены для учебныхъ цѣлей. Здѣсь же наиболѣе богато представлены образцы австралийской живописи.

Вблизи ботаническаго сада поставленъ рядъ памятниковъ выдающимся дѣятелямъ Австраліи. Однако они, какъ и другіе австралийскіе монументы, не отличаются особымъ художественнымъ вкусомъ, и въ этомъ отношеніи памятникъ знаменитому капитану Куку можетъ служить типичнымъ примѣромъ. Точно также и вся архитектура домовъ въ Австраліи не поражаетъ богатствомъ архитектурнаго воображенія. Видно, что при ихъ постройкѣ больше думали о внутреннемъ удобствѣ, чѣмъ о внѣшней красотѣ. Зданіе почты,

парламента, казначейства, національный музей, больница и школа,—все это сразу производит на васъ впечатлѣніе чего-то много разъ видѣннаго, чего-то сдѣланнаго по очень ходкому шаблону. Нѣкоторое исключеніе составляютъ университеты, изъ которыхъ каждый по своей постройкѣ представляетъ все-таки нѣчто индивидуальное.

Сиднейскій университетъ расположенъ на холмѣ среди большого сада. Главное зданіе, вмѣщающее въ себѣ канцелярію, актовъ залъ, бібліотеку и нѣкоторыя аудиторіи, построено въ готическомъ стилѣ. Рядъ другихъ зданій, предназначенныхъ для различныхъ факультетовъ и даже отдѣльныхъ кафедръ, раскинутъ по отдѣльнымъ лугамъ университетскаго парка. По примѣру англійскихъ университетовъ и здѣсь каждый профессоръ имѣетъ свой особый кабинетъ со спеціальной бібліотекой и примыкающей къ нему аудиторіей.

Улицы Сиднея очень оживлены. Обычная суэта большого города въ то время, когда я тамъ былъ, еще усиливалась событіями войны. По нѣсколько разъ въ день выходили газеты и продавцы на разные голоса выкрикивали наиболѣе эффектные заголовки телеграммъ. А, кромѣ того, приближалась весна, и на площадяхъ шла бойкая торговля цвѣтами.

Вечеромъ оживленіе на улицахъ города становится сильнѣе. Около 8-ми часовъ появляется масса гуляющихъ, театры и кинематографы начинаютъ работать.

Въ большихъ театрахъ тамъ можно услышать оперу, увидѣть историческую драму, современную комедію, оперетку. Репертуаръ обыкновенно идетъ изъ Англій, хотя имѣются и собственные драматурги и композиторы. Мнѣ удалось побывать нѣсколько разъ въ сиднейскихъ театрахъ, послушать хорошихъ пѣвцовъ и увидеть игру такихъ артистовъ, которыми могла бы гордиться любая европейская сцена. Кромѣ большихъ театровъ, въ Сиднеѣ встрѣчается много маленькихъ театриковъ, гдѣ показываютъ разнаго рода рѣдкости, въ родѣ большихъ обезьянъ, или кинематографы. Имѣются также особые залы, гдѣ за небольшую плату можно потанцовать подъ хорошею оркестръ музыки, въ совершенно приличной, почти семейной обстановкѣ. Строя всю свою жизнь на трудѣ, австралійцы умѣютъ и веселиться. Впрочемъ, когда мы были въ Сиднеѣ, атмосфера вечерняго веселья на улицахъ Сиднея часто нарушалась воспоминаніемъ о войнѣ, раздавалась музыка, являлись украшенные флагами автомобили, и дамы съ повязками краснаго креста начинали сборъ денегъ на раненыхъ.

Однимъ изъ самыхъ пріятныхъ знакомствъ, пріобрѣтенныхъ мною въ Сиднеѣ, было знакомство съ профессоромъ педагогики Макки и его женой. Докторъ Макки только пять лѣтъ тому назадъ былъ приглашенъ въ Сиднейскій университетъ на первую и до сихъ поръ

единственную австралійскую кафедру педагогики. Условія жизни въ Австраліи ему очень понравились, и онъ рѣшилъ обосноваться тамъ навсегда. Это рѣшеніе окончательно закрѣпилось женитьбой на мѣстной уроженкѣ и покупкой земли для постройки дома въ ближайшихъ окрестностяхъ Сиднея. За небольшой періодъ своей работы въ Австраліи Макки успѣлъ сдѣлать не мало; онъ не только организовалъ свои университетскіе курсы и поставилъ на должную высоту связанныя съ ними въ качествѣ экспериментальной школы учебныя заведенія, но сумѣлъ сгруппировать около себя цѣлую группу молодыхъ ученыхъ и педагоговъ, стремящихся къ научной разработкѣ педагогическихъ проблемъ. Вмѣстѣ съ молодымъ и энергичнымъ приватъ-доцентомъ психологіи докторомъ Ловелемъ, профессоръ Макки сразу взялъ меня подъ свое покровительство. Такимъ образомъ мнѣ удалось осмотрѣть въ Сидней рядъ учебныхъ заведеній разнаго типа и довольно близко познакомиться съ методами преподаванія.

11-го августа въ 2 часа дня въ одной изъ аудиторій Сиднейскаго университета былъ назначенъ мой докладъ о задачахъ и методахъ экспериментальной педагогики въ Россіи. Цѣлое утро мы съ докторомъ Ловелемъ занимались распаковкой привезенной мною изъ Россіи коллекціи психологическихъ аппаратовъ, построенныхъ нашей лабораторіей. Наскоро позавтракавъ и подобравъ діапозитивы для проекціоннаго фонаря, я не безъ трепета вошелъ въ переполненную аудиторию, гдѣ среди членовъ конгресса находился рядъ выдающихся педагоговъ Австраліи и Англіи. Сдѣлавъ сжатый обзоръ современнаго положенія школьнаго дѣла въ Россіи, я перешелъ къ характеристикѣ той борьбы, въ которой у насъ зарождалась педагогическая наука. Здѣсь, конечно, прежде всего пришлось остановиться на значеніи трудовъ Ушинскаго. На экранѣ появился его портретъ. Невольно припомнилось, какъ Ушинскій въ свое время мечталъ о переводѣ своей «Педагогической антропологіи» на англійскій языкъ, и мнѣ казалось, что теперь, говоря объ его идеѣ англійскимъ педагогамъ, я исполняю его завѣщаніе. Въ связи съ Ушинскимъ я заговорилъ и о Пироговѣ, указавъ на тотъ откликъ, который встрѣтили ихъ мысли у русской интеллигенціи, взволнованной реформами Александра II. Конечно, пришлось отмѣтить и печальную роль нашей системы такъ называемаго классическаго образованія, подъ гнетомъ которой погибали многія надежды, взлелѣянныя Ушинскимъ и Пироговымъ. Какъ на естественную реакцію, вызванную классическимъ формализмомъ толстовской системы, пришлось указать на педагогическую дѣятельность послѣдователей такъ называемаго «свободнаго воспитанія». На этомъ пунктѣ я остановился, и отмѣтивъ цѣнность идеи свободнаго воспитанія, въ смыслѣ требованія уваженія къ личности ребенка и признанія необходимости индивидуализаціи процесса обученія,

заявилъ, что, съ моей точки зрѣнія, этотъ лозунгъ оказывается совершенно недостаточнымъ въ качествѣ руководящаго начала въ педагогикѣ и въ этомъ смыслѣ можетъ приводить къ цѣлому ряду большихъ недоразумѣній. Поборники такъ называемаго свободнаго воспитанія нерѣдко склонны отводить педагогу довольно пассивную роль, надѣясь, что дѣти сами могутъ обнаружить свои потребности, ра которыхъ долженъ быть построенъ дальнѣйшій планъ ихъ воспитанія. Не безъ нѣкотораго волненія я рѣшился въ свободной Австраліи выступить съ возраженіемъ противъ лозунговъ свободнаго воспитанія, какъ руководящаго принципа. «Дѣти имѣютъ право»,—сказалъ я,—«требовать, чтобы воспитатель зналъ ихъ не только такъ хорошо, какъ они сами себя знаютъ, но и лучше ихъ. Вѣдь изъ всѣхъ процессовъ оцѣнки—оцѣнка самого себя, своихъ собственныхъ наличныхъ переживаній является самой трудной. Далеко даже не всѣ взрослые бываютъ способны къ этому. Какъ же мы можемъ рассчитывать найти ее у дѣтей въ достаточной мѣрѣ. Чтобы строить планъ воспитанія, надѣясь при его помощи ссздать людей, которые впослѣдствіи были бы способны къ дѣйствительно свободному самоопредѣленію, недостаточно знать только то, что переживаетъ ребенокъ въ тотъ или другой моментъ, но необходимо также понимать и значеніе этихъ переживаній въ цѣломъ біологическомъ процессѣ, составляющемъ нашу жизнь. Вотъ почему воспитателю необходимо получить возможно глубокое антропологическое образованіе, и вотъ почему тщательно наблюдая ребенка, онъ все-таки долженъ самъ ясно сознавать общее направленіе того пути, по которому надо идти воспитанникамъ». Эти слова аудиторія прервала аплодисментами. А дальше я началъ говорить о томъ, что до сихъ поръ сдѣлапо въ Россіи для изученія челоуѣка, какъ предмета воспитанія. Конечно, прежде всего пришлось отмѣтить рядъ русскихъ врачей, потрудившихся надъ изслѣдованіями вопроса физическаго развитія ребенка, а затѣмъ перейти къ описанію работъ, произведенныхъ въ психологическихъ лабораторіяхъ Педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній, Педагогической академіи, психо-неврологическаго института и Московскаго института дѣтской психологіи и неврологіи. Конечно, эта часть доклада сопровождалась рядомъ соотвѣтствующихъ діаграммъ, показанныхъ на экранѣ. Затѣмъ, по просьбѣ аудиторіи, началась демонстрація выставленной мною коллекціи психологическихъ аппаратовъ, которую я отъ имени нашего общества экспериментальной педагогики передалъ въ даръ Сиднейскому университету. Эта демонстрація продолжалась больше часа. Потомъ начался обмѣнъ мнѣній по поводу доклада. Среди говорившихъ были профессора Андерсенъ и Макки, докторъ Ловель и мистеръ Бордъ, стоящій во главѣ дѣла воспитанія новаго южнаго Уэльса. Говорилось о важности изслѣдованія вопросовъ воспитанія, при помощи

возможно точныхъ методовъ, о значеніи экспериментальной педагогики, какъ средства подготовки воспитателей и учителей, помогающаго развивать способность конкретнаго обсужденія проблемъ педагогической психологіи и высказывались пожеланія, чтобы наша скромная коллекція психологическихъ аппаратовъ послужила базисомъ для развитія института экспериментальной педагогической психологіи при Сиднейскомъ университетѣ.

Для знакомствъ съ окрестностями Сиднея я сдѣлалъ три поѣздки: двѣ небольшія и одну двухдневную, въ Голубыя горы и сталактитовыя пещеры.

Въ поселокъ дикарей мы поѣхали трамваемъ. Отъ центра города

Университетъ въ Сиднеѣ.

надо было ѣхать около часа. Порѣдѣли дома. Все чаще и чаще стали появляться сады. Открылись большіе луга, гдѣ такъ удобно заниматься разнообразнымъ спортомъ. Показались загородные парки. А вагонъ трамвая все еще двигался дальше. Мелькнули больницы, потянулись бѣлыя палатки загороднаго лагеря, раскинулись пашни и фермы. А вагонъ шелъ дальше. Наконецъ мѣстность стала приобрѣтать довольно дикій видъ. Не было видно ни пашенъ, ни обработанныхъ дорожекъ. Повсюду торчали только беспорядочныя вѣтки кустарника. Въ этомъ мѣстѣ была построена тюрьма и осужденные работали, подготовляя землю подъ посѣвъ. Наконецъ и тюрьма осталась далеко позади. Нашъ вагонъ отхвatalъ

еще порядочное пространство и остановился недалеко отъ какой-то изгороди. Это была граница, за которой жили аборигены. Войдя за изгородь, мы очутились на склонѣ небольшой возвышенности. Среди дикихъ деревьевъ, по сторонамъ широкаго луга было раскинуто нѣсколько маленькихъ домиковъ съ крошечными палисадниками. Конечно, въ сравненіи съ лѣсными палашами, эти жилища должны были казаться очень удобными, но самый плохой домикъ австраійскаго шахтера, по сравненію съ постройками этого поселка, былъ настоящимъ дворцомъ. Около домиковъ на протянутыхъ веревкахъ и деревьяхъ сушилась одежда. Невдалекѣ бродили коровы, на лужайкѣ играли чернолицыя дѣти въ легкихъ рубашенкахъ и нѣсколько женщинъ съ туповатымъ выраженіемъ на толстыхъ губахъ возились съ грудными младенцами. При входѣ въ одинъ изъ домиковъ стояла смуглая дѣвушка съ черными жесткими волосами, босикомъ, въ бѣдномъ платьѣ европейскаго покроя. Она предложила намъ войти въ домъ, гдѣ на небольшомъ столѣ было выставлено нѣсколько бездѣлушекъ, украшенныхъ морскими раковинами. Дѣвушка продавала эти вещи, и мы взяли на память нѣсколько сапожковъ для часовъ, коробочекъ и тому подобныхъ пустяковъ. Дѣвушка недурно говорила по-англійски, такъ какъ окончила устроенную у нихъ поселка специальную элементарную школу. Выдѣлываніе вещей изъ раковинъ въ настоящее время составляетъ ея единственный доходный промыселъ.

По выходѣ изъ этого домика, мы увидѣли передъ собою австраійскаго аборигена въ дешевенькомъ лѣтнемъ костюмѣ и мягкой шляпѣ, который предложилъ намъ купить бумерангъ. Въ свою очередь мы попросили его показать, какъ слѣдуетъ его метать. И вотъ здѣсь то мнѣ удалось увидѣть удивительное зрѣлище полета бумеранга, описавшаго въ теченіе 4½ минутъ непрерывнаго пребыванія въ воздухѣ три полныхъ круга и упавшаго почти къ самымъ ногамъ бросившаго его дикаря. Выдѣлываніе бумеранговъ составляетъ также скромную доходную статью аборигеновъ, но въ общемъ конечно, жизнь ихъ не очень весела, и пожалуй при современныхъ условіяхъ существованія они давно погибли бы въ своихъ поселкахъ, если бы имъ не оказывало нѣкоторой матеріальной помощи австраійское правительство.

Совсѣмъ другую картину представляютъ собою пригородныя мѣста Сиднея, гдѣ живутъ не черные аборигены, а бѣлые пришельцы Австраліи. Тамъ расположился рядъ красиво построенныхъ двухэтажныхъ домовъ съ тѣнистыми садами и пестрыми цвѣточными клумбами. Здѣсь же высятся свѣтлыя школы и грандіозныя водоемы. Въ одномъ изъ такихъ уголковъ подъ Сиднеемъ рѣшилъ завести свой домикъ профессоръ Макки. Однажды мы съ Гриномъ были приглашены на небольшой пикникъ въ эту мѣстность. Проѣхавъ около полчаса по желѣзной дорогѣ, мы рѣшили слѣзть

на одну станцію раньше, чѣмъ слѣдовало, для того, чтобы побродить пѣшкомъ по лѣсу. Это была отличная прогулка. Дорога очень напоминала собою наши глухіе проселки въ лѣсистыхъ частяхъ сѣверо-западныхъ губерній. Временами встрѣчались довольно глубокіе овраги, сплошь поросшіе лѣсомъ. Порой попадались такіе же лѣсистые холмы со множествомъ свистящихъ птицъ. На участкѣ земли профессора Макки постройка еще не началась, и мы только слушали мечты хозяевъ о томъ, какой видъ будетъ имѣть ихъ домикъ. Усѣвшись на стволѣ упавшаго эвкалипта, мы заварили чай и закусили. Здѣсь же по сосѣдству оказался домикъ, принадлежащій другому знакомому намъ университетскому профессору. Мы зашли туда и подробно осмотрѣли всю постройку. Домъ былъ типично австралійскій, т. е. идеально чистый, съ массой свѣта и всеми приспособленіями для удобной домашней жизни, съ красивой и уютной обстановкой, но безъ всякихъ признаковъ рѣзкой, бросающейся въ глаза роскоши. Она въ Австраліи не въ модѣ.

Какъ ни хороши окрестности Сиднея, но въ нихъ есть одинъ большой недостатокъ: нѣтъ воды. Это безводіе дѣлаетъ австралійскій пейзажъ нѣсколько мертвымъ. Отсутствие воды особенно было досадно во время нашихъ большихъ экскурсій въ Голубья горы.

Если бы тамъ протекли рѣчки и заблестали озера, то это было бы однимъ изъ самыхъ красивѣйшихъ мѣстъ на землѣ.

Въ Голубыхъ горахъ я пробылъ двое сутокъ. За это время нашъ автомобиль измѣрилъ не одну сотню верстъ. Главная прелесть этой поѣздки состояла въ томъ, что, пользуясь всеми благами цивилизаціи,—прекрасной дорогой, удобнымъ экипажемъ и остановками въ хорошихъ гостиницахъ,—въ то же самое время можно было получать свѣжія впечатлѣнія отъ общенія съ дикой природой. На протяженіи многихъ верстъ часто не попадалось ни одного человѣческаго жилья, изъ густыхъ лѣсовъ, тѣнившихся у самой дороги, выбѣгали стаи зайцевъ, по откосамъ скалъ иногда на нашихъ глазахъ карабкались маленькіе кенгуру, а надъ головами то и дѣло пролетали стаи красныхъ попугаевъ. Передъ нашими глазами живописныя группы прозрачно-лиственныхъ эвкалиптовъ, со своими излучистыми, блестящими какъ серебро стволами. Временами дорога становилась очень узкой, поворачиваясь крутымъ изгибомъ вверхъ или спускаясь извилистой лентой книзу. Тогда съ одной стороны мы видѣли откосы горныхъ хребтовъ, густо поросшихъ разнообразной зеленью и цвѣтами, а съ другой,—книзу широкими складками спускались верхушки темноглубыхъ бархатистыхъ эвкалиптовъ. Сплошь покрытыя этими деревьями съ ихъ ровными, точно подстриженными шапками листьевъ, Голубья горы, въ особенности издалека, при яркомъ солнцѣ, кажутся какимъ-то страннымъ всплескомъ грандіозныхъ застывшихъ волнъ. Лѣсистые хребты тянутся за хребтами. За одной неподвижной волной голубоватой

зелени виднѣются новые гребни такихъ же застывшихъ въ далекомъ туманѣ волнъ. Последнія очертанія сливаются совершенно съ горизонтомъ и кажутся легкой тѣнью самаго голубого неба. Я помню, какъ, свернувъ съ дороги, я неожиданно очутился на площадкѣ высокаго утеса. Внизу далеко подъ ногами во все стороны раскинулись верхушки густаго лѣса, а вдали одинъ за другимъ пропадающими въ туманѣ складками уходили ряды голубыхъ хребтовъ. Помню, что тогда я насчиталъ 14 такихъ горныхъ цѣпей, казавшихся одной волшебной лѣстницей въ голубую туманную даль.

Въ Голубыхъ горахъ встрѣчается не мало сталактитовыхъ пещеръ. Въ гостиницѣ, расположенной около самыхъ Jenolan Caves, мы провели ночь. Сталактитовыя пещеры тянутся здѣсь длинными рядами комнатъ, или непосредственно примыкающихъ одна къ другой, или соединенныхъ узкими коридорами. Величина отдѣльныхъ пещеръ очень различна: иногда передъ вами раскрывается прямо великолѣпный залъ, въ которомъ ряды спускающихся съ потолка бѣлыхъ сталактитовъ кажутся какими-то причудливыми мраморными люстрами, а иногда вы попадаете въ совсѣмъ маленькую комнату, по стѣнамъ которой лѣнятся совсѣмъ крошечныя сталактитовыя постройки, напоминающія игрушечныя домики. Цвѣтовые оттѣнки сталактитовъ чрезвычайно разнообразны. Въ нѣкоторыхъ пещерахъ сталактитовыя массы бѣлы, какъ снѣгъ; вамъ кажется, будто вы попали на сѣверъ, въ ледяныя глыбы. Другая комната вся отливаетъ розоватымъ свѣтомъ и сталактитовыя колонны кажутся сдѣланными изъ тонкаго мрамора. Къ сожалѣнiю, эстетическое впечатлѣнiе отъ этихъ пещеръ сильно портится тѣмъ, что электрическое освѣщенiе въ нихъ устроено очень грубо. Лампочки въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ не скрыты отъ зрителей (хотя сдѣлать это было бы совсѣмъ не трудно) и провода рѣзко бросаются въ глаза. Кромѣ того, стѣны и болѣе красивыя группы сталактитовъ отдѣлены отъ посѣтителей металлическими сѣтками, такъ что не знаешь, сталактиты ли находятся въ сѣткѣ или ты самъ попалъ въ тюрьму. Осмотрѣвъ одинъ этажъ сталактитовыхъ пещеръ, можно спуститься въ другой, и третiй и наконецъ добраться до самаго дна, гдѣ, извиваясь между каменныхъ уступовъ; быстро бьетъ холодный ключъ.

VI.

Квинслэндъ.—Брисбэнъ.—Отъѣздъ изъ Австраліи.—Отъ Сиднея до Цейлона.

Изъ Сиднея мы двинулись въ Брисбэнъ. Насъ предупредили, что на границѣ Квинслэнда установленъ санитарный осмотръ, и что поэтому необходимо въ Сиднеѣ заблаговременно заручиться соотвѣтствующимъ медицинскимъ удостовѣренiемъ. Эти удостовѣренiя членамъ конгресса безъ всякихъ дальнѣйшихъ формальностей

выдавались въ бюро съѣзда. Отъ Сиднея до Брисбэна больше сутокъ ѣзды по желѣзной дорогѣ, и поэтому намъ опять пришлось провести ночь въ вагонѣ. Впрочемъ, австрайлійскіе вагоны такъ удобны и спокойны, что этотъ переѣздъ нисколько не былъ утомителенъ.

Австрайлійскій аборигенъ.

Немного раздражало меня развѣ только устройство вагонныхъ умывальниковъ, спеціально приспособленныхъ для наиболѣе экономнаго пользованія водой, составляющей въ Австраліи порядочную драгоцѣнность. Для того, чтобы получить тоненькую струйку воды изъ крана, нужно было или непрерывно работать съ небольшимъ

«истор. вѣстн.», май—июнь, 1917 г., т. XLVІІІ.

18

насосомъ, или все время нажимать пальцемъ большую кнопку съ очень сильной пружинной. И то, и другое доставляло очень мало удовольствія, и поэтому естественно хотѣлось довольствоваться самымъ скромнымъ количествомъ воды въ умывальной чашкѣ. Однако, несмотря на всѣ эти затрудненія, къ утру всѣ мы оказались не только вымытыми, но и начисто выбритыми.

По мѣрѣ приближенія къ Брисбэну, дорога становилась все болѣе и болѣе живописной. Растительность дѣлалась разнообразнѣе, все чаще стали попадаться пальмы. Среди горъ и густыхъ лѣсовъ показывались озера и рѣки. Нерѣдко пейзажъ оживлялся большими стадами крупнаго, выхоленнаго рогатаго скота.

Въ Брисбэнъ мы пріѣхали, когда уже стемнѣло. Намъ подали очень высокіе маленькіе дилижансики, изъ которыхъ въ каждомъ могло помѣститься только по четыре человѣка. Лошади двинулись, и передъ нами потянулись улицы города. Между домами было много зелени, и у самаго тротуара высились тонкія пальмы. Вечерніе огни тихо выступали въ тепломъ сумракѣ. Пахло цвѣтами.

Гостинница, въ которой намъ было приготовлено помѣщеніе, оказалась очень уютной. На длинной верандѣ, примыкавшей къ самому тротуару, стоялъ рядъ удобныхъ широкихъ соломенныхъ креселъ, съ такими длинными ручками, что на нихъ, по австраійскому обычаю, можно было съ удобствомъ положить ноги. Обширный вестибюль со столиками, покрытыми журналами и газетами, былъ почти совсѣмъ безъ оконъ и, очевидно, въ жаркіе дни являлся пріятнымъ убѣжищемъ. Во всѣхъ этажахъ къ коридорамъ примыкали балкончики, у которыхъ находились помѣщенія для ванны и душа.

Въ слѣдующіе дни мнѣ удалось поближе познакомиться съ Брисбэнномъ и его окрестностями. Брисбэнъ и въ Австраліи считается молодымъ городомъ. Поэтому европейская цивилизація тамъ не успѣла пустить такихъ глубокихъ корней, какъ, на примѣръ, въ Сиднеѣ или Мельбурнѣ. Брисбэнскому университету всего только четыре года, и онъ пока не имѣетъ даже собственнаго зданія, занимая временно бывшій губернаторскій домъ. Однако уже теперь возникаютъ особыя постройки для отдѣльныхъ лабораторій, и, конечно, черезъ немного лѣтъ Квислендскій университетъ по своей внѣшней обстановкѣ не будетъ уступать университетамъ другихъ австраійскихъ штатовъ. Развитіе науки австраійцы считаютъ такой же насущной необходимостью для правильнаго теченія народной жизни, какъ чистую воду и хорошія дороги. Этнографическій музей Брисбэна не хуже Аделаидскаго, но, конечно, уступаетъ Сиднейскому и Мельбурнскому; о картинной же галлерей не приходится и говорить,—она совсѣмъ незначительна. Но что пріятно поражаетъ въ Брисбэнѣ,—это всюду пробивающаяся могучая природа. Здѣшній ботаническій садъ—самый богатый въ Австраліи.

Тутъ можно видѣть самыя разнообразныя пальмы и сотни гигантскихъ тростниковъ, плотно прижавшихся другъ къ другу, широкіе стволы которыхъ съ трудомъ могутъ обхватить четыре человѣка. Могучая природа Квинслэнда еще ярче развертывается при знакомствѣ съ Брисбэнскими окрестностями.

Изъ Брисбэна я сдѣлалъ двѣ экскурсіи: на плантаціи сахарнаго тростника и въ ананасныя поля. Маленькій городокъ, въ которомъ устроенъ сахарный заводъ, принялъ насъ очень радушно. Намъ подробно показали заводъ. Остановившись у громадныхъ вороховъ сахарнаго тростника, приготовленнаго къ обработкѣ, мы отламывали концы отъ длинныхъ палокъ и, обстругавъ ихъ перочинными ножами, жевали и сосали бѣлый сладкій стволъ. На нашихъ глазахъ подвозились громадныя вороха тростниковыхъ стволовъ. По узкимъ лѣстницамъ мы вошли въ темноватое помѣщеніе второго этажа завода и наблюдали процессъ очищенія раздобытаго изъ тростника сахара. Послѣ этого насъ пригласили въ небольшой залъ, сплошь украшенный пальмами съ рядомъ накрытыхъ столовъ, на которыхъ между букетами желтыхъ мимозъ темнозолотистыми рядами возвышались душистые ананасы. Мы позавтракали и, усѣвшись въ открытые вагоны небольшого заводскаго поѣзда, поѣхали въ горы, за которыми раскинуты плантаціи тростника. На небольшомъ пространствѣ земли рѣдко можно встрѣтить сразу столько красотъ, сколько было ихъ здѣсь. Дорога все время была горючая. Надъ нашими головами свѣшивались зеленыя вѣтки деревьевъ самыхъ разнообразныхъ породъ: тутъ были и широкія пальмы, и узкія полосы дикихъ лианъ. Мѣстами пестрѣли цвѣты, а внизу подъ ногами раскрывалась зеленая глубина. Синѣли верхушки отдаленныхъ лѣсовъ: гдѣ-то вдали серебрилась вода и мелькали совѣмъ маленькіе, точно игрушечные, домики. Иногда нашъ поѣздъ катился прямо надъ пропастью, проѣзжая по узкому мостику, перекинутому между горами. Сидя на открытой вагонеткѣ, прыгающей и трясущейся, здѣсь трудно было удержаться отъ того, чтобы на минуту не закрыть глаза.

Нѣсколько въ другомъ родѣ картины раскрывались передъ нами, когда намъ пришлось на автомобиляхъ разсматривать болѣе близкія окрестности Брисбэна. Проѣхавъ по гладкой дорогѣ черезъ густой тропическій лѣсъ, откуда неслись громкіе свисты птицъ и свѣжій запахъ зелени, мы очутились на широкомъ просторѣ. Горъ не было видно: только въ разныхъ мѣстахъ раскинулись бѣлые домики, окруженные низкими бананами, съ ихъ узкими, какъ бы надломленными листьями и висящими подъ ними рѣдкими гроздьями плодовъ. А дальше были раскинуты безъ конца уходящія вдаль поля ананасовъ. Золотистые плоды, прикрытые широкими листьями, правильными рядами расходились во всѣ стороны. Кое-гдѣ стояли высокія пальмы. Въ свѣжемъ воздухѣ чуялся бли-

зость моря. Черезъ полчаса ѣзды мы дѣйствительно были уже на берегу океана. Здѣсь на широкой верандѣ гостиницы насъ ожидалъ обѣдъ. Было тихо. Великій океанъ покойно дышалъ, едва колыша своей могучей грудью.

Послѣдній вечеръ въ Брисбэнѣ мнѣ особенно памятенъ. Вернувшись съ прогулки, я сидѣлъ въ вестибюлѣ нашей гостиницы за газетой. Ко мнѣ неожиданно наклонился Гребнеръ. «Сегодня мы должны проститься»,—сказалъ онъ,—«не хотите ли выпить со мной на прощанье пива?» Я охотно согласился. Когда стаканы наполнились, то Гребнеръ тихо сказалъ по-нѣмецки: «Отъ всей души желаю, чтобы скорѣе наступилъ миръ, и чтобы обѣ наши родины какъ можно меньше пострадали отъ войны». Мы начали говорить, и въ задушевномъ тонѣ своего товарища, такъ неожиданно превращеннаго во врага, я почувствовалъ столько человѣческой глубины, что онъ какъ-то сталъ мнѣ особенно дорогъ. Видно было, что теперь, послѣ нашихъ многихъ разговоровъ, Гребнеръ уже не вѣрилъ въ то, что инициатива войны шла отъ Россіи, но онъ не хотѣлъ вѣрить и въ то, что эта война задумана Германіей, и склоненъ былъ во всемъ винить англичанъ. Онъ считалъ эту войну большимъ несчастьемъ для своей страны, но, сознавая свой долгъ передъ родиной, готовъ былъ спокойно умирать. Мы долго говорили.

Пароходъ «Морея», на которомъ мы должны были отплыть изъ Сиднея, отчаливалъ 23-го августа въ 12 часовъ дня. Къ этому времени мы были на палубѣ. Моя каюта, которую я занималъ вмѣстѣ съ профессоромъ Гриномъ, выходила окнами на верхнюю палубу. Къ отходу парохода на пристани собралось много провожающихъ, пріѣхалъ и губернаторъ, имѣвшій среди членовъ Британской Ассоціаціи своихъ близкихъ знакомыхъ. Пожимая на прощанье мнѣ руку, онъ выразилъ удовольствіе по поводу того, что видитъ въ Австраліи русскаго, и любезно спросилъ, насколько я остался доволенъ результатамъ своего путешествія. «А знакомы ли вамъ»,—спросилъ онъ потомъ,—«тѣ мѣста на границѣ Германіи и Россіи, гдѣ теперь идетъ война?».—«Да»,—отвѣтилъ я,—«мнѣ часто приходилось бывать въ Германіи, и, кромѣ того, я довольно долго работалъ въ нѣмецкихъ университетахъ». Здѣсь нашъ разговоръ внезапно оборвался, и я невольно почувствовалъ, что, пожалуй, мой простодушный отвѣтъ въ данномъ случаѣ показался не очень дипломатичнымъ.

За нѣсколько минутъ до отхода парохода, на палубу явился отрядъ австралійскихъ солдатъ, занявшихъ всѣ входы въ каюты. Всѣ пассажиры должны были собраться въ салонѣ I класса, и гуськомъ дефилировать мимо офицера, осматривавшаго документы. Впрочемъ, члены Британской Ассоціаціи были освобождены отъ этой формальности, и офицеръ довольствовался простымъ заявле-

нiемъ стояшаго около него представителя Сиднейскаго университета, о томъ, что «это нашъ».

Когда наступило время отчаливать, то изъ толпы провожающихъ стали взвиваться на палубу нашего парохода длинныя ленты разноцвѣтныхъ серпантиновъ, концы которыхъ подхватывались отъѣзжавшими пассажирами. Такимъ образомъ быстро между нами и пристанью образовалась цѣлая сѣть цвѣтныхъ ленточекъ, красиво

Цивилизованная аборигентка.

колебавшихся въ воздухѣ. Пароходъ медленно отходилъ, ленточки все больше и больше натягивались и постепенно разрывались. Исчезали послѣднiя связи между нами и берегомъ. Наконецъ, опустились въ воду послѣднiе концы разорванныхъ серпантиновъ, и съ обѣихъ сторонъ въ воздухѣ замелькали шляпы, зонтики и платки. Мы прощались съ Сиднеемъ. Красивой панорамой развернулась предъ нами въ послѣднiй разъ широкая гавань города, сверкнули на солнцѣ высокiя стѣны бѣлыхъ домовъ, потонувшихъ въ зелени, мелькнули пальмы ботаническаго сада, и крутымъ изгибомъ выдвиги-

нулись голыя скалы, сторожащія входъ въ океанъ. Передъ нами была безбрежная гладь.

Отъ Сиднея до Фриментля, мимо всего южнаго берега Австраліи, мы плыли 10 дней, сдѣлавъ небольшія остановки въ Мельбурнѣ и Аделаидѣ. Нашъ пароходъ по своей величинѣ почти равнялся «Эврипиду», но только былъ нѣсколько болѣе старой конструкціи. Кромѣ того, значительная часть прислуги состояла изъ чернолицыхъ сингалезовъ, въ чалмахъ и пестрыхъ восточныхъ тряпкахъ. Съ перваго раза это казалось очень оригинальнымъ и даже красивымъ, но со временемъ легко было убѣдиться въ большихъ преимуществахъ европейской прислуги. Сингалезу всегда требуется почти вдвое больше времени для того, чтобы съ величайшею суетливостью и утомленіемъ продѣлать то, что спокойно и свободно дѣлаетъ англичанинъ.

Передъ каждымъ заходомъ въ портъ мы должны были подвергаться санитарному осмотру, хотя, впрочемъ, этотъ осмотръ, какъ и передъ прибытіемъ въ Австралію, сводился къ поверхностной, хотя и довольно скучной, формальности. Мы должны были въ условный часъ собираться въ салонъ и собственноручно вручать санитарному врачу заранѣе выданное намъ отъ парохода удостовѣреніе о своемъ здоровьѣ.

Весна въ Австраліи идетъ быстрымъ ходомъ, и на примѣрѣ Аделаиды, за мѣсяць до моего отъѣзда изъ нея, замѣтно измѣнилась. Прежняя красавица стала еще прекраснѣй. Къ сладкому запаху эвкалиптовъ примѣшивался тонкій аромать флердоранжа. По бѣлымъ стѣнамъ домовъ поплзли густыя гирлянды цвѣтовъ. Солнце весело заливало своимъ яркимъ блескомъ широкія шапки низкорослыхъ пальмъ съ пирамидальными стволами и бодрія лица прохожихъ.

Передъ отходомъ парохода изъ Аделаиды передо мной вдругъ неожиданно выросъ Гребнеръ: «Я пріѣхалъ съ вами проститься», — сказалъ онъ, — «на Яву мнѣ выѣхать не удалось: отъ меня требовали честнаго слова, что, вернувшись въ Германію, я не вступлю въ ряды арміи. Какъ офицеръ запаса, такого честнаго слова я дать не могъ: теперь меня задержали въ Австраліи до конца войны». Я пожалъ ему руку и сказалъ, что для его жены все-таки должно быть большимъ утѣшеніемъ сознаніе, что онъ, по крайней мѣрѣ, будетъ живъ. Гребнеръ грустно пожалъ плечами: какъ-ни какъ, онъ былъ въ плѣну. Мы разстались. И какая-то почти дѣтская обида отражалась на его лицѣ, когда онъ, стоя на пристани, въ послѣдній разъ дѣлалъ рукою прощальный знакъ нашему пароходу.

1-го сентября, отплывая изъ Фриментля, мы въ послѣдній разъ видѣли берега Австраліи. Если бы не тяжелыя думы, вызываемыя войной, то какимъ волшебнымъ сномъ была бы наша поѣздка по этой странѣ, полной солнца и ласки, довольства и дружбы, пол-

ной глубокаго уваженія къ труду и правамъ человѣка. Прощаясь съ Австраліей, невольно хотѣлось повторять слова національной австралійской пѣсни, много разъ раздававшейся во время разныхъ банкетовъ: «Солнцемъ вся озарена, яснымъ золотомъ полна, благодатная страна, Божій даръ, Австралія! Счастье быть рожденнымъ въ ней! Счастье вѣрить все сильнѣй: нѣтъ страны тебя милѣй, Божій даръ, Австралія! Дѣти смѣлыхъ моряковъ, мы хранимъ за вѣтъ отцовъ: за свободу, за свой кровъ, Божій даръ, Австралію. Намъ свобода—вѣрный щитъ! Безграниченъ и сердитъ, океанъ тебя хранить, Божій даръ, Австралія! Блещутъ волны, бьеть прибой и надеждъ великихъ рой рѣветъ гордо надъ тобой, Божій даръ, Австралія! Каждый радъ изъ насъ въ краю, если надо, такъ въ бою умереть за честь твою, Божій даръ, Австралія!».

По мѣрѣ того, какъ мы удалялись отъ берега, Индійскій океанъ становился все тише и тише. Наконецъ, стало совсѣмъ спокойно. и дальнѣйшее наше плаваніе до самаго Египта проходило безъ бурь. Черезъ два дня послѣ отхода изъ Фриментля, мы вступили въ область тропиковъ. Было жарко и свѣтло. На пароходѣ установился порядокъ жизни, подобно тому, какой былъ на «Эврипидѣ». Но скоро наше спокойствіе стало нарушаться тревожными признаками. Приближаясь къ Явѣ и Суматрѣ, капитанъ далъ приказаніе по вечерамъ гасить огни на палубѣ, и широкія площадки парохода, сверкавшія обыкновенно сотнями электрическихъ лампочекъ, погрузились во мракъ. Кое-гдѣ, у входа въ каюты, были оставлены небольшія лампы, тщательно завернутыя въ серпанку и, сверхъ того, закрытыя щитами съ наружной стороны парохода. Флагъ тоже былъ убранъ, на пароходѣ были запрещены пѣсни, крики и ствиски, телеграфъ Маркони бездѣйствовалъ, и мы, какъ пираты, скользили въ темнотѣ. Это было мѣсто, гдѣ была опасность встрѣтить нѣмецкіе военные крейсера.

Утромъ 8-го сентября мы переѣхали экваторъ, пробывъ 70 сутокъ въ южномъ полушаріи. На этотъ разъ переходъ экватора не сопровождался ровно никакими церемоніями, и только наканунѣ было вывѣшено объявленіе, что «Морея» пересѣчетъ экваторъ завтра въ 7 часовъ 20 минутъ утра. Хотя, конечно, экваторъ не обнаруживаетъ своего присутствія въ океанѣ ничѣмъ особеннымъ, тѣмъ не менѣе многихъ что-то толкнуло въ этотъ часъ выйти на палубу. Я тоже поддался этому искушенію и около 7 часовъ пошелъ посмотреть на горизонтъ. Наканунѣ былъ сильный тропическій дождь, внезапно рухнувшій широкими струями воды. Немного моросило. Было туманно и скучно.

9-го сентября мы стали подъѣзжать къ Цейлону. Съ утра на горизонтѣ образовались горы, которыя при яркомъ солнцѣ казались совсѣмъ легкими прозрачными облаками, поднимающимися изъ воды. Около 3¹/₂ часовъ мы стали входить въ гавань.

Надъ нашимъ пароходомъ, широко распластывая крылья, вилась какая-то громадная ярко-красная птица. Со всѣхъ сторонъ между рядами большихъ пароходовъ двигалось множество маленькихъ лодокъ, на которыхъ стояли и сидѣли почти совсѣмъ голые люди съ темной кожей самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ. Нѣсколько лодокъ причалило къ нашему пароходу и со всѣхъ сторонъ къ намъ на палубу полѣзли худощавые сингалезы съ легкими повязками на головахъ и одѣтые только въ небольшія юбочки.

Забравъ съ собой небольшой багажъ, мы сѣли на ботикъ и вышли на пристань въ Коломбо. Комиссіонеръ гостиницы взялъ наши вещи, а затѣмъ къ намъ подскочило нѣсколько рикшъ со своими легкими экипажами. Я взобрался на высокое сидѣнье поданной мнѣ небольшой колясочки. Мой рикша, схвативъ оглобли, наклонился, какъ лошадь, вытянувъ совершенно горизонтально свою голую шеколадную спину и выпятивъ свои острые локти, побѣждалъ, подпрыгивая и пришлепывая по гладкой дорогѣ своими босыми черными ногами. Съ непривычки было какъ-то неловко ѣхать на челоуѣкѣ, но долженъ сознаться, что потомъ, когда при каждой прогулкѣ рикши гонялись за нами по городу и наперерывъ просили сѣсть въ ихъ экипажи, чтобы за треть рупіи (20 коп.) вести насъ четверть часа, это чувство неловкости постепенно стало притупляться.

Послѣ красотъ южной Африки, Голубыхъ горъ, Южнаго Уэльса, причудливой природы Квинслэнда и океанскаго простора, казалось ничто уже въ мірѣ не могло особенно поразить, но природа Цейлона и послѣ всего этого произвела на меня ошеломляющее впечатлѣніе. Еще подъѣзжая къ гостиницѣ, мы видѣли колоссальныя пальмы, которыя какъ змѣи тянулись къ океану своими лохматыми шапками, а потомъ, когда на слѣдующій день удалось совершить поѣздку за городъ, хотѣлось кричать отъ восторга при видѣ того избытка красоты и силы, который неудержимо рвался наружу въ разнообразныхъ формахъ жизни индійскаго тропическаго лѣса. Сила впечатлѣнія отъ природы Цейлона увеличивается еще тѣмъ, что она соединяется съ необычными декораціями сингалезскихъ жилищъ и своеобразной пестротой быта ихъ жителей. Уже въ самомъ Коломбо встрѣчаются цѣлыя улицы, гдѣ сплошь ютятся цвѣтныя люди: на каждомъ шагѣ вы видите открытыя лавочки съ продавцами, сидящими въ торжественныхъ позахъ на самыхъ прилавкахъ, съ волосатыми грудями и открытыми животами. Здѣсь же на улицахъ шмыгаютъ дѣти съ одной веревочкой вокругъ таліи вмѣсто всякой одежды, бредутъ старыя нищѣ съ непокрытыми головами и черной кожей, висящей тряпками по тѣлу. Красивыя мальчуганы съ живыми темными лицами несутъ воду. На панеляхъ сидятъ длинноволосые люди съ распущенными косами или женскими прическами, украшенными черепаховыми гребешками. По улицамъ движутся низень-

кіе горбатые быки, запряженные въ неуклюжія крытыя повозки, наполненныя фруктами или людьми. Выѣхавъ за городъ, можно еще лучше наблюдать незатѣйливую жизнь сингалезовъ. Ихъ жилища построены среди пальмовыхъ рощъ, и въ жаркое время (а тогда было невыносимо жарко) въ нихъ живутъ только ночью. Такимъ образомъ вся жизнь проходитъ передъ домомъ. Мы видѣли матерей, моющихъ на воздухѣ своихъ дѣтей, черныхъ школьниковъ, зубрящихъ что-то хоромъ на открытомъ воздухѣ, астролога, гадающаго въ своей открытой лавочкѣ, старухъ, плетущихъ коврики, видѣли стирку бѣлья, совершаемую цѣлымъ семействомъ, на нашихъ глазахъ происходила и уборка кокосовыхъ орѣховъ.

Голубяя горы.

Въ шести верстахъ отъ Коломбо на небольшой возвышенности построенъ буддійскій храмъ. Войдя въ широкія ворота, мы вышли на большой дворъ и по небольшой лѣстницѣ поднялись къ главной двери храма. У входа стояли два жреца съ бритыми головами въ желтыхъ плащахъ. Намъ показали статую Будды и нѣсколько стеклянныхъ шкафовъ, полныхъ разныхъ приношеній. Здѣсь были куски шелковыхъ матерій, золотые и серебряные сосуды, металлическія изображенія Будды и проч. Стѣны комнаты были покрыты наивно исполненными рисунками изъ жизни Саккья-Муни. Во второй полутемной комнатѣ главнаго храма находилась громадная металлическая фигура лежащаго на боку Будды. Его громадная голова опирается на руку и лицо, лишенное какого-то ни было намека

на чувства или мысли, должно выражать полное безстрастіе. Если эта колоссальная фигура, длиною, по крайней мѣрѣ, въ два человѣческихъ роста и можетъ у кого-нибудь вызывать религіозное настроеніе, то эта безвкусная витрина, мнѣ кажется, непременно должна была бы его подрывать. Для гостей жрецы раскрыли стеклянную витрину и вынули изъ нея три списка священныхъ книгъ, начертанныхъ на пальмовыхъ листьяхъ. Эти списки лежали на золотыхъ ногахъ Будды, и мы съ радостью согласились на предложеніе жрецовъ приобрести ихъ себѣ на память. Осмотрѣвъ другія отдѣленія храма и обойдя кругомъ всего двора, мы вышли за ворота. Здѣсь къ намъ подскочило нѣсколько сингалезовъ, предлагая кокосовые орѣхи. Орѣхи сейчасъ же были разбиты молотками, и мы съ удовольствіемъ напились холоднаго кокосоваго молока.

Изъ другихъ впечатлѣній, полученныхъ въ Коломбо, хочется вспомнить посѣщеніе сингалезскаго театра. Это было въ первый вечеръ нашего пребыванія на Цейлонѣ. Въ городѣ наступила мягкая тишина и кое-гдѣ стали зажигаться огни. Быстроногіе рикши привезли насъ къ большому зданію, стоявшему на окраинѣ города. При входѣ намъ вручили либретто на англійскомъ языкѣ, но все представленіе происходило по-сингалезки. Въ довольно обширномъ помѣщеніи было много народа, хотя кромѣ насъ тамъ находилось всего два европейца. Отъ массы сингалезскихъ тѣлъ, даже и при широко открытыхъ дверяхъ на улицу, поднимался какой-то тошнотворный сладкій запахъ, отъ котораго было трудно дышать. Однако мы усѣлись и стали ждать, пока поднимется завѣсъ. Оркестръ, состоящій изъ тамъ-тама, и скрипки тянулъ какую-то однообразную и утомительную мелодію, вызывавшую впрочемъ, полное вниманіе слушателей. Началось представленіе. На сценѣ, завывая и однообразно жестикулируя руками, вели разговоръ нѣсколько жрецовъ. Вопросъ шелъ о томъ, можно ли переводить священные буддійскія книги на живые языки. Такъ какъ ни одна сторона не могла убѣдить другую, то они рѣшили ходить и спрашивать совѣта у разныхъ лицъ. Слѣдующая безконечная серія отдѣльныхъ картинъ изображала это странствованіе. Конечно, такой сюжетъ не могъ давать повода къ особенно сложнымъ драматическимъ положеніямъ и поэтому постоянно вставлялись разнаго рода вводныя сцены съ пѣніемъ и танцами. И то, и другое было очень примитивно и однообразно. Декораціи и костюмы были бѣдны. Однако театръ сильно одобрялъ каждый хоть нѣсколько выдающійся номеръ и, видимо, былъ захваченъ основною темой пьесы.

Было поздно, когда мы вернулись изъ театра. Но въ эту теплую ночь, при ясномъ свѣтѣ луны, озарявшей темный берегъ и гладкія воды океана съ окружившими его тяжелыми облаками, спать совсѣмъ не хотѣлось. Я долго стоялъ у раскрытаго окна своей комнаты, слѣдя за гаснущими огнями и замирающимъ гуломъ дале-

кихъ голосовъ. Рано утромъ высокій черный сингалезъ въ длинномъ бѣломъ костюмѣ съ юбкой до самой щиколки и въ дамской прическѣ, подкрѣпленной черепаховой гребенкой, неслышно ступая, принесъ мнѣ кофе, масло и душистый померанецъ. Остроносый смуглый мальчуганъ съ живыми глазами подалъ мнѣ лифтъ, и я спустился къ завтраку. Утро прошло въ закупкахъ разныхъ бездѣлушекъ и хожденіи по городу. Послѣ чистоплотной Австраліи Коломбо кажется невыносимо грязнымъ, такъ какъ сингалезы постоянно жуютъ красный бетель и безъ всякаго стѣсненія заплевываютъ имъ всѣ тротуары.

VII.

Въ Бомбей.—Адепъ.—Въ Красномъ морѣ.—Портъ-Саудъ.

Отъ Цейлона мы направились къ Бомбею, гдѣ намъ предстояло взять для Англіи большую корреспонденцію. Путь вдоль береговъ Индостана былъ очень интересенъ, такъ какъ передъ нами все время смѣнялась чудная декорація. Горы, богатая растительностью, оживляли однообразіе океана. Кромѣ того, мы здѣсь уже не боялись нападенія нѣмецкихъ крейсеровъ, и у насъ опять по вечерамъ повсюду горѣли огни. Въ Бомбей мы пріѣхали рано утромъ и получили разрѣшеніе съѣздить въ городъ на три часа. Конечно, пришлось ограничиться только самымъ поверхностнымъ осмотромъ. Мы взяли фіакръ и, заѣхавъ на почту послать телеграммы, стали кататься по городу. Центральная часть Бомбея, гдѣ помѣщается почта, станція и разныя присутственныя мѣста, имѣетъ совершенно европейскій видъ. Только мѣстами попадаются зданія съ своеобразной индійской архитектурой, съ тонко сдѣланными, какъ бы кружевными украшеніями. Чѣмъ дальше отъ центра, тѣмъ больше улицы Бомбея напоминаютъ Коломбо.

Когда мы къ назначенному часу двинулись на пристань, то оказалось, что сразу попасть на пароходъ намъ нельзя. Приходилось сначала выдержать санитарный осмотръ, такъ какъ Бомбей—очагъ чумы. Два часа томились мы въ ожиданіи очереди. Наконецъ, насъ пригласили въ санитарный баракъ. Мы называли свои фамиліи и протягивали доктору руку, а онъ щупалъ пульсъ, пока его ассистентъ писалъ требуемое свидѣтельство.

На пароходѣ было тревожное настроеніе, такъ какъ въ Бомбей только что была получена телеграмма о нападеніи «Эмдена» на Мадрасъ. Дѣйствительно, время было очень неблагоприятное, такъ какъ недавно 40 англійскихъ крейсеровъ отправились въ Европу съ 40 тысячами индійскихъ солдатъ и берега Индостана остались почти безъ защиты. Германскій крейсеръ «Эмденъ» началъ усиленно охотиться за пассажирскими пароходами, и даже рѣшился обстрѣлять восточный берегъ Индостана.

Нашъ капитанъ ожидалъ экстренныхъ приказаній, наводились какія-то справки, а мы все стояли на якорѣ. Наше безпокойство отчасти усиливалось еще тѣмъ, что въ Бомбеѣ на «Морею» сѣло нѣсколько пассажировъ съ пароходовъ, разстрѣленныхъ нѣмцами. Такимъ образомъ мы отъ очевидцевъ узнали, какая судьба ждала бы нашу «Морею», при встрѣчѣ съ «Эмденомъ». Будетъ дано два выстрѣла, говорили намъ, одинъ снарядъ упадетъ передъ пароходомъ, другой перелетитъ. Послѣ этого, конечно, придется остановиться. Нѣмцы входятъ на палубу, отбираютъ отъ пассажировъ ихъ деньги и золотыя вещи, арестуютъ документы парохода, забираютъ себѣ пищу и уголь и, забравъ въ плѣнъ пассажировъ, разстрѣливаютъ пароходъ. Послѣ этого пассажировъ можетъ ждать различная участь: они или будутъ высажены на какойнибудь ближайшій берегъ, или въ шлюпкахъ съ небольшимъ количествомъ пищи будутъ пущены на волю Божию. Само собою разумѣется, что ни та, ни другая перспектива не казались особенно заманчивыми. А нашъ пароходъ все стоялъ. Такъ мы простояли цѣлый вечеръ, ночь, утро и снова день. Наконецъ, черезъ 36 часовъ стоянки, совершенно не предусмотрѣнной нашимъ расписаніемъ, было приказано ѣхать—соблюдая всяческую осторожность, т. е. безъ огней, безъ флага и, повидимому, мѣняя курсъ. Начались дни большой тревоги, о которой, впрочемъ, старались мало говорить. Однако по вечерамъ на темной палубѣ можно было наблюдать группы пассажировъ, пристально смотрѣвшихъ въ сторону юга, гдѣ каждое отдаленное мельканіе свѣта казалось прожекторомъ вражескаго парохода.

17-го сентября, въ день нашихъ многочисленныхъ именинницъ, около 5 часовъ дня я сидѣлъ на палубѣ «Мореи», какъ вдругъ на пароходѣ началось необычное движеніе. Всѣ игры сразу были брошены, и всѣ пассажиры устремились къ носу парохода. Я тоже схватилъ свой бинокль и побѣжалъ впередъ. Капитанъ, стоя на рубкѣ, смотрѣлъ въ подзорную трубу. Издалека, прямо намъ навстрѣчу на всѣхъ парахъ неся какой-то пароходъ. «Кто это?»— «Военный крейсеръ, безъ флага»,—сказалъ капитанъ,—а какой крейсеръ—сейчасъ увидимъ». Было приказано поднять флагъ на нашемъ пароходѣ. Въ это время встрѣчный крейсеръ загородилъ намъ дорогу и мы стали уже различать направленные на насъ пушки. «Нѣмецкій крейсеръ!»—эта мысль мелькала у всѣхъ насъ. Можетъ быть, черезъ нѣсколько минутъ мы будемъ въ плѣну. Эту возможность я сознавалъ вполне отчетливо, но днемъ, при яркомъ солнцѣ, все это казалось совсѣмъ не страшнымъ, какъ ночью три дня тому назадъ. Я представлялъ себѣ, что, вѣроятно, мнѣ придется лишиться всего багажа и перебраться съ парохода на спасательную лодку. Но передъ лицомъ возможной непосредственной опасности, страхъ куда-то ушелъ и осталось только чувство тяжелаго ожиданія,

напряженнаго желанія, чтобы все скорѣе разрѣшилось. Въ отвѣтъ на поднятый нами флагъ стали медленно подниматься небольшіе флажки на мачтахъ чужого парохода.

Однако вѣтеръ такъ трепалъ эти флаги, что даже въ бинокль нельзя было ихъ какъ слѣдуетъ рассмотреть. Создавались разныя предположенія. Но вотъ флагъ поднялся до самой верхушки мачты и вытянулся по вѣтру. Передъ нами ясно выдѣлялся англійскій крестъ. Вотъ когда отъ чистаго сердца закричалъ я «ура» во славу британскаго флага.

Послѣ этой встрѣчи мы почувствовали себя въ безопасности, такъ какъ, очевидно, англійскіе крейсера возвращались въ Индію. На слѣдующій же вечеръ пароходъ опять засіялъ огнями, тревога утихла, и больше хотѣлось любоваться природой. Вдали тянулись желтоватые берега Аравіи, скучныя и однообразныя кучи пески, среди которыхъ при всемъ напряженіи зрѣнія не удавалось увидать ни одной пальмы. Но синія воды аравійскаго залива были очень хороши и полны жизнью. Ни разу еще въ океанѣ мнѣ не приходилось видѣть на водѣ такого движенія. Дельфины и летающія рыбы попадались въ изобиліи. На пути въ Австралію мнѣ ни разу не удалось видѣть дельфиновъ. Говорили, что ихъ можно наблюдать въ Атлантическомъ океанѣ рано утромъ. Я пробовалъ раза два для этого вставать около 6-ти часовъ, но и то мнѣ не посчастливилось. Летающихъ рыбъ я видѣлъ въ Атлантическомъ океанѣ нѣсколько разъ. Это все были одиночныя рыбки, быстро мелькавшія надъ самой водой, подобно ласточкамъ. Теперь же, въ Аравійскомъ заливѣ, удавалось въ теченіе цѣлаго дня наблюдать богатые фейерверки летающихъ рыбъ. У самага парохода одновременно появлялись тысячи мельканій. Перелеты рыбокъ не велики и очень быстры, такъ что обыкновенно трудно даже различить форму рыбы. Получается впечатлѣніе, что кто то изъ воды стрѣляетъ мелкой дробью вдоль гладкой поверхности. Впрочемъ, иногда рыбки вылетали такъ близко, что удавалось ихъ рассмотреть. Еще болѣе увлекательное зрѣлище представляли собой дельфины, подобно змѣямъ извивавшіе свое тѣло на яркомъ солнцѣ. Ночью съ парохода часто можно было наблюдать фосфорическое свѣченіе моря, но еще эффектнѣе выступало это явленіе въ комнатѣ для душа: стоило только пустить въ темнотѣ сильную струю воды, какъ въ ней сейчасъ же начинали вспыхивать бѣлые и голубенькіе огоньки.

При входѣ въ Красное море на голыхъ скалахъ и бесплодныхъ пескахъ расположился городъ Аденъ, лишенный всякой растительности, съ небольшими грубо сдѣланными каменными домиками, грудями камней по сторонамъ дорогъ и грудями угля у берега. Онъ производитъ впечатлѣніе самага печальнаго мѣста на землѣ. Недаромъ существуетъ преданіе, что подъ нимъ находится адъ. Въ этомъ городѣ мы остановились на нѣсколько часовъ. Сойдя на

пристань, мы взяли экипажъ и поѣхали за городъ. На желтомъ и сѣромъ пейзажѣ выступали бѣловатые дома арабовъ, производившіе впечатлѣніе жилищъ, на-скоро поправленныхъ послѣ пожара. На сѣромъ фонѣ вытягивались ряды сѣрыхъ верблюдовъ съ торжественно поднятыми и надменно оттопыренными губами. За этими гордыми животными шли арабскіе погонщики, дергавшіе ихъ за хвостъ. На пути все время попадались многочисленныя группы арабовъ, совсѣмъ черныхъ въ бѣлыхъ плащахъ, или еще чаще съ одними повязками вокругъ бедеръ. Нерѣдко встрѣчались женщины съ блестящими зубами на темныхъ лицахъ и плотно закутанныя въ длинныя одежды. Подъ навѣсами нѣкоторыхъ домовъ стояли небольшіе столики, за которыми черные люди пили чай и играли во что то, похожее на шашки. На базарѣ толпилось множество верблюдовъ и мелкихъ животныхъ. Миновавъ два кладбища, одно христіанское, а другое магометанское, мы остановились около громаднаго древняго водоема, устроеннаго еще больше 2000 лѣтъ тому назадъ. Изъ большихъ каменныхъ бассейновъ, расположенныхъ въ горахъ, вода по каменнымъ стокамъ собирается въ колоссальный колодезь. Здѣсь на прохладѣ и среди водяныхъ паровъ выросло нѣсколько деревьевъ.

Въ теченіе всего пути насъ осаждали попрошайничающія дѣти, которыя неустанно бѣжали за нашимъ экипажемъ, прося бакшиша. Сначала мы раздавали имъ мелкія монеты, но потомъ атака нищихъ приняла такой бѣшеный характеръ, что мы рѣшили быть мужественными и отказались давать на-отрѣзъ. Однако, освободиться отъ попрошаекъ было невозможно. Особенно памятенъ мнѣ одинъ мальчуганъ, лѣтъ 14-ти, приставшій къ намъ на обратномъ пути. Голый, съ однимъ поясомъ на темномъ шоколадномъ тѣлѣ, съ курчавыми волосами, онъ началъ свое дѣло обычнымъ методомъ, протянулъ руку и побѣжалъ за экипажемъ. Мы ему рѣшительно сказали, что бакшиша не будетъ, и что онъ можетъ напрасно не беспокоиться. Тогда онъ подтянулъ свой животъ и, хлопая по нему, сталъ увѣрять, что ему нечего ѣсть: «ни отца, ни матери, ни сестры, ни брата»,—затянулъ онъ свою обычную присказку, но когда одинъ изъ насъ сталъ подсказывать ему окончаніе его lamentаціи, то онъ разсмѣялся и запѣлъ пѣсню. Мои сосѣди сдѣлали видъ, что пришли въ ужасъ отъ его голоса. Тогда онъ постарался быть полезнымъ и сталъ криками подгонять нашу лошадь, а затѣмъ протянулъ руку за монетой. Ему опять отказали. Онъ все продолжалъ бѣжать и при первой случайной остановкѣ предложилъ себя сфотографировать, и всталъ для этого въ соответствующую позу. Ему сказали, что не находятъ его достаточно красивымъ для фотографіи. Тогда онъ, продолжая бѣжать за экипажемъ, попробовалъ принять на себя роль проводника и сталъ намъ показывать разныя интересныя вещи, въ родѣ проходящаго мимо верблюда. Увы,

и это не подѣйствовало. Безплодно испытывъ точку зрѣнія этическую и эстетическую, онъ попробовалъ использовать точку зрѣнія социально-политическую, и обратилъ наше вниманіе на то, что англичане богатые люди и должны дать что-нибудь ему. Въ отвѣтъ на это одинъ изъ нашей компаніи улыбнулся и затѣмъ сдѣлалъ вскользь какое-то замѣчаніе относительно того, какіе хорошіе зубы у большинства арабовъ. Мальчуганъ раскрылъ свой ротъ и предложилъ, если угодно, разсмотрѣть его зубы подробнѣе. Наконецъ, видя, что нашимъ вниманіемъ въ одиночку завладѣть довольно трудно, онъ крикнулъ себѣ на помощь другого чернокожаго мальчишку, и они оба пустились бѣжать рядомъ. Первый хлопалъ второго по шеѣ, какъ собаченку, а тотъ по-собачьи визжалъ и лаялъ. Когда и этотъ номеръ не имѣлъ успѣха (а за его исполненіе мальчуганъ просилъ всего одну пенни на двоихъ), то онъ перемѣнилъ репертуаръ, и запѣлъ тарарабумбію. Въ концѣ-концовъ онъ сказалъ, что совершенно измучился, возясь съ нами, и что надо же его отпустить. Бакшишъ былъ данъ. Мальчуганъ подбросилъ монету кверху, поймалъ, спряталъ и опять протянулъ руку, увѣряя, что бакшишъ неваженъ. Одинъ изъ англичанъ потребовалъ деньги обратно. Арабченокъ отскочилъ въ сторону и съ расплывчатой во все лицо улыбкой заявилъ, что «money is good» (деньги хороши). Мы ѣхали дальше, а онъ стоялъ на дорогѣ и съ ужимками кланялся, прикладывая руку ко лбу.

Въ гостинницѣ, на столѣ подъ широкими опахалами, приводимыми въ движеніе одной веревкой, за которую дергалъ маленькій арабченокъ, насъ ожидалъ чай. Позавтракавъ, мы сѣли на маленькій пароходъ, чтобы причалить къ «Мореѣ», но не успѣли отѣхать отъ берега и нѣсколькихъ сажений, какъ остановились. Арабы принялись развинчивать, чистить и смазывать какіе-то винтики, а мы сидѣли и ждали. Конечно, теченіемъ насъ несло не туда, куда надо. Наконецъ, послѣ долгой и шумной возни, мы двинулись и остановились у нашего большого парохода. Около «Мореи» вилась стая ястребовъ. Матросы кидали имъ объѣдки изъ кухни, а птицы когтями схватывали ихъ въ воздухѣ. Внизу же у самага нашего парохода на баржахъ съ углемъ копошились и кричали грязные, голые черные люди. Когда наступила пора отчаливать пароходу, они стали хлопать въ ладоши, уныло подпѣвать и притопывать, прося у насъ денегъ. Съ парохода полетѣло нѣсколько мѣдныхъ монетъ, и эти несчастные люди бросались за ними, какъ собаки, вырывая ихъ другъ у друга, толкаясь и крича.

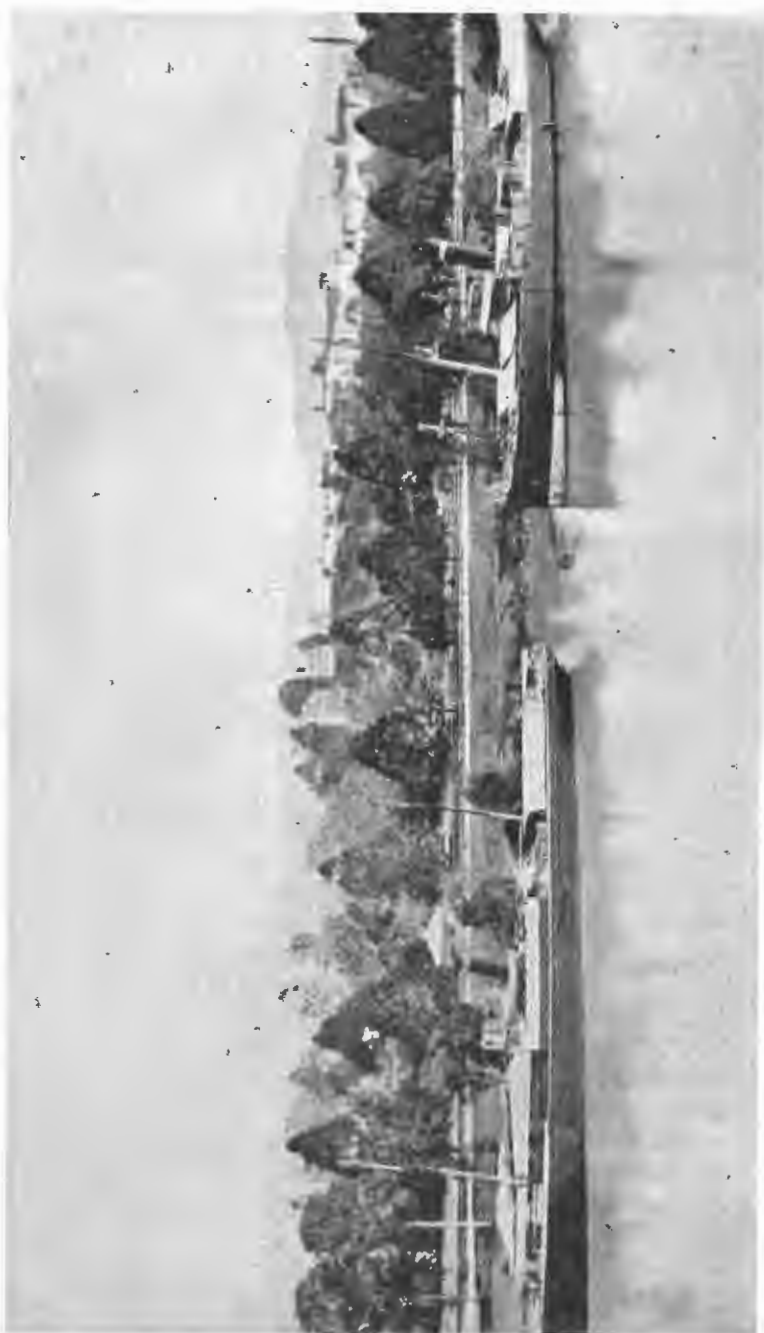
Въ Красномъ морѣ стояла сильная жара. Мы въ буквальномъ смыслѣ слова обливались потомъ, который широкими струями катился по лицу. Приходилось принимать значительныя дозы хинина, чтобы хоть нѣсколько понизить температуру тѣла. Но путь съ каждымъ днемъ становился интереснѣе. Послѣ многодневнаго плаванія

по океану пріятно видѣть берега съ песчаными горами, принявшими при вечернемъ освѣщеніи рѣзко красный цвѣтъ. Кое-гдѣ виднѣлись пальмы, караваны верблюдовъ, группы людей и бѣлые уютные домики арабовъ. Къ востоку отъ насъ тянулись вершины Синая, откуда раздался завѣтъ: «не убій», а навстрѣчу къ намъ двигались военные крейсера. Въ морѣ плескалось множество дельфиновъ съ порхавшими надъ ними стаями маленькихъ птицъ.

Въ Бомбеѣ, по случаю пришедшаго въ то время большого буддійскаго праздника, съ нашего парохода сошли почти всѣ сингалезы, Такимъ образомъ пароходъ неожиданно остался безъ достаточнаго количества прислуги. Утромъ некому было мыть палубу, и капитанъ для этой цѣли сталъ приглашать солдатъ, которые въ небольшомъ количествѣ были посажены на нашъ пароходъ для отъѣзда въ Европу. Но пассажирамъ это не понравилось, и они подали заявленіе капитану о своемъ желаніи принять личное участіе въ работѣ на пароходѣ.

Изъ числа записавшихся капитанъ выдѣлилъ двѣ группы, при чемъ въ первую же изъ нихъ былъ назначенъ 76-лѣтній *sig Lucas*, бывшій министръ колоній. Каждая группа должна была являться на работу черезъ день. Для этого нужно было встать въ 5 часовъ утра и въ одномъ бѣльѣ, босикомъ, полтора часа скрести палубу особыми щетками. Къ сожалѣнію, хотя я и подписался подъ этимъ заявленіемъ, но почему-то не попалъ (какъ, впрочемъ, и нѣкоторые другіе) въ списокъ капитана. Но работа, повидимому, была очень тяжелая, такъ какъ мой другъ Гринъ, человекъ привычный къ разнаго рода физическимъ упражненіемъ, все-таки возвращался въ свою каюту совершенно изнеможеннымъ.

23-го сентября въ 3 часа утра мы остановились у Суеца. Здѣсь предстоялъ санитарный осмотръ. Насъ всѣхъ подняли съ кровати и заставили немедленно явиться въ салонъ 1-го класса. Медленно, съ заспанными лицами, въ туфляхъ на босую ногу и халатахъ, выползали со всѣхъ сторонъ недовольныя фигуры, размѣщаясь во мракѣ едва освѣщеннаго зала. Въ полутемнотѣ стали появляться и фигуры женщинъ въ ночныхъ халатахъ и чепчикахъ. Около половины четвертаго явился санитарный врачъ, и разомъ зажглись всѣ лампы. Картина представилась очень странная, въ особенности, если вспомнить, что еще нѣсколько часовъ тому назадъ мы всѣ въ этомъ же залѣ сидѣли во фракахъ и вечернихъ туалетахъ. Санитарный осмотръ и здѣсь свелся къ довольно быстрой формальности. Мы молча дефилировали передъ докторомъ, передавая его ассистенту находившееся у насъ въ рукахъ свидѣтельство пароходной администраціи о своемъ здоровьѣ. Тотъ громко называлъ номера квитанцій, а врачъ ставилъ черточку противъ соотвѣствующихъ фамилій въ своемъ списокѣ. Гарантировавъ такимъ обра-

Брисбэнъ.

зомъ санитарное благополучіе Египта, мы вернулись въ каюту и схватились за свѣжія газеты. Дарданеллы закрыты, и, значитъ, прямого сообщенія между Египтомъ и Россіей нѣтъ. Гринъ сталъ уговаривать меня ѣхать до Лондона, использовавъ уже взятый мной билетъ, а затѣмъ воротиться домой черезъ Швецію. Но, къ сожалѣнію, въ той же газетѣ было извѣстіе о недавней гибели шведскаго парохода, наскочившаго на нѣмецкую мину. Рисковать не хотѣлось, и я рѣшилъ сойти на берегъ въ Египтѣ. Конечно, и въ Средиземномъ морѣ могла случиться какая-нибудь непріятность, но во всякомъ случаѣ этотъ путь былъ болѣе короткимъ.

Еще больше меня волновались находившіеся на пароходѣ два нѣмца: берлинскій профессоръ геологіи Пенкъ и зоологъ изъ Мюнхена, профессоръ Маасъ. Они оба были приглашены на конгрессъ и, какъ люди пожилые, не были задержаны въ Австраліи. Теперь они не знали, возможно ли имъ будетъ высадиться въ Египтѣ и посылали какія-то телеграммы, ожидая отвѣта въ Портъ-Саидѣ.

Путешествіе этихъ нѣмцевъ на англійскомъ пароходѣ при возвращеніи изъ Австраліи, повидимому, не было особенно пріятнымъ. Они чувствовали себя нѣсколько изолированными, хотя съ внѣшней стороны всѣ соблюдали съ ними полную корректность. Высокій, толстый, совершенно бритый Пенкъ все время старался вести разговоры въ самомъ веселомъ непринужденномъ тонѣ, какъ будто въ сущности ничего особеннаго не случилось, а маленькій тщедушный Маасъ, съ небольшими усами на худомъ загорѣломъ лицѣ и безпокойно бѣгающимъ взглядомъ темныхъ глазъ, все время находился въ состояніи хроническаго страха. Онъ боязливо озирался, если кто-нибудь начиналъ заговаривать съ нимъ по-нѣмецки и всю дорогу страдалъ отсутствіемъ аппетита.

Кромѣ этихъ нѣмцевъ, въ Портъ-Саидѣ собирались высадиться еще два пассажира: молодой польскій художникъ Ст. Ст. Виткевичъ, о которомъ мнѣ пришлось уже упоминать, и одна еврейка, родомъ изъ Одессы, бывшая замужемъ за сиднейскимъ фотографомъ. Получивъ телеграмму о томъ, что всѣ ея братья, жившіе съ матерью въ Одессѣ, пошли на войну, она рѣшилась немедленно отправиться въ Россію, чтобы, захвативъ мать и жившаго у нея сына отъ перваго брака, немедленно опять ѣхать въ Австралію.

По Суэцкому каналу мы двигались цѣлый день, и это несомнѣнно былъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ дней нашего путешествія. Красныя песчаныя горы, окаймлявшія пейзажъ по обѣ стороны канала, временами прерывались или уходили далеко вглубь, открывая видъ на желтыя, залитыя солнцемъ пустыни. Кое-гдѣ по берегамъ канала и среди обширныхъ песковъ, разстилавшихся вдаль, зеленѣли группы молчаливыхъ пальмъ съ фигурами арабовъ въ широкихъ бѣлыхъ одеждахъ.

VIII.

Въ Египтѣ.—Черезъ Балканы въ Петроградъ.

Въ Портъ-Саидскую гавань мы вошли ночью. Я простился со своими англійскими спутниками и въ сопровожденіи профессора Грина, пожелавшаго проводить меня до таможни, переѣхалъ на лодкѣ въ городъ. Таможенный чиновникъ въ красной фескѣ осмотрѣлъ мой паспортъ и пропустилъ меня въ небольшой таможенный залъ. Здѣсь я простился съ Гриномъ и сталъ ожидать двухъ своихъ компаньоновъ, также отправлявшихся въ Россію. Скоро пришелъ Виткевичъ и сообщилъ, что оба нѣмца, находившіеся на «Мореѣ», чему-то очень волновались и не рѣшили сойти на берегъ въ Египтѣ. Послѣ осмотра нашего багажа намъ заявили, что по случаю военного времени необходимо будетъ подвергнуться и нѣкоторому личному обыску. Меня попросили вывернуть все карманы и заявить, нѣтъ ли при мнѣ оружія. Не удовольствовавшись этимъ, таможенный чиновникъ прощупалъ еще мою грудь и спину. Наконецъ, все формальности были кончены, и мы отправились въ гостиницу. Путь былъ недалекій и, несмотря на глубокую ночь, все улицы были освѣщены и все магазины открыты. Такъ, говорятъ, всегда бываетъ въ Портъ-Саидъ во время прибытія пароходовъ. Гостиница оказалась вполне удобной и чистой. Я покормилъ своихъ трехъ попугайчиковъ, вывезенныхъ изъ Австраліи, и скоро заснулъ глубокимъ сномъ.

Утромъ меня разбудила пѣсня пѣтуховъ. Проснувшись, я сообразилъ, что это кричали мои попугаи. Въ Бомбѣ на палубу рядомъ съ ними была поставлена клѣтка съ курами и пѣтухами. Дурное общество оказало свое вліяніе, и въ теченіе нѣсколькихъ дней подрядъ попугаи не могли забыть впечатлѣнія, произведеннаго на нихъ пѣтушинымъ пѣніемъ.

Наведя необходимыя справки въ русскомъ консульствѣ и въ обществѣ Кука, мы рѣшили немедленно ѣхать въ Александрію, чтобы оттуда съ ближайшимъ греческимъ пароходомъ отправиться въ Пирей. Время въ вагонѣ прошло очень весело. Кругомъ насъ смѣнялись непривычныя смуглыя лица въ фескахъ и длинныхъ чадрахъ, спускавшихся отъ самыхъ глазъ. Въ окна вагоновъ протягивались руки съ виноградомъ и финиками. На станціяхъ бродили живописныя группы людей въ широкихъ одеждахъ, а дальше по обѣимъ сторонамъ быстро несущагося поѣзда мелькали тонко очерченныя картинки мягкаго вечерняго египетскаго пейзажа.

Въ Александріи къ нашему вагону подошелъ комиссіонеръ гостиницы, предупрежденный нашей телеграммой изъ Портъ-Саида. Въ то же самое время ко мнѣ и Виткевичу подошли два какихъ-то

человѣка, одѣтыхъ въ тропическіе костюмы и заговорили съ нами по-нѣмецки. Одинъ спросилъ меня, не нужна ли мнѣ гостиница, другой, извинившись, просилъ Виткевича сказать, какъ будетъ по-англійски «багажъ». Коротко отвѣтивъ по-нѣмецки, мы пошли дальше, совершенно не подозрѣвая, что подъ видомъ этихъ случайныхъ встрѣчныхъ, скрывались агенты тайной полиціи. При входѣ въ гостиницу насъ встрѣтилъ управляющій, который сразу привѣтствовалъ меня словами: «Guten Abend». Теперь это мнѣ показалось уже нѣсколько страннымъ, и я демонстративно отвѣтилъ ему по-русски: «здравствуйте». Передавъ свои вещи арабу въ длинномъ бѣломъ халатѣ и красной фескѣ, мы отправились обѣдать. Послѣ обѣда, при выходѣ изъ столовой, передо мной появилась какая-то усатая фигура въ черномъ сюртукѣ. Этотъ господинъ пригласилъ меня немедленно слѣдовать вмѣстѣ съ нимъ и съ моими спутниками къ губернатору. Приглашеніе онъ объяснилъ военнымъ временемъ и установленнымъ въ Египтѣ обычаемъ, по которому будто бы всѣ пріѣзжавшіе иностранцы обязаны лично предъявлять свои документы высшему представителю власти. Такъ какъ русскій консулъ въ Портъ-Саидѣ говорилъ намъ о необходимости сдѣлать въ Александріи какія-то помѣтки на паспортахъ въ русскомъ консульствѣ и у египетскаго губернатора, то все это меня ни сколько не удивило. Но дальнѣйшая обстановка визита стала наводить на подозрѣніе. Къ нашему усатому спутнику внизу присоединился еще какой-то невзрачный субъектъ, и мы всѣ пѣшкомъ прошли черезъ широкую площадь и, свернувъ на плохо освѣщенную улицу, вошли въ полутемный вестибюль большого нескладнаго дома. У входа стоялъ часовой съ ружьемъ, а на полу лежало нѣсколько солдатъ въ турецкихъ фескахъ. Мы стали подниматься по высокой лѣстницѣ, освѣщенной только на двухъ крайнихъ площадкахъ—внизу и вверху. Я шель первымъ. Меня ввели въ маленькую комнату съ простымъ столомъ и тремя стульями. Я сѣлъ, а одинъ изъ нашихъ провожатыхъ вошелъ въ сосѣднюю комнату, крикнувъ кому-то по-англійски слово: «нѣмецъ». Въ это время въ мою комнату вошелъ молодой блондинъ въ шляпѣ на головѣ, и повернувшись ко мнѣ спиной, сталъ около моего стула въ застывшей позѣ. Виткевичъ и леди Ципа (такъ мы сокращенно называли нашу спутницу, Ципу Мордковну П.) были уже здѣсь. Около нихъ также стояло теперь по хранителю. Намъ сообщили, что, къ сожалѣнію, губернаторъ уѣхалъ домой и проситъ насъ извинить его за безпокойство и навѣстить его на дому. Внизу уже было приготовлено два экипажа. Въ одинъ экипажъ сѣлъ я вмѣстѣ съ леди Ципой. На передней скамейкѣ усѣлся блондинъ, приставленный ко мнѣ и заявившій, что онъ долженъ показать намъ дорогу. Въ другомъ экипажѣ помѣстился Виткевичъ, которому взялись показывать дорогу цѣлыхъ два казенныхъ проводника. Мы ѣхали довольно долго. Свѣтлыя улицы

смѣнились темными переулками. Наконецъ и улицы и переулки прекратились вовсе. Мы очутились за городомъ. По сторонамъ видѣлись не то сараи, не то казармы. Потомъ и они оборвались. Мѣстность стала совсѣмъ пустынной. Несомнѣнно, что губернаторъ, устроившій въ этихъ краяхъ свою резиденцію, очень любилъ просторъ и свѣжій воздухъ, но должно быть онъ былъ очень мрачнаго темперамента, если могъ довольствоваться такимъ скучнымъ пейзажемъ, почти безъ всякихъ признаковъ растительности. Сдѣлавъ крутой поворотъ, нашъ экипажъ остановился около воротъ двухъ-этажнаго темнаго дома. Черезъ дворъ, по черной лѣстницѣ, повели насъ наверхъ и, задержавъ на минуту въ передней, заявили, что губернаторъ проситъ войти. Насъ встрѣтилъ высокій, красивый мужчина съ черными усами, въ сюртукѣ и красной фескѣ. Пожавъ намъ руки, онъ заговорилъ по-французски и прежде всего поинтересовался тѣмъ, не говоримъ ли мы по нѣмецки. Хотя мы отвѣтили на этотъ вопросъ утвердительно, однако онъ не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки перевести разговоръ на нѣмецкій языкъ и попросилъ показать ему документы. Бѣгло просмотрѣвъ мой паспортъ, онъ подробно разспросилъ меня о цѣли моего путешествія въ Австралію, а затѣмъ неожиданно спросилъ Виткевича, почему онъ на пароходѣ называлъ себя другимъ именемъ. Тотъ отъ удивленія даже вскочилъ.

— Да, — продолжалъ губернаторъ, — намъ несомнѣнно извѣстно, что вы на пароходѣ выдавали себя за другого.

Къ счастью, у Виткевича въ карманѣ оказался именно билетъ отъ Австраліи до Марсея. Губернаторъ пожалъ плечами.

— А нѣтъ ли у васъ, — спросилъ онъ меня, — какого-нибудь доказательства вашей личности, кромѣ паспорта.

Я показалъ ему конверты писемъ, полученныхъ мною въ Портъ Саидъ изъ Россіи съ русскими марками и штемпелями. На лицѣ губернатора выразилось недоумѣніе. Онъ извинился и, взявъ со стола телефонную трубку началъ, съ кѣмъ-то говорить по-англійски.

— Здѣсь несомнѣнно ошибка, — говорилъ онъ. — Они совсѣмъ не похожи на нѣмцевъ, бумаги въ порядкѣ... Что?.. Да нѣтъ, я подробно разговаривалъ, и между собою они говорятъ по-русски. Что? Ну да, я уже отдалъ приказъ объ ихъ арестѣ и о задержаніи вещей, солдаты на готовѣ, но я долженъ отмѣнить свой приказъ... Нельзя же арестовывать людей безъ всякаго повода. Что? И вы увѣрены? Подождите у телефона.

— Скажите, пожалуйста, — обратился онъ послѣ этого ко мнѣ, — на «Мореѣ» были нѣмцы, профессора?»

При этомъ вопросѣ леди Ципа, спокойно сидѣвшая до сихъ поръ въ углу комнаты, вся заволновалась.

— Да говорите же, ради Бога, что были. Если вы не скажете,

я скажу. Неужели же въ самомъ дѣлѣ изъ-за какихъ нибудь поганныхъ нѣмцевъ надо терпѣть непріятности?!».

Но, конечно, и безъ этого совѣта надо было отвѣчать прямо.

— Да, были,—сказалъ я.

— Кто и откуда?

Я назвалъ Пенка и Масса.

— опишите ихъ наружность..

Я описалъ.

Губернаторъ (оказавшійся, кстати говоря, начальникомъ полиціи) разсмѣялся.

— Ну, такъ вотъ и есть, эти самые примѣты намъ были сообщены: васъ приняли за Мааса, а вашего спутника—за Пенка. Вѣдь Пенкъ былъ бритый! Мнѣ дали телеграмму изъ Портъ-Саида о томъ, что нѣмцы высадились съ «Мореи», выдавъ себя за русскихъ. Я получилъ приказъ немедленно арестовать васъ въ поѣздѣ, но рѣшился на свой рискъ дать вамъ сначала пообѣдать въ гостиницѣ. Не говорили ли вы въ Портъ-Саидѣ по-нѣмецки?

Здѣсь я вспомнилъ, что дѣйствительно въ таможенномъ залѣ перекинулся съ Гриномъ нѣмецкой фразой. И такъ недоразумѣніе разъяснилось. Опять заработалъ телефонъ. Раздался приказъ объ отмѣнѣ ареста нашихъ вещей. Начальникъ полиціи въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ извинился передъ нами за напрасное безпокойство и, приказавъ подать намъ свою коляску, лично проводилъ насъ по широкой, хорошо освѣщенной лѣстницѣ, украшенной цвѣтами, до самаго экипажа. Тревожный вечеръ закончился спокойной ночью въ удобной и уютной гостиницѣ, построенной по самому лучшему европейскому образцу.

Пароходъ въ Грецію отходилъ только черезъ три дня, и мы рѣшили воспользоваться этимъ временемъ для того, чтобы побывать въ Каирѣ.

Еще не успѣло стемнѣть, когда нашъ поѣздъ началъ приближаться къ свѣтлымъ водамъ спокойнаго Нила. Опять потянулись передъ нашими глазами разбросанныя группы финиковыхъ пальмъ, низкія, бѣлыя, плоскокрышныя постройки арабовъ, широкія поля. Наконецъ показался Каиръ. И скоро мы вступили на длинную узкую улицу, полную движенія безпорядочно шумящей пестрой толпы. Послѣ аравійскихъ городовъ, изъ атмосферы хорошей трудовой семьи, Каиръ производитъ впечатлѣніе какого-то притона бездѣльниковъ и темныхъ дѣльцовъ. Надо сказать правду, особенно вечеромъ, своеобразный видъ Каира очень необыченъ, и его яркій восточный колоритъ невольно подстрекаетъ любопытство случайнаго проѣзжаго. Но въ то же время въ воздухѣ чувствуется нездоровая, безпокойная атмосфера, взгляды встрѣчныхъ такъ тупы и наглы, а приставанье продавцовъ и праздныхъ женщинъ такъ назойливы и грубы, что невольно является тревога за свою безопасность.

На слѣдующій день, трамваемъ, мы отправились на пирамиды. У конечной станціи трамвая стояли арабы съ верблюдами, на которыхъ надо было ѣхать къ пирамидамъ. По знаку араба верблюдъ всталъ на колѣни, и я усѣлся на его широкое сѣдло. Конечно, дальше я могъ бы продолжать описаніе въ очень высокомъ стилѣ, могъ бы сказать, что передъ нами развернулась пустыня, верблюдъ ступалъ по сыпучимъ пескамъ, приближаясь къ пирамидѣ Хеопса, и въ моемъ воспоминаніи невольно вставали тѣни фараоновъ. Но, по правдѣ сказать, это путешествіе по пустынѣ, на верблюдѣ, мнѣ очень напомнило мои дѣтскія катанья верхомъ на пони въ зоологическомъ саду. Ъзды до пирамидъ было не больше 10 минутъ, да и чрезъ это небольшое пространство верблюда велъ подъ уздцы арабъ, а кругомъ бѣжали толпы мальчишекъ, наперерывъ предлагавшихъ кушать у нихъ глиняныя изображенія мумій, грубые слѣпки Изиды и тому подобную мелочь. Подѣхавъ къ пирамидамъ, мы начали на нихъ «восходить». Это восхождение, почему то продѣлываемое всѣми путешественниками, представляетъ собою довольно трудную операцію. И понятно: вѣдь пирамиды строились совсѣмъ не для того, чтобы на нихъ лазить. И если бы древніе египтяне могли узнать, какіе обычаи связали съ поѣздками на ихъ пирамиды, то они, конечно, пришли бы въ такое же удивленіе и негодованіе отъ варварства европейцевъ, какъ мы, если бы кто-нибудь при насъ полѣзъ на верхушку памятника Петра Великаго или вершину севастопольской братской могилы. Камни, изъ которыхъ сложена пирамида, такъ велики, что неопытному человѣку на нихъ невозможно взобраться безъ чужой помощи. Пришлось отдать себя въ полную власть двухъ арабовъ, которые потащили меня вверхъ, крѣпко схвативъ за обѣ руки. Перелѣзая съ камня на камень, я добрался до третьей пирамиды. И здѣсь рѣшительно заявилъ своимъ проводникамъ, что дальше лѣзть не хочу. Они соблазняли меня особыми красивыми видами, которые должны раскрыться съ верхушки пирамиды. Но я не увлекся этой перспективой. Чувство полной физической зависимости отъ какихъ-то двухъ арабовъ въ соединеніи съ представленіемъ о томъ, что я зачѣмъ-то лѣзу своими ногами на древнюю гробницу, отравляло мнѣ все настроеніе. Я потребовалъ, чтобы меня свели внизъ. Однако, добиться этого было нелегко. Арабы вступили со мной въ долгія пререканія, доказывая, что выходъ изъ пирамиды долженъ быть не иначе, какъ черезъ ея вершину, и за немедленный спускъ требовали дополнительнаго бакшиша. Пришлось капитулировать на это условіе, и тогда начался спускъ. Мнѣ привязали подъ мышки полотенце, концы котораго взялъ въ свои руки одинъ изъ арабовъ, неожиданно подошедшій къ двумъ моимъ проводникамъ. Проводники снова захватили мои руки и заставили прыгать внизъ. Проскакавъ такимъ образомъ внизъ нѣсколько саженой, я слѣлъ отдох-

нуть, и въ это время арабы стали предлагать мнѣ разные амулеты и старыя монеты. Наконецъ подошли мои спутники—Виткевичъ и леди Ципа. Они продѣлали все, что полагалось по программѣ и вскарабкались на самую верхушку пирамиды, чтобы оттуда осмотрѣть окружающіе пески. Леди Ципа, сверхъ того, оставила даже Хеопсу на память свое имя, поручивъ его нацарапать арабу за три піастра. Отъ пирамиды Хеопса мы двинулись къ сфинксу, расположенному совсѣмъ недалеко. Сюда сейчасъ же подѣхалъ на маленькомъ осликѣ фотографъ, предложившій снять наши портреты на фонѣ египетскаго пейзажа.

Вернувшись въ Каиръ, мы поѣхали въ Гелиополисъ, побродили еще разъ по городу и вернулись въ гостиницу, чтобы утромъ ѣхать въ Александрію.

Нашего возвращенія въ Александрію больше всего ждали мои попугаи. Еще подходя къ своей комнатѣ, я черезъ дверь услышалъ ихъ негодующій крикъ. Дѣйствительно, они имѣли право на меня сердиться. Расчитывая пробыть въ Каирѣ только одни сутки, я наполнилъ кормушку зернами, перемѣнилъ воду и считалъ лишнимъ поручать птичекъ особому покровительству прислуги. Между тѣмъ мы задержались въ Каирѣ на лишній день. Вся пища была съѣдена, вода выпита, и несчастные попугаи, уничтоживъ вдобавокъ лежавшую на ихъ клѣткѣ газету, вопили отъ голода. Въ награду за понесенныя страданія я немедленно купилъ имъ фруктовъ.

Греческіе пароходы, по отношенію къ пароходамъ вообще, представляютъ собою приблизительно то же самое, что и греческія кухмистерскія по отношенію къ ресторанамъ вообще. Они малы и грязны. Таковъ же былъ и нашъ пароходъ, носившій заманчивое имя «Аркадія». Каюты были тѣсны и душны. Маленькій залъ, служившій одновременно столовой, гостиной и курительной комнатою, непосредственно соединялся со всѣми каютами и уборными. Въ раскрытую дверь виднѣлась палуба III-го класса съ кучей пассажировъ, которые при первыхъ же признакахъ небольшой качки начали громогласно страдать морской болѣзью. Конечно, въ этой отвратительной обстановкѣ невозможно было обѣдать, и я, захвативъ съ собою фрукты и печенье, купленные въ Александрію, бросился на верхнюю палубу. Тамъ почти никого не было, и я рѣшился провести на воздухѣ всю ночь. Такъ прошло двое сутокъ. Приѣхавъ въ Пирей, мы имѣли еще достаточно времени, чтобы взглянуть на нѣсколько часовъ въ Аѣины и посѣтить великій Акрополь. Ночью надо было ѣхать дальше. Пароходъ «Кефалонія», отправлявшійся въ Салоники былъ не лучше «Аркадія», и мы были очень разочарованы, когда явившись на пароходъ узнали, что наши билеты на каюту I-го класса не гарантируютъ намъ ровно никакихъ удобствъ, такъ какъ всѣ каюты оказались уже занятыми. Только

послѣ большихъ споровъ удалось получить по раскидному креслу, съ подушкой и одѣяломъ, на которыхъ мы и должны провести двѣ ночи въ такъ называемомъ салонѣ, куда выходили двери всѣхъ каютъ и другихъ необходимыхъ пароходныхъ помѣщеній. Къ сожалѣнію, въ эти дни было уже по ночамъ довольно холодно, и нельзя было почевать на верхней палубѣ. Впрочемъ, всѣ эти неудобства путешествія теперь сильно сглаживались тѣмъ, что въ Пирее съ нами встрѣтилась довольно большая партія русскихъ, возвращавшихся изъ Швейцаріи. Чувствовалась близость родины. Передавались новости, неизвѣстныя намъ изъ австралійскихъ и индійскихъ газетъ. Хотѣлось много и долго говорить. Время шло незамѣтно. Къ тому же мимо насъ все время смѣялись живописныя картины греческихъ береговъ. У Халкиды мы сдѣлали небольшую остановку и даже успѣли нѣсколько посмотреть городъ. На вторыя сутки пути отъ Пирея утромъ, среди облаковъ, показались вершины Олимпа. Утро было свѣтлое, и съ моря видъ Олимпа представлялъ собою дѣйствительно очаровательное зрѣлище. Легкія облака, окружавшія Олимпъ, придавали его очертаніямъ характеръ какой-то полугрезы. Его вершина казалась какъ бы выступающей изъ самыхъ нѣдръ небснаго свода, и, конечно, изображеніе грековъ не могло придумать лучшаго мѣста для жилища боговъ.

При вѣздѣ въ Салоники на пароходъ явилась санитарная комиссія, которая направила все свое вниманіе на осмотръ пассажировъ III-го класса. До окончанія осмотра никто изъ насъ не имѣлъ права уйти съ парохода. Это были непріятныя минуты, тѣмъ болѣе, что носился слухъ о появленіи чумы въ Салоникахъ и о возможности мѣсячнаго пребыванія въ карантинѣ. Вдругъ на мачтѣ нашего парохода взвился желтый санитарный флагъ. Дамы взвизгнули. Волненіе охватило и мужчинъ. Однако тревога оказалась фальшивой, и черезъ нѣсколько времени мы вошли въ гавань.

Для того, чтобы попасть изъ Салоникъ въ Россію, намъ пришлось, перерѣзавъ Грецію, проѣхать вдоль всей Сербіи съ небольшою остановкой въ Нишѣ, оттуда двинуться на Софію и, переправившись въ Русукѣ черезъ Дунай, ѣхать на Бухарестъ, Яссы и Унгены. Этотъ путь совершался не безъ тревоги. Носились слухи о войнѣ Болгаріи съ Сербіей и близкой мобилизаціи Румыніи. Высказывались опасенія, что внезапно можетъ прекратиться движеніе поѣздовъ. Но, къ счастью, всѣ эти страхи оказались преждевременными. При вѣздѣ въ Сербію, мы встрѣтили самый радушный пріемъ. Оказалось, что всѣхъ русскихъ, отправлявшихся на родину, сербы везли бесплатно по своимъ желѣзнымъ дорогамъ. Два дня мы ѣхали по бѣдной Сербіи, постоянно встрѣчая большія группы солдатъ, то ѣхавшихъ на войну, нерѣдко съ провожавшими ихъ женами и дѣтьми, то возвращавшихся съ поля сраженія, измученныхъ и раненыхъ. Въ убогомъ городишкѣ, называемомъ Нишемъ,

куда послѣ бомбардировки Бѣлграда была перенесена резиденція короля, не было почти ни одного дома безъ чернаго флага, говорившаго о покойникѣ. Но, тѣмъ не менѣе, при всей этой сербской нищетѣ и несмотря на ужасы тяжелой войны, во всей Сербіи замѣчался сильный подъемъ духа. Лица возбужденныхъ пастуховъ были бодры и даже радостны. Сербы крѣпко жали намъ руку и говорили о своихъ будущихъ рѣшительныхъ побѣдахъ, какъ о чемъ-то такомъ, въ чемъ нельзя сомнѣваться. Послѣ восточнаго попрошайничества меня поразило въ Сербіи также и то большое достоинство, съ которымъ держали себя тамъ всѣ жители. Мы видѣли въ Сербіи много бѣдныхъ людей, но не встрѣтили ни одного нищаго. За всѣ двое сутокъ нашего пребыванія въ Сербіи никто не протянулъ намъ руки, прося подаянія или бакшиша, и только на послѣдней станціи маленькій мальчикъ обошелъ наши вагоны съ кружкой въ пользу раненыхъ.

Для людей, измученныхъ длиннымъ путешествіемъ, перемѣна сербскихъ вагоновъ на болгарскіе должна быть очень пріятна. вмѣсто грязноватыхъ и узкихъ диванчиковъ, вы получаете чистыя широкія сидѣнья съ хорошими пружинами. вмѣсто совершенно темныхъ вагоновъ, гдѣ по вечерамъ приходилось зажигать свои собственные огарки, вы имѣете электричество. вмѣсто грязныхъ уборныхъ, о которыхъ стыдно говорить, передъ вами умывальныя комнаты чисто европейскаго образца. Красивые вокзалы, въ поѣздѣ вагонъ-ресторанъ. Софія послѣ Ниша кажется прямо чудомъ архитектуры и благоустройства. Но даже и безъ сравненія съ Нишемъ это очень чистый и мило обстроенный городокъ, а нѣкоторыя его части, какъ, напримѣръ, мѣсто, гдѣ помѣщается памятникъ Императору Александру II и новый соборъ, могли бы послужить украшеніемъ любого небольшого европейскаго города. Тѣмъ не менѣе, при вѣздѣ въ Болгарію, мы невольно почувствовали утрату той теплой гостепріимной атмосферы, которая окружала насъ въ Сербіи. Болгары были съ нами только формально вѣжливы и, заговаривая о войнѣ, никакъ не могли скрыть своихъ главныхъ вожделѣній.

— Вотъ окупирuemъ Македонію,—сказалъ мнѣ одинъ изъ моихъ софійскихъ собесѣдниковъ,—а потомъ уже начнемъ чувствовать себя славянами...

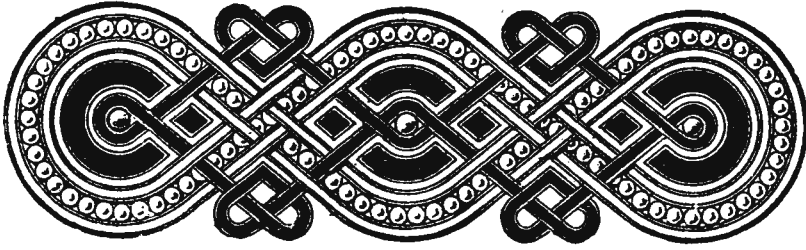
Дивная панорама балканскихъ горъ съ крутыми обрывами, высокими утесами и густой зеленью, только кое-гдѣ тронутой осеннимъ холодкомъ, безпорядочная шумная переправа черезъ Дунай, тѣснота и метанье въ румынскомъ поѣздѣ, примчавшемъ насъ къ Бухаресту въ самый неудобный часъ, когда совершенно не было подходящихъ поѣздовъ, суточная передышка въ столицѣ Румыніи, еще полсутокъ ѣзды въ вагонѣ, небольшая остановка въ Яссахъ, гдѣ удалось побродить часа два по городу,—и мы у русской границы. Неужели сейчасъ кругомъ зазвучитъ русская рѣчь, замелькаютъ

знакомыя лица, и не надо будетъ слѣдить за выраженіемъ удивленія, дипломатической радости или сдержанной вѣжливости, вызванной именемъ вашей родины?! Черезъ часъ мы будемъ въ своей странѣ. Мы улыбались, какъ дѣти переди входомъ въ залъ съ зажженной елкой. Намъ хотѣлось смотрѣть другъ другу въ глаза, жать руки и поздравлять. Когда поѣздъ началъ медленно переѣзжать границу, мы дружно, не сговариваясь, крикнули «ура». Я понимаю, почему въ такія минуты возможно зарыдать.

Началась Россія. Съ волненіемъ смотрѣли мы на родныя картины, съ жадностью слушали своихъ новыхъ сосѣдей, говорившихъ о народномъ отрезвленіи, о всколыхнувшихся надеждахъ, о вѣрѣ въ рѣшеніе великихъ жизненныхъ задачъ. Какъ сонъ миновала Одесса. Передъ глазами обрисовался тихій Кіевъ, широкій Днѣпръ и старая лавра со своими бѣлыми портиками и золочеными куполами.. Опять мчится поѣздъ, опять мелькаютъ знакомые города... Сейчасъ—домой...

А. Нечаевъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Описание дѣлъ архива министерства народнаго просвѣщенія подъ редакціей заслуженнаго профессора С. Ѳ. Платонова и начальника архива министерства А. С. Николаева. Т. I. Петроградъ. 1917 г.

РУССКОЕ архивное дѣло еще очень молодо. Въ настоящее время уже существуютъ отдѣльные центральные архивы, имѣются архивныя комиссіи, издаются труды по архивовѣдѣнію, но въ большинствѣ случаевъ въ присутственныхъ мѣстахъ къ архивамъ относятся пренебрежительно. Архивы ведутся въ силу требованія закона, разсматриваются какъ нѣкоторое неизбѣжное зло, а должность начальника архива, какъ синекура, предоставляемая заслуженнымъ чиновникамъ въ качествѣ спокойнаго кормленія за понесенные былые труды.

Къ числу счастливыхъ исключеній принадлежитъ министерство народнаго просвѣщенія. Во главѣ архива и архивнаго вѣдомства вотъ уже въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій стоятъ ученые историки, опытные въ своемъ дѣлѣ архивисты, люди начинаній: извѣстные Н. П. Барсуковъ, К. А. Военскій и въ настоящее время А. С. Николаевъ. Но въ былые и сравнительно еще недавніе годы и архивъ народнаго просвѣщенія подчинялся общей участи: для любимцевъ начальства завѣдываніе архивомъ являлось синекурою, для людей дѣла тяжелымъ крестомъ. Грустную повѣсть жизни одного изъ такихъ труженниковъ, неоцѣненныхъ начальствомъ изъ за отсутствія сильнаго покровительства, передаетъ предисловіе къ описанію дѣлъ архива. Прекрасно сдѣлали гг. составители описанія, что спасли отъ забвенія имя В. П. Петрова, этого мученика,

впервые пытавшася поставить архивъ министерства народнаго просвѣщенія на должную высоту и, во время пожара, пожертвовавшего собственнымъ имуществомъ ради спасенія архивныхъ документовъ. Неотбѣнный и даже жестоко обиженный В. П. Петровъ, не нашедшій при жизни справедливости себѣ и въ Сенатѣ, получилъ отъ благородныхъ и благодарныхъ преемниковъ почетный вѣнокъ на свою забытую, старую могилу.

Но времена Петровыхъ давно миновали. Теперь министерскій архивъ давно приведенъ въ образцовый порядокъ, во главѣ его стоитъ одинъ изъ ближайшихъ учениковъ авторитетнаго С. Θ. Платонова, на архивныя изданія отпускаются значительныя суммы. Недостатокъ одинъ—архиву тѣсно: онъ стиснутъ въ нѣсколькихъ комнатахъ нижняго этажа министерскаго зданія, между тѣмъ какъ богатства его громадны (206.146 дѣлъ), и при томъ эти богатства почти неиспользованныя. Въ то время какъ въ другихъ архивахъ перебували сотни ученыхъ, почерпавшихъ данныя для своихъ работъ, въ министерскомъ архивѣ народнаго просвѣщенія черпалъ свѣдѣнія для исторіи петроградскаго университета В. В. Григорьевъ, для статей по русской литературѣ и просвѣщенію М. И. Сухомлиновъ, для историческаго обзора дѣятельности вѣдомства просвѣщенія проф. С. В. Рождественскій и немногіе другіе. А между тѣмъ архивъ хранитъ въ своихъ нѣдрахъ драгоцѣннѣйшіе матеріалы по исторіи всѣхъ видовъ нашей школы, по исторіи ученыхъ учреждений и обществъ, по исторіи нашей легендарной цензуры, не говоря уже о томъ, что въ архивѣ заключена вся исторія центральныхъ учреждений вѣдомства и ихъ предшественниковъ. Въ томъ же архивѣ, оказывается, имѣется рядъ документовъ, касающихся исторіи просвѣщенія въ Западномъ Краѣ, какъ, на примѣръ, разныя грамоты, выдававшіяся съ XIV по XVIII в. польскими королями и римскими папами Виленской академіи и различнымъ іезуитскимъ училищамъ. Въ томъ же архивѣ хранятся между прочимъ и такія рѣдкости, единственныя въ своемъ родѣ, какъ грамота Александра Благословеннаго съ утвержденіемъ Виленскаго университета, грамоты Полоцкой іезуитской коллегіи и Нѣжинской гимназіи въ художественныхъ переплетахъ, шитыхъ по бархату золотомъ и серебромъ; собственноручныя замѣтки Екатерины II на проектъ учебника русской исторіи; рукописныя подлинники школьныхъ изданій, приготовленныхъ комиссіей объ учрежденіи народныхъ училищъ, съ автографомъ императрицы, рукописи графа М. М. Сперанскаго и мн. др. Описаніе снабжено предметными указателями.

Разсматриваемый первый томъ «Описанія» охватываетъ только часть архивныхъ матеріаловъ, именно тѣ документы, которые касаются зародыша нынѣшняго министерства народнаго просвѣщенія, какъ просвѣдительнаго вѣдомства, т. е. Екатерининской комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ (1782—1803 гг.).

Примѣняются разные приемы описанія архивовъ. Въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи,—на примѣръ, одновременно служащими по архивной части издавались на основаніи разрабатываемыхъ матеріаловъ цѣлыя сочиненія; такимъ путемъ наука двигалась впередъ, но частныя лица, приходившія въ соприкосновеніе съ архивомъ, мало получали облегченія въ пользованіи остальнымъ сырымъ матеріаломъ, котораго не затрогивали чиновники-архивисты,

Составлялись описи, въ которыхъ подъ номерами обозначались цѣлые разряды дѣлъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ указаній на ихъ внутреннее содержаніе; по сравненію съ этимъ описи хотя бы съ краткимъ обозначеніемъ существа дѣла уже болѣе приспособляютъ архивъ къ пользованію, хотя и въ относительной мѣрѣ. Разсматриваемое «Описаніе» равно далеко какъ отъ предупрежденія научныхъ работъ посредствомъ составленія нарочитыхъ изслѣдованій, такъ и отъ сухого механическаго описанія картоновъ, связокъ, дѣлъ. «Описаніе» вноситъ свой планъ въ подборъ и расположеніе матеріала. Оно приспособляетъ его, пріуготовляетъ къ научной обработкѣ со стороны тѣхъ, кто интересуется архивомъ министерства народнаго просвѣщенія. Можно сказать, что «Описаніемъ» даже предначертывается общая схема работъ будущихъ изслѣдователей той части архива, которъй касается настоящей томъ.

Передъ глазами читателя въ описаніи документовъ сама собою развертывается общая картина развитія «Комиссии о народныхъ училищахъ» въ описаніи журналовъ ея засѣданій и перехода этого учрежденія въ новое однородное, въ «Комиссію объ училищахъ 1802 г.»; затѣмъ слѣдуетъ описаніе указовъ, рескриптовъ и повелѣній, обрисовывающихъ положеніе комиссіи въ ряду другихъ высшихъ государственныхъ учреждений; далѣе излагается дѣлопроизводство комиссіи и наконецъ въ отдѣлѣ плановъ и чертежей Щукина двора и строеній, принадлежавшихъ комиссіи, очерчивается хозяйственная, ея дѣятельность. Комиссіи посвящена первая часть «Описанія», во второй содержится описаніе документовъ Виленской академіи и нѣсколькихъ іезуитскихъ collegій.

Пользованіе какъ матеріалами, такъ и самимъ «Описаніемъ» облегчается особыми вводными статьями, сообщающими всѣ необходимыя фактическія свѣдѣнія о архивныхъ данныхъ отдѣла и преподающими цѣнныя указанія о томъ, какъ разбираться въ массѣ сырого матеріала. Особенно важнымъ является то обстоятельство, что названныя вводныя статьи написаны самими составителями «Описанія», естественно чувствующими себя хозяевами въ своей области. Вводныя статьи принадлежатъ И. Л. Маяковскому, В. В. Снигиреву и П. Н. Столпянскому. Въ особыхъ статьяхъ С. В. Рождественскій разъясняетъ значеніе комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ въ исторіи политики народнаго просвѣщенія двухъ истекшихъ столѣтій, а И. И. Лаппо обрисовываетъ Виленскую академію и затрагиваемыя «Описаніемъ» іезуитскія collegіи. Къ тексту «Описанія» приложены прекрасно выполненные снимки съ портретовъ виднѣйшихъ дѣятелей русскаго просвѣщенія той эпохи, съ любопытныхъ документовъ: собственноручныхъ замѣтокъ Екатерины В., промеморіи Янковича де Миріево и др.

Переходя отъ внѣшней стороны къ сущности дѣла, нужно замѣтить, что даже въ своемъ нынѣшнемъ схематически-описательномъ видѣ «Описаніе» обладаетъ не только подсобнымъ специальнымъ архивнымъ значеніемъ, но имѣетъ, кромѣ того, свой собственный ученый удѣльный вѣсъ. Нужно признать, что, судя даже по краткимъ имѣющимся въ книгѣ характеристикамъ документовъ о дѣятельности Екатерининской Комиссіи объ училищахъ, приходится измѣнить ходячій взглядъ на это учрежденіе. Изъ «Описанія» явствуетъ, что напрасно работу комиссіи принято считать безполезной и задачи ея недостижимыми.

Наоборотъ, пользуясь архивными матеріалами, проф. С. В. Рождественскій утверждаетъ, что тѣ два десятилѣтія, въ теченіе которыхъ работала коммиссія, составляютъ яркую и значительную по своимъ результатамъ эпоху въ исторіи политики и народнаго просвѣщенія въ Россіи. Итоги эти тѣмъ значительнѣе, что они были достигнуты при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ дѣятельности самой коммиссіи, у которой не было ни полноты власти, ни достаточныхъ средствъ для содержанія школь, ни достаточнаго общественнаго сочувствія и пониманія.

Знаменательно тѣмъ не менѣе, что при всемъ этомъ коммиссіи удалось проявить столь важное для народной жизни національное самосознаніе и, не смотря на авторитетность господствовавшей тогда австрійской школьной системы, создать цѣль училищъ, приуроченныхъ къ особенностямъ русской жизни. Коммиссія измѣнила способы обученія, введя вмѣсто прежней зубрежки наглядность: стѣнные таблицы, иллюстрированные учебники, географическія и историческія карты, атласы, глобусы; коммиссія содѣйствовала самостоятельности учащихся, заботилась о подготовкѣ учителей, о составленіи учебниковъ

Первымъ томомъ «Описанія» начато большое дѣло. Надъ нимъ трудилась цѣлая коммиссія, образованная въ бытность министромъ графа П. Н. Игнатъева и плодотворность этихъ трудовъ на лицо. Въ теченіи одного года въ видѣ изданнаго тома выполнена громадная образцовая работа. Можно надѣяться, что «Описаніе» пойдетъ и дальше тѣмъ же ходомъ на благо русской исторической науки.

В. Грибовскій.

Невскій Альманахъ. Выпускъ второй. «Изъ прошлаго» (писатели, художники, артисты). Жертвамъ войны. Петроградъ 1917 г. Стр. 212. Ц. 2 р. 50 к.

Новый выпускъ «Невскаго Альманаха» представляетъ собою значительную историко-литературную цѣнность, и можно порадоваться, что составители совмѣстили въ немъ благотворительную цѣль съ пользою для исторіи русскаго просвѣщенія, для исторіи русской культуры. Первый выпускъ альманаха, какъ извѣстно, явился исключительно благотворительнымъ даромъ «жертвамъ войны» и, наполненный произведеніями авторовъ-участниковъ сборника, не можетъ быть разсматриваемъ съ точки зрѣнія его литературной цѣнности. Какъ всякій благотворительный сборникъ, онъ былъ не хуже, не лучше многихъ другихъ подобныхъ изданій, къ коимъ примѣнима поговорка—«всякое даданіе благо». Не то нынѣшній выпускъ альманаха. Онъ посвященъ «матеріалу «изъ прошлаго»; духовной жизни русскаго общества, того прошлаго, которое одновременно представляется и близкимъ и далекимъ, съ точки зрѣнія современныхъ событій». Въ это прошлое вошли по преимуществу письма корифеевъ нашей литературы къ разнымъ лицамъ, какъ напр. 34 письма Гончарова къ Ю. Д. Ефремовой; письма Тургенева, Некрасова, Ап. Григорьева, Плещеева къ Надсону, Гаршина, В. Стасова, Льва Толстого и др. Эти письма, особенно Гончарова и Лѣскова, даютъ въ распоряженіе біографовъ этихъ писателей много цѣннаго и новаго матеріала и рисуютъ авторовъ ихъ въ ихъ домашнемъ обиходѣ, въ призмѣ ихъ творчества, порою очень рельефно и интересно. Эти цѣнные для исторіи нашей

литературы сырые матеріалы извлечены изъ архивовъ «Пушкинскаго дома при академіи наукъ», М. В. Ватсокъ, Л. М. Эндауровой, А. Н. Пѣшковой-Толивѣровой, Ж. А. Полонской, Е. П. Лѣтковой-Султановой, Л. Я. Гуревичъ и др. Всѣмъ этимъ, по преимуществу женщинамъ-писательницамъ, русское общество должно быть признательно и за то, что онѣ съумѣли бережно сберечь рукописныя свидѣтельства жизни и творчества лучшихъ представителей нашей изящной словесности, и за то, что онѣ сдѣлали эти свидѣтельства достояніемъ широкихъ круговъ русскаго общества. Мы, вѣдь, знаемъ, какъ небрежно въ нашемъ отечествѣ относятся къ памятникамъ русскаго слова и сколько богатствъ погубило безвозвратно, исключительно благодаря нерадивости того, кто этими богатствами владѣлъ и распоряжался. Въ этомъ отношеніи мы, кажется, перещеголяли всѣ культурные народы и должны быть отмѣнены въ лѣтописяхъ міровой исторіи въ качествѣ особенно искусныхъ вандаловъ-разрушителей, разсѣявшихъ зря и неосмысленно наслѣдіе нашихъ предковъ и достояніе отцовъ. Съ другой стороны намъ вѣдомы и имена не одного коллекціонера, которые, подобно «скупымъ рыцарямъ», сидятъ крѣпко на сундукѣ, гдѣ покоятся собранныя ими сокровища, съ отрицательнымъ отношеніемъ ко всѣмъ обращающимся къ нимъ за справками. Они считаютъ полученное ими, исключительно личнымъ достояніемъ и смакуютъ съ своего рода особымъ чувствомъ наслажденія обладателя девизъ: я и никто другой, хотя сами и не извлекаютъ отсюда ни для себя, ни для родины никакой пользы. Наконецъ, имѣется еще особый и любопытный типъ собственниковъ-коллекціонеровъ различнаго рода документовъ. Это типъ трусливыхъ людей, которые боятся обнародованія, по причинамъ соціальнаго и политическаго свойства, того письменнаго богатства, которое тѣмъ или инымъ путемъ попало въ ихъ руки. Отмѣченныя обстоятельства часто очень вредятъ выясненію многихъ сторонъ изъ нашего «прошлаго», и вотъ почему мы всегда съ особенною радостью привѣтствуемъ начинанія тѣхъ, кто идетъ на встрѣчу запросамъ изслѣдователей этого прошлаго, а потому съ такимъ удовольствіемъ и встрѣчаемъ второй выпускъ «Невскаго Альманаха» и шлемъ нашу признательность его вкладчицамъ и вкладчикамъ.

Кромѣ переименованнаго матеріала въ альманахъ вошли еще не бывшія въ печати стихотворныя произведенія Я. Полонскаго, А. Плещеева, Д. Михаловскаго, историческая повѣсть Н. С. Лѣскова «Оскорбленная Нэтэта», сцена изъ драмы «Раскольники» М. И. Рѣшетникова съ предисловіемъ Гл. Успенскаго. Особеннаго вниманія заслуживаетъ послѣднее произведеніе, гдѣ такой знатокъ народной жизни, какъ Рѣшетниковъ, сдѣлалъ попытку представить на фонѣ трагическаго событія образы и характеры нашихъ раскольниковъ.

Альманахъ снабженъ обильнымъ количествомъ иллюстрацій, большинство которыхъ воспроизведено въ краскахъ. Тутъ мы встрѣчаемъ не бывшія до сихъ поръ извѣстными каррикатуры Н. А. Степанова, К. Брюллова, наброски къ силуэтамъ, сдѣланные Е. Бемъ для иллюстраціи повѣсти Лѣскова «Оскорбленная Нэтэта», по поводу каковыхъ набросковъ авторъ «Соборнякъ» велъ съ художницей длинную переписку, нынѣ опубликованную въ альманахѣ. Ея же кисти принадлежатъ и рисунки къ драмѣ Л. Толстого «Власть тьмы», гдѣ мы видимъ

образы Савиной, Стрѣльской, Давыдова, Варламова въ исполненіи ими главныхъ ролей пьесы.

Изъ настоящаго краткаго описанія содержанія 2-го выпуска «Альманаха» читатели могутъ убѣдиться, насколько значительна его историко-литературная цѣнность, какое разнообразіе матеріала онъ содержитъ и насколько онъ заинтересуетъ всѣхъ пріобрѣтшихъ его. Отмѣтимъ еще въ заключеніе, что почти всѣ письма, въ особенности Гончарова, снабжены обстоятельными примѣчаніями, изъ которыхъ особенно выдѣляются примѣчанія, составленныя Б. Модзалевскимъ и В. Княжнинымъ.

В. Г.

Бывш. іер. Іліодоръ (Сергѣй Труфановъ). Святой чортъ (Записки о Распутинѣ). Съ предисловіемъ С. П. Мельгунова. Изданіе журнала «Голосъ Минувшаго». Москва. 1917. XV+187. Цѣна 2р. 50 к.

Книга, о которой такъ много говорилось и печаталось, вышла въ свѣтъ. Въ предисловіи г. Мельгуновъ пишетъ, что «воспоминанія Іліодора, или вѣрнѣе его разоблаченія даютъ огромный матеріалъ... Передъ читателемъ предстаетъ въ сущности безобразная картина гніенія и разложенія стараго режима—монархіи и всего ея правительственнаго аппарата—наканунѣ паденія... Распутинъ и его клеветы срослись органически со всѣмъ правительственнымъ механизмомъ послѣдняго изъ Романовыхъ». Дѣйствительно, записки бывшаго друга Распутина, дающаго яркія картины жизни при дворѣ, производятъ гнетущее впечатлѣніе. Ставишь вопросъ, какъ это могло быть? Какъ могла возникнуть такая галлерея психопатическихъ личностей? И все это прямо такъ невѣроятно, что самая чудовищность описываемаго невольно вызываетъ скептицизмъ. Нельзя забывать, что Іліодоръ самъ заинтересованная сторона; что, какъ онъ пишетъ, онъ съ самаго начала наблюдалъ многія похожденія Распутина, но будто бы не понималъ смысла происходившаго у него на глазахъ; вся послѣдняя часть книги «Кампанія противъ Распутина» является рѣчью pro domo sua; въ его изложеніи много недоговореннаго, неяснаго, какъ напр. Распутинъ, другъ германфиловъ, бывшей царицы, Штюмера, Протопопова, является причиной настоящей войны; встрѣчаются противорѣчія, напр. на стр. 103 онъ говоритъ, что избраніе въ ректоры СІВ. Духовной Академіи протоіерея Т. А. Налимова не было утверждено государемъ по настоянію Распутина, а на стр. 173 написано «епископъ Гермогенъ, мой покровитель и заступникъ не пропустилъ въ ректоры СІВ. Дух. Ак. протоіерея отца Т. Налимова». Этимъ недосмотромъ онъ какъ бы ставитъ знакъ равенства между собой и Гермогеномъ съ одной стороны и Распутинымъ съ другой. Вообще ихъ близость была, повидимому, болѣе значительной, чѣмъ хочетъ представить Іліодоръ. Очень жаль, что способъ изданія книги Іліодора лишаетъ читателя возможности произнести собственное сужденіе о личности ея автора, независимо отъ того освѣщенія, которое придастъ ей издатель. Изъ предисловія г. Мельгунова видно, что сочиненіе опубликовано не въ томъ видѣ, какъ оно вышло изъ рукъ бывшаго іеромонаха. Читатель узнаетъ (стр. XI ср. стр. IX курсивъ): «Мы печатаемъ ихъ (воспоминанія Іліодора) съ сокращеніемъ, отчасти устраняя нѣкоторыя дѣйствительно фантастическія

«истор. вѣсти», май—іюнь 1917 г., т. сxlviiii.

20

утвержденія Иліодора, отчасти избѣгая тѣхъ скабрзныхъ деталей, которыя любитъ Иліодоръ въ описаніи того, какъ Распутинъ на практикѣ осуществлялъ свою идею изгнанія блуднаго бѣса». Противъ устраненія послѣднихъ деталей мы не возражаемъ, хотя такая pruderie не совсѣмъ понятна въ книгѣ, часть которой можно назвать прямо сочиненіемъ по эротической психопатологіи, (эту часть, можетъ быть, лучше было бы напечатать прямо въ медицинскомъ журналѣ), кромѣ того въ книгѣ и такъ все же допущено довольно много скабрзнаго. Но нельзя не выразить своего полного недоумѣнія относительно исключенія «фантастики», «дѣйствительно фантастическихъ утвержденій» Иліодора. Эта фантастика очень, по нашему мнѣнію, важна для характеристики Иліодора. Лицо, много времени бывшее въ сношеніяхъ съ явно ненормальными субъектами, само можетъ заразиться ихъ психическими аномаліями, и эта «фантастика» яснѣе помогла бы выяснитъ, что и самъ Иліодоръ ненормальный человѣкъ, хотя, повидимому, и въ иномъ направленіи, чѣмъ описываемыя имъ лица. Наконецъ, въ предисловіи г. Мельгунова упоминается о предисловіи самаго Иліодора; изъ этого предисловія приводятся отрывки, въ немъ указываются источники, которыми пользовался авторъ (стр. IX—X), но самого предисловія полностью мы опять таки не имѣемъ. Такимъ образомъ передъ нами не подлинный текстъ памфлета Иліодора (а иначе назвать его книгу нельзя), а специальнымъ образомъ препарированное изданіе ad usum.... ужъ не знаемъ кого, при чемъ издатель нигдѣ не отмѣчаетъ пропусковъ; мѣстами поставлены, правда, нѣсколько точекъ, но эти точки могъ поставить и самъ Иліодоръ. На стр. 103 «Фактъ 1», повидимому, также выброшенъ издателемъ и соответствующія три строчки написаны издателемъ, что также не оговорено. Г. издатель заслужилъ бы величайшей благодарности, какъ историковъ, такъ и психіатровъ, (содѣйствіе послѣднихъ совершенно необходимо), если бы постарался по возможности собрать и издать тѣ письменные документы, о которыхъ упоминаетъ въ своемъ предисловіи Иліодоръ. Судя по контексту, эти документы, за однимъ исключеніемъ, всѣ цѣлы. Самъ же г. Мельгуновъ указываетъ на большую цѣнность дневниковъ Лохтиной. Онъ заявляетъ также, что видѣлъ оригиналы многихъ писемъ къ Распутину, «копіи съ которыхъ сняты лицомъ, заслуживающимъ наибольшаго общественнаго довѣрія» (почему однако, оно не названо? и гдѣ эти оригиналы?). Упоминается, что какія-то письма, отобранныя при обыскѣ у Бадмаева, даютъ поводъ заключить, что Иліодоръ, «повидимому», вновь обращается изъ Павла въ Савла. Пусть все это будетъ собрано, критически освѣщено, научнымъ образомъ издано, и тогда виѣстѣ съ полнымъ переизданіемъ книги Иліодора у насъ будетъ богатый матеріалъ для сужденія о многихъ событіяхъ послѣдняго десятилѣтія, изъ котораго общество получить возможность объяснить себѣ тѣ невѣроятныя дѣянія грязнаго, невѣжественнаго мужика, о которыхъ говорится въ книгѣ Иліодора, и то баснословное вліяніе, которое онъ имѣлъ на лицъ, все же получившихъ изысканное воспитаніе. Безъ этого передъ нами фактъ, который отказывается понять разумъ, а *credo quia absurdum* не можетъ служить лозунгомъ ни одного изслѣдователя. Послѣдней книге Иліодора, въ томъ видѣ, какъ она издана, ничего не дастъ; а само изданіе мы не хотимъ назвать спекулятивнымъ. Лица, составляющія редакцію «Голоса

Минуваго», слишкомъ извѣстны своей дѣятельностью, чтобы предъявить имъ такое обвиненіе, по не можемъ не назвать поспѣшнымъ; на послѣднее обстоятельство показываетъ и печатаніе книги въ двухъ типографіяхъ и большое количество опечатокъ.

А.

Русскій Біографическій словарь. Герберскій-Гогенлоэ. Изданіе императорскаго русскаго историческаго общества. Москва. Типографія Г. Лисснера и Д. Собко. 1916. Стр. 442. Ц. 3 р.-

Русское Историческое Общество продолжаетъ съ неустанной энергіей выпускать въ свѣтъ, одинъ за другимъ, томы «Русскаго Біографическаго Словаря», спѣша закончить изданіе этого крупнаго историческаго памятника. Томъ «Герберскій-Гогенлоэ», изданный подъ редакціей Н. П. Чулкова, вполне отвѣчаетъ требованіямъ, предъявляемымъ къ «Словарю» со стороны любителей и знатоковъ русской исторіи, и свидѣтельствуетъ о добросовѣстной редакторской работѣ. Позволимъ себѣ, однако, нѣкоторыя замѣчанія о содержаніи вышедшаго тома. Въ рамкахъ его («Герберскій-Гогенлоэ») нѣтъ жизнеописаній особо выдающихся русскихъ дѣятелей, за исключеніемъ А. И. Герцена и М. И. Глинки, но біографіи этихъ двухъ лицъ, написанныя г. Чешинымъ и г. Финдензенемъ вполне, исчерпываютъ данныя о ихъ дѣятельности. Большое вниманіе въ «Словарѣ» оказано и личности Ѳ. Н. Глинки въ біографіи, написанной г. Ельницкимъ. Заслуживаетъ упоминанія также біографія патріарха Гермогена г. Высоцкаго и генераль-прокурора А. И. Глѣбова, принадлежащая перу самого редактора. Жаль, впрочемъ, что въ «Словарѣ» попала обстоятельная біографія Леонида Глѣбова, малорусскаго поэта, жизнь котораго не входитъ за хронологическіе предѣлы «Словаря», ограниченные 1892 г. включительно, чѣмъ нарушается планъ изданія. Изъ числа иностранныхъ искателей почестей и богатствъ въ Россіи на личности князя Фридрихъ-Карла-Юсифа Гогенлоэ-Вильденбургъ-Шиллингенфюрста слѣдовало остановиться подробнѣе: изъ книги Шимана о Николаѣ I видно, что этотъ ловкій нѣмецъ пользовался большимъ вліяніемъ при русскомъ дворѣ, и императоръ думалъ даже выдать за него дочь свою, великую княжну Ольгу Николаевну.

Б. Ш.

Сборникъ статей, посвященныхъ Александру Сергѣевичу Лаппо-Данилевскому.—Томъ XXI сборника историческаго общества при Петроградскомъ университетѣ.—Петроградъ 1916 г. Стр. 311. Цѣна 4 рубля.

Небольшой кружокъ лицъ, занимавшихся въ 1903 г. въ Петроградскомъ университетѣ практическими занятіями по дипломатикѣ (изученію) частныхъ правовыхъ актовъ Московскаго государства, подъ непосредственнымъ руководствомъ извѣстнаго ученаго и академика А. С. Лаппо-Данилевскаго, пожелалъ выразить ему глубокую благодарность за такое съ его стороны научное руко-

20*

водство и рѣшилъ, въ честь двадцатипятилѣтія его ученой педагогической дѣятельности, издать сборникъ статей, написанныхъ на основѣ матеріала, собраннаго по его указаніямъ. Сборникъ этотъ недавно вышелъ и состоитъ изъ ряда обстоятельно составленныхъ специальныхъ монографій по различнымъ вопросамъ гражданскаго правового быта нашего отечества въ XVI и XVII вѣкахъ. Не входя въ подробный разборъ этихъ любопытныхъ изслѣдованій, едва ли возможный въ краткой замѣткѣ, позволимъ себѣ указать на труды А. И. Андреева—объ отступныхъ грамотахъ (по терминологіи нашего времени купчихъ), относящихся къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ въ XVI вѣкѣ и г. Шилова—о поступныхъ или поступочныхъ записяхъ на крестьянъ за приемъ-держательство бѣглыхъ (отъ выраженія «поступился ему и продалъ», при чемъ добавлялось иногда и «помирися»),—касающагося исторіи крестьянскаго вопроса въ XVII вѣкѣ. Затѣмъ имѣются нѣсколько статей, относящихся до различнаго рода договоровъ, существовавшихъ въ тѣ отдаленныя времена, какъ г. Котлярова о рядныхъ или сговорныхъ записяхъ XVI—XVII вѣковъ, которыя обыкновенно совершались при сговорѣ, какъ отъ лица жениха, такъ и представителей со стороны невѣсты,—г. Куна—о мірскихъ Лодомскихъ отписяхъ, совершавшихся только въ Лодомской волости и ея округѣ (въ самомъ устьѣ р. Сѣверной Двины) въ 1540—1668 г., преимущественно вознесенскими дьяками (одинъ изъ приходоу Лодомской волости). Въ этихъ отписяхъ говорится о различныхъ земляхъ и государственныхъ сборахъ, взимаемыхъ съ населенія, о сборщикахъ и плательщикахъ, съ чего платили, сколько и куда,—г. Сидорова о складныхъ записяхъ, которыхъ пока имѣется всего девять экземпляровъ, довольно разнообразныхъ по содержанію, опредѣляющихъ права совмѣстныхъ участниковъ въ пользованіи извѣстнымъ имуществомъ. Очень любопытна статья г. Злотникова, относящаяся къ исторіи нотаріата Московской Руси, подъ заглавіемъ—«Подьячіе Ивановской площади» (въ Москвѣ, при чемъ упоминается также про подьячихъ при Посольскомъ приказѣ), сообщающая много свѣдѣній объ этомъ низшемъ словѣ подьяческаго сословія, работавшемъ на площади Ивана Великаго (1589 года) и имѣвшемъ свою организацію.

Упомянутымъ монографіямъ предшествуютъ двѣ статьи общаго содержанія: В. И. Веретенникова—къ вопросу о методахъ изученія древне русскихъ частныхъ правовыхъ актовъ» и М. Смирнова—«Нѣкоторые замѣчанія о дипломатическомъ анализѣ частнаго документа».

Къ сборнику приложенъ хорошо сдѣланный портретъ уважаемаго юбиляра, а также очень обстоятельно составленный г. Шиловымъ списокъ научныхъ трудовъ А. С. Лаппо-Данилевскаго съ подробнымъ указаніемъ, гдѣ и когда таковыя были напечатаны.

П. Майковъ.

Древности. Труды императорскаго московскаго археологическаго общества, томъ XXV, изданный подъ редакціей А. В. Орѣшникова. Москва. 1916. 4^о. Стр. 365+54 таблицы рисунковъ. Цѣна 15 рублей.

Вышедшій теперь юбилейный томъ «Древностей» чрезвычайно интересенъ по разнообразію своего содержанія; въ немъ представлены разныя области археологической науки, начиная съ древняго Востока и кончая XVIII в. Древневосточной археологіи посвящены статьи М. В. Никольскаго и Б. А. Тураева. Первый касается «Задачь русской археологической и исторической науки въ Палестинѣ и Месопотаміи въ связи съ современными мировыми событіями», а послѣдній въ статьѣ «Ящики для египетскихъ погребальныхъ статуэтокъ называемыхъ» ушебти» излагаетъ исторію развитія представленій древнихъ египтянъ объ ушебти и рассматриваетъ разныя формы ящиковъ для нихъ. Классическому міру посвящены двѣ статьи. Б. В. Фармаковскій съ обычной для него исчерпывающей обстоятельностью литературы трактуетъ вопросъ о «Милетскихъ вазахъ изъ Россіи», главнымъ образомъ останавливаясь на обломкахъ вазъ музея общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи при московскомъ университетѣ. Находка этихъ вазъ въ Кіевской губерніи служитъ любопытнымъ доказательствомъ, что предметы изъ греческихъ колоній на югѣ Россіи проникали въ глубь Скиѳіи. М. И. Ростовцевъ интересную статью посвятилъ разбору вопроса, какую изъ боспорскихъ царицъ представляетъ бронзовый бюстъ, найденный въ 1898 году вслѣдъ Новороссійска вмѣстѣ съ другими бронзовыми вещами. Путемъ сопоставленія изображенія на разныхъ монетахъ и анализовъ историческихъ извѣстій о Боспорскихъ царицахъ авторъ приходитъ къ заключенію, что бюстъ изображаетъ царицу Динамію, дочь Фарнака, жену Асандра и Полемона. Въ связи съ исторіею этой царицы рассматривается и вообще исторія Боспорскаго царства въ эпоху Августа. Въ приложеніи къ изслѣдованію М. И. Ростовцева ак. Н. Я. Марръ даетъ этимологическій разборъ названія «аспургіане», которое онъ понимаетъ какъ имя княжеской дружины. Статья Д. В. Айналова «Меморіи св. Климента и св. Мартина въ Херсонесѣ» является дополненіемъ къ предшествующимъ работамъ автора, напечатаннымъ въ «Христіанскихъ Древностяхъ Херсонеса»; рассмотрѣніемъ развалинъ нѣсколькихъ храмовъ съ многочисленными усыпальницами авторъ доказываетъ, что они не что иное, какъ «меморіи съ койметеріями», т. е. семейныя надгробныя часовни, подобныя тѣмъ, какія упомянуты въ меморіяхъ св. Климента. Д. Н. Анучинъ издалъ съ подробнымъ комментариемъ старинную морскую карту на пергаментѣ изъ собранія графа А. С. Уварова, составленную, вѣроятно, въ самомъ концѣ XV в. П. Г. Виноградовъ—въ статьѣ «Экскурсія на Малабарскій берегъ» описываетъ любопытное патріархальное устройство семьи у малабарскихъ найаровъ. Изъ изученія быта найаровъ на мѣстѣ онъ приходитъ къ заключенію, что законодательная дѣятельность англичанъ привела скорѣе къ укрѣпленію, чѣмъ къ разрушенію этихъ своеобразныхъ семейныхъ отношеній, жизнеспособныхъ и на сравнительно высокихъ ступеняхъ культуры. Остальныя статьи посвящены уже исключительно русскимъ древностямъ. Арх. Арсеній опубликовалъ «Печатный антиминсъ 1612 г.», кото-

рый интересенъ, какъ едва ли не первый образецъ русской гравюры, выполненный къ тому же въ Вологдѣ, тогда какъ въ самой Москвѣ печатать антиминсы стали только въ 1652 г. П. С. Рыковъ по поводу кольчуги виленскаго музея, принадлежавшей Ивану Григорьевичу Выродкову, даетъ очеркъ жизни и дѣятельности этого сотрудника Юанна IV въ первую половину его царствованія. Большая статья Я. И. Смирнова посвящена «Устюжскому изваянію св. Георгія Московскаго большаго Успенскаго собора», которое большинство изслѣдователей, слѣдую Снегиреву, считало римскимъ рельефомъ IV в. по Р. Х. и которое въ дѣйствительности является грубой копией съ итальянской гравюры XV в., возможно, вытесанной въ самомъ Устюгѣ. И. М. Тарабринъ далъ изданіе извѣстнаго «Букваря Каріона Истомина» какъ по рукописямъ, такъ и по печатнымъ изданіямъ. А. Н. Филипповъ въ статьѣ «Первые шаги въ Россіи въ XVIII в. геральдической науки и графъ Ф. Санти» касается введенія при Петрѣ I геральдики и дѣятельности «товарища герольдмейстера, иноземца, полковника, графа Санти», который «сочинялъ Россійской имперіи провинціямъ и городамъ, на полковыя знамена и разнымъ фамиліямъ гербы», затѣмъ въ связи съ дѣломъ Волынскаго былъ сосланъ въ Сибирь и, наконецъ, вновь возвращенъ на прежній постъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ указываетъ на значеніе геральдики съ историко-юридической точки зрѣнія, вопреки другимъ историкамъ, отрицающимъ всякое значеніе этой науки для русской исторіи.

Цѣну книги мы назвали бы высокой, но приходится считаться съ вздорожаніемъ бумаги и типографскихъ работъ, а также принять во вниманіе и значительное число прекрасно выполненныхъ таблицъ.

А. Захаровъ.

Труды Курской губернской ученой архивной комиссіи. Выпускъ II, изданъ на средства капитала имени учредителя Комиссіи Н. Н. Гордѣева. 1916 года.

Не смотря на тяжелую войну, вызывающую многочисленныя затрудненія и преткновенія, изданія нашихъ ученыхъ архивныхъ комиссій идутъ своимъ чередомъ. Это заслуживаетъ полнаго одобренія, потому что послѣ стремленія русскаго общества «дѣлать все для побѣды», первое мѣсто должно занимать правило—«дѣлать все возможное и для культуры». Не отстаетъ въ этомъ отношеніи и Курская ученая архивная комиссія. Въ самый разгаръ войны, она, благодаря неутомимой дѣятельности правителя дѣлъ Н. Н. Златоверховникова, выпустила въ свѣтъ большой томъ, объемомъ болѣе 300 стр., на прекрасной плотной бумагѣ, съ рядомъ интересныхъ статей, почти всѣхъ составленныхъ на основаніи ранѣе не бывшихъ въ печати архивныхъ источниковъ, или произведенныхъ въ Курскомъ краѣ раскопокъ. Не касаясь тѣхъ археологическихъ работъ членовъ комиссіи, которыя имѣютъ только мѣстное значеніе, мы позволимъ себѣ обратить вниманіе читателей на тѣ изслѣдованія и сообщенія, которыя не лишены и общеисторическаго значенія. Такова статья предсѣдателя комиссіи о «каменномъ сфинксѣ», найденномъ въ Щигровскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, изваянномъ въ позѣ верблюда изъ одной глыбы кварцитовиднаго песчаника; поверхность этого страннаго изваянія отшлифована. Величина

изваяніа колосальна, такъ, напр., длина отъ морды до хвоста 1,47 метра, высота 1,30 метра, наибольшая толщина 0,55 метра. Размѣрамъ «сфинкса» соответствуетъ и вѣсъ. Въ настоящее время онъ находится въ одной изъ залъ музея ученой архивной комиссіи. Пока мнѣнія нѣкоторыхъ археологовъ, видѣвшихъ изваяніе, признають его чрезвычайно загадочнымъ явленіемъ. Онъ заслуживаетъ изученія крупныхъ археологическихъ силъ, тѣмъ болѣе, что подобнаго ему не приходилось встрѣчать при археологическихъ изысканіяхъ. Полны живого интереса статьи: о каменныхъ бабахъ (новыя находки ихъ) и о художникахъ—уроженцахъ Курской губерніи или работавшихъ въ нихъ. Очень важная тема затронута въ статьѣ о рѣкахъ Курского края—въ археологическомъ отношеніи, трактующей, главнымъ образомъ, объ исторической рѣкѣ Сѣверщины—Сеймѣ. Много совершенно новыхъ свѣдѣній даетъ обширная статья подъ заглавіемъ: «Курскій край въ началѣ царствованія Петра Великаго», о дѣятельности этого монарха въ концѣ XVII вѣка по архивнымъ даннымъ Московскаго архива министерства юстиціи. Эти свѣдѣнія положительно необходимы для правильнаго освѣщенія нѣкоторыхъ сторонъ исторіи царствованія Петра, остающихся доселѣ въ тѣни. Въ особенности интересно описаніе судостроительныхъ и флотскихъ работъ Петра Великаго на рѣкѣ Деснѣ, мало чѣмъ уступающихъ такимъ же работамъ на рѣкахъ Воронежѣ и Дону. По нашему мнѣнію, главное достоинство даваемого новымъ выпускомъ «Трудовъ» Курской ученой архивной комиссіи матеріала то, что онъ представляетъ много новыхъ и въ то же время немаловажныхъ фактовъ историческаго значенія. Къ выпуску приложены журналы и отчеты комиссіи. Очень жаль, что въ книгѣ нѣтъ ни лицевого, ни предметнаго указателя.

А. Танковъ.

П. О. Потаповъ. Изъ исторіи русскаго театра. Жизнь и дѣятельность В. А. Озерова. Одесса, 1915. Стр. 959. Ц. 6 р.

Несмотря на то, что объ этой объемистой книгѣ написано уже четыре, тоже довольно пространнхъ рецензіи (проф.: Вилинскаго, Варнеке, Рѣзанова и г. Гудзія),—ощущается потребность сказать по поводу труда г. Потапова окончательное слово.

Трудъ безусловно капитальный. И напрасно строгіе рецензенты прибѣгали къ кропотливости, чтобы отыскать лишній дефектъ этой почтенной работы. Изъ всѣхъ, сдѣланныхъ упомянутыми рецензентами, недочетовъ мы считаемъ вполне обоснованными только два, изъ которыхъ одинъ указанъ проф. Рѣзановымъ, а другой проф. Вилинскимъ.

Первый критикъ въ цѣлой статьѣ «Расиновская трагедія на русской почвѣ» (Р. Филологическій В. 1916 г.) чрезвычайно тонко замѣтилъ, что въ работѣ г. Потапова, не смотря на ея полноту, не достаеъ обширнѣйшей главы: «Жанъ Расинъ и Озеровъ», наличность которой убѣдила бы самого автора въ томъ, что мнимый «реализмъ» Озерова и «жизненность» его трагедій являлись отнюдь не результатомъ проникновенія русской дѣйствительности въ высокую поэзію, а лишь сильнѣйшимъ вліяніемъ талантливыхъ въ психологическомъ отношеніи

драмъ Расина. Мысль совершенно правильная, такъ какъ насколько намъ теперь извѣстно, всѣ произведенія Расина отличаются именно необычайной жизненностью и разнообразіемъ въ обрисовкѣ характеровъ его драматическихъ персонажей. Извѣстный французскій психологъ прошлаго вѣка, Жане (Janet), даже написалъ цѣлую статью, въ которой онъ дѣлаетъ въ пользу экспериментальной психологіи много выводовъ на основаніи только произведеній Расина. Женская душа, по его мнѣнію, нашла себѣ особенно точнаго художника въ лицѣ Расина. Здѣсь, слѣдовательно, мы должны искать тайну склонности Озерова къ обрисовкѣ героинь преимущественно. Конечно, въ основѣ этой склонности необходимо должна лежать женственная натура самого писателя, нѣжно взлелѣяннаго внимательнымъ воспитаніемъ Ангальта (см. въ разбираемой книгѣ Потапова 2-ю главу), но литературная форма, въ которую отлилось это внутреннее чувство автора, была несомнѣнно взята имъ у Расина и только у Расина. А въдѣ въ искусствѣ форма играетъ первенствующую роль.

Что же касается второго возраженія, высказаннаго проф. Вилинскимъ (къ нему присоединяются въ данномъ случаѣ проф. Варнеке и г. Гудзій),—то оно сводится къ тому упреку, что г. Потаповъ не сумѣлъ своимъ изслѣдованіемъ поставить точку въ исторіи русской литературы по вопросу о Владимірѣ Александровичѣ Озеровѣ. Именно: почтенный авторъ почему-то отказался обслѣдовать 15 небольшихъ стихотвореній Озерова и не просмотрѣлъ всѣ рукописи, находящіяся въ различныхъ хранилищахъ Петрограда и Москвы. Но въ этомъ пунктѣ извиненіемъ для г. Потапова является его провинціальное положеніе и отдаленность отъ названныхъ столицъ. Однако, само собою разумѣется, мы вмѣстѣ съ его рецензентами сѣгнемъ на указываемую неполноту труда г. Потапова.

Въ остальномъ изслѣдованіе г. Потапова заслуживаетъ только одобренія, такъ какъ методъ, выбранный имъ, отличается математичностью, а привлеченные матеріалы—обширностью и полнотой. Замѣчанія, принадлежащія лично изслѣдователю, всегда глубоки, а психологическія наблюденія тонки. Поэтому мы не понимаемъ, почему проф. Варнеке высказался за неумѣстность подобной «отсебятины»? Въдѣ, въ противномъ случаѣ всѣ ученныя изслѣдованія сведутся къ отвлеченной схемѣ и сухой номенклатурѣ. Мы должны быть особенно благодарны одесскому ученому автору за его, именно, личныя наблюденія и сопоставленія, благодаря которымъ книга его никогда не потеряетъ насущнаго интереса. Только прочитавъ подобныя замѣчанія, мы вполне убѣжденно можемъ высказаться за чистый классицизмъ трагедій Озерова, отличающихся строгой логичностью въ мотивировкѣ, генезисъ которой слѣдуетъ искать въ знаменитомъ требованіи классической техники «единства дѣйствія». Подобное наблюденіе даже наводитъ насъ на мысль: не оказывается ли этотъ тезисъ классическаго кодекса универсальнымъ требованіемъ въ искусствѣ всѣхъ культурныхъ народовъ?

Благодаря обширности сопоставленій, книгу г. Потапова можно рекомендовать всѣмъ лицамъ, интересующимся всеобщей литературой, такъ какъ они найдутъ въ этой работѣ достаточно матеріала для пополненія своихъ свѣдѣній.

Кромѣ того, г. Потаповымъ, на нашъ взглядъ, данъ вполне правильный очеркъ классическаго движенія вообще, не только въ Россіи, но и во Франціи.

Благодаря всему указанному, трудъ г. Потапова можно назвать вполне научной монографіей, вродѣ тѣхъ, какія мы привыкли читать на французскомъ языкѣ; такъ, наприм., изслѣдованіе Пьера Робера о Расинѣ, бывшее несомнѣнно въ рукахъ г. Потапова въ періодъ изученія имъ творчества русскаго классика, нашего «второго Расина», В. А. Озерова.

Г. Валедиинскій.

Юрій Соболевъ. Антонъ Чеховъ. Неизданныя страницы. Кн.—во «Сѣверные Дни.» Москва. 1916. Стр. 156. Ц. 1 р. 25 н.

Настоящее «собраніе матеріаловъ», какъ скромно называетъ свою работу г. Соболевъ, является одной изъ первыхъ, если не первую, попытокъ собранія и изученія ранняго періода творчества Антона Чехова, сотрудничавшаго въ «Стрѣкозѣ», «Осколкѣ», «Зрителѣ». Такъ какъ періодъ сотрудничества А. П. Чехова въ мелкихъ юмористическихъ журналахъ 80-хъ годовъ не достаточно отраженъ въ Марковскомъ «полномъ собраніи сочиненій» его, приводимыя г. Соболевымъ странички представляютъ несомнѣнный интересъ для всѣхъ, кому дороги писанія покойнаго Антона Павловича. А развѣ мало такихъ?

Въ сборникъ вошли нѣкоторыя мелочи изъ домашняго альбома г-жи Дюковской, юмористическія наброски, эскизы, отдѣльныя фразы, мѣткія словечки, нѣкоторыя удивительныя по неожиданности и нелѣпости смѣшныя случаи, фамиліи, положенія и т. д. И теперь нельзя безъ улыбки пробѣжать его остроумный пустячокъ «Непонятныя рѣчи» или «Итого»—обрывки бумагъ въ архивѣ возвратившагося съ Нижегородской ярмарки купца, гдѣ не мало образныхъ, красочныхъ черточекъ типически-бытовыхъ по содержанию.

Съ интересомъ прочтутся также извлеченныя изъ нѣдръ юмористическихъ журналовъ «Записная книжка комиссіонера», «Новѣйшій письмовникъ», «Масляничныя правила дисциплины», разсужденіе на тему: «Жизнь прекрасна». Нѣкоторыя отрывки изъ этого разсужденія и теперь вызываютъ легкую улыбку. Напримѣръ: «и жизнь пренепрятная штука, но сдѣлать ее прекрасной очень нетрудно. Для этого недостаточно выиграть 200.000, получить Бѣлаго Орла, жениться на хорошенькой, прослыть благонамѣреннымъ,—всѣ эти блага тлѣнны и поддаются привычкѣ. Для того, чтобы ощущать въ себѣ счастье безъ перерыва, даже въ минуты скорби и печали, нужно: а) умѣть довольствоваться настоящимъ и б) радоваться сознанію, что «могло бы быть и хуже». Когда у тебя въ карманѣ загораются спички, то радуйся и благодари Небо, что у тебя въ карманѣ не пороховой погребецъ. Когда къ тебѣ на дачу пріѣзжаютъ бѣдные родственники, то не блѣднѣй, а, торжествуя, восклицай: «хорошо, что это не городовые».—Если у тебя болитъ зубъ одинъ, то ликуй, что у тебя болятъ не всѣ зубы. Если тебя сѣкутъ березой, то дрыгай ногами и восклицай: «какъ я счастливъ, что меня сѣкутъ не крапивой».—Если жена тебѣ измѣнила, то радуйся, что она измѣнила тебѣ, а не отечеству».

Пустячки, но какъ мило и смѣшно; право, гораздо пріятнѣе препрославленныхъ г.г. «сатириконцевъ» и брызжущихъ слюной «современныхъ русскихъ юмористовъ въ родѣ Вл. Азова, О. Л. Д'Ора или «самого» Арк. Аверченка.

Съ интересомъ также прочтутъ поклонники Чехова и его юмористическія театральныя рецензіи, подписанныя псевдонимомъ «Человѣкъ безъ селезенки», «братъ моего брата» и т. п. Двѣ такихъ статейки посвящены Саррѣ Бернарѣ, которая въ 1881 г. посѣтила Москву и вызвала многое множество разговоровъ въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ російскихъ гражданъ. Рецензія о знаменитомъ провинціальномъ трагикѣ Ивановѣ-Козельскомъ въ «Гамлетѣ» характерна въ томъ отношеніи, что уже въ ранніе годы литературной дѣятельности въ легкихъ еженедѣльникахъ у Чехова проглядываетъ недовольство театральной рутинной и серьезныя, глубоко-продуманныя требованія естественности въ игрѣ актеровъ. Особенно ясно высказанъ былъ имъ этотъ взглядъ въ послѣдствіи въ отзывѣ объ игрѣ г. Мейерхольда въ пьесѣ Гауптмана «Одинокіе» (См. VI т. «Писемъ А. П. Чехова»).

Любопытенъ въ автобіографическомъ отношеніи рассказъ «Завтра—экзаменъ», относящійся къ 1884 году, т. е. году окончанія Чеховымъ университета.

Далѣе слѣдуютъ матеріалы біографическаго характера. Таковы: «Изъ раннихъ критическихъ отзывовъ о Чеховѣ»—довольно обстоятельная сводка «забытыхъ документовъ» о томъ, какъ трудно было пробиться Чехову сквозь толщу упорнаго замалчиванія и непониманія г.г. критиками дарованія Чехова; «Послѣдніе годы, смерть и похороны Чехова», очеркъ, составленный по газетнымъ статьямъ, появившимся въ 1904 г., когда скончался А. П., и очеркъ «По чеховскимъ уголкамъ», куда включены не появившіяся до сихъ поръ въ печати воспоминанія лицъ, знавшихъ Чехова въ годы его пребыванія въ Воскресенскѣ, Бабкинѣ и Мелеховѣ. Въ концѣ книги помѣчены нѣкоторыя краткія примѣчанія преимущественно библиографическаго характера.

Въ общемъ сборнику Соболева, правда, не лишенному нѣкоторыхъ недостатковъ, нельзя отказать въ интересѣ и значеніи, какъ одной изъ первыхъ попытокъ разносторонняго изученія чеховскаго литературнаго наслѣдія. Послѣ изданія писемъ Чехова пора серьезно приняться за тщательное изслѣдованіе ранняго періода его творчества, такъ мало извѣстнаго пока еще и не разработаннаго. Работа «чеховѣдовъ» въ этомъ направленіи встрѣтитъ несомнѣнное сочувствіе въ русской читательской массѣ.

Д. М—ко.

Гр. А. А. Мусинъ-Пушкинъ. Н. И. Пироговъ, какъ педагогъ. Пр. 1916. Стр. 15. Ц. 1 р. 50 к.

Гр. Мусинъ-Пушкинъ взялся, съ своей стороны, обозрѣть педагогическую дѣятельность Н. И. Пирогова: другихъ толкователей Н. И. авторъ находитъ недостаточно о б ъ е к т и в н ы м и. Но, признаться, и въ многообразныхъ сужденіяхъ министерства народнаго просвѣщенія и у самого гр. Мусина-Пушкина субъективизма предовольно.

Авторъ въ отдѣльныхъ своихъ замѣчаніяхъ и соображеніяхъ, по нашему мнѣнію, и правъ, и содержателенъ. Но... «значеніе Пирогова, какъ администратора, «по словамъ графа, «заключается въ томъ, что онъ въ основаніе своей педагогической дѣятельности ставилъ всегда философскую мысль. Въ этомъ отношеніи онъ является рѣдкимъ, можно смѣло сказать, единственнымъ попечителемъ въ Россіи». Между тѣмъ въ книгѣ гр. Мусина-Пушкина какъ разъ не хватаетъ внушительной филологической связности мыслей. Авторъ разсматриваетъ знаменитыя статьи Пирогова «Вопросы жизни», «Быть и казаться», «Университетскій вопросъ»; касается административной дѣятельности Н. И. Отдѣльныя главы книги посвящены у гр. Мусина-Пушкина: «Дневнику стараго врача» и «Женскому вопросу».

Интересъ къ личности Пирогова, жизненность тѣхъ или другихъ его педагогическихъ идей, плановъ, не исчерпаны еще и современностью. А потому и книги гр. Мусина-Пушкина нельзя отказать въ своей полезности. И вполнѣ, думается, вѣрно указаніе автора, что «проникаясь высокими идеалами Пирогова», можно съ успѣхомъ разумно воздѣйствовать и на нашу молодежь.

А. Наложовъ.

Д. А. Жариновъ, Н. М. Никольскій, С. И. Радцигъ и В. Н. Стерлиговъ. Древній міръ въ памятникахъ его письменности. Часть II. Греція. Изданіе Т-ва «Міръ» М. 1917. Стр. X+522. Ц. 3 р. 75 к.

Трудолюбивые московскіе педагоги продолжаютъ свою нелегкую задачу. Отчетъ о первомъ выпускѣ настоящаго труда, посвященномъ древнему Востоку, данъ былъ въ іюньской книжкѣ нашего журнала за прошлый годъ. Какъ и слѣдовало ожидать, II выпускъ существенно отличается отъ перваго прежде всего обиліемъ матеріала и систематическимъ распредѣленіемъ его. Въ книгѣ даны 152 отрывка изъ древнегреческихъ писателей и надписей, характеризующіе жизнь Эллады, начиная съ Гомеровскихъ поэмъ и кончая эпохой македонскаго завоеванія и эллинизма. Если сравнить настоящую книгу съ извѣстнымъ аналогичнымъ трудомъ Гиро, имѣющимся и въ русскомъ переводѣ, то работа московскихъ педагоговъ выгодно отличается отъ французскаго сборника своею научностью. Русскіе составители прежде всего исключаютъ отрывки изъ сочиненій современныхъ историковъ и филологовъ, затѣмъ они не только взяли имѣющіеся у насъ лучшіе переводы эллинскихъ писателей, но весьма многое перевели сами, слѣдуя новѣйшимъ изданіямъ античныхъ текстовъ. Особенно пріятно отмѣтить обиліе выдержекъ изъ греческихъ надписей, этихъ живыхъ свидѣтельницахъ государственнаго и общественнаго строя Эллады. Если продолжить сравненіе съ книгой Гиро, то, можетъ быть, русскимъ авторамъ слѣдовало бы привести побольше свидѣтельствъ, характеризующихъ частную, домашнюю жизнь эллиновъ, какъ наиболее интересную для молодежи школьнаго возраста. Затѣмъ, вѣроятно, многіе читатели книги раздѣлятъ наше сѣтованіе по поводу краткости нѣкоторыхъ отрывковъ. Такъ, знаменитыя элевсинскія мистеріи охарактеризованы лишь двумя небольшими отрывками (изъ Гомеровскаго гимна къ Церерѣ, 11 стиховъ, и фрагментомъ изъ Пиндара въ 4 стиха). Кажется, что лучшимъ отвѣтомъ

составителей на эти и подобные упреки (напримѣръ, неизбежную субъективность въ выборѣ отрывковъ) было бы приложеніе къ книгѣ библиографическаго перечня важнѣйшей русской литературы по затронутымъ въ хрестоматіи темамъ. Это прибавленіе, несомнѣнно, еще болѣе бы содѣйствовало успѣшному достиженію той цѣли, для которой назначается книга,—именно возбужденію самодѣятельности учащихся.

Къ книгѣ приложенъ рядъ рисунковъ, большинство которыхъ (77) помѣщено на отдѣльныхъ таблицахъ. Издательство выбрало для этихъ таблицъ прекрасную мѣловую бумагу, но все же слѣдуетъ признать, что рисунки эти слишкомъ мелки, и детальное разсматриваніе ихъ отнюдь не будетъ содѣйствовать сохраненію зрѣнія учащейся молодежи.

А. М.—нъ

А. С. Вязигинъ, профессоръ императорскаго харьковскаго университета—*Documenta historiam medii aevi illustrantia. Fasciculus tertius. Пособіе къ лекціямъ и практическимъ занятіямъ по исторіи среднихъ вѣковъ. Изданіе историко-фил. факультета харьк. университета. Стр. XXXV+116. Цѣна 1 р. 50 к. Харьковъ, 1916.*

Проф. А. С. Вязигинъ задумалъ издать обширный сборникъ документовъ, рассчитанный на 7 выпусковъ. Въ настоящее время вышелъ 3-ій выпускъ этого изданія, заключающій въ себѣ источники по исторіи X, преимущественно, вѣка. Проф. Вязигинымъ произведенъ чрезвычайно удачный и умѣлый выборъ матеріаловъ, ярко иллюстрирующихъ отличительныя особенности и основные моменты изучаемой эпохи. Составитель опредѣленно высказывается противъ столь часто практикуемыхъ мелкихъ и дробныхъ отрывковъ изъ источниковъ; въ настоящемъ сборникѣ или даются цѣликомъ небольшіе источники, или приводятся болѣе или менѣе значительныя извлеченія изъ разнообразныхъ памятниковъ средневѣковья. Въ вышедшемъ выпускѣ особенно обильны источники по Германіи и папству; немногочисленными, но интересными и характерными документами представлены Англія и Франція. Краткія вступительныя поясненія даютъ сжатый, но весьма интересный комментарий и необходимыя библиографическія указанія.

Эти положенія, составленныя опытнымъ и авторитетнымъ руководителемъ семинарскихъ занятій, особенно слѣдуетъ привѣтствовать, такъ какъ у насъ нерѣдко во многомъ теряютъ изданія средневѣковыхъ источниковъ безъ всякихъ примѣчаній и комментариевъ. Издана книга прекрасно и цѣна вполне доступна. Надо искренно пожелать профессору Вязигину скорѣйшаго завершенія его почтеннаго и нужнаго предпріятія, которое, конечно, займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ такъ давно ожидаемой и наконецъ начатой осуществленіемъ «русской» серіи источниковъ по всеобщей исторіи.

И. Вороздинъ.

Священникъ Василій Соколовъ. «Леонтій Византійскій». Его жизнь и литературные труды. Опытъ церковно-исторической монографіи. Сергіевъ посадъ. 1916. Стр. VIII—488. Ц. 3 р. 50 к.

Въ иностранной литературѣ существуетъ нѣсколько монографій о византійскомъ писателѣ VI вѣка, Леонтіи, принадлежащихъ ученымъ Лоофсу, Рюгамеру, Ермони и Юнгласу, тогда какъ русская церковно-историческая литература имѣла несомнѣнный по этому вопросу пробѣлъ. Монографія священника В. Соколова идетъ навстрѣчу прямой научной потребности. Она состоитъ, кромѣ введенія, изъ трехъ отдѣловъ. Въ первомъ отдѣлѣ излагается біографія Леонтія Византійскаго и обзрѣваются его литературные труды, во второмъ—изслѣдуются богословское ученіе и полемическая дѣятельность Леонтія Византійскаго, въ третьемъ—предложена сравнительная оцѣнка литературной дѣятельности Леонтія. Наконецъ, въ заключеніе раскрывается значеніе Леонтія Византійскаго въ ученіи христіанской церкви. Леонтій принесъ своими трудами богатый вкладъ въ богословскую науку и влилъ животворящую струю въ религіозную жизнь греко-восточной жизни. Въ силу этого и личность Леонтія вполне заслуживаетъ самаго высокаго почитанія и вѣчной благодарной памяти въ христіанской церкви. Авторъ ставитъ даже вопросъ о канонизаціи Леонтія Византійскаго.

Священникъ В. Соколовъ хорошо изучилъ сочиненія Леонтія Византійскаго и относящуюся къ вопросу литературу. Планъ его монографіи можно признать удачнымъ, и вообще изслѣдованіе, несомнѣнно, является полезнымъ. Напрасно только авторъ начинаетъ въ введеніи свою рѣчь издали и разсуждаетъ о важности изученія древней церковной исторіи и объ особенной потребности въ разработкѣ русской церковно-исторической науки. Кто же этого не знаетъ, или въ этомъ сомнѣвается? Въ раскрытіи богословскаго ученія Леонтія остались неразъясненными нѣкоторыя детали хринологіи, а направленіе александрійское въ области богословія получило неполную характеристику. Цитированіе греческихъ текстовъ нуждается въ дополнительной корректурѣ. Книга написана хорошимъ языкомъ. Въ общемъ, разсматриваемую монографію можно признать удачною. Появленіе ея въ свѣтъ оказывается вполне своевременнымъ,—въ виду назрѣвшей научной потребности.

Σ.

«На Балканахъ». Статьи, Путевые очерки. В. В. Водовозовъ. Изд-во «Огни», Петроградъ, 1917 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Настоящая книга, хотя и охарактеризована авторомъ въ заглавіи: «Статьи, Путевые очерки», однако представляетъ собою не разнообразныя отрывки, а цѣльное изложеніе, посвященное главнымъ образомъ разсмотрѣнію вопроса о Македоніи, которую авторъ считаетъ причиною возникновенія настоящей великой войны.

Однако изъ труда г. Водовозова можно усмотрѣть лишь то, что Македонія являлась постояннымъ яблокомъ раздора, перешедшаго затѣмъ прямо въ нена-

висть, между Болгаріей и Сербіей и отчасти съ обѣими вмѣстѣ Турціи, а съ послѣдней Греціи, но чтобы именно Македонскій вопросъ сталъ причиною настоящей войны, авторомъ это ни прямо, ни косвенно не доказано.

Чрезвычайно интересны приводимыя въ настоящей книгѣ наглядныя данныя, какъ Болгарія, Сербія и Греція, основываясь каждая на своихъ статистическихъ данныхъ о населеніи, доказывали принадлежность каждая себѣ Македоніи.

Такъ, по Болгарской статистикѣ въ Македоніи имѣется болгарь 1.181.336 человекъ, сербовъ 700, албанцевъ 128. 711, турокъ 499.204 и грековъ 228.702 человекъ. По сербской статистикѣ въ Македоніи находится: болгарь 57.600 человекъ, сербовъ 2.148.320, албанцевъ 165.620, турокъ 231.400 и грековъ 201.140 и, наконецъ, по греческой статистикѣ болгарь въ Македоніи 332.162, сербовъ и албанцевъ совсѣмъ нѣтъ, турокъ 634.017 и грековъ 652.795 человекъ.

Такимъ образомъ изъ этихъ статистическихъ данныхъ наглядно видно, насколько велики были претензіи каждаго изъ упомянутыхъ государствъ на Македонію. Кромѣ того эта ожесточеннѣйшая вражда между Болгаріей и Сербіей въ вопросѣ Македонскомъ проявлялась во всѣхъ сторонахъ жизни обоихъ государствъ. Напримѣръ, авторъ указываетъ на преподаваніе исторіи, дышащей въ устахъ сербскихъ учителей грубымъ національнымъ самохвалствомъ; изъ школьной исторіи дѣти узнаютъ, что Сербія всегда была полна благородства, а Болгарія всегда переполнена низостью и коварствомъ (стр. 72).

Затѣмъ, когда во время войны Балканскихъ славянъ съ Турціей значительная часть населенія Македоніи перешла отъ болгарь къ Сербіи, то въ населеніи произошла и перемѣна фамилій болгарскихъ на сербскія, именно Ивановы обратились въ Ювановичей, Стефановы въ Стефановичей и т. д.—Нѣкоторые интеллигенты (врачи и др.), говоритъ авторъ, сами въ разговорахъ со мною сознавались, что они сочли болѣе удобнымъ перемѣнить свою фамилію. Другимъ, менѣе грамотнымъ, напримѣръ мелкимъ торговцамъ, фамилію перемѣняла полиція при выдачѣ документовъ, слѣдя въ особенности затѣмъ, чтобы она перемѣнялась на вывѣскахъ (82 стр.).

Наконецъ, при разспросахъ авторомъ жителей Македоніи о національности, нѣкоторые отвѣчали:—я былъ бугаринъ, а сада я самъ сербъ,—а другіе—не болгаринъ и не сербъ, а македонецъ.

Что же касается отношеній къ Македонскому вопросу Турціи и Греціи, то таковыя объясняются главнымъ образомъ коммерческими интересами. Именно, когда послѣ Бухарестскаго мира Салоники отошли грекамъ, населеніе восточной полосы Македоніи, указываетъ авторъ, постоянно жаловалось на то, что оно отрѣзано отъ Салоникъ. Прежде, говорили автору, всѣ товары получались у насъ изъ Салоникъ дешево (таможенный тарифъ въ Турціи былъ всегда очень низокъ), а теперь за все приходится платить высокую таможенную пошлину. Цѣны на привезенные товары поднялись и народъ ничего не покупаетъ.

Какимъ же образомъ можетъ быть разрѣшенъ этотъ являющийся постояннымъ яблокомъ раздора Балканскихъ государствъ Македонскій вопросъ? На это авторъ даетъ слѣдующій отвѣтъ. Изъ всѣхъ революціонныхъ направленій существовавшихъ въ Македоніи, только одно обѣщало ей дѣйствительное осво-

божденіе и дѣйствительное улучшение ея положенія—это то, которое отрицательно относилось къ содѣйствию сосѣднихъ державъ, выдвигало лозунгъ Македонія для македонцевъ и стремилось къ автономіи Македоніи, связывая съ этимъ политическимъ требованіемъ аграрную реформу и мобилизуя на дѣло борьбы массы крестьянства,—Македонія, какъ особое государство, есть теоретически лучшее рѣшеніе Балканскаго вопроса (стр. 86).

Однако, при данномъ разрѣшеніи вопроса необходимо выяснитъ еще другой, на которомъ вся вражда и основана: кто изъ населенія какой національности по происхожденію? По этому вопросу, какъ указываетъ авторъ (43 стр), средствомъ его разрѣшенія предлагался нѣкоторыми опросъ самаго населенія, т. е. плебисцитъ.

Насколько, однако, это рѣшило бы Македонскій вопросъ, въ трудѣ автора отвѣта мы не нашли.

Въ общемъ настоящая книга очень интересна для ознакомленія съ Македонскимъ вопросомъ, легко читается, благодаря живости изложенія и соединенію теоретическихъ разсужденій съ лично полученными авторомъ при объѣздѣ Македоніи и во время пребыванія въ Сербіи и Болгаріи свѣдѣніями. Наконецъ нельзя не отмѣтить изящности изданія и портативности книжки.

В. Гурьевъ.

К. Чуковский. Англія наканунѣ побѣды. Изданіе т-ва А. Ф. Марксъ. Петроградъ. стр. 146, VIII. Ц. 1 р. 50 к.

К. Чуковский давнишній поклонникъ Англіи. Его симпатіи къ нашей великой союзницѣ были извѣстны задолго до того, когда, вдохновляемые однимъ чувствомъ, британскія и русскія войска братски встали рядомъ на полѣ брани для защиты меньшихъ братьевъ отъ могучаго желѣзнаго нѣмецкаго кулака. Въ своихъ многочисленныхъ статьяхъ и лекціяхъ Чуковский любовно рассказывалъ намъ объ англійской литературѣ, объ англійскомъ народѣ, объ его идеалахъ, вкусахъ и бытѣ и тѣмъ самымъ подготавливалъ почву для взаимнаго пониманія и сближенія. Но никогда еще голосъ его не звучалъ такъ сильно и любовь его къ Англіи не проявлялась такъ ярко, какъ въ только что вышедшей книгѣ «Англія наканунѣ побѣды». Это настоящій диэирамбъ, своего рода «пѣснь пѣсней» въ честь англійской предприимчивости, энергіи, единодушія гражданъ, трудолюбія, колониальной политики. Поставивъ себѣ за правило «писать лишь о томъ, что я доподлинно знаю», авторъ бѣгло, но ярко и красочно рисуетъ то, чѣмъ онъ «восхищался въ пути», во время посѣщенія весной 1916 г. Англіи и англійскаго фронта, куда ѣздили г. Чуковский въ группѣ русскихъ писателей, по приглашенію британскаго правительства. Англійскія дѣти, женщины, рабочіе, солдаты—встаютъ передъ читателемъ въ живыхъ, незабываемыхъ образахъ; въ такихъ же живыхъ картинахъ развертывается и строго обдуманная, математически разбѣренная, но въ то же время и лихорадочно кипучая дѣятельность какъ глубокаго тыла, такъ и передовыхъ линій Англіи. Съ живѣйшимъ интересомъ читается эта любопытная со всѣхъ сторонъ книга, съ глубокимъ

удовлетвореніемъ убѣждаемся изъ нея, что Англія дѣйствительно наканунѣ побѣды, что она должна и не можетъ не выйти побѣдительницей, ибо кому же, въ самомъ дѣлѣ, и быть побѣдителями, какъ не этимъ изумительнымъ людямъ, людямъ свѣтлаго ума, желѣзной воли и великаго благородства?

П. Васильковскій.

Двадцать пять лѣтъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Выпускъ I. Изъ воспоминаній старожила. Юрьевъ. 1916 г.

25 лѣтъ тому назадъ въ Прибалтійскомъ краѣ шла оживленная работа по проведенію въ жизнь реформъ начатыхъ въ царствованіе незабвеннаго Александра III, впервые провозгласившаго: «Россія—для русскихъ». Надлежало Прибалтійскій край, до того времени жившій своею обособленною жизнью, связать крѣпкими узами съ общимъ нашимъ отечествомъ; ввести въ прибалтійскихъ губерніяхъ русскій правый и скорый судъ, насадить русскую школу, ввести въ общее употребленіе русскій языкъ, ввести много другихъ преобразованій въ русскомъ духѣ въ жизнь мѣстнаго края. Словомъ, задачи были широкія. Искали только людей для проведенія всѣхъ намѣченныхъ реформъ въ жизнь. Не скрывалось при этомъ, что при осуществленіи этихъ реформъ предстояла борьба съ врагомъ сильнымъ, стойкимъ, къ борьбѣ приспособленнымъ, располагавшимъ большими средствами, и матеріальными, и культурными, а главное—имѣвшимъ повсюду большія связи.

Но что для любящаго отечество русскаго человѣка борьба съ врагомъ? Вѣдь въ борьбѣ съ врагами «окрѣпла Русь»! Кликнули кличъ—и люди нашлись—твердые, стойкіе, готовые на борьбу до самопожертвованія. Къ сожалѣнію, вмѣстѣ съ ними проникли въ «сферы» и примазались къ реформѣ люди безвольные, для которыхъ всякое дѣло было безразлично, и карьеристы, не задумывающіеся, ради успѣховъ по службѣ, принести въ жертву своему карьеризму интересы родины,—люди, которые дѣлу реформы могли принести только одинъ вредъ.

Авторъ воспоминаній, бывшій самъ очевидцемъ пережитыхъ за 25 лѣтъ событий въ Прибалтійскомъ краѣ, особенно подробно остан. вливается на преобразованіи бывшаго нѣмецкаго дерптскаго университета—этого оплота германскаго сепаратизма въ Россіи—въ университетъ юрьевскій, русскій. Хорошо понимая, что съ проведеніемъ въ жизнь школьной реформы и съ введеніемъ преподаванія въ школахъ Прибалтійскаго края, начиная съ высшей и кончая низшей, на русскомъ языкѣ, будетъ нанесенъ главный ударъ ихъ вѣковому господству въ этомъ краѣ и ихъ владычеству въ управленіи этимъ краемъ, нѣмцы всякими средствами и всевозможными путями старались воспрепятствовать проведенію въ жизнь этой реформы, причемъ, къ стыду нашему, нашли себѣ могущественныхъ покровителей тогда еще въ «петербургскихъ» бюрократическихъ сферахъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ людяхъ—приспѣшниковъ и сторонниковъ. Последнее обстоятельство, между прочимъ, объясняется и тѣмъ, что многіе попрежнему думали, что реформа во всемъ объемѣ едва ли осуществится, что будутъ сдѣланы лишь частичныя преобразованія, что черезъ нѣко-

торое время, при нѣмецкомъ засильи въ высшихъ сферахъ, при извѣстной нѣмецкой настойчивости и нѣмецкомъ упорствѣ, все пойдетъ по старому. Вступать въ борьбу съ нѣмцами нѣкоторымъ казалось и бесполезнымъ, и опаснымъ для дальнѣйшей карьеры.

Припоминались при этомъ и нѣкоторые эпизоды изъ прошлаго, и не разъ вспоминалась просьба генерала Ермолова «пожаловать его въ нѣмцы. Было хорошо также извѣстно, что еще съ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія и государи, и министры просвѣщенія, и «кураторы» (такъ звали здѣсь попечителей округа) побуждали университетское начальство «прилежать изученію русскаго языка и русскаго литературныя». Но откликъ на эти побужденія былъ слабый. Если былъ настойчивъ министр, то попечитель былъ обязательно слабъ и снисходителенъ; если попечитель, вопреки нѣмецкимъ прояскамъ, попадался удачный и являлся твердымъ и рѣшительнымъ исполнителемъ предначертаній высшей власти, то во главѣ министерства народнаго просвѣщенія оказывалось обязательно такое лицо, которое всѣми силами старалось пресѣчь въ корнѣ всѣ благія попечительскія намѣренія. Не стѣснялись, въ случаѣ надобности, искажать кореннымъ образомъ царскіе указы и манифесты. А что касается систематическаго неисполненія прямыхъ и категорическихъ предписаній свыше, то одно перечисленіе такихъ актовъ заняло бы цѣлыя томы убористой печати... (Стр. 3—6).

Весьма живо и рельефно выступаютъ, въ изложеніи сторожила, передъ читателемъ личности главныхъ дѣятелей университетской реформы: бывшаго министра народнаго просвѣщенія, нынѣ покойнаго, графа И. Д. Делянова, члена Государственнаго Совѣта также нынѣ покойнаго Н. М. Аничкова, бывшаго тогда директоромъ департамента народнаго просвѣщенія, тогдашняго попечителя рижскаго учебнаго округа, нынѣ умершаго, Н. А. Лавровскаго, бывшаго перваго ректора юрьевскаго университета, нынѣ тоже покойнаго, извѣстнаго слависта А. С. Будиловича, вынесшаго на себѣ всю тяжесть борьбы съ всеильными тогда нѣмцами. Къ великому сожалѣнію, къ числу высокиихъ покровителей послѣднихъ принадлежали многіе русскіе сановники, въ томъ числѣ и недавно скончавшійся графъ С. Ю. Витте, который, въ качествѣ министра финансовъ, систематически ставилъ препятствія успѣшному проведенію въ жизнь начатой, по волѣ Александра III, реформы дерптскаго университета, постояннымъ отказомъ средствъ, необходимыхъ для ея осуществленія.

Тѣмъ не менѣе послѣ 10 лѣтъ своего пребыванія въ должности ректора юрьевскаго университета А. С. Будиловичъ оставилъ, вмѣсто прежняго пришедшаго въ совершенное разстройство нѣмецкаго университета, университетъ русскій, стоящій, если не выше, то, во всякомъ случаѣ, на одномъ уровнѣ съ другими провинціальными университетами, несмотря на то, что бюджетъ Юрьевскаго университета и въ настоящее время много меньше бюджета каждаго изъ прочихъ университетовъ (стр. 16—17).

Воспоминанія старожила, бывшаго очевидцемъ проведенія въ жизнь предпринятыхъ при Александрѣ III реформъ въ Прибалтійскомъ краѣ, теперь, когда на этотъ край обращено вниманіе всѣхъ русскиихъ людей, представляютъ особый интересъ.

К.

**Петроградскій мировой судъ за 50 лѣтъ 1866—1916. Томы I и II Пгр. 1916.
Стр. I—XXVIII, 1—1484. Ц. за оба тома 10 р.**

17-го мая 1916 г. истекло 50 лѣтъ со дня введенія мировыхъ судебныхъ установленій въ Петроградъ. Названный выше трудъ—своего рода отчетъ мировыхъ судей столицы за полвѣка своего существованія. Матеріаломъ для составленія этой книги послужили дѣла мирового съѣзда, министерства юстиціи, городской думы, объяснительныя записки законопроектовъ, газеты и журналы. Въ составленіи книги принимали участіе почти исключительно г. г. мировые судьи (г. г. Пушновъ, Доможировъ, Меншуткинъ, Окуневъ и др.). Значительная часть книги отведена всякаго рода дѣловой отчетности, наполненной мѣстами совершенно, можно сказать, сырымъ матеріаломъ. Бросается еще въ глаза отсутствіе въ книгѣ весьма умѣстнаго бы здѣсь описанія аналогичныхъ заграничныхъ судовъ, въ особенности тѣхъ, которые послужили для русскаго законодателя образцомъ при составленіи закона о мировомъ судѣ у насъ. Въ концѣ второго тома книги отведено мѣсто литературному отдѣлу по исторіи столичнаго мирового суда. Здѣсь, между прочимъ, помѣщены интересныя воспоминанія А. Θ. Кони о мировомъ судѣ въ Петроградѣ, а также нарочно написанныя для этого изданія цѣнныя воспоминанія сотрудника нашего журнала—бывшаго мирового судьи П. М. Майкова о первыхъ годахъ дѣятельности мирового суда. Наконецъ въ томъ же отдѣлѣ помѣщены напечатанныя раньше въ «Историческомъ Вѣстникѣ» воспоминанія Θ. Н. Устрялова—«Мировой судъ въ С.-Петербургѣ въ 1869—1872 г. г.» и замѣтки покойнаго М. В. Шевлякова о популярномъ въ свое время столичномъ мировомъ судѣ А. И. Трофимовѣ.

Книга украшена многими, очень хорошо исполненными, портретами столичныхъ мировыхъ судей. Къ сожалѣнію, никакого указателя, кромѣ обычнаго краткаго оглавленія, при книгѣ нѣтъ.

Т. М.

Съ 15 марта 1917 г. по 15 апрѣля въ редакцію «Историческаго Вѣстника» поступили для отзыва слѣдующія книги:

Н. Ф. Олигеръ. Ночныя тѣни. Книгоиздательство «Жизнь и Знаніе». Пгр. Поварской пер., д. 2, кв. 9 и 10 Тел. 227-42. Пгр. 1917. Стр. 339. Ц. 2 р. 25 к.

И. А. Бунинъ. Храмъ Солнца. Съ 18 рис. въ текстѣ. Книгоиздательство «Жизнь и Знаніе». Библиотека для юношества. Кн. 17-ая. Пгр. 1917. Стр. 174. Съ 18 рис. Цѣна 2 р., въ папкѣ 2 р. 65 к., въ пер. 3 р.

Сергій Стригуновскій. Обзоръ русскихъ книгъ по воздухоплаванию. Вып. I за 1914 годъ. Изд. автора (Воронежъ, 1917 г. Стр. 22. Ц. 50 к.

С. Стригуновскій выпустилъ первый № своего обзора русской литературы о воздухоплаваніи за 1914 г. и обѣщаетъ дѣлать такіе обзоры ежегодно. Къ сожалѣнію обзорѣватель не даетъ подробнаго перечня всей литературы, указывая пока только книги особенно цѣбныя по своему содержанію и приводя тщательныя историко-библиограф. свѣдѣнія о рус. журналахъ. Продолженіе этого интереснаго начинанія весьма желательно, почему авторъ проситъ присылать ему новыя изданія по авіаціи или же подробныя свѣдѣнія о нихъ по адресу: Воронежъ, Никитинская, 36.

Семень Юшкевичъ. Повѣсть о господиѣ Сонькинѣ. «Сѣверные Дни». М. 1917. Стр. 230. Ц. 2 р.

М. Александровъ. Три года въ одиночной тюрьмѣ. Книгоиздательство «Жизнь и Знаніе» Пгр. 1917. Стр. 255. Ц. 2 р. 50 к.

Полвѣна для книги. Литературно-художественный сборникъ, посвященный пятидесятилѣтію издательской дѣятель-

ности И. Д. Сытина. Съ мн. иллюстраціями. Москва. 1917 г. Стр. 610. Ц. 40 р.

К. Военскій. Страна восходящаго солнца. Историко-бытовые очерки Японіи. Пгр. 1917. Стр. 66. Ц. не обоз.

Брошюра К. А. Военскаго знакомитъ съ исторіей и своеобразнымъ бытомъ нашихъ союзниковъ-японцевъ, а также съ исторіей проникновенія туда европейскаго вліянія. Для широкой массы читателей, которымъ мало доступны толстые ученые труды, настоящія очерки могутъ принести немалую пользу въ дѣлѣ освѣдмленія съ дальневосточными сосѣдями. Книга написана легко и общепонятно на основаніи личныхъ впечатлѣній автора и тщательнаго изученія научной литературы по сему предмету.

Памятка о покойномъ подпоручикѣ л.-гв. Семеновскаго полка Георгіи Дмитриевичѣ Баланинѣ. Стр. 16. Цѣна, годъ и мѣсто изданія не обозн.

И. Ф. Павловскій. Отчетъ Полтавской ученой архивной комиссіи за 1916 г. Полтава. 1917. Стр. 18. Ц. не обозн.

Дм. Найгородовъ. Шестнадцатый стѣнной календарь Петроградской весны. Изданіе т-ва А. С. Суворина. Пгр. 1917. Ц. 1р. 25 к.

И. С. Плеханъ. Законъ, Положеніе и Инструкція о государственномъ подоходномъ налогѣ. Съ законодательными мотивами, комментаріями, календаремъ сроковъ и указателями предметнымъ и сравнительнымъ. Пгр. 1917. Стр. VIII+264. Ц. 3 р. 50 к.

Настоящая книга, кромѣ самаго закона, положенія и инструкціи о подо-

ходномъ налогѣ, заключаетъ въ себѣ довольно пространныя извѣщенія изъ подлежащихъ источниковъ, что въ значительной степени разъясняетъ, какъ общій смыслъ закона, такъ и отдѣльныя его постановленія и темы. Въ виду большой новизны и сложности новаго закона книга г. Плехана можетъ принести немалую пользу въ качествѣ справочника.

Н. А. Лаппо-Данилевская. Въ туманѣ жизни. Романъ. Изданіе шестое. Пгр. 1917. Стр. 202. Ц. 1 р. 75 к.

Марсель Прево. Подпрапорщикъ Бенау (L'adjudant Benoit). Романъ. Изд. 2-е. Авторизованный переводъ съ французскаго Л. Б. Рисунки худ. П. Д. Шмарова. «Библиотека Вечерняго Времени». Изданіе Б. А. Суворина. Пгр. 1917. Стр. 198. Ц. 1 р. 50 к.

Юр. Бѣляевъ. Восемь рассказовъ. «Библиотека Вечерняго Времени». Изданіе Б. А. Суворина. Пгр. 1917. Стр. 172. Ц. 2 р.

Посмертный сборникъ рассказовъ Юр. Бѣляева читается съ глубокой грустью и сожалѣніемъ о безвременно погибшемъ въ расцвѣтѣ силъ дарованіи. Страстная любовь къ театру, къ старому петербургскому быту, картинки современныхъ нравовъ, яркіе типы новыхъ женщинъ, воспоминанія изъ заграничныхъ путешествій и приключеній составляютъ интересное содержаніе этихъ изящныхъ рассказовъ, полныхъ своеобразной прелести.

Иж. В. Алесандровъ. Математическія таблицы для быстрыхъ подсчетовъ. Умноженіе, дѣленіе, возведеніе въ степень, извлеченіе корней, превращеніе простыхъ дробей въ десятичныя, переводъ однихъ мѣръ въ другія, тригонометрич. величины. Необходимое пособие для производства всякаго рода вычислений въ школахъ, заводахъ, конторахъ и пр. Съ многими подробно рѣшенными примѣрами. М. 1917. Стр. 37. Ц. 85.

Проф. Н. И. Карѣевъ. Южные славяне и Италия на Адриатикѣ. (№ 6. «Міровая война и современные славянскіе вопросы».) Пгр. 1917. Стр. 32. Ц. 40 к.

Т. Богдановичъ. Великіе дни революціи 23 февраля—12 Марта 1917 г. Изданіе Временнаго Комитета Государственной Думы. Пгр. 1917. Стр. 36. Ц. 15 к.

Андре Шерадамъ. Разоблаченный пангерманскій планъ. Переводъ съ французскаго К. Адарида. Изданіе т-ва В. А. Березовскій. Пгр. 1917. Стр. 164. Ц. 1 р. 75 к.

А. М. Евлаховъ, проф. Варшавскаго университета. Введеніе въ философію ху-

дожественнаго творчества. Опытъ историко-литературной методологіи. Томъ III. Методы научныхъ нераціональных. Ростовъ на-Дону. 1917. Стр. VI, 551. Ц. 3 р. Складъ изданій въ книжн. магазинахъ «Нов. Время».

Проф. А. М. Евлаховъ. Гергартъ Гауптманъ. Путь его творческихъ исканій. Ростовъ-на-Дону. 1917. Стр. V, 151. Цѣна 2 р. Складъ въ книжныхъ магазинахъ «Новое Время».

Евгенія Козеко. Священная исторія Ветхаго Завета. Курсъ I класса среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ. Пгр. 1917 г. Стр. 143. Ц. 1 р. 20 к.

Настоящій учебникъ въ рукописи одобренъ Св. Синодомъ и ученымъ комитетомъ Мин. Нар. Просв. Книга обильно иллюстрирована проникновенными рисунками Дорэ.

Иннокентій Оксеновъ. Жененная свѣча. Стихи. Издательство «Домъ на Песочной». Пгр. 1917. Стр. 37 + III. Ц. 75 к.

Георгій Чулковъ. Сатана. Романъ. 2-е изданіе. Кн-во «Огни». Пгр. 1917. Стр. 203. Ц. 3 р.

Г. Чулковъ въ сильныхъ краскахъ воспроизводитъ картину всероссійской разрухи недалекаго до-военнаго прошлаго. Тутъ и «истинно-русскіе люди», и либералы кадетскаго толка, и разные монахи, юродивые старцы въ родѣ Илюдора, Распутина и хлыстовъ съ политическими задачами. Романъ выписанъ сочно, ярко и подъ замѣтнымъ влияніемъ Достоевскаго. Въ настоящее время «Сатана» получаетъ особенный интересъ злободневности.

Николай Черноморскій. Ессе femina (Се женщина) и другіе рассказы. Пгр.—1917. Стр. 126. Ц. 2 р.

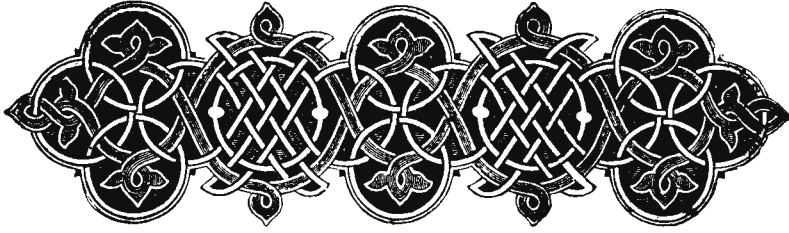
Г. К. Гинсъ. Способы обезпеченія обязательствъ. (Съ точки зрѣнія исторіи и системы гражданскаго права). Пгр. 1917. Стр. 29. Ц. не обозн. (Оттискъ изъ «Журнала Министерства Юстиціи». Январь, 1917 г.).

Г. К. Гинсъ. Старые русскіе цивилисты. (Оттискъ изъ ноябрьской книжки журнала «Вѣстникъ гражданскаго права» за 1916 г.) Пгр. 1917. Стр. 29. Ц. 50 к.

Очеркъ г. Гинса даетъ биогграфическія свѣдѣнія и характеристика личности и ученыхъ заслугъ выдающихся дѣятелей нашего гражданскаго права, а также нѣкоторыя данныя по исторіи этой науки у насъ, съ эпохи Петра В. до 60-хъ годовъ

Иванъ Новиковъ. Калина въ палисадникѣ. Кн-во «Сѣверные дни». М. 1917. Стр. 189. Ц. 1 р. 75 к.

НОВОСТИ ИСТОРИИ.

Распутинъ въ судьбахъ православной церкви.

РОШЛО всего два мѣсяца съ того момента, когда торжество русской революціи увѣнчалось отреченіемъ отъ престола императора Николая II и власть перешла къ Временному Правительству, установленному Государственной Думой впредь до созыва Учредительнаго Собранія. Необычайная легкость, съ которой совершился переворотъ, свергнувшій династію Романовыхъ, 300 лѣтъ управлявшую судьбами Россіи, неопровержимо доказываетъ, что переворотъ этотъ давно назрѣлъ въ народномъ сознаніи, и что между старой властью и народомъ порваны были соединявшія ихъ узы. Теперь еще рано, быть можетъ, подводить итоги царскому управленію за послѣдніе полвѣка, но несомнѣнно одно, что идея царизма въ послѣднее время тщательно вытравлялась въ народномъ сознаніи не столько «жидами» и «соціалистами», сколько самими носителями этой идеи, представителями старой власти. Цѣлый рядъ явленій въ государственной жизни Россіи неоспоримо доказывалъ, что носители идеи царизма не имѣли никакого понятія объ историческихъ основахъ царской власти, на которыхъ въ народной глубинѣ зиждилось туманное, мистическое ея обаяніе. Своими дѣйствіями они сами лишали себя народнаго довѣрія, которымъ обезпечивалась царская власть въ самыя смутныя години русской исторіи, и въ то же время цѣплялись за устарѣвшія формы этой власти, дававшія просторъ и безнаказанность всѣмъ темнымъ силамъ, окружавшимъ тронъ якобы самодержавнаго монарха и державшимъ его въ моральномъ и даже физическомъ плѣну. Этотъ новый порядокъ въ государственномъ управленіи нашелъ себѣ яркое выраженіе въ дѣятельности и личности ближайшаго друга и совѣтника

последняго монарха, крестьянина Тобольской губернии, Григорія Распутина, по фамилии котораго и получилъ название «распутиновщины».

Безъ сомнѣнiя, намъ, очевидцамъ и современникамъ совершившихся событiй, трудно разобраться въ ихъ подробностяхъ во всей сложности ихъ, еще не доступной изслѣдователю: это дѣло будущаго историка. Но и въ настоящее время уже появляются материалы, уясняющiе, хотя и односторонне, роль Распутина въ ходѣ государственной машины въ Россiи. Нельзя пройти мимо этихъ матеріаловъ, какъ ни мало заслуживаютъ довѣрiя составители ихъ, сами въ свое время помогавшіе Распутину взобраться на верхъ сказочной его карьеры и въ сущности недалеко ушедшіе отъ его міросозерцанiя. Въ матеріалахъ этихъ мы находимъ факты и документы, рисующiе не только Распутина и его дѣятельность, но и степень моральнаго разложенiя среды, въ которой онъ дѣйствовалъ и для которой люди, подобные Распутину, были свои люди. Съ этой точки зрѣнiя особенно интересны «Записки о Распутинѣ», написанныя еще при его жизни извѣстнымъ бывшимъ іеромонахомъ Иліодоромъ, подъ заглавіемъ: «Святой чортъ» и напечатанныя въ «Голосѣ Минувшаго» (мартъ 1917 г), рецензія о которыхъ помѣщена въ настоящей книжкѣ. «И. В.». Изъ нихъ мы воспользуемся лишь фактами, доказывающими, что вреднаго, кошмарнаго вліянiя гнуснаго сибирскаго «старца» не избѣгла даже святая святыхъ народной души и совѣсти—православная церковь и ея управленіе.

Извѣстно, какъ отозвалось на положеніе православной церкви управленіе ею своеобразнаго петроградскаго «папы», К. П. Побѣдоносцева, бывшаго почти 25 лѣтъ всевластнымъ оберъ-прокуроромъ синода и получившаго прозваніе инквизитора. Вѣчно живой, свободный духъ православной церкви онъ стремился сковать сухими, мертвящими формами, ибо въ свободѣ церкви, въ ея общенiи съ мірянами и жизнью общественною, во всенародномъ искательствѣ «духа истины», видѣлъ онъ лишь проявленіе вольномыслия, подрывающаго устои единоличнаго, якобы самодержавнаго правительства. Побѣдоносцевъ, какъ это ни странно для такого умнаго и образованнаго русскаго человѣка, старался создать «казенное» православіе, превратить церковь, ея религиозныя основы, заложенныя въ тайникахъ народной совѣсти,—въ правительственное установленіе, дѣйствующее на точномъ основанiи законовъ, по произволу оберъ-прокурора и со всеми прелестями канцелярскаго дѣлопроизводства. Помощниками его въ этомъ дѣлѣ являлись имъ же избранные іерархи, члены синода, подобострастные исполнители воли оберъ-прокурора. Преемники Побѣдоносцева по должности въ области церковнаго управленiя слѣдовали его же системѣ. Поднимавшіеся вопросы о церковныхъ нестроенiяхъ, мысль о необходимости для устраненiя ихъ созыва помѣстнаго церковнаго собора—откладывались въ синодѣ въ долгiй ящикъ; зато на первый планъ выдвигались интриги и личныя, своекорыстныя домогательства іерарховъ и оберъ-прокуроровъ, примѣнявшихъ къ вѣяніямъ двора и милостивцевъ; вмѣсто прежнихъ «свѣтильниковъ» церкви, какими были Филареты московскiй и кievскiй, Иннокентiй тавричeskiй, Макаріи московскiй, Димитрій херсонскiй, Теофанъ тамбовскiй, появились лукавые «простецы» и любители «мясъ египетскихъ»,—каганцы, наполнявшiе смрадомъ и копотью храмину церковную.

«Кто вы?—писаль членамъ синода своеобразный радѣтель интересовъ церкви іеромонахъ Іліодоръ, близкій къ іерархамъ,—вы всѣ карьеристы. Въ Бога вы не вѣрите. Всю жизнь не знаете покоя отъ корыстолюбивыхъ расчетовъ. Славу Божию вы забыли; стремитесь только къ славѣ человѣческой. Бѣдныхъ вы презираете, а съ богатыми цѣлуетесь, дружите съ ними, ухаживаете за ними, хотя бы они были незаконники и кровопійцы. Вся жизнь ваша сплошное удовольствие... Вы одѣваетесь въ роскошныя, шелковыя рясы, ѣздите въ дорогихъ каретахъ, спите на мягкихъ постеляхъ, услаждаетесь вкусными обѣдами, пьете прекрасное вино, копите много денегъ. Вы—горды, надменны, злы и мстительны,.. Вы за правду не стоите, борцовъ за нее не поддерживаете; за орденъ, за звѣзду, зарасположеніе угнетателей народныхъ, вы готовы продать душу свою діаволу. Въ загробную жизнь вы не вѣруете; проповѣдуя же о ней, вы только обманываете и морочите простыхъ, темныхъ людей. Если бы хоть сколько-нибудь вѣрили, то вы не жили бы такъ, какъ живете. Вы не слуги народа, васъ кормящаго, а грубые, гордые владыки. Вы только измываетесь надъ наслѣдіемъ Божиимъ. Подъ своими широкими рясами и мантиями вы скрываете всякую нечистоту и неправду. Вы прославляете древнихъ пророковъ, отечественныхъ стоятелей за правду, а современныхъ пророковъ-подвижниковъ вы изъ зависти и злобы готовы посадить на колъ. Вы ослѣпляете народъ своею пышностью и не даете ему жизни. Кто является вашимъ погонщикомъ, руководителемъ? Теперь—В. К. Саблеръ. Что это за человѣкъ?.. Онъ продалъ душу свою сатанѣ, темной, проклятой силѣ. Извѣстный духовный разбойникъ, скаянный хлысть, Гришка Распутинъ, въ концѣ іюня 1911 года, въ Царицынѣ, въ монастырѣ, въ моей маленькой кельѣ, въ три часа дня, говорилъ мнѣ буквально слѣдующее: «А знаешь что? Вѣдь Цаблеръ мнѣ въ ноги до земли поклонился, когда я пришелъ къ нему съ визитомъ, за то, что я его въ п р о к у р о р ы доспѣлъ!» Святители! Смотрите же, какого погонщика вы имѣете! Положимъ, вамъ все равно, хотя бы руководителемъ вашимъ былъ самъ сатана, но я говорю не столько ради васъ, а ради народа, чтобы онъ, бѣдный, вѣрающій вамъ, наконецъ позналъ бы, кому онъ вѣритъ и за кѣмъ идетъ.

«А какова ваша дѣятельность во время присутствованія въ синодѣ? Чѣмъ вы занимаетесь? Лучше бы объ этомъ и не говорить, но куда убѣжать отъ того, что есть? Вы преимущественно занимаетесь бракоразводными дѣлами. Антоній Воиынский нѣсколько разъ говаривалъ: «если у синода взяты бракоразводныя дѣла, то ему, синоду, нечѣмъ будетъ и заниматься, такъ какъ эти дѣла составляютъ три четверти всѣхъ синодскихъ занятій». А что это за дѣла? Самыя грязныя, отвратительныя. Этими дѣлами заниматься бы какому-либо околоточному надзирателю Держимордину, а не вамъ, старцы-святители».

Писаль эту картину Синода Іліодоръ—въ озлобленіи, въ то время, когда былъ гонимъ имъ и даже заточенъ во Флорищеву пустынь Владимірской губерніи, и писаль ее, конечно, густыми, яркими красками. Но мы, современники, хорошо знаемъ, что въ общемъ она не лишена доли правды; знаемъ и то, что сами «радѣтели» церковныхъ интересовъ, какъ, напр., тотъ же Іліодоръ и его покровитель, не менѣе извѣстный епископъ Гермогенъ саратовскій, также испили отъ распутинской чаши, также заразились отъ среды

своей стремленіемъ лѣчить церковныя язвы свѣтскими средствами и... воздѣйствіемъ того же Распутина, съ которымъ они же сами дружили нѣсколько лѣтъ.

Мы не будемъ входить въ разборъ причинъ, вызвавшихъ появленіе простого, грубаго, развратнаго мужика въ роли, какъ черезчуръ сильно выражается Иліодоръ, «патріарха російской церкви»: несомнѣнно, впрочемъ, что причины эти были въ основѣ своей патологическаго свойства. Испытавъ бѣды крестьянской жизни въ далекой Тобольской губерніи, Распутинъ сталъ скрывать свои «художества» (главнымъ образомъ, воровство и развратъ) подъ маской религиозности. Всего болѣе сподручно для него было хлыстовство, гдѣ онъ проявилъ недюжинныя способности въ области гипноза и эротоманіи. Затѣмъ, надѣвъ шкуру овечью, онъ, въ качествѣ «старца», успѣлъ вкрасться въ довѣріе представителей чернаго духовенства. Слава его, распространяемая преимущественно женщинами, подпавшими его нечистому вліянію, дошла наконецъ и до Петрограда. Въ немъ, побуждаемый женскими восхваленіями, принялъ участіе, наконецъ, самъ епископъ Теофанъ, ректоръ академіи и царскій духовникъ; тогда же, подъ вліяніемъ Теофана и др. лицъ, Распутинъ проникъ даже въ царскую семью, какъ праведный и прозорливый старецъ, и его вліяніемъ на мистически-настроенныхъ царя и царицу думали воспользоваться, наравнѣ со многими другими, и самъ Теофанъ съ своими сторонниками: Гермогеномъ и Иліодоромъ для своихъ личныхъ и якобы церковныхъ цѣлей. Съ этого времени собственно и началось вліяніе Распутина на государственныя дѣла и, въ частности, на дѣла церковныя.

О посѣщеніяхъ дворца и бесѣдѣ Григорія Распутина съ царской четкою епископъ Теофанъ рассказывалъ еще въ 1905 г. и поддерживалъ добрыя отношенія къ «старцу» (Распутинъ родился въ 1864 г.) до 1909 года, когда эти отношенія быстро испортились, по объясненію Иліодора, вслѣдствіе обнаружившейся развращенности «старца». Въ дѣйствительности едва ли это было такъ. Нужно было бы быть совершенно наивнымъ, вовсе не знающимъ жизни и людей человѣкомъ, чтобы, зная Распутина съ 1902 года, т. е. слишкомъ семь лѣтъ, не видѣть истинной природы этого лукаваго, невѣжественнаго и развратнаго мужика. Содѣйствуя водворенію Распутина въ высшихъ сферахъ всей силою своего авторитета, какъ епископа и духовника, Теофанъ безъ сомнѣнія рассчитывалъ усилить свое вліяніе на церковныя дѣла посредствомъ «престеца», отнюдь, конечно, не предполагая, въ какую силу, вредную для своего покровителя, превратится этотъ якобы «престецъ» въ будущемъ. На что именно наталкивалъ Теофанъ Распутина и какихъ именно своихъ цѣлей онъ чрезъ него достигалъ въ продолженіи многихъ лѣтъ своей дружбы съ нимъ, — сказать теперь, конечно, трудно, но нѣкоторое понятіе объ этомъ даетъ самъ Иліодоръ, поклонникъ «наивныхъ» епископовъ Теофана и Гермогена, въ своихъ «Запискахъ» за 1908 г.

«Въ послѣднихъ числахъ февраля 1908 г., — рассказываетъ Иліодоръ, — я, переведенный изъ Волынской епархіи на службу въ Саратовскую, поѣхалъ съ Волыни на новое мѣсто службы. Счелъ нужнымъ захватить въ Петербургъ, гдѣ въ это время на Ярославскомъ подворьѣ, въ качествѣ члена синода, проживалъ мой новый начальникъ — епископъ саратовскій Гермогенъ.

«Гермогенъ помѣстилъ меня, какъ рѣдкаго гостя, въ большой комнатѣ, рядомъ съ своимъ кабинетомъ.

«И вотъ я здѣсь однажды увидѣлъ и услышалъ слѣдующее. Въ одинъ прекрасный день пріѣхали къ Гермогену Теофанъ и приватъ-доцентъ академіи, іеромонахъ Веніаминъ. Всѣ они сѣли въ кабинетъ, повели рѣчь объ автономіи духовной академіи, тогда большими усилиями профессоровъ проводившейся въ жизнь.

«Дверь изъ моей комнаты была открыта, и мнѣ было все слышно, что говорили въ кабинетѣ.

«Немного поговорили, какъ кто-то вбѣжалъ къ нимъ, скоро семеня ногами. Вбѣжалъ и такъ же торопливо заговорилъ: «Ну, што? Пошто меня вызывали? Вотъ я!» Собесѣдники сначала задвигались, какъ я понялъ, значить, здоровались съ кѣмъ-то вошедшимъ; потомъ Веніаминъ сказалъ: «Да вотъ, дорогой другъ, мы приготовили важный докладъ объ уничтоженіи зародившейся автономіи духовныхъ академій... Надо тебѣ ѣхать съ нимъ къ царю».—«Хорошо, вотъ хорошо, а я туда-то и направляюсь. Звали по важному дѣлу, да, звали. А поди-ка, скажи мнѣ, что такое за штука—эта антономея?»—Веніаминъ началъ объяснять. Его перебилъ вошедшій:

— А слухай-ка, эта самая антономея не Антонія Волинскаго выдумка? О, какая ерунда! Прочь ее; не надо!

«Веніаминъ объяснилъ, что автономія—слово иностранное.

— Фу, гадость, вотъ гадость,—возмущался вошедшій.

«Тутъ всѣ, другъ-друга перебивая и не слушая, заговорили, что автономія, дѣйствительно, гадость.

«И, слыша весь разговоръ въ открытыя двери, не вытерпѣлъ, чтобы не досмотрѣть, кого же три друга посылали къ государю уничтожать автономію, и что это за уничтожитель, не умѣющій назвать предмета правильно.

«Посмотрѣлъ и увидѣлъ... Григорія Распутина.

«Троица степенно сидѣла около большого письменнаго стола; Веніаминъ держалъ въ рукахъ какую-то бумагу, а Григорій, котораго я не видѣлъ уже четыре года, стоялъ около этихъ, нетерпѣливо перебиралъ ногами, какъ молодой застоявшійся лошакъ, тыкая грязнымъ указательнымъ пальцемъ правой руки себѣ въ зубы и все повторялъ: «ну, скорѣй, скорѣй давайте, а то меня уже тамъ давно ждутъ. Пора ѣхать!»

«На Григоріи въ этотъ разъ была хорошая черная суконная русская поддевка и прекрасные лакированные сапоги бутылками. Борода его была уже похожа на бороду, а волосы на головѣ, сзади хорошо подстриженные, спереди разсыпались во всѣ стороны правильнымъ вѣеромъ. Видно было, что на Григоріи начиналъ сказываться придворный духъ».

Эта сцена, нарисованная Иліодоромъ, ясно показываетъ, что благочестивые епископы не гнушались пользоваться Распутинымъ для своихъ цѣлей, а тотъ, въ свою очередь, использовалъ дружбу епископовъ, чтобы упрочить свое вліяніе и имѣть духовную защиту отъ раздававшихся и въ то время нареканій на

его «подвиги». Но уже въ началѣ 1909 года Распутинъ, сильно укрѣпившійся при дворѣ, не поладилъ съ Теофаномъ, который не замедлилъ убѣдиться въ томъ, что плечень его сталъ на собственные ноги. Иліодоръ говорить, что «между Теофаномъ и Григоріемъ произошелъ крупный разладъ изъ-за «старческой» дѣятельности послѣдняго, усердно «снимавшаго съ женщинъ и невинныхъ дѣвушекъ блудныя страсти». Теофанъ узналъ объ этомъ на исповѣди отъ жертвъ Распутина и предложилъ Григорію бросить заниматься такими гнусными дѣлами. Григорій противился, и между ними завязалась борьба не на жизнь, а на смерть». «Вотъ я и попалъ среди нихъ какъ разъ въ то время, когда они очень и очень косо смотрѣли другъ на друга, но выѣшнихъ отношеній не порывали, и а дѣ я с ъ к а к ѣ - н и б у д ь с г о в о р и т ь с я и п о п р е ж н е м у б ы в а т ь у ц а р е й». — Такъ говорить Иліодоръ. Кончилась эта распря тѣмъ, что Теофанъ, послѣ попытки разоблачить Распутина предъ императрицей, былъ съ позоромъ удаленъ отъ двора, а затѣмъ изъ Петербурга на таврическую кафедру.

Несмотря на разоблаченіе личности Распутина Теофаномъ, епископъ Гермогенъ и Иліодоръ продолжали изъ своекорыстныхъ расчетовъ ухаживать за «старцемъ» и, по собственному признанію Иліодора, въ этомъ отношеніи перешли за границы возможнаго для такихъ «радѣтелей церковныхъ интересовъ», какими они себя выставляли. Лѣтомъ 1910 года, когда Распутинъ вмѣстѣ съ Иліодоромъ гостилъ въ Саратовѣ у Гермогена, Иліодоръ, собираясь уѣхать къ себѣ въ Царицынъ, внезапно былъ остановленъ Гермогеномъ: «нужно, — сказалъ онъ, — чтобы вы при мнѣ Григорія Ефимовича въ священники приготовили». — «Владыко, — возразилъ Иліодоръ, — да онъ же безграмотный, читать и писать не умѣетъ, да и жизни...» — «Ничего, покается, а его нужно только научить ектиніямъ и возгласамъ». — «Хорошо, ради послушанія сейчасъ же займусь дѣломъ», — согласился Иліодоръ. Но наука эта не далась старцу. «Григорій, — рассказываетъ Иліодоръ, — въ служебникъ не смотрѣлъ, водилъ только пальцемъ приблизительно по тому мѣсту, гдѣ было написано первое прошеніе («міромъ Господу помолимся»), задиравъ высоко голову, вытягивалъ губы и какимъ-то гнусавымъ голосомъ монотонно тянулъ: «меромъ Господу помолимся». И въ первый день онъ выучилъ только первое прошеніе. Но второго прошенія («о свышнемъ мирѣ и о спасеніи душъ нашихъ Господу помолимся») Григорій на второй день осилить никакъ не могъ. Когда Иліодоръ сообщилъ объ этомъ Гермогену, то онъ низко опустилъ голову и долго молчалъ. Наконецъ сказалъ: «Да, и самъ я вижу, что Григорій не способенъ. Ну, съ Богомъ. Ѵзжайте домой». Такъ разлетѣлись мечты Григорія о посвященіи въ священный санъ. Но какъ хороши были представители церкви, кощунственно приготовлявшіе его къ этому сану, къ соблазну вѣрующихъ!

Спустя нѣсколько лѣтъ еще болѣе горькая, чѣмъ епископа Теофана, участь, по вліянію Распутина, постигла и Гермогена съ Иліодоромъ, когда они нашли необходимымъ для себя излѣчиться отъ своей «наивности» и рѣшились изобличать Распутина послѣ того, какъ слухъ о немъ прошелъ по всей Руси великой: Гермогенъ сосланъ былъ въ Жировицкій монастырь, а Иліодоръ, послѣ снятія сана, бѣжалъ даже за границу.

Читатель, быть может, интересуется знать, чѣмъ же кончилось дѣло объ автономіи духовныхъ академій? По этому поводу Иліодоръ сообщаетъ слѣдующее.

«Сторонникомъ того, чтобы сбросить наконецъ черную монашескую руку съ свободной мысли искателей истины, былъ въ то время оберъ-прокуроръ Синода Извольскій. Онъ хотѣлъ сначала провести автономію въ столичной, петербургской духовной академіи. По его указанію, совѣтъ профессоровъ приступилъ къ дѣлу и выбралъ уже ректоромъ бывшаго профессора протоіерея Т. А. Налимова, и докладъ объ этомъ Извольскій немедленно представилъ государю. Тутъ вмѣшался старецъ. Онъ въ тотъ день, когда бесѣдовалъ съ «троицей», поѣхалъ къ царю и приказалъ (!) ему положить на докладѣ Извольскаго о выборѣ Налимова ректоромъ академіи такую, какъ передавалъ мнѣ послѣ епископъ Теофанъ, резолюцію: «Оставляю протоіерея Тимофея Налимова подъ большимъ сомнѣніемъ. Николай». Прочтя такую резолюцію, Извольскій опѣшилъ и съ горя подалъ въ отставку. Профессора академіи испугались и пошли служить молебны о свѣшнемъ мирѣ и о спасеніи душъ своихъ. Протоіерей Налимовъ послѣ того до самаго дня смерти не показывался въ родную академію, а ректоромъ академіи назначенъ былъ попрежнему архимандритъ Теофанъ, съ возведеніемъ въ санъ епископа. Объ автономіи же остались одни сладкія воспоминанія.

«Старецъ на дѣлѣ доказалъ, что «автономей—гадость». Доказалъ просто, скоро и внушительно».

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Распутинъ, ставшій уже именоваться Григоріемъ Ефимовичемъ Новыхъ, добивался особаго значенія въ управленіи православной церковью, ибо онъ желалъ навсегда сохранить за собою свою репутацію, какъ «блаженнаго и святаго старца». Оберъ-прокуроръ и члены синода, какъ показало это изгнаніе изъ синода оберъ-прокурора А. Д. Самарина и епископа Гермогена, должны были не выходить изъ-подъ руки Григорія Ефимовича и во всѣхъ вопросахъ сообразоваться съ его мнѣніями, если желали сохранить свои мѣста. А ему ли, Григорію Ефимовичу, распорядителю судебъ церкви, могла улыбаться, напр., мысль объ ограниченіи его церковнаго самодержавія созывомъ церковнаго собора? «Въ великихъ мукахъ родился въ Россіи,—говоритъ Иліодоръ,—въ освободительные годы (1904—1907) вопросъ о созывѣ церковнаго собора. Объ этомъ долго говорили, писали, совѣщались, устраивали предсоборныя присутствія, но ничего не вышло... И все это потому, что блаженный старецъ не хочетъ собора. Онъ мнѣ лично говорилъ: «И безъ собора хорошо. Есть Божій помазанникъ и довольно. Богъ его сердцемъ управляетъ, какой же еще нужно соборъ». А другу своему Даманскому (товарищу оберъ-прокурора, назначенному на эту должность по его протекціи), когда слухи о созывѣ собора обострились, онъ такъ телеграфировалъ: «Неужели, миленькій, соборъ? Ахъ, не доросли! Да, не доросли. Возрастъ русской церкви будетъ совершеннымъ только послѣ смерти «старца». А сейчасъ она не доросла, потому что не можетъ понимать и даже отвергаетъ «подвиги» великаго праведника. Можно утверждать, что соборъ будетъ созванъ только послѣ смерти «блаженнаго» или же послѣ его паденія».

Въ особенности сказывался авторитетъ негласнаго «патріарха русской церкви» въ назначеніяхъ по вѣдомству православнаго исповѣданія. Другъ Распутина, Варнава, каргопольскій огородникъ, изъ простыхъ монаховъ сдѣланъ былъ весьма быстро архимандритомъ Голутвина монастыря и проведенъ былъ Григоріемъ во дворець для бесѣдъ. Онъ воспользовался этимъ, прося о назначеніи себя епископомъ. Распутинъ поддерживалъ его въ этомъ домогательствѣ, желая имѣть свою креатуру среди епископовъ. По сообщенію Иліодора, онъ говорилъ императрицѣ: «Хоть архіереи и будутъ обижаться, что въ среду ихъ, академикомъ, мужика впихнули, но ничего, наплевать, примирятся. А суслика (т. е. Варнаву) надо въ епископы. Онъ очень за меня стоитъ!» И дѣйствительно, «въ началѣ 1911 года,—говоритъ Иліодоръ,—суслика сдѣлали епископомъ, но съ большимъ скандаломъ. Члены синода, по словамъ Григорія, никакъ не хотѣли давать Варнаву епископа, потому что онъ безъ образованія. Но «мама» чрезъ Саблера настояла: Варнава былъ посланъ епископомъ въ Каргополь. Во время обличенія мною «старца» Варнава былъ вызванъ во дворець для успокоенія Николая и Александры. Успокоилъ. Поѣхалъ опять въ Каргополь. Потомъ ему сдѣлалось скучно въ захолустномъ городкѣ. Газеты заговорили, что Варнава просится на покой и что синодъ посылаетъ его управлять прежнимъ Голутвинимъ монастыремъ. Я, живя въ Галилеѣ (на Дону), думалъ, что здѣсь кроется какая-либо хитрость. Дѣйствительно, немного спустя Варнава назначается на родину «блаженнаго старца», на тобольскую каѳедру. Что за оказія? Мужика, огородника, назначили на древнюю каѳедру, гдѣ ранѣе были митрополиты. Но оказія эта опять-таки легко объясняется строками дневниковъ Лохтиной. Тамъ есть такое письмо «старца» царямъ:—«Миленькаи папа и мама! Заботь много, а успѣха нѣтъ. Думка кого послать въ Сибирь. А онъ подъ рукою. Владыку Варнаву, друга и защитника. Его сюда надо. Онъ усердно старается. Григорій». И вотъ Варнава, «сусликъ», забравшись въ тобольскую норку, мужичокъ, началъ немилосердно издѣваться надъ образованными священниками тобольской епархіи. А когда Распутинъ ранила Гусева, «сусликъ» пропищалъ о своемъ другѣ: «молитесь за вѣрнаго раба Господня!»

Тобольская каѳедра занята была Варнавой послѣ епископа Алексѣя, назначеннаго экзархомъ Грузіи тоже по мысли Распутина. Въ 1910—11 гг. Алексѣй былъ епископомъ псковскимъ, но, какъ любитель мзды несправедливой, переведенъ былъ въ Тобольскъ. Здѣсь онъ учелъ значеніе Распутина, и когда миссіонеры подняли вопросъ о прекращеніи «старческой дѣятельности» Распутина, онъ торжественно провозгласилъ: «Не касайтесь этого Божьяго человѣка! Кто противъ него пойдетъ, того Богъ караетъ!» «Старець» не остался неблагодарнымъ, и, спустя короткое время, къ удивленію всѣхъ, опальный епископъ назначенъ былъ въ Грузію экзархомъ, съ возведеніемъ въ санъ архіепископа, въ силу слѣдующаго письма Распутина къ царямъ: «Папа мой миленькаи и мама. Кого послать на Кавказъ, покою вамъ нѣтъ. А вотъ дорогой епископъ тобольскій Алексѣй хоть куда. Ему и мѣсто на Кавказъ. Пошлите его. Это я очень желаю. Онъ меня ласкаетъ. Понимаетъ подвигъ. Честь ему нужно оказать. Вѣрный вездѣ вѣрный. И на Кавказѣ онъ будетъ нашимъ другомъ. Да, я, Григорій».

Но Алексѣй скоро по прїѣздѣ на Кавказъ умеръ, и тогда на его мѣсто назначенъ былъ архіепископъ Питиримъ симбирскій, который, послѣ покушенія на «старца» одной изъ его жертвъ Гусевой, послалъ ему слѣдующую телеграмму: «Пусть ваше выздоровленіе послужитъ нравственнымъ оздоровленіемъ для тѣхъ людей, которые думаютъ распространять христіанство огнемъ и мечомъ (?!)». Такого своего «друга» Распутинъ скоро возвелъ и въ Петроградскіе митрополиты, чтобы окончательно подчинить себѣ синодъ.

По желанію Распутина же въ Москву назначенъ былъ митрополитомъ томскій архіепископъ Макарій съ семинарскимъ образованіемъ. Для этого достаточно было слѣдующаго письма «царскаго друга»: «Миленкаи папа и мама. Много шуму, много спору, а все одна суета. Кого послать на Москву. Антоня не надо. Онъ лукавъ. Да молодъ. Зависть пойдетъ и злоба. А бѣсамъ того и надо. Вотъ кого: подвижника алтайскаго Макарія, мово друга. Божій старецъ. Его надо. Да. Григорій». А на мѣсто Макарія въ Томскѣ проведенъ былъ старый другъ Григорія, епископъ барнаульскій Мелетій, который какимъ-то образомъ первый положилъ начало карьерѣ Распутина, приказавъ ему «старчествовать».

Наконецъ, Распутину же обязаны своей карьерой извѣстные всей Россіи епископъ Макарій (Гнѣвушевъ), прот. Восторговъ и многіе другіе.

Когда обличазше «старца» епископъ Гермогенъ и іеромонахъ Иліодоръ были осуждены Синодомъ, т. е. по ходатайству Распутина, члены Синода получили награды. Почитательница «старца», близкая къ царской фамиліи, О. В. Лохтина, сохранила въ своихъ «Дневникахъ», попавшихъ потомъ въ руки Иліодора, слѣдующее письмо по этому поводу: «Миленкаи папа и мама. Вотъ миленкіе владыки какъ бѣса-то поразили. Бунтовщиковъ помазанника Божьяго покарали. Оно и правильно. Теперя нужно ихъ поласкать. Награду имъ. Только не сразу всѣмъ, а такъ одному, а опосля другому, а то собаки Гермогенъ и Иліодоръ лаять будутъ. Да, нужно. Это пишу я, Григорій. Да, за подвигъ надо ласкать. Григорій».

Съ теченіемъ времени «благочестивый, святой старецъ» обнаружилъ свое вліяніе не въ одномъ внѣшнемъ управленіи судьбами русской церкви, но и въ области канонической. Когда синодъ, въ ноябрѣ и декабрѣ 1911 года, обсуждалъ вопросъ о возстановленіи древняго чина діаконалиссъ и синодъ склонялся къ рѣшенію этого вопроса въ утвердительномъ смыслѣ, то Гермогенъ возсталъ противъ этого рѣшенія, утверждая, что оно не соответствуетъ древнимъ церковнымъ канонамъ. Гермогена поддержалъ въ этомъ и Распутинъ, благоволившій тогда Гермогену, и въ этомъ смыслѣ онъ воздѣйствовалъ и на царя. Митрополитъ Антоній, сообразно съ этимъ, выразилъ мнѣніе, что вопросъ о діаконалиссахъ слѣдуетъ отложить до помѣстнаго собора. «Но, — говоритъ Иліодоръ, если тщательно пересмотрѣть архивъ телеграфныхъ конторъ Петербурга за декабръ мѣсяцъ 1911 года, то тамъ можно найти такую телеграмму Распутина къ Гермогену: «Я уничтоживаю діаконалисы». Такая телеграмма была. Это я хорошо помню».

Но довольно! Покроемъ завѣсой этотъ стыдъ церковный, которымъ терзалась Русь православная въ теченіе ряда лѣтъ. Предки наши вспоминали, какъ о неслыханномъ позорѣ, о Бироновщинѣ, когда церковь наша подвергалась

давленію и преслѣдованіямъ «люторца» Бирона и его приспѣшниковъ. Могли ли они думать, что въ началѣ XX вѣка бразды правленія въ русской церкви возьметъ простой мужикъ, невѣжественный, развратный, едва ли не хлысть? И это неуваженіе къ церкви, эта измѣна и предательство по отношенію къ нашей родной святынь, православію, эта «распутиновщина», — развѣ не носили въ самихъ себѣ задатковъ разрушенія допустившей ихъ ослѣпленной царской власти? Теперь, когда русская православная церковь освободилась отъ стѣснявшихъ ея оковъ свѣтской власти и она возвратится наконецъ къ чистымъ началамъ церковности, — не будетъ ли первымъ дѣломъ возрожденной церкви очищеніе ея храмины отъ всѣхъ фарисеевъ, засорявшихъ ниву церковную и питавшихъ распутиновщину?

Е. Шумигорскій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ВОСПОМИНАНИЕ о Тургеневѣ. — Въ мартовской книжкѣ «Mercure de France» напечатаны небольшія воспоминанія о Тургеневѣ. Авторъ, скрывшій свое имя подъ тремя звѣздочками, познакомился съ нашимъ писателемъ въ 1872 году въ семействѣ Віардо, гдѣ онъ былъ, кажется, единственнымъ военнымъ изъ всѣхъ ихъ знакомыхъ. Тургеневъ въ это время очень интересовался военными дѣлами и на этой почвѣ между нимъ и авторомъ воспоминаній, принимавшимъ участіе въ только что закончившейся франко-прусской войнѣ, произошло нѣкоторое сближеніе. Тургеневъ, придававшій огромное значеніе знанію иностранныхъ языковъ, принялся уговаривать своего новаго знакомаго засѣсть за изученіе русскаго.

— Не забывайте, — говаривалъ онъ, — что изучить новый языкъ это значитъ приобрѣсти себѣ новую душу.

Благодаря настояніямъ Тургенева, авторъ воспоминаній записался въ число студентовъ Восточной школы, къ профессору слависту Луи Леже и настолько успѣшно продвинулся въ изученіи нашего языка, что черезъ четыре года получилъ званіе драгомана и могъ читать Тургенева въ подлинникѣ.

Наружность нашего романиста поражала тѣхъ, кто впервые видѣлъ его. По словамъ автора воспоминаній, въ немъ было что-то львиное. Въ 1872 г. Тургѣневу было всего 54 года, но онъ казался гораздо старше своихъ лѣтъ. Вся его фигура напоминала библейскаго патріарха съ его темными сѣдыми волосами и большой бородой. Глаза у него были свѣтло голубые, кроткіе, глубоко всаженные.

Тургеневъ былъ очень добръ и безкорыстенъ: его кошелекъ былъ всегда открытъ для неимущихъ, и по нѣкоторымъ днямъ въ rue de Douzi, гдѣ былъ

домъ Віардо, тянулась цѣлая вереница русскихъ соотечественниковъ, которымъ Тургеневъ никогда не отказывалъ въ матеріальной помощи, несмотря на то, что его не разъ обманывали.

Одно время Тургеневъ былъ настоящимъ литературнымъ центромъ Парижа, и около него въ салонѣ Віардо можно было видѣть всѣхъ корифеевъ тогдашней французской литературы: Гонкуровъ, Флобера, Оже, Ренана и другихъ. Изъ критиковъ особенно восторгался имъ знаменитый Тэнъ. «Если взять всѣхъ нѣмцевъ и истолочь ихъ въ ступѣ,—писалъ онъ Брандесу,—то изъ всѣхъ нихъ не получится и капли его сока.»

Но самъ Тургеневъ жаловалъ далеко не всѣхъ, передъ кѣмъ привыкли поклоняться французы. Такъ, онъ особенно не любилъ Виктора Гюго.

«Помню, какъ онъ однажды высказалъ очень строгое сужденіе о Викторѣ Гюго, —писать авторъ воспоминаній.—Дѣло было въ Англии, въ Сиксмиль-Боттомѣ около Кембриджа, у одного изъ нашихъ общихъ знакомыхъ. Хозяинъ дома мистеръ Голль, былъ большимъ франкофиломъ и во время войны 1870 г. снарядилъ на собственные средства медицинскій отрядъ, дѣйствовавшій во Франціи. Послѣ обѣда, когда дамы по англійскому обычаю, удалились, Тургеневъ принялся рассказывать намъ свои охотничьи воспоминанія. Не помню, какимъ образомъ разговоръ зашелъ о Викторѣ Гюго. Тургеневъ упрекалъ его въ бездушнѣйшей гордости, въ узкомъ невѣжествѣ: не зная ни одного иностраннаго языка, онъ самымъ авторитетнымъ образомъ судилъ объ иностранныхъ писателяхъ. Однажды Гюго въ присутствіи Тургенева сталъ распространяться о какомъ-то произведеніи Гете. Тургеневъ замѣтилъ ему, что это произведеніе принадлежитъ не Гете, а Шиллеру. Нисколько не смущаясь, Гюго отвѣчалъ, что онъ не читалъ ни того, ни другого, но однако прекрасно ихъ знаетъ обоихъ.

Импровизаціи изъ охотничьихъ рассказовъ Тургенева производили неотразимое впечатлѣніе на слушателей, и авторъ воспоминаній съ наслажденіемъ вспоминаетъ одинъ такой рассказъ, слышанный имъ лично. Возвращаясь съ охоты, Тургеневъ долженъ былъ заночевать въ полѣ и легъ спать, забравшись на стогъ сѣна. Ароматъ полей, тишина и небо, сплошь усыянное яркими звѣздами, тихая темная ночь—все это было передано съ неподражаемой поэтической прелестью.

Тургеневъ нерѣдко импровизировалъ цѣлые небольшіе рассказы. Одинъ изъ нихъ записанъ авторомъ воспоминаній по свѣжей памяти. Вотъ онъ:

«Въ одинъ прекрасный день Господь Богъ рѣшилъ устроить на небѣ большой вечеръ. Онъ пригласилъ на него всѣхъ добродѣтели: явились большія добродѣтели, явились и маленькія. Какъ чудесенъ былъ этотъ вечеръ, можно судить уже потому, что музыкантами были сами ангелы. Господь былъ въ восторгѣ, видя, какъ веселятся приглашенные. Вдругъ онъ замѣтилъ въ углу двѣ великія добродѣтели, которыя смотрѣли другъ на друга, видимо, не будучи знакомы между собою. Господь понялъ, въ чемъ дѣло: Онъ подошелъ къ добродѣтелямъ, и, взявъ ихъ за руку, познакомилъ ихъ. «Это—Признательность, а это—Благотворительность», сказалъ онъ. Обѣ великія добродѣтели поклонились, съ изумленіемъ глядя другъ на друга. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, онѣ встрѣтились впервые.»

Среди писателей, посѣщавших Виардо, иногда можно было встрѣтить Ренана. При видѣ этого толстяка, небрежно одѣтаго, съ грязными ногтями, съ головой всегда склоненной на бокъ, съ маленькими поблескивавшими глазами, трудно было догадаться, что передъ вами одинъ изъ величайшихъ писателей.

Заговоривъ о Ренанѣ, авторъ приводитъ одинъ характерный для писателя анекдотъ. Однажды поэтъ Гренье, близкій другъ Ламартина, отнесъ Ренану томикъ своихъ стиховъ съ собственной надписью. Прошло нѣсколько дней, и злополучный поэтъ нашелъ свое подношеніе у одного изъ букинистовъ: оно не было даже разрѣзано, а между тѣмъ при встрѣчѣ Ренанъ съ жаромъ увѣрялъ его, что онъ съ удовольствіемъ прочелъ его сборникъ и что стихи его великолѣпны!

Виардо очень часто устраивали у себя интересные музыкальные вечера, на которыхъ обычнымъ посѣтителемъ былъ Флоберъ. «Между Тургеневымъ и Флоберомъ почти не было ничего общаго: одинъ—скромный, изысканный; другой—вульгарный, грубый въ словахъ, съ голосомъ звучащимъ словно труба. Флоберъ мало понималъ въ лирикѣ и во время исполненія Шумана отправлялся обыкновенно въ столовую, гдѣ принимался опустошать приготовленные къ чаю *petits fours*. Специальностью его было устраивать всякіе литературные обѣды, въ родѣ знаменитыхъ обѣдовъ въ ресторанѣ Манья, о которыхъ рассказывали Гонкуры.

Напротивъ, Ожье, съ которымъ авторъ познакомился у его племянника, известнаго Поля Деруледа, былъ большой меломанъ, но особаго сорта.

— Я обожаю музыку Оффенбаха,—говорилъ онъ,—это нѣчто ясное и веселое, чисто французское. Другого же я ничего не понимаю.

Трудно было подозрѣвать такую игривость музыкальнаго вкуса въ этомъ широкоплечемъ, дожемъ человекѣ съ бурбонскимъ носомъ, чрезвычайно похожемъ на Франциска I, какимъ его рисуютъ на старинныхъ портретахъ.

— Рейнъ—германская рѣка или французская?—Извѣстно, что нѣмецкіе ученые, увлеченные политикой пангерманизма, не стѣснялись искажать историческіе факты и присваивать себѣ все, что было выдающагося въ человѣчествѣ. Достаточно, ради примѣра, вспомнить утвержденіе ихъ антропологовъ, будто Данте и Петрарка, Вольтеръ и Шекспиръ были въ сущности нѣмцами, такъ какъ ихъ антропологическій типъ ближе всего напоминалъ типъ нѣмецкій. Такое же присвоеніе чужой собственности они продѣлали между прочимъ въ географіи доказывая, что Рейнъ всегда былъ нѣмецкой рѣкой. Благодаря шумному распѣванію нѣмцами пресловутой «Стражи на Рейнѣ», стало въ самомъ дѣлѣ казаться, что Рейнъ рѣка—чисто германская, искони принадлежавшая нѣмцамъ, хотя въ дѣйствительности это и не такъ. Вышедшее на дняхъ ученое изслѣдованіе профессоръ Эрнета Бобелона, известнаго хранителя нумизматическаго кабинета Парижской Національной Библіотеки, показываетъ, что на самомъ дѣлѣ вопросъ о Рейнѣ—«Западный вопросъ», какъ называетъ его авторъ, обстоитъ совершенно иначе.

Вышедшій пока первый томъ изслѣдованія Бобелона, посвященъ главнымъ образомъ древнѣйшей исторіи Галліи и Кельтическихъ племенъ и сосѣднихъ

съ ними германцевъ. Эти Кельтскія, или Гальскія, племена жили не въ одной только теперешней Германіи, но тянулись по средней полосѣ Европы вдоль Дуная до самого Эллинскаго востока и заканчивались въ Малой Азіи, гдѣ одна изъ провинціи такъ и называлась по ихъ имени (Галатія). Границей, отдѣлявшей отъ германцевъ тѣхъ галловъ, которые населяли территорию нынѣшней Франціи, былъ всегда Рейнь. Эта рѣка была своего рода разграничительной линіей двухъ совершенно различныхъ цивилизацій и двухъ психическихъ народныхъ типовъ. Въ то время, когда германцы ютились въ непроходимыхъ лѣсахъ, находясь еще въ состояніи полудикихъ людей, въ Галліи уже чеканилась своя собственная монета. Въ то время, когда германцы, по словамъ Цезаря, полагали свою славу въ томъ, чтобы быть окруженными опустошенными странами и силою заставляли сосѣдей покидать свои территоріи для того, что вокругъ нихъ не было никого посторонняго, въ это самое время среди галльскихъ племенъ обнаруживается сила государственнаго сплеленія: въ Галліи существовалъ особый совѣтъ по дѣламъ всей Галліи. Цезарь созывалъ его то въ Амьенъ, то въ Реймсъ. Яркій фактъ, доказывающій различныя ступени цивилизаціи галловъ и германцевъ, состоитъ въ томъ, что до самаго Карла Великаго у германцевъ на правомъ берегу Рейна городовъ не было, тогда какъ лѣвый берегъ былъ ими усѣянъ.

Время отъ времени шайки бродячихъ германцевъ переправлялись черезъ Рейнь и вторгались въ предѣлы Галліи. Охрана рѣки всегда составляла главнѣйшую заботу галловъ. Ко времени Цезаря, вслѣдствіе напора германцевъ съ востока, задача эта стала уже непосильна для галловъ, и вызвала вмѣшательство римлянъ, которые основали на западномъ берегу пограничнаго съ Германіей Рейна цѣлый рядъ колоній. Колоніи были населены римлянами и мѣстнымъ населеніемъ, галлами, и лишь впоследствии, когда германцы прорвали рейнскую линію, попали въ ихъ руки и стали извѣстны подъ искаженными на нѣмецкій ладъ названіями. Такъ Colonia Agrippina сдѣлалась Кельномъ, Confluentes—Кюбленцомъ, Taberna—Цаберномъ и т. д. По поводу названій городовъ любопытно отмѣтить, что теперешніе города Ліонъ, Лейденъ носили прежде одинаковсе кельтское названіе Лугдуненъ, впоследствии оставшееся за Лондономъ. Этотъ фактъ доказываетъ, что языкъ кельтовъ на протяженіи отъ Лондона до южной Франціи былъ одинаковъ или, во всякомъ случаѣ, схожъ.

Какъ извѣстно, за полвѣка до Р. Х. Галлія была присоединена Цезаремъ къ составу римскаго государства. Любопытно, что въ сонмѣ классическихъ боговъ нашель себѣ мѣсто и богъ Рейна, который считался римлянами божествомъ галльскимъ, а не германскимъ.

Цивилизація Рима пала въ Германіи на благодарную почву и стала распространяться съ такой быстротой, что уже на другой день послѣ смерти Цезаря Маркъ Антоній могъ воскликнуть: «Посмотрите на Галлію. Она имѣетъ такую же культуру, какъ и Италія». Хранить эту вторую Италію отъ нападенія зарейнскихъ варваровъ становится главной задачей Рима, и римляне размѣщаютъ вдоль Рейна цѣлыхъ восемь легионовъ. Когда эта задача стала не по силамъ и римлянамъ, галлы пробуютъ организовать въ срединѣ III вѣка по Р. Х. сами: возникаетъ имперія Постума, просуществовавшая впрочемъ всего шесть-

надцать лѣтъ. Отъ этого времени дошла до насъ любопытная медаль. На одной сторонѣ ея изображенъ одинъ спаситель галловъ—Постумій, у ногъ котораго виденъ распростертый германскій плѣнникъ, а съ другой—другой спаситель—фигура, льющая волны изъ боковой урны. Подъ этой фигурой подпись: Рейнъ, спаситель провинцій.

Итакъ въ III вѣкѣ нашей эры, Рейнъ—рѣка галльская, ограждающая, какъ надежный барьеръ, Галлію отъ вторженія германцевъ...

Со времени Постумія барьеръ этотъ начинаетъ однако сдавать. Въ нумизматикѣ появляется медальонъ съ изображеніемъ «женщины въ траурной одеждѣ и съ подписью «Ftancia». Въ самомъ сердцѣ галльской страны являются франки привлеченные на службу императоромъ Юліаномъ Отступникомъ. Франки—враги аллемановъ и быстро растворяются въ болѣе культурной галльской средѣ.

Въ пятомъ вѣкѣ новая страна, Франція, подвергается страшному нашествію гунновъ и ихъ союзниковъ аллемановъ. Битва на Каталаунской равнинѣ (457 г.) отбрасываетъ эти дикія полчища назадъ. Возникаетъ царство Хлодвига, готовящее путь будущей имперіи Карла Великаго.

Извѣстно, что германцы дѣлають изъ Карла Великаго государя чисто нѣмецкаго. А между тѣмъ Карль только и дѣлалъ, что боролся съ нѣмецкими племенами, отбрасывая ихъ отъ Рейна. Современный ему историкъ Эгингартъ, резюмируя завоеванія Карла, постоянно указываетъ на Рейнъ, какъ на границу между его имперіей и германцами. Въ сознаніи старинной Франціи Карль Великій всегда былъ государемъ французскимъ, а не германскимъ. Людовикъ XI, желая возвеличить этого своего предка, возвелъ въ Аахенѣ огромный мавзолей. По его приказанію «Святой Карль Великій» сталъ считаться покровителемъ Парижскаго университета. Во всей Франціи былъ установленъ официальный культъ Карла Великаго. 28 января было сдѣлано, въ честь его, днемъ неприсутственнымъ. Съ X вѣка каждый французскій король, коронуясь, посылалъ въ Аахенъ саванъ, въ которомъ лежалъ въ гробу его предшественникъ, и этимъ саваномъ покрывалась гробница Карла Великаго. Этотъ странный обычай продержался до смерти Людовика XV.

Мысль о томъ, что французское царство должно простираться до границъ, которыя считались естественными для него: до Альпъ, Рейна и океана никогда не умирала во Франціи. Вотъ почему Людовикъ XI всѣми правдами и неправдами губилъ герцога Бургундскаго, отрѣзавшаго его своими промежуточными владѣніями отъ Рейна. Продвиженіе на берегъ этой рѣки составляло завѣтную мечту осторожнаго Генриха IV. О томъ же мечталъ и Ришелье, идя къ разрѣшенію этого вопроса очень осторожно. Когда въ 1631 году шведскій король Густавъ Адольфъ предлагаетъ ему взять Эльзасъ, кардиналь отказывается: онъ боится, что шведы, давъ ему доступъ къ Рейну въ одномъ мѣстѣ, отрѣжутъ Францію отъ соприкосновенія съ рѣкой на всемъ ея пространствѣ.

Черезъ восемнадцать лѣтъ Эльзасъ самъ переходитъ къ Франціи. Онъ переходитъ такъ естественно и легко, что даже посоль прусскаго короля принужденъ заявить своему государю: «Понадобились два вѣка рабства, чтобы держать Эльзасъ въ отторженіи отъ Франціи».

При Мазарини французы устраивают особую лигу прирейнских князей, под протекторатомъ Франціи. Въ эту лигу входили мелкія германскія владѣнія Зальми—Зальмъ, Нассау,—Гессенъ—Дармштадтъ, Биркенфельдъ и др. Такимъ образомъ власть Франціи фактически доходила до лѣваго берега Рейна.

Французская революція была съ восторгомъ принята народными массами на этомъ берегу. По трактату съ прусскимъ королемъ отъ 5 апрѣля 1795 г. Рейнъ опять дѣлается границей между Франціей и нѣмцами. Присоединеніе лѣвобережныхъ областей къ Франціи не встрѣтило никакого сопротивленія: были коммуны, гдѣ противъ этого не поднялся ни одинъ голосъ, несмотря на то, что, присоединяя лѣвобережныя владѣнія мелкихъ нѣмецкихъ князьковъ, французы не прибѣгали ни къ какому принужденію, присоединеніе это совершалось чрезвычайно прочно. Примѣръ этого мы видимъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи, гдѣ и простой народъ говоритъ большей частью по нѣмецки; его тянетъ неизмѣнно къ французскому типу цивилизаціи, а не къ германскому.

— Изъ воспоминаній о лордѣ Китченерѣ. — Лондонскій Hodder and Stoughton выпустилъ сборникъ воспоминаній о лордѣ Китченерѣ. Изъ статей, доставленныхъ для сборника разными лицами, особенно любопытна небольшая замѣтка маркиза де Шаселу-Лоба, командированнаго французскимъ правительствомъ въ Лондонъ для разрѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся боеваго снабженія арміи.

«Однажды утромъ, зимою 1914-1915 г., меня внезапно вызвали къ лорду Китченеру въ военное министерство, пишетъ—Шаселу-Лоба. Тамъ мы сообщили нѣкоторые факты, которые вызвали большія опасенія. Вслѣдствіе недостатка въ нѣкоторыхъ предметахъ снаряженія, на которые французы возлагали большія надежды, французская армія оказалась въ большой опасности, и говорили, что ей не отразить новой атаки нѣмцевъ. Французскій главнокомандующій, для предотвращенія нависавшей опасности, отправилъ къ Китченеру одного англійскаго полковника съ настоятельной просьбой, чтобы Англія поспѣшила придти къ намъ на помощь. Французскій главный штабъ просилъ, чтобы отвѣтъ былъ дѣанъ немедленно.

Узнавъ о положеніи французской арміи, Китченеръ отложилъ въ сторону всѣ дѣла, и я провелъ въ военномъ министерствѣ почти цѣлый день. Съ самаго начала видно было, что лордъ Китченеръ, къ несчастью, не въ состояніи исполнить просьбу Жоффра, но, чтобы сдѣлать все, что было въ его силахъ, онъ немедленно засѣлъ за изученіе вопроса и составленіе всякихъ комбинацій. Къ полудню ему уже удалось выяснитъ, что онъ можетъ сдѣлать и чего нѣтъ.

Наступалъ уже вечеръ, и въ обширномъ кабинетѣ англійскаго военнаго министра становилось темно. Лордъ Китченеръ отослалъ отсюда всѣхъ, кромѣ посланнаго Жоффромъ полковника и меня. Надѣвъ свои большіе очки, онъ сѣлъ за свой письменный столъ, заваленный бумагами. Полковникъ и я неподвижно стояли передъ нимъ. Царила глубокая тишина, и слышно было, какъ Китченеръ шелестѣлъ бумагой. Потомъ онъ усадилъ меня справа около письменнаго стола и попросилъ меня тщательно отмѣтить все то, что онъ въ состояніи сдѣлать для французской арміи. Водворилась опять глубокая тишина; Китченеръ уже не перебиралъ свои бумаги.

Вдругъ онъ началъ диктовать списокъ всего, что онъ можетъ послать Жоффри. Списокъ былъ не великъ, и мы скоро его исчерпали. Новая пауза и снова глубокая тишина. Потомъ онъ опять сдѣлалъ знакъ, чтобы я писалъ. Я долженъ засвидѣтельствовать, что онъ оказалъ мнѣ исключительное довѣріе, стараясь о томъ лишь, чтобы только помочь арміи, защищающей нашу родину.

Наконецъ Китченеръ снимаетъ свои очки и опять замолкаетъ, — снова водворяется мертвая тишина.

Министръ откидывается на своемъ креслѣ и нѣсколько минутъ остается въ полной неподвижности, очевидно всецѣло поглощенный своими мыслями, Потомъ вдругъ прерывающимся голосомъ, въ которомъ слышится состраданіе, онъ говоритъ англійскому полковнику: «Скажите Жоффри... Скажите моему другу Жоффри... что въ Англии... что я въ полномъ отчаяніи... отъ того, что не могу сдѣлать больше».

Кончивъ писать то, что онъ мнѣ диктовалъ, я обернулся и посмотрѣлъ на него: у лорда Китченера глаза были полны слезъ.

Онъ поймалъ мой взглядъ и какъ бы устыдившись того, что могутъ принять за слабость, быстро надѣлъ свои большіе очки.»

— Исламъ, пантуркизмъ и арабы, — Ни для кого не тайна, что въ давно разрабатывавшемся нѣмцами планѣ порабоженія Европы, расчеты на возможность возстанія мусульманъ—русскихъ, французскихъ, англійскихъ— была однимъ изъ главныхъ козырей въ игрѣ Вильгельма. Еще въ 1898 г., заигрывая во время своего путешествія на востокъ съ султаномъ Абдуль Гамидомъ, Вильгельмъ торжественно заявилъ: — «пусть его величество султанъ и 300 милліоновъ магометанъ, чтущихъ въ немъ калифа, знаютъ, что германскій императоръ былъ для нихъ всегда другомъ».

Расчеты эти однако не оправдались: магометане не только не поддержали священной войны противъ невѣрныхъ, но наоборотъ, приняли самое дѣятельное участіе въ рядахъ французскихъ, англійскихъ и русскихъ войскъ; Аравія даже отложила отъ турокъ, и магометанскія свята мѣста отъ турокъ перешли въ руки арабовъ.

Какъ могло все это произойти и въ какомъ вообще положеніи находится въ настоящее время магометанскій міръ—вотъ вопросы, которымъ посвящена послѣдняя книжка журнала «Le Correspondant» знатока востока Жана Пози.

Чтобы ясно понять, что такое у мусульманъ калифъ и султанъ и разобраться въ традиціяхъ мусульманства, необходимо возобновить въ памяти исторію происхожденія этой религіи. Начало ей было положено около 1300 лѣтъ тому назадъ, когда одинъ арабъ изъ племени Корейшидовъ, Магометъ, желая обратить своихъ соплеменниковъ—идолопоклонниковъ въ единобожіе, объявилъ себя посланникомъ Божьимъ и создалъ особую религію, очень простую и приспособленную для ежедневныхъ человѣческихъ потребностей. Спустя сто лѣтъ послѣ его смерти эта религія распространилась отъ Аравіи до береговъ Ганга въ одну сторону и Пиренеевъ въ другую.

Магометъ не претендовалъ на божественное происхожденіе и утверждалъ только, что онъ вдохновленъ самимъ Богомъ. Правила его религіи собраны въ Коранъ, который для магометанъ является одновременно и библией, и Еван-

геліемъ, и гражданскимъ и уголовнымъ уложеніемъ и конституціонной хартіей. Религіозныя предписанія въ этой книгѣ постоянно переплетаются съ необходимѣйшими законами гражданскими и уголовными.

Главныя обязанности, предписываемыя Кораномъ правовѣрнымъ, суть: молитва, постъ, милостыня, паломничество и священная война.

Каждому, кто имѣлъ соприкосновеніе съ магометанскимъ міромъ извѣстно, съ какимъ усердіемъ исполняется первая заповѣдь: гдѣ бы ни былъ магометанинъ—въ вагонѣ, на пароходѣ, онъ пять разъ въ день становится на молитву, обращаясь лицомъ туда, гдѣ по его мнѣнію, находится его священный городъ Мекка. Въ мечетяхъ направленіе это указывается ему особымъ полукуполомъ на колонкахъ, называемымъ «миртабъ».

Послѣдняя заповѣдь о священной войнѣ «Джихадъ» дана была Магометомъ въ виду проявленной къ нему враждебности жителей Мекки. «Джихадъ» по Корану можно обявлять лишь съ большимъ, въ нѣсколько поколѣній, промежутками. Она должна быть войной оборонительнаго, а никакъ не агрессивнаго характера, и всѣ правовѣрные обязаны принимать въ ней посильное участіе.

Благодаря смѣшенію въ Коранѣ ученія религіознаго съ предписаніями государственнаго характера, самъ Магометъ изъ пророка сдѣлался и главой арабскихъ магометанъ. Преемники Магомета стали называться его намѣстниками, или по арабски «калифами».

По смерти Магомета наибольшіе шансы стать «калифомъ» были у его зятя Али. Однако, намѣстникомъ пророка выбранъ былъ не Али, а отецъ любимой жены Магомета, Абу Бекръ. Послѣ него калифами были Омаръ и Оттоманъ, впоследствии харазанный. Наконецъ намѣстничество досталось и Али, который позже былъ убитъ. Его замѣнилъ сынъ правителя Сиріи Моавія Гассанъ, которому и суждено было стать основателемъ цѣлой династіи калифовъ Омейядовъ.

Калифы должны были выбираться особымъ соборомъ изъ потомковъ Магомета. Со временемъ въ калифы стали выбирать и въ арабскихъ калифатахъ старшаго сына предшествовавшаго калифа, а въ турецкихъ старшаго брата. Несмотря на установившуюся наслѣдственность этого званія, правовѣрные все-таки и теперь сохраняютъ за собой право низложить калифа, если онъ окажется, по ихъ мнѣнію, непригоднымъ для своей высокой роли.

Калифъ вовсе не является въ мусульманскомъ мірѣ чѣмъ-то въ родѣ папы. У него нѣтъ никакой священной власти, онъ не имѣетъ права ни провозглашать какихъ либо догматовъ, ни толковать вопросы религіи. Эта роль принадлежитъ въ Исламѣ особому чиновнику, назначавшемуся калифомъ, которымъ въ послѣднее время былъ турецкій султанъ, и носящему названіе «Шейхъ уль Исламъ». Если мусульманскіе правящіе круги желаютъ предпринять какую-нибудь важную мѣру, они должны предварительно запросить Шейхъ уль Ислама, и онъ отвѣтитъ имъ, согласуется ли эта мѣра съ закономъ или противорѣчитъ ему. Отвѣтъ этотъ называется «фетва» и обыкновенно состоитъ изъ нѣсколькихъ словъ: позволено или непозволено. При сверженіи турецкихъ султановъ Шейхъ уль Ислама играли очень важную роль, и въ теченіе по-

слѣднихъ сорока лѣтъ имъ три раза пришлось издать соответствующую фетву.

Калифъ у магометанъ вовсе не считается священной особой. Исторія калифовъ полна случаевъ отравленія и убійствъ калифовъ, и въ этихъ преступленіяхъ магометане не усматриваютъ никакого оскорбленія ихъ религіи.

Главныя обязанности калифа считаются: 1) защищать вѣру и 2), управлять міромъ. Обѣ эти обязанности болѣе номинальнаго свойства. Калифы всегда защищали вѣру въ томъ же смыслѣ, въ какомъ ее защищаетъ и англійскій король, до сихъ поръ именующійся «defensor fidei». Что касается управления міромъ, то въ дѣйствительности эта задача была упразднена самой исторіей мусульманства, разбившася на нѣсколько опредѣленныхъ калифатовъ: Багдадскій, Каирскій, Кордовскій и др. Къ XIV вѣку первоначальный характеръ калифата, благодаря постояннымъ религіознымъ войнамъ, настолько измѣнился, что калифы стали обыкновенными государями.

Иногда впрочемъ оба эти званія раздѣлялись, и дѣйствительный государь, не удовлетворяя тѣмъ требованіямъ, которыя предъявлялись къ калифамъ,—родство съ Магометомъ, происхожденіе изъ племени Корейшидовъ—назывался въ такомъ случаѣ султаномъ и держалъ себя вторымъ лицомъ послѣ показнаго калифа. Такъ знаменитый султанъ Саладинъ, будучи родомъ курдь, не могъ именоваться калифомъ. Калифомъ было другое лицо, которое въ молитвахъ поминалось раньше султана.

Въ 1517 г. турецкій султанъ Селимъ I овладѣлъ Сиріей и Египтомъ и, вмѣсто того, чтобы низвести калифа до роли простого подчиненнаго ему чиновника, на долю котораго достаются лишь показныя почести, принудилъ тогдашняго калифа уступить ему свои права на званіе калифа. Съ этого момента титулъ калифа сталъ наследственнымъ въ династіи Османовъ.

Турецкій султанъ былъ самымъ могущественнымъ, но не единственнымъ калифомъ. Кромѣ него былъ еще независимый калифъ въ Марокко; калифами же были Эмиръ авганистанскій, Эмиръ маскатскій и нѣкоторые другіе.

Ко времени возникновенія мировой войны, эти мелкіе калифы ступевались передъ турецкимъ султаномъ, и въ мусульманскомъ мірѣ стало образовываться какое-то подобіе папства, простирающаго свою власть на разныя стоны. Султанъ Абдуль-Гамидъ первый понялъ, какія выгоды можно извлечь изъ званія калифа, которое до сего времени было лишь почетнымъ. Его приверженцы провозгласили сверхнаціональный принципъ: «Исламъ—мусульманамъ» и заложили основы будущему панисламизму. Абдуль-Гамидъ охотно привлекалъ въ Константинополь разныхъ мусульманскихъ агитаторовъ, старался завязать связь съ другими мусульманскими государствами, увеличивалъ число турецкихъ консуловъ вездѣ, гдѣ жили мусульмане, посылалъ особыя миссіи къ мусульманамъ Японіи и Китая, субсидировалъ многія мусульманскія газеты и всячески старался поднять авторитетъ калифа. Во время селамлика за его коляской обыкновенно бѣжала цѣлая толпа мусульманъ—бѣлыхъ, желтыхъ, черныхъ, прославляя его громкими голосами, и зрителю казалось, что вокругъ Абдуль-Гамида группируется весь мусульманскій міръ.

Младотурецкая революція 1908 г. нанесла сильный удар созданному Абдуль-Гамидомъ движенію. Младотурки въ большинствѣ случаевъ еврейскаго и христіанскаго происхожденія, вмѣсто панисламизма стали внѣдрять въ сознание народныхъ массъ пантуркизмъ и провозгласили принципъ: «Турція для турокъ». Это оскорбило чувство населявшихъ Турцію христіанъ и магометанъ—не турецкаго происхожденія, каковы, на примѣръ, албанцы и арабы. Султанъ Абдуль-Гамидъ старался разьединить ихъ. Новый режимъ, наоборотъ, объединилъ ихъ въ общемъ чувствѣ недовольства противъ турокъ и создалъ изъ нихъ оппозицію туркизму. Произошло албанское возстаніе. Вслѣдъ затѣмъ явилось броженіе въ Аравіи. Арабы вспомнили о своей былой независимости, о баснословномъ когда-то благосостояніи Багдада и Каира. А тутъ еще подоспѣло требованіе изъ Константинополя—объявить священную войну. Война была объявлена, но арабы очень скоро распознали, что она *made in Germany*, и не захотѣли таскать каштаны изъ огня для нѣмцевъ. «Несогласно съ нашей религіей подавать руку помощи тому, кто нападаетъ противъ того, на кого нападаютъ»,—отвѣчалъ французскому правительству одинъ изъ мусульманскихъ вождей въ Африкѣ.—Если воюютъ не мусульмане, то мы не должны становиться ни на чью сторону, но если это придется сдѣлать, то надо бороться съ тѣмъ, кто нападалъ». Священная война могла еще осуществиться противъ итальянцевъ во время триполитанской войны, когда Турція подверглась нападению. Но въ 1914 году Турцію никто не трогалъ и она сама, въ угоду нѣмцамъ, вмѣшалась въ войну. Вотъ почему мусульмане остались равнодушными къ объявленію священной войны. Наоборотъ, требованіе турокъ выступить за нѣмцевъ разбудило въ арабахъ историческія воспоминанія, стали доискиваться, при какихъ обстоятельствахъ турецкій султанъ сталъ калифомъ, и нашли, что санъ калифа былъ присвоенъ имъ себѣ неправильно. Отсюда недовольство, броженіе, а затѣмъ и отложеніе Аравіи. 9 го іюня 1916 г. шерифъ Мекки Эмиръ-Си-Эль-Гассейнъ-Бенъ—Али—Бенъ объявилъ себя независимымъ отъ Турціи. Поддержанный арабскими племенами, онъ изгналъ турецкій гарнизонъ изъ Мекки и осадилъ Медину.

Покончивъ съ турецкимъ владычествомъ, шерифъ принялся организовывать свое новое государство. Онъ учредилъ сенатъ, министерства, въ городахъ введено самоуправленіе, открыты школы. Онъ замѣнилъ турецкую монету индѣйскими рупіями и даже завелъ официальную газету на арабскомъ языкѣ.

Шерифу въ настоящее время шестьдесятъ лѣтъ. Онъ крѣпкаго здоровья, отличается большимъ умомъ и силою характера.

Наши союзники, разумѣется, поспѣшили использовать въ своихъ цѣляхъ происшедшую въ Аравіи перемѣну. Изъ Франціи въ Мекку была отправлена въ сентябрѣ специальная миссія изъ военныхъ и штатскихъ представителей этой страны. Такъ какъ въѣздъ въ Мекку неправовѣрнымъ строго воспрещенъ, то почти вся миссія была составлена изъ французскихъ магометанъ изъ Марокко Туниса и Алжира. Исключеніе составлялъ только глава миссіи, полковникъ Времонтъ, но онъ оставался въ порту Джеддѣ, пока миссія ѣздила вглубь страны.

25 сентября, миссія, имѣя во главѣ магометанина, подполковника Кади, достигла священнаго города, гдѣ была торжественно принята шерифомъ. Одинъ изъ членовъ ея Си Каддуръ Бенъ Габритъ передалъ ему собственноручное письмо президента Пуанкарэ, на которое шерифъ отвѣтилъ теплою телеграммой.

Члены французской миссіи, за время пребыванія во святыхъ мѣстахъ мусульманскаго міра, строго исполняли все, что полагается доброму мусульманину: присутствовали при разныхъ религіозныхъ церемоніяхъ, обошли семь разъ вокругъ храма Каабы, пили изъ колодца, изъ котораго по преданію, брала воду для сына Агарь, и даже принесли жертвоприношеніе на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то Авраамъ хотѣлъ принести въ жертву Исаака.

Во Францію члены миссіи вернулись не всѣ: подполковникъ Кади остался при шерифѣ. Результатомъ его пребыванія будетъ, по всей вѣроятности, реорганизация вооруженныхъ силъ шерифа и выступленіе ихъ противъ нашихъ общихъ враговъ—турокъ.

— Лондонскіе кафе XVII вѣка.—Родоначалницей политическихъ манифестацій, всякихъ «платформъ», политической печати, клубовъ и обществъ является какъ извѣстно, Англія. Но всѣ эти проявленія политической жизни сравнительно недавняго происхожденія, и еще наканунѣ XVIII вѣка всѣ эти средства современной агитаціи были не особенно распространены въ Англіи. Политическіе разговоры велись лишь въ кафе, которые служили настоящимъ органомъ общественнаго мнѣнія. Первое заведеніе такого рода, какъ сообщаетъ журналъ «Evening Standard», было открыто въ Лондонѣ въ эпоху республики какимъ-то кушомъ, который долго жилъ на востокѣ и пристрастился къ любимому напитку поклонниковъ Магомета. Возможность видѣться другъ съ другомъ въ кафе и провести тамъ вечеръ въ подходящемъ обществѣ повела къ быстрому размноженію этихъ кафе въ разныхъ кварталахъ англійской столицы. Люди средняго класса, каждый вечеръ, по окончаніи своихъ дневныхъ трудовъ, шли въ кафе, чтобы, за отсутствіемъ газетъ, услышать тамъ разныя новости и обмѣняться мнѣніями. Кафе были особенностью Лондона; не встрѣчавшейся въ то время ни въ одной изъ другихъ европейскихъ столицъ, и иностранцы, посѣщавшіе въ эту эпоху Лондонъ, замѣчаютъ, что кафе сдѣлались обычнымъ мѣстопробываніемъ всякаго лондонца. Если нужно было отыскать кого-либо въ Лондонѣ, то спрашивали не о томъ, гдѣ онъ живетъ, а о томъ, какое кафе онъ посѣщаетъ. Входъ въ тогдашніе кафе былъ открытъ для всѣхъ и всякій, кто бросалъ на прилавокъ пенни, находилъ туда доступъ. Мало-по-мало каждый классъ общества, каждая профессія, каждое политическое или религіозное теченіе облюбовали себѣ особыя мѣста для встрѣчъ единомышленниковъ. Въ кафе, расположенныхъ въ аристократическомъ западномъ концѣ города, вокругъ Сентъ — Джемскаго парка, собиралась тогдашняя золотая молодежь въ черныхъ и бѣлокурныхъ парикахъ громаднаго размѣра, въ расшитыхъ золотомъ камзолахъ, въ перчаткахъ съ бахромой и серебряными пряжками на ботинкахъ. Атмосфера въ такихъ кафе была пропитана запахомъ духовъ, не хуже магазина любого парфюмера. Здѣсь же продавали и нюхательный табакъ, истертый въ порошокъ и сильно одобренный

всякими благовоніями. Если какой-нибудь случайный посѣтитель, не знакомый съ обычаями такихъ кафе, спрашивалъ себѣ трубку, то въ отвѣтъ поднимался со всѣхъ сторонъ смѣхъ, и гарсонъ презрительно совѣтовалъ такому посѣтителю идти куда нибудь въ другое мѣсто. Идти впрочемъ ему пришлось бы не далеко, ибо, кромѣ нѣкоторыхъ аристократическихъ кафе, курить можно было вездѣ, и въ помѣщеніяхъ этихъ импровизированныхъ кафе носились дѣлая облака сизаго дыма.

Но нигдѣ не курили такъ усердно, какъ въ кафе Вилль. Это знаменитое кафе, помѣщавшееся между Ковентъ—Гарденомъ и Баустритомъ, посѣщалось специально литературнымъ міромъ. Нигдѣ нельзя было встрѣтить такой разнообразной публики: тутъ и графы, украшенные орденомъ звѣзды и Подвязки, духовныя лица, дерзкіе студенты, переводчики, составители всяческихъ указателей и т. п. публики.

Даже у пуританъ были свои кафе. Тамъ никогда не слышно было ни одного ругательства, и гладко причесанные люди, гнусая, вели бесѣды объ избраніи или отверженіи Божіемъ. Въ еврейскихъ кафе сходились темноволосые кушцы изъ Амстердама, Венеци и другихъ тогдашнихъ мировыхъ торговыхъ центровъ, собирали здѣсь нужныя для нихъ свѣдѣнія и обдѣлывали также свои финансовыя дѣла и дѣлишки. Иезуиты также собирались за чашкой кофе, обсуждая, какъ Божью кару, опустошившій Лондонъ большой пожаръ или приготовляя серебряныя пули для убійства мѣшающихъ имъ королей.

Новымъ заведеніямъ была суждена большая будущность, и теперь нѣтъ, кажется, на земномъ шарѣ уголка, гдѣ бы не было кафе.

— Англійскіе социалисты и война.—Въ парижскомъ журналѣ «Le Correspondant» находимъ небольшую статью о социалистическихъ теченіяхъ въ современной Англійи и объ отношеніи англійскихъ рабочихъ къ войнѣ. Статья, принадлежащая перу двухъ авторовъ, П. Жюда и И. де Фромана, не лишена интереса для русскаго читателя въ данную минуту, ибо представляетъ собою очень близкія параллели къ тому, что дѣлается сейчасъ у насъ на Руси.

Тотъ, кто хочетъ опредѣлить политическую и профессиональную фізіономію англійскихъ рабочихъ, говорятъ авторы статьи, рискуетъ заблудиться въ великомъ множествѣ всякихъ союзовъ, федерацій, совѣтовъ, на которые дѣлятся рабочія организаци Англійи. Англійскій законъ даетъ полную свободу союзовъ и собраній, и это обстоятельство какъ нельзя болѣе способствуетъ росту этихъ рабочихъ организацій. Однѣ изъ нихъ имѣютъ цѣлью охрану профессиональныхъ интересовъ рабочихъ, другія преслѣдуютъ политическія цѣли, хотя иногда и не легко бываетъ опредѣлить, гдѣ въ нихъ кончается политика и начинается профессиональная самозащита. Насколько распространены въ Англійи эти рабочія организаци, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ: передъ войной въ Англійи ихъ насчитывалось 1123, въ Германіи же всего 50.

Эти мелкія организаци отчасти существуютъ самостоятельно, отчасти входятъ въ другія болѣе крупныя организаци. Такихъ наиболѣе крупныхъ организацій можно выдѣлить четыре: 1) Независимая рабочая партія (Independent Labour Party). 2) Рабочая партія (Labour Party). 3) Общество Фабианцевъ (Fabian Society) и 4) Британская социалистическая партія (British Socialist Party).

Послѣдняя партія впрочемъ немногочисленна, насчитываетъ въ своемъ составѣ не болѣе двухъ десятковъ тысячъ членовъ и не имѣетъ вліянія на рабочія массы. Фабіанское общество, названное такъ по имени римскаго диктатора, Фабія Кунктатора (Медлителя), состоитъ главнымъ образомъ не изъ рабочихъ, а изъ людей интеллигентныхъ во главѣ съ извѣстнымъ драматургомъ Бернардомъ Шоу, членомъ палаты Общинъ Кейръ Гарди и членомъ палаты лордовъ графомъ Рёсселемъ. Это общество ставитъ себѣ задачей мирную пропаганду социалистическихъ идей путемъ изданія соотвѣствующихъ брошюръ, листковъ и т. п. литературы, выпускаемой обществомъ въ милліонахъ экземпляровъ по дешевой цѣнѣ. Фабіанское общество—гнѣздо научнаго социализма въ Англии и непосредственнаго общенія съ рабочими массами имѣетъ мало.

Чисто рабочими организаціями являются двѣ послѣднія организаціи Labour Party и Independent Labour Party. Послѣдняя состоитъ главнымъ образомъ изъ демагоговъ, честолюбцевъ, горячихъ головъ, утопистовъ и вообще людей, не привыкшихъ слушаться голоса жизни. Члены этой партіи горячіе защитники новаго ученія и злѣйшіе враги капитализма во всѣхъ его формахъ.

Наоборотъ, Labour Party, насчитывающая въ своихъ рядахъ наибольшее количество членовъ—около 2 милліоновъ,—состоитъ изъ трезвыхъ и практичныхъ англійскихъ рабочихъ. Социалистическая въ своей основѣ, эта партія прекрасно понимаетъ, что новое общественное устройство, безъ крайняго риска, можетъ быть осуществлено лишь съ большою постепенностью, что въ жизни ничего нельзя сдѣлать безъ уступокъ и компромиссовъ. Политику она ведетъ болѣе спокойную, здравую и въ рѣшительную минуту не отказывается поддерживать правительство всѣми имѣющимися въ его распоряженіи средствами.

Очень любопытно отношеніе обѣихъ этихъ рабочихъ партій къ войнѣ. Почти наканунѣ открытія враждебныхъ дѣйствій представители ихъ принимали участіе въ международной социалистической конференціи въ Брюсселѣ, гдѣ между прочимъ было постановлено бороться противъ нависавшей войны всѣми средствами, а въ случаѣ, если она вспыхнетъ, развить пропаганду въ пользу немедленнаго ея прекращенія.

И дѣйствительно, когда Германія объявила войну Россіи, а затѣмъ и Франціи, англійскіе рабочіе открыли дѣятельную пацифистскую агитацію. Перваго августа Британскій отдѣлъ бюро социалистовъ-интернационалистовъ выпустилъ соотвѣствующее воззваніе, подписанное Кейръ-Гарди и Гендерсономъ, тѣмъ самымъ, который нѣсколько позднѣе вступилъ въ коалиціонное министерство.

Но когда Англія примкнула къ противникамъ Германіи, въ рабочей средѣ произошелъ расколъ. Labour Party отказалась отъ борьбы противъ войны, считая, что прежняя позиція прежде всего поставила бы ее противъ правительства, чего ни одинъ здравомыслящій англичанинъ не позволитъ себѣ сдѣлать въ минуту государственной опасности, а во-вторыхъ превратила бы эту партію въ измѣнницу отечеству. Поэтому Labour Party съ самого начала войны заняла выжидательную позицію, предоставивъ своимъ членамъ полную свободу дѣйствій.

Иначе повела себя Independent Labour Party. Не спуская глазъ съ своихъ утопическихъ идеаловъ интернаціонализма и всеобщаго братства народовъ и, наоборотъ, закрывая глаза на дѣйствительность, эта фракція осталась вѣрной своимъ иллюзіямъ. Выбирая между партией и отечествомъ она предпочла первое, и ея органы маленькія газетки—Socialist-Review, Labour Leader и Daily Citizen продолжали отчаянную травлю правительства. Что бы правительство ни предпринимало,—все подвергалось въ этихъ органахъ самой безудержной критикѣ съ точки зрѣнія химерическихъ идеаловъ, которыми были полны головы ихъ руководителей.

Independent'ы доходили до того, что совершенно оправдывали германскій народъ, взваливая всю отвѣтственность только на однихъ прусскихъ юнкеровъ. Ихъ изданія пестрѣли враждебными выпадами противъ буржуазіи и увѣреніями, что настоящая война вызвана исключительно жадностью капиталистовъ, упорно закрывая глаза на то, что едва ли не треть Вильгельмовыхъ полчищъ состоитъ изъ социалистовъ, вовсе не отказывающихся ни отъ аннексій, ни отъ контрибуцій.

Когда затѣяна была социалистическая конференція въ швейцарской деревушкѣ Циммервальдѣ, Independent Labour Party отрядила туда двоихъ своихъ делегатовъ— Ф. Джоуэтта и Д. Б. Глэжера, которымъ, однако, не пришлось принять участіе въ этомъ интернаціональномъ съѣздѣ пораженцевъ, такъ какъ англійское правительство просто-на-просто воспретило выдачу имъ заграничныхъ паспортовъ.

Своими безразсудными антипатріотическими требованіями, идущими въ разрѣзъ съ жизненными интересами страны, Independent Labour Party настолько вооружило противъ себя общественное мнѣніе страны, что правительство сочло себя вынужденнымъ принять противъ членовъ этого сообщества цѣлый рядъ мѣръ. Такъ, имъ были воспрещены собранія, изданія ихъ подверглись конфискаціи, пропаганда всячески стѣснена. Въ настоящее время общество ведетъ агитацію только, такъ сказать, подпольнымъ путемъ. Несмотря на все свое уваженіе къ закону и правамъ каждаго гражданина, англичане сумѣли быстро обезвредить этихъ фантазеровъ.

Иное отношеніе къ войнѣ проявила Labour Party, насчитывающая въ своихъ рядахъ ровно половину всѣхъ рабочихъ Великобританіи.

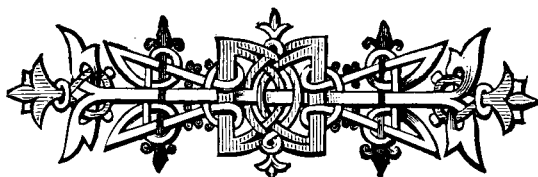
По объявленіи войны и она прошла періодъ нерѣшительности и колебаній. Но по мѣрѣ того, какъ раскрывались германскіе приемы веденія войны, интернаціолизмъ все болѣе и болѣе терялъ почву въ этой партиі и вмѣсто него выступало чувство долга и отвѣтственности передъ отечествомъ. Правительство пріобрѣтало въ лицѣ Labour Party цѣннаго сотрудника, и ни одно важное совѣщаніе не прошло безъ его участія. Партия сначала дѣятельно вела кампанію противъ введенія въ Англіи всеобщей воинской повинности, но когда она убѣдилась, что этого требуетъ государственная необходимость, Labour Party безпрекословно повиновалась новому закону.

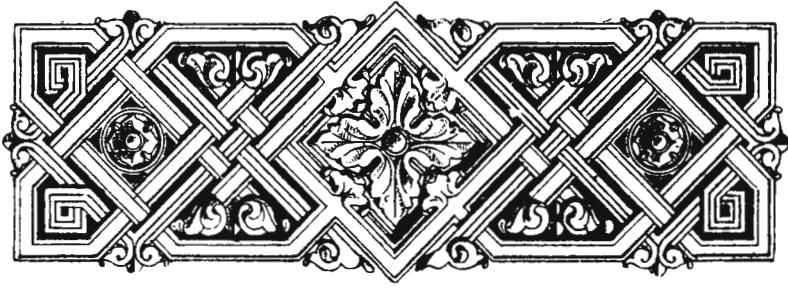
Въ цѣляхъ защиты своихъ профессиональныхъ интересовъ англійскіе рабочие дѣлятся на самые разнообразныя промысловыя союзы (trade unions). Последніе въ свою очередь группируются въ мѣстныя или областныя феде-

рации, которая и держать въ своихъ рукахъ всѣ почти связующіе рабочіе союзы.

Наиболѣе крупными изъ такихъ федерацій являются «Ежегодный Конгрессъ рабочихъ союзовъ» (Annual Congress of trade unions), собирающійся каждый годъ на два дня и имѣющій свой постоянный комитетъ, который обязанъ приводить въ исполненіе постановленія съездовъ (Parliamentary Committee). Другая ассоціація рабочихъ—это «Великобританская федерація рабочихъ союзовъ» (General Federation of Trade Unions of Great Britain). Преслѣдуя главнымъ образомъ цѣли профессиональныя, обѣ эти ассоціаціи не чужды, конечно, и политики. Позиціи ихъ въ настоящее время опредѣляется воззваніемъ, которое было выпущено недавно Исполнительнымъ комитетомъ, объединяющимъ обѣ эти организаціи Labour Party. «Главнымъ факторомъ кризиса нашей національной жизни, о которомъ не слѣдуетъ забывать ни одну минуту, —говорится въ воззваніи,—это то, что отъ результата настоящей войны будетъ зависѣть весь демократическій режимъ, который въ прошломъ уже далъ достаточно доказательствъ своего миролюбія и который въ будущемъ можетъ явиться лучшей гарантіей противъ войны».

С М Ъ С Ъ.

РУССКОМЪ государственномъ гербѣ и національномъ флагѣ.

Въ горячіе дни нашей революціи, въ первыхъ числахъ марта, наряду съ другими памятниками и портретами царизма, въ Петроградѣ подверглись жестокому гоненію и русскій государственный гербъ (двуглавый орелъ съ короной), и нашъ національный флагъ, замѣненный революціоннымъ краснымъ знаменемъ. Въ Петроградѣ гербы срывались народной толпой съ присутственныхъ мѣстъ, аптекъ, и вообще отовсюду, гдѣ только ихъ находили, и съ позоромъ уничтожались. Немало ихъ въ обезображенномъ видѣ было побросано въ Фонтанку у Аничкина моста; едва ли не большая еще часть съ злыми насмѣшками и проклятіями сожжена была публично на Невскомъ, противъ Аничкина дворца. Между тѣмъ, теперь оказывается что столь крупная расправа съ гербами и нашимъ національнымъ флагомъ была совершенно неумѣстной и даже оскорбительной для русскаго народа. Недавно, въ концѣ апрѣля Юридическое совѣщаніе при Временномъ Правительствѣ, разсмотрѣвъ вопросъ о дальнѣйшемъ употребленіи нынѣшняго изображенія государственнаго герба, признало, что двуглавый орелъ совсѣмъ не связанъ ни съ династіей Романовыхъ, ни съ какимъ либо опредѣленнымъ государственнымъ строемъ. Это видно между прочимъ и изъ того, что эмблема эта встрѣчается на монетахъ еще въ XII вѣкѣ. Поэтому съ удаленіемъ съ него титульныхъ гербовъ, а также эмблемъ монархическаго характера, вошедшихъ въ составъ герба позднѣе, двуглавый орелъ можетъ быть принятъ для пользованія, какъ гербъ свободнаго

Россійскаго государства. Окончательное установленіе изображенія государственнаго герба должно быть предоставлено Учредительному Собранію. По вопросу о національномъ флагѣ юридическое совѣщаніе признало, что бѣло-синя-красный флагъ не имѣетъ въ себѣ никакихъ династическихъ признаковъ или монархическихъ эмблемъ. Поэтому совѣщаніе не нашло препятствій къ дальнѣйшему пользованію имъ впредь до рѣшенія вопроса о русскомъ флагѣ Учредительнымъ Собраніемъ. Такимъ образомъ, самому нашему революціонному правительству приходится теперь «возстановлять въ правахъ» наши незаслуженно надруганный революціоннымъ народомъ государственный гербъ и національный флагъ.

Архивъ департамента полиціи. Русское библиологическое общество одно изъ первыхъ отозвалось на революціонныя событія послѣдняго времени. Въ послѣднемъ засѣданіи А. С. Поляковъ, принимавшій ближайшее участіе въ перевозкѣ въ Академію Наукъ архива и библиотеки бывшаго департамента полиціи, сдѣлалъ предварительное сообщеніе о найденныхъ тамъ рѣдчайшихъ и неизвѣстныхъ большей частью библиографамъ и послѣдователямъ нашего революціоннаго движенія официальныхъ изданій. Такъ, тамъ оказался составленный Мальшинскимъ «Обзоръ соціально-революціоннаго движенія въ Россіи», СПб. 1880 г., обнимающій время съ начала революціоннаго движенія до 1880 года. Затѣмъ подъ редакціей товарища министра внутреннихъ дѣлъ Шебеко было издано въ количествѣ 100 экземпляровъ на французскомъ языкѣ «Chronique du mouvement socialiste en Russie, 1878—1887». Въ 1906 г. эта работа г. Шебеко была издана извѣстнымъ московскимъ издателемъ В. М. Саблинымъ въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ «Хроника соціалистическаго движенія въ Россіи. 1878—1887. Официальный отчетъ». Свободное распространеніе это изданіе получило только въ наши дни. Интересна попытка Плеве, въ бытность его директоромъ департамента полиціи, издать обширную исторію соціально-революціоннаго движенія въ Россіи за время 1861 по 1881 гг. Исполненіе этой задачи было поручено С. С. Татищеву и кн. Н. Н. Голицыну. Осуществилось изданіе лишь 10 главы, написанной послѣднимъ на основаніи многихъ архивныхъ данныхъ. Наконецъ, въ помѣщеніи департамента полиціи обнаруженъ складъ большого количества экземпляровъ (нумерованныхъ) книгъ А. И. Спиридовича «Революціонное движеніе въ Россіи». Это очень цѣнное изданіе было, повидимому, предназначено для ознакомленія агентовъ жандармской полиціи съ существующими революціонными теченіями въ ихъ настоящемъ и прошломъ. На томъ же засѣданіи было доложено о предполагаемомъ учрежденіи въ ближайшее время всероссійской книжной палаты, куда должны войти отдѣлы регистраціи печатныхъ изданій, русскій библиографическій институтъ, международное бюро библиографіи и книжный фондъ.

Разрушеніе памятниковъ Екатерины II и Николая I. Могучій потокъ революціонной войны въ Россіи сокрушилъ на своемъ пути уже нѣсколько памятниковъ, воздвигнутыхъ у насъ въ честь прежнихъ самодержцевъ. Такъ, въ концѣ марта въ Нахечивани-на Дону толпой низвергнутъ былъ памятникъ Екатеринѣ II. «Ростовская Рѣчь» объ этомъ передаетъ слѣдующія подробности: 26 го марта въ 2 часа дня къ памятнику Екетирины II подошла громадная толпа,

среди которой было много солдатъ, и начала срывать съ пьедестала памятника надписи. Затѣмъ два человѣка взобрались на фигуру и зацѣпили ее веревкой за шею; толпа съ гикомъ и свистомъ потянула фигуру Екатерины II и свергла ее на землю. При паденіи монумента была разрушена съ правой стороны рѣшетка, окружающая памятникъ. О событіи было дано знать ростовскому градоначальнику В. Ф. Зеелеру и начальнику полиціи П. П. Калмыкову. Явившись на мѣсто происшествія, градоначальникъ и начальникъ полиціи распорядились убрать фигуру въ 6-й полицейскій участокъ и поставили около пьедестала охрану. Толпа, свалившая памятникъ, кричала: «Не мѣсто здѣсь стоять закабалительницѣ крестьянъ, тутъ должна быть воздвигнута статуя свободы. Перелить эту фигуру на снаряды». Памятникъ былъ воздвигнутъ на суммы, пожертвованныя армянами и на городскія средства. Обошелся онъ въ 35.000 руб. Фигура вѣситъ 59 пудовъ. Вылита она изъ бронзы.

Въ апрѣлѣ, въ Екатеринославѣ по распоряженію мѣстнаго исполнительнаго комитета снять тамошній памятникъ Екатерины II. Фигуру съ памятника предполагалось помѣстить въ областной музей, но населеніе и солдаты воспротивились этому и потребовали отправки ея на Брянскій заводъ для переливки въ снаряды. Требованіе это было исполнено. Въ томъ же апрѣлѣ, въ селѣ Медвѣдь, Новгородской губерніи, солдаты маршевыхъ ротъ разрушили памятникъ Николаю I, возмущившись надписью: «Нашему высокому попечителю». На мѣстѣ памятника водруженъ былъ красный флагъ. Недавно было даже покушеніе и на памятникъ Петра I—«Мѣднаго всадника» въ Петроградѣ, со стороны юныхъ революціонеровъ... Нельзя не пожалѣть (на что, впрочемъ, уже обращено надлежащее вниманіе власти), что при такомъ отношеніи къ памятникамъ, теперь представляющимъ уже почти исключительно историческій, а не злободневный политическій интересъ, нерѣдко гибнуть цѣнныя произведенія искусства, дорогія для исторіи человѣческой культуры.

Сохраненіе предметовъ царскихъ поѣздовъ. Особое совѣщаніе по дѣламъ искусства при комисарѣ по дѣламъ бывшаго министерства двора обратилось къ министру путей сообщенія съ ходатайствомъ сохранить часть предметовъ, находящихся въ бывшихъ царскихъ поѣздахъ, такъ какъ возникновеніе этихъ поѣздовъ относится къ срединѣ прошлаго столѣтія и многія вещи имѣютъ историческое значеніе, характеризующее эпоху.

35-лѣтіе учено-литературной дѣятельности И. А. Шляпкина. 23-го апрѣля исполнился 35-лѣтній юбилей учено-литературной дѣятельности профессора Ильи Александровича Шляпкина. Почтенный юбиляръ много потрудился въ области исторіи древне-русской письменности, археологіи и этнографіи. Перу его принадлежитъ рядъ крупныхъ трудовъ: «Св. Дмитрій Ростовскій», «Царевна Наталья Алексѣевна и театръ ея времени», «Сказка о Ершѣ Ершовичѣ», «Новгородскіе кресты», «Моленіе Даніила Заточника», «Изъ бумагъ Пушкина», редація «Полюн. собр. сочин. А. С. Грибоѣдова» и мн. др. Общій перечень статей, изслѣдованій и изданій насчитываетъ свыше 150 номеровъ. Характерная черта всѣхъ работъ И. А. является детальное, кропотливое, монографическое изслѣдованіе. Громадная эрудиція, библиофильство и коллекционерство,—вотъ стороны его научнаго характера. Долголѣтнее преподаваніе въ

петроградскомъ университетѣ, на высшихъ женскихъ курсахъ, въ женскомъ педагогическомъ институтѣ создали И. А. широкую извѣстность.

Освободительный памятникъ М. В. Родзянко въ Екатеринославѣ. Какъ сообщил телеграфъ 3-го марта, Екатеринославская городская дума въ экстренномъ засѣданіи постановила, празднуя паденіе самодержавія на Руси, поставить въ думскомъ залѣ мраморную фигуру председателя Государственной Думы М. В. Родзянко, помѣстить въ маломъ залѣ думы его портретъ, соорудить въ городѣ памятникъ освобожденія съ фигурой М. В. Родзянко въ центрѣ и назвать городскую площадь именемъ Родзянко.

Памятникъ героямъ-борцамъ. Временное Правительство постановило: 1) воздвигнуть въ Петроградѣ на средства государства памятникъ всѣмъ героямъ-борцамъ за свободу Россіи, павшимъ жертвою въ этой борьбѣ. 2) Немедленно разработать и объявить условія всероссійскаго конкурса на создание проекта такого памятника.

Неудобная историческая надпись. Председатель особаго совѣщанія по дѣламъ искусства М. Горькій обратился къ городскому головѣ Ю. Н. Глѣбову съ письмомъ, въ которомъ указываетъ, что особое совѣщаніе по дѣламъ искусствъ при комиссарѣ министерства двора, освѣдомившись о томъ, что на воротахъ Московской заставы помѣщена надпись, оскорбляющая чувства поляковъ, постановило обратить вниманіе городского общественнаго управленія на этотъ фактъ и замѣнить надпись другой, съ указаніемъ на заслуги въ дѣлѣ революціи солдатъ и рабочихъ. Нынѣшняя надпись на московскихъ триумфальныхъ воротахъ гласитъ: «Побѣдоноснымъ россійскимъ войскамъ въ память подвиговъ въ Персіи, Турціи и при усмиреніи Польши». Особое совѣщаніе по дѣламъ искусствъ предлагаетъ городскому головѣ предварительнo сдѣлать съ нынѣшней надписи на триумфальныхъ воротахъ фотографическій снимокъ. Общее присутствіе городской управы, обсудивъ предложеніе особаго совѣщанія по дѣламъ искусствъ, постановило предложить особому совѣщанію составить текстъ болѣе соответствующей надписи.

Документы о польскомъ возстаніи. Завѣдывающій хозяйствомъ московскаго градоначальства инж. В. В. Павлиновъ нашелъ въ подвалахъ одного изъ полицейскихъ участковъ эвакуированный изъ Варшавы и въ большомъ секретѣ хранившійся въ Москвѣ, имѣющій высокую историческую цѣнность, архивъ документовъ о польскомъ возстаніи. Всего найдено было 200 пуд. печатнаго и рукописнаго текста. Г. Павлиновъ сообщилъ о находкѣ бюро по разборкѣ дѣлъ московскаго охраннаго отдѣленія при Историческомъ музеѣ, которое немедленно командировало одного изъ своихъ членовъ на мѣсто храненія документовъ. По словамъ «Утра Россіи», (отъ 18 апрѣля) въ обнаруженныхъ бумагахъ имѣется много неизвѣстныхъ изслѣдователямъ документовъ, характеризующихъ личность и дѣятельность Муравьева.

Архивъ «Народной Воли». Недавно г. Бурцева посѣтилъ шлисельбуржецъ Н. А. Морозовъ, которому Бурцевъ показалъ переданный ему М. А. Суворинымъ архивъ партіи «Народной Воли». Морозовъ призналъ, что это тотъ самый архивъ, который онъ въ 1880 году передалъ В. Р. Зотову, а тотъ незадолго до смерти А. С. Суворину. Бурцевъ показалъ сотруднику одной изъ столическихъ газетъ, май—іюнь 1917 г., т. с.хлвн.

ныхъ газетъ эти драгоценныя реликвиі, которыя хранятся въ особой папкѣ. Въ архивѣ находятся документы о дѣятельности партіи «Народной Воли», имѣющіе большое историческое значеніе. Такъ, въ этомъ архивѣ находится переписка исполнительнаго комитета «Народной Воли» съ Гартманомъ, американцами и т. д. Эти подлинныя тексты до сихъ поръ еще не были опубликованы. Значительный интересъ представляютъ записки Клѣточникова, сообщавшаго исполнительному комитету о дѣятельности и планахъ тогдашней охранки. Кромѣ того, въ архивѣ находятся печати, папки, бланки для паспортовъ, шифры, разнаго рода рисунки, стихи, бланки исполнительнаго комитета и т. д. Весь архивъ находится въ сохранности. Поразительно, что бумага даже не пожелтѣла отъ времени. Бурцевъ теперь занятъ изученіемъ этого архива. Въ скоромъ времени онъ предполагаетъ обратиться къ старымъ народолюбцамъ, чтобы совмѣстно съ ними обсудить вопросъ о томъ, какъ использовать и куда отдать на сохраненіе эти драгоценнѣйшія реликвиі русской революціи.

Память борцовъ за свободу. 14-го апрѣля въ газетахъ появилось слѣдующее воззваніе: «Граждане! Для того, чтобы разумно пользоваться прекрасными дарами политической свободы, необходимо знать исторію борьбы за свободу и чтить ея героевъ. Это знаніе поможетъ намъ глубоко прочувствовать и правильно оцѣнить великій смыслъ завершившаго эту борьбу переворота. Только знаніе поставитъ насъ крѣпко на путь дальнѣйшихъ завоеваній свободы и права на путь возрожденія русской души. Мы разрушили внѣшнія формы этого строя, но не будемъ забывать, что нами унаслѣдованы отъ него и навыки и мысли и приемы отношеній къ ближнему. Для новаго строя необходимы новыя люди. Мы особенно много должны посвятить труда и времени воспитанію юношества въ духѣ свободы и справедливости. На чемъ же можно лучше всего воспитать гражданское мужество, что наиболее быстро можетъ возбудить въ человѣкѣ необходимый для жизни социальный идеализмъ? Граждане! Въ нашемъ темномъ и печальномъ прошломъ ярко сияютъ великіе примѣры гражданской доблести, эти примѣры даны для насъ борцами за свободу Россіи. Граждане! Мы призываемъ васъ на помощь великому дѣлу духовнаго возрожденія нашей страны. Необходимо немедленно приняться за созданіе дома-музея въ память борцовъ за нашу свободу, въ которомъ русскій гражданинъ могъ бы знакомиться съ исторіей нашего возрожденія и съ жизнью нашихъ героевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что польскій музей имени Костюшко въ Швейцаріи поддерживалъ въ трудныя дни духъ свободолюбивыхъ поляковъ точно также, какъ французы учатся любить свою свободу въ музеѣ Великой Революціи. Въ домѣ-музеѣ, который мы предполагаемъ создать, должны быть собраны всѣ документы по исторіи борьбы за свободу: портреты, вещи и біографіи нашихъ великихъ гражданъ, литература, посвященная исторіи революціоннаго движенія и, вообще, все, что можетъ имѣть социально-воспитательное значеніе для русскихъ гражданъ. Въ этомъ музеѣ должны быть обширныя залы для лекцій, читальни, гдѣ юношество и всѣ желающіе могли бы найти все нужное имъ для ознакомленія съ исторіей общественнаго и политическаго движенія страны, и гдѣ ученые, грядущей демократіи, пользуясь опытомъ прошлаго, находили бы руководящія идеи для освѣщенія путей будущаго. Вотъ наша задача и мы вѣримъ, что

всѣ, кому дорого будущее Россіи, помогутъ намъ осуществить эту задачу. К. К. Арсеньевъ, И. А. Бунинъ, В. В. Вересаевъ, М. М. Винаверъ, И. Я. Гинцбургъ, М. А. Горькій, С. М. Дубновъ, Н. И. Карѣевъ, А. Ф. Керенскій, А. А. Кизеветтеръ, Н. М. Кишкинъ, В. П. Кранихфельдъ, В. Г. Короленко, Г. Я. Львовъ, С. П. Мельгуновъ, В. А. Мякотинъ, Н. Д. Овсяннико-Куликовскій, С. Н. Прокоповичъ, А. В. Пѣшехоновъ, Н. Н. Сакулинъ, В. И. Срезневскій, А. А. Шахматовъ, Г. Г. Церетели, Н. С. Чхеидзе. Свое участіе и содѣйствіе этому дѣлу обѣщали: Е. К. Врешко-Врешковская, В. И. Засуличъ, Г. А. Лопатинъ, Г. Д. Лукашевичъ, Н. А. Морозовъ, М. Н. Новорусскій, Г. В. Плехановъ, В. Н. Фигнеръ, Н. Н. Чайковскій. Въ ближайшемъ будущемъ будетъ создано учредительное собраніе общества содѣйствія созданію организаци Дома-Музея памяти борцовъ за свободу. Во временное исполнительное бюро въ Петроградѣ выбраны слѣдующія лица: М. А. Горькій, Т. А. Богдановичъ, Л. П. Купріянова, В. Р. Шахъ.

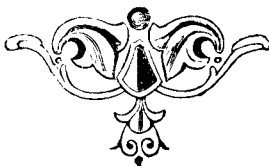
Союзъ россійскихъ архивныхъ дѣятелей. Неудовлетворительное положеніе архивнаго дѣла въ Россіи въ смыслѣ охраны архивныхъ богатствъ ихъ научной разработкѣ давно уже вызывало среди архивныхъ дѣятелей попытки объединиться и *unitis viribus* поднять русское архивное дѣло и русскую архивную науку на ту высоту, на которой они стоятъ въ Европѣ. Это стремленіе нашло свое выраженіе въ возникшемъ недавно «Союзѣ россійскихъ архивныхъ дѣятелей».

Союзъ возникъ въ первые дни революціи, когда сожженіе и расхищеніе цѣнныхъ архивовъ въ Петроградѣ, слухи о томъ же изъ провинціи возбудили серьезное опасеніе за цѣлость и сохранность скопленнаго въ Россіи архивнаго богатства не только у архивистовъ-профессіоналовъ, на обязанности которыхъ лежала охрана архивовъ по должности, но и у всѣхъ, кому дорого архивное дѣло родины. Движимые этими опасеніями, петроградскіе архивные дѣятели 12-го марта, по инициативѣ А. И. Лебедева, составили собраніе подъ предсѣдательствомъ профессора-академика А. С. Лаппо-Данилевскаго и рѣшили объединиться въ союзъ въ цѣляхъ прежде всего охраны историческихъ документовъ отъ случайностей переживаемаго времени, а затѣмъ и для разработкѣ архивнаго дѣла. Въ апрѣлѣ былъ выработанъ уставъ союза, получивъ утвержденіе явочнымъ способомъ отъ министра народнаго просвѣщенія. Временное правительство отнеслось очень сочувственно къ новому ученому учрежденію, и его взяло въ свое вѣдѣніе министерство народнаго просвѣщенія. Также сочувственно отнеслась къ Союзу и Россійская Академія Наукъ, оказавшая ему денежную помощь на первоначальные неизбѣжные расходы. Въ уставѣ цѣль союза опредѣляется такъ: а) объединеніе архивныхъ дѣятелей въ общихъ принципахъ и методахъ работы; б) забота о правильной постановкѣ архивнаго дѣла въ Россіи; в) охрана документовъ и всякихъ архивныхъ матеріаловъ; г) защита профессиональныхъ интересовъ архивныхъ дѣятелей; д) изданіе трудовъ по архивовѣдѣнію, по описанію архивовъ, руководствъ по устройству и управленію архивами и всякаго рода иныхъ сочиненій, соотвѣтствующихъ цѣлямъ Союза. Союзъ состоитъ изъ почетныхъ, дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ. Почетные и дѣйствительные члены избираются тайной балло-

тировкой и дѣлають ежегодный взносъ въ 5 руб., члены сотрудники отъ взноса освобождаются. Дѣлами Союза завѣдуетъ совѣтъ, въ составъ котораго на первое трехлѣтіе избраны: академикъ А. С. Лаппо-Данилевскій (предсѣдатель), А. И. Лебедевъ (секретарь), А. С. Николаевъ (казначей), кн. Н. В. Голицынъ, Я. Л. Барсковъ, В. Г. Дружининъ, Б. Л. Модзолевскій, Д. П. Струковъ, Н. М. Мурзановъ, а кандидатами къ нимъ: К. Я. Здравомысловъ, С. А. Розановъ, и А. Блиновъ.

Союзъ встрѣтилъ большое сочувствіе въ ученomъ мѣрѣ и среди архивныхъ дѣятелей: въ него вступило уже значительное число профессоровъ и видныхъ ученыхъ, постоянно получаютъ заявленія о желаніи вступить въ число членовъ изъ столичныхъ городовъ и изъ провинціи, при чемъ вступаютъ не только отдѣльныя лица, но и цѣлыя корпораціи (напримѣръ губернскія архивныя комиссіи).

Несмотря на кратковременность своего существованія, Союзъ русскіихъ архивистовъ успѣлъ уже заявить о себѣ энергичной дѣятельностью: членами осмотрѣны и зарегистрированы сохранившіяся въ Петроградѣ архивы полицейскихъ и тюремныхъ учреждений, собраны свѣдѣнія объ архивахъ, упраздняемыхъ при новомъ порядкѣ учреждений и выработаны мѣры къ ихъ охранѣ, напечатано воззваніе къ архивнымъ дѣтелямъ, собираются матеріалы для «Справочника объ архивахъ въ Россіи», предположено изданіе извѣстій «Союза русскіихъ архивныхъ дѣтелей», поднятъ вопросъ о реорганизаціи губернскихъ архивныхъ комиссій, для чего организуется междувѣдомственное совѣщаніе, вмѣстѣ съ тѣмъ Союзъ дѣтельно готовится къ всероссійскому съѣзду архивистовъ, что можетъ быть удастся выполнить въ недалекомъ будущемъ.

НЕКРОЛОГИ.

БАТУЕВЪ, Н. А. 23-го апрѣля въ Одессѣ похоронили извѣстнаго ученаго, профессора анатоміи Николая Александровича Батуева, автора научныхъ работъ по медицинѣ. Покойный родился въ 1855 г. Получивъ образованіе въ Уфѣ, онъ поступилъ въ медико-хирургическую академію, которую и окончилъ въ 1879 г. Научно-врачебную свою дѣятельность началъ при академической хирургической клиникѣ профессора С. П. Коломнина. Въ 1887 г., защитивъ диссертацию объ анатоміи клѣтки мочевого пузыря, получилъ степень доктора медицины. Съ 1897 г. по 1900 состоялъ профессоромъ анатоміи въ Петроградскомъ женскомъ медицинскомъ институтѣ, откуда перешелъ ординарнымъ профессоромъ на ту-же кафедру въ Новороссійскій университетъ. Покойный пользовался большою популярностью среди студентовъ. Ученые труды его цѣнились специалистами и медицинской прессою. Скончался онъ отъ, такъ-называемаго, злокачественнаго нарастающаго малокровія. (Некрологъ его: «Одесскій Листокъ», 1917 г. № 108)

† **Бухъ, Л. К.** Скончавшійся 2-го апрѣля Левъ Константиновичъ Бухъ былъ довольно извѣстнымъ публицистомъ и писателемъ по экономическимъ вопросамъ. Родился онъ въ 1847 г., слушалъ лекціи въ петербургскомъ и московскомъ университетахъ, но не окончилъ курса. Состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при самарскомъ губернаторѣ, а впоследствии чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ финансовъ. Былъ въ свое время, въ 1879 г., какъ народоволецъ, въ заключеніи, затѣмъ довольно долгій срокъ, около 5 лѣтъ, прожилъ за границей. въ Парижѣ, гдѣ писалъ между, прочимъ, въ «Вѣстникѣ народной воли». По возвращеніи въ Россію довольно много писалъ въ «Вѣстникѣ Европы», «Народномъ Хозяйствѣ», «Сынѣ Отечества». Кромѣ журнальныхъ и газетныхъ статей, выступалъ и съ болѣе крупными изслѣдованіями по экономическимъ вопросамъ. Главной его работой является

книга «Основные элементы политической экономии». Разсматривая иногда довольно оригинально и самостоятельно указанные проблемы, в особенности теорию ценности и стоимости, Бухъ подвергалъ довольно энергичной критикѣ соответственныя положенія К. Маркса, почему книга Буха и вызвала въ свое время особое одобреніе Э. Бернштейна. Кромѣ этого, главнаго своего труда, Л. К. написалъ еще двѣ популярныя брошюры: «Земля—народу. Къ вопросу о социализации земли» (Спб. 1905) и «О государственныхъ финансахъ» (Спб. 1906). Выпустилъ онъ также и небольшой популярный «Курсъ политической экономии», кратко намѣчавшій нѣкоторые основные элементы экономической теоріи. (Некрологъ его: «День» 1917, № 27; «Дѣло Народа», № 17).

† **Гольстейнъ, В. А.** Въ началѣ февраля скончался въ Парижѣ, въ возрастѣ 70-ти лѣтъ, одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ эмигрантовъ, Владиміръ Августовичъ Гольстейнъ. Это—одинъ изъ послѣднихъ «бакунистовъ», принадлежавшихъ къ числу непосредственныхъ учениковъ Бакунина. Но уже въ началѣ 80-хъ гг. Гольстейнъ освободился отъ анархическихъ идей и всецѣло сталъ послѣдователемъ М. П. Драгоманова, сотрудниками и помощниками котораго по «Вольному Слову» явились онъ и его жена, Александра Васильевна пріобрѣтшая извѣстность какъ переводчица (ей принадлежитъ между прочимъ русскій переводъ «*Matière et méthode*» Бергсона). Позднѣе супруги Гольстейнъ стали опредѣленными «либералами» и въ качествѣ таковыхъ въ свое время совершенно отдѣлились отъ прочей русской эмигрантской среды, продолжавшей держаться социалистическихъ взглядовъ. Это внутреннее отчужденіе отъ остальной эмиграціи отчасти, быть можетъ, содѣйствовало тому, что супруги Гольстейнъ цѣликомъ вошли во французскую жизнь и съ нею вполне сроднились. В. А. по специальности медикъ, сталъ при этомъ въ качествѣ сотрудника французскихъ медицинскихъ изданій («*Semaine médicale*» и др.) дѣятельнымъ посредникомъ между французской и русской медицинской прессой и литературой. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1917 г. № 80)

† **Ефронъ, И. А.** 19-го апрѣля, въ 5 час. дня послѣ тяжелой болѣзни скончался извѣстный издатель Илья Абрамовичъ Ефронъ, 70-ти лѣтъ. Покойный основалъ совмѣстно съ фирмой Брокгаузъ издательскую фирму «Брокгаузъ-Ефронъ» и издалъ «Энциклопедическій словарь», «Новый энциклопедическій словарь» (еще не законченный), «Малый энциклопедическій словарь», «Библиотеку великихъ писателей», «Библиотеку естествознанія», «Исторію Европы по эпохамъ и странамъ», «Общую исторію европейской культуры», «Еврейскую энциклопедію», «Энциклопедію практической медицины» и много другихъ цѣнныхъ книгъ. Въ лицѣ И. А. русское издательство утратило одну изъ крупнѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ фигуръ. Оригинальность эта обуславливалась тѣмъ, что издателемъ покойный сталъ случайно и поздно, когда ему было уже за 40 лѣтъ, когда всѣ его навыки и подходы къ «дѣламъ» сложились и надо было ихъ только примѣнить къ новой области. Въ міръ издательства онъ пришелъ изъ міра крупныхъ промышленныхъ и желѣзнодорожныхъ предпріятій и это-то сообщило его новымъ предпріятіямъ тотъ широкій размахъ, который до него былъ чуждъ русскому издательскому дѣлу, обыкновенно сводившемуся къ расхо-

дованію на выпускъ той или другой книги 2—3 тысячъ. И. А. получилъ скромное образованіе въ ломжинской гимназіи. Но онъ всю жизнь страстно читалъ на 5 языкахъ—русскомъ, польскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, древне-еврейскомъ. Читенію этотъ дѣловой человѣкъ посвящалъ долгіе часы, а послѣдніе годы, когда его подкосила болѣзнь и цѣлые дни. (Некрологъ его: «Рѣчь» 1917 г., № 91 и 98).

† **Забудскій, Н. А.** Павшій въ концѣ февраля жертвой революціи заслуженный профессоръ и почетный членъ конференціи Михайловской артиллерійской академіи генераль-лейтенантъ Николай Александровичъ Забудскій пользовался обширной извѣстностью, какъ выдающійся знатокъ артиллерійскаго дѣла. Московскій университетъ удостоилъ его степени доктора прикладной механики, Парижская академія избрала его своимъ членомъ-корреспондентомъ. Покойный, по окончаніи Михайловской артиллерійской академіи, былъ оставленъ при ней въ качествѣ репетитора, затѣмъ отправленъ за границу для усовершенствованія въ математическихъ наукахъ. Онъ слушалъ, между прочимъ лекціи въ Сорбоннѣ въ Парижѣ, а также въ Петроградскомъ университетѣ. Послѣ защиты диссертациі былъ утвержденъ штатнымъ преподавателемъ академіи, затѣмъ занялъ кафедру баллистики. Его курсы «Вышняя баллистика» и «Теорія вѣроятностей и примѣненія ея къ стрѣльбѣ и пристрѣлкѣ» были отмѣнены преміей генерала Дядина. Ему принадлежитъ множество работъ по баллистикѣ, изъ которыхъ нѣсколько переведено на французскій языкъ. Изъ этихъ работъ сочиненіе «Рѣшеніе задачъ навѣсной стрѣльбы и объ углѣ наибольшей дальности» также удостоено преміи генерала Дядина. Помимо лекцій, Н. А. принималъ дѣятельное участіе въ артиллерійскомъ комитетѣ, въ особенности при разрѣшеніи вопросовъ, относящихся до усовершенствованія и разработки матеріальной части нашей артилеріи. Скончался онъ 64 лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1917 г., № 14748)

† **Зерновъ, Д. Н.** 12-го марта скончался заслуженный профессоръ Московскаго университета, извѣстный ученый, анатомъ Дмитрій Николаевичъ Зерновъ. Покойный родился въ 1843 году. Окончивъ среднюю школу, онъ поступилъ въ Московскій Университетъ на естественное отдѣленіе, которое окончилъ въ 1865 году. Оставленный при Университетѣ, онъ отправился для усовершенствованія въ наукахъ за границу, гдѣ пробылъ около двухъ лѣтъ. Вернувшись въ Москву, покойный защитилъ диссертацию и былъ зачисленъ сперва приватъ-доцентомъ, а затѣмъ профессоромъ Московскаго Университета. Въ 90 годахъ онъ нѣсколько лѣтъ занималъ постъ ректора Московскаго Университета. Много труда положилъ покойный и на общественную дѣятельность, состоя въ теченіе цѣлага ряда лѣтъ председателемъ физико-медицинскаго общества. За свои научные труды былъ избранъ почетнымъ членомъ Московскаго, Юрьевскаго и Саратовскаго университетовъ. Перу покойнаго принадлежитъ множество цѣнныхъ трудовъ: «Индивидуальные типы мозговыхъ извилинъ у человѣка», «Руководство анатоміи нервной системы человѣка» и «Руководство описательной анатоміи человѣка» и др. Послѣднее сочиненіе выдержало нѣсколько изданій и отмѣчено петроградской Военно-Медицинской академіей присужденіемъ покойному преміи имени академика Загорскаго. Д. Н.—сынъ

профессора Московскаго университета,—математика. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1917 г., № 52, «Новое Время», 1917 г., № 14729).

† **Зиновьевъ, Н. А.** 28-го марта скончался членъ Государственнаго Совѣта Николай Алексѣевичъ Зиновьевъ. Покойный, сынъ профессора Демидовскаго лицея и братъ недавно скончавшагося дипломата, родился 17-го сентября 1839 года въ Ярославлѣ и послѣ домашней подготовки подѣ руководствомъ отца, учился въ Лазаревскомъ Институтѣ восточныхъ языковъ, а потомъ слушалъ лекціи въ Константиновскомъ межевомъ Институтѣ. Съ 1864 года дѣятельность Н. А. была перенесена въ сѣверо-западный край, по администраціи. Впослѣдствіи онъ занималъ губернаторскіе посты въ Сувалкахъ, Тулѣ и др. Послѣдніи шестнадцать лѣтъ своей жизни покойный провелъ на службѣ въ центральныхъ учрежденіяхъ: онъ былъ директоромъ хозяйственнаго департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, товарищемъ министра, сенаторомъ и членомъ Государственнаго Совѣта (съ 1904 г.) Продолжительный служебный опытъ далъ возможность Н. А. изложить свои практическіе взгляды на внутреннія дѣла Россіи въ пяти книжкахъ подѣ общимъ заглавіемъ: «На современныя темы». (Спб. 1904—1909 гг.) (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1917 г. № 68)

† **Кернигъ, В. М.** 22-го апрѣля въ Петроградѣ, на Смоленскомъ кладбищѣ предали землѣ останки скончавшагося въ Петроградѣ извѣстнаго терапевта В. М. Кернига. Покойный, по окончаніи медицинскаго факультета Юрьевскаго университета, поселился въ Петроградѣ, гдѣ и протекла вся его врачебная дѣятельность. Онъ пользовался славой одного изъ лучшихъ діагностовъ и въ теченіе ряда десятковъ лѣтъ занималъ заслуженно почетное мѣсто въ медицинскомъ мірѣ. В. М. имѣлъ обширную практику, къ нему прѣзжали за совѣтами изъ провинціи, приемы его затягивались до поздней ночи. Покойный В. М. скончался 76 лѣтъ отъ роду. Несмотря на преклонный возрастъ, онъ почти до послѣднихъ дней жизни продолжалъ свою врачебную дѣятельность, принималъ больныхъ у себя на дому, участвовалъ часто въ консилиумахъ и состоялъ консультантомъ многихъ лечебныхъ учреждений. Покойный пользовался также извѣстностью, какъ ученый. Его перу принадлежить рядъ изслѣдованій по терапείи: «Объ одномъ малоизвѣстномъ признакѣ воспаленія мягкой мозговой оболочки», «Къ выстукиванію желудка», «Къ ученію объ опущеніи печени» и др. Труды покойнаго печатались въ русскихъ и иностранныхъ медицинскихъ періодическихъ изданіяхъ. Его именемъ названъ открытый имъ важный симптомъ менингита («симптомъ Кернига»). В. М. Кернигъ состоялъ съ 1871 до 1886 г. преподавателемъ внутреннихъ болѣзней на женскихъ врачебныхъ курсахъ. Скончался В. М. отъ припадка грудной жабы. (Некрологъ его «Рѣчь», 1917 г., № 94)

† **Клокачевъ, П. Н.** По полученнымъ 3-го апрѣля свѣдѣніямъ, на румынскомъ фронтѣ скончался скоропостижно заслуженный профессоръ Николаевской инженерной академіи генераль-лейтенантъ Петръ Николаевичъ Клокачевъ. Покойный былъ однимъ изъ рѣдкихъ знатоковъ фортификаціи, курсъ которой онъ читалъ въ Николаевской инженерной академіи въ теченіе 20 лѣтъ. Ему принадлежить множество цѣнныхъ работъ по инженерному и прѣпостному

дѣлу. Изъ нихъ выдѣляются его крупныя работы: «Постоянная атака современной сухопутной крѣпости» и «Атака и оборона крѣпостей». Во время войны покойный отправился на театр военныхъ дѣйствій и участвовалъ сперва въ укрѣпленіи позицій сѣвернаго фронта, затѣмъ находился въ составѣ дѣйствующей арміи на румынскомъ фронтѣ. Скончался онъ 53 лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1917 г., N 14748).

† **Клоссовскій, А. В.** Въ ночь на 31-ое марта въ Петроградѣ скончался на 71-мъ году жизни извѣстный метеорологъ, докторъ физической географіи, заслуженный профессоръ Александръ Викентьевичъ Клоссовскій. Подъ руководствомъ А. В. построена большая метеорологическая обсерваторія Новороссійскаго университета. Покойный читалъ лекціи въ Новороссійскомъ университетѣ, а затѣмъ перенесъ свою ученую дѣятельность въ Петроградъ, гдѣ читалъ лекціи въ университетѣ, на высшихъ женскихъ курсахъ и въ психоневрологическомъ институтѣ. Покойнымъ написано много цѣнныхъ трудовъ, въ томъ числѣ: «Грозы въ Россіи», «Основы метеорологіи» и др. (Некрологъ его: «Русская Воля», 1917 г., № 47. «Одесскія Новости», № 10386).

† **Комаровъ, Н. П.** 14-го апрѣля скончался бывший преподаватель Московской духовной семинаріи Николай Павловичъ Комаровъ. Покойный родился въ 1844 году, въ Костромской губерніи, и, послѣ воспитанія въ мѣстной семинаріи, поступилъ въ Московскую Духовную Академію. По окончаніи академическаго курса въ 1868 году со степенью магистра богословія, онъ съ 1872 года состоялъ въ Московской семинаріи преподавателемъ философскихъ наукъ до 21-го сентября 1895 года, когда вышелъ въ отставку. Ему принадлежала магистерская диссертация «Апостольскій соборъ въ Иерусалимѣ» («Православное Обозрѣніе» 1872 г., кн. 6—9). Кроме того, онъ долгое время былъ редакторомъ журнала «Православный Благовѣстникъ». (Некрологъ его «Московскія Вѣдомости», 1917 г., № 77).

† **Кротковъ А. С.** 25-го апрѣля 1917 года скончался отъ склерознаго порока сердца генералъ лейтенантъ въ отставкѣ Аполлонъ Семеновичъ Кротковъ. Опредѣленный въ Морское училище 14-го сентября 1864 года, онъ, Кротковъ, былъ произведенъ въ гардемарины 17-го апрѣля 1868 года и, какъ окончившій изъ первыхъ, получилъ премію въ 250 рублей. По окончаніи Михайловской артиллерійской академіи по 1 разряду въ 1873 году, онъ былъ слушателемъ Миннаго офицерскаго класса въ 1876 году. Назрѣвавшія событія на Ближнемъ Востокѣ застали его старшимъ артиллерійскимъ офицеромъ на пароходѣ «Веста», а 11-го іюля 1877 года онъ участвовалъ въ бою съ турецкимъ броненосцемъ Фехти-Булень. Вслѣдствіе ранъ и контузій въ голову, руки и ноги, съ поврежденіемъ барабанной перепонки, ему разрѣшено носить во всѣхъ случаяхъ фуражку. За оказанное въ бою отличіе ему назначена пожизненная пенсія изъ оклада 630 руб., въ годъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пенсія по 241 р. 45 коп. изъ Комитета о раненныхъ, подъ покровительствомъ котораго онъ состоялъ какъ раненый 2 класса. Въ теченіе своей службы по морскому вѣдомству Кротковъ находился въ плаваніи на фрегатѣ «Громобой», корветѣ «Баянъ», лодкѣ «Прибой», батареѣ «Первенецъ», фрегатѣ «Дмитрій Донской», корветѣ «Память Меркурія», батареѣ «Нетронъ Меня», клиперѣ «Алмазъ»,

фрегатъ «Генераль-Адмираль», броненосной лодкѣ «Чародѣйкъ», канонирской лодкѣ «Манджуръ», броненосныхъ лодкахъ «Смерчъ» и «Русалка», пароходъ-фрегатъ «Олафъ» и фрегатъ «Адмираль-Грейгъ». Въ 1878 году назначенъ членомъ артиллерійскаго отдѣленія Морскаго технического комитета и завѣдывающимъ артиллерійскимъ офицерскимъ классомъ въ Кронштадтѣ. Съ 1884 года завѣдывалъ обученіемъ офицеровъ и гальванеровъ артиллерійской команды, съ оставленіемъ въ должности. Въ 1888 году назначенъ и. д. Главнаго Артиллерійста въ Кронштадскомъ портѣ. Въ 1897 году назначенъ и. д. Главнаго Инспектора Морской Артиллеріи и утвержденъ въ этой послѣдней должности въ 1904 году. Уволенъ отъ службы по болѣзни въ 1905 году, 14-го ноября.

Въ теченіе всей своей службы А. С. Кротковъ помѣстилъ въ «Морскомъ Сборникѣ» рядъ историческихъ очерковъ по флоту. Изъ капитальныхъ его трудовъ, вышедшихъ отдѣльными изданіями, необходимо назвать: «Взятіе шведской крѣпости Нотебургъ на Ладожскомъ озерѣ Петромъ Великимъ въ 1702 году», «Повседневная записка замѣчательныхъ событій въ русскомъ флотѣ», «Начало Морскаго Кадетскаго корпуса», «Краткій историческій очеркъ Морскаго кадетскаго корпуса», «Морская Артиллерія» Поейнъ,—переводъ съ французскаго языка. Послѣдняя его работа «Столѣтіе Гвардейскаго экипажа» не была имъ закончена по болѣзненному состоянію. А. С. въ теченіе 30 лѣтъ собиралъ книги, относящіяся къ русскому флоту. Небольшая, но собранная съ любовью къ дѣлу, библіотека представляется для историка цѣннымъ и весьма могучимъ матеріаломъ. Послѣ потери единственнаго сына, которому покойный предполагалъ оставить свою библіотеку и нѣсколько помѣщенныхъ имъ работъ съ соотвѣтствующимъ матеріаломъ, Кротковъ еще при жизни своей хотѣлъ продать свою библіотеку въ одни руки, но этого намѣренія не успѣлъ исполнить. Было бы весьма жаль, если библіотека А. С. Кротковъ не попадетъ въ руки историка въ цѣломъ.

† **Косычъ А. И.** Скончавшійся въ мартѣ членъ Государственнаго Совѣта, генераль отъ-инфантеріи Андрей Ивановичъ Косычъ принадлежалъ къ виднымъ генераламъ русской арміи, принимавшимъ боевое участіе въ нѣсколькихъ кампаніяхъ и извѣстнымъ въ военной литературѣ. Покойный дожилъ до глубокой старости. Онъ умеръ 83 лѣтъ. По окончаніи курса въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ, А. И. участвовалъ въ русско-турецкой войнѣ 1854—55 гг. и въ Крымской кампаніи, въ составѣ тогдашнихъ артиллерійскихъ войскъ. Затѣмъ онъ окончилъ курсъ въ академіи генеральнаго штаба, принявъ участіе въ усмиреніи польскаго возстанія 1863 г. и былъ раненъ при мѣстечкѣ Цитованы. Затѣмъ А. И. былъ помощникомъ начальника штаба одесскаго военнаго округа. Войну 1877 г., будучи уже генераломъ, онъ провелъ въ должности начальника 12 армейскаго корпуса. Послѣ командованія 7 кавалерійской дивизіей, покойный былъ начальникомъ штаба кievскаго военнаго округа и съ 1887 по 1891 г.—саратовскимъ губернаторомъ. и сумѣлъ привлечь мѣстныхъ дѣятелей къ общественной работѣ. По его инициативѣ составлены: «Описаніе саратовскаго Радищевскаго музея», «О садоводствѣ въ Саратовской губ.», «Статистика смертности, рождаемости и браковъ по Саратову», «Волга у Саратова»

и др. Въ послѣдующіе годы А. И. командовалъ 4 армейскимъ корпусомъ, былъ помощникомъ командующаго войсками кievскаго военнаго округа и командующимъ войсками казанскаго округа. Членомъ Государственнаго Совѣта покойный былъ съ 1905 г. Въ военной литературѣ А. И. извѣстенъ нѣсколькими своими трудами, изданными отдѣльными книгами и печатавшимися по преимуществу въ военныхъ періодическихъ изданіяхъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1917 г., № 14730).

† **Лазурскій, А. Ф.** 13-го марта скончался на 42 году жизни профессоръ психоневрологическаго института и приватъ-доцентъ женскаго медицинскаго института Александръ Феодоровичъ Лазурскій. Нѣсколько дней тому назадъ А. Ф. заболѣлъ нефритомъ, который затѣмъ осложнился. Врачъ по образованію покойный рано почувствовалъ влеченіе къ психологіи. Оставленный при клиникѣ нервныхъ и душевныхъ болѣзней профессора В. М. Бехтерева, онъ быстро получилъ степень доктора медицины и званіе приватъ-доцента медицинской академіи. Углубивъ въ лабораторіи Вундта свои экспериментально-психологическія знанія, онъ горячо принялся работать въ психологической лабораторіи В. М. Бехтерева. Это было семнадцать лѣтъ тому назадъ. Тогда А. Ф. можно сказать, весь ушелъ въ свою лабораторію, въ то же время продолжая усиленно пополнять свое образованіе изученіемъ исторіи психологіи и философіи, усердно слѣдя за современной психологической и психіатрической литературой. Когда 1905 годъ выдвинулъ впередъ просвѣтительные и педагогическіе запросы, А. Ф. отдалъ свои силы этому движенію народнаго духа. Онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ организациі педагогическихъ курсовъ въ Солянѣмъ Городкѣ (1904), педагогической академіи (1907), психоневрологическаго института (1908) и всѣхъ всероссійскихъ съездовъ по педагогической психологіи и экспериментальной педагогикѣ. Излюбленной темой научныхъ работъ А. Ф. была проблема личности. Ему хотѣлось, возможно точными методами, выяснить разновидности человѣческихъ характеровъ и психологическія особенности людей, наиболѣе обезпечивающія имъ успѣшную дѣятельность въ той или другой области. Памятникомъ работъ А. Ф. въ этомъ направленіи останется его капитальный трудъ: «Очеркъ науки о характерахъ», выдержавшій нѣсколько изданій. (Некрологъ его: «Рѣчь» 1917 г. № 63 и «Биржевыя Вѣдомости», № 16138)

† **Левшина (Маръ), А. Я.** 19-го марта въ Москвѣ, въ гостиницѣ «Мадридъ и Лувръ», найдена мертвой молодая писательница Анна Яковлевна Левшина, писавшая подъ псевдонимомъ «Анна Маръ», кончившая жизнь самоубійствомъ, отравившись цианистымъ калиемъ. Никакихъ записокъ она не оставила. Причины смерти неясны. Близкія подруги покойной думаютъ, что здѣсь кроется личная драма. Чувство одиночества всегда остро переживала покойная и нерѣдко говорила о немъ. Характерно, что псевдонимъ, подъ которымъ она извѣстна въ литературѣ,—Анна Маръ, взять ею изъ пьесы Гауптмана «Одинокіе». Писать она начала 17-ти лѣтъ въ харьковскихъ газетахъ. Въ Москву А. Я. пріѣхала съ юга лѣтъ семь назадъ и принимала участіе въ «Московской Газетѣ», «Журналѣ для женщинъ» и цѣломъ рядѣ другихъ изданій. Появленіе въ «Русской Мысли» ея повѣсти «Тебѣ одному согрѣшила» обратило вниманіе

критики на талантливое произведение покойной. Ея рассказы выходятъ въ трехъ книгахъ, изъ которыхъ «Кровь и кольца» появилась недавно. Романъ «Женщина на крестѣ», вышедшій въ прошломъ году, вызвалъ ожесточенныя нападки критики. Романъ касался половыхъ извращеній. Последняя ея драма «Когда тонуть корабли» изображаетъ душевную драму героини, кончающей самоубійствомъ. (Некрологи ея: «Русское Слово» 1917 г. № 64, «Раннее Утро» № 64 и др.).

† **Матэ, В. В.** 9-го апрѣля въ Петроградѣ, во французской больницѣ, скончался одинъ изъ наиболѣе симпатичныхъ и талантливыхъ профессоровъ высшаго художественнаго училища—Василій Васильевичъ Матэ. Покойный родился въ 1856 г. въ Пруссіи. Въ 1875 г. онъ поступилъ ученикомъ въ академію художествъ; получивъ отъ нея медаль за политипажную гравюру съ этюда головы Иоанна Крестителя, сдѣланнаго Ивановымъ для его картины «Явленіе Мессіи», онъ «прусскій подданный», былъ отправленъ въ 1880 г. на средства князя Владиміра Александровича въ Парижъ и совершенствовался тамъ въ гравированіи на деревѣ у Панемакера. Человѣкъ удивительнаго трудолюбія а беззавѣтно любившій искусство, В. В. увлекался всѣмъ и все время посвящалъ гравированію, рисованію съ натуры, живописи, изученію всего, что такъ или иначе соприкасалось съ искусствомъ. Не довольствуясь ксилографіей, онъ сталъ увлекаться офортомъ и скоро достигъ въ немъ большого мастерства и знанія техники. Ставъ профессоромъ—руководителемъ гравировальнаго класса при высшемъ художественномъ училищѣ, онъ обставилъ занятія въ немъ очень свободно, проводилъ очень много времени вмѣстѣ со своими учениками, стремясь подѣлиться съ ними всѣми знаніями, которыя успѣлъ приобрести самъ. Онъ и гравировалъ вмѣстѣ съ учениками, рисовалъ. Постоянно и много работая надъ своими многочисленными офортами, Матэ отравлялся испареніями азотной кислоты, которое и начало его мучить. По мнѣнію нѣкоторыхъ врачей, въ его желудкѣ образовались язвы. Художнику нужно было бы совсѣмъ бросить работу и заняться своимъ леченіемъ, но онъ все медлилъ, все откладывалъ до лѣта, когда рассчитывалъ поѣхать на югъ, на Кавказъ, и тамъ отдохнуть. Но ему не удалось однако дожить до желаннаго лѣта... Покойный только недавно принялъ русское подданство, уже во время войны. Незадолго до войны онъ приобрѣлъ въ Финляндіи, на возморѣ, близъ Теріокъ, земельный участокъ. Въ послѣднее время, говорятъ, въ этомъ участкѣ обнаруженъ былъ очень загадочный подземный ходъ—и открытіе это, какъ передаютъ, ускорило кончину В. В. Многочисленные политипажи В. В. Матэ появлялись въ журналахъ «Пчела», «Русская Старина», «Историческій Вѣстникъ», «Живописное Обзорѣніе», «Всемирная Иллюстрація» и др., а также въ «Родномъ Словѣ» Ушинскаго, «Дѣтскомъ чтеніи» Бородина и Острогорскаго, «Иллюстрированной исторіи Петра Великаго», «Исторіи Екатерины II» (изд. А. Суворина), «Исторіи русской литературы» П. Полевого и мн. др. Изъ офортовъ покойнаго извѣстны «Автопортретъ Рембрандта», «Марія Магдалина», «Христосъ—судья міра», портреты многихъ артштовъ, писателей, художниковъ и т. д. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1917 г., № 84, «Вечернее Время» № 1792 и др.).

† **Никифоровъ Л. П.** Во второй половинѣ апрѣля въ Москвѣ скончался старый народникъ, видный членъ партіи социалистовъ-революціонеровъ Левъ

Павловичъ Никифоровъ. Вся долгая жизнь Л. П. Никифорова,—онъ умеръ 69-ти лѣтъ,—была посвящена служенію народу. Сынъ крупнаго пензенскаго помѣщика, покойный всю свою жизнь прожилъ бѣдно, часто дѣлясь своимъ скуднымъ литературнымъ заработкомъ съ нуждающимися товарищами. Учился онъ во второй московской гимназіи, въ московскомъ и петроградскомъ университетахъ. Въ студенческіе годы познакомился съ извѣстнымъ революционеромъ студентомъ Нечаевымъ и принималъ горячее участіе въ объединеніи студенчества. Въ Петроградѣ въ 1869 г. былъ арестованъ и заключенъ сначала въ Литовскій замокъ, затѣмъ въ Петропавловскую крѣпость, а потомъ въ одно изъ зданій при 3-мъ отдѣленіи, вѣдавшемъ политическія дѣла. Во время заключенія здѣсь, Л. П. познакомился путемъ перестукиванія со старшей сестрой Засуличъ—Екатериной Ивановной. Впослѣдствіи они повѣнчались. По освобожденіи, Л. П. былъ подѣ гласнымъ надзоромъ полиціи въ Твери, въ Солигаличѣ, въ Сумахъ, въ Холмогорахъ, въ Архангельскѣ. Только въ 1883 году онъ получилъ право вѣзда въ столицы. Въ это же время онъ сблизился съ Л. Н. Толстымъ. Поселившись въ Твери, онъ началъ заниматься переводомъ преимущественно французскихъ статей для журналовъ и газетъ. Нѣкоторые труды покойнаго сопровождались предисловіемъ Л. Н. Толстого. У покойнаго было девять дѣтей. Старшій сынъ, ветеринарный врачъ московскаго губернскаго земства, былъ сосланъ въ Якутскую область, второй также былъ сосланъ въ Сибирь. Одинъ изъ сыновей въ 1903 г. сжегъ себя, обливъ керосиномъ, въ Таганской тюрьмѣ, другой покончилъ жизнь самоубійствомъ. Пятый сынъ Никифорова, А. Л. былъ казненъ въ Нижнемъ Новгородѣ въ 1905 г. за убійство жандармскаго полковника Греппера. Шестой былъ убитъ въ концѣ 1914 г. при защитѣ крѣпости Ивангорода. Седьмой сынъ 19-ти лѣтнимъ юношей былъ сосланъ въ 1908 г. въ Сибирь на поселеніе, откуда вскорѣ бѣжалъ. (Некрологъ его: «Русское Слово», 1917 г., № 87).

† **Никольскій, Н. М.** 5-го апрѣля въ Москвѣ, въ церкви Дмитрія Солунскаго, что на Тверской, происходило отпѣваніе тѣла скончавшагося на 45 году жизни отъ хронической болѣзни печени извѣстнаго московскаго журналиста и драматурга Н. М. Никольскаго, автора популярнаго «Любовнаго маскарада», «Супруговъ», «Урока», «Святого искусства», «Вельзара, короля Вельзійскаго» и премированныхъ на конкурсѣ имени А. Н. Островскаго «Прометей» и «Меблированной пыли». Первая пьеса, шедшая въ бенефисъ О. Н. Миткевичъ, имѣла нѣсколько лѣтъ тому назадъ крупный успѣхъ у Корша и до сихъ поръ не сходитъ съ репертуара различныхъ сценъ. «Вальзаръ, король Вельзійскій», намѣченъ былъ въ репертуарѣ начинающаго свои гастроли въ Москвѣ съ Ѳоминой недѣли «Кривого зеркала». Автору не пришлось увидѣть при жизни своего послѣдняго произведенія «Прометей», ибо онъ нигдѣ еще пока не шелъ на сценѣ. Погребеніе Н. М. совершено на Ваганьковомъ кладбищѣ. Въ послѣдніе годы покойный снабжалъ московскія газеты телефонными сообщеніями изъ Петрограда. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1917 г., № 69 и «Русскія Вѣдомости» № 75).

† **Огуловичъ, Б. А.** 27-го марта скоропостижно скончался редакторъ польской газеты «Dziennik Petregradzki», присяжный повѣренный Брунонь Анто-

новичъ Огулевичъ. Покойный велъ ожесточенную борьбу за свою газету, которую при царскомъ правительствѣ дважды закрывали. Онъ отстаивалъ независимую Польшу съ большою смѣлостью и рѣшительностью. Имя Б. Огулевича не можетъ быть забыто поляками въ эпоху возрожденія ихъ родины. (Некрологъ его: «Вечернее Время» 1917 г., № 1734)

† **Олавъ, В. Я.** 16-го марта скончался педагогъ-писатель Вилисъ Яковлевичъ Олавъ, председатель латышскаго центрального комитета по оказанію помощи бѣженцамъ. Смерть вырвала изъ среды бойцовъ за права латышской національности крупнаго дѣятеля, пользовавшагося почетомъ среди широкихъ массъ латышскаго населенія. Покойный, по окончаніи богословскаго факультета въ Юрьевѣ, поселился въ Ригѣ и началъ свою карьеру преподавателемъ закона Божія въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ сталъ преподавать латышамъ законъ Божій на ихъ родномъ языкѣ. Это новшество не пришлось по вкусу нѣмецкой партіи и мѣстная консисторія отказалась утвердить покойнаго пасторомъ, несмотря на желаніе латышскихъ прихожанъ. Убѣдившись, что церковная кафедра заграждена для него нѣмецкимъ барьеромъ, В. Я. поступилъ въ Рижскій политехникумъ, не покидая своей преподавательской дѣятельности. Онъ явился устройтеlemъ первой латышской этнографической выставки въ 1896 году, редактировалъ газету «Balass» (Голосъ), председательствовалъ въ научной комиссіи при рижскомъ латышскомъ обществѣ. За напечатаніе въ редактируемой имъ газетѣ программы рабочей партіи и резолюціи конгресса учителей и волостныхъ старшинъ, покойнаго привлекли къ уголовной отвѣтственности и приговорили къ заключенію въ крѣпость на годъ. Одиное заключеніе разрушило его здоровье и явилось причиной его преждевременной кончины. (Некрологъ его: «Новое Время» 1917 г. № 14741).

† **Ратнеръ, М. Б.** 9-го февраля скончался въ Яссахъ Маркъ Борисовичъ Ратнеръ, родившійся въ 1871 г. Большая часть жизни покойнаго протекла въ Кіевѣ. Здѣсь онъ учился въ университетѣ Св. Владимира, здѣсь-же онъ началъ и продолжалъ свою адвокатскую, научно-публицистическую и политическую работу. Въ Кіевѣ-же въ 1905 году М. Б. принималъ видное участіе въ разыгравшихся тогда политическихъ событіяхъ и 18 октября произнесъ рѣчь съ балкона городской думы. Когда противъ него было возбуждено дѣло, выѣхалъ за-границу. Онъ поселился въ Вѣнѣ, откуда корреспондировалъ въ «Кіевскую Мысль», «Рѣчь» и «День» и посылалъ статьи въ «Русское братство» и «Вѣстникъ Европы». Когда началась война М. Б. переселился въ Бухарестъ. Здѣсь онъ видимо вращался и имѣлъ связи съ руссофильскими кругами румынскихъ дѣятелей, о чемъ свидѣтельствовали его интересныя корреспонденціи изъ Бухареста. Съ оставленіемъ Бухареста и занятіемъ нѣмцами Валахія, М. Б. переселился въ Яссы, гдѣ и настигла его смерть. (Некрологъ его: «Кіевлянинъ» 1937 г. № 44, «Биржевыя Вѣдомости» 1917 г. № 16098) и «Южный край» № 13876).

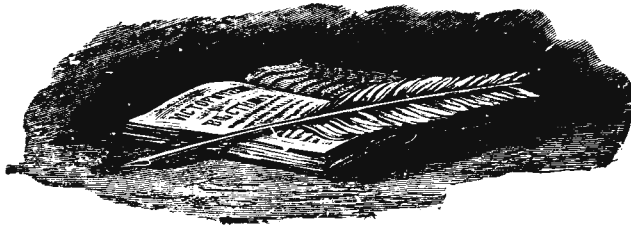
† **Соколовъ, В. Д.** 13-го марта скончался профессоръ Техническаго училища В. Д. Соколовъ. Покойный, помимо преподаванія по кафедрѣ естественной исторіи въ Техническомъ училищѣ, читалъ также лекціи на Высшихъ женскихъ курсахъ и преподавалъ естественную исторію во многихъ средне-

учебныхъ заведеніяхъ. Дѣятельное участіе принималъ онъ въ жизни различныхъ научныхъ обществъ, долгое время состоя предсѣдателемъ учебнаго отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній, членомъ Общества испытателей природы и др. естественно-историческихъ и техническихъ обществъ. Много времени покойный посвящалъ работамъ по гидротехникѣ и почти каждое лѣто участвовалъ въ экскурсіяхъ по гидротехническимъ изысканіямъ различныхъ мѣстностей. Между прочимъ, имъ основательно была изучена Средняя Азія. Серьезный недугъ уже давно заставилъ В. Д. отказаться отъ педагогической дѣятельности, только съ техническимъ училищемъ онъ не разставался почти до самой смерти. У покойнаго много научныхъ трудовъ по различнымъ гидротехническимъ работамъ. Умеръ В. Д. уже въ преклонномъ возрастѣ. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1917 г. № 52)

† **Цатурянъ, А.** Въ первыхъ числахъ апрѣля скончался популярный «пѣвецъ горя армянскаго народа», армянскій поэтъ Александръ Цатурянъ, на 47 году своей жизни. Сравнительно мало онъ жилъ, но перенесъ очень много невзгодъ, оставшись круглымъ сиротою еще съ самаго ранняго возраста. Единственный сынъ бѣдной ремесленницы, не давшей своему сыну ни воспитанія, ни образованія, даже въ годы дѣтства недостаточно вскормившей его, за отсутствіемъ средствъ къ существованію,—покойный не зналъ ни дѣтства, ни материнскихъ ласкъ, ни родителей. Тѣмъ не менѣе онъ преодолѣлъ всѣ жизненные тягости, успѣлъ оформиться и достаточно поработать на нивѣ родной литературы и какъ самобытный поэтъ-лирикъ, и какъ переводчикъ русскихъ писателей—преимущественно: Лермонтова, Некрасова, Пушкина и Тургенева. Нѣкоторыя изъ произведеній Цатуряна въ свою очередь были переведены на русскій языкъ Юріемъ Веселовскимъ, Вальмонтомъ и Уманцемъ и напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы», «Призывѣ», «Дѣлѣ» и «Братской Помощи». Лирическія стихотворенія Цатуряна проникнуты чувствомъ тоски и скорби; сочиненія же его—извѣстныя подъ заглавіемъ «Каламбуры пера»—содержать въ себѣ легкіе сатирическіе отрывки. Цатурянъ печатался почти во всѣхъ современныхъ ему армянскихъ журналахъ, какъ-то: «Араксъ», «Агбюръ-Таразъ», «Мурчъ», «Лумъ» и др. Собраніе его сочиненій издано въ нѣсколькихъ томахъ. (Некрологъ его: «Петроградскія Вѣдомости», 1917 г., № 65).

† **Цебринова М. К.** На южномъ берегу Чернаго моря, въ Симензѣ, въ мартѣ, умерла Марія Константиновна Цебрикова, чье имя въ девятностыхъ годахъ также произносилось шопотомъ, какъ въ 70-хъ годахъ называлось имя Чернышевскаго, а еще раньше Герцена. Ея знаменитое письмо къ Александру III, въ которомъ едва ли не первая русская публицистка съ такой пламенной силой убѣжденія въ правотѣ своего слова клеймило реакціонное правленіе самодержавнаго режима, обращалось среди молодежи, переписанное чернилами, какъ нѣкогда ходили по рукамъ «Что дѣлать» или «Письма съ того берега». Авторъ письма не могъ не знать, что по тѣмъ временамъ ожидало его за такое посланіе, но М. К. безъ всякаго колебанія выполнила свое героическое рѣшеніе, за что и поплатилась высылкой на сѣверъ, а впоследствии въ Смоленскую губернію. Покойная была воспитанницей своего дяди—декабриста Н. Р. Цебрикова. Ставши потомъ ближайшей сотрудницей «Отечественныхъ Записокъ», М. К.

помѣстила въ журналѣ Некрасова множество статей по исторіи русской и иностранной литературы, по политической исторіи, философіи и педагогикѣ, въ которыхъ, не обнаруживая большого литературнаго блеска и глубины критической мысли, писательница проявляла широкую эрудицію и близкое, всестороннее знакомство съ новыми теченіями въ беллетристикѣ, въ наукѣ и эстетикѣ. Весьма многимъ обязано женское профессиональное движеніе въ Россіи Цебриковой, чье имя, по количеству и значенію совершенной въ той области работы, должно быть поставлено наряду съ именами Стасовой, Философовой, Конради и другихъ поборницъ женскаго равноправія. (Некрологъ ея: «Утро Россіи», 1917 г. № 78)

мундирѣ, держа руку на эфесѣ шпаги, но все ея вниманіе было сосредоточено на цвѣтахъ, которыми только что любовался генераль.

— Итакъ, то, что я предлагаю—ничто?—заговорилъ Конингэмъ послѣ нѣкоторой паузы.

На лицѣ Эстреллы промелькнула улыбка.

— Мнѣ нечего предложить вамъ, и вы, дѣйствительно, совсѣмъ не знаете меня.

— Три мѣсяца тому назадъ мы ничего не слыхали о васъ, а вы никогда и не видѣли меня,—съ легкимъ смѣхомъ промолвила Эстелла.

— Да, но зато съ тѣхъ поръ я уже ничего другого не видѣлъ,—возразилъ Конингэмъ, подумавъ.—Прежде я былъ слѣпцомъ.

— Въ три мѣсяца нельзя рѣшать дѣла, которыя имѣютъ вліяніе на всю жизнь.

— Что касается меня, то это дѣло рѣшилось въ три минуты въ вашемъ домѣ въ Рондѣ, и время, сколько бы оно ни длилось, не въ силахъ измѣнить этого рѣшенія.

— У нѣкоторыхъ это дѣйствительно такъ. Но вы слишкомъ поспѣшны и стремительны. Это говорить о васъ мой отецъ, а онъ никогда не ошибается.

— Слѣдовательно, вы не вѣрите мнѣ, сеньорита?

Эстрелла повернулась къ нему такъ, что онъ могъ видѣть только складки ея мантильи и золотистые волосы, и пожала плечами.

— Едва ли вы можете требовать этого отъ всѣхъ, кто васъ знаетъ въ Испаніи,—промолвила она.

— Отъ всѣхъ, кто меня знаетъ въ Испаніи?

— Да—продолжала Эстрелла.—Отъ падре Конхи, моего отца, сеньоры Баренны и другихъ.

— Что же заставляетъ ихъ не довѣрять мнѣ?

— Ваши собственные поступки.

Конингэмъ былъ слишкомъ простодушенъ и неопытенъ и потому не замѣтилъ, что въ ея голосѣ явно звучало безпокойство.

— Мнѣ рѣшительно все равно, что обо мнѣ думаютъ другіе,—сказалъ онъ:—я ничѣмъ никому не обязанъ и ни у кого ничего не прошу. Пусть себѣ думаютъ, что имъ угодно. Но съ вами—другое дѣло. Есть ли для меня возможность снискать ваше довѣріе, сеньорита?

Эстрелла отвѣтила не сразу. Подумавъ немного, она равнодушно кивнула головой.

— Можетъ быть.

— Въ такомъ случаѣ, я это сдѣлаю.

— Сдѣлать это не трудно,—отвѣчала Эстрелла, поднимая голову.

— Какъ же я могу это сдѣлать?

Она засмѣялась короткимъ, жесткимъ смѣхомъ, который сразу выдалъ бы ее болѣе опытному уху.

— Показавъ мнѣ письмо, которое было написано Юліи Баренна,—сказала она.

— Этого я сдѣлать не могу.

— Не можете?—спросила она знаменательно.

Женщина, которая борется за свое счастье—противникъ не знающій пощады.

— Нѣтъ ли чего другого, кромѣ этого письма, что могло бы васъ удовлетворить, сеньорита?

Онъ видѣлъ ея гордый и тонкій, словно очерченный, профиль, который говорилъ о длинномъ рядѣ благородныхъ предковъ. Въ жилахъ Эстреллы Винченге дѣйствительно текла благородная кровь Испаніи—этой страны былой славы.

— Ничего другого нѣтъ—отвѣчала она.—Впрочемъ, вопросъ о томъ, будетъ ли мое любопытство удовлетворено или нѣтъ, не имѣетъ значенія. Вы просите меня вѣрить вамъ и въ то же время вашими поступками лишаете меня возможности сдѣлать это. Въ свою очередь я теперь требую доказательствъ—вотъ и все.

— А вы желали бы повѣрить мнѣ?

Онъ подвинулся къ ней и сталъ совершенно серьезень.

— А зачѣмъ вамъ это знать?—тихо спросила она.

— Вы желали бы повѣрить мнѣ?—опять спросилъ онъ, готовый поймать взглядомъ малѣйшее движеніе ея головки.—Если только это письмо еще существуетъ, я достану его вамъ. Вы говорите, что мои поступки говорятъ противъ меня. Чтобы опровергнуть всѣ подозрѣнія, я предпочитаю дѣйствовать, а не говорить. Но вы должны дать мнѣ нѣкоторое время.

— Вы вѣчно чего-нибудь просите.

— Да, сеньорита, но только отъ васъ, ни отъ кого другого въ въ мірѣ.

Онъ вдругъ размѣялся и подошелъ къ окну.

— Мнѣ кажется, что я всю жизнь буду чего-нибудь просить у васъ. Можетъ быть, мы и созданы для этого: я просить, вы жаловать. Можетъ быть, въ этомъ-то и есть счастье.

Она подняла глаза, но не глядя на него, стала смотрѣть въ садъ черезъ открытое окно. Гостиница находилась на нижней части Солнечной площади въ спокойной сторонѣ, далекой отъ шума рынка и грохота уличнаго движенія. Онъ долеталъ сюда только въ видѣ глухого шума, словно какія-то невидимыя волны безпрестанно катились волной по берегу моря. Подъ окнами расположился какой-то торговецъ водой и монотоннымъ голосомъ выкрикивалъ:—aguaa! aguaa!—и голосъ его раздавался, словно голосъ вопіющаго въ этой человѣческой пустынѣ.

Эстрелла быстро взглянула на Конингэма. Взоръ ея также былъ сосредоточенъ и серьезень. Оба они молчали и не двигались съ мѣста, пока въ дверяхъ не появился опять прежній слуга. Покло-

нившись Конингэму, онъ отошелъ въ сторону, чтобы дать пройти кому-то другому, кто слѣдовалъ за нимъ. То былъ высокій сѣдовласый человѣкъ. Его лицо было бѣло, какъ бумага. Кожа на немъ, казалось, была натянута такъ плотно, что на подбородкѣ она лоснилась, какъ хорошо отполированный мраморъ. На лондонскихъ улицахъ можно видѣть не мало такихъ лицъ: они обыкновенно говорятъ о страданіи—умственномъ или физическомъ.

Незнакомецъ выступилъ впередъ безъ всякихъ признаковъ смущенія, что обличало въ немъ человѣка свѣтскаго. Онъ поклонился Эстреллѣ съ такимъ видомъ, который ясно показывалъ, что онъ явился сюда ради Конингэма.

— Я отъ генерала Винченге—промолвилъ незнакомецъ.—Онъ сюда явится сейчасъ самъ. Его задержало какое-то дѣло. У меня есть письмо къ генералу, и я нуждаюсь въ его помощи.

Онъ вдругъ смолкъ и повернулся къ Эстреллѣ, которая пошла было къ двери.

— Мнѣ поручено просить васъ остаться съ нами,—быстро сказалъ онъ.—Вы, кажется, были въ школѣ въ Англіи вмѣстѣ съ моими племянницами. Когда я покончу съ своими дѣлами, которыя не потребуютъ много времени, я передамъ вамъ посылку отъ Мэри и Эммы Мэнверигъ.

Эстрелла улыбнулась и опустилась въ кресло.

Незнакомецъ обратился къ Конингэму.

— Генераль сказалъ мнѣ,—продолжалъ онъ своимъ холоднымъ голосомъ, безъ всякой жизни въ глазахъ:—что въ гостиной я найду англичанина-адъютанта, который пользуется его полнымъ до-вѣріемъ и на помощь котораго я могу рассчитывать.

— Я адъютантъ генерала Винченге и я англичанинъ.

Незнакомецъ поклонился.

— Я не говорилъ съ генераломъ о моемъ дѣлѣ.—сказалъ онъ.—Онъ просилъ подождать, пока онъ придетъ. Я расскажу все одновременно вамъ обоимъ. А пока позвольте представиться.

Конингэмъ ждалъ молча.

— Мое имя сэръ Джонъ Прейдель,—спокойно промолвилъ незнакомецъ.

XVI.

Опасность.

Конингэмъ довольно хорошо помнилъ имя Прейделя. Вспомнивъ, что генераль получалъ газету «Times», онъ пристально взглянулъ на Эстеллу. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ что-нибудь сказать, въ комнату вошелъ генераль.

— А, вы уже знакомы:—воскликнулъ онъ любезнымъ тономъ.—Стало быть, всякое представленіе излишне. А теперь послушаемъ

исторію сэра Джона. Садитесь, сэръ. Но сначала не хотите ли чего-нибудь прохладительнаго? День довольно жаркій.

Сэръ Джонъ отказался. Рядомъ съ радушной учтивостью генерала его манеры были холодны и сдержаны. Оба эти человѣка очевидно, принадлежали къ разнымъ полюсамъ: сѣверному и южному. Сэръ Джонъ имѣлъ холодный видъ человѣка, который потолкался между людей и видѣлъ только ихъ дурныя стороны. Міръ—холодное мѣсто для тѣхъ, кто смотритъ на него ледянымъ взоромъ.

Наоборотъ, генераль Винченге, жизнь котораго прошла въ борьбѣ и боевыхъ схваткахъ, казалось, былъ радъ каждому новому лицу, принималъ его, какъ друга, и одинаково всёмъ протягивалъ руку и богатому, и бѣдному.

Конингэмъ съ улыбкой пожалъ плечами. Создавшееся положеніе требовало гораздо болѣе быстрого соображенія, чѣмъ было у него. Онъ и не подумалъ найти какой-нибудь выходъ изъ затрудненія, и единственная мысль, мелькнувшая у него въ мозгу, была встрѣтить эти затрудненія мужественно.

Онъ подвинулъ сэру Прейделю кресло, а сердце у него такъ и прыгало отъ какого-то радостнаго чувства, какъ бываетъ у нѣкоторыхъ въ минуту опасности.

— Я не задержу васъ долго—промолвилъ новопривышій съ такимъ видомъ, который отзывался заломъ судебныхъ засѣданій,—но мнѣ необходимо представить вашему вниманію всё подробности, чтобы вы могли вполне понять мой образъ дѣйствій.

Замѣчаніе это было обращено къ генералу Винченге, хотя было очевидно, что рассказчикъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ Конингэма.

Генераль Винченге сидѣлъ около стола и задумчиво проводилъ по усамъ своимъ раздушеннымъ платкомъ. Дѣло его, очевидно, не интересовало, хотя изъ уваженія къ гостю онъ и старался казаться внимательнымъ. Эстрелла сидѣла у окна, за спиной отца. Конингэмъ стоялъ у камина лицомъ къ нимъ:

— Можетъ быть, вы знаете о политическомъ положеніи въ данное время въ Англій, — продолжалъ сэръ Джонъ Прейдель.

Генераль сдѣлалъ жестъ, означавшій, что положеніе это ему извѣстно, хотя не подробно.

— Я говорю, главнымъ образомъ, о чартистахъ, — продолжалъ сэръ Джонъ.

Генераль кивнулъ головой. Эстрелла незамѣтно взглянула на Конингэма, который не переставалъ улыбаться.

— Ихъ нельзя называть партией, какъ это дѣлаютъ испанцы, насколько я знаю, — продолжалъ сэръ Джонъ. — Они нестоятъ такого названія. Это наиболѣе невѣжественные люди во всей странѣ, словомъ, отребье, во главѣ котораго стоятъ нѣкоторые недоволь-

ные политики. Словомъ, эти люди немного лучше обыкновенныхъ карманщиковъ, обчищающихъ карманы бѣдняковъ. Не мало капиталистовъ и землевладѣльцевъ потерпѣли всякаго ущерба отъ рукъ этихъ нарушителей мира. Но больше всѣхъ потерпѣлъ...

Онъ остановился и глубоко вздохнулъ. Этотъ вздохъ выдавалъ его. Онъ говорилъ, что когда-то и у этого человѣка было сердце.

— Но больше всѣхъ—я.

На лицѣ генерала выразилось самое живое участие.

— Много лѣтъ,—поспѣшно продолжалъ сэръ Джонъ, какъ бы не желая слышать какихъ-либо выражений сочувствія,—много лѣтъ власти дѣйствовали нерѣшительно и глупо, не смѣя подавить эти беспорядки твердой рукой. Наконецъ, въ одномъ изъ городовъ Уэльса вспыхнули беспорядки болѣе серьезныхъ размѣровъ и вынудили пустить въ ходъ вооруженную силу. Коноводы были арестованы, и власти не знали, что съ ними дѣлать. Въ молодости я занимался судебной практикой и самъ участвовалъ въ этомъ дѣлѣ. Всѣ эти люди были привлечены къ суду не только какъ обыкновенные бунтовщики, но и какъ государственные измѣнники. А это не шутка.

Онъ хрипло засмѣялся, причемъ его мраморное лицо осталось неизмѣннымъ: вѣроятно, оно было совершенно лишено способности выражать радость.

— Коноводы Ньюпорта были приговорены къ долговременному тюремному заключенію, что какъ нельзя лучше соответствовало моимъ чувствамъ.

Сэръ Джонъ говорилъ съ цинической откровенностью, которая, повидимому, является результатомъ долговременной судебной практики, гдѣ люди цѣлыми днями копаются въ душевныхъ недостаткахъ своихъ ближнихъ.

Онъ слегка подвинулся на своемъ креслѣ.

— Надѣюсь,—спросилъ онъ, обращаясь уже прямо къ Конингэму,—что я не утомилъ васъ?

— Нисколько—холодно отвѣчалъ тотъ.—Все это очень интересно.

Генералъ принялся разсматривать ткань своего платка. Лицо Эстреллы было холодно и неподвижно. Ея глаза время отъ времени обращались на Конингэма. Сэръ Джонъ не произвелъ никакого хорошаго впечатлѣнія.

— Теперь я перехожу къ личному элементу всей этой исторіи—продолжалъ онъ,—и объясню, почему я обращаюсь именно къ вамъ.

Онъ попрежнему обращался только къ Конингэму, который продолжалъ улыбаться и время отъ времени кивалъ головой. Эстрелла видѣла эту улыбку и затаила дыханіе. Ея сознательные годы прошли среди войны и ей не разъ приходилось видѣть мужественныхъ людей въ минуту опасности: она знала, что значить эта улыбка.

— Я злоупотребляю вашимъ вниманіемъ главнымъ образомъ,— объяснилъ сэръ Джонъ Конингэму,—потому, что я узналъ отъ генераль Винченге, что вы прикомандированы къ штабу генерала Эспартеро, а у него-то я намѣренъ просить помощи.

Сэръ Джонъ опять сдѣлалъ паузу. Онъ выяснилъ уже другой пунктъ и, казалось, вотъ, вотъ привычнымъ жестомъ сбросить съ себя шелковую тогу судьи.

— Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ,—продолжалъ онъ,—эти чартисты напали на мой домъ въ сѣверной Англійи и убили моего сына.

Воцарилось короткое молчаніе. Генераль произнесъ короткое, учтивое испанское проклятiе.

— Говоря техническимъ языкомъ, тутъ убійство,—поспѣшно продолжалъ ораторъ.—Мой сынъ, подававшій большія надежды, подвергся нападенію и хорошей адвокатъ сумѣлъ бы добиться обвинительнаго вердикта для негодея, который нанесъ ударъ моему сыну. Я зналъ это и выжидалъ событій, не предпринимая ничего противъ человѣка, убившаго моего единственнаго сына. Съ юридической точки зрѣнія не стоило хлопотать объ этомъ дѣлѣ.

Онъ опять разсмѣялся своимъ неприятнымъ смѣхомъ и продолжалъ.

— Счастіе однако благопріятствовало мнѣ. Беспорядки усилились и ньюпортскіе бунтовщики подняли наконецъ противъ себя правительство. Приговоръ, вынесенный главарямъ движенія, развязывалъ руки и мнѣ. Теперь уже стоило пойти по слѣдамъ убійцы моего сына: для него можно было ручаться за двадцать лѣтъ тюремнаго заключенія.

— Конечно, конечно,—проговорилъ генераль, улыбаясь. Казалось, онъ не могъ понять, что сэръ Джонъ говоритъ серьезно и дышетъ ненасытной жаждой мщенія, которое цинически не желаетъ даже скрывать.

— Я прослѣдилъ преступника до Гибралтара. Отсюда онъ, повидимому, направился къ сѣверу,—продолжалъ Прейдель.—По всей вѣроятности, онъ поступилъ на службу къ генералу Эспартеру: многіе изъ нашихъ бѣглецовъ носятъ испанскій мундиръ. Онъ, конечно, скрывается подъ чужимъ именемъ. Но, вѣроятно, можно будетъ разыскать его.

— О, конечно,—отвѣчалъ Конингэмъ.—Я полагаю, что вамъ удастся найти его.

На лицѣ Прейделя отразился проблескъ жизни.

— Очень радъ слышать это о вѣ васъ—воскликнулъ онъ.—Для этого-то я сюда и пріѣхалъ. Многое въ жизни составляло предметъ моего честолюбія или желанія, но ничто меня такъ не захватывало, какъ это дѣло.

Конингэмъ взглянулъ на Эстреллу. Лицо ея было блѣдно, но

глаза горѣли—не отъ страха—этого не было въ крови, которая бѣжала въ ея жилахъ, но отъ гнѣва. Она понимала, кого разумѣлъ Прейдель.

Она взглянула на Конингэма. Тотъ безстрашно улыбался, и отъ этой улыбки сердце у нея дрогнуло.

Сэръ Джонъ замолчалъ и принялся искать что-то въ карманѣ. Генераль Винченге попрежнему изображалъ собою вниманіе.

— У меня есть полный списокъ англичанъ, находившихся на службѣ у генерала Эспартеро въ тотъ моментъ, когда я покинулъ Англію. Можетъ быть, вы будете такъ любезны въ часъ досуга просмотрѣть его и отмѣтить въ немъ лицъ, которыхъ вы лично не знаете и которые, слѣдовательно, могутъ скрываться подъ чужими именами.

Конингэмъ взялъ списокъ и, держа его въ своихъ рукахъ заговорилъ, не отходя отъ камина.

— Вы не объяснили мнѣ цѣли вашего пріѣзда въ Испанію. Между Испаніей и Англіей нѣтъ конвенціи о выдачѣ преступниковъ. Да, если бъ и была, то мнѣ кажется, что лица, виновныя въ политическихъ преступленіяхъ, не подходили бы подъ ея дѣйствіе. Вы предполагаете преслѣдовать этого человѣка по обвиненію въ государственной измѣнѣ, а это по закону многихъ странъ преступленіе политическаго характера.

— Вы говорите, какъ настоящій адвокатъ—со смѣхомъ сказалъ сэръ Джонъ.

— Вы только что заявляли намъ,—возразилъ Конингэмъ,—что англичане, находящіеся на испанской службѣ, элементъ преступный. А никто не знаетъ законовъ такъ хорошо, какъ тѣ, которые его нарушили.

Сэръ Джонъ опять засмѣялся, сохраняя прежнее выраженіе на своемъ каменномъ лицѣ.

— У каждаго правила есть свое исключеніе, и вы являетесь исключеніемъ, если только мое умѣнье распознавать лица и знаніе людей не обманываютъ меня на зтотъ разъ. Но ваше замѣчаніе совершенно справедливо. Я не собираюсь искать помощи въ этомъ дѣлѣ у испанскихъ властей. Я прекрасно понимаю свое положеніе. Надѣюсь, что вы не подумали, будто я пріѣхалъ въ Испанію съ пустыми руками.

— Нѣтъ,—медленно отвѣчалъ Конингэмъ.

Сэръ Джонъ поднялъ глаза и съ разгоравшимся любопытствомъ посмотрѣлъ на своего земляка. Генераль тоже поднялъ глаза и бросалъ взоры то на одного, то на другого. Въ атмосферѣ комнаты, казалось, вдругъ произошла какая-то перемѣна: центръ всего перенесся на этихъ двухъ англичанъ. Сильная воля одного, привыкшаго господствовать надъ другимъ, казалось, вдругъ

столкнулась съ другой, такой же сильной, но еще скрывае­мой за безпечной улыбкой.

— Вы совершенно правы—продолжалъ сэръ Джонъ своимъ холоднымъ голосомъ.—Я вооруженъ лучше, чѣмъ вы, можетъ быть, думаете, и приготовился дѣйствовать въ такой странѣ, какъ Испанія, гдѣ продолжительная война свела законность на низкій уровень. Я сначала пріѣхалъ съ мыслью застрѣлить этого человѣка, кото­раго, кстати, зовуть Фридерикъ Конингэмъ. Но обстоятельства дали мнѣ возможность отомстить ему лучше. Моя месть будетъ длиться дольше.

Онъ на минуту перевелъ духъ.

— Я предполагаю доставить этого человѣка въ Англію и тамъ отдать его подъ судъ. Эта идея не моя. Ее удавалось осуществить нѣсколько разъ и раньше. А разъ онъ будетъ въ Англіи, ужъ мое дѣло добиться, чтобъ ему назначили двадцать лѣтъ каторжныхъ работъ.

— А какимъ образомъ вы предполагаете доставить этого чело­вѣка въ Англію?—спросилъ Конингэмъ.

— О, очень просто. Стоитъ только подкупить шайку негодя­евъ, которыхъ, какъ я предполагаю, теперь не трудно будетъ найти въ Испаніи, дать маленькую взятку чиновникамъ и хорошій кушъ капитану какого-нибудь англійскаго корабля. Короче сказать, я предполагаю захватить этого Фредерика Конингэма. Впрочемъ, я не прошу у васъ помощи въ этомъ дѣлѣ. Я только прошу васъ на­вести меня на его слѣдъ, помочь мнѣ разыскать его. Вы не отка­жете мнѣ въ этомъ?

— Конечно,—промолвилъ Конингэмъ,—подходя къ нему съ карточкой въ рукѣ.—Едва ли бы могли отыскать для этого болѣе подходящаго человѣка.

Сэръ Джонъ Прейдалъ взглянулъ на карточку. Но онъ на­столько привыкъ сдерживать себя, что его лицо сохранило прежнее выраженіе. На одну секунду онъ закусилъ губу и быстро всталъ. Лобъ его покрылся потомъ, сѣрые глаза какъ будто выпѣбли и стали пепельнаго цвѣта: Онъ пристально взглянулъ на Конин­гэма и, взявъ шляпу, неувѣренными шагами пошелъ къ двери. На порогѣ онъ повернулся.

— Вашу дерзость,—промолвилъ онъ, задыхаясь,—превосхо­дитъ только ваша смѣлость.

Когда дверь затворилась за нимъ, въ углу, гдѣ сидѣлъ генералъ Винчен­те, тихо звякнула сталь, какъ будто кто-то вложилъ въ ножны полуобнаженную уже саблю.

XVII.

Въ Мадридѣ.

— Кто путешествуетъ медленно, тотъ рискуетъ прѣхать слишкомъ поздно,—говорилъ падре Конха, пессимистически покачивая головой, когда телѣга, въ которой онъ прѣехалъ изъ Толедо, выѣхала на Plazuella de la Cebada. Тщательныя сбереженія многихъ лѣтъ все еще не давали старому священнику возможности путешествовать въ болѣе быстрыхъ дилижансахъ, часто обгонявшихъ его по дорогѣ и обдававшихъ его пылью. Все путешествіе было сдѣлано въ гораздо болѣе скромныхъ повозкахъ, которыя ползли отъ одного города къ другому, обыкновенно, ночью, чтобы не такъ утомлять лошадей.

Священникъ, какъ и другіе его дорожные спутники, былъ весь бѣлый отъ пыли. Пыль покрывала его такимъ густымъ слоемъ, что первоначальный черный цвѣтъ его одѣянія совершенно измѣнился. Пыль сидѣла и на его лицѣ, забравшись въ самыя глубокія морщинки на немъ. Бровей нельзя было различить, а вѣки его ходили на вѣки мельника.

Когда онъ остановился на улицѣ, пыль летѣла во всѣ стороны вертящимися столбами и покрывала всѣхъ, кто попадался ей на встрѣчу: по плоскогорью тянулъ вѣтеръ, который мавры въ старину называли «сквознякомъ». Кондукторъ, который, какъ и всякій другой веселый и общительный кондукторъ, не отказывался отъ предложенія «освѣжиться» иной разъ по дорогѣ, пришелъ отъ выпитыхъ напитковъ и солнечнаго жара въ повышенное настроеніе и завелъ горячій споръ съ однимъ изъ пассажировъ. Вотъ почему падре Конха самъ отыскалъ свой скромный чемоданъ и заковылялъ къ Толедской улицѣ.

Онъ бывалъ въ Мадридѣ и прежде, хотя не любилъ хвастаться этимъ и вообще не распространялся о своихъ путешествіяхъ.

— Умный человѣкъ не вывѣшиваетъ своихъ знаній на крючекъ,—обыкновенно говаривалъ онъ.

Видно было, что знанія у него, дѣйствительно, есть, ибо запыленный путникъ шелъ увѣренно по тѣмъ узкимъ переулкамъ, которые тянутся между Толедскою площадью и Сеговійской улицей. Здѣсь обитали болѣе скромные обыватели Мадрида, занимавшіеся мелкой торговлей на рыночныхъ площадяхъ: въ ста ярдахъ отсюда тянулся хлѣбный рынокъ, благодаря чему пыль въ этой части города была особенно вредна для глазъ. Разъ или два священникъ былъ принужденъ останавливаться на углу улицъ и бороться съ порывами вѣтра.

— Да это настоящій ураганъ,—бормоталъ онъ про себя,—настоящій ураганъ.

Одной рукой онъ держалъ свою шляпу, а другой свой чемоданъ.

— Зато это смететь пыль съ моего стараго плаща,—прибавилъ онъ,—страхивая свое одѣяніе.

Наконецъ онъ добрался до улицы, которая была уже другихъ, но не отличалась такимъ зловоніемъ. Открытая канава, проложенная по самой ея срединѣ, извивалась во всѣ стороны, увлекая въ своемъ теченіи всякіе отбросы.

Достигнувъ середины улицы, падре Конха остановился и взглянулъ вверхъ. Увидѣвъ у балкона второго этажа запыленную пальмовую вѣтку, онъ привѣтливо кивнулъ ей головой, словно старому другу.

— Только бы смыть съ себя пыль,—бормоталъ онъ, поднимаясь по лѣстницѣ,—а тамъ и за работу.

Черезъ часъ онъ опять уже былъ на ногахъ и шелъ въ одномъ изъ кварталовъ города, менѣе ему знакомомъ, именно по улицѣ Preciados, гдѣ искалъ какую-нибудь харчевню, болѣе или менѣе подозрительную для полиціи. Опять поднялся вѣтеръ, дувшій съ силою настоящаго урагана. Несся онъ съ сѣверо-запада съ такимъ холоднымъ свистомъ, который указывалъ, что онъ родился среди остроконечныхъ вершинъ Гаударамасса. Улицы были безлюдны, масляныя лампы качались на цѣпяхъ на углахъ улицъ, отбрасывая на стѣны домовъ свой слабый, мигающій свѣтъ. То были вечеръ, удобный для всякаго злаго дѣла.

Несмотря на темноту и отсутствіе людей, которыхъ можно было бы распросить, священникъ нашелъ наконецъ нужный ему домъ. Venta помѣщалась въ подвалѣ, а надъ ней громоздились этажъ за этажемъ, въ фантастическомъ стилѣ Среднихъ вѣковъ. Все зданіе заканчивалось высокой, островерхой крышей. Въ домѣ было, повидимому, двѣ каменныхъ лѣстницы и два входа по обѣимъ сторонамъ харчевни: испанская поговорка гласитъ, что не трудно поймать крысу, если у ней только одинъ ходъ.

Здѣсь-то на пятомъ этажѣ этого зданія падре Конха, въ силу свѣдѣній, Богъ знаетъ какимъ путемъ доходящихъ до священниковъ, и рассчитывалъ встрѣтиться съ Севастьяномъ, бывшимъ лакеемъ покойнаго полковника Монреала изъ Хереса.

Въ нѣкоторыхъ кругахъ роялистовъ было извѣстно, что въ рукахъ этого человѣка есть бумаги весьма серьезнаго значенія, и не разъ почтенные, одѣтые во все черное люди поднимались по этой грязной лѣстницѣ. Говорили, что Севастьянъ проводилъ все время въ куреніи и пьянствѣ.

Этимъ же онъ былъ занятъ и въ ту минуту, когда падре отворилъ дверь его комнаты.

— Да, я Севастьянъ изъ Хереса,—отвѣчалъ онъ тонкимъ голосомъ,—я знаю о карлистскомъ заговорѣ больше, чѣмъ кто бы то ни было въ Мадридѣ.

— Вы умѣете читать?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ вы ничего не знаете,—промолвилъ Конха.—У васъ находится письмо въ розовомъ конвертѣ, которое желаетъ получить одинъ изъ моихъ друзей. Это письмо не имѣетъ политическаго значенія. Это просто любовное письмо.

— А, вотъ что! Можетъ быть, и есть. Но находятся и другіе, которые тоже хотятъ имѣть это письмо.

— Я предлагаю вамъ за него отъ имени моего друга сто пезетъ.

На морщинистомъ лицѣ священника мелькнула серьезная улыбка. Сто пезетъ—сумма незначительная, едва достаточная для того, чтобы пообѣдать вдвоемъ въ хорошемъ ресторанѣ гдѣ-нибудь на Puerta del Sol. Но для падре Конха она олицетворяла пять сотенъ чашекъ кофе, которыхъ онъ лишалъ себя по вечерамъ въ своемъ кафе, пять сотенъ такъ называемыхъ гаванскихъ сигаръ, которыхъ онъ не выкурилъ, два новыхъ подрясника, которые онъ собирался сдѣлать вотъ уже лѣтъ двадцать, и сотню всякихъ гастрономическихъ удовольствій, отъ которыхъ онъ мужественно отказывался.

— Мало, достопочтенный отецъ, мало,—разсмѣялся продавецъ.

Конха, умѣвшій торговаться и знавшій на все цѣну не хуже любого рыночнаго торговца изъ Ронды, понималъ, что Севастьянъ говорилъ правду, утверждая, что у него есть и другія предложенія.

— Слушай, отецъ,—продолжалъ продавецъ, ударяя по столу грязнымъ кулакомъ.—Приходи сюда сегодня вечеромъ часовъ въ десять. Въ это время придутъ и другіе, которые хотятъ купить письмо въ розовомъ конвертѣ. Мы устроимъ аукціонъ и письмо достанется тому, кто дастъ больше. Но что вамъ за дѣло до какого-то любовнаго письма?

— Хорошо, я приду,—промолвилъ падре и, повернувшись, вышелъ сосчитать еще разъ свои деньги.

Многіе помнятъ тотъ страшный вѣтеръ, который свирѣпствовалъ въ этотъ вечеръ. Часы пробили уже десять, когда падре Конха добрался къ себѣ домой на Calle Preciados. Старожилы и теперь еще рассказываютъ, что театры были пусты въ этотъ вечеръ, а большія кафе тонули во мракѣ. Никто не рѣшался выходить изъ дому въ такой вихрь.

Одинъ Конха съ сидою, которую даетъ невзыскательность и нищета, пробирался въ тѣни домовъ и благополучно достигъ своей цѣли. Высокій домъ въ переулкѣ, который вель съ Calle Preciados на площадь св. Маріи, стоялъ въ темнотѣ, въ которую въ тотъ вечеръ была погружена большая часть мадридскихъ улицъ. По временамъ въ щели между разорванными облаками старалась выглядывать небольшая еще луна, бросая полосы свѣта въ узкія улицы.

Въ переулкѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, падре Конха

замѣтилъ какого-то мужчину. Оружія у него не было, но онъ не замедлялъ своихъ шаговъ. Въ эту минуту выглянула луна.

— Сеньоръ Конингэмъ!—воскликнулъ онъ.—Зачѣмъ вы здѣсь?

Англичанинъ круто повернулся на каблукахъ.

— Вы отецъ Конха изъ Ронды?—спросилъ онъ.

— Онъ самый, сынъ мой.

Стоя подъ воротами, Конингэмъ протянулъ ему руку съ тѣмъ добродушіемъ, котораго онъ не успѣлъ еще утратить среди чопорныхъ испанцевъ.

— Погода не совсѣмъ подходящая для прогулокъ человѣка въ вашемъ одѣяніи,—сказалъ онъ.

Конха, умѣвшій понимать шутки, улыбнулся, сохраняя свой серьезный видъ.

— Дѣйствительно, мнѣ нечѣмъ отговориться. А иду я по мірскому дѣлу, и даже не по моему собственному. Я буду откровененъ съ вами, сеньоръ Конингэмъ. Я хочу приобрести это проклятое письмо въ розовомъ конвертѣ. Помните... Въ саду, въ Рондѣ...

— Какъ же, помню. А зачѣмъ вамъ понадобилось это письмо?

— Ради Юліи Баренна.

— А, а мнѣ оно нужно ради Эстреллы Винчене.

Конха разсмѣялся.

— Намъ не слѣдуетъ перебивать его другъ у друга, сынъ мой. Для сеньориты, можетъ быть, будетъ достаточно одного взгляда на него, прежде чѣмъ я уничтожу его.

— Конечно, намъ не надо перебивать его,—началъ было Конингэмъ, но священникъ вдругъ потащилъ его за собой подъ ворота и быстро шепнулъ ему:

— Тихе!

Кто-то шелъ по другой лѣстницѣ высокаго дома медленными и осторожными шагами. Конингэмъ и его спутникъ забились въ самую глубь подъѣзда и стали ждать. Очевидно, спускавшійся съ лѣстницы шелъ безъ огня. У двери онъ остановился, какъ бы желая удостовѣриться, что въ узкомъ переулкѣ никого не было. Черезъ минуту онъ уже слѣшилъ мимо подъѣзда, гдѣ притаились священникъ съ англичаниномъ. Луна свѣтила ярко, и оба они сразу узнали Ларральда.

Онъ бросился бѣжать со всѣхъ ногъ. Конингэмъ понесся за нимъ.

Фонарь, стоявшій на углу Calle Preciados, разбило порывомъ вѣтра. Слышно было, какъ оба пробѣжали по кучѣ осколковъ стекла. На всей улицѣ горѣлъ только одинъ фонарь, и вся она была усыяна обломками черепицы и упавшими кирпичами. Множество трубъ было разрушено, множество ставень было сорвано съ петель. Среди этихъ падающихъ обломковъ можно было двигаться только съ опасностью для жизни. Слышно было, какъ Лар-

ральядъ падалъ на пути и проклиналъ свои шпоры, которыя звенѣли и выдавали его присутствіе.

Онъ падалъ разъ двѣнадцать, но прежде чѣмъ Коннингэму удавалось достигнуть мѣста его паденія, та же участь постигала и его. Ларральдъ, несмотря на свои тонкія ноги, бѣжалъ очень быстро, и перепрыгивалъ препятствія съ ловкостью обезьяны. Онъ устремился къ освѣщенному подъѣзду высокаго дома какого-то выскочки. Широкія двери были открыты настежь и швейцаръ въ ливреѣ готовился встрѣтить карету своего господина. Ларральдъ уже былъ на внутреннемъ дворикѣ, когда Коннингэмъ пронесся черезъ мраморную переднюю, прежде чѣмъ швейцаръ могъ что-нибудь сообразить. Изъ дворика не было другого выхода, какъ разсчитывалъ бѣглець. Поэтому онъ обѣжалъ вокругъ двора и бросился мимо ошеломленнаго швейцара опять въ темную улицу.

Добѣжавъ до Calle Preciados, Ларральдъ круто повернулъ вправо, въ узкій переулочъ, обходившій вокругъ церкви. Здѣсь было безлюдье, но вѣтеръ вылъ среди трубъ, словно между реями какого-нибудь корабля. На Calle Preciados—новыя затрудненія среди опрокинутыхъ, стоявшихъ на троттуарѣ столиковъ кафе и сорванныхъ, трепавшихся отъ вѣтра маркизъ. Ларральдъ продолжалъ бѣжать изо всѣхъ силъ, прижимая къ груди драгоцѣнное письмо въ розовомъ конвертѣ. Коннингэмъ продолжалъ его преслѣдовать, живо помня боль отъ ножа, проникшаго въ его легкія,

Ларральдъ бѣжалъ почти безсознательно, открывъ ротъ и уставивъ впередъ глаза. Онъ ни минуты не сомнѣвался, что его постигнетъ смерть, если онъ допуститъ нагнать себя преслѣдователю. Онъ узналъ Коннингэма на дворикѣ освѣщеннаго дома, и его занимала мысль, есть у Коннингэма ножъ или нѣтъ. Что будетъ съ нимъ, если рука англичанина ляжетъ на его плечо?

Эстебанъ Ларральдъ былъ въ ужасѣ. Его жизнь, жизнь Юліи, вся карлистская партія ставилась на карту. Исторія Испаніи, даже, можетъ быть, всей Европы, зависѣла теперь отъ быстроты его ногъ. Осколокъ луны ярко свѣтилъ въ длинную расщелину летѣвшихъ во всѣ стороны облаковъ. Ларральдъ повернулъ опять направо въ какую-то длинную улицу, манившую къ себѣ благодѣтельной темнотой. Подниматься въ гору было трудновато, и Ларральдъ сталъ задыхаться, ноги его отказывались служить далѣе. Ему никогда не приходилось бывать въ этой улицѣ, и онъ самъ не зналъ, куда она ведетъ. Вдругъ онъ упалъ на кучу мусора, образовавшуюся отъ свесенной вѣтромъ трубы. Онъ слышалъ запахъ сажи. Коннингэмъ упалъ на него, дотронулся до него, но не схватилъ. Ларральдъ быстро вскочилъ на ноги и съ трудомъ перевалился на другую сторону этой баррикады. Ему удалось отбѣжать отъ своего преслѣдователя на нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ на глазахъ у Коннингэма онъ исчезъ въ какой-то темной массѣ. На этотъ разъ

это была уже не труба, а цѣлый домъ, нагроможденный обрушившейся колокольной церкви св. Маріи del Monte. Конингэмъ остановился какъ вкопанный и въ ужасѣ закрылъ голову руками. Нѣсколько секундъ англичанинъ былъ совершенно оглушенъ страшнымъ трескомъ. Открывъ глаза, онъ принужденъ былъ сейчасъ же закрыть ихъ опять: кругомъ него вихремъ носились столбы пыли и известки. Почти ослѣпленный, онъ поползъ назадъ. Улица быстро наполнилась народомъ. На Calle Preciados Конингэмъ присѣлъ на крыльцо, стараясь окончательно прійти въ себя. Потомъ онъ пошелъ тихонько къ тому мѣсту, гдѣ онъ разстался съ падре Конхой.

Недѣлю тому назадъ бывший лакей полковника Монреаля, встрѣтивъ случайно Конингэма, призналъ въ немъ того самаго офицера, который приносилъ и оставилъ въ Хересѣ письмо въ розовомъ конвертѣ. Онъ подошелъ къ нему и сообщилъ, что у него есть не мало разныхъ бумагъ, которыя могутъ имѣть цѣну для карлистской партіи. Вотъ почему Конингэмъ уже не въ первый разъ пробирался по узенькой лѣстницѣ высокаго дома съ двумя ходами.

Онъ нашелъ Конху около постели, на которой лежалъ мертвецки пьяный Севастьянъ.

— Онъ такъ напился, что можетъ умереть,—сказалъ священникъ.—Хуже всего для насъ то, что письма у него нѣтъ. Я уже обыскалъ его. Ларралдъ убѣждалъ отъ васъ?

— Да. Письмо, конечно, у него.

— Похоже на то, amigo.

Священникъ взглянулъ на валявшагося на кровати человѣка съ глубокимъ презрѣніемъ и, пожавъ плечами, пошелъ къ выходу.

— Идемъ,—сказалъ онъ.—Я долженъ вернуться въ Толедо къ Юли. Ларралдъ, навѣрно, явится туда. Другъ мой, —проговорилъ онъ послѣ нѣкоторой паузы,—когда женщина вѣрится въ мужчину, то она или дѣлаетъ изъ него героя или губить его. Средины тутъ нѣтъ.

XVIII.

Въ Толедо.

Café des Ambassadeurs въ улицѣ Монтера въ тѣ времена было самымъ моднымъ мѣстомъ, гдѣ собирались пріѣзжавшіе въ Мадридъ. Тонъ этого кафе былъ больше космополитическій. Лакеи первоклассныхъ гостиницъ всегда рекомендовали посѣтить это кафе и въ день Новаго года обступали контору его содержателя, чтобы напомнить ему объ этой услугѣ.

Сэръ Джонъ Прейдалъ былъ ошеломленъ встрѣчей съ Конингэмомъ и будучи не только адвокатомъ, но и свѣтскимъ человѣкомъ, присѣлъ въ кафе, чтобы обдумать свой дальнѣйшій образъ дѣйствій. Онъ пріѣхалъ въ Испанію въ порывѣ охватившей его жажды

мщенія. Такіе люди, какъ онъ, успокаиваются, подобно большимъ вулканамъ, не такъ-то скоро. Онъ чувствовалъ себя предрасположеннымъ къ человѣку, оказавшемуся впоследствии Фредерикомъ Конингэмомъ. Самый способъ, которымъ онъ открылъ себя, до нѣкоторой степени служилъ къ его чести. Наконецъ онъ проявилъ огромную смѣлость, а это больше всего дѣйствуетъ на всякаго британца.

Сэръ Джонъ проявлялъ холодный интересъ къ окружающему и въ назначенное время явился въ *Café des Ambassadeurs*, какъ ему рекомендовали. Съ великой революціи всѣ рестораны въ Испаніи предпочитали именовать себя французскимъ именемъ.

Итакъ сэръ Джонъ отправился въ кафе и съ характернымъ для него презрѣніемъ къ разнымъ атмосферическимъ пертурбаціямъ выбралъ для этого вечеръ, когда разыгрался ураганъ. Немногіе посѣтителы, засѣдавшіе въ роскошныхъ залахъ кафе, поглядывали съ серьезнымъ видомъ на стоящую предъ нимъ бутылку бургундскаго, но не рѣшались заговорить съ этимъ чопорнымъ англичаниномъ. Наконецъ, часовъ около десяти, въ кафе вошелъ человѣкъ, весь въ пыли и, усѣвшись за столикъ, приказалъ принести скорѣе щетку. То былъ Ларральдъ.

— Можете себѣ представить, сэръ,—обратился онъ къ сэру Джону,—я едва избѣгнулъ сейчасъ ужасной смерти.

Онъ пожалъ плечами, и добродушно засмѣялся, какъ смѣются люди, у которыхъ нѣтъ враговъ.

— Упала труба въ разстояніи какого-нибудь метра отъ меня.

Онъ сбросилъ съ себя плащъ и передалъ его служителю. Потомъ онъ подвинулъ свой стулъ къ столику сэра Джона, который холодно поклонился ему, продолжая потягивать свое вино.

— Не слѣдуетъ думать, что въ Мадридѣ бываетъ всегда такъ,—началъ Ларральдъ.—Впрочемъ, вы, можетъ быть, уже знакомы съ городомъ?

— Нѣтъ, я здѣсь въ первый разъ.

Ларральдъ повернулся, чтобы дать служителю заказъ. Его движенія были всегда живописны, но въ присутствіи англичанина онъ нарочно подчеркнул особенности своей рѣчи и своего обхожденія. Онъ казался испанцемъ съ головы до ногъ, беззаботно вѣжливый, серьезно-равнодушный любителемъ хорошей сигары.

Собесѣдники мало-по-малу разговорились о злобѣ дня—ураганѣ, который еще продолжалъ свирѣпствовать. Ларральдъ, имѣвшій привычку вызывать своего собесѣдника на разговоръ, почувствовалъ, что едва ли онъ можетъ извлечь какую-нибудь пользу изъ этого англичанина, когда разговоръ коснулся Конингэма.

— Теперь вашихъ соотечественниковъ въ Мадридѣ не много,—началъ Ларральдъ.

— Я знаю только одного,—послѣдовалъ краткій отвѣтъ.

— Я тоже,—подхватилъ Ларральдъ, стряхивая пепель съ своей папиросы.—Это молодой человѣкъ, составившій себѣ нѣкоторую извѣстность въ роялистскихъ кружкахъ, къ которымъ, надо признаться у меня не лежитъ сердце. Его фамилія Конингэмъ.

Водворилось молчаніе. Оба собесѣдника, поднявъ стаканы, украдкой поглядывали изъ-за нихъ другъ на друга.

— Я знаю его,—промолвилъ наконецъ сэръ Джонъ.

Тонъ, которымъ были сказаны эти слова, заставилъ Ларральда взглянуть на собесѣдника загорѣвшимися глазами. Между ними вдругъ образовалась самая крѣпкая связь въ лицѣ общаго врага.

— Этотъ человѣкъ надѣлалъ мнѣ не мало зла,—сказалъ, помолчавъ, Ларральдъ, постукивая по столу запачканными въ золѣ пальцами.

Сэру Джонъ, посматривая на Ларральда, холодно изучалъ его со всею опытностью своей профессіи. Онъ видѣлъ, что Ларральдъ бѣденъ и честолюбивъ—качества, которыя, соединившись вмѣстѣ, нерѣдко превращаютъ человѣка въ дьявола. Живописныя позы испанца не обманули старика: онъ зналъ, что тутъ много напускнаго и, очевидно, сразу сообразилъ, на что способенъ этотъ человѣкъ въ хорошую и дурную сторону, и насколько можно будетъ имъ воспользоваться. Въ рукахъ Преядаля Ларральдъ долженъ былъ стать простымъ орудіемъ.

Они сидѣли далеко за полночь. Прежде чѣмъ разойтись, сэръ Джонъ вручилъ своему новому знакомцу пачку ассигнацій, которыя тотъ принялъ съ видомъ полнаго равнодушія.

— Вы знаете мой адресъ,—сказалъ сэръ Джонъ съ легкимъ отѣнкомъ покровительства, котораго не было, пока деньги не перешли въ карманъ Ларральда.—Я останусь въ этой самой гостиницѣ.

Ларральдъ кивнулъ головой.

— Я запомнилъ ее,—сказалъ онъ.—Теперь я пойду немного отдохнуть. Тяжелый выдался для меня сегодня день, и я усталъ, какъ собака.

Пробираясь противъ вѣтра, сеньоръ Ларральдъ тѣмъ не менѣе насвистывалъ про себя какую-то веселую пѣсенку.

Къ разсвѣту буря утихла. Надъ городомъ, гдѣ почти никто не спалъ, занялся спокойный, свѣжій день. Солнце еще не взошло, какъ Ларральдъ двигался въ путь на своей худой черной лошади. Онъ ѣхалъ по улицамъ, еще усыпаннымъ обломками обрушившихся трубъ, черепицы съ крышъ, ставенъ. Въ головѣ у него толпилось множество широкихъ плановъ, не дававшихъ ему покоя. Немудрено, что онъ и не замѣтилъ Консенсіона Вара, который шелъ на рынокъ съ корзинкою въ рукахъ и съ незажженной папиросою въ зубахъ. Увидѣвъ всадника, Консенсіонъ повернулся и долго слѣдилъ за нимъ взглядомъ. Потомъ, пожавъ плечами, онъ пошелъ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петроградѣ, при книжномъ магазинѣ Т-ва „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону при книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Подробныя свѣдѣнія о подпискѣ на 1915 г. см. впереди текста.

Программа „Историческаго Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя Бориса Борисовича Глинскаго.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

За перемѣну адреса съ городского на иногородный подписчики уплачиваютъ 1 р., въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный и иногороднаго на городскій) 25 коп.

Издатели: наслѣдники А. С. Суворина

въ лицѣ Б. Б. Глинскаго.

Редакторъ Б. Б. Глинскій.

Тарифъ на объявленія: впереди текста за страницу 80 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 45 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 25 р.; позади текста за страницу 60 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 35 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 20 р.

